

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XVIII**

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY – XVIII**

Proceedings of the 18th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

23–25 июня 2014 г. – June 23–25, 2014

Санкт-Петербург
Наука
2014

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-XVIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы
Международной конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. / Отв.
редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. – 980 с.

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY-XVIII
(Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International
Conference, St. Petersburg, 23–25 June, 2014 / edited by Nikolai N.
Kazansky. St. Petersburg: Nauka, 2014. – 980 p.

ISSN 2306-9015 Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISBN 978-502-038228-2

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
Prof. Dr. G. Blažienė (Vilnius), Prof. Dr. V. Blažek (Brno),
к. филол. н. Н. А. Бондарко, д. филол. н. А. В. Грошева,
Prof. Dr. H. Eichner (Wien), к. филол. н. П. А. Кочаров,
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), к. филол. н. А. В. Шацков

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при поддержке программы целевых расходов Президиума РАН
«Поддержка молодых ученых»
и при поддержке РГНФ – грант № 14-04-14005г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РГНФ – грант № 13-04-00023а (рук. Н. Н. Казанский)
и гранта № НШ-2417.2014.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Н. Н. Казанский)

ISSN 2306-9015 © Коллектив авторов, 2014
ISBN 978-502-038228-2 © ИЛИ РАН, 2014
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2014

**«ВАТИКАНСКИЙ ВЕРГИЛИЙ»:
МИНИАТЮРА И ТЕКСТ (VERG. AEN. IV 60–61)**

Миниатюры «Ватиканского Вергилия» (Vat. Lat. 3225, IV в. н.э.) не только предоставляют античный иллюстративный материал, ценный для интерпретации текста Вергилия, но и расширяют наши представления о бытовании отдельных реалий, традиций и представлений в римском обществе I–IV вв. н. э. Это продемонстрировано в статье на примере исследования миниатюры с изображением жертвоприношения Дидоны (Verg. Aen. IV 60–61; Vat. Lat. 3225, f. 33v).

Ключевые слова: Вергилий, Vat. Lat. 3225, миниатюры, жертвоприношение.

Традиция текста Вергилия уникальна тем, что широко представлена античными списками. Среди семи дошедших до нас античных рукописей Вергилия есть две иллюминированные, одна из которых, «Ватиканский Вергилий» (Vat. Lat. 3225), является признанным шедевром европейской книжной миниатюры.

«Ватиканский Вергилий» – рукопись небольшого формата и традиционной для римской книги формы, близкой к квадрату. Сохранилась шестая часть первоначального кодекса, а именно 75 листов, на которых содержится 50 миниатюр.

Рукопись была создана в Риме в последней трети IV века (Wright 1984: 11–12) и, таким образом, современна комментарию Сервия, грамматика того же IV века. Миниатюры рукописи ценны тем, что дают нам возможность увидеть текст Вергилия так, как его воспринимали если не современники поэта, то, по крайней мере, люди той же самой исторической эпохи.

Художественная сторона миниатюр «Ватиканского Вергилия» не раз рассматривалась в науке (Weitzmann 1959; Weitzmann 1970; Wright 1993; Wright 1993). В настоящее время появляются работы, посвященные сравнительному анализу текста и миниатюр (Sloane 2006).

Изучение миниатюр «Ватиканского Вергилия» в их связи с текстом Вергилия позволяет не только лучше понять текст, но и делать выводы о наличии или отсутствии в римском обществе I–IV вв. н.э. отдельных реалий, традиций, представлений, идей.

Это мы и попытаемся продемонстрировать в настоящем сообщении, предметом которого является миниатюра «Ватиканского Вергилия» (Vat. Lat. 3225, f. 33v), иллюстрирующая сцену жертвоприношения, совершаемого Дидоной (Verg. Aen. IV 61–62).

Жертвоприношение Дидоны – один из значимых эпизодов IV книги «Энеиды». Когда Эней прибыл к берегам Карфагена, Венера, опасаясь козней Юноны, посредством замены Иула на Купидона внушает Дидоне любовь к Энею. Дидона впадает в смятение. Она понимает, что нарушает клятву, данную своему погибшему мужу, Сихею. Но сестра Дидоны, Анна, уговаривает ее, приводя весомые аргументы как эмоционального характера («довольно скорбеть о том, чего не вернешь, и впустую убивать молодость»¹), так и политического («основанное Дидоной новое тирийское царство находится в окружении врагов, поэтому Дидоне необходима поддержка, чтобы сохранить и упрочить свое государство»²). Главное, советует Анна, умиротворить богов, чтобы они благословили решение Дидоны³. Эти доводы возымели силу, и Дидона уступает. Она приносит умиловительные жертвы и, как рекомендует сестра, *indulget hospitio*. Дальнейшее общеизвестно.

Нас интересует описание того жертвоприношения, которое совершает Дидона, чтобы получить милость и благоволение богов. Вергилий рисует его следующим образом:

*ipsa tenens dextra pateram pulcherrima Dido
candentis uaccae media inter cornua fundit,
aut ante ora deum pinguis spatiat ad aras,
instauratque diem donis, pecudumque reclusis
pectorebus inhians spirantia consulit exta.* (Verg. Aen. IV 60–64)

Мы знаем, что жертвоприношения в Риме были главным образом двух видов: искупительные и умиловительные (Кофанов 2001: 23–26; Шайд 2006: 87–93). Жертвоприношение Дидоны – второго типа.

¹ *solane perpetua maerens carpere iuuenta / nec dulcis natos Veneris nec praemia noris? / id cinerem aut manis credis curare sepultos?* (Verg. Aen. IV 32–34)

² *quam tu urbem, soror, hanc cernes, quae surgere regna / coniugio tali! Teucrum comitantibus armis / Punica se quantis attollet gloria rebus!* (Verg. Aen. IV 47–49)

³ *tu modo posce deos ueniam, sacrisque litatis / indulge hospitio causasque innecte morandi.* (Verg. Aen. IV 50–51)

Процедура такого жертвоприношения восстанавливается в общих чертах так. Сначала жрец, облаченный в особое торжественное одеяние, с покрытой головой, совершал возлияние на алтарь (вином, молоком, жертвенной кровью) и воскурял фимиам. Затем произносил молитву, обращенную к богам. Потом следовало собственно жертвоприношение: жертвенное животное, вымытое и украшенное, подвели к алтарю. Чтобы узнать, подходит ли жертва, над ней производили специальный ритуал: проливали на голову жертвы немного вина, после чего проводили ножом от головы до спины. Если жертва вела себя спокойно, ее принимали, закалывали, собирали жертвенную кровь. Внутренности жертвы варили или жарили и возлагали на алтарь в качестве подношения богам. Мясо готовили и подавали к жертвенному пиру (Wissowa 1912: 409–420).

В тексте Вергилия описывается та стадия ритуальной процедуры, когда жрица (Дидона) проверяет пригодность жертвы (Wissowa 1912: 416–417): *ipsa tenens dextra pateram pulcherrima Dido / candentis uaccae media inter cornua fundit* ‘сама прекрасная Дидона, держа в правой руке чашу, совершает возлияние на рога белоснежной коровы’. Тот факт, что Вергилий подразумевает именно этот этап обряда, подтверждается, в частности, комментарием Сервия к данному месту:

media inter cornua fundit] non est sacrificium, sed hostiae exploratio, utrum apta sit ‘это – не жертвоприношение, а проверка жертвенного животного, пригодно ли оно’ (Serv. Aen. IV 61).

Рассмотрим миниатюру (илл. 1). Жертвоприношение совершается на открытом пространстве перед храмом. Храм Юноны на заднем плане, в дверном проеме видна золоченая статуя богини.

Дидона изображена по римскому обычаю в длинном одеянии с покрытой головой. Ее окружают прислужники в традиционных одеждах. Среди них виктимарий (помощник жреца). Он в короткой юбке, с обнаженным торсом, держит на плече жертвенный топор. В античных произведениях искусства эпохи I–IV вв. н. э., например, на рельефах, мы находим жрецов и их помощников, представленных именно так, как в «Ватиканском Вергилии».

Жертва также соответствует описанию Вергилия. Белых животных приносили небесным богам, а черных – подземным богам и душам усопших. На миниатюре мы видим белоснежную корову, как и говорит Вергилий. Она украшена: рога

позолочены и увенчаны диском, на шее – цветочная гирлянда, на спине – попона. Рядом с коровой изображена овца или коза. О ней прямо не говорится в тексте, поэтому ее появление можно приписать усердию миниатюриста. С другой стороны, из текста ясно, что жерв Дидона приносила много.

Илл. 1. Жертвоприношение Дидоны (Verg. Aen. IV 60–61).
Vat. Lat. 3225, f. 33v.

Миниатюра проникнута настроением торжественности, которая проявляется в позах персонажей, в их движениях, в цветовой гамме.

Итак, все, что мы находим на миниатюре, в полной мере отражает то описание, которое дает Вергилий⁴. Не соответствует тексту только одна деталь. Вергилий говорит, что Дидона совершает возлияние, держа в правой руке жертвенный сосуд (*irsa tenens dextra pateram*).

По правилам именно так и должно было быть на описываемой стадии обряда. Мы имеем много подтверждений тому в памятниках римской литературы, например:

⁴ Трудно согласиться с предложенной К. Слоан интерпретацией миниатюры. По мнению исследовательницы, миниатюра не передает смятенное состояние и чувства Дидоны, а отражает официальный дух обычных для IV в. императорских жертвоприношений (Sloane 2006: 85–90). Представляется маловероятным, чтобы Дидона, совершая культовые действия, бурно выражала свои эмоции.

*Tura dabat primis et verba precantia flammis,
vinaque marmoreas patera fundebat in aras* (Ou. met. IX 162);

*attulit admouitque pecus flagrantibus aris.
illi ad surgentem conuersi lumina solem
dant fruges manibus salsas et tempora ferro
summa notant pecudum, paterisque altaria libant.*

(Verg. Aen. XII 174)

Из этих примеров видно, что в самом начале обряда совершали возлияние с помощью *paterae*, особых чаш для возлияний, и произносили молитву.

По описанию Вергилия, Дидона *fundit* на рога коровы. Сервий сообщает, что глагол *fundere* означает «совершать возлияние, держа руку ладонью вверх», и что такие возлияния проводят высшим богам, в то время, как глагол *inuergere* значит «проливать вино в левую сторону, опрокидывая сосуд», и такие возлияния – для подземных богов. Из текста Сервия ясно, что этот обычай ему знаком, следовательно он, по-видимому, сохранился еще в IV в.:

inuergit uina sacerdos] – in quarto ait “media inter cornua fundit”. et fundere est supina manu libare, quod fit in sacris supernis; uergere autem est conuersa in sinistram partem manu ita fundere, ut patera conuertatur, quod in infernis sacris fit. haec autem pertinent ad uictimarum explorationem, ut, si non stupuerint, aptae probentur

(Seru. Aen. VI 244).

Рассматриваемая предварительная стадия обряда засвидетельствована на римских рельефах (илл. 2).

Обратимся к миниатюре «Ватиканского Вергилия». Мы видим, что Дидона не держит жертвенный сосуд в правой руке, как сказано у Вергилия. Сосуд держит ее помощник, а правая рука Дидоны обращена ладонью вниз в движении, которое бывает, когда что-либо кладут или рассыпают.

Сосуд, находящийся в руках у помощника жрицы, можно принять за *patera*. Однако крайне сомнительно, что содержимое этого сосуда можно счесть жидкостью (вином, молоком или кровью). Здесь мы сталкиваемся с проблемой, как понимать изображение. Что именно нарисовал миниатюрист?

Илл. 2. Мраморный алтарь (Рим). III в. н. э.

Мы бы предложили видеть в том, что лежит в чаше, цветы или плоды. Чтобы подтвердить это, приведем контексты, где описывается та же самая стадия ритуала, т. е. начальное возлияние на алтарь и молитва.

Первый из них – из V книги «Энеиды», когда Эней, вернувшись из Карфагена на Сицилию, подходит к могиле Анхиза:

hic duo rite mero libans carchesia Baccho
fundit humi, duo lacte nouo, duo sanguine sacro,
purpureosque iacit flores ac talia fatur:
“salve, sancte parens, iterum; saluete, recepti
nequiquam cineres animaeque umbraeque paternae.” (Verg. Aen. V 78)

Второй контекст – из VI книги, когда тень Анхиза указывает Энею на Марка Клавдия Марцелла, рано умершего племянника Августа, которого он прочил в наследники:

tu Marcellus eris. *manibus date lilia plenis*
purpureos spargam flores animamque nepotis
his saltem accumulem donis, et fungar inani
munere.” ... (Verg. Aen. VI 884)

В обоих приведенных контекстах Вергилия цветы упоминаются на первом этапе церемонии в тех случаях, когда жертва

приносится подземным богам (душе Анхиза и душе Марцелла). В жертвоприношениях небесным богам (каковым является жертвоприношение Дидоны) также зафиксировано использование растительного элемента в начале обряда. Например, в оде Горация, посвященной Венере, вновь охватившей поэта, заклание жертвы предваряется подношением терна, розмарина и фимиама:

hic uiuum mihi caespitem, hic
uerbenas, pueri, ponite turaque
bimi cum patera meri:
mactata ueniet lenior hostia. (Hor. c. I 19, 15)

Итак, мы видим, что наряду с вином, молоком, жертвенной кровью и фимиамом в самом начале обряда перед молитвой на алтарь возлагали и цветы. Кроме цветов могли использоваться и плоды:

*dant fruges manibus salsas et tempora ferro
summa notant pecudum, paterisque altaria libant.*
(Verg. Aen. XII 174)

Возможно, именно цветы или плоды изобразил художник «Ватиканского Вергилия» в сцене жертвоприношения Дидоны, имея в виду ритуальное начальное возлияние.

Однако, как мы помним, Вергилий в рассматриваемом месте описывает совсем другой этап обряда, а именно, проверку жертвы, которая производилась, по утверждению источников, вином и ножом, ср.: *tempora ferro / summa notant pecudum* (Verg. Aen. XII 174). Сервий специально дважды в своем комментарии останавливается на этом и детально объясняет эту процедуру, называя ее *exploratio*.

Таким образом, миниатюрист вместо проверки жертвы изобразил начальное возлияние и молитву.

Почему так могло получиться?

Можно предложить следующее объяснение.

Обратим внимание, что в данном месте у Вергилия глагол *fundere* употреблен самостоятельно, без дополнения: *candentis uassae media inter cornua fundit*. В других местах о начальном возлиянии Вергилий говорит более конкретно, поясняя глагол *fundere* словами *uinum, sanguis, lac*:

uinaque fundebat pateris animamque uocabat
Anchisae magni manisque Acheronte remissos. (Verg. Aen. V 98)⁵

Можно предположить, что художник IV в. не знал уже всех тонкостей обряда, но помнил, что цветы в нем используются. Поэтому глагол *fundere* в контексте *media inter cornua fundit* он понял как «сыплет». Это вполне вероятно, потому что *fundere* в значении «рассыпать» нередко применяется именно к цветам (наравне со *spargere*)⁶.

Кроме того, миниатюрист не мог не знать многочисленных скульптурных изображений начальной стадии ритуала. На многих римских алтарях мы видим помощника жреца, который держит блюдо с плодами, и самого жреца, возлагающего плоды на алтарь тем же движением, что Дидона на нашей миниатюре. При этом животное еще не убито, что подразумевает самое начало жертвоприношения – возлияние и молитву. Среди таких изображений – сцена жертвоприношения Энея и Нумы на рельефе знаменитого «Алтаря Мира» (Ara Pacis, 9–13 г. до н.э.).

Особенно показателен рельеф на алтаре из собрания Античного музея Густава III в Стокгольме (илл. 3), где общий пейзаж, внешний вид храма и алтаря, расположение, позы и движения всех действующих лиц обряда полностью идентичны изображенным на миниатюре «Ватиканского Вергилия». Это свидетельствует о наличии устойчивой традиции изображения сцены начального возлияния в римском искусстве. Этой традиции и следует наш миниатюрист, жертвуя при этом связью с текстом «Энеиды».

Итак, в IV веке Сервий в комментарии к «Энеиде» дважды специально останавливается на описании процедуры *exploratio* жертвы и подробно объясняет нам ее. В том же IV веке художник «Ватиканского Вергилия» не понял смысла описанной Вергилием сцены и нарисовал вместо нее другую, а именно ту, которую мы находим на многочисленных памятниках искусства. Вероятно, миниатюрист отходит от текста Вергилия пото-

⁵ Ср. также другие контексты, приведенные выше: *Ou. met.* IX 162; *Verg. Aen.* V 78; XII 174.

⁶ Вот некоторые примеры: *errantis hederas passim cum baccare tellus / mixtaque ridenti colocasia fundet acantho* (*Verg. ecl.* 4, 18–19); *ipsa tibi blandos fundent cunabula flores.* (*Verg. ecl.* 4, 23); *uarios hic flumina circum / fundit humus flores...* (*Verg. ecl.* 9, 40–41); *sed in foliis, quae plurima circum / funduntur, uiolae subluceat purpura nigrae* (*Verg. geo.* IV 274–275).

му, что он сам уже не твердо знал реальную практику обряда, а ориентировался скорее на современные ему и более ранние изображения жертвоприношений.

Илл. 3. Жертвоприношение быка. Мраморный алтарь.
Античный музей Густава III, Королевский дворец, Стокгольм.

На основании этого можно заключить, что в эпоху создания рукописи и комментария Сервия сам обряд проверки жертвы уходил в прошлое, был известен только ученым-специалистам и плохо знаком широкой публике. Таким образом, рассмотренная миниатюра «Ватиканского Вергилия» до некоторой степени помогает нам воссоздать представления о языческих жертвоприношениях в Риме в IV в. н.э.

Литература

- Кофанов 2001 – Кофанов Л. Л. Роль жреческих коллегий в архаическом Риме и развитие жреческого права // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 7–61.
- Шайд 2006 – Шайд Д. Религия римлян. М., 2006.
- Sloane 2006 – Sloane K. Epic Illustrations: Vergil's Aeneid in the Vergilius Vaticanus. University of Pennsylvania, 2006.
- Weitzmann 1959 – Weitzmann K. Ancient Book Illumination. Cambridge, Mass., 1959.

- Weitzmann 1970 – Weitzmann K. *Illustrations in Roll and Codex: A Study of the Origin and Method of Text Illustration*. Princeton, 1970.
- Wissowa 1912 – Wissowa G. *Religion und Kultus der Römer*. München, 1912.
- Wright 1984 – Wright D. H. *Vergilius Vaticanus*. Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat des Codex Vaticanus Latinus 3225 der Biblioteca Apostolica Vaticana. Graz, 1984.
- Wright 1993 – Wright D. H. *The Vatican Vergil: A Masterpiece of Late Antique Art*. Berkeley, 1993.

**E. V. Antonets. *Vergilius Vaticanus*: miniature and text
(Verg. Aen. IV 60–61)**

This paper analyzes the miniature on f. 33v of *Vergilius Vaticanus* that accompanies the passage of *Verg. Aen. IV 60–61* (Dido sacrificing). It shows that the artist of *Vergilius Vaticanus* misunderstands the text. He does not know the initial stage of the sacrifice which is called *exploratio* by Servius and presented by Vergil in *Aen. IV 60–61*. In depicting sacrifice, the artist follows the visual tradition which is extensively represented on Roman reliefs, and actually neglects the text. This can prove that the initial stage of sacrifice (*exploratio*) was out of use in IV AD.

Keywords: Vergil. Vat. Lat. 3225, miniatures, sacrifice.

НОВЫЕ СЛЕДЫ ПАТРИКИЯ ТРАЯНА?

Первоначальная версия хроники Георгия Монаха (cod. Coisl. 305) содержит несколько фрагментов, относящихся к IV в. и не сводимых ни к одному из известных источников. В статье делается попытка рассмотреть их вместе с двумя эпизодами из «Хронографии» Феофана Исповедника, упоминающими некоего Траяна, в одном случае историка, в другом – военачальника. Выделяется 5 эпизодов, относящихся к 364–379 г. и обладающих рядом общих черт. Возможно, все они восходят к утраченному сочинению IV в., связанному с именем Траяна, которое использовал автор конца VII – начала VIII в., и именно его словарь «Суда» знает под именем патрикия Траяна.

Ключевые слова. Византийская историография, патрикий Траян, Георгий Монах, история Византии IV–VII в.

Среди византийских историков, чьи произведения не дошли до нашего времени, наиболее загадочной выглядит личность патрикия Траяна (или Траяна Патрикия, Trajan the Patrician). Его имя упоминается в двух весьма респектабельных источниках – словаре «Суда» (X в.) и «Хронографии» Феофана Исповедника (закончена в 813–814 г.). Заметка «Суды» (Suda. IV. 582) гласит:

Τραϊανός, πατρίκιος. ἤκμαζε δ' ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Πρωτομήτου. οὗτος ἔγραψε χρονικὸν σύντομον, πάνυ θαυμάσιον. ἦν δὲ χριστιανικώτατος καὶ ὀρθοδόξοτατος.

‘Траян, патрикий. Его расцвет был при Юстиниане Безносом. Он написал краткую хронику, весьма удивительную. Был же он в высшей степени христианин и очень православный’.

Феофан ссылается на Траяна в следующем контексте (Theophanis Chronographia: 66, 3):

Γότθους δὲ ἐπιχωρίως τοὺς Σκύθας λέγεσθαι Τραϊανὸς ὁ πατρίκιος ἐν τῇ κατ' αὐτὸν ἱστορίᾳ φησίν.

‘Патрикий же Траян в своей истории говорит, что готами на местном языке называют скифов’.

Издатель Феофана К. де Боор (De Boor 1882: 489–492) предположил, что составитель «Суды» смешал двух Траянов, автора краткой хроники и высокопоставленного военачальника при

императоре Валенте, который, согласно «Хронографии», будучи послан им против готов, потерпел поражение и объяснил свою неудачу нечестием Валента (Theophanis: 62, 10–14), заявив таким образом о себе как о твердом приверженце Никейского вероисповедания. Именно второй Траян, по мысли де Боора, написал ту историю, которую цитирует Феофан. Действительно, с формальной точки зрения *ἱστορίαι* указывает скорее на последовательное повествование в классическом духе, нежели на хронику, а архаизирующий этноним «скифы» говорит о соответствующей стилистической ориентации автора. Эпитет *ὀρθόδοξότατος*, скорее всего, нужно толковать от противного («непричастный или враждебный ереси»), что, опять-таки, хорошо согласуется с ариано-никейским противостоянием при Валенте. Точно так же характеристика *χριστιανικώτατος* выглядела бы гораздо более уместной применительно ко времени, когда противостояние с язычеством было еще на повестке дня. Как вопрос о наименовании готов, так и актуальность борьбы с еретиками, как представляется, гораздо больше подходят для IV в., чем для 685–711 г. – времени между восшествием на престол Юстиниана II и его повторным свержением. В результате оказывается, что наши знания о содержании сочинения первого Траяна, той самой «весьма удивительной краткой хроники», стремятся к нулю. Такая ситуация провоцирует ученых приписывать этому несохранившемуся источнику любые сведения о византийской истории, в особенности ее самого темного периода – второй половины VII в., происхождение которых не может быть установлено¹.

Принцип «неумножения сущностей» («бритва Оккама») заставляет искать способы объединить по крайней мере двух из трех Траянов и их произведения, однако пока можно ограничиться предположениями де Боора и попытаться определить, какие именно события находились в центре внимания более древнего историка. Понятно, что, располагая столь скудным

¹ Из новейших публикаций см., например, Jankowiak 2013: 249–256. Исследователь употребляет словосочетание «patrician Trajan» исключительно в кавычках, подчеркивая гипотетичность всей конструкции. Тем не менее, у него получается, что при Юстиниане II (убит в 711) *floguit* автор, заканчивающий свое сочинение блестящей победой будущего иконоборца Льва III в 718 г., причем составитель «Суды» называет его «христианейшим и православнейшим» несмотря на его сугубо положительное отношение к императору, впоследствии впавшему в ересь.

материалом, трудно представить всесторонне обоснованные и неопровержимые выводы, однако если наши наблюдения хоть в какой-то мере помогут продвинуться к пониманию того, что стоит за этим знаменитым фантомом византийской историографии, задачу данной заметки можно будет считать выполненной.

Сразу же обращают на себя внимание слова, сказанные военачальником Траяном императору Валенту, бранившему его за робость (μαλακίαν): «Не я потерпел поражение, царь, но ты, воюющий против Бога (ὁ κατὰ θεοῦ στρατευόμενος) и доставляющий Его благосклонность варварам». Слова κατὰ θεοῦ στρατευόμενος появляются у церковного историка Феодорита (Theodoretī: 272, 6–18) в пророчестве Исаакия Далматского о гибели Валента в битве с готами, воспроизведенном также и у Феофана (Theophanis: 65, 12). Таким образом, прослеживаются две традиции, отражающие тему «Валент – готы – поход против Бога», одна из которых связана с полководцем Траяном, а другая – с преп. Исаакием. Важно подчеркнуть, что мотив богоборчества Валента здесь конкретизирован словом στρατευόμενος, означающим в данном контексте именно военную экспедицию. Феофан помещает вставку о Траяне под 374/375 г., однако в это время война с готами еще не началась, а из Аммиана Марцеллина известно, что поход, возглавляемый Траяном, имел место в 377 г., когда римляне без решительного успеха, но с большими потерями сражались с готами у местечка Ad Salices (Ammian. XXXI. VII. 1–16), то есть примерно за год до Адрианопольской битвы. В таком случае функциональный параллелизм Траяна и Исаакия становится еще более явным. Упреки в трусости, адресованные Валентом Траяну, соответствуют подобной же критике, будто бы высказывавшейся жителями Константинополя против самого Валента (Theophanis: 65, 8–9). Однако если толковать слова Траяна как точно такое же vaticinium ex eventu, как и речь Исаакия, придется признать, что источник, к которому восходит эта информация, не мог быть написан военачальником Траяном, потому что тот, согласно Аммиану, погиб в битве при Адрианополе 9 августа 378 г. вместе с императором (Ammian. XXXI. XIII. 8. 18).

В отдельной публикации (Афиногенов 2012) я постарался показать, что рассказ о гибели Валента в первоначальной версии хроники Георгия Монаха и у более поздних византийских историков содержит, по крайней мере, одну деталь, не сводимую к Феодориту и указывающую на какие-то дополнительные

источники², а именно обозначение помещения, в котором враги сожгли императора, как «амбара для соломы» (ἀχυρῶν, у Георгия заменено на χορτοβόλος, «сеновал»). Раньше всего эта деталь появляется в Житии преп. Исаакия Далматского (BHG 956, VI в.), но восходит, вероятно, к более древнему источнику, в котором редкое слово ἀχυρῶν было явно призвано вызывать в памяти поговорку «Осел в амбар сбежал» (ὄνος εἰς ἀχυρῶνα ἀπέδρα). Учитывая некоторые совпадения (враждебность к Валенту, фразу κατὰ θεοῦ στρατεύομενος и интерес к готской тематике), можно предположить, что мотив «амбара» – не что иное, как один из остатков традиции «Траяна». Разумеется, это всего лишь догадка, но она, во всяком случае, не противоречит принципу экономии. Более того, если полководец Траян у Феофана говорит Валенту те же самые слова, что у Феодорита – Исаакий, это может свидетельствовать об адаптации церковным историком какого-то более древнего рассказа к истории конфликта Исаакия с Валентом, взятой у Созомена (Sozomen VI. 40. 1).

Еще одно место, где в первоначальной версии Георгия Монаха появляются сведения, не прослеживающиеся ни в одном известном источнике, повествует о смерти предшественника Валента императора Иовиана. Оно было подробно проанализировано в отдельной заметке (Афиногенов 2011). Медицинская терминология, которой щеголяет автор этого сообщения, говорит о его достаточно высоком образовательном уровне и ориентации на ученый стиль, то есть указывает на то же, на что и фраза о скифах, которые на местном языке называются готами. Кроме того, четко выражена симпатия к Иовиану, обусловленная именно его православием (приверженностью к Никейской вере), что соотносится с декларируемым правоверием военачальника Траяна, будто бы обличившего арианина Валента, а также с эпитетами χριστιανικώτατος καὶ ὀρθοδόξοτατος в адрес патрикия Траяна в «Суде».

Далее, ссылка на «историю» патрикия Траяна находится у Феофана непосредственно после сообщения о том, что западно-римский император Грациан провозгласил Феодосия августом вместо погибшего Валента и отправил его в поход против готов.

² О соотношении первоначальной (пока не опубликованной) версии Георгия Монаха (Амартола), законченной в 846/847 г. и т. н. вульгаты, то есть общеизвестного текста, появившегося в результате переработки в последней четверти IX в., см. Афиногенов 2004.

Таким образом, выстраиваются хронологические рамки для некоторой совокупности отдельных сведений у Феофана и настоящего Георгия Монаха, между которыми обнаруживаются общие черты. Первый фрагмент – это смерть императора Иовиана 17 февраля 364 г. Второй – эпизод с поражением военачальника Траяна от готов в середине 377. Третий – гибель Валента в амбаре 9 августа 378 г. Четвертый – упоминание об истории патрикия Траяна в контексте провозглашения Феодосия императором 19 января 379 г. Три из перечисленных эпизодов связаны с восшествием на престол или смертью императоров (1, 3, 4, изначально, возможно, и 2). Также в трех так или иначе присутствуют готы (2, 3, 4). Еще в трех заметно желание автора, кем бы он ни был, продемонстрировать свою ученость (1, 3, 4). В трех случаях подчеркивается Никейское благочестие (1, 2, 3). Если исходить из допущения, что мы имеем дело с разрозненным материалом, происходящим из одного и того же источника, авторство Траяна-полководца придется исключить ввиду его безвременной смерти.

Между тем, еще один эпизод может быть добавлен к только что перечисленным, а именно обстоятельства смерти императора Валентиниана I 17 ноября 375 г. При сравнении четырех текстов, в которых они описываются (см. таблицу в Приложении), бросается в глаза, что первоначальная версия Георгия Монаха, несмотря на значительное сокращение, на вербальном уровне демонстрирует относительно большую независимость, которая вряд ли может быть приписана авторскому вмешательству самого хрониста. Славянский же перевод и на этот раз вносит весьма интересное дополнение. Вместо одного слова *φλεβός* (вена или артерия) в рамках конструкции *genetivus absolutus* в Coisl. 305 Лѣтовникъ дает «воей жилѣ» в соответствующем обороте *dativus absolutus*. Я не вижу иной возможности толковать это, по всей видимости, прилагательное, чем как производное от слова «выя» (ср. древнейшую форму составного прилагательного «жестовѣи» = *σκληροτράχηλος* – Срезневский 1893, s.v.) с общим значением «шейная артерия». По-гречески существует совершенно точный эквивалент *τραχηλαία φλέψ*, причем употребляется он, судя по *Thesaurus Linguae Graecae*, в узкоспециальном сочинении *Hippiatrica* (*Hippiatrica Berolinensia*. Cap. 92, 1; *Hippiatrica Cantabrigensia*. Cap. 3, 5). В таком случае мы имеем совпадение по следующим критериям: 1) смерть императора; 2) медицинская ученость; 3) тема вар-

варских народов. Кроме того, данный эпизод находится все в том же хронологическом промежутке от смерти Иовиана до воцарения Феодосия, ограниченном всего лишь пятнадцатью годами.

Общие черты и хронологическая близость всех рассмотренных фрагментов, на мой взгляд, позволяет по крайней мере поставить вопрос о некоем утраченном источнике, в центре внимания которого были, среди прочего, причины смерти трех императоров (Иовиан, Валентиниан I, Валент) и взаимоотношения империи с варварами, особенно готами. Это сочинение было сильно конфессионально окрашено. Имя Траяна, кого бы оно ни обозначало, скорее всего, должно было там присутствовать. Учитывая полную неопределенность с информацией, относящейся к VI–VII в., которую можно было бы приписать хронисту Траяну, жившему при Юстиниане II, наиболее вероятным выглядит предположение, что краткая хроника этого писателя описывала события более раннего времени, причем, в полном соответствии с обыкновением византийских хронистов, повествование строилось главным образом вокруг описания восшествия на престол и кончины каждого из императоров. При этом автор опирался на какие-то неизвестные нам источники, один из которых, вероятно, восходил к последним десятилетиям IV в. Можно представить себе, что утраченное произведение называлось как-нибудь вроде *Χρονικὸν σύντομον κατὰ Τραϊανὸν τὸν πατρίκιον* (ср. у Феофана: ἐν τῇ κατ'αὐτὸν ἱστορίᾳ), имея в виду полководца Траяна как главный источник информации или как центрального персонажа исходного сочинения, что было впоследствии воспринято, в частности, составителем «Суды» в качестве имени автора. Затем хроника вошла в состав досье, которым пользовался вначале Феофан Исповедник, а потом Георгий Монах (см. Афиногенов 2008).

К сожалению, в таких построениях неизбежно высока доля гипотетичности, однако следует помнить, что альтернативой предложенному здесь решению неизбежно будет умножение числа предполагаемых утраченных источников и авторов, от которых не дошло ни одного надежно идентифицируемого фрагмента текста.

Литература

- Афиногенов 2004 – Афиногенов Д. Е. Рукопись Coislinianus 305: первоначальная версия хроники Георгия Монаха // Славяне и их соседи. Т. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем / под ред. Б. Н. Флори. М., 2004. С. 19–29.
- Афиногенов 2008 – Афиногенов Д. Е. Об одном латинизме в византийских хрониках // Индоевропейское языкознание и классическая филология– XII / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2008. С. 11–14.
- Афиногенов 2011 – Афиногенов Д. Е. Загадочная смерть императора Иовиана. Текстологический этюд // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XV / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2011. С. 15–21.
- Афиногенов 2012 – Афиногенов Д. Е. Гибель императора Валента в греческой историографической традиции // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XVI / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2012. С. 34–41.
- Лѣтовникъ – Лѣтовникъ сокращенъ от различныхъ лѣтописецъ же и повѣдательи, избранъ и съставленъ отъ Георгия грѣшнаа инока / изд. Обществомъ любителей древней письменности. Вып. 26, 56, 69. СПб, 1878, 1880, 1881.
- Срезневский 1893 – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893.
- Ammianus – Ammianus Marcellinus. *Rerum gestarum libri quae supersunt* / ed. et tr. J. C. Rolfe. L., 1935–1939.
- The Chronicle of Theophanes Confessor / ed. C. Mango and R. Scott. Oxford, 1997.
- De Boor 1882 – De Boor C. *Der Historiker Traianus* // *Hermes*. Vol. 17. 1882. P. 489–492.
- Georgii Monachi – Georgii Monachi *chronicon* / ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978.
- Jankowiak 2013 – Jankowiak M. The first Arab siege of Constantinople // *Travaux et Mémoires*. T. 17. Constructing the Seventh Century / ed. C. Zuckerman. P., 2013. P. 237–320.
- Sozomen – Sozomen. *Kirchengeschichte* / hrsg. von J. Bidez und G. Ch. Hansen. B., 1960.
- Suida – *Suidae Lexicon* / ed. A. Adler. 5 vols. Lipsiae, 1928–1938.
- Theodoreti – Theodoreti *Historia Ecclesiastica*. Theodoret. *Kirchengeschichte* / Hrsg. L. Parmentier and F. Scheidweiler. Die griechischen christlichen Schriftsteller. Bd. 44. B., 1954.
- Theophanis – Theophanis *Chronographia* / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
- BHG – *Bibliotheca Hagiographica Graeca* / ed. F. Halkin. Bruxelles, 1957, 3 vol. (*Subsidia hagiographica*, 8a); *Novum auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae* / ed. F. Halkin. Bruxelles, 1984 (*Subsidia hagiographica*, 65).

D. E. Afinogenov. New traces of Trajan the Patrician?

Two well known mentions of Trajans, a historian and a general, in the chronicle of Theophanes Confessor are analyzed in connection with three episodes from the original version of George the Monk (cod. Coisl. 305 + Slavonic *Lětovnik*), which betray one or more ancient, but otherwise unidentifiable traditions on events of the 2nd half of the 4th c. All of these episodes fit into a narrow chronological frame (364–379) and share at least three of the following features: they 1) describe or are attached to an emperor's death or accession; 2) display the author's education, particularly in medicine; 3) show strong Orthodox (Nicaean) convictions; 3) involve in some way barbarian peoples, particularly Goths. The proposed hypothesis is that there existed a very early (late 4th c.) work connected with or focused on the general Trajan (d. 378), which under Justinian II (685–711) was included into a short chronicle with a title like Χρονικὸν σύντομον κατὰ Τραϊανὸν τὸν πατρικίον, which was later interpreted by Suda (IV. 582) as the author's name. Theophanes and George the Monk possibly borrowed pieces from that chronicle through a common historiographic dossier.

Keywords: Byzantine historiography, Trajan the Patrician, George the Monk, history of Byzantium IV–VII в.

Приложение. Описание смерти Валентиниана I 17 ноября 375 г.

Sozomen. VI, 36, 1–4	Theophranis. P. 61, 25 – 62, 2	Georgius, cod. Coisl. 305, f.245 ^v	Georgii Monachi. P. 559, 8–560, 1
καταδραμόντων δὲ Σαυροματῶν χωρία τινὰ τῆς πρὸς δύσιν ἀρχομένης ἐπεσφράτευσεν τοῦτοις Οὐαλεντινιανός· οἱ δὲ τῆς στρατιᾶς τὸ πλῆθος καὶ τὴν πα- ρασκευὴν ἀκούσαντες, πρέσβεις πέμψαντες εἰρήνην ᾗτουν. ἰδὼν δὲ τούτους, εἰ τοιοῦτοι Σαυρομάται πάντες εἰσὶν ἐπυνθάνετο. τὼν δὲ τούς ἀρίστους παρῆναι καὶ πρεσβεύειν φηράντων ἑμ- πίμπλαται ὀργῆς, καὶ μέγα κε- κραγὼς ἡ δεινὰ τοὺς ὑπηκόους ὑπομένειν ἔφη καὶ τὴν Ῥωμαίων δυσπραγεῖν ἀρχὴν εἰς αὐτὸν περιστάσαν, εἰ Σαυρομάται, βάρ- βαρον ἔθνος ὢν ἀριστοὶ οὗτοι, οὐκ ἀγαπῶσιν ἐφ’ ἐαυτῶν μένοντες ζῆν, ἀλλ’ ἐπιβῆναι τῆς ὑπ’ αὐτοῦ ἀρχομένης ἐθάρρουν καὶ πολεμῆν ὅλας πρὸς Ῥωμαίους φαντάζονται. ἐπὶ πολὺ δὲ χαλεπαίνοντος καὶ τοιαύτε βοῶντος, ὑπὸ ἀμέτρου διατάσεως σπαρραχθέντων αὐτοῦ πῶν ἔνδον, φλέψι ἅμα καὶ ἀσθηρία ἐρράγη, καὶ ἀναδοθέντος αἵματος, ἐν φρουρίῳ τινὶ τῆς Γαλλίας ἐτελεύτησε τὸν βίον.	Τούτῳ τῷ ἔτει Οὐαλεντινιανὸς ὁ μέγας ἐτελεύτησεν ἑτῶν πδ', βασιλευσας ἑτη ια', τρόπῳ τοιῷδε· Σαυρομάται, ἔθνος [μικρὸν τε καὶ] οἰκτρὸν, ἐπαναστάντες αὐτῷ καὶ ἠττηθέντες πρέσβεις ἐπέμψαν αἰτούντες τὴν εἰρήνην. Οὐαλεντινιανὸς δὲ τούς πρέσβεις ἐρωπώντων, εἰ πάντες οἱ Σαυρομάται τοιούτοί εἰσι τοῖς σώμασι οἰκτροί, καὶ αὐτῶν εἰπόντων, ὅτι "τούς κρείττονας πάντων ἂν ἔχεις καὶ ὁρᾷς", "δεῖνὰ Ῥωμαίων βασιλείᾳ ὑπομένει εἰς Οὐαλεντινιανὸν Ληξασα, εἰ Σαυρομάται τοιούτοι ὄντες Ῥωμαίων κατεξάνιστανται" ἐκ δὲ τῆς διαστάσεως καὶ τοῦ κρότου τῶν χειρῶν φλεβὸς ῥαγείσης, καὶ πλείστου ἀναδοθέντος αἵματος, ἐν τινὶ φρουρίῳ Γαλλίας θνήσκει.	Μετά δὲ τοῦ βιανὸν ἐβασίλευσεν Οὐαλεντινιανὸς ὁ καὶ ἀρειανὸς· ἔτη ιβ', καὶ πολεμήσας Σαυρομάτας καὶ ἠττήσας αὐτούς, ἀφ' ὧν καὶ πρέσβεις εἰρήνης δεξιόμενος, ὧν καὶ τὴν θεωρίαν ἐξουθενήσας, ἤρετο, εἰ πάντες Σαυρομάται τοιοῦτοί εἰσι. τῶν δὲ φησάντων ὡς τοῖς ἀρίστοις ² ἀπέστευλαν, ἀνέκραξε λέγων· οὐαὶ τῇ Ῥωμαίων δυναστείᾳ, εἰ τοιούτοι ἄνδρες πολέμῳ διατάσεως φλεβὸς ³ ῥαγείσης καὶ πλείστου αἵματος ἀναδοθέντος ἀπέθανεν. 1. ὁ καὶ ἄ. erasum in codice, sed adest in Sl. 2. Dativus comprobatur a Sl. изреднымъ. 3. voei жиѣ Sl.	Ἐν δὲ τῷ μεταξὺ ἐπὶ τὸν πόλεμον τῶν Σαυροματῶν Οὐαλεντινιανὸς ὁ μέγας ἐκ τῶν μερῶν τῆς Γαλλίας εἰς τὸ Ψαλτρικὸν ἑλθὼν, καὶ τοῦ πολέμου μόλις ἀρχὴν λαβόντος, ἀρροστιά αἰφνίδιον συσχεθεῖς ἐτελεύτησεν. πρέσβεις γὰρ Σαυρομάται ἀπέστευλαν ἐξαιτούντες εἰρήνην. οὗς Οὐαλεντινιανὸς θεασάμενος ἤρετο, εἰ πάντες Σαυρομάται τοιούτοι τυγχάνουσιν ὄντες τὰ σώματα. τῶν δὲ εἰπόντων ὅτι τούς παρ' αὐτοῖς ἀρίστους ἀπέστευλαν, ἀνακράξας μέγα δεινὰ τὴν Ῥωμαίων βασιλείαν εἶπεν ὑπομένειν εἰς αὐτὸν ἐλθούσαν, εἰ Σαυροματῶν οἱ ἄριστοι τοιοῦτοι Ῥωμαίοις τολμῶσι πολεμεῖν. ἐκ δὲ τῆς διαστάσεως φλεβὸς ῥαγείσης, καὶ πλείστου αἵματος ἀναδοθέντος, ἐν τινὶ φρουρίῳ Γαλλίας ἐτελειώθη.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА ВЕРГИЛИЯ И СИЛИЯ ИТАЛИКА

В статье рассматривается вопрос о структуре словарного запаса римских эпических поэтов I века н. э. на примере лексики Вергилия и Силия Италика. Статистическое исследование показало, что лексика этих двух авторов имеет значительную область пересечения; рассмотрение же конкретных примеров доказывает высокую степень зависимости Силия от Вергилия вплоть до буквальных контекстуальных совпадений. При этом особую роль играют слова, не встречающиеся раньше Вергилия, а также уникальные выражения, им созданные. Полученные данные важны не только для определения стилистических предпочтений Силия, но и для прояснения особенностей поэтического языка римского эпоса.

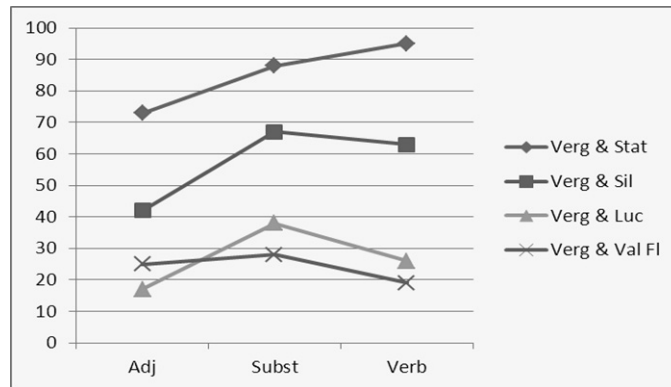
Ключевые слова: Силий Италик, Вергилий, поэтическая лексика.

Исследование языка римской поэзии ведется довольно давно (Weise 1909; Wheeler 1919: 179–192, 188–192; Kroll 1924; Axelson 1945; Leumann 1947: 116–139; Janssen 1988: 67–130; Adams, Meyer 1999), но его еще нельзя назвать близким к завершению; в особенности это касается лексики латинского эпоса, к изучению которой я обращался в работах, посвященных Валерию Флакку (Беликов 2011, 2012). На основании полученных мною при составлении Сводного частотного указателя лексики Вергилия, Лукана, Валерия Флакка, Стация и Силия Италика¹ статистических данных можно вполне говорить о единстве языка римской эпической поэзии, сложившемся к I веку н.э. При этом лексика, зафиксированная только у двух из пяти авторов, по умолчанию не рассматривалась как часть общего словарного запаса эпоса – и именно к этому разделу лексики мне бы и хотелось обратиться в настоящей работе.

Сами по себе факты присутствия лексем у двух авторов и их же отсутствия у остающихся трех еще не могут гарантировать какой-либо связи между зафиксированными употреблениями; но даже и с такой оговоркой общая статистика дает небезын-

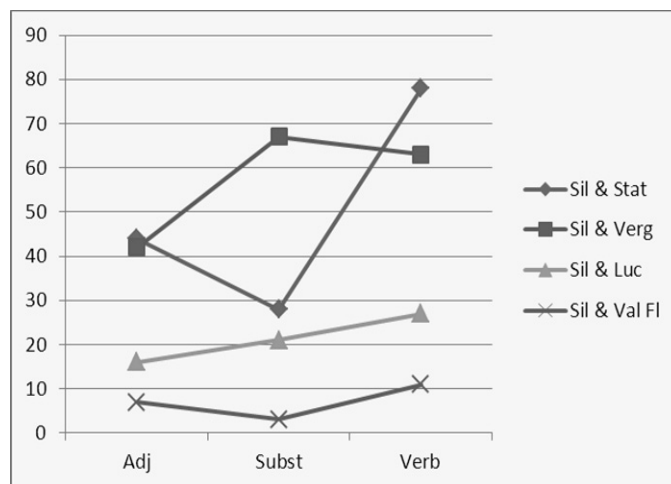
¹ В основу работы положены конкордансы к перечисленным авторам; выходные данные приведены в библиографии.

тересный материал для размышлений, который удобнее всего представить в виде графиков:

На первом графике отмечены в количественном выражении области пересечения разделенной по частям речи лексики Вергилия только с одним из последующих авторов. Можно при всех необходимых оговорках видеть, что связь Вергилия на лексическом уровне со Стацием и Силием Италиком гораздо выше, чем с Луканом и Валерием Флакком. Поскольку Стация сложно назвать обделенным вниманием исследователей, именно анализу лексики Силия будет уделено мое основное внимание.

Для полноты картины представим аналогичный график, но уже по отношению к Силию:

Основными авторами для него оказываются конкурирующие друг с другом Вергилий и Стаций, последнее место достается Валерию Флакку. Сопоставление лексики авторов «Фиваиды» и «Пунической войны» могло бы привести к очень интересным выводам об особенностях поэтического языка конца I века, но на данный момент не входит в нашу задачу – основные силы направим на рассмотрение наследия Вергилия.

Теперь, когда есть общая статистическая картина, необходимо анализировать отдельные контексты, так как простой факт пересечения еще не позволяет говорить о какой-либо степени зависимости. На данный момент это было сделано для существительных и прилагательных. Действительно, при ближайшем рассмотрении наша осторожность оказывается оправданной: связь Силия с Вергилием на уровне лексики подтверждается не всегда – примерно в половине случаев речь идет об общеупотребительной лексике (зафиксированной в том числе и в поэтических контекстах), поэтому вряд ли стоит придумывать сложные объяснения для ее отсутствия у остальных трех эпиков.

Зато случаи пересечения с видимой связью весьма показательны. Для удобства разделим их на три группы.

I. Слова, не зафиксированные до Вергилия².

1.1 *bacatus*

Verg. Aen. 1, 655 (+Serv.) *colloque monile / bacatum, et duplicem gemmis auroque coronam*

App. Verg. Ciris 170 *non niueo retinens bacata monilia collo.*

Sil. 8, 134 *hic Phrygiam uestem et bacatum induta monile*

Hist. Aug. 41, 1, 4 *atque inauribus et acato monili et corona*

1.2 *sternax*

Verg. 12, 364 (+Serv.) *et sternacis equi lapsum ceruice Thymoeten*

Sil. 1, 261 *idem correptis sternacem ad proelia frenis / frangere ecum*

1.3 *tricorpor*

Verg. 6, 289 (+Serv.) *Gorgones Harpyiaequae et forma tricorporis umbrae*

Sil. 3, 422 *Geryonae peteret cum longa tricorporis arua*

13, 201 *monstrum Geryones immane tricorporis irae*

1.4 *trifaux*

Verg. 6, 417 (+Serv.) *Cerberus haec ingens latratu regna trifauci / personat aduerso recubans immanis in antro*

² Приводятся все случаи фиксации по корпусу Packard Humanities Institute (PHI-5).

- Sil. 2, 551 *formaque trifauci / personat insomnis lacrimosae Ianitor aulae*
- 1.5 *admorsus*
 Verg. Georg. 2, 379 et *admorsu signata in stirpe cicatrix*
 Sil. 16, 358 *spumeus admorsu gauderet mandere ferrum*
- II. Редкие слова³.
- 2.1 *cernuus*: Lucil.
 Verg. Aen. 10, 894 (+Serv.) *implicat eiectoque incumbit cernuus armo.*
 Sil. 10, 255 *cernuus inflexo sonipes effuderat armo:*
 16, 412 *dumque ea proclamat, perfracto uoluitur axe / cernuus*
- 2.2 *clipeatus*: Curt., Hor., Liv., Ov., Serv.
 Verg. Aen. 7, 793 *insequitur nimbus peditum clipeataque totis / agmina densentur campis*
 Sil. 8, 434 *clipeata procul sub sole corusco / agmina sanguinea uibrant in nubila luce*
- 2.3 *euhans*: Cat., Prop.
 Verg. Aen. 6, 517 (+Serv.) *illa chorum simulans euhantis orgia circum / ducebat Phrygias; flammam media ipsa tenebat / ingentem et summa Danaos ex arce uocabat.*
 Sil. 1, 101 *non ille euhantis Massylae palluit iras, / non diros templi ritus aspersaque tabo / limina et audito surgentis carmine flammis.*
- 2.4 *exsomnis*: Prop., Hor., Patere.
 Verg. Aen. 6, 556 *uestibulum exsomnis seruat noctesque diesque*
 Sil. 9, 5 *consul traducere noctem / exsomnis*
- 2.5 *faginus*: Tibul., Calp., Plin. Nat., Mart.
 Verg. Ecl. 3, 37 (+Serv.) *pocula ponam / fagina, caelatum diuini opus Alcimedontis*
 Verg. Georg. 3, 172 *post ualido nitens sub pondere faginus axis / instrepat*
 Sil. 7, 188 *subito, mirabile dictu, / fagina pampineo spumarunt pocula suco*
- 2.6 *fatifer*: Ov., Plin. Dub.
 Verg. Aen. 8, 621 (+Serv.) *fatiferumque ensem*
 9, 631 *intonuit laeuum, sonat una fatifer arcus.*
 Sil. 1, 641 *nostroque in Marte tenete / fatiferae iuuenem dextrae!*
 2, 116 *namque ut fatiferos conuerti prospicit arcus*

³ После указания слова перечисляются все остальные авторы, у которых оно встречается, без указания точных мест.

- 2.7 immedicabilis: (inm-) Ov. (de morbis)
 Verg. Aen. 12, 858 (+Serv.) Parthus siue Cydon, telum immedicabile, torsit
 Sil. 1, 147 tristia corda duci, simul immedicabilis ira
 14, 292 postquam immedicabile uisum
- 2.8 imperterritus: (inp-) Quint., Serv.
 Verg. Aen. 10, 770 manet imperterritus ille
 Sil. 7, 695 collegisse gradum uidet, imperterritus ipse
 11, 207 et maior Capua mens imperterrita mole
 14, 187 inuigilat cautis, fronte imperterritus, armis
- 2.9 inextricabilis: Varr., Plin. Nat., Sen., Ap., Hyg.
 Verg. Aen. 6, 27 (+Serv.) hic labor ille domus et inextricabilis error
 Sil. 4, 582 dum sibi quisque uiam per inextricabile litus
- 2.10 piscosus: Ov., Quint., Mart., Ap.
 Verg. Aen. 4, 255 (+Serv.) piscosos scopulos humilis uolat aequora iuxta
 11, 457 piscosoue amne Padusae
 Sil. 14, 53 hic Arethusa suum piscoso fonte receptat
- 2.11 quadripedans: Enn., Acc., Pl., Ov., Plin. Nat.
 Verg. Aen. 8, 596 quadripedante putrem sonitu quatit ungula campum
 11, 614 dant sonitu ingenti perfractaque quadripedantum / pectora pectoribus rumpunt
 Sil. 4, 160 conlisaque quadripedantum / pectoribus toto uoluuntur corpora campo
 12, 564 quadripedante sono percussae moenia Romae
 15, 436 quadripedante inuectus equo, aduentare ferebat
 15, 637 tergo sublimis ab alto / quadripedantis equi, tendens uocemque manusque
- 2.12 dolon: Liv., Phaedr., Fest., Suet.
 Verg. Aen. 7, 664sq. (+Serv.) pila manu saeuosque gerunt in bella dolones, / et tereti pugnant mucrone uerique Sabello
 Sil. 3, 250 tereti dextras in pugnam armata dolone
- 2.13 flictus: Pacuv. (+Serv.)
 Verg. Aen. 9, 666sq. (+Serv.) sternitur omne solum telis, tum scuta cauaeque / dant sonitum flictu galeae, pugna aspera surgit
 Sil. 9, 322sq. galea horrida flictu / aduersae ardescit galeae, clipeusque fatiscit / impulsu clipei, atque ensis contunditur ense
 14, 557sq. hinc clamor, gemitus illinc mortesque fugaeque / remorumque fragor flictuque sonantia rostra

III. Общеупотребительные слова.

3.1 bilinguis

Verg. Aen. 1, 661 (+Serv.) quippe domum timet ambiguam
Tyriosque bilinguis;
Sil. 2, 56 Discinctos inter Libyas populosque bilinguis
16, 156 dimitte bilinguis / ex animo socios.

3.2 clivosus

Verg. Georg. 1, 108 ecce supercilio cliuosi tramitis undam / elicit?
2, 212 nam ieiuna quidem cliuosi glarea ruris
Sil. 6, 120 talis lege deum cliuoso tramite uitae

3.3 fluvialis

Verg. Georg. 2, 414 (+Serv.) uimina per siluam et ripis fluuiialis
harundo
Aen. 4, 635 dic corpus properet fluuiali spargere lympa
9, 70 aggeribus saeptam circum et fluuiialibus undis
Sil. 4, 592 sed proiecta uiri lymphis fluuiialibus ora

3.4 imitabilis

Verg. Aen. 6, 590 qui nimbos et non imitabile fulmen / aere et
cornipedum pulsu simularet
Sil. 8, 413 exultat rapidis Nero non imitabilis ausis

3.5 recidivus

Verg. Aen. 4, 344 (+Serv.; cf. Sen. Tr. 472) et recidiua manu
posuisssem Pergama uictis
7, 322 funestaeque iterum recidiua in Pergama taedae
10, 58 dum Latium Teucris recidiuaque Pergama quaerunt
Sil. 1, 106 Gens recidiua Phrygum Cadmeae stirpis alumnos /
foederibus non aequa premit

3.6 salsus

Verg. Aen. 5, 158 frontibus et longa sulcant uada salsa carina
Sil. 17, 155 nec mora: propulsa sulcant uada salsa carina

3.7 aesculus

Verg. Georg. 2, 291sq. aesculus in primis, quae quantum uertice ad
auras / aetherias
Sil. 5, 480sq. annosa excelsos tendebat in aethera ramos / aesculus

3.8 cantharus

Verg. Ecl. 6, 16sq. certa procul tantum capiti delapsa iacebant / et
grauis attrita pendebat cantharus ansa
Sil. 7, 196 sq. et fusae per colla comae, dextraque pependit /
cantharus

3.9 circuitus

Verg. Aen. 3, 412sq. laeua tibi tellus et longo laeua petantur /
 aequora circuitu; dextrum fuge litus et undas
 Sil. 4, 489sq. dumque uada et mollis aditus per deuia flexo / circuitu
 petit et stagni languentia quaerit

3.10 curriculum

Verg. Aen. 8, 407sq. Inde ubi prima quies medio iam noctis abactae /
 curriculo expulerat somnum
 Sil. 5, 24sq. Et iam curriculo nigram nox roscida metam / stringebat

3.11 dator (sensu invocationis modo hic)

Verg. Aen. 1, 734sq. adsit laetitiae Bacchus dator et bona Iuno; / et
 uos o coetum, Tyrii, celebrate fauentes
 Sil. 6, 467sq. Iustitiae rectique dator, qui cuncta gubernas, / nec
 leuior mihi diua Fides Sarranaque Iuno

3.12 esseda

Verg. Georg. 3, 204 Belgica uel molli melius feret esseda collo
 Sil. 3, 337 aut molli pacata celer rapit esseda collo

3.13 fel

Verg. Aen. 8, 219sq. hic uero Alcidae furiis exarserat atro / felle
 dolor
 12, 857 armatam saeui Parthus quam felle ueneni
 Ov. Met. 2, 777 pectora felle virent, lingua est suffusa veneno
 Sil. 2, 538 ac mixto quae spumant felle uenena
 11, 547sq. atra ueneno / inuidiae nigroque undantia pectora felle

3.14 fluentum

Verg. Georg. 4, 369 unde pater Tiberinus et unde Aniena fluenta
 Aen. 4, 143 qualis ubi hibernam Lyciam Xanthique fluenta
 12, 35 recalent nostro Thybrina fluenta
 Sil. 12, 548 quaeque grauem ad Trebiam quaeque ad Ticina fluenta
 14, 150 captus quondam ad Trasimenna fluenta

3.15 hamus

Verg. Aen. 3, 467 loricam consertam hamis auroque trilicem
 5, 259 leuibus huic hamis consertam auroque trilicem / loricam
 Sil. 5, 140sq. loricam induitur: tortos huic nexilis hamos / ferro
 squama rudi permixtoque asperat auro

3.16 natus, -us (sic Lewis-Short)

Verg. Aen. 5, 664sq. hic una e multis, quae maxima natu, / Pyrgo, tot
 Priami natorum regia nutrix
 Sil. 7, 428sq. Ad quae Cymodoce, Nympharum maxima natu /
 Italidum

3.17 penus

Verg. Aen. 1, 703sq. quinquaginta intus famulae, quibus ordine longam / cura penum struere et flammis adolere penatis; / centum aliae totidemque pares aetate ministri, / qui dapibus mensas onerent et pocula ponant

Sil. 11, 274sq. non una ministry / turba gregis: posuisse dapes his addita cura, / his adolere focos, his ordine pocula ferre; / necnon et certis struitur penus

3.18 praesentia

Verg. Aen. 9, 73 tum uero incumbunt (urget praesentia Turni)

Sil. 5, 217sq. acrius hoc rursum Libys (et praesentia saeui / extimulat ducis)

3.19 pruna

Verg. Aen. 11, 788 cultores multa premimus uestigia pruna (ad Apollinem)

Sil. 5, 179 Sic in Apollinea semper uestigia pruna

3.20 scalae

Verg. Aen. 9, 507 quaerunt pars aditum et scalis ascendere muros

Sil. 13, 112 dat signum atque alacer scalis transcendere muros

3.21 serva

Verg. Aen. 5, 284 olli serua datur operum haud ignara Mineruae

Sil. 16, 568sq. est donum serua albentis inuertere lanas / murice Gaetulo docta

3.22 stipula

Verg. Georg. 1, 84sq. saepe etiam sterilis incendere profuit agros / atque leuem stipulam crepitantibus urere flammis:

3, 99sq. ut quondam in stipulis magnus sine uiribus ignis, / incassum furit.

Sil. 5, 571sq. stipula crepitabat inani / ignis iners cassamque dabat sine robore flammam

3.23 talentum

Verg. Aen. 5, 112 perfusae uestes, argenti aurique talenta

11, 333 munera portantis aurique eborisque talenta

Sil. 11, 263 quot bello pateant argenti aerisque talenta

3.24 tussis

Verg. Georg. 3, 497 et quatit aegros / tussis anhela sues ac faucibus angit obesis

Sil. 14, 601 aspera pulmonem tussis quatit, et per anhela / igneus efflatur sitientum spiritus ora

Как можно видеть, зависимость Силия от Вергилия на уровне лексики наглядна и чрезвычайно велика. При этом он оказывается внимателен как к редкостям (отметим, что здесь большую часть занимают прилагательные), так и ко вполне распространенным словам (здесь преимущество за существительными). Иногда речь идет о заимствовании готовых выражений и даже полустий (самый яркий случай – пример 3.6) – иногда же Силий довольно сильно перерабатывает словарный материал предшественника (например, 2.13 и 3.5). Зачастую единичному употреблению у Вергилия соответствуют двух- и даже многократные употребления у Силия. Вывод о том, что автор «Пунической войны» сознательно коллекционировал выражения Вергилия, мимо которых прошли Лукан, Валерий Флакк и Стаций, напрашивается сам собой, но вряд ли может быть доказан.

Полагаю, что данное исследование при всей своей ограниченности может быть полезным в трех отношениях: 1) получено дополнительное доказательство единства языка римской эпической поэзии, обособленного в употреблении лексики от других форм бытования латинской речи, – ранее оно было подтверждено только в области пересечения словарного запаса от трех до пяти авторов; 2) продемонстрирована значительная степень зависимости Силия от Вергилия на лексическом уровне – при этом многие контексты ранее, насколько в наших силах это проверить, не привлекались (примеры 1.3, 2.11, 3.2, 3.10), а те, что были отмечены другими исследователями, не рассматривались в комплексе; 3) предлагаемый в работе метод статистического исследования лексики в сочетании с контекстуальным анализом может быть применен и полезен и в других исследованиях.

Литература

- Беликов 2011 – Беликов А. Е. *De nominibus substantivis apud Valerium Flaccum* // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Часть I. СПб., 2011. С. 33–38.
- Беликов 2012 – Беликов А. Е. Поэтическая лексика в «Аргонавтике» Валерия Флакка: прилагательные // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI. СПб., 2012. С. 53–58.
- Adams, Meyer 1999 – Adams J. N., Mayer R. G. *Introduction* // *Aspects of the Language of Latin Poetry*. Oxford; New York, 1999.
- Axelsson 1945 – Axelsson B. *Unpoetische Wörter*. Lund, 1945.
- Cajii Silius Italicus *Punicorum libri septemdecim* / Cur. A. Drakenborch. Trajecti ad Rhenum, 1717.

- Caius Silius Italicus. Punicorum libri septemdecim / Cur. N. E. Lemaire. Parisiis, 1823.
- Concordantia in Lucanum / Curav. M. Wacht. Hildesheim; Zürich; New York, 1992.
- Concordantia in Silii Italici Punica / Curav. M. Wacht. Hildesheim; Zürich; New York, 1989.
- Concordantia in Statium / Curav. M. Wacht. 3 Bd. Hildesheim; Zürich; New York, 2000.
- Concordantia Vergiliana / Curav. M. Wacht. 2 Bd. Hildesheim; Zürich; New York, 1996.
- Gaii Valerii Flacci Argonauticon Concordantia / Curav. M. Wacht. Hildesheim; Zürich; New York, 2005.
- Janssen 1988 – Janssen H. H. Le caratteristiche della lingua poetica romana // La lingua poetica latina / A cura di A. Lunelli, trad. G. Nordio, L. Toffolon. Bologna: Pàtron Editore, 1988. P. 67–130.
- Kroll 1924 – Kroll W. Studien zum Verständnis der Römischen Literatur. Stuttgart, 1924.
- Leumann 1947 – Leumann M. Die lateinische Dichtersprache // Museum Helveticum. Vol. 4. Basel, 1947. S. 116–139.
- Weise 1909 – Weise O. Charakteristik der Lateinischen Sprache. Leipzig; Berlin, 1909.
- Wheeler 1919 – Wheeler A. L. Remarks on Roman Poetic Diction // Classical Weekly. 1919. Vol. 12 № 23–24, whole № 337–338. 1919. P. 179–182, 188–192.

A. E. Belikov. Materials for Virgil and Silius Italicus Comparative Vocabulary Research

The paper is dedicated to the structure of I century AD epic poets' vocabulary with particular focus on Virgil and Silius Italicus. As a result of the statistic research, a great overlap of the lexicon of two poets can be seen. A detailed study of certain passages shows, that Silius Italicus depends on Virgil in his word choice to a considerable degree (sometimes even literal correspondences take place). Rare words not attested in texts before Virgil and his unique combinations of words play an important role in the research. The results not only define the stilistics of Silius Italicus, but can also explain some specific features of the Latin epic language.

Keywords: Silius Italicus, Virgil, poets' vocabulary.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ
Plut. *De gen. Socr.* 20; 588C-589F

В статье рассматривается вопрос об источниках речи Симмия в диалоге Плутарха *О демоне Сократа*. Эта речь представляет собой литературно обработанное философское учение о душе. Наиболее убедительная теория Р. Хайнце о том, что Плутарх излагает учение Посидония, была опровергнута Г. фон Арнимом. Придерживаясь мнения Хайнце, автор предполагает, что Плутарх излагал учение Посидония, измененное александрийскими платониками, на что указывает похожий отрывок в сочинении Филона Александрийского *О декалоге*.

Ключевые слова: Плутарх, Сократ, средние платоники, Посидоний, Филон Александрийский.

О демоне Сократа довольно сложный многоплановый диалог, неоднократно привлекавший внимание исследователей. Сложность его интерпретации состоит в том, что в нем развиваются две параллельные темы: исторический рассказ об освобождении Фив от спартанской гегемонии и природа божества Сократа. *О демоне Сократа* представляет собой диалог между беотийцем Кафисием и афинянином Архидамом, происходящий в Афинах, куда Кафисий прибыл с посольством. Архидам расспрашивает его о недавно произошедших событиях в Фивах. В 382 г. до н. э. спартанцы, приглашенные сторонниками олигархии Архием, Леонтидом и Филиппом, захватили Фиванскую цитадель Кадмею. Хотя самые ярые сторонники демократии вынуждены были бежать в Афины, в Фивах возник кружок заговорщиков против спартанской гегемонии; В 379 году эта группа заговорщиков вместе с вернувшимися из Афин демократами во главе с Пелопидом проникли в город, убили проспартанских олигархов и освободили Кадмею. Обстоятельства переворота Плутарх описывает в этом диалоге в основном так же, как в биографии Пелопида (гл. VII–XII). Помимо этого Кафисий рассказывает о разговоре, состоявшемся в доме Симмия, посвященном демону Сократа. Участниками этой беседы были сам Кафисий, его брат Эпаминонд, их отец Полимний, Фидолай, предсказатель Феокрит, Галаксидор, Симмий и пифагореец Феанор.

В полемике вокруг божества Сократа высказывается ряд мнений. Сначала говорят Феокрит, Полимний и Галаксидор, которые объясняют божество Сократа в духе стоической философии. Демон Сократа – это его способность интерпретации знаков, даваемых божеством. Подобная идея была распространена среди представителей стоической философии в свете учения о мантике.

Такой рационалистической интерпретации возражает Симмий, речь которого будет рассмотрена в этой статье. Об исторической личности Симмия практически ничего неизвестно. Он появляется в диалоге Платона *Федон* вместе с Кебетом. В диалоге Плутарха он предстает одной из ключевых фигур.

Симмий начинает свою речь с того, что опровергает мнения Галаксидора и Феокрита. Сократ не признавал видимых знамений, но лишь только внутренний голос. «Однако ему (Симмию) часто доводилось быть свидетелем того, что Сократ людей, говоривших о том, что им было явлено божественное видение, признавал обманщиками, а к тем, кто говорил об услышанном ими некоем голосе, относился с уважением и внимательно их расспрашивал» (Plut. *De gen. Socr.* XX; 588C; пер. Я. М. Боровского). Продолжая развивать эту идею о бессловесном общении божества с Сократом, Симмий говорит: «У Сократа сохранялась тонкая чувствительность к внешнему воздействию, и таким воздействием был для него, как можно предположить, не звук, а некий смысл, передаваемый демоном без посредства голоса, соприкасающийся с разумением воспринимающего как само обозначаемое» (Plut. *De gen. Socr.* XX; 588D). Главная мысль Симмия состоит в том, что обычным людям нужен голос и слова для передачи мысли. Страсти и побуждения препятствуют тому, чтобы человек мог непосредственно воспринимать явленное. Только во сне, когда тело пребывает в покое, человек может воспринимать непосредственно какие-то явления.

τῷ γὰρ ὄντι τὰς μὲν ἀλλήλων νοήσεις οἷον ὑπὸ σκότῳ διὰ φωνῆς ψηλαφῶντες γνωρίζομεν· αἱ δὲ τῶν δαιμόνων φέγγος ἔχουσαι τοῖς δυναμένοις <ιδεῖν> ἐλλάμπουσιν, οὐ δεόμεναι ῥημάτων οὐδ' ὀνομάτων (Plut. *De gen. Socr.* XX; 589B).

‘В сущности мы воспринимаем мысли друг друга через посредство голоса и слов, как бы на ощупь в темноте: а мысли демонов сияют своим светом тому, кто может видеть и не нуждается в речах и именах’.

ὥσπερ γὰρ αἱ πληγαὶ τῶν <ὑπορυττ>όντων ἀσπίσι χαλκαῖς ἀλίσκονται διὰ τὴν ἀντήχησιν, ὅταν ἐκ βάθους ἀναφερόμεναι προσπέσωσι, τὰ δ' ἄλλ' ἀδήλως διεκθέουσαι λανθάνουσιν, οὕτως οἱ τῶν δαιμόνων λόγοι διὰ πάντων φερόμενοι μόνοις ἐνηχοῦσι τοῖς ἀθόρυβον <τὸ> ἦθος καὶ νήνεμον ἔχουσι τὴν ψυχὴν, οὓς δὲ καὶ ἱεροὺς καὶ δαιμονίους ἀνθρώπους καλοῦμεν. οἱ δὲ πολλοὶ καταδαρθοῦσιν οἶοντα τὸ δαιμόνιον ἀνθρώποις ἐπιθειάζειν, εἰ δ' ἐγρηγορότας καὶ καθεστῶτας ἐν τῷ φρονεῖν ὁμοίως κινουσι, θαυμαστὸν ἡγοῦνται καὶ ἄπιστον (Plut. *De gen. Socr.* 589C-D).

‘Подобно тому как удары ведущих подземные работы, доносясь из глубины, улавливаются медными щитами в форме отголоска, а помимо этого затухают незамеченными, так речи демонов, разносясь повсюду, встречают отголосок только у людей со спокойным нравом и чистой душой; таких мы называем святыми и праведниками. Простой же народ думает, что божества вещают людям только в сновидениях, если же это происходит с бодрствующими и находящимися в полном сознании, то это считают странным и невероятным’.

Симмий заостряет внимание на том, в бодрствующем состоянии голоса демонов могут слышать только святые и праведники, а остальные люди – в лучшем случае во сне.

Очевидно, что речь Симмия представляет собой некое литературно обработанное философское учение о душе. Р. Хирцель приводит малоубедительную гипотезу о перипатетическом источнике Плутарха (Hirzel 1895: II, 160). По его мнению, Плутарх опирается на сочинения перипатетика Дикеарха. Его доказательства уже при первом рассмотрении кажутся очень натянутыми и неубедительными, поэтому его теорию опровергают Ф. Бок (Bock 1910: 34–39) и А. Корлю (Corlu 1970: 57–58).

Значительно более интересную и убедительную теорию предложил в свое время Р. Хайнце (Heinze 1892: 102–105), которого затем поддержал К. Райнхардт (Reinhardt 1953: 802–805). Хайнце считает, что речь Симмия восходит к стоическим источникам, а именно, к Посидонию. На это указывает как лексическая, так и содержательная сторона отрывка. С точки зрения лексики, речь Симмия наполнена стоическими понятиями. Хайнце обращает внимание на обилие слов, производных от существительного *τόνος*: *συντείνειν*, *ἀντιτείνειν*, *ἐντεταμένους*, *κατατείνειν*, *συνταθείς*, *συνέντασις*. Райнхардт в свою очередь отмечает, что слова *θιγγάνειν*, *ἐφάπτεσθαι*, *συνάπτεσθαι* также

входят в стоический лексикон. Идеи, высказываемые Симмием, напоминают учение Посидония о природной дивинации, которое известно из трактата Цицерона *О дивинации*. Как пишет Р. Хайнце, идея о том, что человеческий дух способен через соприкосновение с душами, блуждающими в воздухе, узнавать будущее восходит к Посидонию (Heinze 1892: 103).

Если обратиться к тексту Цицерона, то действительно можно найти параллели между текстом Плутарха и учением о естественной дивинации.

Altera divinatio est naturalis, ut ante dixi; quae physica disputandi subtilitate referenda est ad naturam deorum, a qua, ut doctissimis sapientissimisque placuit, haustos animos et libatos habemus; cumque omnia completa et referta sint aeterno sensu et mente divina, necesse est cognatione divinorum animorum animos humanos commoveri. Sed vigilantes animi vitae necessitatibus serviunt diiunguntque se a societate divina vinclis corporis impediti (Cic. *De div.* I. 110).

‘Другой вид дивинации, как я уже сказал, это естественная. Она должна быть, принимая в расчет ее физическую тонкость, связана с природой богов, от которых, по мнению ученейших и мудрейших людей, почерпнуты и заимствованы наши души. И так как все заполнено и связано с вечным духом и божественным разумом, то общение божественных духов с человеческими душами необходимо должно оказывать возбуждающее влияние на последние. Но в бодрствующем состоянии наши души обслуживают житейские потребности и, связанные узами плоти, отстраняются от общения с божественным’.

(Пер. М. И. Рижского).

Первая выделенная курсивом фраза о необходимом влиянии духов на души людей напоминает слова Плутарха (Plut. *De gen. Socr.* XX; 589B) об уме и душе человека, приводимых в движение высшим умом и душой (ὁπὸ νοῦ κρείσσοнос νοῦν καὶ <ψυχὴν> ψυχῆς θεϊοτέρας ἄγεσθαι). Вторая фраза из Цицерона, где говорится, что в бодрствующем состоянии душа обслуживает житейские потребности и из-за связи с плотью отстраняется от божественного, перекликается со словами Плутарха (Plut. *De gen. Socr.* XX; 588D) об отягченности страстями и заботами (πεπνιγμένοι γε θορύβῳ τῶν παθῶν καὶ περιγῶγῇ τῶν χρειῶν). Естественная дивинация, как известно, связана со сновидениями.

Viget enim animus in somnis liber ab sensibus omnique impeditone curarum, iacente et mortuo paene corpore. (Cic. *De div.* I. 115)

‘Во время сна наша душа бодрствует, избавленная от внешних впечатлений и свободная от забот и помех, в то время как тело лежит точно мертвое’.

Также и у Плутарха рассуждения Симмия начинаются именно со снов, где говорится, что из-за спокойствия тела (δι' ἡσυχίαν καὶ γαλήνην τοῦ σώματος) у человека возникает представление некоторых слов, и ему кажется, что он воспринимает речь (Plut. *De gen. Socr.* XX; 588D).

Далее у Цицерона говорится о прорицателях, которые, благодаря непричастности к телу, имеют профетические способности.

Nec vero umquam animus hominis naturaliter divinat, nisi cum ita solutus est et vacuus, ut ei plane nihil sit cum corpore; quod aut vatibus contingit aut dormientibus (Cic. *De div.* I. 113)

‘Душа человека может быть способной к естественной дивинации только в том случае, если она настолько свободна, что у нее уже совсем нет ничего [общего] с телом, что и происходит с прорицателями или спящими’.

Исходя из такого сопоставления Р. Хайнце, а вслед за ним А. Виллинг (Willing 1909: 180–183), Ф. Бок (Bock 1910: 29–39) и К. Райнхардт, считают, что Плутарх в речи Симмия излагает учение о дивинации Посидония.

Хотя гипотеза Хайнце кажется вполне убедительной, ее опроверг Г. фон Арним (von Arnim 1921: 6–10) обратив внимание на то, что естественная дивинация проявляется только в двух видах: сновидение и прорицание. Было бы абсурдным предполагать, что Симмий в своей речи отвергает возможность общения божества с бодрствующим человеком. С другой стороны, способность прорицания, даваемая божеством, (vaticinatio) – это μανία, экстаз. Когда Цицерон описывает дух прорицателя (Cic. *De div.* I. 114), он называет его неистовым, восторженным (furibunda mens). При этом он отмечает, что, если человек может предвидеть будущее благодаря своим интеллектуальным способностям, его нельзя назвать божественным провидцем.

Rarum est quoddam genus eorum qui se a corpore avocent et ad divinarum rerum cognitionem cura omni studioque rapiantur. Horum

sunt auguria non divini impetus, sed rationis humanae. <...> Quos prudentes possumus dicere, id est providentes, divinos nullo modo possumus. (Cic. *De div.* I. 111)

‘Изредка встречается тот род людей, которые освобождаются от тела и все усилия направляют на то, чтобы познать божественное. Авгурии этих людей являются продуктом не божественного вдохновения, а человеческого разума. <...> Таких людей мы можем назвать «сведущими», т. е. предусмотрительными, но никак не провидцами’.

Следовательно, в учении Посидония, которое мы узнаем из сочинения Цицерона, резко противопоставляется *divinus impetus* и *ratio humana*. В то время как в речи Симмия отчетливо видно, что ни о какой священной одержимости речи не идет. Наоборот, человеческий ум под влиянием божества управляет человеческим телом. Таким образом, то, что отвергается Посидонием, играет ключевую роль в тексте Плутарха.

Для возможного решения этого противоречия следует обратиться к тексту I века н. э. *О декалоге* Филона Александрийского, где есть интересная параллель с речью Симмия. Филон объясняет, как Бог общается с народом Израилевым: Он это делает не с помощью обычной речи, так как невозможно помыслить, что у Бога есть рот, язык и горло (οὐ γὰρ ὡς ἄνθρωπος ὁ θεός, στόματος καὶ γλώττης καὶ ἀρτηριῶν δεόμενος) (Phil. Alex. *De decalogo*, 32), но создает особый звук, который, в отличие от человеческого голоса, не затихает при распространении. Такой звук могут воспринять только особо чистые души.

τὴν δὲ κεκαινουργημένην φωνὴν ἐπιπνέουσα θεοῦ δύναμις ἡγεῖρε καὶ ἐξωπύρει καὶ ἀναχέουσα πάντῃ τὸ τέλος τῆς ἀρχῆς ἀπέφαине τηλαυγέστερον, ἀκοὴν ἑτέραν πολὺ βελτίω τῆς δι' ὧτων ταῖς ἐκάστων ψυχαῖς ἐντιθεῖσα· ἡ μὲν γὰρ βραδυτέρα πῶς οὖσα αἰσθησις ἀτρεμίζει, μέχρις ἂν ὑπ' αἱρέος πληχθεῖσα διακινήθῃ, φθάνει δ' ἡ τῆς ἐνθέου διανοίας ὀξύτάτῃ τάχει προὔπαντῶσα τοῖς λεγομένοις. (Phil. Alex. *De decalogo*, 34.1-35.7)

‘...насылая новосозданный звук, Божественная сила заставляла его появляться и возрастать и, распространяя его повсюду, делала его в конце более явственным, чем он был вначале, поскольку она вложила в душу каждого человека способность слышания намного более совершенную, чем обычный слух: дело в том, что чувственное восприятие, будучи несколько

медленней, бездействует, пока не будет приведено в движение ударом воздуха, а боговдохновенная мысль опережает его, гораздо скорее воспринимая произносимое¹.

Боговдохновенная мысль, воспринимающая божественные слова, напоминает ту часть речи Симмия, где говорится, что демоны общаются с людьми непосредственно, без помощи слов и речи. Конечно, нельзя провести строгой параллели между этими текстами, но некоторое связующее звено может быть найдено. Филон Александрийский принадлежал к александрийской школе платонизма, которая испытала влияние стоицизма в области этики и адаптировала стоическую терминологию к платоническим теориям (Матусова 2008: 773, Шичалин 2000: 250). Представителем александрийской школы был также Аммоний, учитель Плутарха, о котором известно очень мало (Dillon 1996: 189–192). Он появляется в диалоге Плутарха *О «Е» в Дельфах*, излагая пифагорейские идеи о числах. Насколько сильное влияние Аммоний оказал на Плутарха, судить сложно, но очевидно, что Плутарх благодаря своему учителю был знаком с александрийской традицией платонизма. Исходя из этого, можно предположить, что идея об избранных людях, способных слышать голос божества, которую Плутарх развивает в речи Симмия, изначально была развита Посидонием. Затем она получила распространение в александрийском платонизме, на что указывает отрывок из Филона Александрийского. Следовательно, Плутарх в речи Симмия излагает учение Посидония не в его изначальном виде, как предполагали Р. Хайнце и К. Райнхардт, но видоизмененное александрийскими платониками.

Литература

Матусова 2008 – Матусова Е. Д. Филон Александрийский // Солопова М. А. (отв. ред.) *Античная философия: Энциклопедический словарь*. М. 2008. 769–776.

¹ Из другого текста Филона, *О переселении Авраама*, мы знаем, что этот воспринимаемый душой звук подобен свету (Филон ссылается на *Exod.* 20, 18, *Exod.* 20, 22 и *Deut.* 4, 12), но видят его немногие: они принадлежат к тому более чистому и зоркому племени, которому Отец всего в качестве величайшего дара уделяет способность видеть Его дела (*De migr. Abr.* 46.5–47.1: ...ἰδεῖν δ' οὐκ ἀδύνατον, ἀλλ' οὐχ ἅπαντες, ἔστι δ' αὐτὸ μόνον τῷ καθαρωτάτῳ καὶ δῶρον πεστάτῳ γένει, ὃ τὰ ἴδια ἐπιδεικνύμενος ὁ τῶν ὅλων πατὴρ ἔργα μεγίστην πασῶν χαρίζεται δωρεάν).

- Шичалин 2000 – Шичалин Ю. А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2000.
- Bock 1910 – Bock Fr. Untersuchungen zu Plutarchs Schrift *De genio Socratis*. München, 1910.
- Corlu 1970 – Corlu A. (ed.). Plutarque. Sur le démon de Socrate . Paris, 1970.
- Dillon 1996 – Dillon J. M. The Middle Platonists, 80 B.C. to A.D. 220. Cornell University Press, 1996.
- Heinze 1892 – Heinze R. Xenokrates. Leipzig, 1892.
- Hirzel 1895 – Hirzel R. Der Dialog, 2 Bd. Leipzig, 1895.
- Reinhardt 1953 – Reinhardt K. Poseidonios // RE Hbd. 43. Stuttgart, 1953, S. 558–826.
- Von Arnim 1921 – Von Arnim H. A. Plutarch über Dämonen und Mantik. Amsterdam, 1921.
- Willing 1909 – Willing A. De Socratis daemonio quae antiquis temporibus fuerint opiniones // Commentationes philologiae Jenenses VIII, 2, 1909. P. 125–183.

**G. S. Belikov. On the sources of Simmias' speech in Plutarch's dialog
*On the Daimonion of Socrates***

The article provides the examination of the sources of Simmias' speech in Plutarch's dialog *On the Daimonion of Socrates*. The speech presents a literary elaborated philosophical doctrine of the soul. R. Heinze supposed, Plutarch expounds Posidonius' doctrine. He found a number of parallels between Plutarch's text and Cicero's *On Divination*, which expounds Posidonius' ideas. H. von Arnim refuted Heinze's hypothesis. The author of the article supporting Heinze suggests that Plutarch might have based on the interpretation of Posidonius' doctrine provided by Alexandrian Platonists. This suggestion is further confirmed with the similar abstracts from Philo of Alexandria presented in the article.

Keywords: Plutarch, Socrates, Middle Platonists, Posidonius, Philo of Alexandria.

ТРОЯКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СОКРАЩЁННЫХ ДОЛГИХ СЛОГОВЫХ СОНАНТОВ В ЛАТЫНИ. I

Данная статья продолжает публикацию (Болотов 2012) «Троякое отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни» [т.е. и.-е. $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{m}$, $*\bar{n}$ отражаются в лат. не только как традиционно признаваемые $\bar{l}\bar{a}$, $\bar{r}\bar{a}$, $\bar{m}\bar{a}$, $\bar{n}\bar{a}$ ($=R\bar{a}$), но и как $\bar{l}\bar{e}$, $\bar{r}\bar{e}$, $\bar{m}\bar{e}$, $\bar{n}\bar{e}$ ($=R\bar{e}$) и $\bar{l}\bar{i}$, $\bar{r}\bar{i}$, $\bar{m}\bar{i}$, $\bar{n}\bar{i}$ ($=R\bar{i}$)] и посвящена троякости отражения *сокращённых* на лат. почве и.-е. долгих слоговых сонантов. И если традиционно принимаемые рефлексы и.-е. *сокращённых* долгих слоговых сонантов имеют в лат. вид $\bar{a}l$, $\bar{a}r$, $\bar{a}m$, $\bar{a}n$ ($=\bar{a}R$), то логично предположить, что *сокращённые* соответствия серий $R\bar{e}$ и $R\bar{i}$ аналогичным образом имеют вид $\bar{e}l$, $\bar{e}r$, $\bar{e}m$, $\bar{e}n$ ($=\bar{e}R$) и $\bar{i}l$, $\bar{i}r$, $\bar{i}m$, $\bar{i}n$ ($=\bar{i}R$) (по крайней мере на этапе до осуществления последующих звуковых изменений). В этой, 1-й части статьи рассматриваются пары связанных первоначально количественным чередованием серий $R\bar{a}$ и $\bar{a}R$ (и просто *сокращённые* «непарные» рефлексы серии $\bar{a}R$), а также корни (основы) с чередованием $\bar{r}\bar{i}$ и $\bar{i}r$ (и одиночные основы с $\bar{i}r$). Для внешних параллелей, как и ранее, привлекается преимущественно и в первую очередь балтийский и др.-индийский материал как наиболее доказательный в отношении долготы слогового сонанта, а также в отношении акцентного статуса рассматриваемых основ, поскольку сокращение кельто-италийских долгот связано как раз с безударностью сокращающегося гласного или слогового сонанта (см. Дыбо 1961).

Ключевые слова: индоевропейский (праиндоевропейский), долгие слоговые сонанты, *сокращённые* долгие слоговые сонанты, $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{m}$, $*\bar{n}$, латинский язык, сокращение кельто-италийских долгот, чередование количеств (долгот), разноместное (подвижное) ударение, акцентная валентность, акцентная парадигма, акцентная подвижность, слоговые интонации, метатония.

0. В своей работе (Болотов 2012) я пытался обосновать тезис о троякости тембра гласного у рефлексов и.-е. долгих слоговых сонантов $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{m}$, $*\bar{n}$ в латыни, отражающихся не только в традиционно признаваемом виде $\bar{l}\bar{a}$, $\bar{r}\bar{a}$, $\bar{n}\bar{a}$, $\bar{m}\bar{a}$ ($=R\bar{a}$) (см., напр., Sihler 1995: 102–105, §§ 104–107), но также и в виде $R\bar{e}$ и $R\bar{i}$, где соотношение между $\bar{a}$, $\bar{e}$ и $\bar{i}$ аналогично соотношению ω , $\bar{a}$ и η в соответствующих греческих рефлексах – $R\omega$, $R\bar{a}$ и $R\eta$. В ларингалистской интерпретации $R\bar{a}$, $R\bar{e}$, $R\bar{i}$ $\leftrightarrow$ $R\omega$, $R\bar{a}$, $R\eta$ представляют $*R\bar{h}_3$ ($*R\bar{h}^w$), $*R\bar{h}_2$ ($*R\bar{h}$), $*R\bar{h}_3$ ($*R\bar{h}$) соответственно. Как $R\bar{a}$ отра-

жаются и результаты позиционных удлинений кратких сонантов ($*R \rightarrow *R̄$), в т.ч. и прежде всего по закону Лахмана:

$quadrāgintā$ '40' < $*q^{w}adwrāgint̥$ < $*q^{w}aduṛ̥d̥kint̥$ < $*q^{w}atuṛ̥d̥k̥em̥t̥$ < $*q^{w}etuṛ̥d̥k̥em̥t̥$ [cf. $τεσσαράκοντα$, ион. $τεσσεράκοντα$, сицил. ион. $τετράκοντα$ ($τετράροντα$), атт. $τεττάρᾱκοντα$, дор. $τετρώκοντα$ (1×: $τετάρᾱκοντα$), бегт. $πετταράκοντα$; скр. $cat-vārim̥çát-$; ав. $caθwarəsat-$ ($-𐬨𐬀𐬯𐬭𐬀𐬰𐬭𐬀𐬰𐬭𐬀$)];

$septuāgintā$ '70' < $*septmāgint̥$ < $*septm̥d̥kint̥$ < $*septm̥d̥k̥em̥t̥$ < $*septm̥d̥k̥em̥t̥$ [cf. $ἑβδομήκοντα$];

$nōnāgintā$ '90' < $*nownāgint̥$ < $*nouñ̥d̥kint̥$ < $*neuñ̥d̥k̥em̥t̥$ < $*hneuñ̥d̥k̥em̥t̥$ [cf. $ἐνενήκοντα$ ($ἐννενήκοντα$; Gen. $ἐννενηκόντων$ Chios), эп. $ἐννήκοντα$, $ἐνήκοντα$ Delos; $девѣно́сто?$]

1. Но традиционными признаются для латыни и $āl$, $ār$, $ān$, $ām$ (= $ār$) [см., напр., (Stolz 1894: 115, § 104), (*ibid.*: 113–114, § 100) и (*ibid.*: 156–159, §§ 155–156)]. В статье (Дыбо 1961b) соотношения $Rā : āR$ интерпретируются как чисто количественные (т. е. как $*R̄ : *R̄$), с противопоставлением несокращенной и сокращенной долгот (как и в случае с гласными $\bar{V} : \check{V}$). Фактором этого сокращения/несокращения служило разноместное (модифицированное и.-е.) ударение, исторически предшествующее начальному, в свою очередь предшествующему предклассическому (пенультимально-антипенультимальному) ударению (ср. dV: 9 с литер.).

2. Пользуясь преимущественно балт. и инд. параллелями как наиболее надёжным критерием долготы сонантов (см. табл.),

и.-е. скр.	лит.	а.п.	лтш.
$*\tilde{l}$ $\tilde{l}rC / \tilde{l}rV, \tilde{u}rC / \tilde{u}rV;$ $CriyV; CCa(y)V$	$\tilde{l}C / \tilde{l}V,$ $[\tilde{u}lC / \tilde{u}lV]$	(1) (3, 3 ^{(4)a})	$\tilde{l}C (\tilde{l}\check{C}) / \tilde{l}V,$ $[\tilde{u}lC (\tilde{u}l\check{C}) / \tilde{u}lV];$ $\tilde{l}C (\tilde{l}\check{C}) / \tilde{l}V,$ $[\tilde{u}lC (\tilde{u}l\check{C}) / \tilde{u}lV]$
$*\tilde{r}$ $\tilde{l}rC / \tilde{l}rV, \tilde{u}rC / \tilde{u}rV;$ $CriyV; CCa(y)V$	$\tilde{l}rC / \tilde{l}rV,$ $[\tilde{u}rC / \tilde{u}rV]$	(1) (3, 3 ^{(4)a})	$\tilde{l}rC / \tilde{l}rV, [\tilde{u}rC / \tilde{u}rV];$ $\tilde{l}rC / \tilde{l}rV, [\tilde{u}rC / \tilde{u}rV]$
$*\tilde{n}$ $\tilde{a}C / CnV (\check{C}ñV),$ $CCanV$	$\tilde{in}C / \tilde{in}V,$ $[\tilde{un}C / \tilde{un}V]$	(1) (3, 3 ^{(4)a})	$\tilde{in}C (\tilde{in}\check{C}) \sim \tilde{i}C / \tilde{in}V,$ $[\tilde{un}C (\tilde{un}\check{C}) \sim \tilde{u}C / \tilde{un}V];$ $\tilde{in}C (\tilde{in}\check{C}) \sim \tilde{i}C / \tilde{in}V,$ $[\tilde{un}C (\tilde{un}\check{C}) \sim \tilde{u}C / \tilde{un}V]$
$*\tilde{m}$ $\tilde{a}mC (\tilde{a}ñK, \tilde{a}ñ\check{C},$ $\tilde{a}ñT, \tilde{a}ñS) /$ $/ CmV, CCamV$	$\tilde{im}C / \tilde{im}V,$ $[\tilde{um}C / \tilde{um}V]$	(1) (3, 3 ^{(4)a})	$\tilde{im}C \sim \tilde{i}P / \tilde{im}V,$ $[\tilde{um}C \sim \tilde{u}P / \tilde{um}V];$ $\tilde{im}C \sim \tilde{i}P / \tilde{im}V,$ $[\tilde{um}C \sim \tilde{u}P / \tilde{um}V]$

приведём сперва материал на ($R\bar{a} \rightarrow \check{a}R$):

$l\bar{a} \leftrightarrow \check{a}l$

$cl\bar{a}m-\bar{o}$, $-\bar{a}re$ ‘кричать’ $\leftrightarrow c\check{a}l-\bar{o}$, $-\bar{a}re$ ‘объявлять’ [$\kappa\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ ‘побуждаю; призываю’: $\kappa\acute{\alpha}\lambda(\acute{\epsilon}\omega)\tilde{\omega}$, Med./ Psv. $\kappa\alpha\lambda(\acute{\epsilon}\omega)\omicron\tilde{\mu}\alpha\iota$ (Prs. и Fut.Att.; Fut. $\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\sigma\omega$, Med./ Psv. $\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\kappa\lambda\eta\theta\acute{\eta}\sigma\omicron\mu\alpha\iota$; Aor. $\acute{\epsilon}\kappa\acute{\alpha}\lambda\epsilon\sigma\alpha$, Psv. $\acute{\epsilon}\kappa\alpha\lambda\epsilon\sigma\acute{\alpha}\mu\eta\nu$, $\acute{\epsilon}\kappa\lambda\acute{\eta}\theta\eta\nu$; Pf. $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\lambda\eta\kappa\alpha$, Med./ Psv. $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\lambda\eta\mu\alpha\iota$): $\kappa\iota\kappa\lambda\acute{\eta}\sigma\kappa-\omega$ (Ipf. $(\acute{\epsilon})\kappa\acute{\iota}\kappa\lambda\eta\sigma\kappa\omicron\nu$) ‘зову’]; $c\check{a}l\nu\omicron r$, $-\bar{i}$ ‘обманивать(ся)’ (?) (см. dV: 84–85);

$\check{a}l$

$c\check{a}l|x$ ($-i$ -основа, Gen. Pl. $-c-i\bar{u}m$), $-c-is$ ($< *k\acute{a}lk-is < *k\check{l}_3k-\check{i}s < *k\check{l}_3-k-\check{i}s$) f. (m.) ‘пят(к)а; копыто’ [лит. $k\check{u}lk\check{s}n|is$, $-ies$ (1) f., $kulk\check{s}n|is$ и $kulk\check{s}|is$, $-i\check{e}s$ (4) f., $kulk\check{s}n|y\check{s}$ (4) m. (лтш. $k\check{u}lk|snis^2$, $-\check{s}\eta a$ m. ‘голеностоп’), $kulk\check{s}nas$ (4) m., $kulk\check{s}n\acute{a}$ (?) f. все ‘лодыжка, щиколотка’];

(?) $palm|a$, $-ae$ ‘ладонь’ ($? < *p\check{l}m-\bar{a} < *p\check{l}m-\check{a}$, $\leftrightarrow$ в отл. от греч. и кельт. $*p\check{l}m-\bar{a}$ – если отбросить тезис о заимствовании из греч.) [$\pi\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\mu\eta$, дор. $\pi\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}$; (др.-) ирл. $\acute{l}\acute{a}m$ ‘рука’; др.-вал. lau (вал. $llaw$); др.-корн. lof , ср.-корн. $luef$, lef ; др.-в.-н. $folma$; (др.-) англ. $folm$].

$r\bar{a} \leftrightarrow \check{a}r$

$cr\bar{a}t|\bar{e}s$ и $-is$, G. $-is$ f. ‘плетёнка’ [cf. гот. $haúrd-s$ ‘дверь’; ср.-в.-н. $hurd$ (нем. $Hurde$) ‘плетень’] $\leftrightarrow cart-i-l\bar{a}g|\bar{o}$, $-in-is$ ‘хрящ’ (см. WH 1: 174–175, а также Дыбо 1961b: 21);

$fr\bar{a}xin|os$ ($-us$) (о количестве корневого a см. dV: 240), $-\bar{i}$ ($< *f\check{r}_3k-s-e/in-os < *p^h\check{r}_3h^w\check{g}-s-e/in-os$) m. $\leftrightarrow farn|os$ ($-us$), $-\bar{i}$ ($< *farkn-os *farksn-os < *f\check{r}_3ksn-os < *f\check{r}_3ksn-\acute{o}s < *f\check{r}_3ksn-\acute{o}s < *p^h\check{r}_3h^w\check{g}-s-n-\acute{o}s$) ‘ясень’ [скр. $bh\bar{u}rj\acute{a}-s$ m. ‘берёза’; ср. также лит. $^1b\check{r}\check{z}a$ (1) f. ‘лесосека’; ‘время цветения берёзы’; $^4b\check{r}\check{z}|is$, $-io$ (1) m. ‘корявая берёза’; лит. $^2b\check{r}\check{z}|\acute{e}$, $-\acute{e}s$ (1) f., лтш. $b\check{r}\check{z}|e$ [$b\check{r}\check{z}|\acute{e}^2$], $-\acute{e}s$ f., лит. $^3b\check{r}\check{z}|is$, $-ies$ (1) f., лтш. $b\check{r}\check{z}|s$, $-s$ f., и лит. $^3b\check{r}\check{z}|is$, $-i\check{e}s$ (3) f., $b\check{r}\check{z}|\check{y}s$, $-io$ (?3) m., и $b\check{r}\check{z}tva$, $-os$ (1) f. ‘березняк’; лит. $^1b\check{r}\check{z}|\acute{e}$ (1) и $^1b\check{r}\check{z}|\acute{e}$ (2), $-\acute{e}s$, и $^1b\check{r}\check{z}|\acute{e}$, $-\acute{e}s$ (4) f., $^1b\check{r}\check{z}|is$ (1) и $^1b\check{r}\check{z}|is$ (2), $-ies$, и $^1b\check{r}\check{z}|is$, $-i\check{e}s$ (3) и (4) f., $^2b\check{r}\check{z}|is$, $-io$ (2) ‘лесосека’; $^5b\check{r}\check{z}|is$, $-io$ (2) ‘июнь’; $b\check{r}\check{z}l|is$, $-io$ (2) m. ‘берёзовая ветка’].

$\check{a}r$

$ardu|os$ 3 ‘крутой’ [скр. $\bar{u}rdhv\acute{a}$ ‘обращённый вверх; прямой’; ср. $\acute{o}\rho\theta\acute{o}\varsigma$, лак. $\acute{o}\rho\acute{o}\varsigma$ 3 ‘прямо стоящий’ $< * \acute{o}\rho\theta\acute{o}\varsigma$; лит. $erd-v|as$, $-\acute{a}$ (4), $erd(v)|\check{u}s$, $-\acute{i}$ (4) ‘обширный’; $\acute{e}rdv|\acute{e}$ (1) и $\acute{e}rdv|\acute{e}$ (2), $-\acute{e}s$, $\acute{e}rdv|\acute{e}$ (4), $-\acute{e}s$ f. ‘пространство’];

$arm|os$ ($-us$), $-\bar{i}$ m. ‘предплечье’ [скр. $\bar{i}rm\acute{a}-s$ m. ‘рука’; др.-прусс. $\bar{i}rmo$ ‘id. (верхняя часть)’ (Топоров 1980: 68–70); лит. $\bar{i}rm\acute{e}s$ и

- irmos* (1) f. Pl. 'prietaisas iš dviejų sukryžiuotų ir virve surišų karčių galais stulpui pastatyti arba rąstui aukštyr kelti'; *irméd|é, -és* (1) f., *irméd|is, -ies* (1) f., *irmét|is, -ies* (1) f.¹ 'костолом; дихорадка'; (*ibid.*) (по Фасмер 1971: 441 s.v. pámo: 440 *irmli gá* 'простуда, озноб', но в Vasmer 1955: 490 s.v. pámo 'Gicht [*nodažra*]' – источник?));
- par|ō, -āre* I 'создавать; готовить; наживать; заготавливать' [скр. Pts. (3 Sg.) *pṛṇāti* IX, Aor. Ipv. (2 Sg.) *pūr-dhí*, Pf. Opt. (2 Sg.) *pu-pūr-yās* 'давать, дарить' (см. dV: 447); («**pórow* 'даю, дарю'» – принятая в словарях несуществующая и вряд ли возможная в таком виде начальная форма): Pf. II Med./ Psv. (3 Sg.) *πέπρωται*, Pqf. II Med./ Psv. (3 Sg.) *πέπρωτο* отражают характерную для Pf. Med./ Psv. полную (e-) ступень (тогда как Aor. II *ἔπορον* (эп. тж. *πόρον*; Ipv. (2 Sg.) *πόρε*, Inf. *πορεῖν*, Ptc. *Ἀστ. πορώων, -οῦσα, -όν* – нулевую ступень (опять-таки характерную для Aor.) перед гласной; соответственно, в простом Pts. следовало бы ожидать скорее **пérow* (с характерной ступенью e));
- *par|iō, -ere* (редко *-iō, -īre*; Pf. *pe-per-ī*, Sup. *par(i)t-um*, Ptc. Fut. *Ἀστ. parit-ūros* 3) 'рожать' (к *parō*);
- par|s, -t-is* 'часть' [скр. *pūrtá-m* п. 'вознаграждение'; см. WH 2: 257; ср. *πῖρᾰσκω*, ион. *πῖρῆσκω* (Fut. Att. *περ(ᾰ)ῶ*, Pf. *πέπρᾰκα*, Pqf. *ἐπεπρᾰκεῖν*; Fut. III Psv. *πεπρᾰσομαι*, редко *πρᾰθήσομαι*, Aor. Psv. *ἐπρᾰθην*, ион. *ἐπρήθην*; Adj. Verb. *πρᾰτός* и *πρᾰτέος*) 'продаю' (трад. к *parō*)].
- ān*
- an|ās, -at-is, Nōm. Pl. -at-ēs и -it-ēs, G. Pl. -at-um и -ati-um* f. 'утка' [лит. *¹ānt|is, -ies* (1) f., *¹ānt|ė, -ės* (1) f.; скр. *ātī-s* и *ātī* (PWBR I: 617) f. 'водоплавающая птица'; возм., *νήσσα*, атт. *νήττα*, беот. *νᾰσσα* 'утка' (< **νᾰχῖα*; ? от *νήχω*, дор. *νᾰχω* 'плаваю', если только не из **σνᾰ-χ-ω*)];
- ant|ae, -ārum* Pl. 'анты (*пилястры*)' [скр. *āt|ā*, Instr. *-ābhiṣ* (и *-āiṣ* – PWbö.I: 166m) f., и *āta-s* m. 'Umfassung, Rahmen einer Thür' (PWBR. I: 617, 615; PWbö.I: 166m) / 'ограда; край чего-л.' (Кочергина 1987: 91п); ав. (мл.) *ā θ(a)ijā-* [Acc. Pl. *𐬀𐬀𐬀𐬀𐬀 ā θ(a)ijā-* / *𐬀𐬀𐬀𐬀𐬀 ā θ(a)ijā-*, *𐬀𐬀𐬀𐬀𐬀 ā θ(a)ijā-* (< **-āh*): Yt. 10 (Mihir) 8:28 (Geldner 1889 II: 131r)] 'Pfosten (AirWb.: 359), pillars (Darmsteter 1883: 126)'].

¹ Данная форма (ввиду *-éť-*) затрудняет общепринятый анализ *ir-m-éd-* как «*руко-тѣд-*».

ār

quārt|os (-us) 3 (< **q^wtuṛt-os*) '4-й' [cf. скр. *caturthá-* (< **catvur-thá-* < **catvrthá-*); и «*tūrīya-* < **ktūrīya-* (**ctūrīya-*) < **ktvūrīya-* (**c^otvūrīya-*) < **ktvrīya-* (**c^otvṛīya-*) – C.Б.» Adj. der vierte (RV +), *tūrīya-* < **ktūrīya-* (**ctūrīya-*) < **ktvūrīya-* (**c^otvūrīya-*) < **ktvrīya-* (**c^otvṛīya-*) – C.Б.» n. ein Viertel (AV +, TB *tūrīya-*; AiGr III 412); *tūrīyá-* < **ktūr[i]yá-* (**c^o tūr[i]yá-*) < **ktvūr[i]yá-* (**c^otvūr[i]yá-*) < **ktvrīyá-* (**c^otvṛīyá-*) – C.Б.» vierter, vierteilig (AVP +)» (EWA I: 657), «*tūrīyaḥ* der vierte / the fourth (seit RV; später auch *tūrīyaḥ*, *tūrīyáḥ*), *tūrīyaḥ* ein Viertel ausmachend, *tūrīyaḥ* der vierte» (KEWA I: 515), [*ṭ*«*tūrīya-*» < **ktūrīya-* (**c^otūrīya-*) < **ktvūrīya-* (**c^otvūrīya-*) < **ktvrīya-* (**c^otvṛīya-*) – C.Б. ? (Кочергина 1987: 246л – источник?) – «навеено» ав.?]; [cf. ав. *tūr īi|a-* m., -ā- f. (AirWb.: 656–657), *ā-xtūrīm* '4-жды': V. 10: 11 (AirWb.: 359)]; лит. *ketvirtas*, -à (4) [с заведомо вторичным акцентным поведением: 4-я а.п. при неодносложности основы, т. е. при не-начальноударности барионных форм]; лтш. *çetur|aĩs*, -ā, диал. тж. *çertuôt|*- [из и при *çetuôt|*-], *çetrut|*-, *çetru ot|*- (ME)].

ān

jānitrīc|ēs (Georges 1918 II: 14; Дворецкий 1979) / *jānitrīc|ēs* (Schweizer-Sidler & Surber 1888: 12) (о количестве корневого *a* см. также dV: 294), -um Pl. f. 'жёны братьев ('ятрови)' [*εἰ-νᾱ́τερες*, также Sg.: Nōm. *ἐνᾱ́τηρ*; Voc. *εἴνᾱτερ*; Gen. *εἰνᾱ́τερος*; Dat. *ἐνᾱ́τρῃ* (LSJ: 489r) / *εἰνᾱ́τερες* (GEW I: 464), (DÉLG II: 323g) 'жёны шурьёв ('ятрови) или деверей ('ятрови)'; скр. *yātār-* f. 'жена деверя ('ятровь)'; лит. *¹int|ē*, -ēs (1), *jēnt|ē*, -ēs и -er(e)s (1) [(LSJ: 489r s.v. *εἰνᾱ́τερες*): «*jēntē*, gen. *jēnters*» – источник?] 'жена брата ('ятровь); жена деверя ('ятровь); свояченица; сноха, невестка'; лтш. *ieter|e* (ME II: 81r; LVPPV: 295k; (LEW: 193k s.v. *jēntē*) || *ieter|e* (LVV₉₃: 277l s.v. *ieta-|a*), -es, *ieta|a* (LVPPV: 295k) || *iēta|a* (LVV₉₃: 277; LEW: 193k s.v. *jēntē*) || *ieta|a* (ME II: 81r s.v. *ieterē*) 'жена брата ('ятровь); жена деверя ('ятровь); курш. *jēntere* (ME II: 81r s.v. *ieterē*; LEW: 193k s.v. *jēntē*) 'жена деверя ('ятровь)'].

3. Однако если *Rā* сокращается в *āR*, то логично ожидать, что *Rē* и *Rī* сокращались в *ēR* и *īR* (и таким образом рефлексия из тройкой становится «шестеракой»):

	и.-е.	лат.
$\begin{matrix} *l̄, \\ *ē, \\ *h̄, \\ *m̄ \end{matrix}$	$\begin{cases} *l̄_1, *r̄_1, *h̄_1, *m̄_1 < *lh_1, *rh_1, *nh_1, *mh_1 \\ \quad (*l̄h̄, *r̄h̄, *nh̄, *mh̄) \\ *l̄_2, *r̄_2, *h̄_2, *m̄_2 < *lh_2, *rh_2, *nh_2, *mh_2 \\ \quad (*l̄h̄, *r̄h̄, *nh̄, *mh̄) \\ *l̄_3, *r̄_3, *h̄_3, *m̄_3 < *lh_3, *rh_3, *nh_3, *mh_3 \\ \quad (*l̄h̄^w, *r̄h̄^w, *nh̄^w, *mh̄^w) \end{cases}$	$\begin{cases} l̄, r̄, n̄, m̄ \leftrightarrow \\ \leftrightarrow \tilde{l}, \tilde{r}, \tilde{n}, \tilde{m} \\ l̄, r̄, n̄, m̄ \leftrightarrow \\ \leftrightarrow \tilde{l}, \tilde{r}, \tilde{n}, \tilde{m} \\ l̄, r̄, n̄, m̄ \leftrightarrow \\ \leftrightarrow \tilde{l}, \tilde{r}, \tilde{n}, \tilde{m} \end{cases}$

Приведём для начала материал на $r̄$ / $\tilde{r}$ как менее всего подверженный смешению (в результате последующих позиционных изменений) с рефлексом своего исконно краткого корреданта or :

$$r̄ \leftrightarrow \tilde{r}$$

$cr̄l̄n|is$, $-is$ ($< *kr̄l̄s-n-is < *k̄r̄l̄s-n-is < *k̄r̄h̄s-n-is$) f. $\rightarrow$ m. 'волосы'; 'шупальца'; $cr̄l̄sp|os$ ($-us$) 3 ($< *k̄r̄l̄s-p-os < *k̄r̄h̄s-p-os$) 'кудрявый' (см. Дворецкий 1979: 272; специально о количестве корневого $\tilde{l}$ см. Bennett 1907: 57); $cr̄l̄st|a$ ($\P < cr̄l̄st|a$), $-ae$ ($< *k̄r̄l̄s-st-ā < *k̄r̄h̄s-st-h̄-el$) f. 'хохол' (о возможных остатках долготы корневого $\tilde{l}$ см. Fanciullo 2012 с литер.) $\leftrightarrow$ $cirr|os$ ($-us$), $-ī$ [$*kirs-os < *k̄r̄l̄s-os < *k̄r̄l̄s-ós < *k̄r̄l̄s-ós < *k̄r̄h̄s-ós$; отсутствует в DV; EM: 123g: «mot „populaire“ sans étymologie»; WH: 221r[–222l]: «Et. unsicher»] m. 'локон', 'завиток' [ср. лит. $šir̄ys$ (4) m. 'щетина'; рус. $шёрсть$, $-u$; др.-рус. $сърсть$ = $сърьсть$ = $скръсть$ sic! = $скръсть$ f., $шърсть$ = $шърьсть$ = $шерсть$ f. (Срезневский 1903: 884; 1603–1604); укр. $шёрсть$, $-i$ ($-ū$) f.; блр. $шэрсц|ь$, $-i$ f.; срб.-цсл. $ср̄ьсть$ 'трíхес, pili' (Miklosich 1862–65: 877d; ср. Дьяченко 1900: 655п); слвн. $s̄r̄st$, $s̄r̄st̄i$ f.; чеш. $s̄rst|$, $-i$ f.; слвц. $s̄rs|t$, $-ti$ f.; пол. $s̄ier̄ś|ć$, $-ci$ f., (SW:) $s̄zer̄ś|ć$, $-ci$ f., $s̄ier̄|ć$, $-ci$ f., $s̄ier̄|ś$, $-si$ f., $s̄ierz$, $-y$ f., $s̄ierzchl$, $-i$ f., $s̄ierzch|el$ и $s̄ierzch|el$, $-li$ f., $s̄ierzchoł|a$, $s̄ierzchuł|a$ и $s̄ierzkuł|a$, $-y$ f., $s̄ierzch|$, $-u$ m. || $cr̄l̄nis$ trad. к $cr̄escō$ (семантика?)]

$scr̄ipul|om$ ($-um$) [$> scr̄ipulum$], $-ī$ n. 'скрупул, 1/24 унции [в т. ч.: мера площади в $8,75 \text{ м}^2$;– 1 кабаба?]' [s.v. **scr̄ūpus**: DV: [547–]548: «No etymology»; EM: 606g: «Pas de rapprochement clair»] $\leftrightarrow$? $scirp|os$ ($-us$) m. 'ситник, камыш, тростник' (DV: 546: «No etymology»; EM: 603d: «Pas de rapprochement clair») [ср. лит. $skirp̄ės$ [и $skėrp̄ės$] (1) f. Pl. 'фукус пузырчатый (*Fucus vesiculosus*)'; контаминация $scr̄ip-$ со $scr̄ūp(ul)us$ 'каме|нь (-шек)', подобно как и со $scr̄iptulum$ 'чёрточка?']

ĩr

hirc|os, irc|os (аpx.), *firc|os* (сабин.) (-us), *hirqu|os*, -ĩ m. 'козёл' [NB (DV: 589), о сближенни с (самнит.) *hirpus* 'волк': «'goat' and 'wolf' are no good friends»] [лит. *žirgas* (1) (лтш. *zĩrgs*), *žĩrigas* (2) 'конь'; *žirg(l)ė(s)* (2) f. (Pl.), *žĩrg(l)ės*, *žĩrgtys*, *žĩrkos* (1) f. Pl., *žĩrkłai* (2) m. Pl. [в м. ч.:] 'кóзлы' [тж. *žerglỹs* (4) m.]; 'ноги' [тж. *žėrglės* (2) f. Pl.]; *žĩrkłė(s)* (1) f. (Pl.), *žĩrklos* (1, 3) f. Pl. 'ножницы' – g- под влиянием *žĩrgti* [тж. *žėrgti*] '(широко) расставлять (ноги)', *žĩrgtelėti* 'шагнуть'? ||].

stĩrp|s (-i-основа, Gen. Pl. -ium; также -is и -ēs), -is (< *stĩrp-is *stĩrp-is < *stĩrp-ĩs) m. → f. 'нижняя часть ствола с корнями' [ср. лтш. *stĩrpa* f. (LVPPV: 766; LVV₉₃: 757k; ME: 1074l – *stĩrpa*², тж. *stĩrpe*, -es f.) 'скирд, -а; бурт'; лит. *stĩrpa* (1) f. [из лтш.? – LKŽ] || trad. (см. DV: 589; WH II: 595) гадательно, в т.ч. к лит. *stĩrpti* 'расти, поправляться', 'выздоровливать, поправляться' (кот., в свою очередь, связывается со *starpti* 'выздоровливать, поправляться', *sterptis* 'стараться; добиваться' (LEW: 897l s.v. *starpti*), и далее со *stĩrplas* (1) m., *stĩrplis*, -io (1) и *stĩrplỹs* (3) m. 'круп (тж. *stĩrplė* f.); гузка [тж. *stĩrplės* (1), *stĩrplės* (2) f. Pl.]' (LEW: 935l s.v. *stĩrplas* [!связь со *stĩrps*]), и с *tarpti* '(хорошо) расти'; 'выздоровливать, поправляться', *tarpĩs* (4) 'пышный, тучный, рослый', *tarpà* (4) и *tàrpa* (1) f. (и *tàrpas* m.) 'процветание' (LEW: 1062r–1063l s.v. *tàrpti* [!др. связи]), лтш. *tàrpa* f. (ME IV: 149r), ^{II}*tėrpa* (ME IV: 173r) 'сила', но ср. EM: 651l: «Aucun rapprochement sũr»); в любом случае следует разделить как минимум *(*s_{mob}*)t[e/o]rp- '≈ сила; рост' и *stĩrp(-l)- '≈ основание, нижняя/задняя часть; (низкая) куча'].

virg|a, -ae f. 'ветка, побег; черенок; прут, палка' [лит. *virž|is* [и -iaĩ Pl.] (1) и *virž|is* (2), -io [-iũ] m., и *virž|ỹs*, -io [и -iaĩ, -iũ Pl.] (4) m., *virž|ius*, -aus (1), и *virž|ius*, -aũs (2) m., *virž|a*, -os, *virž|ė* (1) и *virž|ė* (2), -ės f., *virgžd|as*, -o (?) m., лтш. *vir|zis*, -ža, *vir|sis*, -ša m. 'вереск (*Calluna*)']

Эту подборку следует считать лишь первым приближением к обновляющейся реконструкции сонантического фрагмента латинского исторического консонантизма.

Сокращения

(кроме сводящихся к отсечению суффикса -(e)ский)

ав. – авестийский; а.п. – акцентная парадигма; а.-, англ. – англо-, английский; атт. – аттический (греч.); балт. – балтйский; беот. – беотийский (греч.); блр. – белорусский; брет. – бретонский; в.- – верхне-

вал. – валлийский; герм. – германский; диал. – диалект, диалектный; дор. – дорийский (греч.); др.- – древне-; и.-е. – индоевропейский; инд. – индийский; ион. – ионийский (греч.); ир. – иранский; ирл. – ирландский; каш. – кашубский; лак. – лаконский (греч.); лат. – латынь, латинский; лесб. – лесбийский (греч.); лит. – литовский; лтг. – латгальский (лтш.); лтш. – латышский; луж. – лужицкий; мл. – младший; н.- – ниже-; -н., нем. – немецкий; пехл. – пехлеви, пехлевийский; -с., сакс. – саксонский; скр. – санскрит; слав. – славяно-, славянский; слвн. – словенский; слвц. – словацкий; слвнц. – словинцкий; ср.- – средне-; ст.- – старо-; срб. – сербско-, сербский; стсл. – старославянский; схрв. – сербско-хорватский, сербохорватский; трад. – традиционный, -о; цсл. – церковнославянский; укр. – украинский; эол. – эолийский (греч.)

Литература

- Болотов 2009 – Болотов С. Г. «Коленками назад», или звенья одного окна // К юбилею члена-корреспондента Российской академии наук Анны Владимировны Дыбо: Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции 4–7 июня 2009. М.: «Тезаурус», 2009. С. 21–23.
- Болотов 2012 – Болотов С. Г. Троякое отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни // Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы чтений, посвященных профессору Иосифа Моисеевича Тронского. 18–20 июня 2012 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2012. С. 84–107.
- Геров 1895–1908 – Геровъ Н. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. Ч. 1–6. Дополнение: Т. Панчевъ (1908). Пловдивъ, 1895–1908 [Репринт: София: «Български писател», 1975–1978].
- Даль³ 1903–09 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–V. СПб.: М., 1903–1909.
- Дворецкий 1958 – И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. Т. 1–2. М.: Гос изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Дворецкий 1976 – И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. М.: «Русский язык», 1976 (<http://lehire.livejournal.com/526.html>).
- Дыбо 1961 – В. А. Дыбо. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1961 С. 9–34.
- Дьяченко 1900 – Полный церковно-славянскій словарь / сост. священникъ магистръ Григорій Дьяченко. М.: Типографія Вильде.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ: «Наукова думка», 1982–2012.
- Историческая грамматика латинского языка (1960) / Под ред. А. К. Владимирова.
- Кочергина 1987 – Кочергина В. А. Санскритско-русский словарю 2-е изд. М.: «Русский язык», 1987.
- Преображенский 1910–1949 – Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1949.

- Срезневский 1893–1903 – Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. Т. I–III и Дополненія. СПб., 1893–1903
- Топоров 1975–90 – Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь. Т. 1–5. М.: Издательство «Наука», 1975–1990.
- Тронский 1953 – Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Тронский 2001 – Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М.: «Индрик», 2001.
- Тронский 2010 – Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.: ЛКИ, 2010.
- Фасмер 1964–1973 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: «Прогресс», 1964–1973.
- Черных 1993 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. I–II. М.: Изд-во «Русский язык», 1993.
- Эрну 2010 – Эрну А. Историческая морфология латинского языка. Изд. 3-е. М.: «Едиториал УРСС», 2010.
- ALMT – Arumaa P. Litauische mundartliche Texte aus Wilnaer Gegend // Acta Universitatis Tartuensis. 1930. Bd. XXIII, 3.
- AirWb. – Bartholomae Chr. Altiranisches wörterbuch. Strassburg: Verl. von Karl J. Trübner, 1904.
- Bennett 1907 – Bennett Ch. E. The Latin Language: A Historical Outline of Its Sounds, Inflections, and Syntax. Boston: Allyn and Bacon, 1907.
- Bērziņa-Baltiņa 1993 – Latviešu Valodas Vārdnīca: Vārdu pareizrakstība. Vārdu izruna. Vārdu formas. Vārdu nozīme / Valerija Bērziņa-Baltiņa, Jānis Bičolis / Latviešu valodas komisija. Amerikas Latviešu apvienība.
- Böhtlingk 1879–1889 – Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung: bearb. von Otto Böhtlingk. St. Petersburg, 1879–1889.
- Böhtlingk & Roth 1852–1875 – Sanskrit-Wörterbuch: bearb. von Otto Böhtlingk und Rudolph Roth. St. Petersburg, 1852–1875.
- Bréal & Bailly 1885 – Bréal M., Bailly A. Dictionnaire Étymologique Latin. Paris: Hachette, 1885.
- Brugmann & Delbrück – Brugmann K., Delbrück B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg: Trübner, 1886–1900.
- Ceplītis, Miķelsone, Porīte, Raģe 1995 – Ceplītis L., Miķelsone A., Porīte T., Raģe S. Latviešu Valodas Pareizrakstības un Pareizrunas Vārdnīca. Rīga: «Avots» [на обл.: 1996]; (перп.: 2005).
- DÉLG – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Term. par. O. Masson, J.-L. Perpillou, J. Taillardat, avec le concours de F. Bader, J. Irigoin, D. Lecco, P. Monteil, sous la dir. de M. Lejeune. T. I–IV-2. Paris: Éd. Klincksieck, 1968–1980.
- Darmsteter 1883 – The Zend-Avesta. Pt. II: The Šīrōzahs, Yasts, and Nyāyis. Transl. by James Darmsteter / Oxford: Clarendon Pr., 1883 (= Sacred Books of the East. Vol. XXIII).
- DV – De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / ed. by A. Lubotsky. Leiden; Boston: Brill, 2008 (= Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 7).
- EH – Endzelīns J., Hauzenberga E. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai (J. Endzelin und E. Hausenberg. Ergän-

- zungen und Berichtigungen zu K. Mühlendorfs Lettisch-deutschem Wörterbuch). Rīga, 1934–1949.
- Ernout 1913 – Ernout A. Historische Formenlehre des Lateinischen. Übers. von Dr. Hans Meltzer. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913.
- Ernout 1914 – Ernout A. Morphologie historique du latin. Paris: Libr. C. Klincksieck, 1914.
- Ernout 1920 – Ernout A. Historische Formenlehre des Lateinischen. Heidelberg: C. Winter's Universitätsbuchhandlung, 1920 (= Indogermanische Bibliothek / Hrsg. von H. Hirt und W. Streiberg).
- EM – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. Retir. de la 4e éd. augm. d'add. et de corr. par Jacques André. Paris: Éd. Klincksieck, 2001.
- Fanciullo 2012 – Fanciullo F. I vocalismi (tonici) romanzi: siamo davvero così sicuri di quello che è successo? Un caso "transizionale" (<http://media.leidenuniv.nl/legacy/fanciullo.pdf>).
- LEW – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962–1965.
- GEW – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960–1972.
- Geldner 1886–1896 – Avesta. The Sacred Book of the Parsis / ed. by Karl F. Geldner. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1886–1896.
- Georges 1913/18 – Georges K. E. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1913–1918.
- Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki 1900–1927 – Słownik języka polskiego / ułożony pod red. Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego. T. I–VIII. Warszawa, 1900–1927.
- Klingenschmitt 1968 – Farhang-i Ōīm. Edition und Kommentar (Teildruck). Inaugural-Dissertation der Philos. Fak. der Friedrich-Alexander-Univ. Erlangen; Nürnberg: vorgelegt von Gert Klingenschmitt aus Coburg. Erlangen: Josef Hög, 1968.
- Liddell–Scott–Jones 1996 – Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon / rev. and augm. by sir H. S. Jones with the ass. of R. McKenzie. Oxford: Clarendon Pr., 1996.
- LKŽe – Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 1941–2002 (<http://www.lkz.lt>).
- Lindsay 1893 – Lindsay W. M. Two Pelignian Inscriptions in Saturnian Metre // The Classical Review. 1893. Vol. 7 (03). P. 103–107.
- Lindsay 1895 – Lindsay W. M. A Short Historical Latin Grammar. Oxford: Clarendon Press, 1895.
- KEWA – Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen / A Concise Etymological Sanskrit Dictionary. Bd. I–IV / unter Mitarbeit von Heinz Dieter Pohl, Rüdiger Schmitt und Ronald Zwanziger. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1956–1980.
- EWA – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–III. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1992–2001.
- Meiser 1998 – Meiser G. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.

- Miklosich 1862–1865 – Miklosich F. von. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: emendatum auctum*. Vindobonae: G. Braumueller, 1862–1865.
- Mūlenbachs & Endzelīns 1923–1932 – Mūlenbachs K. *Latviešu valodas vārdnīca / Redīgējis, papildinājis, turpinājis* (J. Endzelīns, K. Mūlenbach. *Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin*). Sēj. I–IV (1929–32). Rīgā, 1923–1932.
- Sihler 1995 – Sihler A. L. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- Schrijver 1991 – Schrijver P. *The reflexes of the PIE laryngeals in Latin*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1991.
- Schweizer-Sidler & Surber 1888 – Schweizer-Sidler H., Surber A. *Grammatik der lateinischen Sprache*. 1. Teil. 2. Aufl. Halle/S.: Verl. der Buchhandlung des Waisenhauses, 1888.
- Stolz 1894 – Stolz Fr. *Historische Grammatik der lateinischen Sprache*. 1 Bd.: *Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre*. [1] Hälfte: *Einleitung und Lautlehre* // Bearb. von H. Blase, G. Landgraf, J. H. Schmalz, Fr. Stolz, Jos. Thüssing, G. Wagener und A. Weinhold. Leipzig: Trübner, 1894.
- Stolz & Schmalz 1910 – Stolz Fr., Schmalz J. H. *Lateinische Grammatik; Laut- und Formenlehre. Syntax und Stilistik*. [3.] Aufl. / *Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft*. [II.] Bd., 2. Abt. // Hrsg. von Dr. Iwan von Müller. München, C. H. Beck (O. Beck).
- Vasmer 1953–1958 – Vasmer M. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III]. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1953–1958.
- AiGr. – Wackernagel J. *Altindische Grammatik*. / von A. Denrunner und J. Wackernagel Bd. I–III. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1896–1930.
- Walde & Hoffmann 1938–1956 – Walde A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* / 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann, Registerband: zusammengest. von Elsbeth Berger. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsverlag, 1938–1956.

S. G. Bolotov. The theefold reflexion of *shortened* Indo-European long syllabic resonants in Latin

The article presents a continuation of a previous study (Bolotov 2012) which established three possible reflexes of $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{m}$, $*\bar{n}$ in Latin: not only the traditionally accepted $\bar{l}\bar{a}$, $\bar{r}\bar{a}$, $\bar{m}\bar{a}$, $\bar{n}\bar{a}$ (= $R\bar{a}$), but also $\bar{l}\bar{e}$, $\bar{r}\bar{e}$, $\bar{m}\bar{e}$, $\bar{n}\bar{e}$ (= $R\bar{e}$) and $\bar{l}\bar{i}$, $\bar{r}\bar{i}$, $\bar{m}\bar{i}$, $\bar{n}\bar{i}$ (= $R\bar{i}$). It addresses the threefold character of the reflexion of *shortened* Indo-European long syllabic resonants. This shortening took place in Latin in the period when Latin stress was not yet fixed on the initial syllable and was free like Indo-European stress is supposed to be. When the traditionally accepted ancestors of Indo-European shortened long syllabic resonants look in Latin like $\bar{a}l$, $\bar{a}r$, $\bar{a}m$, $\bar{a}n$ (= $\bar{a}R$) it seems logical to assume the shortened counterparts of the $R\bar{e}$ and the $R\bar{i}$ series to look like $\bar{e}l$, $\bar{e}r$, $\bar{e}m$, $\bar{e}n$ (= $\bar{e}R$) and $\bar{i}l$, $\bar{i}r$, $\bar{i}m$, $\bar{i}n$ (= $\bar{i}R$), accordingly [at least at the stage before the succeeding sound changes took place]. The first part of the article treats the primarily quantitatively opposed series $R\bar{a}$ (long) and $\bar{a}R$ (long shortened), as well as $\bar{a}R$ series without corresponding non-shortened pairs, and roots

(bases) with $r\bar{r}$ (long) and $\bar{r}r$ (long shortened) correspondences, as well as with $\bar{r}r$ that have no long counterpart.

Some more new etymologies (including several orphan ones meeting their cognates and otherwise left unattached) fitting newly proposed correspondences as well as several adjustments to the existing etymological (historical-phonetic, historical-morphological) solutions are proposed.

As before, the major part of the apposed material appears to be Baltic or Indo-Aryan because of their special ability to mark both resonants' syllabicity and length, but also

helping to establish the prosodic (accentual) status of the bases being treated (due to the fact that the shortening of Celtic-Italic lengths is supposed to be linked to unaccented vowel or syllabic resonant position, see Dybo 1961).

The author again follows a rather disjunctive tendency both in morphological attestation (thus avoiding arbitrary root-base settings, ad hoc affixation admissions and multiple paradigm mixtures) and in semantic specification (in order to avoid any notion of derivation from *beating-cutting*) his targets being: (1) most precise word-to-word fronting and (2) evasion of oversized nesting bundles of Indo-European etyma.

Keywords: Indo-European (Proto-Indo-European), Indo-European long syllabic resonants, shortened Indo-European long syllabic resonants, $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{m}$, $*\bar{n}$, Latin language (Latin), shortening of Celtic-Italic lengths, alternation of quantities (lengths), movable stress (pitch), accentual valency, accentual paradigm, accentual mobility, syllabic intonations, metatony.

**АНОНИМНАЯ ПРОПОВЕДЬ О ВОПЛОЩЕНИИ БОГА
СЛОВА В РУКОПИСИ CGM 176 ИЗ СОБРАНИЯ
БАВАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ**

В статье впервые публикуется текст средневерхненемецкой проповеди о воплощении Бога Слова по единственному известному списку начала XIV в., представленному в рукописном сборнике францисканских духовных прозаических текстов из собрания Баварской государственной библиотеки (Cgm 176). На основании обнаруженных параллелей с двумя немецкими трактатами Давида Аугсбургского из этой же рукописи предлагается гипотеза о том, что данный текст происходит из южнонемецкой францисканской среды, однако был переписан из сборника, не связанного с рукописной традицией давидовского корпуса.

Ключевые слова: немецкая духовная проза, проповеди, средневерхненемецкий язык, рукописная традиция, Давид Аугсбургский

Традиция ранней немецкой духовной прозы, представленной в сочинениях южнонемецких францисканцев, зародилась и сформировалась в основных чертах в третьей четверти XIII в., однако самые ранние из сохранившихся сборников (Баварская государственная библиотека Мюнхена: Cgm 183, Cgm 176, Cgm 132 и Cgm 6247) относятся к концу XIII и началу XIV в. Мюнхенский малоформатный пергаменный манускрипт Cgm 176 (M₁), по палеографическим и лингвистическим признакам датируемый первыми годами XIII в. и локализуемый в Регенсбурге (смещение восточношвабского и баварского диалектов с преобладанием восточно-среднебаварских черт)¹, содержит почти полный корпус текстов, принадлежащих к литературной традиции, восходящей к Давиду Аугсбургскому (ум. 1272), наставнику новиков в регенсбургском и аугсбургском францис-

¹ Рукопись была впервые описана в каталоге Э. Петцета (Petzet 1920: 317–321, затем более подробно в монографии Фр. М. Шваб (Schwab 1971: 11–17); последнее и наиболее полное описание рукописи с указанием изданий и параллельных версий текстов было выполнено автором настоящей статьи: Бондарко 2014: 123–139 (там же см. указания на исследовательскую литературу, посвященную Cgm 176). Важные наблюдения по поводу палеографических и языковых особенностей этого списка были сделаны К. Шнайдер: Schneider 2009: 19–20; 23–25.

канским конвентам, а кроме того – все восемь проповедей одного из сборников немецких проповедей, приписываемых его собрату Бертольду Регенбургскому (Z*). Остальные тексты также относятся либо к рукописной традиции Бертольда (X 64, X 65, Y 124, Y 125, Y 127), либо представляют собой «конвой» (Mitüberlieferung) в списках давидовской и бертольдовской традиции (прежде всего в рук. Cgm 354 и Cod. UB Heidelberg 567). Основная часть этих памятников издана (многие из них, правда, – в других редакциях или по другим спискам), но даже и неизданные короткие анонимные тексты хорошо известны в исследовательской литературе. Исключение составляют два немецких текста и несколько кратких латинских цитат и предложений, расположенные в самом начале рукописи на л. 1^r–5^v.

Во второй части своего фундаментального труда по палеографии немецкоязычных рукописей XIII–XIV вв. (Schneider 2009) известный немецкий палеограф К. Шнайдер заострила внимание на палеографических и графематических отличиях текста на л. 1^r–5^v от всей остальной части рукописи (Schneider 2009: 21): не вызывает сомнения, что речь идет о двух разных писцах (или скорее всего монахинях-переписчицах). Весьма возможно, что каждый из них работал с разными источниками: оба немецких текста представляют собой уникалы, прочие списки которых неизвестны. Здесь они издаются впервые в виде транскрипции, приближенной к дипломатической².

1. [Christus das lebendige Wort Gottes]

(1^r) Nv sprichet sant Pavlvs . | Gotes vorht sol wonen in vnserm herzzen
reichlichen³ | daz ist daz lebentige wort ifc xpc vnser herre . von dem
sc[r]ibet⁴ . S . Joh[anne]s . | Daz wort was in dem angenge⁵ . | Daz angenge
was div heilig gothait | Div ist ein angenge an angenge . vnde ein end an
5 ende⁶ . | Ditz wort wart gesant her en (sic!) ertriche vnde was wonende in
dem himelreich⁷ . | Ditz was daz wort Da von der weissag sprach . | Das
wort ist ze fleische worden⁸ . | Ez wort ze fleisch jn der stvnd . Do er

² Не соблюдается разбиение текста на строки в рукописи. В качестве знака для разграничения законченных предложений и клауз с бессоюзной связью используется вертикальная черта.

³ Col. 3,16.

⁴ В рук.: sc'bet

⁵ Ioan. 1,1

⁶ Ср. Ioan. 1,1–3.

⁷ Ср. Ioan. 1,9–10.

⁸ Ioan. 1,14.

empfangen ward jn kew(1^v)schen mage leip seiner m̃vter . | Do wort er
 mensch in ertreiche⁹ vnde was hie mit vns beleibende . | Man sprichet | Got
 10 sch̃vf mit einem wort himel vnde erde . | Das wort was sein liber svn iħc
 x̃pc . | Der was daz lebentig wort . | Daz was in dem¹⁰ angenge . vnde got
 was daz wort . | Daz selbe wort daz got was . vnde ist . daz chom her in
 ertreiche . vnde gab sich zesehen . vnde zehoren . vnde was doch in
 himelriche in seines vater schozze wonende . | vnde als ir secht daz wir
 15 vnsers herren leichnamen enfahen als das svzze wort (2^v) iglich mensch
 enfahet got . gänzlichen vnde vol chomenlichen . vnde ist er doch in siner
 chraft niht minner denne er ê was . | Des merchet ein glichnvsse an der
 creat̃vr . | ir sehet wol | der svnnen stat in der hōhe des himels . vnd geit
 sein schōn hern ertriche aller geschepft . vnde wirt doch der schein der
 20 svnne . niht gesvndert . von dem svnne . | ze gelicher weis schein daz
 himelriche (sic!) lieht vnser here iħc x̃pc . hern in ertrich . vnde wort doch
 geschaiden von seines vater herzzen . | Der himelisch s̃vn schein dvrch daz
 rain venster . vnde erlṽht daz tempel | daz was div chrihsten(2^v)hait (sic!) . |
 das venster was sein rainiv m̃vter . div ward erlevhtet von seiner
 25 menschaĩt . | Also sc[r]ibet¹¹ sant Joh[anne]s . von im | daz ist ein lieht daz
 alliv lieht erlṽhtet . vnde von dem elliv dinch ir leben vnde ir wesen
 habent¹² . | Nv merchet disw wort . | So div svnne schinet in daz glas so
 nimt¹³ si des glases varbe an sich vnde wirt der schein da weiz . rot . gr̃vn .
 gel vnde bla | ze geleicher weis hat vnser herre iħc x̃pc getan . | Er schain in
 30 daz lavter glas . der rain magde leip sant Marein vnde nam di menschaĩt
 von ir . vnde chōm also zv ir . vnde von ir . daz ir magtvm (3^v) nie verwert
 wart . | waz nimt auer daz glas von dem svnne . | entriwen daz t̃vt ez
 chlarhait . | ze gelicher weis nam vnser frowe chlarhait von dem lebentigen
 svnne . | was aber der svnnen von dem glas nam daz merchet . | ir sehet
 35 wol | so div svnne schinet durch daz glas so nimt der¹⁴ svnnen schein des
 glases varbe an sich . vnde belibet doch daz glas gantz vnde vnuerwert
 vnde verlwsset doch div svnne niht ir chraft . | ze gelicher weis nam er des
 glases varbe an sich . daz was siner m̃vter gēlich . | sin ovgen sin mvnt sin
 nase sin bain sin hende vnde elliv seiniv gelider . (3^v) waren nach ir leibe
 40 vnde nach ir gescheftē . | er was ir geleicher danne ie chain chint siner
 m̃vter . wan ain ieglich mensch ist zwair menschen chint. vnde aber div
 rain Maria het ainen ganzzen s̃vn baidiv an vol chomener gelich vnde
 leibe . | Daz was div varbe di der himeliche svnne enphie . von dem glas
 daz er ir gelich was . an ovgen an mvnde vnde an seiner menschaĩt . | Daz

⁹ Ср. Иоан. 1,9–10.

¹⁰ Здесь, как и в некоторых других случаях написания этого слова, в рук. используется сокращение *de* .

¹¹ В рук.: *sc^lbet*

¹² Ср. Иоан. 1,4.

¹³ После *nimt* в рук. следует зачеркнутое слово *er*.

¹⁴ *der*] Первоначальный вариант *div* исправлен – в рук.: *d^ser*.

¹⁵ Ср. Иоан. 1,1.

45 was daz lebentig wort . daz von himel gesant wort . vnde was hie wandelt
in menschlicher natŭr . vnde was in himelreich in gotlicher natŭr . | Ditz
wort was vnser herre iŭc xpc daz (4^r) lebentig wort . vnde daz wort ist got
selbe¹⁵ vnde daz wort sol wonen in ivrem herzzen reilichen . || (M₁, 1^r–4^r).

[Христос – живое Слово Божье]

Святой Павел говорит: *Слово Христово да вселяется в вас обильно* (Кол. 3:16) – то есть, живое Слово Иисус Христос, Господь наш. Об этом пишет св. Иоанн: *В начале было Слово* (Ин. 1:1), началом было Святое Божество – Оно есть начало без начала и конец без конца. Это Слово было ниспослано сюда, в мир и жило в мире. Это было Слово, о котором пророк сказал: *Слово стало плотию* (Ин. 1:14). Оно стало плотью в тот час, когда Оно было зачато в целомудренном теле Девы, Матери Его. Тогда стал Он человеком в мире и пребывал здесь с нами. Говорится: Господь создал одним Словом небо и землю. Словом был Сын Его любимый Иисус Христос. Он был Словом живым. Оно было в начале, и Бог был Словом. Это же самое Слово, которое было и есть Бог, – Оно снизошло сюда в мир и дало видеть и слышать Себя – а все же пребывало в Царстве Небесном в лоне Отца Своего. И так же, как вы видите, что мы принимаем тело Господа нашего как сладостное Слово, [так и] каждый человек принимает Бога целиком и полностью – а все же Он не становится в силе Своей меньше, чем был прежде.

Обратите внимание на подобие этого в природе. Вы хорошо видите: солнце находится высоко в небе и отдает свою красоту сюда в мир каждому творению – и все же сияние солнца не отделено от солнца. Подобным же образом светил Небесный Свет – Господь наш Иисус Христос – сюда, в мир – и все же [не] был отделен от сердца Отца Своего. Небесный Сын светил через чистое окно и освещал храм: это были христиане. Окном была Его пречистая Мать – она была освещена Его Человечеством. Святой Иоанн пишет о Нем так: Это Свет, который освещает все светильники, и от которого все вещи берут свою жизнь и свое бытие (ср. Ин. 1:4). А теперь внимайте слову сему: когда солнце светит в стекло, то оно принимает цвет стекла, и тогда свет становится белым, красным, зеленым, желтым и синим. Подобным же образом поступил и Господь наш Иисус Христос. Он проник своим светом через чистое стекло – тело пречистой Девы святой Марии – и взял от нее Человечество, и пришел к ней и [вышел] от нее таким образом, что ее девство так и не было нарушено. Но что же берет стекло от солнца? Поистине – ясность! Подобным же образом Госпожа наша получила ясность от солнца живого. А о том, что солнце взяло от стекла, внимайте следующее. Вы хорошо видите: когда солнце светит через стекло, то солнечный свет принимает цвет стекла, а все же стекло остается целым и невредимым, и тем не менее солнце не теряет свою силу. Подобным же образом принял Он цвет стекла,

подобного Матери Его. Его глаза, Его рот, Его нос, Его ноги, Его руки и все Его члены имели форму ее тела и ее облика. Он походил на нее более, нежели какой-либо другой ребенок на свою мать. Ибо каждый человек – дитя двух людей, а у пречистой [Девы] Марии был один Сын целиком, совершенно подобный [ей] как [лицом]¹⁶, так и телом. Это был тот цвет, который принял небесный луч от стекла, так что был подобен ему очами, устами и своей человеческой природой. Это было Слово живое, которое было послано с Небес и преобразовалось здесь в человеческую природу, но пребывало в Царстве Небесном в природе божественной. Этим Словом был Господь наш Иисус Христос, Слово живое, а Слово есть сам Бог (*ср. Ин. 1:1*), и Слово должно пребывать в вашем сердце обильно (*ср. Кол. 3:16*).

2. [Reichtum der Tugend]

Daz dritte reichtvm der tvgent . daz ist daz dein herze mit tvgent bestreut
 si . daz got auf der minne auf den tvgenden in dem herzze zv diner sel
 flizzen *sei*¹⁷ . vnde smechet ez denne von tvngenden din herzze reht als
 liligen vnde rosen . mit viol der in gestreut si . | So gemahelt er sich diner
 5 sel danne minnechlichen in im selben svzlichen in dir selben
 svnderlichen . iv baiden ze ainer ainvnge . daz ist div sel vnde got
 liplichen trachlichen geistlichen ein ge(4^v)smolzen vnde gervnnen mit
 einem veraiten geist vnde mit armvt des geistes . || (M₁, 4^r–4^v).

[Богатство добродетели]

Третье богатство добродетели – в том, чтобы твое сердце было обсыпано¹⁸ добродетелью, чтобы Бог излился в твою душу – на любовь, на добродетели в сердце, и чтобы возблагодухало тогда твое сердце добродетелями, словно лилии и розы – фиалкой, [лепестками] которой они обсыпаны. Тогда обручается Он с твоей душой по отдельности: в Себе самом любовно, в тебе же самом сладостно – ради соединения вас обоих, то есть, чтобы душа и Бог понемногу духовно переплавились и перетекли [друг в друга] единым воспламененным духом и нищетой духа.

Что касается второго из этих текстов («Богатство добродетели»), то, судя по всему, это заключительная часть некоего не сохранившегося полностью трактата о пути к мистическому

¹⁶ Возможно, текст рукописи в этом месте испорчен: данное слово восстанавливается на основе ближайшего контекста.

¹⁷ В рук. это слово зачеркнуто: *sei*

¹⁸ Это выглядящее несколько неожиданным буквальное значение глагола *bestreuen* проясняется в следующем придаточном предложении, в котором добродетель аллегорическим образом соотносится с фиалкой и ее лепестками.

союзу души с Богом при посредстве добродетели. Здесь используется традиционная для духовно-мистических текстов метафора духовного горения и плавления души при ее слиянии с Богом¹⁹. Впрочем, этот текст слишком краток, чтобы делать какие-либо предположения о его происхождении. Зато первый текст заслуживает более пристального внимания.

Жанр текста, который Э. Петцет условным образом озаглавил как «Христос – живое Слово Божье» («[Christus das lebendige Wort Gottes]»), легко определяется как проповедь. Она начинается с двух цитат из Свящ. Писания – Кол. 3:16 и Иоан. 1:1, которые могут рассматриваться как начальные композиционные элементы тематической проповеди (*sermo*) – *thema* и *prothema*. Правда, этот относительно краткий текст, посвященной теме воплощения Логоса, не содержит характерной для классической средневековой проповеди системы аргументов, однако он представляет собой весьма связное аллегорическое толкование 1-й главы Евангелия от Иоанна. Кроме того, здесь несколько раз используется характерное для проповеди обращение к слушающей или читающей публике с использованием императива 2-го л. мн. ч. от глагола *merken* («заметьте», «обратите внимание», «внемлите»): *Des merchet, Nv merchet disw wort*. Есть и другие примеры апелляции к публике: *vnde als ir secht daz...; ir sehet wol...* (дважды). Некоторые стандартные элементы проповеди (например, заключительная молитва) отсутствуют, однако они здесь и необязательны: мы имеем дело с проповедью, предназначенной не для произнесения с церковной кафедры, а для чтения в келье (*Lesepredigt*).

Вторая часть проповеди²⁰ затрагивает мариологический аспект темы воплощения Христа. Основное место занимает здесь аллегорическое уподобление Девы Марии стеклянному сосуду, сквозь который проникает луч света (Святой Дух), не повреждая стекла, но при этом окрашиваясь в его цвет. Эта подробно описываемая образная аналогия связывается с темой полного подобия человеческой природы Христа, не имевшего земного отца, своей матери. Примечательно, что для этой части текста обнаруживаются параллели в двух памятниках, принадлежащих к

¹⁹ Этот образ используется, в частности, в трактате «Семь ступеней молитвы» Давида Аугсбургского (редакция А) – при описании шестой ступени созерцательной молитвы (DM I: 394,11–18).

²⁰ В нашем русском переводе она выделена в качестве отдельного абзаца.

традиции Давида Аугсбургского (также представленных в списке M₁) – трактатах «Жизнь Христова – наше зеркало» (“Christi Leben unser Tugend”) и «Толкование на Ave Maria» (“Ave-Maria-Auslegung”)²¹.

Наиболее близкое параллельное место с той же комбинацией обоих мотивов содержится в «Жизни Христовой»:

Ditz licht enphiench div reinnist mvter von des . hiligen geistes . minne . magt wesen . | vnde als reinchliche si dich enphiench an alle svnde alz reinchliche gebat si in an allen wen . daz ir magtlich reinicheit entweder halp . nie gechrenchet wart . | des waz niht wunder von dir dv alliv dinch maht div dv wilt . Sit wir sehen . daz ein svnne schin dvrich ein glas . brichet mit sinem liehte . vnde doch daz glas . gantz belibet . | vnde alz der svnne schin sich nach dem glase . verbet da ez dvrich schinet . also hastv ewiger svnne schin iſc x̄pe dich nach dem menschen . gevertet vnde nach siner natvre . die dv von der reinnisten m̄vter enphienge . | (M₁, л. 168^v–169^r)²².

Этот Свет приняла Пречистая Матерь от любви Святого Духа, будучи Девой. И столь чистым образом она приняла Тебя безо всяких грехов, столь чистым образом родила она Его²³ безо всякой боли, что ее девственная чистота никогда и никоим образом не была повреждена. В том и не было чуда для Тебя, который сотворил все вещи, какие хотел, – коли мы видим, что солнечный луч проникает через стекло своим светом, а все же стекло остается целым. И как луч света окрашивается сообразно стеклу, через которое он светит, так и Ты, вечный солнечный Свет, Иисусе Христе, окрасился сообразно человеку и его природе, которую Ты получил от [Твоей] Пречистой Матери.

²¹ Авторство обоих памятников в исследовательской литературе обычно приписывается самому Давиду Аугсбургскому – см. Schwab 1971: 159, 166. Однако «Жизнь Христова» представляет собой компиляцию на основе нескольких эксцерптов из более пространного трактата Давида «Об откровении и спасении человеческого рода» («Von der Offenbarung und Erlösung des Menschengeschlechts»), который однако, в полном виде представлен в единственном списке 3-й четв. XIV в. вне корпуса давидовских текстов – см. подробнее: Бондарко 2014: 76–78; 118–119.

²² Текст, приводимый здесь по списку M₁, издан в: DM I: 342,22–31; Бондарко 2014: 245,8–18.

²³ В других списках трактата используется местоимение dich (т. е. «Тебя»), смены грамматического лица не происходит.

Второй мотив (полная общность человеческой природы Девы Марии и Христа) вне связи с первым представлен в «Толковании на Ave Maria»:

Nie wart creatvre mit got so mahtich wan ez enwart nie creatvre mit im so gemeinhafft: mit dem vater hastv einen svn gemein, der din svn als natvrlich ist als der sine, swie daz doch si in einer andern weise. Mit dem svn hastv gemeine mer denne ie mÿter mit ir chinde, wan von din eines leibes an mannes gemein hastv in gechleidet mit der waren menscheit, vnd als er von dem vater hat die ewigen gotheit, also hat er von dir, rainew mvter, di liplichen menscheit. (АМА: 287,117–123; М₁, л. 265^r–265^v).

Никогда творение не обладало такой Божьей силой, ибо никогда не имело творение такой общности с Ним: с Отцом ты имеешь общего Сына, который столь же естественным образом твой Сын, как и Его, хотя и другим образом. С Сыном ты имеешь общего больше, чем какая-либо другая мать со своим ребенком, ибо от одного твоего тела, без общности с мужчиной ты облекла Его истинным Человечеством; и как от Отца обладает Он вечным Божеством так и от тебя, Пречистая Матерь, имеет Он Человечество по плоти.

Сходство текста проповеди с приведенными пассажами представляется весьма значительным – особенно в «Жизни Христовой», где наблюдается столь же подробное раскрытие двух сцепленных между собой мотивов. Нигде более в текстах южнонемецкой францисканской традиции аналогичных совпадений не обнаруживается²⁴. Таким образом, можно утверждать, что проповедь о Воплощении Бога Слова появилась в сборнике Sgm 176 не случайно. В этом тексте прослеживается заметное влияние поэтики Давида Аугсбургского (что, разумеется, не значит, что к его созданию он сам мог иметь какое-либо отношение). Вместе с тем тот факт, что проповедь не представлена в других сборниках давидовской традиции, хорошо согласуется с тем обстоятельством, что в рукописи М₁ она находится за пределами корпуса собственно давидовско-бертольдовских текстов: вместе с отрывочным текстом «Богатство добродетели» она была переписана из какого-то другого сборника, имевшего хождение в кругах регенсбургских францисканцев (вероятность того, что в М₁ представлен автограф

²⁴ Так, хотя в одной из глав трактата «Сад духовных сердец» (“Geistlicher Herzen Bavngart”) используется образ луча, проникающего беспрепятственно через чистое стекло (Vnd als der svnne glast an irresal durchvert daz luter glas, also... – BgH 213: 449, 36–40), однако в совершенно другом смысловом контексте.

проповеди, следует исключить в виду наличия в этом тексте ошибок и исправлений).

Литература

- Бондарко 2014 – Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст. СПб., 2014.
- АМА – David von Augsburg. Ave-Maria-Auslegung // Ruh K. (Hg.). Franziskanisches Schrifttum im deutschen Mittelalter. Bd. II. Texte. Von K. Ruh zus. mit D. Ladisch-Grube und J. Brecht. (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 86). München, 1985. S. 283–289.
- BgH – Unger H. Geistlicher Herzen Bavngart. Ein mittelhochdeutsches Buch religiöser Unterweisung aus dem Augsburger Franziskanerkreis des 13. Jahrhunderts. Untersuchungen und Text. (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 24). München, 1969.
- DM I – Pfeiffer Fr. (Hg.) Deutsche Mystiker des vierzehnten Jahrhunderts. Bd. I. Hermann von Fritslar, Nicolaus von Strassburg. David von Augsburg. Leipzig, 1845.
- Petzet 1920 – Petzet E. Die deutschen Pergament-Handschriften Nr. 1–200 der Staatsbibliothek in München. (Catalogus codicum manu scriptorum Bibliothecae Monacensis V,1). München, 1920.
- Schneider 2009 – Schneider K. Gotische Schriften in deutscher Sprache. II. Die oberdeutschen Schriften von 1300 bis 1350. Textband. Wiesbaden, 2009.
- Schwab 1971 – Schwab Fr. M. David of Augsburg's 'Paternoster' and the Authenticity of his German Works. (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 32). München, 1971.

N. A. Bondarko. An Anonymous Sermon on the Incarnation of the Divine Word in the Cgm 176 (Munich, Bavarian State Library)

The paper presents the first publication of the still unexplored sermon on the Incarnation of the Divine Word preserved in the single known manuscript of the early 14th century (Cgm 176, Munic, Bavarian State Library), written in the Eastern Middle Bavarian dialect and containing a rich collection of Franciscan devotional prose. On the basis of the revealed parallels in the two German tractates included in the discussed MS and attributed to David of Augsburg (†1272) it is argued that the sermon originated within Franciscan circle in Regensburg. Nevertheless, it had been copied from an unknown collection which stood apart from the mainstream manuscript tradition of Davidian text corpus.

Keywords: the Eastern Middle Bavarian dialect, Franciscan devotional prose, manuscript tradition.

Н. В. Брагинская, А. И. Шмайна-Великанова

МУЧЕНИК КАК АСКЕТ В ЧЕТВЁРТОЙ МАККАВЕЙСКОЙ КНИГЕ

Происхождение христианской аскезы и подвижничества как практик пустынников, впоследствии монахов, до открытий в Кумране возводили к стоикам и киникам, иногда к индийскими гимнософистам, известным тоже через греков. Но каким бы ни было происхождение практики христианской аскезы в реальности, образ аскета в религиозном, а не философском контексте появляется в Четвертой Маккавейской книге как способ рассказать на греческом философском языке о мучениках за веру. В форме философского греческого трактата автор пересказывает и толкует эпизод пыток и смерти мучеников из Второй Маккавейской книги, используя в изобилии атлетическую, аскетическую (подвижническую), воинскую, состязательную (агональную) лексику и образность. Это необходимо, чтобы выиграть состязание с киниками и стоиками на их поле, доказав, превосходство Торы как любви к мудрости (философии) над философией греков, так как Тора научает переносить страдания лучше, чем эллинские мудрецы. Из этой полемической задачи как бы произвольно возникает язык и система образов, в которых описывается новый феномен, для которого не было языка – мученичество за веру. Это происходит потому, что к греческому языку присоединяется идея искупительной жертвы, которая воскрешает в ставшими условными образах их мифологический и религиозный субстрат. Образной системе, созданной 4 Макк, была суждена долгая жизнь в христианской мартирологической, а затем и аскетической литературе.

Ключевые слова: Четвертая Маккавейская книга, иудеоэллинстическая литература, язык греческой философии в иудео-эллинстической литературе, иудейские источники богословия мученичества

Так называемая Четвертая Маккавейская книга (4 Макк) содержится в древнейших рукописях Септуагинты, но в число канонических или неканонических книг христианской Библии не вошла. Она написана неведомым иудеем диаспоры, ее автор – вероятный современник апостола Павла, хотя, возможно, он жил несколько позже, в конце первого или в самом начале второго века н. э. Ее собственное название – «О разуме» или «О разуме-самодержце» – известно нам из Евсевия и Иеронима,

которые приписывали ее Иосифу Флавию¹. Для ранних христиан это была библейская книга, через них она оказала влияние на христианское богословие. Ее читали и использовали отцы Церкви – Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Августин и др.²

Изучение ее влияния в западной науке началось сравнительно недавно, в последние десятилетия. Возможно, влияние иудейской книги, не вошедшей к тому же в Библию, на богословское осмысление мученичества казалось чем-то сомнительным. Положение изменилось во второй половине XX в. после работ, главным образом, О. Перлера, В. Х. К. Френда, Я. Ван Хентена, Д. Боярина и др. (Perler 1949, Friend 1965, Van Henten 1997, Boyarin 1999). Но прежняя точка зрения остается влиятельной. Так, известный историк Г. Бауэрсок считал мученичество в такой мере сугубо христианским явлением, возникшим-то впервые в Риме во время Нероновых гонений, что отнес рассказ о мучениках за веру не из 4 Макк, а из Второй Маккавейской книги (2 Макк) к разряду христианских интерполяций (Bowersock 1995: 26–27). И это несмотря на то, что 2 Макк не апокриф, входит в Библию и у католиков, и у православных и датируется при всех разногласиях эпохой до н. э. Что же касается идей, понятий и образов иудео-эллинистической 4 Макк, то исследователи постепенно обнаруживают исключительную близость их самым ранним христианским представлениям.

Эта работа посвящена тому, чтобы показать, как стремление автора 4 Макк поведать на греческом философском языке о еврейских мучениках за веру привело к возникновению раннехристианской системы описания святого – мученика и отшельника как победителя – атлета и аскета.

Первые известные нам гонения за веру произошли в эпоху Антиоха Эпифана. Это странное и таинственное, но историческое событие. Конечно, древние завоеватели часто разрушали святилища и даже специально уродовали изображения богов противника, «ослепляли», лишали их «ушей», отбивали головы, чтобы они не могли помогать своим почитателям. Это говорит скорее об их вере в силу чужих богов и нисколько не говорит о

¹ Евсевий Кесарийский. Церковная история, 3. 10. 6; Schwartz; Bardy: SC 31; Иероним Стридонский. О знаменитых мужах (*De viris illustribus*), 13: PL 23, 631; Диалог против пелагиан (*Dialogus adversus Pelagianos*), 2. 6: PL 23, 542.

² Один из последних обзоров воздействия 4 Макк на христианскую традицию см. Ziadé 2007.

задачах религиозного «реформаторства». Причина возникновения в условиях политеизма ультимативных требований к евреям отказаться от традиционного богопочитания и принять какое-то иное остается предметом дискуссий, мы в них сейчас не вступаем. Так или иначе, во 2 Макк впервые описывается ситуация, когда верующим иудеям предлагается или отречься от своей веры и своего Бога или претерпеть ужасные пытки и умереть, то есть описывается феномен мученичества, имеющий таким образом начало, но пока не обретший конца. Главы 6 и 7 представляют собой диалог мучителей и жертв: старца Элеазара, семерых братьев и их матери, которые в ответ на требование вкусить идоложертвенного утверждают свою веру. Замечательно, что таким образом первые обобщенно-богословские высказывания адептов библейской веры оказались как бы побочным продуктом их мученического опыта. В последних словах мучеников автор находит место выражению идей о загробном воздании, телесном воскресении, награде за верность, творении из ничего и др.

7.7. Когда первый скончался таким образом, на глумление вывели второго. Содрав у него с головы кожу вместе с волосами, его спросили: «Будешь есть? А то твоё тело начнут терзать, член за членом». 8. Он же в ответ на родном наречии сказал: «Нет». Потому и он в свою очередь принял пытку так же, как и первый. 9. Уже на последнем издыхании он сказал: «Ты, душегуб, лишаешь нас жизни сегодня, зато Царь мира нас, умерших за Его законы, восставит, чтобы навеки возродить нас к жизни».

Во 2 Макк есть много новых богословских мыслей, не заимствованных из греческой культуры, совершенно оригинальных. Однако в ней нет тех спортивных метафор, которые привычны для стоического и кинического отношения к страданию (они-то и появляются в 4 Макк). Нет и идеи воспитания атлета как «аскезы», что значило в греческом языке *обработку* – упражнение и развитие физических способностей. Поведение мучеников не результат какого-то воспитания, каких-то упражнений, ничего про это не сказано, автора интересует только верность, он говорит о пытках кратко, и все его внимание приковано к результату – искупительному смыслу жертвы.

Младший сын говорит Антиоху:

7. 37. «Я же, как и братья, отдаю и душу и тело за отеческие законы, прося Бога, чтобы скоро смиростивился Он над Своим народом и чтобы ты в испытаниях и страданиях признал, что только Он есть Бог. 38. И пусть на мне и на моих братьях прекратится гнев Вседержителя, справедливо павший на весь род наш!»

4 Макк представляет собой философский греческий трактат, который посвящен доказательству тезиса: благочестивый разум обладает абсолютной властью над страстями. Большая часть доказательства строится на расширенном и снабженном многими новыми деталями изложении и толковании эпизода мученичества из 2 Макк. В этой книге в изобилии появляется лексика и образность атлетическая, т. е. подвижническая, воинская, состязательная/агональная. Это естественно вытекает из того, что автор 4 Макк рассматривает Тору как противопоставленную греческой, божественную философию, софию, которая учит переносить страдания лучше, чем это делают эллинские мудрецы. Мы попробуем рассмотреть лексику, при помощи которой в 4 Макк происходит трансформация греческой состязательной терминологии и рождается новая этическая и мистическая парадигма.

Прежде всего, в 4 Макк возникает образ состязания и победы тех, кто, с обыденной точки зрения, терпит поражение и гибнет. Как в 4 Макк, так и в Новом Завете претерпевание гонений, поношений, пыток и казни описывается в терминах победы в атлетическом благородном состязании за добродетель (1. 10, 6. 10 и 9. 23). Победа не в том, чтобы одолеть и не в том, чтобы заключить мир с противником, уступив ему, но в том, чтобы выдержать враждебность и нападение и терпеть вплоть до того, как Бог даст награду, обещанную победителям: 4 Макк 9. 7–8³, 23, 11. 20⁴, 17. 15–16⁵; ср. Прем 10. 12⁶; 1 Кор 9. 24⁷

³ «Так давай же, тиранн, испытывай нас! И, если за благочестие ты умертвишь наши души, не мни, что, пытками причиняешь нам вред: ведь благодаря стойкости в тяжких страданиях мы стяжаем награды борцов за добродетель и будем у Бога, Коего ради мы и страдаем». Здесь и далее перевод 4 Макк Н. В. Брагинской и А. Н. Коваля (в печати).

⁴ «О достойное святыни *ратоборство* (ἀγών), в котором нас, стольких братьев, вызванных на состязание за благочестие, не победили!»

Язык арены использовался, чтобы придать благородство целям, которые окружающее большинство могло не признать похвальными, могло посмеяться над ними и осудить. Греческие философы пользовались этой метафорой, чтобы внушить своим слушателям, что единственное достойное состязание и единственная стоящая победа – это состязание за добродетель и власть над тем, что отвлекает от достижения добродетели. В речи Диона Хрисостома (О добродетели, Речь 8, 11–18) Диоген Синопский пришёл на Истмийские игры и объявил себя участником единственного состязания, в котором стоит стремиться к победе, – участником борьбы против страданий и наслаждений. Это была борьба не за ветвь или венок, но за счастье и добродетель на всю жизнь. Если наши несчастья мы воспринимаем в духе презрения к ним и подходим к ним с легкой душой, они против нас бессильны. И киники переосмыслили способность терпеть боль и насилие не как рабское поведение, а как благородную, как у победителей в Олимпии, выдержку в состязании за честь. Поэтому, прежде всего мы рассмотрим, как автор 4 Макк использует слово *ἀγών*.

Состязание, *агон*, – это первый образ, использованный автором 4 Макк, чтобы описать события на «арене» страданий (11. 20 см. выше прим. 4), где мученики состязаются за святость и добродетель (12. 14⁸) как противоборцы тирании, а весь мир смотрит на это состязание как зритель (17. 14)⁹.

Мы перевели термин *ἀγών* – борьба, битва, состязание, противоборство, тяжба, прение, подвиг словом «ратоборство». *Агон*

⁵ «Победило, однако, благочестие, увенчавшее своих *борцов* (*ἀθλητάς*). Кто же не дивился, глядя на *борцов* (*ἀθλητάς*) Божественного законодательства? Кто не был поражен?»

⁶ «[Премудрость] сохранила его от врагов, и обезопасила от коварствовавших против него, и в крепкой *борьбе* (*ἀγών*) доставила ему победу, дабы он знал, что благочестие всего сильнее».

⁷ «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает *награду* (*βραβεῖον*)? Так бегите, чтобы получить».

⁸ «Но они, умерев благородно, исполнили свой долг благочестия перед Богом; а ты горько возопишь – ты, ратоборцев (*ἀγωνιστάς*) за добродетель безвинно убивший!»

⁹ «Первым Элеазар вступил в ратоборство, мать семерых детей тоже стала бороться, и братья ратоборствовали, тиран выступал их противоборцем, а весь мир и нравы людские были зрителями» (*Ελεάζαρ δὲ προηγωνίζετο, ἡ δὲ μήτηρ τῶν ἑπτὰ παίδων ἐνήθλει, οἱ δὲ ἀδελφοὶ ἡγωνίζοντο· τύραννος ἀντηγωνίζετο· ὁ δὲ κόσμος καὶ ὁ τῶν ἀνθρώπων βίος ἐθεώρει*).

имеет и спортивные, и военные, и судебные коннотации. Метафорически слово использовалось уже в классической философии (например, Платон, Государство, 608b: «Ведь спор (ἀγών) идёт... о великом деле, гораздо более великом, чем это кажется, — о том, быть ли человеку хорошим или плохим», перевод А. Н. Егунова). Близкое значение «битвы» или «состязания» добродетели со злом имеет ἀγών в Прем 4. 2 и 10. 12, причём добродетель получает в награду венок.

Метафора спортивного состязания и награды за него как пути верных ко Христу не раз используется в Новом Завете (см. 1 Кор 9. 24–27; Флп 2. 16, 3. 13–14; 1 Тим 6. 12, 2 Тим 2. 5, 4. 78; Евр 12. 1; Иак 1. 12; 1 Пет 5. 4; Апок 2. 10, 3. 11). Но не всегда при этом в ход идет слово *агон*, крайне редкое в Септуагинте, но довольно частое в метафорическом смысле в Новом Завете (в Синодальном переводе — «подвиг», например: Флп 1. 30¹⁰; а также: Кол 2. 1; 1 Тим 6. 12; 2 Тим 4. 7; 1 Фес 2. 2; или «поприще»: Евр 12. 1¹¹). Во 2 Макк оно встречается только в прямом смысле слова: «битва, сражение» (см. напр. 2 Макк, 10. 28 и 14. 43¹²). Если говорить об иудейских писателях, то 4 Макк и в этом стоит ближе всего к Павлу и автору Премудрости. Братья и мать называют чудовищные пытки, в которых они переносят физическое насилие, несовместимое с достоинством свободного человека греко-римского мира, не страданием и позором, а *агоном*, состязанием, противоборством и битвой добродетели и насилия, из которого добродетель выходит победительницей. Мать в 16. 16¹³ провозглашает этот ἀγών «благородным». Благородная смерть, благородное состязание — эти образы войдут

¹⁰ «..таким же *подвигом*, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне»; здесь и далее Библия цитируется по Синодальному переводу.

¹¹ «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам *поприще*...»

¹² 2 Макк 10. 28: «Едва забрезжил рассвет, они двинулись друг на друга. Для одних не только доблесть служила залогом успеха и победы, но и убежище в Господе, тогда как другие ярость выбрали предводителем в *бою*».

2 Макк 14. 43: «Однако из-за *боя*, кипевшего кругом, он поторопился, и удар оказался неточен, а толпы тем временем уже врывались в ворота; тогда Разис смело взбежал на стену и храбро бросился с неё прямо в гущу народа».

¹³ «Дети, благородно это *ратоборство* (γενναῖος ὁ ἀγών), на которое призваны вы, чтобы свидетельствовать за народ. Ревностно *поборитесь* (ἐναγωνιάσαθε) за отчий Закон!»

затем в мартирологический словарь христиан (de Silva 1995; van Henten 2002). Добродетель выставляет мученикам приз (4 Макк 17. 12¹⁴). Их стойкость в пытках вплоть до смерти означает для них доблесть, почётную победу. Даже под самой страшной физической пыткой они добывают победу над тираном (16. 16).

Победа в состязании переходит в военную победу.

Мученики сравниваются с воинами, которые отказываются оставить своё место в строю (9. 23–24), и с городом, который выдерживает осаду и не сдаётся (7. 4). Мать прославляют как «Божью воительницу за благочестие» (16. 14). Автор прославляет мучеников за то, что они в глазах всего мира нанесли поражение Антиоху (17. 15–16). Он последовательно противопоставляет щитоносцев Антиоха, а по совместительству заплечных дел мастеров и побеждающих их безоружных людей, которые сами по себе – крепость и башни, отчего орудия пыток, именуемые «катапультами» (техническое устройство их неясно), метафорически являются орудиями осады крепости благочестия (4 Макк 8. 13, 9. 26, 11. 9; 26), а защищают братьев «доспехи совершенной добродетели» (4 Макк 11. 26). Слово «защитник», ὑπερασπιστής, образовано, как и русское от слова «щит». Но в греческом это не стёртая метафора, «защитник» тот, кто носит щит. Поэтому ж. р. «защитница» по-гречески не существует, за исключением 4 Макк 15. 29¹⁵, где мать мучеников названа ὑπερασπίστρια благочестия.

С центральной для книги идеей состязания-тяжбы-агона связано и представление о мученике как атлете (в славяно-русской христианской традиции «подвижник»).

Слово ἀθλητής не встречается в Септуагинте, за исключением 4 Макк в 17. 15 и 17. 16 (см. выше, прим. 5), ср. производные в 17. 12; 13 и 9. 8. Образ философа как атлета, который стяжает награду добродетели, также широко распространён в античной этической философии; Филон, следуя этой традиции, мог назвать «атлетом» патриарха Иакова (О трезвости, 65–66; ср. О том, что всякий добродетельный свободен, 26–27 и мн. др.). В 17. 12–16 мать резюмирует все происшедшее в развер-

¹⁴ «...ибо награду борцам выставляла тогда добродетель, она присуждала её за стойкость, а победа – это нетление в долговременной жизни»

¹⁵ «О мать народа, ты о Законе радательница, ты благочестию щит, ты стяжала награду за *работворство*, терзавшее саму утробу твою!»

нутой метафоре спортивного противоборства и полученных за победу наград Элеазара и братьев.

Хотя образ мученика как переходит впоследствии в рассказы о христианских мучениках и монахах, в Евангелиях слова этого нет, а в Новом Завете слова этого гнезда встречаются редко: см. атлетические образы в 2 Тим 2. 5, Евр 10. 32. Зато в 4 Макк 6. 10 Элеазар стойко «держит удары», как кулачный «благородный боец», в оригинале слово ἄθλητής: 6. 10. *Даже когда на него сыпались удары, старец, словно благородный боец, побеждал своих мучителей.*

Близко, хотя и не тождественно прозвищу «атлет» именование мучеников подвижниками, аскетами (ἄσκητής). Вот как об этом говорится в 4 Макк 12. 11:

О тиран, исполненный кощунства, нечестивейший из злодеев! Не стыдно тебе, получив блага и царство от Бога, перебить Его служителей и замучить подвижников благочестия (τοὺς τῆς εὐσεβείας ἄσκητάς).

Слово «аскет», также из спортивной терминологии, как и соответствующие глагол и сущ. ἄσκησις, широко используется в эллинистической философии и в иудейской литературе, но в Септуагинте более не встречается. Речь идёт о духовных упражнениях: укрощении страстей, контроле над поступками, мыслями и желаниями. Можно уверенно говорить о греческой традиции аскетике, ставшей впоследствии общим достоянием эллинистического и римского мира. «Аскезу» в том или ином варианте практиковали пифагорейцы (см., напр., Золотые стихи, 9–44); киники (напр., Диоген Синопский: см. Диоген Лаэртский, 6. 27, 34, 37, 49, 57, особенно 70, где аскеза подразделяется на два вида: душевную и телесную); стоики (напр., Эпиктет, Беседы, 3. 2. 1, 3. 3. 16, 3. 12. 8, 4. 1. 81); философы-эклектики (напр., Плутарх, Как узнать об успехе в добродетели, 79E: это место особенно подходит к сравнению Элеазара с кулачным бойцом, см. 4 Макк 6. 9–10)¹⁶. Первыс вводит термин и обсуждение практики аскезы в богословскую этику Филон (ἄσκησις встречается у него по TLG более чем в 200 случаях). Он соотносит три функции обучения у греческих софистов, а именно: усвоение-научение (μάθησις), природу (φύσις), упражнение / подвижничество (ἄσκησις) – с тремя патриархами: Авра-

¹⁶ Подробнее о духовной аскезе у греческих философов см.: Rabbow 1954.

амом, Исааком и Иаковом. Иаков предстает у него как образцовый аскет и атлет, духовный борец (Аллегии законов 3. 190 на Быт 32. 24 сл.); см. также Dupont-Sommer 1939: 132 и Klauck 1989: 735.

В Новом Завете соответствующему термину принадлежит сравнительно скромное место: Деян 24. 16¹⁷, хотя представление о духовном упражнении присутствует содержательно: ср. напр. 1 Тим 4. 7 сл. Видимо, древняя традиция античной «аскетики» перешла в христианство в основном не через посредство Нового Завета. Многие учёные считают, что начиная с Климента Александрийского и Оригена на христианскую патристику оказало влияние именно учение Филона об аскезе (подвижничестве). К этому, как нам кажется, можно добавить и влияние 4 Макк (см. также 13. 22).

Итак, новозаветные авторы, Павел прежде всего и корпус Павла, тоже использовали атлетическую образность. Венки, награды, поприща, упражнения, даже соблюдение «режима» спортсмена – всё это используется как язык для описания борьбы с самим собой, со своей слабостью, своим грехом (Евр 12. 1–4: «Вы ещё не до крови сражались, подвизаясь против греха»). Для них важно, чтобы претерпевание враждебности и противостояния неверующего общества предстало как стяжание награды, как благородный и почтенный подвиг (см. 1 Кор 9. 24–27; Флп 3. 12–14, 1 Тим 6. 12 2 Тим 2. 5, 4. 7 и др.).

Ключевые понятия здесь претерпевание, терпение, стойкость, ὑπομονή – как победа над собой или над властвующим над твоим телом мучителем. Терпение оказывается в Новом Завете и ранней христианской литературе одним из главных способов достичь Царства. И в 4 Макк, где слово ὑπομονή впервые используется как универсальная характеристика мученичества: казненные благодаря ὑπομονή предстают «пред Божественным престолом и живут блаженный век» или «вечность», *зон* (17. 18).

Нас будет интересовать сейчас, изменения смысла античной добродетели ὑπομονή в иудейском контексте.

Глагол ὑπομένω, от которого образовано ὑπομονή, означает «выдерживать, терпеливо сносить». В греческом языке этот глагол нейтрален, но существительное ὑπομονή стало со

¹⁷ «Посему и сам *подвизаюсь* (ἄσκησιν) всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми».

временем занимать важное место в списке греческих добродетелей: храбрая выдержка, стойкость, с которой мужественно отражают зло. В отличие от терпения *ύπομονή* активно: в нём есть идея сопротивления, хотя бы и без уверенности в победе. Однако *καρτερία*, «выдержка», – более «гордое» слово, чем *ύπομονή*. Когда они встречаются рядом, на долю *ύπομονή*, и в особенности однокоренного глагола, выпадает семантика «терпения»: мужественный атлет предпочел не стерпеть (*οὐχ ὑπέμεινεν*) ради спасения жизни операцию, уродующую его мужественность, но стойко выдержал (*ἐγκαρτερήσας*) боль и умер (Эпиктет, Беседы, 1. 2. 25).

Свободные греки классической поры, как известно, гордились свободой и не были согласны терпеть унижение, в их системе добродетелей стойкость наряду с выдержкой (*καρτερία*) являются подвигами мужества,¹⁸ хотя, как считал АРИСТОТЕЛЬ, часто трудно принять решение, «что ради чего следует претерпеть» (Никомахова этика, 1110a30). Упорство только из страха быть осуждённым окружающими ещё не добродетель; достойна лишь выдержка из любви к чести и вообще нравственно прекрасному (Платон, Апология, 28с; ср. Евр 12. 2)¹⁹. Античные философы эпохи эллинизма тоже были, как уже говорилось, исключительно сосредоточены на проблеме страдания и достойного перенесения несчастья, боли, пытки и смерти. Однако в эллинистическом мире самодержцев и тиранов идеалы свободы, которые отстаивали стоики и киники и ради коих претерпевали страдания, это уже не гражданские свободы, это анархическая свобода мудреца от безумного мира. Философы,

¹⁸ Аристотель, Никомахова этика, 1115b17–23: «Следовательно тот, кто и стойкость проявляет и страх испытывает по должному поводу, ради должной цели, как и когда должно (точно так проявляет он и отвагу), по заслугам именуется мужественным и в согласии с разумом мужественный совершает поступки и испытывает воздействия», 1117a32–35: «Мужественными называются за стойкое перенесение тягот» (перевод Н. В. Брагинской). Arnim, III, p. 64, 1: «Мужество состоит в том, чтобы выстоять», ср. *ibid.*, 72, 37. Деметрий Фалерский у Стобея, Эклоги, III, 345, 13 сл: «Мужество (*ἀνδρεία*) приказывает оставаться на месте... и соблюдать строй». – «Но стреляют». – «Стой на месте». – «Но меня ранят!» – «Держись».

¹⁹ Аристотель, Никомахова этика, 1115b23 сл: «Так что нравственно прекрасное и есть та цель, ради которой мужественный терпит (*ύπομένει*) и совершает поступки, подобающие мужеству». Псевдо-Платон, Определения, 412с: «Выдержка – это стойкость в горе ради прекрасного».

как и герои 4 Макк, полагали, что именно в этой ситуации философия проходит испытание и подлинный философ должен показать, что он отличен от лицедея, который предан добродетели только при хорошей погоде. У стоиков *ὁλομωή* – это тоже разновидность мужества²⁰. Упражнение души состоит в воздержании от удовольствий и умении выстоять в тяжелых обстоятельствах²¹. Под влиянием стоиков Филон также связывает *ὁλομωή* с мужеством и выдержкой, *καρτερία*, и даже называет эти добродетели самыми сильными, способными сделать мысль неприступной твердыней и окружить её собою, как стенами крепости²².

Истинный мудрец, считали стоики, выше насилия. Никакая внешняя сила или угроза не может поколебать решимости оставаться добродетельным и преданным одной добродетели и не заботиться обо всем остальном – об имуществе, репутации, о самой жизни, т. е. о том, что стоики считали «внешними благами». Так, Эпиктет объявляет поистине свободным и находящимся выше всякого насилия и принуждения того, над кем не имеет власти ни наслаждение, ни зло, ни голод, ни боль, и кто, если это покажется ему благом, предпочтёт откусить и выплюнуть язык, который ему хотят отрезать, и покинуть эту жизнь (Беседы, 3. 24. 71). Кесарь может угрожать и причинить ущерб: отнять собственность, положение в обществе и жизнь, но не может поработить волю мудреца, который не держится за брренное тело, способности, имущество, добрую славу, должности, почести, детей, братьев, друзей и считает все эти вещи «чужими» (Беседы, 4. 1. 60; 87). Таким образом, тиран лишается всей своей власти заставить человека действовать вопреки голосу разума.

Мученики в 4 Макк тоже описаны как совершенные примеры мудрецов в их способности преодолеть даже самое страшное насилие. Антиох дважды заверяет мучеников, что нарушение нормы под влиянием насилия не подлежит осуждению (5. 13, 8. 14), но они отказываются от позорного деяния, даже если оно

²⁰ Сенека, Нравственные письма к Луцилию, 67. 10; Эпиктет, Беседы, 2. 13: «...надо выстоять под ударами до смерти»; *Arnim*, III: 65 сл.

²¹ Мусоний Руф, Беседы, 6. 40 сл: «...душа обретает силу мужества, если упражняется в стойкости, перенося страдания, а силу умеренности обретает в воздержании от удовольствий».

²² Филон, О херувимах, 78. Ср. О неизменности божества, 13, Аллегории законов, 1. 65, Об изменении имён, 197.

может быть прощено. Стоики учили, что преодолевать все надо стойкостью. Филон заимствует это понятие, когда пишет о двух состязающихся на арене: один пользуется всеми приёмами нанести удары, а другой только все их получает, но выдерживает, благодаря своему крепкому телу и стойкому духу. Он-то и побеждает, когда атакующий выдыхается. «Что-то похожее, кажется мне, происходит с воспитанным человеком. Ведь после того как он укрепил свою душу неколебимой силой разума, он доведёт насильника до изнеможения, скорее чем сам сделает что-либо против совести»²³. Именно так мученики 4 Макк победили своих мучителей – стойкостью, которая стала возможной только благодаря их воспитанию в благочестии и благодаря Торе (1. 11, 6. 10, 7. 4, 9. 30), которая может быть уподоблена духовной аскезе философов. Но еврейские мученики не безразличны к привязанностям, не одиноки, не утверждают, что дети – это «чужое». Они жертвуют, а не сохраняют независимость.

Сенека в трактате «О стойкости мудреца» разрабатывает другой основополагающий догмат стоической этики: «Мудрецу нельзя нанести ни ущерба, ни оскорбления». Мудрец знает, что есть только одно надёжное обладание – обладание добродетелью, всё прочее остается на милости сил, которые нам неподвластны. Физическое насилие не оскорбление, потому что тело по природе подлежит боли и смерти; утрата собственности или положения не ущерб, ибо этого природа тоже не дала нам в распоряжение²⁴. В той мере, в какой мудрец непреклонен в

²³ Филон. О том, что всякий добродетельный свободен, 26–27. Тот же самый пример приводит и Плутарх (Как узнать об успехе в добродетели, 79Е: «Эсхил на Истмийских играх наблюдал кулачный бой. Когда один из бойцов получил сильный удар, зрители вскричали. Эсхил же, подтолкнув локтем Иона Хиосского, сказал: “Видишь, что такое упражнение (ἄσκησις)? Получивший удар молчит, а зрители кричат”» (этот и другие не оговоренные переводы принадлежат авторам статьи). Это место, наряду с рассуждением Филона, особенно удачно подходит к сравнению Элеазара с кулачным бойцом: ср. 4 Макк 6. 9–10.

²⁴ Автор 4 Макк обсуждает довод, известный как стоикам, так и академикам. Так Платон подчёркивает, что несправедливо оскорбить человека гораздо позорней, чем потерпеть несправедливое оскорбление (Горгий, 508 с-е), а Сенека (О стойкости мудреца, 16. 3) откликается на Платона, когда советует тому, кто стал жертвой, спросить себя: «...заслуживаю ли я, чтобы это было со мной? Если заслуживаю, то это не оскорбление, если нет, то пусть стыдится тот, кто это делает».

добродетели, он недоступен и причинению ему вреда. Как быть свободным перед лицом грубого насилия? – Игнорировать, оставаться невозмутимым, безмятежно спокойным.

Однако в 4 Макк дана апология страдания ради верности Богу, а не апология невозмутимости. Соответствующие технические термины ἀπάθεια и ἀναίσθησία не встречаются в 4 Макк вовсе, ἀταραξία только в 8. 26 и это «чужое слово», из чужих уст взятое без одобрения – слово греческого философа. И только однажды, хотя и в самом положительном контексте, встречается перипатетический и стоический термин ἐγκράτεια – «воздержанность» (5. 34).

Страдание переносить – достойно, даже благородно, если его претерпевают ради верности Богу и Закону: к этому призывают детей Авраамовых Элеазар, мать и автор 4 Макк (6. 22, 16. 1; 18–19, 18. 1). Два главных термина 4 Макк – это καρτερία, «выдержка», и ὑπομονή, «стойкость», и родственные им слова, в том числе глаголы (карτερία: 1. 12, 3. 12, 6. 13, 8. 26, 9. 9, 10. 11; 28, 13. 11, 15. 28; 30; 31; 32; 16. 14, ср. 9. 26, ὑπομονή: 1. 11 (2), 5. 23, 6. 9 (2), 7. 9; 22, 9. 22; 30, 13. 12, 15. 31; 32, 16. 1; 8; 17; 19; 21, 17. 4; 12; 17; 23 (2), а также ἐλκράτεια (чаще соответствующие глаголы) – «одержание (верха, победы)»: 1. 3; 14; 19; 31; 32; 33; 34, 2. 4; 11; 14, 3. 1; 18, 6. 32; 34, 8. 1, 13. 4, 17. 20). Но ни о какой бесчувственности и сверхчеловеческой бестрепетности речи не идёт – напротив, автор подчёркивает телесные муки, даже «расписывает» их, чтобы сказать о силе духа, их превосходящей (ср. O’Nagan 1974: 101).

В 4 Макк использование ὑπομονή во многом следует Септуагинте. В Септуагинте глагол ὑπομένω, используемый по отношению к Богу, означает «полагаться (на Бога), оставаться верным (Богу)». Это слово приобретает религиозные коннотации и относится не к враждебной силе, а главным образом к тому, на кого человек надеется, в ком его упование, так что в основном это говорится о Боге, Которому доверяют, на Которого надеются, от Кого терпеливо ждут милости и спасения. Праведники – это «надеющиеся на Господа» (Пс 36. 9; 34, 24. 3 и др.). Сущ. ὑπομονή в Септуагинте также передаёт слова со значением «надежда, доверие» (1 Хр 29. 15; 2 Езд 10. 2): Бог – надежда Израиля (Иер 14. 8, 17. 13) и отдельного человека (Пс 38. 7), ср. Пс 9. 18, 61. 5, 70. 5; Иов 14. 19; Сир 16. 13, 41. 2. Упование на Бога приобретает особую силу в эсхатологических ожиданиях

(Авв 2. 3; Ис 25. 9 *varia lectio*, 49. 23 *varia lectio*, 51. 5). Те, кто выдержат, дождутся спасения (Дан 12. 12 (*Theodotion*; Зах 6. 14).

Такое использование слова *ὑπομονή* в Септуагинте не вполне соответствует классическому греческому. Внимание – здесь не к внешним враждебным обстоятельствам, и, кроме того, сила для противостояния берётся не изнутри самого человека.

Обращённая к Богу *ὑπομονή* – это отношение, полное внутреннего напряжения (Пс 26. 14), но крепость и прочность – от Бога (Иов 6. 11; Ис 40. 31). Библия не призывает к самостоятельной стойкости. Если для греческого моралиста сочетание стойкости и надежды означает недопустимую слабость, то в Септуагинте стойкость надежду предполагает.

Мученики 4 Макк уповают на то же, на что и их прототипы в 2 Макк. Они надеются получить награды в будущем и как весь народ, освободившись от гнёта тирана (6. 27–28), и как отдельные люди (16. 25). Это «надежда, полная бессмертия», как выражается возможный современник автора 4 Макк (Прем 3. 4). «... благодаря этому злему страданию и *стойкости* мы стяжаем награды борцов за добродетель и будем у Бога, Коего ради мы и страдаем» (9. 7–8). Добродетель ведёт к блаженству – чести жизни у Бога (17. 18). пытки могут быть даже «использованы», чтобы явить добродетель *стойкости* во имя Торы (11. 12), сделать тем самым достойной доверия «божественную философию» (7. 9, 9. 7) и заслужить мистическую награду – нетление в долгой жизни, жизнь у Бога, у его трона, «блаженный эон», новое рождение для бессмертия (7. 19, 15. 2–3; 8. 16. 13; 25. 17. 18–19, 18. 23). И в этом отношении «иудейская философия» отлична от стоической. У стоика награда не мистическая, а нравственная. И античный мудрец считает полезным даже причинение ему вреда, потому что так он находит средства испытать себя и отдать свою добродетель на общий суд (Сенека, О стойкости мудреца, 9. 3). Стойкость же мучеников 4 Макк – и ради благочестия (13. 12, 16. 17; 19), и благодаря благочестию (9. 30), Богу (16. 21) и Закону (6. 30). Сама их стойкость – от надежды на Бога (17. 4). Возможно, в 7. 22 («Блаженство – *стойко* переносить ради добродетели любые страдания») содержится предвосхищение мученичества в христианстве, где мученическая смерть – условие блаженства (ср. Иак 1. 12²⁵), но в

²⁵ «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его».

целом ὑπομονή в 4 Макк означает и то, и другое: стоическое терпение и библейскую надежду.

Мы показали выше, как философский образ стойкости в иудейском контексте получил дополнительную окраску. В иной контекст попала и агонистическая образность²⁶. Агон, атлет и духовная аскеза, избранничество победителя в состязании, венок как награда за добродетель, даже духовная победа жертвы насилия над насильником – всё это есть в греческой философии. Но и близко нет идеи искупительной жертвы. А между тем она существенно меняет содержание заимствованных образов.

Вслед за автором 2 Макк автор 4 Макк представляет мучения и пытки девятиерых как принесение жертвы. Животное, которое приносят в жертву, свежуют, разделывают, жарят мясо на сковородах, во 2 Макк от сковород исходит запах жареного мяса (2 Макк 7. 5). Эти сковороды, перешедшие в последующей традиции в образы адских мук, не использовались реально в качестве орудий пыток. Чудовищные описания поджаривания и разделки человека заживо должны напомнить жертвоприношение, с которым хорошо знакомы люди этого времени. Но, конечно, не с человеческим.

Чтобы понять как парадоксальное соединение образа жертвенного животного и победителя оказалось возможно в христианской литературе, нужно не забыть о сакральном смысле победителя на состязании, посвящённом богам: олимпионик – образец совершенства и бессмертия славы, любимец богов. Именно этот образ, а также образ гибнущего агнца, были нужны христианам, чтобы изъяснить мысль о воскресении Распятого.

Рассмотрим теперь преобразование образов жертвы и победы и их взаимосвязь.

Воинская честь предполагает раны и увечья, но полученные в бою, а не в беспомощном положении, со связанными руками, в положении раба, пленного. Власть одного человека над телом другого на языке той эпохи означала позор, телесное наказание не должно было касаться свободных и «цивилизованных». Смерть матери, к которой никто не прикоснулся, мучительна, но благородна по общим меркам того времени. Но публичная пытка, обнажение, страдание и уродование, как распятие беглых или мятежных рабов, – это позорная казнь. «За отчее наше

²⁶ Любопытно, что борьба с устройством гимнасия как символа отказа от отеческих обычаев в угоду эллинским сыграла большую роль в протесте, вылившемся в Маккавейское восстание.

благочестие любая смерть – отрада!» – восклицает один из братьев (9. 29), и здесь важно это слово «любая». Это «новое слово» этики, которое откликается эхом в христианстве. И киник мог сказать палачу, как другой из братьев: «Огонь твой для нас прохладен, от катапульт не больно, насилие твоё немощно» (11. 26). И киник презирал пытку, но он презирал и своё тело, у киника всё начиналось и кончалось его гордостью и независимостью его духа от тела. Еврейские мученики терпят позорную в глазах мира смерть ради верности Богу и ради избавления своего народа. Как и в Откровении Иоанна, позорная казнь на кресте превращена в победу над врагами Бога (Апок 5. 5–6) и искупление Божьего народа (Апок 5. 9–10).

Автор 4 Макк воскрешает мифологические смыслы победы как победы над смертью, потому что его агон, его состязание и борьба – это борьба жертвы со смертью. В слове «атлет» по внутренней форме заключена награда (*ἄθλον*), это собственно «призёр». В самых последних словах книги эта внутренняя форма всплывает в старинном, гомеровском еще, эпитете «победоносный»: «Авраамовы же чада с победоносной (*ἄθλοφόρος*) матерью вливаются в хор отцов, чистые и бессмертные души получивши назад от Бога». Награда состоит в воскресении.

Мученики сами приносят себя в жертву не в нашем стёршемся смысле, а в прямом: их разделявают и жарят. Дважды автор 4 Макк использует редкое слово *ἱεροπρεπής*: «достойный принести жертву (*ἱεροπρεπής*) юноша исторг душу» (9. 25); и «подобающее жертве ратоборство» (11. 20). Второе особенно важно, так как переводит разговор в иной план. Речь идет о мистике искупительной жертвы, которая представляет собою победу над смертью. В мире, где миф господствует, омаших животных приносят в жертву, чтобы иметь приплод, медведя, чтобы он снова пришел, «вернулся», фармака и тотема для очищения и спасения всего племени.

Конечно, мистический план наследует мифу, где сражения или состязания на могиле умершего представляли собою именно то, из чего Еврипид сделал знаменитую сцену в «Алкесте»: Геракл бьётся на кулаках со Смертью и возвращает к жизни умершего. Мифологически бьётся сам покойник (*герой* здесь значит «умерший»). Если вспомнить легенды об основателях панэллинских игр, то Олимпийские основал борец со смертью, выходивший из ада Геракл, Пифийские – победивший дракона Пифона Аполлон, Истмийские – Сизиф, заковавший смерть (анализ

мифа о происхождении Немейских привел бы нас к тому же выводу, но потребовал бы слишком много времени). Сами игры проходили вокруг могилы умершего, что в историческую эпоху осмысляется как игры в память героя. Связь спорта и религиозного культа известна хорошо мировой и русской науке (см., напр., Латышев 1889: 97). На могилах изображали триумф и победу, «Победи!» писали на могилах в катакомбах.

Итак мы видим, что если 2 Макк впервые предлагает нам образы мучеников за веру, то 4 Макк рассказывает о них, используя терминологию, понятийный аппарат и образы греческой философии.

Чтобы выразить «инаковость» своих понятий, автор 4 Макк (как это делали и греческие философы с понятиями обыденного языка) систематически переворачивает традиционные: раб – это свободный, мука – это блаженство, беспомощность – победа, истязание – состязание, причём благородное, смерть – отрада, набожность, или благочестие, – философия. Но в тот момент, когда автор 4 Макк соединил с агональной образностью греческих философов религиозную идею искупительной жертвы, он воскресил в спортивных метафорах порядком затухеванный в его время и отодвинутый на задний план мифологический смысл агона и атлета – того, кто побеждает смерть в единоборстве, и потому награда его – венок из молодых гибких веток и побегов – из лавра, сосны или сельдерея, образ воскресенья.

Так заимствованные образы греческие образы трансформировались в иудейском контексте, чтобы получить затем долгую жизнь в христианском богословии.

Литература

- Латышев 1889 – Латышев В. В. Очерки греческих древностей. Вып. 2. СПб., 1889.
- Bowersock 1995 – Bowersock G. W. *Martyrdom and Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Boyarin 1999 – Boyarin D. *Dying for God: Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- deSilva 1995 – The Noble Contest: Honor, Shame and the Rhetorical Strategy of 4 Maccabees // *Journal for the Study of the Pseudepigrapha* 13 (1995). P. 31–35.
- Dupont-Sommer 1939 – *Le quatrième Livre des Machabées / introd., trad. et notes par André Dupont-Sommer*. Paris, 1939.
- Frend 1965 – Frend W. H. C. *Martyrdom and Persecution in the Early Church: a Study of a Conflict from the Maccabees to Donatus*. Oxford: Basil Blackwell, 1965.

- O'Hagan 1974 – O'Hagan A. The Martyr in the Fourth Book of Maccabees // *Studi Biblici Franciscani Liber Annuus*. 1974. Vol. 24. P. 94–120.
- Klauck 1989 – Klauck H.-J. 4. Makkabäerbuch. Gütersloh: Mohn, 1989. S. 645–763 (= *Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit*; Bd. 3: Unterweisung in lehrhafter Form, Lfg. 6).
- Perler 1949 – Perler O. Das vierte Makkabäerbuch, Ignatius von Antiochien und die ältesten Märtyrerberichte // *Reallexikon für Antike und Christentum*; Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt. Stuttgart: Hiersemann, 1949. Bd. 25. S. 47–72.
- Rabbow 1954 – Seelenführung: Methodik der Exerzitien in der Antike / Paul Rabbow. München: Kösel-Verl., 1954.
- van Henten 1997 – The Maccabean Martyrs as Saviours of the Jewish People: a Study of 2 and 4 Maccabees / by Jan Willem van Henten. – Leiden; New York, NY; Köln: Brill, 1997.
- van Henten 2002 – van Henten J. W., Avemarie F. Martyrdom and Noble Death: Selected Texts from Graeco-Roman, Jewish, and Christian Antiquity. London; New York, NY: Routledge, 2002.
- Ziadé 2007 – Ziadé R. Les martyrs Maccabées: de l'histoire juive au culte chrétien: les homélies de Grégoire de Nazianze et de Jean Chrysostome. Leiden: Brill, 2007.

**N. V. Braginskaya, A. I. Shmaina-Velikanova. Martyr as ascetic:
the novelty of the Fourth Book of Maccabees**

The origin of Christian asceticism as a practice of hermits and later, till the discovery of Qumran, has been traced back to the Greek philosophy, particularly, to Stoics and Cynics, as well as to Indian gymnosophists known also through the Greek mediation. However, whatever the origin of the Christian asceticism could have been in reality, in the Fourth Book of Maccabees the image of an ascetic emerges as a way to tell about martyrdom for faith in the Greek philosophical language. The author retells and interprets the episode of martyrs' tortures and death in the 2 Book of Maccabees in the form of a Greek philosophical treatise, amply using athletic, ascetic, military and agonal lexis and imagery. This is essential in order to win a competition with the Stoics and Cynics "on their field" by bringing evidence to the preeminence of the Torah as the love of wisdom (philosophy) over the Greek philosophy, since the Torah teaches how to bear sufferings better than the Hellenic sages. This polemic task as if involuntarily creates the language and the system of images that describes a new phenomenon, which had not had a language of description, i.e. martyrdom for faith. It happens as soon as the idea of expiatory sacrifice is associated with Greek agonistic images and this fusion forces a revival of the mythic substrate of the topical, faded and thus conventional imagery. This system of images created in the 4 Book of Maccabees was to enjoy a long life in the Christian martyrological and then ascetic literature.

Keywords: The Fourth Book of Maccabees, Greek philosophical language in the Judaeo-Hellenistic literature, Jewish origin of the Christian martyrology.

ΑΠΗΛΗΓΗΚΥΙΑ ΨΥΧΗ IN CLEM. ALEX. PAED. I, 8, 74, 2

В статье анализируется употребление Климентом Александрийским форм новозаветного причастия ἀπηλγηκώς («впавший в бесчувствие»). Оксюморон τὴν ἀπηλγηκυῖαν ψυχὴν <...> ἀλγηδόνας (Paed. I, 8, 74, 2) выражает идею необходимости для жестокосердых спасительного страдания. Климент, утверждая, что вразумляющая педагогика Творца призвана привести «бесчувственных» (или «душевных», ψυχικοί) людей к покаянию, вступает в скрытую полемику с гностиками, утверждавшими, что Творец неспособен спасти душевный образ.

Ключевые слова: Климент Александрийский, ἀπηλγηκώς, Новый Завет, ранняя Церковь, гностицизм, сотериология, эсхатология, апокатастасис.

Климент Александрийский, христианский писатель († ок. 215 г.) в трех основных своих трудах обращается к язычникам («Протрептик»), к неофитам («Педагог») и к «истинным гностикам» («Строматы»). Вопросы, поднимаемые Климентом, очень разнообразны: от мифологии и брачных отношений до спасения и апокатастасиса. Мы рассмотрим несколько отрывков, проливающих свет на сотериологию этого александрийского автора. Речь пойдет о фрагментах, в которых говорится о возможности спасения через страдания для тех, кого Писание называет «впадшими в бесчувствие» или «потерявшими чувствительность». Причастие активного перфекта ἀπηλγηκώς от глагола ἀπαλγεῖν (имеющего, согласно LSJ, значения «put away sorrow for» и «to be despondent») в формах мужского и женского рода встречается в названных трудах четырежды. В «Увещании к язычникам» словоформа ἀπηλγηκότας появляется в цитате из Послания к ефессянам (Еф. 4:17–19): «Он дарит вам вечную жизнь, вы ожидаете наказания и предвидите огонь, который уготовил Господь *δίαволу и аггелῶмъ егῶ*» (Мф. 25:41). Поэтому блаженный апостол говорит: «*послушествоую ѿ Господъ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходять въ суетъ оума ихъ, помрачени (ἐσκοτῶμένοι) смысломъ, суще отчуждени (ἀπὸ τῆς ζωῆς τοῦ Θεοῦ) ѿт жизни Божіа, за невѣжество суще въ нихъ, за окаменение сердець ихъ: иже въ нечаяніе вложшеся (ἀπηλγηκότες) предаша себе студоу и блгу (ἀσελγεία) въ дѣланіе*

всякія нечистоты въ лихоиманіи » (Protr. 83, 2–3). По поводу этих трех перфектных причастий у апостола заметим следующее. Форма первого причастия в более ранних текстах встречается лишь в диалоге Платона (Theaet. 209e). У современных Павлу авторов форма этого причастия содержится в «Собрании изречений Гиппократата» (s. v. ὁμιῖα ἐνδεδινημένα) Эротиа́на, где она оказывается рядом с причастием от глагола ἀλγεῖν ‘страдать’: «вращающиеся глаза: Эпикл употребляет <слово> “вращение” по поводу страдающего головокружением (ἐσκότωμένου) и того, у кого болит голова (τὴν κεφαλὴν ἀλγοῦντος)». Формы второго причастия гораздо более частотны. В Септуагинте и у Климента они встречаются по три раза. Использование апостолом третьего перфектного причастия объясняется, скорее всего, словесной игрой, поскольку формы от слова ἀπληγῆκώς в более ранней литературе не встречаются, кроме указанного ниже места из Полибия.

В «Педагоге» это причастие относится к душе: «Ибо если нужно порицать и необходимо бранить, тогда приходит пора уязвлять впадшую в бесчувствие душу (τὴν ἀπληγῆκυῖαν ψυχὴν) не к смерти <ее>, но к спасению, освобождая от вечной смерти небольшим страданием (ἀλγηδόνας)» (Paed. I, 8, 74, 2). Такое словосочетание дважды встречается у Полибия: в первый раз у него речь идет о подавленных душах (ἀπληγῆκυῖας ψυχάς) войска, находившегося в отчаянном положении (Hist. I, 35, 5), второй раз о душе, отличающейся неразумием: «Утверждать, что некоторые из тел, будучи поставленными на свет, не отбрасывают тени, есть <свойство> безрассудной души (ἀπληγῆκυῖας ψυχῆς)» (Hist. XVI, 12, 7).

В «Строматах», в конце главы, посвященной доказательству тезиса, что Господь имеет промысл обо всем творении, Климент заявляет: «Ибо Господом Вселенной всё назначено к спасению целого и в общем, и в частном. Следовательно, делом спасительного правосудия является постоянное приведение каждого <существа> к лучшему, насколько это возможно (κατὰ τὸ ἐνδεχόμενον). <...> Принуждающее же воспитание/наказание (παιδεύσεις) благостью надзирающего великого Судии и через посредство заботящихся ангелов, и через посредство разнообразных предпочтений (προκρίσεων), и через посредство окончательного суда (διὰ τῆς κρίσεως τῆς παντελοῦς) заставляют покаяться впавших в великое бесчувствие (τοὺς ἐπὶ πλεόν ἀπληγῆκότας)» (Str. VII, 2, 12, 2–5). Ниже говорится о молитве

подлинных гностиков, что она «никогда не должна быть использована во вред людям, разве только если гностик, замысливший обратить к праведности впавших в бесчувствие (ἐπιστροφὴν τῆς δικάκοσύνης τεχνάζόμενος τοῖς ἀπὸ ληγκόσιν), прибегнет к прощению» (Str. VII, 7, 39, 5).

Идея воспитательного наказания/устрашения, продолжающегося до конца света, – одна из любимых у Климента. В «Увещании» Климент напоминает: «Впрочем, “сегодня” растет день ото дня до тех пор, пока называется “сегодня” (Евр. 3:13). И оно, и обучение остаются вплоть до конца мира» (Protr. 9, 84, 5–6). В «Педагоге» он заявляет, что Господь «убеждает остерегаться грядущего, в соответствии с чем и было сказано: “Те, которые впадут в грехи, *изгнаны будут во тьму кромешную: ту будет плач и скрежет зубовъ*” (Мф. 8:12; 22:13; 25:30), и подобное сему, так что из этого совершенно ясно, что Господь, действуя всевозможной заботой и попечением, призывает человечество к спасению» (Paed. I, 10, 91, 1). В «Строматах» их автор оптативом выражает, говоря словами Дж. Р. Сакса, «надежду» (Sachs 1993: 619) на то, что на грешников подействует Божие наказание, только бы им не погибнуть окончательно: «если же, словно глухие змеи, <еретики> не будут внимать песне, называемой новой, но <являющейся> древнейшей, пусть испытают наказание (παιδευθεῖεν) от Бога, претерпевая предшествующие суду (πρὸ τῆς κρίσεως) отеческие внушения, доколе, устыдившись, они не раскаются, но пусть они, увлеченные грубым непослушанием, не подвергнутся окончательному суду (μὴ εἰς τὴν παντελῇ <...> ἑαυτοὺς <...> ἐμβάλοιεν κρίσιν)» (Str. VII, 16, 102, 3). Здесь следует заметить, что, согласно Клименту, существует иерархия спасенных душ: «даже если наказания закончатся (κἂν παύσωνται ἅρα σου) по уплате возмещения и искуплению каждого, у тех, которые оказались удостоенными другого двора (ср.: Ин. 10:16), остается величайшая печаль из-за того, что они не пребывают вместе с прославленными за праведность» (Str. VI, 14, 109, 6). На основании этого и подобных этому высказываний Эрик Осборн заключает, что, по Клименту, «важнее знать, чем верить, и важнее быть прославленным после спасения, чем быть просто спасенными (to be merely saved)» (Osborn 1957: 81). Божия справедливость открывается как в отношении «непрославленных», так и в отношении язычников, которые вообще находятся вне спасения (Ibid: 82). Итак, Осборн выделяет три класса людей

согласно Клименту: 1) духовно мертвые неверные, 2) верующие, получающие после очищающих наказаний в удел низшую обитель, 3) гностики, возносящиеся к святому холму Божию (Ibid: 83). Климент различает лишение спасения, «просто спасение (τὸ μὲν ἀπλῶς σῶζειν)» обычного верующего и «истинное и подобающее (τὸ δ' ὀρθῶς καὶ δεόντως) <спасение>» гностика (Str. VI, 14, 111, 2–3; cf.: Behr 2000: 204). Э. Инглинг, анализируя учение Климента об обожении, на основании фрагмента Str. VI, 13, 107, 1–2 говорит о проводимом александрийским автором различии между достигшими обожения и всеми остальными спасенными (the distinction between those who are deified and all other saved beings – Yingling 2009: 98), а на основании фрагмента Str. VII, 10, 56, 3–5 – о вере александрийского пресвитера в то, что Вселенная полна многочисленных градаций спасенных существ (multiple gradations of saved beings) и многих тайных стадий совершенствования (many mystic stages of advancement – Yingling 2009: 98). В Str. VI, 14, 114, 1–3 Климент пишет о наличии в Храме, который есть вся Церковь, нижней части (τὰ ὑποβεβηκότα) и высшей (τὸ ὑπερθετικόν), где пребывает Господь; это и есть избранные обители, на которые намекает Евангелие. Заметим, что Дж. В. Баттерворт, ссылаясь на эти слова Климента о различных обителях, утверждает, что у того доминирует греческая идея постепенного восхождения, отличная от новозаветного учения о всеобщем суде (Butterworth 1916: 163). К. Лэттей, полемизируя с Баттервортом, доказывал, что Климент двигался по проторенному пути христианской традиции (Lattey 1916: 262). С. Лилла считает, что различие между Первосвященником и обычными священниками в Str. V, 6, 39, 4 символизирует различие между «гностиком» и обычными верующими (Lilla 1971: 180).

С другой стороны у Климента существует некий «параллелизм трех типов людей, которых по-разному наставляет Сын Божий (*гностиков*, наставляемых таинствами, *верных*, наставляемых доброй надеждой, и *жестокосердых*, наставляемых исправляющими наказаниями посредством чувственно воспринимаемых действий), с промыслом в отношении отдельного человека, общности людей и всеобщем (Str. VII, 2, 6, 1)» (Беневич 2013: 61). Ср.: «Жестокосердных Он принуждал страхом, имеющих же уши обращает к Слову уже через велемудрого Моисея, правдолюбивого Исаию и через весь пророческий сонм, взывая более к разуму» (Protr. 1, 8, 2); страх Господень, «дан от

Господа через Моисея непокорным и жестокосердым, ибо тех, которых не избирает Логос, тех приручает страх» (Str. II, 8, 37, 2). Климент, не признавая гностическую градацию людей, вслед за апостолом Павлом, придавал, очевидно, «плотским», «душевым» и «духовным» людям не онтологический, а динамический статус. Дж. Бэр отмечал, что «ударение на ‘совершенном несовершенстве’ дитя Адама, сотворенного человека, и необходимость для возрастания как активного послушания в свободе реализовать полноту человеческого потенциала, стать взрослым и достигнуть своего собственного ‘спасения’ является ответом Климента гностической онтологической дифференциации человеческого рода на различные группы» (Behr 2000: 136).

Итак, с одной стороны Климент говорит о двух типах спасаемых, с другой стороны, – о трех: кроме «жестокосердного» и(ли) «впавшего в бесчувствие» упоминаются еще «гностик» и «верный» (Str. VII, 2, 6, 1). Соотнеся эту градацию с тем, что утверждается в Str. VI, 14, 109, 3–6, увидим, что гностик получает высший почет, что больше спасения. Верный направляется к лучшей, чем прежняя, обители, где подвергается наказаниям за грехи, совершенные после крещения. Некоторые (впавшие в бесчувствие?) и после прекращения наказаний будут испытывать величайшую печаль. Заметим, что утверждения Климента о разной степени райского блаженства не противоречат учению Восточной Церкви. Прп. Григорий Синаит († 1346 г.) в «Весьма полезных главах» писал: «Царство Небесное подобно скинии, устроенной Богом. Оно <по образцу> скинии Моисеевой, имеет в двух завесах изображение <жизни> будущего века. В первую часть <Царства Небесного> войдут все освященные благодатью, а во вторую, как духовную, – только те, которые здесь, во мраке богословия, будучи как бы священниками, в совершенстве священнодействовали тремя силами души. Последние, имея ходатаем <Единого> от Троицы Иисуса, величайшего из священников и первого из священноначальников, проникнут в богозданную скинию и озарятся молниеносным сиянием» (43, пер. еп. Вениамина [Минина]).

Рассматриваемое нами причастие для Климента, очевидно, не было специальным термином, являясь своеобразным синонимом слова «жестокосердый»: для спасения «жестокосердым» нужен страх или наказание, παιδεία (Str. VII, 2, 6, 1); для спасения «впадшим в бесчувствие» также необходимы вразумляющие наказания (παιδεύσεις). Появление такого синонима у

Климента, первым после апостола четырежды употребившего этот своеобразный гапакс, едва ли случайно. Причина, как кажется, заключается в облике этого слова. В «Увещании» (10, 105, 1) Климент укоряет язычников: «Вы же, будучи увечными для восприятия истины и слепыми умом, и глухими рассудком, не страдаете (οὐκ ἀλγεῖτε) и не негодуете!» То есть страдание (ἀλγηδών) оказывается полезным и согласно искусству врачевания, и согласно искусству воспитания, и согласно искусству наказания; и благодаря ему нравы исправляются для пользы людей» (Str. VII, 3, 17, 5). Идея опасности бесчувствия и полезности страдания находит выражение в анализируемой нами словесной игре ἀπληγήκῳ <...> ἀλγηδόνας (Paed. I, 8, 74, 2). О вреде бесчувствия Климент говорит довольно часто: «Камни и дерево не имеют чувств, но человек, погруженный в незнание, бесчувственнее (ἀναισθητότερος) камней» (Protr. I, 4, 1). «<...> вы настаиваете на том, чтобы статуи изготавливались как можно более красивыми, однако не заботитесь о том, чтобы самим не сделаться подобными статуям из-за бесчувствия (ἀναισθησίαν)» (Protr. 4, 62, 3). «Отчужденное (τὸ ἀπληροτρίωμένον, ср.: Еф. 4:18), лишенное родства, утрачивает подлинность. Не обращает ли вы к бесчувствию, как Ниоба, или скорее, скажу вам нечто более таинственное, как еврейская женщина (древние называли ее женой Лота)? Эта женщина окаменела из-за привязанности к жителям Содомы, которые были безбожниками, впавшими в нечестие, жестокосердными и глупыми» (Protr. 10, 103, 3–4; ср.: Str. II, 14, 61, 4). «В целом же любое рассматривание и слушание низменного, одним словом, гнусное восприятие чувствами невоздержанности, поистине потерю чувств (τὴν ὡς ἀλεθῶς ἀναισθησίαν), должно совершенно истребить <...>» (Paed. II, 4, 41, 3). «Проваливание в сон похоже на смерть, стремящееся из-за неразумия к бесчувствию» (Paed. II, 9, 80, 3). «<...> чрезмерная пища, увлекающая разум к бесчувствию» (Paed. II, 9, 81, 2). Весьма показательными являются слова из «Стромат»: *«егоже бо любитъ Господь, наказуетъ»* (Евр. 12:6), заставляя страдать (ἀλγεῖν) для понимания, восстанавливая (ἀποκαθιστάς) же для мира и нетления» (Str. II, 2, 4, 4). Здесь мы опять встречаемся с учением о двух стадиях совершенствования человека. А. Меа в своем капитальном исследовании «Стромат» (в разделе «Эсхатология и гносис») говорит о двух уровнях эсхатологического преобразования по Клименту: первый –

очищение в виде наказания в этом и в ином мире; второй – прекращение служения, покой, апокатастасис (Méhaut 1966: 472).

Причастие ἀπληγηκός «впавший в бесчувствие» оказывается для Климента более предпочтительным, чем прилагательное ἀναισθητός «бесчувственный» из-за связи первого слова с глаголом ἀλγεῖν ‘страдать’, существительным ἀλγηδών ‘страдание’ и т. п. Эта форма, появляясь всегда рядом со словами о вразумляющем наказании, приобретает у Климента окказиональное значение «не восприимчивый к <целительному> страданию» и помогает александрийскому автору более четко выразить «гомеопатическую» идею пути закоренелых грешников к спасению (но еще не к обожению). Подобные антиномичные высказывания характерны для святоотеческой письменности. В приписываемом свт. Иоанну Златоусту шестом слове на Пасху провозглашается: «<Иисус Христос> страстью от страсти (πάθει πάθους) освободил и смертью смерть (θανάτῳ θάνατον) победил» (Joann. Chrys. In sancta Pascha, 49, 1). В другом приписываемом этому же Отцу сочинении содержится высказывание: «смертью смерть умертвивший (ὁ θανάτῳ θάνατον θανατώσας)» (Pescatio. Vol. 64. P. 1065). Своеобразную параллель фразе о «впадшей в бесчувствие душе» находим в «Строматах»: «вводя страхом бесстрашие (φόβῳ ἀφοβίαν), не страстью бесстрастие (πάθει ἀπάθειαν), Он внушает наказанием умеренность (παιδείᾳ μετριοπάθειαν)» (Str. II, 8, 39, 4). Итак, Климент считает, что благодаря наказанию у впавших в бесчувствие появляется умеренность (μετριοπάθεια). Бесстрастие (ἀ-πάθειαν) же, то есть обожение, становится возможным благодаря гнозису (Str. VI, 9, 74, 1). При этом между достигшим умеренности (μετριοπαθήσας) и бесстрастным нет непроходимой границы (Str. VI, 13, 105, 1).

Кроме оксюморона, который можно передать так: «потерявшую способность страдать душу страдание приводит к спасению, <но может привести и к бесстрастию>» (Paed. I, 8, 74, 2), выражения Климента с анализируемым причастием содержат еще один важный момент. Свт. Епифаний Кипрский так истолковывал это слово: «<Апостол Павел> говорит (см.: Рим. 8:4–9) о распутной жизни, а не о самой плоти. У него есть обыкновение называть живущего так человека плотским, точно так же как человека, впавшего в бесчувствие (τὸν ἀπληγηκότα) к восприятию истины и просвещению таинством – душевным (ψυχικόν) (см.: 1 Кор. 2:14)» (Panarion. 44 (64), 50, 10). Климент, хотя и не отождествлял в своих сохранившихся сочинениях

«впадших в бесчувствие» и «душевных», должен был, подобно Епифанию, считать эти слова практически синонимами. Ведь апостол Павел под «впадшими в бесчувствие» в Послании к ефесянам подразумевал язычников, предавшихся распутству, а о «душевных» людях, поступающих по нечестивым похотям, говорил апостол Иуда (Иуд. 18–19). О том, что Климент был с этим в принципе согласен, свидетельствует он сам, заявляя, что «варварские философы» называют мертвецами отпавших от учения и подчинивших ум душевным страстям (Str. V, 9, 57, 4; ср.: VI, 9, 74, 1; VII, 14, 86, 5). Учитывая, что термин «душевные» широко использовался еретиками, с которыми александрийский автор полемизировал, и по мнению которых Творец неспособен спасти душевный образ (Str. IV, 13, 91, 3), выскажем предположение, что Климент в Str. VII, 2, 12, 5 указывал на то, что вразумляющая педагогика Творца призвана перевести людей из категории «душевных» в категорию «духовных» ср.: I Кор. 15:44 и 46. Мы сталкиваемся здесь со скрытой полемикой с валентинианами, утверждавшими, что не все призваны к спасению (Iren. Adv. haer. I, 6, 1 = I, 1, 11). Заметим, что в другом произведении Климент утверждал, что «нет ни гностиков, ни душевных в одном и том же Логосе, но все, отложившие плотские желания, равны и духовны пред Господом» (Paed. I, 6, 31, 2).

Литература

- Беневич 2013 – Беневич Г. И. Краткая история «промысла» от Платона до Максима Исповедника. СПб.: РХГА, 2013.
- Behr 2000 – Behr J. *Asceticism and anthropology in Irenaeus and Clement*. New York: Oxford University Press, 2000.
- Butterworth 1916 – Butterworth G. W. The deification of man in Clement of Alexandria // *The Journal of Theological Studies*. 1916. Vol. XVII. № 66. P. 157–169.
- Lattey 1916 – Lattey C. The deification of man in Clement of Alexandria: some further notes // *The Journal of Theological Studies*. 1916. Vol. XVII. № 67. P. 257–262.
- Lilla 1971 – Lilla S. R. C. *Clement of Alexandria. A study in Christian Platonism and Gnosticism*. Oxford: Oxford University press, 1971.
- Méhat 1966 – Méhat A. *Étude sur les 'Stromates' de Clément d'Alexandrie*. Paris: Editions du Seuil, 1966.
- Osborn 1957 – Osborn E. F. *The philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge: The University Press, 1957.
- Sachs 1993 – Sachs J. R. Apocatastasis in patristic theology // *Theological Studies*. 1993. Vol. 54. P. 617–640.
- Yingling 2009 – Yingling E. “Ye are gods”: Clement of Alexandria’s doctrine of deification // *Studia antiqua*. 2009. Vol. 7, № 2. P. 93–99.

A. Ju. Bratukhin. Ἀπηλγηκυῖα ψυχή in Clem. Alex. Paed. I, 8, 74, 2

Clement of Alexandria uses the different forms of the participle ἀπηλγηκώς in his writings: once in the quotation from the Epistle of Paul to the Galatians (4:19) (Protr. 10, 83, 2–3) and three times speaking about ‘those being past feeling’ as people needing purgatorial punishment for their final salvation. The idea of the educative penalty is one of the most favorite for Clement. Concerning his soteriology there are three classes of people: the unbeliever, “he is outside salvation” (Osborn), the simple believer and the gnostic; and there is “the distinction between those who are deified and all other saved beings” (Yingling). But except this gradation the scholars distinguish the other three classes of the saved souls: the gnostic, the simple believer and the hard-hearted. The God forces the former to repentance by fear or by suffering. The hard-hearted (σκληροκάριος), the insensible (ἀναίσθητος) and the ἀπηλγηκώς (“who being past feeling”) are the same, but the word ἀπηλγηκώς more clearly expresses the Clement’s idea of utility of suffering (ἀλγηδών) for such beings. In Paed. I, 8, 74, 2 there is the pun: “it is the time to wound the apathetic (ἀπηλγηκυῖαν) soul not mortally, but salutarily, securing exemption from everlasting death by a little pain (ἀλγηδόνης)” (translated by W. Wilson). This play upon words shows that Clement (who often uses such way of expressing his conception) wants to emphasize the “homoeopathic” idea of a salvation for insensible sinners by the divine chastisement. This antinomy is characteristic for the patristic literature. Except for the oxymoron described above, the phrases with this participle contain another curious moment. Epiphanius of Cyprus said that the apostle Paul used the words ἀπηλγηκότες and ψυχικόν as synonyms. Clement speaking about the salvation of ἀπηλγηκώς therefore affirms that such person can be saved, and in this way refutes the heretics whose position is that the Creator cannot save the “vital (ψυχικήν) image”

Keywords: Clement of Alexandria, the New Testament, the early Church, Gnosticism, soteriology, eschatology, apokatastasis, ἀπηλγηκότες, Clem. Alex. Paed. I, 8, 74, 2, Ἀπηλγηκυῖα ψυχή.

А. Ю. Братухин, Л. В. Братухина

КОНЕЧНАЯ СУДЬБА ГРЕШНИКОВ СОГЛАСНО КЛИМЕНТУ АЛЕКСАНДРИЙСКОМУ

В статье рассматриваются работы ученых, исследовавших вопрос апокатастасиса у Климента Александрийского. После изложения, анализа и критики разных точек зрения на эту проблему делается попытка объяснить возможность существования двух противоположных взглядов на сотериологию Климента. Согласно одному из них, он отстаивал идею всеобщего спасения, согласно другому, в пользу которого говорят приводимые в статье цитаты, он допускал вечное наказание грешников, избегая, однако, прямо говорить об этом.

Ключевые слова: Климент Александрийский, апокатастасис, эсхатология, сотериология, ранняя Церковь, Библия, гностицизм.

В науке неоднократно поднимался вопрос об отношении Климента Александрийского, чье учение во многом повлияло на живших позже Отцов Церкви, к проблеме всеобщего спасения. Противоречивость суждений о том, какого мнения придерживался Климент относительно судьбы грешников после Страшного Суда, побуждает нас рассмотреть некоторые наиболее значимые работы по этой теме.

Сотериология Климента Александрийского анализируется в отдельной главе монографии Хичкока. Исследователь излагает понимание Климентом спасения как достижение «совершенства тела, души и духа» (Hitchcock 1899: 194). Особо оговаривая важность проявления свободы человека в процессе спасения, Хичкок подчеркивает также определяющую роль Божественного руководства, называя Климента сторонником ортодоксального понимания «спасения совершающегося по благоволению» (Ibid: 196). В заключение ученый, комментируя и сопоставляя фрагменты «Стромат» III, 1, 3, 3 и VII, 2, 7, 6 делает вывод, что Климент, не является «сторонником универсализма (a Universalist) в современном смысле» (Ibid: 199–200). В последнем из указанных Хичкоком фрагментах сказано: «Каким же образом Он может быть Спасителем и Господом, если не Спасителем и Господом всех? Но Он Спаситель уверовавших из-за <их> желания познания, для противящихся же Он Господь, доколе,

возмогли исповедовать (ἐξομολογήσασθαι) <Его>, они не получают от Него подобающего и соответствующего благодеяния» (Str. VII, 2, 7, 6). Эти слова можно истолковать по-разному. Обратим внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, выше Климент доказывал, что Господь имеет попечение обо всех (Str. VII, 2, 6, 5) и желает спасения человеческого рода, зная, как позаботиться о каждом (Str. VII, 2, 7, 3). Эти утверждения направлены, скорее всего, против еретиков-гностиков, считавших, что определенные категории людей не подлежат спасению (см., например: *Iren. Adv. haer.* I, 6, 1 = I, 1, 11). Разбираемый отрывок следует понимать как подтверждение высказанной только что мысли: нет людей, заведомо обреченных Богом на гибель. Во-вторых, о том, что «всякъ языкъ исповѣтся (ἐξομολογήσεται) Богу» (Рим. 14:11), говорил апостол Павел, цитируя Исайю, для которого учение о всеобщем спасении нехарактерно. В оригинальном тексте пророка говорится: «Мне <...> будет клясться (עֲשֶׂה) всякий язык» (Ис. 45:23). В другом месте у «апостола языков» читаем: «Да ѿ имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ: и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца» (Флп. 2:10–11). В Евангелиях бесы неоднократно называли Иисуса Христа Сыном Божиим (Мф. 8:29; Лк. 4:41). Следовательно, исповедание противящихся не означает их приближение к Богу. В-третьих, чтобы понять, что Климент мог подразумевать под словом «благодеяние», приведем следующие две цитаты. «Нелицеприятие Бога не во времени, но от века, и Его благодеяние никогда не имело начала, но и не ограничивается ни местами, ни некими людьми» (Str. VI, 8, 64, 1). «Ибо Бог, будучи благим ради руководящего начала (διὰ τὸ ἡγεμονικόν) всей твари, желая, чтобы оно спаслось, обратился к творению и всех остальных; прежде всего Он предоставил им это первое благодеяние – бытие. Ведь любой, вероятно, признает, что быть гораздо лучше, чем не быть. Затем, насколько каждый <элемент> природы был способен, он образовался и образуется, продвигаясь к наилучшему для него <состоянию>» (Str. VI, 17, 152, 3). Продолжая эту мысль, можно предположить, что и отвержение от Бога будет благодеянием для тех, кто Его стыдится (ср.: *Protr.* 9, 83, 2).

Митрополит Макарий (Оксиюк) также посвящает эсхатологии Климента Александрийского одну главу в своей магистерской диссертации «Эсхатология св. Григория Нисского» (издан-

ной впервые в 1914 г.). В этой главе, в частности, сказано: «<...> по учению Климента, через адские мучения люди очищаются от своих грехов и достигают блаженства. Следовательно, по его мнению, некогда *может* (курсив наш. – А. и Л. Б.) наступить ἀποκατάστασις τῶν πάντων. По смыслу одного выражения пресвитера Александрийского, даже диавол, как обладающий свободной волей, не утратил способности к покаянию и исправлению, а потому он может возвратиться в свое первобытное состояние» (Макарий 2009: 116). Если обратиться к оригинальной фразе, на которую ссылается владыка Макарий, то будет понятно, что ни о каком спасении сатаны у Климента речь не шла: «Дьявол же, являясь самовластным (αὐτεξούσιος ὢν), и раскаяться мог, и обмануть (καὶ μετανοῆσαι οἷός τε ἦν καὶ κλέψαι), и он сам – виновник обмана, а не воспрепятствовавший <ему> Господь» (Str. I, 17, 83, 2). Употребленный в данном случае имперфект ἦν указывает на ситуацию, предшествующую грехопадению Адама, но никоим образом не может намекать на раскаяние в будущем.

Э. Ф. Осборн, комментируя Str. VI, 14, 111, 2 (где Климент говорил, что идолопоклонники «*аки прахъ* (Ис. 17:13) *вмънишася и аки капля от кади* (Ис. 40:15), лишние для спасения (περισσοὶ εἰς σωτηρίαν), отторгнутые от тела»), пишет: «Неверующий духовно мертв и остается таким (remains so)» (Osborn 1957: 83). Учитывая, что в процитированной монографии эсхатологии Климента посвящено пять страниц, отметим некоторую несправедливость в высказывании П. Синискалко, заявившего, что при исследовании апокатастасиса «внимание, чаще всего, уделяется после Нового Завета сразу Оригену; иногда делается намек, но мельком (ma di sfuggita), на Климента Александрийского» (Siniscalco 1961: 381). Из слов Осборна следует, что он придерживается мнения, согласно которому по учению Климента в конечном итоге останется определенная категория спасенных людей.

О. Прюнез, исследуя этические воззрения Климента в новозаветном контексте, характеризовал сотериологию Климента достаточно осторожно и абстрактно: «Спасение человека колеблется между воскресением и медленным приближением к Богу <...>. Климент сохраняет эсхатологию суда, но смягченную верой в благой конец вещей: сами наказания грешников могут быть лишь воспитательными» (Prunet 1966: 237). Вслед за Ф. Бури он говорит об «оптимистическом монизме» александ-

рийского автора (Ibid: 237, 241). «Ортодоксальная на вид» сотериология Климента, по словам Прюнэ, оценивается им так, в том числе, из-за предпочтения александрийским автором в искупительном деле Христа данного Им откровения Тайне Креста (Ibid: 241).

Дж. Р. Сакс в статье, посвященной всеобщему спасению и проблеме зла, упоминая об осуждении «школы Оригена» на Константинопольском Соборе 543 г., замечает, что «некоторые другие значительные церковные авторы, такие как Климент Александрийский и Григорий Нисский, высказывались в пользу некоторой формы (some form) апокатастасиса и не были явно осуждены» (Sachs 1991: 230). Объяснения этому факту в статье не дается, хотя следовало бы отметить, что Ориген был осужден не только и не столько за идею всеобщего спасения. Из десяти предложенных императором Юстинианом патриарху Мине анафематизмов против Оригена только девятый касался апокатастасиса: «Если кто <говорит,> что наказание демонов и нечестивцев – временное и будет иметь после некоторого срока свой конец, то есть что будет восстановление (апокатастасис) демонов и нечестивых людей, – анафема» (Карташев 1994: 353–354). В работе, написанной два года спустя, Сакс пишет, что Климент «говорит в весьма традиционной манере о каре “внешнего (external) наказания огнем”, которое ожидает тех, например, кому не хватает великодушия <...>. И, однако, в действительности, такой наказывающий огонь представляется для Климента ни карательным просто и ни вечным» (Sachs 1993: 618). Ниже ученый заявляет: «Бог никогда не отказывается от грешника. Климент может быть уверен, что в конце каждый получит помощь и лечение, так как “все вещи, в общем и в частном, направлены Господом Вселенной к спасению всего”» (Ibid: 620). В приведенном Саксом высказывании из сочинения «Какой богач спасется» на самом деле говорится не о «внешнем», а о «вечном огненном наказании»: *κόλασις ἔμψυχος αἰώνιος* (Quis dives. 33, 3). В том же произведении Климент, перефразируя слова Христа из *Мф.* 25:45–46, утверждал, что не послуживших страждущим Господь «низвергает в огонь вечный (*εἰς τὸ πῦρ ἐμβάλλει τὸ αἰώνιον*)» как не послуживших Ему (Quis dives. 30, 5). Ниже сказано, что если некто «по неведению или по немощи или из-за независящих от его воли обстоятельств после печати <крещения> и искупления впал в некие грехи или преступления, так чтобы быть совершенно увлеченным <ими>»,

то он совершенно осужден Богом (οὗτος κατεψήφισται παντάπασιν ὑπὸ τοῦ Θεοῦ)» (Quis dives. 39, 1). Приведенные Саксом слова о направлении всех вещей к спасению всего (Str. VII, 2, 12, 2) еще не означают, что все действительно спасутся. Климент лишь подчеркивал, что наказания, предшествующие Страшному Суду, имеют целью не кару грешников, а обращение их к покаянию, поскольку все люди призваны к спасению. Подобные утверждения находятся и в Новом Завете: Бог «Иже всѣмъ чловѣкомъ хочетъ спастися (πάντας ἀνθρώπους θέλει σωθῆναι), и въ разумъ истины прійти. Единъ бо есть Богъ, и единъ Ходатай Бога и чловѣковъ, чловѣкъ Христосъ Иисусъ, давый Себе избавленіе за всѣхъ» (1 Тим. 2:4–6).

Э. Инглинг на основании слов из Protr. 9, 83, 2 отмечает, что Климент «вводит градацию, которая относится не к спасению всего, а, скорее, к гибели. Те члены небесной “первородной Церкви” противопоставлены тем, кто страдает с дьяволом и его ангелами» (Yingling 2009: 99). Таким образом, ученый не считает Климента сторонником всеобщего спасения.

А. Иттер подробно разбирает учение об апокатастасисе Климента, уделяя особое внимание «фундаментальному противоречию» (Itter 2009:187) между неограниченной свободой человеческой воли и способностью Бога спасти всех. В своих рассуждениях ученый приходит к парадоксальному выводу, что для Климента даже решительное предпочтение душой гибели приводит ее, в конечном счете, к возвращению к Богу без принуждения (Ibid.: 191).

М. Хаврда, не занимаясь специально проблемой апокатастасиса, исследует понимание Климентом соотношения Божественного благоволения и свободной воли человека в процессе спасения. Ученый, анализируя Str. VII, 7, 48, 1–2, так представляет диалектику идеи «Божественного благоволения»: «универсальный призыв (exhortation) к спасению, с одной стороны» и «особая поддержка, заслуженная человеческим усилием (human effort), с другой стороны» (Havrdá 2011: 24). «Усилие», по мнению исследователя, является важной составляющей «избрания» в понимании Климента: «избрание (election) не является причиной совершенства кого бы то ни было <...>, но скорее избрание достигается усилием, посредством которого мы делаем себя достойными этого избрания» (Ibid: 45). Связанную с «избранием» идею «предопределения» М. Хаврда интерпретирует у Климента как Божественное всеведение о тех, кто

«делает правильный выбор и достигает совершенства» (Ibid: 46). Таким образом, в исследовании Хаврды проводится мысль о значимости индивидуального усилия человека навстречу Божественному всеобщему призыву к спасению. Это можно интерпретировать как признание спасения принципиально возможным для каждого, но достигаемым не обязательно всеми, а лишь совершившими для этого необходимое усилие.

Итак, с одной стороны, о Клименте говорят как о стороннике апокатастасиса (митр. Макарий, Сакс, Иттер), с другой стороны, его считают допускающим вечное наказание (Осборн, Инглинг). Инглинг при этом называет его идеи «внешне противоречивыми (seemingly conflicting)» (Yingling 2009: 99). Широкий спектр мнений ученых о взглядах Климента на посмертную участь грешников можно объяснить по нашему мнению, его нежеланием говорить об их «второй смерти», о которой пишет апостол Иоанн (Откр. 20:14). Климент не часто обращался к апокалиптическим темам. Хотя «Откровение Иоанна» он однажды называет просто ἀποκάλυψις, выделяя таким образом его из среды других известных тогда «откровений» (Ruwet 1948: 95; cf.: Kutter 1897: 98), яркие образы, подобные «огненному озеру» (Откр. 20:14), на страницах Климентовых сочинений мы не находим. По замечанию Г. Куттера, он вообще не очень жаловал (nicht sehr zugethan war) «Откровения» (Kutter 1897: 99). Так «Откровение Иоанна» (22 главы) Климент цитирует около восьми раз, столько же, сколько «Второе послание Тимофею» (4 главы). Реже он обращается только к «Посланию Титу» (7 раз), «Второму посланию фессалоникийцам» и «Посланию Иуды» (по три раза). Для сравнения, «Послание к римлянам» Климент цитировал около 90 раз (Ibid: 99–100). По словам А. Меа, Климент практически не занимается вопросами, связанными с отношением между апокатастасисом и Царствием Божиим (Méhat 1966: 475).

О «всеобщем апокатастасисе» в учении Климента нельзя говорить по формальным причинам. В двух отрывках из «Стромат» речь идет о «восстановлении избрания» (то есть «избранных»). Оба они находятся в контексте анализа Климентом воззрений еретиков. В первом случае он, критикуя гностиков, пишет: «Если незнание предшествовало ошеломлению, а ошеломление и страх сделались началом Премудрости Божией, то оказывается, что незнание в качестве причины предшествовало и Премудрости Божией, и сотворению всего мира, и

самому восстановлению избрания (τῆς ἀποκαταστάσεως αὐτῆς τῆς ἐκλογῆς)» (Str. II, 8, 37, 6). Перед нами термин, использовавшийся, очевидно, в гностической среде. Об этом говорит употребление перед входящими в него словами артиклей. Заметим, что, согласно еретику Василиду, последней целью мирового процесса было «восстановление всяческого» (Карсавин 1994: 29). В другом месте, где Климент оспаривает еретическое истолкование апокрифического «Евангелия от египтян», это же словосочетание появляется без артиклей: «Возникновение и гибель в творении неизбежно происходят с самого начала вплоть до окончательного разделения и восстановления избранных (μέχρι παντελοῦς διακρίσεως καὶ ἀποκαταστάσεως ἐκλογῆς), благодаря которому сущности, смешанные с миром, присоединяются к родственному» (Str. III, 9, 63, 4). Ниже Климент поясняет свою мысль: «Писание говорит о человеке двояко: это и внешний <человек> (τὸν φαίνόμενον) и душа, а затем – и спасаемый и неспасаемый (πάλιν τε αὖ τὸν σφῆζόμενον καὶ τὸν μὴ)» (Str. III, 9, 64, 1). Эти высказывания показывают, как Климент, пользуясь гностической терминологией, утверждает, что апокатастасис будет не всеобщим. Он касается только совершенного гностика: «Какая еще разумная причина остается для возвращения к мирским благам у того, кто получил взамен неприступный свет, даже если <он получил его> еще не во времени и месте, но в той любви познания, благодаря которой обретается и наследие, и окончательное восстановление (ἡ παντελής... ἀποκατάστασις) <...>?» (Str. VI, 9, 75, 2). Слово «апокатастасис» появляется при описании обожения праведников: «Затем ставших чистыми сердцем из-за близости с Господом ожидает восстановление для вечного созерцания (τῇ θεωρίᾳ τῇ αἰδίῳ ἀποκατάστασις). И они называются богами и получают престолы с остальными богами, которые прежде были определены Спасителем» (Str. VII, 10, 56, 5–6). В «Пророческих эклогах» это слово находим один раз в достаточно любопытном контексте: в изложении учения о переходе «из людей в ангелов» (ср., например: Мф. 22:30 и Богородичный догматик 4-го гласа, где сказано: «<...> съ небесными совокупить [συνάψῃ] силами»). Климент пишет: «Итак, существуют, согласно апостолу, перво-зданные<, пребывающие> в высшем восстановлении (οἱ ἐν τῇ ἁκρᾷ ἀποκαταστάσει): они, пожалуй, суть “троны” (ср.: Кол. 16) <...>» (Ecl. 57, 1). Кроме указанных выше случаев, александрийский пресвитер часто использует слово ἀποκατάστασις вне

прямой связи с эсхатологией, из чего следует, что лексема *ἀλοκατάστασις* не являлась для Климента устоявшимся термином.

Итак, в «Строматах», сочинении, адресованном достигшим совершенства христианам, говорить прямо о вечности наказания Климент избегает, так как это не входило в его цели и не соответствовало его характеру. Этим, очевидно, объясняется отсутствие у него жестких слов о конечной гибели грешников. Впрочем, он не утверждает и то, что все люди неизбежно достигнут спасения. Еще К. Скворцов замечал, что «мысли Климента о будущем состоянии человека иногда бывают прикрыты такими образами и метафорами, которые делают уразумение их довольно трудным» (Скворцов 1866: 92). Чтобы сделать осторожность Климента в этом вопросе более наглядной, приведем гораздо более смелое высказывание о всеобщем спасении Оригена: «через многочисленные и неисчислимы чины совершенствующихся существ, примиряющихся с Богом из состояния вражды, последний враг, в конце концов, будет достигнут, который называется смерть, так что он тоже будет уничтожен и более не будет врагом. Когда, следовательно, все разумные души будут восстановлены в таковое состояние, тогда природа этого нашего тела претерпит изменение в славу духовного тела» (*Orig. De prin.* III, 6, 5).

Восточно-христианская точка зрения на посмертное воздаяние принципиально отличается от западной, содержащейся в трудах современника Климента, «отца христианской латыни»: «не пламенная любовь к Иисусу Христу, а ожидание награды и страх вечного суда и наказания – вот главнейшие мотивы христианской нравственности, по взгляду Тертуллиана» (Варежанин 1866: 284). Учитывая то, как Климент говорит о посмертной участи грешников, можно согласиться с сомнениями Де Клерка, который, процитировав слова Тертуллиана, радующегося адским мукам царей, проконсулов, философов, поэтов, актеров, спортсменов и враждебных Христу иудеев (*Tert. De spect.* 30, 3–7), замечает: «Может быть задан вопрос, насколько эти мстительные чувства Тертуллиана характерны для христианской ментальности его времени». Ниже Де Кларк делает вывод: «<...> эти самые сочинения несомненно повлияли на последующие поколения, для которых *Dies Domini* стал *Dies iudicii*» (De Clercq 1972: 151).

Литература

- Варежанин 1866 – Варежанин В. К. Нравственное учение Тертуллиана // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1866. Т. II. № 7. С. 261–284.
- Карсавин 1994 – Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях) / предисл. и коммент. С. В. Мосоловой. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Карташев 1994 – Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994.
- Макарий 2009 – Макарий (Оксиюк), митр. Эсхатология св. Григория Нисского. Историко-догматическое исследование. СПб.: Аксион эстин, 2009.
- Скворцов 1866 – Скворцов К. Философия Климента Александрийского // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. III. № 9. С. 52–93.
- De Clercq 1972 – De Clercq V. C. The expectation of the Second Coming of Christ in Tertullian // *Studia Patristica* 1972. Vol. 11. Part 2. P. 146–151.
- Havrda 2011 – Havrda P. Grace and free will according to Clement of Alexandria // *Journal of Early Christian Studies*. 2011. Vol 19, № 1. P. 21–48.
- Hitchcock 1899 – Hitchcock F. R. M. Clement of Alexandria. London: Society for promoting Christian knowledge, 1899.
- Itter 2009 – Itter A. C. Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. Leiden, Boston: Brill, 2009.
- Kutter 1897 – Kutter H. Clemens Alexandrinus und das Neue Testament. Giessen: J. Rucker'sche Buchhandlung, 1897.
- Méhat 1966 – Méhat A. Étude sur les 'Stromates' de Clément d'Alexandrie. Paris: Editions du Seuil, 1966.
- Osborn 1957 – Osborn E. F. The philosophy of Clement of Alexandria. Cambridge: The University Press, 1957.
- Prunet O. – Prunet O. Le morale de Clément d'Alexandrie et le Nouveau Testament. Paris: Presses universitaires de France. 1966.
- Ruwet 1948 – Ruwet J. Clément d'Alexandrie. Canon des écritures et apocryphes // *Biblica*. 1948. Vol. 29. Fasc. 1–2. P. 77–99.
- Siniscalco 1961 – Siniscalco P. Ἀποκατάστασις е ἀποκαθίστημι nella tradizione della Grande Chiesa fino ad Ireneo // *Studia patristica*. 1961. Vol. 3, part 1. 380–396.
- Sachs 1991 – Sachs J. R. Current eschatology: universal salvation and the problem of hell // *Theological Studies*. 1991. Vol. 52. P. 227–254.
- Sachs 1993 – Sachs J. R. Apocatastasis in patristic theology // *Theological Studies*. 1993. Vol. 54. P. 617–640.
- Yingling 2009 – Yingling E. "Ye are gods": Clement of Alexandria's doctrine of deification // *Studia antiqua*. 2009. Vol. 7, № 2. P. 93–99.

A. Ju. Bratukhin, L. V. Bratukhina. The final destiny of sinners according to Clement of Alexandria

The eschatology and the soteriology of Clement of Alexandria are investigated by many scholars. There are two opposite points of view on the problem of apokatastasis, as it was understood by Clement. Some scholars, such as Metropolitan Macarius (Oxiyuk), J. R. Sachs and A. C. Itter, speak about Clement as a supporter of the universal salvation, others, such as E. F. Osborn and E. Yingling, reckon that he admitted the eternal punishment for sinners. Metropolitan Macarius who misunderstood one passage by Clement supposed that Clement had admitted possibility of penitence for the devil. According to Itter, "it is exactly in this destruction that the soul's restoration to God is accomplished", but Osborn thinks that "the unbeliever is spiritually dead and remains so". According to Sachs, "Clement can be confident that in the end everyone will receive help and healing", but as Yingling admits, "those who are ashamed of the Lord receive bondage, destruction, punishment". This discrepancy between these patrologists can be explained by Clement's gentle character and by his unwillingness to write about the final death of the wicked. This author didn't speak about "the second death" and didn't use other apocalyptic images. Nevertheless, there are two passages in the *Paedagogos*, where he writes about the complete condemnation and the eternal punishment by God. Clement uses the word ἀποκατάστασις 16 times, often without any connection with the eschatology. This means that this word was not a term for him. Additionally, it meant deification for him which he separated from a simple salvation. His caution in the question of the universal salvation becomes more obvious if we compare his passages with those by his disciple Origen who admits that all reasonable souls will be saved; and his clemency is more evident if we contrast his words against the vindictive sentence of his contemporary Tertullian who anticipated the sufferings of sinners.

Keywords: Clement of Alexandria, apokatastasis, eschatology, soteriology, the early Church, the Bible, Gnosticism.

РИТОРИКА М. В. ЛОМОНОСОВА И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

В статье рассматриваются восточноевропейские риторические трактаты XVII – начала XIX веков. Основное внимание уделяется Риторике М. В. Ломоносова и ее роли в смене языкового кода классической литературной традиции в России.

Ключевые слова: Ломоносов, риторика, классическая традиция, трактат, античная литература, латынь, церковнославянский язык, русский язык.

1

Риторика Ломоносова, т. е. его интерпретация классической риторической теории, представлена прежде всего трактатом «Краткое руководство к красноречию» (1748). Сочинение это важно многими сторонами: теоретической (решением риторических проблем – и не только риторических, но и филологических, например грамматических); языковой (в широком смысле – местом в процессах осуществляемого его автором формирования нового литературного языка, в более узком – заключенном в нем материале, позволяющем поставить вопрос о разных типах стилистической дифференциации в этом еще только возникающем языке, в еще более конкретном – ролью в создании русской научной терминологии); наконец – непосредственно литературной. Среди ряда проблем, возникающих при рассмотрении «Краткого руководства к красноречию...» в последнем, литературном, аспекте, весьма продуктивной своей научной значимостью является осуществленная в нем переориентация литературного сознания с одного языкового воплощения классической литературной традиции на другое.

При всей расплывчатости и даже неопределенности собственного содержательного ядра (что во многом связано с крайней

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-04-0109а «Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова (лингвистический и историко-культурный аспекты)».

В работе над 4-й и 5-й разделами большую помощь мне оказал К. Н. Лемешев, поделившийся со мной своими материалами и наблюдениями. Приношу ему самую искреннюю благодарность.

многозначностью исходного для нее понятия классики) классическая традиция все же (и со множеством оговорок) может быть определена как некая совокупность безусловно и безоговорочно образцовых текстов, заключающих в себе абсолютно совершенную степень мимесиса. Именно абсолютно совершенную; им – этим абсолютным совершенством – и обуславливается (воспользуясь словом Ф. А. Степуна, слегка грамматически измененным) «тайное предчувствие того, что *мир искусства выше мира жизни*» (Степун 1998: 84), предчувствие, позволяющее опознать произведение как относящееся к классической традиции. Классика потому и классика, что являет человеку «подлинную жизнь», показывая, что «действительная же жизнь – лишь бледная подмалевка. <...> То, что в жизни мелькает лишь бледной тенью, становится в искусстве незыблемым кряжем первозданных пород» (Степун 1998: 84)². Поэтому классическое искусство и остается ориентиром для все новых и новых творческих усилий. До тех пор, пока не происходит «релятивизация» абсолютного идеала, как определил в 1923–24 годах данное событие Л. В. Пумпянский; с этого момента классическая традиция, не уходя из литературного сознания, переносится в область прошлого (см.: Пумпянский 2000: 30–31).

В западном мире, начиная с раннего Средневековья, классическая традиция была неотделима от памяти об античной словесности; «отношение к античности есть душа такой (т. е. классической. – П. Б.) литературы» (Пумпянский 2000: 30). Это в равной степени относится как к Средневековью, так и к гуманизму / постгуманизму, хотя выражалась такая ориентация на античность по-разному в Средние века и начиная с Ренессанса; Ренессанс в предельно существенной мере изменил, так сказать, феноменологию рецепции античности, не затронув, однако, самого принципа: литературные (и, как показал Э. Панофски (1998: 42–100), не одни литературные) образцы как в Средневековье, так и после него (до самого конца классической эпохи, т. е. до XVIII века) соотносились с античностью. Среди других, подтверждающих данное положение и культурно релевантных фактов можно указать на отмеченную С. С. Аверинцевым замкнутость средневековой риторики на античном материале; Аверинцев, продемонстрировав это на византийских примерах, пришел к следующему выводу: «чтобы описывать,

² В тексте Степуна последовательность предложений несколько иная.

анализировать и оценивать произведение, византийская риторическая теория должна была для начала найти для него место в одной из рубрик заимствованной у античности формально-жанровой номенклатуры» (Аверинцев 1996: 248). Заключение это возможно – естественно, с рядом уточнений и пояснений – перенести и на западнохристианскую ретиорику; во всяком случае, материал, приведенный Э.-Р. Курциусом в 14-м разделе («Классика») его знаменитой книги «Европейская литература и латинское Средневековье» (Курциус 2007: 274–299) скорее подтверждает возможности подобного переноса, нежели отвергает его. Применительно же к Ренессансу и постренессансному искусству положение об их ориентации на античность едва ли нуждается в особых подтверждениях.

2

Иначе обстояло дело в *Pax Slavia Orthodoxa*³; в восточнославянской средневековой книжности для классической традиции места почти не находилось. Два обстоятельства, прежде всего, делали ее несущественной. Во-первых, малая осведомленность восточных славян в античном наследии; даже не одна малая осведомленность, но, главное, едва ли не полное отсутствие к нему интереса. Конечно, отдельные имена и факты античного словесного искусства, некоторые восходящие туда литературные стратегии в литературу XI–XVI веков проникали; более того, в отдельные периоды происходила их своеобразная концентрация. Однако в целом античные авторы совершенно не занимали в ней позиции, даже приблизительно похожей на принадлежащую им в западной литературе, или, совсем в ином воплощении, в византийской (см.: Буланин 1991; Кнабе 1999). Во-вторых, крайне не развитая рефлексия о словесном творчестве. Древнерусский книжник, естественно, мог задумываться (и задумывался) над отношением создаваемого им сочинения к произведениям других авторов. Но его размышления носили, обычно, частный, так сказать, случайный, характер, касались его ориентации на какой-либо конкретный предшествующий текст (или, напротив, отталкивания от него), или ограничивались размышлениями над особенностями одного жанра. Кроме того, они имели, если так можно выразиться, не вполне рационализиро-

³ Содержание данного понятия понимается мною в духе работ Р. Пиккио (см.: Пиккио 2003).

ванной и никак не систематизированный характер; обычно все ограничивалось отдельными замечаниями по отдельному же поводу. О литературной традиции как таковой средневековый восточнославянский литератор не думал; он о ней попросту не знал.

Два этих фактора (в соединении с другими причинами, о которых сейчас можно умолчать) и определили отсутствие в древнерусской литературе классической традиции – как некой совокупности образцовых авторов, причем образцовых именно как авторов, чья образцовость не совпадает с образцовостью жанровой, а находясь в несколько иной плоскости, не противоречит жанровым парадигмам, но дополняет их⁴. Представление о ней (т. е. о классической традиции) появляется у восточных славян только тогда, когда исчезают отмеченные выше обстоятельства (игнорирование античной культуры и слабо выраженная рефлексия) – если и не исчезают вполне, то, во всяком случае, утрачивают прежнюю свою влияние. Это происходит в первой половине XVII столетия и связано с приобщением восточных славян к европейской риторической традиции⁵. Появление риторических трактатов неизбежно повлекло за собою зарождение понятия о классической традиции.

Как известно, восточнославянские риторические трактаты создавались – сначала на Западной Руси, затем и в московском культурном пространстве, куда они относительно быстро были перенесены с Украины и Белоруссии – преимущественно на двух языках: латинском и церковнославянском (тексты на греческом языке составляли единичные исключения, как, например, риторики Иоанникия и Софрония Лихудов). В обоих языковых вариантах с обязательностью должны были присутствовать образцовые авторы и такие же образцовые примеры, иллюстрирующие те или иные риторические позиции. Примеры были необходимы в особой степени: риторический трактат по своей природе предполагал включение их в себя. Отвлеченные рассуждения, для того чтобы быть усвоенными, а затем использоваться как продуцирующие модели в личностной речевой

⁴ На соединение (не лишенное некоторой диалектичности) двух принципов – жанрового и авторского (т. е. индивидуального) – в пределах классической традиции указывал Э.-Р. Курциус (Курціус 2007: 275).

⁵ Вопрос о степени осведомленности средневековой восточнославянской книжности в античной риторике весьма дискуссионен. Я исхожу из того понимания данной проблемы, которая представлена в работе Д. М. Буланина (Буланин 1991).

деятельности, нуждались в избыточном разъяснении, которое и предоставляли литературные иллюстрации. Риторический трактат учил построению правильных текстов двояким способом: с помощью правил, экспликация которых составляла, так сказать, «теоретическую» часть трактата, и с помощью образцов, заимствованных (в виде фрагментов разного объема) у наиболее авторитетных авторов. Кроме того, примеры, призванные быть предметом сознательного подражания в собственном словесном творчестве, демонстрировали, так сказать, сущность образцовости: они позволяли понять, почему тот либо другой автор оказывался причисленным к классикам, какие черты текста делают его сочинение классическим. С некоторой натяжкой, но можно сказать, что именно иллюстрации риторических правил проясняли (разумеется, весьма относительно) понятие классической традиции, позволяя судить об основаниях включения в нее того или другого автора.

Все это должно было быть. Но в какой степени и, главное, с какой мерой убедительности подобное долженствование реализовывалось в обоих языковых типах восточнославянских риторических сочинений?

3

Латиноязычные восточнославянские риторика всем требованиям соответствовали если и не полностью, то, несомненно, во вполне удовлетворительной степени⁶. Их читатели, а вернее, слушатели курсов, письменным вариантом которых данные трактаты в абсолютном своем большинстве и являлись, по существу впервые в *Pax Slavia Orthodoxa* начинали осознавать границы и содержание классической традиции, более того, понимать, что она из себя представляет. Неизвестное доселе античное литературное наследие в виде литературных иллюстраций риторических сочинений стало проникать в культурное сознание интеллектуалов. Причем язык риторических трактатов, о которых сейчас идет речь, – латынь – приводил к тому, что с классической традицией начинали, так или иначе, соотноситься едва ли не все авторы, отрывки из произведений которых в них содержались: не только античные писатели в собственном смысле и прямо их продолжавшие новолатинские сочинители,

⁶ Их описание и характеристику некоторых сторон латиноязычных трактатов см.: Маслюк 1983; Сивокін 2001.

но и книги Священного Писания, восточные Отцы Церкви (писавшие по-гречески, но тут представленные, естественно, в латинских переводах), а также фрагменты, специально написанные авторами трактатов для подтверждения теоретических формулировок. Все эти тексты (а иллюстративные примеры обычно обладали, особенно если были относительно развернутыми, как смысловой, так и речевой целостностью и поему имеют все основания быть определены как тексты) существенно отличались друг от друга и временем создания, и теми конкретными литературными традициями, которые они в себе несли, и духовно-интеллектуальным смыслом, но, тем не менее, они воспринимались (и составителями и читателями) как явления одного порядка. Недаром они приводились, так сказать, в общем ряду. Достаточно выразительный пример этого дает раздел 8 («О языковых фигурах, способствующих красноречию») четвертой книги («О языковом и стилистическом оформлении») курса Феофана Прокоповича «*De arte rhetorica...*» (1706–1707). Рассматривая в нем фигуры речи, Феофан, в качестве наглядных разъяснений к фигуре, названной им «характеристика», упоминает «Характеры» Феофраста, приводит два отрывка из Цицерона (из речей «Против Пизона» и «В защиту Сестия»), один – из Св. Григория Назианзина («Против Юлиана-отступника»), а затем – свой собственный опыт, представляющий инвективу на католических монахов, причем он явно ориентируется на только что приведенные им речи Цицерона, на что указывает сам в завершении отрицательной своей характеристики⁷.

Подобного рода подход позволял представить классическую традицию в виде необходимого эпохе синтеза трех различных начал: античной литературы, с которой и связывалась классика в западном литературном сознании, православной традиции, необходимой восточным славянам в качестве единственной носительницы духовного авторитета и злободневной современности. Тем самым эта традиция становилась как бы стержнем словесной культуры; в ее пределах оказывалось возможным решение основных стоящих перед нею задач и, одновременно с этим, она обеспечивала созданным в ее рамках произведениям высокий статус, безусловный и неоспоримый. Причем главным

⁷ См. о месте античных авторов в риториках и поэтиках XVII – начале XVIII веков: Трофимук 2013: 166–192.

и основным критерием, определяющим принадлежность к классической традиции, был язык – латынь.

Такое решение проблемы имело множество достоинств, однако сопровождалось и недостатком, притом грандиозным: классическая традиция оказалась оторванной от словесного творчества на родном языке. Ситуация во многом напоминала ту, что сложилась в Западном Средневековье, но с рядом существеннейших отличий. Во-первых, восточнославянская культура XVII – начала XVIII веков, при всей активности процессов европеизации западных (украинских и белорусских) земель, не была пропитана латинской образованностью в такой степени, как средневековая Европа. Античная литература – даже не она сама, а та ее христианизированная мутация, которую она претерпела еще в поздней античности – ни в коей мере не была там культурным фундаментом; ее знал, ценил и развивал в неолатинском ее варианте лишь тонкий слой ценителей-интеллектуалов. Во-вторых, для восточных славян латинский язык был языком образованности; языком веры – своей веры – он не был. В Западной Европе до XVI века ситуация была другой: латынь была одновременно и языком религии, и языком культуры, и языком прошлого; в католическом мире она ничего не разъединяла, а лишь соединяла. В северо-восточной части *Rex Slavia Orthodoxa* (т. е. в русской – в широком смысле – его составляющей) положение было совершенно противоположным: латинский язык именно разъединял, он представлял собою иное начало, нежели своя культура и собственное прошлое – начало польское и католическое. Здесь стоит вспомнить крайне настороженное (выражаясь предельно мягко) отношение к набирающей силу латинизации словесности со стороны Ивана Вишенского (см.: Грабович 1997: 260–277), и не его одного. Позиция Ивана Вишенского в данном случае находит некоторую параллель в деятельности просвещенных магнатов – защитников православия в конце XVI века, в первую голову – кн. В.-К. Острожского (см.: Яковенко 2006: 201–213). И хотя итогом этой настороженности было как раз активное распространение латыни в Украине XVII столетия, что особенно заметно в образовательной политике того же В.-К. Острожского, латинский

язык все же оставался языком *не своей культуры*. Даже для украинцев и белорусов; тем более это относится к Москве⁸.

4

Подобного рода проблем риторики на церковнославянском языке, естественно, не знали. В них язык выполняет роль кода, обеспечивающего идентификацию вводимой его посредством новой культурной информации как соответствующей национальным основам. Риторика, тем самым, не отторгалась, а, напротив, принималась; противоречий между усвояемой риторикой и национальной традицией не возникало. Вернее, подобные противоречия имели место, но скорее как случаи частного, индивидуального отвержения нового, незнакомого, а не как принципиальная реакция культурного сознания. Особенно здесь показателен пример старообрядцев. Крайне резкие выпады протопопа Аввакума соседствуют с внимательным отношением к риторике выговских литераторов, результатом чего стало появление ряда старообрядческих риторических трактатов (см.: Понырко 1981: 154–162; Вомперский 1988; Аннушкин 2003). А раскольники были агрессивными защитниками старого; тем более открытой к риторике была менее фундаменталистская часть московских книжников, та, что приняла реформы Никона.

Однако, снимая своей языковой формой (т. е. церковнославянским языком) напряжение между старым и новым подходами к слову⁹, церковнославянские риторические трактаты пасовали перед трудностями кооптирования русской культурой классической традиции. Сами они с ней были неразрывно связаны и даже в некотором роде ее представляли. Есть все основания предполагать, что все восточнославянские риторики на церковнославянском языке восходят к тем или иным западным источникам, нередко – к нескольким сразу. В одних случаях эти источники известны; так, первая восточнославянская риторика,

⁸ Общую культурную ситуацию применительно к Украине см.: Ісіченко 2011. О новолатинской поэзии у восточных славян см.: Либуркин 2000. См. также: Живов, Успенский 2002: 461–531.

⁹ Вопрос о принципиальном изменении отношения к слову и словесному творчеству, произошедшем в результате усвоения восточными славянами риторики, рассматривался, в частности, А. М. Панченко и Р. Лахманн. См.: Панченко 1973; Лахманн 2001.

так называемая Риторика Макария или Риторика 1620 года¹⁰, восходит к «Риторице» Ф. Меланхтона в ее сокращенном варианте, выполненном Л. Лоссием (Аннушкин 2006). В других – оригинал еще не установлен, хотя переводной характер трактата вряд ли вызывает сомнения, например «Риторика» М. Усачева (1699)¹¹. Но сами собою являя классическую литературную традицию, трансформированную формой риторического трактата (как раз и являющегося одним из основных хранителей этой традиции), церковнославянские риторические этимы и ограничивались. Перечень классических авторов в них был, как правило, крайне невелик, а иллюстративные примеры кратки и нередко анонимны. В ряде случаев их авторы, скорее всего опиравшиеся на латинский текст, существенно его сокращали. Примером здесь может послужить уже упоминавшаяся старообрядческая «Риторика в 5-ти беседах» (1706–1712). В. И. Аннушкин высказал предположение о зависимости некоторых ее частей, в том числе раздела о «внутренних местах» «Беседы III. О изобретении» от «De arte rhetorica...» Феофана Прокоповича (2-я глава II книги «Про подбор доказательств и про амплификацию»). Сравнение этих фрагментов сразу же наглядно показывает предельный лаконизм церковнославянского текста и полное отсутствие там примеров и даже упоминаний классических авторов. В старообрядческой риторике «внутренние места» просто перечисляются, тогда как Феофан не только дает им характеристики, но и снабжает их отсылками к классическим авторитетам (например, к Цицерону) и примерами из классических же авторов (того же Цицерона и Овидия).

Безусловно, старообрядческий трактат не является здесь безукоризненным примером, выговская «Риторика» «проникнута идеологией старообрядчества, в ней отсутствуют светские примеры <...>» (Аннушкин 2003: 195); другие церковнославянские риторические этимы, в частности «Риторика» М. Усачева, в несколько большей мере открыты светской культуре¹². Однако в

¹⁰ См.: Вомперский 1988: 12–21; Аннушкин, Буланина 1993: 317–321. См. также комментированные издания: Die Makarij; Аннушкин 2006.

¹¹ См. о ней: Вомперский 1988: 70–72; Аннушкин 2003: 101–116. В настоящее время изучением данного текста занимается К. Н. Лемешев.

¹² Впрочем, не следует преувеличивать ориентацию на античные примеры и риторического трактата Усачева. К. Н. Лемешев, специально рассмотревший источник примеров в разделе «О схиматах», т. е. о риторических фигурах, пришел к заключению, что основным иллюстративным материалом в каждой статье являются тексты

целом и в них классическая традиция, с достаточной степенью полноты представленная в латиноязычных риториках, была почти не выражена. Одной из причин этого была трудность ее стилистического воплощения средствами церковнославянского языка. В данном отношении весьма показательна «Риторика» М. Усачева. В этом аспекте ее проанализировал К. Н. Лемешев, любезно разрешивший воспользоваться его наблюдениями¹³. В целом ряде случаев при описании фигур речи (раздел «О схиматах») Усачев приводит цитаты из наиболее известных римских риторик – из Цицерона, из Квинтилиана, из «Риторики к Гереннию»¹⁴, цитаты, в большинстве своем демонстрирующие трудности разного порядка, которые возникали перед переводчиком и которые он, по различным причинам не преодолел. Так, для иллюстрации фигуры «антистрофа» (в рукописи – «антистрофи»), которая состоит в конечном повторе слова или словосочетания в последовательности, состоящей из нескольких синтагм, у него приведен такой текст: «Римляне пенов правдою победиша, оружием победиша, щедростию победиша»¹⁵ (л. 127 об.). Это – перевод примера из «Риторики к Гереннию», в которой он иллюстрирует ту же фигуру (ее латинское наименование в «Риторике к Гереннию» – *conversio*): «*Poenos populus Romanus institia vicit, armis vicit, liberalitate vicit*» (Rhet. Her. IV.XIII.19). Невнятность церковнославянского примера здесь обусловлена незнанием исторических реалий, а точнее, отсутствием соответствующих эквивалентов в русской культуре: читателям начала XVIII столетия, не осведомленным об источнике данной фразы, трудно (чтобы не сказать – невозможно) было догадаться о тех, кто Усачевым был обозначен как «пены».

Священного Писания: Евангелий, Псалтири, некоторых ветхозаветных текстов. Ситуация, мало отличная от старообрядческой риторики.

¹³ Следующий ниже текст о риторике Усачева написан в соавторстве с К. Н. Лемешевым.

¹⁴ Можно с почти полной вероятностью утверждать, что Усачев позаимствовал данные примеры из того (пока еще не установленного) риторического сочинения, которое послужило основным источником его труда; обращение его непосредственно к указанным источникам невозможно и по причине крайней скудости сведений о них в России того времени, и потому, что противоречит обычной практике написания классических риторических трактатов.

¹⁵ Цитируемый список «Риторики» Усачева хранится в Государственном историческом музее (Москва), в Щукинском собрании, № 803. Примеры из него приводятся в упрощенной орфографии, листы указываются после цитаты.

В других случаях «темнота» церковнославянского текста обусловлена тем, что переводчик запутался, переставляя компоненты фразы, в результате чего смысл если и не утрачивается вполне, то, во всяком случае, лишается афористической ясности, свойственной латинскому оригиналу. Это происходит, в частности, в описании фигуры «антиметабола», где Усачев использует известный афоризм, также восходящий к «Риторике к Гереннию», но более известный в формулировке Квинтилиана: «Non, ut edam, vivo, sed, ut vivam, edo» (Quint. Inst. IX, 3, 85). В церковнославянском же переводе противопоставление пропадает, и сентенция теряет свой антитетический характер: «Не да ям живу, но живу да ям» (л. 132). Встречаются у Усачева и более отчетливые примеры утраты церковнославянским текстом смысла. Разъясняя дополнительной иллюстрацией ту же фигуру «антиметабола», он берет ее, опять-таки, из «Риторики к Гереннию». Под его пером, здесь явно неловким, латинское изречение «Poëma loquens pictura, pictura tacitum poëma debet esse» (Rhet. Her. IV.XXVIII.39) приобретает следующий вид: «История – глаголющее есть письмо, письмо же молчащее есть история» (л. 132).

Все эти примеры позволяют с достаточным основанием сказать, что церковнославянские риторические трактаты, являющиеся порождением классической риторической традиции и ее отдаленным эхом в воздухе русской культуры XVII – начала XVIII века, с этой классической традицией русскую словесность непосредственно почти не знакомили и ее туда не вводили. Сведения о том, какие авторы составляют данную традицию, каково ее словесное воплощение в текстах разных типов, можно было получить только в латиноязычных риториках. В восточнославянском литературном сознании второй половины XVII – первой трети XVIII столетия классическая традиция была представлена лишь в латиноязычном своем воплощении.

5

«Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова сложившуюся ситуацию полностью и бесповоротно изменило. В нем классическая европейская традиция была явлена не только опосредованно – через форму риторического трактата, – но предстала сама по себе, в прямом своем выражении: как совокупность классических авторов и как череда образцовых примеров, показывающих те качества художественной речи (в разных ее жанровых и стилистических вариантах), которые и дела-

ют автора образцовым и которым следует подражать, стремясь достигнуть показанного в трактате совершенства. И такое достижение для русских авторов, как свидетельствовало «Краткое руководство...», вполне возможно, так как классическая традиция раскрыла себя в нем средствами русского языка, тем самым показав его возможности, не уступающие потенциям основного языка, в пределах которого она жила в течение многих веков в Европе и в облики которого она вошла в русскую культуру, – латыни¹⁶. Более того, ломоносовский трактат стремился продемонстрировать, что и русская словесность (как новолатинская и новые западноевропейские литературы), а не только язык, имеет отношение к классической традиции, что и у словесности уже имеются классические образцы.

Это было достигнуто благодаря некоторой совокупности использованных Ломоносовым стратегий – достаточно различных. Прежде всего, обе плоскости классической традиции – образцовые авторы и необходимые жанры – были продемонстрированы если и не с необходимой полнотой, то почти в достаточном виде. Оговорка касается жанров – некоторые из них действительно охарактеризованы полно, например притча (басня), разные формы литературных разговоров и многие другие; в иных же случаях Ломоносов ограничивается упоминанием и предельно лаконичным указанием на природу жанра, да и то последнее – не всегда. Это, возможно, вызвано предполагаемым намерением Ломоносова написать продолжение «Краткого руководства...» – поэтику, намерением, которое (если оно и вправду у него было) осталось неосуществленным. Однако беглость характеристик, иногда принимающая вид простых перечислений, в некоторой степени искупается примерами, в качестве которых приводятся образцы разных жанров – фрагментарно, а иногда и полностью.

Что же касается авторов, определяющих классическую традицию, то их перечисление едва ли не исчерпывающе¹⁷. Кроме этого, в «Кратком руководстве к красноречию...» иллюстративный материал обладал особой полнотой. Своим количеством (о качестве речь пойдет ниже) он не только несопоставим с

¹⁶ Об идее величия русского языка у Ломоносова говорилось неоднократно и с разной оценочной составляющей. См., как один из возможных примеров: Живов 1996.

¹⁷ Список названных Ломоносовым в «Кратком руководстве...» авторов и количество их упоминаний см.: Западов 1979: 151.

предшествующими риторическими сочинениями на церковно-славянском языке, но ничуть не уступал (а нередко и превосходил) и восточнославянские латиноязычные трактаты, и трактаты западные (см.: Западов 1979: 138–157; Бухаркин 2013: 41–49).

Наконец, – и это, вероятно, самое главное – классическая традиция была представлена как *своя* для русской литературы. Она раскрылась в ломоносовском трактате не как внеположный русскому слову эстетический идеал, который необходимо демонстрировать в его неположности, т. е. на собственном его языке – латинском, а как образец, восходящий к этому внеположному идеалу, но ныне переводящий его в русское словесное пространство и могущий быть выраженным русским словом.

Пожалуй, два основных обстоятельства делали возможным такой сдвиг. Во-первых, языковая фактура текста – как теоретической его части, так и примеров, что имеет первоочередное значение. Благодаря стилистическому совершенству последних, прежде всего в том случае, если они представляли собою переводы античных авторов, греко-римское наследие оказалось вполне адекватно воплощенным средствами русского языка; оно как бы входит в саму его ткань¹⁸. Более позднее высказывание Ломоносова – «сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке» (Ломоносов 2011: 306) – имплицитно уже присутствует в «Кратком руководстве к красноречию...», а если выразиться точнее – риторический трактат своей стилистической энергией дает основания для только что приведенного пассажа из «Российской грамматики» (1757). Так, Ломоносов с легкостью преодолевает те трудности, перед которыми пасовал, например, М. Усачев. Вызвавшую у Усачева затруднение сентенцию Квинтилиана: «Non, ut edam, vivo, sed, ut vivam, edo» (Quint. Inst. IX, 3, 85), с которой тот не вполне справился (о чем уже шла речь выше) он передает следующим образом: «Не для того живем на свете, чтобы насыщаться, но для того насыщаемся, чтобы жить» (Ломоносов 2011: 220)¹⁹. В ломоносовском переводе отточенное противостояние двух частей данного высказывания полностью сохраняется, причем Ломоносов не стремится копировать стилистическую структуру подлинника (в отличие от Усачева). Это приво-

¹⁸ Пользуюсь, с его любезного разрешения, выразительной формулировкой К. Н. Лемешева.

¹⁹ Данное сопоставление указано мне К. Н. Лемешевым.

дит к очевидным потерям, значительно ослабляет отчетливый параллелизм латинского образца, что связано с утратой звуковых созвучий, столь важных оригиналу. Но взамен приходит естественность словесного выражения идеи, обусловленная, в первую очередь, иным, нежели у Квинтилиана, принципом синтаксической конструкции, отказывающимся от простой имитации, но требующим учета специфики собственного языка. Не робкое копирование чужой языковой формы, а стремление передать суть латинского изречения, сохраняя его гномическое совершенство, сохранить при помощи тех средств, которые наиболее «сродственны» создаваемому им самим новому русскому языку – вот чем руководствовался Ломоносов. Это ему удавалось: русский литературный язык в ломоносовском его понимании, одним из первых развернутых манифестаций которого как раз и стало «Краткое руководство к красноречию...», предстал как язык, способный выражать смыслы, соединяющие тех, кто говорит на нем, с европейской культурой и ее колыбелью – культурой античной²⁰. Последняя обращивалась, также, колыбелью и русской культуры, которая тем самым приобщалась к классической литературной традиции в качестве органичного ее продолжения, новейшей ее части.

6

Таков первый фактор, определивший произведенный Ломоносовым сдвиг. Второй располагался в несколько иной плоскости – плоскости авторитетных авторов. В качестве таковых в «Кратком руководстве ...» приводятся преимущественно античные писатели; если опираться на подсчеты А. В. Западова (1979: 151), то по частотности их упоминаний выстраивается следующий ряд (привожу далеко не все упоминаемые Ломоносовым имена): Цицерон, Вергилий, Овидий, Демосфен, Курций Руф, Сенека Старший, Марциал, Гомер, Плутарх, Лукиан и т. д. Также упоминаются новые европейские авторы (Эразм Роттердамский, Камюэнс и др.) и греческие Святые Отцы (Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин и т. п.). Античные образцы, однако, безусловно преобладают. Во всяком случае, сам Ломоносов считал именно так. Он заблуждался; в глубоко содержательной статье А. А. Костина и С. И. Николаева «Неучтенный источник Риторика Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау)» выяв-

²⁰ Вновь использую выражение К. Н. Лемешева.

лены и западноевропейские источники некоторых стихотворных примеров (Костин, Николаев 2013: 41–53). Но для Ломоносова эти источники оставались скорее всего неизвестными. Во всяком случае, давая в качестве иллюстрации к «замысловатым идеям» (§ 139 главы 7 «О изобретении витиеватых речей» части I «О изобретении») двустишие «Без всякой мы вины...», являющееся сокращением эпиграммы Дж. Оуэна (1564–1622/1628), известного новолатинского английского писателя, он автора не указывает. А в § 133, приводя в пример создания «витиеватых вещей» 6-стишие фламандского новолатинского же поэта Бернарда ван Баухюйсена (1575–1614/1619) «На белых волосах у Аппия зима...», он приписывает ее Марциалу («Пример из Марциала» – Ломоносов 2011: 161). Поэтому не будет излишней смелостью повторить, что для поэтических (а, следовательно, наиболее авторитетных) примеров он выбирал произведения античных авторов, но – как говорилось – с одним исключением. Исключением этим он был сам. И это имело огромное значение – собственные стихи тем самым ставились Ломоносовым в один ряд с поэтами, представляющими классическую традицию.

Причины, подвигнувшие Ломоносова на подобный поступок, не лишенный вызова, хотя и вполне вписывающийся в литературные нравы эпохи, были, очевидно, достаточно разнообразны. Но важнее результат дерзновенного этого поступка. Он состоял в том, что русская уже литература (а не один язык) обнаружила в себе – в творчестве самого Ломоносова – классическое начало; в ней существуют произведения того уровня, что соответствует высшему регистру классического слова и потому она может восприниматься как подлинная (и равноправная с другими европейскими литературами) наследница античности. Русская словесность предстала в ломоносовском сочинении как прямое порождение и развитие словесности греко-римской, а поэтический язык этой литературы – как самый непосредственный наследник языков классической древности, если иметь в виду античную поэзию, то латыни. Он, собственно говоря, и был тем же классическим языком; недаром его посредством в «Кратком руководстве...» заговорила не только «русская камена» (В. Ходасевич), но и поэты римские и греческие. Для обозначения данного грандиозного события наиболее подходит известное выражение Л. В. Пумпянского: «...восторг перед Западом вдруг (взрыв) перешел в восторг перед собой, как западной страной» (Пумпянский 2000: 54).

Внешним выражением подобной позиции стал отказ от параллельных текстов: Ломоносов приводит только переводы примеров, игнорируя оригиналы. Такое решение было достаточно неординарным – и для России, и для Запада²¹. Оно имело и еще одно – и тоже крайне важное – культурное последствие. Благодаря тому, что все литературные иллюстрации давались в «Кратком руководстве...» на русском языке, стиралась грань между двумя основными авторитетными началами, доселе важными русскому сознанию: между античной и святоотеческой традициями, традициями не в смысле перечня имен, но традициями в более глубоком смысле (о котором речь шла в начале работы) – как совокупности образцовых, абсолютно совершенных текстов. Имена, воспринятые от античной традиции, в том числе, имена языческих богов и античных героев как раз могли смовмещаться с библейской и святоотеческой традицией (Живов, Успенский 2002: 461–531). Но вот литературная классическая традиция античного мира у восточных славян с библейско-христианской традицией не корреспондировала.

Как говорилось выше, данная оппозиция предшествующими риторическими трактатами не была снята. Латиноязычные риторикеры внутри себя данное противоречие снимали, однако они в целом воспринимались – вначале как прямо противостоящие, затем как *чужие* – стержневому началу национальной традиции. Церковнославянские риторикеры, совершенно напротив, национальному духовному стержню соответствовали, но были не в силах «привить классическую розу» к славянскому «дичку» (В. Ходасевич). Ломоносов же это противоречие снял: благодаря его «Краткому руководству к красноречию...», всё в котором было явлено посредством русского языка – в том числе и литературные иллюстрации разного рода и генезиса, – классическая традиция предстала в единстве своих, ранее неслиянных, начал – греко-римского и святоотеческого; и то, и другое выражалось в ломоносовской Риторике одним языком, причем тем языком, который делал эту единую теперь, благодаря ему, классическую традицию – одновременно классической, т. е. внеположной себе как любой абсолютный идеал, и своей.

²¹ См. об этой проблеме: Бухаркин 2013: 45–47. Интересную параллель к Ломоносову, требующую осмысления, представляет решение А. Д. Кантемира отказаться от латинских оригиналов при подготовке издания переводов посланий Горация. См. об этом начинании: Алексеева 2013: 5–25.

7

Сдвиг в русском литературном сознании, произведенный «Кратким руководством к красноречию...», был чрезвычайно значительным и вызвал далеко идущие культурные последствия. Первым – и, очевидно, важнейшим – из них стало ощущение наличия собственной, русской, составляющей классической традиции. Именно – национальной составляющей классической традиции; последняя (как и прежде) воспринималась как абсолютная сверхнациональная ценность, но ее сверхнациональность не препятствует отдельной литературе внести в нее собственный вклад, приобретающий, тем самым, наднациональную и вневременную ценность, т. е. ценность абсолютную. Русская словесность ныне такой вклад внесла, поэтому и среди русских авторов есть те, что могут быть причислены к разряду классических. Конкретным образом это проявилось в послеломоносовских риторических трактатах; в них в качестве образцовых примеров начинают появляться фрагменты из произведений русских авторов. Ранее такое почти не встречалось, чтобы не сказать – не встречалось вообще. Даже имена русских писателей, за редчайшими исключениями, не упоминались. Показательным здесь является отказ Ломоносова включить в риторический трактат указание на Феофана Прокоповича (см.: Ломоносов 2011: 690–691). После «Краткого руководства к красноречию...» положение меняется, причем первым из оказавшихся классиком авторов стал Ломоносов – между прочим, косвенное свидетельство особой роли, сыгранной его риторикой в процессе, так сказать, русификации классической традиции. Например, в «Кратком руководстве к оратории российской...» Амвросия (Серебренникова) (1778) в 7-й и 8-й ее главах (соответственно «О фигурах вообще и о фигурах речений» и «О фигурах предложений») отрывки из ломоносовских сочинений (преимущественно из од, надписей, панегирической прозы, т. е. «Слов...») приводятся значительно чаще (30 раз), нежели иллюстрации, позаимствованные из других образцовых писателей; для примера, – А. П. Сумароков цитируется 4 раза, Цицерон – тоже 4, Вергилий – 3, Марциал, Эразм Роттердамский, Плиний – по одному и т. д. (Амвросий 1778: 121–150)²². Здесь, так же как и у Ломоносова, русская литература мирно соседствует с

²² Надо иметь в виду, что данный трактат прямо ориентирован на «Краткое руководство...» М. В. Ломоносова и очень во многом от него непосредственно зависим.

римскими и новолатинскими авторами в качестве представительницы классической тенденции; но по сравнению с поворотным в интересующем нас отношении ломоносовским текстом круг русских классических авторов у Амвросия расширен – прежде всего за счет А. П. Сумарокова и митр. Платона (Левшина). И пусть это расширение количественно не очень существенно, но значение его крайне важно, так как свидетельствует о развитии идеи, внесенном ломоносовским поворотом – то, что у Ломоносова было заявлено как возможность, представленная лишь его собственными поэтическими усилиями, в «Риторике» Амвросия получает вид уже начавшей реализовываться потенции, приведшей к появлению пусть и небольшого, но списка собственных классических авторов. Таким образом, классическая традиция начала заявлять о своем функционировании в качестве традиции на русской почве. Дальнейшим результатом этого должно было стать ее расширение. Это и происходит: в риториках самого конца XVIII – первой трети XIX века русский сегмент классической традиции всё расширяется за счет включения в него новых авторов и начинает потеснять античную и западноевропейскую ее части. Некоего предела данное движение достигает в «Общей риторике» Н. Ф. Кошанского (1829): из 16 постоянно цитируемых там авторов, долженствующих своими произведениями показать литературные образцы, только один – Цицерон – относится к той классической традиции, которую русская культура начинала усваивать с середины XVII века. Остальное составляют русские имена.

И здесь возникает вторая важная проблема, в которой можно видеть в известном роде последствие произведенного Ломоносовым переворота: проблема критериев отнесения автора к классической традиции. Пока классическая традиция была внеположна национальной словесности, подобного вопроса не возникало: авторитетные авторы находились в наднациональной риторической традиции, представленной чередой продолжающих друг друга риторических трактатов. Но кого из русских литераторов следует причислить к классикам? Здесь требовалось выработать принципы отбора. Определение таких принципов происходило, безусловно, стихийно и неосознанно, к тому же было лишено последовательности и системности; многое определялось индивидуальными предпочтениями, часто случайными и нелегко объяснимыми, как, например, цитирования в «Общей риторике» Н. Ф. Кошанского М. Н. Баккаревича (1775–

1819, которого, при некоторых его достоинствах, трудно, все же, назвать образцовым автором. И все же основной принцип формирующегося нового подхода ощутить можно; его следует определить как эстетический, что для той эпохи также означало и в некотором роде вкусовой. Писатели начинают причисляться к классическому уровню, исходя из художественного своего совершенства, определяемого создателем риторического труда. Это сдвинуло риторiku в сторону эстетики, предполагающей, кроме других своих задач, и анализ произведений искусства с целями выявления их степени соответствия прекрасному. Подобное проникает и в риторiku, ранее, так сказать, в «чистом» своем варианте такие задачи перед собой не ставившую. Теперь же они могут в риторических трактатах возникать; иногда в них эксплицируются поиски принципов определения иерархического статуса текстов. Так, в «Правилах высшего красноречия» (1792, опублик. в 1844) М. М. Сперанского производятся достаточно развернутые (если иметь в виду объем книги в целом) анализы Вергилия (фрагмента из IV книги «Георгик», посвященный разлуке Орфея и Эвридики), комедии Теренция, оды Ж.-Б. Руссо «На счастье...» в переводах Ломоносова и Сумарокова, причем в случае Вергилия и Теренция разбирается латинский текст. В риторический трактат, тем самым, начинает входить аналитическое начало, и он приобретает некоторые черты учебника словесности, усиленные разделами, посвященными понятию вкуса (у того же Сперанского ему посвящены 6 глав). Все это начинает размывать риторический трактат, лишая его внутренней четкости и определенности, характерных для предшествующих эпох.

Конечно, деконструирующие строгость риторической теории черты трактатов конца XVIII – начала XIX века прямо не производны от сдвига, осуществленного в русской риторике Ломоносовым. Они от него непосредственно не зависят, а отражают общее движение поздней европейской риторической мысли (имею в виду XVIII столетие); на Западе подобное происходило уже давно. Однако в пределах русской культуры данный процесс в известном смысле все же восходит к Ломоносову; значительно позже, нежели в других европейских литературах, но совершенно блистательным образом он изменил языковую форму классической традиции и, тем самым, ее соотношение с национальной словесностью. Классическая традиция стала органической частью русской литературы – как это было и в

Европе – и русская литература пошла по той же дороге, что и западные ее сестры, в том числе – и по дороге разрушения классической риторики.

Литература

- Аверинцев 1996 – Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Алексеева – Алексеева Н. Ю. Примечания Антиоха Кантемира к «Письмам Горация» // XVIII век. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. СПб., 2013. С. 5–25.
- Амвросий 1778 – Амвросий (Серебрянников). Краткое руководство к оратории российской... М., 1778.
- Аннушкин 2003 – Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.
- Аннушкин 2006 – Аннушкин В. И. Первая русская риторика XVII в.: Текст. Перевод. Исследование. 2-е изд. М., 2006.
- Аннушкин, Буланина 1993 – Аннушкин В. И., Буланина Т. В. Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 317–321.
- Буланин 1991 – Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI веков. München, 1991.
- Бухаркин 2013 – Бухаркин П. Е. «Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 41–49.
- Вомперский 1988 – Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988.
- Грабович 1997 – Грабович Гр. Авторство и авторитет у Ивана Вишенского: діалектика відсутності // Грабович Гр. До історії української літератури. Київ, 1997. С. 260–277.
- Живов 1996 – Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Живов 2002 – Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 461–531.
- Западов 1979 – Западов А. В. Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов. Г. Р. Державин. М., 1979.
- Кнабе 1999 – Кнабе Г. С. Русская античность. М., 1999.
- Костин, Николаев 2013 – Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторика Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. СПб., 2013. С. 41–53.
- Курціус 2007 – Курціус Е.-Р. Європейська література і латинське середньовіччя. Львів, 2007.
- Лахманн 2001 – Лахманн Р. Демонтаж красноречия. СПб., 2001.

- Либуркин 2000 – Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории XVII – перв. пол. XVIII века. М., 2000.
- Ломоносов 2011 – Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 7. СПб., 2011.
- Маслюк 1983 – Маслюк В. П. Латиномовні поетики і риторики XVII – першові половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ, 1983.
- Панофски 1998 – Панофски Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М., 1998.
- Панченко 1973 – Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
- Пиккио 2003 – Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: литература и язык*. М., 2003.
- Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Т. XXXVI. М.; Л., 1981. С. 154–162.
- Пумпянский 2000 – Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000.
- Сивокінь 2001 – Сивокінь Гр. Давні українські поетики. 2-е вид. Харків, 2001.
- Степун 1998 – Степун Ф. А. В. Ф. Комиссаржевская и М. Н. Ермолова // Степун Ф. А. Встречи. М., 1998.
- Трофимук 2013 – Трофимук М. С. Роль античной литературы в формировании теории литературы в Украине XVII–XVIII вв. (на материале курсов словесности Киево-Могилянской Академии) // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 166–192.
- Яковенко 2006 – Яковенко Н. Нарис Історії середньовічної та ранньомодерної України. 3-е вид. Київ, 2006.
- Die Makarij – Rhetorik („Knigi sut’ ritoriki dvoï po tonku v voprosech spisanny...“) / Von R. Lachmann. Köln; Wien, 1980 (Slavistische Forschungen. Bd 27/1. Rhetorica slavica. Bd 1).
- Ісіченко 2011 – Ісіченко Ігорь (архиєп.). Історія української літератури: Епоха бароко XVII–XVIII ст. Львів; Київ; Харків, 2011.

P. E. Bukharkin. Lomonosov's Rhetoric and Classical Tradition in Russian Literature

The article considers Eastern Slavonic rhetorical treatises of the 17th – the beginning of the 19th centuries. The main focus is made on Lomonosov's Rhetoric and its role in the change of the linguistic code.

Keywords: Lomonosov, rhetoric, classical tradition, treatise, ancient literature, Latin, Church-Slavonic language, Russian language.

КСАНФ И ЭЗОП, ХОЗЯИН И РАБОТНИК
(заметки на полях исследования В. Хансена)

В статье рассматривается сходство между народными сказками типа «Договор о службе» (ATU 1000–1029) и отрывком анонимного «Жизнеописания Эзопа» (II в. н. э.). Сказочные хозяин и работник заключают «уговор не сердиться». С помощью этого пункта договора работник одерживает верх над хозяином. Хозяин Эзопа устанавливает правило, согласно которому Эзоп должен делать только то, что ему приказано. Эзоп использует это правило против хозяина (формально он выполняет приказы, но фактически искажает их смысл). Сказки и отрывок ЖЭ построены по сходной схеме.

Ключевые слова: «Жизнеописание Эзопа», сказка, фольклор, хозяин и работник, рабство.

Исследование Вильяма Хансена «Нить Ариадны: справочник по международным сказочным сюжетам в античной литературе» (Hansen 2002) устанавливает связи между относительно изолированными областями – фольклористикой и классической филологией. Автором учтено около ста сказочных сюжетов и мотивов. В каждом из разделов излагается сначала народная сказка, затем – один или несколько ее античных аналогов.

Сказки типа «Договор о службе» (ATU 1000–1029) и «Жизнеописание Эзопа»¹ (далее – ЖЭ) составляют одно из таких соответствий. В этих сказках повествуется о противостоянии хозяина и работника. Они «уговариваются друг с другом “не сердиться”, причем работник причиняет хозяину без конца издевательства: понимая буквально выражение хозяина “вскинуть глаза”, работник вырезает у овец глаза и бросает их в хозяина... чтобы “осветить дом” – поджигает его...» и т. д. (Никифоров 2008: 192). Аналогию сказкам этого типа составляет довольно крупный отрезок ЖЭ, охватывающий главы с 38 по 64, повествующий о непростых отношениях Эзопа и его хозяина.

Не вызывает сомнений, что упомянутый отрезок ЖЭ построен по тому же образцу, что и народная сказка. Это положение,

¹ «Жизнеописание Эзопа» – анонимный памятник, относимый большинством исследователей ко II в. н. э. Мною учитывалась одна из двух античных редакций романа – Перриана (VA G).

однако, требует существенных и принципиальных дополнений. Автор настоящей работы ставит перед собой следующие цели:

- Показать разнообразие сказок о хозяине и работнике;
- Предложить описание их структуры (сказка о хозяине и работнике более четко структурирована, нежели это видится В. Хансену);
- Указать на принципиальное отличие сказки и ЖЭ.

В параллель к ЖЭ Хансен приводит две западноевропейские сказки. В своей работе я буду ссылаться на русские сказки (одна из них будет рассмотрена подробно) и на сказки других народов, собранных отечественными фольклористами.

1. Ксанф и Эзоп

Философ Ксанф покупает Эзопа – существо уродливое, язвительное и смышленное. Новый раб сразу оказывается на особом положении. В первый же день господин дает ему ответственное поручение. С хозяином и хозяйкой Эзоп держит себя без подобострастия. Однажды чаша терпения Ксанфа переполняется. Он хочет приструнить Эзопа и приказывает ему делать только то, что приказано, не больше и не меньше: <ὅνα μὴ> βλάπτῃς με περισσότερον ἢ ἑλαττον τῶν ἐπιταττομένων σοι ποιῶν, (VA G 38, 1–2)². Нарушение приказа грозит побоями (38, 10–11). Эзоп начинает исполнять приказы формально правильно, но по существу искажает их смысл.

Сосуд без масла (38).

Ксанф отправляется в баню. Эзоп должен захватить с собой все необходимое. По прибытии выясняется, что сосуд, в котором должно было быть масло, пуст. В свое оправдание Эзоп ссылается на приказ Ксанфа: он делает только то, что ему велено, а наполнить сосуд маслом ему не велели.

Чечевица (39, 41).

Эзоп должен приготовить обед. Ксанф подробно перечисляет все необходимые действия – «свари нам чечевицу: положи ее в котел, и воды добавь, и поставь на кухонный очаг, и подложи дрова и зажги, а если погаснет – раздуй» (39, 4–6). Эзоп варит

² Перевод фрагментов текста сделан мной по изданию Б. Э. Перри (VA G). В некоторых случаях я привожу перевод М. Л. Гаспарова (Гаспаров 1991). Эпизодам ЖЭ и русской сказки даны краткие условные названия.

одно зернышко чечевицы, ведь Ксанф употребил это слово в единственном числе.

Питье после бани (40, 1–4).

Ксанф велит Эзопу дать испить после бани. Эзоп приносит грязной воды из бани. Выражение *ἀπὸ τοῦ βαλανείου* может означать как «от (из) бани», так и «после бани»³.

Омовение ног (40, 4–9).

Ксанф хочет, чтобы Эзоп помыл ему ноги. Он распоряжается: «поставь сюда лохань». Эзоп ставит пустую лохань и больше ничего не делает. Что на этот раз? – удивляется господин. А ты не сказал: наполни водой и помой мне ноги – объясняет Эзоп.

Благоволящая (44–46, 49–50).

Ксанф приглашен на пир. Он велит Эзопу отнести домой корзинку с едой и передать ее «благоволящей» (*τῇ εὐνοούσῃ*). Ксанф имеет в виду свою жену. Эзоп отдает яства собаке – именно она по-настоящему «благоволит» своему господину. Ксанф обещает жене найти предлог для порки Эзопа.

Свиные языки-I (51–53).

Ксанф велит Эзопу приготовить на обед «нечто прекрасное и полезное», *ἔψῃσιν εἴ τι καλόν, εἴ τι χρηστὸν ἐν τῷ βίῳ* (51, 2–3). Эзоп подает гостям свиные языки, приготовленные всевозможными способами – и больше ничего. Гости недовольны, Ксанф требует объяснений. Эзоп отвечает, что благодаря языку существует философия, культура, торговля, законы и т.д. Нет ничего лучше языка. Ученики Ксанфа с этим соглашаются.

Свиные языки-II (54–55).

Ксанф раздражен. Теперь он велит Эзопу приготовить «нечто плохое и отвратительное» (*εἴ τι σαπρόν, εἴ τι χεῖρον*, 54, 5). Эзоп снова готовит языки и объясняет, что хуже языка ничего нет: без него не было бы козней, коварства, хитрости и т.д. Объяснение принимается прохладно. Но Ксанф пока не торопится выпороть раба. Он хочет иметь на это бесспорное право.

Аперизэргос (56–64).

Ксанф заявляет Эзопу: «я установлю для тебя новый закон, а тот, что установил прежде, отменю» (*ἕτερόν σοι θέσω νόμον καὶ ὃν προσεθέμην ἀκυρώσω*, 56, 7). Эзоп должен найти того, кто-не-

³ «Эзоп, дай попить людям *прямо* из бани» (Гаспаров 1991: 45).

вмешивается-не-в-свое-дело (*ἀπερίεργος*)⁴, а коли не найдет, будет наказан. Эзоп приводит домой предполагаемого *απεριεργόσα*. Ради его испытания разыгрывается целое представление. Гордая супруга философа соглашается на роль служанки. План Ксанфа состоит в том, что гость «скажет: госпожа, неужто нет раба, чтобы вымыть мне ноги? – и тогда он покажет себя тем, кто лезет не в свое дело (*φανήσεται περίεργος*), а Эзоп будет выпорот (61, 11–12)». Тщетные надежды – все происходящее (Ксанф даже инсценирует сожжение своей жены на костре за мнимую провинность) гость воспринимает как должное и не вмешивается. Эпизод оканчивается капитуляцией Ксанфа («Эзоп, я признаю, что побежден тобою; довольно насмехаться надо мной, больше так не делай и служи мне доброжелательно», 64, 5–6).

Отношения Эзопа и Ксанфа на этом не заканчиваются. Ксанфу еще придется переносить насмешки раба и испытать его благодеяния. Но это выходит за пределы нашего отрывка⁵.

2. «Поп и три брата работника» (Ончуков, 42)

Младший брат нанимается в работники к попу. Тот устанавливает условие:

– Дам сто рублей, только положи залог: ежели ты вперва осердился, платы прост, а я осержусь, из спины ремень, из жопы пряжка.

«У попа были дети, был сын прокажённой; сидят ись, сын заревёт: “Я страть хоцю”. Роботник потащит в нужник, воротитца, а со стола обрано, а роботник недоел. Так и до полугоду живёт...»

Заметив, что «стал роботник вовсе слаб», хозяин интересуется:

– Што же ты, роботник, не весел?

Услыхав, что тот «больше половины году терпел, топере осердился», поп великодушно замечает:

– Ну, осердился и ладно.

По истечении срока он напоминает работнику о том, что запрет сердиться был нарушен. «Робочему нецё стало говорить, от попа пошел не с цем». Старший брат избегает этой ловушки.

⁴ *περίεργος* ‘пролаза и любознательный’, *ἀπερίεργος* ‘нелюбопытный’ (Гаспаров 1991: 53).

⁵ В пересказе оставлены только случаи намеренно неправильного исполнения приказов Эзопом, равно как и обстоятельства установления и отмены ксанфова «закона».

Хоть он и «стал плохой на лице», на вопрос хозяина он отвечает: «я не сержусь на тебя несколько».

Прокаженный. (ATU 1012A). Проблему хронического недоедания он решает радикально:

...Робочий наутро раненько стал, кол наострил, с обеих кончей, из нужника заткнул в землю, а другой конеч наверху. Сели обедать, прокажённой ревет...

Робочей потащил и посадил дырой на кол, да и придавил и заскоцил крутёнько в избу. Попа с попадьей застал за столом и сел ись, в первой раз ищэ.

Положение батрака меняется к лучшему. «Топере живут прекрасно, от стола не оддёргивают, работник сытой, весёлой».

Теперь инициатива в руках работника. Когда хозяева узнают о несчастье, он осведомляется у попа:

– Батюшко, не осердились-ле?

И получает ответ:

– Нет, каки осердились, не осердились.

Запрет сердиться оборачивается против своего инициатора. Следующие эпизоды завершаются так же: «нет, зацем осержусь».

Двери (ATU 1009).

Отправляясь в гости, хозяин велит:

– Роботник, смотри анбарни двери карауль, пускай не украдут.

«Роботник с дверями пошел, где поп в гостях, двери на полати запишал, на двери сам лёг.»

Братья тем временем грабят амбар.

Пирог. Другой раз «попадья роботунику наказывают:

– Роботник, ты испеки пирог месной, накроши луку да перчу, завтра нам гости будут.»

Поповичей зовут Лука и Пёрша.

«Ушли в гости, он поймал робяток, убил, отрезал от их меско́, в пирог запёк, остатки в погреб бросил». Позже он скажет попадье: «ты ведь Луку да Пёршу велела выкрошить на пирог».

Медведь. Хозяева делают попытку избавиться от своего мучителя. «Пошлём его в чисто полё, там ходит медведь-людоед, скажем ему, што у нас цёрна корова не пришла.»

Работник находит общий язык с медведем: «Поди к моему хозяину трепущаго мяса ись.»

После того как медведь «скота всего придавил», работник выпроваживает его. Хозяин снова заявляет: «Нет, как, зачём осержусь».

Бегство.

Хозяева решают бежать из дому. «Роботник ночью ... из мешка хлеб высыпал, в мешок сам забилса». Сами того не ведая, хозяева несут с собой врага (ATU 1132). Когда кажется, что беда миновала («Слава тебе, Господи! Убежали от злодея»),

Роботник из мешка выбивается.

– Поп, я ведь здесь.

– Але ты, роботник, здесь?!

Ночью на привале хозяева решают столкнуть работника в реку. Тот незаметно занимает место пощады – в итоге сбрасывают в воду ее (ATU 1120). Поп, наконец, нарушает договор – «хоть век бы ты меня упёк, ищю бы я не осердился, а то пощадою упёк, нынче осердился». «Роботник» подвергает его наказанию, установленному для нарушителя договора.

3. Общие черты сказки и ЖЭ

В. Хансен сопоставляет с ЖЭ две сказки, ирландскую и датскую. Автор приходит к выводу, что всем трем произведениям присущи следующие общие черты:

«(1) Главный герой уходит в большой мир (либо взят в него, *is taken*), (2) где его нанимает (или покупает) новый хозяин. (3) Хозяин устанавливает правило – кто рассердится, будет бит (либо же раб будет бит, если не будет исполнять приказы точно). (4) Господин ставит перед слугой серию задач, (5) которые тот исполняет, но делает это либо нарочито безответственно (*in a deliberately reckless manner*), либо прикидываясь дурачком, понимающим приказы буквально (*playing the literal fool*), (6) нанося тем самым вред хозяину. Каждый раз (7) он оправдывает свои действия перед хозяином, (8) а тот сдерживает свой гнев. (9) По мере того как у хозяина возрастает чувство неудовлетворенности, ему сильнее хочется заставить работника рассердиться (либо же исполнить приказ неточно), но в итоге (10) обманувшийся в надеждах хозяин признает, что слуга одержал победу» (Hansen 2002: 239).

Пересказанные Хансеном сказки (равно как и отрывок ЖЭ) более или менее соответствуют этому описанию. Заметим

однако, что в целом ряде сказок о хозяине и работнике мы сталкиваемся с другими подробностями. Далеко не всегда нарушившего уговор работника ждут побои – наказанием может быть и членовредительство, и денежный штраф. Работник может вредить хозяину не только безответственным или буквальным исполнением приказов (когда батрак сажает ребенка на кол, в этом нет ни того, ни другого – см. ниже раздел 5). Сказка необязательно заканчивается капитуляцией хозяев – нередко они убегают от своего мучителя и т. д.

Сказанное, разумеется, не следует считать претензией к книге. «Нить Ариадны» задумана как своего рода энциклопедия, «договору о службе» посвящен один раздел из ста. Составителю не было необходимости вдаваться во все подробности и частности. Но при более внимательном рассмотрении историй о хозяине и работнике становится очевидно, что они отличаются значительным разнообразием. Исследователь сталкивается с необходимостью их «инвентаризации» и классификации (последнее желательно на основе структурного описания)⁶. Я постараюсь только наметить возможные пути решения этих задач.

4. Структура сказки в целом

«Договор о службе» называют иногда рамкой, соединяющей эпизоды сказки (Костюхин 1997: 689; Hansen 2002: 235), но это не декоративная рамка, но необходимый конструктивный элемент. Он мотивирует каждый шаг героев. В самом общем виде схема сказки выглядит так:

А. – Заключение договора о службе;

В. – Служба работника, страдает работник (один или несколько эпизодов);

Д. – Окончание действия договора (работник в проигрыше).
(повторение цикла)

А'. – Заключение договора о службе;

⁶ По словам В. Я. Проппа, сказки о хозяине и работнике «есть группа сказок, не выделенная ни в каких научных указателях, но тем не менее очень определенная» (Пропп 2005: 303). Их можно встретить в самых разных рубриках – «сказки о полах», «сказки о хозяевах», «народные анекдоты». В сказковедческих исследованиях (посвященных, как правило, творчеству какого-то отдельно взятого народа) наши истории рассматриваются как одна из многочисленных разновидностей т. н. бытовой сказки.

В'. – Служба работника, страдают хозяева (один или несколько эпизодов);

С. – Попытка хозяев расторгнуть договор;

Д'. – Окончание действия договора (хозяева в проигрыше).

А и Д относительно коротки, они включают по одному эпизоду. В и С представляют собой, как правило, цепочки эпизодов. Иногда, впрочем, и они могут состоять только из одного эпизода, а С может вообще отсутствовать.

А и В. Первая связь, соединяющая хозяина и работника – это собственно договор о службе (скажем, сто рублей за год работы). Она относительно непрочна. В одной из сказок про хозяина прямо говорится: «не уживались у него работники» (Худяков 2001: 71). Сказочный хозяин принимает решение крепче привязать работника к себе. «Уговор не сердиться» – это вторая цепь, намертво соединяющая хозяина и работника. Разойтись теперь им будет непросто.

Посмотрим, как последовательно разворачиваются события в трех сказках (с одной из них мы уже знакомы):

Корякская (Меновщиков, 152)	Русская (Ончуков, 42)	Абазинская (Тугов, 96)
«Уговор не сердиться» предполагает, что		
нарушитель (хозяин или работник) должен уплатить штраф – сто (тысячу) оленей	нарушитель работник лишится платы; нарушительно хозяину будут нанесены увечья	у нарушителя (хозяина или работника) будет вырезана из спины полоска кожи.
Первый приказ хозяина работнику-неудачнику:		
работать «пока светло на дворе». Когда заходит солнце, восходит луна – работать приходится без перерыва	тащить ребенка во двор во время обеда. Работник недоедает	обойтись одним чурком в течение месяца
Последствия гнева работника, вызванного приказом хозяина:		
служба продолжается – работник должен отработать штраф	служба продолжается, работник будет лишен жалованья.	служба продолжается, хозяин вырезает полоску кожи со спины работника.

Первый приказ хозяина работнику-победителю:

– Эй, проснись ... Солнце уже взошло, а ты все еще спишь!	тот же, что и неудачнику	тот же, что и неудачнику

Ответный шаг работника:

Работник сказал: – Ты что, начинаешь сердиться?	Убивает ребенка (сажает на кол)	Без разрешения «каждый вечер он режет овцу, ест мясо, кормит собак, живет припеваючи»

Реакция хозяина, ее последствия:

– Нет, не сержусь, просто говорю тебе, что пора уже в стадо идти.	– Нет, как и осердились, не осердились.	Хозяин в гневе. Работник вырезает у него полоску кожи.

Это описание неполно (не указывается, например, чем закончилась служба работника-неудачника). Тем не менее, уже сейчас можно сделать несколько наблюдений. Каждая сказка чем-то непохожа на две другие:

– в корякской и русской сказках хозяева заинтересованы в продолжительной и бесплатной службе работника. Абазинский хозяин жесток, но бескорыстен.

– в ответ на ущемляющие их приказы работники русской и абазинской сказок совершают ответное действие, облегчающие их положение (оно не является ни исполнением приказа, ни его искажением). Корякский работник поступает иначе – он саботирует любое требование хозяина, трактуя его как проявление гнева.

В корякской и абазинской сказках все будет продолжаться по-старому, в русской работник применит новую тактику:

корякск.	русск.	абазинск.
Хозяин замечает, что работник медленно собирается в дорогу, тот спрашивает: – Уж не сердишься ли ты? Хозяин сразу же отступает: нет, не сержусь и т. п. и т. д.	Работник перевирает (или перетолковывает) приказы: <i>Двери, Пирог</i>	Работник должен привезти дрова. По наущению хозяина осел отказывается везти телегу. Бить осла запрещено. «Батрак взял хорошую палку и стал избивать осла. Осел подумал: «Убьет!» – и бегом повез телегу на гору. Чтобы

корякск.	русск.	абазинск.
		разозлить богача, батрак въехал во двор и изрезал всю сбрую». Хозяин разгневан, работник снова вырезает у него полоску кожи.

С. Хозяева хотят избавиться от работника. У них есть три варианта действий:

- дать работнику трудное или опасное задание;
- прибегнуть к «кукушке» (квазиюридический маневр, см. ниже);
- спастись бегством.

D'. Окончание действия договора:

- хозяин признает свое поражение;
- если С = «бегство», развязка может быть различной. Чаще всего работник совершает предусмотренную договором расправу.

корякск.	русск.	абазинск.
<i>Кукушка</i> (ATU 1029) Согласно договору служба работника продолжается «пока кукушки не прилетят». Хозяин велит жене залезть на дерево и куковать. Работник хочет выстрелить в мнимую кукушку, хозяин не дает ему сделать этого.	<i>Медведь</i> Чтобы избавиться от работника, ему поручают пригнать в стойло медведя. <i>Бегство</i> Хозяева бегут от работника и несут его в мешке и т.д.	–
Капитуляция: хозяин признает свой проигрыш, работник получает оленей	Гибель хозяйки, хозяин сердится, работник творит над ним расправу.	Капитуляция: хозяин отдает батраку половину своего добра.

В рассмотренном отрезке ЖЭ (VA G 38–64) мы обнаруживаем сходную последовательность событий:

А. – Ксанф устанавливает «закон» для Эзопа;

В. – Ксанф отдает вполне исполнимые приказы, Эзоп их перетолковывает;

С. – Ксанф хочет наказать Эзопа, он отдает трудные приказы, Эзоп их исполняет (*Свиные языки-II, Аперизэргос*);

Д. – Ксанф признает свое поражение.

5. Типы приказов и реакции на приказ

Сказочные хозяева могут отдавать приказы различных типов:

– удобоисполнимые и не ущемляющие интересов работника (караулить амбарные двери);

– удобоисполнимые, но ущемляющие интересы работника (гулять с ребенком во время обеда);

– неисполнимые в принципе (обойтись одним чурком в месяц);

– задания, выполняя которые работник, по мнению хозяев, должен погибнуть (пригнать медведя в стойло);

– приказы-загадки (в рассмотренных выше сказках такой разновидности не встречалось).

Приказы двух последних типов работники, вопреки ожиданиям хозяев, исполняют.

Приказы первых трех типов работники не исполняют. Делают они это по-разному:

– Работник изображает послушание. Он перетолковывает (или перевирает) приказание, – например, помещая в пирог Луку вместо лука.

– Работник действует по своему усмотрению, он не исполняет приказ и не делает вид, будто исполняет его (в ответ на приказ обойтись одним чурком в месяц – режет хозяйское стадо).

Реакция на приказ зависит и от самого приказа. Удобоисполнимый приказ работник перетолковывает, непосильный – игнорирует (а вместо исполнения поступает по-своему). В разных историях о хозяине и работнике мы встречаем разные типы поведения героев:

	Реакция работника на приказ не является ни перетолкованием приказа, ни его исполнением	Работник перетолковывает (или перевирает) приказ
(Тугов, 96)	2	–
(Ончуков, 42)	1	2
(VA G 38–64)	–	6

6. Отличия сказки и ЖЭ

Как отмечал Хансен, ксанфова часть ЖЭ, повествующая о службе Эзопа философу – история сугубо городская. Действие сказок о хозяине и работнике происходит в сельской местности⁷. Неясно, существовал ли в античности городской вариант сказки, либо же традиционная «сельская» версия была адаптирована под городские реалии автором ЖЭ (Hansen 2002: 240). Одна особенность ЖЭ представляется в этом смысле особенно важной.

«Уговор не сердиться» сказочный хозяин заключает ради большей власти над работником. У Ксанфа такой необходимости нет. Эзоп и так его собственность, его раб. Установленный Ксанфом запрет играет в ЖЭ иную роль, нежели «уговор не сердиться» в сказке.

Героев сказки связывают «деловые» отношения. Их не назовешь партнерскими. Одна из сторон непременно должна проиграть, и проиграть по-крупному (потеряв сто рублей, тысячу оленей и т. п.). Во многих сказках имеет место экономическая борьба (хоть и принимает она невозможную, небывалую форму). В ЖЭ мы наблюдаем борьбу характеров. Ксанфу хочется поставить своего слугу на место. Эзоп согласен служить Ксанфу только в качестве умного слуги, обладающего определенными правами. Признать поражение Ксанфу мешает самолюбие философа (а не угроза потерять «сто оленей»). От своего сказочного прародителя «Жизнеописание Эзопа» отошло достаточно далеко, сохранив внешнее с ним сходство. Ксанфов «закон» отличается от «уговора не сердиться», хозяйские приказы Эзоп переосмысливает иначе, нежели это делают сказочные работники. Прямых заимствований из сказки в нашем фрагменте практически нет⁸.

⁷ А. И. Зайцев относил появление волшебной сказки к «осевому времени». Результатом колоссальных перемен I тыс. до н. э. явилась «способность рассматривать мир, в котором живет человек, не как нечто безусловно данное, а как объект, который можно весь в целом принимать, отвергать, ставить под сомнение, пытаться переделывать... В этих условиях только и могла появиться последовательно противопоставляющая действительному свой воображаемый мир сказка» (Зайцев 1984: 76). Это вполне применимо не только к волшебным сказкам, но и к сказкам, повествующим о противостоянии хозяина и работника.

⁸ В этом смысле показателен один пример. Хансен остроумно сопоставляет эпизоды *Кукушка* и *Аперьергос* – в обоих случаях хозяйка участвует в failed conspiracy, неудавшемся притворстве (Hansen 2002:

Изучение сказок о хозяине и работнике требует дальнейших исследований. Вопрос представляет интерес и сам по себе, и с точки зрения генезиса литературных форм и жанров⁹.

Источники

- VA G – Vita Aesopi G // *Aesopica: a Series of Texts Relating to Aesop or Ascribed to Him or Closely Connected with the Literary Tradition that Bears His Name*. Ed. B. E. Perry. Urbana (Ill.), 1952. Vol. 1. P. 35–80.
Меновщиков 1974 – Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, керекы, коряки и ительмены). Сост., предисл. и прим. Г. А. Меновщикова. М., 1974.
Ончуков 1998 – Ончуков Н. Е. Северные сказки. Т. 1. СПб., 1998.
Тугов 1985 – Абазинские народные сказки. Сост., пер. с абазинского, вступит. статья и прим. В. Б. Тугова. М., 1985.
Худяков 2001 – Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001.

Литература

- ATU – The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther. Part 1–3. Helsinki 2004.
Hansen 2002 – Hansen W. *Ariadne's Thread. A Guide to international tales found in classical literature*. Ithaca and London, 2002.
Гаспаров 1991 – Жизнеописание Эзопа // Пер. с греч. и латин. М. Гаспарова. М., 1991. С. 25–83.
Зайцев 1984 – Зайцев А. И. К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография: в этнографических истоках фольклорных сюжетов и образов : Сборник научных трудов / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., 1984. С. 69–77.
Костюхин 1997 – Костюхин Е. А. Примечания // Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857–1862. М., 1997. С. 663–721.
Никифоров 2008 – Никифоров А. И. Сказка и сказочник. Сост., вступ. ст. Е. А. Костюхина. М., 2008.
Пропп 2005 – Пропп В. Я. Русская сказка. М., 2005.

239). Как мы помним, в сказке хозяйка лезет на дерево и изображает кукушку, в ЖЭ – забыв о гордости, моет гостю ноги.

⁹ За помощь при написании статьи автор выражает глубокую благодарность Александру Анатольевичу Калинину.

**A. S. Vanyukov. Xanthos and Aesop, the master and the farmhand
(notes on the margins of William Hansen's *Ariadne's Thread*)**

The article deals with the similarity between “Bargain not to get angry” (ATU 1000–1029) folktales and the part of anonymous Life of Aesop (*LA*). In both cases, the worker does harm to his master by executing the master's orders in the wrong way. The contract terms forbid both parties to get angry in response. Variety of this folktale type seems to be enormous. But in spite of all the differences the core of a tale emerges from the same pattern.

- Conclusion of labor contract;
- Service of worker (masters' sufferings);
- Masters' attempts to abrogate a contract (inter alia by giving difficult orders);

- Termination of labor contract (masters sustain heavy losses)

Breach of the term not to get angry entails various punishments (beating, mutilation, monetary penalty). Master tries to maim his worker or to exploit him to the utmost (for instance, a worker who got angry should work for no payment). Master's goal determines the type of command – easily understandable (sometimes infringing upon worker's interests), impossible, deathful task, or riddle.

The worker may respond in different ways. Against his master's expectations, he executes deathful commands and solves riddles. He ignores impossible tasks (at the same time inflicting damage on master's property). Finally, he misinterprets commands that are easy to perform.

Arguably that *LA* (G38-64) was fashioned on the template similar to that of a folktale.

- Xanthos establishes an order: Aesop should not do anything more or less than he has been ordered to do.

- Xanthos' tasks are easy to execute. Aesop misinterprets them.
- Xanthos' tasks are difficult to execute (he tries to find a pretext for whipping). Aesop carries them out.

- Xanthos cancels order established at the beginning of the passage.

Thus, *LA* has some features different from the folktale. The folktale confrontation is based on economic and material grounds. In the case of *LA* it is not so. As a slave, Aesop is incapable to make a bargain. There is a clash of wills and intentions. *LA* is an updated version of “Bargain not to get angry” folktale.

W. Hansen examined the same subject in a chapter of his *Ariadne's Thread: A Guide to international tales found in classical literature* (2002). To a degree this article is devoted to discussing his attitude toward the problem.

Keywords: Life of Aesop, folktale, realistic tale, master and farmhand, slavery.

**ГРЕЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ ИЗ МОЩЕВОЙ БАЛКИ
И ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВИЗАНТИЙСКИХ
АККЛАМАЦИЙ***

Работа посвящена двум загадочным греческим текстам на лентах из аланского могильника в Мощевой балке (Краснодарский край). Они содержат аккламации протоспафарию (высокопоставленному византийскому придворному). В новом прочтении текстов предлагаются имена Ваан и Василий (?). Их структура соответствует тому, что мы знаем о византийских аккламациях.

Ключевые слова: Византия, протоспафарий, аккламации.

Лента с греческой надписью, найденная в Мощевой балке В. Н. Каминским и опубликованная А. А. Иерусалимской (Ierusalimskaia 2000: 125–130; Иерусалимская 2012: 133–136), – памятник настолько уникальный не только для Северного Кавказа, но и для Византии вообще, что заслуживает, несомненно, специального изучения не только в рамках истории тканей, но и специалистами по византийской филологии, так как до сих пор она не получила в этом отношении отдельного исследования. Однако сперва следует обратиться к самой ленте и реконструкции текста на ней.

Сохранилось два фрагмента ленты шириной 1,1 см: один, длиной 4,5 см, хранится в Эрмитаже, другой, длиной 41,4 см, – в Ставропольском краеведческом музее. Текст надписи расчленен на половине высоты букв точками, которые делят не слова, а отдельные отрывки текста (см. ниже). На ставропольском фрагменте читается следующее:

ΙΜΕ · ΧΑΙΡΕΕΝΔΟΞΕ · ΚΥΡΙΒΑΝΗΠΡΟΤΟΣΠΑΦΑΡΙΕ ·
ΑΝΘΗΣΣΥΝΝΕΟΤΗΣ · ΦΑΙΔΡΥΝΗ; на втором: ΛΙΕΟΠΡΟ¹.

* Настоящая работы выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00342 «Комментированный русский перевод непереведенных греческих античных и средневековых историков» и представляет собой переработанный и дополненный вариант нашей статьи: Виноградов 2013: 21–24.

¹ Прочтение первой буквы на эрмитажном фрагменте как лямбды не вызывает сомнений, так как мю выглядит на ленте совсем иначе.

Прочтение и перевод первого фрагмента не вызывает больших проблем²: [ἐντ]ιμε · χαῖρε, ἔνδοξε · κύρ Ἰβάνη (resp. κύρι Βάνη) протоспафаріе · ἀνθῆ σ<ο>υ ἡ νεότης · φαιδρύνη[...] ‘... радуйся, славный господин Иваний (или: Ваний) протоспафарий; пусть цветет твоя молодость, пусть сияет...’. На втором фрагменте, очевидно, читаются конец существительного или прилагательного мужского рода единственного числа в vokative, артикль и начало существительного или прилагательного: [...]λε ὁ про[...]. Если данный фрагмент представляет собой с первым часть одной ленты, то он располагался, вероятно, левее, так как содержал обращения к чествуемому лицу; впрочем, отсутствие подходящих для обращения в vokative существительных или прилагательных, закармливающих на -λιος, -λειος, -λοιος³ делает более вероятным реконструкцию здесь имени Βασίλειος⁴, а следовательно – принадлежность эрмитажного фрагмента другому лицу и, вероятно, другой ленте. Следующие за ним буквы проговора, по всей вероятности, в пользу того, что и этот персонаж был протоспафарием⁵. Для VIII–IX вв. известно несколько протоспафариов по имени Василий (PmbZ # 898, 899, 902, 940, 966, 973, 5227).

Особую проблему представляет собой вычленение имени протоспафария на ставропольском фрагменте, тесно связанное с его идентификацией. Типичное обращение к уважаемому лицу «господин» было известно в Византии в трех вариантах: κύριε, κύρι, κύρ. В зависимости от выбора второго или третьего

² А. А. Иерусалимская давала в своих публикациях перевод и чтение надписи В. С. Шандровской, которое выполнено везде унциалом, что несколько затрудняет его понимание (в последней публикации, к тому же, все сигмы почему-то заменены на хи). Наше прочтение и перевод отличаются от вышеупомянутого пониманием слова χαῖρε («радуйся», а не «привет (или: слава)»), прочтением имени (см. ниже) и пониманием первого словословия (ἀνθῆ σ<ο>υ ἡ νεότης (с типичной для византийской эпиграфики путаницей омикрона и сигмы) вм. грамматически неверного ΑΝΘΗΣ ΣΥ[N] ΝΕΟΤΗΣ).

³ См.: Kretschmer, Locker 1965: 333. Единственный подходящий вариант – πολίος в значении «почтенный» противоречит по своему происхождению («седой») аккламации «да цветет твоя молодость».

⁴ Менее вероятно – Ἡράκλειος, так как популярность этого имени резко сходит на нет после VII в.

⁵ Омега на омикрон в протоспафаріе заменена и на ставропольском фрагменте (см. выше); точно таким же образом там не разделены знаком препинания имя и титул.

варианта имя протоспафария на ленте из Мощевой балки может звучать как Βάνης или Ἰβάνης.

Если нашего протоспафария звали Иваний, то, вопреки издательнице, это, как было уже верно указано (PmbZ # 2650*), не может быть имя тюркского происхождения, так как приводимый в качестве примера болгарский боярин Иванко жил в кон. XII в., был валашского (?) происхождения и носил явно славянское имя (Byzantinoturcica II: 136). Напротив, нельзя исключать славянского происхождения имени Ἰβάνης, однако непонятно, откуда оно могло взяться на Кавказе в кон. I тыс.⁶ Поэтому логичнее выглядит предложение видеть в Ἰβάνης грузинское имя Иванэ (предложено в: PmbZ 2650*).

В связи с отождествлением упомянутого на ленте Ивания встает вопрос и о дате самой ленты, особенно в связи с предложениями⁷ расширить датировку вещей из Мощевой балки на VIII–X вв. В этот промежуток времени имя Иванэ (Иованэ) носило всего несколько значительных светских фигур, которые могли бы стать византийскими протоспафариями (ими не могли быть по определению клирики): это Иованэ Квабулидзе, отец кахетинского хорепископа Дачи (1 пол. IX в.); абхазский мтавар, а затем царь Иванэ/Иованэ Шавлиани (870-е гг.); Иванэ Аришисдзе, владетель кахетинской Лоцобанты; кахетинский азнаур Иванэ Схвилосели (оба сер. X в.) (Картлис цховреба: 142). Из них наибольшие шансы получить византийский титул протоспафария – значительный, но не далеко самый высокий⁸ – имел, пожалуй, Иванэ Шавлиани (ср. PmbZ 2650*), из чьих владений через Санчарский перевал шел прямой путь на Мощевую балку. Однако такому предположению противоречит тот факт, что империя находилась в конфликте с Шавлиани, поддерживая бежавшего в Константинополь законного наследника престола Баграта I (Картлис цховреба: 142). Что же касается кахетинских Иванэ, то византийские придворные чины в этом регионе неизвестны, хотя полностью исключать такую возможность

⁶ Кроме того, имя Иван не засвидетельствовано до 1000 г.

⁷ Roth 1999: 523–529. К сожалению, из последующих публикаций А. А. Иерусалимской неясно, как она отвечает на критику Г. Рота, однако, судя по всему, она придерживается своей прежней датировки комплекса Мощевой балки – VIII–IX вв.

⁸ В VII в. его носил на византийской службе Смбат Багратуни (PmbZ # 6827); в 1 пол. X в. на Кавказе его получают младшие правители Тарона: зоравар Лев и сын и брат правителя Тарона Григория (De adm. 43; Юзбашьян 1988: 112, 116–118, 205).

нельзя: в частности, кахетинский хорепископ Квирикэ III (1010–1037) изобразил себя на зедазенской плите в византийских лоратных одеяниях (см.: Iamanidzé 2010: 166).

Однако против интерпретации имени протоспафария на ленте из Мощевой балки в качестве грузинского Иванэ или славянского Иванъ говорит устойчивая традиция византийцев передавать христианские кавказские имена их византийскими эквивалентами (и даже специально подыскивать кавказским именам такие соответствия: Баграт = Панкратий).

Поэтому следует обратить пристальное внимание на другой вариант прочтения имени простопафария на нашей ленте – Βάνης. В этом случае диапазон поиска несколько изменяется. В Византии VII–IX вв. было распространено имя Βαάνης/Βαάνιος (из арм. Vahan) (PmbZ # 710–727). В частности известны три императорских протоспафария с именем Βαάνης в сер.–2 пол. IX в.⁹ Весьма важно отметить, что в IX в. это имя встречается и в стяженной форме Βάνης¹⁰, как на нашей ленте.

В пользу варианта прочтения на ленте кῦρι Βάνη говорит и тот факт, что обращение кῦρ в византийских аккламациях вообще не встречается, тогда как вокатив кῦρι известен, причем именно в обращении к протоспафарию (De ceremoniis I, 78; см. также ниже). В этой связи встает и вопрос о характере текста на ленте из Мощевой балки. Судя по вокативам и благопожеланиям, речь идет, несомненно, об аккламации, адресованной протоспафарию.

Византийские славословия и аккламации, чья поэтическая структура изучена недостаточно, делятся на обращенные к членам императорской семьи и к чиновникам высших рангов – нас интересуют именно последние, приурочивавшиеся либо к поставлению в соответствующую должность, либо к важной церемонии (например, скачкам). Они могут иметь как форму строгих поэтических произведений (апелатики, трилексии и тетралекты), исполняемых на один из гласов и связанных с церковными праздниками, так и комбинаций отдельных, иногда мало связанных между собой благопожелательных строк и строф без четкого метра, которые обычно пел запевала и на которые певцы (придворные или члены димов) отвечали короткими приветствиями. В трактате Константина Багрянородного

⁹ PmbZ # 718, 720 (стратиг фемы Фракисиев), 721 (патрикий и ипат).

¹⁰ Georgius Monachus. Chronicon 707. Об упомянутом здесь Вании VII в. см. в: PLRE III Baanes.

De ceremoniis aulae byzantinae сохранились несколько примеров славословий подобного типа (I, 58, 61, 78, 88, 89, 93, 97), имеющих разную структуру: это могут быть и несколько тематических «куплетов», начинающихся с «Добро пожаловать», «Слава Богу», «Многая лета» (I, 58, 61, 78, 97), и набор отдельных строк и строф, приветствовавших и прославляющих чиновника, императора или Бога либо содержавших благопожелания чиновнику или императору, в т. ч. в форме инвокаций (I, 58; 78; 88; 89; 93).

Для нас наиболее интересны те славословия, которые обращены к протоспафарию, которым в трактате оказывается либо димарх (начальник цирковой партии), либо эпарх Города. Первые строки текста из Мощевой балки (ими мы называем фрагменты, разделенные колонами) находят в них – особенно в посвященных димарху – прямые параллели, хотя и не в такой комбинации.

Мощевая балка	параллели	источник
... [ἐντ]ιμε	πρωτοσπαθάριον ἐντιμ ^{ων}	De cer. I, 78 (димарху-протоспафарию)
χαῖρε ἔνδοξε	κύρι χαῖρε	De cer. I, 78; 89 (димарху-протоспафарию)
	μετὰ τῶν ἐνδόξων ἀρχόντων	De cer. I, 92 (491 г.)
κύρι Βάνη πρωτοσπαθάριε	Καλῶς ἦλθες, ὁ δεῖνα πρωτοσπαθάριε	De cer. I, 78 (димарху-протоспафарию)
	Ἵπαρχε πρωτοσπαθάριε, καλή σου ἡμέρα	De cer. I, 88 (эпарху)
	Ὁ δεῖνα πρωτοσπαθάριε καὶ δήμαρχε, πολλοί σου χρόνοι	De cer. I, 89 (димарху)

Две последние строки находят более отдаленные параллели в других памятниках византийской литературы, содержащих благопожелания.

Мощевая балка	параллели	источник
ἀνθῆ σ<ο>υ ἡ νεότης	ἀνακαινισθήσεται ὡς ἄετοῦ ἡ νεότης σου	Πс 102, 5
	τὰ Βασιλείου δὲ ἀνθῆ καὶ κρατύνεται	Arethas. Scripta minora 70

φαιδρύνη ¹¹ ...	λαμπρύνη καὶ φαιδρύνη	Joannes Chrysostomus. Ad populum Antiochenum 4
	Καὶ νῦν ἐπ' αὐτῆς τῆς καθέδρας φαιδρύνη, Καὶ παραγυμνοῖς τὴν στομωθεῖσαν σπάθην	Manuel Philes. Carmina 226 («На св. Георгия... держащего меч», т.е. спафария).
	Ὡς κρίνον ἢ ἔρημος τοῦ Ἰορδάνου ἀνθοῦσα φαιδρύνεται	Georgius. Canon in proeort. Theoph. 1

Итак, можно предположить, что мы имеем здесь дело с аккламацией, произносившейся при выходе или при поставлении протоспафария – последняя известна и для других чинов (De ceremoniis I, 52; 57; 61; 63).

Что же касается функции самой ленты, то П. Гротовски (Grotowski 2010: 281, N. 591) предполагает, что это мог быть офицерский пояс. Поскольку мы не знаем ни одного случая присвоения аланам византийского придворного титула, в случае ленты из Мощевой балки речь не может идти о вручении византийской инсигнии аланскому правителю, чего нельзя исключать для кавказских властителей, особенно учитывая возможное присутствие здесь армянского имени Βαάνης/Vahan. Мы знаем, что новоназначенные византийские чиновники из кавказских правителей получали соответствующие их рангу одежды и инсигнии (о них см.: De ceremoniis, I, 52–68). Так, армянскому правителю Гургену Арцруни император Михаил III обещал титул ипата и знамя с изображением креста (см. Юзбашьян 1988: 97–98). Аналогичное вручение знамени как символа сюзеренитета описано у Константина Багрянородного (De administrando imperio, 46). Кроме того, принадлежность ленты, или лент, из Мощевой балки кавказскому правителю, объяснила бы тот факт, почему чисто церемониальный предмет, надевавшийся, очевидно, лишь при поставлении и придворных церемониях, мог оказаться в на Северном Кавказе. Впрочем, тот факт, что в VIII–X вв. на Кавказе правители с именами Ваний/Вахан и Василий не известны, говорит скорее в пользу принадлежности ленты/лент византийским чиновникам кавказского происхождения – в силу последнего обстоятельства их ленты и оказались на Кавказе.

¹¹ Вариант φαιδρύνηται встречается, согласно TLG, в греческой литературе только один раз, тогда как φαιδρύνη – восемь.

Каким именно путем лента протоспафария попала в Аланию – это, между тем, достаточно важный вопрос, так как в последнее время получила популярность гипотеза С. Н. Малахова (Малахов 2004: 120–122) о протоспафарии Иване, славянине из Малой Азии, который был отправлен империей строить крепости «на алано-абхазской границе в период обострения арабо-хазарских отношений в 30–50-е гг. IX в.» (с ним солидаризируется: Афанасьев 2011: 108–119). Как мы видели выше, церемониальную ленту протоспафария, использовавшуюся при его поставлении или в придворных церемониях, вряд ли было смысл брать в деловую поездку *in partibus barbarorum*, – не говоря уже о беспочвенности остальных предположений относительно происхождения этого протоспафария. Повторимся, что, на наш взгляд, ленты из Мощевой балки, скорее всего, принадлежали двум не очень крупным кавказским (скорее всего, армянским аристократам¹²) и попали в Аланию в качестве военной добычи.

Литература

- Афанасьев 2011 – Афанасьев Г. Е. Кто же в действительности построил для хазар Левобережное Цимлянское городище? // РА. 2011. № 3. С. 108–119.
- Виноградов 2013 – Виноградов А. Ю. Византийская лента протоспафария из Мощевой балки // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар, 2013. С. 21–24.
- Иерусалимская 2012 – Иерусалимская А. А. Мощевая балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб., 2012.
- Картлис цховреба – Картлис цховреба. История Грузии / Глав. ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008.
- Малахов 2004 – Малахов С. Н. Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всерос-

¹² В VIII в. известен, например, Ваан, тэр Гохтна; в IX в. – Ваан Ама-туни; Ваан Арцруни, отец Гагика-Абумарвана Васпураканского, женатый на дочери Ашота I Анийского; Ваан, сын Бабгена IV Сюникского; в X в. – Ваан, сын Дзалика I, князя Ковкасана и Кашуника, и его племянник Ваан, ставший позднее католикосом Армении. Имя Василий было популярно в роду Пахлавун с X в. (Тоштанов 1990 : 102, 251, 265, 276–277)

- сийской научной сессии византинистов. Москва 26–27 мая 2004 года. М., 2004. С. 120–122.
- Юзбашьян 1988 – Юзбашьян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. IX–XI вв. М., 1988.
- Byzantinoturcica – Moravcsik G. Byzantinoturcica. 2. Aufl. Bd. I–II. Berlin, 1958 (= Berliner Byzantinischen Arbeiten, X–XI).
- Grotowski 2010 – Grotowski P. Arms and Armour of the Warrior Saints. Leiden, 2010.
- Ierusalimskaja 1996 – Ierusalimskaja A. Die Gräber der Moscevaja Balka. München, 1996.
- Ierusalimskaja 2000 – Ierusalimskaja A. Eadem. Un chef militaire byzantin au Caucase du Norde? Le ruban en soie de Moscevaja Balka // ΛΙΘΟΣΤΡΩΤΟΝ. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für M. Restle. Stuttgart, 2000. S. 125–130;
- Iamanidzé 2010 – Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VIe-XIIIe siècles). Turnhout, 2010.
- Kretschmer, Locker 1965 – Kretschmer P., Locker E. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache. 2. Aufl. Göttingen, 1965.
- PmbZ – Prosopographie der mittelbyzantinischen zeit / hrsg. von der Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Abt. 1 (641–867). Bde. 1–6 / nach Vorarbeiten F. Winkelmann erstellt von R.-J. Lilie... Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1999–2002.
- Roth 1999 – Roth H. Рец. на: Ierusalimskaja A. Die Gräber der Moscevaja Balka. München, 1996 // ByZ. Bd. 92. 1999. S. 523–529.
- PLRE – The Prosopography of the Later Roman Empire / Eds. Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. 3 vols. Cambridge, 1971–1992.
- Toumanoff 1990 – Toumanoff C. Les dynasties de la Caucasic chrétienne de l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. Tables généalogiques et chronologiques. Rome, 1990.

**A. Ju. Vinogradov. Greek texts from Moshchevaya Balka
and the poetic structure of Byzantine acclamations**

The present article is dedicated to two enigmatic texts on the ribbons from Alaniav cemetery in Moshchevaya Balka (Krasnodar region). They contain acclamations for Byzantine protospatharios, a court dignity. The new reading of the texts proposes the names Vaanes and Basileios (?)/ Their structure corresponds to what we know about Byzantine acclamations.

Keywords: Byzantine, protospatharios, acclamations.

ARCHAISMEN UND NEUERUNGEN IM BALTISCHEN LEXIKON

Статья посвящена проблеме архаизмов и инноваций в лексическом составе балтийских языков. Рассматривается лексика, относящаяся к подгруппам числительных, личных местоимений, имен родства, наименований животных, частей тела, а также некоторые прилагательные и глаголы.

Ключевые слова: индоевропейские языки, балтийские языки, лексика, архаизм, инновация.

§ 1. Die baltischen Sprachen, und insbesondere das Litauische, werden innerhalb der indogermanischen Sprachfamilie oft als besonders archaisch angesehen, haben sie doch bis auf den heutigen Tag eine komplexe morphologische Struktur etwa mit dem Ausdruck von bis zu sieben nominalen Kasus (unter Einschluß des Vokativs) bewahrt. Auch in ihrem lexikalischen Bestand finden sich zahlreiche Erbörter fortgesetzt, die klare Verwandte in anderen indogermanischen Sprachzweigen finden. Andererseits ist indessen auch ein beachtlicher Teil des baltischen Wortschatzes etymologisch unerklärt; zahlreiche Wortsippen finden weder innerhalb des Indogermanischen befriedigenden Anschluß, noch lassen sie sich plausibel als Lehnwörter, beispielsweise aus benachbarten finno-ugrischen Sprachen, verstehen. Im Folgenden soll das Verhältnis von Archaismen und Neuerungen im baltischen Wortschatz an Hand von einigen ausgewählten Wortfeldern illustriert werden.

§ 2. Ererbtes Wortgut findet sich einerseits in verhältnismäßig geschlossenen lexikalischen Subsystemen fortgesetzt, wie im Bereich der Numeralia und der Personalpronomina.

In der ersten Gruppe sind ganz überwiegend ererbte uridg. Formen fortgeführt, Schwierigkeiten macht im Wesentlichen die Erklärung von lit. *vienas*, lett. *viēns* 'eins' gegenüber apr. *ains*, ferner ist der Anlaut von lit. *devyni*, lett. *devīni* 'neun' gegenüber apr. *newīnts* 'neunter' auffällig. Die Bildweise der Zahlen von elf bis neunzehn ist im Litauischen und Lettischen verschieden, vgl. z. B. lit. *vienúolika* vs. lett. *viēnpadesmit* 'elf', das Altlitauische bietet hier noch alternative Konstruktionen mit *liekas* 'überzählig' (vgl. NIL:

451ff. mit früherer Lit.). Bemerkenswert sind die Wörter für 'tausend', lit. *tūkstantis*, lett. *tūkstuôt(i)s* vs. apr. (Acc.pl.) *tūsīmtos*, die klare Ähnlichkeit mit den benachbarten germ. und slav. Wörtern aufweisen, ohne daß sich aber eine eindeutige gemeinsame Vorform ergibt, vgl. ksl. *tysęšti*, got. *þūsundi* (vgl. Stang 1966: 282).

Unter den Personalpronomina stimmen wiederum die Mehrzahl der Formen zu Vergleichsmaterial aus verwandten Sprachen. Auffällig bleibt das Pronomen der 1. Plural, lit. *mēs*, lett. *mēs*, *mes*, apr. *mes*, das, wie oft betont wurde, eine genaue Entsprechung in arm. *mek'* haben könnte, wenn man dessen -*k'* als Fortsetzung von uridg. *-*s* # ansieht. Den Wörtern mit Anlaut *m-* (vgl. auch aksl. usw. *my*) stehen in anderen Sprachzweigen solche mit Anlaut **y-* gegenüber, vgl. z. B. heth. *wēs*, ved. *vayám*, got. *weis*. Der Anlaut *m-* ist in den ostbaltischen Sprachen im Paradigma durchgeführt, Formen wie gen. lit. *mūsų*, lett. *mūsu* reimen auf diejenigen des Pronomens der 2. Plural, lit. *jūs*, gen. *jūsų*, lett. *jūs*, *jūsu*, nach denen sie gebildet sein müssen. Das Altpreußische läßt jedoch noch den älteren Zustand erkennen, wenn es einen Obliquusstamm mit *n-*Anlaut, wie gen. *nouson*, bewahrt, der zum Slav. passt, wo oblique Formen wie aksl. gen. *nasъ* fortleben. Eine weitere ostbalt. Gemeinsamkeit liegt etwa im Possessivpronomen lit. *mānas*, lett. *mans* 'mein' vor, gegenüber dem das Altpreußische *mais* wie aksl. usw. *mojъ* verwendet (PKEŽ III: 98; Vaillant II/2: 462f.).

§ 3. Nomina und Verben gehören zu den großen, offenen lexikalischen Subsystemen. Im Nominalbereich bilden einige Substantive verhältnismäßig klar abgegrenzte Wortfelder, die als Bestandteile des Grundwortschatzes häufig ererbte Formen fortsetzen. Hier ist beispielsweise das System der Verwandtschaftsnamen anzuführen.

Das Baltische setzt bekanntlich die uridg. Wörter für Mutter und Schwester, Sohn und Tochter fort. Dabei bewahren lett. *māte*, apr. *mothe*, wie die meisten idg. Sprachen, die ererbte Semantik 'Mutter'¹; lit. *motė* zeigt jedoch bereits in altlitauischen Quellen fast durchgehend die Bedeutung 'Frau', für 'Mutter' wird die Ableitung *mótina* verwendet, die nicht auf der *r*-stämmigen Basis aufbaut.

¹ Eine Ausnahme bildet wohl alb. *motër* 'Schwester', vgl. Demiraj 1997: 279.

Lit. *duktė* und apr. *duckti* 'Tochter' finden im Lett. keine Entsprechung mehr, das Erbwort ist hier durch *meīta* 'Tochter, Mädchen' ersetzt².

Ähnlich fehlt im Lett. das uridg. Wort für 'Schwester', das in lit. *sesuō* und apr. *swestro* noch fortlebt³. Das Lett. verwendet hingegen *māsa*, das formal lit. *mōša* 'Schwester des Ehemannes, Schwägerin' und apr. *moazo* 'Muhme (Schwester der Mutter)' entspricht, außerbalt. aber keine klaren Vergleichsformen findet.

Lit. *brólis*, lett. *brālis* und apr. *brote* 'Bruder' setzen das uridg. Etymon fort, doch ist im Ostbalt. der ursprüngliche *r*-Stamm nur noch reliktisch in Formen wie lit. *broterėlis* 'Brüderchen' greifbar.

Nur das Litauische und Altpreußische bewahren die alte Bezeichnung für 'Sohn', lit. *sūnūs*, apr. *soūns*⁴. Im Lett. erscheint mit dieser Semantik *dēls*⁵.

Gänzlich verloren scheint im Balt. das Erbwort für 'Vater', das durch lit. *tėvas*, lett. *tēvs*, apr. *towis* ersetzt ist. Ersatz liegt auch im Slav. durch aksl. usw. *otъcъ* vor.

Die Verwandtschaftsbezeichnungen für Mitglieder der Kernfamilie scheinen somit im Litauischen und Altpreußischen, wie auch im Slavischen, sämtlich fortgesetzt, mit Ausnahme des Wortes für 'Vater'. Das Lettische hat in größerem Umfang geneuert, nur für 'Mutter' und 'Bruder' bleiben alte Formen gebräuchlich. Die ererbten Verwandtschaftsbezeichnungen bewahren ferner im Litauischen zunächst Flexionsklassen, die allgemein in der Sprache selten geworden sind, wie die *r*-Stämme von *mótė*, *sesuō* und *duktė* und den substantivischen *u*-Stamm *sūnūs*⁶. Doch macht sich auch hier die Tendenz bemerkbar, geläufigere Flexionsweisen vorzuziehen, so im

² Zu lett. *dukte* f. 'Knieholz in Booten' s. Kiparskis, *Baltistica* 4 (1968), 93f. – Ersetzt ist das Erbwort ferner im Alb. (durch *bíjē*), im Lat. (durch *fília*) und im Inselkelt. (durch air. *ingen*, mkymr. *merch*, bret. *merc'h*).

³ Die für das Apr. überlieferten Formen stehen womöglich unter germ. bzw. slav. Einfluß, vgl. Smoczyński 2000: 203; PKEŽ IV 173.

⁴ S. Gedanken zu den Schreibvarianten von apr. *sunu-* bei Smoczyński 2000: 203.

⁵ Zur selben Wurzel **d^heh₁(i)-* 'saugen' (LIV 138f.) sind auch in lyk. *tideimefi* und lat. *filius* Wörter für 'Kind, Sohn' gebildet.

⁶ *r*-stämmige Flexionsformen lassen sich ferner von *jéntė* 'Gattin des Mannesbruders' beibringen. Auch im Germ. und Kelt. haben *r*-Stämme v.a. an den Verwandtschaftswörtern Anhalt. Im Slav. zeigen *mati* und *dvěti*, nicht aber *sestra* und *bratrъ* ererbte Stammklassen. *u*-Flexion, wie in *sūnūs*, wird im Lit. zu einer bevorzugten Stammklasse für Adjektive aufgebaut, wogegen im substantivischen Bereich nur die denominalen Nomina agentis auf *-ius* produktiv sind.

Falle von lit. *dukrà* neben *duktẽ*, *sẽsẽ* neben *sesuõ* und besonders im Falle von *mõtina*, das die Semantik ‘Mutter’ aufweist, wogegen *môtẽ* (bzw. *móteris*) eine Verschiebung erfährt, die es aus dem Bereich der Verwandtschaftsnamen hinausführt.

Verwandtschaftsbezeichnungen außerhalb der Kernfamilie unterliegen insgesamt häufiger formalen Neuerungen. So kennt das Baltische zwar noch lit. *dieveris*, lett. *diẽveris* ‘Schwager, Bruder des Gatten’ (NIL: 58ff.) und lit. *jẽntẽ*, lett. *ietere* ‘Schwägerin: Gattin des Mannesbruders’ (NIL: 204ff.) sowie lit. *šẽšuras* ‘Schwiegervater: Vater des Ehemannes’, daneben erscheinen aber etymologisch weniger tief verankerte Wörter wie lit. *sváinẽ*, *sváinis*, lett. *svaĩne*, *svaĩnis* zum Ausdruck von ‘Schwägerin (Schwester der Gattin)’ und ‘Schwager’, weiterhin etwa auch lit. *láigonas* ‘Schwager: Bruder der Ehefrau’ und die germ. Entlehnung *švógeris*⁷. Lit. *anýta* ‘Schwiegermutter: Mutter des Ehemanns’ sowie *avýnas* ‘Oheim’ setzen mit eigenständiger Wortbildung je eine ererbte Basis fort, die anderwärts in der Bedeutung ‘Großmutter’ bzw. ‘Großvater’ verwendet wird, vgl. z. B. heth. *hanna-*, arm. *han* und *hani* ‘Großmutter’ bzw. heth. *huhha-* ‘Großvater’, arm. *haw* ‘Großvater; Onkel’, lat. *avus* ‘Großvater’ (vgl. EIEC: 237ff., 385f. zur Semantik auch 332ff.). Noch stärker isoliert sind lit. *úošvis*, lett. *uõšvis* ‘Schwiegervater’⁸. Erbwörter für ‘Enkel, Nefte, Nichte’ wie *neptis* und *nepuotis* sind nur aus dem Lit. bezeugt und da auf die frühe Sprachstufe beschränkt (vgl. NIL: 520ff.).

§ 4 Weitere, wenn auch weniger scharf umgrenzte substantivische Wortfelder, die in vielen indogermanischen Sprachen durch Erbwörter repräsentiert sind, stellen Bezeichnungen für Körperteile sowie für Tiere, die auch als Haustiere von Bedeutung sind. Der Sprachvergleich erlaubt im zweiten Fall die Rekonstruktion von uridg. Wörtern für z. B. Hund, Pferd, Rind, Schwein, Schaf und Gans. Von diesen ist das Wort für ‘Hund’, uridg. **k(u)uon-* (NIL: 436ff.), in lit. *šuo*, lett. *suns* und apr. *sunis* fortgesetzt; lit. *šuo* folgt dabei als Substantiv mit einsilbigem Nom.sg. einem exzeptionellen Flexionsmuster. Auch das Erbwort für ‘Schaf’ (NIL: 335ff.) ist in lit. *avis*, lett. *avs* noch bewahrt, für das Apr. ist die Ableitung *awins* ‘Widder’ bezeugt. Im Lett. wird jedoch *avs* ersetzt durch *àita*, dessen

⁷ S. zum Ganzen R. Buivydienė, *Baltistica* 26 (1990), 144ff. Zur mutmaßlichen Verbindung von *sváinẽ* mit arm. *k'eni* s. auch EDAL: 661, 717; Olsen 1999: 772, 803.

⁸ Überlegungen bei G. Klingenschmitt, *Baltistica* 43 (2008), 405ff.

etymologischer Zusammenhang mit *avs* zweifelhaft ist (vgl. LEV I: 89). Lit. *žqsis*, lett. *zūoss* und apr. *sansy* sind Fortsetzungen des uridg. Etymons für ‘Gans’ (LEW II: 1292f.). Hingegen ist das Wort für ‘Schwein’ in den balt. Sprachen verschieden ausgedrückt, vgl. lit. *kiaũlė*, lett. *cūka*, apr. *skewre*. Mit dem uridg. Wort, das z. B. in lat. *sūs*, ahd. *sū* fortlebt, lassen sich nur Ableitungen wie lett. *suvēns*, *sivēns* ‘Ferkel’ in Verbindung bringen⁹. Allein das Lett. setzt in *gūovs* das Erbwort für ‘Kuh, Rind’ fort (vgl. NIL: 189ff.), im Lit. ist es durch *kārvė* ersetzt, das sich den slav. Wörtern wie skr. *krāva* vergleicht¹⁰.

Auch das uridg. Wort für ‘Pferd’ (vgl. NIL: 230ff.) ist im Baltischen nur relikthaf und dann vorwiegend mit Bezug auf das Femininum bewahrt, vgl. alit. *ašva*, *ešva* ‘Stute’, apr. *aswinan* ‘Stutenmilch’ neben žem. *ašvėnis* ‘Arbeitspferd’; s. LEV I: 468f. zu lett. *asa*, *osa* ‘Stute’. Zu den verschiedenen Ersatzformen für das Erbwort gehört lit. *arklỹs*, das als *ijō*-Ableitung von *árklas* ‘Pflug’ ursprünglich etwa ‘zum Pflug gehörig’ bedeutet haben muß. Gemeinbalt. scheint die Bezeichnung lit. *žirgas* ‘Roß, Pferd’, lett. *zīrgs* ‘Pferd’, apr. *sirgis* ‘Hengst’ und jatv. *zirgo* ‘Pferd’, die zum Verbum *žirgti* ‘die Beine spreizen’ gebildet zu sein scheint (LEW II: 1313f.). Weiterhin sind aus dem Ostbalt. lit. *kumėlė*, lett. *kumele* ‘(junge) Stute’ und lit. *kumelỹs*, lett. *kumelš* ‘Fohlen’ bekannt; mit den Wörtern für ‘Fohlen’ zeigt der gut belegte lusitanische Personennamen *Cumelius* eine genaue formale Übereinstimmung.

§ 5 Unter den Körperteilbezeichnungen setzen solche für wahrnehmende Organe mehrfach Erbwörter fort, vgl. lit. *akis*, lett. *acs*, apr. (pl.) *ackis* ‘Auge’ (s. NIL: 370ff.), lit. *ausis*, lett. *āuss*, apr. *ausins* (pl.) ‘Ohr’ (NIL: 339ff.) und lit. *nósis*, lett. *nāss*, pl. *nāsis*, apr. *nozy* ‘Nase’ (LEW I: 508). Schwierig bleiben lit. *liežūvis*, apr. *insuwis* ‘Zunge’, von denen das lit. Wort (wie vielleicht auch lat. *lingua* und arm. *lezow* ‘Zunge’) unter Einfluß des Verbums **leǵh-* ‘lecken’ zu stehen scheint, das in *liēžti* fortlebt. Als Erbwörter lassen sich weiterhin z. B. lit. *dantis*, apr. *dantis*, jatv. *dontis* ‘Zahn’ (NIL: 210, 216f.),¹¹ oder lit. *nāgas*, lett. *nags*, apr. *nagutis* ‘Nagel’ sowie lit. *širdis*, lett. *siřds*, apr. *seyr* ‘Herz’ (NIL: 417ff.) anführen.

⁹ Vgl. NIL: 683ff. Das Lit. kennt in der Bedeutung ‘Ferkel’ seinerseits ein Erbwort in *paršas*, vgl. lat. *porcus* usw.

¹⁰ Zu apr. *curwis* ‘Ochse’ s. PKEŽ II: 317ff.

¹¹ Zur gleichfalls ererbten Sippe von lett. *zūobs*, aksl. *zqbъ* ‘Zahn’ s. ausf. Mumm, FS Seebold.

Weniger gut verankert sind dagegen etwa lit. *galvà*, lett. *galva* ‘Kopf’, die außer im Slav. (vgl. aksl. *glava* usw.) nur schwer Anschluß finden. Lit. *rankà*, lett. *rùoka* und apr. *rancko* ‘Hand’ haben ihrerseits nur im Slav. klare Verwandte, sie stehen indessen innerbaltisch neben dem Primärverb lit. *riñkti* ‘sammeln, suchen, lesen’, das noch das Benennungsmotiv erkennen läßt. Das balt. Wort für ‘Bein, Fuß’, lit. *kója*, lett. *kāja*, jatv. *kaj* hat keine durchsichtige Etymologie¹². Lit. *odà*, lett. *āda* ‘Haut’ lassen sich vielleicht mit der uridg. Wurzel **h₂ad-* ‘vertrocknen’ (LIV: 255) verbinden, wenn die Bedeutung von ‘Haut auf einer trocknenden Flüssigkeit’ ausgegangen ist, eine exakte außerbalt. Parallele fehlt jedoch. Im Falle von lit. *bruvis* ‘Braue’ findet sich in historischer Zeit Ersatz des Erbworts durch die durchsichtigere Bildung *añtakis* (vgl. NIL: 41ff.).

§ 6 Unter den Adjektiven erscheinen wiederum klare Erbwörter, wie lit. *sėnas*, lett. *sens*¹³, jatv. *senf* (NIL: 613ff.), lit. *naũjas* (NIL: 524ff.) und lit. *jáunas*, lett. *jaũns*, jatv. *jaunif* ‘jung’ (NIL: 278, 285).

Isoliert bleiben hingegen z. B. lit. *didis*, *didelis*, lett. *dīžs* ‘groß’ und lit. *māžas*, lett. *mazs*, jatv. *maz* ‘klein’ mit dem apr. Komparativ *massais* ‘weniger’.

Unter den Farbbezeichnungen bedeutet das ererbte Adjektiv lit. *raũdas* ‘rötlich, rotbraun’, lett. *raũds* adj. ‘rot, rötlich braun (von Pferden)’ (vgl. NIL: 580ff.). In der Bedeutung ‘rot’ ist lit. *raũdas* von der Ableitung *raudonas* ersetzt. Im Lett. wird ‘rot’ durch *sařkans* ausgedrückt, aus dem Apr. ist *wormyan*, aus dem Jatv. *raude* ‘rot’ überliefert (PKEŽ IV: 263). Eine ähnliche Spezialisierung der Fortsetzer von **(h₁)rouǵh^h-ó/áh₂-* zur Bezeichnung bräunlicher Rottöne neben alternativen Wörtern für ‘rot: hellrot, blutrot’ ist z. B. aus dem Altirischen mit *derg* ‘rot’ neben *rúad* und dem Kymrischen mit *coch* ‘rot’ neben *rhudd* bekannt.

Deutlich schwieriger bleibt Anschluß für lit. *báltas*, lett. *balts*, jatv. *batťaf* ‘weiß’ sowie für lit. *jũodas* ‘schwarz’ und seine baltischen Verwandten.

§ 7 Verben stellen im Baltischen wie im Urindogermanischen einen zentralen Teil des Wortschatzes, der häufig als Ableitungsbasis für Nomina dient. Sie weisen eine reiche Flexionsmorphologie auf

¹² Zu Relikten von uridg. **ped-*, **pod-* ‘Fuß’ im Balt. s. NIL: 526ff.

¹³ Im Lett. ist *sen* in der Verwendung als Adverb alt und verbreitet, das Adjektiv *sens* hingegen ist seit Beginn der Überlieferung von *vęcs* ‘alt’ zurückgedrängt (LEV II: 169ff.); die Sippe fehlt im Slav.

und decken ein breites semantisches Spektrum ab. Nur einige wenige Beispiele können hier aufgegriffen werden.

Unter den Existenzverben finden sich im Litauischen, Lettischen und Altpreußischen Fortsetzer der uridg. Wurzel **b^hyah₂-* ‘werden’ (LIV: 98ff.) und **h₁es-* ‘sein’ (LIV: 241f.) in einem suppletiven Paradigma vereinigt, vgl. lit. *būti* : *esù* (alit. *esmi*), lett. *būt* : *esmu*, apr. *boūt* : *asmai*. Diese Verbindung ist in indogermanischen Sprachen nicht selten, vgl. außer aksl. *byti* : *jesmь* etwa auch die Verhältnisse im Lateinischen (z. B. *est* : *fuit*) oder Keltischen (z. B. air. *is* : *ba*). Dazu sind Verben für ‘sein’ in zahlreichen Sprachen der Welt suppletiv, aus der indogermanischen Sprachfamilie lassen sich hierfür z. B. auch das Albanische und Armenische anführen. Bemerkenswert bleibt jedoch das baltische Paradigma aus zwei Gründen: zum einen ist Suppletion in den baltischen Sprachen insgesamt seltener, als in vielen anderen idg. Sprachzweigen. So lassen sich z. B. aus dem Slavischen, Germanischen, Keltischen, Griechischen, Lateinischen suppletive Steigerungsformen von Adjektiven, wie in *gut* : *besser*, anführen, für die das Baltische keine Parallelen bietet¹⁴. Auch weisen viele idg. Sprachen eine Gruppe von suppletiven Verben auf, zu denen außer den Existenzverben typischerweise etwa auch Wahrnehmungsverben (z. B. für ‘sehen’), Bewegungs- und Transferverben (z. B. für ‘gehen’, ‘bringen’) oder Verben für ‘essen’, ‘trinken’ gehören. Im Baltischen indessen ist verbale Suppletion auf die Existenzverben konzentriert, aus dem Lettischen läßt sich immerhin noch *gāju* ‘ging’ im Paradigma von *iēt* anführen. Zum anderen findet sich im Ostbaltischen nicht nur Tempussuppletion im Paradigma von ‘sein’, sondern auch Personensuppletion wenn eine Form wie alit. *esti* durch *yrà* und im Lettischen durch *ir* bzw. *nav* ersetzt wird¹⁵. Diese Formen, deren Herkunft viel diskutiert worden ist, zerbrechen also zu Beginn der Überlieferung ein regelmäßiges Paradigma.

§ 8 Unter den zahlreichen ererbten Mitgliedern des verbalen Lexikons finden sich Wörter vielfältiger Bedeutung, wie z. B. lit. *ėsti*

¹⁴ Das Lett. kennt im Adverbialbereich suppletives *vaīrs* ‘mehr’ zu *daūdz* ‘viel’. Eine areale Erscheinung liegt wohl in suppletiven Ordinalia wie lit. *añtras*, lett. *ùotrs*, apr. *antars* ‘zweiter’ vor, vgl. Stolz & Veselinova 2013. Im Pronominalsystem ist zwar das alte Verhältnis etwa in lit. *àš*, *manęs* usw. fortgesetzt, ausgeglichen sind jedoch etwa *mēs*, *mūsų* (s.o. § 2), ferner *tàs*, *tō* (vs. z. B. ai. *sah*, *tasya*).

¹⁵ Zu *nav* vgl. etwa das Verhältnis von air. *at-tá* : *fil*.

‘essen’, *dėti* ‘setzen, stellen, legen’, *dúoti* ‘geben’, *stóti* ‘sich stellen’, *eīti* ‘gehen’, *vēžti* ‘fahren’ und *ārti* ‘pflügen’ mit ihren Entsprechungen in den anderen baltischen Sprachen. Betrachtet man einzelne Wortfelder näher, so lassen sich auch hier jeweils Neuerungen neben den Archaismen erkennen.

Während z. B. lit. *ėsti*, lett. *ēst*, apr. *istwei* ‘essen’ die ererbte Bedeutung fortsetzen, zeigen lit. *gėrti*, lett. *dzeŗt* ‘trinken’ eine semantische Verschiebung von ursprünglichem ‘verschlingen’¹⁶.

Im Bereich der zentralen Perzeptionsverben ‘hören’ und ‘sehen’ stellt die uridg. Wurzel **ueǵd-* ‘erblicken’ im Baltischen, wie auch im Slavischen und vielfach anderwärts, eine ausgedehnte verbale und nominale Wortsippe (LIV: 665ff., NIL: 717ff.). Ferner finden sich auch Fortsetzer von **kleus-* ‘(zu)hören’ (LIV: 336, NIL: 432ff.), dessen fehlende Satemisierung in Formen wie lit. *klausyti* ‘hören’ (vs. *šlovė* ‘Ruhm’ zur selben Wurzel) freilich auffällig bleibt.

Andere geläufige Mitglieder desselben Wortfeldes stehen etymologisch jedoch mehr isoliert, vgl. etwa lit. *žiūrėti* und *žvelgti* ‘sehen, schauen’. Dies gilt auch für die unmarkierten Wörter lit. *matyti* ‘sehen’ (lett. *matīt* ‘fühlen, wahrnehmen’), lett. *redzēt* ‘sehen’ (lit. *regėti* ‘sehen, schauen’) und lit. *girdėti*, lett. *dzirdēt* ‘hören’. Letzteres mag seinen Ursprung in einem Antikausativum zu einer Bildung wie ‘künden’ haben (vgl. alit. *gerdas* ‘Botschaft’, *gerdenti* ‘bekannt machen’, apr. *gerda[u]t* ‘sagen’), ersteres vielleicht in einem Iterativum zu **met-* ‘messen’ (vgl. LEW I: 415f.). Beide machen deutlich, wie semantische Verschiebungen Einfluß auf das Verhältnis zwischen Erbwort und Neuerung auch im Grundwortschatz nehmen.

Bibliographische Abkürzungen

- Demiraj 1997 – Demiraj B. Albanische Etymologien. Leiden, 1997.
 EDAL – Martirosyan H. K. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden, 2010.
 EIEC – Mallory J. P., Adams D. Q. (eds.). Encyclopedia of Indo-European Culture. London, 1997.
 FS Seebold – Grippe, Kamm und Eulenspiegel. Festschrift für Elmar Seebold zum 65. Geburtstag / Edd. W. Schindler, J. Untermann. Berlin; New York, 1999.
 Lanzsweert 1984 – Lanzsweert R. Die Rekonstruktion des baltischen Grundwortschatzes. Frankfurt u.a., 1984.
 LEV – Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. T 1–2. Riga, 1992.

¹⁶ Vgl. LIV 211f. In arm. *eker* und alb. *hangra* sind Fortsetzer der uridg. Wurzel **g^herh₃-* in suppletive Paradigmata des Verbums für ‘essen’ geraten.

- LEW – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bde. Heidelberg, 1962–1965.
- LIV – Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden, 2001.
- NIL – Wodtko D. S., Irslinger B., Schneider C. Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008.
- Olsen 1999 – Olsen B. A. The Noun in Biblical Armenian. Origin and Word-Formation – with special emphasis on the Indo-European heritage. Berlin; New York, 1999.
- Petit 2004 – Petit D. Apophonie et catégories grammaticales dans les langues baltiques. Leuven; Paris, 2004.
- PKEŽ – Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 1–4. Vilnius, 1988–1997.
- Smoczyński 2000 – Smoczyński W. Untersuchungen zum deutschen Lehn- gut im Altpreußischen. Kraków, 2000.
- Stang 1966 – Stang Chr. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.
- Stolz, Veselinova 2013 – Stolz Th., Veselinova Lj. Ordina Numerals // M. S. Dryer & M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Languages Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/53> (Zugriff 2014-6-1)
- Vaillant 1950–1974 – Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Vol. 1–4. Paris, 1950–1974.

D. S. Wodtko. Archaisms and Innovations in the Baltic Lexikon

The paper is devoted to the problem of archaisms and innovations in the Baltic languages. Special attention is paid to several basic lexical groups: numbers, personal pronouns, kinship terms, names of animals and parts of body, etc.

Keywords: Indo-European languages, the Baltic languages, vocabulary, archaism, innovations.

«МЯГКИЙ» ЯЗЫК ИНДИЙСКИХ ТЕКСТОВ
(особенности синонимии и полисемии в Ригведе)

Статья посвящена рассмотрению особенностей синонимии и полисемии лексики в Ригведе. Исключительная способность санскрита (и ведийской лексики, в частности) использовать самые разные формы для выражения одного значения, с одной стороны, и заключать самый широкий спектр значений в одном слове, с другой стороны, делает механизм языка Ригведы чрезвычайно гибким, удобным для инструментом для языковой игры.

Ключевые слова: синонимия и полисемия, лексика Ригведы, значение и форма лингвистического знака.

Индологи неоднократно замечали, что для лексики Ригведы (как и для санскрита в целом) «наиболее существенными общими характеристиками являются **синонимия и полисемия**» (Елизаренкова 1982: 39). Способность языка, с одной стороны, выражать одно значение разными формальными способами, а с другой стороны, использовать одну и ту же форму для оформления разных смыслов, «определяет степень гибкости языка».

Арабский путешественник Аль-Бируни в записках об Индии отмечает эту особенность древнеиндийского языка: «с одной стороны, один и тот же предмет называется разными именами, первоначальными и производными, а, с другой стороны, одно и то же слово употребляется для обозначения многих предметов; чтобы их понять надлежащим образом, они должны быть отличены один от другого разными определительными эпитетами» (Ольденбург 2009: 172).

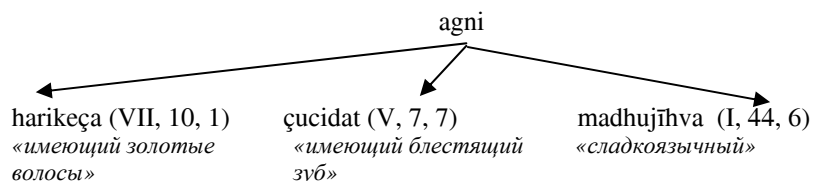
Итак, санскрит справедливо считается языком синонимов: способность индусов использовать самые разные формальные способы для выражения одного и того же значения поражает. Показательно, что первые лексикографические опыты древнеиндийских грамматистов представляли собой словари синонимов. Известный индолог С. Ф. Ольденбург пишет о традиционной для Индии системе обучения: «одним из основных элементов этого обучения... было выучивание наизусть синонимического словаря. Это выучивание... раскрывало перед мальчиком тысячами слов-терминов большую часть того сложного и богатого

культурного мира, к которому он приобщался, он как бы сразу получал известное энциклопедическое образование при помощи этих синонимов» (Ольденбург 2009: 131).

Вариативность наименования одного и того же явления, широко распространенная в санскрите, лежит в основе понимания неизменной глубинной сущности именуемого при принципиальной возможности самого разного выражения (оформления) этой самой сущности. Санскрит предлагает богатейшие варианты оформления смысла: разветвленная синонимия позволяет представить объект многоликим, многогранным, и для всей индийской культуры проблема формы текста – даже на уровне морфологии – всегда являлась чрезвычайно важной.

Длинные ряды синонимов часто выстраивались для обозначения даже самых простых предметов и явлений, а сложные абстрактные понятия «изображались» тем более изощренно, часто посредством сложных слов или описательных конструкций. Например, в ведийских гимнах каждое божество может иметь множество различных именований: это имя собственное, метафорическое обозначение, многочисленные эпитеты, даже звуковые повторы звуков, которые встречаются в имени бога. Очевидно, что в любом языке развита синонимия, но именно в санскрите это явление сознательно культивируется и становится яркой стилистической чертой древнеиндийских текстов. Например, в исследовании Д. Н. Овсяннико-Куликовского о культе огня в древней Индии анализируются эпитеты бога огня (Агни), которые встречаются в текстах Ригведы, список насчитывает 831 эпитет (Овсяннико-Куликовский 2012: 60–120).

Каждое божество может получать разные наименования, основанные на самых существенных его признаках, свойствах, функциях. Поскольку признаков, характеризующих носителя имени, может быть много, одно и то же лицо называется по-разному, при этом одно имя легко заменяется другим. Многочисленные синонимичные обозначения божества характеризуют его с самых разных сторон, отмечая отличительные черты его внешности, характера, указывая на его место в пантеоне и на совершенные им подвиги, формируя гигантское семантическое поле:

Очевидно, что в самих названиях отражалась характеристика именуемого, отношение к нему говорящего. Так, из приведенного примера видно, что бог огня может характеризоваться эпитетом «золотой» (также «блестящий, сияющий, сверкающий» и т.п.); или в номинации может указываться на зуб Агни, ведь, сжигая поленья, огонь как будто разгрызает их зубами; в языки пламени ритуального костра жрецы часто подливали жир или мед, поэтому огонь может быть назван «сладкоязычным» и т.п. Таким образом, любая номинация оказывается мотивированной, отражая особенности внешнего вида или функции божества.

Все эти номинации объединяются в семантический пучок (семантическое поле), которое характеризует персонаж с разных сторон, представляя подробное и многогранное повествование об именуемом. Иногда, например, эпитет бога является свернутым рассказом о каком-либо происшествии, можно сказать, что семантическая компрессия достигает здесь максимума. Например, бог Шива может быть назван *tripura-ghātin* – букв. «Разрушитель Трипуры» или *tripura-druḥ* – букв. «Враг Трипуры», понять это именование можно, обратившись к мифу, повествующим о том, как Шива сжег Трипуру – тройной город, построенный Маей для демонов-асуров.

Имя называет конкретный персонаж, по имени мы безошибочно можем понять, о каком божестве идет речь. Однако иногда эпитет может использоваться для характеристики разных богов. Например, Агни, и Сوما называются в Ригведе «*вождями поэтов*» – *radavī kavīnam* (Агни – в III, 5, 1; Сوما – в IX, 96, 6). Известно, что именно Сوما дает поэтам вдохновение, а Агни – жрец, который осуществляет связь между богами и людьми при помощи жертвы. В этом смысле он сближается с поэтом, который творит жертвоприношение посредством слова. Жрец оказывается близок поэту, вот почему Агни тоже назван «*вождем поэтов*». Особенно распространен этот прием обобщенной номинации при названии богов, чьи функции очень близки: например, Митра и Варуна – *tā samrāja ghṛtāsutī* «*эти два вседержителя, чей напиток – жир*». Иногда сходство богов, названных общим эпитетом, неочевидно, поскольку свойство одного бога может переноситься

на другого, если они составляют пару: так, Индра и Агни определяются эпитетом «убийца Вритры» (*vṛtrahaṇā*), хотя известно, что этот подвиг совершил Индра.

Каждое слово имеет не только значение, но и форму выражения, поэтому слово вступает в отношения с другими словами языка не только по семантической, но и по формальной оси. Как одно и то же значение может выражаться разными словами (или сочетаниями слов), так и одно слово (одна форма) может иметь широкий спектр значений. Стоит сказать, что общим у слов с разным значением может быть не вся формальная структура, а лишь ее часть - отдельный компонент (например, аффиксальная морфема, часть сложного слова и т.п.). Эта формальная общность неизбежно влечет общность семантическую, слово становится, по словам Ф. де Соссюра, «относительно мотивированным»¹ (Соссюр 1977: 163).

Обращаясь к приведенному примеру эпитетов Агни, заметим, что любой из них входит в перекрестные «формальные пучки», объединяющие слова по общему (первому или второму) компоненту:

ṣucīdat (V, 7, 7) – «имеющий блестящий зуб»;

ṣucījīhva (II, 9, 1) – «имеющий блестящий язык». Здесь общим является первый формальный компонент – «блестящий».

Или:

harīkeṣa (VII, 10, 1) – «имеющий золотые волосы»;

ṣocikeṣa (I, 45, 6) – «имеющий пылающие волосы» - а эти слова объединены вторым компонентом «волосы» и т.п.

В этих примерах эпитеты объединяются по общему морфологическому элементу, который становится точкой пересечения как плана выражения, так и плана содержания лингвистического знака.

В эпическом санскрите тенденция синонимичного выражения усиливается - один из главных богов древнеиндийского пантеона **Шива** имеет следующие наименования-характеристики:

lalāṭākṣa (*lalāṭa* + *akṣin*) – букв. «Имеющий на лбу глаз»;

mahākṣa (*mahā* + *akṣa*) – *Большеглазый* (букв. «имеющий большие глаза»);

¹ По мнению Соссюра, санскрит является примером языка, в котором немотивированность знака снижается до минимума, ведь «разуму удастся ввести принцип порядка и регулярности в некоторые участки всей массы знаков, и именно здесь проявляется роль относительно мотивированного» (Соссюр 1977: 165).

mahā-keṣa – Длинноволосый (букв. «имеющий длинные волосы»);

mahā-mūrdhan – Большеголовый (букв. имеющий большую голову);

mahā-jihva – Длинноязыкий (букв. «имеющий длинный язык»);

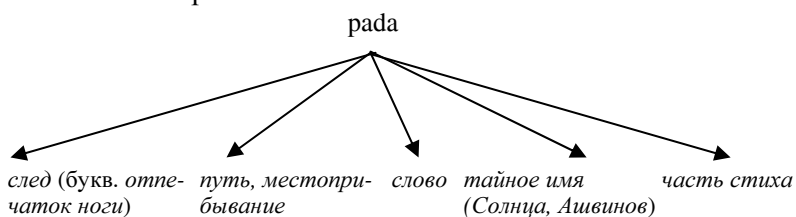
mahā-nāsa – Большеносый (букв. «имеющий большой нос»);

mahā-grīva – Длинношей (букв. «имеющий длинную шею») и др.

Очевидно, что формальные и семантические пучки, в которые объединяются эпитеты, могут быть достаточно объемными, т. к. число включенных в них номинаций может быть велико (ряд примеров можно легко продолжить).

Многие слова, входящие в этот синонимический ряд, являются многозначными: так, слово **mahā-grīva**, помимо имени бога Шивы, обозначает еще верблюда, что понятно – ведь у верблюда тоже длинная шея. Таким образом, одно и то же слово может использоваться для обозначения предметов или явлений, у которых есть сходный признак, какая-то объединяющая черта. Например, семантическая близость понятий, которые обозначаются словом **koṣa**, очевидна: 1) бочка, ведро; 2) ящик, сундук, шкаф; 3) ножны; 4) кладовая, сокровищница; 5) словарь; 6) сборник стихов; 7) почка; 8) бутон; 9) бот. чашечка лотоса; 10) кокон – предметы, обозначающиеся этим словом, являются вместилищами чего-либо.

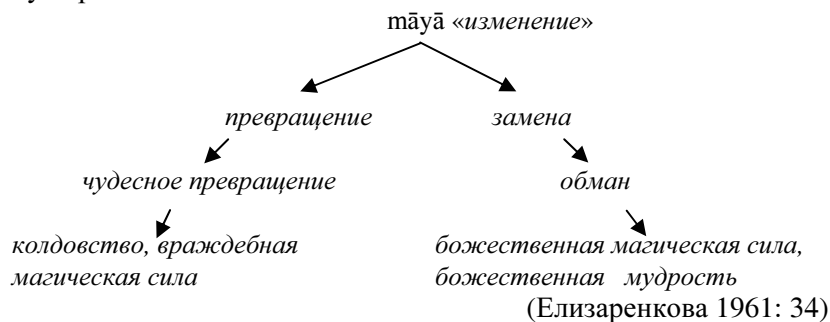
Например, удивительным с точки зрения современных языков кажется вариативность значений многозначного слова

Можно сказать, что разные понятия, выраженные одним словом, объединяются в формальный пучок. Иногда одним словом в гимнах Ригведы могут обозначаться настолько разные понятия, что их связь оказывается труднообъяснимой и неожиданной. Слово **pada** входило в состав семантического поля, которое было сформировано религиозно-мифологическими и культурно-социальными представлениями. Современному читателю трудно, а подчас и невозможно, понять текст

так, как он был понят участниками ритуальных действий, которые сопровождалось исполнением гимнов Ригведы. «Слишком велики различия в структуре семантических полей, в которые входит данное слово в «Ригведе» и его соответствие в разных современных европейских языках» (Елизаренкова 1963: 107). Слово в гимнах Ригведы обладало широкой семантикой, кажется, что в зависимости от контекста оно могло принимать самые разные значения, часто неожиданные и трудно объяснимые, ведь «омонимическая серия представляет собой скорее психологическую сущность и базируется на ассоциациях» (Карцевский 2004: 242).

Исследователи отмечали любопытную особенность ведийской лексики – амбивалентность, т. е. способность одного слова в разных контекстах иметь противоположные (антонимичные) значения. Например, *asura* – «эпитет богов» и «наименование класса демонов»; или *māyā* – «божественная мудрость» и «колдовская сила». На основе анализа значений слова *māyā* в ведийских текстах Т. Я. Елизаренкова предлагает реконструировать пути развития его семантики:

«Многозначность ведийского слова в предельных случаях может доходить до антонимии, т. е. наличия прямо противоположных значений у одного слова. Многозначность части лексики является основой, на которой покоится суггестивный стиль и многоплановая структура такого культового, иератического текста, как Ригведа» (Елизаренкова 1982: 48).

По словам философа В. Налимова, «Индийская мысль допускала удивительную широту слова. И не только ее допускала, но и культивировала... Язык индийских текстов оказывался мягким» (Налимов 2011: 182).

Такая способность естественного языка оперировать не жесткими, а «мягкими» знаками формирует особый гибкий

механизм, удобный для передачи самых разных оттенков и чувств. С одной стороны, говорящий выбирает из множества возможных синонимичных структур наиболее подходящую форму для выражения смысла, с другой стороны, значение слова определяется контекстом, речевой ситуацией в целом и оказывается семантически размытым, неточным, широким.

Сдвиг между значением и формой лингвистического знака является основой языковой игры. С одной стороны, возможность выстраивать длинные ряды синонимов – образных, метафорических обозначений одного и того же объекта, с другой стороны, удивительная способность слова получать в разных контекстах разное смысловое наполнение, придавала санскриту необыкновенную гибкость, делала структуру языка чрезвычайно «мягкой».

Литература

- Aufrecht 1955 – Th. Aufrecht. Die Hymnen des Rigveda. I, I. Berlin. 1955.
- Волошина 2011 – Волошина О. А. Некоторые особенности «языковой картины» мира в санскрите // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». Московский лингвистический журнал. Т. 11. М., 2011.
- Волошина 2011 – Волошина О. А. Об именах ведийских богов // Индо-европейское языкознание и классическая филология–XV. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2011.
- Елизаренкова 1982 – Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982.
- Елизаренкова 1963 – Елизаренкова Т. Я. К вопросу о лингвистическом аспекте перевода «Ригведы» // История и культура древней Индии (к XXVI Международному конгрессу Востоковедов). М.: ИВЛ., 1963.
- Елизаренкова 1961 – Елизаренкова Т. Я. О значении ведийского māyā // Краткие сообщения Института народов Азии. LVII. Сборник памяти Ю.Н. Рериха. М.: ИВЛ., 1961.
- Карцевский 2004 – Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Из лингвистического наследия. Т. 2. М.: «Языки славянской культуры», 2004.
- Налимов 2011 – Налимов В. В. Спонтанность сознания. М.: Академический проект, 2011.
- Овсяннико-Куликовский 2012 – Овсяннико-Куликовский Д. Н. К истории культа огня у индусов в эпоху Вед. М.: УРСС., 2012.
- Ольденбург 2009 – Ольденбург С. Ф. Основы индийской культуры // Ольденбург С. Ф. Культура Индии. М.: УРСС., М. 2009.
- Соссюр 1977 – Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Топоров 1960 – Топоров В. Н. Дхаммапада и буддийская литература // Дхаммапада. Пер. с пали В. Н. Топорова. М.: ИВЛ., 1960.

**O. A. Voloshina. «Soft» language of Indian texts
(characteristic features of Rigvedic synonymy and polysemy)**

The paper discusses some characteristic features of Rigvedic synonymy and polysemy. The Sanskrit language (from the most ancient Vedic texts on) is remarkable for its capability, on the one hand, to express the same meaning using different lexical forms, and, on the other hand, to combine a wide range of meanings within one word. It makes the language mechanism very flexible and apt for word-plays.

Keywords: synonymy, polysemy, Rigvedic vocabulary, form and meaning of a linguistic sign.

О ЗНАЧЕНИИ И.-Е. **kred*
В ДР.-ИНД. *śrad-dhā-*, ЛАТ. *crēdō*

По мнению Э. Бенвениста, и.-е. **kred-* в скр. *śrad-dhā-* и лат. *crēdō* означает «акт доверия богу, предполагающий получение вознаграждения в виде оказываемого божеством благодеяния верующему. **Kred-* – это «нечто материальное, затрагивающее и личные чувства, некоего рода залог, ставка». Э. Бенвенист считает, что вряд ли возможно точнее определить данный термин. Но это кажется невозможным лишь до тех пор, пока мы опираемся только на формальные соответствия и семантический анализ, т. е. на внутренние лингвистические ресурсы. Единый лингво-историко-культурный подход, то есть рассмотрение истории слова вместе с историей выраженного в этом слове понятия («вера»), позволяет сделать дальнейший шаг на пути исследования этой сложной и чрезвычайно запутанной проблемы индоевропейского языкознания. Этим «актом доверия...» была *вера как жертва* в виде материального выражения желания получения некоего блага.

Ключевые слова: индоевропейские изоглоссы, история слова и история понятия, и.-е. **kred-*, скр. *śrad-dhā-*, лат. *crēdō*.

По словам А. Мейе, среди названий, касающихся религии, самым замечательным лексическим совпадением индо-иранских и итало-кельтских языков является скр. *śrād dadhāti* ‘верит’, *śraddhā* ‘вера’ и лат. *credō* ‘доверяю’ (перфект *credidī*), др.-ирл. *cretim* ‘верю’ (Мейе 1938: 401). Э. Бенвенист отметил наличие этой древнейшей лексической параллели «только в двух крайних точках общего ареала» (Бенвенист 1995: 124), однако Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов обнаружили ещё и «третью точку» в хеттском, указав на родственную связь скр. *śrad-dhā-*, лат. *crēdō* с хеттским словосочетанием *k(a)ratān dai-* ‘вложили сердцевину’ (от *k(a)rat-* ‘сердцевина’, ‘внутренность’) (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 800). Этот факт является дополнительным свидетельством очень архаичного, быть может, даже праязыкового характера данной изоглоссы.

Исторически лат. *credō*, восходящее к **crez-dō*, представляет собой словосочетание, так же как и скр. *śrad-dhā-*, где первый элемент *śrad-* < **kred-* сочетается с глагольным корнем **dhē-* ‘ставить’, ‘класть’. Первый и второй элементы словосложения **kred-dhē-* в санскрите могут употребляться отдельно, образуя

словосочетание *śrād dhā-* ‘доверять’, ср., например, часто встречающиеся в Ригведе отдельные написания *śrād...dādhat-*, *śrād... dhatta* (Mayrhofer 1964: 386). Взгляды лингвистов на происхождение второго элемента сложного слова скр. *śrad-dhā-* < **kred-dhē-*, как правило, совпадают. Однако они расходятся касательно происхождения и исходного значения первого элемента, т. е. **kred-*. Традиционно прототип **kred-* относится к наименованию сердца. Такова, например, позиция автора известного этимологического словаря латинского языка А. Вальде (Walde 1910: 191), утверждавшего, что **kred-* в лат. **crez-dō*, как, впрочем, и другой вариант того же корня **kērd-*, восходит к **kered-*, представленному в лат. *cor* (< **corr* < **cors* < **cords*), *cordis* ‘сердце’, др.-греч. *κράδιη*, *καρδία*; гомер. *κῆρ*, Дат. *kῆr* ‘сердце’, др.-ирл. *críde*, кимрск. *craidd* ‘сердце’, ‘сердцевина’, гот. *hairtō*, др.-в.-нем. *herza*, совр. нем. *Herz* ‘сердце’, сравн. также лит. *širdis*, лтш. *sirds*, др.-прусс. *seyr*, арм. *sirt* ‘сердце’. Обозначение сердца в индоиранском (скр. *hārdi-* и ав. *zered-*), имеет иное происхождение (Walde 1910: 191).

Традиционная точка зрения, высказанная ещё Ж. Дарместером, первым установившим исследуемое соответствие (Бенвенист 1995: 125), в новейшее время была поддержана Г. Кёлером (Köhler 1948: 125), который также считал, что первый элемент словосложения **kred-dhē-* ‘доверять’ представлял собой наименование сердца. Полностью же древнее словосочетание первоначально означало ‘sein Herz auf etwas setzen’ («вложить своё сердце во что-либо»). Вследствие смысловых преобразований рефлекс **kred-dhē-* ‘вложить своё сердце’ приобрёл значение доверия. Но существительное женского рода скр. *śraddhā* (< **kred-dhē-*) означает не только ‘доверие’ (*Vertrauen*), но ещё и ‘преданность’ (*Hingabe*), ‘радость дарения’ (*Spendefreudigkeit*), ‘жертва умершему’ (*Totenspende*). В ведийских текстах богиня жертвоприношений именуется *Śraddhā* (Mayrhofer 1964: 386–387). Таким образом, по мнению Г. Кёлера, развитие значения идёт от «доверия» к «щедрому дару» во время жертвоприношений (Бенвенист 1995: 125).

Несмотря на обстоятельное исследование семантики **kred-*, предпринятое Г. Кёлером, многие лингвисты склонны отрицать наличие этимологической связи между скр. *śrad dhā-*, лат. *credo*, др.-ирл. *cretim* ‘доверяю’ (< **kred-dhē-*) и лат. *cor*, *cordis* (< и.-е. **kerd-*) ‘сердце’. По мнению Э. Бенвениста, форма **kred-* не идентична наименованию сердца, поскольку даже в западной

группе языков *сердце* обозначается как **kord-*, **krd-* (нулевая ступень), но никогда, **kred-* (Бенвенист 1995: 128). Кроме того, ни в одном из древних индоевропейских языков никогда не существовало аналитического оборота со значением «вложить своё сердце в кого-либо». Э. Бенвенист решительно отвергает это толкование, сожалея при этом, что заменить его чем-то более определённым не представляется возможным. Смысл **kred-* продолжает оставаться неясным. С этимологической точки зрения этот элемент совершенно изолирован, так как никогда не выступает как отдельное слово (Бенвенист 1995: 129). И, тем не менее, Э. Бенвенист высказывает предположение, что значением **kred-* следует считать «некоего рода залог, ставку, нечто материальное, такое, однако, которое затрагивает и личные чувства; это некое понятие, наделённое магической силой, которое является собственностью каждого человека и в то же время может быть передано божеству». Он сомневается, что «когда-нибудь появится возможность дать лучшее определение рассматриваемого термина...» (Бенвенист 1995: 129). Надо заметить, что он и здесь остаётся верным своей традиции: в семантических преобразованиях исследуемой им древней индоевропейской терминологии считать исходным смыслом социально-экономический смысл (сравн. употребляемые им термины «залог», «ставка»). Однако его возражение Г. Кёлеру, полагавшему, что **kred* это 'сердце', очевидно, надо признать справедливым. Ведь форму **kred*, действительно, трудно сблизить с названием сердца в индо-иранском. В отличие от лат. *cor(d)*, гот. *hairto* 'сердце', в индоиранском начальный согласный восстанавливается как **gh-*: скр. *hardi*, авест. *zered-* (Бенвенист 1995: 128). Тем не менее, нельзя не принять во внимание тот факт, что форма **kred-* могла иметь (близкие к значению 'сердце') значения 'сердцевина', 'внутренность', 'нечто внутреннее', то есть быть обозначением «собственности каждого человека» (Бенвенист 1995: 129), его личной собственности, того, что у каждого человека имеется внутри. В этом случае, исходным смыслом **kred-dhe-* можно было бы считать не 'вложить своё сердце в кого-либо', а 'вложить в другого то, что у меня внутри', 'вложить в кого-то моё внутреннее, находящееся в моём средостении'. Обозначение вложения своего внутреннего, т. е. своего собственного я, могло впоследствии приобрести смысл 'оказывать доверие кому-либо'. Данное предположение не лишено вероятности, поскольку рефлекс индоевро-

пейского **kerd-* /**kred-* в некоторых древних индоевропейских языках означают не только ‘сердце’, но и имеют значение ‘внутренности’, например, в др.-греческом атт. καρδία, гомер. καρδίη, лесб. *karṣa* и кипр. *kopíṣa* значит не только ‘сердце’, но и ‘желудок’; сравн. др.-ирл. *cride* ‘сердце’, ‘центр тела’, кимрск. *craidd* ‘центральная точка’; лит. *širdis* ‘сердце’, но и ‘сердцевина дерева’; слав. *srъdyce* ‘сердце’, при нулевой ступени в ст.-слав. *srěda* ‘середина’ (из **serda*).

Возможно, у Э. Бенвениста появилась бы «возможность дать лучшее определение рассматриваемого термина», если бы он использовал наряду с данными индо-иранских языков ещё и материалы хеттского языка, ведь речь идёт об очень древней индоевропейской изоглоссе. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 324) указали на хеттск. *karatan dai-* ‘внутренность давать’ как на этимологический аналог санскритского *śrad-dhā* ‘положить доверие’, ‘верить’. Хеттский вариант, представленный в известной фразе *nu-uš-ma-aš DINGIR*^{BDL1} *-eš ta-ma-i-in ka-ra-a-ta-an da-i-ir* (KBO 22. 2 Vs. 16) ‘и им боги другую *внутренность* вложили’ (Otten 1975: 6–7), представляет собой, как видим, не сложное слово, а словосочетание (аналогично санскритскому дистантному расположению наречия-преверба и глагола), например, в *śrad asmāi dhatta* ‘доверяйте ему’. По их мнению, в свете новейших данных хеттского языка уже нет оснований сомневаться, как это делает Э. Бенвенист, относительно связи и.-е. **kred-dhē-* со словом для обозначения сердца **ker-d*. Индоевропейское словосложение **kred-dhē-*, ранее словосочетание, буквально означает ‘класть сердце’ (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 800). Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают, что «в словосложении **kred-dhē-* древнее индоевропейское слово в значении «сердце» выступает в состоянии II **kred-* (активный класс) при состоянии I **ker-d-* (инактивный класс) «сердце как орган» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 801). И действительно, форма *karat-* в хеттском имеет значения ‘внутренности’, ‘лоно’. Но она имеет ещё и значения ‘внутреннее существо’, ‘природа’, ‘характер’, ‘пыл’ (Puhvel 1997: 75), что может указывать на связь этого слова с *kard-* ‘сердце’, тем более, что засвидетельствована форма аккадск. *libbi* с двойным значением ‘сердце’ и ‘внутренности’ (Puhvel 1997: 77). Однако этимологи Я. Пухвел и Й. Тишлер (Tischler 1983: 499) сомневаются в наличии этой связи. Я. Пухвел скорее усматривает родственную связь *karat-* с греч. χορδή ‘внутрен-

ности', др.-сев. *garnar* 'внутренности', лат. *hernia*, т. е. с и.-е. корнем **gherd-* (Puhvel 1997: 77).

Итак, хеттские материалы не являются бесспорным свидетельством того, что санскритский глагол *śrad dhā-* имел исходное значение 'класть сердце' или 'вложить своё сердце', как считал Г. Кёлер. Исходный смысл индоевропейского словосочетания **kred dhē-* продолжает оставаться неясным. Суждение Э. Бенвениста о том, что **kred-* обозначало нечто материальное, затрагивающее личные чувства и являющееся собственностью каждого человека и в то же время могущее быть переданным божеству» (Бенвенист 1995: 129), носит описательный характер и вызывает вопрос: что имеется в виду под этим «нечто»? Если на основании данных хеттского языка, где *karat-* означает 'внутренности'; 'внутреннее существо', 'характер', и т. д., предполагать, что **kred-* означало 'внутренность', 'сердцевина', то как объяснить тогда переход значения 'вкладывать сердцевину' к значению скр. *śrad dhā-* 'доверять', *śraddhā* 'доверие', 'жертва'?

Быть может, морфологический анализ исследуемых словоформ поможет ответить на данный вопрос? Если хеттск. *karat-* представляет собой имя существительное, то в древнеиндийском рефлекс **kred-*, хотя и может употребляться раздельно от **dhē-*, уже, по-видимому, утратил характер имени и стоит на пути превращения в наречие или в отделяемый преверб, впоследствии сливающийся с основой глагола и превращающийся в приставку. Известно, что в весьма близких к санскриту славянских языках, глагольные приставки представляют собой не что иное, как древние аккузативы, то есть имена существительные в винительном падеже, парадигматически обособившиеся и ставшие приставками, сравн.: церк.-слав. *prědъ* 'пред', *nadъ* 'над', *podъ* 'под'. *Śrād-* (< **kred-*) также можно интерпретировать как древний аккузатив. Подтверждением тому может служить и аналогичный аккузатив в хеттском словосочетании *karatan dai-*. Принимая во внимание, что *śrad* в *śrad dhā-* — уже не имя, а наречие, скр. *śrad dadhami* Вяч. Вс. Иванов переводит как «верю» из «ставлю *вовнутрь*» (Иванов 1976: 4.2). Однако неясно: каким образом из значения «ставить вовнутрь» развиваются значения «верить», «доверять» и проч.

Итак, вывод, который может последовать из всего сказанного, следующий: необходимо заново пересмотреть весь имеющийся материал для выяснения значения древнего выражения

и.-е. **kred dhē*-. Прежде всего, нужно выяснить происхождение форм *śraddhā* и *śrād dhā*- в древнеиндийском. Они переводятся обычно как *Vertrauenssetzung* «вложение доверия» и «вкладывать доверие или веру во что-либо». Современное понятие веры ассоциируется, прежде всего, с внутренней духовной жизнью. Вера, как «единая духовная тенденция, как ориентация на последовательное движение в направлении внутреннего мира» (Кассирер 2002: 231), причем выражается в виде просьбы, молитвы, жертвы в культовом обряде. В Ригведе *śrad-dhā* – «акт доверия богу, предполагающий вознаграждение (в виде благодеяния, оказываемого божеством верующему)» (Бенвенист 1995: 124). Этим актом доверия и является *вера*, и это доверие вытекает из веры, то есть из *желания получения*, выраженного в материальном виде, и из «положения» этого желания перед языческим божеством в виде жертвы. Глагол *śrād dhā*- ‘доверять’ в таком случае означает «вкладывать веру в кого-то», то есть «доверять», но само это значение проистекает из значения жертвы как желания получения. Доверяйте ему, значит, раскрывайте перед ним свои желания, просите у него, молитесь ему и жертвуйте ему, то есть, верьте. *Śrād*-, таким образом, это вера как жертва, возможно и как просьба, молитва и жертва одновременно. *Śrād dhā*- может отражать уже речевую форму выражения веры, заклинание, сравн. *śrad asmāi dhatta* «доверяйте ему!». Хеттский материал не только не противоречит выдвинутой гипотезе, но и подтверждает её. Здесь этимологически сходное выражение *karatan dai* означает «вложили сердцевину или внутренность» (как повествуется в древней хеттской легенде, боги *вложили* другую *внутренность* в сыновей, и мать их не узнала). Но как это могло быть? Могла ли мать не узнать своих сыновей, если боги изменили только их внутренность? Внешне ведь сыновья остались теми же. Конечно, сущность человека меняется, если меняется его характер, и человек становится неузнаваемым. Но что составляет основу характера, т.е. внутренних качеств человека? О какой *внутренности* идёт речь? Что такое та сердцевина, которую вложили в сыновей боги, вследствие чего они изменились? Или что значит выражение «вложить вовнутрь»? Следует полагать, что боги изменили *веру* этих людей, вследствие чего они стали неузнаваемыми. Но эта вера есть не что иное, как выраженное вовне желание получения. Именно желания составляют основу характера человека. В желании выражается сущность человека,

говорил Б. Спиноза. Характер, природа человека, складывающиеся из его желаний, суть пыл, отвага, стойкость, то есть страсти как движущие силы человеческой природы. Именно они и составляют сердцевину человеческой личности в понимании древнего человека. Именно их и изменили боги в людях. *karat-* обозначает «внутренности», как местопребывание человеческих желаний и страстей, в частности, сердце – местопребывание чувств.

Итак, неоднократные попытки прояснить историю древнего индоевропейского слова **kred-* (продолжением которого являются скр. *śrad-dhā-* и лат. *crēdō*), опираясь исключительно на формальные соответствия и семантический анализ, т.е. на внутренние лингвистические ресурсы, не приводили к убедительным результатам. Лишь только единый лингво-историко-культурный подход, то есть рассмотрение истории слова вместе с историей выраженного в этом слове понятия («вера»), позволил сделать дальнейший шаг на пути исследования этой сложной и чрезвычайно запутанной проблемы индоевропейского языкознания. Предложенное Э. Бенвенистом толкование и.е. **kred-* как «акта доверия богу, предполагающего получение вознаграждения в виде оказываемого божеством благодеяния верующему» было уточнено. Этим «актом доверия...» была вера как жертва в виде материального выражения желания получения некоего блага.

Литература

- Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Иванов 1976 – Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.
- Кассирер 2002 – Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб, 2002.
- Мейе 1938 – Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Köhler 1948 – Köhler H.-W. *Śrad-dhā-* in der vedischen und altbuddhistischen Literatur, phil. Diss. Göttingen, 1948.
- Mayrhofer 1964 – Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lief. 18. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1964.
- Otten 1975 – Otten H. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa // Studien zu den Bogazkoy-Texten. Heft 17. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975.

- Puhvel 1997 – Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 4 (K). Berlin; New York; Amsterdam, 1997.
- Tischler 1983 – Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar. Teil I (A-K). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1983.
- Walde 1910 – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.

A. N. Gavrichenkov. On the meaning of IE **kred* in Skr *śrad-dhā-* and Lat. *crēdō*

According to E. Benveniste, IE **kred-* saved in Skr. *śrad-dhā-* and Lat. *crēdō* means «the act of trusting God, which implies the receiving of the reward in the form of the benefit provided by the divine goodness to the believer». **Kred-* is «something material which also concerns personal feelings, some kind of deposit or rate». E. Benveniste considers that it is hardly possible to determine the term more precisely. But it seems impossible so long as we are based only on formal compliance and semantic analysis, i.e. on the internal language resources. The linguistic, historical and cultural analysis as a common approach, i.e. the review of the history of the word together with the history of the concept («faith») expressed in this word, allows us to take a further step towards the study of this complex and extremely confusing issues of Indo-European linguistics. This «act of faith...» is the *faith as a victim* in the form of material expression of desire for a certain good.

Keywords: Indo-European linguistics, IE **kred-*, Skr. *śrad-dhā-*, Lat. *crēdō*.

К ПРОБЛЕМЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЛАСНЫХ В ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ НЮРНБЕРГА XV В.

В статье ставится задача описать некоторые черты письменного узуса города Нюрнберга в XV в. В качестве материала использован отрывок из перевода трактата Давида Аугсбургского (ум. 1272) «О формировании внешнего и внутреннего человека» («De exterioris et interioris hominis compositione»). Рассматриваются особенности обозначения гласных в рукописи Ba (Staatsbibliothek Bamberg, Msc. Patr. 65) и на основе проведенного исследования делается вывод о том, для каких диалектных ареалов характерны эти черты.

Ключевые слова: ранненововерхненемецкий язык, письменный язык, узус, графико-фонематические отношения, обозначение гласных, диалектный ареал.

История изучения письменного языка имперского города Нюрнберга в период позднего Средневековья и Раннего Нового времени и его роли в процессе становления общенемецкого национального языка насчитывает более ста лет. Нюрнберг традиционно признается связующим звеном в образующемся в XV в. «восточносредненемецко-восточноверхненемецком письменном союзе» (*ostmitteldeutsch-ostoberdeutsche Schreiballianz* – см.: Besch 1985: 1790). Однако подробного описания письменного языка Нюрнберга на рубеже XV–XVI вв., которое было бы выполнено на основе объемного текстового корпуса и позволило бы в полной мере оценить место и роль городского диалекта и письменного узуса в языковых процессах данного диалектного ареала, до сих пор не существует (Müller 2003: 57).

В период перехода от средневерхненемецкой к ранненововерхненемецкой фонематической системе начинается длительный процесс формирования единой системы графем национального письменного языка (Fleischer 1966: 18). Поэтому письменный язык рассматриваемого периода не передает фонетических особенностей диалектов в чистом виде. Впрочем, ни один из диалектов средневерхненемецкого языка не был зафиксирован в полном соответствии с его фонетическими особенностями: на письме могут отражаться явления как близкие конкретному диалекту, так и весьма отдаленные (Pfanner 1954: 159). Соответственно, для оценки роли письма в процессах языкового

выравнивания в скрипториях Нюрнберга исключительно важен вопрос о том, особенности каких именно диалектов оказывают преимущественное влияние на развитие местного письменного узуса.

В настоящей статье мы представим данные о некоторых характерных чертах письменного узуса Нюрнберга и о влиянии на него соседних диалектных ареалов, полученные в результате анализа текста рукописи середины или второй половины XV в., происходящей из скриптория доминиканского монастыря св. Екатерины в Нюрнберге, а в настоящее время хранящейся в Государственной библиотеке Бамберга (Staatsbibliothek Bamberg, Msc. Patr. 65, ранее Q.V.6, – далее Ba)¹. Материалом анализа послужили введение и три первых главы одного из ранне-нововерхненемецких переводов трактата францисканца Давида Аугсбургского (ум. 1272) «О формировании внешнего и внутреннего человека» (“De exterioris et interioris hominis compositione”)²; данный перевод был выполнен, по-видимому, в том же монастыре св. Екатерины незадолго до создания Бамбергского списка³.

Для графематического «портрета» писца Ba характерны следующие особенности обозначения гласных на письме⁴:

1) <e> употребляется в основном без аллографов.

2) /i/ обозначается следующим рядом графем: <i>, <ȳ>, <y>, <j>, <ȳ^e>, <i>, <ȳ^e>. В центральной позиции преобладает написание <i>, употребление других вариантов – скорее исключение. В финальной позиции /i/ обозначается на письме только как <y> и <ȳ>: *lèy*, *pey*, *lèȳ*.

3) /u/ в начале слова обозначается только графемой <v>. Графические варианты *w* и *ȳ* используются для обозначения

¹ См. описание рукописи в каталоге: Leitschuh, Fischer 1903: 437. Рукопись упоминается в: Ruh 1980: 49, а также в дополнениях к статье К. Ру: Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. 2., völlig neu bearb. Aufl. Hrsg. v. K. Ruh, B. Wachinger u. a. Bd. 11. Nachträge und Korrekturen. Berlin; New York, 2004. Sp. 343.

² Последнее издание латинского трактата: Frater David ab Augusta. De exterioris et interioris compositione hominis libri tres. Quaracchi, 1899 (далее Comp.).

³ Подробнее о нюрнбергских переводах этого трактата и репрезентирующих их трех списках см.: Gavrilusheva 2013: 189–190; ср. Bondarko 2009: 661–669.

⁴ Подробнее об особенностях графематики в тексте введения см.: Gavrilusheva 2013: 187–201.

гласного внутри морфемы, однако в этой позиции более частыми вариантами написания являются *u* и *ü*. В конце слова для передачи на письме данной фонемы используется только графема <u>.

4) Умлаут от *o* обозначается графическими вариантами <ö>, <ô>, употребление умлаута возможно только в середине и конце слова: *höher*, *h^öhere*, *l^ö*.

Наряду с написанием с умлаутом, встречаются лексемы без диакритики: *fnödern*, *höher* – *fnodern*, *hohe*.

5) Умлаутированное *u* представлено следующими графемами: <ü>, <v̇>, <u̇>, <v̇>. Вариант <ü> особенно часто употребляется в суффиксе *-nūl̇z*: *bekantnūl̇ze*, *erkentnūl̇ze*, но возможно употребление суффикса и без диакритических знаков: *erkentnu̇l̇z*.

6) <v̇> употребляется только в начальной позиции (*v̇būngen*).

Письменному узусу Нюрнберга⁵ соответствуют следующие особенности обозначения гласных в рукописи:

1) передача на письме средневерхненемецкого /u/ перед назальным графемой <u>, что не дает отражения нововверхненемецкого *u>o*: *kumen*, *volkumen*;

2) различие между средневерхненемецким дифтонгом /ei/ и монофтонгом /i:/, которое передается соответствующим сочетанием графем <ai, aū> или <ei, ey>: *mȧẏster*, *gȧist* и *zeit*;

3) использование сочетания графем, обозначающих дифтонги, для передачи средневерхненемецких долгих гласных /i:/, /u:/ и /ü:/: *auḟz*, *zeit*;

4) использование вариантов суффиксов *-nus* или *-nūs* вместо средневерхненемецкого *-nis*: *veṙfentnū̇l̇z*;

5) использование разных графем для передачи дифтонгов /ei/ и /i:/ (*klainer*, *kleine*);

6) бессистемное употребление *u* как графического варианта *i* в середине и конце слова (Moser 1929: 29); в некоторых случаях *u* используется в качестве графемы, обозначающей отдельный звук (свн. *î* в отличие от свн. *i* – *lêy*), что характерно для восточнофранкского ареала, начиная с первой четверти XV в. (Van der Elst 1986: 205);

7) употребление сочетаний *aw* (*a^{ẇ}*), *ew*, (*ewl̇zern*, *trawelf*), где *w* является составной частью дифтонга и указывает на фонетическое значение гласного;

⁵ См. подробнее: Müller 2002: 56–69.

8) употребление *o* для обозначение свн. $\hat{a}$ (*dorumb*) (Van der Elst 1986: 207);

9) отсутствие $\hat{ai}$, $\hat{iu}$, которые вплоть до второго десятилетия XVI в. употребляются только в баварских, позже в восточно-швабских (в основном, аугсбургском) диалектах.

Для верхненемецко-баварского ареала характерны следующие черты:

1) нерегулярное использование специальных графем для обозначения умлаута (Moser 1929: 27): $\hat{v}ber$, $\hat{h}oren$ и $vber$, $horen$, хотя к середине XV в. они уже встречаются в большинстве рукописей Нюрнберга (см.: Moser 1929: 27);

2) использование *y* для обозначения свн. $\hat{i}$, в отличие от *i* (Moser 1929: 29);

3) использование графемы $\hat{a}$ в восточнофранкском ареале аллографы $\hat{a}$, $\hat{a}$ (α , ϵ , ϵ) стали регулярно использоваться только в конце XV в. (Moser 1929: 28);

4) употребление *ue* внутри слова (*h $\hat{u}$ e*);

5) использование графемы *y* как в суффиксе -*y* (свн. $\hat{ie}$), так и в качестве компонента дифтонгов *au* ($\hat{a}u$), *eu*, *ou* ($\hat{o}u$) и *iu* (Moser 1929: 30).

Некоторые особенности обозначения гласных на письме характерны для рейнско-франкского диалектного ареала – в частности, употребление специальных графем для обозначения умлаута *o*, *oi*, *u*, *iu*, *uo*. В восточнофранкском ареале они вошли в употребление в начале XVI в., в городском диалекте Нюрнберга стали использоваться в конце XV в. и только со второй четверти XVI в. стали употребляться во всех позициях (Moser 1929: 26, 27).

Таким образом, обозначение гласных на письме в исследуемой рукописи свидетельствует о влиянии диалектных особенностей рейнско-франкского и верхненемецко-баварского ареалов, однако в большей степени отражает особенности, характерные для городского диалекта Нюрнберга и восточнофранкского диалектного ареала. Речь не всегда идет об отражении устной нормы на письме (это касается, например, нововерхненемецкой монофтонгизации). Дифтонгизация гласных $\hat{a}$, $\hat{o}$ и $\hat{e}$, которая к этому периоду уже произошла, в большинстве случаев также не передается в письменной речи. Предположительно, причиной является консервативный характер письменного узуса, который долгое время сохраняет устаревшие формы (Pfanner 1954: 204). Писец мог предпочесть традиционное написание, характерное

для средневерхненемецкого периода и не отображающее изменения в устной форме слова, но также мог использовать вариант из другого диалекта; кроме того, в ряде случаев, возможно, имело место гиперкорректное написание (Müller 2003: 63).

Приложение I:

В таблице приведены соответствия графем и аллографов, используемых в рукописи Ва для передачи гласных.

Графемы	Аллографы
<e>	e
<i>	i, j, ÿ, $\overset{e}{j}$, $\overset{e}{y}$, y
<u>	u, $\bar{u}$, v
<ü>	$\ddot{u}$, $\overset{e}{v}$, $\overset{e}{u}$, $\overset{e}{u}$
<ö>	$\overset{e}{o}$, $\ddot{o}$, $\overset{e}{o}$

Приложение II:

Ниже представлен текст вступления⁶, а также первых трех глав трактата Давида Аугсбургского «Об упорядочении внешнего и внутреннего человека» в рукописи Ва. Произведенная минимальная нормализация заключается в следующем:

1) для обеспечения доступности для чтения деление на строки устранено, а граница предложений обозначается двойной вертикальной чертой;

2) маюскулы (прописные буквы) и рубрицированные элементы текста выделены полужирным шрифтом;

3) все сокращения раскрываются, а соответствующие пропущенные буквы заключаются в угловые скобки.

Рук. Ва.

[Vorrede]

(fol. 12v) **Hye hebt sich an das buch von des ewfzern vnd ynnern menschen zunemung vnd volkumenheit Bruder dauids barfußer ordens || Czum ersten von dem ewfzern menschen · die vorrede des anhebenden maÿfters zu feinem Junger ||**

Df aller libfter · du haft von mir begert das ich dir etwas beschreibe zu befferung · || seÿt den molen ich dir nicht gegenwertig bin als etwen do ich dir pflag gegenwertiglich · mit dem munde zu reden · do ich dir benomet

⁶ Впервые опубликовано в: Gavriusheva 2013.

was zu einem mayſter deines nouiczentums · Vnd ich dir das verhyſz zu tun
 So will ich erfullē das gelūbde · als mir es der hefe geben wirt · || vnd feyt
 den móln ich nicht groffe vnd hohe dinck kan · ſo will ich dir doch
 ſchreiben · die dinck die do bequemlich ſind einē nouiczen vnd einem
 anfohenden · zu dñē dem hefen in einem gayſtlichen leben · || wenn du
 aber von diſer lere wirſt zu nemen · ſo wirt dich der herr leren hóhere dinck
 vnd durch tegliche erfahrung wirſt du alweg peſzere dinck verſteen || wann
 als vile in iglicher hóher auff ſteiget · vnd zu nymet in tugendē · als (fol.
 12r) vil wirt er klerer ſehen was im noch gebrichet · vnd wie er zu den
 dingen die er noch nicht hat kúmen múg || ſpricht herr Dauid || von deinen
 gebóten here hab ich verſtanden vnd dorumb ſo hab ich gehaffet einen
 iczlichen weg der vngerechtigkeit · || wer aber ſich nicht albeg fleiſzet zu
 zunemē in tugenden der wirt auch vnterſtundē das verlifen · das er nicht
 wirt verſteen · den weck durch den man geet zu der volkumēheit ||

[Kap. 1]

(fol. 13v) **Der anheber ſchol alle zeit mercken worumb er ſich geben
 hab in die gaiſtlikeit Capit[u][u]m p[ri]mu[m]** DOrumb zu dem erſtē
 ſcholt du alweg mercken / wor zu du kumen leiſt · vnd worumb · wann
 worumb piſt du anders kúmen dēn vmb gotes willen · das er würde dein lon
 in dem ewigen leben vnd dorumb als dir vmb anders nymants willen kúmen
 biſt · || alſo ſcholt du auch vmb nymants anders willen · abloffen · noch von
 keines menſchen ebenbilde · lō werden · denn das du dich des fleiſzeſt · dor
 zu du kumen biſt wann du piſt kumen · got zu dñen · dem der do dñen
 ſchol ein igliche creatur · wann ſie nichts nicht hat on yn vnd dorumb ſo
 ſchol ſie ſich ym gancz geben das ſie iſt / das ſie kan / vnd das ſie mag vnd
 iſt es alſo · das alle dinck dñē (fol. 13r) irem ſchöpffer noch irem
 vermügen vil mer ſchol das tūn der menſch · den er nicht allein geſchaffen
 hat als andere dinck / funder auch in dorumb · gecziert hat · mit verſtentnūſz
 · geadelt mit freyen willen · vnd gefeczt einen he'ren der werlt · ym gleich
 gemacht hat vnd ſein natur an ſich genumē hat · vnd mit ſeinē aýgen wortte
 vnd ebenpilde yn gelert hat · mit ſeinē aýgen blute von dem ewigen tode yn
 erlöſet hat Seinē heiligen gaiſt ym eingegoſſen hat · vnd ſein fleiſch im
 gegeben hat zu einer ſpeylze vnd beforget yn · vnd nympt ſein war · als ein
 muter irs Jungen kinds · vnd hat im beraýtet zu geben das ewig erbtaýl ||
 Nym war wie vil wir ſchuldig ſind got zu dñē vor andern creaturen vnd yn
 vber alle dinck zu lieben · der vns vor allen creaturē gelibet hat ||

[Kap. 2]

Das der vntertan nicht ſchol leben noch ſeýnem willē Capitm ij ||
 VNd des du dir denn ſelbs nicht getraweft · das du múgſt gewiſſen was got

wölle dorumb so haftu dich bepfolgen deinē obersten · das er dich regire · vnd haft im gebē dein hant in der verhaÿffung vnd v'bindūg des ordens · das er dich laÿten schol in dem wege gotes vnd dorumb so czÿmet dir (*fol. 14v*) fürbas nicht zu leben noch deinem willen Sunder wo dein laÿter dich hin haÿffet geen do scholt du allein hin geen · vnd was er dir verpeÿtet das scholt du flihen · wann wer do begeret zu lernen ein künſt · der sol auch halten die regel seines lerers · vnd sein aÿgen ſÿnwildigkeiſt ſÿnigung laſſē vnd ein krancker der do noch leidet zunemung der kranckheit der schol auch haltē · die ordenung die ÿm der arczt gepeÿtet / iſt daz er begert ſchir gefunt zu werden · || vnd du ſolt nichts tun noch ſprechen · das dich düncket · platen od' das es deinē beichtiger nicht gevalle · || wann du haft dich ÿm geben · vmb des reiches willen · der himel vnd ÿczund piſt du nicht dein · Sunder des · dem du dich gegeben haſt · vnd dorumb so czÿmet dir nichts zu thun one ſeinē willen · wann er iſt ein he're deins willen · || Enczihung vnd handellung fremdes gutes wider den willen des aÿgen herrē · daz iſt dÿpſtal / der dip aber nehent ſich nicht dem himel · || vnſer regirer ſind verweſer vnſers he'ren · vber vns · vnd wir ſchullen in vnſertenig ſein als dem he'ren xpo · vnd nicht als dem menſchen · wann wir werdē ÿn vnſergeben nicht vmb iren willen · ſünd' vmb des he'ren willen · || Du ſcholt dich ÿm alſo beweifen · das er dich müg haÿſen aufz (*fol. 14r*) iij freÿem gemüt · was in düncket das dir nütz zu thun oder zu laſſen ſey wann iſt das · das er dich ÿczund fürchtet · || ſo iſt der dÿner gröſſer denn ſeyn herre vnd der Junger vber den maÿſter ||

[Kap. 3]

wÿ der vnſertan ſich halten ſchol gegen den prelaten Capitulum t'ciū || **H**Abe allweg fride mit den prelatē · oder beichtigern · du ſcholt in nicht vbel ſprechē noch gern hören / vbel von ÿn reden · wann got / der peÿnigt ſündlich die ſelben ſünde in den vnſertan · Auch in gegenwertig' zeit · || Du ſcholt nicht ſcherpflich ſchaczen ir vbertretūg · ſünden vergib in als den menſchē · wañ in vil vnd manigueltigen ſorgen · kan alle verſewmnuſz nicht v'miden werdē · vnd offt iſt das mer aufz vnſer poſzheit · das wir ſie ſtraffen · dēn aufz irer ſchulde · wann das · daz einer offt in gut tut / · das vrtail wir für arck dorumb das wir ſeiner maÿnūg nicht verſteen || Du ſcholt ſie eren in deinem herzen · vnd nicht verſmehen · das du icht villeicht got v'ſmehſt · des ſtathalter ſie ſein · || Du ſcholt glauben das in got eingoffen hab alles das · das ſie dich haÿſen vmb des nütz willen deiner ſele jr || Jr ordnung vnd ſaczung / ſcholt du nicht / verſmehen · wann ſie thun es nicht on ſach · wie wol das iſt das du es nicht wäÿſt / wann die do flechtiglichen wandern in dem weg gotes · dem ſchaden ſie nicht / Sunder ſie (*fol. 15v*) frūmen ÿm zu groſſem verdÿnen || Eÿn warer gots dÿner der

ſchol alfo gen in dem küniglichen weg · in den gepoten gotes · das fie in keinerley weiß dor zu twingē ſchullē menſchlich ſaczung / wann er ſchol lich ſelber dor zu notigen · alfo · ob halt diß gepot oder ſaczung nicht wer · das er ſich dennoch hütē wolt vor allem dem · das do vnnütz were wann durch ſolch ſaczung werden gedrückt die vbertretüg der · die do vbergeen die zil der zucht · wann das gefecz iſt gegeben ||

Литература

Besch 1985 – Besch W. Die Entstehung und Ausformung der deutschen Schriftsprache / Standardsprache // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin; New York, 1985. S. 1781–1810.

Besch 2000 – Besch W. Die Rolle Luthers für die deutsche Sprachgeschichte // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständig bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin; New York, 2000. S. 1713–1745.

Bohl 2000 – Bohl C. Geistlicher Raum. Räumliche Sprachbilder als Träger spiritueller Erfahrung, dargestellt am Werk *De Compositione* des David von Augsburg (Franziskanische Forschungen, 42). Werl, 2000.

Bondarko 2009 – Bondarko N. Besonderheiten der Textgliederung in der handschriftlichen Überlieferung der deutschen Traktate Davids von Augsburg // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы межд. конференции, проходившей 22–24 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 655–681.

Degering H. Kurzes Verzeichnis der germanischen Handschriften der Preußischen Staatsbibliothek II. Die Handschriften in Quartformat (Mitteilungen aus der Preußischen Staatsbibliothek VIII). Leipzig, 1926. (Nachdruck: Graz, 1970).

Fleischer 1966 – Fleischer W. Strukturelle Untersuchungen zur Geschichte des Neuhochdeutschen. Berlin, 1966.

Gavrilusheva 2013 – Gavrilusheva A. Zur graphematischen Variabilität in deutschsprachigen Handschriften des 15. Jahrhunderts aus dem Nürnberger Katharinenkloster // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 24–26 июня 2013 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб., 2013. С. 187–201.

Glaser 1985 – Glaser E. Graphische Studien zum Schreibsprachwandel vom 13. bis 16. Jahrhundert. Heidelberg, 1985.

Kettman 1969 – Kettman G. Die kursächsische Kanzleisprache zwischen 1486 und 1546. Studien zum Aufbau und zur Entwicklung. Berlin, 1967.

Leitschuh F., Fischer H. Katalog der Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Bamberg, Bd. 1,1,3: Kirchenväter und ältere Theologen bis zum Ende des XIII. Jahrhunderts (Msc. Patr.). Bamberg, 1903.

Marwedel 1973 – Untersuchungen zur Phonematik des Vokalsystems Nürnberger Fastnachtspiele. Ein Beitrag zur Frage ihres sprachgeschichtlichen Quellenwerts. Bd. 1–2. Diss. Univ. Hamburg, 1973.

Müller 1953 – Müller E. E. Die Basler Mundart im ausgehenden Mittelalter. Bern, 1953.

Müller 2002 – Müller P. O. Usus und Varianz in der spätmittelalterlichen und frühneuzeitlichen Schreibsprache Nürnbergs // Zeitschrift für germanistische Linguistik 30 (2002). S. 56–72.

Moser 1929 – Moser V. Frühneuhochdeutsche Grammatik. Bd. I: Lautlehre. Heidelberg 1929.

Pfanner 1954 – Pfanner J. Die deutsche Schreibsprache in Nürnberg von ihrem ersten Auftreten bis zum Ausgang des 14. Jahrhunderts // Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. Nürnberg, 1954. S. 148–207.

Ruh 1955 – Ruh K. David von Augsburg und die Entstehung eines franziskanischen Schrifttums in deutscher Sprache // Augusta 955-1955. Forschungen und Studien zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte Augsburgs. Hg. von H. Rinn. Augsburg 1955. S. 71–82.

Ruh 1980 – Ruh K. David von Augsburg // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. 2., völlig neu bearb. Aufl. Hrsg. v. K. Ruh u. a. Bd. 2. Berlin; New York, 1980. Sp. 47–58.

Schmitt 1936 – Schmitt L. E. Die deutsche Urkundensprache in der Kanzlei Karls IV (1346–1378). Halle/Saale, 1936 (Mitteldeutsche Stud. II).

Sonderegger 1979 – Grundzüge deutscher Sprachgeschichte. Diachronie des Sprachsystems. Bd. 1: Einführung – Genealogie – Konstanten. Berlin; New York, 1979.

Van der Elst G. Die Stadt in der neueren deutschen Sprachgeschichte IV: Nürnberg // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollst. neu bearb. u. erw. Aufl., hg. v. W. Besch u. a. Teilbd. 3. Berlin; New York, 2003 (HSK 2.4, 3. Aufl.). S. 2341–2354.

Van der Elst 1986 – Van der Elst G. In welchem Maße ist das Nürnberger Frühneuhochdeutsch um 1500 auch nürnbergisch? // Bayerisch-österreichische Dialektforschung. Würzburg, 1986. S. 194–211.

A. E. Garvryusheva. Some features of vowel indication in the written language of Nuremberg in the XVth century

The article describes some features of the usage of the written language of Nuremberg in the XVth century. As a material is used a passage from the Early New High German translation of the treatise of the Franciscan novice-master David of Augsburg (†1272) “De exterioris et interioris hominis compositione” in Msc. Patr. 65, Staatsbibliothek Bamberg. The article considers some features of vowel indication in the manuscript. Based on the analysis it is concluded, what dialect areas they are characteristic for.

Key words: Early New High German, written language, usage, graphic-phonemic relations, vowel indication, dialect area.

***DIS BÜCH GEHORT IN DAZ CLOSTER ZÜN RUWERIN IN
STROSSBURG:***
die Strassburger Sammelhandschrift (Moskau, RSB, f. 68, № 446)

Статья обобщает проблемы описания и исследования, а также перспективы издания и реставрации рукописного сборника XV в. из страсбургского монастыря св. Марии Магдалины (РГБ, ф. 68, № 446, olim ф. 183, № 1310, до 1929 г. Библиотека Генерального и главного штаба, Санкт-Петербург), содержащего весьма ценные в плане истории немецкого языка, литературы и мистики жития свв. Екатерины и Варвары и трактаты «Духовный май», «Духовная жатва», «Духовное осеннее ликование» (I и II) эльзасского проповедника и мистика Иоганна Кройцера.

Ключевые слова: средневековые немецкие рукописи, Страсбург, XV век, монастырь св. Марии Магдалины, житие св. Екатерины, житие св. Варвары, Иоганн Кройцер.

Die Moskauer Sammelhandschrift aus dem Straßburger Reuerinnenkloster gehört zu den markantesten deutschen Handschriften in Sammlungen Russlands. Es handelt sich um ein vollständiges handschriftliches Buch, dessen Texte noch unedierte und auch in Bezug auf ihre Gesamtüberlieferung unerforscht sind. Weiterhin, kommt Straßburg als eines der größten kulturellen Zentren des deutschsprachigen Südwestens vor, aber zugleich haben wir mit einer Stadt zu tun, deren umfangreiche Handschriftenbestände untergegangen (verbrannt) waren¹ oder aus den aufgelösten Klöstern in andere Sammlungen zerstreut gerieten². Einen besonderen Wert verleiht der Moskauer Handschrift Straßburger Provenienz die Tatsache, dass das Kloster St. Maria Magdalena in

¹ Vgl. die Bestandaufnahme der Straßburger Stadtbibliothek und der Seminarbibliothek im Handschriftencensus (Deutsche Repertorien des Mittelalters), wo nur urkundlich bezeugte verbrannte Handschriften aufgelistet sind: <http://www.handschriftencensus.de/hss/Straßburg#bib8>.

² Siehe vor allem: Hornung 1957: 98–122, 271–277, 'Die Herkunft der Handschriften. Das Straßburger Kloster St. Nikolaus in undis und seine Bibliothek', 'Anhang I. Handschriften aus St. Nikolaus in undis, die nicht in Sudermanns Besitz waren'. Vgl. auch: „Wir sind nicht in glücklicher Lage, einen alten Bibliothekskatalog von St. Nikolaus in undis zu besitzen“ (Hornung 1957: 118).

Straßburg als das bedeutendste der süddeutschen Reuerinnenklöster und ein wichtiges Zentrum des Straßburger und süddeutschen Literaturbetriebs hervortritt (Palmer 2009: 264, 273, 280). Angeblich bereits 1225, d.h. in der ersten Reihe von Klöstern der 'Büßerinnen der hl. Maria Magdalena' für ehemalige Prostituierten gegründet, wurde dieser Konvent schon ab Mitte des 13. Jahrhunderts zu einem Kloster für Töchter aus dem gehobenen Bürgerstand und wurde durch die unwandelbare Strenge der Ordnung und die Reinheit des Nonnenlebens berühmt (Palmer 2009: 271–273, 279–281).

Die 1929 in die Russische Staatsbibliothek (RSB)³ aus der Sammlung der Bibliothek des General- und Hauptstabs zu St. Petersburg eingegangene Straßburger Sammelhandschrift wurde im Katalog der abendländischen illustrierten handschriftlichen Bücher von Inna Mokretsova und Ludmila Shchegoleva vor allem wegen der schönen Ausstattung des Pergamentteils ausführlich beschrieben (Mokretsova/Shchegoleva: 2010, 71f.)⁴. Als wichtiges Forschungsdesiderat wurde die Moskauer Handschrift aus dem Straßburger Reuerinnenkloster 2007 von Nigel F. Palmer (Palmer 2007) erstmals erwähnt⁵.

Die Sammelhandschrift (154 Bl.) mit dem Besitzvermerk *Dis buch gehort in daz closter zûn ruwerin. in stroßburg* (2^r, 29–30)⁶ besteht aus 2 Faszikeln je auf Pergament (74 Blätter) und Papier (80 Blätter).⁷ Der Pergamentteil enthält die Katharinenlegende und die

³ Damals 'Staatliche Lenin-Bibliothek'. Die frühere Signatur der Handschrift in der Sammlung der Lenin-Bibliothek: F. 183, № 1310 (der Fonds beherbergte die Handschriften aus den Beständen der Bibliothek des Generalstabs).

⁴ Prof. Inna Mokretsova erforschte diese Handschrift bereits in den 60er Jahren des 20. Jahrhunderts. Hier bedanke ich mich bei Prof. Dr. Inna Mokretsova (Moskau, Staatliches Wissenschaftliches Forschungsinstitut für Restaurierung) und der Konservatorin der Wissenschaftlichen Forschungsabteilung für Handschriften der Russischen Staatsbibliothek Olga Solomina für den beim Zugang zur Handschrift geleisteten Beistand.

⁵ Mein herzlicher Dank gilt Prof. Nigel F. Palmer, der bei seinem Moskauer Aufenthalt im März 2013 diese Handschrift einsah und mich darauf aufmerksam machte, was der Erforschungen der Moskauer Handschrift den neuen Antrieb gab. Für die Konsultationen im Laufe der Arbeit und die freundliche Hilfe mit der Literatur bin ich Nigel Palmer sehr zu Danke verbunden.

⁶ Die Hand der Schreiberin des Pergamentteils Katharina Ingolt (siehe unten).

⁷ Bll. 73^v–74^v liniert, leer. Hier und weiter wird die tatsächliche Text- und Blattabfolge angegeben, die im Laufe der Erforschungen 2013–2014 wiederhergestellt wurde (siehe unten) und bei der Wiederherstellung der

Barbaralegende, die beiden in Prosafassungen je mit einem Mirakelanhang (Bl. 1–74), der Papierteil bietet die Werke vom elsässischen Mystiker und Prediger Johannes Kreutzer dar (Bl. 75–154 ‘Der geistliche Mai’, ‘Der geistliche Herbst’, ‘Herbstjubil I’, ‘Herbstjubil II’). Die Titel der 2 letzteren Werke werden in Entsprechung mit ihren Bezeichnungen bei Florent Landmann (Landmann 1953–1954)⁸ angegeben, die in roter Tinte ausgeführten Überschriften der Traktate in der Moskauer Handschrift lauten: *Ein geistlicher Meyg* (75^r), *Ein geistliche Erne* (128^r, 26), *Ein geistlicher herbst, wie man den lesen, rotten vnd zû vaß tragen sol* (149^v, 21–22), *Ein geistlicher herbst von eim süssen most* (152^r, 9).

Dem 1. Teil nach wurde die Sammelhandschrift im Katalog von der RSB und bei Mokretsova/ Shchegoleva als ‘Legendar’ bezeichnet (Mokretsova/Shchegoleva: 2010, 71), aber mit Rücksicht auf die Tatsache, dass die Texte des 2. Teils von Johannes Kreutzer stammen, soll diese Bezeichnung revidiert werden. Es sei auch hervorzuheben, dass gerade die unedierte Werke Kreutzers dieser Handschrift einen besonderen Wert verleihen. In der Handschriftendatenbank ‘Manuscripta medievalia’ wird das Buch als ‘Sammelhandschrift zur Jungfräulichkeit’ beschrieben (Barow-Vassilevitch/ Heckmann), aber diese Bezeichnung ist notwendigerweise konventionell, weil die Heiligenlegenden und die Traktate Kreutzers durch wichtigere Hauptthemen vereinigt sind: die Brautmystik (*unio mystica*) und die Sakramentmystik. Mit Rücksicht darauf soll die Moskauer Handschrift aus Straßburg als ‘Geistlich-mystische Sammelhandschrift’⁹ bezeichnet werden. Im Kontext der Sprach- und Literaturgeschichte kommt die Moskauer Handschrift als die Moskauer Kreutzer-Handschrift vor und bleibt auch ein Forschungsdesiderat, vor allem weil sie in bisherigen Veröffentlichungen noch nicht berücksichtigt wurde (Berthold 1925–1926, Landmann 1953–1954, Landmann 1957, Schmidt 1966, Schmidtke 1982, Honemann 1985, Vogelpohl 1997), aber auch wegen fehlender Editionen von Werken Kreutzers. Hier und in weiteren Forschungen soll die Moskauer Handschrift mit der Sigle ‘Mo’ versehen werden.

Der Pergamentteil wird laut dem Kolophon am Ende der Katharinenlegende 1477 datiert: *Vnd wart volbrocht an sant lucas*

Blattabfolge bei der Restaurierung der Handschrift 2014 berücksichtigt wird.

⁸ Noch ohne Kenntnis dieser Handschrift.

⁹ Vgl. die Bezeichnung ‘Geistliche Sammelhandschrift’ im Katalog: Squires 2012: 74.

*oben*¹⁰ Anno .M.cccc.LXXVII. ior durch die hende soror katerin ingoltin. (58^v, 26–28).¹¹ Der Schreiber des Papierteils ist unbekannt, die Datierung nach dem Wasserzeichen führt auch in die 70er Jahre des 15. Jahrhunderts (dazu siehe unten), was die tatsächlich gleichzeitige Ausfertigung des Pergament- und Papierteils bezeugt. Ob aber der Pergament- und Papierteil mit Absicht, inhaltsbezogen oder eher mechanisch zusammengebunden wurden, bleibt ein Problem zur weiteren Erfassung mit Rücksicht auf die Umgangspraxis bei der Gestaltung der handschriftlichen Büchern im Straßburger Reuerinnenkloster.

Die Erforschung der Handschrift 2013–2014 ließ schließen, dass die zurzeit vorhandenen Katalogbeschreibungen¹² je in mehr oder weniger bedeutendem Maße Korrekturen und Präzisierungen bedürfen, nämlich: Blattanzahl in der gesamten Handschrift und in ihren zwei Teilen, Datierung des Papierteils, Aufbewahrungsgrad, Verluste und Lücken, Interpretation von einzelnen Textstellen. Lassen wir uns einige Aspekte, die von allgemeinem Interesse sind, genauer ansehen.

Da die Handschrift infolge des Brandes 1900 in der Bibliothek des Generalstabs gelitten hatte und die Texte des Pergamentteils teilweise durch Asche und Wasser schwer beschädigt worden waren, gewannen die Forscher die Überzeugung, dass es in der Handschrift unlesbare Stellen und Lücken gibt. Dieser Eindruck wurde durch die Tatsache verstärkt, dass die Blätter sowohl im Pergament- als auch im Papierteil falsch eingebunden waren, was nach dem Brand oder wohl schon früher im 19. Jahrhundert geschehen könnte. Mokretsova/Shchegoleva erkannten die falsche Blattabfolge nach den verwechselten Reklamanten, wobei sie auch den Vorbrandszustand

¹⁰ 17. Oktober. Siehe: Palmer 2009: 275.

¹¹ Kolophon in roter Tinte. Zur Datierung siehe auch ausführlicher: Palmer 2009, Mokretsova/Shchegoleva 2010.

¹² Siehe: Mokretsova/Shchegoleva 2010: 71f., Barow-Vassilevitch/Heckmann: <http://www.manuscripta-mediaevalia.de/dokumente/html/obj31301590>, Squires 2012: 74f., 'Handschriftencensus' <http://www.handschriftencensus.de/22476>. Der Katalog von der abendländischen Handschriften des Mittelalters und der frühen Neuzeit in Beständen der RSB (Barow-Vassilevitch/Heckmann 2014) mit der auf die Angaben von Barow-Vassilevitch/Heckmann orientierten Beschreibung war schon in Druck gegangen, als ich die Transkription der Moskauer Handschrift fertigbrachte und die Forschungsergebnisse (Stand: Mai 2014) fassen und überprüfen konnte.

vermuteten, meinten aber, die Blätter seien auch teilweise verloren (Mokretsova/Shchegoleva 2010: 71). Unabhängig von der chronologischen Anordnung der falschen Behandlung wird es in allen Beschreibungen angenommen, dass es zurzeit sowohl im Pergament- als auch im Papierteil schwerwiegende Blattverluste und Textlücken gibt, die die Handschrift gewissermaßen entwerten. Vgl. zur Katharinenlegende: „Bl. 33^v völlig verderbt“ (Barow-Vassilevitsch/Heckmann), während das Blatt durchgehend lesbar ist. Die Angabe zur Barbaralegende: „Ende fehlt“ (Barow-Vassilevitsch/Heckmann) ist auch irrtümlich und durch die falsche Blattabfolge verursacht. Die Textanalyse zeigt, dass die Legende vollständig erhalten ist. Dasselbe gilt den Hinweisen bei Mokretsova/ Schchegoleva „ohne Schluss“, „ohne Anfang“ zu den beiden Teilen des Codex (Mokretsova/Shchegoleva 2010: 71). Die vollständige Transkription der Moskauer Handschrift und der Vergleich mit der entsprechenden Überlieferung sowohl im Großen und Ganzen, als auch anhand der Kollationen für die Katharinenlegende und die Werke Kreutzers lassen schließen, dass alle Texte in vollem Umfang erhalten sind.

Die in der Handschrift vorhandene Foliierung in Bleistift war bis heute in Bezug auf die Beschreibungen irreführend, was sowohl die Angaben zur Textabfolge als auch sogar die Blattanzahl betraf. Es ist wesentlich, dass Bl. ‘71’ in Bleistift laut der Textabfolge Bl. 72 ist, dementsprechend sind Bl. ‘72’ und ‘72a’ in Bleistift tatsächlich Bl. 73 und 74 (obwohl das letztere als leeres liniertes Blatt vorkommt). Die Auszählung der Blätter bei der Autopsie lässt feststellen, dass der Pergamentteil aus 74 Blättern und der Papierteil aus 80 Blättern besteht, also insgesamt 154 Bl. und nicht 153 Bl., wie es bisher angegeben wurde. Da solche Fälle in verschiedenen Bibliotheken unterschiedlich behandelt werden können (d.h. leere Blätter durchnummeriert oder nicht berücksichtigt), sei es in der Zukunft zu klären, ob es der allgemeinen Praxis der RSB entspricht oder aus der Bibliothek des Generalstabs übernommen wurde, wobei die Frage bei der Restaurierung der Handschrift gelöst werden kann.

Die von Mokretsova/Shchegoleva vorgeschlagene und von anderen Forschern aufgenommene Datierung des Papierteils der Handschrift (Kreutzer-Teil) in 1473–1479 wurde nach dem Wasserzeichenkatalog von Briquet (Nr. 8608) durchgeführt (Mokretsova/Shchegoleva 2010: 71). Da die Angaben von Briquet zurzeit als mangelhaft einzuschätzen sind, sollte die Datierung nach der

Piccard-Datenbank präzisiert werden¹³. Die Erforschung hat gezeigt, dass am nächsten bei Piccard das Wasserzeichen 111807 (Straßburg März 1472) ist: P gebrochen, zweikonturig, mit Beizeichen, darüber Stange mit Blume oder Blatt, vierblättrige Blume/-es Blatt, mit gespaltenem Schaft, Höhe 72 mm, Breite 24 mm, Abstand der Bindedrähte 41 mm. Das Wasserzeichen 111818 (Straßburg 1475), nämlich P, gebrochen, zweikonturig, mit Beizeichen, darüber Stange mit Blume oder Blatt, vierblättrige Blume/vierteiliges Blatt, mit gespaltenem Schaft, Höhe 74 mm, Breite 24 mm, Abstand der Bindedrähte 41 mm ist dem Zeichen 111807 bei Piccard sehr ähnlich und darum auch mit dem im Papierteil der Moskauer Handschrift vergleichbar. Ein ausführlicher Vergleich der beiden Straßburger Wasserzeichen bedarf weiterer Begründung mit Rücksicht auf konkrete Besonderheiten des materiellen Befunds der Moskauer Handschrift¹⁴. Besonders interessant wäre es, die Wasserzeichen mit Verwendung der von A. Stevenson erfundenen und von P. Needham entwickelten Methodik zu erforschen (Stevenson 1952–1953, Needham 2013)¹⁵, wobei die Berücksichtigung der Zwillingsswasserzeichen zur Datierung wesentlich beitragen kann.

Die neuesten Konsultationen mit den Moskauer Konservatoren zeigen, dass das Problem der irrtümlichen Follierung als nebensächlich eingeschätzt sein soll und in der Zukunft sowohl für den Pergament- als auch für den Papierteil irrelevant sein wird, weil bei der geplanten Restaurierung der Handschrift die richtige Blattabfolge nach der Textanordnung wiederhergestellt werden soll.

Die Anfangsüberschrift des Pergamentteils (2^v, 1–27, in roter Tinte) ist weder ‘Gebet an die hl. Katharina’ (Mokretsova/Shchegoleva 2010: 71, Squires 2012: 74f.) noch ‘Lob der heiligen Katharina’ (Barow-Vassilevitsch/Heckmann). Es handelt sich um eine Anfangsüberschrift, in der die Schreiberin, die Nonne Katharina Ingolt, den Nutzen vom Gebet zu der heiligen Katharina und von der ganzen Katharinenverehrung (Fasten, Almosen, Feiern des Gedenktags,

¹³ Wasserzeichenkartei Piccard, Landesarchiv Baden Württemberg, Stuttgart, <http://www.piccard-online.de>

¹⁴ Vgl. den Vortrag von Natalija Ganina ‘Straßburg in Moskau: Die Sammelhandschrift aus dem Reuerinnenkloster St. Maria Magdalena (Russische Staatsbibliothek, F. 68, Nr. 446)’, die Tagung ‘4. Deutsch-russisches Arbeitsgespräch zur Buchgeschichte. Mittelalterliche deutsche und lateinische Handschriften und Wiegendrucke: Aspekte und Methoden der internationalen Zusammenarbeit’, Moskau, 23.–25. September 2013.

¹⁵ Den Hinweis auf den wichtigen Beitrag von Needham habe ich Nigel Palmer zu verdanken.

Vorsingen, Lesen) erläutert. Katharina Ingolt (? – 26.03.1508), deren Leben und Tätigkeit von Palmer erfasst wurden (Palmer 2007, Palmer 2009: 274–284), war eine begabte Schreiberin und Buchmalerin und verehrte ihre Namensheilige, was die Katharinenlegende mit der umfangreichen Überschrift, dem datierten Kolophon mit der Namenangabe der Schreiberin und einem Bild der Nonne mit der Überschrift *‘Ora pro nobis’* bezeugt. Im Vergleich zu der von derselben Schreiberin stammenden Berliner Handschrift von *‘Vitas-patrum’* (Berlin, SBB-PK, Ms. germ. 2° 863), wo es ein ähnliches Nonnenbild mit den Initialien *‘k.i.’* gibt (Palmer 2009: 275), soll das Bild in der Moskauer Handschrift als Selbstbildnis von Katharina Ingolt interpretiert werden.

Die Schreibsprache der Sammelhandschrift ist niederrheinisch, was den Beobachtungen zur Schreibsprache der Handschriften aus dem Straßburger Reuerinnenkloster (Palmer 2009: 268) genau entspricht. Es sei zu bemerken, dass die Sprachmerkmale des Parierteils (Kreutzer) von denen des Pergamentteils (Legenden) etwas abweichen.

Die Untersuchung lässt schließen, dass die Prosalegende *‘Katharina von Alexandrien’* in der Moskauer Handschrift in der Fassung XXII oder *‘Hodie’*-Fassung erscheint¹⁶, die auf eine Reihe von lateinischen Quellen und letzten Endes auf die griechische Tradition zurückgeht. Die gesamte Überlieferung der *‘Hodie-Fassung’* sieht folgenderweise aus:

Mo: Moskau, Russische Staatsbibliothek, F. 68, № 446, Bl. 3^r–58^v. Fehlt bei: (Assion 1983, Williams-Krapp 1986).

Str: Straßburg, BNU ms. germ. q. 2743, früher L germ. 640.4^o, Bl. 62^r–149^v. Die Handschrift ist bei (Williams-Krapp 1986: 426) aufgelistet, aber nur mit dem Hinweis auf Bl. 62^r–80^r, d.h. auf die *‘Conversio’* der hl. Katharina und die Vorrede zur *‘Passio’*; fehlt bei Assion. Nach der Beobachtung von Balász Nemes, lässt sich eine der Schreiberhände auch in anderen Hss. aus dem Straßburger Dominikanerinnenkloster St. Nikolaus in undis nachweisen¹⁷.

Stu: Stuttgart, WLB, cod. theol. et phil. q. 77, Bl. 105^r–164^r. Die Handschrift war sowohl Assion als auch Williams-Krapp in

¹⁶ Die Bezeichnung *‘Fassung’* in Bezug auf die Interpretationen der Katharinenlegende entspricht der derzeitigen Praxis (Assion, Williams-Krapp). Darunter werden nicht die *‘ Fassungen’* desselben Werkes, sondern verschiedene Vers- und Prosaversionen vom Katharinenleben verstanden.

¹⁷ Hinweis von Balász J. Nemes in der Beschreibung von ms. germ. qt. 2743 im *‘Handschriftencensus’* vom 4.11.2011: <http://handschriftencensus.de/12887>

erster Linie bekannt, deswegen bezeichnete Assion die gesamte Überlieferung der 'Hodie'-Fassung als 'schwäbisch', die aber bei Williams-Krapp zu Recht als alemannisch (noch ohne Kenntnis der Moskauer Handschrift) definiert wurde.

B: Berlin, SBB-PK, ms. germ. q. 192, Bl. 106^v–169^v, in einer Handschrift der 'Heiligen Leben' (Fassung B 13, Williams-Krapp 1986: 426), bei Assion berücksichtigt (Assion 1983: 1067). Da die Handschrift zur Sudermann-Sammlung gehört, ist die Provenienz aus dem Straßburger Dominikanerinnenkloster St. Nikolaus in undis nicht auszuschließen.

K: Karlsruhe, Landesbibl., Cod. St. Georgen 99, Bl. 2^r–161^r. Vgl. (Williams-Krapp 1986: 426), fehlt bei Assion.

Die nähere Untersuchung der Moskauer Handschrift zeigt, dass sie die gleiche deutschsprachige 'Hodie'-Fassung der Katharinenlegende vertritt wie der in *Mo*, *Str* und *Stu* überlieferte Text, und damit bis auf den Mirakelanhang vollkommen unabhängig von der Übersetzung dieses Werks in 'Der Heiligen Leben' ist.

Die Prosalegende 'St. Barbara' (59^r–73^r) ist ein Unikat¹⁸. Sie stützt sich auf die lateinische 'Legenda aurea' (aber nicht auf die 'Elsässische Legenda aurea') mit Rücksicht auf andere damals bekannte Versionen, nämlich 'Der Heiligen Leben'.

Der Wunderanhang der Katharinenlegende in *Mo* (55^r–58^v) enthält drei Mirakel aus 'Der Heiligenleben', aber in einer etwas abweichenden Fassung. Die 3 Mirakel der Barbaralegende (68^v–70^v) haben genaue Entsprechungen in den drei Mirakeln der Barbaralegende in 'Der Heiligen Leben', wobei das 4. Mirakel (71^r) ein Unikat ist und auf die Tradition des bayerischen Klosters Pillenreuth, eines bekannten Zentrums des geistigen Lebens, zurückgeht. Das Schlussgebet an die hl. Barbara und ein origineller Anhang mit der Überschrift *Dis ist ein geistliches ingrün Schöpplin von andechtigem gebet gemacht* (71^r–73^r) sind auch bemerkenswert und bedürfen weiterer Erforschung.

Der Papierteil enthält die Traktate von Johannes Kreutzer OP (1424/1428–16.6.1468). Die Gesamtüberlieferung des 'Geistlichen Mai', der 'Geistlichen Ernte' und der 2 'Herbstjubil' soll mit Rücksicht darauf so dargestellt werden:

¹⁸ Die Erwägungen zur Einzigartigkeit der Moskauer Barbaralegende habe ich Prof. Nigel F. Palmer und Prof. Werner Williams zu verdanken.

Mo: Moskau, F. 68, № 446, 'Der geistliche Mai' Bl. 75^r–128^r 25, 'Die geistliche Ernte' Bl. 128^r 26–149^v 20, 'Herbstjubil I' 149^v 21–152^r 8, 'Herbstjubil II' 152^r 9–154^r;

B₂: Berlin, SBB-PK, ms. germ. qt. 202¹⁹, 'Der geistliche Mai' Bl. 107^r–172^v, Anhang '*Der xiii. lust*' Bl. 172^v–223^v, 'Die geistliche Ernte' Bl. 243^r–266^v, 'Herbstjubil I' Bl. 347^v–350^r, 'Herbstjubil II' Bl. 350^r–353^r;

Stu: Stuttgart, WLB, cod. theol. et philos. 4° 190, 'Der geistliche Mai' Bl. 1^v–78^r, 'Die geistliche Ernte' Bl. 79^v–111^v, 'Herbstjubil I' Bl. 111^v–114^v, 'Herbstjubil II' Bl. 114^v–118^v.

Die Traktate kommen in der Moskauer Handschrift in vollständigen Fassungen vor, die von großer Bedeutung sind, auch im Vergleich zur gesamten Überlieferung. So ist z. B. der originelle 'ich'-Schluss vom 'Geistlichen Mai', der die Anfangsvorsätze des Traktats mit seinen Schlussfolgerungen verbindet, nur in der Moskauer Handschrift erhalten. Mit Rücksicht darauf, dass Kreutzer in Straßburg predigte, da er großen Ruhm sowohl im Klostermilieu als auch unter den Laien erwarb, aber 1456 aus der Stadt infolge des Ultimatum-vale-Streits verwiesen wurde, kommt die Moskauer Handschrift (sowie die beiden Berliner Handschriften Straßburger Provenienz) als wichtiges Zeugnis der Kreutzer-Rezeption in den Straßburger Frauenklöstern.

Zu den Forschungsergebnissen bei der Erschließung der Moskauer Handschrift 2013–2014 gehören die Revision und Präzisierung der heute vorhandenen Katalogbeschreibungen, die präzisierte Datierung des Papierteils nach dem Wasserzeichen, die Klarstellung der Blatt- und Textabfolge, die Klärung der Überlieferungslage für die Moskauer Katharinen- und Barbaralegende und die vollständige Transkription der Handschrift (für den Kreutzer-Teil auch einschließlich der Varianten der Berliner Handschrift). Die Erforschung auf dem Gebiet der Kodikologie und Konservierung verspricht die Restaurierung des Buches und die Wiederherstellung der richtigen Blattabfolge²⁰. Als Hauptaufgabe auf dem Gebiet der Philologie

¹⁹ Als B₂ im Vergleich zur als B₁ von Landmann bezeichneten Handschrift mit der Hoheliedauslegung und anedern Werken Kreutzers (Berlin, SBB-PK, ms. germ. qt. 158). Siehe: Landmann 1953–1954: 21–33, Schmidt 1966: 187, Honemann 1985: 360.

²⁰ Im Mai 2014 ist die Handschrift zur Restaurierung ins Moskauer Staatliches Wissenschaftliches Forschungsinstitut für Restaurierung eingegangen.

kommt eine vollständige Edition der gesamten Handschrift vor, die z. Zt. in Vorbereitung ist.

Literatur

- Assion 1983 – Assion P. Katharina von Alexandrien // Verfasserlexikon. Hg. von K. Ruh u.a. Bd 4. Berlin, 1983. Sp. 1055–1073.
- Barow-Vassilevitch/Heckmann – Barow-Vassilevitch D., Heckmann M.-L. ‘Sammelhandschrift zur Jungfräulichkeit’ (Moskau, Russische Staatsbibliothek, Fonds 68, Nr. 446) // ‘Manuscripta mediaevalia’ <http://www.manuscripta-mediaevalia.de/dokumente/html/obj31301590>.
- Barow-Vassilevitch/Heckmann 2014 – Barow-Vassilevitch D., Heckmann M.-L. Katalog der abendländischen Handschriften des Mittelalters und der frühen Neuzeit in Beständen der Russischen Staatsbibliothek (Moskau). Beschrieben von Daria Barow-Vassilevitch und Marie-Luise Heckmann. Wiesbaden, 2014.
- Berthold 1925–1926 – Berthold L. Die Sprache des Prosateils des Stuttgarter Cod. theol. et philos. 4°. Nr. 190. Eine Heimatbestimmung auf dialektgeographischer Grundlage. Mit 18 Abbildungen // Teuthonista 2. S. 180–241.
- Honemann 1985 – Honemann V. Johannes Kreutzer // Verfasserlexikon. Hg. von K. Ruh u.a. Bd 5. Kochberger, Johannes – ‘Marien-ABC’. Berlin, 1985. Sp. 358–363.
- Landmann 1953–1954 – Landmann F. Johannes Kreutzer aus Gebweiler (+1468) als Mystiker und Dichter geistlicher Lieder. Der Bestand seiner Schriften und das Hauptwerk: Auslegung von Cant. Cant. Kap. I bis II, 13 // Archives de l’Église d’Alsace 21. N. F. 5. S. 21–67.
- Landmann 1957 – Landmann F. Johannes Kreutzer aus Gebweiler (+1468) als Mystiker und Dichter geistlicher Lieder. Die Unterweisung an eine Klosterfrau und zwei Sammelwerke: Ein geistlicher Mai und Eine geistliche Ernte // Archives de l’Église d’Alsace 21. N. F. 8. S. 21–62.
- Mokretsova/ Shchegoleva 2010 – Mokretsova I. P., Shchegoleva L. I. Katalog zapadnoevropejskih ilustrirovannyh rukopisnyh knig v sobranijah Moskvyy [Katalog der abendländischen illustrierten handschriftlichen Bücher in Sammlungen Moskaus]. Moskau, 2010.
- Needham 2013 – Needham P. The paper stocks of blockbooks. Allan Stevenson and beyond // Blockbücher des 15. Jahrhunderts. Eine Experimentierphase im frühen Buchdruck. Beiträge der Fachtagung in der Bayerischen Staatsbibliothek München am 16. und 17. Februar 2012. Hg. von Bettina Wagner. Wiesbaden, 2013 (= Bibliothek und Wissenschaft 46 [2013]). S. 35–58.
- Palmer 2007 – Palmer N. F. Literaturbetrieb im Straßburger Reuerinnenkloster im Zeitalter Geilers von Kaysersberg (1470–1500). Ringvorlesung ‘Freiburger Büchergeschichten’ 17.07.2007, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg // <http://www.yovisto.com/video/15087>
- Palmer 2009 – Palmer N. F. Die Münchener Perikopenhandschrift Cgm 157 und die Handschriftenproduktion des Straßburger Reuerinnenklosters im späten 15. Jahrhundert // Kulturtopographie des deutschsprachigen

- Südwestens im späten Mittelalter. Studien und Texte. Hg. von B. Fleith und R. Wetzel. Berlin; New York, 2009. S. 263–300.
- Schmidt 1966 – Schmidt W. Johannes Kreutzer. Ein elsässischer Prediger des 15. Jahrhunderts // Festschrift H. de Boor zum 75. Geburtstag am 24. März 1966. Tübingen, 1966. S. 150–192.
- Schmidtke 1982 – Schmidtke D. Studien zur dingallegorischen Erbauungsliteratur des Spätmittelalters. Am Beispiel der Gartenallegorese. Tübingen, 1982 (= Hermaea 43).
- Squires 2012 – Squires C. Handschriften in deutscher Sprache bis 1500 aus Moskauer Sammlungen // Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas. Hg. von Astrid Breith u.a. (Zeitschrift für deutsches Altertum, Beiheft 15). Stuttgart, 2012. S. 73–92.
- Stevenson A. Watermarks are Twins // Studies in Bibliography. 1951–1952. Vol. 4. P. 58–93.
- Vogelpohl 1997 – Vogelpohl E. Lassen, Tun und Leiden als Grundmuster zur Einübung geistlichen Lebens. Studien zu Johannes Kreutzer. Altenberge, 1997 (= Münsteraner Theologische Abhandlungen 50).
- Williams-Krapp 1986 – Williams-Krapp W. Die deutschen und niederländischen Legendare des Mittelalters. Studien zu ihrer Überlieferungs-, Text- und Wirkungsgeschichte. Tübingen, 1986 (= Texte und Textgeschichte 20).

Natalija Ganina. *Dis bûch gehort in daz closter zûn ruwerin in Strossburg: die Straßburger Sammelhandschrift* (Moskau, RSB, F. 68, № 446)

The article generalizes the research results and edition perspectives of an unique 15th century German manuscript (Moscow, Russian State Library, F. 68, № 446) that comes from the convent of St. Mary Magdalene in Strasbourg and contains the lives of St. Catherine and St. Barbara (parchment) and the works by Johannes Kreutzer which are of great value concerning the history of the German literature and mysticism.

Keywords: medieval German manuscripts, Straßburg, 15th century, convent of St. Mary Magdalene, life of St. Catherine, life of St. Barbara, Johannes Kreutzer.

**DAVID DER UNBESIEGBARE? EINIGE ÜBERLEGUNGEN
ZUM GEBRAUCH DES BEINAMENS
IN DER GRIECHISCHEN UND DER ARMENISCHEN
TRADITIONEN**

Под именем Давида Анахта (Непобедимого) до нас дошло множество древнеармянских текстов различного содержания (переводы религиозных текстов и сочинений Аристотеля, философские трактаты и комментарии, богословские сочинения и т. д.). Очевидно, что все эти тексты не могли быть созданы одним и тем же учёным и даже в одну и ту же эпоху. В докладе предпринята попытка систематизировать случаи употребления эпитета «Непобедимый», а также проанализировать причины и обоснованность его использования по отношению к философу-неоплатонику Давиду.

Ключевые слова: Давид Анахт, Армения, античная философия, древнегреческий, переводы, древнеармянский, неоплатонизм.

Sen Arevshatyan, der erste Herausgeber philosophischer Schriften Davids, merkte mal an, dass in der armenischen Tradition die meisten Schriften armenischer mittelalterlicher Literatur gelegentlich David dem Unbesiegbaren zugeschrieben wurden (Arevshatyan 1973: 273)¹. Als Übersetzer der Heiligen Schrift gehört er zu den Aufklärern des armenischen Volkes und wurde von der armenischen katholischen Kirche heilig gesprochen (sein Gedakentag wird am 17. (30.) September gefeiert). Beim Versuch, biographische Informationen über den Neuplatoniker David zusammenzutragen, stößt man allerdings auf zahlreiche Schwierigkeiten². Erhaltene armenische mittelalterliche Berichte

¹ Die Liste der Werke, die unter Davids Namen in der venezianischen Ausgabe abgedruckt worden sind, findet sich bei Calzolari 2009: 36–37. Eine vollständige Liste der David zugeschriebenen armenischen Werken wurde, soweit ich weiß, noch nicht zusammengestellt.

² Es gibt unterschiedliche Datierungen in der Literatur über David. Arevshatyan datiert seine Lebenszeit ins späte 5.-6. Jh., ohne es jedoch zu begründen (z. B. Arevshatyan 1973: 269–270). In neueren armenischen Nachschlagewerken werden als Lebensdaten die Jahre 475 – ca. 550 angegeben (siehe z. B. Հասարակական Հանրագիտարան, Bd. 2, Eriwan 1995, 11; Քրիստոնյայ Հայաստան, հանրագիտարան, Eriwan 2001, 267). Da er aber Schüler von Olympiodoros war, sollte seine Lebenszeit

über das Leben und Tätigkeiten Davids (als Übersetzer, Theologe, Philosoph, Lehrer usw.) weisen sagenhafte Züge auf und sind widersprüchlich.

In diesem Aufsatz wird ein Versuch unternommen, vorhandene Informationen über David bzw. Davids in der armenischen Literatur und Philosophie des 4.–7. Jh. zu systematisieren, unterschiedliche Davids, die in dieser Zeit wirkten, auseinanderzuhalten und schließlich zu klären, wie der Beiname ‚Unbesiegbarer‘ in die armenische Tradition gelangen konnte, und warum der Neuplatoniker David als ‚Unbesiegbarer‘ bezeichnet wird. Denn während die griechische Tradition nichts außer dem Namen und den Beinamen Davids in den Überschriften seiner Werke überliefert hat (Δαυὶδ ὁ θεοφιλέστατος καὶ θεόφρων φιλόσοφος), weiß die armenische Tradition viel mehr über einen gewissen David zu berichten, der unter anderem als ‚der Unbesiegbare Philosoph‘ (Անյաղթ փիլիսոփա) oder einfach ‚der Unbesiegbare‘ (Անյաղթ) bezeichnet wird.

1. Welche Schriften werden David dem Unbesiegbaren in der armenischen Tradition zugeschrieben?

Bei der Überprüfung der am Anfang erwähnten Aussage von Arevshatyan anhand der überlieferten Informationen stellt sich Folgendes heraus. Laut unterschiedlicher armenischer Quellen (s. ausführlicher Chaloyan 1946: 48–94; Calzolari 2009b: 36–38) soll ein und derselbe David gleichzeitig:

- 1) als Schüler des Hl. Mesrop Mashtots (362–440) einige Texte, vor allem christlichen Inhaltes, ins Armenische übersetzt haben;
- 2) das Lob auf das Heilige Kreuz sowie wahrscheinlich eine Einführung / einen Kommentar zu den Psalmen, eine Homilie zum Tag des Hl. Stephanus sowie andere Werke polemischen Inhaltes geschrieben haben (Calzolari 2009b: 22 mit weiteren Literaturangaben);
- 3) als ein griechischer Neuplatoniker (armenischer Abstammung) und Schüler des Olympiodoros in Alexandrien unterrichtet und seine eigenen philosophischen Werke auf Griechisch verfasst haben;
- 4) diese philosophischen Werke ins Armenische übersetzt und damit armenischen Lesern zugänglich gemacht haben;

später datiert werden, und zwar von der 2. Hälfte des 6. Jh. bis in die 1. Hälfte des 7. Jh.

5) eigene Kommentare zu den „Kategorien“ und zu *De interpretatione* auf Armenisch verfasst haben;

6) die *Ars grammatica* von Dionysius Thrax ins Armenische übersetzt und wahrscheinlich auch weitere grammatische Schriften auf Armenisch geschrieben haben.

Bei einer genauen Betrachtung wird es aber ganz klar, dass alle diese Werke nicht einem einzigen Gelehrten zugeschrieben werden können, der gleichzeitig Übersetzer, Theologe, Philologe und Philosoph sein sollte. Schon deswegen nicht, weil ein Schüler des Hl. Mesrop (gest. um 440) früher lebte als ein neuplatonischer Philosoph, der in Alexandrien bei Olympiodoros (gest. um 560) studierte³.

2. Überlegungen zum Namen und Beinamen Davids

Aus dem Namen des Neuplatonikers David kann man recht sicher schließen, dass er erstens kein Grieche und zweitens höchstwahrscheinlich ein Christ war (letzteres kann ausschließlich auf Grund seines Namens, nicht aber des Inhaltes seiner philosophischen Texte bewiesen werden). Auch wenn der Name ‚David‘ in Armenien seit der Christianisierung sehr verbreitet war⁴, muss jedoch der Neuplatoniker David nicht unbedingt aus Armenien hergekommen sein. Er stammte wohl aus dem Osten, es ist jedoch nicht festzustellen, ob es Armenien, Georgien⁵, das kaukasische Albanien bzw. Syrien oder Palästina war.

Die armenische Tradition kennt viele Männer, die den bei den transkaukasischen Christen bis heute sehr verbreiteten Namen ‚David‘ trugen. Es ist offensichtlich, dass im Laufe der Zeit Elemente verschiedener Biographien miteinander verschmolzen sind. Chaloyan erwähnt mindestens sieben Davids, die in Armenien im 6.–7. Jh. wirkten⁶. Darunter auch den Mönch David aus Thessaloniki,

³ Berichte über ein Studium in Athen (philosophische Schulen wurden 529 geschlossen), die auch in armenischen Quellen erwähnt werden (Calzolari 2009b: 24–25), passen ebenso wenig zu David als Schüler von Olympiodoros und ein Mitschüler von Elias.

⁴ Man kann in dem Kontext auch den Helden des armenischen Epos, David Sasunci, erwähnen.

⁵ Auch in Georgien war der Name ‚David‘ immer sehr verbreitet, man denke z. B. an zahlreiche georgische Könige, u. a. an David den Erbauer.

⁶ Chaloyan 1946: 49: 1. David der Unbesiegbare, Schüler des Olympiodoros; 2. David der Grammatiker; 3. David von Bagrewand (Mitte des 7. Jh.); 4. David Hypatos, Übersetzer theologischer Schriften (7.–8. Jh.); 5. David

der wahrscheinlich ein Armenier war, sich jedoch in Byzanz aufhielt⁷. Berichte über verschiedene Davids wurden bereits relativ früh in der armenischen Tradition miteinander verwechselt⁸.

In griechischen Handschriften finden sich mit dem Namen Davids regelmäßig zwei Epitheta: θεοφιλέστατος und θεόφρων, die in armenische Übersetzungen nicht übernommen worden sind (Busse 1892: 13–19).

In der armenischen Überlieferung kommen folgende Beinamen vor⁹: der Unbesiegbare¹⁰, der Philosoph, Nerginatzi (aus Nergin bzw. der Christ – Calzolari 2009b: 28 Anm. 31), Harkaci (aus dem Dorf Hark), dreimal der Größte (τρισμέγιστος, arm. esamec', wahrscheinlich eine Lehnübersetzung aus dem Griechischen), der Dichter (arm. c'erdoł, mit dem das griechische ποιητής übersetzt wird)¹¹.

Die erste Schwierigkeit, der man bei der Analyse der Beinamen begegnet, ist mit der häufigen Bezeichnung ‚David der Philosoph‘ verbunden. Das Wort փիլիսոփա (Philosoph) kommt in vielen Handschriften vor, nicht nur als Epitheton des Neuplatonikers David sondern z. B. auch als Beiname des Grammatikers David, der *Ars grammatica* übersetzt und kommentiert hat¹². Die zweite Schwierigkeit ist das Repertoire der Beinamen, die sich in einzelnen Handschriften finden. So wird der Neuplatoniker David mal ‚der Unbesiegbare‘ mal lediglich ‚Philosoph‘ genannt. Manchmal fehlt ein Beiname gänzlich (siehe z. B. Topchyan 2010: 20). Außerdem gibt es mehrere Interpretationsmöglichkeiten. So sind z. B. mindestens

aus Hark, ein Theologe (7. Jh.); 6. David Kerdol, vielleicht mit einem der Nr. 1, 2 oder 5 Aufgeführten zu identifizieren, vgl. Calzolari 2009b: 25–7.

⁷ Über David von Thessaloniki s. V. Rose. Leben des Heiligen David von Thessalonike, Griechisch nach der einzigen bisher aufgefundenen Handschrift herausgegeben. Mit Beziehung auf David Invictus Philosophus, Berlin 1887 (über David den Unbesiegbaren S. VIII–IX). S. dazu auch Chaloyan 1946: 52–54.

⁸ Calzolari 2009b: 24–26: schon im 6. Jh. wird erwähnt, dass David in Athen studierte. In diesem Fall kann es sich nicht um einen Neuplatoniker David handeln, der bei Olympiodoros in Alexandrien tätig war.

⁹ Über die Beinamen in den Handschriften der AA sieh Topchyan 2010: 19.

¹⁰ Hier soll man übrigens auch David von Thessaloniki („Sieger“) vom Neuplatoniker David unterscheiden (Chaloyan 1946: 53 mit Hinweis auf Rose 1887: VII–X). Vgl. auch Busse 1892: 14–16.

¹¹ Auch diesen Beinamen bekamen andere Davids in Armenien (Chaloyan 1946, 52).

¹² Siehe Adontz 1915, Apparatus Criticus in der Ausgabe der *Ars grammatica*, 79–80, in der Titel aus verschiedenen Handschriften angegeben werden.

zwei Erklärungen des Beinamens ‚der Unbesiegbare‘ denkbar: ein Sieg in einem philosophischen oder in einem theologischen Streit¹³.

3. Liste der den Namen ‚David‘ tragenden Personen in der armenischen Tradition

Im Folgenden sollten einzelne Davids, wo es möglich ist, auseinandergehalten werden.

– David der Übersetzer (christlicher Texte) und David der Theologe

Hier kann es um zwei oder gar drei Personen gehen. Die Lebenszeit des Schülers des Hl. Mesrop¹⁴ ist entsprechend früh zu datieren. Er nahm an der Übersetzung der Heiligen Schrift und anderer christlichen Texte teil und schrieb vielleicht auch armenische Texte christlichen Inhaltes. Es dürfte derjenige David sein, den die armenische Kirche wegen seiner Missionstätigkeit heiliggesprochen hat. Aber auch einer der beiden späteren Theologen kann mit dem Übersetzer identifiziert werden. Christliche Texte, die David zugeschrieben wurden, sind ein Lob auf das Hl. Kreuz, ein Psalmenkommentar und einige andere (Calzolari 2009b: 29).

– David der Grammatiker (Քերական, Übersetzung des gr. γραμματικός) oder Deuter/Kommentator (Մեկնիչ, entspricht dem gr. ἐρμηνεύς)

Dass David der Grammatiker nicht mit David dem Neuplatoniker zu identifizieren ist, hat Adontz vor fast hundert Jahren überzeugend gezeigt¹⁵.

¹³ In einer philosophischen Diskussion sollte David einen Spruch der Sieben Weisen interpretieren. Nach einer anderen Quelle hat er in einem Streit zwischen den Mia- und Dyophysiten gesiegt (Calzolari 2009b, 33).

¹⁴ In der Vita der Hll. Sahak und Mesrop wird unter anderen Schülern auch David der Unbesiegbare explizit genannt, was zu der falschen Vorstellung führen konnte, der Neuplatoniker David sei auch ein Schüler des Mesrop gewesen (Պատմութիւն վասն սրբոյն Սահակայ հայրապետին և Մեսրոպայ վարդապետին, Սոփերք հայկական, Bd. 1, Venedig, 1853, S. 14). In der Vita des Hl. Mesrop Mashtots, die von seinem Schüler Koriun verfasst wurde, kommt der Name Davids dagegen nicht vor.

¹⁵ David den Grammatiker kann man mit David dem Neuplatoniker (bzw. David dem Unbesiegbaren) dadurch verwechseln, dass dem letzteren unter anderem die Übersetzung der *Ars grammatica* des Dionysios Thrax zugeschrieben wurde (sowie andere grammatische Schriften). Adontz beweist anhand des Sprachgebrauchs überzeugend (indem er die Übersetzung der Wörter κατάληψις, προοίμιον, γραμματικός einerseits bei

– David der Philosoph/ der Neuplatoniker

David der Philosoph war ein Neuplatoniker, der als Schüler von Olympiodoros in Alexandrien studierte und lehrte sowie Proll., in Porph., in Cat. und in APr. auf Griechisch verfasste¹⁶.

– David (?) der Übersetzer

Ein armenischer Übersetzer der hellenophilen Schule, der im 5. Jh. Texte des neuplatonischen Curriculums (*Prolegomena philosophiae*, *Isagoge* des Porphyrios, *De interpretatione*, *Kategorien*) übersetzte. Auch die Frage, ob das Gesamtwerk Davids von einem oder mehreren Übersetzern übersetzt wurde, bleibt immer noch unbeantwortet.

– (Ps.-?)David

Ein armenischer Philosoph, in Handschriften ebenfalls als ‚David‘ bezeichnet, der armenische Kommentare zu den „Kategorien“ und zu *De interpretatione* verfasste, die auf den armenischen Übersetzungen beider Werke basieren (und als Lemmata Abschnitte aus diesen Übersetzungen benutzen). Seine Lebensdaten sind unklar¹⁷. Diese Kommentare unterscheiden sich von den Texten Davids sowohl in ihrem Aufbau als auch sprachlich.

– David aus Thessaloniki

Ein Mönch, der entweder aus Mesopotamien oder aus Armenien stammte und in Thessaloniki aufhielt. Wie Rose überzeugend gezeigt hat, ist dieser David nicht mit dem Neuplatoniker David gleich-

den Vertretern der hellenophilen Schule und andererseits bei David dem Grammatiker gegenüberstellt), dass es sich hierbei um zwei verschiedene Personen handelt (darüber hinaus legen zwei verschiedene Übersetzungen des Wortes κατάληψις sogar die Existenz eines weiteren, von David dem Grammatiker verschiedenen Davids nahe, CLXXXVIII), die in jedem Falle den griechischen Text unterschiedlich verstanden und deuteten (Adontz 1915: CLXXXII–CXCIII). Ebenfalls sei erwähnt, dass es außerdem mindestens einen weiteren armenischen David gab, der sich mit der Grammatik beschäftigte (Adontz 1915, VII, David aus Amid, Übersetzung einer Grammatik des Iohannes; dazu kommt noch David Phoenix (Romaïos), Verfasser eines kabbalistischen Werkes „Das Buch über sieben Buchstaben“ (LXI); über David den Unbesiegbaren S. LXXIIIff., LXXII).

¹⁶ Ich gehe davon aus, dass alle genannten Werke von einem Philosophen verfasst worden sind. Ausführlicher dazu: Grigoryeva 2013.

¹⁷ In einigen Handschriften wurden diese Kommentare Jamblich zugeschrieben (Calzolari 2009b: 18 mit Anm. 17).

zusetzen¹⁸. Dieser David hat in den Handschriften den Beinamen Νικητής, der Sieger, was wahrscheinlich zu der falschen Identifizierung mit dem Philosophen David führte.

- David der Dichter (Φερρηνη, ποιητής)

Ist nicht genauer zu identifizieren. Chaloyan vermutet, dass unter diesem Namen entweder David der Unbesiegbare oder David der Grammatiker gemeint werden konnte (Chaloyan 1946: 52).

Fazit

1. Folgende armenische Davids sind voneinander zu unterscheiden:

- David, ein Schüler des Hl. Mesrop, ein Übersetzer;
- David, ein Theologe und Verfasser der selbstständigen christlichen Texte (Lob ans Hl. Kreuz usw.);
- David der Grammatiker (der Übersetzer der *Ars grammatica*);
- David der Philosoph (ein griechischer Neuplatoniker);
- (David?) – ein Übersetzer der Werke von Aristoteles und Porphyrios ins Armenische¹⁹;
- (David?) – ein Übersetzer der griechischen Texte Davids, der weder mit dem griechischen Philosophen noch mit dem armenischen Übersetzer des Aristoteles²⁰ zu identifizieren ist. Der Grund dafür ist, dass einerseits Werke des Aristoteles früher ins Armenische übersetzt worden waren²¹ – die Sprache dieser Übersetzungen unterscheidet sich aber von der Sprache der Übersetzungen Davids – und dass andererseits der armenische Übersetzer den griechischen Text

¹⁸ Leider findet sich der Fehler auch in der Literatur neueren Datums. So heißt der Beitrag über den Philosophen David im Wörterbuch „Antike Philosophie“ der Russischen Akademie der Wissenschaften „David von Thessaloniki“ (Давид Фессалоникийский // Античная философия. Энциклопедический словарь, М., «Прогресс-Традиция» 2008. С. 289).

¹⁹ Werke des Aristoteles wurden laut Arevshatyan während der zweiten Periode der hellenophilen Schule (480–510/20) übersetzt, noch vor der Verbreitung des Neuplatonismus in Armenien, welche in die dritte Periode der hellenophilen Schule datiert wird, ungefähr ab 510 (Arevshatyan 1973: 187–188).

²⁰ Topchyan 2010: 125: “the language of the Armenian versions of Aristotle’s works is so different from that of the versions of David that these translations can scarcely be ascribed to the same person” (siehe auch ibid. Anm. 34), vgl. auch Calzolari 2009b, 28.

²¹ Die Übersetzung der Aristoteles wird in die zweite Periode der hellenophilen Übersetzungsschule (480–510/20) datiert.

nicht überall richtig verstand²². Hier ist noch die Frage neu zu untersuchen, ob alle vier Werke von einem Übersetzer oder von mehreren ins Armenische übertragen worden waren;

– (David?) – ein Verfasser armenischer Kommentare zu den *Kategorien* und zu *De interpretatione*.

Man darf also annehmen, dass mehrere Übersetzer den Namen David trugen; dies sollte für die spätere Verwechslung gesorgt haben.

2. Zahlreiche Beinamen und widersprüchliche Angaben zu Person können dadurch erklärt werden, dass in der Überlieferung Elemente mehreren Biographien zusammengeschmolzen waren. Dabei wurde der Beiname ‚Unbesiegbarer‘ von einem Theologen auf einen Philosophen übertragen.

3. David der Theologe und David der Neuplatoniker sind auseinanderzuhalten²³.

4. Die Entstehung des Beinamens und sein Gebrauch können folgenderweise rekonstruiert werden: Als Heiliger wird David der Übersetzer der Heiligen Schrift bzw. David der Theologe verehrt. Später wurden ihm auch andere Schriften zugeschrieben. Dabei ist es unklar, wem der Beiname „Unbesiegbarer“ ursprünglich gehörte, dem Philosophen oder dem Theologen (Calzolari 2009b: 25). Calzolari erwähnt einen Streit zwischen David und einem Bischof am kaiserlichen Palast wegen des Chalzedonischen Konzils. Meines Erachtens ist die theologische Erklärung des Beinamens überzeugender als die philosophische; sie passt auch gut in das Bild eines Heiligen der armenischen Kirche. Es gibt daher keine Gründe, den Neuplatoniker David als „den Unbesiegbaren“ zu bezeichnen, man soll eher die beiden griechischen Epitheta verwenden.

5. Der Beiname ‚Unbesiegbarer‘ findet sich nicht in der griechischen Tradition. Daher empfiehlt es sich ihn besser nicht zu verwenden, wenn es um griechische philosophische Texte geht, die unter dem Namen Davids überliefert worden sind.

²² Die Frage danach, ob philosophische Texte Davids von einem einzigen oder von mehreren Übersetzern ins Armenische übersetzt worden sind, bleibt m. E. immer noch nicht überzeugend beantwortet (Topchyan 2010: 123–127), ein ausführlicher Vergleich aller armenischen Übersetzungen muss noch durchgeführt werden.

²³ Hier lasse ich die Bezeichnung „Theologe“ im Sg., obwohl es wiederum mindestens drei sind, die diesen Namen trugen: ein Schüler des Hl. Mesrop im 5. Jh. (dieser ist übrigens mit dem Namen nicht bezeugt), ein Übersetzer der theologischen Schriften im 7.-8. Jh. und ein selbstständiger Theologe (Mono- bzw. Miaphysit) im 7. Jh.

Einige Fragen bleiben noch offen.

1. Kann man unterschiedliche Texte, die David dem Unbesiegbaren zugeschrieben werden (Lob ans Hl. Kreuz, Übersetzungen der Texte Aristoteles' und Davids, armenische Kommentare zu Aristoteles) auch sprachlich auseinander halten? Man sieht ja gleich, ob ein Text zur hellenophilen Schule gehört oder nicht.

2. Sprachliche Unterschiede zwischen Proll. und in Porph. einerseits und APr. andererseits sind zwar sichtbar, es ist jedoch unklar, ob sie groß genug sind, um mehrere Übersetzer zu vermuten. Außerdem hat Calzolari überzeugend gezeigt, dass der Übersetzer mit verschiedenen Texten je nach der Stelle des Textes im Curriculum durchaus unterschiedlich umgeht. Daher könnten die Unterschiede durch verschiedene Übersetzungstechniken erklärt werden. So ist der armenische Text der Auslegung der ‚Analytik‘ des Aristoteles ohne die Kenntnis des griechischen Originals der Schrift kaum verständlich. Man bedenke dabei, dass es keine Übersetzung der aristotelischen ‚Analytiken‘ gab und dieser Text am Ende des Philosophiestudiums gelesen wurde, wahrscheinlich als die Leser das Griechische bereits gut beherrschten²⁴.

3. Warum wurde ausgerechnet David ins Armenische übersetzt? Lag der Grund dafür etwa daran, dass der Neuplatoniker David ein Armenier war, oder dass er Kommentare zu mehreren Schriften des neuplatonischen Curriculums verfasste?

Literatur

Griechische Texte:

Busse 1900 – Eliae in Porphyrii Isagogen et Aristotelis Categorias commentarium. Edidit Adolfus Busse. Berlin: Reimer, 1900 (Commentaria in Aristotelem Graeca, 18.1).

Busse 1904 – Davidis Prolegomena et in Porphyrii Isagogen commentarium. Edidit Adolfus Busse. Berlin: Reimer, 1904 (Commentaria in Aristotelem Graeca, 18.2).

Westerink 1967 – Pseudo-Elias (Pseudo-David): Lectures on Porphyry's Isagoge. Introduction, text and indices by Leendert Gerrit Westerink. Amsterdam: North-Holland Publ. Comp., 1967.

Armenische Texte:

Venedig 1833 – Դավթի Անյաղթ փիլիսոփայի մեկնութիւն չորեքտասան գլխոց Արիստոտելի ի Վերլուծականն, in Կորիւն Վարդապետի, Սամբրէ Վերծանողի և Դավթի Անյաղթի Մատենագրութիւնք. Venedig: S. Łazar, 1833.

²⁴ Die Frage nach einer armenischen Übersetzung der ‚Analytiken‘ stellt King, eine solche Übersetzung ist aber unter den erhaltenen armenischen Handschriften nicht überliefert (siehe die Rezension von Daniel King: BMCR, 2012.02.06).

- Adontz 1915 – Ars Dionysii Grammatici et Armeniaca in eam scholia Davidid Philosophi rec. et disputavit N. Adontz. Петropgrad: Типография Академии наук, 1915 (Bibliotheca Armeno-Georgica, 4).
- Arevshatyan 1960 – Arevshatyan S. S. (Hg.). Դավիթ Նոթամեծի և Անյաղթ փիլիսոփայի ընդդեմ առարկությունն չորից Պիլոնի իմաստակի Սահմանք և տրամաբանի իմաստասիրության. Eriwan: Издательство АН Армянской ССР, 1960.
- Arevshatyan 1967 – Arevshatyan S. S. (Hg.). Դավիթ Անյաղթ, Մեկնություն ի Վերլուծական Արիստոտելի. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1967.
- Arevshatyan 1976 – Arevshatyan, Sen Sowreni (Hg.). Դավիթ Անյաղթ, Վերլուծություն Ներածությանն Պորփիրի – Анализ «Введения» Порфирия, сводный критический текст, пер. и прим. Сена Суреновича Аревшатяна. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1976.
- Topchyan 2010 – Topchyan A. (Hg.). David the Invincible, Commentary on Aristotle's Prior Analytics, Philosophia Antiqua, 122. Leiden: Brill, 2010.

Sekundärliteratur

- Ajamian 1993 – Ajamian S. An Introduction to the Book of Psalms by David Anjalt' // C. Burchard (éd.). Armenia and the Bible. Papers Presented to the International Symposium Held at Heidelberg, July 16–19, 1990. Atlanta: GA, 1993, S. 15–21 (= University of Pennsylvania. Armenian Text and Studies, 12).
- Arevshatyan 1973 – Arevshatyan S. S. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973.
- Arevshatyan 1981 – Arevshatyan S. S. David l'Invincible et sa doctrine philosophique // Revue des Études Arménienne. 1981. V. 15. P. 33–43.
- Arevshatyan 2009 – Arevshatyan S. S. David the Invincible in Armenia and other Countries: the Fate of his Legacy // Calzolari 2009a. P. 227–233.
- Brutian 1983 – Brutian G. A. (Hg.). Давид Непобедимый – великий философ древней Армении / David the Invincible – the great philosopher of ancient Armenia. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1983.
- Busse 1892 – Busse A. Die neuplatonischen Ausleger der Isagoge des Porphyrius // Wissenschaftliche Beilage zum Programme des Friedrichs-Gymnasiums 54. Berlin: Gaertner, 1892.
- Chaloyan 1946 – Чалоян В. К. Философия Давида Непобедимого. Ереван: АН Армянской ССР, Институт истории, 1946.
- Calzolari 2009a – Calzolari V., Barnes J. (Hg.). L'oeuvre de David l'Invincible et la transmission de la pensée grecque dans la tradition arménienne et syriaque. Boston; Köln: Brill, 2009.
- Calzolari 2009b – Calzolari V. David et la tradition arménienne // Calzolari 2009a. P. 20–48.
- Calzolari 2009c – Calzolari V. La version arménienne des *Prolegomena philosophiae* de David et son rapport avec le texte grec // Calzolari 2009a. P. 50–89.
- Conybeare 1889 – Conybeare F. C. On the Ancient Armenian Versions of Plato // The Classical Review. 1889. Vol. 3. P. 340–343.

- Conybeare 1892 – Conybeare F. C. A Collation with the Ancient Armenian Version of the Greek Text of Aristotle's *Categories*, *De interpretatione*, *De mundo*, *De virtutibus et vitiis* and Porphyry's *Introduction*. Oxford: Clarendon Press, 1892 (Anecdota Oxoniensia: I. Classical Series; 1,6).
- Fiaccadori 2001 – Fiaccadori G. (Hg.). Autori classici in lingue del Vicino e Medio Oriente. Atti del VI, VII e VIII seminario sul tema: recupero di testi classici attraverso recezioni in lingue del Vicino e Medio Oriente. Roma: Istituto poligrafico e zecca dello stato, 2001.
- Garsoïan – Garsoïan N. G. Thomas F. M., Thomson R. W. (Hgg.). East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period (Dumbarton Oaks Symposium, 1980), Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1982.
- Grigoryeva 2013 – Grigoryeva E. V. Zur Einheit des Werkes Davids des Unbesiegbaren und der Frage nach der Autorschaft der „Auslegung der ‚Analytik‘ des Aristoteles“ // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 24–26 июня 2013 г. Отв. ред. Н. Н. Казанский / СПб.: «Наука», 2013. P. 209–227; online unter <http://iling.spb.ru/comparativ/mater/tronsky2013/tronsky2013.pdf>.
- Hugonnard-Roche 2009 – Hugonnard-Roche H. La tradition gréco-syriaque des commentaires d'Aristote // Calzolari 2009a, S. 200–226.
- Khostikian 1907 – Khostikian M. David der Philosoph. Bern: Scheitlin, Spring & Cie, 1907.
- Mahé 1987 – Mahé J.-P. Quadrivium et cursus d'études au VIIe siècle en Arménie et dans le monde byzantin // Travaux et Mémoires. 1987. T. 10. P. 159–206.
- Mahé 1990 – Mahé J.-P. David l'Invincible dans la tradition arménienne // Simplicius: Commentaire sur les Catégories, traduction commentée sous la direction de Ilsetraut Hadot Bd. 1. Leiden ; New York ; København; Köln: Brill 1990. P. 189–207.
- Mercier 1978–1979 – Mercier Ch. L'Ecole hellénistique dans la littérature arménienne // REArm. 1978–1979. T. 13. P. 59–75.
- Muradyan 1971 – Muradyan A. N. L'Ecole hellénisante et son rôle dans l'oeuvre de création de la terminologie grammaticale de l'arménien, Eriwan: Academy, 1971.
- Muradyan 1999 – Muradyan G. Notes on some Linguistic Characteristics of the Hellenizing Translations // Le Muséon. 1999. Vol. 112. P. 65–71.
- Nersoyan 1986 – Nersoyan H. J. 'An Encomium of the Holy Cross of God' by David the Invincible Philosopher // Sanjian. 1986. P. 81–100.
- Rapava 1982 – Rapava M. Traditions et innovations dans l'École néoplatonicienne d'Alexandrie. (Ammonius Hermias et David l'Invincible) // Bedi Kartlisa: Revue de kartvélogie. 1982. T. 40. P. 216–227.
- Rose 1887 – Rose V. Leben des Heiligen David von Thessalonike, griechisch nach der einzigen bisher aufgefundenen Handschrift herausgegeben. Mit Beziehung auf David Invictus Philosophus. Berlin: A. Asher & Co., 1887.
- Sanjian 1986 – Sanjian A. K. (ed.). David Anhagt', the 'Invincible' Philosopher. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1986 (= Studies in near eastern culture and society 7).

- Terian 1982 – Terian A. The Hellenizing School. Its Time, Place and Scope of Activities Reconsidered // Garsoïan. 1982. P. 175–186.
- Tessier 1979 – Tessier A. Il testo di Aristotele e le traduzioni armene. Padoue: Antenore, 1979 (= PROAGONES. Collezione di studi e testi. Studi 17).
- Tessier 2001 – Tessier A. Frederick Cornwallis Conybeare e le versioni armene da Aristotele // Fiacadori. 2001. P. 133–138.
- Thomson 1986 – Thomson R. W. The Armenian Version of David's *Definitions of Philosophy* // Sanjian. 1986. P. 37–46.
- Thomson 1995 – Thomson R. W. A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD (Corpus Christianorum). Turnhout: Brepols, 1995.
- Thomson 2007 – Thomson R. W. Supplement to *A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD: Publications 1993–2005* // Le Muséon. 2007. T. 120. P. 163–223.
- Topchyan 2009 – Topchyan A. Remarks on David the Invincible's *Commentary on Aristotle's Prior Analytics*. Its Structure, Contents, Language, and the Problems of Translator and Authorship // Calzolari 2009a. P. 158–178.
- Weitenberg 2001 – Weitenberg J. J. S. On the Chronology of the Armenian Version of Dyonisius Thrax // R. B. Finazzi, A. Valvo (eds). *Pensiero e istituzioni del mondo classico nelle culture del Vicino Oriente*. Alessandria, 2001. P. 305–314.

E. V. Grigoryeva. David the Invincible? Some remarks on the use of epithets in the Greek and Armenian traditions

Four treatises by David, the Neoplatonic philosopher (the *Prolegomena philosophiae*, the commentary on Porphyry's *Isagoge*, the commentary on the *Categories* and the commentary on the *Prior Analytics*) were translated into Armenian in the 6–7 centuries and transmitted in the manuscripts under the name ,Դավիթ Անսղաղթ', i. e. David the Invincible, whilst in Greek manuscripts David's epithets are θεοφιλέστατος and θεόφρων. On the other hand, a lot of other translations from Greek and original Armenian texts are also attributed to David the Invincible. It is clear, however, that all these texts could not have been written or translated by the same person. There is a reason to assume that the epithet 'Invincible' was only used for a Christian writer or translator, not for the Greek Neoplatonic philosopher. I try to prove it by analyzing information from Armenian sources about philosopher David, and some other Davids who worked in Armenian literature and philosophy in the 5–7 centuries.

Keywords: David the Invincible, Armenia, Greek philosophy, translations, Classical Armenian, neoplatonism.

«ПОДАТЕЛИ СНА» (ὕπνος и Ἑρμῆς) У ГОМЕРА

В статье дано сравнительное описание двух персонажей гомеровского эпоса, наделённых способностью и погружать в сон, и пробуждать ото сна людей и богов. Приведена этимология существительного ὕπνος ‘сон’, используемого для наименования бога Сна (Ὑπνος); освещён сложный и спорный вопрос о происхождении имени Гермес (Ἑρμῆς), о названии *Гермесова холма* (Ἑρμῆος λόφος) как термина ландшафта.

Ключевые слова: гомеровский эпос, боги Гипнос и Гермес, эпитеты Гермеса, этимология имён.

Тема *сна* и *сновидений* занимает немалое место в поэмах Гомера. В «Илиаде» предаются сну не только *люди*, воины, участвующие в сражениях под Троей, которые, как известно, длились девять лет (на десятый год прорицателем Калхасом была предсказана гибель Трои), но и *боги*, наблюдающие за происходящими событиями, сочувствуя и помогая той или другой из враждующих сторон – ахейцам или троянцам. В «Одиссее» тема *сна* неоднократно встречается при описании долгих странствий главного героя поэмы, а также жизни его жены Пенелопы и их сына Телемаха, остававшихся в отсутствие отца на Итаке в течение двадцати лет.

Тема ложных или вещих *сновидений* также присутствует в гомеровском эпосе и находит своё отражение в нескольких снах героев поэм (например, вещий сон Пенелопы в 19-ой песни «Одиссеи», см. Грошева 2014: 117, также Ермолаева 2007; Протопопова 2002). Отметим, что для обозначения *сна* как физиологического процесса и для обозначения *сновидения* в древнегреческом языке употребляются различные слова:

в первом случае (*сон*) – весьма частотное ὕπνος (144 случая, но в них существительное ὕπνος далеко не всегда имеет при себе эпитет) или редкое κῶμα, а иногда – с метонимическим значением – κοῖτος: 1. койка, постель 2. *покой, сон* (Od. 2. 358 μήτηρ εἰς ὑπερῶν ἀναβῆ κοίτου τε μέδεται ‘в верхний покой (ὑπερ-ώιον ‘верхнее помещение’, ‘горница’, ‘светлица’) свой уйдёт Пенелопа (μήτηρ), о *сне* помышляя’);

во втором случае (сновидение) – ὄνειρος, ὄνειράτα, ὄναρ, как это уже было сказано в моей статье об эпитетах сна у Гомера (Грошева 2014: 116, прим. 24). Однако сновидения упоминаются у Гомера далеко не так часто, как просто сон. В новогреческом лексическое противопоставление сна и сновидения сохранилось: сон 1. (состояние) ὁ ὕπνος 2. (сновидение) τό ὄνειρο(v) (Иоаннидис 1966: 667).

В латинском языке сон и сновидение – однокоренные слова, различающиеся морфологически: *somnus*, *i m* 1) сон, дремота 2) сонливость, вялость; спячка, бездеятельность 3) *поэт.* ночь V.; *somnium*, *i n* 1) сон, сновидение 2) *pl. поэт.* сон, дрёма 3) игра воображения, вздор, бредни (*fabulae somnia!* Тер.) (Дворецкий 1986 : 717).

В настоящей статье также преимущественно на материале гомеровского эпоса будет рассмотрена небольшая группа слов, объединяемых общим с ὕπνος происхождением. Но прежде необходимо сказать о той оценке состояния сна, которую давали этому процессу сам Гомер и персонажи эпоса. О ценности сна, о благоговейном к нему отношении свидетельствует неоднократно встречающееся в обеих частях эпоса выражение ὕπνου δῶρον ‘дар сна’, которое по значимости можно сопоставить с δῶρα θεῶν ‘дары богов’ (Od. 18. 142), учитывая тот факт, что сон у греков был обожествлён (Ὑπνος). Приведём некоторые примеры. Так, в самом конце 9-ой книги «Илиады» Диомед, предводитель аргосских войск, советует вождям ахейцев оставить в покое Ахилла, не желающего им помогать против троянцев, а, подкрепившись пищей и вином, всем лечь спать, чтобы на другой день возобновить битву; все ему подчинились и, совершив возлияние, улеглись: Π. 9. 713 ἐνθα δὲ κοίμησαντο καὶ ὕπνου δῶρον ἔλοντο¹ ‘все предалися покою и сна насладились дарами’.

Хорошей иллюстрацией целебной роли сна в жизни людей могут служить, в частности, мудрые слова Пенелопы (Od. 20. 83–86), воспринимаемые как истина до настоящего времени:

¹ Это заключительная строка 9-ой песни «Илиады». Сходным образом заканчивается 16-ая песнь «Одиссеи»: Телемах, пастух Эвмей и Одиссей (в образе старца), приготовив ужин и насытившись питьём и едой, подумали о покое, и «сна благодать» ниспослали им боги» (Od. 16. 481 κοίτου τε μνήσαντο καὶ ὕπνου δῶρον ἔλοντο). Комментатор вносит уточняющую поправку в перевод Жуковского: в оригинале «и насладились даром сна» («Одиссея» 2000 : 427); см. также Od. 19. 427.

85 ἀλλὰ τὸ μὲν καὶ ἀνεκτὸν ἔχει κακόν, ὁππότε κέν τις
ἦματα μὲν κλαίῃ, πυκινῶς ἀκαχήμενος ἦτορ,
νύκτας δ' ὕπνος ἔχησιν – ὁ γάρ τ' ἐπέλησεν ἀπάντων,
ἔσθλων ἡδὲ κακῶν, ἐπεὶ ἄρ βλέφαρ' ἀμφικαλύψῃ

‘Но и тяжёлые скорби становятся легче, когда мы
В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,
Ночью в объятия сна предаёмся – мы всё забываем,
Зло и добро, лишь коснётся очей он целебной рукою’
(Пер. В. А. Жуковского).

Однако, дав столь высокую положительную оценку роли *сна* в жизни людей, Пенелопа тут же жалуется, что злой демон послал ей дурные *сновидения* (Od. 20.87 *ὄνειράτα κακὰ*). В приведённом отрывке чётко противопоставлены два взаимосвязанных понятия – *сон* (ὕπνος) и *сновидения* (ὄνειράτα); о технике описания сновидений у Гомера, в частности в «Одиссее», см. (Теперик 1999); для этой поэмы, по словам Т. Ф. Теперик, особенно характерен интерес к изображению снов и сновидений (там же : 88).

Значительность *сна* в греческой мифологии определяется наличием персонифицированной фигуры бога сна Гипноса (Ὕπνος)²; его вместе с братом Танатосом (Θάνατος), богом смерти, считали сыновьями Аида (Гесиод называет Смерть и Сон детьми Ночи³ – «Илиада» 1990 : 496). Сила Гипноса такова, что ему не могут противиться ни смертные, ни боги, ни даже сам громовержец Зевс, о чём красноречиво говорят слова его жены богини Геры: II.14. 233 Ὕπνε ἄναξ πάντων τε θεῶν πάντων τ' ἀνθρώπων ‘Сон, владыка всех богов и всех людей’⁴. Гера, видя

² Сновидение (ὄνειρος) у Гомера также персонифицировано: это «наиболее интересный персонаж, которому Зевс даёт указания, в кого превратиться и кому привидеться – с определённой целью» (Протопопова 2004).

³ Богиня Ночь родила целый сонм ужасных божеств: Танатоса – смерть, Эриду – раздор, Апату – обман, Кер – уничтожение, Гипноса – с роем мрачных, тяжёлых видений, не знающую пощады Немесиду – отмщение за преступления, и много других (Кун 1957: 18).

⁴ Согласно комментарию Ломана (Lohmann *Reden* 84), обращение Геры с просьбой к Гипносу является пародией на молитву, строившуюся по определённому образцу и включавшую а) обращение к почтенному адресату б) напоминание о прошлых его услугах в) просьбу о помощи в настоящее время. Для пародии характерно употребление стандартных формул: πάντων τε θεῶν πάντων τ' ἀνθρώπων является гимнической фразой (цитируется по Janko 1992 : 188).

неудачу ахейцев в сражениях с троянцами, решила помочь им хитростью: погрузить Зевса, сторонника троянцев, в сон, а пока он будет спать, дать победу ахейцам. Ей пришлось долго уговаривать Гипноса усыпить громовержца, тот отказывался, боясь прогневить Зевса, но, наконец, согласился. Вместе с богом Сна примчалась Гера на вершину горы Иды (в Малой Азии, у Трои), где в то время пребывал Зевс, там Сон тайно укрылся на громадной ели под видом сладкогласной птицы и погрузил Зевса в сон. Единственный эпитет, которым Гомер наделяет Гипноса, – прилагательное νῆδυμος ‘сладкий, сладостный’, значение которого для характеристики сна как физиологического процесса является наиболее типическим.

Совсем другую роль выполняет Гипнос вместе со своим братом-близнецом Смертью в 16-ой песни «Илиады» (Π. 16. 454): по поручению Зевса им надлежит отнести для погребения тело вождя ликийцев Сарпедона, убитого Патроком, в его родную Ликию. По мнению М. Лакор, в этом эпизоде могущество Сна не имеет никакого значения, он появляется как простой исполнитель, тем не менее наделённый своим постоянным эпитетом νῆδυμος (Lacore 1997 : 30). Важно также отметить, что Гипнос как бог Сна действует только в «Илиаде».

Но и другой персонаж гомеровского эпоса обладает способностью своим волшебным жезлом по собственной воле наводить сон на бодрствующих – и людей, и богов – и отверзать затворённые сном очи спящих – это Гермес (Ἑρμῆς); другие формы имени в русской передаче – Гермий, Эрмий, также Эриуний⁵, букв. ‘благодетельный’ («Илиада» 1990: 534); ‘спешащий на помощь, оказывающий помощь, благодетельствующий’ (Дворецкий 1958: 663), сын Зевса и богини Майи, один из древнейших богов Греции. Гермес первоначально олицетворял могучие силы природы. Позднее он становится богом

⁵ Эриуний (греч. ἐριούνιος) по сути является эпитетом Гермеса, однако этот эпитет Гомер иногда употребляет вместо имени бога – Π. 24.360, 440, 682; точно так же обстоит дело и с эпитетом Ἀργεῖφόντης, см. ниже прим. 7. Помимо прилагательного ἐριούνιος (Π. 20. 72, 24. 360) ‘приносящий большое благополучие, податель благ’, Гермес у Гомера получает эпитеты σῶκος (Π. 20.72) ‘крепкий, могучий’, κρατὺς (Π. 16. 181, Od. 5. 49) ‘сильный, могучий’, ἀκάκητα (Π. 16. 185, Od. 24. 10) ‘податель помощи, благодетель’, χρυσόρρατις (Od. 5.87) ‘с золотым жезлом’, ἐύσκοπος (Od. 1. 38, Π. 24. 24) ‘зоркий’, πομπός (Π. 24. 182) ‘провожающий, сопровождающий’, διάκτορος (Π. 2.103, Od. 8.335) , ‘посланник, вестник, гонец’.

скотоводства, покровителем пастухов⁶. В культе Гермеса и мифах имелись черты, характерные для подземного божества, – Гермес сопровождает души умерших в Аид. Постепенно Гермесу присваивались всё новые и новые функции. Он становится вестником Олимпийских богов, глашатаем Зевса (Мифологический словарь 1959: 51).

В гомеровском эпосе Гермес прежде всего посланник богов и проводник душ умерших в подземное царство Аида. Но для нашей темы фигура Гермеса представляет интерес в основном как двойника Гипноса, в отличие от которого он является действующим лицом и в «Илиаде», и в «Одиссее». Выполнение одной и той же функции – насыпать сон и пробуждать ото сна – Гипносом, сыном Аида, и Гермесом, сыном Зевса, нуждается в объяснении (пока нигде в комментариях к гомеровскому эпосу этот факт одинаковой функции у двух богов не отмечен или же мною не найден). Можно предположить, что в рассмотренном выше эпизоде из 14-ой песни «Илиады» Гера намеренно обратилась к Гипносу со своей просьбой усыпить Зевса, а не к Гермесу, который вряд ли бы согласился усыплять верховного бога, собственного отца.

Роль Гермеса как двойника Гипноса наиболее заметна в 24-ой песни «Илиады», повествующей о выкупе у Ахилла тела Гектора его отцом Приамом, царём Трои. Зевс среди троянцев более всех любил Гектора, и Ахилл должен был подчиниться воле богов – выдать труп главного защитника Трои. Проводить Приама в стан ахейцев Зевс поручил Гермесу, своему «милому сыну» (οἶόν φίλον – II. 24. 333):

⁶ В 14-ой песни «Одиссеи» (Od. 14. 435) свинопас Эвмей, моля богов о возвращении домой Одиссея, рубит для жарки на семь частей жертвенную свинью; первую её часть он посвятил нимфам и *Гермесу* (Эрмию) – нимфам как местным божествам Итаки, *Гермесу* как покровителю путешественников («Одиссея» 2000 : 422), что свидетельствует ещё об одном виде поклонения этому божеству

II. 24. 339–344

ὥς ἔφατ', οὐδ' ἀπίθησε διάκτορος ἀργεῖφόντης⁷.
 340 αὐτίκ' ἔπειθ' ὑπὸ ποσσὶν ἐδήσατο καλὰ πέδιλα
 ἀμβρόσια χρύσεια, τὰ μιν φέρον ἡμὲν ἐφ' ὕγρην
 ἡδ' ἐπ' ἀπείρονα γαῖαν ἅμα πνοῆς ἀνέμοιο:
 εἴλετο δὲ ῥάβδον, τῇ τ' ἀνδρῶν ὄμματα θέλγει
 ὧν ἐθέλει, τοὺς δ' αὖτε καὶ ὑπνώοντας ἐγείρει:

‘Так произнёс, – и ему повинуется Гермес посланник:
 Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы⁸ златые,
 Вечные; бога они и над влажною носят водою,
 И над землёй беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
 Жезл берёт он, которым у смертных, по воле всесильной,
 Сном смыкает он очи, или отверзает у спящих ...’.
 (Пер. Н. И. Гнедича).

⁷ Аргус – стокий страж прекрасной Ио, превращённой ревнивой Герой в корову. Гермес, по поручению своего отца Зевса, должен был похитить Ио. Сначала Аргус *был усыплен* речами Гермеса, а едва сомкнулись сто очей стража (обычно во время сна часть его глаз бодрствовала), Гермес одним ударом меча отсек ему голову. Так гласит миф (Кун 1957: 31). Со своей стороны, хотим отметить, что неоднократно замена имени Ἑρμῆς субстантивом Ἀργεῖφόντης ‘убийца Аргуса’ в гомеровском эпосе, на взгляд современного читателя, резко контрастирует с прочими положительными (или нейтральными) эпитетами Гермеса. Впрочем, следует учитывать, что Гермес действовал не по собственной инициативе, а подчиняясь воле Зевса; к тому же мы не знаем об отношении древних греков к этому поступку Гермеса. Приведём и другие трактовки эпитета Ἀργεῖφόντης: Вл. Краузе в «Гомеровском словаре» даёт для Ἀργεῖφόντης значение ‘ярко-сияющий’, добавляя при этом, что благодаря переосмыслению данного эпитета возникло предание об убийстве Гермесом Аргуса (Краузе 1896 : 68); см. второе объяснение Ἀργεῖφόντης в «Древнегреческо-русском словаре» И. Х. Дворецкого: ἀργῆς (‘ярко-белый, светлый, сияющий’) + φαῖνω (‘светить’) = ‘светозарный’ (Дворецкий 1958 : 229). Колебания в понимании рассматриваемого эпитета Гермеса отмечено и комментаторами переводных изданий гомеровского эпоса: «Действительный смысл эпитета «аргеифонтес» остаётся до сих пор загадочным» («Илиада» 1935, Словарь географических и мифологических терминов, стр. 666); («о значении его /– Гермеса/ эпитета Ἀργεῖφόντης среди исследователей нет согласия»: «Одиссея» 2000: 469). В данном месте (II. 24. 339) эпитет Гермеса Ἀργεῖφόντης ‘убийца Аргуса’ в переводе Гнедича отсутствует. В значении *убийца* у Гомера отмечено сущ. φονεύς, ἑως: II. 18. 335 μεγαθύμου σοῖο φονῆος ‘твоего гордого убийцы’ (*убийца* – о Гекторе: слова, произнесённые Ахиллом над трупом Патрокла).

⁸ Плесницы – подошвы, сандалии.

Чтобы проводить Приама в стан греков, Гермес принял вид прекрасного юноши и назвался слугой Ахилла. У ворот стана ахейцев стояла стража, но *Гермес погрузил её в сон* (Π. 24. 445 τοῖσι δ' ἐφ' ὕπνον ἔχευε διάκτορος ἀργεῖφόντης / πᾶσιν) и провёл Приама к шатру Ахилла. Там Гермес признался старцу, кто он (Π. 24. 460 ἦτοι ἐγὼ θεὸς ἄμβροτος εἰλήλουθα (эп. pf. к ἔρχομαι), Ἑρμείας «Бог пред тобою <...> с Олимпа нисшедший Гермес»), и велел ему смело идти в шатёр, а сам вознёсся на Олимп (Π. 24. 468). Выдав тело Гектора Приаму, Ахилл пригласил старца на ужин, по окончании которого Приам попросил разрешения подкрепиться сном, ибо он не спал со времени гибели сына. Заснули все: Ахилл, возле его шатра Приам со спутником Идеем, и воины, и боги: не спал лишь податель благ Гермес⁹, боясь, что кто-нибудь увидит Приама и потребует с него выкуп. *Разбудив Приама*,¹⁰ бог сам запряг коней и мулов и вывел всех тайно из стана ахейцев и лишь после этого снова вознёсся на Олимп. Таким образом, в этом эпизоде «Илиады» Гермес выступил в двойной роли: будучи проводником Приама, он проявил также свою способность и наводить на кого-либо сон и лишать сна¹¹.

Однако чаще Гермес в гомеровском эпосе выступает в роли вестника, сообщающего волю богов тому или другому герою повествования. Так, например, на совете богов было решено

⁹ Π. 24. 679 ἀλλ' οὐχ Ἑρμείαν ἐριούνιον ὕπνος ἔμαρπτεν. Напомним, что Гермес, проводив Приама в стан ахейцев, вернулся на Олимп (Π. 24. 468).

¹⁰ По мнению И. Протопоповой, в этом эпизоде, когда Гермес, встав над изголовьем спящего Приама, побуждает его бежать из стана Ахилла с телом Гектора, «речь идёт о явлениях во сне, но слова ὄνειρος (или его вариантов) нет», как и в явлении Ахиллу души Патрокла (Π. 23.62 sq.) (Протопопова 2002). Однако нет упоминания о новом возвращении Гермеса с Олимпа, где он очевидно ночевал, на землю: сообщается лишь (Π. 24. 690–694), что Гермес запряг коней и мулов Приама и вывел всех обратным путём через стан ахейцев до брода реки Ксанфа, и только после этого «... благотельный Гермес обратно вознёсся к Олимпу» (Π. 24. 694 Ἑρμείας μὲν ἔπειτ' ἀλέβη πρὸς μακρὸν Ὀλύμπου): эпитета ἐριούνιος «благотельный» в данном стихе нет, он добавлен переводчиком.

¹¹ Возможно, и другие боги обладали способностью погружать кого-либо в сон с определённой целью: так, например, говорится о Посейдоне, что он «пролил сон» (κατὰ δ' ὕπνον ἔχευεν – Od. 11.245) на очи «благороднорождённой» Тиро, желая насладиться с нею любовью; от этого союза Тиро родила Нелея и Пелия.

вернуть на родину Одиссея («Одиссея», 5-ая песнь), семь лет томившегося на острове Огигии у нимфы Калипсо: Зевс посылает к ней «быстрого, как мысль», Гермеса, описание которого (но уже в переводе В. А. Жуковского) почти полностью соответствует его описанию в приведённом выше отрывке из 24-ой песни «Илиады», поэтому греческий текст опускаем:

Од. 5. 43–48:

«... И медлить не стал благовестник, Аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амвросиальные, всюду его над водой и над твёрдым
Лоном земли беспредельныя лёгким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворённые очи у спящих».

И в нижеследующей 49-ой строке Гомер не преминул ещё раз упомянуть *жезл*, один из важных, постоянных атрибутов Гермеса и как подателя сна, и как вестника: Od. 5.49 τὴν (=ῥάβδον) μετὰ χερσὶν ἔχων πέτετο κρατὺς ἀργεῖφόντης ‘В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса’. Выполнив порученную ему миссию, Гермес удалился (Od. 5.148 ἀπέβη κρατὺς ἀργεῖφόντης).

Упоминание имени Гермеса как *подателя сна* имеется и в 7 ой песни «Одиссеи», повествующей о пребывании Одиссея у Алкиноя, царя феаков. Дворец Алкиноя своим богатством поразил пришельца: он долго глядел на всё «с изумленьем великим», пока не решился войти в дом. И здесь он увидел феакийских вождей и старейшин, совершавших вином возлияние «зоркому богу Гермесу» (ἐνσκόβῳ ἀργεῖφόντῃ), которому делали это всегда *в последнюю очередь* – перед тем как отойти *ко сну* (Od. 7.138 ὃ πρῶτῳ σπένδεσθον, ὅτε μνησαίῃτο κοῖτου «он (Гермес) от грядущих *ко сну* был всегда призываем последним», «так как Гермес (*убийца Аргуса*) считался подателем сна», см. Od. 5. 47–49 («Одиссея» 2000 : 391).

И ещё об одной роли Гермеса следует упомянуть. В последней песни «Одиссеи» Гермес с помощью своего жезла¹² вызывает души из трупов женихов Пенелопы и сопровождает их в

¹² В очередной раз даётся описание *жезла* Гермеса и его применения: Од. 24. 3–4 Ἑρμῆς, ἔχοντα в руке «свой жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых / Сон, отверзающий сном затворённые очи у сонных)». Но в этом эпизоде жезл нужен Гермесу как проводнику душ умерших.

Аид. Гомер описывает их путь к поросшему асфоделем¹³ лугу, где обитают души умерших, и упоминает, в том числе, область (или царство, или страну) сновидений – δῆμος Ὀνειρώων (Od. 24. 12). Как явствует из комментария к данному месту, речь идёт о «народе снов», то есть о снах, являющихся ночью и потому проживающих опять же на западе, где обитает Ночь (сны – её сыновья. См.: Гесиод, Теог. 212) («Одиссея» 2000: 449)¹⁴.

Обратимся к словам, производным от ὕπνος. В «Этимологическом словаре греческого языка» Шантрена сначала приводятся сложные образования, где ὕπνος находится в первой части слова, например ὕπνο-δότης ‘дающий сон’, ὕπνο-φόρος ‘приносящий сон’, не отмеченные у Гомера, хотя по своему значению они вполне могли бы быть эпитетами Гипноса или Гермеса. Образований, включающих ὕπνος во второй части сложного слова, насчитывается около 30, но у Гомера таких немного. К их числу относится прилагательное ἄ-υπνος: 1. (о времени) ‘бессонный’: П. 9. 325 ὥς καὶ ἐγὼ πολλὰς μὲν ἄυπνους νύκτας ἴαυον «так я под Троей сколько ночей проводил бессонных» (слова Ахилла); 2. (о человеке) ‘не спящий, не могущий заснуть’: Od. 19. 591 ἀλλ’ οὐ γὰρ πῶς ἔστιν ἄυπνους ἔμμεναι αἰεὶ / ἀνθρώπους «но вовсе без сна (– не спящим) оставаться нам слабым / Смертным не должно» (слова Пенелопы)¹⁵; редкие композиты на -υπνιος, главным образом в адвербиальной форме ἐν-υπνιον ‘во время сна’: П. 2. 56 κλῦτε φίλοι: θεῖός μοι ἐνύπνιον ἦλθεν Ὀνειρός¹⁶ «Друзи! *объятому сном*, в тишине амброзической ночи, / Дивный явился мне Сон... (= Сновидение)» (слова Агамемнона). Отмечено также причастие ὑπνῶντας ‘предававшихся сну’ от глагола ὑπνώω ‘спать’ (см. выше, с. 18, П. 24. 344 = Od. 5. 48, также Od. 24. 4).

Что касается этимологии ὕπνος, оно входит в большую семью индоевропейских слов, обозначающих общее понятие *сон*

¹³ Асфодель – растение, похожее на лилию. Его корни употребляли в пищу бедные люди («Одиссея» 2000: 412).

¹⁴ «Обитает Ночь в Аиде и ежедневно покидает его через западные ворота, неся на руках Гипноса и Танатоса» («Мифологический словарь» 1959: 128).

¹⁵ Нельзя не привести здесь один образец житейской мудрости, изречённый в «Одиссее» пастухом Эвмеем: Od. 10. 84 ἐνθα κ’ ἄυπνος ἀνὴρ δοιοὺς ἐξήρατο μισθοῦς «легко б *несонливый* работник / Плату двойную там мог получить» (– о *неленивом* пастухе, который бы днём пас баранов, а ночью – быков).

¹⁶ П. 2. 56 = Od. 14. 495.

(Chantraine 1968–1980: 1159). Греч. ὕπνος ‘сон’ объединяется в одну группу с др.-ирл. *sīan* ‘сон’, уэльск. *hyn* ‘сон’, латин. *somnus*¹⁷ ‘сон’, лит. *sāpnas* ‘сновидение’. латыш. *sapnis* ‘сновидение’, то есть с кельтскими, итальянским и балтийскими языками; общая праформа *sṓpnos. Во вторую группу (праформа *sṓēpnos) объединяются германские формы, авестийская, древнеиндийская (индоиранская могла быть < *sṓpnos), тохарские А и В. В третью группу (праформа *supnós) включены ст.-слав. *synŭ* ‘сон’, алб. *gjutë*¹⁸ ‘сон’, арм. *k'un* ‘сон’. В совокупности все эти приведенные дериваты (отсутствует лишь хеттское соответствие) предполагают древнее существительное *sṓpnr̥ ~ *sṓēpnr̥ (род. п. *supnós), построенное как основа на -no- уже в позднем протоиндоевропейском. В любом случае это слово широко распространённое и древнее в индоевропейском языке (ЕИЕС 1997: 527), относящееся во всех перечисленных языках к базисному слою лексики, а точнее к ядерному базисному слою (ЯБС), поскольку *сон* обозначает важную физиологическую функцию (Дёрфер 1981).

Имя бога Сна (ὕπνος) у греков идентично обозначению понятия *сон*. Значительно сложнее обстоит дело с происхождением имени Гермеса (Ἑρμῆς) – персонажа, выполняющего несколько функций и наделяемого множеством разнообразных эпитетов. Этим же словом (обычно во мн. ч.) ἑρμῆς обозначали *герму* (столб, стелу) – невысокую четырёхгранную колонну с головой Гермеса наверху, реже – другого божества; такие ἑρμαῖ устанавливались на улицах, площадях, перекрёстках и т. п. (Дворецкий 1958: 665). В «Этимологическом словаре греческого языка» П. Шантрена имени Ἑρμῆς посвящена большая статья.

¹⁷ Латин. *somnus* может быть < *suepnos, т. е. входить во 2-ю группу.

¹⁸ Кажущаяся необычной форма приведённого у Шантрена соответствия из албанского языка подкрепляется данными «Албанского этимологического словаря»: Алб. *gjutë* ‘сон’ из протоалб. *supna, идентичного именному производному от и.-е. *suer- ‘спать’ – *sup-no (Orel 1998: 138). Общеиндоевропейское наследие на протяжении I тыс. н. э. подверглось в албанском языке коренным преобразованиям, что «принципиально ограничивает возможности использования языкового материала в этимологических исследованиях, по сравнению с ситуацией в других языках» (Жугра, Каминская 1999: 121–122). Кроме того, отметим отсутствие у Шантрена соответствия из хеттского языка со значением *сон*, которое, однако, включено в статью *sṓēpnr̥- ‘засыпать’ в «Словаре индоевропейских имен» в форме *sṓēpnr̥-, правда, со знаком вопроса (? хетт. *su(a)ppar- предположительно от *suppariia* ‘спать’, *supparant-* ‘сонный’) (NIL 2008* 675).

Помимо сведений о разнообразных формах имени бога, со ссылкой на работу Соколовского (Sokolowski 1969: 64) сообщается, что гапакс ἐρμητής в Эритрее, по-видимому, означал жертвенный пирог, ср. ἐρμῆς пирог в форме жезла вестника (глашатая) (согласно Гесихию, ср.: Schwyzer: 694). В «Одиссее» отмечено производное прилагательное Ἑρμαῖος 'принадлежащий Гермесу': Od. 16. 471 ἦδη ὑπὲρ πόλιος, ὅθι θ' Ἑρμαῖος λόφος ἐστίν, / ἦα κίον 'Когда я шёл уже за пределами города, (там), где находится холм Гермеса...'¹⁹. Для обозначения «дара Гермеса» – неожиданной удачи – употребляли существительное ἔρμαιον, τό, а у Диоскорида оно является названием растения. Имя Гермеса в форме e-та-а₂ зафиксировано в микенском²⁰. Виламовиц, а также Нильссон, по словам Шантрена, остроумно образуют имя бога от ἔρμα 1 'камни или балки, бруссы, поддерживающие корабль, вытасканный на сушу', причём Виламовиц производит имя Гермеса от названия столба с его изображением, Нильссон – от груды камней. Однако, – возражает Шантрен, – существование столба, увенчанного головой бога, является *позднейшим* по отношению к его имени. Этот анализ не исключает эгейское

¹⁹ Перевод этих слов пастуха Эвмея В. А. Жуковским («...на вершине Эрмейского холма /Был я») в комментарии («Одиссея» 2000: 427) подвергнут критическому разбору и взамен предложен перевод, соответствующий оригиналу, включенный нами в статью. Помимо этого, приводится также иное толкование сочетания Ἑρμαῖος λόφος: некоторые исследователи понимают под ним грудку камней, которую моряки и странники воздвигали Гермесу в благодарность за благополучное возвращение: к поставленной вертикально плоской каменной стене каждый, кто желал почтить бога, добавлял несколько камней. Забираться на вершину такого холма было бы и вовсе святотатством – сказано в комментарии. В «Гомеровском словаре» Краузе уточняется, что Ἑρμαῖος λόφος 'гермесов холм' – это отрог горы Нейона на Итаке (Краузе 1896: 184). Гора Нейон упомянута в 1-ой песни «Одиссеи». Афина, принявшая образ Ментеса, предводителя тафийцев, пришла к дому Одиссея, где в ожидании пира находились женихи Пенелопы. Ментес рассказывает Телемаху, что он вместе со своими людьми приплыл на корабле на Итаку; корабль же он «поставил под склоном Нейона лесистым / На поле, в пристани Ретре (Od. 1.186 ἐν λιμένι Ρεῖθρφ ὑπὸ Νηΐω ὑλήεντι), далёко от города». Нам представляется вполне возможным, что Ἑρμαῖος λόφος было привычным местом стоянки кораблей, приплывающих на Итаку, этот небольшой утёсистый остров, а название холма не было непосредственно связано с именем Гермеса и было обязано установленной там мореплавателями герме.

²⁰ См. Казанскене, Казанский 1986: 142, раздел «Мифология и культы».

происхождение слова ἔρμα, «вопреки его виду (aspect) равным образом лишённого этимологии». Ещё один учёный (Bosshardt), прельщённый сходством имени бога с ἑρμηνεύς ‘истолкователь и т. п.’, считает, что Гермес был «посредником между богами и людьми, интерпретатором» (?); он предполагает эгейское происхождение имени (Chantraine 1970: 373). Таким образом, несмотря на предложенные гипотезы, окончательного решения вопрос об этимологии имени Ἑρμῆς не получил²¹, что подтверждается и новейшими исследованиями.

В последнем по времени «Этимологическом словаре греческого языка» (Beekes 2010) статья о Ἑρμῆς, οὔ – Гермес, сын Зевса и Майи; также ‘герма, голова гермы’ (Π.) снабжена знаком PG, означающим, что слово несомненно принадлежит догреческому субстрату (Pre-Greek substrate language). Далее приводятся различные формы имени Ἑρμῆς, отмеченные у отдельных авторов или в диалектах, в том числе мик. E-ma-a₂ (dat.), а затем, как в словаре Шантрена, различные деривативы, среди которых только один отмеченный у Гомера – уже упомянутый Ἑρμαῖος λόφος (с пометой «если только не из ἔρμα»²²). Что касается этимологии, здесь внесены некоторые уточнения: мик. E-ma-a₂ /Hermāhās/ представляет собой исходную форму и исключает старую форму с суффиксом *-aFwn, предложенную, например, для Ἑρμᾶν и Ἑρμάων (Hes.). Таким образом, связь с ἔρμα 1 ‘опора, подпорка’ должна быть отброшена, так как модель для суффиксации на -ahas неясна. Микенская форма показывает, что это может быть догреческое имя (Beekes 2010 : 462).

Как уже было сказано, нет полной ясности и в вопросе об этимологии существительного ἔρμα ‘столб; опора’. Я. Фриск (Frisk 1954: 561 sqq.) посвящает большую статью семантическому и этимологическому анализу греч. herma, отмечая, что это слово из-за сильно расходящихся конкретных значений²³

²¹ Приходится признать, что заключение о происхождении имени Гермеса, приведённое в словаре Э. Бузака 90 лет тому назад (“L’étymologie de Ἑρμῆς est inconnue” – Boisacq 1923: 282, прим. 3) до сих пор остаётся в силе.

²² См. прим. 19.

²³ В «Илиаде» встречается форма мн.ч. ἔρματα в значении ‘камни или брёвна’, которые укладывались на берегу под днища кораблей, чтобы они стояли прямо и не были унесены приливом в море (Π. 1. 486); в переносном значении (о людях) ἔρμα у Гомера – ‘опора, оплот’ (Π. 16. 549 о Сарпедоне, царе ликийцев). У других авторов herma может означать утёс или подводную скалу, на которую наскочил корабль;

представляет существенные трудности для объяснения, поэтому нет ничего удивительного в том, что исследователи видят в нём два или даже три различных по происхождению слова. Первым рассматривается значение ‘утёс’, ‘подводный камень’, ‘риф’, ‘холм’, идентифицирующее греч. ἔρμα с др.-инд. *varṣmān*- ‘возвышенность, холм, вершина’. По замечанию Фриска, эта этимология оставляет без внимания важнейшую семантическую особенность греческого слова, обозначающего именно **подводные** утёсы, что очевидно расценивается как недостаток. Критически относится Фриск к попытке Порцига (Porzig 1942: 266) свести воедино все три значения ἔρμα, исходя из первоначального ‘камень’, откуда далее ‘балласт’, а третье значение якобы возникло в языке мореплавателей как ироническое обозначение ‘подводных камней, рифов’²⁴. Подчёркивая прочную закреплённость греч. ἔρμα в профессиональной морской терминологии, Фриск, не будучи вполне уверенным в его индоевропейском происхождении, отдаёт предпочтение *возможной* (курсив мой – А. Г.) связи греческого термина с литов. *sverìi* ‘взвешивать’, *svarùs* ‘тяжёлый’, др.-в.-нем. *swār(i)* ‘тяжёлый’; «тогда первоначальным значением (ἔρμα) было бы ‘тяжёлый вес’, ‘тяжёлый камень’, ‘каменная глыба’, ‘межевой камень’, и.-е. **suǵer-mn̥*» (Frisk 1954: 563). Однако в «Энциклопедии индоевропейской культуры» для корня **suǵer-* ‘столб, брус’, наряду с греч. ἔρμα (< **suǵerm̥*) ‘опора, подпорка’, приводятся совсем другие соответствия: лат. *surus* ‘шест, кол’, др.-англ. *sweor* ‘столб’, ср.-в.-нем. *swir* ‘причальный столб’, др.-инд. *sváru-* ‘жертвенный столб, кол’. Несмотря на то, что корень **suǵer-* скудно представлен (латинская, германские, греческая и древнеиндийская формы), географическое распространение приведённых соответствий, как полагают авторы статьи об этом индоевропейском корне, по-видимому, гарантирует его протоиндоевропейский статус, невзирая на то, что точная исходная форма корня не может быть реконструирована (ЕИЕС 1997: 442).

камень, используемый на корабле как груз или балласт; груду камней, каменную глыбу.

²⁴ П. Шантрэн разделяет мнение Я. Фриска: употребление ἔρμα в трёх различных значениях, сведённых к значению ‘камень’, не позволяет установить для этого производного на -μα слова, имеющего древнюю структуру, приемлемую индоевропейскую этимологию (Chantraine 1968: 373).

Хотя существительное λόφος ‘холм’ не имеет непосредственного отношения к теме нашей статьи, посвящённой фигурам Гипноса и Гермеса, оно представляет интерес с семантической точки зрения. Прежде всего следует отметить значения этого слова у Гомера (по Beekes 2010): 1. шея (человека) Π. 10. 573 κνήμας τε ἰδὲ λόφον ἄμφι τε μηρούς ‘<пот и прах смывали> на голеньях, шее и бёдрах’; шея (или грива) коня Π. 23. 508 ἵππων ἔκ τε λόφον καὶ ἀπὸ στέρνοιο χαμᾶζε ‘с пламенных коней пот и с шей, и с груди (лился) на землю’; 2. гребень (на шлеме), султан Od. 22. 124 ἵππουρίν, δεινὸν δὲ λόφος καθύπερθεν ἔνευεν «страшно *султан* наверху развевался»; 3. холм, возвышение Od. 11. 596 (о Сизифе) λαῶν ἄνω ὄθεσκε ποτὶ λόφον ‘камень катил он *в гору* (= к вершине холма)’. Некоторые греческие авторы сообщают, что *гребень шлема* – это карийское изобретение, поэтому Шульце (Schulze 1892: 257, 4) считает λόφος в этом значении карийским заимствованием, которое он отделяет от λόφος ‘шея’. Однако Бекес полагает, что это мнение несостоятельно; ссылаясь на более позднюю работу того же автора (Schulze 1933a: 252), Бекес считает приемлемой связь λόφος с τοχ. *A lap* ‘голова’, если признать, что в греческом слове первоначальным значением было ‘гребень, макушка, темя, голова’ (Beekes 2010: 873), или ‘шея’, как у Гомера. Соматизм *шея* в ряду других органов и частей человеческого тела относится к базисной лексике, которую принято считать древнейшим слоем любого языка, наименее подверженным изменениям и заимствованиям; впрочем, по классификации Г. Дёрфера, *шея* находится в промежуточном слое базисной лексики – между ядерными (ЯБС) и периферийными (ПБС) словами (Дёрфер 1981: 39). Особенностью некоторых соматизмов является метафорическое использование их для именованя элементов ландшафта, что рассматривается лингвистами как семантическая универсалия (Ульманн 1970). Как нам представляется, ситуация с греч. λόφος у Гомера может служить наглядным примером такого перехода (шея → возвышение, холм). В новогреческом λόφος сохранилось лишь в значении ‘возвышенность’, ‘холм’ (Сальнов 1965: 183).

Заключение

В настоящей статье была сделана попытка сопоставить образы двух мифологических персонажей гомеровского эпоса – бога Сна (Ύπνος) и Гермеса (Ἑρμῆς) – юного бога, подателя успеха и всяческого рода удач людям, посланника Зевса к богам

и к смертным («Илиада» 1935: 669, Словарь географических и мифологических терминов). При всём различии этих фигур, их сближает между собой то, что они оба наделены способностью как «наводить сон» на людей или богов, то есть усыплять, так и, пробуждая, «отверзать затворённые сном очи спящих». Оба персонажа обычно действуют не по собственной воле, а по волеизъявлению, приказанию какого-либо верховного божества, чаще всего Зевса, также Геры или Афины. У Гомера нет описания внешнего вида бога Сна, тогда как описание Гермеса даёт весьма наглядное представление о его облике. Единственный, постоянный эпитет Гипноса у Гомера – прилагательное *νῆδυμος* ‘сладкий’, Гермес же наделён несколькими эпитетами, что, очевидно, связано с немалым числом выполняемых им функций и участием в различных эпизодах «Илиады» и «Одиссеи»; рассмотрению всех гомеровских эпитетов Гермеса будет посвящено отдельное исследование. Имя бога Сна *Ύπνος* тождественно обозначению понятия *сон* и с точки зрения происхождения не нуждается в особом объяснении. Напротив, все попытки предложить надёжную этимологию греч. *Ἑρμῆς* не увенчались успехом, что в конечном итоге привело к предположению о догреческом происхождении этого имени. Двойное толкование имеет и многократно встречающийся эпитет Гермеса *Ἀργεῖ-φόντης*, нередко употребляемый Гомером вместо имени *Ἑρμῆς*.

Литература

- Грошева 2014 – Грошева А. В. Эпитеты *сна* (*ῥπνος*) в поэмах Гомера // *Acta linguistica petropolitana*. Т. X, ч. 1. СПб., 2014. С. 104–122.
- Дёрфер 1981 – Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // *Вопросы языкознания*. 1981, № 4. С. 35–44.
- Ермолаева 2007 – Ермолаева Е. Л. О ложных снах, слоновой кости и глаголе *ἐλεφαίρομαι* (Od. 19. 560–569) // *Tradita non explorata*. Исследования по классической филологии и истории антиковедения. СПб.: 2007 (= *Philologica classica*. Вып. 7). С. 3–14.
- Жугра, Каминская 1999 – Жугра А. В., Каминская Л. Н. Некоторые проблемы этимологического изучения албанской лексики (по материалам работ Чабея) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология–III*. Материалы чтений, посвящённых памяти проф. И. М. Тронского. 14–16 июня 1999 г. С. 121–123.
- Казанскене, Казанский 1986 – Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л.: «Наука», 1986.
- Кун – Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. Изд. 4-е. М.: 1957.

- Протопопова 2004 – Протопопова И. А. Двусмысленность зримого (несколько замечаний о сновидениях в античной Греции) // Труды Российской антропологической школы. Вып. 2. М., 2004.
- Протопопова 2002 – Протопопова И. А. Сновидения у Гомера и Платона: ONEIROS и CHORA // Сны и видения в народной культуре. М.: 2002.
- Теперик 1999 – Теперик Т. Ф. Типология изображения сновидений в эпосе Гомера (на материале «Одиссеи») // Индоевропейское языкознание и классическая филология–III. Материалы чтений, посвящённых памяти проф. И. М. Тронского. 14–16 июня 1999 г. С. 87–89.
- Ульманн 1970 – Ульманн С. Семантические универсалии. Пер. с английского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5 (Языковые универсалии). М.: «Прогресс», 1970. С. 277–281.
- Janko 1992 – Janko R. The Iliad: A Commentary. Vol. IV.: books 13–16. Cambridge Univ. Press, 1992.
- Lacore 1997 – Lacore M. Νήδυμος ὕπνος // GAIA: Revue interdisciplinaire sur la Grece Archaique. 1997. N. 1–2. P. 13–40.
- Porzig 1942 – W. Porzig. Die Namen für Satzinhalte im Griechischen und Indogermanischen. Berlin, 1942.
- Schulze 1933 – W. Schulze. Kleine Schriften. Göttingen, 1933.
- Schulze 1892 – W. Schulze. Quaestiones epicae. Gütersloh, 1892.
- Schwyzler 1939, 1950 – E. Schwyzler Griechische Grammatik, I-II. Munich, 1939, 1950.
- Sokolowski 1969 – Sokolowski Fr. Lois sacrées des cités grecques. Paris, 1969.

Словари

- Дворецкий 1986 – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 3-е, исправленное. М.: «Русский язык», 1986.
- Дворецкий 1958 – Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1–2. Под ред. проф. С. И. Соболевского М.: 1958.
- Иоаннидис 1966 – Иоаннидис А. А. Русско-новогреческий словарь. Под ред. Т. Пападопулоса и Д. Спатиса. М.: «Советская энциклопедия», 1966.
- Краузе 1896 – Краузе Вл. Гомеровский словарь (к Илиаде и Одиссее). Изд. 2-е, пересмотренное и дополненное составителем. С.-Петербург, 1896.
- Мифологический словарь 1959 – Мифологический словарь / Составители М. Н. Ботвинник, М.А. Коган и др. Л., 1959.
- Сальнов 1965 – Новогреческо-русский словарь / Составитель Сальнов Н. А. М., 1965.
- Beekes 2010 – Beekes Robert S. P. Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Boisacq 1923 – Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2 ed. Heidelberg; Paris. 1923.
- Chantraine 1968–1980 – P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots. Paris, 1968–1980.

- EIEC 1997 – Encyclopedia of Indo-European culture / eds. Mallory J., Adams D. Q. London; Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997.
- Frisk 1954–1970 – Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.
- LSJ 1996 – A Greek-English Lexicon. Ninth Edition with Revised Supplement / H. G. Liddell and R. Scott. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie, and with the co-operation of many scholars. Supplement edited by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- NIL – Nomina im Indogermanischen Lexikon. Wodtko D. S., Irslinger B., Schneider C. Universitätsverlag. Winter. Heidelberg. 2008.
- Orel 1998 – Orel V. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.

A. V. Grosheva. Homer's providers of sleep (Ὕπνος and Ἑρμῆς)

The paper presents a comparative description of Ὕπνος and Ἑρμῆς, two characters of Homeric poems able to put mortals and gods to sleep and to awake them. The author discusses the possible etymologies of the noun ὕπνος 'sleep' used as the name of the God of Sleep (Ὕπνος) as well as the origin of the name Hermes (Ἑρμῆς) and the name of The Hill of Hermes (Ἑρμαῖος λόφος) as a landscape term.

Keywords: Homeric poems, Ὕπνος, Ἑρμῆς, Hermes' epithets, etymology.

**РОЛЬ ЭЛЕМЕНТА -i-
В ОБРАЗОВАНИИ ОСНОВ ПРЕЗЕНСА С
СУФФИКСОМ -σκ- В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются древнегреческие глаголы с суффиксом -σκ-, содержащие элемент -i- в слове редупликации или перед суффиксом (глаголы на -i-σκ-). В греческих формах на -σκ- с удвоением элемент -i- маркирует основу презенса, противопоставляясь редупликации на -ε-, характерной для аориста и перфекта. Особенности образования презентных основ на -σκ- позволяют сопоставить функцию -i- в слове редупликации с функцией суффиксального -i- в последовательности -i-σκ-.

Ключевые слова: презентная редупликация на -i-, суффикс -i-σκ-, образование основ презенса в древнегреческом языке.

Образование вторичных основ презенса с суффиксом *-sḱe/o- принято связывать с процессом восполнения глагольной парадигмы новыми формами. Суффикс *-sḱe/o-, образуя основы презенса от аористов или перфектов, менял аспектуальное значение первичной глагольной основы (см., напр. Kurylowicz 1964; Sihler 1995). Точное количество презентсов, образованных от внепрезентных основ, до сих пор не установлено. Тем не менее, существуют две группы презентсов на -σκ-, которые чаще других возводят к внепрезентным образованиям: это презентсы с редупликацией на -i- (Giacalone Ramat 1967: 108), а также ряд глаголов на -iσκω (Шантрен 2010: § 259; Zerdin 1999).

Редупликация на -i- в индоевропейский период служила для образования основ тематического и атематического презенса, деизидератива и интенсифика¹ (LIV²: 16–17; 24). В отличие от деизидеративных и интенсифицированных образований², основы презенса с

¹ В словаре LIV² интенсификация выделяется в качестве самостоятельной основы, которая в отдельных языках образует различные формы.

² В греческом языке только одна форма считается восходящей к интенсификации с удвоением: аорист δειδέχαται. Этот интенсификатор, в свою очередь, мог быть образован от двух корней: *deik- (LIV²: Schirmer, Kümmel: sv. 1. *deik-), от которого происходит презент δεικνυμι или *dek-, от которого образован презент δέχομαι (LIV²: Lipp: sv. *dek-). Ни одного деизидератива с i-редупликацией для греческого не восстанавливается (LIV²: 723).

редупликацией на -i- находят в греческом языке широкое распространение, при этом огласовка -i- в слове редупликации закреплена за презенсом и не встречается в других основах. Редуплицированные аористы и перфекты демонстрируют удвоение на -е-. Эта особенность греческой глагольной редупликации часто отмечается в исследованиях (Duhoux 2000: § 69; Niepokuj 1997: 95, 191–194; Beckwith 1997: 175–176; Zukoff 2012: 27–28). В греческом языке закреплённость -i- за презентной редупликацией могла стать причиной исчезновения презенсов с редупликацией на -е-³. Э. Зилер отмечает, что переход огласовки -е- в -i- у некоторых глаголов мог произойти в результате аналогического воздействия (Sihler 1995: 487). Презентная редупликация на -i- продуктивна в санскрите, хеттском, авестийском, тохарском; встречается в латинском и древнеирландском (см.: LIV²: 712; Kulikov 2005: 432). В хеттском языке существовали презенсы с редупликацией на -i-, образованные от презенсов ħi-спряжения (Melchert 1984: 98–100).

Следующие глаголы на -σκ- с редупликацией на -i- образованы от форм с редупликацией на -ε- вне презенса: κικλήσκω от аориста ἐκέκλητο или от перфекта κέκλημαι (Giacalone Ramat 1967: 108; Zerdin: 114–115); μινύσκομαι от перфекта μέμνημαι; τιτύσκομαι от аориста τέτυκον (Giacalone Ramat 1967: 108; Zerdin 1999: 114, 202).

Наряду с переходом аористой редупликации в презентную, закономерным представляется и обратный процесс: аорист, образуясь от презенса с удвоением, использует огласовку -ε-. Так, презенс διδάσκω, образованный от основы с редупликацией на -i- *di-déns/dŋs-, по-видимому, является древним (в авест. есть соответствующий презенс didas), в то время как аорист δέδαε считается вторичным по отношению к презенсу (Beckwith 1997: 79; LIV²: Lipp: sv. *dens-).

Есть группа глаголов, образованных от корня в нулевой ступени без редупликации, но в презенсе демонстрирующих удвоение с огласовкой -i-: γινύσκω, ἰάσκομαι, λifaύσκω.

³Из 53-х основ презенса с редупликацией на -е-, реконструируемых в LIV², только 5 представлены в греческом языке, при этом редупликация на -ε- или не сохранилась, или перестала быть узнаваемой: δίδωμι < *dé-doh₃/dh₃- (Kümmel: sv. *deh₃-); τίθημι < *dhé-dhoh₁/dhh₁- (Zehnder, Kümmel: sv. *dheh₁-); βίβας < *g^ué-g^uóh₂/g^uh₂- (Kümmel: sv. *g^ueh₂-); εὔχομαι < *h₁é-h₁uog^{uh}/h₁ug^{uh} (Kümmel: sv. *h₁ueg^{uh}-); ὠρύομαι < лемма под знаком вопроса ?*h₃é-h₃ruH- (Kümmel: sv. h₃reH-).

Презенс $\gamma\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$ возводят к аористу $\acute{\epsilon}\gamma\nu\omega\nu$ (Мейе: 236; Giacalone Ramat 1967: 108).

Для $\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ словари практически единогласно восстанавливают праформу с редупликацией $*\sigma\iota\text{-}\sigma\lambda\alpha\text{-}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ (Pokorny 1959–1965: sv. 6. sel-, selə- : slā-; DELG: sv. $\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$; Beekes 2010: sv. $\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$), за исключением LIV² (LIV²: Rix H., Zehnder Th. sv. $*selh_2\text{-}$), где исходная форма для презенса приводится без редупликации: $*s_lh_2ské$. Согласно LIV², закономерный вид корня был бы $\dagger(h)lāske$, однако, по аналогии с редулицированным презенсом /hīlā-/ и с сигматическим аористом, в котором -a- было кратким, основа презенса имеет огласовку -ī- и краткое -a-: /hīlā̃/. Влияние сигматического аориста на краткость -a- также предполагает Бекес (Beekes 2010: sv. $\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$). Шантрэн, напротив, считает, что сигматический аорист и футурум произошли от презенса на -σκ- (DELG: sv. $\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$). По мнению Клингеншмитта (Klingenschmitt 1970: 75–88), и.е. праформа является контаминацией двух разных основ презенса: $*s_lh_2\text{-}ské/o$ (арм. $alač'em$) и $*sis_lh_2$ (ср. греч. $*sislā$ в $\acute{\iota}\lambda\alpha\omicron\varsigma < *sislāwos$). В качестве однокоренных соответствий вне презенса для $*\sigma\iota\text{-}\sigma\lambda\alpha\text{-}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ приводятся эолийские формы императива, восходящие к основе перфекта: $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\alpha\theta\iota$, $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\alpha\tau\epsilon$ из $*\sigma\epsilon\text{-}\sigma\lambda\alpha\text{-}\theta\iota$ (DELG: sv. $\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$). Таким образом, несмотря на то, что презенс $\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$, по-видимому, нельзя с уверенностью назвать образованием от основы перфекта, можно говорить о наличии противопоставленных друг другу форм с редупликацией и нулевой ступенью корня.

Презенс $\pi\iota\phi\alpha\acute{\upsilon}\sigma\kappa\omega$ считают образованным от аориста $\phi\acute{\alpha}\epsilon$ (Giacalone Ramat 1967: 108; Beekes 2010: sv. $\phi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$). Шантрэн (DELG: sv. $\phi\acute{\alpha}\epsilon$) утверждает, что $\pi\iota\phi\alpha\acute{\upsilon}\sigma\kappa\omega$ образован непосредственно от основы $\phi\alpha F\text{-}$.

Рассмотрев презенсы с редупликацией на -i-, можно сделать следующий вывод: ассоциация редупликации на -i- с основой презенса способствует тому, что при образовании новых презенсов на -σκ- от редулицированных аористов или перфектов, редупликация на -e- приобретает огласовку -ī-. Если аорист $\delta\epsilon\delta\alpha\epsilon$ образован от $\delta\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\kappa\omega$, то имеет место обратный процесс.

Интерес представляет тот факт, что формант -i- присутствует во всех редулицированных основах презенса на -σκ-. Как показано выше, он может находиться в слоге редупликации. При этом есть ряд тематических аористов с удвоением, образующих презенсы на -σκ-, где из-за типа редупликации или

вследствие фонетических процессов в образованном презенсе не содержится *-i-* в удваиваемом слоге. Это основы, начинающиеся на гласный, а также основы, в которых редупликация уже не ощущалась носителями языка. Следующие презенсы образованы от тематических аористов, начинающихся на гласный: *ἀπαφίσκω* от аориста *ἤπαφον* (DELG: sv. *ἀπαφίσκω*; GEW: sv. *ἀπαφίσκω*; Zerdin 1999: 121); *ἄραρίσκω* от аориста *ἄραρον* (DELG: sv. *ἄραρίσκω*; Zerdin 1999: 123; LIV²: Kümmel: sv. 1. **h₂er-*; Beekes 2010: sv. *ἄραρίσκω*). Презенс *εὐρίσκω* образован от аориста *εὕρον* < **ue-ur(h₁)-e/o* (Beckwith 1997: 173), утратившего редупликацию.

Можно предположить, что при невозможности преобразовать слог редупликации, для обозначения презенса использовался формант *-i-* перед суффиксом.

Наконец, существуют формы с редупликацией, содержащие элемент *-i-*, исторически входивший в состав корня. Это презенс *ἔϊσκω*, образованный от перфекта *ἔοικα* < **ue-цбуk/цiĭk-* (LIV²: Kümmel: sv. **ueĭĭk-*) и презенс *δεῖδίσκομαι*, который сопоставляют с аористом *δεῖδεχαται*. Этот аорист, в свою очередь, возводят к и.-е. основе редуплицированного интенсификатора **deĭ-doĭk/diĭk* наряду с скр. прич. *dēdisat-* ‘показывающий’ и др.-авест. *daēdōšt* ‘показывает’ (LIV²: Schirmer, Kümmel: sv. 1. **deĭĭk-*). В результате упрощения группы согласных **-ksk-*, образовалась последовательность *-i-ск-*, где *-i-* представляет собой гласный корня, который мог начать восприниматься как часть суффикса⁴.

Показатель презенса *-i-* могут содержать глаголы на *-ск-* без редупликации, образованные от корня в нулевой степени: *ἀλίσκομαι*; *ἐλαυρίσκομαι*⁵; *θνή(ι)σκω*; *θρώ(ι)σκω*.

Суффиксальное *-i-* встречается, кроме греческого, в хеттском *-išk-*, армянском *-ic’-*, в латинских глаголах на *-īscō(r)*⁶. Появление форманта *-i-* в греческом языке исследователи объясняли как фонетически, так и морфологически.

⁴ Это предположение высказывает Б. Вайн, однако добавляет, что его теорию о появлении *-i-* перед *-ск-* это не объясняет (Vine 1993: 54).

⁵ Презенс связывают с аористом *ἐλαυρεῖν* (Peters 1980: 22), не имеющим четкой этимологии (GEW: sv. *ἐλαυρίσκω*; Beekes 2010: sv. *ἐλαυρίσκω*).

⁶ В отдельных языках появление *-i-* объясняли по-разному: анаптикса в хеттском (Melchert 1984: 108; Hoffner, Melchert 2008: 34), суффикс **-ye/o-* в латинском (Keller 1992: 291. Список древних глаголов на *-īscō(r)* см.: Haverling 2000: 399–401).

1) Б. Вайн предлагает фонетическую интерпретацию: гласный -i- встречается, в большинстве случаев, у основ на плавный, таким образом, он мог появиться в результате вокализации -i- первого ларингального в последовательности TRh₁-s^hke/o- (Vine 1993: 55). Наличие противоречащего этой теории глагола ἀπαρίσκω Вайн объясняет аналогическим воздействием ἀραρίσκω.

2) Согласно другой линии рассуждений, -i- является отдельным элементом.

а) Бругман (Brugmann 1892: 1034) считал -i- в глаголах εὐρίσκω, ἀλίσκομαι, ἀραρίσκω расширителем корня (Wurzel-determinativ), таким же как в глаголах на -ίω. Другие формы на -ίσκω, по мнению Бругмана, образованы по аналогии с предыдущими.

б) Формант -i- представляет собой суффикс *-ye/o- в нулевой ступени (Мейе 2007: 235; Keller 1992: 290).

с) К. Шилдс полагает, что суффикс *-isk- содержит контаминацию количественных наречных частиц со значением не-единственности *-i-⁷ и *-(e)s (Shields 1984: 122; Shields 1992: 130). Однако, учитывая специфику образования презенсов на *-s^hke/o-, более оправданным с точки зрения семантики было бы связать суффиксальный показатель -i- с наречным элементом с локативным значением 'здесь и сейчас'⁸. Такое понимание, с одной стороны, позволило бы объяснить все глаголы на -ίσκ- в греческом языке, а с другой – не противоречит данным других языков, в которых встречается -i- перед *-s^hke/o-: наречный элемент со значением 'hic et nunc' входит в состав основы презенса⁹.

Несмотря на то, что установить происхождение элемента -i- является задачей, далеко выходящей за рамки одной статьи, результаты сопоставления -i- в слоге презентной редупликации и -i- перед суффиксом -σκ- позволяют наметить определенное функциональное сходство этих двух формантов, из чего следует, что -i- перед -σκ- следует скорее считать отдельным элементом с определенным значением.

⁷ В качестве примера употребления количественного *-i- приводится показатель именного не-единственного числа в скр. nátmān-i 'имена', хетт. kuṣur-i 'враги' и греч. líko-i 'волки' (Shields 1984: 122).

⁸ О реализации НЭ *-i- в греческом языке см.: Казанский 2007: 86–87.

⁹ Шилдс утверждает, что наречные элементы могли сохранять свою самостоятельность и способность образовывать новые формы в отдельных языках (Shields 1984: 118).

Сокращения

- DELG = Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1–4. Paris: Klincksieck, 1968–1980.
 GEW = Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Heidelberg, 1954–1972.
 LIV² = Rix H., Kümmel M., Zehnder Th., Lipp R., Schirmer B. (Hg.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. 2. Aufl. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.

Литература

- Казанский 2007 – Казанский Н. Н. Следы субъектно-объектного спряжения в праиндоевропейском? // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 2007. С. 84–87.
 Шантрен 2010 – Шантрен П. Историческая морфология греческого языка / Пер. Я. М. Боровского. Изд. 3. М.: 2010.
 Beckwith 1997 – Beckwith M. C. The Greek Reduplicated Aorist. PhD thesis. Yale University, 1997.
 Beekes 2010 – Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. With the assistance of L. van Beek. Vol. 1—2. Leiden; Boston, 2010 (=A. Lubotsky (ed.) Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 10/1–2).
 Brugmann 1892 – Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II: Wortbildungslehre (Stamm-bildung und Flexionslehre). 2. Hälfte. Strassburg: K. J. Trübner, 1892.
 Duhoux 2000 – Duhoux Y. Le verbe grec ancien. Éléments de morphologie et de syntaxe historiques. 2e édition revue et augmentée. Louvain-la-Neuve: Peeters, 2000.
 Giacalone Ramat 1967 – Giacalone Ramat A. La funzione del suffisso -σκ- nel sistema verbale Greco // Archivio Glottologico Italiano. 1967. Vol. 52. P. 105–123.
 Giannakis 1997 – Giannakis G. K. Studies in the syntax and semantics of the reduplicated presents of Homeric Greek and Indo-European. Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck: Foreign Language Study, 1997.
 Hoffner, Melchert 2008 – Hoffner H., Melchert C. A grammar of the Hittite language. Part 1: Reference Grammar. Winona Lake, Indiana, 2008. P. 34.
 Keller 1992 – Keller M. Les verbes latins à infectum en -sc-, étude morphologique à partir des formations attestées dès l'époque préclassique // Revue d'études latines. 1992 (= Collection Latomus 216).
 Klingenschmitt 1970 – Klingenschmitt G. Griechischen ἰάσκεσθαι // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1970. Hft. 28. S. 75–88.

- Kulikov 2005 – Kulikov L. I. Reduplication in the Vedic Verb: Indo-European inheritance, analogy and iconicity // Hurch B. (ed.). *Studies on Reduplication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 431–454.
- Kuryłowicz 1964 – Kuryłowicz J. *The inflectional categories of Indo-European*. Heidelberg: C. Winter, 1964.
- Melchert 1984 – Melchert C. *Studies in Hittite historical phonology* // Haebler C., Neumann G. (Hrsg.). *Ergänzungshefte zur Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*. 1984. Nr. 32. P. 108.
- Niepokuj 1997 – Niepokuj M. *The Development of Verbal Reduplication in Indo-European* // *JIES Monographs*. 1997. 24.
- Peters 1980 – Peters M. *Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen*. Wien, 1980.
- Pokorny 1959–1965 – Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–2. Bern; München: Francke Verlag, 1959–1965.
- Shields 1992 – Shields K. C. *A History of Indo-European Verb Morphology* // *Current Issues in Linguistic Theory*. 1992. Vol. 88.
- Shields 1984 – Shields K. The Indo-European verbal suffix *-sk- // *Emerita*. 1984. T. 52, fasc. 1. P. 117–123.
- Sihler 1995 – Sihler A. L. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. NY; Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Vine 1993 – Vine B. Greek -ισκω and Indo-European “*-iske/o-” // *Historische Sprachforschung / Historical Linguistics*. 1993. Bd. 106, H. 1. P. 49–60.
- Zerdin 1999 – Zerdin J. *Studies in the Ancient Greek Verbs in -skō*. D. Phil. thesis. Oxford, 1999.
- Zukoff 2012 – Zukoff S. *The phonology of verbal reduplication in ancient Greek: an optimality theory approach*. A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of The University of Georgia in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree MA. Athens, Georgia, 2012.

S. I. Dmitrieva. The role of the element -ι- in the formation of the Ancient Greek present stems in -σκ-

The paper examines Ancient Greek verbs in -σκ- containing the element -ι- in the reduplication syllable or before the suffix (verbs in -ι-σκ-). The element -ι- in Greek reduplicated forms marks the present stem and is opposed to ε-reduplication, typical for aorist and perfect. It is argued that the character of the formation of secondary present stems in -σκ- allows to suggest functional similarity between the reduplication vowel -ι- and the element -ι- placed before the suffix in the sequence -ι-σκ-.

Keywords: present stem ι-reduplication, suffix -ι-σκ-, formation of present stems in Ancient Greek.

ЛАТИНСКОЕ *PRĪVUS*: СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА

В статье предлагается анализ семантического поля этимологического гнезда, включающего и лат. *prīvus*. Реконструкция семантической структуры этимологического гнезда и.-е. основы **prījo-*: **prījā-* дает основание по-новому взглянуть на «нетипичное соотношение» (Э. Бенвенист, Ю. С. Степанов) в нем значений «приятный, любить» и «свободный». Результат анализа семантической структуры этимологического гнезда и наличие типологически подобных примеров позволяют рассматривать взаимодействие значений ‘близкий, свой, личный’ (аффективный вариант ‘дорогой, любимый’) и ‘особый, отдельный’ (→ ‘свободный’) как сохранившийся языковой след формирования оппозиции «свой – чужой» через промежуточный этап «другой/отдельный».

Ключевые слова: семантическая структура, этимологическое гнездо, оппозиция «свой-чужой»

Семантическая структура латинского *prīvus* достаточно прозрачна и позволяет предположить развитие семантики от ‘отдельный’, ‘каждый порознь’ к значениям ‘особый, собственный’ (*priva trirēmis*) и ‘лишенный, не имеющий’ (*privus verae ratiōnis*), ‘свободный, освобожденный’ (*privus militiae*). Эти же значения реализуют производные: *prīvo*, *āre* ‘отнимать, лишать’, ‘избавлять, освобождать’, *prīvātus*, *a*, *um* ‘частный, находящийся личной собственности’, *prīvātio*, *ōnis* f ‘лишение, отнятие’ (*lucis*), ‘освобождение или отсутствие’. Принятая для *prīvus* реконструкция формы – **prei-uos* – поддерживается умбр. *prever* ‘singularis, одиночный, отдельный’, *preve* ‘singulariter, отдельно, поодиночке’, оск. *preivatud* ‘*prīvātō*, частным образом’ (W.-H. II: 364).

Этимологические связи в родственных языках однозначно не определяются. С одной стороны, ряд лингвистов (Vroehde, Bechtel, Fick) сближает лат. *prīvus* с гот. *freis*, англосакс. *frēo*, др.-в.-нем. *frī*, нем. *frei* и кимр. *rhydd* (< **prījos*) ‘свободный’ (W.-H.: 364). С другой стороны, полагают, что данная кельто-германская изоглосса – развитие значения от ‘lieb’ к ‘frei’ – невозможна, «weil dann letztere von got. *frijon* ‘lieben’, ahd. *friund* ‘Freund’ zu trennen wären» (против чего Uhlenbeck, Walde-Pokorny) (W.-H. II: 364). Э. Бенвенист считал кельто-германскую

изоглоссу со значением 'свободный' эксклюзивной, не соотносил с ней лат. *prīvus*. Он отмечал разрыв в семантике между гот. *frijōn* 'любить' и *freis* 'свободный' и полагал, что «эта своеобразная лексическая ситуация заставляет предположить, что переход *freis* к значению 'свободный' в готском вызван влиянием кельтского, в котором **prīios* значило только 'свободный'». И далее Э. Бенвенист делал вывод: «Эволюция от индоевропейского значения 'свой, личный, дорогой' к значению 'свободный', выявляющаяся в кельтском и в германском, должна быть объяснена исключительным положением какой-то одной общественной прослойки. То, что было личной характеристикой аффективного порядка, стало как бы знаком взаимного отличия, которым обмениваются члены социальной группы «благорожденных» (Бенвенист 1995: 215). Ю. С. Степанов поддерживает точку зрения Э. Бенвениста о кельтском заимствовании в германских языках: «Соотношение значений «приятный, любить» и «свободный» кажется нетипичным (именно оно и возникло, как полагают, в германских языках под влиянием кельтских)» (Степанов 2001: 137).

Действительно ли как «нетипичное» следует оценивать соотношение значений 'приятный, любить' и 'свободный', если учесть структуру семантического поля этимологического гнезда, в которое включается лат. *prīvus*?

Латинское *prīvus* следует сопоставить прежде всего с германскими лексемами (кимр. *rhydd* изолированно представлено в кельтских языках, мало информативно в данном случае; хотя, кажется, сюда же др.-ирл. *rīar* (< *prēi-rā*) 'will', 'wish', о чем см.: Lehmann 129 со ссылкой на Вандриеса). Это сопоставление показывает, что общее у них в семантической структуре не только значение 'свободный', но и привативное. Наличие такого значения у англ. *freedom* проявлено, например, в исследовании концепта «свобода» А. Вежбицкой. Она идет вслед за И. Берлином и Ч. Тейлором, рассматривая «позитивное» и «негативное» понимание «свободы» как противопоставления реально осуществляемого контроля и права выбора: по-английски можно говорить не только о «свободе чего-л.» (*freedom of*) или «свободе нечто делать» (*freedom to*) как о чем-то желательном, но и о «свободе от (*freedom from*) чего-то нежелательного (в то время как *liberty*, подобно лат. *libertas*, не принимает «отрицательные» («привативные») дополнения) (англ. *freedom* близко по внутренней форме рус. *свобода*). (Вежбицкая 2001: 237).

Германские лексемы со значением ‘свободный’ (англ. *free*, нем. *frei* и др.), в свою очередь, включаются в одно этимологическое гнездо вместе с гот. *frijôn* ‘любить’, *friapwa* ‘любовь’, др.-исл. *fríðill* ‘возлюбленный, любовник’, нем. *freien* ‘сватать’, гот. *frijonds* ‘друг’, нем. *Freund* и под.). Генетически близкая лексика представлена и в славянских языках: слав. **prĭjati* в чеш. *přati*, *přiti* ‘желать добра, быть расположенным к кому-л.’, польск. *(s)przycić*, в.-луж. *prěć*, *prăć*, н.-луж. *psaś* ‘благоприятствовать, желать’. В русском языке имеем отмеченное в словаре В. Даля *прійаю*, *прійати* ‘относиться благожелательно, с любовью’, *пріянь* ‘благодарушие, благожелательство, любовь, милость’, диал. (орл.) *пріяють кого* ‘приласкать, приголубить’, литер. (не)приянь, приятель и их соответствия в русском и других славянских языках (Фасмер III: 369–370; Даль III: 1217). Об исторической глубине и исходном значении членов этой генетически близкой группы свидетельствует родственная лексика индоиранских языков: скр. *priyā-* ‘приятный, милый, любимый, ценный, дорогой, любящий кого-л.’, ‘муж, супруг; любовник; зять’, ‘доброта, благосклонность’; *priyātā*, *priyatva-* ‘глубокое расположение, симпатия’; *prīti* ‘любовь, дружба, радость, удовлетворение’; *priya-saṃvāsa-* ‘совместная жизнь с близкими’; хинди *priy* ‘любимый’, авест. *frya* ‘дорогой, любимый’ (< и.-е. основа **prĭjo-*: **prĭjā-* < **prāi-*: **prāi-* : **prī-*) (Фасмер III: 369–370; Черных II: 68; Machek 399; Lehmann 128; W.-Н. II: 351).

Сравнение англ. *freedom* с генетически близкими гот. *friapwa* (*frijapwa*) ‘ἀγάπη’, скр. *priyā-* ‘доброта, благосклонность’, *priyātā*, *priyatva-* ‘глубокое расположение, симпатия’, др.-рус. *приятель* (*npua-*) ‘приятель, друг’, ‘доброжелатель; тот, кто благосклонен, милосерден к кому-л.’, ‘тот, кто воспринимает и хранит какие-л. достоинства, положительные качества’ (XI–XII вв.) делает понятным наличие у англ. *freedom* в исторически более ранний период значений ‘широта’, ‘щедрость’, ‘великодушие’ (Чосер). А. Вежбицкая, не обращавшаяся к этимологическим связям *free*, *freedom*, не видит связи между старым и новым значением *freedom*: «Очевидно, что старое значение слова *freedom* не имеет отношения к вещам, которые человек НЕ хочет делать, или к потенциальным или реальным попыткам других людей удержать нас от того, что мы хотим сделать» (Вежбицкая 2001: 232–233).

Внутренние генетические связи лат. *prīvus* (< **prei-uos*) с *pro-*, *per-*, арх. *pri-*, давшим в латинском *prae-*, и *prior* (< **pri-iōs*,

срав. ст. к *pri-*) ‘передний’ и ‘ближайший’, ‘прежний, предыдущий’, *prīmus* (< **pri-is-mo-*), *prīscus*, *prīstinus* ‘прежний, старый’ демонстрируют и третью точку семантического схождения (кроме выше названных – привативного и ‘свободный’ в латинско-германской части этимологического гнезда) – пространственную, реализующую исходное значение ‘близкий, ближайший’ (также ‘передний’), получившее преимущественно аффективную окраску в индо-иранских, славянских и германских языках.

Полагаем, что взаимодействие значений ‘близкий, свой, личный’ (аффективный вариант ‘дорогой, любимый’) и ‘особый, отдельный, каждый порознь’ (→ ‘освобожденный, свободный’) в рассматриваемом семантическом поле и.е. **prījo-* : **prījā* связано с тем, что само семантическое поле сохраняет языковой след формирования метаоппозиции «свой-чужой» в варианте «свой – другой/отдельный → чужой». Другие факты индоевропейских языков дают основание для утверждения, что названная оппозиция «свой – чужой» имела промежуточный этап «другой/отдельный», ср. рус. *свене*, *свень* (устар., Ломоносов) ‘прочь, вон, кроме’, др.-рус. *свъне*, *свънь* предл. ‘без, кроме’, нареч. ‘прочь’, ст.-слав. *свънѣ* (с род. пад.), и подобные лексемы в болгарском и сербохорватском обычно связывают с возвратным местоимением (и.е. **sce-*), предполагая исходное значение ‘само по себе’; осет. *xīcæn/xecæn* ‘отдельный’, ‘separatus’, *xīcænj* ‘отдельно’, ‘порознь’ рассматривается как застывшая форма дательного падежа от *xī/xē* ‘свой’, т.е. буквально ‘(существующий) для себя’, ‘für sich’. Семантика ‘уединенный, обособленный’ не является инновацией: осет. *xī/xē* восходит к и.е. местоименной частице *sē* со значением ‘отделение, обособление’ (ср. лат. *sē*, *sēd*, *sē-parare*, *sē-ponere*). Еще пример из осетинского на соотнесенность значений ‘свой’ – ‘свободный’ – ‘отдельный’: *xībar* / *xebaræ* ‘свободный’, ‘предоставленный самому себе’, ‘уединенный, обособленный’ производно от *xī* ‘свой’ и *bar* ‘воля’ (аналогично др.-инд. *svayamvara-* ‘действующий по собственному выбору’, рус. *своевольный*) (Фасмер III: 572; Абаев IV: 196, 198).

По этой же модели, с такой же внутренней формой «существующий для себя/отдельно», образовано литов. *svėčias* (из **svetyo-*) ‘гость’, *svetingūmas* ‘гостеприимство’, рядом *svėtimas* ‘чужой, чуждый’, т.е. *svėčias* ‘гость’ < *‘чуждый, отдельно, для себя (существующий)’, ‘für sich stehend’ (Fraenkel II: 950, 952).

А. Б. Пеньковский на примере выражения *себе на уме* показал исходность значения самоотчуждения или отчуждения другого, которое несет местоименная частица *себе*. Он делает вывод, что эта частица «указывает на то, что субъект действия <...> замыкает себя в своем действии и, будучи полностью захвачен и поглощен им, отчуждает окружающий мир от себя или, замыкая действие в себе, себя отчуждает от внешнего мира, или же отчуждается миром и, оказываясь объектом отчуждения, замыкается в себе и в своем действии» (Пеньковский 2003: 181–182). То есть «Я/субъект» синкретично, в одном языковом знаке реализуется как «объект/субъект отчуждения». Этот и другие отмеченные (и неотмеченные) здесь факты индоевропейских языков дают, как полагаем, основание для утверждения, что становление метаоппозиции «свой – чужой» имело промежуточный этап «другой/отдельный». На пути признания этого промежуточного этапа становления оппозиции «свой – чужой», возможно, находится и решение для дискуссионного до сих пор др.-инд. *arī-* ‘друг’, ‘чужой; чужестранец’ (при хетт. *ara-* ‘друг; товарищ’, *araš aran* ‘друг друга’, осет. *æcægælon* <*æcæg + *ælon ‘чужак’, ‘посторонний’, букв. ‘истинно чужой’, ‘true-stranger’ и др.) (Гамкрелидзе, Иванов II: 755; Абаев I: 101).

Литература

- Абаев I–IV – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1989.
- Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Вежицкая 2001 – Вежицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки слав. культуры, 2001.
- Гамкрелидзе, Иванов II – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 2.
- Даль III – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. 3-е испр. и доп. изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909 (репринт 1994).
- Пеньковский 2003 – Пеньковский А. Б. *Себе на уме* // Этимология, 2000–2002 / Ин-т рус. яз. Им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 2003. С. 177–187.
- Степанов – Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001.
- Фасмер III – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1964–1973.

- Черных П – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994.
- Fraenkel П – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1955. Bd. 1–2.
- Lehmann W. P. A gothic etymological dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986.
- Machek – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- W.-H. П – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3-te, neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Bd. II. Heidelberg, 1954.

L. P. Dronova. Latin *prīvus*: semantic structure of etymological family

The article presents an analysis of the semantic field of the etymological family including Latin *prīvus*. Reconstruction of the semantic structure for the etymological family of the Indo-European base *prijo-: *prijoā- provides a new perspective of ‘atypical correlation’ (E. Benveniste, Y. S. Stepanov) between its meanings of ‘pleasant, to love’ and ‘free’. The results of the etymological family semantic structure analysis and presence of typologically similar examples make it possible to consider the interaction between the meanings ‘close, own, personal’ (affective variant ‘dear, beloved’) and ‘particular, separate’ (→ ‘free’) as a preserved linguistic trace of the opposition ‘own vs. alien’ being formed through the interim stage ‘other/separate’.

Keywords: semantic structure, etymological family, opposition ‘own vs. alien’.

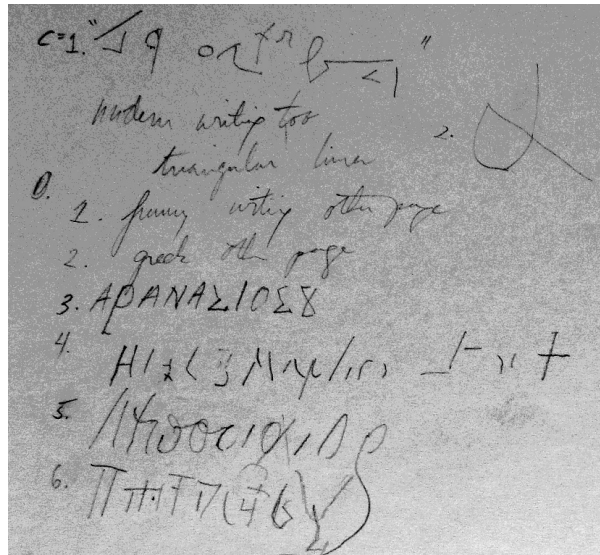
**NEW GREEK GRAFFITI IN ST. SOPHIA OF CONSTANTINOPLE
IN THE ARCHIVE OF ROBERT VAN NICE
Part II. Preliminary observation¹**

Впервые публикуются 25 греческих граффити, найденных в соборе Св. Софии в Константинополе в 1969 году Робертом и Барбарой ван Найс и сейчас хранящихся в виде карандашных заметок на кальке в архиве Роберта ван Найса в Вашингтоне (DOP, Washington).

Ключевые слова: греческие граффити, собор Софии Константинопольской, архив Роберта ван Найса

This article continues the articles Evdokimova 2013 and Evdokimova 2013a.

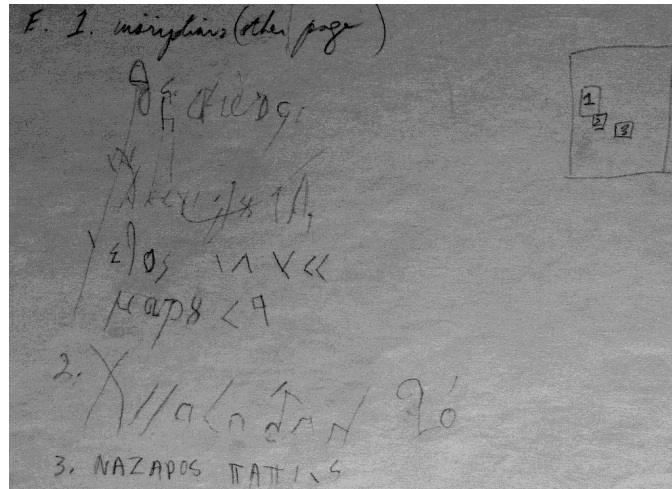
1.-6. Box 11, graffiti (9th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. The location in the cathedral is unknown. Paleography: letters are majuscule. Orthography: in the third inscription the genitive case flexion was put after the flexion of nominative case.

¹ This article was written within the frame of RFBR №NK 13-06-00086\13

1. εις/οιτ.λ..ι
2. α
3. ΑΦΑΝΑΣΙΟΣ⁸
Αφανασίου
Of Athanasios
4. ΗΙ CBM..... †
5. Ατιθοσιοχιορ
6. ΠιτιΤ.Σει/και.Υ

7.-9. Box 11, graffiti (9th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. Paleography: letters are minuscule.

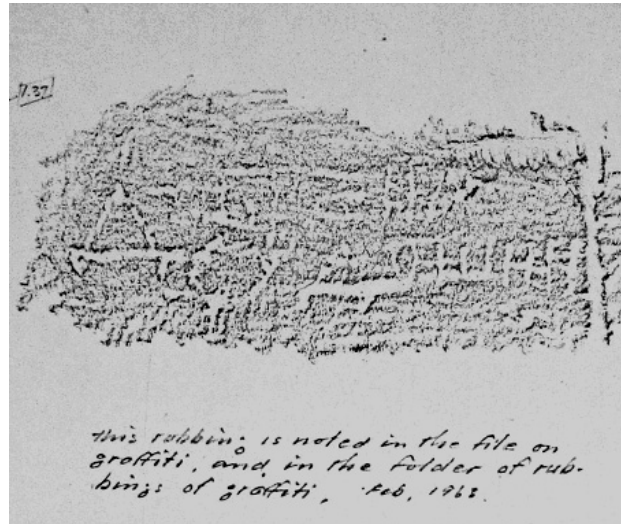
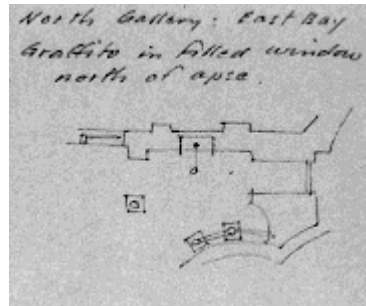

1. Θε
- Α ...Θ8.Α
- Ετος ΛΥCC
- μαρ8Cα
- Θ[ε]έ...
- έτος
- Μαροῦσα²
- God...
- year ...
- Marusa

² name is mentioned in the inscription from Arabia Gerasa, 5th century. Pal 344, 1

2. Χλακ/κοδι..ο
3. NAZAPOS ΠΑΠΙ.S
Ναζάρος³ Πάπιας (?)
Nazar Papius

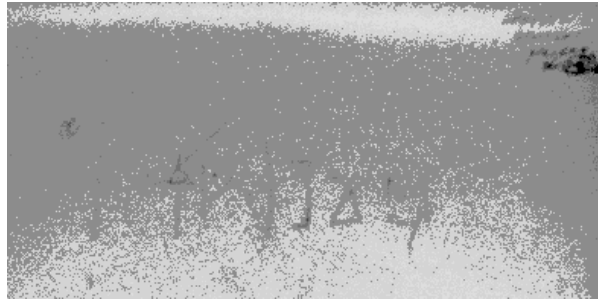
10. Box 11, graffiti (9th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. This graffiti was found in the North gallery, east bay graffiti in filled window north of apse. This rubbing is noted in the file on graffiti and in the folder of rubbings of graffiti Feb. 1968. Paleography: the letters are majuscule. Orthography: “η” instead of “ει” in the «[B]OΗΘΗ».

³ More usual form of this name is «Ναζάριος»

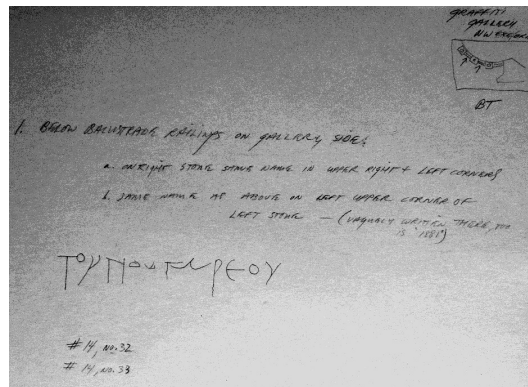
Θε ΟΗΘΗ
 ΔΟΥΛ ονΙΗΗ
 Θ[έ]ε [β]οήθει [τὸν] δοῦλον [σοῦ]
 God, help Your servant

11. Box 11, graffiti (10th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. Graffito is located in the gallery. Paleography: the letters are minuscule. Orthography: “ι” instead of “η” in the «φιλιτ8».

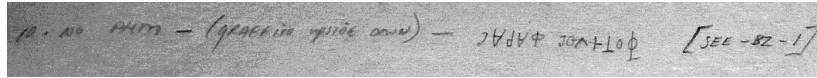
† αφίλιτ8μ
 Αφιλήτου μ
 Of Aphilitus

12. Box 11, graffiti (11th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. Graffito is situated in the gallery in the north-west exempla. a. On a right stone the same name is in the upper right and left corners. b. The same one is above the upper left corner of a left stone. Paleography: “ε” lunar, other letters are minuscule. Orthography: “γ” instead of “δ” in the “γίου”. The case of the article is not the same with the “γίου”.

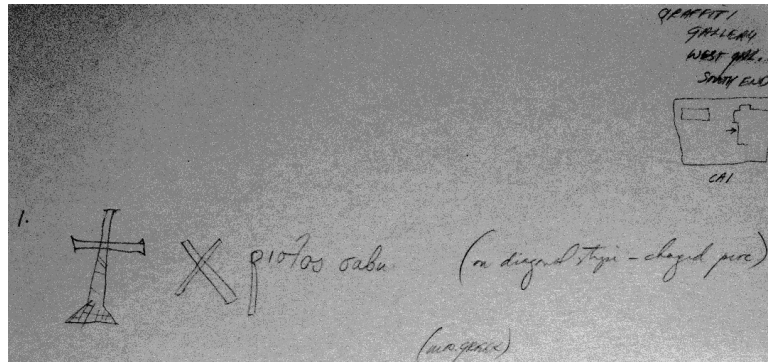
τον γιου γωρεοῦ
 τὸν υἱὸν Γωρέου
 son of Goreus (?)

13. Box 11, graffiti (11th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. This graffiti is upside-down like the three that were published by us in another articles (Evdokimova 2011, 8, 9-10; Evdokimova 2013, 6). Paleography: “σ” lunar, other letters are majuscule. Orthography: “ο” instead of “ω” in the « ΦΟΤΙΟΣ »

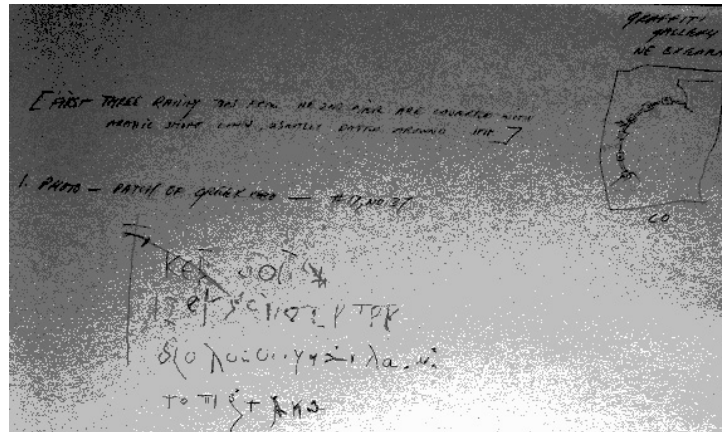
ΦΟΤΙΟΣ ΦΑΡΑΣ
 Φώτιος Φαράς
 Photius Pharas

14. Box 11, graffiti (11th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. Graffiti is located in the west gallery, south end. Middle Greek Paleography: letters are minuscule, two first of them as a christcross at the beginning are traced with double lines.

† Χριστος Σαβα
 † Χριστός Σαβα[ώθ]
 † Christ Sabaoth

15. Box 11, graffiti (11th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. Graffiti was found in the gallery, in the north-east exedra. Paleography: “ε” lunar, other letters are minuscule Orthography: “ι” instead of “ει” in the «β.θι», “ι” instead of “υ” in the «πιρ».

Κεβ..θι. Κ

...εκ σ.ν τον

δολο..ο..ιλα. Ν

το πιο τακω/υ.

Κ(ύρι)ε βοήθει

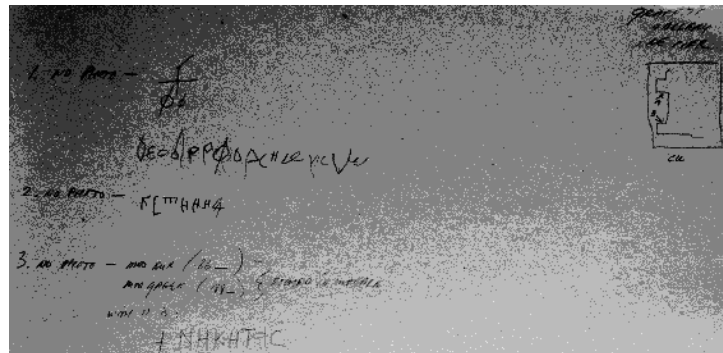
.....τόν σόν

δοῦλο[ν] [Μο]υνδίλαν (?)

τὸ πῦρ τάκω or τὸ πῦρ τάκει

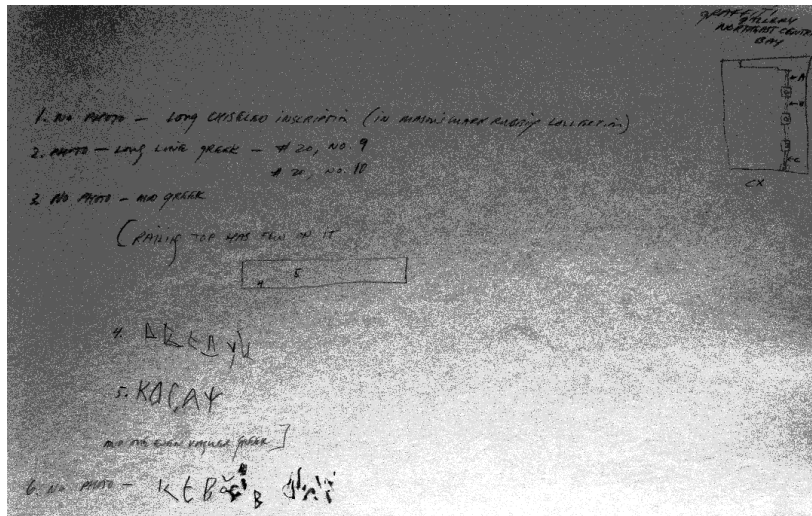
Lord help Your servant Mundilan. I'm decomposing with fire. Or the fire burn.

16.-18. Box 11, graffiti (11th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. Graffito is located in the gallery, in the north-east pier. Paleography: letters are minuscule. Orthography: “ο” instead of “ω” in the «θεοδορ», “η” instead of “ι” in the «NHKHTαC».

1. θεοδορ φορση..γσ..νυ
Θεόδωρ Φορση
Theodor Phorsi
2. ΚC ΤΗμησε/θει (?)
Κ(ύριος) τιμηθει
3. †NHKHTαC
Νικήτας
Nikitas

19.-22. Box 11, graffiti (11th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. Graffiti were found in the gallery, in the north-east center bay. Paleography: in the first and the second inscriptions the letters are majuscule, in the third they are minuscule. Orthography: “υ” instead of “η” in the «Βου..», “ι” instead of “η” in the «δο.λι»

1. ΑΒΕΔΥΚ
2. ΚΟΣΑΨ
3. Κε Βου.ιβ ...δο..λι
Κ(ύριε) βοή[θει τήν] δο[ύ]λη
Lord help Your servant...

23 Box 11, graffiti (11th folder), sheet of paper A4, graphite pencil. Graffito is located in the west gallery, on 21st column. Paleography: “ε” and “σ” lunar, other letters are majuscule. Orthography: “υ” instead of “ει” in the «ΒΟΗΘΥ»

—
 Κ Ε Β
 Λ Ε ω Ν Τ
 Β Ε Τ Ι Ο
 Τ ο Ρ
 .
 Υ
 Κ(ύρι)ε β[οήθει]
 Λέων τ(όν)
 Βετιοτορ(όν) (?)
 Lord help Your servant Leon Betiotor

The texts of the presented graffiti contain no dates. That's why their dating is problematic, we can date them only very approximately: judging by their paleographic traits. They appear to have been created in the X–XIII century. The names mentioned in them are both usual, like Ἀθανάσιος (in graffiti 3), Φώτιος (in graffiti 8) Θεόδωρ (in the 16th graffiti), Νικήτας (in the 18th graffiti) etc., and unusual, like Μαροῦσα (in the 7th graffiti) or [Μο]υνδίλαν (in the 15th graffiti). But both groups of the names don't give us opportunity to attribute them to any historical person. The 13th graffiti is traced upside-down, like the 6th mentioned in the previous article. Unfortunately when I examined the walls in the cathedral in 2008, 2010 and 2011 years all of these graffiti weren't found.

Maybe after new examination, if it is successful, we'll have new interpretation some of them. Because some pictures of Robert are not very clear and can appear not exact.

Literature

- Evdokimova 2013 – Evdokimova A. A. Greek graffiti in St.Sophia of Constantinople in the archive of Robert van Nice. (DOP, Washington) // Byzantine Epigraphy – New Methods and New Projects. Wien: 2013. (in press)
- Evdokimova 2013a – Evdokimova A. A. New Greek graffiti in St.Sophia of Constantinople in the archive of Robert van Nice (DOP, Washington). Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 24–26 июня 2013. СПб., Наука: 2013. С. 272–278.
- Evdokimova 2011 – Евдокимова А. А. Греческие граффити из собора Софии Константинопольской (предварительные замечания) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2011 г. СПб., Наука: 2011. С. 159–164.

**Alexandra Evdokimova. New Greek graffiti in St. Sophia
of Constantinople in the archive of Robert van Nice.
Part II . Preliminary observation**

The paper presents photos of 25 unpublished Greek graffiti copied in 1969 by Barbara and Robert van Nice in the St. Sophia cathedral of Constantinople and now kept in the personal archive of Robert van Nice (DOP, Washington).

Keywords: Greek graffiti, the St. Sophia cathedral of Constantinople, archive of Robert van Nice.

AMICI И PRAVI: ДВА РАЗНОЧТЕНИЯ В XIII ЭПОДЕ ГОРАЦИЯ

В статье рассматриваются две текстологические трудности в 13-м эподе Горация: в 3-м стихе предлагается следовать тексту Боржака, понимая номинатив *amici* в значении «как друзья», что получает смысл, если поэт обращается к слуге (cf. Carm. 1, 38); также приводятся новые аргументы в пользу варианта *pravi* в 13-м стихе.

Ключевые слова: Гораций. Эподы Горация, Рукописная традиция Горация, 13 эпод, Хаусмэн, Housman, Pravius

1. Amici

На 18 стихов XIII эпода приходится 6 текстологически сложных мест, из которых два особенно заинтересовали исследователей. Уже в 3-м стихе простое на первый взгляд слово *amici* вызвало волну исправлений:

<i>Threicio Aquilone sonant. Rapiamus, amici,</i>	3
<i>Occasionem de die, dumque virent genua</i>	4
<i>et decet, obducta solvatur fronte senectus.</i>	5
<i>tu vina Torquato move consule pressa meo.</i>	6
<i>Cetera mitte loqui ...</i>	7

amici Borzsák; , *amici*, Klingner; *amice* Bentley; *amica* Palmer; , *Amici*, Housman.

Текст приведен по изданию Клингнера, поскольку именно в нем проще всего заметить несоответствие множественного числа *amici* в 3-м стихе и обращения к одному лицу в 6-м (*tu... move*) и 7-м (*mitte loqui*) стихах. Другое, менее значительное, но тем не менее требующее объяснения обстоятельство состоит в том, что в симпозиальной лирике Гораций обычно использует слово *sodales* (Carm. 1, 27, 7; 37, 4) и никогда – *amici* (Brink 1982: 41).

Существует три возможных подхода к проблеме перехода от множественного числа к единственному.

Джозеф Дельц и, судя по изданному тексту, Фридрих Клингнер вообще **отказываются видеть здесь проблему** (Дельц называет ее *Scheinproblem*): после призыва к друзьям Гораций

обращается к одному из них – *einer der amici* (Delz 1988: 498)¹. В рамках этого понимания текста заметны попытки связать *Sing.* в 6-м стихе с одним из пирующих, которому поручен выбор вина: это или *симпосиарх*, или *гость*, которому по утверждению многих комментаторов (Kilpatrick 1970: 136, Mankin 1995: 217; Watson 2003: 426) принадлежало право выбрать вино для пира. Однако последнее обстоятельство иррелевантно для разбираемого места даже не из-за недостаточных доказательств существования этого обычая², а поскольку все равно не ясно, кем же является поэт – гостем («*Достань такое-то вино, я его выбираю*»), или хозяином («*я настоятельно советую тебе выбрать*»).

На наш взгляд проблему усугубляет не до конца ясное выражение *vina movere*, которое, будучи понято буквально, означает действие, которое ни *симпосиарх*, ни *гость*, ни *хозяин* производить не будут, и Уотсон допускает, что стих 6 обращен к слуге (Watson 2003: 426).

Однако «*cetera mitte loqui*» в 7-м стихе при любом из этих предположений остается без объяснения – к этому моменту остальные друзья загадочно исчезают.

У тех, кто не может допустить такого «поворота событий», есть две возможности. Первая – **исправление пунктуации** – *amici* без запятой становится *Nom. Pl.*, но подразумевает всего двух участников, один из которых обращается в дальнейшем к другому. Тем не менее объяснить номинатив едва ли проще, чем вокатив – почему поэт подчеркивает, что именно *будучи друзьями* лучше скоротать ненастный день за вином? Это уточнение наводит на мысль о предшествующей размолвке или же просто излишне. По этой причине ни один из новейших комментариев не следует чтению Иштвана Боржака, а многие издания и работы последнего времени содержат более **радикальные исправления рукописного текста**:

а) Первым заметивший досадное несоответствие числа Ричард Бентли предложил исправление **amice**. Однако впослед-

¹ Однако Дельц не приводит примеров сходных переходов в римской поэзии, а также его мнение по поводу этого конкретного исправления текста следует воспринимать в контексте всей его рецензии на издание Шаклтона Бейли, начинающейся, в частности, словами «Richard Bentley redivivus!».

² В подтверждение приводят сходное с разбираемым стихотворение *Carm.* 3, 21, 5–8, *Sat.* 2, 8, 16–17 (где выбор должен сделать Меценат) и весьма сомнительные слова Тримальхиона «*Vinum, inquit, si non placet, mutabo; vos illud oportet bonum faciatis*» (*Petr. Sat.* 48, 1).

ствии было замечено, что при вокативе ед. числа Гораций всегда называет друга по имени: *amice Valge* (Carm. 3, 8, 5); *Postume... amice* (Carm. 2, 14, 1–6); Epist. 1, 18: *Liberrime Lolli* (1), *amice* (106). Против этого исправления говорят и античные схолии – *hortatur amicos suos, ad amicos*, что означало бы очень раннюю порчу текста. В настоящий момент вариант *amice* обычно указывается в критическом аппарате, однако нельзя не согласиться с Бринком, назвавшим это исправление *mechanical*.

б) Исправление Пэлмера **amica** никто всерьез не рассматривает: подруг Гораций также называет по имени, да и общий контекст стихотворения создает впечатление мужского круга (cf. *diris sollicitudinibus* в стихе 10 и мифологический пример).

в) Наиболее популярно минимальное исправление Альфреда Хаусмэна (Housman 1923: 104) **Amici** (Voc. Sg. от имени *Amicius*). Хотя никаких сведений о друге Горация с таким именем у нас нет, Хаусмэн показывает, что это имя засвидетельствовано в надписях (дважды *Amicius* и один раз *Amicia*) и метрически соответствует размеру эпода. До последней четверти XX в. это исправление оставалось в тени³, однако в последнее время получило признание: оно было включено в основной текст Шаклтоном Бейли, к нему склоняется Бринк, называя его «not perhaps certain but most economical», оно обсуждается как возможное восстановление авторского текста в комментариях Мэнкина и Уотсона⁴.

Однако против пусть и изящного исправления Хаусмэна говорят два обстоятельства: прежде всего – двусмысленность слова **AMICI** в античной книге. Сам Хаусмэн полагал, что единственное число в последующих стихах даст читателю понять, что **AMICI** – Voc. Sg., однако мы знаем, что это не так – начиная с античных схолий читатели понимают текст иначе. Уотсон называет вариант **AMICI** «слишком двусмысленным»

³ Бринк (Brink 1982: 42) пишет: «For his pains Housman earned complete silence from the editors of Horace».

⁴ Единственным противником упоминания имени Амиций в 13-м эпode можно назвать Росса Килпатрика (Kilpatrick 1970: 140): он считает местом действия стихотворения – Филиппы, прототипом – лирику Архилоха, а адресатом стихотворения – Мессалу Корвина, упоминающего в Оde 3, 21, 7 в поразительно сходном контексте – он требует (*Corvino iubente*) подать вино 65 г. до н. э. – консульства Л. Манлия Торквата. Таким образом, Килпатрика устраивает любое упоминание друга или друзей, кроме прямого адресата, некоего Амиция.

(intolerably ambiguous, Watson 2003: 425), и мы склонны с ним согласиться⁵.

Другое наше возражение носит скорее логический характер – поскольку ничего о человеке с таким именем неизвестно (а источники для этого периода дают достаточное количество просопографических сведений), то вряд ли стоит плодить друзей Горация без необходимости, ведь включать *Amici* в основной текст и в указатель имен издателей заставляет не столь и серьезная стилистическая шероховатость.

Мы бы хотели предложить вернуться к рукописному тексту, однако в пунктуации Боржака: *Rapiamus amici Occasionem de die*, объединив это чтение с комментарием Псевдо-Акрона к 6-му стиху – *alloquitur pincernam*, обращается к виночерпию⁶. Если предположить, что не только 6-й стих⁷, но и все стихотворение обращено к слуге – что встречается в симпозиальной лирике – многих отмеченных выше трудностей можно избежать: номинатив *amici* получает смысл: важно, что поэт предлагает слуге пировать с ним *как другу* (возможно, не рассчитывая дожидаться гостей в страшную бурю, с описания которой начинается стихотворение). Латинское слово *amicus* не подразумевает социального равенства, а характеризует отношение лиц друг ко другу, и одновременно становится понятно, почему не было употреблено обычное для Горация обращение *sodales* – это слово имеет изначально социальное значение ‘товарищ по сообществу, клану’. Выражение *vina movere* в этом случае следует понимать буквально – слуга должен спуститься в погреб и достать амфору с вином.

Возможным параллельным случаем может служить ода 1, 38 (*Persicos odi, puer, apparatus*), обращенная в дружественном тоне к мальчику-слуге, в которой встречаются сходные с *mitte loqui* выражения *mitte sectari* (3) и *nihil allabores sedulous curo* (5–6).

⁵ Напрашивается предположение, что если бы у Горация был друг с этим именем, то он мог бы «обыграть» это имя несколько изящнее.

⁶ Ed. Keller 1902/1967: 424. Редкое слово *pincerna* является заимствованием из греческого и обозначает слугу, смешивающего вино, особенно при дворе восточных монархов.

⁷ Уотсон не предлагает этого решения, утверждая, что *mitte loqui* к слуге обращено быть не может.

2. Parvi / Pravi

Далее о «кресте» в 13-м эпосе. Совет позабыть несчастья на пиру подкрепляется мифологическим примером: даже Ахиллу, которому суждено погибнуть, наставник Хирон советовал смягчать грусть пением и вином. Он предрекает:

te manet Assaraci tellus, quam frigida parvi+ 13

findunt Scamandri flumina lubricus et Simois 14

pravi Schol. var.⁸ *Proni* Bentle *Puri* Peerlkamp

Tardi Meineke *Flavi* N. Heinsius *Ravi* Oberdick⁹

Все кодексы содержат эпитет *parvi*, относящийся к Скамандру, реке в Трое, которая неоднократно упоминается в «Илиаде». Перед нами две возможности – попытаться объяснить этот эпитет или предположить порчу текста и рассмотреть предлагаемые исправления. Ни один из гомеровских эпитетов (εὔροος, βαθύροος, δῖος, καλλίροος) не вызывает впечатления, что эта река небольшая. Более того, в 20-ой песни встречается эпитет μέγας (20, 73), а в 21-ой река восстает против Ахилла, завалившего ее горой трупов (234—241, в эпизоде, традиционно названном *tachē parapotamios*). Из-за упоминания этой реки у Лукана (9, 972: *in scisco serpentem pulvere rivum transierat, qui Xanthus erat.*) было предложено понимать *parvi* как ‘малый’, т. к. со временем Скамандр, ныне Мендере, или высох, или казался гораздо меньше гомеровской славы (так предлагает понимать Орелли). Однако возникает закономерный вопрос, откуда у кентавра Хирона это скептическое отношение просвещенных римлян? Кроме того, Плиний Старший называет Скамандр *amnis navigabilis* (N. H. 5, 124), что ставит под сомнений как правильность представлений Лукана, так и основанные на его пассаже предположения. Вторая группа объяснений видит в эпитете ‘малый’ намек на противопоставление реки или с Ахиллом, названным *grandis* в 11-ом стихе, (Wickham 1896: ad loc.), или с самой собой в разгар битвы (Heinze 1937: ad loc.).

⁸ *Si pravi tortuosi, non recti, sinuosi, sive <parvi> exigui* (ed. Keller 1902/1967: 424). Поскольку вариант *pravi* засвидетельствован в схолиях, не столь важно, присутствует ли этот вариант у Comm. Cruq., как указывает ряд изданий, в частности Бентли и Шаклтона Бейли.

⁹ Два цветочных эпитета *flavi* и *ravi* по замыслу ученых призваны соответствовать другому названию Скамандра – *Xanthus*.

Однако в целом эпитет следует признать неподходящим или даже невозможным (intolerable, Watson 2003: 434). Из возможных исправлений¹⁰ предпочтительным кажется **pravi** – оно засвидетельствовано в античном материале и единственное дает ответ на вопрос – почему вообще возникла порча текста. Для остальных восстановлений этот вопрос остается без ответа – все предложенные прилагательные встречаются часто и вряд ли могли быть заменены на *parvi* еще до создания схолий. Ошибку при переписывании *pravi* > *parvi* можно не только предположить, но и обнаружить в рукописной традиции Горация (A. P. 36 – *naso pravo*). Джиангранде (Giangrande 1966: 157–160) утверждает, что перед нами первоначальное авторское чтение.

Основное значение прилагательного *pravius* – ‘не прямой’, ‘неправильный’, и, казалось бы, для реки могло бы означать ‘петляющий, зигзагообразный’, что указано и в схолиях (*tortuosi, non recti, sinuosi*). Однако *pravius* принадлежит к сфере других, более абстрактных значений, едва ли не единственный раз это прилагательное характеризует материальный объект у Лукреция в описании дома, построенного с помощью кривого угольника (4, 517), что дает другое значение – не соответствующий чему-то правильному.

Вместо этого плохо засвидетельствованного значения нам хотелось бы предложить понимать *pravi Scamandri* как персонификацию, что хорошо согласуется как с текстом гомеровского эпоса, так и с другими случаями использования этого тропа в разбираемом стихотворении: *tellus manet* (13), *lubricus Simois* (13–14), *mater caerulea* (16). Можно отметить, что не *сам* Скамандр разделяет Троаду, а *его воды* (*flumina*).

Это понимание не лишено трудностей: в описании лиц и персонажей прилагательное *pravius* означает обычно не ‘несправедливый’, ‘нерасположенный’, а именно ‘испорченный’, ‘не соответствующий (физической или моральной) норме’ (англ. *misguided, perverse*, OLD 2 b), что трудно соотнести с персонификацией реки, пусть даже и враждебной герою, а кроме того обычно относится не к самому лицу, а к его свойству (е. г. Sall. Cat. 5, 1: *ingenio malo pravoque*; Hor. Epist. 2, 2, 152–3 *pravam stultitiam*).¹¹

¹⁰ Borzsák: qua lectione non contenti v. d. permulta minus apta proposuerunt machē illam parapotamion ante oculos habentes.

¹¹ Значение ‘incompetent’ (OLD 3 b) основано на характеристике Тарквиния Гордого (Liv. 1, 53, 1: *Nec ut iniustus in pace rex, ita dux belli*

Между тем в пользу как варианта *pravi*, так и понимания его здесь как 'недоброжелательный', 'зловредный' говорит большое количество прилагательных, которые могут описывать как реки, так и персонажей: прежде всего эпитет второй реки *lubricus* <*Simois*>: 'быстро текущий' о реках, 'обманчивый' о людях (е. г. Verg. A. 11, 716: *lubricus temptasti*, Serv.: *Mobilis, fallax*). Прилагательное *frigidus* может использоваться сходным образом (Ovid. Am. 2, 7, 9: *in te frigidus*).

В заключение хотелось бы привлечь внимание к желательности методологического единообразия в решении вопросов, возникающих в связи с рукописной традицией: если издатели не решаются устранить неудачное *parvi* из стиха 13, то следует оставлять и вокатив *amici*, пусть это и создает незначительное неудобство. И напротив – если вводить изменение в 3-м стихе, то засвидетельствованное уже в схолиях *pravi* тоже имеет право на существование в основном тексте.

Литература

- Brink 1982 – Brink C. O. Horatian notes III: despised readings in the manuscripts of the Epodes and a passage of Odes Book III // Proceedings of the Cambridge Philological Society. N. S. 28 (1982). P. 30–56.
- Delz 1988 – Delz J. Rez. Q. Horati Flacci Opera. Rec. D. R. Sheckleton Bailey // Gnomon 60 (1988) 495–501.
- Giangrande 1966 – Giangrande G. Latin Contributions. // Eranos 64 (1966). P. 153–160.
- Heinze 1937 – Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden. Erkl. von A. Kiessling. 7. Aufl. besorgt von R. Heinze. Berlin, 1937.
- Housman 1923 – Housman A. E. Horace, Epode 13. // Classical Review. 37 (1923). P. 102–106.
- ed. Keller 1902/1967 – Keller O. Pseudoacronis Scolia in Horatium vetustiora. Vol. I. Stuttgartiae, 1967 (1902).
- Kilpatrick 1970 – Kilpatrick R. S. An Interpretation of Horace, Epode 13 // Classical Quarterly. N. S. 20. 1970. P. 135–141.
- Mankin 1995 – Horace. Epodes. Ed. by D. Mankin. Cambridge, 1995.
- Watson 2003 – Watson L. C. A commentary on Horace's Epodes. Oxford, 2003.
- Wickham 1896 – The Works of Horace. Ed. E. C. Wickham. Oxford, 1896.

pravius fuit.) Однако в дальнейшем говорится: *quin ea arte aequasset superiores reges ni degeneratum in aliis huic quoque decori offecisset*, т. е. здесь тоже можно видеть значение 'не соответствующий (физической или моральной) норме'.

Критические издания произведений Горация

- Q. Horatius Flaccus. Rec. G. Orellius. Ed. tert. cur. G. Baierus. Turici, 1850.
Q. Horatius Flaccus. Ex rec. Richardi Bentleii. T. II. Ed. tert. Berolini, 1869.
Q. Horati Flacci Opera tert. Rec. F. Klingner. Lipsiae, 1959.
Q. Horati Flacci Opera. Rec. S. Borzsák. Lipsiae, 1984.
Q. Horati Flacci Opera. Rec. D. R. Shackleton Bailey. Stuttgartiae; Lipsiae, 1995.

S. K. Egorova. *Amici* and *pravi*: two obscure passages of Horace's 13th Epode

The article deals with two obscure passages of Horace's 13th Epode: *amici ... tu* (v. 3-6) and *parvi Scamandri* (v. 13-14). In the former passage it is suggested to follow Borzsák's text (*rapiamus amici occasionem*) with the interpretation "as two friends", the poem being addressed to a servant-boy (cf. Carm. 1, 38); in the latter case the author shows preference for the scholia variant *pravi* which might mean here 'perverse' and describe the river-god.

Keywords: Horace's Epodes, Epode 13, manuscripts of the Epodes, A. E. Housman, Pravius.

КАФАРЕВУСА В СОВРЕМЕННОЙ НОВОГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ – ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ ДИАХРОНИИ?

В новогреческом языке долгое время официально функционировали две литературные нормы – кафаревуса (высокая, ориентирующаяся на древнегреческий язык) и демотика (обыденная, основанная на разговорном языке). В 1976 году кафаревуса была официально отменена, но при этом все большее количество современных греческих писателей и поэтов используют в своем литературном творчестве «отмененную кафаревусу» или просто переходят на нее. Статья представляет собой попытку интерпретации ренессанса кафаревусных форм в современной греческой литературе и жизни.

Ключевые слова: новогреческий язык, кафаревуса, демотика, современная греческая литература.

Введение. Новогреческий язык как повод для теории диглоссии

Новогреческий язык не случайно выступил как повод и в некотором роде модель для разработки теории лингвистической диглоссии. Этот термин связывается обычно с именем Чарльза Фергюсона (Ferguson: 325–340). В соответствии со сформулированной им гипотезой, диглоссия обозначает ситуацию, когда в обществе параллельно существуют две формы одного языка – книжная, высокая, связанная с письменной традицией и обыденная, связанная с узусом. Впоследствии исследователи стали говорить о сосуществовании двух языков, однако данное уточнение не является принципиальным. Сегодня диглоссией принято считать «параллельное владение двумя подсистемами одного национального языка и использование их в зависимости от ситуации и сферы общения» (Беликов, Крысин 2001: 56)

По Фергюсону, эти две формы неизбежно находятся в состоянии дополнительной дистрибуции – то есть принципиально невозможно их пересечение и более того, носителями они воспринимаются как единое целое – поскольку сферы их употребления никогда не пересекаются.

В качестве примеров стран, для которых характерно существование диглоссии, Фергюсон назвал Гаити, немецко-говоря-

щую Швейцарию, страны арабского Востока и Грецию. Тем не менее, следует отметить, что в действительности появление термина «диглоссия», а также и самой теории о диглоссном состоянии языка носило, очевидно, этнолингвистический характер, будучи продиктовано спецификой греческой языковой ситуации. Интересно, что Фергюсон воспользовался термином, который уже был введен в обиход греческими учеными.

Впервые этот термин был использован в 1885 г. блестящим греческим романистом и эссеистом Эммануилом Роидисом. Самый остроумный из греческих литераторов, Роидис писал исключительно на книжной кафаревусе, но, парадоксальным образом, являлся на идеологическом уровне страстным поклонником разговорной демотики. Затем термин «диглоссия» был введен во французскую лингвистическую традицию лингвистом Иоаннисом Психарисом (при этом Психарис ссылается на Роидиса). Психарис описал это явление как сосуществование высокого и низкого вариантов языка, утверждая при этом, что подобная ситуация характерна для восточных стран и приводя примеры языковых ситуаций санскрита, арабского, китайского – и греческого. Убежденный последователь немецких младограмматиков и по-французски либеральный Психарис был склонен объяснять диглоссию социальным неравенством и со всей силой своего недюжинного темперамента боролся с ней, насаждая демотику (Mackridge 2009: 27).

В свою очередь, формы *καθαρεύουσα* досл. ‘очищающая’ и *δηϊοτική* ‘народная’ были впервые использованы как прилагательные женского рода, относящиеся к слову «язык» или «диалект» Никифором Феотокисом в 1796 г. и Панайотисом Кодрикасом в 1818 г. (Mackridge 2009: 29). Довольно скоро эти лексемы стали использоваться для обозначения двух вариантов греческого языка. Принципиально, что в данном случае мы имеем дело с двумя языковыми формами, отличающимися на всех языковых уровнях – фонетическом, морфологическом и синтаксическом. В 1959 году на тот момент, когда Ч. Фергюсон писал свою знаменитую статью о феномене диглоссии, в греческом языке официально функционировали две нормы – кафаревуса – высокая (ориентирующаяся на древнегреческий язык) и демотика обыденная (основанная на разговорном языке).

Как будет показано ниже, в действительности ситуация в новогреческом была гораздо сложнее и неоднозначнее, но

сейчас нам принципиально важно обрисовать ее хотя бы схематически.

В 1976 году кафаревуса была официально отменена, официальным языком стала демотика, формально ориентированная на разговорный язык. Но не только древнегреческий лексикон, но и некоторые архаические черты морфологии продолжали существовать в новом литературном языке – более того, возникает ощущение, что с течением времени архаизаторские тенденции отчасти усиливаются. Официально отмененная кафаревуса в преображенной форме продолжает свою жизнь в современном литературном новогреческом языке. И параллельно с этим мы сталкиваемся с явлением еще более необычным – все большее количество современных греческих писателей и поэтов используют в своем литературном творчестве «отмененную кафаревусу» или просто переходят на нее.

Данная статья представляет собой попытку первого приближения и частичной интерпретации этого явления – странного и, на первый взгляд, необъяснимого ренессанса кафаревусных форм в современной греческой литературе и жизни.

Удачным введением в проблему, как кажется, может послужить отрывок из недавно опубликованного рассказа современной греческой писательницы Васы Ксанфаки (Ξανθάκη 2005):

Ενώ κατέβαινον ολίγον μετ' ολίγον, συγχρόνως ομιλούσαι χαμηλοφώνως δια το έν και διά τό άλλο και συλλέγουσαι αδιακόπως χόρτα και άνθη, και το «ψωμί του κούκου», γαλαζωπόν και σαρκώδες ζουμπούλιον, αν και τον ίδιον τον κούκον δεν άκουσαν, επέρασε εμπρόσθεν αυτών, επιστρέφων είς το κτήμα του, ο Θόδωρος ο Τσιλγκάκος, γέρων περίπου ογδοηκονταετής, επάνω είς τον μοναδικόν πλέον του χωρίου ημίονον και τας εχαιρέτησεν ευχόμενος κατ' αυτάς καλήν Ανάστασιν.

‘В то время, как они потихоньку спускались, (одновременно) беседуя тихими голосами о том и о сем и непрерывно собирая травы, цветы и «хлеб кукушки», голубоватый гиацинт с мясистым и сочным стеблем (самой кукушки они при этом не слышали), Федор Цилингакос, восьмидесятилетний старик проехал мимо них, возвращаясь в свою усадьбу верхом на единственном в деревне муле, и поздравил их с Пасхой’.

В греческом тексте жирным шрифтом выделены кафаревусные формы, употребление которых в узусе маловероятно или

невозможно. При этом можно предложить некоторую шкалу частотности кафаревусных форм в узусе:

1. Кафаревусные финитные глагольные формы и древнегреческие предлоги (ср. *εἰς* 'в' (употребляется с винительным падежом, обозначает направление) *διὰ* 'через', *ἐμπρόσθεν* 'перед', *κατά*, ср. в тексте *κατ' αὐτάς* 'с ними', с архаической формой личного местоимения ж. р. мн. ч.) практически исключены.

2. Следует отметить при этом, что наречные формы *ολίγον μετ' ολίγον* 'мало помалу', а также предлог *ἐμπρόσθεν* в сочетании с местоимением в родительном падеже – *ἐμπρόσθεν αὐτῶν* имеют, с одной стороны архаическую окраску, а с другой, могут восприниматься как диалектно окрашенные формы. Это очень распространенное явление в языке греческих писателей, часто обыгрываемое и связанное с естественной архаичностью диалектов.

3. Активные причастия настоящего времени на *ων*, *ούσα*, *ον* употребляются достаточно редко, но возможны, а кафаревусные наречия на *-ως* употребляются в современном новогреческом фактически параллельно с демотическими наречиями на *-α* (в тексте мы выделили их курсивом).

Автор текста писательница Васа Ксанфаки замечательно чувствует «панхронную» природу греческого языка. Многие годы она писала на демотике, сознательно (из идеологических соображений) лишая себя роскоши диахронической языковой игры.

Писательница говорит, что в 50-е годы, когда она только начинала писать, ей стоило больших усилий отказаться от употребления кафаревусных глагольных форм и заставить себя перейти на демотические аналитический перфект и аорист. Показательно, что в 2012 году впервые за свою более, чем пятидесятилетнюю писательскую карьеру Ксанфаки обращается к кафаревусе. Внешне чрезвычайно простые рассказы идално укладываются в постмодернистскую модель. Текст, который мы рассматриваем, является отсылкой к одному из самых знаменитых греческих прозаиков XIX века – Александру Пападиамантису. В рассказе описывается посещение двумя женщинами деревенской церкви деревни Амбелаки. Пападиамантис, уроженец острова Скиафос, сын священника, является одним из самых сложных и неоднозначных греческих писателей. Греческие критики часто сравнивают его с Достоевским. Но в народном

сознании его рассказы часто воспринимаются как идиллические зарисовки островной жизни, проникнутые глубоким религиозным чувством. Именно такой текст и создает Ксанфаки – изящная и ясная кафаревуса, как и у Пападиамантиса, оживляется вкраплениями народных названий трав «трава кукушки» и разговорной интаноцией – ολίγον μετ'ολίγον 'мало-помалу', где сочетание кафаревусных наречий и кафаревусного предлога μετá приобретает совершенно народное звучание. Фактически, в вечном споре XX века – можно ли выделить отличительные черты, отличающие литературу от не-литературы, можно с уверенностью сказать, что в контексте греческой культуры данный текст безусловно воспринимается как литература – но при переводе на русский он станет звучать в лучшем случае как журналистская зарисовка. Литературным текст Ксанфаки делает кафаревуса – и, по-видимому, этот текст невозможно адекватно перевести ни на один европейский язык – рассказ Ксанфаки держится на панхронной основе.

Эталонные тексты и формирование литературного стандарта

Анализ специфики формирования литературной нормы в разных языках неизбежно приводит нас к выводу о важности эталонных текстов. Кодификация (закрепление определенных реализаций в словарях и грамматиках) явилась результатом существования подобных текстов с высоким авторитетом чаще всего для литературных языков с устойчивой и жесткой нормой. Заметим, что наличие эталонных текстов засвидетельствовано далеко не для всех языков; складывается впечатление, что в случае, когда такие тексты отсутствуют, кодификация затруднена и понятие нормы в значительной степени размыто.

Очевидно, что гениальные создатели первых алфавитов на интуитивном уровне прекрасно отдавали себе отчет о фонологической системе своего языка, и, соответственно, на тысячелетия предвосхитили достижения современной фонологии. Примерно так же великие творцы эталонных текстов обладали невероятной языковой интуицией, следуя за логикой системы в ее реализациях. Авторитет эталонных текстов был столь велик, что кодификаторам на академическом уровне осталось только зафиксировать результаты сознательной языковой деятельности этих творцов. Иосиф Бродский, которого очень волновала эта проблема, сформулировал ее как «важность следования «дик-

тату языка» и так, в частности, писал о Достоевском: «Во многих отношениях Достоевский был первым нашим писателем, доверявшим интуиции языка больше, чем своей собственной. И язык отплатил ему сторицей» (Бродский 1999: 195). И дальше «при необходимости исследовать бесконечность, будь то бесконечность религиозная или бесконечность собственной души, нет орудия более дальнобойного, нежели его в высшей степени флективный, со спиральными витками синтаксиса, родной язык» (там же: 196)

Норма русского литературного языка, сформированная на основе пушкинских текстов, отличается высокой устойчивостью. Естественно, что при сравнении современного стандарта русского литературного языка с русским языком XIX в. обнаруживаются бросающиеся в глаза расхождения между установками образованных носителей языка. Примеров таких расхождений можно привести довольно много, тем не менее, мы имеем дело с престижной и разработанной нормой, которая, очевидно, тормозит языковые изменения. Так, например, язык пушкинских писем мы воспринимаем как достаточно близкий нам. Такая ситуация традиционно воспринимается носителями русского языка как достаточно естественная, А. М. Пешковский писал по этому поводу следующее: «Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло пользоваться литературой своей одного предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествовавшей литературой. Если бы Чехов уже не понял Пушкина, то, вероятно, уже не было бы и Чехова, слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое писание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой литературы» (Пешковский, 1956: 54–55) Литературной нормой, по словам Пешковского, признается то, «что было и что есть, но отнюдь не то, что будет».

Обращаясь к греческой ситуации, мы сталкиваемся с парадоксальным явлением – несмотря на очевидный консерватизм лексики, относительная интенсивность языковых изменений на определенных этапах была очень высока. То, что представлялось Пешковскому противоречащим логике здравого смысла и абсурдным – допущение возможной непонятности следующему

поколению литературных памятников, созданных два поколения назад, имеет место в современном новогреческом.

Тексты выдающихся греческих прозаиков второй половины XIX века – Визиноса, Ройдиса, Пападиамантиса и других – в настоящее время фактически непонятны современному (не получившему классического образования) греческому читателю. По значимости в контексте греческой литературы эти писатели сопоставимы с классиками русской прозы: по общему убеждению, речь идет о самых выдающихся писателях XIX века. Это странное и драматическое (если не трагическое для греческого сознания) явление объясняется знаменитым греческим языковым вопросом.

Упразднение кафаревусы в 1976 году не решило проблемы разрыва между двумя письменными вариантами языка – основанным на разговорно-обиходной модели и высоким, книжным. Кафаревусу перестали преподавать в школе, параллельно упразднили и преподавание древнегреческого языка в школе и великая проза XIX века стала совершенно непонятной современным носителям новогреческого языка.

Интересно, что в контексте греческого языка именно очень рано (к V в. до н. э.) сформированное и закрепленное понятие литературной нормы в конечном счете способствовало установлению и функционированию соответствия, сформулированного Эудженио Косериу как «система – норма – речь». Судя по ошибкам и оговоркам византийских авторов, предписаниям аттикистов, как не следует писать, уже к началу нашего тысячелетия разрыв между узусом и нормой был огромным. Византийцы, очевидно, не думали на том языке, на котором писали. Немыслимый гнет античного наследия и приверженность архаизированной норме привели к тому, что система и норма в обозначенной Косериу триаде перестали взаимодействовать, вследствие этого речь перестала контролироваться, сдерживаться нормой и «вышла из-под контроля».

По всей вероятности, именно неполное соответствие универсальной competence, и индивидуальной performance и определяют своеобразие каждого языка. Соответственно, performance описывается легче, чем competence и описывать лингвистические явления на уровне языка сложнее, чем на уровне речи. Подобное описание неизбежно предполагает высокий уровень теоретического обобщения. В ситуации новогреческого языка

анализ осложняется тем, что довольно сложно сказать, об описании системы какого именно языка *stricto sensu* идет речь.

Пуристическая тенденция, наложившая определенный отпечаток на весь ход развития новогреческого языка, определила и консервативный характер лексики. Словарный состав всякого языка неминуемо нуждается в некотором обновлении – ряд слов, «семантически изнашиваясь», заменяется новыми словами, несущими эмоционально-экспрессивную нагрузку. Греческий язык не является в этом отношении исключением и, следовательно, ограниченное количество заимствований приводит к тому, что словообразование начинает играть в этих условиях особо важную роль.

Идея о закреплении в качестве языковой нормы «языка народа» была связана с философией романтизма, демотикистские тенденции зарождаются в XVIII в. и окончательно закрепляются в конце XIXого. Однако представляется, что демотика мало соответствует реальному узусу, поскольку понятие узуса весьма относительно. Скорее речь идет о закреплении некоего наддиалектного койне (термин А. В. Десницкой), языка демотических народных песен, так называемой «высокой демотики». С точки зрения реальности это безусловно такой же фантом, как и кафаревуса.

Кафаревуса, в свою очередь, ни в коей мере не являлась копией книжного литературного языка Византийского государства. Это «искусственный язык», созданный в чрезвычайно короткие сроки во второй половине XIX в. Тем не менее, этот язык создавался по намеренно архаизированным образцам и в определенном отношении являлся более консервативным, чем книжный византийский язык. Таким образом, греческую языковую ситуацию мы можем рассматривать как своего рода континуум, на полюсах которого находятся некие идеальные объекты, характеризующиеся различиями на фонетическом, морфологическом, лексическом, грамматическом уровнях.

Из сказанного выше следует, что в случае современного новогреческого языка мы имеем дело с явлением, которое И. А. Бодуэн де Куртенэ предлагал интерпретировать как «археологическое смещение» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 362–372), а Т. В. Цивьян как «панхронное» состояние языка. В новогреческом языке параллельно на разных регистрах существуют формы, впервые засвидетельствованные много веков назад и возникшие в наше время. Часто они синонимичны и разли-

чаются лишь стилистически. Кафаревуса, которая начиная с 1976 года, прекратила свое существование как официальный язык, тем не менее вполне употребительна на уровне большого количества клишированных выражений, цитат и просто переключения кодов. Говоря на демотике и желая либо пошутить либо придать своей речи оттенок научности или торжественности, носитель языка может перейти на кафаревусу или просто употребить кафаревусный глагол или наречие.

Поиски совершенного языка и греческий языковой вопрос

Умберто Эко принадлежит замечательно интересная книга об утопии совершенного языка, ставшей наваждением европейской культуры (Эко 2009).

Мысль о том, что все несчастья человечества обусловлены несовершенством языка была сформулирована очень рано и многократно повторялась вплоть до нашего времени. Эта идея разрабатывалась целыми философскими направлениями. Казалось, что «исправление языка» повлечет за собой улучшение и преображение мира. Эко показывает, что в представлениях человечества можно выявить три возможности достижения совершенного языка:

- Возврат к одному из древних языков, которые в силу определенных исторических причин считаются совершенными (в контексте европейской культуры речь обычно идет о древне-еврейском, греческом или латыни).

- Создание некоего искусственного совершенного языка (например, эсперанто) или трансформация уже существующего языка (например, Данте).

- «Каббалистический путь» («дешифровка» естественного языка с привнесением в него эзотерических смыслов, путь прозрения высшей мудрости).

Первому направлению Эко не уделяет особенного внимания, его гораздо больше занимают «каббалистическая» и «реформаторская» линии¹, но история мучительных попыток греков вернуть утерянный языковой рай могла быть стать отдельной увлекательной главой в его книге.

¹ Различные программы по преобразованию и усовершенствованию естественных языков отчасти напоминают выведение гомункула в пробирке и, очевидно, привлекают Эко своим алхимическим флером.

В отличие от многих других народов греки точно знали, когда был их «золотой век» и на каком языке говорили их великие предки.

В действительности, не вполне ясно, отчего грекам не удалось в конце концов вернуться к некоторому упрощенному варианту древнегреческого, отчего им не удалось воплотить тот грандиозный лингвистический эксперимент по реанимации великого мертвого языка, который столь успешно был реализован в Израиле. Казалось, что на определенных поворотах своей истории грекоязычный мир был близок к тому, чтобы сделать литературным стандартом максимально архаизованный язык. Но история не терпит сослагательного наклонения и сегодня уже очевидно, что этого не произойдет никогда.

На протяжении всей истории существования греческого языка в нем действовали центробежные и центростремительные тенденции. Стремление не меняться и снова и снова воссоздавать античность привела сторонников консервативной линии развития языка к некоторому тупику, в результате чего лучшие произведения греческой литературы конца XVIII – нач. XIX вв. были написаны авторами, первым языком которых был итальянский или французский (Елоева 2011). И это вовсе не удивительно. Носители греческого были слишком связаны своими обязательствами перед великим прошлым и архаизаторскими установками. Последнее, как представляется, дает нам право говорить о поэтике «дигенисов» в греческой литературе.

Именно поэтому создателями лучших образцов греческой литературной речи явились те, кого в контексте отечественной истории можно было бы назвать «безродными космополитами» – обитатели диаспоры, первым языком которых чаще всего не был греческий (Винчецо Корнарос, Дионисий Соломос, Андреас Кальвос, Константин Кавафис – этот список можно продолжить). Поэтический гений и европейская гуманистическая образованность дали им возможность наслаждаться греческой литературной традицией не вопреки иным культурам, а параллельно, в гармоническом единении с ними.

Ни один другой язык не может похвастаться столь длительной письменной традицией – греческий засвидетельствован письменно на протяжении почти четырех тысяч лет. Но именно эта документированность часто приводит в отчаяние историка языка и мы готовы повторить сократовское «я знаю, что я ничего не знаю». Создается впечатление, что греки зачастую

писали только для того, чтобы скрыть от потомков простой факт – на каком языке они думали. Это касается и ученойшей византийской принцессы с весьма сложным характером – Анны Комнины, писавшей в XII веке на безупречном аттическом диалекте, и сюрреалиста и практикующего психоаналитика Андрея Эмбрикоса, который в контексте метода автоматического письма писал на кафаревусе, достигая при этом почти гофмановской комичности и выразительности. Постороннему исследователю, пытающемуся сохранить равновесие и не участвующему в греческой языковой игре, довольно сложно понять, отчего такие убежденные сторонники демотики, как Эммануил Ройдис и Георгий Хадзидакис, отстаивая на теоретическом уровне демотику, писали при этом исключительно на кафаревусе и отчего на протяжении тысячелетий в греческом так приняты были парафразы, причем очень часто автор сам переписывал заново свой текст – последнее очень часто это коррелировало с пересмотром идеологических установок.

В последнее время исследователи стали отмечать, что греческая диглоссия основана на механизме взаимодействия двух норм письменного языка, а вовсе не письменного и устного. Этой точки зрения придерживаются Питер Макридж и Родерик Битон и их аргументация представляется вполне убедительной. (Mackridge 2009; Beaton 1994)

Напрашивается вывод, что историю греческого языкового вопроса следовало бы решать в духе гениальной находки Куросавы в его фильме «Расемон». Там история убийства знатного воина последовательно излагается с позиции четырех свидетелей – и всякий раз по-разному. Свет истины может открыться зрителю только в полифоническом звучании – но для каждого зрителя эта истина будет своей.

Таким образом, историю греческого языкового вопроса можно рассматривать как историю трансформации идеологических и политических взглядов участников игры;

- как историю идиолектов отдельных писателей и как историю отношения отдельных писателей к проблеме языка;
- как историю парафраз,
- как историю фальсификаций или историю стилизаций,
- как историю архаизации и пуризма,
- как историю «дигенисов», писателей и поэтов, подходивших к проблеме формирования греческого языкового стандарта с позиций носителя другого языка и иной культуры – и каждая

интерпретация будет абсолютно оправданна и каждая будет по-своему несовершенной.

Вся это сложнейшая мозаичная картина усугубляется еще одним обстоятельством – диглоссия предполагает присутствие одного носителя, оперирующего двумя языковыми вариантами (или языками). Но и это правило далеко не всегда выполнялось.

Замечательный знаток греческого языка и истории, подвижник греческой книжной традиции, равнодушный и страстный Кирьякос Симопулос в своей книге «Язык и 1821 год», описывая языковую ситуацию в период революционных событий в Греции, приводит многочисленные примеры существования непреодолимого водораздела между двумя языками. К этому моменту греки (по крайней мере, значительная часть грекоязычного общества) говорили на двух разных языках – и абсолютно не понимали друг друга.

Николай Вамвас, сподвижник Ипсиланти, обращается к жителям Идры со страстной речью, призывая их исполнить свой патриотический долг: «*Ἦνα ἐκπληρώσωσιν ἐκάστος τὸ χρέος τοῦ*». ‘Чтобы каждый выполнил свой долг’. Толпа, уловившая только слово *χρέος* ‘долг’ во всей его длинной речи, приходит в ярость и освистывает оратора. При прибытии Отона в Триполицу ученый книжник и проповедник Лукас, руководивший торжественной церемонией приема царственной особы, кричит (фактически по-древнегречески): «*Πῦρ κροτοβόλει*», букв. ‘Откройте огонь’. Никто его не понимает и толпа безмолвствует и не реагирует. Тогда раздается громовой голос героя революции Колокотрониса: «*Φοτιά μωρέ!*» ‘Стреляйте, ребята!’ (Σιμόπουλος 1957: 132).

Очевидно, что образованных людей и народ разделяет здесь пропасть – они говорят и думают на двух разных языках.

Интересный языковой материал предоставляют газеты, издававшиеся в послереволюционную эпоху – они написаны на ученом языке с постоянными вкраплениями и пояснениями на французском (на котором, язвительно замечает Симопулос, чаще всего и думали литераторы.)

В период после революции 1821 года особенно ощутимой в молодом греческом государстве становится карнавальная языковая атмосфера почти в бахтинском духе – создаются произведения, где каждый герой фактически говорит на своем диалекте, а автор, очевидно, наслаждается неограниченными возможностями безудержной языковой игры (ср. «Вавилония» Византия и

«Коракистика» Александра Ризоса Нерулиса). И, хотя формально авторы этих многоязычных комедий также говорят о необходимости единого совершенного языка, полемизируя с реформаторской деятельностью Кораиса, но представляется, что речь, в сущности, идет о том, что периферия отстаивает свое право на существование и самостоятельный голос.

Представляется, что за диглосным состоянием стремительно следует постдиглосное. Собственно, сам постулат о существовании диглосного состояния в чистом виде представляется в высшей степени сомнительным. Опыт показывает, что при возникновении двух форм языка, осознаваемых как высокая и низкая, практически сразу же возникает необходимость языковой игры – *Homo Sapiens* является параллельно и *Homo ludens* – чувство юмора и установка на игру и способность к отстранению принципиально определяют человеческую природу. Именно поэтому на определенном этапе неизбежно возникает Батрахомиомахия, поэма о великой войне мышей и лягушек, пародирующая Илиаду Гомера.

Создается значительное количество различных парафраз. Диахронический анализ парафраз и различных переводов и переложений с книжного языка на разговорный и наоборот мог бы сам по себе составить интереснейшее исследование по истории греческого языка. Забавно, что в ряде случаев мы не можем с уверенностью утверждать, какие задачи ставил перед собой автор парафразы, шла ли речь о сознательной архаизации текста или образованный автор сознательно «играл в народность». Очень часто парафразы создавались потому, что тексты написанные на рафинированном высоком языке, были понятны лишь очень ограниченному числу читателей.

Так или иначе, парафразы были чрезвычайно популярны во все времена – причем в некоторых ситуациях сам автор первоначально создавал свой текст на «высоком» или «разговорном» варианте, а затем переводил на другой. В отдельных случаях автор менял свою языковую преференцию и через некоторое время снова переписывал текст на другом языке, примыкая к другому идеологическому лагерю.

Так, многочисленные парафразы принадлежат греческим филологам и литераторам Иосипу Мисодаксу и Димитрию Карацасу, сыгравшим определяющую роль в становлении греческого языкового вопроса в XVIII в. Первоначально стоявшие

за переход на разговорный язык, они впоследствии перекладывали свои тексты на архаизированный греческий.

Классическим примером интересного явления, характерного для греческой словесности, которое можно было бы назвать «апорией парафраз» является история интерпретации и атрибуции различных рукописей эпоса о Дигенисе Акрите.

Как было показано выше, применительно к греческому мы не можем утверждать, что более архаический текст является более древним – у исследователя естественным образом может возникнуть подозрение, что он имеет дело с результатом осознанной стилизации автора. Парадокс ситуации состоит в том, что это в равной степени относится и к «народному» облику текста. Достаточно часто образованные авторы намеренно стилизовали свои поэмы под народную поэзию. (Собственно, необразованный автор по определению не мог «написать» поэму). Самая полная и самая архаическая (очень богатая книжными элементами) версия эпоса представлена в Гроттаферратской рукописи (XIV в.). Трапезундская и Адросская рукописи, очевидно, могут быть возведены к Гроттаферратской. Проблемы для исследователей представила Эскуриальская рукопись (XVI в.). Текст сильно сокращен, в нем присутствуют лакуны, а язык очень приближен к разговорному языку эпохи. Первые исследователи и издатели текстов предположили, что самой ранней является Эскуриальская версия, она была написана на народном языке, а впоследствии был создан архаизованный вариант (Jeffreys 1998). Затем была предложена прямо противоположная гипотеза – эпос в полной мере отражает Гроттаферратская рукопись, ее архаизмы, скорее, не являются результатом стилизации, а вполне соответствуют узусу эпохи, а Эскуриальская представляет уже более позднюю версию, но также подвергнутую литературной обработке. Это классическая ситуация, когда речь идет о греческих парафразах – невероятно сложно со всей определенностью утверждать, что более архаическая версия является более древней, а приближенная к разговорному варианту – более современной, этим обстоятельством объясняются колебания исследователей, часто меняющих свое мнение на прямо противоположное.

«Вчера» и «сегодня» здесь удивительно меняются местами, – пишет по этому поводу С. С. Аверинцев – в качестве примера он приводит драму для чтения, известную под заглавием «Христос – страстотерпец» и представляющую картины евангельских

событий в формах античной трагедии. Это сочинение дошло до нас под именем Григория Богослова и исследователи, как отмечает Аверинцев, до сих пор спорят, «принадлежит ли оно перу Григория, то есть второй половине IV в. или же его следует датировать примерно восемью веками позже и рассматривать как характерный пример поздневизантийского классицизма XII века». Интересно, что в состав трагедии (и это абсолютно характерно для византийской стилистики) входит огромное количество стихового материала, принадлежащего V–III вв. до н. э., строчки, вынутые из текстов Эсхила, Еврипида, Ликофрона и без изменения вставленные в новую словесную постройку – Аверинцев сравнивает это явление с тем, как в архитектурное целое храма св. Софии включены были колонны языческих храмов (Аверинцев: 22).

Очевидно, можно постулировать, что на примере развития литературного стандарта греческого языка в диахронии выявляется особая роль, которую авторитетная книжная традиция играет в консервации языка.

Представляется, что мы имеем право говорить о специфической «рукотворности» греческого, особой важности эстетической функции языка на всем протяжении истории его бытования, что впоследствии отразилось на истории становления стандарта новогреческого. Подобная языковая специфика, постоянное взаимодействие книжной и разговорной нормы, сохранение традиционной орфографии, традиционность школьного обучения, все это замечательно укладывается в философскую лингвистическую школу, представителями которой являлись Фосслер, Бенедетто Кроче, Эмилиу Косериу.

Очевидно, что выработавшееся уже на ранней стадии развития языкознания восприятие языка как некой эстетической ценности, представление об эталонных текстах, напряженный интерес к философии языка отразился на всей последующей истории греческого языка и во многом сказался на консервативности лексики греческого в диахронии.

В период с 1880 до 1976 многие писатели были двуязычны. Писавший на демотике поэт Костис Паламас многие годы состоял в должности ученого секретаря Афинского университета и вел документацию на безупречной кафаревусе. Лауреат Нобелевской премии Георгий Сеферис в своей ипостаси дипломата писал на кафаревусе, при этом вся его поэзия и эссе написаны на демотике.

Таких случаев в греческом контексте было достаточно много – интересно, что здесь официальная сфера – служба отделяются от сферы частной жизни и ее предельного выражения – поэзии водоразделом языка. Интересно, что язык поэзии еще более отшлифован, в большей степени является продуктом обработки и кодификации, чем кафаревуса.

Интересно еще одно обстоятельство. Демотика могла стать сознательным выбором автора, решившего «вытравить из себя» кафаревусу. Именно так очень часто и происходило.

Выше уже говорилось о том, что Эмануил Ройдис призывал в своих эссе писать на демотике, обрушиваясь на искусственность конструкта кафаревусы, но сам при этом всю жизнь писал на прелестной, живой и остроумной кафаревусе.

В своем рассказе «Психология супруга с Сироса», очарование которого на девять десятых составляет языковая игра и особенная, присущая только кафаревусе юмористически отстраненная интонация, Ройдис описывает влюбленного мужа, страдающего от приступов ревности при виде успехов в свете своей красавицы-жены. Новелла отчасти напоминает «Анну на шее» Чехова, но рассказ ведется от имени супруга с принципиально иным настроением повествования – в нем нет чеховской экзистенциальной безнадежности. Скорее, в голосе Ройдиса звучит саркастический стоицизм. Интонация Ройдиса узнаваема – она неизменно язвительно-стоическая. Муж излагает факты биографии своего товарища по несчастью – обманутого мужа, овдовевшего и принявшего решение во второй раз жениться на женщине, сочетающей три необходимых для счастья в семейной жизни качества – «глупость, богатство и полное отсутствие привлекательности». Ройдис пишет:

Την περιζήτητην ταυτην τριάδα προσόντων έχει ёυρει συνηγμένην εις το πρόσωπον της δεσπινίδος Παναγιώτας Τουρλωτής, είδος τι νεαρού ιπποπόταμου, του οποίου ο όγκος εφόβιζε πάντας τους άλλους προικοδιώκτας (Ροΐδη 1995: 28).

«Сию вожденную триаду достоинств сумел обрести он в лице девицы Панайоты Турлоты – некоем подобии юного гиппопотама, объемы которого отпугивали всех прочих искателей приданого...».

Отсутствие кафаревусного плана в русском (равно как и отсутствие литературного дара) не позволяет мне адекватно

перевести этот прелестный пассаж. Но на кафаревусе это звучит превосходно.

Красноречиво свидетельствует в пользу естественности кафаревусы случай греческого поэта Андреаса Эмбирикоса. Последовательный сюрреалист, он был практикующим психоаналитиком, разделял и претворял в жизнь идеи манифеста Андре Бретона – применяя метод автоматического письма, он неизменно пишет на кафаревусе. Интересно, что все отступления в сторону демотики в его творчестве обусловлены отступлением от жесткого и последовательного сюрреализма *per se*. Иначе говоря, когда Эмбирикос начинает обрабатывать свою поэзию, он переходит на демотику. Из этого мы можем сделать единственный вывод, что подсознание поэта говорило именно на кафаревусе.

Греческая писательница Васа Ксанфаки рассказывала мне, как в дни своей юности в 50-е годы она, буквально наступая себе на горло, не позволяла себе в разговорной речи использовать кафаревусные глагольные формы – показательно, что сегодня она в своем творчестве вернулась к кафаревусе и пишет на ней короткие рассказы – зарисовки в духе Пападиамантиса.

В истории греческого языкового вопроса существует еще одна интересная проблема, которую здесь можно только наметить – она требует пристального изучения. К греческому языку, функционирующему между двух идеальных полюсов – кафаревуса – демотика вполне применима теория лингвистической относительности Сэпира-Уорфа. Действительно, идею, что язык представляет собой некую понятийную сетку, накладываемую на мир носителя и что, меняя языки, мы начинаем смотреть на мир иначе, воспринимаем окружающую действительность через призму своего языка, с очевидным успехом можно приложить к греческому материалу.

Некоторые носители греческого языка постулирует феномен «кафаревусной ментальности» – тенденции к клише, риторическим изыскам, демонстрации лексической и драматической виртуозности. Есть значительное количество писателей, которые писали на кафаревусе и затем переключились на демотику и, по их словам, испытали чувство настоящего освобождения. Некоторые информанты сравнивают это чувство языкового раскрепощения с тем удивительным чувством освобождения, которое предположительно испытали христиане Османской империи после освободительной революции 1821 года. По словам Питера

Макриджа, именно греческая литература оказалась троянским конем, на котором демотика внедрилась в греческий узус и одержала победу (отчасти пиррову, как мы попытаемся показать в данной статье) в 1976 году.

Процитируем снова Макриджа (не очень склонный к оценочным высказываниям он с видимым удовольствием отказывается от политкорректности, когда речь заходит о кафаревусе. Он сопоставляет влияние, оказываемое кафаревусой на умы с пагубным влиянием «велеричевой вежливости», которое Лабов постулировал для Standart English «Эта вежливое многословие является именно тем, что с наибольшей легкостью выучивается и проговаривается – результатом этого является то обстоятельство, что отсутствие мыслей заполняется и дополняется словами, за которыми вовсе ничего не стоит (Labov 1970: 202).

Очевидно, что ситуация совсем не так однозначна, и Макридж в своей превосходной книге «Новогреческий язык» (Mackridge, 1985) – с моей точки зрения, самом совершенном и адекватном описании новогреческого из всех существующих на сей день – многократно пишет о сложности влияния на способы языкового выражения, на стилистические особенности и специфику формулировок кафаревусы и демотики, соответственно. Здесь, как очень часто в контексте Греции, речь прежде всего идет о свободе – в данном случае о свободе языкового выражения. И носитель может выбирать между точностью кафаревусы и образностью демотики, а сегодня, при желании, может и сочетать эти подходы.

Выше уже отмечалось, что демотика совсем не означает «разговорный язык», а именно оксюморонное «кодифицированный разговорный». Создатели демотики мыслили ее как кодифицированную письменную форму общегреческого разговорного языка, греческого койне. По Фергюсону, высокая форма гораздо в большей степени обусловлена кодификацией, чем низкая – но в случае греческой ситуации – и здесь начинаются (или продолжают) странности) по-настоящему кодифицирована только демотика.

Однако при этом кафаревуса принципиально не могла быть подвергнута стандартизации, поскольку кафаревуса *par excellence* – гибридное явление, ее идеология – комбинация лексических и грамматических черт, характерных для разных стадий существования языка, коктейль, который в каждом конкретном случае соответствует вкусам, предпочтениям и сиюминутному настро-

ению говорящего или пишущего. И, следовательно, парадоксальным образом, кафаревуса гораздо более свободна, по крайней мере, она свободна от кодификации. Собственно четкое определение кафаревусы отсутствует (традиционно кафаревусой называют язык, на котором написана греческая конституция – более строгое определение отсутствует). Наличие кафаревусного наречия или глагольной формы в предложении автоматически гарантируют, что предложение будет воспринято носителями как кафаревусное.

Корреляция политических и языковых предпочтений

Решение языкового вопроса определенным образом всегда коррелировало и с политической позицией. Последнее справедливо и для двадцатого века, в доказательство можно привести то, что все прогрессивные правительства от Элефтерия Венизелоса в 1917 году до Папандреу поддерживали демотику, в то время как консервативные и реакционные режимы (с единственным исключением – правительства Метаксаса) выступали против включения демотики в систему образования. Интересно, что, отстаивая демотику как государственный язык, консерватор и диктатор Метаксас (весьма эффективный и авторитарный правитель) утверждал, что использование кафаревусы ведет греков к анархии, тогда как жесткие правила и ясная структура демотики – единственный шанс греческого народа на пути к организации и порядку. Эта логика оказалась весьма неожиданной как для консерваторов, так и для либералов, но следует признать, что в интуиции и проницательности (как политической, так и лингвистической) Метаксасу трудно отказать.

На синхронном уровне для греческого можно констатировать необычно высокий (в сопоставлении с другими европейскими языками) процент языковой (в первую очередь, грамматической и лексической) вариативности.

Официально кафаревуса отменена уже с 1976 года, но в силу определенных причин, сегодня мы наблюдаем оживление книжных форм.

Формируются новые парадигмы, комбинирующие кафаревусные и демотические формы.

В последние двадцать лет кафаревуса вновь входит в моду, при этом носители греческого языка перестали задаваться вопросом, какая форма языка предпочтительнее. Говорение и писание текстов по-гречески обещает сегодня наслаждение

удивительной свободой греческой языковой игры – примеры такой безудержной языковой игры мы находим в прозе Париса Такопулоса, а знаменитая в Греции поэтесса Кики Димула со свойственным ей сдержанным изяществом оперирует тремя видами кафаревусы – канцелярской, церковной и высокой и вновь заявляет о стремлении творца переписать мир заново: «Γράψε λάθος» ‘Напиши с ошибкой’; «η αιὐδὸς ἐπιθυμία αὐτὴν ἀρχὴν αὖ ξαναγράφουσαν ὁ κόσμος» ‘желание певца, чтобы мир был переписан с начала’².

Литература

- Аверинцев 2005 – Аверинцев С. С. На перекрестке литературных традиций: (Византийская литература, истоки и художественные принципы), Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 – Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 362–372.
- Бродский 1999 – Бродский И. Катастрофы в воздухе // Сочинения Иосифа Бродского в 7 томах. Т. V. СПб., 1999. С. 188–215.
- Елоева 2010 – Елоева Ф. А. Мне хочется уйти из нашей речи или в поисках совершенного языка // *Variante loquella. Alexander Gavrilo* *Septuagenario. Petropoli*, 2010. С. 80–94 (= *Hyperboreus, studia classica*. Vol. 16–17).
- Кисилиер, Федченко 2011 – Кисилиер М. Л., Федченко В. В. О языке новогреческой литературы // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. Т. VII. Ч. 1. СПб., 2011.
- Пешковский 1956 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

² Возможная отсылка к одному из самых знаменитых поэтических греческих текстов «Отрицание» Ἀρνῆσι Георгия Сефериса, где герои пишут «на белом песке укромного залива» некое тайное имя, (очевидно – слово «свобода»), но веет северный ветер «батис», волна смывает надпись, но это не страшно, возможно в имени заключалась ошибка, и мы вновь и вновь можем писать что-то на горячем песке...

Заключительные слова стихотворения:

Πήραμε τὴ ζωὴ μας λάθος
Καὶ ἀλλάξαμε ζωὴ

Букв. ‘В жизни мы совершили ошибку
И изменили жизнь’.

Несмотря на внешнюю невинность и отвлеченность, стихотворение (и песня, написанная Теодоракисом) были запрещены греческой хунтой.

- Путина 2006 – Путина Α. Α. «Постмодернизм Кики Димула», дипломное сочинение. СПбГУ, 2006.
- Эко 2009 – Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2009.
- Beaton 1994 – Beaton R. An Introduction to Modern Greek Literature. Oxford, 1994.
- Ferguson 1959 – Ferguson Ch. A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15. P. 325–340.
- Jeffreys E. M. 1998, Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial Versions. Cambridge.
- Κεχαγιόγλου 1982 – Κεχαγιόγλου Γ. Από τις απλές μορφές της αφήγησης στην αφηγηματική λογοτεχνία. Μια ανάγνωση του ποιήματος Εἰς τὴν οδὸν τῶν Φιλελλήνων του Ανδρέα Εμπειρίκο // Φιλολόγος. 1982. P. 228–253.
- Kretschmer 1896 – Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- Jeffreys 1998 – Jeffreys E. M. Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial Versions. Cambridge, 1896.
- Labov 1970 – Labov W. The Logic of non-standart English // Giglioli P. P. Languages and social Context. Harmondsworth: Penguin, 1970. P. 179–215.
- Mackridge 1985 – Mackridge P. The Modern Greek Language: A Descriptive Analysis of Standart Modern Greek. Oxford, 1985.
- Mackridge 2009 – Mackridge P. Language and National Identity in Greece 1766–1976. Oxford, 2009.
- Τζιόβας 1993 – Τζιόβας Δ. Το Παλίμψηστο της Ελληνικής Αφήγησης, Αθήνα, 1993.
- Beaton 1994 – Beaton R. An Introduction to Modern Greek Literature. Oxford, 1994.

Тексты:

- Δημουλά 1998 – Δημουλά Κ. Ενός λεπτού μαζί. Αθήνα: Ίκαρος, 1998.
- Δημουλά 2001 – Δημουλά Κ. Ήχος απομακρύνσεων. Αθήνα: Ίκαρος, 2001.
- Ροϊδη 1995 – Εμμανουήλ Δ. Ροϊδη. Εκδόσεις Περίπλους. Αθήνα, 1995.
- Τακόπουλος 1973 – Τακόπουλος Π. Κενή Διαθήκη. Αθήνα: Δαίδαλος, 1973.

F. A. Eloeva. Katharevousa in the modern Greek Fiction – linguistic Experiment or Reflection of Diachrony?

The paper deals with growing use of Katharevousa in Modern Greek fiction in the last decades. It is difficult to define Katharevousa which has never been *stricto sensu* codified (unlike Dimotiki which is the result of codification and language planning). Katharevousa, lit. «puristic [language]», is a conservative form of Greek conceived in the early 19th century as a compromise between Ancient Greek and the spoken form of the language. Roughly speaking, Katharevousa is an idiom combining Modern Greek syntax and Ancient Greek morphology. Katharevousa was used for official and formal purposes, while Dimotiki – 'demotic' or popular Greek, served as the every-day language. This created a diglossic situation

whereby most of the Greek population was excluded from the public sphere and advancement in education unless they conformed to Katharevousa.

In 1976, Dimotiki became the official language of the Greek state, and in 1981 the polytonic system of writing was abolished. Wikipedia characteristically mentions that «by the end of the 20th century Katharevousa became obsolete». In any case, officially Katharevousa is no longer in use and since 1976 has not been taught in schools.

However, we witness the process which nobody could have predicted – on the synchronic level in modern Greek fiction we observe wide use of Katharevousa. Considerable number of Greek writers and poets (including those who have previously declared their preference for Dimotiki) are switching in their writing to Katharevousa. The present article offers an attempt to analyse this situation.

Keywords: modern Greek, Katharevousa, Dimotiki, modern Greek literature.

К ИСТОРИИ ШУМЕР. ANZIL: ОРФОГРАФИЯ, СЕМАНТИКА, ЭТИМОЛОГИЯ¹

Рассматривается слово неизвестного происхождения, которое встречается в шумерских литературных текстах с XXI в. до н.э., обозначает нарушение запрета и не имеет точного перевода. Целью статьи является гипотеза его первоначального значения и этимологии. Внимание также уделяется литературно-мифологическим контекстам, связанным с особенностями его употребления.

Ключевые слова: шумерский язык, шумеризмы в аккадском, аккадизмы в шумерском, семантика, этимология.

Среди слов аккадского языка, обозначающих табуированные действия, особо выделяется существительное *anzillu(m)*. Оно встречается в текстах довольно редко (21 раз) и только со Старовавилонского периода (XX–XVII вв.). Чикагский словарь аккадского языка переводит его как ‘abomination, villainy’. Из словарной статьи *anzillu* следует, что: 1) слово служит синонимом всех прочих слов, обозначающих ошибку, грех, проступок; 2) чаще всего оно употребляется (6 р.) с глаголом *kabāsu* ‘наступить (на что-либо)’², реже – с глаголами *epēšu* ‘делать’, *akālu* ‘есть, кушать’³, *kašāru* ‘связывать; замышлять’; 3) в лексических текстах его аккадскими синонимами являются *ikkibu* ‘табу, табуированное действие’ и *hītu* ‘грех’; 4) в двуязыч-

¹ Сердечно благодарю сотрудника Йенского университета Илью Хаита за критическое чтение статьи.

² В ряде случаев человек клянется божеству, что наступил на запретное по неведению. Например, об этом сказано в молитве личному богу из серии Эршахунга: *anzil ištarija ina la idē ukabbis* ‘на запрещенное моей богиней по неведению я наступил’ (Maul 1988: 238, 35).

³ *lu₂.an.zil.ku₂.ku₂ = ak-lam an-zi-l[i-im]* ‘поедающий запретное’ (OB Lu A 236). В эпосе об Этане это запретное сравнивается с демонами-асакку, ответственными за насылание на людей различных заболеваний: *anzilla ša ilī asakku tākul* ‘запрещенное богами – асакку – ты ел’ (Novotny 2001: 18, 131). М. Геллер считает *anzillu* и *asakku* синонимами и приводит интересный пример из нипурского судебного текста, в котором обвинение в поедании *asakku* предъявляется человеку, присвоившему себе овцу, топленое масло и муку из царских жертв (Geller 1990: 111).

ных текстах его шумерскими синонимами выступают *ni₃-gig* (в Emesal *am₂-gig*) ‘табу’ и *anzil* (CAD A 2: 153). Становится понятно, что наступание на *anzillu* и поедание его были нарушением ритуальных табу и карались осквернением, а сознательное причинение *anzillu* входило в состав наказуемых законом преступлений⁴.

Существительное *anzillu* в разных падежах и в сочетании с притяжательными местоимениями писалось несколькими способами: *an-zil-lu*, *an-zi-il-la-ka*, *an-zi-li-im*. Таким образом, состав консонантов определяется точно, в том числе, и срединный слог /zil/. Удвоение третьего консонанта указывает на заимствование слова (чаще из шумерского языка). В словаре шумеризмов аккадского языка С. Либерман под номером 57 приводит данные по *anzillu*: ‘/anzil/ = /’ansillum/ ‘abomination’ (ansillu, anzillu)’ (Lieberman 1977: 153). Под номером 725 он же дает соответствие между шумерскими лексемами *zil* и *sil* (si-il), считая их орфографическими разновидностями одной и той же основы (Lieberman 1977: 537). Однако перевода основы *zil* Либерман не дает.

Нет никакого сомнения в том, что аккадское *anzillu(m)* является заимствованием из шумерского *anzil*. Но нам совершенно не понятно, что означает это застывшее выражение. Составители Чикагского словаря аккадского языка справедливо замечают по поводу *anzillu*: ‘The original meaning of *anzillu* as an object with which contact must be avoided lest one become ritually unclean ... was lost quite early, and the word is often used as a synonym for sin, transgression, etc.’ (CAD A 2: 153). Однако потеря первоначального смысла характерна не только для аккадского слова, но уже и для шумерского оригинала. Существительное *anzil* встречается всего 7 раз и только в одной форме – *an-zil*, причем никогда не употребляется с падежными показателями.

Старейшие контексты датируются эпохой III династии Ура⁵. Так, в сочинении о свадьбе аморейского бога Марту на девушке по имени Адгар-кидуг (Klein 1997: 99–116) подружка невесты клеветает ей на жениха:

126. u₄ ba-*hi*-a di nu-til-le-[dam]

⁴ Например, в надписях Синаххериба *anzillu* считалось нарушение вассальной клятвы (Gallagher 1999: 120).

⁵ Здесь и далее шумерские литературные тексты приводятся по электронной базе ETCSL, а силлабарии по ePSD. Назализация не обозначается.

127. a₂-še šu-bi ḥa-lam ulutim₂ [ugu₄]-[bi]
 128. an-zil-gu₇-^dNanna-[kam] ni₂ nu-[tuku]

Дни смешались, (а) решение он не принял.
 Ах, руки его – погибель, похожи на обезьяньи,
 Запрещенное Нанной ест он, страха не имеет!

(The marriage of Martu)

А в «Проклятии Аккаду» Нарам-Суэн со своей ватагой врывается в храм Экур и бросает в огонь статуи морских чудищ *лахам*, призванных оберегать храм от непрошенных гостей (Cooper 1983):

130. dub-šen-ku₃-dingir-re-e-ne-ke₄ Uri^{ki} igi i-ni-in-bar
 131. la-ḥa-ma dub-la₂ gal e₂-e sug₂-ga-bi
 132. lu₂ an-zil gu₇-a nu-me-eš-a
 133. ^dNa-ra-am-^dSuen šag₄-izi-ka ba-an-sag₃

На святую сокровищницу богов Ура глаз они положили,
Лакхам на больших пилястрах, стоявших в храме,
 (Хотя) вкушать запретное они не приказывали,
 Нарам-Суэн в огонь бросил. (The cursing of Agade)

В надписи царя Ларсы Синикишама (1840–1836) говорится о благоприятной судьбе, которая постигнет благочестивого хранителя памятников этого царя. Его благочестие, в частности, называется в том, что он an-zil i-ni-in-gar-ra nu-ub-zi-re-a ‘запрет установленный не нарушает’ (IV 14–15; Frayne 1990: 192)⁶. Все остальные контексты связаны со старовавилонскими силлабациями, т. е. они современны самым ранним контекстам аккадского *anzillu*.

Для того чтобы установить первоначальную семантику шумерского *anzil*, следует отдельно рассмотреть обе части этого сложного слова, состоящего из an ‘небо, верх’ и zil – то ли существительного, то ли глагола неизвестного значения. Что касается zil, то здесь нам поможет недавно открытый В. ван Зольдтом (van Soldt 1995: 279–280) силлабаций Старовавилонского периода, в котором даны следующие аккадские эквиваленты шумерского zil:

- II 1. zil = qa₂-la-pu-um ‘вылущивать’
 II 2. zil = ne-su-u₂ ‘удалять’

⁶ См. также случай, когда потомок хочет разрушить памятники Синикишама (V 26–27; Frayne 1990: 193). Автор издания оставляет оба эти фрагмента без перевода.

- II 3. *zil* = *nu-us-su₂-u₂* ‘удалять насильно’
 II 4. *zil* = *na-sa-ḥu* ‘исторгать’
 II 5. *zil* = *ša-la-tum* ‘вырезать; измельчать, дробить’
 II 6. [(an)]-*zil* = *an-zi-il-lum*

Мы видим, что аккадские глаголы, которые силлабарий считает эквивалентными шумерской основе *zil*, означают удаление/исторжение либо измельчение/дробление чего-то, что должно быть устранено в силу своей неблагоприятности для потребления. Особый интерес представляет глагол, который имеет два варианта *salātu* и *šalātu* ‘to split off; to split, to cut’⁷, в интенсивной породе *sullutu* ‘to split into many parts, to cut up, to cut through’, в медиальной интенсивной породе II/2 ‘to be split apart’⁸. Обзор словарной статьи в Чикагском словаре дает интересную картину: удалять можно недруга, отрезать и выбрасывать – ногти (*šumma šuprāšu sulluta* ‘если его ногти подстрижены’), измельчать и дробить – древесину, обсидиан, тростник, печень жертвенного животного (CAD S: 94–96). От данного глагола образуются существительные *siltu* ‘shaving, splinter’ (CAD S: 267) и *sillatu/šillatu* ‘1. blasphemy, sacrilege, insult, insolence, slander. 2. untoward event or words, offense, misdeed’ (CAD Š 2: 445; семитские параллели см. Leslau 1987: 500–501).

Между тем, имеется и другой глагол с теми же значениями, отличающийся от названного только третьим корневым консонантом. В аккадском языке *šalāqu* означает ‘1. to cut open, to split. 2. *šulluqu* to slit many times, in many places’ (CAD Š 1: 231). Существуют силлабарные эквиваленты, указывающие на соответствие как *šalāqu* и *š/salātu*, так и шумерского *zil* с аккадским глаголом *šalāqu*: *šulluqa* = *ša mādiš salta* ‘рубить на многие части’; ^{zi-il}NUN = *ša₂-la-qu ša₂* E₂.GAR₈ ‘проламывать (о

⁷ В силлабариях основным шумерским эквивалентом данного глагола является *bar* ‘to set aside; to cut open, slit, split’.

⁸ В. фон Зодэн в своем словаре аккадского языка указывает на родственную арабскую основу *slt* ‘abschneiden’ и переводит ‘zer-schneiden’ (AHw: 1014). В контекстном словаре классического арабского языка основа *salata* понимается как ‘he extracted, or made to come forth, [the contents] of the gut [by compressing] it with hand’. Существительное *al-saltu* ‘The extracting, or causing to come forth, what is fluid, or moist, adhering to another thing; the griping, with the hand, a thing which is contaminated by dirt, or filth, so that what is in it comes forth’ (Lane 1863–1871: 1400).

стене)’ (CAD Š 1: 231)⁹. Таким образом, аккадскими эквивалентами шумерской основы *zil* становятся сразу два глагола.

Теперь обратимся к самой шумерской основе. Она известна в двух вариантах: *zil*, *si-il* (что подтверждает гипотезу Либермана о двух орфографических разновидностях одной основы)¹⁰. В шумерских литературных текстах основа *sil* (*si-il*) известна довольно хорошо. Она записывается следующим образом: *si-il*, *zil*, *sil*₅, *sil*_x (EZEN x LAL₂). Глагол встречается с эпохи Гудеа (XXII в. до н. э.). Приведем несколько показательных контекстов:

i₇-de₃ hul₂-la-e kur-ku₄ i₃-si-il-e

Радостно на реке волны он рассекает

(The building of Ningirsu’s temple, Cyl. A II 6)

giš alal-bi im-ma-ra-an-zil-zil

Его (храма – В.Е.) глиняные трубочки (для поминаний) на мелкие части он разбил (The cursing of Agade 120)

ug₃ ad₆-bi mu-un-si-il-le-eš

Трупы людей разложились (The lament for Unug 66)

ukur₃ bu-lu-uh₂ si-il-le’ lu₂ ni₃-tuku-e igi tur nam-ba-e-gid₂-i

Бедняк, которого рвет, не должен высокомерно смотреть на богача (Proverbs: Collection 2.16, 31)

Обследование шумерского глагола *zil/sil* и его аккадских эквивалентов *s/šalātu*, *šalāqu* приводит нас к нескольким очевидным выводам: 1) все сопоставляемые глаголы имеют одинаковую семантику, обозначая нечто удаляемое или измельчаемое; 2) шумерский глагол может быть производным от одного из аккадских (но не от инфинитива, а, например, от существительного *š/sillatu*); 3) при заимствовании *salātu* принял форму *sil*, а *šalātu*, *šalāqu* > *zil*¹¹; 4) в качестве измельчаемого или удаляемого в текстах выступают осколки, ногти, волосы и рвотные массы.

Таким образом, становится понятно, что вторая часть слова *anzil* касается удаления от обрезков волос, ногтей и телесных выделений. В связи с этим вспоминается акусма Пифагора: «Не

⁹ См. также два варианта аккадского перевода основы *bar*: *gi.bar.ra = ši-li-iq / ši-li-it-ti qanê* ‘ошметок тростника’ (CAD Š 2: 448).

¹⁰ *zi-il* NUN, *si-il* NUN = [*ša-la-tu*] (Ea V 131).

¹¹ Переход аккадского *š* в шумерское *z* подтверждается следующими примерами: *šāhum* > *zahum*, *šahālu* > *zahal*, *šapītu* > *zapitu*, *šāhirum* > *zahirum* (Емельянов 2009: 176; Емельянов 2011: 173).

наступай на обрезки волос и ногтей и не мочись против ветра!»
А ведь мы уже видели на примере аккадского *anzillu*, что человек по неведению на что-то наступает, и контекстов с наступанием больше всего.

Теперь обратимся к первой части слова. Употребление существительного ап ‘небо, верх’ в начале сложных слов хорошо известно по шумерским литературным текстам. Каждое такое слово состоит: а) из двух существительных; б) из существительного и глагола; в) из существительного и прилагательного; г) из существительного и падежного показателя.

ap-bar (небо – сторона) ‘сторона неба’
ap-ur₂ (небо – лоно) ‘горизонт’
ap-dul₃ (небо – покрыть) ‘тень’
ap-ki (небо – земля) ‘мироздание (небо и земля)’
ap-gi₆ (небо – ночь) ‘затмение’ (т.е. ночь неба)
ap-ta (небо – показатель аблатива) ‘верхний’
ap-ub-da (небо – угол – показатель комитатива) ‘сторона света’
ap-ša₃ (небо – сердце) ‘середина неба’

Приведенные примеры показывают, что слова с начальным ап- переводятся по контексту: либо перевод начинается с последней части слова, и тогда после ап- требовался бы генитив; либо между словами нужно ставить соединительный союз ‘и’. Исходя из этого, существительное *anzil* можно понять как сложное слово, состоящее из существительного и глагола (небо – выбросить), либо из двух существительных (небо – выброс). Обе части существительного могут пониматься как ‘отброс(ы) Неба’, т.е. то, что само Небо хочет удалить, измельчить, исторгнуть.

Таким образом, у слова *anzil* первая часть является существительным шумерского происхождения, вторая же образована от аккадской основы *šlt/q*. Время образования этого слова следует датировать эпохой III династии Ура. Первоначальный его смысл заключается в запрете наступать на то, что было извергнуто из человеческого тела (ногти, волосы, рвотные массы), либо на то, что может причинить человеку ущерб (осколки). Впоследствии запрет стал иметь и пищевой характер, а в I тыс. до н.э. образованное от шумерского *anzil* аккадское *anzillu* стало обозначать синоним всякого греха и преступления перед законом.

Список сокращений

- Proverbs: Collection 2 + 6 – <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.6.1.02>
 The building of Ningirsu's temple – <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1.7>
 The cursing of Agade – <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1.5>
 The lament for Unug – <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.2.5>
 The marriage of Martu – <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.7.1>

Литература

- Емельянов 2009 – Емельянов В. В. Аккадские заимствования в шумерском (до III династии Ура) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 22–24 июня 2009 г. СПб; 2009. С. 171–183.
 Емельянов 2011 – Емельянов В. В. Аккадские заимствования в шумерском (Старовавилонский период) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 20–22 июня 2011 г. СПб; 2011. С. 165–177.
 ANw – von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1958–1981.
 CAD – Chicago Assyrian Dictionary. Chicago, 1956–
 Cooper 1983 – Cooper J. S. *The Curse of Agade*. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1983.
 ePSD – Pennsylvania Sumerian Dictionary (electronic view) <http://psd.museum.upenn.edu/epsd/index.html>.
 ETCSL – The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/>
 Frayne 1990 – Frayne D. R. Old Babylonian Period (2003–1595 BC). Toronto; Buffalo; London, 1990 (= The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Volume IV).
 Gallagher 1999 – Gallagher W. R. Sennacherib's Campaign to Judah: New Studies. Leiden, Brill, 1999.
 Geller 1990 – Geller M. J. Taboo in Mesopotamia: A Review Article // Journal of Cuneiform Studies 42/1 (1990) P. 105–117.
 Klein 1997 – Klein J. The God Martu in Sumerian Literature // Sumerian Gods and Their Representation. Groningen, Styx Publications, 1997. P. 99–116 (= Cuneiform Monographs 7).
 Lane – Lane, E. W. The Arabic-English Lexicon. London, 1863–1871.
 Lieberman 1977 – Lieberman, S. Sumerian Loanwords in Old Babylonian Akkadian. Missoula, 1977.
 Leslau 1987 – Leslau W. Comparative dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic) : Gə'əz-English/English-Gə'əz with an index of the Semitic roots. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1987.

- Maul 1988 – Maul S. 'Herzberuhigungsklagen' : die sumerisch-akkadischen Eršahunga-Gebete. Wiesbaden, Otto Harrasowitz Verlag, 1988.
- Novotny 2001 – Novotny J. R. The Standard Babylonian Etana Epic. Helsinki, 2001 (= State Archives of Assyria. Cuneiform Texts II).
- van Soldt 1995 – van Soldt W.H. Three Tablets from Tell Hammam et-Turkman // Ancient Near Eastern Studies Presented to Philo H. J. Houwink ten Cate on the Occasion of his 65th Birthday. Leiden, 1995. P. 275–291.

V. V. Emelianov. On the History of Sumerian *anzil*: Orthography, Semantics and Etymology of the Word

We consider the Sumerian word *anzil* of unknown origin, which occurs in the Sumerian literary texts from the XXI century BC, represents a violation of the magical taboo and has no exact translation. The aim of the article is the hypothesis of its original meaning and etymology.

The author found that the word *anzil* consists of two parts. Its first part is a noun of Sumerian origin, the second is formed from the Akkadian roots *šalātu* or *šalāqu*. According to the oldest contexts, the time of its appearance may be Ur III period. Initially, its meaning was prohibition to step to what was erupted from human body (nails, hair, vomit), or what may caused damage to a person (fragments of vessels). Subsequently, the ritual taboo was transmitted to eating, and in the first millennium BC Akkadian *anzillu* derived from the Sumerian *anzil* denoted all kinds of sin and crime.

Keywords: Sumerian, Sumerian words in Akkadian, Akkadian words in Sumerian, semantics, etymology.

**‘hi bereafiað hie selfe ðara goda...’
ПУТИ РАЗВИТИЯ ТРЕХМЕСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются исторические пути развития трехместных конструкций с глаголами передачи и лишения, начиная с древнеанглийского периода вплоть до настоящего времени. Две упомянутые группы глаголов, обладающие семантически разнонаправленными векторами движения объекта, в древнеанглийском языке разделяют общие модели маркирования. Для ответа на вопрос, почему семантическая разнонаправленность в древнеанглийском языке не находит выражения на синтаксическом уровне, в статье приведен сопоставительный анализ древнегерманских глагольных основ со значениями ‘дать’, ‘брать’, ‘получать’ и показано, что в древних германских языках имел место феномен совмещения значений, рассматриваемых в современном английском языке как противоположные. Выдвигается версия о том, что более четкое разграничение значений передачи и лишения сначала на уровне лексем, затем на уровне конструкций связано с развитием предложно-падежного управления в древнеанглийском языке. Отдельно рассматривается модель T-gen – OP-асс, характерная для глаголов лишения в древнеанглийском языке, обсуждаются этапы ее варьирования, замены и утраты.

Ключевые слова: трехместная конструкция, глаголы передачи, глаголы лишения, английский язык, древнеанглийский язык.

В ходе предшествующего исследования (Еселева 2011) были определены синтаксические модели маркирования трехместных глаголов древнеанглийского языка, обладающих семантически разнонаправленным вектором, а именно – глаголов со значениями *передачи* и *лишения*. Было установлено, что большинство вышеупомянутых моделей маркирования для двух групп глаголов совпадают. В данной статье рассматриваются исторические пути развития трехместных конструкций с глаголами передачи и лишения. Поднимается вопрос о том, какие характеристики трехместных конструкций древнеанглийского языка нашли отражение в современном английском, какие – изменились, а какие – были утрачены. Делается попытка ответить на вопрос, почему семантическая разнонаправленность не находит выражения на синтаксическом уровне в древнеанглийском языке.

Две исследуемые семантические группы – глаголы передачи *giefan*, *sellan*, *gesellan*, *agiefan*, *forgiefan* и глаголы лишения

bereafian, *bedælan*, *benæman*, *beniman*, *forniman*, *berædan* – связаны между собой. Глаголы обеих групп предполагают наличие трех участников ситуации (актантов, аргументов), и вместе с ними образуют конструкции, которые передают общее значение перемещения объекта от одного владельца другому. Различия заключаются в том, что в первом случае (с глаголами передачи) Агенса (Ag) является владельцем I и добровольно передает объект (Тему, T) владельцу II, то есть Реципиенту (R). А во втором случае, с глаголами лишения, Агенса – это владелец II, который забирает объект у владельца I (Первоначального Владельца, OP) против воли последнего.

Оформление Агенса трехместной конструкции специально не рассматривается в работе, поэтому в качестве материала были выбраны конструкции активного залога, в которых Агенса всегда стоит в номинативе.

1. Общая беспредложная конструкция

Для глаголов со значением передачи и лишения в древнеанглийском языке в активном залоге характерна общая конструкция с дативом Реципиента или Первоначального Владельца и аккумулятивным маркированием Темы, как в примере (1):

- (1) Drihten *me* [Dat] **forgeaf** ða æhta [Acc]
 – ‘Господь дал мне эти владения’
 and drihten *hi* [Acc] *me* [Dat] eft **benam**
 – ‘и Господь отнял их у меня’ (ÆCHom II, 35 0050 (262.82))

Схематически, можно отобразить данную конструкцию следующим образом:

[1]

Ag	V	T	R/OP
Nom		Acc	Dat

Аналогично тому, как в современном английском языке двухобъектной беспредложной конструкции присуще свое собственное, четко описанное, например, в Goldberg 1995, значение, у ее предка – беспредложной конструкции древнеанглийского языка, вероятно, должно было быть свое собственное общее значение, которое объединяло разнонаправленные векторы движения объекта (владелец I ↔ владелец II).

В современном английском языке значения передачи и лишения четко дифференцированы: соответствующую семантику передают разные лексемы, которые, в свою очередь, обра-

зуют разные синтаксические конструкции. В связи с этим, взаимодействие противопоставленных в настоящее время значений в рамках общей конструкции в древнеанглийском языке, на первый взгляд, представляется странным, но имеет глубокие исторические корни и аналогии. Так, если обратиться к истории германских корней глаголов передачи, оказывается, что для родственного древнеанглийскому *sellan* готского глагола *saljan* 'дать' «Лексикон индоевропейских глаголов» (LIV 1998: 172) предлагает реконструкцию **selh₁* со значением 'брат'. Смешение семантики 'давать' и 'брат' характерно и для реконструированной формы **g^{heb}^{h1}*, которая восстанавливается, в том числе, и для готск. *giban* 'дать'. Авторы лексикона приводят значения формы **g^{heb}^{h1}* 'хватать, брат; давать' и отмечают, что «взаимозависимость значений не вполне ясна, несмотря на то, что 'давать' и 'брат' неоднократно встречаются вместе» (LIV 1998: 479–480). Сходным образом, древнеисландский глагол *fá* имеет значения 'получать' и 'давать' (Cleasby et al. 1957: 145). Таким образом, в древних германских языках имел место феномен совмещения значений, рассматриваемых в современном английском языке как противоположные.

Э. Бенвенист, проводя сходное сопоставление на индоевропейском материале, показывает, что корень **dō-*, который во всех индоевропейских языках означает 'давать', в хеттском языке значит 'брат', и отмечает, что «понятия 'давать' и 'брат' оказываются связанными друг с другом в *предыстории* индоевропейских языков» (Бенвенист 1995: 70–71, курсив мой – А. Е.). Пути семантической эволюции основных глагольных значений сложны и неочевидны. Так, Н. Н. Казанский доказывает производность значения 'иметь' от 'брат' в индоевропейских языках (цепочка 'брат' > 'хватать' > 'держать' > 'иметь'). В качестве одной из возможных причин такой деривации называется воздействие грамматического значения на лексическое (Казанский 2012: 266–268). Можно предположить, что в английском языке в историческом развитии глаголов передачи и лишения с одной стороны и выбираемых ими моделей оформления – с другой отразилась взаимозависимость значений разного уровня. Интересно, что на этапе древнеанглийского языка значения 'давать' и 'брат' уже дифференцированы лексически, но наблюдается общность синтаксических конструкций – возможно, как следствие состояния лексической общности на более древнем этапе.

1а. Общая конструкция с генитивом в партитивной функции

Эту модель маркирования, в которой Тема вместо обычного аккузатива оформлена генитивом, следует рассматривать как разновидность беспредложной конструкции, см. [1]. Она употребляется как с глаголами передачи, так и с глаголами лишения в ситуации, когда предполагается, что к одному владельцу от другого перешла некая *часть* объекта, понимаемого как единое целое, ср.:

- (2) Gif ðonne on gafolgeldan huse oððe on gebures gefeohte, CXX scillinga [Gen] to wite **geselle** & þam gebure [Dat] VI scillinga [Gen] (LawIne 0015 (6.3)) – ‘Если кто в доме, облагаемом налогом, или в доме крестьянина дерется, [следует королю] уплатить 120 шиллингов штрафа и тому крестьянину 6 шиллингов’;
- (3) And mid niðfullum andan him [Dat] **benæmde** þæs wuldres [Gen] þe him God forgeaf gif hi him gehyrsumodon (ÆLS (Vincent) 0017 (82)) – ‘и с жадной злобой лишил их той славы, которую Господь даровал бы им, если бы они повиновались Ему’.

Данная модель употребляется, в частности, при глаголах передачи в законодательных текстах при упоминании денежных штрафов, т. е. генитив употребляется в партитивном значении. Диатеза общей партитивной модели выглядит так:

[1a]

Ag	V	T	R/OP
Nom		Gen	Dat

Предложное употребление партитивной беспредложной модели не развилось в древнеанглийском языке, вероятно, в связи с тем, что модель имела узкую сферу употребления. Позднее, с утратой падежной системы, эта партитивная разновидность беспредложной конструкции исчезла.

2. Общая предложная конструкция

В древнеанглийском языке у описанной выше конструкции [1] развился также предложный вариант [2].

[2]

Ag	V	T	R / OP
Nom		Acc	prep-Dat

Предложная конструкция при глаголах передачи с маркированием Реципиента предлогом *to* или *into* возникает в конце древнеанглийского периода, ср. пример (4):

(4) *Sona swa he becom to Engla lande, he geaf into Cristes cyrican* [prep-Dat] *on Cantwarebyri þa hæfenan* [Acc] *on Sandwic* (Chron A 1031.2) – ‘как только он вернулся в Англию, он отдал в церковь Христа в Кентерберии гавань в Сандвиче’.

Б. Митчелл (Mitchell 1985: 512) приводит ряд примеров, в которых Реципиент так же, как в примере (4), представляет собой наименование места (учреждения), под которым понимается совокупность людей.

У глаголов со значением лишения такого семантического ограничения нет. В примере (5) актант ОР – одушевленное существительное «подданные»:

(5) *se cyng wæs swa swiðe stearc & benam of his underþeoddan* [prep-Dat] *man manig marc* [Acc] *goldes...* (ChronE 1086.116) – ‘король был настолько суров, что он лишил своих подданных многих марок золотом’.

Еще ранее при глаголах лишения встречается недопустимое для глаголов передачи предложное оформление актанта Т, см. [2a] и пример (6) соответственно:

[2a]	Ag	V	T	ОР
	Nom		prep-Dat	Acc

(6) *& þy ilcan geare forðferde Carl Francena cyng, & Earnulf his broðorsunu hine* [Acc] *VI wucan ær he forðferde berædde æt þam rice* [prep-Dat] (ChronE 887.3) – ‘И в тот год умер Карл, король франков, и Арнульф, сын его брата, за шесть недель до его смерти, лишил его его королевства’.

Следует отметить, что в современном английском языке глаголы лишения употребляются именно в конструкции [2a] с предложным оформлением Темы. Интересно, что в древнеанглийском допускалось также предложное оформление третьего актанта (ОР в примере (5)), которое в дальнейшем закрепилось за предложной конструкцией с глаголами передачи.

Предложная конструкция с глаголами передачи употреблялась в древнеанглийском языке только с Реципиентами определенного вида, а в среднеанглийский период расширила свою сферу применения и получила широкое распространение. В

современных исследованиях нередко можно встретить утверждение о том, что «истинно дативная» предложная конструкция – нововведение среднеанглийского периода (McFadden 2002; Sówka-Pietraszewska 2012)¹. К. Совка-Петражевска выдвигает версию о том, что древнеанглийская предложная конструкция в корне отличалась от предложной конструкции в среднеанглийском, поскольку основным ее значением было значение «каузированного движения» и возникла она по аналогии с предложной конструкцией с глаголом *sendan*, которая была уже достаточно распространена в древнеанглийском. Необходимость выразить иные оттенки значения, безусловно, могла способствовать развитию предложной конструкции с глаголами передачи. Но, вследствие того, что в древнеанглийском количество примеров предложной конструкции незначительно, основываясь на них, трудно сделать вывод о каком-либо различии в семантике предложной и беспредложной конструкций. Интерес представляет, во-первых, факт существования предложной трехместной конструкции [2] в древнеанглийском языке, которому во многих исследованиях, ведущих «отсчет» со среднеанглийского периода, не уделяется должного внимания, а во-вторых, факт общности этой модели для глаголов противоположных семантических групп.

Э. З. Левкова отмечает, что аналитические предложные конструкции призваны модифицировать и дифференцировать значения, обобщенно выражаемые падежной флексией, при этом наиболее четко дифференцируются предлогами пространственные значения (Левкова 1973: 159). Если падежное маркирование актантов при глаголах передачи и лишения в беспредложных конструкциях [1] и [1a] совпадало, то предлоги для разных векторов движения выбираются разные. Ситуацию лишения уточняют такие предлоги, как *of* и *æt*, а ситуацию передачи – предлоги *to* и *into*. Таким образом, некогда единая конструкция начинает постепенно дифференцироваться. Представляется, что развитие предложно-падежного управления в древнеанглийском языке непосредственно связано с более четким разграничением значений передачи и лишения сначала на уровне лексем, затем на уровне конструкций.

¹ Т. Макфадден при этом в сноске отмечает, что это утверждение не бесспорно.

3. Особая конструкция с глаголами лишения

Далее обсуждается особая древнеанглийская конструкция с глаголами лишения, которая не отмечена с глаголами передачи. В конструкции [3] Тема маркирована генитивом, а Первоначальный Владелец – аккузативом:

[3]	Ag	V	T	OP
	Nom		Gen	Acc

Модель T-gen – OP-acc в разной степени характерна для *всех* рассматриваемых глаголов лишения, например:

- (7) *hi bereafiað hie selfe* [Acc] *ðara goda* [Gen] (CP 5.41.24) – ‘они лишают себя этих благ’.

Судьба конструкции [3] в английском языке может быть проиллюстрирована примерами (8) и (9)², с новыми данными и гипотезами об их взаимосвязи. До наших дней сохранилось несколько рукописей хроники, составленных в разное время³. Примеры (8) и (9) иллюстрируют одно и то же событие англосаксонской хроники, но взяты из разных рукописей.

- (8) *Her Cynewulf benam Sigebryht* [Acc] *his rices* [Gen] (Chron A 755.1) – ‘В тот год Кюневульф лишил Сигеберта его королевства’.
- (9) *Her Cynewulf benam Sigebrihte his mæge* [Dat] *his rice* [Acc] (Chron E 755.1) – ‘В тот год Кюневульф лишил Сигеберта, своего родственника, его королевства’.

Изначально в рукописи А наблюдаем конструкцию [3] – сочетание генитива с аккузативом. По неясной причине эта модель была заменена переписчиком в рукописи Е, составленной позже других (первая половина XII века) и, как принято считать, на основании рукописи А. Можно предположить, что оба варианта маркирования были равноправными на протяжении всего древнеанглийского периода, и переписчик рукописи вносил поправки, руководствуясь исключительно личными предпочтениями. Также возможно, что конструкция [3] воспринималась как устаревшая к началу XII века, поскольку она подверглась замене на конструкцию [1]. Чтобы разобраться в

² См. также (Еселева 2011: 180–182)

³ Сохранившиеся рукописи англосаксонской хроники традиционно обозначаются латинскими буквами от А до F соответственно.

этом вопросе, прежде всего, рассмотрим словарные и исследовательские трактовки глагольного управления *beniman*.

В приведенных выше примерах разные модели маркирования употребляются при глаголе *beniman* **в одном и том же контексте**. Из чего, на первый взгляд, следует, что передаваемая *beniman* семантика идентична. Словарь Дж. Босворта и Т. Н. Толлера дает только примеры с управлением T-gen_OP-acc (BT 1898: s. v. *beniman*). Б. Митчелл предлагает более разнообразный список моделей для *beniman* и проводит семантическое разграничение между столь близкими значениями, как «*лишать кого-либо чего-либо*» и «*забирать у кого-либо что-либо*». Для значения «*лишать кого-либо чего-либо*» он фиксирует три варианта управления глагола *beniman*: OP-acc в сочетании с T-gen, T-dat, либо T-instr; для значения «*забирать у кого-либо что-либо*» – два варианта: OP-dat в сочетании с T-acc, либо T-gen (Mitchell 1985: 454–464). Из пяти возможных вариантов, перечисленных в списке Б. Митчелла, среди наших примеров встречаются лишь две модели управления (конструкции [3] и [1] соответственно). Проведем количественное сопоставление употребительности конструкций [3] и [1] в текстах, написанных на древнеанглийском языке в IX–XI веках.

Таблица 1.

Группы примеров с глаголом <i>b e n i m a n</i>	Модели управления	Процент от общего числа	Количество примеров
Группа 1 (CP, Or, Bo, ChronA)	T-gen_OP-acc	58 %	18
Группа 2 (AELS, AECHom, ChronE)	T-acc_(prep) OP-dat	42 %	13
Всего		100 %	31

Итак, распределение моделей равномерно, поэтому на базе нашего материала ни одну из них нельзя выделить как основную для исследуемого глагола. Обратим внимание на характер текстов в группах 1 и 2.

В первой группе представлены переводы с латинского «Заботы Пастыря» Григория Великого, «Мировая история» Орозия и «Об утешении философией» Боэция, выполненные королем Альфредом или по его поручению, а также рукопись А Англо-саксонской хроники, составленная во времена Альфреда, как и предыдущие тексты. Таким образом, все тексты первой

группы, в которых глаголе *beniman* употребляется в конструкции [3] относятся ко второй половине IX века.

Во второй группе текстов, авторы которых отдают предпочтение конструкции [1], находим труды Эльфрика, датируемые концом X – началом XI века, и рукопись E Англо-саксонской хроники, составление которой относится к первой половине XII века. Таким образом, четкое распределение текстов двух разных эпох на две группы в зависимости от модели маркирования актантов свидетельствует о *диахроническом изменении*, произошедшем в особенностях управления глагола *beniman*.

Можно предположить, что конструкции [1] и [3] в течение некоторого периода выступали как варианты. Затем в конце древнеанглийского периода конструкция [1] стала завоевывать предпочтения носителей языка – как типовая и более продуктивная модель, и постепенно вытеснила конструкцию [3], которая прекратила свое существование в языке.

Заключение

Со временем судьбы конструкций с глаголами лишения и передачи разошлись кардинально.

Глаголы передачи. Общегерманские глаголы передачи *to give* и *to sell* сохранились в современном английском языке, благополучно преодолев «испытание» французским лексиконном. Эти глаголы частично перераспределили между собой значения. Ведущее значение древнеанглийского глагола *sellan* ‘дать’ перешло к глаголу *to give*. Глагол *sellan* в то же время сохранил свое некогда периферийное значение ‘продать’ и в ходе дальнейшего развития расширил его (OED 1989: s.v. sell).

С точки зрения маркирования актантов, глаголы передачи сохранили вариативность конструкций [1] и [2], которая возникла еще в древнеанглийском языке и затем получила развитие в среднеанглийском. Они также остались внутри общего семантического поля конструкции [1]. Конструкция [2] претерпела некоторые изменения (см. подробнее об этом в Sówka-Pietraszewska 2012), в связи с которыми увеличилась ее частотность, и она постепенно стала употребляться наравне с двухобъектной конструкцией [1]. В современном английском языке конструкции [1] и [2] размежевались еще больше с семантической (см. об этом Gast 2007; Polinsky 1998), а также

синтаксической (поскольку сложилась строго фиксированная последовательность актантов) точек зрения.

Глаголы лишения. В ходе исторического развития английский язык «лишился тех благ» лексического разнообразия глаголов лишения и синтаксической вариативности образуемых ими конструкций, которые были характерны для этой группы глаголов в древнюю эпоху. В первую очередь, в среднеанглийский период были утрачены многочисленные и разнообразные общегерманские глагольные лексемы со значением лишения. Единственный наследник всей группы исследуемых в данной статье глаголов лишения – глагол *to bereave*, безусловно, не является широко употребительным в современном языке. Место всех древнеанглийских глаголов общегерманского происхождения занял заимствованный из старофранцузского в среднеанглийский период глагол *depriven* – современный *to deprive*. Любопытно, что современная конструкция, в которой употребляются как *to bereave*, так и *to deprive* – это конструкция [2a]. Возможно, заимствованный глагол *depriven* вписался в существовавшую на тот момент конструкцию для глаголов лишения, но сегодня *to bereave* по управлению от него не отличается. Кроме того, была утрачена конструкция [3].

Г. Роденбург (Rohdenburg 1995) утверждает, что в ходе исторического развития английского языка двухобъектная конструкция [1] утратила ряд своих семантических возможностей, в которых ее заменили более современные конструкции с предлогами. Г. Роденбург выделяет три группы употреблений, которые исчезли, включая двухобъектные конструкции с глаголами лишения, такими как *to bereave*. Г. Роденбург отмечает, что в целом, круг глаголов, сочетающихся с английской двухобъектной конструкцией, постепенно сократился до глаголов передачи и тесно связанных с ними глагольных классов.

В древнеанглийском языке разнонаправленность семантики глаголов передачи и лишения могла не противопоставляться на синтаксическом уровне в беспредложной конструкции потому, что для древнеанглийского, а также древнеисландского и, возможно, других древнегерманских и древних индоевропейских языков, характерно совмещение значений «дать–взять» (Бенвенист 1995). Со временем, по мере дифференциации значений, которому могло способствовать развитие и рост употребительности предложной конструкции, оформилось и

четкое синтаксическое разграничение. Так, в современном английском языке конструкции с глаголами передачи и лишения строго дифференцированы и описаны как передающие различную семантику. Б. Левин среди прочих альтернатив выделяет:

- *Dative Alternation*, которой подвержены среди прочих глаголы *to give* и *to sell* (Levin 1993: 45);
- *Cleav Alternation* (разновидность *Locative Alternation*), к которой относятся также и глаголы *to deprive* и *to bereave*, несмотря на то, что являются «неальтернирующими» (Levin 1993: 52).

На наш взгляд, противопоставление двух разных альтернатив соответствует разнонаправленности вектора движения в семантике конструкций. Для нас важно, что исследуемые глаголы *попарно* распределились по двум разным группам. Это означает, что, несмотря на значительные изменения в ходе многовековой истории развития английского языка, некоторые общие принципы и свойства конструкций и отчасти – участвующих в них лексем, сохранены.

Литература

- Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Издательская группа «Прогресс». 1995.
- Еселева 2011 – Еселева А. А. Маркирование именных актантов в конструкциях с древнеанглийскими трехместными глаголами // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. СПб.: Наука, 2011. С. 178–185.
- Казанский 2012 – Казанский Н. Н. Категории праиндоевропейского глагола. Проблемы реконструкции // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур. 2012. С. 260–270.
- Левкова 1973 – Левкова Э. З. Дательный падеж в древнеанглийском языке и его функциональные эквиваленты. Дисс ... канд. филол. наук. Л., 1973.
- BT 1998 – Toller T.N. Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth, edited and enlarged by T. Northcote Toller. Oxford: Oxford University Press. 1898.
- Cleasby et al. – Cleasby R., G. Vigfússon and W. A. Craigie. An Icelandic-English Dictionary. Oxford: Clarendon Press. 1957.
- Gast 2007 – Gast V. *I gave it him* – on the motivation of the ‘alternative double object construction’ in varieties of British English // Functions of Language. 2007. Vol 14. P. 31–56.

- Goldberg 1995 – Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. University of Chicago Press, 1995.
- Levin 1993 – Levin B. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. University of Chicago Press, 1993.
- LIV 1998 – *Lexikon der Indogermanischen Verben*. Unter Leitung von Helmut Rix. Wiesbaden, 1998.
- McFadden 2002 – McFadden Th. *The rise of the To-dative in Middle English / Syntactic Effects of Morphological Change*. Ed. D. W. Lightfoot. Oxford University Press, 2002.
- Mitchell 1985 – Mitchell B. *Old English Syntax*. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1985.
- OED 1989 – *The Oxford English Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Polinsky 1998 – Polinsky M. A non-syntactic account of some asymmetries in the Double Object Construction // *Discourse and Cognition – Bridging the Gap*, 1998.
- Rohdenburg 1995 – Rohdenburg G. *Betrachtungen zum Auf- und Abstieg einiger präpositionaler Konstruktionen im Englischen* // *NOWELE* 26, 1995. S. 67–124.
- Sówka-Pietraszewska 2012 – Sówka-Pietraszewska K. On the development of a prepositional object construction with give verbs, motion verbs and Latinate verbs in English // *Outposts of Historical Corpus Linguistics: From the Helsinki Corpus to a Proliferation of Resources (Studies in Variation, Contacts and Change in English, Volume 10)*. Ed. by J. Tyrkkö, M. Kilpiö, T. Nevalainen & M. Rissanen. University of Helsinki, 2012.

**A. A. Eseleva. ‘hi bereafiað hie selfe ðara goda...’
(On Historical Change of English Trivalent Constructions)**

The paper discusses constructions with trivalent verbs of *giving* and *deprivation* in Old English (OE), their historical ways of development and disappearance, and contrastively compares older features of the verbs in question with their descendants in Present-day English.

Present-day English makes a distinction between the verbs of giving and deprivation. Alternations with them are classified as *Dative Alternation* (*to give* and *to sell*) and *Clear Alternation* (*to deprive* and *to bereave*) by B. Levin (Levin 1993). These are not merely syntactic differences; the different constructions and alternating properties imply a clear-cut distinction of verbal meanings (cf. Goldberg 1995). In OE, however, the verbs of giving and deprivation despite the opposition of their meanings shared one common ditransitive pattern with the accusative marking on the object of giving / deprivation (henceforth Theme), and dative marking on Recipient / Original Possessor, cf.:

Drihten *me* [Dat] **forgeaf** *ða æhta* [Acc] and drihten *hi* [Acc] *me* [Dat] eft **benam** – ‘God gave me these possessions and God took them away from me’ (ÆCHom II, 35 0050 (262.82))

This leads us to a question: what commonalities could have the verbs of giving and the verbs of deprivation had in OE to be allowed under the same syntactic frame? The answer could be found in the semantics of Germanic verbal roots, many of which turn out to *associate the meanings of giving and taking* (cf. PIE *selh₁ 'take' → Goth. *saljan* 'give'; PIE *g^{heb}_{h1} 'seize, take, give' → Goth. *giban* 'give' (LIV 1998); Old Icelandic *fá* 'get, give' (Cleasby et al. 1957)).

Since both groups of verbs shared ditransitive pattern in OE, next step for them (in compliance with the general trends in the English language) was to develop a prepositional pattern. The verbs of deprivation were the first to involve prepositions (*æt*, *of*) into their overt syntactic structure. Interestingly, the verbs of deprivation in OE allow prepositional marking on both Theme, and Original Possessor. Then, towards the end of the OE period, the verbs of giving are found in a prepositional construction (with prepositions *to* and *into*). There is only a small number of prepositional constructions with the verbs of giving found in OE, and in all of them Recipients are very similar. As only inanimate nouns, denoting organizations of people such as *church*, *monastery*, (meaning people of these organizations themselves) are used as Recipients of prepositional construction with the verbs of giving, there seems to be a semantic restriction on Recipient in OE. In Middle English animate Recipients start to appear in prepositional construction with the verbs of giving. It is suggested that different prepositions chosen for the verbs of giving and deprivation in prepositional construction added to contrasting the former against the latter on the way from a presumable unity of meanings of the ancient period to modern distinctions.

Keywords: Old English, present-day English, trivalent construction, verbs of giving and deprivation.

К ИСТОРИИ ОДНОГО СОЦИАЛЬНОГО ТЕРМИНА: АЛБ. *KASNEC* 'ГЛАШАТАЙ'

В статье рассматривается история албанского славизма *kasnes* 'глашатай' с учетом албано-сербских контактов. Приводится информация о функционировании данной лексики в современном албанском языке.

Ключевые слова: албанский, сербохорватский, лексика, история, *kasnes*

Среди славянских заимствований в албанском языке имеется некоторое количество лексем, передающих понятия социально-общественной сферы и могущих восприниматься как термины. Еще А. М. Селищев выделил среди албанских славизмов рубрику «Социальный строй. Администрация. Подати. Штраф. Стража». Сюда он относил и алб. *kasnes* 'глашатай' (Селищев 1931).

В современном албанском языке *kasnes* толкуется как 'вестник' с пометой *устар.*, а также 'тот, кто создает кому-л. или чему-л. рекламу' с пометой *презр.* (Fjalor 1980). Более точное развернутое толкование первого значения приводится в словаре 1954 г.: «тот, кто назначен советом старейшин или общим сходом сообщать, переходя от дома к дому или со специальной площадки, решения рода» (Fjalor 1954). Именно такое объяснение этого термина дается и в «Кануне Леки Дукаджина», своде норм обычного права, регламентировавшего жизнь североалбанских горцев вплоть до XX в.

Решения старейшин, а также другая важная информация доводились до каждого дома (до каждой семьи) с помощью вестников и глашатая. Согласно «Кануну», «Глашатаем, или объявителем, именуется тот, кто объявляет приказы главы рода или ходя по домам, или стоя на площадке, выбранной предводителем, советом старейшин и жителями» (Kanuni: § 1213). Должность глашатая была достаточно важной, он обеспечивал для всех членов рода достоверность и своевременность получения жизненно важной информации, в случае опасности он должен был быть готов в любой момент оповестить всех членов рода. Чтобы обеспечить надежную работу этого своеобразного «органа информации», служба *kasneца* определялась как пожиз-

ненная и наследственная (§ 1213), а он сам и его семья освобождались от воинской службы (§ 1218).

О славянском происхождении этого термина в албанском языке писал уже Н. Йокль, – заимствовано из сербохорватского, поскольку слово *казньць* известно с конца XII в. сербам и боснийцам (Jokl 1923: 56). В. Э. Орел приводит для сравнения слав. **kazньсь*: ст.-слав. *казньць* ‘глашатай; начальник воинского отряда’, рус.-цслав. *казньць* ‘глашатай’ (Орел 1985: 141; 1998).

Срб.-хрв. *kàznac* ‘сельский старейшина, князь, саровилла’ представляет собой, согласно П. Скоку, суффиксальное производное предположительно от глагола *kazniti* в его первоначальном значении *kazati* ‘определять; устанавливать; назначать; предназначать’ (Skok 1972). В общеславянском выстраивается сходная цепочка производных, но с несколько иной глагольной основой: **kazньсь* (суффикс *-сьсь*) < **kazнь* (суффикс *-нь*) < **kazati*, точнее – от основы < **kaz-* до тематического расширения *-a-ti* (ЭССЯ 1983: 172–173). В этом ряду **kazati* иллюстрируется ст.-слав. *казати* ‘показывать’, ‘поучать’, сербохорв. *kázati* ‘сказать, высказать’, ‘показать’, ‘назвать’, а **казнь* – ст.-слав. *казнь* ‘наказание, побои’, сербохорв. *kàzna, kázna* ‘наказание’, также старосерб. *kázn, kázнь*. На семантику **kazньсь* указывают ст.-слав. *казньць* ‘ταξίαρχης, tribunus, στρατοκῆρυξ’, ‘начальник воинского отряда’, ‘глашатай’, русск.-цслав. *казньць* ‘ταξίαρχος’, ‘глашатай’ (ЭССЯ).

Значение сербохорв. *kàznac* менялось на протяжении веков. П. Скок отмечает, что оно служило наименованием должности дворецкого и в этом качестве переводилось в старых цслав. текстах гр. *ευνουχος*, лат. *cubicularius*. Судя по тексту статута г. Будвы, *kàznac* исполнял обязанности *općinskog blagajnika*. Этим титулом назывались также известные боснийские баны – Грдомил, Семиюн, Белыхан. Современное значение ‘сельский староста’ развилось (как и значение ‘князь’), от обозначения управляющего при феодальном дворе (Skok 1972).

Нам не известно, когда и в каком значении этот термин попал в албанский язык. Был ли срб.-хрв. *kàznac* заимствован уже в значении ‘сельский староста’ и затем применен к местным албанским реалиям, или же данное слово и в албанском языке проделало тот же путь развития – снижение социальной значимости обозначаемого понятия, что и в сербохорватском?

Рассмотрим имеющиеся данные лингвистического и социально-исторического характера.

Прежде всего, фонетический облик алб. *kasnes* с вариантами *kasnes/kaznes* указывает на более старую славянскую форму, чем современное сербохорв. *kāznas*. Алб. *kasnes* оказывается в ряду славизмов, передающих слав. суффикс *-ьць* через *-es*: *pījanēs* 'пьяница' < *pījanьць*, *tetēs* 'немой' < *nъmьць* (Селищев 1931: 286), и относится к достаточно старому слою заимствований. В семантическом отношении алб. *kasnes* удивительным образом совпадает именно со ст.-слав. *казньць* 'глашатай'.

Необходимо также рассмотреть использование этого термина в текстах периода старосербского языка. Важную информацию об этом находим у В. В. Макушева, который рассмотрел семантику данного слова на материале Статута г. Будвы (Budua) и сербских грамот XIII–XIV вв. (Макушев 1883). Он работал с рукописным списком Статута, сохранившимся в итальянской редакции XVI в., однако отметил, что этот памятник был составлен на сербском языке при царе Степане Душане. В Статуте славянский термин передается через *casnezzo*, мн. *casnesi*.

Рассмотренный материал позволил В. В. Макушеву сделать следующие выводы: «1) *казнецы* были как при дворе сербского царя, так и в будвинской общине, 2) *казнецев* было несколько и 3) они заведовали государственными и общинными имуществами и собирали налоги и пошлины» (Макушев 1883: 6). Эти выводы находят подтверждение в данных сербских грамот XIII–XIV в. В них *казнецы* неоднократно упоминаются в числе свидетелей, «но только в таких случаях, когда речь идет о торговых пошлинах или об отчуждении государственных имуществ» (там же). Должность *казнеца* была важной и почетной, ее занимал, например, отец воеводы Радича, Санко, служивший «*казнецем*, вероятно, боснийского короля» (Макушев 1883: 8). В качестве эквивалентов для данного термина Макушев предлагает лат. *praefectus aulae*, *comes palatii*, *camerarius* (там же).

Одновременно встречаются указания на то, что примерно в те же века были *каснецы* и других рангов. Говоря об общинном устройстве в Албании периода венецианского господства (с сер. XV в.), В. В. Макушев опирался на так называемые «уговоры» (*capitula*), заключавшиеся местной славянской знатью с Венецианской республикой. В этих уговорах сообщается в том числе, что местная феодальная верхушка ежегодно избирала из своей среды «администрацию»: членов Тайного совета, советников венецианского ректора, судей, воеводу, адвокатов, ревизора, прокурора и *казнеца*. В итальянском тексте дается объяснение

должности казнеца: *caznezo: capo per la pianura cum li suoi pastori*, т. е. глава сельской общины (букв. «глава равнины со своими пастырями») (Макушев 1871: 125).

В исследованиях, посвященных сербской феодальной сословной терминологии, отмечается зыбкость, стертость, иногда и путаница в использовании терминов. Так, в текстах XIII в. находим как однозначно понимавшиеся официальные обозначения, так и разные названия для одних и тех же категорий феодального класса. Сложность картины, отражающей определенные различия книжной и просторечной лексики, в основе своей имела также конкретные различия в статусе отдельных социальных категорий и изменения, происходившие в феодальной системе (Наумов 1972: 228).

Сербско-албанское пограничье на протяжении веков было зоной активных этнических контактов. В XII–XIII вв. земли северной Албании входили в состав Сербского королевства. Не было редкостью установление родственных связей между представителями албанской и сербской элиты. Среди лиц, исполнявших должность казнеца, были выходцы сербских, боснийских и албанских знатных родов. В качестве примера можно назвать Владислава Йониму (сер. XIII в. – после 1319 г.), албанского и сербского князя. Он владел землями на территории Дукли (совр. Черногория) и приморской Албании, носил титул жупана при дворе Степана Уроша II Милутина. Его высокий статус в славянском государстве и славянское имя при албанской этнической принадлежности указывают на тесные отношения между представителями албанской и сербской элиты (Schmitt 2001).

Албанская социальная терминология эпохи средневековья мало известна. Термин *kasnec* представлен только в названном выше своде норм обычного права «Канун Леки Дукаджина» в значении «глашатай». Значение термина в албанском языке и его социальная коннотативная семантика не содержат никакой «имущественной и финансовой составляющей» и никак не связаны с феодальным устройством общества. От исходного семантического объема славянского слова остались только два семантических признака: публичность и «уполномоченность» свыше на совершение определенных действий. Прожив свой век как термин обычного права, алб. *kasnec* в первоначальном значении стал архаизмом. В таком качестве он может использоваться для создания ироничного или сатирического эффекта: *Për dallaverat që i kanë bërë ata, tregoi “tellalli” nëpër çarshi, madje zëri*

i kasnecit tejkaloi Gjakovën, ... 'О проделанных ими махинациях рассказал «телал», голос каснеца даже вышел за границы Джяковы' (Zëri, 2013.04.16). Пример интересен тем, что здесь в одном предложении употреблены два исторически обусловленные синонима для обозначения должности глашатая: турцизм *tellall* и славизм *kasnec*.

В современном языке термин приобрел переносные значения, позволяющие употреблять его как стилистически маркированную лексему: в значении 'вестник, провозвестник' с пометой *высок.* и в значении 'зазывала, маклер' с пометой *презрит.* О витальности слова свидетельствуют примеры его употребления с неодушевленными именами существительными: Edhe Mati është një lum-kasnec i rrezikshëm, për hapësirat ku ai kalon e sapo zbret në fushë 'И Мат – это река, предупреждающая об опасностях [в местах], где она протекает и где выходит на равнину' (букв. «река-вестник опасный»).

Имеется также образованный от него глагол *kasnecoj*: 1. 'устар. посылать известие с помощью каснеца, распространять какое-л. известие или какой-л. приказ с помощью каснеца; объявлять, извещать'; 2. 'неодобр. создавать рекламу ч.-л. или к.-л.; громко объявлять или делать известным публике какое-л. собственное дело или свои действия'; 3. 'перен. поэтич. предвещать приход или приближение кого-л. или чего-л.' (Fjalor 1980).

Лексема представлена и на диалектном уровне, в с. Барбулуш в районе Шкодры, а также как название фамилии в тоскском говоре Химары (Ylli 1997: 110).

Судьба исконно славянской лексемы сложилась по-разному в сербском и албанском языках. Сербск. *kāznac* повторило, видимо, историю другого феодального термина, термина «*боляре*». Последний, заимствованный, предположительно, из книжных памятников, уже к концу XII в. приобрел характер просторечного слова и почти не встречался в лексиконе сербского двора. Позднее – в третьем десятилетии XIII в. – «*боляре*» становятся излюбленным термином для обозначения феодальной знати, но этот период его «апогея» был недолгим, сфера применения все более сужалась, он сохраняется лишь в некоторых памятниках XIV–XV вв., несущих следы народной речи (Наумов 1972: 236). Возможно, именно такой путь проделал и термин *kāznac*. Активное использование его в сербских текстах XII–XIII вв. ушло в прошлое, и в современных словарях сербохорватского языка оно не приводится.

Напротив, сохранившись как славянское заимствование в албанском языке, термин *kasnec* остался, сохранив архаическое первоначальное значение, и обрел права литературного гражданства, расширив свой семантический потенциал и послужив основой для ряда производных. Материалы Национального корпуса албанского языка¹ свидетельствуют о достаточно активном и эмоциональном использовании лексемы *kasnec* в современной албанской публицистике.

Литература

- Макушев 1871 – В. В. Макушев. О славянах в Албании в средние века (вступительная лекция) // Варшавские университетские известия. 1871, № 3. С. 115–133.
 Макушев 1883 – В. В. Макушев. О значении слов «казньць (казнац)», «властић» и «посадьникъ» в старосербском языке // Р. Ф. Вестник.
 Наумов 1972 – Е. П. Наумов. К истории феодальной сословной терминологии Древней Руси и южнославянских стран // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 223–237.
 Селищев 1931 – А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.
 Schmitt O. J. Das venezianische Albanien (1392–1479). München, 2001.

Источники

- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Т. 9. М., 1983.
 Fjalor 1954 – Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954.
 Fjalor 1980 – Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë, 1980.
 Kanuni – Kanuni i Lekë Dukagjinit: Përmbledhur dhe kodifikuar nga Shtjefën Gjeçovi. Prishtinë, 1972.
 Orel – Vl. Orel. Albanian Etymol. Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.
 Skok – P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. Т. II. Zagreb, 1972.
 Ylli – Ylli Xh. – Das slavische Lehnwort im Albanischen. 1. Teil. Lehnwörter. München, 1997.
<http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/>

A. V. Zhugra. The history of an Albanian social term: *kasnec* ‘harold’

The article deals with the history of the Albanian slavism *kasnec* ‘harold’ taking into consideration long-term Albanian-Serbian contacts. One can find the information about the functioning of this lexeme in modern Albanian.

Keywords: Albanian-Serbian contacts, social terminology.

¹ <http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/> Национальный корпус албанского языка создается группой специалистов из Москвы и Санкт-Петербурга (А. Ю. Русаков, М. С. Морозова, М. В. Домосилецкая, Т. А. Архангельский, М. А. Даниэль).

«ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ» И НАЗВАНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Вариативность в типах названий трагедии (беспредикатные заглавия-антропонимы по хору или персонажу, подзаголовок-предикат, название-объект) – первый шаг от механического именованья к поэтике заглавий. Формируется она при столкновении двух дискурсивных практик: с одной стороны, театрально-постановочной, в которой цель названия – информативная, но и интригующая зрителя, с другой – письменной литературной, в которой требования информативности дополняются требованиями точности указания на происхождение текста.

Ключевые слова: поэтика заглавий, древнегреческая трагедия, драма, подзаголовок

Проблемы поэтики заглавия художественного текста впервые были рассмотрены в небольшой книге Сигизмунда Кржижановского (Кржижановский 1931), много десятков лет устойчиво авторитетной во мнении историков и теоретиков литературы. В последнее время интерес к проблеме возрос.

Однако и Кржижановский, и его последователи практически не рассматривают в этом аспекте античные примеры. Это объяснимо: известно, что ряд заглавий античности оформился в более поздней традиции, у ряда произведений их просто не было (лирика, начала исторической прозы), а в некоторых случаях они условны или их природа не совсем такова, какой мы привыкли ее ощущать в произведениях литературы Нового времени.

В работах, посвященных греческой трагедии, этот аспект рассматривается крайне редко – можно предположить, в силу кажущейся очевидности. Дошедшие до нас названия в большинстве случаев подтверждаются авторитетным свидетельством дидаскалий (Sommerstein 2010: 16–17). Обобщение практики этих названий свидетельствует о механическом принципе именованья древнегреческой трагедии, равно как и комедии: название давалось по хору (указание на происхождение или выполняемую в драме роль) или основному персонажу драмы. Таким образом, говорить о «поэтике» вроде бы не приходится.

Этот драматический принцип названия-субъекта отличен от эпического принципа названия-определения¹, и причина здесь именно жанровая. Насколько можно судить, принцип именования трагической тетралогии схож с эпическим, хотя мы располагаем небольшим набором именований для тетралогий: «Орестея» Эсхила, «Ликургея» Эсхила (Schol. Aristoph. Thesm. 135) и Полифрадмона (Argum. Aesh. Theb.), «Пандионида» Филокла (Schol. Aristoph. Av. 282) и «Эдиподия» Мелета (Schol. Plat. P. 893 A), уже в IV в. возродившего архаический принцип тетралогии. Можно предположить, что «эпические» формы названия разграничивали расширенное повествование (тетралогия) и отдельный его эпизод (трагедия).

С точки зрения сюжетной название-субъект («заглавие-кто» у Кржижановского (Кржижановский 1939)), так же как и название-определение, указывает на миф, положенный в основу сюжета (к примеру, название «Электра» указывает на историю рода Атридов, «Гекуба» – на троянский цикл) и на основного персонажа, вокруг которого сосредоточено действие. «Технический» принцип присвоения таких названий подтверждается их повторяемостью: в перечень известных нам названий греческих трагедий входят двенадцать «Эдипов» (шесть – относятся к V в. до н. э.), восемь «Фиестов», семь «Медей» и «Ахиллов» (сюжеты различны), шесть «Алкмеонов», «Филоктетов» и «Телефов», пять «Алкмен», «Иксионов» и «Орестов»². По терминологии Кржижановского, эти заглавия-антропонимы беспредикатны, однако указание на содержание в случае разветвленного мифо-

¹ В качестве основной модели озаглавливания в эпосе можно указать определение в форме среднего рода множественного числа (Κύλρττα, Ναυλάκτια, Ἀργοναυτικά), согласованное с ἔπη, или же форму женского рода, согласованную, скорее всего, с ποίησις (Wilamowitz 1959: 124). Содержательный аспект этого определения – тема («Одиссея» – «Одиссеева [поэма]»), происхождение героя («Эфиопида», происхождение автора или текста («Кипрские [сказания]»), – именно в этом, локальном, значении Мартин Уэст предлагает толковать название «Илиады» (West 2001: 7). Но в качестве основной модели для эпоса преобладает название женского рода, оно же оказывается одновременно и жанровым определением, противопоставляя большую форму малой, заглавия не предполагающей.

² Перечень всех сохранившихся названий, сгруппированных тематически, приводится в The tragic Drama of the Greeks (Haigh 1896: 473–478), хронологически – (Gauly 1991: 24–29). Перечень трагедий с двойными названиями в (Sommerstein 2010: 29–31).

логического повествования может оказаться слишком размытым, и тогда появляется предикативность, то есть подзаголовок.

Однако необходимо учитывать тот факт, что известные нам подзаголовки в большинстве случаев не являются авторскими. Подтверждением этому может быть принцип цитирования заглавий в «Поэтике» Аристотеля: там говорится просто об «Ифигении» (Arist. Poet. 1455 a 7, 16, b 3) и просто об «Эдипе» (1452 a 24, 33, 53 b 31, 55 a 16, 62 b 2)³. Подзаголовок имеет только единожды упомянутая «Ифигения в Авлиде», причем форма его не совсем привычная: ἡ ἐν Αὐλίδι Ἰφιγένεια (1454 a 32), а функция – уточнение, что речь идет не о той «Ифигении», которая упоминается в других местах «Поэтики». В надписи-дидаскалии 342 г. в качестве заглавия трагедии Еврипида также приводится просто «Ифигения» (Page 1934: 9). Это означает, что к середине IV в. до н.э. принцип уточняющего подзаголовка еще не установился. Практика появления подзаголовков связана с необходимостью различения повторяющихся названий, стало быть, ее широкое распространение связано с эллинистическим периодом, изысканиями александрийцев (Taplin 1975: 185). По другой версии подзаголовки введены книготорговцами (Sommerstein 2010: 19, 21). Нововведение это касается только трагедий одного автора (так происходит с «Эдипами» Софокла, хотя другие десять «Эдипов» остаются без подзаголовков, и с его же «Филоклетами» – помимо известного нам существовал еще «Филоклет в Трое» (Nauck 1889: 273). По той же причине имеют определения два «Главка» Эсхила (Потнийский и морской), его же «Прометеи»⁴, «Ифигении» Еврипида.

³ Что исключает рассмотрение этого названия в аспекте толкования и поэтики заглавий (именование Эдипа тираном можно счесть своего рода игрой, ведь Эдип на самом деле законный наследник, пусть даже ему это не ведомо почти до самого финала). Подзаголовок лишь указывает на тот отрезок мифологической наррации, который отражен в трагедии – правление Эдипа. На позднее происхождение подзаголовка τύραννος указывает и гипотеза: ὁ τύραννος Οἰδίπους ἐπὶ διακρίσει θατέρων ἐπιγέγραπται... εἰς δὲ καὶ οἱ πρότερον αὐτόν, οὐ τύραννον, ἐπιγράφοντες (Argum. Oed. Tyr.).

⁴ В случае с «Прометеем» вмешивается проблема атрибуции. В изначальном варианте название «Прометей», «Прометеи» или «Прометей» могла иметь тетралогия в целом (Hippenstiel 1887: 18–19), либо, напротив, «Прометеи» не составляли тетралогии и потому не нуждались в дополнительных «эпikleзах» (Taplin 1975: 186). Вест, относя всю постановку к 440 годам V в., предлагает возможным принципом разли-

Но такая предикативность подзаголовков – самого общего свойства, смысловое наполнение практически отсутствует – не зря в большинстве случаев он (подзаголовок) подразумевает географическую локализацию действия драмы, т.е. различие механическое. Несколько сложнее картина с «Ипполитами» и менее известная – с «Аяксами»: «Аякс» Софокла и «Ипполит» Еврипида были более известны как «Аякс Биченосец» (μαστιγοφόρος) и «Ипполит Увенчанный» (στεφανηφόρος), для различения с «Аяксом Локрийским» (Λόκριος) и «Ипполитом укрывающимся» (καλυπτόμενος) (West 1979: 131, Sommerstein 2010: 18). Впрочем, этих подзаголовков дидаскалии не фиксируют: ἐν δὲ ταῖς Διδασκαλίαις ψιλῶς Αἴας ἀναγέγραπται (Argum. Aj.). Как справедливо замечено Вестом, названия «биченосец» и «укрывающийся» являются отражением визуального впечатления от спектакля, то есть очевидно представляют собой пример названия *post factum*. В ряде случаев речь может идти о своего рода типологии: к уже упомянутому принципу географической локализации можно добавить модель с формантом φόρος (στεφανηφόρος, μαστιγοφόρος, πυρφόρος), формы причастия (καλυπτόμενος, λυόμενος), совпадающие (μαίνόμενος) или различающиеся формой рода подзаголовки (δεσμώτης и δεσμώτις).

Еще более механическим принципом является нумерация (Τυρώ α' и β', Ἀθαμάς α' и β', Φινεύς α' и β' Софокла, Οἰδίλους α' и β' Ликофрона, см. (Nauck 1889: 964), а чуть ближе к «содержательному» различению приводимые грамматиками и схолиастами двойные названия, основанные на противопоставлении герой / хор: «Атрей, или Микенцы», «Навсикая или Купальщицы». Однако такого варианта – двойное озаглавливание – мы не увидим ни в дидаскалиях, ни в римских подражаниях греческим трагедиям и их названиям, что подтверждает его позднее происхождение (Haigh 1896: 400). Для ранней драмы Эсхила, его современников и предшественников засвидетельствовано девять таких названий, два у Софокла и одно у Еврипида («Вакханки» у Стобея именуются «Пенфеем»), – что указывает одновременно на стабильность практики именований во второй половине V в. вследствие фиксации ее в дидаскалиях и недостаточность информации такого рода для драмы ранней (Sommerstein 2010: 22). Некоторая беспечность в цитировании названий

чения именование по хору, а вынесение имени героя в заглавие – влиянием виртуозного исполнения роли протагонистом (West 1979: 131).

указывает, в том числе, и на то, что они не считались чем-то важным сами по себе, а служили достаточно общим указанием. Это возвращает нас к проблеме доли авторства в названии.

Авторское решение может проявляться в предпочтениях при обозначении субъекта при совпадении сюжетов: «Персей» Пратина – «Андромена» Софокла, Еврипида и Ликофрона, «Федра» Софокла – «Ипполит» Еврипида. В этом случае можно предположить влияние фактора содержательного – «патоса»-страдания героя, имя которого выносится в заглавие. Самый яркий пример – «Агамемнон» Эсхила: заглавный персонаж появляется лишь в одной сцене и лишь частое упоминание его имени создает «эффект присутствия». Еще более интересный аспект обнаруживается в драмах второй половины V века. Замечено, что названия трагедий Еврипида, как правило, воспроизводят имя главного женского персонажа. Однако указание на миф через имя героини скорее вводит в заблуждение, ибо выбирается редкий аспект и место событий («Гекуба», «Елена», «Андромаха», «Ифигения [в Тавриде]»). Таким же «дезориентирующим» оказывается и отказ от именования по женскому персонажу: «Геракл» предполагает множество сюжетов, хотя для трагедии Еврипида проясняющим было бы название «Мегира», но мы его не увидим, как не увидим и «Федры», хотя вынесение ее имени в название в связи с переделкой драмы вполне можно было бы предположить.

В названиях «по хору» в драме второй половины V в. выбор продиктован не столько доминированием хора, сколько доминированием сразу нескольких характеров. Эти названия тоже скорее вводят в заблуждение, нежели проясняют зрителям, какой сюжет им следует ожидать. Они вроде бы указывают на предшественников («Умоляющие» Эсхила и Еврипида, «Финикиянки» Фриниха и Еврипида), но представленный сюжет оказывается другим. Еще сложнее все обстоит с «Гераклидами» – отсылка к хору тут обманчива (у Еврипида хор марафонцев), и название представляет собой обобщение группы персонажей, судьба которых и есть патос драмы.

Эта двойственность, появляющаяся в названиях – первый шаг от механического именования к искусству озаглавливания, то, что позже станет называться игрой с прецедентным текстом.

Но говоря о правиле, нельзя забывать и об исключениях. Уже в классическую эпоху мы видим ряд названий, не вписывающихся в формулу «беспредикатного субъекта».

Вот «аномалии» из самых известных: «Семеро против Фив» и «Эвмениды» Эсхила и «Взятие Милета» Фриниха. В «Семерых против Фив» внешне сохраняется принцип «название-субъект», но это не хор и не персонаж трагедии, а участники события, которому посвящена эпическая часть трагедии, речь вестника. При этом в качестве топонима в самом тексте драмы указывается более древнее именование Кадмея, а названия «Фивы» нет, как нет и выражения Ἑπτὰ ἐπὶ Θῆβας, поэтому уже довольно давно было высказано предположение, что это название Эсхилу не принадлежит (Haigh 1896: 398, Verall 1887: 33). Возражением может служить то обстоятельство, что оно известно уже Аристофану (Aristoph. Ran. 1021), а подтверждением – что в схолиях к «Государству» Платона «Семеро против Фив» названы «Амфиараем» (Schol. Plat. Rep. 361 b), а в другом случае цитирования – «Этеоклом» (Hippenstiel 1887: 42). Точно так же в «Эвменидах» при внимательном чтении текста нельзя не заметить несоответствия – выражения «Эвмениды» в тексте нет вовсе, а «перевоспитанные» Эринии названы Σεμναὶ θεαί (1041; Sommerstein 2010: 19).

Объясняется это тем, что во времена Эсхила в функции заглавия существовали только названия трилогий, а названия отдельных трагедий появились и были внесены в дидаскалии позже (Sommerstein 2010: 20, Verall 1887: 33). «Семеро против Фив» может быть заимствованием из локального фиванского цикла, это название одной из од Коринны (Haigh 1896: 397). Причем тип этого названия тоже необычен – это название-комментарий, в том числе композиционного свойства: описание каждого из нападающих вождей, лирический отклик хора, назначение Этеоклом противника из числа фиванских героев семикратно повторяется в драме. Однако здесь могла оказать влияние еще одна традиция – это названия лиро-эпических произведений Стесихора, по общему признанию повлиявших на развитие аттической драмы. Именно у него заимствуется Эсхилом название для тетралогии «Орестея», а для одного из отрывков восстанавливается (условно) название «Семеро против Фив» (Cambell 1991: 137, Стесихор 1985).

Другая загадочная в отношении названия трагедия, еще более удаленная по времени – «Взятие Милета» Фриниха. Датированная условно 494 г. до н. э., известная как повод к запрету пьес с историческим сюжетом, она вдобавок еще и больше, чем любая иная из дошедших трагедий, опровергает охарактеризо-

ванный принцип название-субъект, и подтверждает другой, гораздо более редкий – название, содержащее предмет, объект повествования («название-что» по Кржижановскому). Всего таких названий шестнадцать, одиннадцать из них считаются достоверными (Haigh 1896: 396). Показательно, что большинство этих названий (Ὀπλῶν κρίσις, Ἑκτορος λύτρα, Ἰλίου πέρις, Ψυχόστασία, Ἄθλα, Ἀχαιῶν Σύλλογος, Ἑλένης ἀπαίτησις, Ἑλένης γάμος, Νίπτρα) соотносится с эпическим циклом – можно предположить, что решающим фактором при определении названия оказалось их сюжетное родство с имеющим соответствующее название (вернее, обозначение содержания) фрагментом эпоса, ῥαψῳδία.

Но «Взятие Милета», несмотря на частое цитирование в учебниках и книгах по истории драмы, в список достоверных названий не входит. В византийском словаре Суда, откуда мы черпаем сведения об утраченных произведениях античных авторов, в статье о Фринихе нет упоминания о «Взятии Милета». Единственный хронологически близкий источник сведений об этой постановке и ее печальных для автора последствиях – Геродот: Herodot. VI 21 Ἀθηναῖοι μὲν γὰρ δῆλον ἐποίησαν ὑπεραχθεσθέντες τῇ Μιλήτου ἄλῳσι τῇ τε ἄλλῃ πολλαχῇ, καὶ δὴ καὶ ποιήσαντι Φρυνίχῳ δρᾶμα Μιλήτου ἄλωσιν καὶ διδάξαντι ἐς δάκρυά τε ἔπεσε τὸ θέητρον, καὶ ἐζημίωσάν μιν ὡς ἀναμνήσαντα οἰκῆια κακὰ χιλίῃσι δραχμῇσι, καὶ ἐπέταξαν μηδένα χρᾶσθαι τούτῳ τῷ δρᾶματι. «Совершенно по-иному, однако, поступили афиняне, которые, тяжело скорбя о взятии Милета, выражали свою печаль по-разному. Так, между прочим, Фриних сочинил драму «Взятие Милета», и когда он поставил ее на сцене, то все зрители залились слезами. Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1000 драхм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы» (перевод Г. А. Стратановского). Почти в тех же выражениях, только без имени автора, ситуация описывается у Страбона (XIV 635) и в схолиях к Аристофану (Vesp. 1490), что заставляет предположить, что утверждение Геродота – единственный источник, более ничем не подкрепленный. Однако указание Геродота могло касаться содержания, а не названия (дословный перевод «Фриних, сделавший взятие Милета драмой» (Haigh 1896: 44) и тогда названием могут быть зафиксированные Судой «Персы», что не только объясняет

строгость наказания (изображение триумфа врага), но и возвращает нас к традиционному принципу именования.

И наконец, загадочный «Цветок» Агафона, упомянутый Аристотелем в «Поэтике» (1451 b 21) и объяснимый разве что упомянутым выше принципом название-объект, вот только без какой бы то ни было содержательной значимости. Историки драмы указывают на его эксцентричность, и только. Впрочем, «Поэтика» – единственное место, где он упомянут, и то, *как* он упомянут, довольно давно позволило внести уточнение⁵: форма может быть дательным падежом как от «цветка», так и от имени Антей (Анфей), что возвращает трагедию Агафона в парадигму драматической номенклатуры. Как кажется, «Цветок» сохраняется в традиции переводов по принципу, аналогичному *lectio difficilior*. Объяснение, что автор, проявивший эксцентричность в сюжетосложении, мог проявить ее же и в именовании, опровергается, хотя бы косвенно, тем, что Аристотель с его приверженностью к классификациям отметил бы в трагедии отступление от правил не только с точки зрения вымышленности сюжета (а псевдо-цветок появляется именно в этом контексте), но и с точки зрения необычного названия.

Но если, отмечая попытки игры с названием (с опорой на прецедентный текст), мы в целом не можем не признать, что в трагедии главная функция именования – это указание для идентификации, которое никогда не бывает излишне причудливым, то отнести это утверждение к комедии мы не можем (Sommerstein 2010: 18).

Название «Бутылка» / «Кувшин» (Πυτίνη) того же Кратина как раз из разряда объектных. У Аристофана же названия в единственном числе, тоже выглядящие как объектные, «Мир» и «Богатство», на деле вводят в заблуждение, так как в обоих случаях мы обнаруживаем персонификацию абстракции и называние по «персонажу». Свойственные комедийной поэтике говорящие имена приобретают в названиях особый смысл: и «Дионисалександрос» (Дионис в «роли» Париса) Кратина, и «Лиси-страта» передают в предельно сжатом виде смысл сюжета.

⁵ Авторство его приписывается Бергку (Naigh 1896: 395) и Велкеру (Wywater 1909: 191). На основании этого предположения с учетом возможных разночтений в форме номинатива Ἀνθεύς Ἀνθος, Ἀνθης, в т. ч. и арабской версии, по которой восстанавливается вариант ANΘHI, была составлена реконструкция драмы Агафона (Pitcher 1939: 146).

Множественное число в названиях комедий Кратина «Одиссеи», «Хироны», «Архилохи» до сих пор не получило однозначного объяснения. Можно предположить, что превращение одиночного персонажа в хор имело комический эффект, но чем оно было обосновано, предположить довольно трудно. У Аристофана в «Осах» хор – вовсе не осы, в «Лягушках» хор лягушек дополнительный. То есть общий принцип хор либо персонаж соблюдается, но это соблюдение поверхностно.

Таким образом, в комедии отчетливей, чем в трагедии, выражена основная драматургическая функция названия – информативная и интригующая зрителя, правда, трагедия и комедия пользуются разными средствами, трагедия – умолчанием, комедия – парадоксом. Заголовок – способ привлечения внимания публики, но после постановки он утрачивает это значение, отсюда и небрежность в цитировании. Потребность в подзаголовке возникает уже в иных обстоятельствах. Скорее всего, это проблема чисто практическая, проблема книги–свитка, необходимость четкого обозначения (и для покупателя, и для ученого александрийца) в самом начале, что за текст находится в руках. Развитием этой манеры начального комментария для александрийских комментаторов стали так называемые ипотезы, пересказы фабулы перед текстом трагедии – «краткое содержание и список действующих лиц», практический комментарий, облегчавший работу с огромным числом свитков в Александрийской библиотеке. А подзаголовки в большинстве случаев отражают формулу Кржижановского «название – это свернутый комментарий». Вот только дается он чаще всего не автором, и функция его, за редким исключением, – исключительно различительная, без попытки передать содержание.

Это можно рассматривать как сохранение наследия архаического театра: важно, что и как показывается, а не как это называется. В этом смысле название-кто и название-что, название-субъект и название-сюжет равны и одинаково не важны. Это свойство сохраняется в практике стандартных постановочных названий и препятствует развитию поэтики заглавия и даже принципа подзаголовка. А когда драматический жанр отделяется от постановки и текст начинает жить самостоятельной жизнью, возникает проблема именования.

Нельзя не заметить, что мы имеем дело со столкновением двух дискурсивных практик: театрально-постановочной, в которой цель названия – информативная, но и интригующая, и

письменной литературной, в которой драматические тексты становятся объектами книготорговли.

При переходе от устной формы к письменной прочерчивается и граница между терминами название и заглавие. Название – именование произведения устного, заглавие, как показывает Кржижановский – явление письменной культуры. Именно в письменном варианте оно становится смысловой частью произведения.

Заметно и то, что в разных жанрах – разная динамика. Эпос, по стилю более традиционный, в плане названия дает большую вариативность. Представлена она и в хоровой лирике, ср.:

Στη[σιχόρου] Ἰλίου Πέρσις ἦ
Ἰππ[ος] Τρωϊκός

на папирусном фрагменте (Kazansky 1997: 91), в то время как драма, при стремительном развитии жанровых форм, в названиях сохраняет традиционность – тем ярче на этом фоне выглядят исключения. Комедия, более свободная по сравнению с трагедией в отношении сюжетосложения, и в отношении названий проявляет большую свободу и скорее приближается к принципу «поэтики заглавий».

Итак, типология названий уже в греческой классике оказывается сложнее, чем на первый взгляд. Заглавие-императив, которое, по Кржижановскому, «тянет за собой» всю книгу, античности недоступно, поскольку устные формы бытования текстов долгое время доминируют над письменными. Но заглавие-комментарий находит проявление – это, может, еще не поэтика заглавий, но несомненно ее начатки.

Литература

- Кржижановский 1931 – Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. Никитинские субботники, 1931 (= Кржижановский С. Д. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4: Статьи. Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре. / Сост. и комм. В. Перельмутера. СПб.: «Симпозиум», 2006).
- Кржижановский 1939 – Кржижановский С. Д. Пьеса и ее заглавие. Доклад 1939 г. (подг. текста, вступ. статья, коммент. А. А. Колгановой.) // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.
- Стесихор 1985 – Стесихор. Фрагменты / Пер., ст. и прим. Н. Н. Казанского под ред. М. Л. Гаспарова // Вестник древней истории. 1985. № 2.
- Bywater 1909 – Bywater I. Aristotle on the Art of Poetry. Oxford: Clarendon Press, 1909.

- Campbell 1991 – Campbell D. A. Greek Lyric III: Stesichorus, Ibycus, Simonides and Others. Loeb Classical Library, 1991.
- Gauly 1991 – Gauly B. M. (Hrsg.). *Musa tragica: Die griechische Tragödie von Thespis bis Ezechiel: ausgewählte Zeugnisse und Fragmente: griechisch und deutsch* / Richard Kannicht, Bardo Maria Gauly. Göttingen, 1991 (= Studienhefte zur Altertumswissenschaft, 16).
- Haigh 1896 – Haigh A. E. *The tragic Drama of the Greeks*. Oxford: Clarendon Press, 1896.
- Hippenstiel 1887 – Guilelmus Hippenstiel. *De Graecorum tragicorum principum fabularum Nominibus*. Marburg: Typis Friderici Typographi Academici, 1887.
- Kazansky 1997 – Kazansky N. N. *Principles of the Reconstruction of a Fragmentary Text (New Stesichorean Papyri)*. Saint-Petersburg, 1997.
- Nauck 1889 – Nauck A. *Tragicorum Graecorum fragmenta*. In aedibus B. G. Teubneri, 1889.
- Page 1934 – Denys Lionel Page. *Actors' interpolations in Greek tragedy*. Garland Pub.
- Pitcher 1939 – Pitcher S. M. *The Anthus of Agathon* // *AJP*. 60. P. 145–169.
- Sommerstein 2010 – Sommerstein A. H. *The titles of Greek dramas // The Tangled Ways of Zeus: And Other Studies In and Around Greek Tragedy*. NY.: Oxford University Press, 2010.
- Taplin 1975 – Taplin O. *The title of Prometheus Desmotes* // *JHS*. 1975. Vol. 95. P. 184–186.
- Verrall 1887 – Verrall A. W. *Introduction to Septem contra Thebas*. London: MacMillan, 1887.
- West 1979 – West M. L. *The Prometheus Trilogy* // *JHS*. 1979. Vol. 99. P. 130–148.
- West 2001 – West M. L. *Studies in the text and transmission of the Iliad*. München: K.G. Saur, 2001.
- Wilamowitz 1959 – Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Einleitung in die Griechische Tragödie (Euripides Herakles, Bd. 1)*. Berlin: Akademie-Verlag, 1959.

Ya. L. Zabudskaya. «Poetics of titles» and the titles of Greek tragedies

The traditional anthroponomical titles attached to Greek tragedies often contain quite blurred indication: the selected aspect of the myth is rare, the coincidence of names is rather misleading. The 'sur-titles' used to distinguish plays of the same name in most cases belong to the Hellenistic era and reflect the formula «a title is a reduced commentary». The variability of titles for a tragedy is a first step from automatic naming to the «poetics of titles» and is formed in the collision of the two discursive practices: theatrical staging in which the title should be informative as well as intriguing for spectator, and literary writing in which information is supplemented by requirements of accuracy.

Keywords: Greek tragedies, «poetics of titles», sur-titles.

К ЗНАЧЕНИЮ ΨΗΦΟΣ В МАГИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ

Выражение κρατεῖν (κατέχειν, ἀπολύειν) τὴν ψῆφον x (где x – число), встречающееся в ряде греческих текстов при описании магических процедур, следует относить не к камешкам либо каким-либо другим предметам, на которые нанесены числа, но к жестам счета на пальцах. Это толкование (высказанное Р. Меркельбахом применительно к PGM IV, 938, но не встретившее сочувствия) может быть подтверждено обращением к терминологии греческого *computus digitorum* и распространено на ряд других пассажей.

Ключевые слова: ψῆφος, античная магия, греческие магические папирусы, Александр из Тралл, *computus digitorum*

Один из разделов «Большого парижского магического папируса» IV в. н. э.¹ (PGM IV, 930–1114) описывает процедуру, позволяющую с помощью лихномантии достигнуть прямого созерцания божества (αὐτοπτος σύστασις; 930)². Ворожей должен облачиться в «пророческие одежды», увенчать голову венком из оливы, в который вплетен чеснок, и приступать к заклинанию, κρατῶν ψῆφον γχξγ' ἐπὶ μασθοῦς (938) – т. е. «держа ψῆφος 3663 на (или на уровне) груди». В дальнейшем эта ψῆφος возникает в тексте еще дважды: в момент явления божества (1048–1049: κατέχων τὴν ψῆφον λέγε· κύριε, χαῖρε κτλ.) и при его «отпущении» (1057–1058: καμύσας ἀπόλυσον ψῆφον, ὃν κρατεῖς). К. Преизенданц во всех случаях дает буквальный перевод, за которым трудно угадать какую-либо интерпретацию: «halte die Zahl 3663 auf die Brust», «die Zahl festhaltend, sprich», «schließ die Augen und laß los die Zahl, die Du hast» (Preisendanz 1973–1974: I, 105, 109).

¹ О проблемах датировки *текста* этого колоссального сборника магических рецептов, который во многих своих разделах значительно старше папируса и традиционно относится исследователями ко II в. н. э., см.: Brashear 1995: 3419–3420.

² Общий анализ раздела: Ganszyniec 1927: 2116 ff.; Neufeld 2005: 84 ff.; комментированное издание входящего в его состав гимна (939–948): Merkelbach – Totti 1989: 1–10. Концепцией αὐτοπτος σύστασις в античной религии и магии пристально занимался С. Эйтрем, привлекая в том числе и наш папирус (Eitrem 1926: 42 ff.; Eitrem 1929: 50).

В 1921 г. Т. Хопфнер не только впервые объяснил число 3663 как сумму арифметических значений букв в знаменитом магическом имени Βαίνχωωωχ (ср. PGM IV, 974; etc.)³, но и заложил основу для понимания слов кратῶν ψῆφον γχξγ' ἐπὶ μασθοῦς: 'число следовало написать на листе папируса и закрепить на груди' (Hopfner 1921–1924: I, 181, § 705). Все последующие толкователи – за одним важнейшим исключением, о котором ниже – двигаются в том же направлении, правда, разделившись на две группы (хотя это различие и остается, по всей видимости, незамеченным). Меньшая часть, как и Хопфнер, говорят о клочке папируса (Costanza 2009: 141) либо, более осторожно, о некоем предмете, на котором написано γχξγ' (LSJ, s. v. ψῆφος II 1 b; cf. Méautis 1924: 150; Dornseiff 1925: 184), т. е. исходят из невещественного значения ψῆφος 'число'; большинство же понимают ψῆφος как 'камешек' с вырезанными на нем буквами. В известной антологии под редакцией Х. Д. Беца У. С. Гриз переводит соответствующие сочетания как «clasp a pebble numbered 3663 to your breast», «while holding the pebble», «release the pebble which you have been holding» (Betz 1986: 56, 58–59; в Betz 1992 без изменений); с ним солидарны автор словаря лексики магических папирусов Л. Муњос Дельгадо (Muñoz Delgado 2001, s. v. ψῆφος)⁴, крупнейший знаток и издатель античных амулетов Рой Котански (Kotansky 2006: 66) и другие (из работ последнего времени см.: Martin 2005: 273; Neufeld 2005: 84–85; Aufrère 2007: 281; Е. Лазарев *apud* Рычков 2012: 120; Evans 2013: 143–144). В самом деле, это толкование кажется привлекательным: значение 'держать' и для кратέω, и для катέχω совершенно естественно; у Афиней (I, 16e) засвидетельствовано и сочетание кратεῖν τὴν ψῆφον 'держат в руке камешек (т. е. игральную фишку)'; ψῆφος 'небольшой камень' встречается в PGM (XII, 209; cf. Suppl. Mag. 76, 9; Muñoz Delgado 2001, s. v.); наконец, до нас дошло множество амулетов с voces magicae, чья сумма букв дает излюбленные античными ворожеями арифметические значения вроде 9999 – в их числе, между

³ О нем см.: Brashear 1989; Daniel – Maltomini 1990: 43; Brashear 1995: 3581 (с библиографией).

⁴ Муњос Дельгадо относит PGM IV 937 ко второму из трех выделяемых им значений ψῆφος ('por. ext. número grabado en un guijarro'), тогда как PGM IV 1048 и 1057 – к первому ('guijarro, piedra'), хотя речь во всех трех случаях идет об одном и том же объекте.

прочим, Αβιϰιωχωσσως, убедительно истолкованное К. Боннером как исопсефический двойник Βαλνχωωωχ, т. е. 3663 (Bonner 1930: 8). Трудности, впрочем, также видны: «камешек х» – это, позволим себе каламбур, чересчур лапидарный способ сказать «камешек, на котором вырезано число х»⁵.

Между тем альтернативный взгляд на PGM IV, 938 был кратко сформулирован в 1986 г. Р. Меркельбахом (Merkelbach 1986: 308 Anm. 12 = Merkelbach 1997: 290–291 Anm. 5). Рассматривая 9999, 3663 и другие «числа-палиндромы» (в привычной нам арабской, но, разумеется, не в греческой цифири)⁶, встречающиеся на магических геммах, Меркельбах связал их с широко распространенной в античности практикой счета на пальцах. Как известно, по правилам *computus digitorum* одни и те же конфигурации на левой руке отмечали единицы и десятки, а на правой – сотни и тысячи; именно обозначение на пальцах делает 3663 и другие подобные числа симметричными. В предпоследнем примечании своей статьи Меркельбах упоминает наше место: «In [PGM] IV 938 soll der Myste, um eine Vision im Wachen zu erhalten, die Zahl 3663 auf der Brust halten, im *computus digitorum*».

Предполагать, что исследователи античной магии могли «не заметить» какое-либо суждение о своем предмете, высказанное Меркельбахом, было бы наивно; более того, его статья регулярно упоминается в дискуссиях об имени Βαλνχωωωχ и отмечена в библиографиях многих названных выше работ, от второго издания антологии Х. Д. Беца до А. Л. Рычкова. Тем не менее эта интерпретация PGM IV, 938, как видим, осталась без последствий⁷ – то ли оказавшись непонятой, то ли не встретив сочувствия.

⁵ У Муньоса Дельядо в разделе ‘número grabado en un guijarro’ наряду с нашим местом отмечено еще одно, но это недоразумение: ψῆφος в PGM VIII, 48 означает, как обычно в гематрических контекстах, ‘числовой эквивалент слова’, т. е. сумму его букв без какой-либо мысли о «материальном носителе».

⁶ Этому уточнению (в сущности, *explicite* сформулированному у Меркельбаха) посвятил специальную заметку У. М. Брэшир: Brashear 1989.

⁷ В фундаментальном обзоре Брэшира статья Меркельбаха, как и следовало ожидать, названа; однако в той его части, которая посвящена библиографии PGM IV и последовательно регистрирует текстологические и интерпретационные замечания к отдельными местам папируса, ссылки на нее нет (Brashear 1995: 3520–3521).

Автор настоящей заметки, далекий от магической папирологии и эпиграфики, обратил внимание на место PGM IV, 938 sqq., занимаясь терминологией счета на пальцах;⁸ увиденное с этой точки, толкование Меркельбаха кажется совершенно правильным. В самом деле, сочетание кратεῖν / κατέχεῖν τῆν ψῆφον χ в смысле 'обозначать на пальцах число χ' является стандартным *terminus technicus* в нашем главном греческом источнике по пальцевому счету – разделе Ἐκφρασις τοῦ δακτυλικοῦ μέτρου в арифметическом руководстве Николая Артавазда (он же Равда) из Смирны⁹. Разъясняя комбинации пальцев, соответствующие тем или иным числам, Николай употребляет оба глагола фактически через раз (кратέω *sexies*, κατέχω *quater*), так что саму их вариацию в PGM IV тоже можно в некотором смысле считать терминологической. Трактат Николая был написан в Константинополе в середине XIV в., однако интересующие нас выражения засвидетельствованы и для гораздо более раннего времени. Плиний Старший (XXXIV, 33) сообщает о древней статуе Януса, который показывал на пальцах число дней в году – на правой руке 300, а на левой 65: praeterea Ianus Geminus a Numa rege dicatus, qui pacis bellicae argumento colitur digitis ita figuratis, ut CCCLXV dierum nota et aevi esse deum

⁸ Эта техника, с которой греки и римляне знакомились на школьной скамье, позволяла при помощи пальцев двух рук показывать числа от одного до как минимум десяти тысяч (а возможно, и до миллиона). Как общераспространенная она надежно засвидетельствована с начала эпохи империи, равно на западе и на востоке античного мира (обширная подборка мест, опровергающих представление о сугубо римском характере *computus digitorum*: Martou 1958), и, не потеряв популярности в средние века, сохранялась у рыночных торговцев мусульманских стран еще в XX в. (Mappу 1998: 220). Основную библиографию до 1969 г. см.: Groß 1969: 915 ff.; далее: Alföldi-Rosenbaum 1971; Poirier 1979; Riehe 1986; Williams – Williams 1995; Minaud 2006 (по-видимому, *summarius* недоступной нам диссертации: Minaud 2002); Plaza Picón – González Marero 2006. Комментарии к 1-й главе трактата Беды Достопочтенного *De temporum ratione*, которая систематически излагает правила счета на пальцах и в ряде рукописей сопровождается ценными иллюстрациями: Sittl 1890: 252–261; Wallis 1999: 254–263; Pillonel-Wyrsh 2004: 23–32. Как явствует уже из этого перечня, греческие и византийские свидетельства о счете на пальцах изучены значительно хуже, чем римские и относящиеся к западному средневековью; соответствующие пассажи в текстах авторов приходится собирать самостоятельно, так что известный нам перечень мест наверняка далек от полноты.

⁹ Критическое издание и перевод: Tannery 1886: 30–37.

indigent¹⁰. Посмотрим, какими словами это описание (совершенно прозрачное и не допускающее мысли о каких-либо «счетных камешках», «жетонах с числами» *vel sim.*) передается в позднейшей греческой традиции. В трактате Иоанна Лида *De mensibus* (IV, 1, p. 64 Wünsch; VI в.) читаем: [sc. οἱ μὲν Ἰανουάριον μυθολογοῦσιν] τῇ μὲν δεξιᾷ τριακοσίους, τῇ δὲ ἐτέρᾳ ἐξήκοντα πέντε ψήφους ἀριθμοῦντα;¹¹ в пересказывающем Лида тексте т. наз. *Anonymus Trevianus* (4, 11 Treu; X в.) и в дословно воспроизводящем этого последнего словаре «Суда» (139 Adler): ἕτεροι δὲ τῇ δεξιᾷ τ', τῇ δὲ ἀριστερᾷ ξε' κατέχοντα; наконец, в *Patria Constantinopolitana* Псевдо-Кодина (X в.), автор которых также зависит от *Anonymus Trevianus*: ἕτεροι δὲ τῇ δεξιᾷ χειρὶ ψήφων¹² κρατοῦντα τ', τῇ δὲ εὐωνύμῳ ξε' (*Patr. Const. II* 2; vol. II, p. 152 Preger).¹³ К аналогичному латинскому выражению ср. *Macrobius Sat.* I, 9, 10: inde et simulacrum eius [sc. Iani] plerumque fingitur manu dextera trecentorum et sinistra sexaginta et quinque *numerus tenens* ad demonstrandum anni dimensionem.¹⁴

¹⁰ *Ad rem* cf.: Simon 1990: 620, № 7 (с литературой). Русский переводчик и комментатор этого текста дает неожиданное пояснение: «римляне выражали числа определенным положением пальцев, в форме римских цифр – например, округленно согнутый палец обозначал “сто” – С» (Таронян 1994: 262). Жесты пальцевого счета совершенно не похожи на римские цифры (П. Кайзер даже использовал это обстоятельство как аргумент против популярной теории Моммзена о происхождении символов I, V и X; см.: Keyser 1988: 535), и для сотни применялась та же комбинация – кольцо из указательного и большого пальцев, – которая на левой руке обозначала десять.

¹¹ Ср. *Heliodorus* III, 17: ψήφους τινὰς οὐδὲν καταριθμοῦσας ἐπὶ δακτύλων συντιθεῖς.

¹² *An legendum* ψήφων κρατοῦντα? Другие примеры, где *pluralis* ψήφοι использовался бы для обозначения *одного* числа, показываемого на пальцах, нам не известны (у Лида речь идет двух числах – 300 и 65; об *Alex. Trall. Therap.* VII, 9 см. ниже), а странный генетив не дает возможности думать, что автор *Patria* неверно понял текст *Anonymus Trevianus*.

¹³ О соотношении текстов Лида, «анонима Троя», «Суды» и Псевдо-Кодина см.: Preger 1895: 28–40; Cameron–Herrin 1984: 4–8.

¹⁴ Та же лексика засвидетельствована и у Александра из Тралл (VI в.), о чем см. ниже. По-видимому, поэтическую вариацию этой идиомы представляет темная эпиграмма Паллада (IV в.) о человеке, похищенном смертью в процессе *computus digitorum* (*AP* XI, 290): Δακτυλικὴν ψήφον τις ἔχων περὶ δάκτυλα χειρῶν / ψήφῳ τοῦ θανάτου προῦλαβεν εἰς Αἶδην. / Ζῆ δ' ἡ ψήφος νῦν τοῦ ψηφίζοντος ἐρήμη, / ψυχῆς ἀρπαγίμης ἔνθεν ἐλαυνομένης. Мы не можем принять интерпретацию Ф. Бюффьера (*apud* Aubreton 1972: 275 n. 7; то же: Marzullo 1983: 256, n. 27), со-

Кроме того, обратим внимание на последнее из трех появлений ψῆφος в тексте PGM IV (1057–1058): чтобы божество удалилось, καμύσας ἀπόλυσον ψῆφον, ὃν κρατεῖς. Будь ψ φος магическим амулетом или любым другим материальным объектом, мы ожидали бы здесь глагола, означающего ‘отложить, выпустить из рук’ (κατατιθέναι, ἀποβάλλειν *vel sim.*). Неестественность этого ἀπολύειν хорошо демонстрирует соответствующая статья словаря Муньоса Дельгадо (Muñoz Delgado 2001, s. v.): в остальных 25 случаях глагол употребляется в магических папирусах с обычным для него значением ‘отпускать кого-л.’ (в основном сверхъестественных существ, которые являются магу,¹⁵ но также и животных, участвующих в колдовстве – жука, летучую мышь, лягушку) либо ‘прекращать действие (заклятия)’ – и только наше место, для которого лексикограф постулирует значение ‘soltar (el guijarro)’, стоит особняком. По-видимому, именно по этой причине Хофнеру приходилось говорить о «закрепленном на груди» листе папируса с надписью, который затем отвязывается; этому, однако, противятся κρατεῖν и κατέχει¹⁶. Если же императив будет означать «перестань показы-

гласно которой здесь, в отличие от соседней AP XI, 289 того же автора, речь идет не о счете на пальцах (так уже в переводе Гуго Гроция: «Dum numerat digitis...»), а об операциях со счетной доской и calculi. Это лишило бы эпиграмму пуанты: покинутая комбинация камешков на абаке едва ли может быть названа «числом, живущим после смерти считавшего», иное дело – жест навсегда зачоченевших пальцев покойника. Определенные синтаксические проблемы, признаем, остаются; однако необычное ἔχων δάκτυλα περὶ ψῆφον можно осмыслить в том же духе, что и (не менее изысканное) ἐν δακτύλοις τοὺς τόκους σφίγγων ἔτι в AP XI, 289, 4: в обоих случаях «число» представлено как некий предмет, который герой словно бы берет пальцами. Сама возможность этой метафоры, как представляется, подсказана ходовым κρατεῖν / κατέχειν ψῆφον, которое буквально означает ‘удерживать, схватывать число’ – ведь к счету на пальцах прибегают в первую очередь для того, чтобы сохранять промежуточные результаты вычислений.

¹⁵ Предполагать, будто в нашем случае ἀπολύειν получает уникальное значение ‘отложить’ потому, что речь идет об «отпущении» божества (ср. 1056: ἅμα εὐθὺ λέγων ἀπόλυσιν), означало бы судить сухой магический рецепт по законам ассоциативного языка поэзии. Правдоподобнее обратная зависимость: согласно универсальному для магии принципу *similia similibus*, «отпущение» вызывается именно таким действием, к которому естественно применим соответствующий глагол.

¹⁶ В тех случаях, когда магические руководства предписывают привязать амулет к телу или носить на шее, используются конструкции

вать число» (т. е. «распусти» его, разогнув и расплеть пальцы), то *verbum solvendi* окажется на своем месте; ср. *Aug. De civ. Dei* XVIII, 53: *omnium vero de hac re calculantium digitos resolvit et quiescere iubet ille qui dicit: non est vestrum scire tempora, quae pater posuit in sua potestate.*

В статье о пальцевом счете, появившейся в одном из последних супплементов к *Realencyclopädie*, Х. Хоммель констатирует, что этот распространеннейший в античности, но утраченный современными европейцами навык отразился в огромном числе текстов и археологических памятников, «которые часто понимаются неверно» (Hommel 1974: 112). Этот общий диагноз справедлив и в нашем случае: упоминание магической практики, при которой рука, показывающая на пальцах то или иное число, подносится к определенному месту тела, находит параллели и за пределами Большого парижского папируса. Тот же Т. Хопфнер (Hopfner 1921–1924: I, 181, § 705) указал на идентичное по содержанию и лексике место у врача VI в. Александра из Трал¹⁷, которое, как он считал, подтверждает его интерпретацию PGM IV, 938. На деле речь должна вестись о двух местах, близко соседствующих друг с другом в перечне колдовских средств от икоты (*Alex. Trall. Therap.* VII, 9; vol. II, p. 319 Puschmann): ἐν δὲ Κυρήνῃ καὶ τοῦτ' ἔμαθον ἄλλο· ὁ λύζων κρατεῖτω ἐν τῇ ἀριστερᾷ χειρὶ ψήφους μ' καὶ κατὰ τῆς κεφαλῆς ἐπιτιθέτω, καὶ εὐθέως παύσεται <...>. Κρητὰς [*sc.* λέγουσι] κρατεῖν ψήφον ταῖς χερσὶ γρ⁷γ' καὶ προσφέρειν τοῖς μυκτῆρσι. То, что Хопфнер и следом за ним Фр. Дорнзайф (Dornseiff 1925: 184) отметили только второе из них, связано, по всей видимости, с толкованием Т. Пушмана, чье донныне остающееся незамененным издание Александра снабжено переводом *en regard*. Действительно, во втором случае Пушман переводит нейтрально: «Die Kreter sollen die Nummer 3193 in den Händen halten und an die Nase bringen», а в первом

εἶρειν περὶ τι (PGM I, 68–69: γλυφέντα δὲ [*sc.* τὸν λίθον] διατρυ[π]ήσας καὶ διείρας σπάρτω περὶ τ[ὸν τρά]χηλόν σου εἴρησον), ἅπτειν τινί (XII, 13: φυλακτήριον οἷσε[ις] ἅψας δεξιᾷ [χ]ειρὶ κα[ὶ] ἀρι[σ]τερᾷ χειρὶ νυκτός), περιάλπτειν εἰς τι (VII, 207: εἰς δέρμα ὑαίνης ἐπίγραφον τοὺς χαρακτῆρας <...> περίαψον εἰς τὸν τράχηλον) и др., а особенно часто – φορεῖν περὶ τι (е. g. IV, 2631: φόρει περὶ τὸν τράχηλον, ἐὰν πράσσης; в одном только PGM IV см. также 80, 259, 2513, 2704). Напротив, весьма частотные κρατεῖν и κατέχειν всегда значат ‘держатъ в руках’ (и только однажды ‘на коленях’: PGM IV, 227); см.: Muñoz Delgado 2001, ss. vv.

¹⁷ Об исключительно нетривиальном соотношении «научной» медицины и магии в труде Александра см.: Duffy 1984: 25–26.

понимает явно схожий текст совершенно иначе: «Derjenige, welcher am Schlucken leidet, soll in der linken Hand vierzig Steinchen halten und sie sich auf den Kopf legen» (Puschmann 1878–1879: II, 318). Эта интерпретация, повторенная затем и у Ф. Брюне¹⁸, восходит к прославленному ученому медику XVI в. Иоганну Винтеру, о переводе которого Пушман с похвалой отзывается в предисловии¹⁹: «Singultiens contineat manu sinistra calculos suffragiorum quadraginta, et capiti superimponat» (Günterius 1549: 297–298)²⁰.

Удерживать в ладони, а затем разместить на макушке сорок камешков – задача, достойная циркового номера; однако даже тренированный артист наверняка откажется от исполнения этого трюка, если его будет сотрясать икота. Впрочем, обращение к текстологии пассажа позволяет, как кажется, окончательно развеять эту фантазмагорию. Как явствует из аппарата Пушмана (Puschmann 1878–1879: II, 319), слово ψῆφος отсутствует в рукописях и было добавлено первым издателем Александра Жаком Гупилем на основании глоссы, которую он прочитал «в одном кодексе Павла Эгинского» на полях раздела об икоте.²¹ Впечатление, что эта поправка опирается на некую независимую косвенную традицию, развеивается, однако, при знакомстве с

¹⁸ «Qu'il tienne dans la main gauche 40 cailloux et qu'il les place sur la tête» (Brunet 1933–1937: IV, 35–36). Судовой врач Феликс Брюне стал вторым (после своего коллеги Пушмана, в чьей библиографии помимо трудов по истории медицины есть книга «Richard Wagner: Eine psychiatrische Studie» [1873]) и к сегодняшнему дню последним переводчиком Александра на какой-либо из новых европейских языков.

¹⁹ Puschmann 1878–1879: I, 98. Значительно более трезвую оценку этой работы Винтера см.: Langslow 2006: 14 ff. (книга Лэнгслоу представляет собой *Prolegomena* к изданию средневековой латинской версии Александра, которая, как он доказывает, основывалась на независимой и лучшей по качеству традиции греческого текста; с нетерпением ожидаем выхода этого издания, которое может принести новые данные для разбираемого пассажа).

²⁰ Второе из занимающих нас мест Винтер передает как «Cretenses [*sc. dictitant*] tesseram manibus continere γρϚγ' et naribus offerre», а Брюне – «en Crète, on fait tenir dans la main une tablette portant le nombre 3193 et on la place sous les narines».

²¹ Гупиль сформулировал поправку в *Castigationes*, приложенных к его изданию (Goupyl 1548: 23–24 [2-й pag.]); непосредственно в текст ее принял Винтер (Günterius 1556: 368; ранее Винтер оперативно учел версию Гупиля в своем латинском переводе: Günterius 1549: 297 [цит. выше]), а за ним Пушман. Этими тремя именами список издателей Александра исчерпывается.

полным текстом маргиналии из кодекса Павла (Gourpylus 1548: 23 [2-й паг.]): ἡ κρατεῖτω ἀριστερῇ αὐτοῦ χειρὶ ψήφους κβ' (*sic*). Даже если автор этой глоссы (по-видимому, понимавший, что речь идет о пальцевом счете), действительно цитирует Александра, то как минимум пересказывает, а не дословно воспроизводит его: ψήφους – такое же избыточное пояснительное дополнение, как и αὐτοῦ. Рукописное чтение *Alex. Thrall*. VII, 9 само по себе не нуждается ни в каких исправлениях: κρατεῖτω ἐν τῇ ἀριστερῇ χειρὶ μ', 'пусть он обозначит на левой руке 40' (к синтаксису ср. *Anon. Trev.* 4, 1 Treu и *Suda* ι 39 Adler; цит. выше)²² – и должно быть восстановлено в правах: *lectio brevior potior*. В обоих рецептах Александра руки, показывающие магическое число, подносятся, так сказать, к «большому месту» – в точности та же картина, что и в PGM IV, 938²³.

Наконец, в гностических трактатах «Pistis Sophia» (гл. 142) и «Книгах Иеу» (I, 33–40; II, 52), для исследования которых давно и плодотворно привлекаются греческие магические папирусы, многократно засвидетельствована формула «вот его имя: произнесите его, держа в руке (руках) ψήφον х» (*vel sim.*)²⁴, где х – числовое значение магического имени; переводчики передают ее как «indem diese Zahl in eurer Hand ist (sich in eurer Hand befindet)», «ergreift diese Zahl mit eurer Hand (mit euren beiden Händen)» (Schmidt 1981: 290, 295–296, 322 et saepius), «while the cipher is in your hand», «hold this cipher in your hands» (MacDermot 1978: 83–85 et saepius). Э. Эванс в недавней обобщающей статье о ритуале во Второй книге Иеу, выбирая между конкретным и абстрактным значениями ψήφος, говорит о «шифре, который надо держать обеими руками – а это подразумевает, что он был написан или вырезан на некоем физическом объекте» и, цитируя PGM IV, 938, заключает: «It is likely that this number was represented on a small stone of some variety» (Evans 2013: 143–144). Годом ранее в работе А. Л. Рычкова, намечаю-

²² Интересно, что Макс Трой в первой публикации *Anonymus Trevisanus* (Treu 1880, ad loc.), основываясь на текстах Лида и, видимо, *Patria Constantinopolitana* (см. выше прим. 12), дополнял в этом месте τῇ δὲ ἀριστερῇ ξε' <ψήφους> κατέχοντα; однако Вюнш (приводящий пассаж в аппарате своего издания Лида) и Ада Адлер в издании «Суды» эту избыточную поправку справедливо не приняли.

²³ Заметим, что в первом случае Александр, в точном соответствии с правилами *computus digitorum*, говорит о левой руке (двузначное число 40), а во втором – об обеих руках (четырёхзначное 3193).

²⁴ В коптском тексте всюду употреблено греческое слово.

щей план масштабного исследования эрмитажных гностических гемм, этот же вывод предстает полемически заостренным; автор критикует «очевидно, недоработанные переводом фразы» из современных переложений Книг Иеу, которые затемняют конкретное значение ψῆφος: «Смысл псефоса с именами как спасительного камня в раннехристианской мистике не был отражен переводчиками Книги Иеу. В связи с чем, без указания физического носителя, важнейшие фрагменты мистерий гностического Иисуса стали выглядеть абсурдно: Иисус вкладывает в руки своих учеников *шифр, номер* (MacDermot) или *число* (Трофимова). <...> Но главное, существующий перевод утратил важнейшую для изучения гностических инталий информацию о самом факте и способах использования каменных *псефосов* в гностических мистериях». Обозревая далее весь семантический комплекс греч. ψῆφος, А. Л. Рычков постулирует для этого слова специальное терминологическое значение «особый вид гностического оберега – “спасительного” камня с именами-“пропусками” в странствиях души гностика» и в качестве параллели опять-таки ссылается на пассаж PGM IV, 938, содержание которого резюмирует так: «во время общения с божеством маг держит в руках “специальный амулет” с числом имени Байнхоооха» (Рычков 2012: 119–120).

Мысль о том, что здесь также имеются в виду не камешки-амулеты, а жесты счета на пальцах, напрашивается; однако высказываться о коптском гностическом материале было бы с нашей стороны самонадеянностью, так что оставляем решение специалистам²⁵.

Литература

- Марру 1998 – Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция) / Пер. с франц. А. И. Любжина и др. М., 1998.
- Рычков 2012 – Рычков А. Л. Symbolarium «александрийской» глиптики Эрмитажа и ономастикум Pistis Sophia: К постановке вопроса о параллелях // Русская антропологическая школа: Труды. Вып. 10 / Пред. ред. совета Вяч. Вс. Иванов, гл. ред. И. А. Протопопова. М., 2012. С. 108–125.
- Таронян 1994 – Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат., предисл. и прим. Г. А. Тароняна. М., 1994.

²⁵ Сердечно благодарим А. В. Белоусова, с терпеливым сочувствием снабжавшего нас недоступной в петербургских библиотеках литературой.

- Alfödi-Rosenbaum 1971 – Alfödi-Rosenbaum E. The Finger Calculus in Antiquity and in the Middle Ages // *Frühmittelalterliche Studien*. 1971. Bd 5. S. 1–9 und Taf. 1–8.
- Aubreton 1972 – *Anthologie Grecque*. 1ère partie: *Anthologie Palatine*. T. 10: Livre XI / Texte éd et trad. par R. Aubreton. Paris, 1972.
- Aufrère 2007 – Aufrère S. H. *Thot Hermès l'Égyptien: De l'infiniment grand à l'infiniment petit*. Paris, 2007.
- Betz 1986, 1992 – *The Greek Magical Papyri in Translation: Including the Demotic Spells*. 2 ed. Vol. 1: Texts / Ed. by H. D. Betz. Chicago, 1992 (1 ed.– Chicago, 1986).
- Bonner 1930 – Bonner C. The Numerical Value of Magic Formula // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1930. Vol. 16. P. 6–9.
- Brashear 1989 – Brashear W. M. ΒΑΙΝΧΩΩΩΧ = 3663 – No Palindrome // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1989. Bd 78. S. 123–124.
- Brashear 1995 – Brashear W. M. *The Greek Magical Papyri: An Introduction and Survey: An Annotated Bibliography (1928–1994)* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. T. II. Bd 8, 5 / Hrsg. von W. Haase. Berlin; NY, 1995. S. 3381–3684.
- Brunet 1933–1937 – Brunet F. *Œuvres médicales d'Alexandre de Tralles* <...>. T. 1–4. Paris, 1933–1937.
- Cameron – Herrin 1984 – Constantinople in the Early Eight Century: The Parastateis syntomoi chronikai / Ed. by A. Cameron, J. Herrin. Leiden, 1984.
- Costanza 2009 – Costanza S. *La divinazione greco-romana: Dizionario delle mantiche. Metodi, testi e protagonisti*. Udine, 2009.
- Daniel – Maltomini 1990 – *Supplementum Magicum*. Vol. 1 / Ed. with transl. and notes by R. W. Daniel and F. Maltomini. Opladen, 1990.
- Dornseiff 1925 – Dornseiff Fr. *Das Alphabet in Mystik und Magie*. 2. Aufl. Leipzig; Berlin, 1925.
- Duffy 1984 – Duffy J. Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice // *Dumbarton Oaks Papers*. 1984. Vol. 38. P. 21–27.
- Eitrem 1926 – Eitrem S. Die Vier Elemente in der Mysterienweihe [T. 1] // *Symbolae Osloenses*. 1926. Vol. 4. P. 39–59.
- Eitrem 1929 – Eitrem S. Zu Philostrats Heroikos // *Symbolae Osloenses*. 1929. Vol. 8. P. 1–56.
- Evans 2013 – Evans E. Ritual in the Second Book of Jew // *Practicing Gnosis: Ritual, Magic, Theurgy and Liturgy in Nag Hammadi, Manichaean and Other Ancient Literature: Essays in Honor of B. A. Pearson* / Ed. by A. D. DeConick et al. Leiden, 2013. P. 137–160.
- Ganszyniec 1927 – Ganszyniec R. Λυχνομαντεία // *RE*. Bd 13 (1927). Sp. 2115–2119.
- Goupylus 1548 – *Alexandri Tralliani medici lib. XII. Razae de pestilentia libellus e Syrorum lingua in Graecam translatus. Accedunt I. Goupyli in eosdem castigationes*. Lutetiae, 1548.
- Groß 1969 – Groß K. Finger // *Reallexikon für Antike und Christentum*. 1969. Bd 7. Sp. 909–946.
- Guinterius 1549 – *Alexandri Tralliani medici absolutissimi libri XII. Razae de pestilentia libellus / Omnes nunc primum de Graeco accuratissime conversi* <...> per I. Guinterium Andernacum. Argentorati, 1549.

- Guinterius 1556 – Alexandri Tralliani libri duodecim Graeci et Latini <...> / I. Guinterio Andernaco interprete et emendatore. Basileae, [1556].
- Hommel 1974 – Hommel H. Digitorum computus // RE. Supplbd 14 (1974). Sp. 112–113.
- Hopfner 1921–1924 – Hopfner Th. Griechisch-ägyptischer Offenbarungszauber. Bd 1–2. Leipzig, 1921–1924 (Nachdr. Amsterdam, 1974–1990).
- Keyser 1988 – Keyser P. The Origin of the Latin Numerals 1 to 1000 // American Journal of Archaeology. 1988. Vol. 92. P. 529–546.
- Kotansky 2006 – Kotansky R. Amulets // Dictionary of Gnosis & Western Esotericism / Ed. by W. J. Hanegraaff. Leiden, 2006. P. 60–71.
- Langslow 2006 – Langslow D. R. The Latin Alexander Trallianus. London.
- MacDermot 1978 – The Books of Jeu and the Untitled Text in the Bruce Codex / Text ed. by C. Schmidt. Transl. and notes by V. MacDermot. Leiden, 1978.
- Marrou 1958 – Marrou H.-I. L'Évangile de vérité et la diffusion du comput digital dans l'antiquité // Vigiliae Christianae. 1958. Vol. 12. P. 98–103 (= Marrou H.-I. Christiana tempora: Mélanges d'histoire, d'archéologie, d'épigraphie et de patristique. Rome, 1978. P. 331–336).
- Martin 2005 – Martin M. Magie et magiciens dans le monde gréco-romain. Paris, 2005.
- Marzullo 1983 – Marzullo B. Petron. 58, 7–9 (alogas nenias) // Museum criticum. 1983. Vol. 18. P. 245–257 (= Marzullo B. Scripta minora / Hrsg. von A. Andrisano u. a. Bd 2. Hildesheim, 2000. S. 728–740).
- Méautis 1924 – Méautis G. Notes sur quelques papyrus magiques // Aegyptus. 1924. Vol. 5. P. 141–152.
- Merkelbach 1986 – Merkelbach R. Die Zahl 9999 in der Magie und der computus digitorum // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1986. Bd 63. S. 305–308.
- Merkelbach 1997 – Merkelbach R. Philologica: Ausgewählte kleine Schriften / Hrsg. von W. Blümel. Stuttgart; Leipzig, 1997.
- Merkelbach – Totti 1989 – Abrasax: Ausgewählte Papyri religiösen und magischen Inhalts. Bd 1: Gebete / Hrsg. und erkl. von R. Merkelbach und M. Totti. Opladen, 1989.
- Minaud 2002 – Minaud G. Principes de comptabilité privée dans le monde antique romain: Thèse. Aix-en-Provence, 2002.
- Minaud 2006 – Minaud G. Des doigts pour le dire: Le comput digital et ses symboles dans l'iconographie romaine // Histoire et mesure. 2006. Vol. 21. P. 3–34.
- Muños Delgado 2001 – Muños Delgado L. Léxico de magia y religión en los papiros mágicos griegos. Madrid, 2001 (= Diccionario griego-español. Anejo 5); <http://dge.cchs.csic.es/pub/lmpg>.
- Neufeld 2005 – Neufeld D. Rituals of Ecstasy in the PGM // Essays in Honour of F. Wisse / Ed. by W. Kappeler. Montreal, 2005 (= ARC. 2005. Vol. 33). P. 74–88.
- Pillonel-Wyrsch 2004 – Pillonel-Wyrsch R.-P. Le calcul de la date de Pâques au Moyen Âge: Analyse et commentaires sur De temporum ratione de Bède. Fribourg, 2004.
- Plaza Picón – González Marero 2006 – Plaza Picón F. M., González Marero J. A. De computo vel loquela digitorum: Beda y el cómputo digital // Faventia. 2006. Vol. 28. P. 115–123.

- Poirier 1979 – Poirier P.-H. L'Évangile de Vérité, Ephrem le Syrien et le comput digital // *Revue des études augustinienes*. 1979. Vol. 25. P. 27–34.
- Preger 1895 – Preger Th. Beiträge zur Textgeschichte der Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως; Progr. München, 1895.
- Preisendanz 1973–1974 – Papyri Graecae Magicae: Die griechischen Zauberpapyri / Hrsg. und übers. von K. Preisendanz. 2. Aufl., durchges. und hrsg. von A. Henrichs. Bd 1–2. Stuttgart, 1973–1974 (1. Aufl. – 1928–1931; Nachdr. – München; Leipzig, 2001).
- Puschmann 1878–1879 – Puschmann Th. Alexander von Tralles: Original-Text und Übers. nebst einer einleitenden Abhandlung. Ein Beitrag zur Geschichte der Medizin. Bd 1–2. Wien, 1878–1879 (Nachdr. – Amsterdam, 1963).
- Rieche 1986 – Rieche A. Computatio romana: Fingerzählen auf provinzial-römischen Reliefs // *Bonner Jahrbücher*. 1986. Bd 186. S. 165–195.
- Simon 1990 – Simon E. Ianus // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vol. 5, 1, Zürich; München, 1990. S. 618–623.
- Sittl 1890 – Sittl K. Die Gebärden der Griechen und Römer. Leipzig, 1890.
- Schmidt 1981 – Koptisch-gnostische Schriften, Bd 1: Die Pistis Sophia. Die beiden Bücher des Jeû. Unbekanntes altgnostisches Werk / Hrsg. von C. Schmidt. 4. Aufl., hrsg. von H.-M. Schenke. Berlin, 1981.
- Tannery 1886 – Tannery P. Notice sur les deux lettres arithmétiques de Nicolas Rhabdas: Texte grec et trad. Paris, 1886 (= Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale. T. 32, 1. P. 121–252)
- Treu 1880 – Excerpta anonymi Byzantini ex codice Parisino Suppl. Gr. 607 A / Ed. M. Treu: Progr. Ohlau, 1880.
- Wallis 1999 – Beda. The Reckoning of Time / Transl. with introd., notes and comm. by F. Wallis. Liverpool, 1999.
- Williams – Williams 1995 – Williams B. P., Williams R. S. Finger Numbers in the Greco-Roman World and the Early Middle Ages // *Isis*. 1995. Vol. 86. P. 587–608.

V. V. Zeltchenko. On the Meaning of ψῆφος in Magical Contexts

Found in several passages of magical texts, a phrase 'κρατεῖν (κατέχειν, ἀπολύειν) τὴν ψῆφον' followed with a number is discussed in the paper. It is argued that indicated with a number ψῆφος would hardly mean either a pebble or any other item; it should rather be understood as a 'number represented on a hand while finger-reckoning'. R. Merkelbach was the first among scholars to explain one of these passages (PGM IV, 938) this way; however, his brief comment has not been decently recognized. Still, the concept could be reliably confirmed with lexical parallels provided by Greek texts which consider finger-counting that date back to Late Antiquity and Byzantine time.

Keywords: ψῆφος, Greek magical papyri, Alexander Trallianus, computus digitorum.

**THE LEGEND OF THE TWELVE GOLDEN FRIDAYS
IN THE WESTERN MANUSCRIPTS. PART II:
Vernacular – II.3 Dutch, Low German, High German***

Данная статья является продолжением публикации библиографических и справочных материалов по легенде о 12-ти пятницах. В этом разделе содержатся дополнительные материалы по нидерландским, ниже- и верхненемецким спискам легенды.

Ключевые слова: легенда о 12-ти пятницах, немецкие рукописи, библиография, источниковедение, the twelve golden Fridays, German manuscripts, bibliography, manuscript sources

This paper continues listing the manuscript materials for the twelve Fridays Legend; the previous parts are Ivanov 2012 and Ivanov 2013.

Dutch

1. Dresden, Sächsische Landesbibliothek, Staats- und Universitätsbibliothek, Mscr. Dresd. M. 33. a (1480s), contains two Flemish chronicles, some poems, and the Legend text on fol. 9v followed by texts on ‘bad days’ (*dies egyptiaci*) and prognostics for the year depending on the day of the week on which the New Year falls (a variant of the prophecies of Ezekiel).

On the MS see Falkenstein 1839: 404, Schnorr von Carolsfeld 1981: 439; see also Lievens 1963: 46–48, Reynaert 2004: 98.

2. Lincoln Cathedral Library, MS 301 (2nd half of the 15th cent.), contains a calendar, a prayer of Manasseh, the Legend text on fols. 9v–10v added by a later hand of the early 16th cent., Hours of the Virgin Mary, some other Hours, meditations by Henry Suso, many other prayers (including the 15 Oes of St Bridget, prayers to the Five Wounds etc.).

On the MS see Ker 1983: 127–133.

3. Brugge Stadsbibliotheek 326 (15th cent.), contains a calendar, various canons and prayers, the Legend text on fols. 69r–71r, in a section comprising also *dies egyptiaci*.

* Данная работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-04-00062).

On the MS see De Poorter 1934: 364–366; see also Toussaert 1963: 798, n. 16, Reynaert 2004: 97.

4. The Hague, Koninklijke Bibliotheek KA 38 (15th cent.), contains prayers and vigils, and the Legend text on fols. 81r–83v.

On the MS see Catalogus KAW: xi.

5. Leipzig, Universitätsbibliothek 1658 (ca. 1500). A prayer-book, contains *Indulgentiae ecclesiarum urbis Romae*, prayers to Our Lady, to Mary Magdalena, and to St Anna, prayers in honour of the Holy Blood, as well as some prayers attributed to St Augustine. Our text is found on fol. 24v–26r.

On the MS see Lievens 1963: 111–112, Pensel 1998: 238–239.

6.* Paris, Bibliothèque nationale de France, Néerl. 45. A composite volume containing hand-written as well as printed materials. Part IV of this volume comprises a printed law-book of Westerlanders Friesland (year 1485) and some pages filled in with hand-written texts (about 1500), including the Legend text on fols. 260v–261r together with three very short texts on the benefit of the mass, on the inscription on the Cross, and the names of the three Magi.

Edited by Gerbenzon 1954: 35–36; on the MS see Huet 1886: 47–48 (without reference to this text).

7. Deventer Stadsarchief en Athenaeumbibliotheek, I 24 (1729; olim 101 E 15) (early 16th cent.) contains excerpts from Gospel harmonies, prayers ascribed to St Bernard, texts on the Holy Sacrament, meditations on the life of Jesus, a dialogue between Jesus and a sinner, and the Legend text on fols. 294r–295v.

On the MS see Van Slee 1892: 10–11, Stoker, Verbeij 1997: 131; see also Spamer 1958: 340, Lampen 1937: 459, n. 3.

8. Paris, Bibliothèque nationale de France, Néerl. 40 (ca. 1550) comprises a calendar, the Legend text on fols. 13r–15v, prayers, various devotional texts, writings of ps.-Eckhart, Martinus van Turnhout, Gertjo Jacobsen, Johannes Tauler, Henry Suso, ps.-Bridget of Sweden.

On the MS see Huet 1886, 45–46, Lampen 1937, 456–466, Lievens 1963: 47, Stoker, Verbeij 1997: 253–254.

9. Gent, Universiteitsbibliotheek 668 (middle 16th cent.). A prayer-book, contains various prayers and devotional texts, including among others the effusions of Christ's blood, and our text on fols. 227v–229v as an addition by a later hand.

On the MS see Reynaert 1996: 15–24.

Low German

10.* Hamburg, Staats- und Universitätsbibliothek Petri 30b (late 14th – early 15th cent.), contains predominantly Latin texts such as Marian sermons, *Stella clericorum*, *Manipulus curatorum* by Guido de Monte Rochen, glossaries, and an Itinerary to the Holy Land by Burchard of Mount Sion. The paper leaves with later German additions – two prayers and the Legend text (fols. 29r–v), but also with a Latin Sunday letter – dated to 1430s.

Edited by Staphorst 1727: 344, new edition by Frederiksen 2008: 201–202; on the MS see Brandis, Maehler 1967: 66–71; see also Borchling 1899: 133–134, Lampen 1937: 459, n. 3.

11. London, University College, MS Lat. 17 (15th cent.), predominantly Latin texts, including a calendar, a Marian rosary, a Life of St Lawrence, various prayers, a verse in Low German and the Legend text on fols. 183r–v.

On the MS see Coveney 1935, 16–17.

12.* Lüneburg, Ratsbücherei Theol. 2° 83 (mid-15th cent.). Latin and Low German text, *De septem vitiis, sacramentis et virtutibus*, sermons by Peregrine of Opole, the Gospel of Nicodemus, *Margarita decreti* by Martin of Opava, *Passionstraktat* by Heinrich von St. Gallen, Apocalypse, the Sibylline oracles, and the Legend text on fol. 190v written in the midst of the oracles.

Edited by Frederiksen 2008: 202; on the MS see Fischer 1972: 159–163, see also Borchling 1899, 167–169.

13. Lübeck, Stadtbibliothek, Ms. theol. germ. 4° 29 (2nd half of the 15th cent.), contains Franziskus und seine Gesellen, *Passionstraktat* by Heinrich von St. Gallen, *Sprüche der zwölf Meister zu Paris*, the Legend text on fols. 309r–310r, the 15 signs before Doomsday, and a *Spiegel der sunder*.

On the MS see Hagen 1922: 20–21; see also Spamer 1970: 6.

14. Lübeck, Stadtbibliothek, Ms. theol. germ. 8° 88 (15th cent.), contains a Trinity Mass, prayers, *Die geistliche Harfe*, the Legend text on fols. 89r–91r, a Marian rosary, Passion of St Margaret, *Horologium sapientiae* by Henry Suso.

On the MS see Hagen 1922: 74–75; see also Spamer 1970: 6.

15.* Schwerin, Landeshauptarchiv, MS unidentified (15th cent.), a separate leaflet with the Legend text.

Published by Grotefend 1894, cf. also Grotefend 1898: 197.

16. Paderborn, Erzbischöfliche Akademiebibliothek, B Altertumsver. Ms. 48 (16th cent.). A prayer-book, also contains litanies, a calendar, and the Legend text on fols. 249v–252r.

The next two MSS contain materials written in the Ripuarian dialect (the dialect of Cologne and its vicinities) which belongs to the group of the so-called Central German dialects of High German, but shares many features with Low German.

17.* Darmstadt, Universitäts- und Landesbibliothek 968 (around 1525). A prayer-book, contains a Cologne calendar, many different prayers, the Legend text on fols. 305r–307v

Edited by Frederiksen 2008, 197–198; on the MS see Achten, Knaus 1959: 256–261, see also Kesting 1978.¹

18.* Köln, Das Historische Archiv der Stadt, Best. 7008 (GB 8°) 170 (late 16th cent.). A prayer-book, contains Mass prayers, prayers to various saints, 7 Christ's blood effusions, etc., the Legend text on fols. 163r–167r, followed by a story explaining the importance of the three special Fridays in the year on fols. 167r–175r, then 7 Masses for the souls in the Purgatory.

Edited by the present author (Ivanov forthcoming); on the MS see Menne 1937: 558–562.

High German

19. Augsburg, Universitätsbibliothek, Cod. II.1.4° 62 (late 14th cent.), written mostly in Latin, includes rhetorical treatises, a vocabulary to Lucian, a calendar of diocese Eichstätt, computistical and astrological matters, inter alia a versified (!) Latin version of the Legend with the German explanation (fol. 134v), a Passion Play, and Lamentations of Mary.

On the MS see Hilg 2007: 412–418. See also Ivanov 2013 (= Part I: Latin, № 69).

20. München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 4883 (1st quarter of the 15th cent.), contains *Erkenntnis der Sünde* by Heinrich von Langenstein, Christ's Passion according to the time of day, the Legend text on fols. 101v–102r, 5 Gregorian masses, and a prayer.

On the MS see Schneider 1996, 411–413.

21. Heiligenkreuz, Stiftsbibliothek, Cod. 339 (1420–1435), contains the weather prognostics, *Neu- und Vollmondkalender* by Johannes von Gmunden, *Fragen an Maria* by Ps.-Anselm of Canterbury, some rhymed prayers, medical recipes, a text on thunder

¹ Kesting erroneously attributes the text to Pope Clement VI while it is evident that the person meant under the name of Clemens could be only Pope St Clement I.

divination, the Legend text on fols. 186r–v, followed again by recipes and a prayer.

On the MS see Gsell 1891: 89 (without reference to the Legend text), Jackel 2011: 50–57.

22.* München, Bayerische Staatsbibliothek, Clm 7021 (1st half of the 15th cent.), contains some tutorial texts in rhetorics, *Erkenntnis der Sünde* by Heinrich von Langenstein, *Disticha Catonis*, a medical treatise by Mauritius with various recipes and charms, including the Legend text on fol 171v, then *Practica* by Bartholomaeus Salernitanus, a chronicle by Martinus Minorita, and various historical, medical and astronomical notes.

Edited by Veselovsky 1876: 330, from the transcription made by Halm, cf. Suchier 1910: 168, reproduced in Frederiksen 2008: 196; new edition (correcting some minor inaccuracies in Veselovsky) by Hahn 1973: 269. On the MS see Halm et al. 1873: 138–139.

23. Memmingen, Stadtbibliothek, Cod. 2,40.4° (1st half of the 15th cent.). A collection of medical and prognostical texts, recipes and charms, the Legend text on fols. 8r–9r (actually, only a preamble; the list of the twelve Fridays is missing).

See description of the MS at http://www.bbaw.de/forschung/dtm/HSA/memmingen_700388020000.html

24. Wien, Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 2994 (mid-15th cent.), contains *Erkenntnis der Sünde* by Heinrich von Langenstein, *Visiones Georgii* by Nikolaus von Astau, the Legend text on fol. 112r, and the legend of the 5 gifts of Holy Spirit.

On the MS see Menhardt 1961: 740–741; see also Kesting 1978.

25. München, Bayerische Staatsbibliothek Cgm. 736 (third quarter of the 15th cent.), contains some topics usually transmitted within the so-called *Iatromathematisches Hausbuch* (a computistical text, an observation on the twelve months with dietary regulations, a selection of special and dangerous days, among them the Legend text on fols. 4r–v,² texts on the zodiacal signs and the 7 planets, and charms), also hymns, a description of the churches in Rome, and a report on the pilgrimage to Jerusalem.

On the MS see Schneider 1984: 192–196.

26. Einsiedeln, Stiftsbibliothek MS 708 (year 1471), contains a collection of sermons (Einsiedeln-Zürcher Lectionary), a treatise *Büchlein der ewigen Weisheit* by Henry Suso, and various notes and

² Although, it must be noted, the twelve Fridays Legend does not occur in other copies of this book. Nevertheless, in this case its inclusion is not coincidental since it is very well fits the contents of the book.

fragments, including the Legend text at the very end of the MS (fol. 168r–v), and on fol. 169r a part of the same text is added by an obviously later hand.

On the MS see Lang 2009: 274–275.

27. Giessen, Universitätsbibliothek MS 784 (1487–88), contains texts in Latin and German, including *Stella clericorum*, treatises by Henricus de Bitterfeld and Andreas de Escobar, prayers, a *Speculum mortis*, *Spiegel des kranken und sterbenden Menschen*, the Legend of Bishop Udo of Magdeburg, a collection of texts on the conception of the Virgin (including those by Johannes de Segovia, Johann Herolt, Ps.-Anselm of Canterbury, Dominicus Bollandus, Leonardus Nogarolus), *Psalterium Mariae*, some Marian rosaries, *De corpore domini* by Albertus Magnus, and the Legend text on fol. 167v in environment of 7 votive masses, 43 Gregorian masses, other prayers, and two calendars.

On the MS see Seelbach.

28. Prague, Národní knihovna České republiky I C 26 (2nd half of the 15th cent.), contains texts in Latin and German, such as treatises by Hugh of Saint-Cher, Bonaventura, Thomas Aquinas, biblical stories, Aesop's fables, homilies on Gospels from Advent till the Trinity Sunday, the Legend of Bishop Udo, sermons by Johann Herolt. The Legend text occurs on fols. 37r–v accompanied by seven masses for the souls in the purgatory and seven masses of Pope Gregory.

On the MS see Truhlář 1905: 42–43, Dolch 1909: 4–5; see also Spamer 1958: 340, Kesting 1978.

29. Wrocław, Universitätsbibliothek, Cod. I D 8 (late 15th cent.). A prayer-book, contains weapon charms, a letter of St Michael, many other devotional topics, and the Legend text on fols. 176v–200v.

On the MS see Klapper 1907: 36–38, Klapper 1916: 45, 63–65; see also Spamer 1958: 340.

30.* Braunschweig Stadtbibliothek 144 (15th cent.), contains mostly Latin texts, including *Sermones de tempore* by Nicolinus (?), and *Sermones festuales et de sanctis*. The Legend text occurs on fols. 17r–v along with some chronical notes in Latin.

On the MS see Nentwig 1893: 129–130, who also gives a transcription of the Legend text.

31. Heidelberg, Universitätsbibliothek, Cpg 629 (part 2, year 1514). A prayer-book, with many short notices, prayers, charms etc.,

the Legend text on fols. 146r–149r which is immediately preceded by the text on the seven masses revealed to Pope Gregory.

On the MS see Bartsch 1887: 158.

32. Berlin, Staatsbibliothek, Germ. oct. 590 (16th cent.). A prayer-book, includes a rosary, a prayer of Christ's 15 pains, a prayer of St Anne's 5 joys, and the Legend text on fols. 96r–97r.

On the MS see Degering 1932: 225–227.

33. Prague, Národní knihovna České republiky, Cheb MS. 146 (1st half of the 17th cent.). The Legend text occurs on fols. I–II at the beginning of the MS, then follow some canticles, meditations for days, and a Christmas play.

See description at <http://www.manuscriptorium.com>.

Some brief remarks on the printed history of the Legend would be appropriate here. Kesting 1978 argues that the Legend text was printed in Augsburg in 1494, but I was not able to identify the edition; at least, it cannot be found in the *Gesamtkatalog der Wiegendrucke*.

The first printed German version of the Legend text that I know of is to be found in the so-called *Bauernpraktik* produced in Augsburg in 1508. The text occupies fols. 5v–6r at the end of the booklet and seems to be a kind of attachment to the main body of the book which mostly contains topics related to the weather prognostics. The text was transcribed by Hellmann 1896, and reproduced by Frederiksen 2008: 197, see also Förster 1903, Suchier 1910: 168. On the further history of later editions see Rosenfeld 1964.

Borchling-Claussen (I, col. 312, № 684) mention an early print entitled *De .xij. gulden frydaghen: wo men de vasten schal. Van .vij. missen de men den armen selen na lesen schal Eyn schon gebet van dem swaren bitteren lidende vnser heren iesu christi*. It was allegedly published in Lübeck in 1521 by Hans Arndes, but the single known copy which was preserved in the Universitätsbibliothek Greifswald had already been lost by the time when Borchling and Claussen compiled their catalogue.

But the acme of popularity was reached later, in 18th–19th cent., when many popular leaflets with the Legend text appeared, some of them reprinted many times. Probably, the most widely spread was the booklet *Geistliches Gnaden-Brünnlein mit zwölf Röhren, und eine Geschichte oder Exempel, welche sich zu Dorfen in Unterlands-Bayern mit unser lieben Frauen, und einem armen Hirtenmädlein zugetragen: wie auch ein Bericht von sechs Heil. Messen, so für*

Lebendige und Abgestorbene eines unvergleichlichen Verdienst und Nuzens können appliziert werden which, with slight variations in title and content, was often reproduced since 1739 till the mid-19th cent. The Legend text after this popular print was published by Reiterer 1907 (reproduced by Frederiksen 2008: 199–200), see also Suchier 1910: 168, Jungbauer 1931: 74–75, Schreiber 1959: 201, Spamer 1970: 6, Jasper 1991: 202.

Sometimes the Legend went back from printed to hand-written and oral form, as probably is the case with a manuscript text from Styria dated to 1820 and published by Reiterer 1905. See also Suchier 1910: 174, Jungbauer 1931: 74–75, Frederiksen 2008: 199–200.

With regard to the hand-written texts, it is worth noticing that the Legend in Dutch and German appears relatively late, in comparison to, for example, French (since 13th cent.) and Italian (since early 14th cent.) variants. The earliest securely dated German copy (№ 19) was written down in the late 14th cent. and is utterly indicative since the German text here arose as an explanation of a Latin poem.

As to the likeliest environment in which the Legend text occurs within the MSS, the Dutch and German copies are comparable to the Latin and French ones in that the Legend text is often accompanied by medical recipes and treatises (cf. №№ 21, 22, 23, 25), by calendars (№№ 2, 3, 8, 11, 16, 17, 19, 27), computistical and astrological texts (№№ 19, 22, 25), prognostics and divinations (cf. prophecy of Ezekiel № 1, *dies egyptiaci* №№ 3, 25, weather prognostics №№ 21, 23).

On the other hand, the Legend text is sometimes coupled with treatises and legends popular in the German-speaking area, such as writings by Henry Suso (№№ 2, 8, 14, 26), *Passionstraktat* by Heinrich von St Gallen (№№ 12, 13), the legend of Bishop Udo (№№ 27, 28) or *Erkenntnis der Sünde* by Heinrich von Langenstein (№№ 20, 22, 24).

But the most prominent difference lies in that the Dutch and German Legend texts in the vast majority of cases are found within the prayer-books or accompanied by prayers (№№ 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 16, 17, 18, 21, 27, 31, 32), and this environment is markedly different from their Latin, French and Italian counterparts. Especially notable is co-occurrence of such prayers and devotional texts as Effusions of Christ's blood (№№ 9, 16) which is very often found together with the Legend text in early French and Italian prints (cf. *In questa opereta tñenderiti quail sono li duodeci venerdi*

preciosi che iesu christo comādo che se douesseno ieunare. Ancora le gotte de sangue quanto e il numero sua. Anchora la reuellatiōe chebe sactō Alberto da iesu christo celebrando lhostia. Milan, ca. 1500), Gifts of Holy Spirit (№ 24) which later came to be incorporated into the body of the Legend text, Marian rosaries (№№ 11, 14, 27), and a number of Masses (usually 7) revealed to Pope Gregory (№№ 18, 20, 27, 28, 31). This development seems to mark the transition of the Twelve Fridays Legend into the realm of popular beliefs.

Bibliography

- Achten, Knaus 1959 – Achten G., Knaus H. Deutsche und niederländische Gebetbuchhandschriften der Hessischen Landes- und Hochschulbibliothek Darmstadt. (Die Handschriften der Hessischen Landes- und Hochschulbibliothek Darmstadt 1.) Darmstadt.
- Bartsch 1887 – Bartsch K. Die altdutschen Handschriften der Universitätsbibliothek in Heidelberg. (Katalog der Handschriften der Universitätsbibliothek in Heidelberg I.) Heidelberg.
- Borchling 1899 – Borchling C. Mittelniederdeutsche Handschriften in Norddeutschland und den Niederlanden. Erster Reisebericht // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Geschäftliche Mittheilungen 1898 (Göttingen 1899). S. 79–316.
- Borchling-Claussen – Borchling C., Claussen B. Niederdeutsche Bibliographie. Gesamtverzeichnis der niederdeutschen Drucke bis zum Jahre 1800. 3 Bde. Neumünster, 1931–1957.
- Brandis, Maehler 1967 – Brandis T., Maehler H. Die Handschriften der S. Petri-Kirche Hamburg. Die Handschriften der S. Jacobi-Kirche Hamburg. (Katalog der Handschriften der Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg 4.) Hamburg.
- Catalogus KAW – Catalogus van de boekerij der Koninklijke Akademie van Wetenschappen: gevestigd te Amsterdam. Deel I. Amsterdam, 1874.
- Coveney 1935 – Coveney D. K. A Descriptive Catalogue of Manuscripts in the Library of University College London. London.
- Degering 1932 – Degering H. Kurzes Verzeichnis der germanischen Handschriften der Preußischen Staatsbibliothek III. Die Handschriften in Oktavformat und Register zu Band I–III. (Mitteilungen aus der Preußischen Staatsbibliothek 9.) Leipzig.
- Dolch 1909 – Dolch W. Katalog der deutschen Handschriften der k. k. öff. und Universitätsbibliothek zu Prag. Teil 1: Die Handschriften bis etwa z. J. 1550. Prag.
- Falkenstein 1839 – Falkenstein K. Beschreibung der Königlichen öffentlichen Bibliothek zu Dresden. Dresden.
- Fischer 1972 – Fischer I. Handschriften der Ratsbücherei Lüneburg, II. Die theologischen Handschriften, 1. Folioreihe. Wiesbaden.

- Förster 1903 – Förster M. Zur deutschen 'Bauernpraktik' (1508) // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen 110. S. 421.
- Frederiksen 2008 – Frederiksen B. O. On the Clementine Text concerning the Twelve Annual Fast-Fridays / B. O. Frederiksen, J. Bergsagel and I. Skog (eds.). A Danish Teacher's Manual of the Mid-Fifteenth Century (Cod. AM 76, 8°). Vol. 2. Commentary and essays. (Skrifter utgivna av Vetenskaps societeten i Lund 96.) Lund. P. 182–227.
- Gerbenzon 1954 – Gerbenzon P. Codex Parisiensis. (Oudfriesche taal- en rechtsbronnen 9.) 's-Gravenhage.
- Grotefend 1898 – Grotefend H. Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Bd. 2. Hannover.
- Grotefend 1894 – Grotefend H. Die goldenen Freitage // Verein für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde: Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde 59, 2. S. 22–23.
- Gsell 1891 – Gsell B. Verzeichniss der Handschriften in der Bibliothek des Stiftes Heiligenkreuz. (Die Handschriften-Verzeichnisse der Cistercienser-Stifte, Bd. 1. Xenia Bernardina II, 1.) Wien.
- Hagen 1922 – Hagen P. Die deutschen theologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek. (Veröffentlichungen der Stadtbibliothek der freien und Hansestadt Lübeck. Erstes Stück. Teil 2.) Lübeck.
- Hahn 1973 – Hahn J. Paläoslavica // Südost-Forschungen 32. S. 267–286.
- Halm et al. 1873 – K. Halm, G. von Laubmann, W. Meyer. Catalogus codicum latinorum Bibliothecae Regiae Monacensis, Bd. I, 3: Codices num. 5251–8100 complectens. (Catalogus codicum manu scriptorum Bibliothecae Regiae Monacensis III, 3.) München.
- Hellmann 1896 – G. Hellmann (ed.). Die Bauern-Praktik 1508. (Neudrucke von Schriften und Karten über Meteorologie und Erdmagnetismus 5.) Berlin.
- Hilg 2007 – Hilg H. Lateinische mittelalterliche Handschriften in Quarto der Universitätsbibliothek Augsburg. Die Signaturengruppen Cod. I.2.4^o und Cod. II.1.4^o. (Die Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg I, 3.) Wiesbaden.
- Huet 1886 – Huet G. Catalogue des manuscrits néerlandais de la Bibliothèque Nationale. Paris.
- Ivanov 2011 – Ivanov S. The Legend of the Twelve Golden Fridays in the Western Manuscripts. Part I: Latin // Colloquia classica et indogermanica – V, Acta linguistica Petropolitana. Vol. 7, part 1 / Eds. N. Bondarko, N. Kazansky. St Petersburg. Pp. 561–572.
- Ivanov 2014 – Ivanov S. V. The Legend of the twelve golden Fridays in the Western manuscripts. Part I: Latin. Addenda et Corrigenda. Part II: Vernacular – II.1 French, II.2 Italian // Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI. Памяти Л. Г. Герценберга / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014 (= ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. X. Ч. 1). С. 347–367
- Ivanov (forthcoming) – Ivanov S. The Anti-Jewish polemics and the texts on Friday fasts.

- Jackel 2011 – Jackel Chr. Katalog der mittelalterlichen deutschen Handschriften des Zisterzienserstiftes Heiligenkreuz. Diplomarbeit (masch.). Wien.
- Jasper 1991 – Jasper D. Inveni in canonibus apostolorum... Zu einer mittelalterlichen Fälschung auf Papst Clemens I. // H. Mordek (ed.). Papsttum, Kirche und Recht im Mittelalter: Festschrift für H. Fuhrmann zum 65. Geburtstag. Tübingen. S. 201–213.
- Jungbauer 1931 – Jungbauer G. Freitaggebet // E. Hoffmann-Krayer, H. Bächtold-Stäubli (eds.). Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Bd. 3. Freen – Hexenschuß. Berlin. Sp. 73–75.
- Ker 1983 – Ker N. R. Medieval Manuscripts in British Libraries. Bd. III: Lampeter – Oxford. Oxford.
- Kesting 1978 – Kesting P. Papst Clemens VI // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. 1. Berlin. Sp. 1289–1290.
- Klapper 1907 – Klapper J. Das Gebet im Zauberglauben des Mittelalters. Aus schlesischen Quellen // Mitteilungen der schlesischen Gesellschaft für Volkskunde 9, Heft 18. S. 5–41.
- Klapper 1916 – Klapper J. Volkskundliches in altschlesischen Gebetbüchern // Mitteilungen der schlesischen Gesellschaft für Volkskunde 18. S. 34–70.
- Lampen 1937 – Lampen W. Descriptio codicis Clarissarum Neerlandicarum (Paris, Bibl. Nation. Ms. néerl. 40) // Archivum Franciscanum historicum 30. S. 456–466.
- Lang 2009 – Lang O. Katalog der Handschriften in der Stiftsbibliothek Einsiedeln. Teil 2: Codices 501–1318. Basel.
- Lievens 1963 – Lievens R. Middelnederlandse handschriften in Oost-Europa. (Leonard Willemsfonds I.) Gent.
- Menhardt 1961 – Menhardt H. Verzeichnis der altdeutschen literarischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Bd. 2. (Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Sprache und Literatur 13.) Berlin.
- Menne 1937 – Menne K. Deutsche und niederländische Handschriften. (Mitteilungen aus dem Stadtarchiv von Köln, Die Handschriften des Archivs, Heft X, Abt. 1, Teil 2.) Köln.
- Nentwig 1893 – Nentwig H. Die mittelalterlichen Handschriften in der Stadtbibliothek zu Braunschweig. Wolfenbüttel.
- Pensel 1998 – Pensel F. Verzeichnis der deutschen mittelalterlichen Handschriften in der Universitätsbibliothek Leipzig / zum Druck gebracht von Irene Stahl. (Deutsche Texte des Mittelalters; Bd. 70: Verzeichnis altdeutscher Handschriften; Bd. 3.) Berlin.
- De Poorter 1934 – De Poorter A. Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque publique de la ville de Bruges. (Catalogue général des manuscrits des bibliothèques de Belgique, 2.) Gembloux.
- Reynaert 1996 – Reynaert J. Catalogus van de Middelnederlandse handschriften in de Bibliotheek van de Rijksuniversiteit te Gent. Bd. II, 1: De handschriften verworven na 1852. (Werken uitgegeven door de Faculteit van de Letteren en Wijsbegeerte 182.) Gent.

- Reynaert 2004 – Reynaert J. Kwade en goede dagen in Middelnederlandse handschriften // O. S. H. Lie, J. Reynaert (eds.). *Artes in context: Opstellen over het handschriftelijk milieu van Middelnederlandse artesteksten*. (Artesliteratuur in de Nederlanden 3.) Hilversum. S. 79–98.
- Reiterer 1905 – Reiterer K. Die zwölf goldenen Freitage // *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde* 15. S. 96–98.
- Reiterer 1907 – K. Reiterer. Die zwölf goldenen Freitage // *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde* 17. S. 449–450.
- Rosenfeld 1964 – Rosenfeld H. Die Titelholzschnitte der Bauernpraktik von 1508–1600 als soziologische Selbstinterpretation // *Festschrift für Josef Benzing zum sechzigsten Geburtstag* 4. Februar 1964. Wiesbaden. S. 373–389.
- Schneider 1984 – Schneider K. Die deutschen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek München. Cgm 691–867. (Catalogus codicum manu scriptorum Bibliothecae Monacensis V, 5.) Wiesbaden.
- Schneider 1996 – Schneider K. Die deutschen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek München. Die mittelalterlichen Handschriften aus Cgm 4001–5247. (Catalogus codicum manu scriptorum Bibliothecae Monacensis V, 7.) Wiesbaden.
- Schnorr von Carolsfeld 1881 – Schnorr von Carolsfeld F. Katalog der Handschriften der Sächsischen Landesbibliothek zu Dresden. Band 2. Korrigierte und verbesserte, nach dem Exemplar der Landesbibliothek photomechanisch hergestellte Ausgabe des Kataloges der Königlichen Öffentlichen Bibliothek zu Dresden, Band 2. 1st ed. Leipzig 1883. New ed. Dresden.
- Schreiber 1959 – Schreiber G. Die Wochentage im Erlebnis der Ostkirche und des christlichen Abendlandes (Wissenschaftliche Abhandlungen der Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen 11.) Köln.
- Seelbach – Seelbach U. Katalog der deutschsprachigen mittelalterlichen Handschriften der Universitätsbibliothek Gießen <http://geb.uni-giessen.de/geb/volltexte/2007/4869/>
- Van Slee 1892 – van Slee J. C. Catalogus der handschriften berustende op de Athenaeum-Bibliotheek te Deventer. Deventer.
- Spamer 1958 – Spamer A. Romanusbüchlein. Historisch-philologischer Kommentar zu einem deutschen Zauberbuch / bearbeitet von J. Nickel. (Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Volkskunde 17.) Berlin.
- Spamer 1970 – Spamer A. Der Bilderbogen von der “Geistlichen Hausmagd”. Ein Beitrag zur Geschichte des religiösen Bilderbogens und der Erbauungsliteratur im populären Verlagswesen Mitteleuropas / bearbeitet von M. Hain. (Veröffentlichungen des Instituts für mitteleuropäische Volksforschung an der Philipps-Universität Marburg-Lahn 6.) Göttingen.
- Staphorst 1727 – Staphorst N. *Historia ecclesiae Hamburgensis diplomatica*. Teil 1, Bd. 3. Hamburg.
- Stooker, Verbeij 1997 – Stooker K., Verbeij T. *Collecties op orde: Middelnederlandse handschriften uit klosters en semi-religieuze gemeenschappen in de Nederlanden*. Deel 2. Repertorium. (Miscellanea Neerlandica 16.) Leuven.

- Suchier 1910 – Suchier W. L'enfant sage: Das Gespräch des Kaisers Hadrian mit dem klugen Kinde Eritus. (Gesellschaft für romanische Literatur 24.) Dresden.
- Toussaert 1963 – Toussaert J. Le sentiment religieux en Flandre à la fin du Moyen-Age. Paris.
- Truhlář 1905 – Truhlář Josef. Catalogus codicum manu scriptorum latinorum qui in C. R. Bibliotheca publica atque Universitatis Pragensis asservantur. Pars prior: Codices 1–1665. Prag.
- Veselovsky 1876 – Veselovsky A. Opyty po istorii razvitiia hristianskoj legendy. IV. Skazaniye o 12-ti pjatnicah // Žurnal Ministerstva narodnogo prosveščeniya, 185. P. 326–367.

S. V. Ivanov. The Legend of the twelve golden Fridays in the Western manuscripts. Part II: Vernacular – II.3 Dutch, Low German, High German

The paper continues the study of the manuscript transmission of the legend of the twelve Fridays adding material from the Dutch and German traditions.

Keywords: «The legend of the twelve golden Fridays», Dutch and German traditions.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ВЫРАЖЕНИЙ

μῶνός μωνόθεν (Hdt. 1, 116) и *οἰόθεν οἷος* (Hom. II. 7, 39 и 226)¹

В статье рассматривается вопрос о том, как соотносятся между собой выражения *μῶνός μωνόθεν* (Hdt. 1, 116) и *οἰόθεν οἷος* (Hom. II. 7, 39 и 226). Выражения эти схожи не только с точки зрения семантики, но и с точки зрения синтаксической структуры. Вопреки распространенному мнению, что *μῶνός μωνόθεν* у Геродота является подражанием Гомеру, в статье показывается, что оба автора используют аналогичные выражения независимо друг от друга. Более того, если архаичность гомеровского варианта проявляется в выборе прилагательного, то геродотовский вариант более архаичен в отношении порядка слов.

Ключевые слова: стиль Гомера, стиль Геродота, *οἰόθεν οἷος*, *μῶνός μωνόθεν*, архаизм, гомеризм.

Первое из выражений, которым посвящена настоящая работа, встречается в рассказе Геродота о детстве Кира (Hdt. 1, 107–122): о том, как он был выращен пастухом и как царская кровь мальчика проявилась, когда дети играли в государство и избранный «царем» Кир наказал за неповиновение сына вельможи, а потом спокойно объяснил свое решение царю Астиагу. Тогда Астиаг, заподозрив по тону ответа, внешнему виду и возрасту мальчика, что тот может быть его внуком, решил допросить пастуха наедине, отослав всех присутствующих²:

Τὸν μὲν δὴ Ἀρτεμβάρεα πέμπει, τὸν δὲ Κῦρον ἦγον ἔσω οἱ θεράποντες κελεύσαντος τοῦ Ἀστυάγεος. Ἐπεὶ δὲ ὑπελέλειπτο ὁ βουκόλος μῶνός μωνόθεν, τότε αὐτὸν εἶρετο ὁ Ἀστυάγης, κόθεν λάβοι τὸν παῖδα καὶ τίς εἴη ὁ παραδούς (Hdt. 1, 116).

μωνόθεν, τότε AB¹ *μουνωθέντα δέ* RV¹ *μουνωθέντα τότε* B²
μουνωθέντα δέ Av. 1 DSV² *μουνωθέντα τότε* CP

‘На том он отсылает Артембара; Кира же по велению Астиага вывели вон слуги. Когда пастух остался с ним один на один,

¹ Исследование проведено в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (2013–2014).

² Текст и критический аппарат цитируется по изданию Ф.-Э. Леграна (Legrand 1946).

Астиаг спросил его о том, откуда он взял ребенка, и кто его ему передал’.

Данный пассаж, как видно по приведенному *apparatus criticus*, является проблемным с точки зрения текстологии. Однако, несмотря на разночтения, подавляющее большинство издателей отдают предпочтение чтению рукописей АВ¹ μοῦνος μουνόθεν, несмотря на то, что данное выражение является ἄπαξ λεγόμενον – причем не только у Геродота, но и в греческой литературе в целом³. Этот выбор, несомненно, оправдан. Во-первых, чтение μοῦνος μουνόθεν очевидно представляет собой *lectio difficilior*, а переписчики рукописей Av.1 DSV² и CP исправили -ο- на -ω-, интерпретировав редкую форму μουνόθεν как причастие от глагола μονόω (μουνόω)⁴. Во-вторых, если бы у Геродота было действительно представлено причастие μουνωθείς, то оно должно было бы использоваться в рамках конструкции, типичной для λέξις εἰρομένη, когда при паратаксисе, причастие с противительной частицей δέ во второй части предложения подхватывает сказуемое (в личной форме) в первой части фразы: например, ὁ Κῦρος ἐφρόντιζε ὅτεω τρόπῳ [...], φροντίζων δὲ εὗρισκε... ‘Кир стал размышлять, каким образом... размышляя же нашел, что...’ (Hdt. 1, 125)⁵. Для нашего случая наиболее показательным является следующий пример: Εἰ καὶ πολλοὶ τειχέων καθῶνες ἦσαν ἐληλαμένοι διὰ τοῦ Ἰσθμοῦ Πελοποννησίοισι, προδοθέντες ἂν Λακεδαιμόνιοι ὑπὸ τῶν συμμάχων [...] ἐμουνόθησαν· μουνωθέντες δὲ ἂν καὶ ἀποδεξάμενοι ἔργα μεγάλα ἀπέθανον γενναίως ‘Если бы даже пелопонесцы были прикрыты многочисленными воздвигнутыми стенами, словно хитонами [...], они все же остались бы в одиночестве, преданные союзниками; оставшись же одни, они все-таки пали бы, пусть и доблестно’ (Hdt. 7, 139). Однако в интересующем нас пассаже (Hdt. 1, 116) предложение является

³ Чтение μοῦνος μουνόθεν мы находим в изданиях: Godley 1921; Stein 1896; Abicht 1863; Hude 1927; Legrand 1946; van Groningen 1959; Asheri 1988. Исключение представляет Розен, который единственный предпочитает видеть в μοῦνος μουνόθεν причастную форму от глагола μονόω. Разбираемая нами фраза имеет в его издании следующий вид: ἐπεὶ δὲ ὑπελέλειπτο ὁ βουκόλος μοῦνος, μουνωθέντα δὲ αὐτὸν εἶρετο ὁ Ἀστυάγης.

⁴ Напротив, обратное искажение, μουνωθέντα δέ в μουνόθεν τάδε, идущее против правил морфологии, представить достаточно сложно.

⁵ См. van Otterlo (1944: 23–25); Beck (1971: 4–6).

сложноподчиненным, поскольку начинается с *ἐπεὶ δέ*, поэтому паратактическая конструкция была бы неуместна; кроме того, причастие должно было бы подхватывать сказуемое в глагольной форме, а не прилагательное. В-третьих, уже давно было замечено, что *μονὸς μονόθεν* имеет большое смысловое и структурное сходство с гомеровским выражением *οἰόθεν οἶος* (а также с построенной по аналогии с ним конструкцией, *αἰνόθεν αἰνώως*).

У Гомера данные примеры встречаются в первой части седьмой песни «Илиады» в трех сюжетно взаимосвязанных прямых речах. В первый раз выражение *οἰόθεν οἶος* использует Аполлон, договариваясь с Афиной о прекращении сражения между ахейцами и троянцами:

*Ἕκτορος ὄρωμεν κρατερὸν μένος ἱπποδάμοιο,
ἦν τινά που Δαναῶν προκαλέσσειται οἰόθεν οἶος
ἀντίβιον μαχέσασθαι ἐν αἰνῇ δηϊότητι,
οἳ δέ κ' ἀγασσάμενοι χαλκοκνήμιδες Ἀχαιοὶ
οἶον ἐπόρσειαν πολεμίζειν Ἕκτορι δίῳ* (Hom. II. 7, 38–42).

‘Возбудим мужество и силу Гектора, покорителя коней, чтобы он вызвал кого-нибудь из ахейцев сразиться против него один на один страшным боем. Тогда данайцы с медными поножами в негодовании выставят одного война сразиться с божественным Гектором’.

Афина, согласившись с Аполлоном, внушает Гектору мысль о поединке. Спустя шестьдесят строк, Менелай, ругая ахейцев за страх перед вызовом Гектора, использует аналогически образованную конструкцию *αἰνόθεν αἰνώως* (причем переход этот мог быть подсказан формулой *ἐν αἰνῇ δηϊότητι* в стихе II. 7, 40):

*ὦ μοι ἀπειλητῆρες Ἀχαιῖδες οὐκέτ' Ἀχαιοί·
ἦ μὲν δὴ λώβῃ τάδε γ' ἔσσειται αἰνόθεν αἰνώως
εἰ μὴ τις Δαναῶν νῦν Ἕκτορος ἀντίος εἴσιν* (Hom. II. 7, 96–98).

‘Увы, ни на что, кроме угроз не способные, ахейанки, а не ахейцы, ведь это будет ужас какое унижение, если никто из данайцев не выступит против Гектора’⁶.

Наконец, вытянувший жребий Аянт, принимая вызов Гектора, говорит ему:

⁶ Лиф (Leaf 1900 *ad* II. 7, 39) характеризует выражение *αἰνόθεν αἰνώως* следующим образом: “Of ‘αἰνόθεν αἰνώως’ we can only say that it is a case of emphasis produced by the familiar resource of reduplication”. Ср. Pisani (1955: 323).

Ἕκτορ νῦν μὲν δὴ σάφα εἴσεται οἰόθεν οἶος
οἷοι καὶ Δαναοῖσιν ἀριστῆες μετέασι
καὶ μετ' Ἀχιλλῆα ῥηζήνορα θυμολέοντα (Hom. II. 7, 226–228).
‘Гектор, теперь-то ты узнаешь, один на один, какие (войны) есть
среди вождей ахейцев, даже после Ахилла, сокрушителя мужей,
со смелостью льва’.

Итак, эти три речи (Аполлона, замыслившего поединок, Менелая, стыдящего ахейцев за трусость и Аянта, откликнувшегося на вызов Гектора) оказываются связанными между собой посредством выражений *οἰόθεν οἶος* и *αἰνóθεν αἰνῶς*.

Традиционно считается, что Геродот в сцене узнавания Кира (Hdt. 1, 116) перенимает гомеровское выражение⁷. Однако при таком толковании встает вопрос об авторской интенции. Во-первых, контекст у Геродота, где пастух остается с глазу на глаз с царем, не обнаруживает особого сходства с вышеперечисленными контекстами из «Илиады», в которых речь идет о вызове на поединок. Во-вторых, даже если предположить намеренное введение элемента эпического стиля (хотя цель его остается для современного читателя неясной) необходимо объяснить, почему Геродоту потребовалось менять *οἰόθεν οἶος* на *μοῦνος μουνόθεν*, если он в самом деле хотел, чтобы читатели (слушатели) опознали в выражении гомеризм.

Представляется возможным альтернативное объяснение данной параллели, а именно: Геродот использует *μοῦνος μουνόθεν* независимо от Гомера. Сопоставление геродотовского *μοῦνος μουνόθεν* и гомеровского *οἰόθεν οἶος* показывает, что если в выборе лексемы гомеровское выражение более архаично⁸, то порядок у Геродота является исходным, а тот, который мы

⁷ Lejeune (1939 : 91): «L'expression *οἰόθεν οἶος* a été imitée par Hérodote, dont on sait qu'il était «tout pénétré d'Homère», *Ὀμηρικώτατος* [Longin]»; Leumann (1950: 260) «Eine Modernisierung von *οἰόθεν οἶος* mit *μόνος* für *οἶος* gebraucht Herodot 1, 116, 3 *ἐπεὶ δὲ ὑπελέλειπτο ὁ βουκόλος μοῦνος μουνόθεν* sicher als indirekten oder verdeckten Homerismus»; ср. также Fehling (1969: 182) и Stefanelli (2005: 123 n. 2). Ту же идею мы находим и в комментариях к Геродоту (How, Wells 1912: *ad loc.*).

⁸ Известно, что у Гомера прилагательное *μόνος* (*μοῦνος*) постепенно вытеснило более архаичный синоним *οἶος*, причем этапы этого вытеснения можно проследить на материале формул: так, в выражении *εἰς οἶος*, засвидетельствованном у Гомера в форме аккузатива *ἔνα δ'οἶον* (Hom. II. 4, 397), а также в женском роде *μία οἷη* (Od. 4, 212; 14, 515; 22, 130), прилагательное заменяется на *μοῦνος* под влиянием аллитерации, которая возникает при использовании выражения в женском роде – ср. *μία μούνη* (Od. 23, 227).

видим у Гомера – вторичным. В самом деле, начальная позиция *οἷος* и *μόνος* определяется двумя тенденциями:

(1) законом Бехагеля («Gesetz der wachsenden Glieder» – см. Behaghel 1909), согласно которому индоевропейским языкам свойственно располагать слова и синтагмы в порядке увеличения длины. Действие этого закона на устойчивых выражениях, сочетающих два однокоренных слова, видно в следующих гомеровских примерах: (τέρας) ὄψιμον ὀπιτέλεστον (где композит *ὀπιτέλεστον* является *ἅπαξ λεγόμενον*)⁹; μέγας μεγαλωστί (3x)¹⁰; ср. *νίος θ' υἱωνός τε* (Il. 2, 666; 5, 631; Od. 24, 515), и др.

(2) тенденцией анапTOTических конструкций (или «паронимических», как их называет Швицер, – Schwyzer 1953: II, 700) ставить прямой падеж в начальную позицию, а косвенный падеж – в конечную¹¹. Именно такой порядок является нейтральным, хотя инверсия допускается, в случае, если нужна особая эмфаза.

Итак, именно тот порядок слов, который мы находим у Геродота, скорее всего, соответствовал исходному выражению.

⁹ ἡμῖν μὲν τόδ' ἔφηνε τέρας μέγα μητίετα Ζεὺς // ὄψιμον ὀπιτέλεστον, ὅου κλέος οὐ ποτ' ὀλείται ‘Зевс промыслитель дал нам это великое знамение, пусть позднее и поздно исполняющееся, но слава которого не погибнет’ (Hom. Il. 2, 324–325).

¹⁰ Следует отметить, что у Гомера данное выражение встречается в трех идентичных пассажах: ὁ δ' ἐν στροφάλιγγι κονίης // κεῖτο μέγας μεγαλωστί, λελασμένος ἵπποσυνάων ‘он же лежал в вихрях праха, великий величественно, забыв о колесничном бое’ (Hom. Il. 16, 775–776); αὐτὸς δ' ἐν κονίῃσι μέγας μεγαλωστί τανυσθεῖς // κεῖτο... ‘он же, простертый в вихрях праха лежал, великий величественно’ (Hom. Il. 18, 26–27); σὺ δ' ἐν στροφάλιγγι κονίης // κεῖσο μέγας μεγαλωστί, λελασμένος ἵπποσυνάων ‘ты же лежал в вихрях праха, великий величественно, забыв о конном бое’ (Hom. Od. 24, 39–40).

¹¹ О связи формы *οἰόθεν* с генитивом, см. сн. 12. На греческом материале конструкции типа *κακὸς κακῶ* или *μόνος μόνῳ* были рассмотрены Теслеффом (Thesleff 1954: 129). Следует отдельно уточнить, что тенденция выносить вперед форму в прямом падеже касается в первую очередь эмфатических и реципрокальных конструкций (таких как *ἀπὸ σ' ὁλῶ κακὸν κακῶς* у Аристофана, Aristoph. *Plut.* 65, или таких как поговорка *χεῖρ χεῖρα νίξει*). В случае сравнений типа «злее злого, острее острого», которые из-за присущей им экспрессивности допускают оба варианта, о нормативном порядке слов говорить сложно: например, у Софокла мы находим как ὃ κακῶν κάκιστε (Soph. *O.C.* 334), так и ἔσχατ' ἐσχάτων κακά (Soph. *Phil.* 65). Типологически интересны примеры, собранные Хофманном (Hofmann 1930: 91–92).

Гомер же был вынужден прибегнуть к инверсии по соображениям метрики, поскольку выражение *οἶος οἰόθεν с ритмической структурой – $\cup - \cup \cup$ в гекзаметре использовано быть не может.

Итак, в данном случае, выражение οἰόθεν οἶος у Гомера и μοῦνος μουνόθεν у Геродота восходят к одному общему источнику – народному языку. Архаическая реликтовая форма генетива οἰόθεν¹², скорее всего, уже была в значительной степени непонятной во времена, когда сочинялась «Илиада»: об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что эпический язык переосмыслил *οἰόθεν οἶος, сблизив форму οἰόθεν с продуктивным типом наречий на -θεν, которые обозначают исходную точку или происхождение, и создав аналогическую формулу ἄλλοθεν ἄλλος ‘каждый со своей стороны’, в которой первый элемент является обыкновенным наречием¹³. Именно это морфологическое переосмысление обусловило частое использование ἄλλοθεν ἄλλος. Исходная же конструкция нашла отражение лишь в двух пассажах у Гомера как οἰόθεν οἶος и в одном контексте у Геродота как μοῦνος μουνόθεν.

Литература

- Abicht 1863 – Herodotos erklärt für den Schulgebrauch. Bd. I / hrsg. von K. Abicht. Leipzig, 1863.
 Ameis, Hentze 1887 – Anhang zu Homers Ilias. Schulausgabe von K. F. Ameis. III. Heft, Erläuterungen zu Gesang VII–IX von Prof. Dr. C. Hentze. 2. Aufl. Leipzig, 1887.
 Asheri 1988 – Erodoto. Le Storie. Libro I: la Lidia e la Persia / ed. D. Asheri, trad. di V. Antelami. Milan, 1988.

¹² Уже Р. Кюннер указывал на то, что окончание οἰόθεν сродни эолийским формам генетива личных местоимений (ἐμέθεν, σέθεν, ἑθεν) и сблизжал οἰόθεν οἶος с такими выражениями как ὦ πιστὰ πιστῶν (Soph. O.T. 465), которые, несмотря на то, что сочетаются с прилагательным в форме положительной степени, выражают высшую степень проявления определенного качества. Данную трактовку разделяют в комментарии к *Il.* 7, 39 Амейс и Хентце; см. также Chantraine (1953: II, 151), Wathélet (1970: 287–288). Следует добавить, что в пользу такого толкования свидетельствует тот факт, что в οἰόθεν ударение не отступает на третий слог от конца.

¹³ *Il.* 2, 75; 9, 311; 9, 671; 13, 551; *Od.* 9, 401; 9, 493; 10, 119; 10, 442; 11, 42; 12, 392; 18, 231; 24, 415. На принципиальное различие между выражениями ἄλλοθεν ἄλλος и οἰόθεν οἶος указывал уже Лиф (Leaf 1900 ad *Il.* 7, 39): «Phrases like 2, 75 ‘ἄλλοθεν ἄλλος’ have only a superficial resemblance, as in them each word has its distinct and separate meaning». Впрочем, Лиф не отмечает производный характер ἄλλοθεν ἄλλος.

- Behaghel 1909 – Behaghel O. Beziehungen zwischen Umfang und Reihenfolge von Satzgliedern // Indogermanische Forschungen. 1909. Bd. 25. S. 110–142.
- Beck 1971 – Beck I. Die Ring-komposition bei Herodot und ihre Bedeutung für die Beweistechnik. Hildesheim; New York, 1971.
- Bekker 1863 – Bekker I. Homerische Blätter. Vol. I. Bonn, 1863.
- Chantraine 1953 – Chantraine P. Grammaire homérique. Vol. I–II. Paris, 1953.
- Fehling 1969 – Fehling D. Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch bei den Griechen vor Gorgias. Berlin, 1969.
- Godley 1921 – Herodotus / ed. with an English translation by A. D. Godley. Vol. I. London, 1921.
- Hofmann 1930 – Hofmann E. Ausdrucksverstärkung. Untersuchungen zur etymologischen Verstärkung und zum Gebrauch der Steigerungsadverbia im Balto-Slavischen und in anderen indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1930.
- How, Wells – How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxford, 1912.
- Hude 1927 – Herodoti Historiae / ed. C. Hude. Oxford, 1927.
- Kirk 1990 – The Iliad: A Commentary. Vol. II: Books 5–8 / ed. G. S. Kirk. Cambridge, 1985.
- Kühner, Gerth 1904 – Kühner R. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. II. Teil: Satzlehre / besorgt von B. Gerth. Bd. I–II. Hannover; Leipzig, 1894–1904.
- Leaf 1900 – The Iliad / ed. with apparatus criticus, prolegomena, notes, and appendices by W. Leaf. London, 1900.
- Legrand 1946 – Hérodote, Histoires / éd. Ph.-E. Legrand. 2e édition. Paris, 1946.
- Lejeune 1939 – Lejeune M. Les adverbs grecs en *-θεν*. Bordeaux, 1939.
- Leumann 1950 – Leumann M. Homerische Wörter. Basel, 1950.
- Pisani 1955 – Pisani V. “*αἰνός*” // Lexikon des frühgriechischen Epos begründet von B. Snell. Bd. I / hrsg. vom Thesaurus linguae graecae im Hamburg. Göttingen, 1955. Sp. 320–323.
- Radt 1955 – Radt St. “*ἄλλοθεν*” // Lexikon des frühgriechischen Epos begründet von B. Snell, Bd. I / hrsg. vom Thesaurus linguae graecae im Hamburg. Göttingen, 1955. Sp. 543–544.
- Rosén 1987 – Rosén, H. B. Herodoti Historiae. Vol. I. Leipzig; Stuttgart, 1987.
- Schwyzler, Debrunner 1953 – Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. II: Syntax und syntaktische Stilistik / vervollständigt und herausgegeben von A. Debrunner. München, 1953.
- Stefanelli 2005 – Stefanelli, R. *Homerica: οἰόθεν οἶος, αἰνóθεν αἰνῶς, ἄλλοθεν ἄλλος* // Quaderni del Dipartimento di Linguistica – Università di Firenze. 2005. Vol. 15. P. 123–137.
- Stein 1869 – Herodotos / hrsg. von H. Stein. Bd. I. Dublin; Zürich, 1869.
- Thesleff 1954 – Thesleff H. Studies on Intensification in Early and Classical Greek. Helsingfors, 1954.
- van Groningen 1959 – Herodotus’ Historiën. Met Inleiding en Commentar. Vol. I. / ed. B. A. van Groningen. Leiden, 1959.

- van Otterlo 1944 – van Otterlo W. A. A. Untersuchungen über Begriff, Anwendung und Entstehung der griechischen Ringkomposition. Amsterdam, 1944.
- Watelet 1970 – Watelet P. Les traits éoliens dans la langue de l'épopée grecque. Rome, 1970.

**M. N. Kazanskaya. On the problem of the relationship
between expressions μοῦνος μουνόθεν (Hdt. 1, 116)
and οióθεν οἶος (Hom. Il. 7, 39 η 226)**

The paper proposes a reexamination of the relationship between two cognate expressions in Herodotus and Homer, μοῦνος μουνόθεν (Hdt. 1, 116) and οióθεν οἶος (Hom. Il. 7, 39 η 226). These expressions show close resemblance not only from the point of view of semantics, but also of their syntactic structure. Contrary to the generally accepted point of view that Herodotus uses μοῦνος μουνόθεν to imitate Homer, it is shown that the two authors use the similar expressions independently of one another. Moreover, while the Homeric expression is more archaic as regards the choice of adjective, Herodotus' variant is more archaic as regards the word order.

Keywords: Homer's style, Herodotus' style, οióθεν οἶος, μοῦνος μουνόθεν, archaism, Homeric words and expressions.

A TIE BETWEEN THE MICRO- AND MACROCOSMOS: ON THE ETYMOLOGY OF HOMERIC βρότος¹

Анализ поэтической формулы λούσασθαι (λούση, λούσειαν, νίζοντες) ἄπο βρότον αἱματόεντα в «Илиаде» (*Il.* 7, 425; 14, 7; 18, 345; 23, 41) показывает, что она встречается лишь в пассажах, связанных со смертью в бою. При этом βρότος не имеет принятой этимологии, а толкование выражения βρότον αἱματόεντα как 'запекшееся кровь' не полностью отражает его семантику. В статье предлагается считать это слово производным от и.-е. корня **mer-*, обозначающим медленно текущие или стоячие воды (жидкости). Семантический переход от этого значения к значению «гнилая кровь, сукровица, слизь» определяется метафорическим сближением мира природы и человеческого тела; аналогичный изосемантический ряд отмечен в балтийских, славянских и германских языках. Допускается возможность, что восстанавливаемый корень **mer-* является родственным хорошо известному корню **mer-* со значением 'умирать'.

Ключевые слова: βρότον αἱματόεντα, Гомер, этимология, изосемантические ряды, обозначение крови, сукровицы и слизи у индоевропейцев, обозначение стоячих вод у индоевропейцев.

The Homeric noun βρότος means 'blood that has run from a wound, gore' (Ebeling 1885, s.v., LSJ 1968, s.v.). In the *Iliad* βρότον αἱματόεντα occurs only for times (*Il.* 7, 425; 14, 7; 18, 345; 23, 41) preceded by ἄπο (in anastrophe): νίζοντες ἄπο βρότον αἱματόεντα (*Il.* 7, 425), εἰς ὃ κε λούση ἄπο βρότον αἱματόεντα (*Il.* 14, 7), λούσειαν ἄπο βρότον αἱματόεντα (*Il.* 18, 345), λούσασθαι ἄπο βρότον αἱματόεντα (*Il.* 23, 41). This collocation always occurs at the end of the verse (Ebeling 1885; Chantraine 1968, s. v., Frisk 1954, s. v.) that is why ἄπο βρότον αἱματόεντα is considered by G. S. Kirk

¹ A earlier version of this paper has been published in Russian in the following volume: Казанскене В. П. К Этимологии гомеровского βρότος // *Philologia classica*. Vol. 3: Язык и стиль памятников античной литературы. Л., 1987. С. 65–72. I am grateful to Prof. Jenny Strauss Clay for reviewing the English version of this article: her thoughtful suggestions have amended both its style and contents. I am, of course, responsible for the subsisting errors.

as a formula (Kirk 1990: *ad* 14, 3–7 n.) and by R. Janko – as derivative of an old formula (Janko 1992: *ad* 14, 3–7 n.)².

These four occurrences deserve to be examined in detail, with special attention to their context. In two passages this formula is used in descriptions of warriors fallen on the battlefield. In *Il.* 7, 425–426 both the Trojans and the Achaeans come to take away their dead, but cannot tell the corpses apart, until they have washed away the βρότον αἱματόεντα. Likewise, in *Il.* 18, 345 Achilles orders to prepare for the washing of Patrocles' corpse, covered in βρότον αἱματόεντα. In the remaining two cases, a bath is offered to living persons returning from battle so that they could wash off the βρότον αἱματόεντα: in *Il.* 14, 7 for Nestor, who accepts, and in *Il.* 23, 41 for Achilles – who refuses. The latter context will be particularly important for our argument: after killing Hector, Achilles refuses not only the bath, but also food, saying that he will take neither until Patrocles is buried, and goes to sleep outside on the seashore, thus persisting in remaining ritually impure.

The noun βρότος was used as a base for the adjective βροτόεις that appears mostly in the epic texts (especially in the *Iliad*) in the expression ἔναρα βροτόεντα denoting the 'arms and trappings of a slain foe, spoils', and is interpreted as 'gory': φέροι δ' ἔναρα βροτόεντα κτείνας δήιον ἄνδρα (*Il.* 6, 479–480), κέν ἐγὼ τὸν ... δηώσας ἔναρα βροτόεντα φέρωμαι (*Il.* 8 534–535) etc. From the cognate form of perfect medium participle βεβροτωμένος (*Il.* 11, 41) a denominative verb *βροτόω (βροτόομαι) can be reconstructed: we find the same participle in Quintus Smyrnaeus (1, 717) and perhaps in Stesichorus (fr. 219 Page)³. It should be stressed however that in all these cases the adjective βροτόεις preserves the semantic link with death: this is especially evident in the case of ἔναρα βροτόεντα, where ἔναρα designates spoils taken from the dead adversary.

The word βρότος does not have a strong IE etymology. H. Frisk seems to accept S. Bugge's proposal (Bugge 1870: 446–447) who connected βρότος with the Sanskrit participle *mūrtā-* (from the verb *mūrchatī*). This parallel was later rejected by P. Chantraine for

² The only exception occurs when μέλανα βρότον (*Od.* 24, 189) appears in the middle of a verse: the same collocation was later used by Quintus Smyrnaeus: βρότον αἰνόν (Quint. Smyrn. 3, 552).

³ It should be noted, however, that the interpretation of δράκων κάρα βεβροτωμένος as 'snake eating its own head' proposed by N. Kazansky (Kazansky 1985: 235–236) is more appropriate to Clytemnestra's dream before Orestes arrives to kill her.

phonetic reasons: a long vowel sonant must be restored for Sanskrit, and a short for Proto-Greek (Chantraine 1968: s.v. βρότος). M. Leumann, on the other hand, saw in βρότος a reinterpretation of βροτός the 'immortal (blood of deities)' (Leumann 1950: 124); P. Chantraine characterized this hypothesis as "brilliant but doubtful" (Chantraine 1968: *ibid.*).

It seems clear that βρότος, βροτόεις, βεβροτωμένος were not clearly understood in antiquity. There are many ancient interpretations of which the two most interesting are: (1) βρότον = τὸν ἐκ τοῦ αἵματος μολυσμὸν (Eustath. 688, 53) and (2) βρότος· αἷμα (Hsch. β 827) and βροτός· ὀξυτόνως μὲν ἄνθρωπον, παροξυτόνως δὲ σημαίνει ἐκ τοῦ φόνου λύθρον (Hsch. β 1203).

Hesychius' definitions show that the word βρότος besides the meaning 'blood' could also be used to designate 'ichor' and 'pus' and 'sluch'. This permits us to reject M. Leumann's interpretation of βρότος αἱματόεις as a pleonastic expression ('bloody blood' – Leumann 1950: 124), and to understand it as 'bloody **filth**'.

This specific meaning of βρότος (Stephanus 1826: s. v.) finds support in the synonym used in Hesychius' gloss, βρότος δὲ σημαίνει τὸν ἐκ φόνου λύθρον (Hesych. β 1203), as λύθρον is a clear derivative from the verb λούω 'wash (the body)'. It is significant that in the Homeric text the formula βρότον αἱματόεντα is always preceded by a verb signifying 'to wash body or hands and feet': νίζοντες ἅπο (Il. 7, 425), λούση ἅπο (Il. 154,7), λούσειαν ἅπο (Il. 18, 345) and λούσασθαι ἅπο (Il. 23, 41; cf. ἀπονίψαντες μέλανα βρότον in *Od.* 24, 189).

Once a more specific meaning is accepted for the word βρότος, a revision of the etymological possibilities is called for. In many Indo-European languages the nouns with meaning similar to that of βρότος are often derived from verbs signifying 'to ooze out, exude, trickle, flow slowly'. For example Russian *соки* (cf. the expression *соки животные* used to denote liquors found in living beings, such as blood, lymph, etc.) and *насока* 'ichor, blood' (see Dal' 1882, s. v.) are derived from the verb *сочиться* 'ooze out, exude'; Ukrainian and Belorussian *пона*, as well as Polish *ropa* 'pus, mineral pitch', derive from the verb *ropić się* 'ooze out, discharge pus' (Preobrazhensky 1959, s. v.). Similar semantic development is observed in the Germanic word for 'blood' (English *Blood*, German *Blut*, etc.) which belongs to the IE root **bhel-* 'flood, ooze (out)' (Drosdowski, Grebe et al. 1963 [Duden etymology], s. v. Blut).

It is important for our study to note that words designating stagnant or slowly flowing water are often derived from verbs with the same meaning. For example:

1) Χεῦμα ‘stream’, προχεύματα ‘silt, deposit’, προχοή ‘outpouring, mouth of a river’ derives from the Greek verb χέω, χέομαι ‘pour out, let flow’.

2) The Lithuanian dialect word *lašmuõ* and *laš-men-ys* denoting ‘the place on a lake where a stream starts or ends’, as well as *Laš-muõ*, name of river and of marsh (Urbutis 1981: 187–189), are derived from lith. *lašėti* ‘let flow, shed’.

3) The Greek verb λείβω ‘let flow, shed’ gave birth to the following nouns: λείβητρον⁴, λειβή ‘pouring’, λιβάς ‘stream’ (in tragedy), ‘standing water’ (Babrius), in plural ‘pools of water that collect after rain’, also used of marshes (Strabo, Theophrastus).

This pattern of semantic development common to different IE languages suggests the etymological connection between the Homeric βρότος to the well-known PIE root **mor-*. The grade *-o-* of this root is represented in many Indo-European languages and denotes a large or small body of standing water (Krahe 1964): Common Germanic **mari* (OE *mere* ‘see, lake, pound’, ON *marr* ‘sea’, OHG *mari* ‘sea’, MHG *mare* ‘lake’), Latin *mare* (**mor-i-* > **mar-i-* after *m*, *u*, *l* in open syllable [Smoczyński 2007, s. v. *marios*]) ‘sea, sea water’, Slavonic **morie* (Russian *mope*, Polish *morze*), Baltic *mārios* (Būga 1959), names of rivers *Marà*, *Merà*, *Marià*, Latvian *Maras-upe*, *Mariņa*, and names of the marshes: Lithuanian *Marėlė*, *Mārės* (Vanagas 1981, s. v. *Marà*, *Merà*). Words from this root denoting the marshy plots of land are represented in many languages, e. g., OE *mersc*, *merisc* (< **marisca-*) ‘marsh, swamp, mud’ (Watkins 1975); significant is also the meaning ‘deep stagnant water’ of the Osetian word *mal* (Smoczyński 2007, s. v. *marios*).

Greek βρότος represents the zero grade of the same root **mer-*: **mor-*: **mr̥-*. The development of the beginning **mr̥-* to *βρ-* is very well known (see Lejeune 1972: 274, 197 on Greek βροτός and Sanskrit *mṛtá-*). The reflex of the IE vowel sonant **r̥* > *ρo* is perhaps Aeolic. There are also the reflexes of the grade *-e-* of the same root in Lithuanian hydronyms *Merà*, *Merià* and *Meráitis*. In the Slavonic dialects of East Polesje the word *μερβα* is found with the meaning of

⁴ λείβητρον,· ῥεῖθρον, ὀχετόν, κροῦνον καὶ τόπος ἐν Μακεδονία (Hsch. λ 512).

‘marsh’ (Tolstoy 1969: 181). We would to suggest that the same *-e-* grade of the root must be reconstructed for verb meaning ‘ooze out, exude, trickle, flow slowly’, although the simple root **mer-* is absent from all Indo-European traditions, and we can find it only in its extended form **mer-g(h)-* / **mer-k(h)-*: Greek βρέχω < **mreghō* ‘wet, step in water’, Latin *mergō* and Lithuanian *mer-k-ti* have the same meaning (Kazanskiene 1984: 16–18)⁵.

The suffix **-to-* in βρότος carries not a passive, but an active meaning, which is often the case in nouns derived from intransitive verbs: e. g., στάζω ‘shed drop by drop’ and στακτός ‘oozing out in drops’, ῥέω ‘flow’ and ῥυτός ‘flowing’. We may conclude that in Greek βρότος has the same meaning as common Germanic word for ‘blood’, derived from **bhel-* ‘to flood’. The conjunction of the zero grade of the root with the suffix **-to-* is not uncommon (Chantraine 1933: 304), but the accent in this type of noun and adjective would be expected to fall on the last syllable. In this case the barytonesis, as well as the rendering of **-t-* as *-po-*, seem to be a trace of Aeolic (Bechtel 1921: 8), probably preserved in Homeric diction in order to distinguish βρότος from βροτός.

The semantic development of the meaning ‘ooze out, exude, trickle, flow slowly’ to ‘(standing) water’ and ‘to discharge (from the human body)’ may be shown by many examples in distinct Indo-European traditions. Apart from the examples already quoted above, this development may be illustrated by the following cases.

Lithuanian *al-é-ti* (and with extenders *al-m-ėti*, *al-v-ėti*, *el-m-ėti* ‘exude, trickle, flow slowly’ and their derivative nouns such as *almė*, *álmė*, *el̃mės* (fem. pl.), ‘ichor, pus’, *al-muō*, *al-meñs* ‘the same’, *almėtas* ‘containing *almė*, liquor from the wound’ (LKŽ 1968, s. v., Būga: I, 310; III, 413–414) and hydronymics, names of the rivers *Ālmė*, *Ēlmė*, *Almajà*, names of the laces *Ēl̃mis*, *Ālmajas* (see Vanagas 1981, s. v. *Almė*), Prussian names of the rivers *Elm*, *Elme*, *Elmone*, *Ylme*, *Ilmune*, *Ilmena*, Thracian river names *Almus*, *Almo* (Toporov 1979: 24–25). E. Fraenkel adds to this root also Lithuanian *ál-k-sna* ‘puddle, marsh’, and Latvian *al-u-k-sna* ‘marshlike places’, Norwegian *ulka*, *ølke* ‘dirt (grime), mould on the liquid’ and the verb *ulka* ‘to suppurate’ (Fraenkel 1962: 7–8). A very similar semantic development is present in the words that were compared by A. Fick

⁵ The fact that the reconstructed root **mer-* and the extended forms **mer-g(h)-* / **mer-k(h)-* is best illustrated by the semantics of the following derivatives: βράγος: ἔλος (Hsch. β 1027); βράχρα and βράχη (‘shallow waters’), τὰ βρεχέντα πεδία (‘inundated valleys’), etc.

and K. Brugmann⁶: Gr. στάζω ‘to drop’, σταγών (fem.) ‘drop’, στάγμα (neut.) ‘a drop, liquid’, σταγετός (masc.) ‘drop’, ἐπι-, κατὰ-σταγμός (masc.) ‘running at the nose’, στάξις (fem.) ‘dropping’, hydronym Στάζουσα (a spring in Sicyon – Paus. 2, 7, 4), Latin *stagnum* (neut.) ‘a piece of standing water, a pool’, cf. Ovid’s designation of the Hellespont, *Phrixiae stagna sororis* (Ov. *Fast.* 4, 278), and its derivative *stagnosus* ‘covered by water, full of the standing waters, or pools’; etc. Apparently Celtic forms such as Old Bret. *staer* ‘river, creek’ < *stag-ra (Walde 1938, s. v.) also refer to the same root.

This semantic development involving the activities of the human body and activities of the earth may perhaps reflect the ancient mentality, animistic in its origin⁷, but alive and in use as a metaphor in Classical and later Greek: thus, Aeschylus uses κροκοβαφής σταγών as periphrasis of blood (Aesch. *Ag.* 1121-1122), whereas Marcus Aurelius has ἡ τοῦ κόσμου σταγών to denote the sea (Marc. *Aur.* 6, 36, 1).

Since the postulated root *mer- ‘to ooze out, exude, trickle, flow slowly’ coincides with the root *mer- ‘to die’, it is worthwhile to try to reconstruct the prehistoric semantic relationship that lies behind this formal coincidence. I do not believe that it is a case of homonymy, because the same semantic family is alive in Classical Greek: for example, λύμα, usually used in plural λύματα, derived from λούω ‘wash, wash the body’ or λούεσθαι ‘bathe’, means at the same time ‘water used by washing’, ‘dirt removed by washing’ and ‘ruin’. Similarly, in Sanskrit *mardh-* means both ‘wet’ and ‘kill’. More interesting for this coincidence of meaning are, of course, the Indo-European beliefs connected with the dead, and in particular, the idea of the ‘lifeless water’ that demarcates the world of the living from that of the dead. P. Thieme has also emphasized the exceptional role that the oath by the waters of the underworld rivers plays both in Homer and in the Vedic tradition (Thieme 1952: 52–54): the person who swears this oath must be prepared to suffer death in case of perjury. One final, but remarkable, detail should be noted: in the Greek mind all rivers in Hades have turbid and dull waters, are

⁶ Later, however, this comparison was unduly rejected on grounds of the semantic disparity between these the words (Frisk 1954: 775).

⁷ The same semantic reinterpretation may be present in the noun οὐρανός ‘sky’ used in later texts (starting from Aristotle) in the anatomic sense, ‘palate’.

marshy, thus combining all the characteristics of the water denoted by the root **mer-* / **mor-* / **m̥-*.

Bibliography

- Dal' 1882 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб; М., 1882.
- Kazanskiene 1984 – Казанскене В. П. 1984. К этимологии греческого βρέχω // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. М., 1984.
- Kazansky 1985 – Казанский Н. Н. Стесихор. Фрагменты // Вестник древней истории. 1985. № 2. С. 217–237.
- Preobrazhensky 1959 – Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1959.
- Tolstoy 1969 – Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969.
- Toporov 1979 – Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. Т. 2. М., 1979.
- Bechtel 1921 – Bechtel F. Die Griechischen Dialekte. Bd. 1. Berlin, 1921.
- Būga 1958-1961 – Būga K. Rinkiniai raštai. T. 1–3. Vilnius, 1958–1961.
- Bugge 1870 – Bugge S. Zur etymologischen Wortforschung. // KZ. 1870. Bd. 19. S. 401–447.
- Chantraine 1933 – Chantraine P. La formation des noms en Grec ancien. Paris, 1933.
- Chantraine 1968 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. 1. Paris, 1968.
- Drosdowski, Grebe et al. 1963 – Duden Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache (Duden Band 7) / hrsg. von G. Drosdowski, P. Grebe et al. Mannheim; Wien; Zürich, 1963.
- Ebeling 1885 – Ebeling H. Lexicon Homericum. Vol. 1–2. Lipsiae; Londini; Parisiis, 1885.
- Fraenkel 1962 – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1962.
- Frisk 1954 – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1954.
- Janko 1992 – Janko R. The Iliad: A Commentary. Vol. 4: Books 13–16. Cambridge; London; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1992.
- Krahe 1964 – Krahe H. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.
- Kirk 1990 – Kirk G. S. The Iliad: a Commentary. Vol. 2: Books 5–8. Cambridge; London; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1990.
- Lejeune 1972 – Lejeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris, 1972.
- Leumann 1950 – Leumann M. Homerische Wörter. Basel, 1950.
- LKŽ 1968 – Lietuvių kalbos žodynas. T. 1. Vilnius, 1968.
- LSJ 1968 – A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddel, R. Scott, rev. by H. S. Jones. Oxford, 1968.
- Smosziński 2007 – Smosziński W. Lietuvių kalbos etimologinis žodynas. Vilnius, 2007.

- Stephanus 1826 – Thesaurus linguae Graecae ab H. Stephano constructus. Vol. 2. / ed. Gu. Dindorfius et L. Dindorfius. Parisiis, 1826.
- Thieme 1952 – Thieme P. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin, 1952.
- Urbutis 1981 – Urbutis V. Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.
- Vanagas 1981 – Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Walde, Hofmann 1938 – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. / hrsg. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.
- Watkins 1975 – Watkins C. Indo-European and Indo-Europeans // The American Heritage Dictionary of the English Language. Boston, 1975. P. 1530.

**V. P. Kazanskiene. A Tie between the Micro- and Macrocosmos:
On the Etymology of Homeric βρότος**

Analysis of the four occurrences of the Homeric formula λούσασθαι (λούση, λούσειαν, νίζοντες) ἄπο βρότον αἱματόεντα in the *Iliad* (Il. 7, 425; 14, 7; 18, 345; 23, 41) shows that it is used only in passages concerned with death on the battlefield. The word βρότος does not have a strong IE etymology, and the translation of the expression of βρότον αἱματόεντα as 'clotted blood' does not render adequately the sense of the noun. The paper argues that βρότος is connected with the PIE root **mer-* used to designate slowly flowing or stagnant waters (or fluids). The semantic development from 'stagnant waters or fluids' to 'blood oozing from the wound, gore' is explained through the metaphoric association between nature and the human body (a similar isosemantic model is to be found in Baltic, Slavic and German languages). It is suggested that the reconstructed root **mer-* is a cognate, not a homonym, of the well known PIE root **mer-* 'to die'.

Key words: βρότον αἱματόεντα, Homer, etymology, isosemantic models, excretions of the human body, stagnant waters in Proto-Indo-European.

**РАСШИРИТЕЛЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ *-bh-
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ
(др.-греч. ἀλείφω и διφάω ~ δίζημαι)¹**

В статье предлагается на основании др.-греч. ἀλείφω ‘натирать, намазывать’ реконструировать наряду с корнем *H₂léiH_x-/*H₂liH_x- индоевропейский корень *H₂léib^h-/*H₂lib^h- с расширителем *-bh-. Тот же расширитель, как кажется, может быть выделен и в глаголе διφάω.

Ключевые слова: структура индоевропейского корня, расширители корня, древнегреческий язык.

Информация, которая может содержаться в застывших формах именных и глагольных основ, уже многие десятилетия остается объектом пристального внимания индоевропеистов как едва ли не единственный путь для реконструкции ранних этапов грамматического строя праиндоевропейского языка. Принципиальный вопрос – какой была грамматика языка, который мы называем праиндоевропейским, может быть решен только на основе интерпретации структуры реконструированных форм.

У такого подхода существуют проверенные временем теоретические основания, сформулированные еще А. Мейе, который восстанавливал на основе реликтовых форм гетероклитического склонения продуктивный словоизменительный класс основ на *r/n*. Еще при жизни Мейе появилось прямое подтверждение правильности сделанного им вывода. Хеттский материал показал продуктивность такого способа при образовании абстрактных имен на *-tar*, *-nnaš* < *-tr*, *-tn-os* (*humantar*, *humannaš* etc.).

Дальнейшая интерпретация самого чередования в исходе основы не получила окончательного объяснения, хотя само противопоставление сильных падежей, маркированных с помощью *-r*, и слабых, в которых появляется *-n*-, может быть восстановлено как праиндоевропейская грамматическая особенность. Важно отметить, что для гетероклитического склонения нам известен также механизм превращения этого, ставшего во многих языках непродуктивным, типа склонения в относительно продуктив-

¹ Статья написана в рамках гранта РФФИ (проект № 14-18-03585 «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты»).

ный. Так, в латинском языке гетероклитические имена обобщают корневой гласный (*iecur*, *iecinoris*² ‘печень’) и добавляют к основе слабых падежей на *-n-* показатель сильных падежей *-r-* (*iter*, *itineris* ‘путь’), выравнивая, таким образом, парадигму.

Высказывалось предположение, согласно которому изначально именная гетероклитическая парадигма строилась на бинарной оппозиции, в которой противопоставлялся падеж прямого объекта (если имена среднего рода первоначально относились к классу инактивных имен и, следовательно, не могли выступать в роли субъекта действия, то они не могли иметь отдельную форму номинатива) и все косвенные (слабые) падежи. При этом следует иметь в виду, что реконструкция наиболее ранних противопоставлений в рамках праиндоевропейской грамматики (ср. Гамкрелидзе, Иванов 1984) наталкивается на вопрос, каким образом возникает восьмипадежная словоизменительная система, для реконструкции которой имеется надежный материал, в том числе данные, выявленные на протяжении XX века в анатолийских языках, микенском греческом и др. Высказывалось также предположение о возможности реконструировать более восьми падежей, включая и более дробное противопоставление в т. н. местных падежах (Тронский 2001: 469; Казанский 1988). Во всех этих случаях можно уверенно говорить о категории падежа как релевантной для праиндоевропейской грамматической системы, об изначальном делении падежей на сильные и слабые, о моделях эволюции от праиндоевропейского состояния к тем парадигмам, которые засвидетельствованы в индоевропейских языках.

Сложнее обстоит дело в сфере глагола, где восстанавливаются глагольные основы самого разного вида. Представленные в словаре Г. Рикса (LIV²) глагольные корни отчетливее всего отражают противопоставление аориста, презенса и перфекта. При этом сами «корни» демонстрируют удивительное структурное разнообразие, заставляющее в рамках теории Э. Бенвениста о биконсонантном корне (Бенвенист 1955) выделять расширитель корня – морфему, точное значение которой в составе основы установить до сих пор не удастся. Сопоставление форм в рамках одного засвидетельствованного языка дает слишком мало, поскольку позднейшие функциональные изменения затем-

² Смена корневого гласного в этой основе подробно представлена в работах Л. Г. Герценберга (Герценберг 2010) и А. С. Николаева (Николаев 2010).

няют первоначальные противопоставления. Установить прямую корреляцию между расширителем корня и его возможным грамматическим значением исключительно трудно, поскольку само противопоставление относится к грамматике намного более раннего языкового состояния, уже переосмысленного в засвидетельствованных языках.

Поэтому и сами оппозиции непродуктивных реликтовых морфем имеют меньшую эвристическую ценность, нежели оппозиции продуктивных морфем, отражающие важные для строя языка оппозиции языковых категорий. Анализ расширителей корня затруднен во многих отношениях: помимо того, что в настоящее время не удастся соотнести расширители с грамматическим значением и, тем более, выстроить оппозицию этих значений, у нас нет даже ответа на вопрос о числе членов искомой оппозиции, т. е. можем ли мы ограничиться тернарной оппозицией, или должны предполагать наличие значительно большего числа противопоставлений.

Первым шагом в такого рода исследованиях, безусловно, должно стать собирание материала по чисто формальным признакам и его интерпретация на основе как филологических, так и общих грамматических подходов. Наличие двух замечательных справочников по глагольным и именным корням (LIV²; Wodtke et al. 2008) дает основу для исследования расширителей корня и делает его более надежным, одновременно подразумевая необходимость в пополнении и расширении материалов, которые используются в настоящее время для реконструкции и.-е. глагольных основ. В данной статье предлагается расширить состав корневых морфем, в которых, как представляется, может быть выделен древний расширитель корня -bh-.

Список сложных по своей структуре корней с исходом на -b^h- представлен в LIV² примерами, из которых только 10 (*skab^h-, *d^heb^h-, *ġeb^h-, *g^heb^h-, *jeb^h-, 1.*neb^h-, 2.*neb^h-, 1.*reb^h-, 2.*reb^h-, *web^h-) можно интерпретировать как часть биконсонантного корня, что при общем числе в 46 корней составляет чуть более 1/5 примеров.

Примеров, в которых были бы видны варианты развития глагольных расширителей корня, не так много, но среди них присутствуют безусловно надежные. Греческое ἀλοιφάω явно представляет собой производное от ἀλοιφή ‘мазь’, являясь, тем самым, деноминативным глаголом, в свою очередь восходящим

к основе, засвидетельствованной в глаголе ἀλίνω, который содержит суффикс -n-.

Наряду с редким ἀλίνω³, который находит точное соответствие в латинском *lino* (Etnout-Meillet 361) на всем протяжении истории греческого языка продолжает существовать и глагол ἀλείφω. Форма перфекта ἀλήλιφα прямо говорит в пользу необходимости восстанавливать ларингальный в начале корня: ἀλήλιφα < *H₂le-H₂li-bh-. Перфектные формы с нулевой ступенью хорошо известны уже в микенском, ср. *te-tu-ko-wo-a₂* при обычном греческом τέτυχώς с огласовкой, взятой из презентной основы. Нулевая огласовка присутствует и в перфекте интересующего нас глагола ἀλείφω, причем в исключительно древней форме, образованной еще до падения ларингальных.

Уже в микенское время в текстах засвидетельствовано отглагольное прилагательное на *-tos в форме *e-na-ri-po-to* во фрагменте таблички из Кносса (KN Sg 884 *Je-na-ri-po-to CAPS*), где контекст представлен только идеограммой, обозначающей кузов колесницы, что не противоречит идее намазывания и полировки, так что интерпретация *e-na-ri-po-to* как /en-aliptos/ принимается фактически всеми исследователями⁴. При этом отмечается соответствие этой формы ионийско-аттическому ἐν-άλειπτος с иной огласовкой корня. Форма представлена в Гиппократовом корпусе со значением 'намазать мазью', а контекст из Аристотеля показывает возможное семантическое развитие к значению 'наносить краску', 'заниматься живописью', 'красить' (Aristot. Poet. 1450b 1):

ἀρχὴ μὲν οὖν καὶ οἶον, ψυχὴ ὁ μῦθος τῆς τραγῳδίας, δεύτερον δὲ τὰ ἥθη (παρὰ πλῆσιον γὰρ ἔστιν καὶ ἐπὶ τῆς γραφικῆς εἰ γάρ τις ἐναλείψει τοῖς καλλίστοις φαρμάκοις χύδην, οὐκ ἂν ὁμοίως εὐφράνειεν καὶ λευκογραφήσας εἰκόνα) ἔστιν τε μίμησις πράξεως καὶ διὰ ταύτην μάλιστα τῶν πραττόντων.

Ср.: Aristot. De gener. animal. 743b 24: ἅπαντα δὲ ταῖς περιγραφαῖς διορίζεται πρότερον, ὕστερον δὲ λαμβάνει τὰ χρώματα

³ Известно из глосс Гесихия ἀλινεῖν (leg. ἀλίνειν)· ἀλείφειν и ἀλῖναι· ἐπαλείψαι, а также благодаря слову ἄλινσις в эпидаврской надписи IG 4. 1484.39, которое соответствует ἄλείψις (LSJ: 66).

⁴ Других интерпретаций для данной формы не предлагалось, ср. DMic: I, 217, передающее единое мнение крупнейших микенологов, начиная с указания на Docs²: 392, 543, грамматику Вильборга (Vilborg 1961: 48, 64) и Lejeune Mémoires III 315. Единственная работа, которая упомянута в справочнике Repertorio 1998, это статья Berrettoni 1970: 55.

καὶ τὰς μαλακότητος καὶ τὰς σκληρότητας, ἀτεχνῶς ὥσπερ ἂν ὑπὸ ζωγράφου τῆς φύσεως δημιουργούμενα· καὶ γὰρ οἱ γραφεῖς ὑπογράψαντες ταῖς γραμμαῖς οὕτως ἐναλείφουσι τοῖς χρώμασι τὸ ζῶον.

Как можно видеть, в презенсе присутствуют как нулевая огласовка (отмеченная уже в микенском), так и полная презентная. Посмотрим, как распределяются эти формы:

глагольные основы	нулевая ступень огласовки	полная ступень огласовки
Praesens	<i>e-na-ri-po-to /en-aliph-tos/</i>	ἀλείφω, ἐν-ἀλείπτος
Perfectum	ἀλήλιφα < *H ₂ le-H ₂ li-bh- ἀλήλιμμαι	
Aoristus	ἔξ-ηλίφην (Plato)	эп. ἄλειψα, ион.-атт. ῥλειψα

Совершенно очевидно, что «правильная» презентная форма послужила основой для регулярного образования как формы футурума, так и формы сигматического аориста, причем последняя обнаруживается уже в языке гомеровского эпоса: ἀλείφω – ἄλειψα / ῥλειψα.

Огласовка корня *-oi-* в перфекте не встречается, зато представлена в отглагольных формах имен существительных ἀλοιφή ‘мазь, краска’, ‘намазывание’, ‘притирание’ и ‘затертое место’, а также производные от него ἀλοιφαῖος, -α, -ον ‘для натираия’ и τὸ ἀλοιφεῖον ‘помещение для намазывания’ и даже производный от них глагол ἀλοιφάω. Общее словообразовательное значение восстанавливается как «anything with which one can smear or anoint; esp. hog's lard, grease, either in carcase Il. 9.208, or when melted for use, 17, 390» (LSJ: s.v ἀλοιφαῖος).

При этом слово ἀλείφαρ п. имеет иную огласовку корня. Следует обратить внимание на его древность: оно изменяется по гетероклитическому склонению (ἀλείφαρ, ἀλείφατος п.).

Латинский глагол *lino* восстанавливается в статье М. Кюммеля (LIV²: 277–278) как содержащий аористную основу *H₂léiH_x-/*H₂liH_x-⁵, к которой восходит презентная основа H₂li-né/n-H_x-. Презентная основа восстанавливается на основе трех традиций: греческой ἀλίνειν· ἀλείφειν (Hsch.)⁶, латинской

⁵ Со знаком вопроса, поскольку хеттская форма *halina* свидетельствует против восстановления начального H₂.

⁶ Любопытно, что М. Кюммель не упоминает рукописную традицию, дающую форму ἀλινεῖν, хотя именно она (а не исправленная

linō, -ere ‘beschmieren’ и кельтской в др.-ирл. *lenaid* ‘fogt’, валл. *llyn* ‘beflecken’ при *ed-lyn* ‘beschmieren’, в то время как аорист – единственно на основании лат. *lēuī* ‘beschmierte’, для которой предполагается развитие $*H_2leiH- > *leia- > lē-$, поскольку дифтонг $*ei$ в латинском языке регулярно отражается как $\bar{i}$. Статья М. Кюммеля во многом повторяет мнение Г. Рикса (Rix 1995: 404): «9. *line-re* (*lēvī*, *litum* [mit $\bar{i}$ nach *linere*]) ‘beschmieren’ für $*li-na- < H_2li-n-H_x-(mes)$ im griech. ἀλίν-ειν ‘schmieren’, air. *lenaid* ‘fogt $< *klebt$ an’ (as. *lenaimm* ‘besudle’ $< *eks-linā-m$, Typ *appellāre*); Wurzel $*H_2leiH_x-$ in lat. *līmus* ‘Schlamm’, ahd. *leim* ‘Lehm’ $< *H_2leiH_x-mo-s$ ».

Любопытно, что Рикс не поместил указания на глагольные производные, демонстрирующие, что корень $*H_2lei-H_x-$ способен выступать и с иным суффиксом, т. е. в форме $*H_2lei-bh-$, хотя включил именные производные *līmus* etc. Характерно, что за единичными исключениями все корни структуры $*CCeRb^h$ -реконструируются LIV со знаком вопроса, причем некоторые из них засвидетельствованы только в одном языке. Совершенно очевидно, что материал здесь далеко не полон, в частности, данные греческого языка учтены совершенно неудовлетворительно. Так, не попал в LIV корень $*H_2leib^h-$, который нельзя признать за новообразование в пределах греческого языка – перфектная форма сохраняет в полной мере следы закономерного отражения ларингального в удвоении, свидетельствуя о древности данного образования. Представляется необходимым расширить круг корней, отчетливо показывающий наличие в исходе корня фонемы $*b^h-$ и, тем самым, увеличивающий число сложных корней, обладающих этим формантом.

Таким образом, наряду с корнем $*H_2léiH_x-/*H_2liH_x-$ (LIV²: 277–278):

Aor. $*H_2léiH_x-/H_2liH_x-$, лат. *lēuī* ‘beschmierte’;

Praes. $*H_2li-né/n-H_x-$, греч. ἀλινειν· ἀλείφειν (Hsch.), лат. *linō*, -ere ‘beschmieren’, др.-ирл. *lenaid* ‘fogt’, валл. *llyn* ‘beflecken’ при *ed-lyn* ‘beschmieren’,

следует восстанавливать и корень $*H_2leib^h-/*H_2lib^h-$, дописав словарную статью в LIV²:

Redupliziertes Perfectum $*H_2le-H_2li-bh-$, Pf. ind. act. ἀλήλιφα, Pf. ind. med. ἀλήλιμμαι $< *H_2le-H_2li-bh-mH_2i$;

издателями ἀλινειν) более соответствует восстанавливаемому им акцентно-аблаутному типу гистеродинамической парадигмы.

Neubildung sigmatisches Aor. *H₂léib^h-s-m̥, gr. Aor. ἄλειψα (Hom.), ion.-att. ἤλειψα.

Связь ἄλειψω и ἄλινω для всех очевидна (Beekes 2010: 65), однако глагольный расширитель *-bh- встречается и в менее очевидных случаях.

Согласно словарю Беекеса, греческий глагол διφάω ‘искать’ представляет собой заимствование из догреческого субстрата (Beekes 2010: 341). Эта формулировка сменила старое представление о том, что глагол не имеет этимологии (Chantraine 1968: 287) и почти ничего не добавила к интерпретации. Нет никаких сомнений, что слово δίφας ‘a kind of serpent’, обозначение змеи словами δίβαν и δίφατον могут интерпретироваться как содержащие чередование, свойственное догреческому субстрату (Furnée 1972), однако семантическая связь идеи поиска с представлением о змее остается без объяснения.

Сам глагол со значением ‘искать’ от такого сопоставления яснее не становится, а между тем в греческом языке он достаточно укоренен, ср. целый ряд производных от него приставочных глаголов (διφάω ~ ἀναδιφάω ~ ἐκδιφάω), а также аристофановский окказионализм ἐρεβοδιφάω⁷, который был вполне понятен зрителям комедии. Представлены и именные производные от данного глагола, такие как διφάλεος (Hymn. Is. 10) ‘ищущий’, διφήτωρ (Opp. H. 2.435) ‘исследователь’.

Разброс форм данного глагола по диалектам также достаточно велик: гомеровское διφάω и ионийское διφέω (AP 9, 559) свидетельствует о его укорененности в поэзии. Глагол засвидетельствован в поэмах Гесиода (Hesiod. Op. 374), у Каллимаха (Callimach. Epigr. 31, 2; Aetia fr 1, 13–22), а также в прозе – в «Истории» Геродота (Hdt. 7. 78) и в «Характерах» Феофраста.

Единственное употребление глагола διφάω у Гомера (II. 16. 747) относится к эпизоду, в котором, сбросив метким ударом камня возницу Кебриона с колесницы, Патрокл сравнивает его с ныряльщиком, который погружается в море в поисках устриц (схолий V дает толкование к διφῶν причастие ψηλαφῶν – Ebeling 312):

εἰ δὴ που καὶ πόντῳ ἐν ἰχθυόεντι γένοιτο,
πολλοὺς ἂν κορέσειεν ἀνὴρ ὅδε τήθεα διφῶν
νηὸς ἀποθρόσκων, εἰ καὶ δυσπήμελος εἴη,
ὥς νῦν ἐν πεδίῳ ἐξ ἵππων ῥεῖα κυβιστᾷ.

⁷ Aristoph. Nubes, 192 οἱτοὶ δ' ἐρεβοδιφῶσιν ὑπὸ τὸν Τάρταρον.
‘Они глубины Тартара исследуют’ (пер. А. Пиотровского).

‘Если бы он находился и на море, рыбой обильном,
Многих бы мог удовольствовать, устриц ища, для которых
Прядал бы он с корабля, не смотря, что и море сердито.
Как он, будучи на поле, быстро нырнул с колесницы!’

(Перевод Н. И. Гнедича)

С той же идеей поиска связан и контекст у Гесиода (Hesiod. Op. 374):

μηδὲ γυνή σε νόον πυγιστόλος ἐξαπατάτω
αἰμύλα κωτίλλουσα, τεῖν διφῶσα καλήν·
ὃς δὲ γυναικὶ πέποιθε, πέποιθ' ὃ γε φιλήτησιν.

Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.

Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит

(букв. ищущая твой амбар).

Верит поистине вору ночному, кто женщине верит!

(Перевод В. В. Вересаева)

Идея тщательного поиска представлена в «Характерах» Теофраста (Theophr. Charact. 10, 6):

καὶ τῆς γυναικὸς ἐκβαλοῦσης τρίχαλκον οἷος μεταφέρειν τὰ σκεύη
καὶ τὰς κλῖνας καὶ τὰς κιβωτοὺς καὶ διφᾶν τὰ καλύμματα.

Оброни только его жена медяк, он готов отодвинуть всю утварь,
кровати и сундуки в доме и обшарить весь дощатый пол.

(Перевод Г. А. Стратановского).

В «Мимиямбах» Герода тот же глагол встречается с приставкой ἐξ- в значении ‘искать, домогаться’ в контексте, когда продавец добивается выгодной цены (Herod. 7, 78):

МН. τί τονθορύζεις κοῦκ ἐλευθέρῃ γλάσσει
τὸν τίμον ὅστις ἐστὶν ἐξεδίφησας;

КЕ. γύναι, μὴς μὴς ἐστὶν ἄξιον τοῦτο
ὃ ζεῦγος ἢ ἄνω 'σ<τ>' ἢ κάτω βλέπειν· χαλκοῦ
ρίνημ' ὃ δῆκοντ' ἐστὶ τῆς Ἀθηναίης
ὠνευμένης αὐτῆς ἂν οὐκ ἀποστάξαι.

МЕТРО Чего бормочешь зря, – ты говори толком,
Что взять хотел бы сам

(букв. чего ты добиваешься, ищешь) за сапоги эти?

КЕРДОН Не меньше мины, женщина, цена паре,
85 Хотя б глядела ты иль в небо, иль в землю!
Сама Афина если б покупать стала,
И то не скинул бы ей я ни полгроша!

(Перевод Г. Ф. Церетели)

Гласный *a* в исходе основы нуждается в объяснении, которое не обязательно должно быть связано с деноминативностью глагола. Действительно, в микенскую эпоху у нас есть форма, которая ни в коей мере не является деноминативной *te-re-ja-e* от глагола *τελέω* или *τερέω* < **ter/l-es-a-sen* (DMic: 336–337). Единственная аористная форма от глагола *διφάω* представлена глоссой Гесихия *δειφήσαντες· ψηλαφήσαντες*. Hesych.

Гесихий (если форма представляет собой древнее образование) отражает обозначение долгого корневого гласного с помощью диграфа *ει*. Тем самым мы имеем с точки зрения греческого языка корень с обычным для деноминативных глаголов расширением: *διφ-α-*, однако на более глубинном уровне ситуация резко меняется, в том числе и потому, что формант *-φ* известен в греческом языке в глагольных основах, как видно на примере *ἀλείφω*. Очевидно, что в обоих случаях возможно отделить суффиксальное **-bh-* от основы корня. В греческом языке легко находится и родственный глагол с тем же значением ‘искать’. Это глагол *δίζημαι*, который встречается в презенсе в формах 1 и 2 л. ед. ч. *δίζημαι* и *δίζηαι* < **di-djH₂-soi* и 3 мн. ч. *δίζηνται* начиная с Гомера со значением искать и помогать, ср. *νόστον ἑταίροισι διζήμενος ἦδ’ ἐμοὶ αὐτῷ* ‘devising means for a return’ (Od. 23, 253), собственно ‘искать способов вернуться’.

Уже можно считать принятым (ср. LSJ: 427) мнение о связи этой редуцированной формы с глаголом *ζητέω*. С точки зрения словообразования этот деноминативный глагол должен восходить к причастию на **-to-* от того же корня в той же нулевой ступени: **djH₂-tō-*. То же образование лежит и в основе существительного *δίζησις*, *ἑως* f., которое должно восходить к **di-djH₂-ti-s*, **di-djH₂-tēi-os*. К тому же корню должен относиться и тематический глагол *δίζω* < **di-djH₂-o/e-*.

Особый случай представляет собой группа слов *ζαμιά*, *ζαμιάω*, *ζαμióω* со значением ‘взыскивать, наказывать’, которые давно сопоставляются с *ζῆλος*, *ζητέω*, но для которых детали формы неясны (Chantraine 1933: 81).

Мне представляется, что и в этом случае возможно реконструировать глагольную основу от корня **dej-o/e-* с несколькими вариантами расширителя корня.

Литература

- Бенвенист 1955 – Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Герценберг 2010 – Краткое введение в индоевропеистику. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Казанский 1988 – К реконструкции категории падежа в праиндоевропейском // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л.: Наука, 1988. С. 115–130.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Николаев 2010 – Николаев А. С. Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб., 2010.
- Тронский 2001 – И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2-е дополненное издание. Подготовили А. В. Грошева, М. Л. Кисилиер, Е. Р. Крючкова, Н. Н. Надель. Послесловие Н. Н. Казанского и А. И. Солопова / Отв. редактор Н. Н. Казанский. М.: Индрик, 2001.
- Beekes 2010 – Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Berrettoni 1970 – Berrettoni P. Il lessico tecnico del I e III libro delle Epidemie ippocratiche // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. 1970. Vol. 39. P. 27–106; 217–311.
- Chantraine, DELG – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968–1980.
- Chantraine 1933 – Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
- DMic – Aura Jorro F. Diccionario Micénico. Vol. I–II. Madrid, 1985–1993.
- Docs² – Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2-nd ed. Cambridge: CUP, 1973.
- Ebeling – Ebeling H. (ed.) Lexicon Homericum. Vol. I–II. Lipsiae; Londini; Parisiis, 1885.
- Ernout, Meillet – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique Paris, 2001.
- Furnée 1972 – Furnée E. J. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen mit einen Appendix über den Vokalismus. The Hague; Paris: Mouton, 1972.
- Lejeune Mémoires – Lejeune M. Mémoires de philologie mycénienne (3ème série). Roma, 1972.
- LIV² – Lexikon der indogermanischen Verben. 2 Aufl. Unter Leitung von Helmut Rix. Wiesbaden, 2001.
- LSJ – A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddel, R. Scott, rev. by H. S. Jones. Oxford, 1968.

- Repertorio 1998 – Colera P. B. et al. Repertorio bibliografico de la lexicografia Griega. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1998.
- Rix 1995 – Rix H. Einige lateinische Präsensstammbildungen zu Set-Würzeln // Kurylowicz Memorial Volume. Part I / Ed. by W. Smoczyński. Crakow: Universitas, 1995. P. 399–408.
- Vilborg 1961 – Vilborg E. A Tentative Grammar of Mycenaean Greek. Goteborg, 1961.
- Wodtko et al. 2008 – Wodtko D. S., Irslinger B, Schneider C. Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Winter, 2008.

N. N. Kazansky. Indo-European root extender *-b^h- as rendered in Ancient Greek (Gk. ἀλείφω and διφάω ~ δίζημαι)

This paper argues on the basis of Grk. ἀλείφω that the Indo-European root should be reconstructed in two forms: as a simple root *H₂léiH_x- / *H₂liH_x- and as an extended root *H₂léib^h- / *H₂lib^h-. The presence of the same extender -b^h- may be detected in Gk. διφάω.

Keywords: the structure of IE roots, root extentions, расширители корня, Ancient Greek.

СТАРОЛАТИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В РИМСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В статье рассматривается бытование переводов Священного Писания в Северной Африке, имеющей свою независимую традицию. Автор анализирует историографию вопроса, уделяя внимание проблеме распространения латинского и греческого языков в регионе, а также принципиальному вопросу существования латинского списка Библии. Ввиду отрывочности наших сведений, невозможно утверждать о существовании текста Писания в тот период, что, однако, по мнению автора, отражает специфику восприятия текста в регионе: Евангелие не выполняет там вероучительную функцию, как на Востоке Империи.

Ключевые слова: Священное Писание, Арнобий, Северная Африка, Киприан, Тертуллиан, агиография.

Вопрос о происхождении ранних латинских переводов Священного Писания в высшей степени непростой¹. Речь в данном случае идет о тех переводах, которые появлялись до Вульгаты Иеронима. С уверенностью нельзя говорить ни о времени их осуществления, ни о регионе происхождения, ни об их количестве². Как с горечью замечает Б. М. Мецгер, церковная традиция не сохранила даже памяти об этом величайшем событии (Мецгер 2002: 306.). Нет среди ученых единства и относительно того, был ли сделан перевод всей Библии или только Нового Завета, или лишь отдельных книг последнего (Vöbbus 1954: 35–37; Elliott 1992: 199). Действительно, в настоящее время не известна ни одна рукопись, которая бы содержала полный перевод хотя бы Нового Завета, выполненный в доиеронимово время.

¹ На рубеже XIX–XX вв. исследователями ранних переводов Библии на латинский язык была проделана огромная работа; многие из этих исследований сохраняют актуальность до настоящего времени и активно цитируются в современной историографии (Rönsch 1875; Ziggler 1879; Burkitt 1896).

² Как справедливо замечает Д. Паркер, далеко не все фрагменты манускриптов, которые принято считать древнелатинскими, обязательно имеют более раннее происхождение, чем Вульгата Иероним (Parker 2008: 57).

В рамках данного небольшого исследования мы не будем касаться всего комплекса источников старолатинской библеистики, но сосредоточимся лишь на тех из них, которые, как считается, происходят из римской Северной Африки. Выбор в данном случае неслучаен. Во-первых, большинство современных ученых согласно с тем, что в Африке была своя традиция библейских переводов, более ранняя, чем европейская, частично дошедшая до нас во фрагментах манускриптов Боббионского кодекса, кодекса Палатинус и палимпсеста Флери (Birdsall 1975: 371). Во-вторых, именно в трудах африканцев, Тертуллиана и Киприана, содержатся библейские цитаты, несомненно, восходящие к старолатинским переводам. Наконец, корпус африканских источников, в том числе агиографических, в силу своей репрезентативности, позволяет более широко взглянуть на проблему отношения к тексту Писания на Западе в доконстантиновскую эпоху и попробовать ответить на вопрос, почему же столь поздно здесь появляется полный перевод Библии.

Предваряя изложение, заметим, что в настоящее время два взгляда на раннелатинскую библеистику остаются авторитетными. Первый, получивший развитие в фундаментальных работах Я. Х. Петцера предполагает существование оригинального перевода, вероятно, африканского происхождения, цитаты из которого приводят Киприан и Псевдо-Киприан, и на основании которого появились все последующие, в том числе европейские, переводы (Petzer 1995: 114–115). Другая точка зрения предполагает, что корпус *Vetus Latina* следует разделять на африканские (*Vetus Afra*) и итальянские или европейские (*Vetus Itala*) варианты, возникшие независимо друг от друга (Conte 1999: 598). В данной дискуссии мы будем придерживаться второй точки зрения, поскольку аргументы, демонстрирующие решительное влияние африканского перевода на европейские представляются недостаточно убедительными.

Упоминания в источниках о латинских переводах Библии немногочисленны. Самое известное из них содержится у Августина, где он отмечает, что перевод «Итала» должен быть предпочтен остальным (Aug. *De Doct. Christ.*, II, 22)³. Впрочем, здесь мы вынуждены согласиться с Ф. Бартоном, что ценность этого свидетельства невелика (Barton 2000: 5). Помимо того,

³ Развернутый комментарий этого фрагмента см. Augustine 2001: XXX–XXXI.

достаточно сложно установить, какой именно перевод у Августина скрывается за термином «Итала», поскольку другими христианами авторами это название не используется. Не ясно, содержала ли «Итала» перевод всей Библии или только какой-то её части. Наконец, Августин ничего не говорит о происхождении «Италы». Как замечает Б. Уэскотт, нельзя точно сказать, какая версия подразумевается: африканская, итальянская или галльская (Westcott 1875: 64).

Другой не менее известный сюжет содержится в «Актах мучеников Скилии». Во время допроса группы христиан из этого небольшого африканского города, проконсул Сатурнин интересуется, что содержится в их ящичке (*capsa*), на что лидер христиан Сперат отвечает: «Книги и послания Павла, мужа праведного» (*Act. Mart. Scil. 12*)⁴. Ряд ученых полагают, что в данном случае речь идет о самом раннем известном латинском переводе Евангелий и посланий ап. Павла⁵. Заметим, что, не смотря на то, что в течение полутора столетий было высказано множество доводов, подтверждающих или опровергающих это предположение, сам текст «Актов» не содержит надежных данных для разрешения этого вопроса. На наш взгляд, за отсутствием веских аргументов в пользу появления в Скилии латинского перевода частей Нового Завета, к числу которых можно отнести какое-либо упоминание или цитирование его позднее, можно полагать, что в руках местных христиан был все же греческий оригинал. Как отмечает Ф. Бартон, если бы в Африке на рубеже II–III вв. существовал какой-либо латинский перевод Нового Завета, то Тертуллиан неминуемо бы упомянул об этом, тем не менее, этого не происходит (Burton 2013: 177–178).

Существует точка зрения, что сам Тертуллиан выступил переводчиком всего Нового Завета, или, по крайней мере, посланий Павла и Книги деяний (Elliott 1992: 201). Однако цитаты отдельных фрагментов Писания, которые он приводит, во-первых, различаются между собой, а, во-вторых, не соотносятся

⁴ Saturninus proconsul dixit: «Quae sunt res in capsula vestra?» Speratus dixit: «Libri et epistulae Pauli viri iusti».

⁵ Подчас одни и те же предпосылки приводили к совершенно противоположным выводам, так одни авторы полагали, что поскольку христиане Скилии были недостаточно образованы, они не могли читать по-гречески (Мецгер 2002: 309; Elliott 1992: 199), другие по тем же причинам указывали, что Сперат и его товарищи не могли сделать перевод (Болотов 1903: 33–35).

ни с одним известным текстом рукописей. В связи с этим, существует и обратное мнение, что Тертуллиан вообще часто не пользуется текстом Писания, а цитирует Библию по памяти, делая свой собственный вольный перевод (Birdsall 1975: 370). На эту «текстологическую небрежность» мы бы хотели обратить внимание, ибо она найдет отражение и в других африканских памятниках.

Пожалуй, впервые мы можем говорить уверенно о появлении в Африке латинских переводов Библии, опираясь на послания Киприана (Burkitt 1896: 25–28). В частности набор цитат, которые он активно приводит, позволяют утверждать, что он пользовался текстом, близким к сохранившемуся в Боббионском кодексе (Petzer 1995: 121). Строго говоря, не смотря на то, что эту версию перевода принято считать африканской, о ней нельзя сказать ничего более определенного: ни где был сделан перевод, ни в какое время. Можно лишь предположить – вероятнее всего, в Карфагене, поскольку, как будет отмечено позднее, за пределами Проконсульской Африки, текст этот почти не встречается. Отличительной особенностью этого варианта перевода является более чистая классическая латынь, уровень которой заметно снижается уже в последующих текстах. Состав этого кодекса не до конца ясен, по всей видимости, он содержал четыре канонических Евангелия, Книгу деяний, и часть посланий ап. Павла. Кроме того, как отмечает К. Морманн, особенностью этих переводов стала выработка специального терминологического языка, который позднее вошел во все варианты латинской Библии (Mohrmann 1947: 1–2).

Однако в других африканских источниках цитирование Библии весьма незначительно по объему. Это касается агиографических памятников, которые составляют значительную часть африканской литературы. На них следует остановиться отдельно. Первое, что важно заметить – африканская агиография не следует традициям библейской эрудиции не только греческого Востока, но и христианских писателей Запада. В том случае, когда Пионий, пресвитер из Смирны, пострадавший, как считается, в преследование Деция, прибегает к обширным цитатам в своих защитительных речах, его младшие современники из Северной Африки – Мариан и Иаков, Монтан и Луций – весьма сдержанно обращаются к Писанию. Редким исключением является «Мученичество Максимы, Секунды и Донатиллы» (*Passio Maximaе, Secundaе et Donatillaе*), где девушки на допросе

проконсула достаточно точно оперируют библейскими цитатами, однако данный памятник, как принято считать, подвергся значительной редакторской правке.

Итак, ситуация, которую иллюстрируют наши источники, противоречива. С одной стороны мы располагаем свидетельствами, существования в Африке уже III в. латинских переводов Библии, с другой, их содержание и структура весьма туманны. Но ведь именно в Африке, в отличие от Рима, сама потребность в латинской Библии ощущалась в силу того, что греческий язык не получил здесь должного распространения. В Африке не было другого языка, кроме латинского, на котором говорило бы подавляющее большинство населения. В этом смысле африканская церковь отличалась от римской. Греческий был общеупотребимым языком в среде римских интеллектуалов, о чем говорят языческие авторы (Jun. Sat. III, 60; Mart. Epigr. XIV, 58). Климент Римский, Юстин Мученик, Игнатий Антиохийский пишут в столице Империи по-гречески, греческим языком продолжают пользоваться Ипполит и Корнелий (Elliott 1992: 200; Lang 2010: 26.). Только в середине III в. Новациан начинает писать из Рима на латыни (Мецгер 2002: 307)⁶. Использование греческого подтверждают и эпиграфические источники (Caspari 1875: 456–457; Lafferty 2003: 21–62). Очевидно столь же продолжительное время римская литургия также служилась по-гречески⁷. По мнению ряда исследователей, последовавший затем переход на латынь происходил под влиянием африканских еднотверцев (La Piana 1925: 231). Трудно сказать, служилась ли в Африке когда-либо литургия по-гречески⁸. Источники напрямую не сообщают об этом, однако, принимая во внимание то, что мы склонны рассматривать «малоазийскую версию» появления христианства в Африке, можно предположить, что в начальный период какая-то часть литургии служилась на греческом

⁶ По свидетельству Иеронима, римский епископ Виктор, живший в правление Септимия Севера, написал несколько богословских трудов на латыни; сами труды не сохранились (Hier. De vir. ill., 34; 53).

⁷ Подробно это вопрос разобран в работах: Westcott 1896: 215–216; Steimer 1992; Lang 2010: 26–34.

⁸ Вопрос о языке ранней африканской церкви значительное время дискутируется в историографии. Первоначально исследователи отдавали приоритет латинскому языку (Caspari 1875: 266–466; Schürer 1894: 10). Им возражали другие авторы (Aubé 1881: 13; Болотов 1903: 29–30). В позднейших работах, авторы приходят к заключению, что греческий язык литургии очень быстро был вытеснен латынью.

языке, однако достаточно скоро эта двуязычная практика прекратилась. Таким образом, потребность в латинской Библии должна была ощущаться в Африке достаточно рано, ведь текст Евангелия требовался и для литургической жизни, и для миссионерской деятельности. Тем не менее, за рядом исключений, касающихся писаний христианских интеллектуалов, мы не видим повсеместного распространения переводов Писания в африканских провинциях. По всей видимости, здесь кроется одна из важных особенностей местной христианской общины. Если на Востоке текст Евангелия выполнял вероучительную функцию, то в Африке этого нет.

Иными словами, важной для африканской Церкви была именно практическая сторона христианского учения. Не случайно, на Западе столь широкое распространение получили дисциплинарные ереси – здесь играла роль не точность исповедания веры, а деятельное подражание Христу. Поэтому в Африке роль миссионерских текстов выполняли «Мученичества», а не Евангелие. Примером, хорошо иллюстрирующим этот тезис, может служить апология Арнобия «Семь книг против язычников». Этот текст вообще необычен для христианской литературы. Как свидетельствует Иероним, он был составлен выдающимся преподавателем риторики из Сикки, во время катехумената последнего по просьбе местного епископа. Итак, христианский апологет весьма поверхностно знаком с Новым Заветом и с подозрением относится к Ветхому. Последний упоминается единожды как Писания иудеев (*Judaeorum litterae*) и характеризуется весьма отрицательно (Agnob. Adv. nat., III, 12). Книги нового завета от также указывает весьма поверхностно, называя их «наши писания» (*nostrae litterae, nostra scripta*) (Agnob. Adv. nat., III, 12). Исследователями высказывалась точка зрения, что, поскольку обращение Арнобия проходило в период Великого гонения, книги Библии были ему недоступны, но представляется, что дело все же в другом. Центральным сюжетом апологии выступает гнев Божий на недостойность человеческой природы, ее несовершенство и, как следствие, необходимость страдания для возвышения души (Тюленев 2013: 26). Таким образом, Арнобий с чистым взглядом катехумена достаточно точно определяет место Писания и агиографии в христианской культуре Северной Африки.

Литература

- Болотов 1903 – Болотов В. В. I. Гонения на христиан при Нероне. II. Къ вопросу объ Acta Martyrum Scilitanorum. СПб., 1903.
- Мецгер 2002 – Мецгер Б. М. Ранние переводы Нового Завета: Их источники, передача, ограничения / Пер. с англ. С. Бабкиной. М., 2002.
- Тюленев 2013 – Тюленев В. М. Арнобий Старий – христианский апологет, полемист и мыслитель // Арнобий Старший. Против язычников в семи книгах / Пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб., 2013. С. 5–38.
- Aubé 1881 – Aubé B. Étude sur un nouveau texte des actes des martyrs Scillitains. Paris, 1881.
- Augustine 2001 – Augustine. De Bono Coniugali De Sancta Uirginitate / P. G. Walsh (ed.). Oxford; New York, 2001.
- Barton 2000 – Barton P. The Old Latin Gospels: A Study of their Texts and Language. Oxford, 2000.
- Birdsall 1975 – Birdsall J. N. The New Testament Text // The Cambridge History of the Bible. Vol. 1: From the Beginnings to Jerome / P. R. Ackroyd, C. F. Evans (ed.). Cambridge, 1975.
- Burkitt 1896 – Burkitt F. C. The Old Latin and the Itala. Cambridge, 1896.
- Burton 2013 – Burton P. The Latin Verrson of the New Testament // The Text of the New Testament in Contemporary Research: Essays on the Status Quaestionis / B. D. Ehrman, M. W. Holmes (ed); 2nd ed. Leiden, 2013. P. 167–200.
- Caspari 1875 – Caspari C. P. Ungedruckte, unbeachtete und wenig beachtete Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel. Bd. 3. Christiania, 1875.
- Conte 1999 – Conte G. B. Latin Literature: A History / J. B. Solodow (trans.). Baltimore, 1999.
- Elliott 1992 – Elliott J. K. The Translations of the New Testament into Latin: The Old Latin and the Vulgate // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 1992. Bd. 2. N 26.1. S. 198–245.
- La Piana 1925 – La Piana G. The Roman Church at the End of the Second Century // Harvard Theological Review. 1925. Vol. 18. P. 201–277.
- Lafferty 2003 – Lafferty M. K. Translating Faith from Greek to Latin: Romanitas and Christianitas in Late Fourth Century Rome and Milan // Journal of Early Christian Studies. 2003. N 11. P. 21–62.
- Lang 2010 – Lang U. M. Rhetoric of Salvation: The Origins of Latin as the Language of the Roman Liturgy // The Genius of the Roman Rite: Historical, Theological, and Pastoral Perspectives on Catholic Liturgy / U. M. Lang (ed.). Chicago, 2010. P. 22–44.
- Mohrmann 1947 – Mohrmann C. Le latin commun et le latin des Chrétiens // Vigiliae Christianae. 1947. Vol. 1. N 1. P. 1–12.
- Parker 2008 – Parker D. C. An Introduction to the New Testament Manuscripts and their Texts. Cambridge, 2008.
- Petzer 1995 – Petzer J. H. The Latin Version of the New Testament // The Text of the New Testament in Contemporary Research: Essays on the Status Quaestionis / B. D. Ehrman, M. W. Holmes (ed.); 1st ed. Grand Rapids, 1995. P. 113–130.

- Rönsch 1875 – Rönsch H. Itala und Vulgata, das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katholischen Vulgata unter Berücksichtigung der römischen Volkssprache durch Beispiele erläutert / 2e, berichtigte und vermehrte Ausg. Marburg, 1875.
- Schürer 1894 – Schürer E. Die ältesten Christengemeinden im römischen Reiche. Kiel, 1894.
- Steimer 1992 – Steimer B. Vertex Traditionis: Die Gattung der altchristlichen Kirchenordnungen. Berlin; New York, 1992.
- Vööbus 1954 – Vööbus A. Early Versions of the New Testament: Manuscript Studies. Stockholm, 1954.
- Westcott 1875 – Westcott B. F. A General Survey of the History of the Canon of the New Testament during the First Four Centuries / 4th ed. London, 1875.
- Westcott 1896 – Westcott B. F. A General Survey of the History of the Canon of the New Testament / 2nd ed. London, 1896.
- Ziggler 1879 – Ziggler L. Die lateinischen Bibelübersetzungen vor Hieronymus und die Itala des Augustinus: Ein Beitrag Zur Geschichte Der Heiligen Schrift. München, 1879.

A. V. Kargaltsev. Old Latin translations of the Holy Scripture in Roman North Africa

The article discusses the main problems of the early Bible translations into Latin that appeared before the time of Jerome on the example of Roman North Africa. The earliest translations of the Scripture into Latin are believed to appear in North Africa, but it can be safely asserted only for the middle of the 3rd century. The article also provides an explanation of why there was a great need in Latin translations in Africa of that period, and not in Rome.

The main theories about the origin of the Bible translation in North Africa based on the evidence by Augustine and the Acts of the Scilitan Martyrs are described. The value of this evidence should not be overestimated. Despite the long-standing debate in the historiography about the sources, they poorly clarify the matter of the Bible translations.

However, even if the translations had appeared, they would not have spread widely. In small communities outside Carthage, Christians almost did not know the Scripture, nor could they quote it, as it is recorded in hagiographic monuments. In addition, Gospel did not spread beyond the Christian community. As attested by Arnobius who lived in the end of the 3rd century, even catechumens were not familiar with the text, but knew much better about the importance of suffering for their faith.

The article asserts that the lack of interest to the Bible translations is partly caused by the fact that the functions of the Christian message were performed not by the Gospel, but by the example of imitation of Christ's sufferings what is reflected in the rich hagiographic tradition of North Africa.

Keywords: Holy Scripture, Arnobius, North Africa, Cyprian, Tertullian, hagiography.

СИСТЕМА АРТИКЛЕЙ В ГРАММАТИКЕ П. РЕСТО И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК¹

В. Е. Теплов перевел «Новую французскую грамматику сочиненную вопросами и ответами» (1752) с немецкой анонимной «*Neue und vollständige Französische Grammatik*» (1749), которая, в свою очередь, являлась компилятивной работой, в основу которой легли грамматика П. Ресто и работы его предшественников. В настоящей статье мы анализируем главы об артиклях в указанных грамматиках и показываем, как обоснованная французскими грамматистами с формальной и семантической точек зрения четырехчленная система артиклей во французском языке (*articles défini, indéfini, partitif* и *article un, une*) при переводе с французского на немецкий потеряла семантические мотивировки, а при последующем переводе с немецкого на русский – также и формальные.

Ключевые слова: XVIII век, французский язык, артикль, история языкознания, грамматики иностранных языков, Санкт-Петербургская академия наук, В. Е. Теплов.

В 1752 г. в Санкт-Петербургской Академической типографии был напечатан учебник французского языка «Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик» Василия Егоровича Теплова. В. Е. Теплов (род. в 1731 или 1732 г.) учился сначала в академической гимназии, затем за границей, а по возвращении – в академическом университете², после чего был назначен в Ведомственную экспедицию для перевода с немецкого и французского языков известий, публиковавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях» (Кулябко 2010). К работе над «Новой французской грамматикой» В. Е. Теплов приступил в

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-34-01222 «Формирование русской академической грамматической традиции: «Новая французская грамматика» В. Е. Теплова» (рук. Карева Н. В.).

² См. рукописную автобиографию В. Е. Теплова: «бывучи в малолетстве обучался в академической гимназии, на своем коште. В 1742 году ездил в чужие края на своем же коште для обучения, а по возвращении в 1747 году в Санкт-Петербург определен в студенты с жалованьем по сту рублей в год, и был студентом до 1750 году» (СПб филиал Архива РАН, шифр 3.1.2332, л. 38).

1749 г. В июне 1750 г. грамматика была представлена в Академическую канцелярию и после положительного отзыва М. В. Ломоносова (Ломоносов АПС: 9, 628) была отдана в печать. После этого В. Е. Теплов был определен переводчиком в Академию наук с жалованием 250 руб. в год. «Новая французская грамматика» в течение XVIII века была издана четыре раза – в 1752, 1762, 1777 и 1787 гг., причем издания 1762, 1777, 1787 гг. выходили под заглавием «Французская грамматика собранная из разных авторов г. Ресто, а на российский язык переведенная Васильем Тепловым» (СК XVIII: 3, 216–217).

Несмотря на то, что в названии указано, что грамматика «собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик», эта формулировка не свидетельствует о собственной компилятивной деятельности В. Е. Теплова. Название «Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик» дословно повторяет название немецкой анонимной грамматики (возможно, ее автором был И. Шпек, см. Stengel 1890: № 341) «*Neue und vollständige Französische Grammatik in Frag und Antwort abgefasst. Aus dem Französischen des Herrn Restaut und anderen Anmerkungen der besten Französischen Sprachlehrer zusammengetragen*» (Mainz und Frankfurt am Main, 1749), с которой и был осуществлен перевод³. Немецкая грамматика при этом не повторяет грамматику Ресто и не может считаться даже вольным ее переводом, хотя Ресто, по признанию составителя, был основным его источником (Gr 1749: 2). Многие теоретические разделы в ней существенно сокращены, некоторые сведения и методические приемы заимствованы из других французских грамматик – Вожла (Vaugelas 1647), Ришле (Richelet 1694), Ренье-Демарэ (Rénier Demarais 1706), Бюффье (Buffier 1709), Ла Туша (La Touche 1730); грамматическое изложение и использованная в парадигмах и примерах лексика адаптированы для восприятия немецкоязычным читателем. Немецкий составитель, таким образом, не просто переработал французские тексты в соответствии со своими теоретическими представлениями, но привел их в

³ В некоторых библиографических работах текст-источник ошибочно идентифицирован с грамматикой П. Ресто (см., например, СК XVIII: № 7182–7185). Немецкий источник грамматики В. Е. Теплова был известен библиографам XIX в. (см. рукописную карточку в генеральном каталоге НБ СПбГУ), однако затем оказался забыт и лишь недавно был вновь обнаружен С. В. Власовым (Власов 2011: 181).

иные жанровые рамки – **учебной грамматики для иностранцев**. Это обстоятельство, вероятно, сыграло роль при выборе Санкт-Петербургской Академией наук грамматического текста для перевода на русский язык⁴.

Перевод В. Е. Теплова, как правило, очень точно, даже дословно передает немецкий текст. Например, *седиль* в «Новой французской грамматике» так же, как и в «*Neue und vollständige Französische Grammatik*» обозначена описательно: «замеченное с знаком ,» (Теплов 1752: 10), ср. «*das с wenn es mit ,»* (Gr 1749: 7); в то время как у Ресто имеется термин *седиль*: «*on met dessous une espece de с retourné que l'on appelle cedille*» (Restaut 1745: 22). Зависимость от немецкого оригинала в особенности очевидна, когда она приводит к курьезным ошибкам. Так, в параграфе «имена на *tié, tiéme, tier, tiére*» среди примеров: *quatriéme* (Теплов 1752: 17), что дословно повторяет соответствующий пассаж из немецкой грамматики (Gr 1749: 11). В другом случае для слова *fine* («тонкая») в «Новой французской грамматике» дается транскрипция *феинь*, не соответствующая только что приведенному правилу: «[i] просто выговариваются, когда за *in* два *m* или *nn* или какая ни будь гласная литера следует, напр. *immortel* їмортель, бессмертный...» (Теплов 1752: 6). Скорее всего, В. Е. Теплов принял за транскрипцию перевод *fein* в немецком тексте, так как в «*Neue und vollständige Französische Grammatik*» и транскрипция, и перевод даются одинаковым готическим шрифтом, а в данном случае транскрипция пропущена (Gr 1749: 4).

Тем интереснее случаи, когда расхождения русского и немецкого текстов следует объяснять не случайными ошибками или невнимательностью переводчика, но попыткой приспособить текст для русской аудитории. Так, например, в фонетической главе о букве *и* вместо краткого указания в немецком тексте, устанавливающего соответствие французского *и* и немецкого *ii* (Gr 1749: 6), В. Е. Теплов дает следующее пояснение: «понеже

⁴ В 1745 г. И. С. Горлецкий перевел с французского на русский язык грамматику П. Ресто (сохранился ее фрагмент: Ресто 1745); в начале 1749 г. его перевод был одобрен в Историческом Собрании (МийАн 1897: 654, № 778). Однако в 1750 г. К. Ф. Модерахом был представлен перевод В. Е. Теплова с немецкого языка, и этот перевод был признан лучшим. Было приказано печатать перевод Теплова и приложить к нему исправленные диалоги из перевода Горлецкого (МийАн 1900: 643–644).

сей литеры в руском языке не имеется, то должно произношению оныя научиться изустным наставлением» (Теплов 1752: 9). Ориентированную на немецкие языковые реалии характеристику имени прилагательного «da man nicht kan davorsetzen, der, die, das, daß man davon einen richtigen Verstand hätte» (Gr 1749: 17) Теплов заменяет на понятное русскому читателю определение «без прибавления имени существительнаго разуметь не можно» (Теплов 1752: 28), заимствованное из латинской грамматики В. И. Лебедева (Лебедев 1774: 9–10)⁵. Определению глагола, данному в «Neue und vollständige Französische Grammatik», – «Das Verbum ist ein Wort, welches man vornehmlich gebraucht, eine Sache zu bejahen, oder zu vernehmen, oder davon unser Urtheil zu geben» (Gr 1749: 50) – Теплов предпочитает определение из «Немецкой грамматики» М. Шванвица⁶ – «Глагол есть такое слово, которое чрез наклонения, времена, числа и лица спрягается, и значит либо действие, либо страдание» (Шванвиц 1745: 193; Теплов 1752: 78). Все далее имеющиеся в «Neue und vollständige Französische Grammatik» теоретические разделы о том, что такое субъект, свойство, *verbum substantivum* и *verbum adjectivum*, отсутствующие у М. Шванвица, в переводе В. Е. Теплова пропущены⁷.

⁵ В. И. Лебедев, в свою очередь, передает формулировку своего основного источника – «Compendium grammaticae latinae, oder: Kurtzer Auszug aus der größeren Lateinischen Grammatica Marchica» (Compendium 1730: 7; об источниках грамматики Лебедева см. Keipert 1994: 123). Латинская грамматика В. И. Лебедева была издана в XVIII в. восемь раз (1746; 1762; 1769; 1774; 1779; 1789; 1791; 1792), нам было доступно издание 1774 г.

⁶ Грамматика М. Шванвица была впервые напечатана в 1730 г., в подготовке второго переработанного издания 1734 г. принял участие В. Е. Адодуров, а третье издание 1745 г., еще раз переработанное, вышло под редакцией Я. Я. Штелина (СК XVIII: 3, 373). В немецком столбце грамматики Шванвица, так же, как и в «Neue und vollständige Französische Grammatik» (1749), частично использовались латинские термины, которые в параллельном тексте были переданы по-русски, для перевода была использована терминология, выработанная на практике преподавания иностранных языков в Академической гимназии. В дальнейшем эта терминология была использована в латинской грамматике В. Лебедева (1746), французской В. Теплова (1752), итальянской Е. Буланицкого (1759) и др. (Keipert 1987: 74–75).

⁷ Источники дефиниций и русской терминологии В. Е. Теплова станут темой нашего отдельного исследования. Однако уже здесь можно отметить, что В. Е. Теплов едва ли пользовался переводами французских грамматик, выполненных в разное время академическим переводчиком

Изложение системы французских артиклей является более сложным случаем расхождения русского перевода с немецким оригиналом и нуждается в подробном комментарии. Вслед за автором «*Neue und vollständige Französische Grammatik*» В. Е. Теплов оставляет артикль без какой-либо дефиниции. Между тем, функции этой части речи, вполне понятные для немецкоязычного читателя, нуждались в комментариях для читателя русского⁸. Ср., например, определение, данное в грамматике В. Бунина: «Оная часть [член] потому так называется, что на подобие сустава гнаться может, и поставляется пред именем: показывая ево род (*le genre*) число (*le nombre*) и падеж (*le cas*); таким образом французы склоняют имена помощью члена; окончание их не переменяется» (Бунин 1758: 6–7).

Автор «*Neue und vollständige Französische Grammatik*» заимствует у Бюффье (Buffier 1709: 145–169) и Ресто (Restaut 1732: 14–21, 100–102; Restaut 1745: 64–77, 409–426), следующих за Мопя (Maupas 1607), выделение четырех классов артиклей – (1) *article défini*, (2) *article indéfini*, (3) *article partitif* (использовались также термины *indéterminé* или *mitoyen*) и (4) *article un, une* (*articulus unitatis*). В русском переводе В. Е. Теплова они названы (1) *определенный*, (2) *неопределенный*, (3) *частный*, (4) *единственный член*. Эта система была основана на сочетании семантического и формального критериев, что нашло отражение и в немецкой «*Neue und vollständige Französische Grammatik*», и в переводе В. Е. Теплова:

(1) **article défini / определенный член (*le, la*)** склоняется следующим образом: Nom., Acc. *le, la* – Gen., Abl. *du, de la* – Dat. *au, à la* – Voc. *ô*; во мн.ч. Nom., Acc. *les* – Gen., Abl. *des* – Dat. *aux* – Voc. *ô* и сообщает слову индивидуальное или видовое значение. В. Е. Теплов, однако, не различает этих оттенков: «[употребляется,] когда лице или вещь какая точно определяется» (Теплов 1752: 29, 184–188).

И. С. Горлецким (см.: Смирнова 2013: 245–246). Сопоставление сохранившихся фрагментов этих грамматик, хранящихся в Архиве Академии наук и Британской библиотеке, с «Новой французской грамматикой» В. Е. Теплова показывает решительные отличия терминологии Горлицкого от терминологии Теплова (см.: Грамматика французская [ок. 1730]; Начала языка французского 1745; Ресто 1745).

⁸ Тем более что в русском языке, несмотря на отсутствие артикля, имеется семантическая категория определенности/неопределенности, которая выражается иными средствами – лексическими, морфологическими, порядком слов (Гладков 1992).

(2) **article indéfini / неопределенный член** выполняет функцию падежного маркера, не придающего значению имени ни индивидуального, ни видового оттенка; особенность его парадигмы состоит в отсутствии формы номинатива (Nom., Acc. $\emptyset$ – Gen., Abl. *de*, *d'* – Dat. $\grave{a}$ – Voc. $\acute{o}$); также для него характерна ограниченная сочетаемость (чаще ставится при именах собственных и местоимениях). И немецкая грамматика, и перевод В. Е. Теплова сообщают только о формальных особенностях и ничего не говорят о семантике артикля.

(3) **article partitif / частный член (du, de la)** склоняется следующим образом: Nom., Acc. *du*, *de la* – Gen., Abl. *de* – Dat. $\grave{a}$ *du*, $\grave{a}$ *de la*, мн. ч.: Nom., Acc. *des* – Gen. *de* – Dat. $\grave{a}$ *des*. Артикль этот «поставляется, когда не о целой вещи, но токмо о части оная говорится, или когда вещь какая не точно, но вообще упоминается» (Теплов 1752: 32).

(4) **article un, une (a. unitatis) / единственный член** склоняется следующим образом в ед. ч. Nom., Acc. *un*, *une* – Gen., Abl. – *d'un*, *d'une* – Dat. $\grave{a}$ *un*, $\grave{a}$ *une*. Употребляется, согласно «Новой французской грамматике», «когда о какой вещи или лице не точно объявляется, или когда в русском стоит некоторый, некто...» (Теплов 1752: 196–196), то есть, сообщая существительному семантику неопределенности.

Мы видим, что в изложенной системе *de facto* выделены два неопределенных артикля (№ 2 и № 4). Такая непоследовательность объясняется изменениями языкового узуса и инерцией, характерной для грамматических сочинений (Власов 1998). Употребление форм неопределенного местоимения (ст.-франц. *li*, *la*) в качестве определенного артикля характерно уже для самых ранних текстов на французском (Brunot I: 194–195; 232–234; FEW IV: 551–552.); в старофранцузских памятниках также засвидетельствован неопределенный артикль *un*, *une* «некий», образованный от числительного «один» и буквально значивший «один из» (FEW: XIV, 55–56; TLFi s.v. *un*). Однако часто его функцию выполняло отсутствие артикля – особенно при отрицании, сравнении, в вопросительных конструкциях (Brunot I: 234–235). Нестабильность употребления *un*, *une* особенно после предлогов, в дополнениях при существительных сохранялась вплоть до XVI в. (Brunot II: 392–399; Gougenheim 1974: 63–66); напротив, определенный артикль уже употреблялся регулярно, в том числе с абстрактными существительными и топонимами (Brunot II: 386–390). Как отмечает В. Ф. Шишмарев, артикль *un*,

une отставал в своем распространении от определенного артикля, но в XVI в. также превратился в грамматическое служебное слово. (Шишмарев 1952: 48–49).

Появившиеся в то время первые грамматики французского обычно противопоставляли определенный артикль *le, la* отсутствию артикля (Swiggers 1985: 382–385), отставая от узуса, в котором все более закреплялось употребление *un, une* в функции неопределенного артикля (Brunot II: 392). Эта ситуация была кодифицирована лишь в грамматиках второй пол. XVII–XVIII вв. (ср. Арно, Лансло: 115), когда безартиклевое употребление сохранилось лишь за именами собственными и местоимениями (Brunot IV: 763; Власов 1998: 56–57). Однако и Бюффье, и Ресто по традиции оставили наименование неопределенного артикля за безартиклевым употреблением, признавая в то же время неопределенную семантику артикля *un, une* (Swiggers 1985: 386–398). Это создавало некоторую путаницу, причем для русского читателя положение ухудшалось тем, что термины *articulus indefinitus* и *articulus unitatis* использовались как синонимы в «Немецкой грамматике» М. Шванвица для обозначения немецкого *ein* (Шванвиц 1745: 94–99).

Сложная система семантических и формальных взаимосвязей внутри французской системы артиклей характеризуется в «*Neue und vollständige Französische Grammatik*» следующим образом: «*eigentlich sind die zwei ersten Articul, mit welchen die zwei letzten übereinkommen*» (Gr 1749: 18). В грамматике Ресто в первом издании 1730 г. артикли *du, de la* и *un, une* названы вместе *articles indéterminés* «*semblables par l'expression à quelques cas des Articles définis & indéfinis*» (Restaut 1730: 11–12). В. Е. Теплов в своем переводе неожиданно изменяет формулировку: «Однако можно бы сказать, что оных токмо два, ибо неопределенный и частный члены с определенным весьма сходствуют» (Теплов 1752: 29) и исключает из сопоставления *единственный артикль un, une*. Вероятно, Теплову показались несущественными основания, на которые ссылались автор «*Neue und vollständige Französische Grammatik*» и его французские источники, показывая сходство всех четырех артиклей. В результате, он предпочел им более понятное формальное противопоставление трех первых артиклей и артикля *un, une* (действительно, основа *un-* не используется в склонении какого-либо другого артикля), подкрепленное, к тому же, современным ему узусом, в котором *единичный* артикль был, на самом деле, *неопре-*

деленным, и противопоставлялся артиклю *le, la*. Однако в дальнейшем изложении Теплов следует, не внося существенных исправлений и дополнений, за текстом «Neue und vollständige Französische Grammatik», автор которого исходит из взаимосвязи всех четырех артиклей. Поэтому представляется необходимым изложить аргументы французских грамматик и показать, какое отражение они получили в «Neue und vollständige Französische Grammatik», а затем в переводе Теплова.

1. Аргументы, апеллирующие к падежным формам артиклей

1.1. Основным элементом партитивной конструкции был предлог *de*, в ряде случаев употреблявшийся без артикля (при отрицании, перед сочетанием определение + существительное); партитивная конструкция с *de* засвидетельствована уже в поздней латыни при опущении слов вроде *pars, aliquid (de pomis, de oleo)* (Шишмарев 1952: 51–53). Грамматики XVIII в. возводили начальную форму *частного артикля* (*du, de la*) к родительному падежу *определенного артикля* (Buffier 1709: 149; Restaut 1745: 71–72)⁹. Соответствующее пояснение об этом имеется в тексте «Neue und vollständige Französische Grammatik»: «er entlehnet seinen Nominativum und Accusativum vom Genitivo und Ablativo des Articuli Definiti...» (Gr 1749: 20). Однако в грамматике В. Е. Теплова это пояснение пропущено: при переводе он нередко пропускал дополнительные теоретические сведения, в особенности касающиеся происхождения форм и слов¹⁰.

1.2. Как отмечает автор «Neue und vollständige Französische Grammatik», *articulus unitatis* склоняется с неопределенным артиклем: предлоги *de* и *à*, присоединяемые к *un, une* в косвенных падежах (*d'un, d'une, à un, à une*), воспринимаются им как формы *неопределенного артикля*¹¹; при этом он обращает

⁹ В действительности, эта форма образована из сочетания предлога *de* с артиклем: *de + le > del > deu > du*; форма женского рода этимологически прозрачна: форма мн. ч.: *de + les > dels > des* (TLFi s.v. *de*¹, *prép.*).

¹⁰ Так, в «Новой французской грамматике» пропущено пояснение о падежном статусе вокатива (Gr 1749: 19), о роде латинских слов на *-or*, от которых произошли французские слова на *-eur* (Gr 1749: 28), упоминавшиеся выше теоретические разделы о глаголе (Gr 1749: 50–52) и т. п.

¹¹ Статус *à* и *de*, участвовавших в образовании форм Gen. и Dat. неопределенного артикля, долгое время трактовался по-разному во фран-

внимание на то, что соответствующий немецкий артикль *ein*, *eine* склоняется без прибавления какого-либо дополнительного артикля: «weil vor *un*, *ein*, kein Articul, im teutschen stehet» (Gr 1749: 21)¹². При переводе В. Е. Теплов, заметив, что вторая часть примечания адресована немецким читателям, снял его полностью.

1.3. Формальное сходство *единственного артикля* с другими артиклями имеется в склонении множественного числа. П. Ресто отождествляет множественное число *единственного* и *частного артиклей*: «Comment cet article fait-il au pluriel? – Son pluriel est absolument le même que celui des articles partitifs» (Restaut 1745: 76)¹³. Немецкий автор избирает иную формулировку и говорит о том, что формы множественного числа *частного артикля* могут использоваться при склонении слов, которые в единственном числе употреблялись с *единственным артиклем*: «wird der Pluralis des Articuli Partitivi gesetzt, wenn im Singulari ein Articulus Unitatis stehen kan» (например, *il faut parler à des Marchans* – *il faut parler à un Marchan*) (Gr 1749: 21). В. Е. Теплов передает только первую часть формулировки «вместо его ставится член частный» (Теплов 1752: 34). И немецкая грамматика, и грамматика В. Е. Теплова не относят упомянутые формы множественного числа к парадигме *единственного артикля*: «Dieser Articul hat keinen Pluralem» (Gr 1749: 21) – «сей член множественного числа не имеет» (Теплов 1752: 34).

цузских грамматиках (Власов 2003). Так, например, если в грамматике Ренье-Демарэ *à* и *de* названы *particules* или *prépositions* (Régner Demarais 1706: 155), то в грамматике Бюффье они рассматриваются как формы неопределенного артикля, которые, в свою очередь, могут участвовать в падежном изменении других частей речи (Buffier 1709: 158). В грамматиках же Ресто и Ла Туша они названы «показателями падежа» – «marque du Génitif», «marque du Datif» (Restaut 1745: 69; La Touche 1730: 103). Однако в грамматике Ресто есть важное уточнение: «[Les articles indéfinis] sont de et à, quand ils sont mis avant les noms, sans être joints à d'autres articles» (Restaut 1745: 69).

¹² Предлог *von*, появляющийся в формах Abl. (von einem, von einer), не отождествляется автором «Neue und vollständige Französische Grammatik» с франц. *de* грамматически, *von* не имеет статус артикля.

¹³ Следует заметить, что в текстах XVI в. еще употреблялись формы множественного числа *uns*, *unes*, по отношению к парным предметам и предметам, воспринимаемым в совокупности (Brunot II: 279), однако они казались неправильными уже авторам грамматики Пор-Рояля (Арно, Лансло 1990: 116–117).

2. Аргументы, апеллирующие к семантике артиклей

2.1. *Частный артикль* называется в грамматике Бюфье также *mitoyen* – «срединный»: предполагалось, что семантически он находится между *определенным* и *неопределенным артиклями*, так как не индивидуализирует объект, но ограничивает его часть: «C'est un article indéfini, en tant qu'il ne suppose point dans l'objet de distinction ni individuelle ni spécifique: mais il tient du défini, en ce qu'il indique une partie d'un objet» (Buffier 1709: 163)¹⁴. Какие-либо комментарии на этот счет в «Neue und vollständige Französische Grammatik» и соответственно в «Новой французской грамматике» В. Е. Теплова отсутствуют.

2.2. Начиная с грамматики Мопя, *единственный артикль* противопоставлялся *частному* в рамках семантической оппозиции «части / целого» (Colombat [et al.] 2010: 133). Согласно Бюфье и Ресто, артикль *un, une* с одной стороны семантически близок *неопределенному артиклю* («un véritable article indéfini»), сообщая объекту единичность «d'une manière indéterminée et vague» (Buffier 1709: 168; Restaut 1745: 425–426); напр.: «j'ai rencontré un homme ce matin» (Buffier 1709: 168). С другой стороны, *единственный артикль* мог употребляться в расширительном, видовом смысле и в этом значении заменять *определенный артикль* («on peut souvent y substituer l'article défini», напр.: «un / le homme sage doit être maître de ses passions» (Restaut 1745: 426)¹⁵. Эти сведения изложены Ресто в отдельной главе «Expli-

¹⁴ В различных контекстах возможна конкуренция партитивного артикля с неопределенным или определенным артиклями – это зависит от преобладания, соответственно, количественной или качественной семантики, сообщаемой объекту (Реферовская, Васильева 1982: 88).

¹⁵ В современной грамматической теории и *определенный*, и *неопределенный (un, une)* артикли рассматриваются в индивидуализирующей (*individualisateur*) и обобщающей (*généralisateur*) функциях (Штейнберг 1966: 31–42; Epstein 1993). В плане соотношения индивидуализируемого объекта с одной стороны – с описываемой ситуацией, с другой – с группой объектов, к которой он принадлежит, *определенный* и *неопределенный* артикли имеют противоположную семантику. *Определенный артикль* связывает единичный объект (или класс объектов понимаемый как единичное) с данной, конкретной ситуацией, *неопределенный* подчеркивает его принадлежность к классу однородных объектов (множества), среди которых нередко возможен выбор: ср. пример Бюфье (Buffier 1709: 168). Идеи единичности и множественности, взятые в обобщенном, абсолютном смысле (всеобщности) позволяют обоим артиклям выполнять обобщающую функцию (ср. пример

cation des articles» (Restaut 1745: 409–426) – в «Neue und vollständige Französische Grammatik» и грамматике В. Е. Теплова ей соответствуют главы «Von dem Syntaxi oder Gebrauch der Articulorum» и «О употреблении членов» в синтаксической части книги (Gr 1749: 123–132; Теплов 1752: 184–197), однако интересующие нас сопоставления в них не попали.

Глава об артикле примечательна тем, что при ее переводе В. Е. Теплов не мог опереться на написанные по-русски грамматики русского и латинского языков и лишь отчасти – в параграфах об определенном и неопределенном артикле – мог использовать материал немецкой грамматики М. Шванвица. В рукописной грамматике 1720-х гг., сочиненной, вероятно, И. Горлецким (Власов 2013: 79) материал изложен с другой позиции, преимущественно семантической и синтаксической ([И. Горлецкий ?] Грамматика французская: л. 1–6), есть и отличия в классификации артиклей (например, *un* и *une* не выделены в отдельный класс артиклей: *ibid.* л. 2 об.)). Оставшись без теоретической поддержки русских источников и не пытаясь концептуализировать собственные практические познания во французском языке, В. Е. Теплов дословно передал немецкий текст, в ряде случаев сократив его. В результате, система четырех артиклей, обоснованная в грамматиках Бюфье и Ресто формально и семантически, потеряла в «Neue und vollständige Französische Grammatik» семантические мотивировки, а в «Новой французской грамматике» В. Е. Теплова в целях упрощения текста – и формальные. Таким образом, на примере теоретических комментариев о системе французского артикля мы видим, что последовательная интерпретация грамматики П. Ресто сначала на немецком, а затем на русском языках оказалась по преимуществу не развитием грамматической традиции, но ее упрощением и деградацией.

Литература

Арно, Лансло 1990 – Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / пер. Н. Ю. Бокадоровой; общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1990.

Ресто: Restaut 1745: 426), сохраняя, однако, при этом определенные семантические отличия (Реферовская, Васильева 1982: 70–87).

- Арно, Лансло 1991 – Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / пер. с фр.: Ю.С. Маслов, Е. Д. Панфилов, М.В. Гордина. Л., 1991.
- Бунин 1758 – Французская грамматика с кратким употреблением на все части сочиненная в сухопутном шляхетном кадетском корпусе подмастерьем Васильем Буниным. СПб., 1758.
- Власов 1998 – Власов С. В. Проблема неопределённого артикля во французских грамматиках XVI–XVII вв. // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 7. Секция грамматики. Секция истории языка. СПб., 1998. С. 55–58.
- Власов 2003 – Власов С. В. Понимание категории артикля во французских грамматиках XVIII века // Содержание единиц языка и текста. СПб., 2003. С. 20–35.
- Власов 2011 – Власов С. В. Гувернер Пьер де Лаваль, автор первой в России двуязычной грамматики французского языка // Французский ежегодник. *Annuaire d'études françaises*. S. 1., 2011. P. 178–189.
- Власов 2013 – Vlassov S. Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle : influences occidentales et leur réception en Russie // Вивліюєвіка: E-journal of Eighteenth-century Russian Studies. Vol. 1, 2013. P. 75–97.
- Гладров 1992 – Гладров В. Семантика и выражение определенности/неопределенности // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992. С. 232–266.
- [И. Горлецкий ?] Грамматика французская – [Горлицкий, И. ?] Грамматика французская о согласии или сочинении девяти частей слова. БАН рук. П.І.В. 106.
- Грамматика французская [ок. 1730] – Грамматика французская [фрагмент]. [пер. И. Горлецкого?]. British Library, Manuscript collections: Sloane 3845. л. 50-50 об.
- Кулябко 2010 – Кулябко Е. С. Теплов Василий Егорович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010.
- Лебедев 1774 – Краткая грамматика латинская в пользу учащагося латинскому языку юношества, прежде сего переведенная, а ныне вновь пересмотренная и исправленная, Академии Наук переводчиком Василеем Лебедевым. СПб., 1774.
- МиИАН 1897 – Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. СПб., 1885–1900. Т. 1–10. Т. 9 (1897).
- МиИАН 1900 – Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. СПб., 1885–1900. Т. 1–10. Т. 10 (1900).
- Начала языка французского 1745 – *Les Principes de la Langue Française*. Начала языка французского. В Санкт-Петербурге 1745. [пер. И. Горлецкого]. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: 3.1.818. л. 163–166.
- Ресто 1745 – *Abrégé des Principes de la Grammaire Française* par Mr Restaut 1745. Сокращение начал Грамматики французския Гдном

- Ресто 1745. [пер. И. Горлецкого]. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: 3.1.818. л. 167–170.
- Реферовская, Васильева 1982 – Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч. I: Морфология и синтаксис частей речи. Изд-е 3, испр. (на франц. яз.) М., 1982.
- СК XVIII – Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963–1967, 1975. Т. 1–5.
- Смирнова 2013 – Смирнова А. С. Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий // Филологическое наследие М.В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 235–252.
- Теплов 1752 – Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на Российской язык переведена Академии Наук переводчиком Васильем Тепловым. СПб., 1752.
- Шванвиц 1745 – Шванвиц М. Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне для употребления Санктпетербургской гимназии вновь пересмотренная и во многих местах исправленная. СПб., 1745.
- Шишмарев 1952 – Шишмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Штейнберг 1966 – Штейнберг Н. М. Грамматика французского языка. Часть I: Морфология и синтаксис частей речи. 3-е изд. М.-Л., 1966.
- Brunot I – Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. T. 1 : De l'époque latine à la Renaissance. Paris, 1905.
- Brunot II – Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. T. II: Le Seizième siècle. Paris, 1906.
- Brunot IV – Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. T. IV : La langue classique (1660 – 1715). Paris, 1913.
- Buffier 1709 – Buffier C. Grammaire françoise sur un plan nouveau : pour en rendre les principes plus clairs et la pratique plus aisée, contenant divers traités sur la nature et la grammaire en général. Paris, 1709.
- Colombat [et al.] 2010 – Colombat B., Fournier J.-M., Puech C. Histoire des idées sur le langage et les langues. Paris, Klincksieck, 2010.
- Compendium 1730 – Compendium grammaticae latinae, oder: Kurtzer Auszug aus der größeren Lateinischen Grammatica Marchica. 3. Auflage. Berlin, 1730.
- Epstein 1993 – Epstein P. The later stages in the development of the definite article: evidence from French // Historical linguistics: Selected papers from the 11th International Conference on Historical Linguistics, Los-Angeles, 16-20 August 1993/ ed. Andersen H. Amsterdam, 1993. P. 159–176.
- FEW – Wartburg W. v. Französisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–25. Bâle, 1928–2002.
- Gougenheim 1974 – Gougenheim G. Grammaire de la langue française du seizième siècle. Paris, 1974.
- Gr 1749 – Neue und vollständige Französische Grammatik in Frag und Antwort abgefasst. Aus dem Französischen des Herrn Restaut und anderen Anmerkungen der besten Französischen Sprachlehrer zusammengetragen. Mainz und Frankfurt am Main, 1749.

- Keipert 1987 – Keipert H. Der Fremdsprachenunterricht in der Frühzeit des Petersburger Akademiegymnasiums // Polata knigopisnaia. 1987. Vol. 16. P. 68–82.
- Keipert 1994 – Keipert H. Vasilij Lebedev und sein Sokraščenie grammatiki latinskoj (S.-Peterburg 1746) // Res Slavica: Festschrift für Hans Rothe Zum 65. Geburtstag. Paderborn: F. Schöningh, 1994. S. 117–133.
- La Touche 1730 – La Touche P. de L'art de bien parler françois : qui comprend tout ce qui regarde la grammaire et les façons de parler douteuses. 4-ème édition. Amsterdam, 1730.
- Maupas 1607 – Maupas C. Grammaire et syntaxe françoise. Blois, 1607.
- Régnier-Demarais 1706 – Régnier-Demarais Traité de la grammaire françoise. Paris, 1706.
- Restaut 1730 – Restaut P. Principes généraux et raisonnées de la grammaire françoise: par demande et par réponses... Paris, 1730.
- Restaut 1732 – Restaut P. Abrégé des principes de la grammaire françoise. Paris, 1732.
- Restaut 1745 – Restaut P. Principes généraux et raisonnés de la Grammaire Françoise. 5. éd. Paris, 1745.
- Richelet 1694 – Richelet Commencements de la langue française, ou Grammaire tirée de l'usage et de bons auteurs. Paris, 1694.
- Stengel 1890 – Stengel E. Chronologisches Verzeichnis französischer Grammatiken vom Ende des 14. bis zum Ausgange des 18. Jahrhunderts. Oppeln, 1890.
- Swiggers 1985 – Swiggers P. L'article en français: L'histoire d'un problème grammatical // Revue de linguistique romane. Vol. 49 (195). Strasbourg, 1985. P. 379–409.
- TLFi – Trésor de la Langue Française informatisé. Online: <http://www.cnrtl.fr/definition/>
- Vaugelas 1647 – Vaugelas C. F. de Remarques sur la langue française, utiles à ceux qui veulent bien parler et bien écrire. Paris, 1647.

N. V. Kareva, M. L. Sergeev. The system of articles in P. Restaut's "Grammar" and the problems of its translation into Russian

In the article we give a description of translation strategies of V. Teplov, the author of the French language grammar manual «Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами» (Saint-Petersburg, 1752) written in Russian. The most part of the manual repeats word by word anonymous «Neue und vollständige Französische Grammatik in Frag und Antwort abgefasst» (1749) written in German; the latter in turn is a compilation of P. Restaut's «Principes généraux et raisonnées de la grammaire françoise» and other French grammars. In his manual V. Teplov even reproduced some mistakes made by the author of «Neue und vollständige Französische Grammatik», so the paragraphs in which V. Teplov did not follow the source attract attention.

The chapter concerning the notion of *article* posed a problem to such an inexperienced translator as V. Teplov, as there was no available foreign language textbook written in Russian which he could have used to borrow relevant terms and definitions. P. Restaut and earlier French scholars

assumed formal and semantical similarity of the four distinguished in French article types – *défini*, *indéfini*, *partitif* and *un*, *une*. Not having understood their reasons (important remarks about semantical similarity of the articles were removed by the author of «Neue und vollständige Französische Grammatik»), V. Teplov insisted on similarity of only three out of the four article types (*défini*, *indéfini*, *partitif*) and opposed them to the article *un*, *une*, which stood apart formally and acted as a real indefinite article in the XVIIIth century French usus. However, Teplov's alteration affected neither the structure of the chapter nor the definitions used in the manual: V Teplov translated the German text verbatim, just omitting some explanations addressing a German reader. Thus we conclude that the four article types system in the French language was not clarified properly in «Новая французская грамматика» by V. Teplov and lost both the semantic and formal motivations.

Keywords: XVIIIth century, French language, article, history of linguistics, grammars of foreign languages, St.-Petersburg Academy of Sciences, V. Teplov

А. С. Касьян, М. А. Живлов, Г. С. Старостин

**ВЕРОЯТНОСТНАЯ ОЦЕНКА
ИНДОЕВРОПЕЙСКО-УРАЛЬСКОГО РОДСТВА:
формализованное сравнение
реконструированной базисной лексики***

В статье предлагается автоматизированное сравнение между двумя наборами из 50 наиболее устойчивых сводешевских слов, как они могут быть реконструированы для праиндоевропейского и прауральского языков. Две формы признаются родственными, если у них совпадают первые два согласных элемента, затранскрибированные в нотации консонантных классов (грубый вариант измерения дистанций Левенштейна). В отличие от предыдущих исследований (Ringe 1998, Oswalt 1998, Kessler & Lehtonen 2006, Kessler 2007), наш автоматизированный алгоритм оказывается максимально близок к традиционной компаративистской процедуре выделения когнатов. Сводешевские слоты для праязыков заполняются исходя из следующих принципов реконструкции. Это топологический принцип (зависящий от конфигурации генеалогического дерева), морфологическая (не)производность, типология семантических переходов, ареальное распространение слова. Строгое следование этим принципам вынуждает нас постулировать по несколько эквивалентных кандидатов на то или иное предназначение — до 6 синонимичных пракорней в одном слоте.

Всего между исходными праиндоевропейским и прауральским 50-словниками наблюдается 7 пар с совпадением первых двух согласных (эти же и только эти пары рассматриваются как когнаты в традиционной ностратике). Для выяснения вероятности получить 7 пар использовался перестановочный тест. Большой объем синонимов резко повышает формальную вероятность того, что наблюдаемые 7 пар являются случайными созвучиями. Однако перестановочный тест дал положительный результат: вероятность получить 7 пар составляет 1.4% или 0.3% (в зависимости от принимаемых консонантных классов), что меньше стандартного порога статистической значимости 5% или даже 1%. Исходя из стандартной методологии, мы должны отбросить нулевую гипотезу, предполагающую случайность праиндоевропейско-прауральских фонетических схождений, и предложить содержательное объяснение наблюдаемым параллелям. Типология языковых контактов не позволяет объяснить праиндоевропейско-прауральские совпадения через древние лексические заимствования. Единственным приемлемым решением оказывается гипотеза индоевропейско-уральского языкового род-

* Исследование выполнено в рамках НИР «Традиционные основы современных культур и макрорегионов Востока» (Лаборатория востоковедения и компаративистики ШГИ РАНХиГС).

ства, в рамках которой 7 праиндоевропейско-прауральских пар рассматриваются как ретенции, оставшиеся от индо-уральского праязыка.

Ключевые слова: индоевропейские языки, уральские языки, индо-уральская гипотеза, ностратическая теория, дальнейшее языковое родство, лексикостатистика, языковая реконструкция, перестановочный тест.

1. Предыдущие исследования

Идея генеалогического родства между языками индоевропейской семьи и языками уральской семьи была высказана еще в XIX в. (Thomsen 1869) и впоследствии поддержана различными компаративистами (напр., Collinder 1934). Полноценный научный вид эта гипотеза получила в «ностратических» работах В. М. Иллич-Свитыча (Иллич-Свитыч 1967; 1971; 1976; 1984), найдя свое дальнейшее развитие в публикациях как московской лингвистической школы, так и лейденской школы (напр., Kortlandt 2010; Kloekhorst 2008). Вне зависимости от объема включаемого в сравнение материала и качества его этимологической проработки попытки обоснования индо-уральского родства обычно принимаются скептически, особенно широко недоверие к подобным исследованиям распространено у традиционалистски настроенных индоевропейцев и урاليстов. Однако, поскольку определенное количество лингвистических сходжений между двумя семьями невозможно отрицать, индо-уральская гипотеза стала относительно частым объектом различных статистико-вероятностных исследований в качестве примера того, можно ли формальными алгоритмами обосновать *дальнее* языковое родство. Основные публикации из этого ряда таковы:

1) Ringe 1998. Автор сравнивает 100-словные списки праиндоевропейского и прафинно-угорского (не прауральского) языков. Довольно необычный алгоритм сравнения основан на повторяющихся фонетических соответствиях между двумя списками, а не на фонетическом сходстве (подробнее, кроме Ringe 1998, см. Ringe 1992 и особенно Baxter & Manaster Ramer 1996). Вывод Д. Ринджа: сравнение начальных согласных дает **положительный** результат, вероятность $p = 0.05$, хотя сравнение вторых согласных корней оказывается неудовлетворительным, $p = 0.18$ или 0.5 (Ringe 1998: 174, 177). В связи с исследованием Ринджа надо отметить два пункта. Во-первых, два списка были составлены так, чтобы обеспечить максимальную близость между ними (с одной стороны, не все синонимы были включены в соответствующие слоты, а с другой – в списки было

специально добавлено слово 'ice', Ringe 1998: 173). Во-вторых, эти вероятностные оценки базируются в основном на фонетических парах, которые вряд ли отражают реальные этимологические соответствия и фонетические переходы, напр., и.-е. **d* – финно-угор. **p* и т. п. (Ringe 1998: 167).

2) Oswalt 1998. Автор сравнивает 100-словные списки современного русского (представитель и.-е. семьи), финского, венгерского и ненецкого (представители основных ветвей уральской семьи) языков. Был проделан передвижной тест (shift test), т. е. вариант перестановочного теста с $X-1$ попытками для X -словных списков (в нашем случае 99 попыток). Две сравниваемые формы считались совпадающими, если два любых согласных первой формы схожи с двумя любыми согласными второй формы (учитывались разные степени схожести) вне зависимости от их позиции в слове (напр., начальный согласный первой формы мог сопоставляться с срединным согласным второй формы). Все три и.-е.–урал. языковые пары продемонстрировали **положительные** результаты; обычно более точные критерии фонетического сходства вели к понижению вероятности p случайных совпадений. Лучший результат для русско-финского и русско-венгерского сравнений – это $p < 0.001$. Лучший результат для русско-ненецкого сравнения — это $0.01 < p < 0.05$. Предыдущие и.-е.–урал. исследования этого автора (Oswalt 1970; Oswalt 1991) также выявили положительный сигнал.

3) Kessler & Lehtonen 2006. Авторы предпринимают многостороннее сравнение (multilateral comparison) 100-словных списков одиннадцати индоевропейских и четырех уральских языков. Использовался перестановочный тест, при котором грубо измерялись дистанции Левенштейна (с учетом только места образования) между начальными согласными корня. Был получен **отрицательный** результат: $p = 0.45$, т. е. вероятность, что наблюдаемые схождения между и.-е. и урал. языками случайны, слишком велика (45%). Также авторы сообщают, что были приняты и бинарные сравнения отдельных языков по той же методике, но ни одна из и.-е.–урал. пар не дала положительного результата, т. е. во всех случаях $p > 0.05$.

4) Kessler 2007. Та же процедура многостороннего сравнения применялась к тем же языковым данным, что и в Kessler & Lehtonen 2006, однако на этот раз поочередно использовались семь различных методов измерения расстояний между сравни-

ваемыми формами. Из этих семи тестов пять дали отрицательный результат ($p > 0.05$), а два теста дали **положительный** результат, указывая на то, что фонетические схождения между и.-е. и урал. формами неслучайны. Оба успешных теста основаны на методе консонантных классов Долгопольского (о чем см. ниже). Многостороннее и.-е.–урал. сравнение начальных согласных корня дает $p = 0.04$; многостороннее и.-е.–урал. сравнение, основанное на примитивном элайнменте консонантных костяков, дает $p = 0.02$.

Несмотря на то, что большинство вышеупомянутых тестов дало положительный результат, надо признать, что эти исследования имеют серьезные изъяны. Основная теоретическая проблема заключается в том, что предлагаемые тесты не моделируют работу компаративиста и не повторяют традиционную сравнительно-историческую процедуру¹ (о дополнительных системных недостатках методов, изложенных в Oswalt 1998 и особенно в Ringe 1998, см. Baxter 1998). Практическая же проблема состоит в том, что входные лексические списки не отвечают строгим лексикографическим стандартам, принятым, например, в нашем проекте «Глобальная лексикостатистическая база данных / The Global Lexicostatistical Database» (подробнее см. ниже).

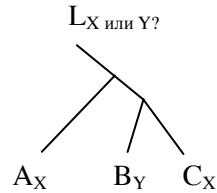
2. Метод

2.1. Принципы семантической реконструкции. Мы полагаем, что компаративист должен стараться реконструировать как можно более точные значения для восстанавливаемых морфем (в первую очередь корней), например, семантические реконструкции вроде 'hand', 'red', 'to come' выглядят заведомо предпочтительнее общих значений вроде 'part of limb', 'kind of bright color', 'to move'. Можно предложить ряд (нестрогих) правил, позволяющих уточнить восстанавливаемое значение.

¹ Напр., алгоритм в Ringe 1998 постулирует такие странные звуковые соответствия как и.-е. **d* – финно-угор. **p* или и.-е. **h₂* (т.е. ноль) – финно-угор. **l*. Или же, скажем, в Oswalt 1998 две формы объявляются когнатами, если они обнаруживают между собой по два совпадающих согласных причем в *любой* позиции, напр., рус. *kor'in* 'корень' расценивается как форма, родственная венгерск. *gyökér* 'root' ($KR = KR$), а рус. *nogac* 'ноготь' соответствует финск. *kynsi* 'fingernail' ($NG = KN$) и т. д.

1) *Топологический принцип*. Структура генеалогического дерева языковой группы важна для семантической реконструкции. В ситуации, когда рефлекс праязыка имеет разные значения в дочерних языках, одним из самых сильных критериев для реконструкции исходного значения оказывается топология дерева. Представим себе генеалогическое дерево следующего вида, где L – это праязык, а A, B, C – его дочерние языки: рис. 1.

Рис. 1. Типовое дерево языковой группы.

Некоторое слово в A значит 'X', его этимологический когнат в B имеет отличное значение 'Y', но их когнат в C опять значит 'X'. В отсутствие дополнительных аргументов наиболее очевидное решение – реконструировать для этого слова в праязыке L значение 'X' (а не 'Y'), т. к. в соответствии с общим научным методом мы выбираем наиболее экономичные сценарии (в нашем случае один семантический переход 'X' > 'Y' в B vs. два независимых перехода 'Y' > 'X' в A и C).

2) *Принцип внешней этимологии*. Если обнаруживаются два лексических кандидата на данное празначение, то преимущество имеет тот корень, который обладает лучшей внешней этимологией, особенно если внешние этимоны сохраняют это же празначение.

3) *Принцип внутренней этимологии*. Если обнаруживаются два лексических кандидата на данное празначение и один из них морфологически первичен, а другой представляет из себя прозрачное производное (напр., 'moon' ← 'to shine', 'green' ← 'grass' и т. д.), первое слово имеет преимущество. Если одно из конкурирующих слов обладает этимологическими когнатами (внутренними, т. е. внутри исследуемой языковой группы, или же внешними), а второе слово этимологически изолировано, то преимущество имеет первый кандидат, т. к. у второго кандидата больше шансов оказаться заимствованием.

4) *Принцип семантической естественности*. Если обнаруживаются два лексических кандидата на данное празначение и

оба имеют различные этимологические когнаты в родственных языках, должны быть исследованы и оценены предполагаемые семантические переходы. Хотя многие семантические переходы возможны в обе стороны, в некоторых случаях типологически естественным оказывается развитие только в одном определенном направлении. Напр., переход 'green' ↔ 'grass' двунаправленный (имеется большое количество типологических примеров на развитие в обоих направлениях), а в паре 'moon' и 'to shine' фиксируется только развитие 'to shine' → 'moon' и, видимо, никогда – в противоположном направлении.

5) *Принцип минимизации контактных эффектов*. Если рассматриваемая лексическая единица имеет ареальное распространение, т. е. фиксируется в нескольких соседних языках, и мы знаем, что эти языки контактируют и влияют друг на друга, такое слово может представлять собой позднюю инновацию, распространившуюся в качестве междиалектного заимствования.

Эти, а также некоторые дополнительные, менее важные, принципы семантической реконструкции детально описываются с примерами из различных языковых семей в Г. Старостин 2013: 153–183; Kassian 2013b.

При реконструкции наших лексических списков для праиндоевропейского и прауральского языков мы придерживаемся перечисленных принципов (всех, кроме принципа внешней этимологии, т. к. родство между и.-е. и урал. еще не обосновано) так строго, как это возможно. Такая формализация процедуры семантической реконструкции в большинстве случаев ведет к появлению в том или ином сводешевском слоте по несколько праформ-синонимов, обоснованный выбор между которыми невозможен даже при последовательном применении сформулированных принципов. «Чемпионом» оказывается прауральский слот #78 'smoke', для которого мы были вынуждены постулировать шесть технических синонимов, т. е. шесть разных прауральских основ (это никак не значит, что мы допускаем существование шести синонимичных слов для 'дыма' в прауральском языке, а всего лишь говорит о недостаточности данных для обоснованного выбора одной из основ). Естественным образом подобная синонимия *увеличивает* формальную вероятность того, что наблюдаемые и.-е.–урал. лексические сходжения случайны. Тем не менее, мы твердо уверены, что в формальных тестах, подобных нашему, необходимо прибегать к

наиболее строгим и независимым методам в качестве основы для вероятностного сравнения.

2.2. Принципы расстановки когнаций. Для автоматического выявления индоевропейско-уральских пар праформ, являющихся потенциальными этимологическими когнатами, нами используется полностью формализованный алгоритм, основанный на фонетическом сходстве. Два наиболее популярных подхода к выявлению потенциальных когнатов между фиксированными лексическими списками – это (а) расстояние Левенштейна и (б) консонантные классы. Метод консонантных классов на самом деле может рассматриваться как грубый вариант измерения расстояний Левенштейна. Так как нам неизвестны какие-либо публикации, где бы показывалось, что метод консонантных классов дает явно менее надежный результат, чем измерение расстояний Левенштейна, а сам метод консонантных классов оказывается значительно проще в плане практической реализации, мы в настоящей статье оперируем именно консонантными классами для обработки лексических данных и выявления потенциальных когнатов.

Метод консонантных классов был предложен А. Б. Долгопольским в 1964 г. (Долгопольский 1964; англ. версия: Dolgopolsky 1986) и успешно проверен рядом авторов на лексических данных различных языков Евразии и Африки². Метод предполагает следующее. Фонетический алфавит, используемый в исследовании, разбивается на несколько непересекающихся подмножеств (классов) таким образом, что фонетические мутации между звуками внутри одного класса типологически более нормальны, чем мутации между звуками, принадлежащими к разным классам (отдельные частные исключения могут игнорироваться при грубом применении этого метода). В настоящей статье мы исходим из классов, принятых в проекте «Глобальная лексикостатистическая база данных / The Global Lexicostatistical Database»³: табл. 1.

² Напр., Baxter 1995; Baxter & Manaster Ramer 2000; Kessler 2007; G. Starostin 2008; Turchin et al. 2010; Г. Старостин 2013.

³ <http://starling.rinet.ru/new100/sound.pdf> [послед. посещ. 20.04. 2014]. Наша система фонетической транскрипции, в которой мы записываем все языковые формы, совпадает с транскрипционной системой проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных / The Global Lexicostatistical Database», которая в свою очередь основывается на фоне-

Табл. 1. Базовые консонантные классы проекта GLD

Р-класс (губные): p b β f v...
 Т-класс (зубные): t d θ ð...
 С-класс (сибилянты: аффрикаты и фрикативные): c ʒ ʃ ʒ s z ʃ ʒ...
 У-класс (палатальные глайды): y...
 W-класс (губные глайды): w m...
 М-класс (губные носовые): m ŋ...
 N-класс (негубные носовые): n ŋ ɲ...
 Q-класс (латеральные аффрикаты): ʎ...
 R-класс (плавные): r ɹ l ʃ ʁ...
 К-класс (велярные и увулярные): k g x ɣ q χ ʁ...
 Нулевой класс или Н-класс: h ʔ ɰ ʕ ɦ ʁ ʔ и все гласные.

Такая упрощенная транскрипционная система (*P T S Y W M N Q R K H*) достаточна для кодирования любых словоформ или морфем любого естественного языка, вовлеченного в сравнение. Элементы нулевого класса и такие единицы как коартикуляция, просодия, фонация и под. в общем случае не отражаются при кодировании. Однако гласный или ларингальный анлаут и гласный ауслаут кодируются как *H*. Таким образом, обе гипотетические формы *tasa* и *d^hižo* кодируются как *TSH*; *alaq* и *ʔärx* = *HRK*; *na* и *noʔ* = *NH*; *pk^hot* и *baq'aθ* = *PKT*; *wahat* и *mad* = *WT*. Неначальные глайды *Y* и *W* (т. н. слабые глайды) рассматриваются как *H*, т. е. *ka*, *kay*, *kawa* = *KH*, но *kat* и *kayat* = *KT*. Как следует из вышесказанного, две формы из сравниваемых языков, совпадающие в упрощенной транскрипции, имеют больше шансов оказаться этимологическими когнатами, нежели формы, различающиеся в упрощенной транскрипции.

Все праиндоевропейские и прауральские формы, используемые в нашем сравнении, были автоматически затранскрибированы в таком упрощенном виде посредством функций СУБД StarLing. Также СУБД StarLing способна автоматически определять, совпадают ли две сравниваемые формы по своей структуре консонантных классов или же различаются. Две формы помечаются как когнаты, если в упрощенной транскрипции первые два согласных одной формы совпадают с первыми двумя согласными другой формы. Напр., слово 'water': и.-е. *wed-

(*WT*) = урал. **wetī* (*WT*). Однако слово ‘heart’: и.-е. **kʷerd-* (*KR*) ≠ урал. **sʷäðʷä* id. (*ST*).

Дополнительно мы произвели ту же процедуру сравнения, но с использованием более дробных консонантных классов, где (а) S-класс разделяется на собственно S-класс (сибилянты фрикативные: *s z š ž...*) и З-класс (сибилянты аффрикаты: *с з č ž...*); (б) R-класс разделяется на собственно R-класс (*г г...*) и L-класс (*л ľ...*)⁴. В полном виде набор более точных консонантных классов выглядит так (новые классы отмечены астериском *): табл. 2.

Табл. 2. Более дробные консонантные классы

P-класс (губные): *p b β f v...*

T-класс (зубные): *t d dʰ ð...*

S-класс (сибилянты фрикативные): *s z š ž...*

*З-класс (сибилянты аффрикаты): *с з č ž...*

Y-класс (палатальные глайды): *у...*

W-класс (губные глайды): *w м...*

M-класс (губные носовые): *m ɱ...*

N-класс (негубные носовые): *п ɲ ɳ...*

Q-класс (латеральные аффрикаты): *λ ...*

R-класс: *г г...*

*L-класс: *л ľ...*

K-класс (велярные и увулярные): *к г х ү қ χ в...*

Нулевой класс или H-класс: *ɦ ʕ ɰ ʔ ɦ ʕ ʔ* и все гласные.

2.3. Перестановочный тест. Мы применяем т. н. перестановочный тест в том виде, как он описан и апробирован в Baxter & Manaster Ramer 2000 и некоторых других публикациях⁵. Ниже и.-е. и урал. лексикостатистические схождения исследуются при

⁴ По крайней мере, в случае *R* и *L* разделение их на два класса выглядит логичным, т. к. переходы между звуками типа *г* и *л* не типичны для и.-е. и урал. языков (кроме индоиранской группы), равно как и для соседних лингвистических регионов.

⁵ Общая идея перестановочного теста восходит к Oswalt 1970, далее см. обзор в McMahon & McMahon 2005: 66–68. Примеры применения перестановочного теста к лексическим спискам конкретных языков см. в Justeson & Stephens 1980; Baxter 1995; Kessler & Lehtonen 2006; Kessler 2007; Dunn & Terrill 2012. Очень близкая процедура бутстрепа описана и успешно апробирована на различных языках Евразии в Turchin et al. (2010).

помощи алгоритма Baxter & Manaster Ramer 2000, который сейчас реализован в виде плагина в СУБД StarLing.

Принцип перестановочного теста прост и элегантен. Если у нас есть два взаимно однозначных и унифицировано затранскрибированных лексических списка с X лексическими совпадениями по фонетической структуре, мы можем начать случайным образом перемешивать один из списков, измеряя количество совпадений при каждой новой конфигурации. Если число случайных конфигураций достаточно велико, оказывается возможным, во-первых, установить статистически нормальное количество совпадений и, во-вторых, выяснить вероятность получить X совпадений, как в исходных списках.

Как уже указано выше, для нашего исследования праиндоевропейский и прауральский 50-словные списки были затранскрибированы в консонантных классах. Две формы образуют положительную пару, если первые два согласных (CC) праиндоевропейской формы совпадают с первыми двумя согласными прауральской формы. Когда слот занят несколькими синонимами (обычная ситуация в нашем случае), мы сравниваем все возможные и.-е.-урал. пары: если находится хотя бы одна положительная пара, весь слот рассматривается как положительный. Напр., слот #39 'to hear' заполняется формой $*k^wlew-$ в и.-е. части и двумя равноправными формами $*kuwli-$ и $*yüinti-$ в урал. части; пара $*k^wlew-$ – $*kuwli-$ положительная ($KL = KL$), а пара $*k^wlew-$ – $*yüinti-$ отрицательная ($KL \neq YN$), таким образом весь слот #39 'to hear' объявляется положительным.

В каждом из нижеописанных случаев производилось по 1 000 000 псевдослучайных попыток.

3. Языковые данные

Родство между двумя языками в общем случае обосновывается этимологическими сходжениями в корнях, образующих базисную лексику (Campbell & Poser 2008: 4; Бурлак & Старостин 2005: 7–24). Обширная практика показывает, что в качестве ядра базисной лексики можно рассматривать т. н. 100-словный список Сводеша. Сам по себе сводешевский список не однороден. Напротив, его элементы обладают разной степенью устойчивости, если исходить из типологической перспективы (см. С. Старостин 2007 о ранжировании сводешевских значений по устойчивости на основании данных языковых семей Старого Света, далее см. G. Starostin 2010). Чем древнее родство между

языками, тем меньше схождений среди «неустойчивых» сводешевских элементов мы ожидаем увидеть. Из этого следует, что при исследовании дальнего родства имеет смысл сократить 100-словный сводешевский список до некоторого меньшего числа наиболее устойчивых понятий.

Для индоевропейско-уральского сравнения мы используем 50-словный список значений, представляющий собой подмножество сводешевского 100-словника (в настоящее время этот 50-словник широко применяется при тестировании гипотез языкового родства в московской школе компаративистики). Список совпадает с верхней частью сводешевского 110-словника, ранжированного по стабильности в С. Старостин 2007, но с заменой 9 единиц: по разным причинам из нашего 50-словника исключены элементы 'this', 'that', 'liver', 'fish', 'neck', 'breast', 'full', 'to stand', 'to give', вместо них введены элементы 'to kill', 'foot', 'horn', 'to hear', 'meat', 'egg', 'black', 'head', 'night', см. подробнее в G. Starostin 2010.

Что касается 50-слового списка в настоящей статье, он вынуждено отличается от модельного списка в G. Starostin 2010 одним слотом: видимо, у нас нет данных для реконструкции и.-е. термина 'louse', т. к. «узко-индоевропейский» экспрессивный корень **lu:-(s)-* (балт., герм., кельт.; далее возможно др.-инд. *yu:ka-* и слав. **vŭšŭ*) регулярно соответствует тох. Б *luwo* 'animal', что предполагает для корня **lu:-* первоначальное значение 'animal'⁶, в то время как анатолийские и тохарские слова со значением 'louse' пока не отмечены; др.-греч. <φθειρ> 'louse' выглядит как субстратная догреческая форма⁷. По этой причине мы заменили понятие 'louse' на понятие 'liver', которое на самом деле обладает очень высоким индексом стабильности (25), будучи исключенным из 50-словника по экстралингвистическим причинам: слова для 'liver' нередко отсутствуют в тех или иных словниках и лексических списках, собираемых полевыми лингвистами.

⁶ К эвфемистическому переходу 'animal' > 'louse' ср., напр., ср.-ирландск. <míl> и совр. ирландск. <míol> 'animal', которые также употребляются и в узком значении 'louse'.

⁷ Вероятно, <φθειρ> вторично контаминировало с др.-греч. глаголом <φθειρω> 'to ruin, destroy', Beekes 2010: 1569 (сама по себе деривация 'to destroy' > 'louse' не правдоподобна с типологической точки зрения).

Таким образом, 50-словный список, используемый в настоящей статье, выглядит следующим образом (несквозная нумерация слотов отсылает к полному 100-словному списку; нижним индексом дается позиция в ранжировании по стабильности: 'we₁' – самое стабильное слово, 'night₅₀' – наименее стабильное слово): табл. 3.

Табл. 3. 50-словный список семантический единицы

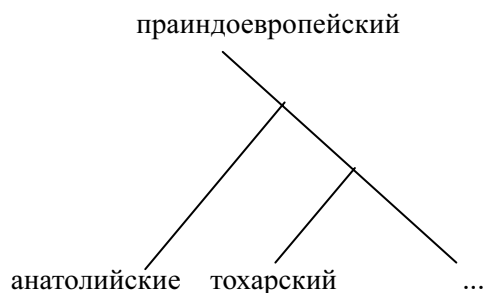
2. ashes ₃₈	25. eye ₄	53. meat ₄₆	82. sun ₃₅
6. bird ₃₃	28. fire ₇	54. moon ₁₈	84. tail ₂₆
8. black ₄₈	31. foot ₄₃	56. mouth ₃₁	87. thou ₅
9. blood ₂₀	36. hair ₂₇	57. name ₁₀	88. tongue ₈
10. bone ₃₄	37. hand ₁₁	59. new ₂₃	89. tooth ₂₂
13. fingernail ₁₉	38. head ₄₉	60. night ₅₀	90. tree ₃₇
17. die ₁₃	39. hear ₄₅	61. nose ₂₉	91. two ₂
18. dog ₁₆	40. heart ₁₄	62. not ₃₀	94. water ₂₈
19. drink ₁₅	41. horn ₄₄	63. one ₂₁	95. we ₁
20. dry ₂₄	42. I ₃	65. rain ₃₉	96. what ₁₂
21. ear ₃₂	43. kill ₄₂	78. smoke ₃₆	98. who ₆
23. eat ₂₅	46. leaf ₄₁	80. star ₄₀	
24. egg ₄₇	48. liver _{25a}	81. stone ₉	

О семантическом уточнении сводешевских значений и вообще о процедуре составления 100-словников для конкретных языков см. Kassian et al. 2010.

Выше в обсуждении принципов семантической реконструкции было указано, что правильная топология генеалогического дерева языковой группы является ключевым условием для реконструкции предкового состояния (в этом существеннейшее отличие исторической лингвистики от молекулярной биологии). Хотя некоторые узлы и индоевропейского, и уральского деревьев всё еще являются предметом спора, насчет основных ветвлений в научном сообществе наблюдается фактический консенсус.

Мы исходим из следующего дерева и.-е. семьи: рис. 2.

Рис. 2. Филогения индоевропейской семьи

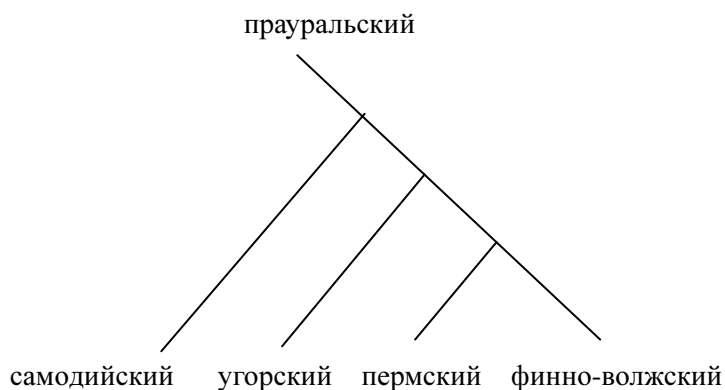
Раннее отделение анатолийского принимается подавляющим большинством индоевропеистов, см. обзор мнений в Blažek 2007. Последующее отделение тохарского также общепринято: кроме Blažek 2007, см. Gray & Atkinson 2003; Nakhleh et al. 2005; Bouckaert et al. 2012. Часто принимается, что следующая отделившаяся ветвь — это греческий (обычно объединяющийся в один кластер с армянским), такое ветвление следует из нашей черновой и еще не опубликованной лексикостатистической классификации, из некоторых деревьев в Nakhleh et al. 2005, а также из лексикостатистических деревьев в Gray & Atkinson 2003; Bouckaert et al. 2012.

Такая общая топология достаточна для реконструкции большинства сводешевских единиц, разбираемых в настоящей статье. В любом случае, следует подчеркнуть, что наш подход к реконструкции весьма «либерален»: если есть подозрение, что данный пракорень не может быть объяснен как локальная инновация, мы предпочитаем включить его в праиндоевропейский список на правах синонима⁸.

Мы принимаем следующее дерево уральской семьи: рис. 3.

⁸ Напр., для и.-е. слота 'fire' мы принимаем два синонима: **rex-wer-* (анатолийский, тохарский, греческий, армянский, германский) и **ng-n-i-* (индийский, балтийский, славянский, итальянский). Вторая из основ, конечно, выглядит слабее в плане общей дистрибуции, тем не менее формально она не может быть отброшена, поскольку у нас нет оснований считать, что индийский, балтийский, славянский и итальянский образуют отдельный филогенетический кластер, который не включает в себя германский.

Рис. 3. Филогения уральской семьи

Такая топология традиционно принимается уралистами, см., напр., Collinder 1960: 11; Sinor 1988; Напольских 1997: 256 сл. (хотя ср. и критику в Salminen 2002).

Мы используем унифицированную систему транскрипции для всех и.-е. и урал. форм, вовлеченных в сравнение⁹. Необходимо упомянуть следующие частности.

1) Так называемые ларингалы в и.-е. праформах нерелевантны для наших целей: напр., как последовательность *op-*, так и последовательность *hop-* транскрибируются как *HP*, *əl-* и *hl-* транскрибируются как *HL*, *pa:s-* и *pahs-* транскрибируются как *PS*. Однако, поскольку даже среди авторов настоящей статьи нет полного согласия касательно ларингальной теории, мы добавляем в скобках ларингалистские реконструкции.

2) Когда имеются релевантные анатолийские данные, мы вводим в реконструкцию и.-е. праформы велярный фрикативный **x* (> клинописное ⟨h, ḫ⟩). Напр., и.-е. 'bone' реконструируется как **xost-* (т. е. *KST* в упрощенной транскрипции консонантных классов), а не **h₂est-* (*HST*)¹⁰.

⁹ Как было сказано выше, мы применяем транскрипционную систему проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных / The Global Lexicostatistical Database», которая основывается на фонетическом алфавите IPA: <http://starling.rinet.ru/new100/UTS.htm> [последнее посещение 20.04.2014].

¹⁰ Несмотря на индоевропейский термин «ларингалы», хеттские и лувийские фонемы, обозначаемые через клинописные знаки для ⟨h, ḫ⟩, по всей видимости представляли собой велярный или увулярный фрикативный *x* ~ *χ*. Основные аргументы в пользу такой трактовки сле-

3) Вероятно, следует восстанавливать дополнительный и.-е. фрикативный $*\theta$ для ряда соответствий хеттск. s / лувийск. t / узко-индоевропейск. θ , что предлагается в Ivanov 2001: 133; Иванов 2009: 5 и (независимо) в Касьян & Якубович 2013: 22. В нашем списке такая новация касается двух и.-е. корней: #13 'fingernail' & #25 'eye'. В обоих случаях мы дублируем реконструированные формы с и без фрикативного $*\theta$, напр., в слоте 'eye' мы восстанавливаем два синонима $*\theta ok^w-$ ~ $*ok^w-$ (т. е. $TK \sim HK$ в упрощенной транскрипции).

4) Двойной астериск $**$ используется для тех праиндоевропейских и прауральских основ, которые технически реконструируются по данным изолированных форм, фиксируемых только в одной из групп соответствующей языковой семьи.

В результате нами были получены следующие праиндоевропейский и прауральский списки: табл. 4 (файл таблицы в формате MS Excel вместе с лингвистическими комментариями к каждой из реконструированных форм приводится в дополнительных материалах). Внутри одного семантического слота компьютерный алгоритм рассматривает две формы как синонимичные друг другу, если они разнесены по разным ячейкам или же разделены тильдой (~) внутри одной ячейки. Таким образом, например, в уральском слоте 'tooth' присутствуют три равноправных синонима: $*pi\eta i$ [PN] / $**timä$ [TM] / $**simä$ [SM] (об обработке синонимов при перестановочном тесте см. 2.3 выше). Формы в скобках (и.-е. ларингалистские реконструкции) алгоритмом не учитываются.

дующие: (а) хеттские клинописные знаки для $\langle h, hh \rangle$ были заимствованы из аккадского, где они обозначали звук, восходящий к прасемитскому велярно-увулярному фрикативному $*x \sim *χ$; (b) известные древнеегипетские и угаритские транскрипции хеттских слов передают клинописные $\langle h, hh \rangle$ как $x \sim χ$, а не как ларингальные фонемы (Patri 2009); (с) фонетический сдвиг *ларингальный* > *велярный* весьма редок типологически, ликийский же имеет звук типа k в качестве этимологического соответствия хетто-лувийским $\langle h, hh \rangle$, что также предполагает велярно-увулярную артикуляцию в праязыке.

Табл. 4. Праиндоевропейский и прауральский 50-словные списки

№	Слово	Праиндоевропейский	Прауральский
2	ashes ₃₈	*xas- (*h ₂ eHs-)	*kað ^y ma
6	bird ₃₃	*awi- ~ *wi- (*h ₂ ewi- ~ *h ₂ wei-)	**s ^y arma **nVrmV- **mVntV
8	black ₄₈	*krs-no- *melə-n- (*melh ₂ -n-) *d ^h eng ^w -	**musi- **s ^y äp:ä *rapša **s ^y inti *pek:Vt:V
9	blood ₂₀	*esx-ŕ (*h ₁ esh ₂ -ŕ)	*weri **kimi
10	bone ₃₄	*xost- (*h ₂ est-)	*luwi
13	claw(nail) ₁₉	*θmog ^h - ~ *θng ^h - ~ *mog ^h - ~ *nog ^h - ~ *ng ^h - (*h ₃ nog ^h - ~ *h ₃ ng ^h -)	*künči **kuta
17	die ₁₃	*wel-	*kola-
18	dog ₁₆	*k ^y won-	*penä *ämpV **wini
19	drink ₁₅	*e:g ^{hw} - (*h ₁ eg ^{hw} -)	*y ⁱ yi- ~ *i ^y i-
20	dry ₂₄	*saws-	*kos ^y ka
21	ear ₃₂	*ows- (*h ₂ ews- ~ *h ₂ ows-) **stom-	*pelyä **kawi
23	eat ₂₅	*ed- (*h ₁ ed-)	*sewi- *imi-
24	egg ₄₇	*o:wyo- (*h ₂ o:wyo-)	*muna
25	eye ₄	*θok ^w - ~ *ok ^w - (*h ₃ ek ^w -)	*s ^y ilmä
28	fire ₇	*pex-wŕ (*peh ₂ -wŕ) *ng-n-i-	*tuli
31	foot ₄₃	*pod-	*yalka *ayi ~ *ali
36	hair ₂₇	**ted- **top- *dek ^y - *wel-	*ipti
37	hand ₁₁	*g ^{hy} es-ŕ	*käti

№	Слово	Праиндоевропейский	Прауральский
			**VtV
38	head ₄₉	*k ^y er- *g ^{heb} -Vl- **xors-	*oywa
39	hear ₄₅	*k ^y lew-	*kuwli- **yünti-
40	heart ₁₄	*k ^y erd-	*s ^y äð ^y ä
41	horn ₄₄	*k ^y re-w-ŕ	**amti
42	I ₃	*eg ^y - (*h ₁ eg ^y H-)	*mi-n
		*me- ~ *əme- (*h ₁ me-)	
43	kill ₄₂	*g ^{hw} en-	*wiði-
46	leaf ₄₁	**porst- *b ^{hel} -	*IVpV
48	liver _{25a}	*yek ^w -ŕ **les- **pVn-	*miksa
53	meat ₄₆	*mems-	*siwVIV **ŋVkVð ^y V **aya ~ **að ^y a
54	moon ₁₈	*me:n- (*meh ₁ ŋs-) **or-	*kuŋi
56	mouth ₃₁	*oy-es (*HoH-es-)	*s ^y uwi **aŋi
57	name ₁₀	*nomŋ ~ *lomŋ ~ *ənomŋ ~ *əlomŋ (*h ₁ nomŋ ~ *h ₁ ŋmen-)	*nimi
59	new ₂₃	*new-	*wuð ^y i
60	night ₅₀	*ksep-	*eyi **piyV ~ **piyV
61	nose ₂₉	*nas- **tid- **mVl-	*näri **piya ~ **pið ^y a **ŋulV ~ **ŋuðV
62	not ₃₀	*no ~ *ne	*e-
63	one ₂₁	*syo-	*ük:V *V-
65	rain ₃₉	*xeyu- *suwə- (*suH-)	*s ^y aða-
78	smoke ₃₆	*d ^h ux ^w - (*d ^h uh ₂ -)	*sawi **kačV- ~ **kĩčV-

№	Слово	Праиндоевропейский	Прауральский
			**siksV *čüŋV *pus ^y V *künti
80	star ₄₀	*xəster- (*h ₂ ster-)	*kup ^s yV
81	stone ₉	**Vsu- *g ^w rV-w-on (*g ^w reH-won- ~ *g ^w ṛH-won-) *ak ^y -mo:n (*h ₂ ek ^y -mo:n)	*kiwi **pVy ⁱ
82	sun ₃₅	*sa:w-el- (*seh ₂ w-el-)	*kaya **nVp:V *kečä *päywä
84	tail ₂₆	*puk- **sis- ~ **ses-	*panči
87	thou ₅	*ti ~ *tu:-	*ti-n
88	tongue ₈	*dŋ ^{hy} wa: ~ *g ^{hy} ṇdwa: **lal- ~ **lol-	*kāli *pālmä
89	tooth ₂₂	*ədont- ~ *dont- (*h ₁ dont-) *g ^y omb ^h - **kVg-	*piŋi **timä ~ **simä
90	tree ₃₇	*doru	*po
91	two ₂	*dwo-	*kit:ä
94	water ₂₈	*wed-	*weti
95	we ₁	*wey-s *ns-	*me
96	what ₁₂	*k ^w i-	*mi ~ *mī
98	who ₆	*k ^w i-	*ku-

4. Результаты

По сравнению со всеми предшествующими статистико-вероятностными исследованиями индоевропейско-уральских связей (Ringe 1998; Oswalt 1998; Kessler & Lehtonen 2006; Kessler 2007, см. обзор выше) наш тест оказывается ближе всего к реальной работе сравнительно-исторического лингвиста. В первую очередь это касается критериев выявления этимологических когнатов между двумя языками. В самом деле:

1) компаративисты в принципе исходят из того, что типологически наиболее частотный вид корня – это CVC (где C может

быть нулем), причем такой корень должен обоими согласными соответствовать корню *CVC* из сравниваемого языка (компаративисты, например, не ограничиваются сравнением только начальных согласных у сопоставляемых корней, как поступают некоторые из вышеупомянутых авторов);

2) несмотря на часто встречающиеся и фактически неизбежные исключения, фонетические переходы, постулируемые при этимологическом сравнении, в основном должны быть типологически тривиальными, что предполагает фонетические мутации в рамках одного консонантного класса¹¹;

3) поступенчатая реконструкция, когда праязык реконструируется на основании промежуточных праязыков, ранее реконструированных для предшествующего таксономического уровня, методологически правильнее, нежели прямое сравнение всех засвидетельствованных языков между собой¹².

Нами были получены следующие результаты статистического теста. Внутри исследуемого 50-словника имеется 7 и.-е.–урал. пар, рассматриваемых как этимологические когнаты в традиционной ностратической теории в том виде, в котором она была сформулирована В. М. Иллич-Свитычем и В. А. Дыбо (Иллич-Свитыч 1967; 1971; 1976; 1984).

Речь идет о следующих схождениях (транскрипция в консонантных классах *CC* приводится в скобках):

- 1) и.-е. **kʷlew-* [*KL*] — урал. **kuwli* [*KL*] ‘to hear’;
- 2) и.-е. **me-* [*MH*] — урал. **mi-n* [*MH*] ‘I’;
- 3) и.-е. **nomŋ* [*NM*] — урал. **nimi* [*NM*] ‘name’;
- 4) и.-е. **ti* [*TH*] — урал. **ti-n* [*TH*] ‘thou’;
- 5) и.-е. **wed-* [*WT*] — урал. **weti* [*WT*] ‘water’;
- 6) и.-е. **kʷi-* [*KH*] — урал. **ku-* [*KH*] ‘who’;
- 7) и.-е. **e:gʰw-* [*HK*] — урал. **iʷi-* [*HK*] ‘to drink’¹³.

¹¹ Допущение большого числа необычных фонетических переходов ведет к печальным результатам, см., напр., критический разбор некоей гипотезы индоевропейско-баскского родства в Kassian 2013a.

¹² См., напр., в Г. Старостин 2013 критический разбор попыток обоснования тех или иных африканских макросемей, базирующихся на массовом сравнении форм современных языков.

¹³ Седьмая пара отсутствует в словаре Иллич-Свитыча, поскольку в традиционной реконструкции уральский корень ‘to drink’ выглядит как **уиуе-*, а урал. **у-* не может соответствовать и.-е. нулю. Однако сейчас

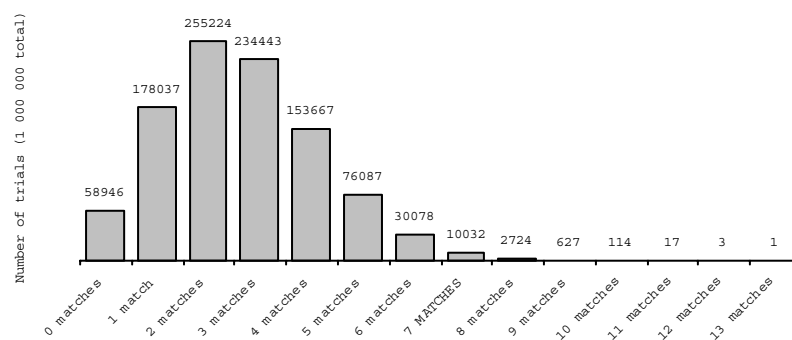
Эти и только эти пары определяются как положительные нашим формальным алгоритмом вне зависимости от того, используем ли мы базовые (табл. 1) или более дробные консонантные классы (табл. 2). Иными словами, наш алгоритм достаточно точен, чтобы не захватить никаких паразитических пар.

При базовых консонантных классах (табл. 1) перестановочный тест дает следующие результаты: рис. 4.

Статистически наиболее частотные значения – это 1 совпадение, 2 совпадения, 3 совпадения и 4 совпадения. Их вероятность P составляет 0.178037, 0.255224, 0.234443 и 0.153667 соответственно, т. е. ок. 17.8%, 25.6%, 23.4% и 15.4% соответственно.

Сумма попыток с 7 и более совпадениями составляет $10032 + 2724 + 627 + 114 + 17 + 3 + 1 = 13518$. Таким образом, вероятность P получить по меньшей мере семь совпадений (как наблюдается в случае исходного и.-е.-урал. списка) составляет 0.013518, т. е. ок. 1.4%.

Рис. 4. Индоевропейско-уральский перестановочный тест (базовые консонантные классы)

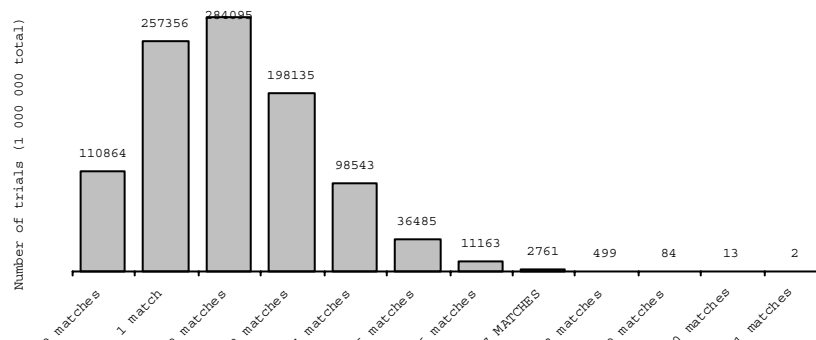
Обычно принимаемый порог статистической значимости составляет 5%, т. е. $P = 0.05$ (это значит, что нулевая гипотеза – случайность наблюдаемого факта – должна быть отброшена, когда вероятность $P < 0.05$). Другой распространенный порог статистической значимости, применяющийся при более точных исследованиях, составляет 1% ($P = 0.01$). Вероятность случай-

прогресс в уралистике позволил изменить реконструированный вид этого корня на **yūi*- или **īyi*-.

ности и.-е.-урал. совпадений (1.4%) ниже порога в 5%, хотя и слегка выше порога в 1%.

При более дробных консонантных классах (табл. 2) перестановочный тест дает следующие результаты: рис. 5.

Рис. 5. Индоевропейско-уральский перестановочный тест (более дробные консонантные классы)

Сумма попыток с 7 и более совпадениями составляет $2761 + 499 + 84 + 13 + 2 = 3359$. Таким образом, вероятность P получить по меньшей мере семь совпадений (как наблюдается в случае исходного и.-е.-урал. списка) составляет 0.003359, т. е. ок. 0.3%. В данном случае вероятность случайности и.-е.-урал. совпадений (0.3%) оказывается ниже даже строгого порога в 1%.

Факт, что в обоих случаях полученные вероятностные значения (1.4% и 0.3%) ниже общепринятого порога статистической значимости (5% или даже 1%), сам по себе не значит, что индоевропейско-уральские схождения *не могут* быть случайными созвучиями¹⁴. И наоборот: если бы нами были получены

¹⁴ См. Kassian forthc. о таких уникальных парах неродственных языков, как современный английский — ари (8 совпадений в структуре *СС*, $p = 0.044\%$) и абиджи — майду (7 совпадений в структуре *СС*, $p = 3.61\%$). На практике, однако, при более детальном исследовании гипотезы языкового родства между английским и ари и между абиджи и майду такие статистические результаты теряют свою доказательную силу по двум причинам. Во-первых, несоответствие общему историческому контексту: предположение о древних миграциях между Европой и Африкой и между Африкой и Северной Америкой выглядит неправдоподобно. Во-вторых, несоответствие лингвистическому контексту: все эти языки имеют своих близких и бесспорных родственников внутри соответствующих языковых групп и семей (германской, омотской, ква, майдуанской), а серия дополнительных парных сравнений между

вероятностные значения, превышающие 5%, это *не доказывало бы* случайность индоевропейско-уральских схождений. Тем не менее, общая методология предполагает, что при получении таких низких вероятностных оценок исследователям следует искать какие-либо содержательные объяснения наблюдаемым фактам, а не списывать их на случайность. Типология языковых контактов делает невероятным объяснение индоевропейско-уральских схождений через заимствования¹⁵. В такой ситуации единственным удовлетворительным решением оказывается признание языкового родства между индоевропейской и уральской семьями в том виде, в котором оно предполагается ностратической гипотезой.

Дополнительные материалы к статье можно скачать по ссылкам:

- http://starling.rinet.ru/~kass/Kassian-Zhivlov-Starostin_IE-Ural_permutation_RUS_2014_supplement.zip
- <https://app.box.com/s/a7rix4ei94zsp5br6mut>

другими языками этих групп доказывает очевидную случайность лексических схождений в парах английский – ари и абиджи – майду.

¹⁵ Хотя детальное обсуждение этой темы выходит за рамки настоящей статьи, мы считаем необходимым кратко изложить основные аргументы против объяснения через языковые контакты. Хорошо известно, что культурная лексика всегда заимствуется первой, а базовая лексика в общем случае более устойчива к вытеснению через заимствования (Thomason & Kaufman 1988: 74 ff.; Thomason 2001: 70 f.). Точнее говоря, это правило соблюдается всегда, когда нам известна социолингвистическая история данных языков и народов. Однако индоевропейско-уральские сопоставления, предлагаемые в исходной версии ностратической теории (Иллич-Свитыч 1967; 1971; 1976; 1984), почти не включают в себя культурных слов. Напротив, большинство и.-е.-урал. этимологий относится к базовой части словаря (см. в частности Helimski 2000/2001, где и.-е.-урал. лексические сопоставления разбираются именно в рамках такого теоретического подхода). Распределение наших семи и.-е.-урал. этимологий внутри 50-словного списка также оказывается значимым. Четыре из них попадают в первую десятку самых стабильных слов (см. список в табл. 3): 'I'₃, 'thou'₅, 'who'₆, 'name'₁₀, и только три этимологии относятся к менее стабильному подмножеству: 'to drink'₁₅, 'water'₂₈, 'to hear'₄₅. Такое распределение внутри 50-словника может быть объяснено только в рамках гипотезы языкового родства, поскольку в случае лексических заимствований мы бы ожидали увидеть основную часть и.-е.-урал. совпадений как раз среди менее стабильных сводешевских единиц.

Архив включает в себя:

- IE-Ural_permutation_RUS_supplement.pdf, этимологические комментарии к реконструированным формам;
- IE-Ural_permutation_RUS_supplement.xls, таблица индоевропейско-уральского сравнения в формате MS Excel.

Литература

- Бурлак & Старостин 2005 – Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. 2-е изд. М., 2005.
- Долгопольский 1964 – Долгопольский А. Б. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 53–63.
- Иванов 2009 – Иванов Вяч. Вс. К исследованию отношений между языками // Journal of Language Relationship. 2009. № 1. Р. 1–12.
- Иллич-Свитыч 1967 – Иллич-Свитыч В. М. 1967. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. М., 1967. С. 321–373.
- Иллич-Свитыч 1971, 1976, 1984 – Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Под ред. В. А. Дыбо. Т. 1: Введение, сравнительный словарь (b – k), М., 1971. Т. 2: Сравнительный словарь (l – z), М., 1976. Т. 3: Сравнительный словарь (p – q), М., 1984.
- Касьян & Якубович 2013 – Касьян А. С., Якубович И. С. Анатолийские языки // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю. Б. Коряков, А. А. Кибрик. М.: Academia, 2013. С. 15–26.
- Напольских 1997 – Напольских В. В. Введение в историческую уралолистику. Ижевск, 1997.
- Г. Старостин 2013 – Старостин Г. С. Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1: Метод. Койсанские языки. М., 2013.
- С. Старостин 2007 – Старостин С. А. Определение устойчивости базисной лексики // С. А. Старостин. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 827–839.
- Aikio 2002 – Aikio A. New and old Samoyed etymologies // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2002, №57. P. 9–57.
- Baxter 1995 – Baxter W. 'A stronger affinity ... than could have been produced by accident': A probabilistic comparison of Old Chinese and Tibeto-Burman // W. S-Y. Wang (ed.). The Ancestry of the Chinese Language. Berkeley, 1995. P. 1–39.
- Baxter 1998 – Baxter W. Response to Oswalt and Ringe // J. C. Salmons & B. D. Joseph (eds.). Nostratic: sifting the evidence. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 217–236.
- Baxter & Manaster Ramer 1996 – Baxter W., Manaster Ramer A. Review of: D. A. Ringe. On Calculating the Factor of Chance in Language Comparison // Diachronica. 1996. Vol. 13. P. 371–384.
- Baxter & Manaster Ramer 2000 – Baxter W., Manaster Ramer A. Beyond lumping and splitting: Probabilistic issues in historical linguistics //

- C. Renfrew et al. (eds.). *Time Depth in Historical Linguistics*. McDonald Institute for Archaeological Research, Oxford Publishing Press, 2000. P. 167–188.
- Beekes 2010 – Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden / Boston: Brill, 2010.
- Blažek 2007 – Blažek V. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of tree-diagram models of the Indo-European languages // *The Journal of Indo-European studies*. 2007. Vol. 35. P. 82–109.
- Bouckaert et al. 2012 – Bouckaert R., Lemey P., Dunn M., Greenhill S. J., Alekseyenko A. V., Drummond A. J., Gray R. D., Suchard M. A., Atkinson Q. D. Mapping the Origins and Expansion of the Indo-European Language Family // *Science*. 2012. Vol. 337, 24 August.
- Campbell & Poser 2008 – Campbell L., Poser W. J. *Language Classification: History and Method*. Cambridge University Press, 2008.
- Collinder, Björn. 1934. *Indo-uralisches Sprachgut: die Urverwandtschaft zwischen der indoeuropäischen und der uralischen (finnischugrisch-samojedischen) Sprachfamilie*. Uppsala, Lundequistska.
- Collinder 1960 – Collinder B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm, 1960.
- Dolgopolsky 1986 – Dolgopolsky A. B. A probabilistic hypothesis concerning the oldest relationships among the language families of northern Eurasia // V. V. Shevoroshkin & T. L. Markey (eds.). *Typology, Relationship, and Time: A Collection of Papers on Language Change and Relationship by Soviet Linguists*. Ann Arbor (MI): Karoma, 1986. P. 27–50.
- Dunn & Terrill 2012 – Dunn M., Terrill A. Assessing the lexical evidence for a Central Solomons Papuan family using the Oswalt Monte Carlo Test // *Diachronica*. 2012. Vol. 29/1. P. 1–27.
- Gray & Atkinson 2003 – Gray R. D., Atkinson Q. D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // *Nature*. 2003. Vol. 426, 27 November 2003.
- Helimski 2000/2001 – Helimski E. A. Early Indo-Uralic linguistic relationships: real kinship and imagined contacts // E. A. Хелимский. *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. М., 2000. P. 489–501 [републикация: *Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki 8–10 January, 1999 (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 242)*. Helsinki, 2001. P. 187–205].
- Helimski 2002 – Helimski E. A. Zu den iranischen Lehnwörtern im Ungarischen // *Finno-Ugrians and Indo-Europeans: Linguistic and Literary Contacts. Proceedings of the Symposium at the University of Groningen, November 22–24, 2001 (Studia Fenno-Ugrica Groningana 2)*. Ed. by R. Blokland & C. Hasselblatt. Maastricht: Shaker, 2002. P. 105–111.
- Ivanov 2001 – Ivanov Vyač. Vs. Southern Anatolian and Northern Anatolian as Separate Indo-European Dialects and Antolian as a Late Linguistic Zone // R. Drews (ed.). *Greater Anatolian and the Indo-Hittite Family*. Washington (D.C.): Institute for the Study of Man, 2001. P. 131–183. (= *Journal of Indo-European Studies*. Monograph Series. № 38).

- Justeson & Stephens 1980 – Justeson J. S., Stephens L. D. Chance cognation: a probabilistic model and decision procedure for historical inference // E. C. Traugott, R. Labrum & S. C. Shepherd (eds.). *Papers from the Fourth International Conference on Historical Linguistics*, Stanford, March 26–30 1979. J. Benjamins, 1980. P. 37–45.
- Kassian 2013a – Kassian A. On Forni's Basque-Indo-European Hypothesis // *Journal of Indo-European Studies*. 2013. Vol. 41, 1–2. P. 181–201.
- Kassian 2013b – Kassian A. The Lezgian linguistic group within the framework of the Global Lexicostatistical Database. Talk given at the conference “Comparative-Historical Linguistics of the 21st Century: Issues and Perspectives”. Moscow, March 20–22, 2013. https://www.academia.edu/3040336/The_Lezgian_linguistic_group_within_the_framework_of_the_Global_Lexicostatistical_Database.
- Kassian forthc. – Kassian A. Lexical matches between Sumerian and Hurro-Urartian: possible historical scenarios. To appear in *Cuneiform Digital Library Journal*.
- Kassian et al. 2010 – Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // *Journal of Language Relationship*. 2010. Vol. 4. P. 46–89.
- Kessler 2007 – Kessler B. Word similarity metrics and multilateral comparison // *Proceedings of Ninth Meeting of the ACL Special Interest Group in Computational Morphology and Phonology*. Prague, 2007. P. 6–14.
- Kessler & Lehtonen 2006 – Kessler B., Lehtonen A. Multilateral comparison and significance testing of the Indo-Uralic question // P. Forster & C. Renfrew (eds.). *Phylogenetic methods and the prehistory of languages*. Cambridge, UK: McDonald Institute for Archaeological Research, 2006. P. 33–42.
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. Some Indo-Uralic Aspects of Hittite // *Journal of Indo-European Studies*. 2008. Vol. 36, 1–2. P. 88–95.
- Kortlandt 2010 – Kortlandt F. *Studies in Germanic, Indo-European and Indo-Uralic*. Amsterdam; New York, 2010.
- McMahon & McMahon 2005 – McMahon A., McMahon R. *Language Classification by Numbers*. Oxford University Press, 2005.
- Nakhleh et al. 2005 – Nakhleh L., Warnow T., Ringe D., Evans S. N. A Comparison of Phylogenetic Reconstruction Methods on an IE Dataset // *The Transactions of the Philological Society*. 2005. Vol. 103. P. 171–192.
- Oswalt 1970 – Oswalt R. The detection of remote linguistic relationships // *Computer Studies in the Humanities and Verbal Behavior*. 1970. Vol. 3. P. 117–129.
- Oswalt 1991 – Oswalt R. A method for assessing distant linguistic relationships // Lamb, Sydney M. & E. Douglas Mitchell (eds.). *Sprung from some common source: Investigations into the prehistory of languages*. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 389–404.
- Oswalt 1998 – Oswalt R. A probabilistic evaluation of North Eurasianic Nostratic // J. C. Salmons & B. D. Joseph (eds.). *Nostratic: sifting the evidence*. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 199–216.

- Patri 2009 – Patri S. La perception des consonnes hittites dans les langues étrangères au XIIIe siècle. In: Zeitschrift für Assyriologie. 2009. Vol. 99. P. 87–126.
- Ringe 1992 – Ringe D. On Calculating the Factor of Chance in Language Comparison. Philadelphia, 1992 (= TAPS 82/1).
- Ringe 1998 – Ringe D. A probabilistic evaluation of Indo-Uralic // J. C. Salmons & B. D. Joseph (eds.). Nostratic: sifting the evidence. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 153–197.
- Salminen 2002 – Salminen T. Problems in the taxonomy of the Uralic languages in the light of modern comparative studies // Лингвистический беспредел: Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Московского университета, 2002. P. 44–55.
- Schindler 1975 – Schindler J. Armenisch *erkn*, Griechisch *ōdōvη*, Irisch *idu* // Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft. 1975. Vol. 89. S. 53–65.
- Sinor 1988 – Sinor D. Introduction // D. Sinor (ed.). The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Leiden; New York; Köln: Brill, 1988. P. xiii–xx.
- G. Starostin 2008 – Starostin G. Making a Comparative Linguist out of your Computer: Problems and Achievements. Presentation at the Santa Fe Institute, August 12, 2008. Available at: <http://starling.rinet.ru/Texts/computer.pdf>
- G. Starostin 2010 – Starostin G. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // Journal of Language Relationship. 2010. Vol. 3. P. 79–116.
- Thomason 2001 – Thomason S. G. Language contact. Edinburgh University Press, 2001.
- Thomason & Kaufman 1988 – Thomason S. G., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. University of California Press, 1988.
- Thomsen 1869 – Thomsen V. Den gotiske sprogklasses indflydelse på den finske. En sproghistorisk undersøgelse. København, 1869.
- Turchin et al. 2010 – Turchin P., Peiros I., Gell-Mann M. Analyzing genetic connections between languages by matching consonant classes // Journal of Language Relationship. 2010. No. 3. P. 117–126.

A. S. Kassian, M. A. Zhivlov, G. S. Starostin.

**Towards a probabilistic evaluation of the Indo-Uralic connection:
Applying automated comparison to reconstructed sets of basic lexicon**

Abstract: In this paper we discuss the results of an automated comparison between two 50-item groups of the most generally stable elements on the so-called Swadesh wordlist as reconstructed for Proto-Indo-European and Proto-Uralic. Two forms are counted as potentially related if their first two consonantal units, transcribed in simplified consonantal class notation (a rough variant of the Levenshtein distance method), match up with each other. Next to all previous attempts at such a task (Ringe 1998, Oswalt 1998, Kessler & Lehtonen 2006, Kessler 2007), our automated algorithm comes much closer to emulating the traditional procedure of cognate search as employed in historical linguistics. “Swadesh slots” for protolanguages

are filled in strict accordance with such principles of internal reconstruction as topology (taking into consideration the structure of the genealogical tree), morphological transparency, typology of semantic shifts, and areal distribution of particular items.

Altogether we have counted 7 pairs where Proto-Indo-European and Proto-Uralic share the same biconsonantal skeleton (the exact same pairs have been traditionally regarded as cognates in most hypotheses of Indo-Uralic relationship) To verify the probability of arriving at such a result by chance we have applied the permutation test, which yielded a positive result: the probability of 7 matched pairs is equal to 1.4% or 0.3%, depending on the constituency of the consonantal classes, which is lower than the standard 5% threshold of statistic significance or even lower than the strong 1% level. Standard methodology suggests that we reject the null hypothesis (accidental resemblance) and offer a more plausible explanation to the observed similarities. Since the known typology of language contacts does not speak in favor of explaining the observed Indo-Uralic matches as old lexical borrowings, the optimal explanation is seen in the hypothesis of Indo-Uralic genetic relationship, with the 7 matching pairs in question representing archaic retentions, left over from the original Indo-Uralic protolanguage.

Keywords: Indo-European languages, Uralic languages, Indo-Uralic hypothesis, Nostratic theory, long-range comparison, lexicostatistics, linguistic reconstruction, permutation test.

КАКОЙ ВЕНОК УВЕНЧАЕТ ПОЭТА? (HORATII OD. I, 38)

Статья посвящена разбору Od I, 38 Горация и анализу правомерного ее местоположения в Одах как завершающей первую книгу. Аргументация строится на основании метрического и лексического анализа (мотив венка – *corona*), а также устанавливается параллель с программной эпиграммой Каллимаха (Anth. Pal. XII. 43), что является дополнительным аргументом.

Ключевые слова: «Оды» Горация, композиция, анализ Od I, 38.

Первую книгу Од Горация завершает эта изящная двустрочная миниатюра, построенная полностью на отрицаниях:

*Persicos odi, puer, adparatus,
displicent nexae philyra coronae,
mitte sectari, rosa quo locorum
sera moretur.
simplici myrto nihil adlabores
sedulus curo <vap. cura> : neque te ministrum
dedecet myrtus neque me sub arta
vite bibentem.*

На фоне заключительных аккордов второй (II, 20) и третьей (III, 30) книг она смотрится как-то несерьезно. К оде I, 38 издатели и исследователи конца XIX – начала XX вв. отнеслись достаточно пренебрежительно и сочли настолько неприятной, что Лукиан Мюллер включил ее в число 3-х самых малозначительных произведений Горация. Можно сказать, что ее «взвесили и нашли ее легкой».

С другой стороны, именно ее место в сборнике продолжало привлекать к ней особое внимание. Высказывались также предположения, что были утрачены две строфы (Vollmer 1905) или даже что не хватает двух од в конце первой книги (Mueller 1898: 128; Belling 1903: 115)¹. Как замечает Г. Хендриксон (Hendrick-

¹Такое допущение настолько возбудило творчество ученой публики, что в 1778 г. в лондонском Джентельменском Журнале (*The Gentleman's Magazine*) появилась публикация «двух дополнительных Од к 1-й книге Горация». Сейчас всерьез эту «находку» никто не рассматривает.

son 1918: 43): «Единственный весомый аргумент, чтобы оправдать внимание к этой теме, – то, что число 40, по всей видимости, более предпочтительно для количества од в первой книге и что 38-я кажется недостаточной для эпилога». Комментарий в Nisbet, Hubbard 1970: 423 также скептичен, но осторожен: «возможно, Гораций был прав, остановившись там, где остановился»; в Блэквелловском Companion эту оду упоминают лишь как редкий пример «одинокоего симпозиума» (Davis 2010a: 131).

Кроме попытки «восстановить» утраченное (которые уже не принимаются всерьез и чему противоречат античные свидетельства и рукописная традиция², высказывались некоторые аргументы, оправдывающие формальную и содержательную скромность завершающей книгу оды: контрастное соседство с I, 37 (*Nunc est bibendum...*), почему Гораций сознательно в следующей песне меняет тон и тему³ (Fraenkel 1957; Mankin 2010); также отмечалось нередкое для горацианских од чередование крупной и малой песни⁴. К тому же поэтика контраста, свойственная горацианскому стилю, включает в себя и его иронию, более или менее явно выраженную в одах⁵.

Нас интересует, можно ли найти дополнительные основания для подтверждения авторского местоположения этой оды в сборнике Од в целом, т. е. «оправдать» в некотором смысле ее законное место в эпилоге первой книги (что дает основание для признания ее позиции в сборнике, по выражению одного из исследователей, «стратегически важной» (Lee 1965: 278)⁶. Так что упрек в «легковесности» *Persicos odi...* несостоятелен. Как нам представляется, можно добавить к этой аргументации «в защиту» еще несколько доводов: метрический, аллюзивно-

² Как «последняя, завершающая» первую книгу эта ода упомянута в большинстве рукописей, в схолиях и у поздних античных авторов (Porphir., Schol. Iuven. 3, 221; Victorin. 2604).

³ Манкин, анализируя в историческом аспекте оду I, 37, замечает по поводу I, 38, что после победной и торжественной предшествующей песни «можно расслабиться» (Mankin 2010: 103).

⁴ Довод несколько сомнительный; небольшие *carmina* в восемь строк или двенадцать редки у Горация: I, 11 (большой асклепиадов стих); I, 20; I, 38; III, 22 (все – сапфические).

⁵ О строении сборника од Горация см. Collinge 1961; тема иронии и самоиронии в связи с эллинистической поэзией обсуждается в Hunter 2006.

⁶ В более новых обзорах горацианской лирики (Harrison 2007; Davis 2010) значимость I, 38 не подвергается сомнению, а даже определяется как «программная» (Barchiesi 2007: 159).

литературный (на какие образцы греческой лирики мог ориентироваться Гораций в I, 38) и понятийно-образный (*corona*).

1. Известно особое внимание Горация к композиционной продуманности своего лирического сборника, где существенную роль играет также и метрика стиха. Один из самых предпочтительных горацанских лирических размеров – алкеева строфа, этим размером он начинает и завершает 2-ю книгу и начинает 3-ю; в целом все три книги имеют обрамление в размере, ни разу больше в них не использованном, – малым асклепиадовым стихом (I, 1 и III, 30); так что завершить 1-ю книгу сапфической строфой, вторым излюбленным размером в сборнике, почти равным по частоте использования алкееву стиху, представляется весьма логичным.

2. В I, 38 не может не насторожить резкое *odi*, сразу вызывающее в памяти *Odi profanum vulgus et arceo...* (III, 1.1). Декларативно или иронично пользуется Гораций столь резким глаголом в *Persicos odi...*? Возможно, и то и другое. Отрицание как прием высказать предпочтение поэта в лирике вполне традиционен, и Гораций использует его часто и в различных вариантах. В нашем случае вся структура оды выстроена на отрицаниях: первая строфа использует семантически «отрицающие» глагольные формы: *odi*, *displacent*, *mitte sectari*, вторая же строится на отрицательных частицах⁷ и заключается двойным отрицанием, что дает изысканное усиленное утверждение – *neque... dedecet*). В одах Гораций достаточно редко пользуется столь сильной формой от первого лица, как «я отвергаю, я не выношу». Но такая формула характерна для эллинистической эпиграмматической поэзии. За горацанскими одами стоят не только Алкей, Сафо, Пиндар, Анакреонт, но и эллинистические эпigramмы. Так сильное (и редкое) *odi*, вполне могло быть непосредственным отголоском поэтического александринизма. В Палатинской Антологии прием личного «отрицания» встречается довольно часто (напр., форма $\mu\epsilon\tau\omicron\iota$ более 15 раз) – это особый тип, некий подвид эпиграмматического жанра, который явно используется (или даже пародируется) Горацием в трех

⁷ *nihil* обычно рассматривают как объект к *adlabores*, однако Fraenkel видит здесь эмфазу отрицания (= *non curo*) и *adlabores* в непереходном значении (Fraenkel 1957: 297. n. 4), подкрепляя примерами из Плавта, Катулла, Вергилия.

одах: I, 38, III, 1 и III, 19 (в последнем случае также симпосийный контекст – фигурируют вино, розы, песнь, любовь, вакхическое безумие – v. 18 *insanire iuvat*)⁸.

Наиболее близкой к I, 38 находят эпиграмму Филодема Гадарского⁹ (Anth. Pal. XI, 34), и не только по контрасту роскоши и умеренности. Эпиграмма Филодема – тем более весомая параллель к I, 38 как образец лирики, практически современной гораціанской, о влиянии которой на него мы мало можем сказать¹⁰. Филодем дорожному и разгульному пиршественному безумству (*mania*) предпочитает более скромный набор тех же обязательных пиршественных атрибутов, категорично проводя черту в середине отказом от «безумного состояния» (= поэтического безумия). Хендриксон, проводя анализ параллелей между двумя текстами (ситуация пира; οὐκ ἐθέλω и μισῶ соответствуют *odi*; венки из левкоя – *coronae philyra nexae*; поворот от неприемлемого к приемлемому ἀλλά με varκίσσοις – *simplici myrto*), отмечает и существенные отличия – Гораций также говорит «от себя и о себе», но, как правило, обращается не к читателю, а к персонажу (зд. *puer*) или адресату стихотворения; снимается тема любви, имплицитно обозначенная, правда, в «мирте» как цветке-венке Венеры (впрочем, как и роза). Добавим, что отрицание шести позиций при одном отрицающем глаголе (οὐκ ἐθέλω) Гораций заменяет на три глагольные формы и соответственно три объекта. Пять же «положительных» атрибутов пирующего в эпиграмме – по существу, на один (*simplex myrtus*).

Но можно привести еще один эллинистический образец, пожалуй даже более знаменитый или более важный в литературном смысле, который мог обыгрывать Гораций. Ода I, 38 была, возможно, вариацией также известной эпиграммы Каллимаха (Anth. Pal. XII, 43), первая часть которой строится на смысловой анафоре: «ненавижу; мне не нравится; не принимаю; у меня вызывает отвращение»¹¹.

⁸ И один раз во множ. ч. – *odimus* (III, 24, 31).

⁹ Немаловажно, что Г. упоминает Филодема в Cat. I, 2, 121.

¹⁰ В своей статье Хендриксон отсылает к давней работе Reitzenstein R. Horaz und die hellenistische Lyrik // NJA. 1908. Bd. 11. S. 81–102 = Reitzenstein 1963: 1–22, где, как он отмечает, показано, насколько много элементов эллинистической поэзии (мотивных и технических) использовано Горацием в одах. К сожалению, эта работа осталась нами не просмотренной. См. также Hunter 2006.

¹¹ В изд. Callimachus and Lycophron. With an English translation by A. W. Mair. London, 1921. P. 156 отзвук каллимахова «непринятия» в

ΚΑΛΛΙΜΑΧΟΥ Epigrammata XII.43.

Ἐχθαίρω τὸ ποίημα τὸ κυκλικὸν οὐδὲ κελεύθῳ
χαίρω, τίς πολλοὺς ὧδε καὶ ὧδε φέρει·
μισῶ καὶ περίφοιτον ἐρώμενον οὐδ' ἀπὸ κρήνης
πίνω· σικχαίνω πάντα τὰ δημόσια.
Λυσανίη, σὺ δὲ ναίχῃ καλὸς καλός· ἀλλὰ πρὶν εἰπεῖν
τοῦτο σαφῶς ἤχῳ, φησί τις· "Ἄλλος ἔχει."¹²

Я **отвергаю** киклическую поэму и мне **не нравится** путь, который для многих открыт; **не выношу** я и любителя находиться среди толпы; и из <общего> источника **не пью**; я **чужд** всего общепринятого. Лисаний, ты, о да, прекрасен, прекрасен; но прежде, чем Эхо отчетливо повторит это, кто-то скажет: «Другому ты принадлежишь».

Схема Каллимаха, декларация о «непринятии» в двух дистихах и резкий поворот в третьем (подчеркнутое утверждение с немедленным отрицанием), также меняется у Горация. При этом важно, что в I, 38 сохраняется градация отрицания – от более резкого выражения к более мягкому (Ἐχθαίρω... οὐδὲ χαίρω... μισῶ... σικχαίνω у Каллимаха; *odi... displicent... mitte sectari... nihil curo* у Горация), и даже Гораций, изящно варьируя, сохраняет количество отвергнутого. Более того, Гораций меняет жанровую форму – содержание *epigrammatis* переоформляется в *carmen*, – и поэт выбирает для этого сапфическую строфу. Таким образом не просто «римское содержание» вливается в греческую форму, а даже, можно сказать, наоборот – греческие формы архаической и классической лирики становятся в лирике Горация инструментом для передачи и традиции, и новаторства одновременно. Черпая одновременно из двух греческих источников, Гораций обыгрывает эпиграмматический прием в своей индивидуальной поэтической технике.

Но что представляется еще более важным – эпиграмма Каллимаха имеет явно программный характер в смысле литературных предпочтений, поэтической позиции. Так что использование Горацием оба раза формы *odi* с аллюзией на эту эпиграмму в знаковых, «обрамляющих» Одах – последняя первой и первая третьей книги, может также нести особую смысловую нагрузку.

горацианском *odi* отмечен слепой ссылкой, однако отсылал переводчик к более известной Hor. Od. III, 1. 1 (*Odi profanum...*).

¹² Запятая после Эхо предложена Е. Peterson 1875.

3. Достаточно частое внимание I, 38 привлекает как образчик топосных мотивов темы пира, не только в контексте греческой лирической топики, но и в рамках гораціанской лирики (напр., Davis 2007). Пир как метафора жизни типичен для поэтического языка. В нашей оде слишком высока концентрация аллюзивно-символической образности. Выбор простоты жизни как доминирующий мотив в лирике Горация контрастирует здесь с густотой знаковости каждой детали в тексте, даже каждой лексемы, что отмечают педантично комментарии (Nisbet, Hubbard 1970: 423–427) и некоторые исследователи (Lee 1965):

Persicos adparatus – отказ не только от роскоши восточного пира, но и от всего чужого и чуждого (тихий личный *angulus* во второй строфе, а слава Рима – в предыдущей оде); *nexae philyrae coronae* – лыком связывались первоначально победные венки (или гирлянды), замененным позже на ленты или даже их золотую имитацию (Plin. HN 16, 65) – знак высшей почести; *rosa sera*, которая еще *moretur* – не только топосный знак богато пирующих, но указывает на ее дороговизну.

Еще один важный аспект – контраст высокого и низкого стиля речи (достаточно традиционный язык лирики перемежается с разговорными обиходными оборотами): *mitte sectari* – параллель у Плавта, *mitte loqui* у Горация в Эподах (13, 7), а также императивное *mitte* в II, 20; *quo locorum* – вместо общепринятого *quo loci* (паралл. у Плавта); *adlabores* – редкое слово¹³, встречается на весь корпус классических текстов только дважды именно у Горация (еще Epod. 8,20); *myrtus* (вполне коррелирующийся с *rosa*) снижен эпитетом *simplex*¹⁴; *sedulus* – “*id est officiosus*”, по разъяснению Порфириона (Porph. ad loc.)¹⁵. Такое вкрапление «непоэтического» языка также подчеркивает выбор «своего», римского (*persicos* ударное первое слово указывает на чуждое поэту).

¹³ Скорее всего, префикс специально добавлен Горацием, чтобы создать звуковой параллелизм первой и второй строф (*apparatus* – *adlabores*), по остроумному предположению Ли (сходно он усматривает в *moretur* отзвук *moriatur*, а в *vite bibentem* – *vita viventum* на чем и строит концепцию темы смерти в I, 38 и II, 20) (Lee 1965: 278).

¹⁴ В ином контексте Гораций март и лавр упоминает как черты современной роскоши (в противоположность суровым нравам предков) – II, 15.

¹⁵ *sedulus*, а уж тем более *officiosus* у Горация в Одах больше не встречается, только в Сатирах и Посланиях (*officiosa sedulitas* – Ep. I, 7. 8).

Можно посмотреть на этой миниатюре горацианскую «технику контраста», по выражению (Collinge 1961). Роскошное пиршество и скромное не только контрастируют, но и переключаются:

1 строфа	2 строфа		
<i>persicus</i>	<i>simplex <myrtus></i>	контраст с переключкой	
<i>apparatus</i>	<i>nihil curo sedulus adlabores</i>	резкий контраст с переключкой	возможно, редкое <i>adlabores</i> подобрано, чтобы параллелизм был очевиден
<i>rosa</i>	[<i>vinum</i>]	переключка без контраста	
<i>rosa</i>	<i>myrtus</i>	переключка с контрастом	
<i>sera</i> (роза, поэтому дорогая)	<i>simplex</i> (но мирт)	резкий контраст с переключкой	
<i>puer</i>	<i>minister</i>	возможно, резкий контраст (если <i>puer</i> не <i>minister</i>) с переключкой	
<i>odi, displicent, mitte sectari</i>	<i>neque dedecet</i>	резкий контраст с переключкой (в отрицательной форме)	

Присутствует также и метрический параллелизм/контраст – начальные строки каждой строфы – *persicos odi* и *simplici myrto*; конечные строки каждой строфы – *rosa moretur* и *vite bibentem*.

Наконец, завершающие слова *sub arta vite* – поэт под сенью дерева (ср. *sub tegmine fagi* Verg. Ecl. 1) или лозы, часто не явно, но образно указывает на покровительство и безопасность – тут уместно вспомнить Od I, 1, первую строку с прямым обращением к Меценату и последние (v. 30-32 *me gelidum nemus Nympharumque leves cum Satyris chori secernunt populo*, – концы в первой книге сведены.

4. CORONA. Гораций в I, 38 отвергает дорогой материал для венка и даже тип венка (связанная лыком гирлянда или венок – высшая награда в социуме), но не сам венок. Этот атрибут остается в нашей оде прежде всего как традиционная реальность пира. Грегсон Девис (Davis 2007: 207–208) справедливо указывает, что тема пира присутствует также и в программной первой оде (Maecenas atavis...): *me doctarum hederæ præmia frontium dimiscunt superis* (v. 29–43), чем косвенно подтверждается «законность» места I, 38. Образуется рамка: в I, 1 хоровод с нимфами и сатирами вакхического толка¹⁶; это окружение поэта противопоставлено толпе (*secernunt populo* v. 32). Таким образом и в первой и в последней одах 1-й кн. автор подчеркнуто себя отделяет и остается один: и там, и там тема пира; и там, и там он увенчан – сначала плющем, но пребывая в обществе нимф и сатиров; в конце «просто миртом», но оставаясь в лирическом одиночестве (адресат, *puer*, только подчеркивает, что Г. пьет «один без гостей»). В первом случае – задана претензия на божественную награду и особую миссию (*quodsi me lyricis vatibus inseres*, 35), что реализуется в II, 20 и III, 30, а в последнем – выбор эпикурейской скромной позиции в жизни, но это жизнь Горация-человека, мир друзей. Гораций-поэт явно стремится к иному.

В горацянских одах увенчиваются (*corona, coronare, palma*) розами (I, 38; II, 11; III, 15), цветами (I, 4; I, 5; I, 26; III, 28), оливей (I, 7), тополем (I, 7), сельдереем (II, 7), розмарином (III, 23), виноградом (III, 25), плющем (I, 1), миртом (I, 4; I, 38; II, 7; III, 23), лавром (III, 30) или венок просто упоминается (I, 17; II, 7; III, 14; *palma* – I, 1; III, 20). Это преимущественно – венки пирующих, в том числе венок победы (Цезарь в III, 14), или венок-награда атлету (*palma*). Но почти во всех случаях венки предназначаются не для поэта, а для его адресата или персонажа. Особое место в этом ряду занимает мирт и лавр¹⁷. Во-первых, лишь такие венки в паре поэт применяет к себе (одному или в компании с очень близким другом, Помпеем Варом – II, 7); во-вторых, используя в ином контексте мирт (и лавр) сначала как признак роскоши современного Рима (II, 15), а

¹⁶ Отголосок «вакхического венка» будет в третьей кн. Од (3.25.20 *sequi deum // cingentem viridi tempora rampino*), но здесь венок из виноградных листьев принадлежит самому Вакху.

¹⁷ Следует отметить, что *laurus* еще употребляется узко терминологически как символ триумфа (II, 1; II, 2).

затем эту же пару как символ личного покровительства богов («К Каллиопе» 3, 47. 18–19 *ut premerer sacra // lauroque conlataque myrto*), Гораций в некотором смысле снимает весь пафос и в I, 38 (идеал скромной жизни) и в III, 30 (гордую уверенность в высшей поэтической награде), т.е. глубинная ирония горацианского поэтического языка проецируется на оба эпилога¹⁸.

Набор пиршественных топосов I, 38 – венок, роза, (имплицитно – любовь), [вино] в первой части – перекликается с венком, миртом, (имплицитно – любовь), [вином] во второй. По существу и в одном и в другом случае меняется только, **какой** венок выбирает поэт. Вспомним 1 оду 1-й книги – выбор Горация также в символе венка, венка, связанного с Вакхом (*doctarum hederæ præmia frontium* v. 29), уместный для хорова нимф и сатиров. Отвергая в эпилоге книги «венок, скрепленный лыком» как знак высшей почести в социуме, поэт выбирает простой венок, венок скромного пира. В I, 1 венок как награда, знаменующая победу – в 1-й Оде присутствует такой знак победы (v. 5 *palma* – в беге колесниц или в битве) – также имеет свою контрастную пару со скромным «снижением» – венок из плюща (v. 29 *doctarum hederæ præmia frontium*).

Но завершена только первая книга. Два скромных венка обрамляющих 1-ю книгу Од сменяются метаморфозой в птицу (с аллюзией на многие поэтические образцы), а в оде-эпилоге 3-ей книги и всего сборника в целом, как известно, Горацию будет необходим другой венок – венок победы, триумф не гражданина, но поэта.

Литература

- Anthologia Graeca (Anth. Pal.) – по базе TLG (2nd ed. Heimeran, Munich. Vol. 1–2, 1965; Vol. 3–4, 1968)
 Barchiesi 2007 – Barchiesi A. Carmina: Odes and Carmen Saeculare // Harrison S. J. (ed.). The Cambridge Companion to Horace. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 144–161.
 Belling 1903 – Belling H. Studien über die Liederbücher des Horatius, Berlin, 1903.
 Clay 2010 – Clay J. St. Horace and Lesbian Lyric // Davis G. (ed.). A Companion to Horace. Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 128–146.
 Collinge 1961 – Collinge N. E. The Structure of *Horace's Odes*. London: Oxford University Press, 1961.

¹⁸ Эпилог второй книги, II, 20, имеет свое «снижение» в последней строфе (*mitte supervacuos honores*).

- Davis 2007 – Davis G. Wine and the Symposium // Harrison S. J. (ed.). The Cambridge Companion to Horace. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 207–220.
- Davis 2010a – Davis G. (ed.). A Companion to Horace. Blackwell Publishing Ltd., 2010.
- Davis 2010b – Davis G. Defining a Lyric Ethos: Archilochus lyricus and Horatian melos // Davis G. (ed.). A Companion to Horace. Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 105–127.
- Fraenkel 1957 – Fraenkel E. Horace, Oxford: Clarendon Press, 1957.
- Harrison 2007 – Harrison S. J. (ed.). The Cambridge Companion to Horace. Cambridge, 2007.
- Hendrickson 1918 – Hendrickson G. L. An Epigram of Philodemus and Two Latin Congeners // The American Journal of Philology. 1918. Vol. 39, No. 1. P. 27–43.
- Hunter 2006 – Hunter R. The Shadow of Callimachus. Studies in the reception of Hellenistic poetry at Rome. Cambridge University Press, 2006.
- Lee 1965 – Lee M. O. Horace, Odes, I, 38: Thirst for Life // The American Journal of Philology. 1965. Vol. 86, No. 3. P. 278–281.
- Mankin 2010 – Mankin D. The Epodes: Genre, Themes, and Arrangement // Davis, G. (ed.). A Companion to Horace. Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 93–104.
- Nisbet, Hubbard 1970 – Nisbet R. G. M., Hubbard M. 1970. A Commentary on Horace: Odes Book I. Oxford, 1970.
- Vollmer 1905 – Vollmer A. Überlieferungsgeschichte des Horaz. Philol. Supplementband X (1905).

**M. S. Kassian. What kind of wreath will crown the poet ?
(Horatii Od. I, 38)**

This paper aims to demonstrate that Horace's Od. I, 38 (*Persicos odi...*) is not so simple as it seems, and that it is a poem strategically placed. We try to show with additional arguments (metrical, and lexical – *corona*-motive) that its place in whole structure of the first book of Odes, as well as in the whole collection is legitimate. The allusive parallels between it and the program-*epigramma* of Callimachus (Anth. Pal. XII. 43) may confirm it too.

Keywords: Horace's Odes, Horatii Od. I, 38, Callimachus.

СВЯТИЛИЩЕ В ЛАБРАНДАХ И ДИНАСТИЯ ГЕКАТОМНИДОВ

В статье рассматриваются вопросы культа в Лабрандах, одном из главных святилищ Карии в IV в. до н. э., а также визуальный язык, использовавшийся Гекатомнидами. В качестве примера берется новая культовая статуя Зевса.

Ключевые слова: Кария, династия Гекатомнидов, IV век до н. э., святилище в Лабрандах.

«Hekatomnid Karia» is a political, not a geographical expression¹, отмечает Саймон Хорнблоуэр в своей монографии, посвященной Мавсолу (Hornblower 1982: 2). Действительно, под термином «Кария Гекатомнидов» подразумевают сложную совокупность общественных и культурных явлений, связанных с деятельностью этого амбициозного рода. Неудивительно, что в последние десятилетия эта эпоха все больше привлекает внимание ученых². Приведенная выше книга Хорнблоуэра легла в основу большинства исследований, поскольку в ней впервые предпринята всеобъемлющая концептуализация деятельности Мавсола и Гекатомнидов. Этот труд способствовал формированию общепринятых взглядов на Карию в контексте истории древнего мира. Местные правители IV в. сочетают власть, данную Ахеменидами с сакральным аспектом, основанным на местных традициях. Их политика во многом предвосхищает модели

¹ «Кария Гекатомнидов является не географическим понятием, а политическим».

² В рамках данной статьи нет возможности раскрыть всю историографию вопроса, однако можно привести ряд изданий материалов тематических конференций: Linders T., Hellström P. (eds.). *Architecture and Society in Hekatomnid Caria*. Uppsala, 1989; Isager J. (ed.) *Hekatomnid Caria and the Ionian renaissance*. Odense, 1994; Rumscheid F. (ed.), *Die Karer und die Anderen*. Bonn, 2009; van Bremen R., Carbon J.-M. (eds.). *Hellenistic Karia: Proceedings of the First International Conference on Hellenistic Karia*. Oxford, 2010; Karlsson, L., Carlsson, S. (eds). *Labraunda and Karia, Proceedings of the International Symposium Commemorating Sixty Years of Swedish Archaeological Work in Labraunda*. Uppsala, 2011; Henry O. (ed.). *4th Century Karia. Defining a Karian identity under the Hekatomnids*. Istanbul; Paris, 2013.

поведения эллинистических правителей. Династия, сумевшая в IV в. до н. э. создать в юго-западной Малой Азии квазигосударственное образование, демонстрирует широкий набор политических инструментов, причем обращение к греческому культурному опыту было лишь одним из них. Потомки Гекатомна из Милас, получив статус сатрапа, постепенно расширяют свою сферу влияния, всегда уделяя много внимания репрезентации собственной власти. Самым мощным политическим актом, пожалуй, можно считать предпринятый Мавсолом синоикизм побережного Галикарнаса и окружающих городов (Hornblower 1982: 78–105). Во внутренних же регионах Гекатомниды активно развивали карийские религиозные центры – засвидетельствовано множество посвящений в Синури, Амизоне и в Лабрандах.

Святынище в Лабрандах в эпоху Гекатомнидов было значительно расширено. Однако покровительство династии обозначало не только возведение новых зданий: из места локального культа Лабранды превратились в символ могущества династии. Эта тема неоднократно рассматривалась исследователями, но некоторые моменты требуют уточнения. В настоящей статье будет дан краткий обзор основных проблем, связанных с развитием лабрандского святилища и его связей с династией Гекатомнидов. Помимо этого, хотелось бы высказать несколько соображений по поводу иконографии культовой статуи Зевса Стратия/Лабрандского, установленной Гекатомнидами. Этот вопрос, на наш взгляд, еще не получил должного рассмотрения.

1. Святынище в Лабрандах

Топоним Лабранда, засвидетельствованный в греческих и латинских текстах в нескольких вариантах написания³, имеет лувийское происхождение. Он обозначает «местность, богатую *labra*», определенным видом растений (Herda 2013: 433, n. 39). Эта связь была утеряна, и античные авторы, описывая святилище Зевса Лабрандского, соотносили название места с лабрисом, двусторонним топором, одним из атрибутов чтимого здесь бога (Plut. Quaest. Gr. 45), или с присылаемой им «сви-репой» (λάβρος) грозой (Ael. NA 12.30). Впрочем, именно возможная связь с лабрисом, с лабиринтом, а также сообщение

³ Самые распространенные варианты: Labranda, Labraunda, Lambraunda, Labraynda (Hellström 2007: 16; Hellström 1997: 113, n. 1).

Геродота о том, что карийцы пришли в Анатолию с эгейских островов (Hdt. 1.172) привели к началу раскопок на территории святилища в 1948 году. Предводитель экспедиции, шведский археолог Аксель Перссон, надеялся найти архив карийских текстов, а в них – ключ к расшифровке линейного письма В (Hellström 2007: 49). Количество находок с карийскими текстами оказалось достаточно скромным, а самыми ранними находками долгое время, вплоть до сезона 2012 года (Henry et al. 2013), были фрагменты керамики VII века до н. э. Поиски эгейских связей постепенно уступили место поискам анатолийских корней, но вопрос о начале культовой деятельности в Лабрандах до сих пор остается открытым.

Святилище находится на верхней центральной точке большой долины, на высоте 650 метров над уровнем моря (Karlsson 2013: 178). На первых этапах оно было связано с природными явлениями – карийцы (или их предки), можно сказать, «служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом» (Втор. 12.2). Геродот упоминает священную платановую рощу (Hdt. 5.119). Центральной точкой святилища могла быть т. н. «Расколота скала» (“Split Rock”) – огромный валун местного гнейса округлой формы, рассеченный на две части. Рядом возвышается еще одна скала (часть коренной породы). В обеих скалах были высечены ступени для подъема и прорублены квадратные ниши для даров.

Приспособление природных форм и применение скальной архитектуры для культовых целей является общей чертой древних народов, населяющих гористые регионы. Это встречается у хеттов, урартов, фригийцев (Berndt-Ersöz 2006: 143). Из-за сходства лабрандского комплекса с фригийскими святилищами, также располагавшимися под открытым небом, возникло предположение, что «Расколота скала» и ее окружение могли служить местом почитания Кибелы: близость источника, культовые ниши и находка небольшой терракотовой статуэтки Кибелы на троне (V в. до н. э.) подтверждают эту идею. По мнению Л. Карлссона, основным мотивом древнейшего лабрандского культа был священный брак (*ἱερός γάμος*) между Кибелой, отождествляемой с «Расколотой скалой», и богом Грозы (Karlsson 2013). В последних отчетах Шведского археологического института термин «святилище Кибелы» уже обычен (Henry et al. 2013: 298). В том же отчете опубликованы первые результаты недавно начатых работ на этом участке. Самые

ранние находки датируются серединой V тыс., есть фрагменты керамики бронзового века – разумеется, это еще не говорит о наличии здесь святилища. Однако есть надежда, что дальнейшие раскопки прольют свет на раннюю историю этого места.

С большой вероятностью можно говорить о том, что во второй половине VII в. до н. э. в Лабрандах уже существует святилище (Hellström 1991: 297; Baran 2006: 22), но оно занимает сравнительно небольшую территорию. Рядом с «природными» элементами появляются новые, рукотворные: укрепляется терраса и в конце VI в. до н. э. строится первый храм (Baran 2006). Возможно, что это связано с изменениями в культе, но о точном характере архаических лабрандских практик мы судить пока не можем. Новый храм не обозначает, что зона «Расколотой скалы» теряет свою значимость, но определенные сдвиги акцентов можно предположить. Оформление террасы, более четкое выделение теменоса, появление построек указывают на стремление организовать движение по святилищу.

В IV в. на территории Лабранд проводились строительные работы. За сравнительно короткий период времени в святилище был воздвигнут ряд новых зданий, большинство из которых можно напрямую (благодаря votivным надписям) связать с Мавсолом и Идриеем. Территория была расширена на юг за счет двух новых террас, сообщение между которыми осуществлялось посредством монументальных лестниц. Очевидно, движение участников религиозных праздников играло важную роль в лабрандском ритуале – святилище было кульминационной точкой шествия от города Миласы по «Священной дороге» длиной в 60 стадиев (Strab. 14.2.23). Дорога имела каменное покрытие, и на всем ее протяжении были источники, оформленные небольшими постройками (Baran 2011). На территории самого святилища постройки (пропилеи, стои, андроны и прочие здания) задавали зигзагообразную траекторию движения к храму, с постепенным подъемом. П. Хельстрем сравнивает эту схему с планировкой святилища в Дельфах и допускает, что Гекатомниды могли сознательно ориентироваться на нее (Hellström 1991: 308).

Заслуживают внимания пиршественные залы, андроны, построенные Мавсолом (андрон Б) и Идриеем (андрон А). Оба здания созданы по схожей схеме. Они представляют собой прямоугольные постройки, сочетающие в себе черты разных ордеров: на фасаде две *ионические* колонны в антах поддерживают *дорический* антаблемент. Внутри зданий располагался большой

зал с 20 ложами. Вотивные надписи высечены по архитраву. Вынесение личных имен и посвятительных формул на такую центральную позицию считалось проявлением «варварского высокомерия» Гекатомнидов, но в статье Г. Умхольц было убедительно доказано, что лабдранские андроны вписываются в традицию личных посвящений (Umholtz 2002).

Повышенное внимание Гекатомнидов к Лабрандскому святилищу позволяет предположить, что в IV веке до н. э. в ритуалах появляется новый элемент, акцентирующий роль царя, или царя-жреца. Неизвестно, является ли это нововведением, или усилением/возобновлением старых традиций.

2. Лабранды как религиозный центр в IV веке до н. э.

Мужское божество, почитаемое в Лабрандах, в античных источниках известно только как Зевс. С ним связаны два эпитета. Один из них относится к топониму Лабранды. Второй – Стратий (известный в эллинистических культах) определяет воинственный характер бога. Однако античные авторы применяют эти определения непоследовательно. Геродот сообщает (Hdt. 5.119), что карийцы, после поражения в битве с персами (497 г. до н. э.), искали убежище на территории святилища Зевса Стратия (ἐς Διὸς στρατίου ἱερόν) в Лабрандах. Страбон сначала называет бога по имени местности – Зевс Лабрандский, но потом пишет, что в *лабрандском* храме стоит древняя деревянная статуя Зевса Стратия (ξόανον Διὸς Στρατίου). В этом же пассаже автор упоминает почитание в Миласах Зевса Осого и Зевса Карийского (Strab. 14.2.23). Неудивительно, что в более позднем тексте Элиана возникает путаница – он отождествляет Зевса Стратия с Зевсом Карийским, но упоминает и Зевса Лабрандского (Ael. NA 12.30).

Справедливо предполагать, что за греческим названием «скрывается» местный вариант общеанатолийского бога Грозы (не является ли «народная этимология» Клавдия Элиана отголоском этой традиции?). Его карийское имя, возможно, засвидетельствовано на обломке горловины аттического чернофигурного кратера, найденного в Иасосе (C.Ia 3; фотография памятника – Karlsson 2013: Fig. 11). Буквы нацарапаны поверх фриза с бегущими кабанами и собаками. По мнению Адиего надпись имеет прочтение (Adiego 2007: 147):

?] areš | šanne młne | siykloš | šann | trqude | kλmuδ [?

Слово *trqide* интерпретируется как имя бога, соответствующее Тархунту и, судя по посвятельному характеру надписи, стоит в дательном падеже (Adiego 2007: 286).

Правомерно возникает вопрос – сколько и каких богов почитали карийцы, как они понимали эту многоименность? Очевидно, что Зевс Осого отличался от местных богов в Лабрандах и в Миласе: по функциям и атрибутам он связан с морем (Кишбали 2012: 31). Не ясно, чем отличаются друг от друга Зевс Лабрандский и Зевс Карийский; являются ли они разными божествами и как соотносятся с Зевсом Стратием.

Главной характеристикой можно считать «принадлежность» божества к святилищу и общине. Исследователи отмечают важную роль общин (*κοινά*) в социальной жизни Карики, что способствовало длительному размежеванию местных культов, ведь именно святилища выступали одним из организующих факторов. В монографии о карийской религии Ломонье утверждает, что мы имеем дело с божествами разных уровней – Зевс Карийский был «общекарйским» божеством и отождествлялся с верховным божеством лидийцев и мисийцев, имеющих «долю как братья»⁴ в миласском святилище (Strab. 14.2.23); Зевс Лабрандский был богом общины Милас (или одной из общин города) (Laumonier 1958: 39–40). Хорнблоуэр в монографии о Мавсоле посвящает целую главу разбору *κοινά* (Hornblower 1982: 52–78).

Необходимо сделать небольшое отступление историографического характера. У обоих авторов (и у ряда последующих, напр. Carstens 2011) нет четкого определения «карйской общины». Под этим термином понимают и небольшие, локальные объединения населенных пунктов, и крупные союзы, некую «Карйскую лигу» – *οἱ Κάρες* (Hornblower 1982: 55). Сама идея о существовании общего объединения кажется верной – в античной традиции карийцы часто выступают единым фронтом

⁴ Необходимо отметить, что лидийцы могли иметь там долю в VI веке до н. э. не как «братья», а как «братья старшие»... Согласно Геродоту, мать Креза была карийкой (Hdt. 1.92), а карийцы были его подданными (Hdt. 1.28). Крез славился своим богатыми дарами, посылаемыми во все крупные святилища (Hdt. 1.92) – можно предположить, что свою долю в миласском храме лидийцы получили именно таким образом. После падения Лидийского царства и установления власти Ахеменидов в Малой Азии, Кария входила в состав сатрапии Лидия-Спарда. Вполне возможно, что лидийско-карйские связи в Миласах продолжали действовать и на этом этапе, в форме сатрапальных вотивов.

(Nom. II. 2.865; Hdt. 5.119). Однако на данный момент существует недостаточно материалов, относящихся к IV, а тем более, к VI–V вв. до н. э. Слово κοῖνόν, возможно, встречается в двух надписях времени Гекатомнидов, однако только по реконструкции Хорнблоуэра (Hornblower 1982: 55–56, n. 28). Кажется более вероятным, что термин был привнесен родосцами в III в. до н. э. В этом заключается парадокс изучения ранних форм карийских объединений: суждения высказываются исследователями либо «ретроспективно», на основе богатого эпиграфического материала эллинистического времени (своеобразная «обратная разработка», reverse engineering), либо с ссылками на более древнюю (отчасти – гипотетическую) «коренную» традицию. «Карийская лига» Хорнблоуэра смоделирована по образцу и современного ей Ионийского союза, и Хрисаорейского союза эллинистического времени. Нельзя исключать, что Мавсол и/или карийцы могли ориентироваться на опыт соседей. Тем не менее, общественный строй Карики доэллинистического времени требует дальнейших исследований: идея о существовании союзов и объединений правильна, но нужно найти модель для ее понимания.

Теперь возвращаемся к теме «карийских Зевсов». С учетом всего вышесказанного, божество номинально могло быть одним и тем же – в IV веке речь идет о «Зевсе Стратии лабрандского святилища» и «Зевсе Стратии миласского святилища».

3. О новом и старом культовых образах Зевса в Лабрандах

Новый храм, выстроенный Идриеем на месте старого (возможно даже с включением его в новый комплекс – Baran 2006: 36) сохранял древнюю статую (ксоан) Зевса Стратия, упоминаемую Страбоном. Можно предположить, что Гекатомниды (а конкретно – Мавсол), помимо построек, посвятили и новую статую. Архитравная надпись андрона Б гласит:

Μαύσσωνος Ἐκατόμνω [ἀνέθηκε τὸν ἀ]νδρῶνα [κα]ὶ τὰ ἐνέοντα διὰ Λαμβραύνδωι (ILabraunda 14 = RHI 260081), т. е. Мавсол, сын Гекатомна, посвящает этот андрон и имеющееся [внутри] Зевсу Лабрандскому. Уточнение “τὰ ἐνέοντα”, возможно, указывает именно на статую. Местом же для образа служила прямоугольная «апсида» в восточной части здания.

Ни ксоан, ни новая статуя до нас не дошли, однако о них можно судить по косвенным данным. Любопытно, что на миласских монетах римского времени предпочитали изображать

нарочито архаический (или архаизированный) ксоан⁵. Но на монетах IV в. до н. э. божество имеет иной вид. Если принять, что изображается конкретная статуя божества (связанная с конкретным правителем), то нумизматический материал может служить фундаментом для гипотетической реконструкции.

Основной тип чекана Мавсола включал голову Аполлона⁶ на аверсе и изображение статуи Зевса на реверсе. Зевс изображен в профиль опирающимся на одну ногу в своем движении. В левой руке он держит длинное копье, а в правой – лабрис, двуострый топор (cf. Plut. Quaest. Gr. 45). Он облачен в длинный хитон и гиматий, образующий на животе крупные горизонтальные складки. Отметим, что известная статуя Мавсола⁷, найденная при раскопках Мавзолея в Галикарнасе имеет сходную позу (опирается на правую ногу, а левую выставляет вперед) и ровно такое же одеяние. Остатки рук позволяют судить о том, что они были почти прижаты к телу. Левое предплечье было вытянуто. Неизвестно, держал ли «Мавсол» какие-либо предметы. Реконструкция утраченных рук по схеме, близкой к культовому образу Зевса Лабрандского кажется заманчивой, но не имеет основания, однако имеется определенное иконографическое сходство позы и одеяния. Возможно, именно эти черты являлись признаками власти в глазах современников и широко применялись для изображения «царя божеств» (Зевса Лабрандского) или же – обожествленного царя.

Более точное представление об облике новой культовой статуи дает голова Зевса из Милас, находящаяся в Музее изящных

⁵ Предположительно такой же образ присутствует и на утраченном рельефе, который Дж. Вуд, стоявший во главе раскопок в Эфесе, видел «в саду турецкого джентльмена в Миласах» (Wood 1877: 270–271).

⁶ В рамках данного исследования нет возможности остановиться на этом образе, но необходимо отметить, что Аполлон, наравне с Зевсом, играл важную роль в сложении синкретических культов на территории Малой Азии и «брал на себя» часть функций анатолийских богов. См. подробнее: Сапрыкин 2009: 47–49. «Аполлоновская» тематика прослеживается во многих аспектах деятельности Мавсола в Кarii IV в. до н. э. (Konuk 2013: 107–108), и высказывалось предположение, что он отождествлял себя с Аполлоном (Hornblower 1982: 261).

⁷ Собрание Британского Музея: инв. № 1857, 1220.232 / BM-1001; по каталогу Waywell 1978: no. 26. Статуя скорее всего изображает одного из предшественников Мавсола, возможно, Гекатомна, и могла стоять в т. н. «галерее предков» Мавзолея (Кишбали 2013: 62–63). В настоящее время исследователи видят Мавсола в сидящей на троне мужской фигуре (№ 1857, 1220.235 / BM-1044; Waywell 1978: no. 33).

искусств Бостона (инв. № 04.12). Памятник датируется 350–340 гг. до н. э., т. е. был создан при Гекатомнидах (и, возможно, по их заказу). Данное произведение является вольной интерпретацией головы Зевса Олимпийского Фидия (Vermuele 1967). На верхней части головы находится отверстие для крепления еще одной детали – высокого полоса. На монетах бог изображен без головного убора.

Еще одним источником реконструкции облика культовой статуи Зевса Лабрандского является рельеф из Тегеи – верхняя часть стелы с эдиктом (в собр. Британского Музея: инв. ном. 1914, 0714.1). В центре изображен Зевс Лабрандский, в фас, с лабрисом и копьем. На его груди находится девять выпуклых полусфер, образующих треугольник – подобно пекторальным украшениям культовой статуи Атремиды Эфесской. По сторонам представлены изображения Ады и Идриея (фигуры подписаны: Syll.³ 225). Царская чета стоит в молитвенной позе. Идрией поднимает правую руку вверх, обращаясь к богу, а в левой держит копье или длинный скипетр⁸. На наш взгляд, важно визуальное сходство Идриея с богом (прическа, борода). Хельстрем, на основании этого рельефа, а также из-за ширины прямоугольной ниши-«апсиды», предполагает, что в андронах стояла именно подобная триада (Hellström 1997: 110): в андроне Б Мавсол и Артемисия, в андроне А – Идрией и Ада. Появление изображений царей неудивительно: статуи Гекатомнидов часто ставились и в самой Карии (Ма 2013: 80), и в других местах, например в Дельфах (Syll.³ 225; Ма 2013: 27).

Устойчивыми атрибутами бога выступают только одеяние, лабрис и (отчасти) копье. Головной убор и пекторальные украшения встречаются далеко не на всех изображениях – они свидетельствуют либо об иконографических вариантах, либо о неправильной их атрибуции как Зевса Лабрандского. Особых дальнейших исследований требует *полос*. Возможно, что включение тех или иных «дополнительных» элементов было связано с желанием царя подчеркнуть определенные функции божества, что может также указывать на возрастание роли правителя в культе Зевса Стратия в Лабрандах.

Таким образом, изменения, которым в IV веке до н. э. подвергаются Лабранды, являются примером объединения двух

⁸ Чекан Идриея отличается от монет Мавсола одной единственной деталью: в руках Зевса Лабрандского вместо копья помещается длинный скипетр (Konuk 2013: 109–110).

тенденций – эллинизации и обращения к местным культам, т. е. можно говорить о своеобразной «гекатомнидизации». Помимо обустройства святилища, представители династии активно разрабатывают визуальный язык репрезентации собственной власти, призванный подчеркивать их особую, исключительную связь с божеством. Для этого широко применяются различные формы эллинизированного искусства, и необходимо уточнить целый ряд деталей, чтобы найти «Карию Гекатомнидов» между анатолийской древностью и эллинизмом последующих веков.

Литература

- Кишбали 2012 – Кишбали Т. Погребальные сооружения Кари IV века до н. э. // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сб. статей, вып. 2. / Под ред. А. В. Захаровой. СПб., 2012. С. 29–33.
- Кишбали 2013 – Кишбали Т. П. Программа скульптурного убранства Галикарнасского мавзолея // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сборник научных статей, вып. 3. / Под ред. А. В. Захаровой. СПб., 2013. С. 60–64.
- Сапрыкин 2009 – Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М., 2009.
- Adiego 2007 – Adiego I. J. The Carian Language. Leiden; Boston, 2007.
- Baran 2006 – Baran A. The Archaic Temple of Zeus Labraundos // *Anadolu/Anatolia*. 2006. T. 30. P. 21–46.
- Baran 2011 – Baran A. The Sacred Way and the Spring Houses of Labraunda Sanctuary // Karlsson L., Carlsson S. (eds). *Labraunda and Karia, Proceedings of the Intern. Symposium Commemorating Sixty Years of Swedish Archaeological Work in Labraunda*. Uppsala, 2011. P. 51–98.
- Berndt-Ersöz 2006 – Berndt-Ersöz S. *Phrygian Rock-Cut Shrines. Structure, Function and Cult-Practice*. Leiden; Boston, 2006.
- Carstens 2011 – Carstens A.-M. Achaemenids in Labraunda. A case of imperial presence in a rural sanctuary in Karia // Karlsson L., Carlsson S. (eds). *Labraunda and Karia...* 2011. P. 121–131.
- Hellström 1991 – Hellström P. The Architectural Layout of Hecatomnid Labraunda // *Revue Archéologique*. 1991. N. S., 2, P. 297–308.
- Hellström 1996 – Hellström P. Hecatomnid Display of Power at the Labraynda Sanctuary // Hellström P., Alroth B. (eds.). *Religion and Power in the Ancient Greek World*. Uppsala, 1996. P. 133–138.
- Hellström 1997 – Hellström P. Sculpture from Labraynda // Jenkins I., Waywell G. B. (eds.). *Sculptors and Sculpture of Caria and the Dodecanese*. London, 1997. P. 109–113.
- Hellström 2007 – Hellström P. *Labraunda. A Guide to the Karian Sanctuary of Zeus Labraundos*. Istanbul, 2007.
- Henry et al. 2013 – Henry O. et al. *Labraunda 2012 – Rapport préliminaire* // *Anatolia Antiqua*. 2013. T. XXI. P. 285–355.
- Herda 2013 – Herda A. Greek (and our) Views on the Karians // Mouton A., Rutherford I., Yakubovich I. (eds.). *Luwian Identities. Culture,*

- Language and Religion Between Anatolia and the Aegean. Leiden; Boston, 2013. P. 421–506.
- Hornblower 1982 – Hornblower S. Mausolus. Oxford, 1982.
- Karlsson 2013 – The Sanctuary of the Weather God of Heaven at Karian Labraunda. A Bronze Age cult exposé for Robin Hägg // Perspectives on ancient Greece: Papers in celebration of the 60th anniversary of the Swedish Institute in Athens. Stockholm, 2013. P. 173–189.
- Konuk 2013 – Konuk K. Coinage and Identities under the Hekatomnids // Henry O. (ed.). 4th Century Karia: Defining a Karian Identity Under the Hekatomnids. Paris, 2013. P. 101–122.
- Laumonier 1958 – Laumonier A. Les cultes indigènes en Carie. Paris, 1958.
- Ma 2013 – Ma J. Statues and Cities: Honorific Portraits and Civic Identity in the Hellenistic World. Oxford, 2013.
- Umholtz 2002 – Umholtz G. Architraval Arrogance? Dedicatory Inscriptions in Greek Architecture of the Classical Period // *Hesperia*. 2002. T. 71. P. 261–293.
- Vermuelen 1967 – Vermuelen C. Large and Small Sculptures in the Museum of Fine Arts, Boston // *The Classical Journal*. 1967. Vol. 63, No. 2. P. 49–69.
- Waywell 1978 – Waywell G. B. The Free-Standing Sculptures of the Mausoleum at Halicarnassus. London, 1978.
- Wood 1877 – Wood J. T. Discoveries at Ephesus: including the site and remains of the great temple of Diana. Boston, 1877.

**Tamás Kisbali. The Sanctuary at Labraunda
and the Hekatomnid dynasty**

The Karian Hekatomnid dynasty of the 4th c. BC has been the object of many studies during the last decades. The dynasty's members were deeply involved into the local cult, and the Sanctuary of Zeus Labraundos is acknowledged the main stage for the display of power. The present paper provides a brief overview of an ongoing research. It is proposed that some important historiographical data about Karia and its political organization in the 4th c. BC, have to be partially reassessed. It is shown that the theory of local communities (κοινά) by S. Hornblower relies too much on later Hellenistic material. The Labraundian cult itself is examined, concentrating on the identity of the venerated god and the changes in ritual that took place during the reign of the Hekatomnid dynasty. Finally, a tentative reconstruction of the new cult statue of Zeus Stratios/Labraundos is proposed. The changes in the visual representative language correlate with the Hellenizing aspirations of the dynasty and are intended to underline their divine connections.

Keywords: Karia, Hekatomnid dynasty, 4th century BC, Labraunda.

GUARANEM AND AERANEM IN ISID. ETYM. 12.1.53

В статье рассматриваются два слова, сохранные Исидором Севильским (Isid. Etym. 12.1.53): *aeranis и *guaranis; оба они приводятся как народные синонимы к цветообозначению *ceruinus*. Предлагается гипотеза о происхождении обоих слов, их значение и причина их появления в тексте.

Ключевые слова: Исидор Севильский, латинский язык, этимология

Isid. Etym. 12.1.53 *Ceruinus est quem uulgo guaranem dicunt. Aeranem idem uulgo uocat, quod in modum aerei sit coloris.*

“*Ceruinus* is what the common people call ‘guaranis’. Common people also call it ‘aeranis’, because it seems like the colour of bronze”.

The fragment contains two unusual words seen in no source before Isidore.

1. guaranem

The first word is *guaranem* (in other MSs also *guaranem* BT; *guarinen* U; *guarananem* F; *gauranem* C; *gaurianem* D; *uuarranem* KO). The ‘historically correct’ form seems to be *uuarranem*, cf. Lex Salica 38.2 *waranio equus admissarius*.

It is tempting to suggest Frankish *wrainjo* ‘a stallion’ (cf. Lotar. *weré* ‘a bull’, OHG *renn(e)o* ‘breeding stallion’) as the source for this lexeme, even more so because the modern Romance languages have Prov. *garagnon*, Cast. *gараñón*, Port. *gараnhão*, all meaning ‘male breeding jackass’.

The only problem is Cat. *guarà* that shows no suffix *-i-* and suggests ***wran-*. Corominas (1954: T. III, p. 83-84) goes as far as suggesting Goth **wrans*, but the different phonetics in the Romance languages suggests a very early loan, before AD 400 (or two loans, one in France before AD 400¹, and one in Spain, later on), which would make for a long and complicated explanation.

Corominas also states (ibid.) that the Latin form confirms the absence of *-i-* in the Germanic loanword, however the fact that the

¹ See the discussion in Heather 1999: 40–41.

adjective was adopted into 3rd declension (unlike, for example, *blancus* < **blankaz* ‘white’) may contradict this assumption.

There is, however, another possibility, as shown in Best. Ms. 44 *guarantem dicunt*: that the parallel is the one with Fr. *garance* ‘red; dyed with madder’, cf. CGL 3.611.10 *erugia id est uarantia*; 3.590.10 *erugia uarantia*, and 3.623.28 *etrotraclano id est erba rubiari uuarentia*. The original Germanic word then would be **wratja* (cf. OHG *rezza*). The problem here is that there is no -t- in any early Isidore MS, so *guarantem dicunt* looks like a later contamination.

The main issue, then, is that of semantics: if **wratja* is out of the picture, how does ‘breeding stallion’ result in an adjective meaning ‘deer-coloured’?

It is very tempting to suggest a following chain: though the word *uarantia/uuarentia* appears in the Latin glosses of 10th century, it had existed in the vernacular well before that; the same long existence is indeed obvious in the case of the Romance reflex of **wrainjo*. The Latin word *guaranem* is never seen outside Isidore or Isidore-related context, so it might well be Isidore’s invention, resulting from his own contamination of two similar Germanic borrowings that were popular among the *uulgus*, one meaning ‘a horse’ and one meaning ‘reddish colour’ that he, perhaps, mistakenly united into one adjective of ‘horse-colour’.

2. aeranem

The second adjective, *aeranem*, also has other spelling variants (*aeranen* K, *eranem* BCT, *eranen* O). Interestingly, Cod. Sang. 237 earlier has *aereus* instead of *aureus*, and then ‘*aereus idem uulgus uocat*’ in our fragment.

The probable N.Sg. seems to be **aeranis*; Velazques (2004: 610) suggests a chain *aeraneus-aeranius-aeranis* (like CGL 5.341.17 *actuaris* – *actuaris*, 5.274.48 *caerulis* – *caerileus* etc).

One version, by Meyer-Lübke (ML) suggests the source form as **aramen*, due to the gloss *aeramen* in ALLG I, 242. The initial vowel seems to be wrong due to PIE **h₂eyes-*, but in principle, this is possible (cf. Sp. *alambre*, OF *araine* ‘bronze’, Prov. *aram* ‘brass’ etc.).

There is, however, a long-standing issue concerning the adjective from *aes* in Latin. The original form was **ayes-no-s* > *ahēnus*, *aēnus* (cf. Umbr. *ahesnes*); this form didn’t fit the pattern of *ferrum* – *ferreus* etc. and seemed surprising: Serv. Ae. 1,357: *solutio dicenda*

est quomodo dicimus aena et aēna. Hoc autem solum huiuscemodu uerbum in Latio inuenitur. Analogue development (cf. *terraneus*) quickly gave *a(h)ēneus*, which was also difficult in terms of connecting the adjective with the noun *aes*. In Varro, we first see a new form, *aereus*, that is used by Virgil, famously alongside the old form: Ae. 1, 448–449: *Aerea cui gradibus surgebant limina nexaeque / Aere trabes foribus cardo stridebat ahenis*. Ernout-Meillet (EM: 12) goes no further than that, but it is quite possible that in the speech of the *uulgus*, there was another adjective, either on the periphery of Latin or of a later origin that tried to deal with the issue described above and surfaced in Isidore, so there's probably no need even to invent the chain suggested by Velasquez.

An interesting feature of this word in the frequency of Greek-like form ending in -en in MSs; this may suggest that the word was not widely spread or utterly unknown among scribes, seemed foreign to them and was perhaps considered by some a Greek derivative of the root ἄεπ.

Literature

- EM – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4 ed. Paris: Klincksieck, 1967.
 Heather 1999 – Heather P. J. The Visigoths from the Migration Period to the Seventh Century: An Ethnographic Perspective. Woodbridge: Boydell & Brewer, 1999.
 ML – Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: C. Winter's, 1911.
 Corominas 1954 – Corominas J. Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana. T. 1–4. Madrid, 1954.
 Velazques 2004 – Velazques I. Formación de palabras en las etimologías de Isidoro de Sevilla: un reflejo de la lengua viva de su época // Aemilianense. 2004. N 1. P. 601–663.

S. D. Kleiner. *Guaranem* and *aeranem* in Isid. Etym. 12.1.53

Two words in focus, *guaranem* and *aeranem* from Isid. Etym. 12.1.53, are treated in terms of their origin and meaning.

Keywords: Isidore of Seville, Latin, etymology.

К. И. Коваленко

**ГРЕЧЕСКИЕ ФИТОНИМЫ
В НОВГОРОДСКОМ АЗБУКОВНИКЕ 1596 г.
(РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1642)¹**

В статье рассматриваются названия растений греческого происхождения, представленные в Новгородском азбуковнике – одном из азбуковников начала XVII в., протограф которого датируется 1596 г. Для восьмидесяти транслитерированных кириллицей фитонимов в статье приводятся греческие соответствия (с указанием названия растения, принятого в современной ботанической классификации), анализируются способы толкования и литературные источники рассматриваемых статей азбуковника.

Ключевые слова: Фитонимы, азбуковники, лексиконы, древнерусская литература, грецизмы.

Новгородский азбуковник – один из представителей распространенного в XVI–XVII вв. лексикографического жанра словарных компиляций, объясняющих иноязычные слова и выражения. Как сообщается в предисловии, составил его клирик Новгородского монастыря Димитрий в 1596 г. в царствование царя Феодора Ивановича. Однако протограф азбуковника до наших дней не сохранился. В Российской национальной библиотеке, в собрании М. П. Погодина, имеется список, созданный в начале XVII в. Это рукопись № 1642, in quarto, объемом 174 листа, написана полууставом (далее Погод. 1642).

В Новгородском азбуковнике насчитывается более шести тысяч статей, которые организованы новаторским для того времени образом: не только по первой букве толкуемых единиц, как в большинстве лексикографических сводов подобного рода, но и с учетом следующей гласной. В соответствии с принятой классификацией, он является единственным представителем краткой редакции Третьего типа азбуковников (Ковтун 1989; Юдин 2012).

Увеличению объема азбуковника по сравнению с предшествующими словарными сводами способствовало включение в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-34-01214 «Азбуковники как лексикографический жанр Московской Руси: традиции и инновации».

состав толкуемых единиц новых слов и выражений, заимствованных составителем непосредственно из переводных литературных источников или же предшествующих лексикографических сводов. При этом интерес представляет тот факт, что «дополнения эти выразились главным образом в более полном перечне на греческом языке птиц, рыб, трав... овощей» (Пруссак 1915: 20).

Возможно, названия растений интересовали древнерусских книжников и сами по себе, однако не исключено, что они являлись предметом их особого внимания по той причине, что неправильное прочтение иноязычного фитонима могло сильно исказить смысл текста. Примеры этому приводит составитель предисловия одного из ранних азбуковников: «Тако^ж неискусніи книжници пишу^т і іны многи рѣчи ра^звратно и бжѣственному, пишу^т бо в лѣстви^и в^ъ словѣ е^ж к пастырю сіце: блюдися, аки о^т некоторы ереси, а достои^т писати ересиве, а не ереси, не вѣдуще, яко ино е^с ере^с і ино су^т ересіва, ере^с бо толкуется невѣріе, а ересива сказуется трава, ея^ж сѣмя, обрѣтающесе во пшеницы, чернѣ быти твори^т хлѣ^б пшеничный <...> Еще^ж неискусніи писцы пишу^т в лѣствицы вѣ, кѣ, мѣ словѣ вмѣсто китрь кедры, не разумѣюще, яко ино есть китры і ино кедры» (цит. по Ковтун 1989: 137–138).

Транслитерированные греческие фитонимы представляли значительную трудность не только для писцов, но и для читателей древнерусской литературы, поскольку без знания греческого языка понять их было невозможно. В связи с этим фитонимы включаются в состав уже самых первых лексикографических сводов середины XVI в., откуда они заимствуются в более поздние словарные компиляции, в том числе Погод. 1642. Кроме того, часть фитонимов с переводом вошла в азбуковник Погод. 1642 вместе с другими материалами из греческо-русского разговорника «Речь тонкословия греческого» (опубликован в Никольский 1896 и Vasmer 1922). В результате в рассматриваемом азбуковнике оказалось около ста статей, толкующих названия растений греческого происхождения, при этом в ряде случаев один и тот же фитоним толкуется дважды – вероятно, большой объем материала не позволил составителю свести воедино разные источники. Не всегда можно соотнести название растения из статьи азбуковника с его греческим этимологом, однако в представленных ниже статьях для транслитерированных фитонимов можно предположить следующие греческие соответствия:

<i>Ἀδιόο</i> , копръ (л. 12 об.)	ἄνηθον 'укроп, <i>Anethum graveolens</i> ' (LSJ)
<i>Ἀγρίο/κρομίδι</i> , лу́гъ (!) <i>ди́кйи</i> (л. 12 об.)	ἀγριοκρόμμυον 'гадючий лук, <i>Muscari comosum</i> ' (LSJ)
<i>Амбѣлѣнь</i> , / <i>виногра</i> ⁰ . (л. 9 об.)	ἄμπελος 'виноград, <i>Vitis vinifera</i> ' (LSJ)
<i>Ἀμβѣли</i> ⁰ , <i>виногра</i> ⁰ (л. 12)	
<i>Ἀπιδѣа</i> {г} ² , <i>груши</i> (л. 11)	ἀπιδέα 'грушевое дерево' (LSJ), <i>Pyrus</i>
<i>Ἀπιδѣа</i> , <i>груши</i> (л. 12 об.)	
<i>Ἀρνογλоса</i> {г} <i>козле</i> ⁰ <i>травѣ</i> (л. 18)	ἀρνόγλωσσον 'подорожник, <i>Plantago major</i> ' (LSJ)
<i>Ἀψинфосъ</i> {ел}, <i>пелы/но</i> ⁰ <i>горкаа</i> . {апока ⁰ }, {и} (л. 12 об.)	ἄψινθος 'полынь, <i>Artemisia Absinthium</i> ' (LSJ)
<i>Волву</i> {г}, (т) <i>лукъ болюиои свагунъ</i> (л. 33)	βολβός 'гадючий лук, <i>Muscari comosum</i> ' (Langkavel 1866: 114; LSJ)
<i>Βρυόνѣа</i> , <i>травѣ</i> ^е / <i>лѣкарскаа</i> <i>оутроцель</i> (л. 31 об.)	βρυωνία, βρυωνία, βρυονία ' <i>Bryonia cretica</i> L.' (Langkavel 1866: 25), вид растения из рода Переступень
<i>Вромность</i> , <i>плевѣ</i> ⁰ . / <i>непотребнаа</i> <i>травѣ</i> (л. 33)	βρόμιος ' <i>Avena barbata</i> ' (LSJ), овес бородатый
<i>Гликоризо</i> ⁰ , <i>ду/бе</i> ⁰ <i>сла</i> ⁰ <i>кѣи</i> (л. 38 об.)	γλυκύρριζα 'лакрица, <i>Glycyrrhiza glabra</i> ' (LSJ)
<i>Гондѣлѣ</i> <i>ѡнъ</i> {г}, <i>рѣпою</i> (л. 39)	γογγυλῖς (род. пад. мн. ч.
<i>Го/ндиѣлѣ</i> (исправлено на <i>гонги/ли</i>) {г}, <i>рѣпа</i> (л. 39)	γογγυλίδων) 'репа, <i>Brassica Rapa</i> ' (LSJ)
<i>Дадерзе</i> ⁰ , <i>корица</i> (л. 42)	δαρσίνη ' <i>Persea cinnamomum</i> Spr., сем. Laurineae Vent.' (Langkavel 1866: 88), корица
<i>Даоу́ки</i> , <i>морко</i> ⁰ (л. 42 об.)	δαῦκος ' <i>Daucus Carota</i> ' (LSJ), морковь обыкновенная
<i>Даѡнѣа</i> {г} (т) <i>дрѣво</i> ^е <i>та́ко</i> <i>нарицаѣмо</i> / <i>ве</i> ⁰ <i>ми</i> <i>блѣоуѡхѣнно...</i> {за ⁰ <i>бѣѣ</i> <i>сло</i> ⁰ } (л. 41 об.)	δάφνη 'лавр благородный, <i>Laurus nobilis</i> ' (LSJ)
<i>Дѣ'осмо</i> ⁰ , <i>матѣа</i> (л. 44 об.)	ῥόδον 'мята садовая, <i>Mentha viridis</i> ' (LSJ)
<i>Драконѣа</i> {г}, <i>обри</i> ⁰ <i>травѣ</i> (л. 42)	δρακοντία ' <i>Arus dracunculus</i> L.' (Langkavel 1866: 119), в совр. классификации <i>Dracunculus vulgaris</i> Schott, драконкулюс обыкновенный

² В фигурных скобках указываются ссылки на язык-источник или литературный источник, расположенные в рукописи над толкуемым словом или на полях.

<i>Дре́ность</i> {г}, / <i>дубъ</i> (л. 44)	δρῦς, δρυός 'дерево; дуб' (LSJ)
<i>Елата</i> {г}, <i>ель древо</i> (л. 50 об.)	ἐλάτη 'пихта белая, Abies cephalonica' (LSJ)
<i>Елево^р (т)</i> <i>есть трава тако нарицаема. Чи/стителна черныя кручины. иа^{же} мало пье/ма, (!) цѣлитъ. а^{мно}го пь^емо смрѣть наводѣ^т {ма^жи^и грѣ^е} (л. 52 об.)</i>	ἐλλέβορος и ἐλλέβορος 'морозник' (LSJ), Helleborus
<i>Еплино́данано</i> {г}, <i>расть</i> (л. 54 об.)	ἄσπληνον 'Asplenium Ceterach L.' (Langkavel 1866: 127), костенец аптечный
<i>Ера (т)</i> <i>трава плеве^нна. и' куколь</i> (л. 49)	ῥρα, ῥρα 'Lolium temulentum L.' (Langkavel 1866: 125), плевел
<i>Еоуѣнаторіонъ</i> {г}, <i>вороніе са́ло</i> (л. 50)	εὐπаторιον 'репешок, Agrimonia Eupatorium' (Langkavel 1866: 7; LSJ)
<i>Калафі́кою</i> {г}, <i>ты́квою</i> (л. 76)	κολοκύνθη, κολόκυντα 'тыква, Cucurbita maxima' (LSJ)
<i>Калокифи</i> {г}, <i>ты́ква</i> (л. 76 об.)	
<i>Колокита</i> (исправлено на <i>колокви/нта</i>) {г}, / <i>ты́ква</i> (л. 82)	
<i>Камеду́съ</i> {г}, <i>водны/и дубе́цъ</i> (л. 76 об.)	χαμαίδρυς (род. пад. ед. ч. χαμέτρως) 'дубровник, Teucrium Chamaedrys' (LSJ)
<i>Кардамо^и</i> {г}, <i>хрг^и</i> (л. 76 об.)	κάρδαμον 'кресс-салат, Lepidium sativum' (LSJ)
<i>Каво́ра кана́ви</i> {г}, <i>конопли</i> (л. 76 об.)	κάνναβις 'конопля, Cannabis sativa' (LSJ)
<i>Кими^и</i> , / <i>трава еіа^{же} в капу́сту соленую кладу^т и' во wгу/рцы. ко́пръ {лу^е ж^а} {ма^е чѣ} (л. 80–80 об.)</i>	κύμινον 'зира' (LSJ), Cuminum Cuminum
<i>Кинано^и</i> , <i>кори́ца {сїно́заръ / всре^д ве^и} (л. 79 об.)</i>	κινάμωμον, κιννάμωμον 'Persea cinnamomum Spr., сем. Laurineae Vent.' (Langkavel 1866: 88), корица
<i>Ки́тры</i> {г}, <i>древеса не вели́ки, и' више^и выхъ / ме^иши. а' иа^{же}годы и^и велми велики. подобѣ/ны ды́ни; вкусо^и кислы, а' сродны нерамѣ/жи; 'егда^{же} возрастетъ. пло^д ихъ возва/зываютъ на верхъ дрéва, и' прекла́ню^т верхъ // к земли. и' тако ражаю^т пло^д добръ. иа́ще не бы / смирили сице верхъ древа не бы пло^д ихъ созрѣ^и, / но пре^{же} зрѣлства ѡ^ина^и бы {жи^и о́ну/фрїа ве^и} (л. 80 об. – 81)</i>	κίτρον 'Citrus Medica' (LSJ), цитрон

<i>Коливсида</i> {з}, / рѣ ^н великіи (л. 83)	κολιξίδα ‘Galium aparine L.’ (Langkavel 1866: 44), подмаренник
<i>Кордо</i> {з}, чесно ^к (л. 82 об.)	σκόροδον ‘чеснок, Allium sativum’ (LSJ)
<i>Коріонъ</i> {з}, кишеніць (л. 83)	κόριον ‘Coriandrum sativum L.’ (Langkavel 1866: 42), кориандр посевной
<i>Кра́косъ</i> {з}, шаѡра ^н (л. 76)	κρόκος ‘шафран, Crocus sativus’ (LSJ)
<i>Кринъ, цвѣтъ</i> {ма ^о . иѣ.} (л. 79 об.)	κρίνον ‘белая лилия, Lilium candidum’ (LSJ)
<i>Кринъ селныи, цвѣты лугов дубравныхъ</i> (л. 79 об.)	
<i>Крихи</i> {з}, просо (л. 80 об.)	κέγχρος ‘просо, Panicum miliaceum’ (LSJ)
<i>Кромиди</i> , {з}, лукъ о́горо ^о /нои (л. 83)	κρόμμινον ‘лук, Allium Cera’ (LSJ)
<i>Куклина</i> (исправлено на: куклимина) {з}, кроватій ^а . / трава ^н (л. 86 об.)	κυκλάμινος ‘Cyclamen graecum’ (LSJ), цикламен греческий
<i>Куліа</i> {з}, бобъ (л. 86 об.)	κύαμος ‘боб, Vicia Faba’ (LSJ)
<i>Лапота</i> {з}, щавѣи коньскои (л. 89)	λάπαθος ‘Rumex crispus L.’ (Langkavel 1866: 89), щавель курчавый
<i>Лафи/ри</i> {з}, горо ^х (л. 89)	λάθυρος ‘бобы, вика, Lathyrus sativus’ (LSJ)
<i>Маронъ</i> {м} оутоцѣ ^н (л. 93 об.)	μάρον ‘Teucrium marum’ (LSJ), дубровник истинный
<i>Мелисофуло</i> ^{иѣ} {з}, тра/ва медуніца. {личебни ^к / роу ^е } (л. 96 об.)	μελισσόφυλλον ‘Melissa altissima Sibth.’ (Langkavel 1866: 57), в совр. классификации Melissa officinalis, мелисса лекарственная
<i>Миріси е^е трава іа^н же / ни к чему не пригодітсѣ. и цвѣта е^а // пчела не обонѣ^м. а цвѣтъ е^а и зимѣ^н зеле^{иѣ}</i> (л. 97 об. – 98).	μυρίκη ‘тамариск, Tamarix tetrandra’ (LSJ)
<i>Мирсина е^е древце вел’ми блѣоуѣханно {вы^и соѣ}</i> (л. 97 об.)	μυρσίνη ‘мирт, Myrtus communis’ (LSJ)
<i>Мирта, древце мирсина</i> (л. 98)	μύρτος ‘мирт, Myrtus communis’ (LSJ)
<i>О’зида, / щавѣи</i> (л. 110)	ὀξαλίδα ‘Rumex acetosus L.’ (Langkavel 1866: 89), в совр. классификации Rumex acetosa, щавель кислый
<i>О’ровосъ</i> {з}, трава плеве ^н (л. 111 об.)	ὄροβος ‘горькая вика, Vicia Ervilia’ (горошек четкообразный) (LSJ)

<i>Папо́йѧ {г}, ды́на.</i> (л. 116) <i>Непони, // ды́ни</i> (л. 104 – 104 об.)	σίκυος πέπων ‘вид тыквы или дыни, которые употреблялись в пищу спелыми (в отличие от σίκυος, употреблявшейся в неспелом виде)’ (LSJ) πεύκη ‘сосна’ (LSJ), <i>Pínus</i>
<i>Пемховость {г}, со́сна</i> (л. 118) <i>Пѣ/ховость, сосна</i> (л. 126 об.) <i>Пуганъ, трава блѣ/оуханна</i> (л. 120) <i>Пипѣринъ, пе/рѣцъ</i> (л. 119) <i>Поли ѡнь, тросковица</i> (л. 125) <i>Паліонъ {г}, стѣ/децъ</i> (л. 114 об.)	πήγανον ‘рута, <i>Ruta graveolens</i> ’ (LSJ) πέπερι ‘перец, <i>Piper nigrum</i> ’ (LSJ) πόλιον ‘ <i>Teucrium polium</i> L.’ (Langkavel 1866: 59; LSJ), дубровник беловойлочный ρεπάνι ‘ <i>Brassica rapa</i> L., <i>Raphanus radícula</i> L.’ (Langkavel 1866: 27, 28), репа, редис σατύριον ‘ <i>Aceras anthropophora</i> R.Br.’ (Langkavel 1866: 103), ацерас фигурный σάμψουχον ‘майоран’ (LSJ), <i>Origanum Majorana</i> σίναπι ‘горчица, <i>Sinapis alba</i> ’ (LSJ)
<i>Репіни, / рѣтка</i> (л. 128 об.) <i>Рѣнида/нида (!), ретка</i> (л. 130)	куνόγλωσσος ‘ <i>Cynoglossum Columnae</i> ’ (LSJ), вид растения из рода Чернокорень κλήθρα ‘ольха, <i>Alnus glutinosa</i> ’ (LSJ)
<i>Сатурі ѡнь, воробъ ѣвой ца//веи</i> (л. 131 об. – 132) <i>Саѡохо^и, чѣрнаѧ трава. {личѣбни^к}</i> (л. 131) <i>Синапъ, горчица. {ма^р зѣ}</i> (л. 135 об.) <i>Скиногласа, песѣи ѧзыкъ</i> (л. 135 об.)	σκóρδιον ‘дубровник чесночный, <i>Teucrium Scordium</i> ’ (LSJ). σμίλαξ ‘выюнок’ (LSJ), <i>Convolvulus</i>
<i>Склитрóсъ, / ѡ́лха</i> (л. 137)	ἄσαρον ‘копытень, <i>Asarum europaeum</i> ’ (LSJ)
<i>Скорді ѡнь, / лукъ ѡже въ дѣству крошѧтъ</i> (л. 137 об.) <i>Смилаѣъ. трава подо/бно хмелю въетса кругъ древа, ѡску/шѧѧ ѣго крѣпостію своею. {лѣ^с к па^с}</i> <i>{вы^ш сои}</i> (л. 136) <i>С саронъ, копытникъ</i> (л. 132)	στύραξ ‘дерево, выделяющее ароматический бальзам, <i>Styrax officinalis</i> ’ (стиракс) (LSJ) σύμφυτον ‘окопник, <i>Symphytum bulbosum</i> ’ (LSJ) χελιδόνιον ‘чистотел, <i>Chelidonium majus</i> ’ (LSJ) χειμωνικόν, χειμωνιακόν ‘ <i>Cucumis melo</i> L.’ (Langkavel 1866: 25), дыня
<i>Стура́/ки, ѣсть дре́во нѣкое стураки нарица/емо</i> (л. 138 об.)	
<i>Сумѡуть, трудо́вное / бы́лѣ</i> (л. 140) <i>Хилидонисѣсъ, ла́стовичникъ {личѣбни^к}</i> (л. 157 об.) <i>Химо/нико, арбузы</i> (л. 157) <i>Хамокони, ды́ни ѡзімыѧ</i> (л. 156)	

Цукни́да, кропи́ва (л. 160)	τζουκνίδα 'Urtica pilulifera L. сем. Utriceae Bartl.' (Langkavel 1866: 90), крапива шариконосная
Θακίη, сочеви́ца (л. 151)	φακός 'чечевица, Ervum Lens' (LSJ)
Θεлура, ли́па (л. 152)	φιλύρα 'липа, Tilia platyphyllos' (LSJ)
Χηλιδόνισέσς, ла́стовичникъ. {личѣбни*} (л. 157 об.)	χελιδόνιον 'чистотел, Chelidonium majus' (LSJ)

Сопоставление кириллической транслитерации и греческого этимона показывает, что транслитерация производилась в соответствии с произносительными нормами среднегреческого языка. Достаточно частые несовпадения в фонемном составе транслитерированного и греческого слов объясняются свойственными для рукописного текста описками: неправильным прочтением букв, перестановкой слогов. Ошибкой, характерной для словарных сводов, является пропуск первой буквы (ἡδύοσμος – δι' ὁσμο^ς, σκόροδον – кордо): по обыкновению она выделялась киноварью, но по невнимательности писца могла быть пропущена, и греческое слово в кириллической передаче теряло начальную фонему. Отдельные слова указывают на частичную адаптацию грецизмов в русском языке, что проявляется в изменении окончаний: наблюдается либо полное усечение греческих флексий, либо субституция по определенным моделям, в соответствии с которыми происходила адаптация и других греческих слов в XI–XVII вв. (Демьянов 2001: 67–79). Некоторые заголовочные слова приводятся в форме косвенных падежей.

Способы толкования иноязычных фитонимов разнообразны. В большинстве статей приводится соответствующее русское название растения, в отдельных случаях наряду с ним указывается гипероним – слова *трава* или *дерево*. При отсутствии русского эквивалента, в толковании дается описание внешнего вида растения, вкуса плодов, использования растения. Когда у составителя не было никаких сведений о растении, он ограничивался констатацией факта, что указанное растение существует, как, например, в статье *Стура/ки, 'есть древо нѣкое стураки нарица/емо* (л. 138 об.).

Использование гиперонима в качестве единицы толкования приводит к несоответствию объема значения толкуемого слова и толкования. Примером этого может случить статья *Кринъ, цвѣтъ* (л. 79 об.), и можно лишь предполагать, что имел в виду составитель: сознательно давал гиперонимическое толкование,

не зная названия растения (по данным Сл. XI–XVII вв. 1981: 235, слово *лилия* не встречалось в литературных памятниках до конца XV в.), или же считал это значением слова.

Подобные несоответствия возможны и в обратном направлении: наличие фитонима в толковой части статьи также не свидетельствует о том, что греческое слово является названием растения. Так в статьях *Ситарі*, / *пшеница* (л. 136) и *Лахонамапа* {з}, / *капуста, вилаа* (л. 88 об.), заголовочные слова не являются фитонимами – ср. греч. σιτάριον ‘немного зерна или хлеба’ (LSJ) и λάχανον ‘огородное растение’ (LSJ)³. Можно предположить, что в этих и других случаях составитель опирался на контекстное значение слова, не зная точного его перевода.

Заголовочная часть и толкование являются обязательными компонентами статьи азбуковника. Иногда они сопровождаются указаниями на язык-источник (как правило, в рассматриваемых статьях это сокращения *г* – греческое или *ел* – еллинское), литературный источник и ссылки на другие статьи азбуковника.

Литературные источники статей, указанные на полях азбуковника рядом с названиями растений, достаточно разнообразны по жанру и тематике. Прежде всего, это церковная литература: книги Нового завета, Синаксарь, творения Максима Грека, Лествица Иоанна Синайского, Слово на зачатие праведной Анной Пресвятой Богородицы, Житие Онуфрия Великого. Встречаются ссылки на Лечебник, иногда с указанием Лечебник русский. Некоторые статьи составитель азбуковника заимствовал из словаря-разговорника XIV в. «Речь тонкословия греческого». Ссылки в статьях азбуковника на него отсутствуют, однако на основании сопоставления материалов можно с уверенностью утверждать, что он также являлся одним из лексикографических источников (см. Коваленко 2012а: 90–91).

Еще одним источником статей в Погод. 1642 является книга пророка Иеремии из Геннадиевской библии, в которой около шестого стиха главы 17 на полях рукописи имеется

³ Возможны также более серьезные неточности. Например, слово *драчие* толкуется в азбуковнике как растение: *Драчіе (т) трава, е^с нѣкаа, тако нарица/ема. іа^{жс} в'винѣ в'варена цели^м івчи би/тылаі оуши {личебни^к}* (л. 42), и далее: *Хойна, трава драчіе {вы^ш, чѣ}* (л. 157 об.), хотя в действительности *драчие* – это ‘винный отвар хвои’ (Гістарычны слоўнік... 1989: 68). О других «растениях-фантамах» см. Коваленко 2012б.

энциклопедическая глосса с переведенным с латыни комментарием католического богослова Николая де Лиры: *мирисе е трава ничему не требъ токмо печь топити а по фряскы генестра и цвѣто ея пчела не вбонде^м а цвѣтъ ея къ зимѣ зеле^н* (Ромодановская 2001: 153). Именно ее и заимствовал составитель азбуковника для толкования фитонима *мириса*, исключив «фрязское» название растения и замечание о «топке печи».

Ссылку на данный источник – Книгу пророка Иеремии – можно найти в статье *Гонѣстра. трава. / поѡрл^зски мирисе {ни^{жс}, м.}, наричема. / иже ни / к чему не пригодитсѧ. / и цвѣта ея / пчела не обонде^т. / а цвѣтъ ея / и / зимѣ зеленѣ {iere^н а. зѣ.}* из азбуковника Российской национальной библиотеки, Основное собрание Q.XVI.20 – рукописи начала XVII в. (вероятно, в Погод. 1642 ссылка была утрачена на этапе компиляции словарного свода). Здесь же встречаются некоторые другие греческие названия растений, не вошедшие в Погод. 1642, а именно: *Вро/ми 'wвесь* (л. 52 об.) – ср. βρόμος ‘овес, *Αvena sativa*’, овес посевной (LSJ), *Рамна, высока. / естьже / и древо нѣкое, нарицаемо рамна. / иже растет кудраво родить / аго/ды* (л. 191 об.) – ср. ῥάμνος ‘Rhamnus’, жостер (Langkavel 1866: 13) или ‘*Lycium eugoraeum*’, дурман европейская (LSJ), *Родоу, / есть w^м плодъ терновнаго. / блго/юханень, / и многолиственъ. / и красенъ суть {мазимъ грекъ}* (л. 195) – ср. ῥόδον ‘роза’ (LSJ).

Несмотря на отсутствие данных фитонимов в Погод. 1642, статьи, толкующие названия растений, в рассматриваемом азбуковнике численно превышают статьи данной тематической группы в других словарных сводах. Для некоторых названий растений статьи азбуковника Погод. 1642 служат первой, а иногда единственной фиксацией. Они позволяют значительно расширить наше представление о фитонимах греческого происхождения, известных русским книжникам XVI–XVII вв.

Литература

- Langkavel 1866 – Langkavel B. Botanik der Spaetern Griechen vom dritten bis dreizehnten Jahrhunderte. Berlin, Verlag von F. Berggold, 1866.
 LSJ – Henry George Liddell. Robert Scott. A Greek-English Lexicon. revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford. Clarendon Press. 1940
<http://www.perseus.tufts.edu>.

- Vasmer 1922 – Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922.
- Гістарычны слоўнік... 1989 – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. Выпуск 9.
- Демьянов 2001 – Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001.
- Коваленко 2012а – Коваленко К. И. Наименования растений и их описание в древнерусской литературе и азбуковниках XVII в. // История русского языка и культурная память народа; Историческая лексикология и лексикография русского языка; Грамматика (Русско-славянский цикл): Материалы секций XLI Международной филологической конференции, 26–31 марта 2012 г. СПб.: Издательство ЛЕМА, 2012. С. 89–96.
- Коваленко 2012б – Коваленко К. И. Растения-фантомы в азбуковнике 1596 года // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сб. науч. ст. Вып. 6. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 56–62.
- Ковтун 1989 – Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность). Л.: Наука, 1989.
- Никольский 1896 – Никольский Н. К. Рѣчь тонкословія греческаго: Русско-греческие разговоры XV–XVI в. Сообщ. Николая Никольского. [Санкт-Петербург]: О[-во] Л[юбителей] Д[ревней] П[исьменности], 1896.
- Пруссак 1915 – Пруссак А. В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении Императорской Публичной Библиотеки. Пг., 1915 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 186).
- Ромодановская 2001 – Ромодановская В. А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.) // ТОДР. Т. 52. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 138–167.
- Сл. XI–XVII вв. 1981 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981.
- Юдин 2012 – Юдин А. А. Новгородский Азбуковник: литературные источники, списки, редакции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 12: Филология. С. 91–97.

K. I. Kovalenko. Plant names of Greek origin in the Novgorod azbukovnik of the 16th century

The Novgorod azbukovnik is one of the lexicographical compilations of the 16–17th centuries which explain foreign words and collocations. It was written by the clergyman Dimitry in Novgorod the Great in 1596. The original manuscript did not survive and the only copy that has safely arrived in our hands dates from the beginning of the 17th century. It is housed in the Russian National Library, M. P. Pogodin's collection, № 1642. The lexicon explains about one hundred plant names of Greek origin transliterated in Cyrillic letters, such as *арногло́са* (cf. ἀρνόγλωσσον 'plantain, Plantago

major'), *киминъ* (cf. κύμινον 'cummin, Cuminum Cyminum'), *мирсина* (cf. μυρσίνη 'myrtle, Myrtus communis'), *синать* (cf. σίναπι 'mustard, Sinapis alba'), *ѡелура* (cf. φιλύρα 'lime tree, Tilia platyphyllos') and others. As a definition the compiler used Russian equivalents, hypernyms (*тpавa* 'herb' or *дерево* 'tree') or just described the look of a plant, the taste of its fruits or how a plant was used. For example, *Mirisi is a herb which is not used anywhere, the bees do not scent it, and it is green even in winter*. There were also some other types of information which were occasionally given in the lexicon entries. Initial letters over the headwords show the source language of the transliterated word: *г* for *греческий* 'Greek' or *ел* for *еллинский* 'Hellenic'. The literary or lexicographical sources from which the plant names (sometimes with explanation) were taken by the compiler include books of the New Testament, the Synaxarion, the works of Maximus the Greek, John Climacus's Ladder of Divine Ascent and so on. Some other sources were determined during the investigation. The examination of other lexicons of this period will help us to discover more Greek plant names known by Russian literary scholars.

Keywords. Plant name, phytonym, lexicon, azbukovnik, Old Russian literature, Greek loanwords.

И. М. Ковальчук

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ, НОМИНИРУЮЩИХ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, В СРАВНЕНИЯХ ЗАКРЕПОК РУССКИХ ЗАГОВОРОВ

Статья посвящена номинации природных элементов и явлений в сравнениях закрепок русских заговоров. Анализ проводится в сопоставлении с устойчивыми компаративными конструкциями. В ходе исследования установлено, что основание для сравнения формирует лексема *‘крепкий’*, а образы сравнения, представленные в заговорах, имеют магическую силу в славянском фольклоре.

Ключевые слова: заговор, славянский фольклор, сравнение, образ сравнения, основание сравнения.

Фольклорные тексты, отражающие истоки культуры, тщательно исследуются лингвистами (Е. Б. Артеменко – лирические песни, В. Л. Архангельский, Г. С. Варлакова, Г. А. Пермяков – пословицы и поговорки, О. А. Давыдова, И. В. Павлютенко – сказка, Д. О. Шепнинг – обрядовая поэзия, С. Б. Адоньева, В. П. Федорова, А. Л. Топорков, А. В. Юдин – заговоры и др.).

«Особый вид словесного творчества» (Познанский 1917: 1) представляют заговоры. Несмотря на то, что «проблема соотношения акционального (действенного) и словесного (вербального) компонентов» (Топорков 1997: 305) до сих пор существует, следует отметить, что именно **слово** выступает ключевым элементом магических текстов (А. В. Ветухов, Ор. Ф. Миллер, Н. В. Крушевский и др.): «в самом слове «заговор» указана отправная точка – признание за словом человеческим могучей силы» (Ветухов 1907: 41). Ор. Ф. Миллер, анализируя слово *‘заговор’*, утверждал, что «само название (заговор) уже показывает, что **слову** (выделено нами – И. К.) приписывается тут с одной стороны совершенно практическое, с другой – чрезвычайное, могущественное значение» (Миллер 1865: 66), кроме того, «есть заговоры, в которых, по-видимому, обходятся и без помощи божественных сил, полагаясь вполне на силу собственного человеческого **слова** (выделено нами – И. К.)» (Миллер 186: 14). Н. В. Крушевский отмечал: «В явлении заговора необходимо различать две стороны: 1) веру в возможность навязать свою волю божеству, человеку или известным предметам и

обстоятельствам и 2) веру в слово человеческое, как самое сильное средство навязать кому-либо или чему-либо свою волю» (Крушевский 1876: 41).

Значимость слова заговора раскрывают закрепки – «метафорическое запирающее самого текста, осмысляемого как некое материальное целое» (Топорков 2005: 60), «метатекст ненарративного характера, магически закрепляющий действие всего предыдущего текста и нейтрализующий допущенные в нем возможные ошибки» (Юдин 1997). А. В. Ветухов, вслед за А. Н. Афанасьевым, утверждал, что «главное в заговоре составляет могучая, замыкающая сила самого слова» (Ветухов 1907: 18). А. В. Юдин подчеркивает, что вербальная часть «обязательно включает слова-закрепки, завершающие основной заговорный текст» (Юдин 1997), за счет чего именно слово магических текстов наделяется особой силой.

Сравнения, выступающие основным элементом магических текстов и представленные в закрепках, акцентируют внимание на силе слова в обряде и указывают степень его могущества. Лексический состав заговоров, в том числе и семантическое наполнение образных компонентов компаративов, неслучайно. «Слова и вещи перемещаются в акте магии в новое интерпретационное поле, включаются в иные отношения. Они становятся знаками, 'обладающими свойствами своих денотатов', т. е. преобразуются в иконические знаки» (Адоньева 2004: 130).

Все это обуславливает целесообразность исследования семантических особенностей образов сравнения заговоров, а именно закрепок.

Среди природных элементов и явлений наиболее частотным является образ камня (*камень, камень серый, камень Алатырь*), но встречаются и такие как: *молния, трава, звезда, месяц, пахота, высота*.

С. Н. Ефимова (Ефимова 2008) отмечает, что начало использования мотива камня в фольклоре положил библейский образ: «Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2:17). Согласно энциклопедии символов, **камень** – это «символ стабильности, продолжительности, надежности, бессмертия, нерушимости, вечного, сцепления, **неуничтожимости** (выделено нами – И. К.)» (Купер 1995: 125), кроме того, «в христианстве камень –

это надежное основание, неразрушимость» (Купер 1995: 127). Поэтому неслучайно использование образа **камня** в сравнениях закрепок заговоров с таким основанием как – **стойкость, неподверженность изменениям**. При этом степень прочности **слова** может быть равна степени прочности **камня**, а может превышать ее: 1) (снять проклятие с семьи) *Слово мое крепко, как камень* (Степанова 2006: 550); 2) (присуха на любовь) *Слова мастера крепки, лепки, крепче камня ...* (Степанова 2006: 281–282); 3) (заговорные слова на любовь) *Слова мои будут крепки и лепки. Крепче камня* (Степанова 2006: 277); 4) (от нещадных врагов) *Будьте, мои слова ... Крепче камня* (Степанова 2006: 527); 5) (от зоба) *Будьте мои слова крепки, лепки, крепче камня серого* (Степанова 2006: 54); 6) (боль в спине) *Будьте, мои слова, крепки, лепки, крепче камня серого* (Степанова 2006: 80). Основание сравнения выражено лексемой ‘**крепкий**’, в которой актуализируется два значения («1. Такой, который трудно сломать, разбить, порвать» (Кузнецов 2006: 468) и «7. Прочный, надежный, неизменный» (Кузнецов 2006: 468)).

Подобное основание создается лексемой ‘**твёрдый**’ в сравнительной степени: (от порчи, наведенной на Пасху) *Будьте, мои слова, твердо, твёрже ..., камня, любого запора* (Степанова 2006: 558).

Отмеченные основания сравнения заложены в семантике лексемы ‘**камень**’: «всякая **твёрдая** (выделено нами – И. К.), нековкая горная порода в виде сплошной массы или отдельных кусков» (Кузнецов 2006: 412). В связи с этим схожие компаративы представлены в словарях устойчивых сравнений: 1) «**крепкий как (точно, словно, будто) камень** ... – твердый, прочный» (Горбачевич 2004: 105); 2) «**крепок как камень**. Народн. 1. О чем-либо, что трудно разбить, раскрошить. 2. Одобр. О физически крепком, очень здоровом человеке» (Мокиенко 2008: 242); 3) «(палец) **твёрдый как камень**. Об обмороженном и затвердевшем пальце» (Мокиенко 2008: 243); «4) **твёрд (твёрдый, крепок, крепкий, жесткий) как камень**. Разг. 1. О чем-либо очень твердом, жестком (черством хлебе, засохшем тесте, мясе, смерзшемся веществе, смоле, скале). 2. Об очень твердой, плохо разрыхляющейся почве. 3. Об очень волевом, принципиальном, непреклонном в своих решениях и поступках человеке. 4. О чёрством, холодно-рассудочном и непреклонном человеке» (Мокиенко 2008: 243); 5) «Как камень. Твёрдый, жесткий. О предмете, веществе, массе» (Огольцев 2001: 235).

Однако в устойчивых компаративных конструкциях с **камнем** сравниваются, как правило, материальные объекты, твердые, жесткие по своим физическим свойствам, или характер человека, тогда как в заговоре предметом сравнения выступает единица языка, **слово**. При этом основание сравнения *слова* с *камнем* – **неподверженность изменениям** – уникально.

Камень – «один из первоэлементов мира (наряду с землей, водой, огнем, воздухом); символ «мертвой (выделено нами – И. К.)» природы. Твердость, прочность, долговечность, неподвижность, неподверженность изменениям определяют использование камня в апотропеической, продуцирующей и лечебной магии» (Славянские древности 1999: 448–451). Принадлежность камня к мертвой природе («он холодный, тяжелый, неподвижный, бесплодный» – Славянские древности 1999: 448–451) отражают и сравнения закрепок: (от нещадных врагов) *Стоит камень, не поплывет, с места на место не перейдет. Так бы и мои слова никто не смог переделать* (Степанова 2006: 527).

В магических текстах основание сравнения с **камнем** могут формировать и весовые свойства природного элемента, несмотря на то, что в дефиниции слова они не заложены: (на легкие роды) *Будьте, мои слова, лепки, крепки, легче камня* (Степанова 2006: 170). В компаративе происходит актуализация нескольких значений лексемы 'легкий': основного («незначительный по весу» – Кузнецов 2006: 489) и периферийного («простой для усвоения, доступный пониманию, решению (противоп.: трудный). Не причиняющий затруднений, мучений, неудобств» – Кузнецов 2006: 489). Использование данной лексемы и актуализация ЗЛСВ слова *легкий* связано с назначением заговора – на *легкие роды*.

В народной космологии «камень трактуется как опора, основание, стержень, ось мира и уподобляется дереву мировому и горе (ср. в заговорах камень на море, алатырь-камень, белгорюч камень, синий камень и т.п.)» (Славянские древности 1999: 448–451). Поэтому в закрепках заговоров образом сравнения выступает не только обычный камень, но и **камень Алатырь**: (заговор для обманутой жены, чтобы вернуть мужа в дом) *Слово мое крепко и лепко, как горюч камень Алатырь* (Степанова 2006: 321); (избавление от материнского страха за ребенка) *Будьте вы, мои слова, так же крепки, как крепко камень Алатырь* (Степанова 2006: 632). Как и при сравнении с обычным камнем, основание сравнения выражено лексемой

крепкий. Однако сакральность этого образа (Алатырь в фольклоре камень «всем камням отец, пуп земли, наделяемый сакральными и целебными свойствами») (Мелетинский 1990: 33) придает могущество словам магического текста.

В словаре устойчивых сравнений В. М. Огольцева отмеченный образ не зафиксирован, но в словаре народных сравнений В. М. Мокиенко **камень Алатырь** представлен со сходным основанием: «Будь твое тело крепче камня, рубаха крепче железа, грудь крепче камня Алатыря. Фольк. Пожелание физической крепости и защищенности от ударов врага (в тексте заговора ратного человека, идущего на войну)» (Мокиенко 2008: 244). Следует отметить, что приведенный пример имеет заговорную основу, следовательно, использование данного образа в сравнительных конструкциях характерно, скорее всего, именно для магических текстов.

«Древний человек осознавал себя частью природы, дерево, вода, камень или огонь были для него не менее живыми существами, чем он сам, и требовали к себе почтительного отношения» (Левкиевская 2000: 74–75). Таким образом, использование образа **огненной молнии** в закрепах заговоров призвано усилить действие сказанного, так как **слово** наделяется силой, которая превышает могущество почитаемого явления природы: (присуха на любовь) *Слова мастера крепки, крепче молнии огненной* (Степанова 2006: 281–82). Несмотря на то, что **молния** связана «в фольклорной традиции с представлениями о небесном **огне** (выделено нами – И. К.) и грома» (Славянские древности 2004: 280) в закрепе заявленный образ сочетается с определением *огненная* для материализации отмеченных свойств в речи. Основание сравнения, как и в ранее отмеченных конструкциях, формирует прилагательное **крепкий** в сравнительной степени.

С аналогичным основанием представлен в заговорах и такой образ сравнения как **трава**: (для дальней дороги) *Как крепко трава в земле сидит, так крепко мой наговор меня оборонит* (Степанова 2006: 415). Словарь В. М. Огольцева фиксирует данный образ с иными основаниями: «Как трава. 1. Безвкусный. 2. Расти, вырастать – без присмотра ...» (Огольцев 2001: 685). В словаре В. М. Мокиенко представлен пример, в котором образ **травы** используется с противоположным основанием: «Человек яко трава ... О бренности существования и деятельности человека» (Мокиенко 2008: 687). Таким образом, в заговоре образ

травы формирует такое основание как *стойкость, неподверженность изменениям*, а в пословицах – *подверженность разрушениям*.

При сравнении слова с элементами природы, основанием сравнения становится не только крепость образа, но и невозможность совершения какого-либо действия с заявленным образом: (на хорошую торговлю) *Звезд на небе не сосчитать, пахоту руками не размять, слово мое с меня не снять* (Степанова 2006: 454). Неисчислимость **звезд** является общепринятым основанием сравнения: 1) «как звезд на небе. О неисчислимо большом количестве каких-л. предметов» (Мокиенко 2008: 215), 2) «Как звезд. Много, бесчисленное количество чего, кого-либо» (Огольцев 2001: 200). Но, если в устойчивых компаративах акцент делается на количестве, то в заговоре – на невозможности совершения определенного действия (сосчитать). Аналогично и сравнение с **пахотой**, которая не представлена ни в одном словаре сравнений.

Луна «повсеместно является символом циклического ритма времени, универсального становления» (Купер 1995: 190–191). В закрепках заговоров данный образ выражен лексемой *‘месяц’*: (от порчи через собачью челюсть) *Расти, мое слово, как месяц-брат млад растет* (Степанова 2006: 606). Основание сравнения – *усиление действия чего-либо* – формирует 2 ЛСВ слова *расти* («Становиться сильнее в своем проявлении» – Кузнецов 2006: 1101). Несмотря на то, что фазы пребывания и убывания луны часто используются в фольклоре, например, «луна нарастающая» означает «свет, рост и возрождение» (Купер 1995: 190–191), данное основание является уникальным, так как ни один словарь устойчивых сравнений его не фиксирует.

Образом сравнения в закрепках выступает и абстрактное понятие, например, **высота**, которое не представлено ни в словаре В. М. Огольцева, ни в словаре В. М. Мокиенко: (чтобы не выкрали вашу скотину) *Будьте вы, мои слова, ... выше высоты высокой* (Степанова 2006: 474). Основание сравнения – *превышающий что-либо по степени проявления, интенсивности*.

Исследование показало, что практически во всех компаративных конструкциях основание сравнения формирует лексема *‘крепкий’*, что связано с функциональной нагрузкой закрепок магических текстов. Кроме того, практически все образы сравнения (*камень, камень Алатырь, месяц, звезды*),

представленные в закрепках, имеют в славянском фольклоре магическую силу. В связи с этим, использование лексем, выражающих основание сравнения, в сравнительной степени указывает на то, что слово заговора могущественнее магических образов.

Литература

- Адоньева 2004 – Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004.
- Библия 2006 – Библия Книга священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской патриархии, 1992.
- Кузнецов 2006 – Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. СПб.: «Норинт», 2006.
- Ветухов 1907 – Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания основанные на вере в силу слова. (Из истории мысли). Варшава, 1907.
- Горбачевич 2004 – Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: «Издательство АСТ»: «Издательство Астрель»: «Ермак», 2004.
- Ефимова 2008 – Ефимова С. Н. Мифологические и фольклорные образы в лирике К. Васильева // Доклад на шестых Васильевских чтениях. 2008. <http://poetvasiliev.narod.ru/about/efimova.html>
- Левкиевская 2000 – Левкиевская Е. Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
- Крушевский 1876 – Крушевский Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии. Варшава, 1876.
- Купер 1995 – Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век». Книга IV. 1995.
- Мелетинский 1990 – Мелетинский Е. М. Мифологический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Миллер 1865 – Миллер Ор. Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности. Ч. 1. СПб., 1865.
- Миллер 1866 – Миллер Ор. Ф. Хрестоматия к опыту исторического обозрения русской словесности. Ч. 1, вып. 1. СПб., 1866.
- Мокиенко 2008 – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- Огольцев 2001 – Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: «Русские словари», «Изд-во Астрель»: «Изд-во АСТ», 2001.
- Познанский 1917 – Познанский Н. Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг.: 1917.
- Славянские древности 1999 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: «Международные отношения», 1999.
- Славянские древности 2004 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: «Международные отношения», 2004.

- Степанова 2006 – Степанова Н. И. 5000 заговоров сибирской целительницы. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2006.
- Топорков 2005 – Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М.: «Индрик», 2005.
- Топорков 1997 – Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997.
- Юдин 1997 – Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре: <http://www.ruthenia.ru/folklore/judin1.htm>

I. M. Kovalchuk. Semantic features of the lexemes denoting natural phenomena in similes of Russian spells' ratifications (zakrepka)

The article analyzes the semantics of lexemes denoting natural elements and natural phenomena used in similes of the final element of Russian magical incantations termed *zakrepka*. This usage is systematically compared with stock comparisons that appear elsewhere. It is argued that lexemes signifying “strong” (*krepkij*) or denoting unalterability serve as basis for the comparison, and that objects chosen as vehicles of the simile (such as *stone*, *moon*, *star*, etc.) are endowed with magic powers in Slavic folklore.

Keywords: incantation, Slavic folklore, comparison, vehicle of comparison, basis of comparison.

RETRIEVING THE APHRODITE OF HERMOGENES OF CYTHERA

В статье автор ставит своей задачей реконструировать облик статуи Афродиты скульптора Гермогена Киферского, которая по свидетельству Павсания (2. 2. 8) еще во II в. н. э. находилась на агоре в Коринфе. Это единственное упоминание о скульпторе Гермогене, других сведений о нем не дошло. Как полагает автор статьи, изображения Афродиты, воспроизводящие статую Гермогена, возможно, чеканились на коринфских монетах, а сама статуя во многом перекликалась со знаменитой бронзовой Афродитой Праксителя, которая вероятно находилась в Коринфе до того, как ее перевезли в Рим.

Ключевые слова: Древняя Греция, Коринф, Гермоген Киферский, Павсаний, статуя Афродиты, Пракситель.

The aim of this note is to retrieve the style of the statue of Aphrodite set up in the *agora (forum)* of the Roman colony of Corinth and seen by Pausanias (Paus. 2. 2. 8). The recognition of how this statue looked like will lead to a likely suggestion about the age of flourishing of this sculptor.

Pausanias in 2. 2. 8 is listing the most noteworthy statues of deities seen along the western side of the *agora* of Corinth. After a statue in Parian marble of Tyche in her own temple, probably of the early Augustan period, recognized on Corinthian coins and whose head probably survives¹, then a bronze Poseidon on a fountain, probably of the first decades of the 1st c. AD² and a bronze image of Apollo Clarius, probably also Augustan or early Julio – Claudian and

¹ Previous versions of this article were delivered in Fano (Italy) in a conference held by the Centre of Vitruvian Studies in December, 2013, in Chicago in the conference *Drakmatic Art* held in the Hilton Hotel of this city in February, 2014 and finally at Athens in the auditorium of the National Archaeological Museum, in March, 2014. Scholars who attended these events are warmly thanked. Special thanks are due to Dr. Ch. Kritsas for his clever question raised during the debate which followed my lecture in the National Museum.

About this Tyche, see Imhoof-Blumer, Gardner, Oikonomides 1964: 20, pl. E, figs. nos. 83 and 85. Concerning the head, see Johnson 1931: 46–47, no. 54.

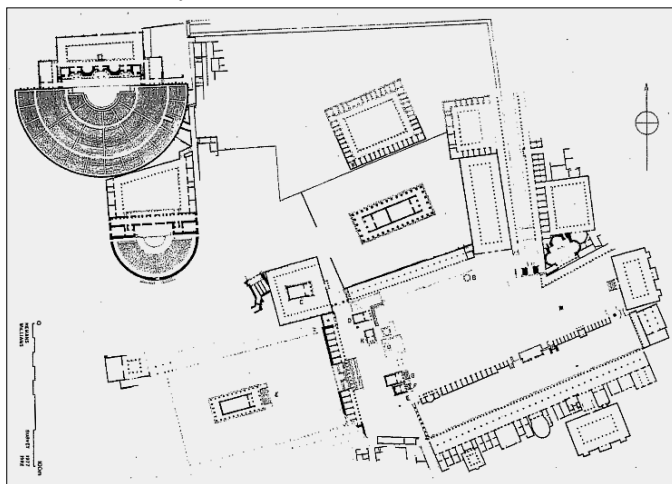
² See Dubbini 2011: 152–154 and Aristodemou 2012: 291–292, nos. 29–31.

recognized on a Corinthian coin type of the age of Julia Domna³, he saw «a statue of Aphrodite made by Hermogenes of Cythera» (ἄγαλμα Ἀφροδίτης Ἑρμογένους Κυθηρίου ποιήσαντος) (Dubbini 2011: 91–99). After this work of art, he reports on two bronze statues of Hermes (Dubbini 2011: 152) and three representations of Zeus (Dubbini 2011: 157).

Hermogenes of Cythera is known only from this passage of Pausanias (Flemborg 2001: 304–305).

It should be noticed that his statue is the only one among the *agalmata* listed in 2. 2. 8 whose sculptor is specified. This fact suggests that such a specification was regarded important and that this sculptor was also considered valuable.

Pausanias does not inform about the master of this Aphrodite with the words *ergon* or *technē* + the name of the artist in genitive but with an absolute genitive (Ἑρμογένους Κυθηρίου ποιήσαντος). This detail suggests that Pausanias read on the base supporting the statue the usual signature with the name of the sculptor followed by his ethnic and then by *epoiēsen*.

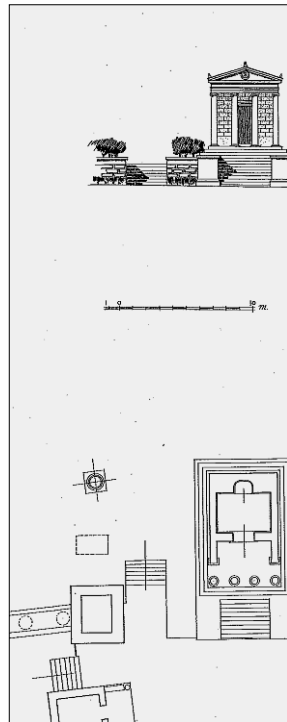

1. The *agora* of Corinth in the age of Pausanias (from Dubbini 2011)

The exact location of the statue in the context of the western side of the *agora* of Corinth has been suggested: probably the statue was

³ See Imhoof-Blumer, Gardner, Oikonomides 1964: 156, no. 25, pl. FF, fig. 14; Seltman 1928: 98–99 and Dubbini 2011: 101.

set up near or in the Augustan F temple, dedicated to *Venus* and located in the south section of the west side of the *agora* (fig. 1): it was a prostylos tetrastyle Ionic *naos*, the finest building in the west side of the *agora* (fig. 2)⁴, thus also the appropriate setting for a distinguished statue of the love goddess.

the *agora* of Corinth
(from Scranton 1951).

Since the F temple was Augustan, probably the statue of Hermogenes shares that date.

Hermogenes' Aphrodite probably was represented on coin types of the Roman colony of Corinth⁵. Corinthian coin types of the neo-sophistic period represent three basic types of Aphrodite whose styles are plausible for statues, and thus likely inspired by statues seen by Pausanias:

⁴ About the dedication of this temple to *Venus*, see Kent 1966: 33, no. 56. About the F temple, see Scranton 1951: 57–63 with a wrong identification of the F temple with the temple of Tyche. Historical considerations in Musti, Torelli 1986: 217–220 and Dubbini 2011: 91.

⁵ About the cult of Aphrodite in Corinth, see Soles 1983; Williams 1986: 12–24 and Lanci 2005: 205–220.

a. an Aphrodite holding her shield, in keeping with the Capua type of this goddess and to be identified with the *agalma* of Aphrodite *hoplismene* in her sanctuary and temple on the Acrocorinth (Pausanias 2. 5. 1. Imhoof-Blumer, Gardner, Oikonomides 1964: 25–27 and 157);

b. a draped Aphrodite, holding sceptre and apple (Imhoof-Blumer, Gardner, Oikonomides 1964: 18), perhaps to be identified with Aphrodite *Melainis*, whose temple was located just east of the urban centre of Corinth (Pausanias 2. 2. 4): this sanctuary was associated to the famous courtesan Lais (Pirenne-Delforge 1994: 97–98). The attribute of the apple may have referred to the many victories in love guarantee by the goddess to her protected courtesan (see Polemon, *frg.* 44. Preller and Athenaeus 13. 588 c.). Moreover the name of the apple (*melon*) may have suggested a special connection of this attribute with the epiclesis *melainis* of the love goddess;

c. an Aphrodite on coin types of the ages of Julia Domna (fig. 3) and Caracalla (fig. 4)⁶: the goddess is naked and reveals a moderate sinuosity. Her left foot is fully on the ground while her right foot rests on tiptoes and her corresponding knee is bent. Her left arm is lowered, her corresponding elbow is bent and her left hand is brought in front of the body probably in order to hold an attribute, perhaps a mirror. Her right arm is brought to the side, her corresponding elbow is bent and her right forearm is brought to her head, probably in order to wreath it.

3. AE of Corinth struck under Julia Domna, London, The British Museum, Department of Coins

4. AE of Corinth struck under Caracalla, reverse, Museum des Stiftes St. Florian

The general style of this figure is plausible for a bronze statue: there is no side support despite the position of the right arm brought to the side.

⁶ See Imhoof-Blumer, Gardner, Oikonomides 1964: 18–19 and Seltman 1928: 98–99.

As already Imhoof-Blumer, Gardner, Seltman, Oikonomides and Soles suggested, this statuary type must represent the Aphrodite by Hermogenes of Cythera (see notes 1, 2 and 5). In fact in the previously mentioned coin type of the age of Julia Domna, this Aphrodite appears together with an Apollo: this fact is in keeping with Pausanias' mention in 2. 2. 8 of a statue of Apollo Clarius and of Hermogenes' Aphrodite standing one next to the other.

The same type is reproduced with a Julio-Claudian marble statuette found in ancient Corinth but without a specific provenance (fig. 5)⁷: the head, both arms and most of legs are missing. This statuette also reveals a sinuous style, the left leg stood on the ground while the right leg was bent. The left arm was lowered while the right arm was uplifted.

5. Marble statuette at Corinth, Museum, no. 1181

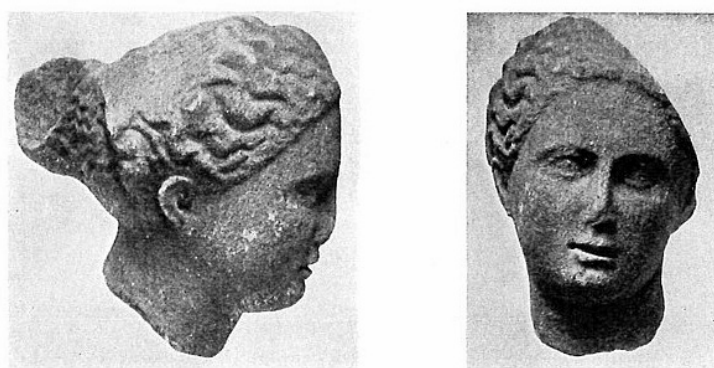
Because of the concordance with the Aphrodite with the same style on Roman coins, this statuette probably was a miniature copy of Hermogenes' statue and thus conveys some information about the

⁷ Corinth, Museum, no. 1181: see Johnson 1931: 42–43, no. 44 and Soles 1983: 124–125, no. 22.

specific style which characterized this statue: the fleshy and light – and – shadow depiction of the surfaces are still late Hellenistic and not in keeping with the cold, academic style of the Augustan classicism.

Thus Hermogenes, although he probably flourished during the Augustan period, reveals still a Hellenistic sensibility.

On the two above mentioned coin types, the face looks oval, bears a slightly oblique position and wavy hair. These features are found on a Julio-Claudian marble head of the goddess from Corinth (fig. 6) which probably is inspired by our Aphrodite⁸: again the specific provenance of this head is unknown. This head bears an oval face with semicircular forehead, narrow and elongated eyes and eye sockets, long nose, sinuous and short mouth and slightly protruding chin. The wavy hair is brought behind and collected in a chignon. The impressionistic rendering of the hair locks and the pathetic gaze of this head confirm the late Hellenistic education of Hermogenes.

6. Marble head, Corinth, Museum, no. 19

The representation of the goddess ‘au toilette’ catches her while she is looking at her mirror and wreathing her head: the moment when the courtesan is preparing for her client is transferred to the divine realm.

Thus this creation may have advertized the renowned phenomenon of the sacred prostitution of Corinth (bibliography in note 5).

⁸ Corinth, Museum, no. 19: see Johnson 1931: 41, no. 42 and Soles 1983: 207–209, no. 50.

The humid gaze of the goddess may have been meant to spread the love desire.

Even before the age of Augustus, pre-Roman Corinth was endowed with a bronze Aphrodite bearing the same general style which was later reused by Hermogenes. This creation is known thanks to a bronze statuette probably of Corinthian craftsmanship and dated to the late 4th c. BC found on Thera (fig. 7)⁹.

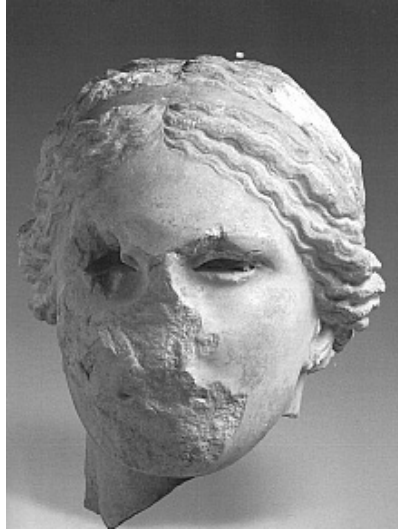
The general style of the body, of the legs and of the left arm is the same of the Aphrodite on the above considered coin types of Julia Domna and Caracalla. The statuette allows also an appreciation of the head: the face is typically Praxitelean (oval shape, triangular forehead, narrow and elongated eyes, long nose, short mouth and slightly protruding chin). The hair is divided in the middle and brought back to the nape with the usual wavy locks. In this body, the sense of the skin prevails upon the rendering of bones and muscles.

7. Bronze statuette at Berlin, Altes Museum, Antikensammlung, no. 7101.

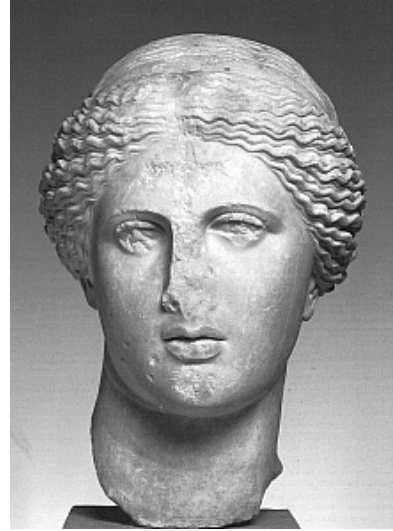
The face is very similar to the faces of the Arles type of Aphrodite (fig. 8), which is probably the copyist type of Praxiteles' Thespian Aphrodite, and of the Aspremont – Lynden /Arles type of head (fig. 9) which probably portrayed the Thespian image of Phryne which had been also made by Praxiteles (Corso 2004: 257–281, work no. 17; Pasquier 2007: 130–201 and Kaltsas, Despinis 2007: 114–117, nos. 22–26). The same face is found again with the Aphrodite Pseliumene (fig. 10) (Corso 2013: 172–185, work no. 53), with the

⁹ This statuette is kept at Berlin, Altes Museum, Antikensammlung, no. 7101: see Corso 2013: 129–130.

Townley type of Aphrodite (fig. 11), probably derived from Praxiteles' statue of Phryne at Delphi (Corso 2014: work no. 62), as well as with the Leconfield Aphrodite (fig. 12) (Corso 2014: work no. 65).

8. Marble head in the type of the Arles Aphrodite, Athens, Acropolis Museum, no. NMA 200

9. Marble head at Athens, National Archaeological Museum, no. 1762

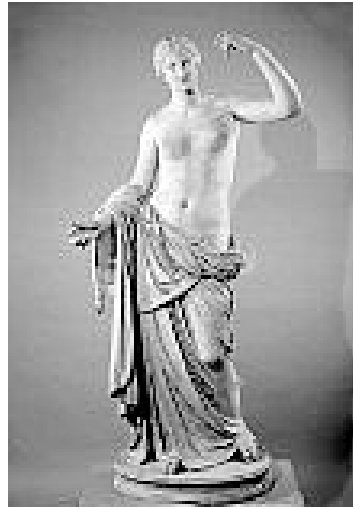
The unavoidable conclusion is that Phryne, the lover of Praxiteles, had been the model of the bronze Aphrodite echoed with the Thera statuette. The clear Praxitelean features of this creation suggest that this bronze Aphrodite was the bronze statue of this goddess made by Praxiteles, brought to Rome and set up in Rome in front of the temple of Happiness where it perished with a fire during the reign of Claudius (Pliny 34. 69). This statue was part of the booty of works of art brought from Corinth by Mummius, as it is argued by Strabo 8. 6. 23. 381 as well as by Dio Cassius 22. 76. 2. The original setting of the statue was not a sanctuary but a public area as it is argued by Cicero, *In Verrem* 2. 4. 2. 4 who specified that Mummius never looted sanctuaries. Thus it is likely that Praxiteles' bronze Aphrodite stood in the *agora* of Corinth, perhaps in the same place where at a later moment Hermogenes' Aphrodite was set up.

As soon as the Roman colony of Corinth was established, the authorities of the sanctuary may have commissioned a new statue of Aphrodite from Hermogenes of Cythera: this statue of the love

goddess was meant to be, if not a copy, at least a variation of Praxiteles' bronze Aphrodite removed to Rome and at the time standing in the capital of the empire in front of the temple of *Felicitas*.

10. Bronze statuette at London, The British Museum, Department of Greek and Roman Antiquities, no. Br 1084

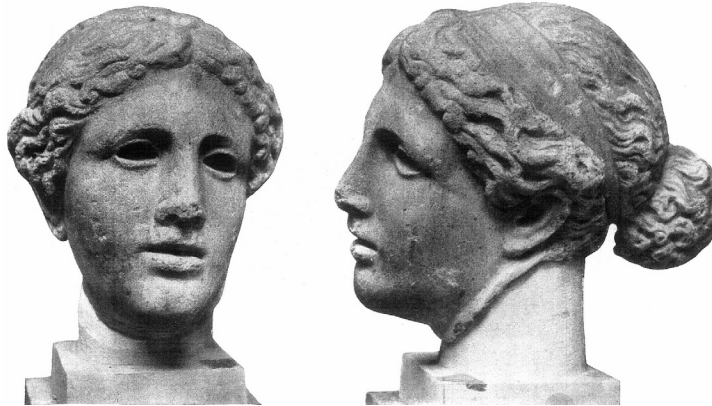
11. *Venus Townley*, London, The British Museum, Department of Greek and Roman Antiquities, Townley collection, no. 1574

Hermogenes' statue was not a faithful copy: for example the hair of Praxiteles' bronze Aphrodite was encircled twice by a taenia as it is argued by a likely late Hellenistic copy of this head from Rome (fig. 13) (Rome, Vatican Museums, storeroom, no. 287. See Corso 2013: 130–131). On the contrary Hermogenes' Aphrodite had no bands on her hair, as it is argued from the above considered Corinthian marble head which probably was inspired by the masterpiece of the Cytherean sculptor.

Since Cythera was famous for its cult of Aphrodite (Pausanias 3. 23. 1), Hermogenes may have specialized in the imagery of this goddess and thus he may have been commissioned this important statue for this reason.

12. Leconfield head, Petworth House

13. Marble head at Rome, Vatican Museums, storeroom, no. 287.

References

- Aristodemou 2012 – Αριστοδήμου Γ. Α. Ο Γλυπτός Διάκοσμος Νυμφαίων και Κρηγών στο Ανατολικό Τμήμα της Ρωμαϊκής Αυτοκρατορίας. Θεσσαλονίκη, 2012.
- Corso 2004 – Corso A. The Art of Praxiteles. Vol. I. Rome, 2004.
- Corso 2013 – Corso A. The Art of Praxiteles. Vol. IV. The Late Phase of His Activity. Rome, 2013.
- Corso 2014 – Corso A. The Art of Praxiteles. Vol. V. Rome, 2014.
- Corinthiaca 1986 – Corinthiaca: Studies in Honour of Darrell A. Amyx / M. del Chiaro (ed.). Columbia, 1986.
- Dubbini 2011 – Dubbini R. Dei nello spazio degli uomini: I culti dell'agora e la costruzione di Corinto arcaica (Supplementi E Monografie Della Rivista Archeologia Classica»). Rome, 2011.
- Flemberg 2001 – Flemberg J. Hermogenes (II) // Kuenstlerlexikon der Antike. Bd. 1 / R. Vollkommer (ed.). Munich, 2001. S. 304–305.

- Imhoof-Blumer, Gardner, Oikonomides 1964 – Imhoof-Blumer F. W., Gardner P., Oikonomides A. N. *Ancient Coins Illustrating Lost Masterpieces of Greek Art*. Chicago, 1964.
- Johnson 1931 – Johnson F. P. *Corinth IX. Sculpture*. Cambridge, Mass, 1931.
- Kaltsas, Despinis 2007 – Kaltsas N., Despinis G. (eds.). *Praxitelis*. Athens, 2007.
- Kent 1966 – Kent J. H. *Corinth VIII, 3: The Inscriptions 1926–1950*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1966.
- Lanci 2005 – Lanci J. R. *The Stones Don't Speak and the Texts Tell Lies: Sacred Sex at Corinth // Urban Religion at Ancient Corinth: Interdisciplinary Approaches* / D. Schowalter, S. J. Friesen (eds.). Cambridge, Mass.: Harvard Theological Studies, Harvard Divinity School, 2005.
- Musti, Torelli 1986 – Musti D., Torelli M. *Pausania. Guida della Grecia. Libro II*. Milan, 1986.
- Pasquier 2007 – Pasquier A. *Les Aphrodites de Praxitèle* // A. Pasquier, J.-L. Martinez. *Praxitèle. Catalogue de l'exposition au musée du Louvre, 23 mars-18 juin 2007*, éditions du Louvre & Somogy, Paris, 2007. P. 130–201.
- Pirenne-Delforge 1994 – Pirenne-Delforge V. *L'Aphrodite grecque*. Athènes-Liège, 1994 (Kernos, Supplément IV).
- Schowalter, Friesen 2005 – *Urban Religion at Ancient Corinth: Interdisciplinary Approaches* / D. Schowalter, S. J. Friesen (eds.). Cambridge, Mass.: Harvard Theological Studies, Harvard Divinity School, 2005.
- Scranton 1951 – Scranton R. L. *Corinth I, 3: Monuments in the Lower Agora and North of the Archaic Temple*. Princeton, 1951.
- Seltman 1928 – Seltman C. T. *The Sculptor Hermogenes of Cythera* // NC. 1928. Vol. 5, 8. P. 98–99.
- Soles 1983 – Soles M. E. C. *Aphrodite at Corinth*. Ann Arbor, 1983.
- Williams 1986 – Williams C. K. *Corinth and the Cult of Aphrodite* // *Corinthiaca: Studies in Honour of Darrell A. Amyx* / M. del Chiaro (ed.). Columbia, 1986. H. 12–24.

A. Corso. Retrieving the Aphrodite of Hermogenes of Cythera

The aim of this note is to retrieve the style of the statue of Aphrodite set up in the *agora* (*forum*) of the Roman colony of Corinth and seen by Pausanias 2. 2. 8. The recognition of how this statue looked like will lead to a likely suggestion about the age of flourishing of this sculptor. Hermogenes of Cythera is known only from this passage of Pausanias. Hermogenes' Aphrodite probably was represented on coin types of the Roman colony of Corinth. It is likely that Praxiteles' bronze Aphrodite stood in the *agora* of Corinth, perhaps in the same place where at a later moment Hermogenes' Aphrodite was set up, but Hermogenes' statue was not a faithful copy of Praxiteles' Aphrodite.

Keywords: Ancient Greece, Corinth, Pausanias, the statue of Aphrodite, Hermogenes of Cythera, Praxiteles' Aphrodite.

БЫТИЕ 4: 3-5 (К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

В статье анализируется эпизод, описывающий жертвоприношение Каина и Авеля – первое описание жертвы в Библии. В Масоретском тексте обе жертвы, и Каина и Авеля, обозначены словом *minhâ*, однако Септуагинта дает различные переводы одного и того же термина: *θυσία* для жертвы Каина и *δῶρον* для жертвы Авеля. Таким образом, переводчик проводит гораздо более резкое разграничение между жертвами двух братьев. Ответ на то, почему переводчик использует два разных слова, лежит, вероятно, в экзегетической плоскости. В статье проводится анализ возможных вариантов толкования данного эпизода.

Ключевые слова: Каин, Авель, жертвоприношение, Масоретский текст, Септуагинта, *minhâ*, *θυσία*, *δῶρον*.

Впервые в Библии о жертвоприношении рассказывается в четвертой главе книги Бытия, где речь идет о жертве Каина и Авеля. Данный сюжет чрезвычайно известен: земледелец Каин и пастух Авель, сыновья Адама и Евы, приносят жертву Богу. Бог принимает жертву Авеля и не принимает жертву Каина, из-за чего Каин совершает братоубийство, за которое Бог обрекает его на вечное скитание.

Обратимся к оригиналу. В Масоретском Тексте (далее – МТ) говорится буквально следующее (Быт. 4: 3–5):

- 3 *wayəhî miqqəṣ yāmîm wayyābē' qayin mipərî hā'ādāmā minhâ*
 layhwâ:
4 *wəhebel hēbî' ġam-hû' mibəḵōrōt sō'nō ûmēheləbēhen wayyiš^a*
 yəhwâ 'el-hebel wə'el-minhātō:
5 *wə'el-qayin wə'el-minhātō lō' šā'ā wayyihar ləqayin mə'ōd*
 wayyipəlû pānāw

‘И было по прошествии тех дней: и принес Каин от плодов земли жертву Яхве, а Авель также принес (жертву) от первородных скота своего и от тука их. И призрел Яхве на Авеля и на жертву его, а на Каина и на жертву его не призрел. И разгневался Каин весьма, и поникло лицо его’.

Богословскому и философскому толкованию цитируемого места посвящена обширная литература. Особенно много рас-

суждений уделено вопросу о том, почему Бог отверг жертву Каина и принял жертву Авеля. Из последних работ, всесторонне анализирующих историю о Каине и Авеле, необходимо назвать монографию Байрона (Byron 2011). Мы сосредоточимся на филологическом аспекте проблемы, привлекая там, где необходимо, комментарии богословско-философского характера.

Прежде всего, необходимо отметить, что в вышеупомянутых стихах книги Бытия впервые в МТ употреблен *terminus technicus* для обозначения жертвоприношения: обе жертвы, как Каина, так и Авеля, переданы словом *minḥâ*. Данный термин является одним из наиболее употребительных для обозначения жертвоприношения. Причем необходимо отметить, что у слова фиксируется 4 значения, которые можно четко разделить на две группы: значения, связанные с культом и значения, не относящиеся к культовой сфере. В культовой сфере *minḥâ* употребляется в качестве 1) общего термина для жертвоприношения, без различения жертвенного материала 2) специального жертвенного термина, обозначающего принесение в жертву зерна (инструкции относительно хлебной жертвы даются во второй главе книги Левит). В контекстах, не связанных с религией и культом, *minḥâ* означает 1) дар, подарок 2) дань, особенно дань правителя одной страны царю другой¹.

Весьма очевидно, что в данном отрывке *minḥâ* используется в качестве общего термина для обозначения жертвы, поскольку обе жертвы, и растительная, и животная, обозначены одним и тем же словом. Анализируемое место интересно также тем, что здесь единственный раз в книге Бытия *minḥâ* обозначает жертву. В прочих контекстах речь идет о подарках, например, о подарках Иакова своему брату Исаву (33: 10) или о дарах, поднесенных Иосифу его братьями (43: 11).

Еще важнее при анализе рассматриваемого отрывка обратиться к Септуагинте (далее – LXX). В LXX дается следующий перевод Быт. 4: 3–5:

καὶ ἐγένετο μεθ' ἡμέρας ἤνευκε Κάιν ἀπὸ τῶν καρπῶν τῆς γῆς θυσίαν τῷ Κυρίῳ, καὶ Ἀβελ ἤνευκε καὶ αὐτὸς ἀπὸ τῶν πρωτοτόκων τῶν προβάτων αὐτοῦ καὶ ἀπὸ τῶν στεάτων αὐτῶν. καὶ ἐπεῖδεν ὁ Θεὸς ἐπὶ Ἀβελ καὶ ἐπὶ τοῖς δώροις αὐτοῦ, ἐπὶ δὲ Κάιν καὶ ἐπὶ ταῖς θυσίαις αὐτοῦ οὐ προσέσχε. καὶ ἐλυπήθη Κάιν λίαν, καὶ συνέπεσε τῷ προσώπῳ αὐτοῦ.

¹ Подробнее о значении слова см. в статье Карра (Carr 1980: 1.515)

‘И было по прошествии дней. Принес Каин от плодов земли жертву Господу, а Авель также сам принес от первородных овец своих и от тука их. И воззрел Бог на Авеля и на дары его, а на Каина и на жертвы его не обратил внимания. И опечалился Каин, и поник лицом своим’.

Перевод LXX отличается здесь от МТ лишь некоторыми, однако чрезвычайно важными, нюансами. Во-первых, древнееврейский глагол, со значением ‘горячиться, гневаться’, передан в LXX глаголом λυτέω ‘быть печальным, скорбеть’, таким образом, неточно передана семантика еврейского глагола. Во-вторых, один и тот же древнееврейский глагол, означающий ‘взирать, призи́рать, оказывать благоволение’, в данном контексте передан различными греческими глаголами. И наконец, сами жертвы, обозначенные в МТ одной лексемой, переведены в LXX при помощи разных слов (жертва Каина – словом θυσία, а жертва Авеля – словом δῶρον).

С чем связана такая интерпретация? Здесь налицо явное подчеркивание различия в жертвоприношениях Каина и Авеля, выраженное лексическими средствами. Необходимо отметить, что в переводе LXX Бог просто не обратил на жертву Каина никакого внимания. Жертва Авеля названа даром для Бога, а для жертвы Каина использовано самое общее и наиболее часто встречающееся в LXX слово.

В целом древнееврейский термин *minḥâ* в книге Бытия встречается 10 раз, и из них лишь два раза для обозначения жертвоприношения, в анализируемом нами контексте. Что касается передачи термина в греческой Библии вообще, то как раз чаще всего используются именно эти два названных слова – θυσία и δῶρον. Однако следует подчеркнуть, что *minḥâ* переводится словом θυσία почти всегда в тех местах, где оно является техническим термином для обозначения бескровной (хлебной, растительной) жертвы (например, в книгах Левит и Числа). В книге Бытия *minḥâ* передается как θυσία лишь для обозначения жертвы Каина. В свою очередь, слово δῶρον для передачи *minḥâ* как термина жертвоприношения используется лишь здесь, для описания жертвы Авеля. Все остальные 9 раз *minḥâ* передается как δῶρον, однако, как уже сказано выше, оставшиеся контексты не связаны с культом, и речь в них идет о подарках либо дани. Вообще во всей LXX *minḥâ* передается словом δῶρον 29 раз, при этом лишь в четырех случаях говорится о даре человека Богу (Быт. 4: 4, 1 Пар. 16: 29, 2

Пар. 32: 23, Ис. 66: 20), в остальных контекстах имеются в виду обычные подарки². При этом существует один культовый термин, относящийся к жертвоприношению, переводимый в LXX регулярно словом δῶρον – слово *qorban*³. Нельзя не отметить, что нередко в Масоретском тексте фиксируется выражение *qorban minhâ*, всегда по-гречески передаваемое как δῶρον θυσία. Проблема перевода, возможно, кроется в общих принципах переводческой техники LXX. Хотя перевод Семидесяти толковников был сделан не сразу, а осуществлялся в течение некоторого периода времени разными переводчиками, все же большинство ученых согласно с тем, что перевод Пятикнижия является наиболее ранней частью Библии, переведенной на греческий язык и обнаруживает общность в методах и приемах перевода текста⁴. Как мы уже сказали, в книге Левит *minhâ* используется для обозначения растительной жертвы и всегда передается по-гречески как θυσία. А жертва Каина – растительного происхождения. Поэтому можно предположить, что переводчики поняли *minhâ* в контексте жертвы Каина как *terminus technicus* и перевели привычным словом θυσία. В то же время вызывает вопрос перевод жертвы Авеля словом δῶρον, поскольку нигде более в Пятикнижии в значении ‘жертва’ оно не передается как δῶρον, что делает перевод 4-го стиха 4-й главы уникальным.

Проблема перевода здесь лежит, как видится, в экзегетической плоскости. Жертвы Каина и Авеля противопоставлены в LXX гораздо более резко, чем в МТ. Как подчеркивает Ким, в данном случае вариативность в греческом переводе Библии обусловлена тем, что «жертва Каина существенно отличалась по своему качеству» от жертвы Авеля (Kim 2001: 75).

Примечательно, что комментарии ряда иудео-эллинистических авторов на данный эпизод основываются именно на переводе LXX. Так, выдающийся философ Филон Александрийский в своих *Quaestiones et Solutiones in Genesim*, исходя из

² Подробный анализ употребления греческих лексем дает автор фундаментального комментария к греческому Пятикнижию Дж. Уиверс (Wevers 1993: 52).

³ Об этом термине см. статью Цейтлина (Zeitlin 1962).

⁴ Заметим, что и в знаменитом письме Аристия Филократу речь идет о переводе не всего Танаха, а лишь Торы.

греческого перевода⁵, четко противопоставляет δῶρον Авеля и θυσία Каина:

Τίτι διαφέρει δῶρον θυσίας, [εύρίσκω ὅτι] ὁ μὲν θύων ἐπιδιαίρει, τὸ μὲν αἷμα τῷ βωμῷ προσχέων, τὰ δὲ κρέα οἴκαδε κομίζων· ὁ δὲ δωρούμενος ὅλον ἔοικε παραχωρεῖν τῷ λαμβάνοντι. Ὁ μὲν οὖν φίλαυτος διανομεὺς οἷος ὁ Κάϊν, ὁ δὲ φιλόθεος δωρητικὸς οἷος ὁ Ἀβελ.

‘В чем различие между даром (δῶρον) и жертвой (θυσία)? Я думаю, что приносящий жертву разделяет ее, кровью кропя алтарь, а мясо относя домой. А приносящий дар, как кажется, отдает все тому, кто принимает жертву. Поэтому себялюбец, как Каин, является распределителем, а возлюбленный Богом, как Авель, является приносящим дар’.

Однако подобная экзегеза представляется странной и крайне неудачной. Хотя Филон и проводит различие между понятиями δῶρον и θυσία, здесь он говорит о животной жертве, при том, что жертва Каина была растительной. Вообще отсюда может сложиться ложное впечатление о том, что растительная жертва негодна Богу (Вугон 2011: 43). Однако ясно, что это не так. Книга Левит, наряду с кровавыми жертвами предписывает приносить и жертвы бескровные, чему посвящена целиком вторая глава книги. При этом очевидно, что Филон считает жертву Каина несправедливой, поскольку Каин был эгоистом (φίλαυτος) и заботился прежде всего о личной выгоде, не пытаясь угодить Богу. Поэтому жертва Каина была отвергнута. Как известно, Филон посвятил истории Каина несколько значительных трактатов (De Cherubim – «О херувимах, об огненном мече и о первой твари, родившейся от человека, Каине», De sacrificiis Abelis et Caini – «О жертвоприношении Каина и Авеля», De posteritate Caini – «О потомках надменного Каина и о его изгнании»).

В трактате De sacrificiis Филон также подчеркивает, что причиной неприятия Богом жертвы Каина был эгоизм. Экзегет акцентирует внимание на том, что само имя Каин означает ‘обладание, приобретение’:

⁵ Вопрос о степени владения Филона древнееврейским языком остается дискуссионным (Siegfried 1871: II, 2. 143–163). Ясно то, что Филон, хотя и имел определенное знакомство с ивритом (это видно на примере рассуждений об этимологии еврейских имен), однако при толковании Ветхого Завета всегда пользовался переводом LXX.

Δύο τοίνυν δόξας εἶναι συμβέβηκεν ἐναντίας καὶ μαχομένας ἀλλήλαις, τὴν μὲν τῷ νῶ πάντα ἐπιγράφουσιν ὡς ἡγεμόνι τῶν ἐν τῷ λογίζεσθαι ἢ αἰσθάνεσθαι ἢ κινεῖσθαι ἢ ἰσχεσθαι, τὴν δὲ τῷ θεῷ ἐπομένην ὡς αὐτοῦ δημιουργίαν οὖσαν· τῆς μὲν προτέρας ἐκτύπωσις ἐστὶν ὁ Κάιν καλούμενος κτήσις παρὰ τὸ πάντα κεκτῆσθαι δοκεῖν, τῆς δὲ ἐτέρας ὁ Ἄβελ, ἐρμηνεύεται γὰρ ἀναφέρων ἐπὶ θεόν.

‘Итак, есть две несовместимых и враждебных друг другу точки зрения: одна возводит все к уму как вождю нашему в мыслях и чувствах, в движении и покое; другая же следует за Богом как за своим творцом. Одну олицетворяет Каин, чье имя означает «обладание», ибо он думал, что обладает всем, а другую – Авель, чье имя толкуется как «все возводящий к Богу»

(перевод О. Л. Левинской).

Действительно, имя Каин, вероятнее всего, связано с глаголом *qānā*, означающим ‘приобретать, овладевать’. Об этом говорится и в начале анализируемой нами главы. Ева после рождения первенца говорит: «Приобрела я (*qānīti*) человека от Бога». Что касается этимологии имени Авель, то она, скорее всего является фиктивной. Точную этимологию в данном случае дать невозможно, однако вероятно, она связана со словом *hebel* ‘пустота, тщета’⁶ (Wenham 1987:102). Иногда данное слово используется для описания краткости, скоротечности и тем самым тщетности человеческой жизни (Иов. 7:16, Пс. 144:4). Как нам представляется, в цитируемом месте Филон, противопоставляя Каина и Авеля, параллельно противопоставляет и значение их имен – если Каин приобретает все лишь в своих корыстных целях, то Авель все делает с тем, чтобы угодить Богу. Примечательно, что другой знаменитый иудео-эллинистический писатель Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (1.52) переводит имя Авеля как ‘ничто’ (οὐδέν), исходя из значения древнееврейского *hebel*⁷.

⁶ Именно это слово употребляется в книге Екклестиаста, традиционный перевод – ‘суета’.

⁷ Что касается имени Каин, то Иосиф Флавий приводит ту же этимологию, что содержится в Библии и у Филона и так же, как и Филон, исходя из нее, описывает Каина как человека в высшей степени порочного и жадного до наживы (πονηρότατος καὶ πρὸς τὸ κερδαίνειν ἀποβλέπων).

В вышеупомянутом трактате *De sacrificiis* Филон, развивая тему самовлюбленности Каина, дает также следующее толкование его поступку:

„Καὶ ἐγένετο μεθ’ ἡμέρας, ἤνεγκε Κάιν ἀπὸ τῶν καρπῶν τῆς γῆς θυσίαν τῷ κυρίῳ“ (Gen. 4, 3). δύο ἐγκλήματα τοῦ φιλαύτου· ἐν μὲν τὸ „μεθ’ ἡμέρας“ ἀλλ’ οὐκ εὐθὺς εὐχαριστῆσαι θεῷ, ἕτερον δὲ τὸ „ἀπὸ τῶν καρπῶν“ ἀλλὰ μὴ ἀπὸ τῶν πρώτων καρπῶν, ὧν σύνθετον ὄνομα πρωτογεννήματα.

‘Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу» (Быт. 4:3). В этих словах – два обвинения себялюбцу. Во-первых, «спустя несколько времени», а не тотчас принес он благодарность Богу, и во-вторых, «от плодов», а не от первых плодов, иначе называемых первинами’

(Перевод О. Л. Левинской).

Итак, первое обвинение Каину состоит в том, что он принес жертву не в положенный срок, а лишь по истечении некоторого периода времени. Само выражение *miqqēs yāmîm* (буквально ‘в конце/ по прошествии дней’) употребляется для описания некоторого периода времени, как неопределенной длительности (Быт. 24: 55), так и продолжительностью в год и больше (Лев. 25: 20, 1 Цар. 1: 21). Само древнееврейское слово *yōm*, означающее ‘день’, может также означать ‘период, эпоха’ (в LXX практически всегда передается буквально, как ἡμέρα). Современные комментаторы склонны предполагать, что в анализируемом нами контексте говорится о конце года или шире – о конце сельскохозяйственного года, времени сбора урожая и принесения в жертву плодов (Wenham 1987: 102). Поэтому Филон учитывает при толковании временной фактор, в отличие, скажем, от Иосифа Флавия, не обращающего на это внимания.

Второй аргумент Филона более существенен. Из МТ нельзя установить, что именно принес Каин в жертву. Это могло быть хлебное приношение, наподобие описанного в книге Левит, а могло быть приношение плодов. В любом случае, закон предписывал принесение в жертву именно первых плодов, первинков, начатков урожая (Лев. 2: 14, 19: 23–25, Чис. 13: 20, Втор. 26: 1–11). Действительно, при описании жертвы Каина сказано, что он принес «от плодов земли», но не сказано, что от первых плодов. В то же самое время Авель принес жертву «от первородных скота своего» и от их жира, то есть сделал ровно то, что пред-

писано Законом (см. описание жертвы всесожжения в 1-й главе книги Левит). Хотя Библия не конкретизирует, какие именно плоды Каин принес в жертву, Иосиф Флавий говорит, что это были древесные плоды (Ant. 1.54)⁸. Что касается принесения в жертву начатков урожая, то это крайне важный момент. Как подчеркивают современные исследователи, что на всем Древнем Ближнем Востоке полагалось жертвовать божеству именно первую порцию чего бы то ни было – первые плоды, первородных животных и т. д.⁹ (Waltke 1986: 368). По словам Скиннера, «ошибка Каина заключается в том, что он не посвятил Богу лучшую часть урожая» (Skinner 1910: 106). С ним согласен Гункель (Gunkel 1922: 43), а также Сарна (Sarna 1989: 32).

В связи с тем, что Каин не отдал лучшую часть Богу, лучшее он, вероятно оставил себе. Об этом говорит современный библеист Хейворд, подчеркивающий, что сам выбор терминов для перевода древнееврейского слова, основан именно на этих соображениях, поскольку «*θυσία* – это жертва, частично приносимая на алтарь, а частично остающаяся самому жертвователю» (Hayward 2009: 103). Таким образом, Каин совершил сознательный обман, оставив лучшее себе. Об этом говорится в уже приведенном нами ранее пассаже из *Quaestiones...* Филона (1. 62), где говорится о неправильном разделении жертвы. Любопытно, что исследователи иногда сравнивают Каина с Прометеем¹⁰, однако не с Прометеем-героем, принесшим людям огонь, а с другой историей о нем, не столь известной и отнюдь не героической. Согласно мифу, Прометей заколол быка в жертву Зевсу и разделил тушу на две части, сложив их в две кучи: в меньшую кучу он положил мясо и потроха, обернув их шкурой, а в большую – кости, покрытые толстым слоем жира. Он предложил Зевсу выбрать себе ту часть, которая ему

⁸ Между тем, Иосиф Флавий, описывая жертву Авеля, говорит, что тот принес в жертву не животный жир, а молоко (*γάλα*). Вероятнее всего, это связано с альтернативным прочтением древнееврейского *hlb* (Franxman 1979: 67). Отметим также, что обе жертвы братьев Каина и Авеля у Флавия переданы словом *θυσία*. Все это свидетельствует о том, что Флавий при написании своего труда опирался на оригинальный текст, а не на греческий перевод.

⁹ Следует, кроме того, отметить, что понятие начальной, лучшей жертвы, обозначаемой как *ἀπαρχαί*. Например, в трагедии Еврипида «Орест» (стих 96) этим словом обозначен локон Электры, который та приносит на могилу матери Клитемнестры.

¹⁰ На эту тему существует интересная статья Энслина (Enslin 1967).

понравится. Зевс выбрал большую часть, но обнаружив под слоем жира кости, разгневался на обманщика Прометея. Этот миф изложен, к примеру, у Гесиода (Theog. 535–562). То, что Каин совершил подобного рода обман, можно интерпретировать из 7-го стиха 4-й главы книги Бытия, где Бог объясняет Каину его вину. В МТ говорится следующее:

hālwō' 'im-tētib šə'ēt wə'im lō' tētib lape^h hāttā't rōbēs

‘И если ты поступил хорошо, то подними лицо, а если нет, то грех у порога лежит’.

Это одно из самых трудных и темных мест Ветхого Завета. О чем именно здесь говорится, точно сказать невозможно. Это могло бы стать темой отдельного самостоятельного исследования. Однако ясно, что Бог не принял жертву Каина потому, что тот совершил некий грех (*hāttā't*). Однако, возможно, до некоторой степени прояснить смысл данного стиха помогает перевод LXX, значительно расходящийся здесь с Масоретским текстом:

οὐκ ἔαν ὀρθῶς προσενέγκῃς, ὀρθῶς δὲ μὴ διέλῃς, ἡμάρτες;

‘Если ты правильно принес (жертву), но неправильно (ее) разделил, (неужели) ты не согрешил?’

Таким образом, Каин поступил несправедливо, поскольку не должным образом разделил жертву, сознательно совершив обман. Некоторые комментаторы считают, что перевод *μὴ διέλῃς* обусловлен неправильным прочтением *linto^ah* (разделять) вместо *lape^hh* (у дверей). Например, Уиверс (Wevers 1993: 55), проводящий параллель с первой главой книги Левит, где сказано, как правильно разделять жертву (стих 12). Несомненно, основываясь на переводе LXX, строит свои аргументы и Филон. Кроме того, нельзя забывать, что текст LXX является более древним, чем дошедший до нас Масоретский текст. Возможно, в Протомасоретском тексте могло стоять и *linto^ah*, хотя, конечно, это всего лишь гипотеза.

Литература

- Byron 2011 – Byron J. Cain and Abel in Text and Tradition. Leiden; Boston, 2011.
 Carr 1980 – Carr G. L. Mnh // R. Laird Harris, Gleason L. Archer, Jr., Bruce K. Waltke (eds.). Theological Word Book of the Old Testament. Chicago: Moody Press, 1980.
 Enslin 1967 – Enslin M. S. Cain and Prometheus // Journal of Biblical Literature. 1967. Vol. 86, 1. P. 88–90.

- Franxman 1979 – Franxman Th.W. Genesis and the “Jewish Antiquities” of Flavius Josephus // *Bibbia e Oriente*. 1979. T. 35.
- Gunkel 1922 – Gunkel H. Genesis übersetzt and erklärt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1922.
- Hayward 2009 – Hayward, C. T. R. What Did Cain Do Wrong? Jewish and Christian Exegesis of Genesis 4: 3–6 // *The Exegetical Encounter between Jews and Christians in Late Antiquity*. Leiden, 2009. P. 101–23
- Kim 2001 – Kim A. Y. Cain and Abel in the Light of Envy: A study in the History of Interpretation of Envy in Genesis 4:1–16 // *Journal for the Study of the Pseudepigrapha*. 2001. P. 65–84.
- Sarna 1989 – Sarna N. M. JPS Torah Commentary: Genesis. New York, 1989.
- Siegfried 1871 – Siegfried C. Philonische Studien // *Archiv für Wissenschaftliche Erforschung des A. T.* 1871, Bd. ii. 2. S. 143–163.
- Skinner 1910 – Skinner J. A Critical and Exegetical Commentary on Genesis. ICC; Edinburgh: T. & T. Clark, 1910.
- Waltke 1986 – Waltke B. K. Cain and his offering // *Westminster Theological Journal*. 1986. Vol. 48. P. 363–372.
- Wenham 1987 – Wenham G. J. Genesis. World Biblical Commentary 1–2. Waco: Word, 1987.
- Wevers 1993 – Wevers J. W. LXX: Notes on the Greek Text of Genesis // *Septuagint and Cognate Studies*. 1993. T. 35. Atlanta.
- Zeitlin 1962 – Zeitlin S. Korban // *The Jewish Quarterly Review*. 1962, N. S. Vol. 53, No. 2. P. 160–163.

A. O. Korchagin. On the interpretation of Genesis 4: 3–5

This papers provides an analysis of the episode of Cain and Abel's offering to God which is the first description of a sacrifice in the Bible text. In the Masoretic text, both offerings are referred to as *minḥâ*, while the Septuagint uses different terms in order to render one Hebrew word – *θυσία* for the Cain's offering and *δῶρον* for the one made by Abel. The translator draws thus a much sharper distinction between the offerings of the two brothers. It seems that the reason why the translator makes use of the two different words must be sought in exegetic domain. The paper provides an analysis of possible interpretations of this episode.

Keywords: Septuagint, Masoretic text, Cain, Abel, offering, *minḥâ*, *θυσία*, *δῶρον*.

КОНСТРУКЦИЯ [X *ANUN*] ‘ПО ИМЕНИ X’ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ¹

В статье рассмотрена конструкция [X *anun*] ‘по имени X’ в древнеармянском языке. Анализ употреблений данной конструкции в переводном тексте Библии показывает ее крайнюю устойчивость. Аналогичная структура назывной конструкции преобладает в индоиранских языках; назывная конструкция с двойным аккузативом хорошо представлена в древнегреческом. Конструкцию с двойным аккузативом при глаголах называния, следы которой сохранились в индоиранской, греческой и армянской ветвях и которая, по-видимому, заменила праиндоевропейскую назывную конструкцию с глаголом **d^heh1-* ‘ставить’, можно рассматривать как синтаксическую инновацию.

Ключевые слова: древнеармянский язык, назывные конструкции, синтаксические изоглоссы.

1. Конструкции [X *anun*] ‘по имени X’

Статья посвящена особенностям употребления конструкции [X *anun*] ‘по имени X’ (*ekeal ayr mi Beniamen **anun*** ‘приехал человек Вениамин [ему] имя’) в классическом древнеармянском и вопросу ее происхождения. В древнеармянской именной парадигме номинатив и аккузатив различаются во множественном числе, а в единственном – только у личного местоимения 1-го лица; в остальных словах беспредложный аккузатив и номинатив совпадают по форме. Таким образом, с морфологической точки зрения *anun* представляет собой неопределенную форму прямого падежа. А. Мейе определяет морфологический статус словоформы *anun* в составе указанной конструкции как *номинатив-аккузатив* (Meillet 1936: 94). Некоторые исследователи определяют форму *anun* как *уточняющий аккузатив* (accusative of specification), опираясь на сугубо диахронические аргументы (Martirosyan 2010: 97). Однако в синхронной грамматике

¹ Материал статьи обсуждался на XLIII международной филологической научной конференции (11–16 марта 2014, СПбГУ). Статья подготовлена в рамках исследований, осуществляемых при финансовой поддержке грантов МК-3848.2013.6 и РГНФ 14-04-00394.

древнеармянского беспредложный уточняющий аккузатив вне конструкции с *anun* не встречается.

Наряду с рассматриваемой конструкцией (1), *anun* участвует в двух синонимичных предикативных посессивных конструкциях, в которых Посессор выражен дативом (2) или генитивом (3), а Объект обладания состоит из имени собственного/нарицательного и *anun*, объединенных копулой, ср.:

- (1) a. Koriwn 1940: 60:

<i>...or</i>	<i>ēr</i>	<i>Vatenak</i>	<i>anun</i>
который:NOM	быть:IMPF.3SG	NOM/ACC	NOM/ACC

 ‘...который был Вагенак [ему] имя.’
 b. Eznik 1826: 113:

<i>Zruan</i>	<i>omn</i>	<i>anun</i>	<i>ēr</i>
NOM/ACC	некто:NOM	NOM/ACC	быть:IMPF.3SG

 ‘Зруан некто [ему] имя был(о)’.
- (2) Agat’angelos 1914: 70:

<i>...orum</i>	<i>anun</i>	<i>ēr</i>	<i>Tačat</i>
который:DAT	NOM/ACC	быть:IMPF.3SG	NOM/ACC

 ‘..которому имя было Тачат’.
- (3) Agat’angelos 1914: 26:

<i>...oroy</i>	<i>anun</i>	<i>ēr</i>	<i>Anak</i>
который:GEN	NOM/ACC	быть:IMPF.3SG	NOM/ACC

 ‘...которого имя было Анак’.

2. Употребление конструкций с *anun* ‘по имени’ в классическом древнеармянском

В посессивных предикативных конструкциях словоформа *anun* является номинативом при глаголе-связке и непереходных глаголах *koč’el* ‘зваться’, *čanač’el* ‘быть известным’, etc. Вследствие синкретизма падежных форм генитив и датив различаются только в парадигмах местоимений, что не позволяет в остальных случаях различить типы 2 и 3, ниже тип 2/3. В целом эти конструкции ведут себя так же как аналогичные конструкции в других индоевропейских языках, в частности, др.-гр. [εἶναι + датив] и [εἶναι + генитив] (см.: Benvenuto&Pompeo 2012).

В Таблице 1 приводится статистика употреблений типов 1, 2, 3 и 2/3 в армянской Библии и у трех авторов V века – Корюна

(Ереван 1940), Агафангела (Тбилиси 1914) и Езника Кохбаци (Венеция 1826)²:

Таблица 1

	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 2/3
Ветхий Завет	16	25	87	142
Новый Завет	23	25	11	3
Корюн	9	4	5	11
Агафангел	1	4	14	7
Езник Кохбаци	3	4	1	1

Из приведенной таблицы видно, что все три типа были достаточно употребительными с некоторым преобладанием посессивных предикативных конструкций в Библии.

Указанные типы рассмотрены ниже с учетом наличия/отсутствия копулы и порядка следования составляющих.

2.1. Тип 1 [X-NOM/ACC, Y-NOM/ACC, *anun*-NOM/ACC]

В Таблице 2 приводятся варианты конструкции с различным порядком следования Посессора (X), имени собственного/нарицательного (Y), *anun* и связки.

Таблица 2

		Библия	Древнеармянские авторы
a.	X <i>anun</i> Y ē	Ex. 34, 14	
b.	X ē Y <i>anun</i>		Koriwn 1940: 36, 60
c.	X <i>anun</i> Y	Jer. 37, 12; Mt. 27, 32; Lk. 1, 5; 10, 38; 16, 20; 23, 50; Jn. 11, 49; Acts 9, 36; 10, 1; 11, 28; 16, 1; 16, 14; 17, 34; 18, 2; 20, 9; 21, 10	Agat'angelos 1914: 29
d.	X Y <i>anun</i>	2Mac. 12, 13; 12, 27; 12, 38; 14, 16; Mt. 9, 9; Acts 5, 1; 8, 9; 9, 10; 9, 12; 18, 24	Koriwn 1940: 44, 48, 68, 74, 96, 96; Eznik 1826: 105
e.	Y(= X) <i>anun</i>	1Mac. 11, 39; 2Mac. 13, 21	Koriwn 1940: 72
f.	Y X <i>anun</i>	2Mac. 3, 4; 12, 35; 14, 3; 14, 37; 3Mac. 1, 2 (x2); 6, 1; Acts 19, 24	
g.	Y X <i>anun</i> ē		Eznik 1826: 113
h.	Y <i>anun</i> X	Acts 9, 11; 2Mac. 4, 7	

² По материалам *The Leiden Armenian Lexical Textbase*, ред. J. Weitenberg.

Употребление *anun* в составе данной конструкции напоминает *accusativus graecus* или *acusativus relationis*, который в частности употреблялся в назывных конструкциях с этимологически родственным *օճոյս*. Можно было бы предположить, что в древнеармянском тексте рассматриваемая конструкция развилась как синтаксическая калька с греческого оригинала Библии. Однако следует отметить, что почти во всех библейских контекстах в оригинале употреблен дательный падеж (*օճոյս*), который неизменно переводится в армянском формой прямого падежа. Прямой падеж (*օճոյս*) употребляется в оригинале только два раза (*Ex.* 34, 14 и *2Mac.* 12, 13) и в обоих случаях при переводе нарушается оригинальный порядок слов. Таким образом, древнеармянскую конструкцию с *anun* необходимо считать аутентичной.

При переводных контекстах почти всегда калькируется оригинальный порядок слов. Исключение составляют три предложения (*2Mac.* 12, 13, *Acts* 8, 9 и *Acts* 9, 10), где порядок [X *օճոյս*/օճոյս Y] оригинала заменяется при переводе на [X Y *anun*].

Обратный процесс наблюдается в *Ex.* 34, 14: *ὁ γὰρ κύριος ὁ θεὸς ζηλωτὸν օճոյս*, *θεὸς ζηλωτῆς ἐστίν* / *zi Tēr Astuac-d anun naxanjeli ē*, *Astuac naxanjot ē* ‘потому что имя Его – ревнитель; Он Бог ревнитель’. Замену [X Y *օճոյս*] на [X *anun* Y *ē*] можно объяснить вынесением имени нарицательного, на котором стоит логическое ударение, в фокусную позицию перед копулой.

Примечательно, что в большом числе случаев (15 из 38 употреблений, выделены в в таблице **полужирным руксивом**) *օճոյս*/օճոյս отсутствует в оригинале, и др.-арм. *anun* добавляется в переводе после имени собственного. Это, а также упомянутые выше случаи изменения порядка слов на [X Y *anun*], указывает на устойчивое клише [Y *anun*], которое срабатывает даже вне назывной конструкции (*1Mac.* 11, 39 и *2Mac.* 13, 21).

2.2. Посессивные предикативные конструкции

В составе предикативных посессивных конструкций, в которых Посессор выражен консвенным падежом, *anun* занимает положение субъекта и часто предшествует имени собственному/нарицательному, ср. контексты из непереводных авторов в таблицах 3, 4 и 5.

Таблица 3. [X-DAT, Y-NOM *anun*-NOM]

a.	X <i>anun</i> Y	Eznik 1826: 113
b.	X <i>anun ē</i> Y	Koriwn 1940: 40, 62; Agat'angelos 1914: 70, 389; Eznik 1826: 123
c.	X <i>anun</i> P Y	Agat'angelos 1914: 441
d.	X Y <i>anun</i>	Koriwn 1940: 23, 86
e.	X Y <i>anun ē</i>	Eznik 1826: 207
f.	<i>anun</i> P X Y	Agat'angelos 1914: 199

Таблица 4. [X-GEN, Y-NOM *anun*-NOM]

a.	X <i>anun ē</i> Y	Agat'angelos 1914: 26, 78, 113
b.	X <i>anun</i> P Y	Koriwn 1940: 42, 42, 60, 66; Agat'angelos 1914: 30
c.	X <i>anun</i> Y P	Koriwn 1940: 44; Agat'angelos 1914: 114, 151, 156, 158, 163
d.	Y <i>anun</i> X	Agat'angelos 1914: 33
e.	Y <i>anun ē</i> X	Eznik 1826: 197
f.	<i>anun</i> X Y	Agat'angelos 1914: 55, 212
g.	<i>anun ē</i> X Y	Agat'angelos 1914: 78
h.	P <i>anun</i> X Y	Agat'angelos 1914: 202

Таблица 5. [X-DAT/GEN, Y-NOM *anun*-NOM]

a.	X Y <i>anun</i>	Koriwn 1940: 46, 50, 60, 60, 64, 92; Agat'angelos 1914: 397, 426, 434, 434
b.	X Y <i>anun ē</i>	Koriwn 1940: 58, 70
c.	X Y <i>anun</i> P	Koriwn 1940: 50, 88; Agat'angelos 1914: 150
d.	X <i>anun</i> Y	Agat'angelos 1914: 434
e.	X <i>anun</i> P Y	Agat'angelos 1914: 433
f.	Y X <i>anun</i>	Eznik 1826: 52
g.	Y X <i>anun ē</i>	Koriwn 1940: 74

3. Назывная конструкция в других индоевропейских языках

Назывная конструкция типа 1 хорошо представлена в древних индоиранских языках.

Так, например, в *RV* 1.35.7 *nāmnā Satyavatī nāma* ‘по имени Сатьявати [которой] имя’ тавтологическое употребление [Y *nāma*] указывает на клише, синтаксическая мотивация которого уже стерлась. Такое же явление наблюдается в *RV* 3.56.9 *Jatāyur nāma nāmnā aham* ‘Джатаюр [которого] имя по имени я’.

Регулярное употребление «детерминатива» *nata* после имени собственного или нарицательного встречается и в Авесте, ср. *Yt. 15.46 Taxtō nata ahmi* 'Сильный [которого] имя я есть'.

В древнеперсидском ситуация осложняется тем, что лексема 'имя' согласуется с предшествующим именем собственным по роду *nāta* (м., ср.)/*nātā* (ж.р.), ср. A³Pa 20 *Arsāta nāta riša* 'Арсамес [которого] имя сын'. При этом 'имя' всегда пишется отдельно от имени собственного и имеет собственную парадигму. Согласование по роду можно рассматривать либо как адъективизацию *nāta* (nominatus) / *nātā* (nominata), либо как шаг в сторону универбации (*Y-nāta*, *Y-nātā*) в композит типа бахуврихи. Второй вариант предполагает крайнюю устойчивость порядка компонентов.

В свете данных о распространенности указанного клише в индоиранских языках остается открытым вопрос о возможном влиянии среднеиранских языков на древнеармянский; ответ на него возможен только после систематического изучения данных среднеиранских языков, выходящего за рамки данной статьи.

В качестве альтернативы можно предположить, что употребление лексемы «имя» в прямом падеже после имени собственного, является унаследованным архаизмом и в древнеармянском, и в древних индоиранских языках, очевидно, развившемся из конструкции с двойным аккузативом при глаголах называния.

Наличие в праиндоевропейском лексемы «имя» не вызывает никаких сомнений, ср. ном.-акк.сг. **h₃neh₃-mn₁*, ген.сг. **h₃nh₃-tén-s*: хетт. (п.) *lātan-*, тох.А *ñom*, др.-инд. *nātan-*, авест. (п.) *nātan-*, др.-перс. *natan-*, др.-гр. (п.) ὄνομα, фриг. *onotan*, др.-арм. *anun*, алб. *etër*, ст.-сл. *има*, др.-прусс. *ettens*, гот. *pato*, др.-ирл. *ainn*. Известно, что эта лексема относилась к именам среднего рода и, следовательно, не различала формы номинатива и аккузатива единственного числа, что в свою очередь создавало предпосылки к неоднозначной трактовке назывной конструкции.

Для праиндоевропейского надежно восстанавливается фразеологическое единство 'Z кладет X-у имя Y' с участием **h₃neh₃mn* и глагола **d^heh₁-mi* 'ставить, класть', ср. хетт. *laman dai-* (*laman piya-* 'дать имя' только в KUB XXXIII 93 III 14), тох.А *ñom tā-*, др.-инд. *nāta dhā-*, авест. *nāmaq dā-* (Y 38, 4), др.-гр. ὄνομα τίθεσθαι (*Od.* 19, 406), др.-арм. *anun dnel*. (Pinault 1982; Иванов 1983; Mallory, Adams 1997: 390). В составе этой конструкции, лексема **h₃neh₃mn* однозначно выступала в роле

объекта и маркировалась, по-видимому, аккузативом. Насколько можно судить по хеттскому языку, имя собственное могло стоять в форме вокатива или чистой основы (см. Hoffner & Melchert 2008), ср. KUB 24.8 iii 7: *nu=šši*_{ENCL.3SG.DAT}=*ššan šanizzi*_{подходящий-NOM/ACC} *lam-an*_{имя-NOM/ACC} ^{LU}*HUL-lu*_{плохой-UNINFL} *daiš*_{дать-RET.3SG} ‘И ему подходящее имя Плохой дал (букв. положил)’.

Развившийся на базе этой конструкции безличный результатив, вероятно, послужил основанием для образования посессивной предикативной конструкции с Посессором в номинативе и глаголов ‘иметь’, представленная в древнеиндийском и древнегреческом, ср. *RV* 2.37.2: *Dadīr yo nāma patyate* ‘который имеет имя Даритель’, *Eur. Tr.* 1233: *ἰατρὸς ὅνομ’ ἔχουσα* ‘имею имя врач’ (см. Hahn 1969: 51, 101). Дальнейшим развитием можно считать аналогичную конструкцию с глаголом-связкой ‘быть’, распространившуюся в индоевропейских языках, ср. ст.-сл. *лєгєѡнѣ ѿмѧ мнѣ* (Мк. 5:8).

В качестве параллельного изменения архаичной назывной конструкции с **d^heh₁-*, можно допустить замену глагола на глагол с собственно назывным значением, при котором и Тема и Реципиент маркировались аккузативом, ср. *Hes. Theog.* 144: *Κύκλωπες δ’ ὅνομ’ ἦσαν ἐπώνυμοι* ‘Циклопы именем они звались’.

При образовании безличной или рефлексивной конструкции объектное значение аккузатива **h₃néh₃mt* нейтрализовывалось и словоформа превращалась в адъюнкт³, определяющий имя собственное. Это употребление, по-видимому, и привело к образованию интересующего нас клише, по крайней мере, в группе индоевропейских диалектов, включающих индоиранскую, греческую и армянскую ветви (ср. т. н. «область аугмента»). Конструкции нет в германских, кельтских и балтославянских языках; как показала А. Хан (Hahn 1969: 2), в латинском она может быть заимствована из греческого, в тохарском – из санскрита (Schmitt 1967: 274ff.; Герценберг 1972: 123).

³ В силу неоднозначности морфологического и синтаксического статуса лексемы «имя» в составе назывной конструкции она по-разному определяется в литературе либо как объект обладания, примыкающий к Посессору (*nominative paranthetic construction*, см. Gonda 1975: 77), либо как независимый аккузатив (*adverbial accusative, accusativus relationis/graecus*, см. Jacquiod 1989: 142–144), *аккузатив отношения* (см. Крысько 2006: 34f.), функционально сопоставимый с уточняющими беспредложными косвенно-падежными (др.-гр. дат. ὀνόματι, лат. абл. *nomine*) и предложно-падежными формами (русс. *по имени*, англ. *by name*).

4. Вывод

Древнеармянское формульное выражение [имя собственное + *anin*] является архаизмом, который находит параллель в индоиранской и греческой ветвях. Обращает на себя внимание особое сходство порядка слов в составе конструкции между древнеармянским и древними индоиранскими языками. Такое употребление, вероятно, развилось из конструкции с двойным аккумулятивом при глаголах называния, заместившей праиндоевропейскую назывную конструкцию с глаголом **d^heh₁-* ‘ставить’.

Библиография

- Герценберг 1972 – Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.
- Иванов 1983 – Иванов Вяч. Вс. Прус. *emnes, emmens* ‘имя’: иерогл. лув. *atimaza*: хет. *laman* // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 104–108.
- Крысько 2006 – Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд. М., 2006.
- Benvenuto, Pompeo 2012 – Benvenuto M. C., Pompeo F. Expressions of predicative possession in Ancient Greek: “εἶναι plus dative” and “εἶναι plus genitive” constructions // D. Silvestri (ed.). Annali del Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati Sezione linguistica 1. Napoli, 2012. P. 77–103.
- Hahn 1969 – Hahn E. A. Naming constructions in some Indo-European languages. Cleveland, 1969.
- Hoffner, Melchert 2008 – Hoffner H. A., Melchert H. C. A grammar of the Hittite language. Winona Lake, 2008.
- Jacquiod 1989 – Jacquiod B. Le double accusatif en grec d’Homère à la fin du Ve siècle avant J.-C. Louvain-la-Neuve, 1989.
- Mallory, Adams 1997 – Mallory J., Adams D. Q. Encyclopedia of Indo-European Culture. London, 1997.
- Martirosyan 2010 – Martirosyan H. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden, 2010.
- Meillet 1936 – Meillet A. Esquisse d’une grammaire comparée de l’arménien classique. Vienne, 1936.
- Pinault 1982 – Pinault G.-J. L’expression indo-européenne de la nomination // Études indo-européennes. 1982. T. 3. P. 22–29.
- Schmitt 1967 – Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer. Wiesbaden, 1967.

P. A. Kocharov. The Classical Armenian construction [X *anun*] ‘X in name’ from the point of view of Indo-European reconstruction

The paper is devoted to the naming construction [X *anun*] ‘X in name’ in Classical Armenian. The use of this construction in the Armenian Bible translation shows that it operated as a formulaic pattern without a transparent syntactic structure. Similar naming constructions prevail in the ancient Indo-Iranian languages; a double-accusative naming construction is documented in Ancient Greek. The double-accusative construction with naming verbs, which left traces in the Indo-Iranian, Greek, and Armenian branches and which probably replaced the earlier naming construction with the verb **d^heh1-* ‘to put’, may be considered as a syntactic innovation shared by the late Indo-European dialects.

Keywords: Classical Armenian, naming constructions, syntactic isoglosses.

Д. С. Круглов

МЕТАФОРИКА ВОСПРИЯТИЯ В ТЕКСТАХ ГРАВИРОВАННЫХ ПОРТРЕТОВ ГЕРМАНИИ XVII–XVIII ВВ. И ЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

В статье разбираются случаи метафорического употребления слова *Mund* (уста) в немецкоязычных стихотворениях-подписях к гравированным портретам XVII–XVIII вв. Устанавливается преемственность по отношению к метафорике религиозной литературы XIII–XVI вв. Функция образов, строящихся на использовании слов *Mund*, *hören* (слышать), *singen* (петь), определяется как реализация категории звучания вербальными средствами.

Ключевые слова: средневековая немецкая мистика, ранненово-верхненемецкий язык, сопроводительные тексты гравюр, поэзия барокко, метафорика, *Verse zu Kupferportraits*.

В Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова хранятся гравированные портреты из коллекции Ф. Ф. Вигеля¹. Большую их часть составляют русские гравюры (Сапрыкина 1987), однако много также иностранных: немецких, французских, польских (Врубель, Зименко 2008), шведских (Зименко 2010) и др. Около 200 немецких портретов сопровождаются пространными подписями, интересными в языковом и жанровом отношении. Особое внимание обращают на себя выгравированные под 54 портретами стихотворения (*Verse zu Kupferportraits*). Они интересны по многим причинам.

Как литературные образцы эпохи барокко эти стихотворения богаты поэтическими приемами и сюжетами, а среди авторов есть и известные деятели эпохи – например, М. Д. Омайс, президент Пегницкого Цветочного ордена (Jürgensen 2006: 364). Уникальность стихотворений-подписей заключается в их неотрывном от гравюры прочтении. Текст во взаимодействии с изображением оформляется в самостоятельный креолизованный жанр, составленный «из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащий к другим

¹ Автор статьи выражает свою искреннюю благодарность сотрудникам Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ Е. В. Зименко и Е. В. Велюковой за возможность работать с оригиналами гравюр и Н. А. Бондарко за ценные советы.

знаковым системам, нежели естественный язык» (Сорокин, Тарасов 1990: 180). Как следствие, уже только законы построения такого жанра отличают его как от чисто вербальных произведений, так и от целиком графических.

Автор сопроводительного текста может вести своего читателя по изображению с помощью различных приемов: отсылки к портрету, игры слов *Bildnuss* 'портрет', *Ebenbild* 'точное отображение' и *Schatten* 'тень', *graben* 'гравировать, хоронить, запечатлевать в памяти' и т. д., мотивов изображения, по-разному развиваемых от автора к автору. Из 54 стихотворений, входящих в исследуемый корпус, эти приемы используются в 31, являясь, таким образом, важным жанровым элементом сопроводительного текста. Иконический и вербальный компоненты взаимобогащаются новыми смыслами и прочтениями. Иначе говоря, гравюра как произведение искусства содержит самоинтерпретацию, что придает ей большую глубину, столь характерную для барочной поэтики (Михайлов 1994: 336).

Третья особенность креолизованных жанров заключается в том, что негомогенность фактуры дополняется открытостью фактурной структуры: к вербальной и иконической частям могут быть добавлены аудиальная, пластическая и так далее до тех пор, пока это возможно технически. Необходимо также предусматривать, что аудиальный канал, например, может быть зашифрован в знаковую систему вербальной или иконической фактуры – подобно тому, как читатель находит ключ к портрету именно в стихотворениях. Такое же направление поиска подсказывают и типологические параллели, например, наличие «звуковой дорожки» в современных комиксах (Козлов 2002: 40). Для ее реализации используется множество текстовых и графических техник (Полякова 2004: 77). Поиск «звука» в кодовом поле гравюры дает интересные результаты.

Аудиализация с помощью вербально-графических средств обнаруживается только в единственном примере. На одном из портретов мы видим, как ангел, парящий позади изображенного персонажа, трубит *Vivat post fvnera virtvs* 'Доблесть да переживет смерть'. Намного чаще категория звука проявляет себя в стихотворениях-подписях. К языковому материалу, служащему для создания эффекта звучания, относятся три лексемы: *hören/Hörer* 'слышать/слушатель', *Mund* 'уста' и *singen* 'петь'. Этот прием встречается 11 раз: с помощью первых двух лексем

выстраивается звуковой канал в десяти стихотворениях, в то время как глагол *singen* используется только в одном.

Примечательно распределение этих лексем по корпусу с учетом сословной принадлежности персонажей, которым эти стихотворения адресованы. Почти все приемы аудиализации приходятся на стихи, адресованные представителям духовенства. Церковный сектор составляет немногим более половины корпуса (28 из 54 гравюр). На оставшиеся гравюры с представителями дворянского и бюргерского сословий приходится только пара употреблений. В этой связи открываются новые перспективы исследования языка поэтических подписей гравюр в контексте религиозной литературной традиции.

Особого разъяснения требует функционирование метафоры уст, так как в этом случае аудиализация не является ни очевидной, ни обязательной. Знакомство с текстами немецкоязычных мистиков и лютеранских богословов XIII–XVI вв. показывает, что существует большое количество различных мотивов, связанных с этим образом. Их не во всех случаях можно однозначно классифицировать, руководствуясь одними только физиологическими характеристиками человеческого рта, т. е. выделяя мотивы говорения, питья, вкушения, поцелуя и т. д. В-первых, значение уст как мистической метафоры намного шире прямого значения, а во-вторых, образ уст может быть синкретичным и совмещать в себе разные мотивы. Данное исследование не предполагает исчерпывающего анализа образа уст, ограничиваясь только задачей выделения наиболее примечательных *звучащих мотивов*, или *мотивов говорения*. К ним могут быть отнесены следующие сюжеты:

Послушание. В проповеди Z8 Бертольда Регенсбургского уста могут быть интерпретированы как метафора духовных властей. Францисканский проповедник указывает на обязательность послушания тем, кто *ob vns* – выше нас, ссылаясь на пророка Иеремию (Иер. 15:19). В ордене францисканцев придава-

лось большое значение строгости послушания Папе Римскому, что хорошо чувствуется в комментарии Бертольда: *Swaz dv haizzest tûn, daz sol man enphahen reht als ob ez vz minem mvnde gienge* (Richter 1968: 71, 35–36) ‘Что ты повелишь делать, то должно исполнять, как если бы это из Моих уст исходило’².

Избегание пышнословия. Рассуждая в проповеди Z5 о *minne*, любви к Богу, Бертольд объясняет, что ее следует направлять, как ручей, чтобы избегать, среди прочего, велеречивости и пышнословия: *So si welle ze den oren vs von vpicheit horen, so si welle ze dem mvnde vz vpichlichen chosen, so verrvn ir den wech.* (Richter 1968: 63, 77–78) ‘Если она захочет истечь в уши, чтобы слушать о суетных вещах, если она захочет в уста, чтобы суетно болтать, то перекрой ей путь’. Интересная параллель обнаруживается у современника Бертольда, Лампрехта Регенсбургского. В своей поэме о жизни св. Франциска он в схожих выражениях описывает избегание празднословия как обычай собратьев по ордену: *Si redeten selten, von ir munde / quâmen ze deheiner stunde / üppic oder müezic wort.* (Weinhold 1880: 114) ‘Разговаривали они редко, из их уст / не раздавалось ни разу / суетных или праздных слов’.

Молчание. Принцип молчания подробно описывается у Лампрехта в диалоге Души и Веры в аллегорическом романе «Дочь Сиона» («Tochter Syon»). В своей тоске по Богу Душа утратила способность говорить. Вера учит ее: *swîgende*, молчание, было бы для нее сейчас действительно полезнее, чем жалобы: *Wand ein andæhtic swîgen tût den geist hôher stîgen dan vil rede mit dem munde* (Weinhold 1880: 352) ‘Ибо благоговейное молчание выше возносит дух, нежели говорение вслух’, т. е. «устаами». По сообщению А. Белькинд, этот текст Лампрехта содержит обширный материал, позволяющий анализировать особенности вербализованных акустических восприятий (Белькинд 2014).

Примечательно, что, если у большинства мистиков мотив молчания сопряжен с образом уст, то Майстер Экхарт, рассуждая о *глубоком молчании*, не прибегает к помощи образа, находя для сопоставимого сюжета иные способы выражения, как, например, в известной проповеди S101 (DW IV: 1).

² Здесь и ниже перевод выполнен автором статьи, если не указывается иное.

Моление вслух и внутренняя молитва. В текстах Иоганна Таулера различие между духовным и плотским восприятиями находит свое отражение в меньшем количестве метафорических употреблений «уст», наоборот, «уста» даже противопоставлены духовному миру человека. Слово *mund* используется в прямом значении во многих его проповедях, например, в проповеди о «внутренней» молитве (Vetter № 39): *Wie sol sich dar zů gehalten ein inwendig mensche den die gebet des mundes inwendiges gebettes hinderent mit der uswendikeit?* (Vetter 1910: 155, 23–25) ‘Как следует вести себя внутреннему человеку, если молитва устами мешает внутренней молитве тем, что она внешняя?’ Понятия *inwendig* ‘внутренний’ и *uswendig* ‘внешний’ в этом отрывке отсылают читателя к термину *inkeren* ‘обращение вовнутрь’, центральному в теологии Таулера.

Устное и духовное слово. Лютер, которому были хорошо известны проповеди Таулера, придерживается схожей линии в своих «Застольных речах» («Tischreden»). Согласно его позиции, любые высказывания должны быть «чисты и ясны» (*rein und klar*), в связи с чем он избегает сложных метафор, переводя библейские образы на язык однозначных понятий. Уста в данном случае также характеризуют именно внешнее, нечто конкретное, в противопоставление внутреннему, духовному: *[Luce] redet von dem mündlichen Wort, das auß dem Munde eines Menschen gehet und in anderer Leuten Ohren klinget, und redet nicht vom Geistlichen Wort, so vom Himmel, sondern das durch Menschen Mund klinget.* (Luther 1593: 11) ‘[Лука] говорит об устном слове, раздающемся из уст человека и звучащем в ушах других людей. Не о духовном Слове он говорит, том, что с Небес [спустилось], но о том, что устами человека произносится’.

Артикуляция. Преодоление дихотомии плотского и духовного в мистике Якоба Беме, лютеранского богослова XVII века, отразилось непосредственно на богатой образности его языка. Особое значение в философии Беме имеют телесные метафоры. П. Резвых показывает, как «телесность выступает у Бёме не как особым образом опредмеченная реальность, а как сам принцип артикуляции, принцип облечения в структуру» (Резвых 2003). Во многих своих произведениях – особо в «Теософских посланиях» – он вводит в употребление различные образы, выстроенные на слове «уста». «Истинные Божественные уста» в его

рассуждениях постепенно превращаются из метафоры в конкретное понятие. Беме обнаруживает дух в самом произнесении слова, в артикуляции ртом, как он это показывает, например, в своем первом трактате «Аврора», комментируя библейскую фразу «*Und sprach Gott: Sei es Licht*»: *Das Wort SPRACH fasset sich zwischen den Zähnen, dan die beissen sich zusammen, und zischet der Geist durch die Zähne rauß* (Böhme 1682: 224) ‘Слово sprach собирается между зубами: ибо они стискиваются, и дух с шипом выходит наружу сквозь зубы’ (Бёме 1990: 263–264).

Пение. В «Струящемся свете Божества» («*Das fließende Licht der Gottheit*») Мехтильды Магдебургской представлено, среди прочего, высокое, мистическое предназначение уст – славить Бога пением. Она развивает этот мотив дополнительной метафорой, противопоставленной «плотским устам» (*vleischlicher munt*, FL. 6: 36): *Owe min vil lieber, ich bin heiser in der kelen miner kúsheit; mere das zuker diner suessen miltekeit hat min kelen erschellet, das ich nu singen mag alsust* (FL. 2: 25) ‘Увы, Возлюбленный, хриплю я в гортани чистоты моей, и лишь сахар сладостной щедрости Твоей умягчит мне гортань, чтобы петь мне так...’³.

Метафорика Мехтильды характеризуется, с одной стороны, высокой степенью синкретичности образов. Одни мотивы она совмещает с другими, апеллируя тем самым как к аудиальному каналу, так и, например, вкусовому: *ie das muntkússen suesser smekket...* (FL. 1: 22) ‘Чем слаще поцелуй в уста...’. Синкретизм и использование таких композитов, как *muntkússen* в этом примере, делает ее язык особенным. С другой стороны, она показывает различные мотивы уст во взаимосвязанном развитии. Слово передается от Божественных уст человеку и усваивается душой, как в этом примере: *Dú [wort] vliessent von stunden ze stunde in dine sele us von minem goetlichen munde* (FL. 2: 26) ‘Слова Мое дивное Божество означают; они в твою душу из Божественных уст Моих иногда истекают’. Устанавливающееся после этого тождество Божественных уст с человеческими описывается через традиционные для немецкой мистики формулы «взаимообоюдной идентичности» (Lüers 1926: 25–27; ср. Сквайрс 2012: 105–106): *din munt und min ist ein, ungekúst*

³ Здесь и ниже приводится перевод «Струящегося света Божества» Н. А. Ганиной (Ганина 2014).

(FL. 2: 25) 'Уста Твои и мои едины, нецелованы'. Речь человека, приобщенного к Богу через отождествление его уст с Божьими, приятна и полезна для всех людей. Он рассказывает о своих видениях Бога, повествует о полезных для людей вещах, учит и наставляет. *Мотив учения*, таким образом, становится кульминационным в цепочке из различных образов, включающих в себя, в том числе, *мотив поцелуя*, и не может рассматриваться в отрыве от них: *Der minnende mensche hat ovch einen nützen munt; er leret und berihtet ze aller stunt gerne* (FL. 4:18) 'У любящего человека полезные уста; он поучает и возвещает с охотой всегда, и язык его от всех вредных слов удержан и связан'.

Высокий уровень синкретизма и изысканная метафорика, как отмечают исследователи, характерна также для языка Генриха Сузо (Сузо 2008: 12–13). Образ уст встречается в его трудах чаще, чем в «Струящемся свете Божества» Мехтильды, – более ста раз, в каждом случае сочетаясь с красочными эпитетами и служа основой для построения сложных, многоплановых сюжетов. Высокий уровень синкретизма и изысканная метафорика, как отмечают исследователи, характерна также для языка Генриха Сузо (Сузо 2008: 12–13). Образ уст встречается в его трудах чаще, чем в «Струящемся свете Божества» Мехтильды, – более ста раз, в каждом случае сочетаясь с красочными эпитетами и служа основой для построения сложных, многоплановых описаний. Так, в одном из пассажей совмещаются мотивы *пения*, *поцелуя* и *вкуса*: *Ein einges woertli, daz da so leblich us klinget von minem suezen munde, übertriffet aller engel sang, aller harphen klang, ellú suezen seitenspil. Eya, lûg, ich bin als trutlich ze minnenne, ich bin als lieplich ze umbvahenne und so zartlich der reinen minnenden sele ze küssenne, daz ellú herzen nah mir soeltin brechen.* (Bihlmeyer 1907: 225) 'Одно единственное слово, что, исполненное жизнью, звучит из Моих сладких уст, превосходит пение всех ангелов, звучание всех арф, всю сладость струнной музыки. Воззри, столь хороша Я, чтобы любить Меня, столь мила Я, чтобы обнять Меня, и столь нежна Я, чтобы целовать меня чистой любящей душе, что все сердца рвутся ко Мне'⁴.

Вместе с тем в духовной литературе XIII–XVII вв. существует также множество «незвучащих» мотивов, построенных на образе уст: мотивы поцелуя, вкуса, вкушения и питья и др.

⁴ Перевод выполнен автором статьи с учетом перевода М. Л. Хорькова (Сузо 2008: 162).

Полученная классификация позволяет нам теперь сделать выводы относительно метафорики уст в сопроводительных текстах гравюр.

Рассмотрев контексты, мы обнаружили разнообразные звучащие мотивы в произведениях, адресованных церковнослужителям, и только в одном случае в качестве исключения мотив поцелуя в стихотворении, посвященном светскому лицу. Наиболее частотным оказывается *мотив учения*. В тексте гравюры с портретом лютеранского проповедника Иеремии Беера он сочетается с *мотивом избегания пышнословия*, что позволяет говорить о наличии в сопроводительных текстах синкретичных мотивов уст, служащих для аудиализации:

*Sein Mund der lasset nicht nur leere pracht-wort hören,
Auf Jesu sein verdienst, zihlt ab sein gantzes Lehren.*

‘Из его уст не услышишь пустых пышнословий,
на Иисуса нацелены все его достижения и учение’.

В стихотворении, написанном от лица проповедника Теодосия Гёбеля, герой обращается к Богу с несколько измененной библейской цитатой (Лк 21:15): *Verleihe Mund und Muth, weißheit, verstand und Stärckhe* ‘Даруй уста и мужество, премудрость, понимание и силу’. Замена *gib* ‘дай’ в оригинальном тексте на *verleih* ‘дай в долг, вознагради’ может подразумевать на мистико-аллегорическом уровне тождественность человеческих уст устам божественным (хотя нельзя исключить в качестве причины данной замены и необходимость уложиться в ритм стиха).

Мотив поцелуя появляется в стихотворении, посвященному герцогу Вильгельму Эрнсту Саксен-Веймарскому, строгому ревнителю лютеранской веры, имевшему обыкновение требовать у своих солдат пересказывать прослушанные ими проповеди (ADB 1898: 195–201). В этом сюжете повествуется о *передаче качества через поцелуй*, подобно тому, как это описывают мистические формулы. Таким способом устанавливается аллегорическое тождество герцога и персонифицированной Добродетели: *So sieht der Fürsten Mund, den selbst die Tugend küßt!* ‘Так выглядят княжеские уста, целованные самою Добродетелью’.

Таким образом, метафоры уст являются неотъемлемой частью богословского дискурса и в этом качестве используются в сопроводительных текстах гравюр с портретами церковнослужителей или религиозных светских лиц. Особенно привлекательны для стихотворений-подписей оказались звучащие

метафоры. Они отвечают внутренним законам сопроводительного жанра гравюры, а именно потребности в реализации категории звука вербальным способом.

Литература

- Белькинд 2014 – Белькинд А. Ю. Визуальное и акустическое восприятие в «Дочери Сиона» Лампрехта Регенсбургского // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов 2014». [В печати].
- Бёме 1990 – Якоб Бёме. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М., 1990.
- Врубель, Зименко 2008 – Врубель И. Н., Зименко Е. В. Гравированные и литографированные портреты из коллекции Ф. Ф. Вигеля (Польша). М., 2008.
- Ганина 2014 – Ганина Н. А. (автор-сост.). Мехтильда Магдебургская. «Струющийся свет Божества». Перевод и исследования. М., 2014.
- Зименко 2010 – Зименко Е. В. Гравированные и литографированные портреты из собрания Ф. Ф. Вигеля (Швеция). М., 2010.
- Козлов 2002 – Козлов Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф. Волгоград, 2002.
- Михайлов 1994 – Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Под ред. П. А. Гринцера. М., 1994. С. 326–391.
- Полякова 2004 – Полякова К. В. Становление семиотической системы американского комикса и японского манга. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
- Резвых 2003 – Резвых П. В. Якоб Бёме: язык тела и тело языка // «НЛО» 2003, № 63. С. 258–271. [www.magazines.russ.ru/nlo/2003/63/rezvyh21.html].
- Сапрыкина 1987 – Сапрыкина Н. Г. Коллекция Ф. Ф. Вигеля в Московском университете // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1987.
- Сквайрс 2012 – Е. Р. Сквайрс. «Есть у Невесты зверь на узде»: фауна мистических видений Мехтильды Магдебургской // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 2012. С. 100–130.
- Сорокин, Тарасов 1990 – Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.
- Сузо 2008 – Генрих Сузо. Книга Вечной Премудрости. Пер. со средневерхненемецкого М. Хорькова. М., 2008.
- Таулер 2000 – Иоханн Таулер. Царство божие внутри нас. Проповеди Иоханна Таулера. Пер., вступ. статья И. М. Прохоровой. СПб., 2000.
- ADB 1898 – Gustav Lämmerhirt. Wilhelm Ernst // Allgemeine Deutsche Biographie. Band 43. Leipzig, 1898. S. 195–201.
- Bihlmeyer 1907 – Heinrich Seuse, Deutsche Schriften. Hrsg. von Karl Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.

- Böhme 1682 – Jacob Böhme. *Aurora, oder Morgenröte im Aufgang*. Amsterdam, 1682.
- Böhme 1860 – Jakob Böhme's sämtliche Werke. Hrsg. von K. W. Schiebler. Erster Band. *Der Weg zu Christo*. Leipzig, 1860.
- DW IV – Meister Eckhart. *Die deutschen Werke*. Bd. IV // Meister Eckhart. *Die deutschen und lateinischen Werke*, hrsg. im Auftrag der Deutschen Forschungsgemeinschaft. Hrsg. und übersetzt von G. Steer unter Mitarbeit von W. Klimanek und F. Löser. Stuttgart, 1997–2003.
- FL. – Mechthild von Magdeburg. „Das fließende Licht der Gottheit“. Hrsg. von Gisela Vollmann-Profe. (Bibliothek des Mittelalters 19). Frankfurt a. M., 2003.
- Jürgensen 2006 – Jürgensen R. *Melos conspirant singuli in unum: Repertorium bio-bibliographicum zur Geschichte des Pegnesischen Blumenordens in Nürnberg (1644—1744)*. Wiesbaden, 2006.
- Lüers 1926 – Lüers G. *Die Sprache der deutschen Mystik des Mittelalters im Werke der Mechthild von Magdeburg*. München, 1926.
- Luther 1593 – *Colloquia oder Tischreden Doctor. Martini Lutheri*. Frankfurt am Main, 1593.
- Neumann 1990 – Mechthild von Magdeburg. *Das fließende Licht der Gottheit*. Nach der Einsiedler Handschrift in kritischem Vergleich mit der gesamten Überlieferung. Hrsg. von H. Neumann. Bd. I: Text (besorgt von G. Vollmann-Profe). München; Zürich, 1990.
- Quint 1940 – Quint J. *Neue Handschriftenfunde zur Überlieferung Meister Eckharts und seiner Schule*. Ein Reisebericht (Meister Eckhart, *Die deutschen und lateinischen Werke*, Untersuchungen 1). Stuttgart; Berlin, 1940.
- Richter 1968 – Berthold von Regensburg. *Deutsche Predigten*. (Überlieferungsgruppe *Z). Hrsg. von D. Richter. München, 1968.
- Vetter 1910 – *Die Predigten Taulers*. Aus der Engelberger und der Freiburger Handschrift sowie aus Schmidts Abschriften der ehemaligen Straßburger Handschriften hrsg. von F. Vetter. Berlin, 1910.
- Weinhold 1880 – Lamprecht von Regensburg. *Sanct Franciscen Leben und Tochter Syon*. Hrsg. von K. Weinhold. Paderborn 1880.

D. S. Kruglov. Metaphors of Perception in the Texts of Engraved Portraits from Germany in the 17th–18th Centuries and their Medieval Sources

The article investigates the metaphorical usage of the word Mund (mouth) in German verses to engraved portraits of clergy, nobles and burgess from the 17th–18th centuries. The copper-plate engravings are kept in the Department of rare books and manuscripts of the Scientific Library of MSU. In the 19th century they belonged to collector F.F. Wiegel and than were presented to the University. For the research were involved 54 portraits with verses. Six of them contain the word Mund. Metaphors with this word were often used in the writings of medieval Christian mystics to describe their visions of God, to express the perception of him. The article analysis examples by Bertold of Regensburg, Lamprecht of Regensburg, Mechthild of Magdeburg, Meister Eckhart, Henry Suso and Johaness Tauler.

In addition to them are also described the specifics by two Lutheran writers, Martin Luther and Jakob Böhme. The research shows the continuity between the figurative style of the mystics and the poets who wrote the verses to the portraits. The audial metaphors, based on the word Mund and the verbs hören (hear) and singen (sing), fulfill a structural task in the engraved texts. They provide audialisation in the verbal-iconic art, which is engraving with text and picture. That allows considering creol (e.g. verbal-iconic) texts as open structures with many channels of perceiving.

Keywords: Medieval German mysticism, Early New High German, texts of engraved portraits, baroque poetry, metaphor, Verse zu Kupferportraits.

МЕТРИЧЕСКАЯ ЭПИТАФИЯ ЛУЦИЯ КАЛИДИЯ ЭРОТИКА

В докладе рассматривается эпитафия CIL IX 2689 и приводятся аргументы в пользу метрического характера надписи. Использование «драматического метра», трохея, очень редкого для латинских надписей, может указывать на принадлежность хозяина памятника профессиональному театру. Это предположение подтверждается содержанием эпитафии. Наиболее вероятным жанром, в котором мог работать Калидий Эротик был мим.

Ключевые слова: carmina Latina epigraphica, Isernia, трохеический септенарий

Надгробие Луция Калидия Эротика происходит из городка Aesernia (итал. Isernia), как и большинство подобных надписей, оно состоит из титула и эпитафии.

L(ucius) Calidius Eroticus / sibi et Fanniae Voluptati v(ivus) f(ecit) /
coro computemus habes vini [(sextarium) I pane(m) / A. I
pulmentar(ium) A. II convenit puell(am) / A. VIII et hoc convenit
faenum / mulo A. II iste mulus me ad factum / dabit

CIL IX 2689 = ILS 7478 = Aesernia 89 (Buonocore 2003).

Кроме титула и эпитафии, на памятнике сделан рельеф, на котором представлены: хозяин таверны (слева), который получает деньги от путешественника (в центре), последний одет в плащ с капюшоном, рядом с путником изображен крупный мул под седлом, изображенным с большой тщательностью, который занимает правую половину рельефа. Надгробие не может быть точно датировано. Вероятно, оно относится к началу II в. н. э. (Flobert 1980: 121–128)¹

Эпитафия Калидия Эротика, которая является одной из самых известных римских надписей², была вскоре после первой публикации издана и описана Гарруччи в 1848–1849 гг.

¹ Не подлежит сомнению то, что памятник относится к первым двум столетиям империи.

² Надпись часто цитировалась как источник по римскому быту, см., напр.: Jahn 1861: 369, Taf. 10 (с воспроизведением рисунка рельефа).

(Garrucci 1849)³ Гарручи принадлежит первый и, вероятно, единственный филологический комментарий к надписи. Гарруччи (возможно, под влиянием поэмы *Сора*) ошибочно определил фигуру хозяина таверны как женскую. В самой эпитафии Гарруччи распознал ямбический сенарий, который по его мнению не отличался существенно от стиха комедии:

coro | compute|mus habes | vini | sici|licum⁴
 unum | pani⁵ as|sem ul|num pull|menta|rii
 asses | duos | conve|nit puell|la as|sibus
 octo | et hoc | conve|nit fae|num mul|lo as|sibus
 duo|bus is|te mul|lus me af|factum⁶ | dabit

Реконструкция Гарруччи показывает, что текст в значительной степени метризован, но в целом она отражает обычные для первых десятилетий XIX в. представления о неупорядоченности ранней латинской метрики и просодии. В 1852 г. метрическое прочтение эпитафии Калидия была решительно отвергнута Моммзенем (Garrucci... qui miros inde excudit senarios)⁷. Между тем, CIL IX 2689 обладает внешними признаками метрических эпитафий: нетривиальность содержания, относительно большой объем (равный примерно 3–4 гекзаметрическим строкам), невысокий социальный статус связанных с надписью лиц, ясный из их имен. К этому необходимо добавить и то, что эпитафия, как это заметил уже Гарруччи, написана в форме драматического диалога⁸, и ее создателям и читателям драматический диалог был известен исключительно в стихотворной форме. С метрической точки зрения эпитафия принадлежит к обширному классу эпиграфических текстов, которые можно назвать метрическими, но не стихическими. В этих надписях сегменты, которые удовлетворяют правилам классических метров (большей частью дактилического) не складываются в правильные

³ Прорисовка надгробия была издана F. M. Avellino в *Bullettino archeologico napoletano*, 100, 1848, 91, tav. I.3.

⁴ Принятое чтение *sextarium* было предложено Моммзенем.

⁵ scl. *panis*.

⁶ scl. *affectum dare = proxime finem deducere*, Garrucci 1849: 140; cf. Gell. 3, 16, 19.

⁷ *Inscriptiones Regni Neapolitani Latinae*, no 5078. Метрическое прочтение надписи было дискредитировано произвольными конъектурами в Froehner 1873: 88–91, но Froehner, как я полагаю, правильно распознал трохеический септенарий как размер эпитафии.

⁸ Вероятно, CIL IX 2689 – единственная известная надпись такого рода.

стихи. Такова, например, тематически близкая к CIL IX 2689 полностью дактилическая надпись из Помпей CIL IV 1679= CLE 931, в которой трактирщица Hedone объявляет цены на вино (цитируется далее). Нередко нарушения метра связаны с метрически трудными числительными, но иногда составителю надписи удавалось вписать числительные в метр, как это имеет место в упомянутой помпейской надписи. В эпитафии CIL V, 3496 = CLE 2171 числительные встроены в метр, но банальные метрические формулы воспроизведены с бессмысленными ошибками (аметрические сегменты выделены курсивом):

tu qui praeterie(n)s spectas / mortis monumentum
meum
 aspice quam misere sit / data vita mihi
 annorum VIII <novem> vixi dulcissima **paren/tibus meis**
 in X <decimum> ascendens anima(m)
deposui meam /
 hoc tantum testor te lapis ossa
requiescas ne
 te **velis** esse graves⁹

Числительные один, два и восемь в эпитафии Эротика сами по себе не могут представлять больших метрических трудностей, но возможно более чем одно прочтение цифр и сокращений. Несмотря на то, что метрическая реконструкция Гарруччи была после критики Моммзена отвергнута, из введенных им *metri causa* чтений последующие публикаторы надписи сохранили наиболее сомнительное, а именно A. = *assibus* (*asses*). Между тем, ясно, что два асса были бы обозначены словом *dupundium* скорее, чем *duo asses*, и для последующих сумм ожидаемы производные ассов по модели *tres asses* → *tressis*, которые засвидетельствованы начиная с Варрона (LL 5, 170) и документированы эпиграфически, например, в упомянутой выше дактилической надписи трактирщицы Hedone CIL IV 1679 (аметрические сегменты выделены курсивом):

assibus hic / bibitur
dipundium / si dederis meliora / bibes
 quattus / si dederis vina / Falerna bib(es)

⁹ Cp. CIL V 1493 = CLE 1472: Te lapis optestor leviter super ossa quies[c]as / et mediae aetati ne gravis esse velis.

В надписи Эротика падеж для *dupundium* не может быть установлен а priori, но подстановка наиболее вероятной формы *dupundi* дает в конце эпитафии почти правильный трохеический септенарий с подстановкой одной ямбической стопы в *dupundi*. Такой же сбой метра наблюдается в начале эпитафии в *habes*, если читать его как начало трохеического стиха, однако далее *computemus* метр не строится. Удовлетворительное второе полустишие септенария получается при чтении *vini unum sextarium*, что будет едва ли не единственным способом вписать трудное слово *sextarium* в трохеический метр. Здесь следует заметить, что цифра I могла появиться уже после того, как слово *sextarium* было заменено символом, а при словесном выражении числительное один было бы избыточно¹⁰. Это относится и к одному *ассу*, но мы не можем установить с точностью, в какой степени текст был искажен при переносе на камень. В середине читается правильный трохеический стих с неполной клаузулой.

sopo computemus habes vini |(sextarium) I pane(m) / A. I
 pulmentar(ium) <dupundi> A. II convenit puell(am) U X <habes ?>
 <octussis> A. VIII et hoc convenit
 faenum / mulo <dupundi> A. II iste mulus me ad factum / dabit

Большие трудности ожидают нас с выражением *восемь ассов*. Варрон (9, 81) указывает на формы *tressibus* (abl.) и *tressis* (gen.), и в соответствии с этим правилом мы находим *octussibus* у Горация (Serm. 2, 3, 156) и *decussis* у Стация (Silv. 4, 9, 9), но в CIL IV 1679 усеченная форма *quattus* (*quatrus* ?)¹¹ занимает позицию винительного падежа, и в Assis distributio 55 Мециана мы имеем для восьми ассов асс. *octus*. В любом случае, сегмент, в котором стоит сокращение A. VIII, не может дать полного стиха, хотя, чтение *octussis* дает не вполне чистое второе полустишие септенария.

Трохеический метр указывает на то, что эпитафия находится вне эпиграфической традиции. Вместе с метром и содержание, и диалогическая форма позволяют определить как комическую поэзию.

Нельзя исключать того, что надпись имеет литературный субстрат, однако наиболее вероятные литературные источники, комедия тогата и мим, почти полностью утрачены, и мы не

¹⁰ Ср. Celsus 5, 18, 35: olei laurei cyathi III, olei acerbi sextarius; Scribonius Largus 31: adicitur passi sextarius aut hemina et rursus commiscetur.

¹¹ У Мециана асс. *quatrussis*: Assis distributio 51.

располагаем даже далекими соответствиями. Таким образом, у нас нет оснований видеть в эпитафии искаженную цитату. Более вероятным представляется то, что была самодеятельным творением, в котором метрические дефекты не могут быть достаточным основанием для исправления текста.

Комическая природа надписи дает нам некоторую опору для интерпретации. Эпитафия имеет травестийный характер. Сцены пира и эротические мотивы, типичные для римских надгробий, в эпитафии Эротика представлены в перевернутом виде: уход из трактира после дешевого ужина. Женское имя в титуле надгробия обычно продолжается в эпитафии прославлением супружеских добродетелей, *верности* и *сладостности* усопшей. В эпитафии Эротика на месте этих клише появляется девица, чьи услуги продаются за восемь ассов. Простодушный гедонизм эпитафии в целом пародирует патетику римских метрических надгробий. Конечно, мы должны обратить внимание на то, что числительные в тексте римских эпитафий были важным средством социального самоутверждения. Трактирный счет намекает на такие упоминания денежных сумм, как стоимость памятника или раздачи, сделанные по завещанию.

Сложную проблему представляет отношение эпитафии к личности Эротика. То, что Эротик отождествляется с хозяином таверны (Terenziani 2008: 1–16), не поддерживается ни текстом, ни изображением. Несомненно, центральным персонажем является путешественник, и в эпитафии кратко, но выразительно нарисован его характер. Гарруччи полагал, что Эротик был погонщиком мулов, однако надгробие свидетельствует только о том, что путешественник использовал верхового мула. Единственное, что можно утверждать с определенностью, это то, что эпитафия является посланием создателя памятника, то есть Эротика. Автор комического диалога в трохеических стихах заявлял о своей профессиональной связи с театром. Плохая метрика надписи исключает профессионального поэта, и с наибольшей вероятностью мы можем увидеть в Эротике актера. Если возможно отождествлять Эротика с путником из эпитафии, то он был актером странствующим. Форма диалога, видимо, исключает пантомиму. Учитывая эпоху, когда жил Эротик, мы должны думать о миме как о наиболее вероятном жанре¹².

¹² Мим был единственным театральным жанром, в который допускались женщины, поэтому, возможно, также и Волуптас была актрисой мима. Однако жена мима не обязательно должна была быть актри-

Литература

- Buonocore 2003 – M. Buonocore. Molise. Repertorio delle iscrizioni latine. Vol. 2. Le iscrizioni di Aesernia. Campobasso, 2003.
- Flobert 1980 – Flobert P. A propos de l'inscription d'Isernia // Hommage à la mémoire de Pierre Wullemier: mélanges de littérature et d'épigraphie latines, d'histoire ancienne et d'archéologie. Paris. P. 121–128.
- Jahn 1861 – Jahn O. Darstellungen antiker Reliefs, welche sich auf Handwerk und Handelsverkehr beziehen // Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften: philosophisch-historische Classe. Leipzig, 1861. S. 291–374.
- Garrucci 1849 – Garrucci R. La storia di Isernia. Napoli, 1849.
- Mommsen Th. Inscriptiones Regni Neapolitani Latinae. Lipsiae, 1853.
- Froehner 1873 – Froehner W. Mélanges d'archéologie et d'épigraphie. Paris.
- Terenziani 2008 – Terenziani E. «L. Calidi Erotice, titulo manebis in aevum». Storia incompiuta di una discussa epigrafe isernina [CIL IX, 2689] // Ager Veleias. 2008, 3.09. P. 1–16.

A. E. Kuznetsov. A Metrical Epitaph of L. Calidius Eroticus

The paper deals with a possible metrical reading of the epitaph of L. Calidius Eroticus CIL IX 2689. As early as 1849 Garrucci tried to read the epitaph as iambic senarii. Though this interpretation was abandoned by subsequent scholars, some wrong readings proposed metri causa by Garrucci have been retained. Modern transcriptions of the CIL IX 2689 put *duo asses* (or *assibus*) for the price marked as A. II and *octo asses* for A.VIII. A correct reading, however, would be *dupundium* and *octussis*. These readings make the text very close to correct trochaic septenarii. Nevertheless, a continuous trochaic scansion remains impossible. The CIL IX 2689 shares metrical incoherence with a large group of inscriptions whose meter is confused and correct verses are exceptional, but the standard meters of epitaphs of the Imperial age are hexameter and elegiac. The trochaic meter of the CIL IX 2689 is not based upon an epigraphic tradition. It is typical for drama, and the content of the epitaph, as well as its dialogic form, also indicate some comic genre as a literary source. It does not imply that the CIL IX 2689 is a direct quotation from a literary drama. If we consider the literary features of the epitaph and the probable date of the monument (early 2nd cent. A.D.), we can surmise that Eroticus who wished to put a comic dialogue on his grave stone was professionally related to theater, and that he is likely to have been an actor of mimus.

Keywords: carmina Latina epigraphica, Isernia, trochaic septenarii.

сой, ср. вполне тривиальную эпитафию архимима из Филипп: CIL III 6113 = CIL III 7343 = ILS 5208: T(itus) Uttiedius Venerianus / archimim(us) Latinus et of(f)i(c)ialis an(nos) XXXVII promisthota an(nos) / XVIII vixit an(nos) LXXV vivos sibi et / Alfen(a)e Saturninae coniugi suae be/ne de se merita(e) / Alfena Saturnina an(norum) LI / h(aec) a(rca) h(ereditem) n(on) s(equetur).

МОНАХИ И КОНВЕРСЫ В ЦИСТЕРЦИАНСКИХ ВИЗИОНЕРСКИХ ТЕКСТАХ КОНЦА XII – НАЧ. XIII ВЕКА: СПОСОБЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Статья посвящена отражению в цистерцианских визионерских текстах взаимоотношений монахов и конверсов (неполноправных братьев, занимавшихся преимущественно физическим трудом). На материале трех источников анализируются дидактические лексические и композиционные способы дифференциации монахов и братьев-мирян. С помощью глав, посвященных конверсам, предпринимается попытка выявить представления монахов о типичном конверсе с его недостатками и о благочестивом конверсе, которого ждет соответствующая его статусу Божественная милость.

Ключевые слова: визионерская литература, средневековое монашество, дидактические приемы, взаимоотношения различных групп.

Взаимоотношения монахов и конверсов¹ в цистерцианских обителях являются актуальной проблемой истории западноевропейского монашества. Данная проблема многогранна и включает в себе также ряд других вопросов: как соотносится требование цистерцианского благочестия трудиться интеллектуально и физически с наличием развитого института конверсов, являются ли все члены декларативно единой монастырской семьи равными в повседневной жизни². Объектом внимания данной статьи является отражение в визионерских текстах XIII века проблемы коммуникации различных по статусу групп монахов и конверсов, а также представление монахов о своих «младших» братьях и способы разграничения и противопоставления

¹ *Conversus* («обращенный») или *frater laicus* (Du Cange 1710: 228), употребляемые в качестве полных синонимов – это неполноправный член цистерцианской монастырской семьи, зачастую выходец из сельской бедноты, хоть и принимавший монашеский обет, но живший отдельно от основной братии. Религиозные задачи ставили предел интенсивности физического труда монахов, и основная тяжесть обработки земли ложилась на конверсов. Подробнее см.: Кузьменко 2013: 507.

² В качестве основных добродетелей, которыми должен обладать хороший конверс, выступают послушание и смирение (*oboedientia, humilitas*), что явно указывает на необходимость со стороны брата-мирянина признания доминирующей роли монаха (France 2012: 199–205).

братьев-мирян и полноправных монахов. Необходимо отметить, что именно монахи письменно фиксируют разнообразные видения, откровения и *exempla* с целью выстраивания внутри монашеской общины собственной идентичности. Следовательно, все сюжеты монастырской повседневности проходят отбор, и эпизоды, не соответствующие требованиям монаха, отфильтровываются³. Таким образом, важно изучить, какими лексическими и композиционными способами в текстах конверсы дифференцируются от остальной братии. Анализ определенных лексических характеристик и роли, отведенной брату-мирянину в том или ином отрывке, дает весьма четкое представление о статусе конверса в монастырской общине.

В качестве источников привлекаются три средневековых текста, являющиеся примерами сочетаниями жанров *visiones*, *revelationes* и *exempla*⁴. Первое из рассматриваемых произведений – *Liber miraculorum* Герберта из Клерво (Herbert v. Clairvaux 2005). В хронике Клерво, созданной в 1223 году, под временем возникновения этого сборника чудес и видений указан 1178 год⁵. Текст хорошо структурирован, каждая глава имеет собственное название, что позволяет оперативно ориентироваться в содержании и быстро находить требующийся эпизод. Герберт ведет речь о разнообразных чудесах и зачастую рассказывает о некоторых моментах жизни Бернарда Клервоского, являющегося для цистерцианских монахов неоспоримым и, пожалуй, беспрецедентным авторитетом. Материал данного источника представляет особый интерес для исследователей, так как Герберт собирал для своего труда всевозможные истории из повседневной жизни не одной, но многих цистерцианских обителей: *Grandis Silva* (Грансельве, Франция), *Fontanetum* (Фонтене,

³ Следовательно, необходимо рассматривать все сюжеты, связанные с конверсами, учитывая экстраполяцию точки зрения монахов об идеальном конверсе и примере для подражания.

⁴ Намеренно оставлены в стороне нормативные источники, так как они не столько отражают повседневность, сколько устанавливают общее правило. Однако необходимо также помнить, что монастырские сборники примеров и визионерские произведения пишутся монахами, поэтому исследователь сталкивается с монашеским фильтром, если угодно – репрезентативной выборкой эпизодов монастырской жизни, осуществленной определенным монахом.

⁵ Et hoc anno domnus Herbertus monachus Claraevallis, qui fuerat abbas de Moris, librum Miraculorum apud Claramvallem conscripsit (Gufler 2005: 17).

Франция), *Domus Dei* (Нуарлак, Франция), *Himmerod* (Химмерод, Германия). В качестве второго источника используется анонимный текст, происходящий из баварского цистерцианского монастыря Фюрстенфельд и датирующийся концом XIII века (Oppel 1972). Этот текст был найден в качестве приложения к одной из рукописей «Книги чудес» Герберта, но является самостоятельным сборником видений и *exempla*, отличающимся от произведения Герберта как стилем, так и содержанием повествования. Сборник составлен на материале историй из монастырей Клерво, Эбрах и Кайсхайм.

Третьим источником по теме статьи является сочинение сер. XIII века *Liber revelationum* Рихальма, аббата цистерцианского монастыря Шенталь (Richalm v. Schöntal 2009). Эта «Книга откровений» – произведение совершенно иного характера, тем более перспективным представляется совместный анализ трех источников. Рихальм обладает ограниченным топографическим кругозором: упоминание других монастырей встречается крайне редко. Однако именно в этом заключается научная привлекательность *Liber revelationum*. Читатель погружается в жизнь отдельного монашеского сообщества. Также отличительной чертой Рихальма является то, что он не занимается интеллектуальной компиляцией (как это делает Герберт), наоборот – именно его уникальной способностью распознавать вмешательство ангелов и демонов в повседневную жизнь обусловлено появление «Книги откровений» как таковой. Повествование несколько хаотично, состоит в основном из «живых» диалогов между Рихальмом и братом Н., являющимся не только главным собеседником, но и редактором произведения.

Первичной по важности характеристикой конверсов в перечисленных текстах является определение их как *illiterati*⁶. Причем слово *illiterati* зачастую употребляется в названии главы или в начале эпизода и вводит главное действующее лицо. В качестве показательного примера можно привести главу LXIV из «Книги чудес» Герберта из Клерво, озаглавленную *De fratre illiterato, qui moriens loquebatur literaliter et cantando migravit*

⁶ В данном контексте стоит отдельно оговорить ограниченную доступность чтения для этой категории братьев. *Lectio divina* было для конверсов полностью исключено и официально запрещено. Однако сам факт подобного запрета и самая его суть указывают на то, что, несмотря на обозначение конверсов как неграмотных, некоторые из них умели читать и хотя бы в минимальном объеме понимать прочитанное.

(Herbert v. Clairvaux 2005: 239). В данном случае в заголовке не употребляется ни *conversus*, ни *frater laicus*, так как обозначение брата как необразованного начинает не столько выполнять функцию отличительной черты, сколько становится именем нарицательным, синонимом к словам конверс или брат-мирянин, не несущим явной отрицательной или уничижительной нагрузки⁷. Как антоним к *illiteratus* и *laicus* подразумевается слово *monachus*, которое имплицитно заключает в себе идею образованности и более высокого положения в монастырской иерархии. Таким образом, читатель уже по названию главы без особого интеллектуального напряжения отождествляет *frater illiteratus* с *frater laicus* и понимает, что речь пойдет именно о конверсе. Действительно, первое же предложение показывает, что главным героем является брат-мирянин⁸. Подобная схема прослеживается также в главе LXVIII «Книги чудес» (*De converso, qui in somnis missam celebravit et eam deinceps retinuit*) с той лишь разницей, что в названии фигурирует слово конверс, а в первом вводном предложении во избежание повторов Герберт использует лексемы *laicus* и *illiteratus*⁹.

В источниках встречаются эпизоды, в которых конверс не обозначается как *illiteratus*, но его необразованность или нерадивость в духовном самовоспитании подразумеваются контекстуально. Рихальм, аббат обители Шенталь, в беседе с редактором Н. упоминает некоего брата-мирянина, который демонстрирует отсутствие интереса к богослужению, что, безусловно, характеризует его не с лучшей стороны. Рихальм объясняет подобную лень в свойственной ему манере: с его точки зрения, главным виновником такой небрежности является демон, повязавший на голову брата специальную повязку так, чтобы та закрывала его уши от слышания слова Божьего¹⁰ (Richalm v. Schöntal 2009: 39).

⁷ Следует отметить, что при обычном употреблении вне цистерцианского монашеского контекста слово *illiteratus* никак не ассоциируется с конверсами.

⁸ Solent frequenter fratres infirmarii Clarevallis cum gaudio atque admiratione referre de quodam honeste vite converso... (Herbert v. Clairvaux 2005: 239)

⁹ Vestiarius Clarevallensis nomine Walterus, qui ante paucos annos defunctus est, homo erat honestus et religiosus, laicus tamen atque illiteratus. (Herbert v. Clairvaux 2005: 247)

¹⁰ Monachus ille laicus N. cum auscultaret regule exponende in capitulo, vidi ante aures eius emplastrum obductum et circumpositum: et intellexi hoc esse demonem huiusmodi officii et ex eorum numero, qui obturant aures a

В анонимном сборнике видений и чудес малограмотность конверсов подчеркивается через противопоставление их людям образованным и благородным. В главе сборника *Item de quodam converso* автор повествует о проповеди, прочитанной св. Бернардом в Клерво перед обширной аудиторией, охарактеризованной в тексте как *plurimi litterati et nobiles viri* (Oppel 1972: 15). Интеллектуальная искушенность и грамотность публики упоминается здесь осознанно для придания контрастности, так как для такой притязательной паствы Бернард выбирает историю¹¹, главным действующим лицом которой является конверс — человек с точки зрения большинства совершенно невежественный, стоящий на низшей ступени в монашеской иерархии. Однако в этой главе своеобразным кульминационным моментом является не описание «чуда», произошедшего с конверсом, а восхищение слушателей самим св. Бернардом, который, как оказалось, узнал об этой удивительной истории не как иначе, как через Божественное откровение¹² (Oppel 1972: 15). Соответственно, центр тяжести смещается от конверса, которому номинально посвящена глава, к высокоавторитетной фигуре Бернарда Клервоского.

Представлению цистерцианских монахов о конверсах как о малограмотных людях, чей удел состоит в постоянном физическом труде, соответствует также идея монахов о том, в чем же должна заключаться заветная мечта поистине благочестивого брата-мирянина. Как следует из названий нескольких, в том числе процитированных глав, важным топосом становится особый, отмеченный Божьей благодатью уход конверса из жизни: *De fratre illiterato, qui moriens loquebatur literaliter et cantando migravit* (Herbert v. Clairvaux 2005: 239), *De converso penitente, qui similiter cantando obiit* (Herbert v. Clairvaux 2005: 240–241). Сюжеты этих историй также представляют собой спекуляции на тему необразованности братьев-мирян. При приближении смерти избранные конверсы чудесным образом начинают изящно

verbo Dei audiendo. Уникальность этого отрывка заключается в том, что здесь употребляется слово *monachus* и *laicus* вместе для обозначения конверса. Подобное сочетание встречается крайне редко.

¹¹ Scire autem vos volumus, quomodo frater ille in illa tali grangia nostra matutinas gloriosiores audivit a sanctis angelis presente Beata Virgine Maria celebratas (Oppel 1972: 15).

¹² Mirantur omnes audientes non solum que facta fuerant, sed magis, quia sine humano indicio vir sanctus que dixit ex revelacione divina recognovit.

говорить на латинском языке, петь неизвестные им псалмы, служить мессу. То есть монахи, рассказывающие либо письменно фиксирующие подобные эпизоды, экстраполируют свое видение достойной смерти для конверса. Необходимо вести религиозный и смиренный образ жизни, чтобы удостоиться чести приобрести на краткий срок перед кончиной грамотность, почувствовать себя полноценным монахом. Описанию подобного вознаграждения обычно предшествует стандартная положительная характеристика его обладателя: *homo erat honestus et religiosus, vir valde religiosus, homo purus ac bone simplicitatis* (Herbert v. Clairvaux 2005: 238–247). Таким образом, недоступность и желанность интеллектуального труда контекстуально и лексически подчеркивается в источниках постоянно.

Наличие шаблонного положительного описания конверса не всегда означает, что данный персонаж является примером для подражания. Так, в гл. 3 из анонимного сборника XIII в. некий приор характеризует брата-мирянина как *bonum quidem hominem et devotum, sed nichil singularis gratie in ipso invenire* (Oppel 1972: 12). Следовательно, несмотря на внешне позитивную оценку, приор вряд ли был высокого мнения об этом конверсе.

Слово *conversus* также может выступать как скрытое оскорбление по отношению к полноправному монаху. Подобное употребление встречается в «Книге откровений» Рихальма. Демоны, глумясь и издеваясь над Рихальмом (тогда он был еще приором), называют его конверсом, «никудашным» приором, нищим и даже Иудеем. Для того чтобы смысл эпизода был понятен, необходимо привести контекст полностью:

Richalmus: ... Ecce et hoc, quod iam duxi manum meam ad barbam, vos forte putatis me casu fecisse, set signum eorum [demonum] fuit.

N.: Quid per hoc signant?

Richalmus: Forte, quod sim conversus vel laicus et inscius et imprudens. Nam et sepe vocant me "prior nullus", sepe Iudeum, sepe pauperem. (Richalm v. Schöntal 2009: 67)

Этот отрывок является показательным с нескольких точек зрения. Во-первых, в ряду колкостей, унижающих честь любого монаха (тем более приора), на первом месте стоит конверс, причем для большей убедительности употреблено два синонима подряд (*conversus, laicus*). Подобное сравнение, судя по всему, было одним из самых нелестных, иначе бы Рихальм не стал бы

вкладывать его в уста демона¹³. Во-вторых, часть текста *et inscius et imprudens* можно трактовать не как отдельные бранные слова, а в качестве введенного союзом «и» дополнения и уточнения к предшествующим *conversus vel laicus*. Действительно, в одной из рукописей «Книги откровений» вместо первого союза *et* стоит *id est*, что вполне соответствует предлагаемой интерпретации (Richalm v. Schöntal 2009: 67). Это означает, что внимание читателя снова заостряется на невежественности братьев-мирян, известной даже бесам. В-третьих, номинальным поводом для глумления становится наличие у Рихальма бороды – визуального отличительного признака как конверсов, так, например, и иудеев. Следовательно, одним из способов зрительной демаркации конверсов был факт ношения бороды.

Сам институт конверсов, как говорилось выше, обязан своим появлением в цистерцианском ордене необходимости разгрузить монахов, не успевавших из-за обилия полевых и иных физических работ с должным рвением и усердием предаваться молитве, чтению, переписыванию священных текстов¹⁴ (Карсавин 1992: 101). Поэтому было логичным дифференцировать конверсов внутри монастырской общины по роду их деятельности. В текстах конверс редко называется по имени (но такие случаи встречаются¹⁵), однако если автор желал каким-то образом выделить фигуру брата-мирянина, то он кратко указывал род его занятий. Так, в «Книге чудес» Герберта (Herbert v. Clairvaux 2005: 238–247) упоминаются погонщики волов (*frater bubulci gerens officium*), пастухи мелкого рогатого скота (*quidam de opilionibus*), ухаживающие за больными в монастырском лазарете (*fratres infirmarii*¹⁶), ризничий (*vestiarius*). Часто конверсы упоминаются при таких обстоятельствах, когда их отсылают ночью сторожить угодья. По всей видимости, назначения вызывали нарекания со стороны братьев-мирян. Так, Рихальм рас-

¹³ В данном случае речь беса отражает представления монахов о низких оскорблениях в их адрес.

¹⁴ Религиозные задачи ставили предел интенсивности монашеского труда, поэтому обработка домена перекладывалась на конверсов. Институт конверсов, их топографическая и духовная обособленность, объясняется стремлением конверсов сохранить единство монашеской семьи.

¹⁵ Имена конверсов встречаются у Герберта из Клерво, но в двух других источниках, исследуемых в статье, подобных подробностей нет.

¹⁶ *Infirmarius – officium Monasticum. Frater, cui cura infirmorum comissa est.* (Du Cange 1710: 69)

сказывает о конфликте между ним и одним конверсом, произошедшим из-за нежелания последнего идти сторожить виноградник¹⁷. Причем дошло до того, что он отказался это делать, напрямую не подчинившись приказанию аббата: *Preterito sero exacerbatu noluit custodire et renunciavit michi contradicens* (Richalm v. Schöntal 2009: 39). Однако через некоторое время конверс образумился и повиновался, так как в противном случае ему грозило бы наказание, включавшее сидение на хлебе и воде (Richalm v. Schöntal 2009: 40). В анонимном сборнике чудес в большинстве эпизодов, повествующих о конверсах, речь идет об охране монастырских владений: *laycus ad custodiendam curtem cuiusdem grangie deputatus est; ad caulas vigilans et custodiens; super custodia familie domus* (Oppel 1972: 15–22).

Истинное место конверса демонстрируется также контекстуальными средствами, связанными непосредственно с сутью происходящего с братом-мирянином «чуда». Особенно показательным примером является третья глава анонимного сборника *De quodam converso, cui Beata Virgo sepe apparuit* (Oppel 1972: 13). Но подобное название, делающее конверса счастливым стяжателем подобного видения, не совсем точно отражает содержание главы. Проблема состоит в том, что брат-мирянин видит Богородицу, но не является адресатом откровения, сама Дева Мария является не ему, а полноправным монахам, а «чудо» для конверса заключается в открывшейся ему способности увидеть Пресвятую¹⁸. В дальнейшем события развиваются по аналогичной схеме: в канун Пасхи (*vigilia Paschali*) конверс удостоивается чести лицезреть и самого Христа, явившегося в образе ребенка монаху (*accessit itaque ad idem altare quidam venerabilis sacerdos et monachus*), проводившему торжественную службу. Причем конверс принимает участие в происходящем чудесном событии только в качестве пассивного зрителя, в то время как у монаха и Христа происходит непосредственный контакт: монах в слезах служит мессу, а Христос-дитя стоит на алтаре, собирает своими руками все падающие слезы и затем слизывает их своими устами¹⁹ (Oppel 1972: 14).

¹⁷ Ille talis conversus deputatus erat ad custodem vinee. (Richalmus v. Schöntal 2009: 39)

¹⁸ Et ecce Beata et Gloriosa Virgo more solito psallentes visitabat chorumque cituibat in cuculla nostri ordinis super solem radiantem.

¹⁹ Igitur canone inchoato, cum a lacrimis minime cessaret, seque ipsum inter offerendam hostiam vivam sanctam Deo placet mactaret, parvulus ille,

Кроме того, появление Богородицы происходит по преимуществу обоснованно и приурочено к какому-либо празднику (Успение Богоматери, Пасха, канун Рождества). Своим явлением кому-либо из братьев она свидетельствует о своем присутствии, откликаясь таким способом на прославление монахами Богоматери и Христа. Так, в одной из глав сборника (Oppel 1972: 15) Мария является в обитель Клерво в день Успения Богородицы в окружении многих ангелов, поющих заутреню (*matutinos*).

Таким образом, читая и анализируя подобные источники, необходимо постоянно помнить, что исследователь в первую очередь имеет дело с произведениями, написанными монахами для монахов²⁰. Следовательно, описание в текстах положения конверса отвечает представлениям и автора, и потенциальной читающей аудитории об этой членах монастырского сообщества. Авторы подчеркивают неполноценность и маргинальность положения конверсов, выраженную в их необразованности и недоступности для них интеллектуального труда, в невозможности переменить свое социальное положение и ограниченности иерархического роста²¹. Отличающемуся положению конверсов в монастыре соответствует также отличное от монашеского понимание благочестия и вознаграждения за смиренность. Оно выражается в обретении грамотности на смертном одре, возможности стать второстепенным обладателем милости созерцать Христа и Деву Марию. Соответственно, истории, повествующие о конверсах, являются дидактически проработанными в соответствии с идеями о типичном и идеальном конверсе.

quem pridie virgo mater in brachiis portaverat, super altare constitit manuque protensa lacrimas ab oculis illius cadentes suscepit orique suo ad motas lingua universas allambuit idque tamdiu faciebat, donec illud terrificum mysterium compleretur.

²⁰ Это тем более подтверждается тем, что конверсам было запрещено что-либо читать.

²¹ Максимум, на который мог бы рассчитывать конверс, это должность магистра грангии (*magister grangie*), то есть главного управляющего среди братьев-мирян. Однако стать полноправным монахом он не мог никаким способом.

Литература

- Карсавин 1992 – Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992.
- Кузьменко 2013 – Кузьменко Е. А. Латинская лексика монашеского обихода в «Liber revelationum» Рихальма из Шенталля (XIII век) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2013. С. 492–510.
- Du Cange 1710 – Du Cange C. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. Frankfurt (Main), 1710.
- France 2012 – France J. Separate but equal: Cistercian lay brothers, 1120–1350. Collegeville, Minnesota, 2012.
- Gufler 2005 – Gufler G. K. Herbert von Clairvaux und sein Liber miraculorum. Die Kurzversion eines anonymen bayerischen Redaktors. Untersuchung, Edition, Kommentar. Bern, 2005.
- Herbert v. Clairvaux 2005 – Herbert von Clairvaux. Liber miraculorum // Gufler G. K. Herbert von Clairvaux und sein Liber miraculorum. Die Kurzversion eines anonymen bayerischen Redaktors. Untersuchung, Edition, Kommentar. Bern, 2005.
- Oppel 1972 – Oppel H. D. Eine kleine Sammlung cisterciensischer Mirakel aus dem 13. Jahrhundert // Würzburger Diözesangeschichtsblätter. Bd. 34. Würzburg, 1972.
- Richalm v. Schöntal 2009 – Richalm von Schöntal. Liber revelationum / hg. von P. G. Schmidt // MGH Quellen zur Geschichte des Mittelalters. Hannover, 2009.

E. A. Kuzmenko. Monks and Lay Brothers in the Cistercian visionary texts of the late XII – beginning of the XIII century: the ways of differentiation

This paper is dedicated to the problem of communication between monks and lay brothers in Cistercian monasteries in the Middle Ages (late XII – early XIII century). According to the chosen sources, lay brothers' status in the community and, therefore, in the visionary texts created inside this community is determined by the notion of the typical and the ideal *conversus* belonging to a monk-author and his potential audience. Cistercian authors consider the marginal state of such a brother who has no access to the *lectio divina* or hierarchical promotion. The most important virtues for monks and lay brothers also differ. *Conversus* should be first of all obedient and humble; these advantages will lead him to the invention of God's divine grace.

Keywords: visionary texts, monks, lay brothers, Cistercian monasteries, *conversus*.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСИ СТАРШИМИ РУНАМИ НА ПРЯЖКЕ ИЗ ВЭРЛЁСЕ*

Резюме: Надпись старшими рунами на пряжке из Вэрлёсе (Дания) **alugod** не имеет однозначной интерпретации. Традиционно ее трактуют как мужское или женское собственное имя, состоящее из формульного «защитного» слова **alu** и корня со значением ‘хороший’ (*gōd-*). Однако интерпретация **alugod** как собственного имени невозможна, поскольку ни среди рунических имен, ни среди сотен имен, зафиксированных в других памятниках древних германских языков нет собственных имен со вторым компонентом соответствующим руническому **god**. Предлагаемая в статье новая интерпретация надписи, как формулы, состоящей из **alu** и **god** – вокатива от слова со значением ‘боги’ или ‘бог’ – основывается на аналогии с многочисленными надписями-граффити **gud** (‘боги’ или ‘бог’) старшими рунами (!) на восточных монетах, служивших амулетами в раннюю эпохи викингов.

Ключевые слова: рунология, надписи старшими рунами, руническая надпись из Вэрлёсе

В 1944 году в местечке Вэрлёсе под Копенгагеном было раскопано женское захоронение III века н.э. с комплексом предметов, среди которых была и серебряная пряжка с очень четко процарапанной надписью старшими рунами **alugod**¹ (KJ 11)², рядом с которой была нанесена свастика (см. рис. 1).

Чтение надписи не вызвало никаких проблем, однако ее интерпретация стала предметом длительной дискуссии³. Многие рассматривали надпись как составное собственное имя *Alugōd*, первый компонент которого был известным старшеруническим формульным словом **alu** ‘защита, оберег’, а во втором компо-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00021а.

¹ Полужирным шрифтом в соответствии с рунологической традицией транслитерируются руны.

² KJ обозначает номер старших рунических надписей по каталогу Краузе (Krause 1966). Номера надписей, найденные после 1966 года, даются по электронным каталогам Уппсальского университета (*nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm*) и Копенгагенского университета (*runer.ku.dk*).

³ Подробный список литературы о надписи на пряжке из Вэрлёсе см. на сайте рунического проекта Кильского университета *www.runenprojekt.uni-kiel.de*. Э. А. Макаев не считает возможным дать надписи какую-нибудь интерпретацию (Макаев 1965).

ненте видели слово, соответствующее прилагательному со значением ‘хороший’, *mask. nom. *gōdaR*, *fem. nom. *gōdō* или **gōdu* (см., напр., Bæksted 1945: 88; Krause 1966: 34; Antonsen 2002: 273; Looijenga 2003, 164). Действительно, среди старше-рунических собственных имен есть одно имя с первым компонентом **alu**, см. руническую надпись на грузиле из Фёрде (Норвегия, KJ 49) с именем **aluko**, где корень **alu** сочетается с суффиксом **-ko**, и есть множество имен в древних германских языках с первым компонентом, восходящим к *alu*, ср., напр., дрисл. *Qlbjörn*, *Qlmóðr*, *Qlgerðr*, *Qlrún*, *Qlvir*, дрвн. *Aluberht*, *Aluric*, драгл. *Ealubeorht*, *Ealuwine*).

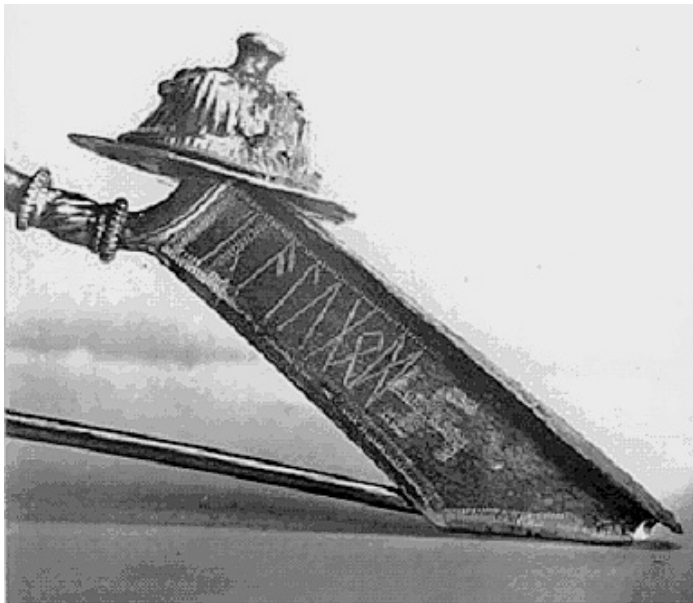

Рис. 1 Пряжка из Вэрлёсе (фотография на сайте *runer.ku.dk*)

Пряжка из Вэрлёсе была первой фибулой подобного типа, найденной археологами. И, поскольку она была найдена в женском захоронении, вполне естественно, что надпись **alugod** интерпретировали как женское имя, т. е. имя владелицы пряжки. Именно так трактовали эту надпись Бэкстед (Bæksted 1945) и Мольтке (Moltke (1985) и вслед за ними ряд современных рунологов (см., напр., Stoklund 1994: 98). Однако после находки пряжки из Вэрлёсе в Дании были найдены еще пять подобных пряжек с руническими надписями. Оказалось, что на двух из

них нанесены очевидные мужские имена **bidawarijaz** (KJ 13a), **widuhudaz** (KJ 10), а на трех других имена тоже, скорее всего, были мужскими: **hariso** (KJ 9), **lamo** (DR 322U) и **unwodz**⁴ (KJ 12). Эти находки привели к тому, что почти всеобщей стала интерпретация **alugod** как мужского имени. Уже Бэкстед не исключал такой возможности, считая, что **alugod** (**AlugōdaR*) могло быть мужским именем того, кто подарил пряжку, или именем мастера рунического письма (Bæksted 1945: 89). Эту мысль развил Краузе, который рассматривает две возможности существования мужского имени на пряжке, принадлежавшей женщине: либо пряжка раньше принадлежала мужчине, либо мужчина, нанося на пряжку свастику и свое имя, желал удачи владелице пряжки (Krause 1966: 34). Именно интерпретация **alugod** как мужского имени наиболее популярна у современных рунологов (см., напр., Antonsen 2002: 273; Looijenga 2003: 164; Imer 2011: 21, 24).

Интерпретация формы **alugod** и как мужского, и как женского имени оказалась возможной потому, что у этой формы нет падежного окончания, которое могло бы указать на грамматический род. Существует три гипотезы, объясняющие эту особенность формы **alugod**. Антонсен считал, что отсутствие окончания связано с западногерманским происхождением надписи, предполагая, что западногерманская редукция падежных окончаний началась уже во II–III в. н. э. (Antonsen 2002: 278). Такую интерпретацию поддержал ряд рунологов (Looijenga 2003: 164; Imer 2011: 21). В качестве показателя начавшейся редукции Антонсен приводит формы **gaupz** на огнive из Иллерупа (190–210 гг. н. э., DR 338U), форму **unwodz** на пряжке из Гордлесе (III век н. э., DR 12) и форму **aisgzh**⁵ на части щита из Торсберга (около 200 г. н. э., KJ 21)⁶. Но эти формы вряд ли могут быть

⁴ Последняя руна в этом имени имеет боковую линию только с одной стороны, поэтому предлагалось и чтение этой руны как **w** (Imer 2011).

⁵ Все эти формы трактуются как мужские имена. Форма **aisgzh** интерпретируется как собственное имя, за которым следует руна **h**, употребленная в значении своего названия 'град, гибель' (см., напр. Krause 1971: 168), хотя более вероятной представляется интерпретация этой руны как начальной руны слова ***h** (*aite*) 'называюсь' (Düwel 2001: 17), ср. надписи старшими рунами KJ 27, 70, 127 с формулой «имя + называюсь».

⁶ Во всех этих формах можно предположить, что последняя руна является рунической лигатурой с так называемым «вписанным **i**» (см., напр., Krause 1966: 35). В таком случае формы соответствующих

параллелью к форме **alugod**, поскольку все они сохраняют окончание именительного падежа **-z**, и редукция в них затрагивает только основообразующий суффикс **-a**⁷. Т. е., если считать вслед за Антонсеном, что формы типа **gaupz** отражают западногерманскую редукцию, то мы должны были бы ожидать форму ***alugodz**, а не **alugod**. Единственная форма, которая может быть интерпретирована как форма без окончания, это собственное имя **lagupewa** (DR 336 CU) на ручке щита из Иллерупа (200–210 гг. AD), которую Антонсен также считает западногерманской формой с редукцией окончания (Antonsen 1987: 24)⁸. Но в данном случае, в отличие от форм типа **gaupz**, в форме **lagupewa** сохраняется основообразующий суффикс **-a**, т. е. и эта форма тоже не может быть параллелью к форме **alugod**. Если мы обратим внимание на то, каким образом изменялось сочетание основообразующего суффикса и окончания в древних германских языках, то увидим, что в готском и в общескандинавском на первом этапе изменения исчезал основообразующий суффикс, но сохранялось окончание, см., напр., гот. *gasts* < **gastiz* и др.-исл. *gestr* < **gastiz*. Скорее всего, таким же был первый шаг изменения в западногерманских языках, т. е. регулярными западногерманскими формами этого периода могли быть формы типа **gaupz** < **gaupaz* или **gaupiz*, **unwodz** < **unwodaz* или **unwodiz*, **aisgz** < **aisgaz* или **aisgiz*. Если следовать за Антонсеном и Лоойенгой, то форма **alugod** оказывается единственной западногерманской формой именительного падежа мужского рода ед. числа в надписях II–III вв., в которой нет ни основообразующего суффикса, ни окончания. Надпись на брактеате из Скодборга (V–VI века н. э., KJ 105) с двумя именами **alawin** и

имен оказались бы абсолютно регулярными формами с основообразующим **-i**: ***gaupiz**, ***unwopiz** и ***aisgiz**.

⁷ Зеебольд видит в этих формах корневое склонение, т. е. формы без основообразующих суффиксов (Seebold 1994: 71). Такая интерпретация теоретически возможна для **gaupz** и **aisgz**, но абсолютно недопустима для **unwodz** или **alugod**, в которых *o*, продукт *a*-умляута от *u*, является следом основообразующего суффикса **-a**.

⁸ Подробный анализ всех предлагавшихся интерпретаций формы **lagupewa** (простой пропуск показателя номинатива сильного склонения **R**, номинатив слабого склонения, аккузатив сильного склонения, свидетельство западногерманского отпадения падежного окончания) с указанием соответствующей литературы дает Лена Петерсон (Peterson 2004, см. также Peterson 2010: 13), которая сама склоняется к первому объяснению (Peterson 2004: 671–672).

alawid, которые можно было бы сопоставить с гипотетическим именем **alugod** (подробнее об этом см. ниже), минимум на двести лет моложе. Думается, что все сказанное выше свидетельствует о том, что вряд ли стоит рассматривать отсутствие окончания в **alugod** как свидетельство западногерманской редукции.

Интерпретируя надпись как женское имя владелицы пряжки **Alugōdu* или **Alugōdō*, Бэкстед и Мольтке полагали, что окончание просто не поместилось на пряжке (Bæksted 1945: 89; Moltke 1964: 40). Однако, поскольку на пряжке после свастики есть место, по крайней мере, еще для двух рун (см. рис. 1), им пришлось предположить, что свастика была нанесена на пряжку раньше, чем руническая надпись, что невозможно доказать. Краузе отказался от объяснения отсутствия окончания нехваткой места и предложил считать форму **alugod** формой звательного падежа с нулевым окончанием (Krause 1966: 34), и эта идея была многими поддержана (Stoklund 1995: 98; Peterson 2010: 6). Краузе приводит в качестве аналогии два имени в надписи на брактеате из Скодборга (V–VI века н. э., KJ 105) **alawin** и **alawid**, которые могут быть вокативом с нулевым окончанием (Krause 1966: 34; 1971, 163, 174). Хотя многие рунологи считают **alugod** вокативом мужского имени, высказывалось предположение, что эта форма может быть вокативом женского имени (Stiles 1984: 28), что возвращает нас к интерпретации Бэкстеда и Мольтке.

Лингвистически интерпретация формы **alugod** с нулевым окончанием как вокатива вполне приемлема. Хотя существовавший в индоевропейском звательный падеж исчез в большинстве древних германских языков, он сохранялся в готском, где имел именно нулевое окончание (ср. им. ед. *wulfs* – зват. ед. *wulf*). Именно эта форма и послужила основанием для трактовки форм рунических собственных имен с нулевым окончанием (**alawin**, **alawid**) как форм вокатива. Однако, хотя формально форма с нулевым окончанием могла быть формой вокатива, представить себе форму вокатива обычного мужского или женского имени на пряжке вряд ли возможно. Если мы обратимся к многочисленным надписям на отдельных предметах с именами, то почти все они стоят в именительном падеже. Исключения составляют только упомянутые выше **alawin** и **alawid** в надписи на брактеате из Скодборга (KJ 105). Причем в этом случае вокатив связан со словом **auja** ‘благо’ (*Heil*), сочетающееся в надписи на брактеате из Скодборга (V–VI века н. э., KJ 105) с

вокативом **alawin** и **alawid**⁹ (Krause 1966: 241, 262). Вокатив от обычного мужского или женского имени, который кажется маловероятным на пряжке из Вэрлэсе, представлялся бы вполне уместным, если бы перед нами было не обычное имя, а имя бога или богини. Однако богини с таким именем нам неизвестны. Более вероятным мог бы быть вокатив от имени бога. Новак рассматривает вокативы **alawin** (nom. *AlawiniR* 'Вседруг') и **alawid** (nom. *AlawidaR* 'Всевоин') как имена Одина, сравнивая их с другими именами Одина на брактеатах (Nowak 2003: 284, 286). Подобным же образом, как имена богов или «полу-божественных героев» объясняют эти имена Маклеод и Миис, переводя их как 'Великий Друг' и 'Великая Ширь' (MacLeod, Mees 2006: 21). В соответствии с этим они трактуют имя **alugod** как имя Одина 'Великий Бог' (ibid.: 22). Однако такая интерпретация формы **alugod** для II–III в. н. э. маловероятна не только потому, что **god(a)* было раньше *pluralia tantum*¹⁰, но и из-за **u** в **alugod**, которое также может указывать на мн. число (**allu*). Лингвистически возможной интерпретацией могла бы быть в этом случае только 'все боги', где **alu** (*allu*) nom., pl. neutr. **god** (*god*) neutr. plur. *tantum* в вокативе¹¹. Как мы видим, в данном случае Маклеод и Миис интерпретируют вторую часть

⁹ Наиболее вероятные интерпретации надписи на Скодборга **auja alawin auja alawin auja alawin j alawid** '(Пусть будет тебе) благо, Алавин (3 раза), хороший год, Алавид' (Krause 1971: 163), либо **auja alawin auja alawin auja alawin j(a) alawid** '(Пусть будет тебе) благо, Алавин (3 раза) и Алавид' (Laug 1961).

¹⁰ Высшие силы обозначались в общегерманский период существительными среднего рода *pluralia tantum*, см. др.исл. *regin*, *god*, *bonð* (Falk 1926, 37).

¹¹ Интерпретацию **alu** как форму множественного числа от **allaR* 'весь' предложил Конант (**alu** = **allu* 'все', им. пад. мн. числа). Он считал, что формульное слово **alu** в надписях старшими рунами могло иметь два значения 'пиво' (*alu*), что предполагалось многими рунологами и до него, и 'все' (*allu*) (Conant 1973: 471–472). Причем **alu** (*allu*) по Конанту означало 'все высшие силы' (ibid., 471). Мне остается совершенно непонятным, почему Конант не упомянул надписи на пряжке из Вэрлэсе **alugod**, которая, если следовать его предположению о значении **alu** 'все', могла бы интерпретироваться как 'все боги' (**allugod*) в вокативе. Слабость гипотезы Конанта в том, что он предполагает два значения у **alu** и не сообщает, где какое из них следует предпочесть. Думается, что традиционное предположение о едином значении **alu** 'защита, оберег' справедливо, независимо от того, какая из гипотетических этимологий этого слова верна (обзор этимологий рунического **alu** см.: Elmevik 1999).

имени **alugod** не как корень прилагательного со значением ‘хороший’ (*gōd-* с долгим *ō*), как это делает абсолютное большинство рунологов, а как слово ‘бог’ (*god-* с кратким *o*), не ставя, правда, вопрос о причинах отсутствия окончания. Трактовка второго элемента, как слова, соответствующего германскому корню *god-*, была еще раньше предложена Зеебольдом, который, правда, трактовал его не как ‘бог’, а как ‘жертву (богам)’. Первую часть **alugod** он интерпретировал как ‘праздник’, принимая традиционную этимологию рунического **alu** ‘пиво’, см. исл., шв. *öl*, норв., дат. *øl*. Таким образом он интерпретировал **alugod** как сложное слово со значением ‘праздничная жертва’ (нем. *Festopfer*), объясняя отсутствие основообразующего суффикса корневым склонением (Seebold 1994: 63)¹². Многие в его интерпретации представляются сомнительным, начиная от реконструкции значения ‘праздничная жертва’ и кончая предположением о корневом склонении **alugod** (см. выше). Однако, как мы увидим ниже, есть в его интерпретации и рациональное зерно.

Самая большая проблема при интерпретации **alugod** как имени собственного и при традиционной интерпретацией второго элемента как *gōd-*, и при гораздо менее популярной интерпретации второго элемента как *god-* – это отсутствие собственных имен с такими вторыми компонентами среди нескольких десятков сложных имен в языке старших рунических надписей и сотен сложных имен в древних германских языках. Этот факт делает трактовку **alugod** как собственного имени маловероятной, если не невозможной. Именно это позволило уже Краузе писать о том, что ни одна из существующих гипотез о том, что **alugod** может быть собственным именем, «не является удовлетворительной» (Krause 1966, 34).

Отсутствие германских личных имен со вторым компонентом *gōd-* или *god-* привело к появлению других интерпретаций **alugod**. Мольтке предлагал рассматривать **alugod** как сочетание формульного слова **alu** с именем собственным, которое началось бы с *god-* или *gōd-* и в котором руна **d** употреблялась бы вместо своего названия *dagaz* ‘день’ (т.е. *Gōdagaz*) – (Moltke 1964: 40). Форму родительного падежа этого имени мы встречаем в рунической надписи из Вальфсфьорда (KJ 9) **godagas**

¹² Ни Зеебольд, ни Маклеод и Миис не обратили внимание на наше предложение интерпретировать **god** в **alugod** как ‘боги’ (Доброволький et al. 1991, 41).

(*Gōdagas*). Это имя интерпретируется как образование с суффиксом **-ag* от корня **gōd-* (*GōdagaR* – Peterson 2010: 8). Однако употребление рун в значении их названий вещь очень редкая. За исключением руны **ŋ**, которая чаще употреблялась в значении /ing/ (ср. ее название *Ingaz*), чем в значении /ng/, можно назвать только два достоверных случая употребления рун вместо их названий. Оба этих случая мы встречаем в Блекинге (Швеция). В надписи на камне из Стентофты (около 650 г. н. э., KJ 96) употреблена руна **j** вместо понятия ‘(урожайный) год’, а в надписи из Гуммарпа (около 600 г. н. э., KJ 95) три руны **fff** употреблены вместо трижды повторенного слова *fé* ‘богатство, движимое имущество’. Причем, если **ŋ** употребляется в значении своего названия только как часть слова¹³, в обоих случаях на блекинских камнях руны **j** и **f** используются как отдельные слова¹⁴. Это делает гипотезу Мольтке, интерпретировавшего **alugod** как *alu Gōd(agaz)*, уязвимой. Столь же маловероятна из-за отсутствия достоверных аналогий и гипотеза Марстрандера, который трактует **alugod** как сочетание известной рунической формулы **alu** с тремя рунами **g**, **o** и **d**, каждая из которых употреблена в значении своего названия *g(ibu)* ‘дар’, *o(pala)* ‘наследственное владение, недвижимое имущество’ и *d(agaR)* ‘день’ (Marstrander 1952: 80–83).

Рунологические интерпретации строятся на аналогиях. Именно отсутствие аналогий делает все вышеупомянутые интерпретации сомнительными. Конечно, первая часть **alugod**, формульное слово **alu** с вероятным значением ‘защита’, имеет множество аналогий (см., напр., KJ 29, 46, 48, 52, 57, 58, 103, 104 и т. д.). Проблемы создает вторая часть этой надписи. Она не может быть интерпретирована как вторая часть сложного имени, поскольку в древних германских языках нет сложных имен со вторым компонентом *god-* ‘бог’ или *gōd-* ‘хороший’. Интерпретация **alugod** как *alu God(agar)* также не имеет параллелей. Наконец, напрашивающееся сравнение второго элемента надписи со словом со значением ‘бог или боги’, которое должно

¹³ Ср. KJ 23 Вимосе **awŋs** вместо **awings*, KJ 7 Аквинкум **kŋia** вместо **kingia*, KJ 76 Опедал **birgŋu** вместо **birgiŋu*.

¹⁴ В менее достоверных случаях идеографического употребления рун (см., напр., интерпретация руны **o** как *ōpal* «наследственное владение, недвижимое имущество» на золотом кольце из Пьетроассы, KJ 41 (Krause 1966: 94) также нет примеров идеографического использования рун как части слов.

было выглядеть в именительном и винительном падеже единственного и множественного числа как ***goda** (ср. форму **horna** на золотом роге из Галлехуса) и как ***god** в vokative, даже не рассматривалось, вероятно, тоже из-за отсутствия параллелей. Те немногие рунологи (см. выше), которые считают возможным трактовку **god** в надписи на пряжке из Вэрлессе как 'бог', не считают его отдельным словом, а рассматривают как часть имени. Действительно, среди старших рунических надписей есть только одна надпись, где можно было бы предположить наличие слова **god** со значением 'бог'. Это очень плохо сохранившаяся немецкая руническая надпись второй половины VII века на пряжке из Остхофена (Гессен), KJ 145, которая читается как **go?: furad? hd? ofile** и интерпретируется как *go(d) : furad(i)hd(e)ofile* 'бог перед тобой (в значении раньше тебя), дьявол' (Krause 1966: 285), где слово *go(d)* несомненно имеет в виду христианского бога. Однако плохая сохранность надписи делает возможной и другие ее интерпретации (см., напр., Feist 1919: 265). Отсутствие одиночного слова **god** в надписях старшими рунами не позволяло рунологам предлагать казалось бы очевидную трактовку надписи **alugod** как двух защитных формул **alu** 'защита' и **god** 'боги' в vokative. Ситуация изменилась после того как в России и в Швеции была найдена целая группа куфических монет со старшеруническими граффити **gud** с огласовкой /u/, характерной для восточноскандинавского ареала¹⁵. Первая такая монета (половинка серебряного аббасидского дирхема, чеканенного в конце VIII или в начале IX в.) была обнаружена среди монет с граффити из клада, найденного археологом И. В. Дубовым в 1973 году при раскопках в селе Большое Тимерево под Ярославлем (D¹⁶ 24, рис. 2).

¹⁵ В младшеруническом алфавите руной **u** обозначали и /u/, и /o/, поэтому можно было бы подумать, что форма **gud** является смешанной формой, в которой первая и последняя руна – руны старшего футарка, а в середине стоит руна, отражающая младшеруническую традицию. Но **u** в **gud** вряд ли следует связывать с младшерунической традицией, поскольку в этом слове, также как и во многих других словах в восточноскандинавском ареале в отличие от западноскандинавского ареала сохраняется неумлаутированное /u/, ср. дрисл. *god*, но дршв. *guþ*.

¹⁶ Номер после буквы D обозначает номер монеты по каталогу в книге Добровольский et al. 1991.

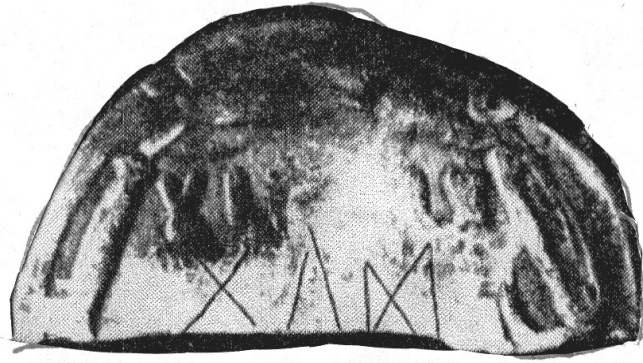

Рис. 2, D 24 (по: Добровольский et al. 1991: 39)

При первой публикации этой надписи в 1977 году мы высказали предположение, что **gud** на дирхеме из Большого Тимерева имеет в виду христианского бога, поскольку в скандинавских надписях младшими рунами на камнях слово **kup** всегда обозначает христианского бога, а в единственной старшерунической надписи, где предполагали наличие отдельного слова **go(d)**, надписи на пряжке из Остхофена, см. выше, это слово тоже связывали с христианским богом (Добровольский et al. 1977, 148; см. также Dobrovol'skij et al. 1981). Однако публикация в 1985 году шведскими нумизматами Хаммарберг и Рисплинг граффити на восточных монетах из шведских музеев (Hammarberg, Rispling 1985) заставили нас изменить трактовку граффити **gud** как обращение к христианскому богу (Добровольский 1991: 40–41). Просмотрев монеты из шведских кладов, Хаммарберг и Рисплинг обнаружили 820 монет с граффити (373 монет имеют граффити на обеих сторонах) и установили, что именно старшеруническое **gud** и младшеруническое **kup** оказались самыми частыми граффити на монетах, ср. особенно монеты D 275 (772/773 г.), D 228 (776/777 г.), D 186 (808/809 г.), D 422ab (910/930 г.), D 245ab (926/927 г.) – рис. 3. Слово **gud** 'бог' или 'боги' старшими рунами нанесены на 147 монет (всего 226 раз), а **kup** 'бог' младшими рунами нанесены на 408 монет (839 раз). На шести монетах (7 раз) мы встречаем смешанную форму **gup**. Граффити с надписями **gud** и **kup** могут быть и справа налево и слева направо, а иногда руны беспорядочно разбросаны по монете, см. монету D 428 (914/915 г.) с шестью надписями **kup** на аверсе, и одной надписью **gud** и несколькими

беспорядочно разбросанными рунами из надписи **kup** на реверсе (три руны **k**, четыре руны **u** и пять рун **p**), монету D 270 (913/914 г.) с двумя старшими рунами **d**, двумя рунами **p**, одной руной младшего футарка **k**, и одной руной **u** и одним большим знаком, который может быть интерпретирован как соединение руны **u** со схематическим изображением молота Тора или монету D 323 (911/912 г.) со знаком, напоминающим молот Тора и одной старшей руной **g**, одной старшей руной **d**, тремя рунами **u**, тремя рунами **p** и тремя? младшими рунами **k** (рис. 3). Кажется, что в случае с надписью 'бог'/'боги' было важно не просто правильное написание соответствующих слов, а те руны, из которых состояли эти слова. Если мы вспомним не только подобные разбросанные написания и часто встречающееся написание этих слов на монете справа налево, абсолютно нехарактерное для традиционных надписей на рунических камнях эпохи викингов, то бросается в глаза сходство типов написания слов, обозначающих бога или Тора, с разнообразной формой написания старшерунической защитной формулы **alu**, которая могла иметь вид не только **alu**, написанное и слева направо, и справа налево, но и **aallu**, **lua**, **aul** и **ual**, (ср., Nowak 2006: 211–213).

На целом ряде монет встречается и имя бога, которое помогает нам определить, кого могли иметь в виду надписи **gud** или **kup**. На 30 монетах (36 раз), иногда вместе с надписями **gud** или **kup**, а иногда отдельно от них, встречается имя **þur** 'Тор' (Hammarberg, Rispling 1985: 65–66). На аверсе монеты D 245 (926/927 г.) нанесена надпись **þur**, а на реверсе этой же монеты надпись старшими рунами **gud** (рис. 3, D 245ab). Беспорядочно разбросанные руны **k**, **u**, **p**, и руна старшего футарка **d** рядом с надписью **þur** встречаются на D 377 (898 г.), см. также D 323 (911/912 г., рис. 3), D 246 (851/852 г.), D 187 (855/861 г.) – *ibid.*, 71–77. Естественно, мы не можем быть уверены, что все надписи **gud** и **kup** относились к Тору. Но в тех случаях, когда они сочетались с надписью **þur** или с изображением молота Тора или свастики, см. напр., D 323 (911/912 г.), D 421 (910/930 г.), D 422ab (910/930 г.), ср. рис. 3, которая являлась в эпоху викингов схематическим изображением молота Тора и называлась *þórshamar* 'молот Тора', очевидно, что имелся в виду Тор,

самый почитаемый в Швеции бог эпохи викингов¹⁷. Возможно, что не только изображения в виде Т, но и простые кресты были схематическими изображения молота Тора (подробнее об этом см. Добровольский et. al. 1991: 118–120).

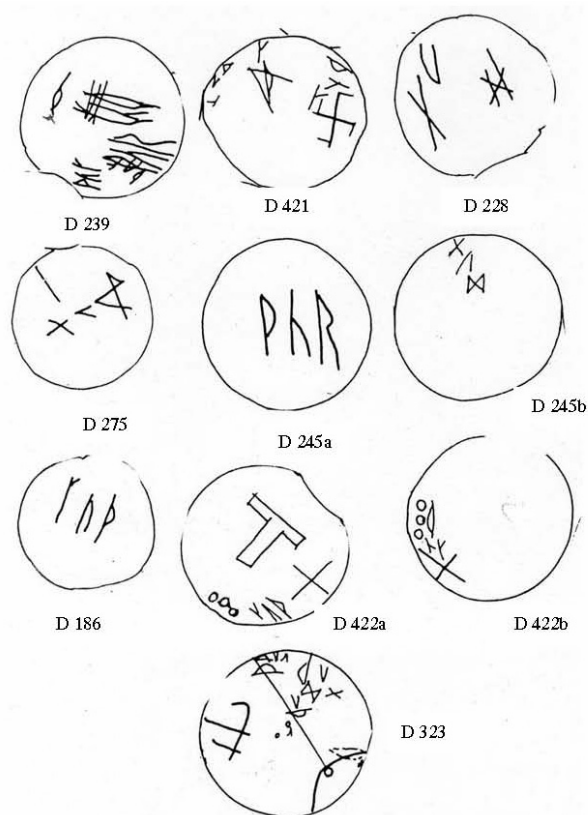

Рис. 3 (по Hammarberg, Rispling 1985: 71–78)

¹⁷ Об этом свидетельствуют не только исландские саги и многочисленные находки амулетов молоточков Тора, но и Адам Бременский, посетивший в 1070 году Уппсалу и так описавший внутреннее убранство языческого храма: *In hoc temple, quod totum ex auro paratum est, statuas trium deorum venerator populus, ita ut pottentissimus Thorin medios olium habeat triclino; hinc et inde locum possident Wodan et Fricco* (Adam Bremensis 1917: Discriptio cap. 26, p. 258). «В этом храме, который весь разукрашен золотом, люди поклоняются идолам трех богов. У самого могущественного из них Тора престол посередине храма. Водан и Фрикко (*Фрей* – Ю. К.) (сидят) по обе стороны от него».

Конечно, можно было бы предположить, что в граффити эпохи проникновения в Скандинавию христианства могли отражать смешение христианских и языческих символов. В этот период скандинавы могли быть «двойной веры», т. е. обращались за помощью и к христианскому богу, и к языческим богам, прежде всего к Тору, в зависимости от обстановки (*ibid.*: 106). Но время чеканки монеты VIII–XI века (ср. также описание уппсальского языческого храма 1070 года) свидетельствует о том, что слова со значением ‘бог(и)’ относились к языческим богам. Причем среди самых старых граффити на монетах, относящихся к VIII в., еще нет ни надписей **þur**, ни надписей **kuþ** младшими рунами, а есть только надписи **gud** старшими рунами, ср. D 24 конец VIII – начало IX в., D 228 (776/777 г.) , D 275 (772/773 г.), рис. 3. Начиная со второй половины IX века, появляются надписи **kuþ** младшими рунами, которые становятся преобладающими, иногда вместе с надписями **þur** или с изображениями молота Тора или свастики. Однако формула **gud** продолжает оставаться популярной и в IX, и в X в., см. D 245ab (926/927 г.), рис. 3.

Очевидно, что монеты с надписями **gud**, **kuþ** и **þur** были амулетами. У многих из них есть одна или несколько дырочек. Однако и отсутствие дырочек не свидетельствует о том, что монеты с этими надписями не были амулетами. Археология и литературные памятники говорят нам, что амулеты могли носиться в футлярчиках или в кошельках¹⁸. О том, что монеты с руническими граффити были амулетами свидетельствует и надпись на саманидском дирхеме 910–930 гг. **lutiR**¹⁹ (D 420),

¹⁸ Ср. *Hlutr er horfinn úr þússi þínum, sá er Haraldr konungr gaf þér í Hafsfirð* ‘Из твоего кошелька пропал амулет, который тебе дал конунг Харальд в Хаврсфёрде’ (Cleasby, Vígússon 1957: 273). Археологи нашли маленький рунический амулет XII в. (Ерфалла) в кожаном футлярчике (Gustavsson 1969).

¹⁹ Хаммарберг и Рисплинг, опубликовавшие монету с надписью **lutiR**, не дают толкования надписи (Hammarberg, Rispling 1985: 68). Маклеод и Миис сравнивают эту надпись с немецкой рунической надписью на пряжке из Нордендорфа (конец VI в.) с именем **logapore**, которое иногда ассоциируется с именем *Lóðurr* и идентифицируется с Локи (Taylor 1987). В этой надписи **logapore** стоит рядом с именем двух других важных персонажей германского пантеона Воданом (**woden**) и освящающим (или убивающим) Донаром **wigiponar**. Маклеод и Миис читают **lutiR** как *LodiR*, что вполне допустимо, и сопоставляют *LodiR* с *Lóðurr* (MacLeod/Mees 2006), что совершенно недопустимо, поскольку предполагает невероятное для эпохи викингов

которую можно трактовать как множественное число от формы, соответствующей дрисл. *hlutr*, pl. *hlutir*, дршв. sg. *loter/luter*, pl. *loter, luter* ‘амулет, талисман’ (Добровольский et al. 1991: 109–110). Отпадение *h* перед сонорными произошло в восточноскандинавском ареале в IX в. (Jacobsen, Moltke 1942: sp. 787), и совершенно естественно, что форма без *h* представлена на монете из шведского клада, чеканенной в X в.

Как объяснить появление старшерунической надписи **gud** в эпоху младших рун? Мы знаем, что старшие руны в ранний период существования надписей младшими рунами не были забыты, но употреблялись крайне редко. В той части надписи на Рёкском камне (Ög 136, IX в.), где употреблены старшие руны, они употреблены в значении младших рун (т. е. **w** и **o** могут обозначать /u/, а **o** может обозначать /w/). Старшие руны встречаются иногда и в ранних датских надписях младшими рунами VIII–IX вв. (DR 190, DR 356). В надписи DR 190 есть две старшие руны **m** и **h**, а в надписи DR 356 одна старшая руна **w**. Надпись **gud** на восточных монетах оказывается единственной надписью эпохи викингов, полностью написанной старшими рунами. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело не с формульной надписью старшими рунами, появившейся в эпоху младших рун (этому нет аналогий), а с сохранением рунической традиции эпохи старших рун. Именно надписи граффити старшими рунами **gud** ‘бог’ или ‘боги’ на восточных монетах позволяют нам предположить, что надпись на пряжке из Вэрлёсе представляет собой сочетание известной защитной формулы **alu** с формой звательного падежа **god** ‘бог’ или ‘боги’ (номинатив **goda*). Было бы заманчиво предположить, что в надписи на пряжке из Вэрлёсе (II век), где надпись **alugod** сочетается со свастикой, имелся в виду бог, соответствующий Тору эпохи викингов, когда свастика была символом Тора, см. выше сочетание надписи **gud** с надписью **pur** и с изображениями свастики и молота Тора как граффити на

обозначение фонемы /r/ руной **t**. Кроме того, трудно представить себе появление имени Локи на амулете, тем более в Германии. Дювель предположил, что надпись на пряжке из Нордендорфа христианская, и слово **logapore** является не собственным именем, а имеет значение ‘(лживые) колдуны’ – именно так глоссируется похожее слово в одной древнеанглийской рукописи. Соответственно он предлагает интерпретировать всю надпись как ‘Водан и Освящающий Донар – (лживые) колдуны’ (Düwel 2001: 63–64).

восточных монетах. Однако такая параллель, хотя и возможна, но необязательна. Вполне вероятно, что в надписи на пряжке из Вэрлесе **god** еще было *pluralia tantum*, а свастика относилась не только к Тору, но и ко всем богам (возможно только к асам). Изображение бога на брактеатах со свастикой может относиться к Одину²⁰, особенно в том случае, когда эти изображения сочетаются с изображением коня (см., напр., надпись **alu**, изображение свастики, коня и мужской фигуры на брактеате из Хогрэна (Готланд), 450–550 г.). Подобным же образом можно интерпретировать изображения и надпись на брактеате из Сконе 1 (DR BR 67, 400–650 г.), где кроме свастики, птицы, коня и мужской фигуры представлены почти все старшерунические формульные слова: **laþu laukaR gakaR alu**.

Традиционно считается, что **alu** в надписях на амулетах, брактеатах и в надписях на камнях из Элгесема (KJ 57), Орстада (KJ 58) и Эггьюма (KJ 101) выполняет функцию оберега (Düwel 2001, 53). По-видимому, такую же функцию выполняла и свастика, которая сочеталась и с надписями старшими рунами, и с надписями младшими рунами. В эпоху викингов к оберегам кроме свастики относятся амулеты с молоточками Тора и предметы с их изображениями, в том числе и граффити на монетах. Несмотря на то, что формульной надписи **god/ gud** ‘бог(и)!’ мы не находим на брактеатах, старшеруническая форма этой надписи в граффити на монетах в VIII–IX в. с очевидностью свидетельствует, что эта надпись была возможна и в предыдущую эпоху, о чем собственно и свидетельствует надпись **alugod** на пряжке из Вэрлесе, в которой сочетаются две защитные формулы **alu** и **god**.

Литература

- Adam Bremensis 1917 – Magistri Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesia pontificum. Ed. B. Schmeidler. Editio tertia. Hannoverae et Lipsiae, 1917.
- Antonsen 1987 – Antonsen E. H. The Oldest Runic Inscriptions in the Light of New Finds and Interpretations // Runor och runinskrifter. Föredrag vid Riksantikvarieämbetets och Vitterhetsakademiens symposium 8–11 september 1985. Konferenser 15. Stockholm, 1987. P. 17–28.

²⁰ Хаук считает, что изображения головы на брактеатах типа А и фигуры на брактеатах типа С, сочетающиеся с изображением коня и птицы, имеют в виду Одина (Hauck 1998a, 1998b).

- Antonsen 2002 – Antonsen E. H. *Runes and Germanic Linguistics*. (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs 140). Berlin; New York. 2002.
- Bæksted 1945 – Bæksted A. Værløse runefibula // *Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed och Historie* 1945. S. 84–91.
- Cleasby, Vigfusson 1957 – Cleasby R., Vigfusson G. *An Icelandic-English dictionary*. Second edition with supplement by sir W. A. Craige. Oxford, 1957.
- Conant 1973 – Conant J. B. Runic *alu* – a new conjecture // *Journal of English and Germanic Philology*. 1973. Vol. 72, N 4. P. 467–473.
- Dobrovol'skij et al. 1981 – Dobrovol'skij I. G., Dubov I. V., Kuz'menko J. K. Klassifizierung und Interpretation von Graffiter auf orientalischen Münzen // *Zeitschrift für Archäologie*. 1981. Bd 15. S. 217–242.
- Düwel 2001 – Düwel K. *Runenkunde*. 3. Auflage. Stuttgart, Weimar 2001.
- Elmevik 1999 – Elmevik L. De urnordiska runinskrifternas *alu* // *Runor och namn*. Hyllningsskrift till Lena Peterson den 27. Januari 1999. Uppsala. S. 21–28.
- Falk 1926 – Falk Hj. De nordiske hovedguders udviklingshistorie // *Arkiv för nordisk filologi*. 1926. Bd. 43, N 1. S. 34–44.
- Feist 1919 – Feist S. Runen und Zauberwesen im germanischen Altertum // *Arkiv för nordisk filologi* 1919. Bd. 35. S. 243–289.
- Gustavsson 1969 – Gustavsson H. Ett runbleck från Järfälla // *Fornvännen* 1969. Bd. 64. S. 209–211.
- Hammarberg, Rispling 1985 – Hammarberg I., Rispling G. Graffiter på vikingatida mynt // *Hakuin*. 1985. Bd 11. S. 66–77.
- Hauck 1998a – Hauck K. Zur religionsgeschichtlichen Auswertung von Bildchiffren und Runen der völkerwanderungszeitlichen Brakteaten // *Runeninschriften als Quellen interdisziplinärer Forschung*. Hg. K. Düwel in Zusammenarbeit mit S. Nowak. (Ergänzungsbände zu RGA 15). Berlin; New York, 1998. S. 298–353.
- Hauck 1998b – Hauck K. Die runenkundigen Erfinder von den Bildchiffren der Goldbrakteaten // *Frühmittelalterliche Studien*. 1998. Bd. 32. S. 28–56.
- Imer 2011 – Imer L. Maturus fecit. Unwod node. Runic Inscriptions on Fibulae in the Late Roman Iron Age // *Lund Archaeological Review*. 2011. P. 11–27.
- Jacobsen, Moltke 1942 – Jacobsen L., Moltke E. *Danmarks runeindskrifter*. Bd I, II. København, 1942.
- Laur 1961 – Laur W. *Runendenkmäler in Schleswig-Holstein*. Neumünster, 1961.
- Looijenga 2003 – Looijenga T. *Texts and Contexts of the Older Runic Inscriptions. The Northern World. North Europe and the Baltic c. 400–1700 A.D.* Leiden; Boston, 2003.
- MacLeod, Mees 2006 – MacLeod M., Mees B. *Runic Amulets and Magic Objects*. Woodbrige, 2006.
- Marstrander 1952 – Marstrander C. J. S. *De nordiske runeindskrifter i eldre alfabet*. Oslo, 1952.
- Moltke 1964 – Moltke E. Runeindskriften på rosetfibulen fra Nøvlig // *Kuml. Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab* 1963. Århus, 1964. S. 37–41.

- Moltke 1985 – Moltke E. Runes and their Origin. Denmark and elsewhere. Copenhagen, 1985.
- Nowak 2003 – Nowak S. Schrift auf den Goldbrakteaten der Völkerwanderungszeit. Untersuchungen zu den Formen der Schriftzeichen und zu formalen und inhaltlichen Aspekten der Inschriften. Göttingen, 2003. (bdoc.sub.gwdg.de/diss/2003/nowak/nowak/pdf)
- Peterson 2004 – Peterson L. Reflections on the inscription **lagupewa** on the shield-handle Mount 3 from Illerup // *Namenwelten. Ort- und Personennamen in historischer Sicht*. Hg. Von A. van Nahl et al. Berlin, New York, 2004. P. 659–677.
- Peterson 2010 – Peterson L., 2010: Lexikon över urnordiska personnamn. Institut för språk och folkminnen. (www.sofi.se/1465). Uppdaterad 8 oktober 2010.
- Seebold 1994 – Seebold E. Die sprachliche Deutung und Einordnung der archaischen Runeninschriften // *Runische Schriftkultur in kontinental-skandinavischer und – angelsächsischer Wechselbeziehung*. Hg. Von K. Düwel (Ergänzungsband zu RGA 10). Berlin, New York, 1994. S. 56–94.
- Stiles 1984 – Stiles P.V. On the Interpretation of Older Runic *swestar* on the OpedaleStone // *NOWELE*. 1984. Vol. 3. P. 3–48.
- Stoklund 1995 – Stoklund M. Die Runen der römischen Kaiserzeit // *Himlingøje – Seeland – Europa. Ein Grabfeld der jüngeren römischen Kaiserzeit auf Seeland, seine Bedeutung und internationalen Beziehungen*. Hg. von Hansen L. H. et al. Kopenhagen. 1995. S. 317–346.
- Stoklund 2003 – Stoklund M. Navnestoffet fra Nydamindskrifterne og et fragment fra Sorte Muld. I // *Namenwelten. Ergänzungsband zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde 44*. Berlin, New York, 2003. S. 722–729.
- Taylor 1987 – Taylor P. B. Logabore and Lóðurr: the literary Contexts // *Studies in honor of René Delorez*. Red. A. M. Simon-Vandenberg. Gent, 1987. P. 603–611.
- Добровольский et al. 1977 – Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические граффити на восточных монетах // Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий Москва, 1977. С. 142–152.
- Добровольский et al. 1991 – Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Ленинград, 1991.
- Макаев 1965 – Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. Москва. 1965.

Электронные базы данных:

www.nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm (Уппсальский университет)
www.runer.ku.dk (Копенгагенский университет)
www.runenprojekt.uni-kiel.de (Кильский университет)

Yu. K. Kuzmenko. On the interpretation of the older runic inscription on the brooch from Værløse (Denmark)

Runic inscription in older futhark on the brooch from Værløse **alugod** does not have any accepted interpretation. Traditionally it is treated as a male or female compound proper name which consists of a formulaic “protective” word **alu** and of the root with the meaning “good” (*gōd-*). However, the interpretation of **alugod** as a proper name is impossible, because of the absence of names with the second components *gōd-* or *god-* both among the runic proper names and among hundreds proper names in the records in the Old Germanic languages as well. The new interpretation of the runic inscription **alugod** as a protective form consisting of two words **alu** and **god** (vocative of the word for gods or god) is based on the analogy with numerous graffiti-inscriptions in older runes (!) **gud** on oriental coins serving as amulets in the early Viking Age.

Keywords: runology, older runic inscriptions, runic inscription in Værløse

**ЗАЛОГИ И ЗАЛОГОВЫЕ КАТЕГОРИИ
В ИНДОАРИЙСКОМ И ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ:
к диахроническо-типологическому портрету
глагольной системы ведийского санскрита**

Данная статья посвящена диахроническо-типологическому анализу системы залоговых категорий и оппозиций по переходности в одной из групп индоевропейской языковой семьи – в индоарийских языках, причем основное внимание уделяется процессам, засвидетельствованным в древнейший период их развития – в древнеиндоарийском (т. е. в ведийском санскрите). Постулируется два основных типа развития, засвидетельствованные в индоевропейских языках. С одной стороны, в ряде языковых групп, в том числе в большинстве германских, романских и славянских языков, общей.-е. синкретический медий (средний залог) заменяется на новый медий, показатель которого восходит к рефлексивной морфеме **s(u)e-*. Во многих романских и германских языках, а также в греческом распространяется лабильный синтаксис и в то же время почти исчезают рефлексы пра-и.-е. морфологического каузатива с суффиксом **-eie-*. Этот тип эволюции, хорошо засвидетельствованный в западной части индоевропейского ареала, можно назвать синкретическим.

С другой стороны, ряд языков в восточной части индоевропейского ареала отказываются от синкретической стратегии и развивают специальные показатели для ряда валентных дериваций: морфологический пассив в индоиранском и в армянском, индоиранские рефлексивные и реципрокальные местоимения, а также продуктивные морфологические каузативы. Эти процессы идут параллельно с деграмматизацией праи.-е. медиа (т. е. утратой значительной части его функций). Этот эволюционный тип может быть охарактеризован как анти-синкретический.

Ключевые слова: диахроническая типология, залог, переходность, индоевропейский, индоарийский, медий, средний залог, каузатив, пассив, лабильный.

**1. Предварительные замечания: к диахроническо-
типологическому изучению залоговых лингвистических
категорий**

Данная статья посвящена диахроническим аспектам типологии транзитивности и залоговых категорий, уделяя основное внимание материалу одной из групп индоевропейской языковой семьи – индоарийским языкам.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на дисбаланс синхронных и диахронических типологических исследований, характерный для современной лингвистической типологии. С одной стороны, в распоряжении лингвистов и, в частности, типологов имеются подробнейшие каталоги и детальный **синхронный** анализ систем залоговых и других категорий, засвидетельствованных в языках мира. С другой стороны, отсутствуют систематические исследования этих категорий в **диахронической** перспективе. Появление, развитие и исчезновение этих категорий остается в основном на периферии типологических исследований.

Представляется уместным начать диахроническое типологическое исследование со сбора материала языков (или, шире, языковых групп) с хорошо засвидетельствованной текстовыми корпусами историй, в течение достаточно продолжительного периода времени (например, не менее 1000 лет). Изучая историю той или иной залоговой (валентностной) категории, такой как пассив или каузатив, было бы полезно обрисовать **диахроническо-типологический портрет** соответствующей категории для данной языковой **группы** или **семьи**, проследив ее историю начиная с самых ранних засвидетельствованных текстов на древнем языке (L_0) вплоть до рефлексов этой категории в языках-потомках (L_1, L_2 ; их потомках $L_{1.1}, L_{1.2}, L_{2.1}, L_{2.2}, L_{2.3}$ и т. д.). Особый интерес представляет также материал языков, родственных L_0 , который может служить основой для реконструкции гипотетической истории и возможных источников данной категории в праязыке $*L$; см. схему 1:

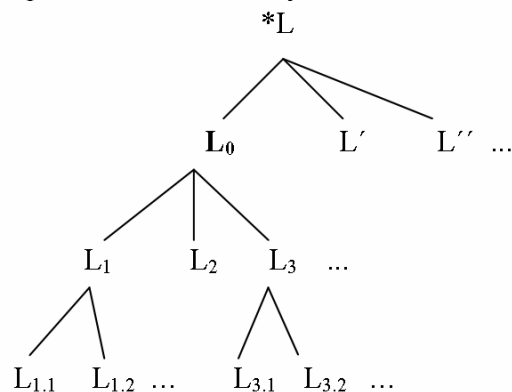

Схема 1. Языковое дерево: L_0 с родственными языками и языками-потомками

2. Пример диахроническо-типологического портрета языковой группы: индоарийские языки

Практически идеальным объектом для такого диахроническо-типологического исследования является индоарийская группа индоевропейской языковой семьи. В распоряжении исследователей – непрерывно засвидетельствованная текстами на протяжении более чем 3000 лет история индоарийских языков, начиная с древнеиндоарийского языкового состояния (ДИА), которое может быть приблизительно идентифицировано с (ведийским) санскритом¹, продолжающаяся в среднеиндоарийском (пали и пракриты) и новоиндоарийском (хинди-урду, бенгали, маратхи, сингальский и т. д.).

Таким образом, в случае индоарийских языков мы располагаем обширными данными для диахронического анализа залоговых (валентностных) категорий. С одной стороны, богатейший материал, собранный индоевропейской сравнительно-историческим языкознанием, создает хорошие предпосылки для гипотез о происхождении и возможных источниках морфологических и синтаксических категорий, засвидетельствованных в ДИА, и таким образом обеспечивает базу для **ретроспективного** диахроническо-типологического исследования. С другой стороны, лингвистические данные поздневедийских и среднеиндийских текстов, равно как и материал новоиндоарийских языков делают возможным **проспективное** диахроническо-типологическое исследование категории, позволяя проследить, как ДИА система развивается в средне- и новоиндоарийских языках. Ниже будет дан краткий обзор ряда особенностей индоарийских языков, и, в особенности, системы ДИА залогов и залоговых категорий, которые представляют особый интерес в диахроническо-типологической перспективе. Главные тенденции, определяющие развитие ведийской (ДИА) системы оппозиций по транзитивности, включают: (i) упадок медиального (среднего) залога, который, в конечном счете, как я постараюсь показать, приводит к его деграмматикализации; (ii) быстрый рост продуктивности новых залоговых категорий, пассива и каузатива; и (iii) упадок системы лабильных глаголов.

¹ Самый древний ведийский текст, Ригведа, датируется 2-й половиной II тыс. до н. э. О хронологии ведийских текстов, см. Witzel 1995: 96ff. (с библиографии).

3. Деграмматикализация медиального (среднего) залога

Диатеза, или оппозиция актив/медий, является грамматической категорией древнего индоевропейского глагола, которая проявляется в типе флексии, т. е. в системе личных окончаний. Ср. ведийские активные окончания настоящего времени 2sg. *-sī*, 3sg. *-ti* и т. д. vs. медиальные окончания 2sg. *-se*, 3sg. *-te* и т. д.

Средний, или медиальный залог (*middle diathesis*) обычно характеризуют как синкретическую категорию, имеющую ряд интранзитивизирующих функций: пассив, антикаузатив (декаузатив), рефлексив, реципрок; см. примеры ниже. Такая категория действительно могла существовать в праиндоевропейском языке. Однако материал одного из древнейших засвидетельствованных индоевропейских языков, ведийского санскрита, скорее свидетельствует о распаде исходной системы. Уже в языке древнейших текстов, Ригведы (RV) и Атхарваведы (AV) (вторая половина II тыс. до н. э.), мы наблюдаем утрату ряда грамматических функций древнего индоевропейского медия; многие из этих функций приобретают специальные показатели. Единственная функция медия, которая является все еще достаточно продуктивной в ведийском, – это выражение автобенефактивного значения ('делать что-л. для себя'). Наряду с этим в ДИА наблюдается быстрый рост продуктивности новых залоговых категорий, – в первую очередь, в системе настоящего времени: пассива с суффиксом *-uá-* и каузатива с суффиксом *-áya-*.

Рассмотрим подробнее основные предполагаемые функции медия.

3.1. Пассив

Ниже я постараюсь показать, что в трех основных временных системах, т. е. в системах настоящего времени (презенса), аориста, и перфекта, пассив выражается главным образом формами со специальными показателями, а не нехарактеризованными медиальными формами: (i) в системе настоящего времени: презентными пассивами с ударным суффиксом *-uá-* (напр., *yuj* 'запрягать, соединять': 3sg. *yujyáte* 'запрягается, соединяется', 3pl. *yujyánte* 'запрягаются, соединяются', причастие *yujyámāna-*, и т. д.); (ii) в системе аориста: медио-пассивным аористами на *-i* и *-ran* (*-ram*) (3sg. *-i*, 3pl. *-ran/-ram*; e.g. *yuj* 'yoke, join': 3sg. *áyaji*, 3pl. *áyujran*); и (iii) стативами на *-e* и *-re*, которые заполняют пассивную «лауну» в системе перфекта (3sg. *-e*, 3pl. *-re*: напр.

hi ‘побуждать’: 3sg. *hinvé* ‘(был) побужден’, 3pl. *hinviré* ‘(были) побуждены’); подробнее об этом морфологическом образовании см. Kümmel 1996; Gotō 1997. И медио-пассивный аорист, и статив имеют дефектные парадигмы.

Система пассивных форм, засвидетельствованных в ранневедийском, – прежде всего в языке Ригведы, схематично представлена в Таблице 1. Согласно распространенному мнению, наряду с пассивными образованиями, специально маркирующими пассив (-уá-презенсы, *i*-аористы и стативы), существует целый ряд нехарактеризованных медиальных форм во всех трех временных системах, которые предположительно функционируют как пассивы (затененный столбец в средней части таблицы 1).

П А С С И В				
Презенс	актив	медий		-уá-презенсы
Аорист	актив	медий		аористы на -i/-ran
Перфект	актив	медий	(?)	стативы на -e и -re

Таблица 1. Пассивные формы в ДИА: традиционное представление

Ниже я постараюсь показать, что нехарактеризованные медиальные формы крайне редки в пассивных употреблениях.

Действительно, существуют две большие группы нехарактеризованных медиальных форм, используемые в пассивных употреблениях, – медиальные перфекты и медиальные причастия с суффиксом -āna-. На деле, однако, эти формы имеют особый парадигматический статус, будучи морфологически (грамматически) неоднозначны, и, следовательно, не могут рассматриваться как доказательство пассивной функции медиального залога.

3.1.1. Медиальные причастия с суффиксом -āna-. Атематические медиальные причастия с суффиксом -āna- характеризуются особыми синтаксическими свойствами в ранневедийском – в языке Ригведы. В то время как соответствующие личные формы используются только в переходных конструкциях, причастия на -āna- засвидетельствованы и в переходных, и в непереходных (пассивных) конструкциях (это примечательное явление было отмечено уже Б. Дельбрюком, см. Delbrück 1888: 264).

Например, причастие *hinvāná-* (корень *hi* ‘побуждать’), рассматриваемое всеми грамматиками как медиальное причастие

презенса с суффиксом *-nó-/ni-* (класс V в индийской традиции), 18 раз засвидетельствовано в непереходных (пассивных) конструкциях (как в (1a)), и 10 раз – в переходных конструкциях (как в (1b)) в Ригведе:

(1) a. (RV 9.12.8)

sómo hi-nv-ānó arṣati
 Сома:NOM.SG побуждать-PRES-PART.MED:NOM.SG.M течь:PRES:3SG.ACT
 ‘Сома, **побужденный**, течет.’

b. (RV 9.97.32)

... *īndrāya pavase ... hi-nv-ānó*
 Индра:DAT.SG очищать:PRES:2SG.MED побуждать-PRES-PART.MED:NOM.SG.M
 ‘Ты (= Сома), очищаешься для Индры, **понукая** (вашу) речь (религиозными) мыслями поэтов.’

Напротив, личные медиальные формы, образованные от той же самой основы (3pl.mid. *hinváte* и т. д.), и входящие, предположительно, в ту же парадигму, что и *hinvāná-*, могут использоваться только в переходных конструкциях, в значении ‘побуждать’, ср. (2):

(2) (RV 9.65.11)

hi-nv-é vājeṣu vājīnam
 побуждать-PRES-1SG.MED награда:LOC.PL скакун:ACC.SG
 ‘Я **понукаю** этого скакуна [в гонке] за награду.’

Аналогичным образом, причастие *uyjāná-* (*uyj* ‘запрягать, соединять’) 8 раз встречается в Ригведе в непереходных (пассивных) конструкциях (ср. (3a)), и 10 раз – в переходных конструкциях (ср. (3b)):

(3) a. (RV 6.34.2c)

rátho ná mahé śávase
 колесница:NOM.SG как великий:DAT.SG.N сила:DAT
uyj-ānáḥ
 запрягать:AOR-PART.MED:NOM.SG.M
 ‘... как колесница, **запряженная** для великой силы.’

b. (RV 6.47.19a)

uyj-ānó harítā ráthe
 запрягать:AOR-PART.MED:NOM.SG.M буланы:ACC.DU колесница:LOC.SG
 ‘...(Тваштар,) **запрягающий** двух буланных [скакунов] в колесницу.’

Ведийские грамматики рассматривают *yuṣjāná-* как медиальное причастие корневого аориста (см., например, Whitney 1885: 132; Macdonell 1910: 370). Однако, как и в случае причастия *hinvāná-*, соответствующие финитные формы (3sg. *áyukta* и т.д.), могут быть использованы только в переходных конструкциях, ср. (4):

- (4) (RV 7.60.3)
<i>áyuk-ta</i>	<i>saptá harítaḥ</i>
запрягать: AOR-3SG.MED	семь буланный: ACC.PL
‘Он запряг своих семь буланных [скакунов].’	

В другом месте я показал (Kulikov 2006), что грамматические характеристики таких пассивных причастий на *-āna-* должны быть пересмотрены. На мой взгляд, эти причастия омонимичны, или морфологически (грамматически) полифункциональны. В частности, причастие *hinvāná-* в своих переходных употреблениях, т. е. в значении ‘побуждающий’, принадлежит к парадигме переходного носового презенса (*hinváte* и т. д.), однако является членом парадигмы статива (3sg. *hinvé*, 3pl. *hinviré*), т. е. стативным причастием, при употреблении в интранзитивных (пассивных) конструкциях в значении ‘побужденный’. Аналогичным образом, причастие *yuṣjāná-* входит в состав парадигмы (переходного) корневого аориста (*áyukta* и т. д.), когда используется транзитивно (‘запрягающий’), но является членом парадигмы пассивного аориста (3sg. *áyoji*, 3pl. *ayujran*), то есть причастием пассивного аориста, если используется в пассивных конструкциях (‘запряженный’):

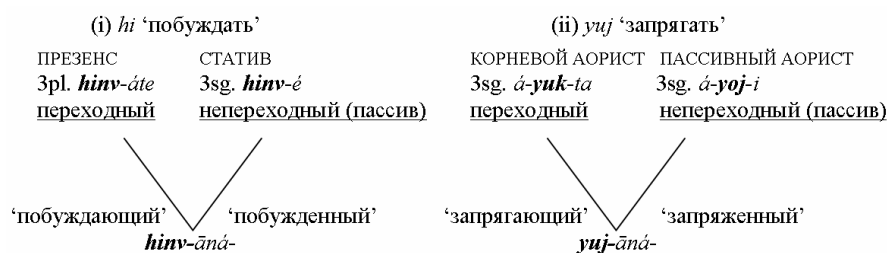

Схема 2. Медиальные презентные и аористные причастия vs. причастия статива и пассивного аориста

Ведийские грамматики традиционно не включают причастия в парадигмы статива и медиопассивного аориста, однако добавление пассивных *-āna*-причастий в эти парадигмы представляется весьма привлекательным дескриптивным решением, так как хорошо объясняет их аномальный синтаксис, кардинально отличающий их от личных форм тех же глаголов.

3.1.2. Медиальный перфект. Другую многочисленную группу нехарактеризованных медиальных форм, используемых в пассивных конструкциях, образуют **медиальные перфекты**.² Примечателен тот факт, что в языке Ригведы только медиальные формы 3sg. и 3pl. (с окончаниями *-e* и *-re*, соответственно) засвидетельствованы в пассивных конструкциях. С моей точки зрения, все такие формы должны анализироваться как стативы, образованные от основы перфекта, а не как члены собственно перфектной парадигмы. Например, форма *dadhé* (корень *dhā* 'ставить') должна анализироваться как 3sg. медиального перфекта, когда употребляется в значении 'поставил', как в примере (5a), и как 3sg. статива, когда употребляется в значении '(был) поставлен', как в (5b):

(5) a. (RV 9.18.4)

<i>yó</i>	<i>víśvāni</i>	<i>vāryā</i>
кто:NOM.SG.M	весь:ACC.PL.N	желанный:ACC.PL.N
<i>vāsūni</i>	<i>hāstayor</i>	<i>dadh-é</i>
добро:ACC.PL	рука:LOC.DU	ставить:PF-3SG.MED
'кто держит / установил все желанное добро в своих руках...'		

b. (RV 1.168.3)

<i>hāsteṣu</i>	<i>khādīś</i>	<i>ca</i>	<i>kṛtīś</i>	<i>ca</i>
рука:LOC.PL	пряжка:NOM.SG	и	меч:NOM.SG	и
<i>sām</i>	<i>dadh-é</i>			
вместе	ставить:STAT-3SG.MED			
'Пряжка и нож вложены в [ваши] руки.'				

Аналогичным образом, форма 3pl. *yuyujré* (корень *yuj* 'запрягать, соединять') является медиальным перфектом, когда встречается в переходных конструкциях (6a), и стативом в тех случаях, когда появляется в пассивных употреблениях, как в (6b):

² О ведийском перфекте см. Kümmel 2000.

(6) a. (RV 5.58.7)

vātān *h_iy* *áśvān* *dhur_iy*
 ветер:ACC.PL поскольку лошадь:ACC.PL дышло:LOC.SG

ā-yuyuj-ré

PREV-запрягать:PF-3PL.MED

‘Поскольку [маруты] запрягли ветры, как своих лошадей, к дышлу.’

b. (RV 1.168.3)

dhiyā *yuyuj-ra* *īndavaḥ*
 мысль:INS.SG запрягать:STAT-3PL.MED капля:НОМ.PL

‘Капли [Сомы] впряжены с религиозной мыслью.’

То же самое справедливо, *mutatis mutandis*, для медиальных причастий, образованных от перфектных основ и используемых в пассивных конструкциях. Такие формы должны включаться в парадигму статива, а не в парадигму медиального аориста, как в случае причастия *yuyujānā-* в составе сложного слова *yuyujānā-sapti-* ‘с запряженными лошадьми’:

(7) (RV 6.62.4)

tā *nāvyaso* *jāramāṇasya* *mānma*
 тот:НОМ.DU.M младший:GEN.SG.M восхвалитель:GEN.SG молитва:ACC.SG

ūpa bhūṣato *yuyuj-ānā-sapti*

к продвигать:PRES:3DU.ACT запрягать:STAT-PART-лошадь:НОМ.DU

‘Эти двое [Ашвинов], с запряженными лошадьми, продвигают молитву самого юного восхвалителя.’

В заключение этого краткого обсуждения пассивной парадигмы следует отметить, что суб-парадигма системы презенса также фактически является дефектной. В основном встречаются формы 3sg. и 3pl. настоящего времени, а также причастия. Наряду с формами настоящего времени, засвидетельствованы также редкие императивы (около 10 форм в РВ и АВ). Для прочих времен и наклонений найдены лишь единичные примеры, что делает суб-парадигму презенса гораздо более похожей на суб-парадигму аориста и перфекта.

Ранневедийская пассивная парадигма приведена в таблице 2. Различные типы затенения показывают статус соответствующих форм: темно-серый = форма отсутствует и морфологически невозможна; серый = морфологически возможна, но не засвидетельствована или встречается только в единичных случаях (не-

доразвитая часть парадигмы); светло-серый = морфологически возможна, но редка.

		презенс		аорист		перфект/статив	
		индикатив	императив	индикатив	инъюнктив	индикатив	импер.
sg	1	...	...				
	2	... , <i>yuyáse</i>	[<i>dhīyasva</i>]			[<i>śṛṇviṣe</i>]	
	3	<i>stīyāte, yuyāte</i>	[<i>dhīyātām</i>]	<i>āsāvi, āyoji</i>	... , <i>yoji</i>	<i>sunvé, yuyujé</i>	[<i>duhām</i>]
du	1	...	...				
	2	...	...				
	3	[<i>ucyete</i>]	...				
pl	1	[<i>-panyāmahe</i> (?)]	...				
	2	...	<i>yuyadhvam</i>				
	3	... , <i>yuyante</i>	[<i>badhyantām</i>]	... , <i>āyujan</i>	...	<i>sunvire, yuyujré</i>	
part.		<i>stīyāmāna-, yuyāmāna-</i>		<i>s^hvānā-, yujānā-</i>		<i>sunvānā-, yuyujānā-</i>	

Таблица 2: Пассивная парадигма в ранневедийском

Таким образом, пассивная парадигма почти исключительно состоит из характеризованных форм. Есть только единичные изолированные нехарактеризованные медиальные формы, засвидетельствованные в пассивных конструкциях³. Иными словами, медиальная флексия сама по себе не может рассматриваться как показатель пассивного залога.

3.2. Рефлексив

Рефлексив представляет собой еще один тип глагольной деривации, вызывающий уменьшение валентности (интранзитивизирующая деривация) и традиционно связываемый с медиальной флексией. Действительно, засвидетельствован ряд несомненных примеров рефлексивного употребления медиальных форм (см. Gonda 1979: 50), как в (8–9):

³ Сюда относятся, например, презенс IX класса *grñīte* ‘восхваляется’ и презенс I класса *stāvate* ‘восхваляется’ – оба, вероятно, образованные от основ стативов *stāve* (см. Narten 1968) и *grñe* ‘восхвален’ и представляющие собой пример «обратной деривации» (Rückbildungen). Несколько сигматических аористов (в основном формы 3pl.) – *ayukṣata* ‘(они) были запряжены’, *ādṛkṣata* ‘(они) были замечены, видны, (они) появились’, *āsṛkṣata* ‘(они) были освобождены’, – вероятно, заменяют в системе медиопассивных аористов 3pl. на *-ran/-ram*, которые исчезают после Ригведы.

- (8) (RV 2.33.9)
pipís-e *híraṇyaiḥ*
 украшать:PERF-3SG.MED золотое.украшение:INS.PL
 '[Рудра] украсил себя золотыми украшениями.'
- (9) (RV 1.36.16)
yó *mártyaḥ* *śísī-te* *áty aktúbhir*
 который:NOM.SG.M смертный:NOM.SG точить:PRES-3SG.MED ночью
 'Смертный, который точит себя к ночи...'
 (≈ кто слишком ловкий)

Таких примеров, однако, сравнительно немного. Во многих случаях использование термина «рефлексив» не вполне корректно. На самом деле, большинство примеров медиальных форм, которые традиционно рассматриваются как рефлексивы, скорее следует квалифицировать как антикаузативы, ср. *pūryate* 'наполняется' (а не 'наполняет себя'), *pávate* 'становится чистым' (а не 'очищает себя'), и т. д.

Кроме того, ряд неактивных непереходных глаголов, которые могут восходить к настоящим рефлексивам, обнаруживают идиоматические семантические сдвиги, ср. *śap* 'проклинать': *śápate* 'клянется' (← *'проклинает себя'); *śā* 'точить': *śísīte* 'является слишком ловким' (← *'точит себя').

Продуктивными показателями рефлексива являются два местоимения субстантивного происхождения: в раневедийском (в Ригведе и Атхарваведе) – *tanú-* (с исходным значением 'тело' (ср. (10))); в более поздних текстах, начиная с Атхарваеды – *ātmán-* ('дыхание, душа') – (ср. (11)); подробнее см. Kulikov 2007a):

- (10) (RV 1.147.2)
vandārus *te* *tanuvām*
 восхвалитель:NOM.SG твой REF:ACC.SG
vande *agne*
 восхвалять:PRES:1SG.MED Агни:VOC.SG
 '[Как] твой восхвалитель, я восхваляю себя, о Агни.'
- (11) (Майтраяни-Самхита 1.6.4:93.3)
híraṇyaṃ *dadāty* *ātmānam*
 золото:ACC.SG дать:PRES:3SG.ACT REF:ACC.SG
evá *téna* *punīte*
 тот:INS.SG.M очищать:PRES:3SG.MED
 'Он дает золото; таким образом, он очищает себя.'

3.3. Реципрок

Как и в случае пассива и рефлексива, регулярные показатели реципрока включают несколько морфем, которые обычно (но не всегда) сосуществуют с медиальным типом флексии (подробнее см. Kulikov 2007b): провербы *sám* ‘вместе’ и *ví* ‘на части’, наречие *mithás* ‘взаимно’ и реципрокальное местоимение *anub-* (*a*)*nyá-* (букв. ‘другой-другого’). Ср. (12), где засвидетельствованы два показателя из этого перечня:

- (12) (AV 3.30.4)
<i>yéna</i>	<i>devā</i>	<i>ná</i>	<i>vi-y-ánti</i>	<i>ná</i> ∪ <i>u ca</i>
который:INS.SG.M/N	бог:NOM.PL	не	vi-идти:PRES-3PL.АКТ	не и
<i>vi-dviṣ-áte</i>	<i>mitháh</i>	<i>tát</i>		
vi-ненавидеть:PRES-3PL.MED	взаимно	тот:ACC.SG.N		
<i>kṛṇ-mo</i>	<i>bráhma</i>	<i>vo</i>	<i>grhé</i>	
делать:PRES-1PL.АКТ	заклинание:ACC.SG	ваш	дом:LOC.SG	
- ‘Мы выполняем в вашем доме то заклинание, на основании которого боги не расстанутся и не ненавидят друг друга (взаимно).’

Реципрокальное наречие *mithás* ‘взаимно’ особенно типично в функции показателя реципрока в языке Ригведы, ср. *pū* ‘очищать’ – *punāné mitháh* (RV 4.56.6) ‘очищающие друг друга [земля и небо]’; *hi* ‘побуждать, понукать’ – *mithó hinváná-* (RV 10.65.2) ‘побуждая друг друга’; *tī* (*tūr*) ‘превосходить’ – *mithas-tūr-* (напр., RV 6.49.3 *mithas-tūr* ‘(день и ночь), превосходящие друг друга’). Аналитические конструкции с *anub-* (*a*)*nyá-* становятся продуктивными в средневедийский период.

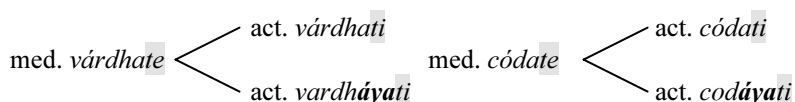
3.4. Антикаузатив

Категория каузатива (оппозиция каузатив/антикаузатив) – это единственная валентная деривация, которая, в отличие от пассива, рефлексива и реципрока, регулярно выражается оппозицией активной медиальной флексии, – по крайней мере, в ранневедийском, как, например, в глагольных парах мед. *várdhate* ‘растет’ ~ акт. *várdhati* ‘растит, увеличивает’ или мед. *rējate* ‘дрожит’ ~ *rējati* ‘заставляет дрожать’.

Однако в большинстве случаев медиальный тип флексии – не единственный показатель антикаузатива. Часто оппозиции по типу флексии (актив/медий) сопутствует оппозиция по типу основы, что, в конечном счете, ослабляет функциональный

«вес» медиа как показателя антикаузатива. Например, переходно-каузативные презенсы с носовыми аффиксами и активной флексией часто противопоставлены тематическим корневым презенсам с медиальными окончаниями (= презенсы I класса в традиционной классификации) или презенсам IV класса с суффиксом *-ya-*, ср. *pávate* ‘становится чистым’ ~ *punāti* ‘очищает’; *rīyate* ‘течет, бурлит’ ~ *riṇāti* ‘заставляет течь, заставляет бурлить’.

Более того, уже в ранневедийском бинарные оппозиции типа мед. *vārdhate* ~ акт. *vārdhati*, мед. *códate* ‘устремляется, спешит’ ~ акт. *códati* ‘торопит, понукает, побуждает’ часто осложняются третьим участником оппозиции – морфологически более характеризованным каузативом с суффиксом *-áya-*: *vardháyati*, *codáyati*, как показано на схеме ниже:

В более поздних текстах каузативное значение все более регулярно выражается суффиксом *-áya-*, что, очевидно, еще более уменьшает функциональную нагрузку оппозиции актив/медий. Иными словами, индоарийский языковой тип переходит в категорию каузатив-маркирующих языков.

3.5. Единственная функциональная сфера, которая ассоциируется исключительно с медиальными формами, – это группа значений, которые можно было бы назвать автобенефактивными. **Автобенефактив** был одной из главных функций ведийского (и, шире, общеиндоевропейского) медиального залога, ср. пример (13):

- (13) a. *brāhmaṇo* (*rājñe*) *prayājam*
 жрец:NOM.SG (царь:DAT.SG) праяджа:ACC.SG
yaja-ti
 совершать.жертвопринош.:PRES-3SG.ACT
 ‘Жрец совершает праяджу (= предварительное жертвоприношение) (для царя).’
- b. *brāhmaṇaḥ* *prayājam* *yaja-te*
 жрец:NOM.SG праяджа:ACC.SG совершать.жертвопринош.:PRES-3SG.MED
 ‘Жрец совершает праяджу (для самого себя).’

4. Развитие новых валентных дериваций

Упадок медиа в целом происходит параллельно с развитием новых валентных дериваций – в первую очередь, в системе презенса.

4.1. Каузативы

Каузативы с суффиксом *-āya-* резко повышают свою продуктивность уже в древнейший период истории ДИА. В ранневедийском (и, вероятно, в праиндоевропейском) они могли быть образованы только от непереходных и непереходно-переходных (intransitive/transitive, сокращенно I/T, в терминологии Jamison 1983) глаголов восприятия и ингестивных глаголов (*dr̥ś* ‘видеть’, *vid* ‘знать’, *pā* ‘пить’). В средневедийском (т. е. в языке ведийской прозы, в брахманах) мы находим первые примеры каузативов, образованных от I/T глаголов, таких как *kṛ* ‘делать’ – *kārāyati* (Br.+) ‘заставлять делать’, *vac* ‘говорить’ – *vācāyati* (YV^p+) ‘заставлять говорить’, *hr̥* ‘брать, нести’ – *hārāyati* (YV^p+) ‘заставлять брать, заставляя нести’. Наконец, в поздневедийском и после-ведийском санскрите (в сутрах, в эпосе) мы находим первые примеры гиперхарактеризованных каузативов – с двойным показателем *-āpayā-*: *aś* ‘есть’ – *aśāpayati* (в Манава-грихьясутре) (~ ср. «простой» каузатив *āśayati* (Br.), *kṣal* ‘мыть’ – опт. *kṣālāpayīta* (в сутрах) (~«простой» каузатив *kṣālayati* (Br.+)). Эти морфологические новообразования соответствуют двойным каузативам средне- и новоиндоарийских языков.

4.2. Пассивы

Для презентных пассивов с суффиксом *-uá-* также отмечен быстрый рост продуктивности. В ранневедийском эти образования засвидетельствованы приблизительно от 40 глаголов, причем только от непроезводных транзитивов. В средневедийском (поздние мантры Яджурведы, проза самхит и брахманы) мы находим первые примеры *-uá-*пассивов, образованных от вторичных (производных) основ – от дезидеративов и каузативов непереходных глаголов. Наконец, в поздневедийском и после-ведийском (начиная с шраута-сутр) появляются первые примеры пассивов, образованных от каузативов переходных глаголов: кауз. *dhāpāyati* ‘заставляет класть, заставляя ставить’ – *nī-dhāpyatāna-* (Вайтана-сутра), кауз. *pāyāyati* ‘заставляет пить’ – *-pāyūyatāna-* (Апастамба-шраутасутра).

Подводя итог, можно констатировать существование двух параллельных тенденций в истории древнеиндоарийского языка. Утрата медиумом многих исходных (главным образом интранзитивизирующих) функций и лексикализация многих медиальных форм предполагает, что оппозиция по диатезе, хотя и сохранялась физически в составе глагольной парадигмы, теряет значительную часть своего функционального содержания и тем самым **деграмматизируется**. Этот процесс идет параллельно с ростом продуктивности ряда новых категорий – *-āya*-каузативов, *-uá*-пассивов, рефлексивов с *ātmán*- и реципрокальных конструкций с *anyá-(a)nyá*-.

5. Упадок лабильного синтаксиса

Третья важная тенденция, которая определяет развитие ДИА глагольного синтаксиса, – это упадок лабильности. Термин ‘лабильный’ относится к глаголам или глагольным формам, которые допускают изменение синтаксической конструкции без формального изменения в глаголе, как в случае англ. *The door opened* ~ *John opened the door* или вед. *rudrā ṛtasya sādaneṣu vāvṛdhuḥ* ‘Рудры **выросли** в обителях истины’ ~ *īndram ukthāni vāvṛdhuḥ* ‘Гимны **усилили** Индру’. Древние индоевропейские языки нередко приводятся в качестве примера языков с высоким уровнем лабильности: в индоевропеистике широко распространено мнение, что такие языки, как ранневедийский или древнегреческий имели значительное количество лабильных глаголов. Как один из самых интригующих и необъяснимых признаков древнеиндоарийского глагола, это явление послужило причиной ряда весьма пессимистичных высказываний некоторых индоевропеистов, – например, Виктора Анри в его рецензии на индоевропейский компендий Карла Бругманна:

“Que signifiait donc [la forme proto-indo-européenne] **e-liq-ê-s*? Était-ce ‘tu laissas’ ou ‘tu restas’? Si l’un des deux, comment est-il devenu l’autre? Si tous les deux, il faut convenir que nos ancêtres manquaient de clarté” (Henry 1893: 121)

Почти столетия спустя Г. Хирт в своей классической индоевропейской грамматике (во II части тома VII – *Синтаксис*), выразился менее эмоционально, но едва ли оптимистичнее:

“Bei den Sätzen mit Verben muß man <...> unterscheiden, ob das Verb allein steht oder noch eine Ergänzung, ein Objekt, fordert, ob

es nach der gewöhnlichen Ausdrucksweise intransitiv oder transitiv ist. <...> Nun ist aber die Unterscheidung nicht so wesentlich, da intransitive Verben transitiv und transitive intransitiv werden können. Wäre sie von großer Bedeutung, so würden wir wohl eine Verschiedenheit der Form zwischen den beiden Kategorien antreffen” (Hirt 1937: 28)

С моей точки зрения, продуктивность лабильного типа в ведийском и ряде других древних индоевропейских языков сильно преувеличена. К сожалению, до сих пор не существует детального описания явления лабильности в древних индоевропейских языках в целом и ведийском – в частности. В рамках данной статьи, разумеется, невозможно представить полный инвентарь лабильных форм, засвидетельствованных в ведийских текстах. Я ограничусь перечислением тех морфологических образований и участков глагольной парадигмы, для которых лабильный синтаксис был особенно распространен, и приведу аргументы, свидетельствующие о вторичном характере лабильности в большинстве таких случаев (подробнее см. Kulikov 2003, 2014).

5.1. Лабильность медиальных презентных формы

Во-первых, для ряда медиальных форм системы настоящего времени лабильный синтаксис возникает в связи с полифункциональностью медиального залога. Медиальная флексия может выражать либо автобенефактивное значение, т. е. значение выполнения действия в интересах референта подлежащего (self-beneficent), что обычно не предполагает изменения валентности (ср. хрестоматийный пример акт. *yájati* ‘совершает жертвоприношение’ ~ мед. *yájate* ‘совершает жертвоприношение для себя’, как в примере (13)), либо иметь какую-либо интразитивизирующую (чаще всего антикаузативную, или декаузативную) функцию. Соответственно, в тех случаях, когда медиальная диатеза может иметь обе функции, такая форма может встретиться либо в переходной конструкции (с автобенефактивным значением), либо в непереходной конструкции, в результате чего мы имеем дело с лабильным синтаксисом, как в случае глаголов *svádate* ‘делает сладким / сладок’; *códate* ‘побуждает / мчится, спешит’, *námate* ‘наклоняет / наклоняется’, *bhárate* ‘приносит (для себя) / направляется’, *váhate* ‘везет, несет / едет’, *śráyate* ‘кладет, опирает (на что-л.) / опирается (на что-л.)’. Ср. (14–15):

(14) a. (RV 9.74.9)

sváda-sva ⁴*índrāya*

быть/делать.сладким:PRES-2SG.IMPV.MED Индра:DAT.SG

pavamāna pītāye

П.:VOC.SG пить:INF

‘Будь сладок для Индры, о Павамана (= сок Сомы), для питья.’

b. (RV 3.54.22)

*sváda-sva**havyā*

быть/делать.сладким:PRES-2SG.IMPV.MED возлияние:ACC.PL

‘Сделай возлияния сладкими [для себя].’

(15) a. (RV 1.104.7)

*vṛṣā**coda-sva*

бык:NOM.SG устремиться:PRES-2SG.IMPV.MED

*mahaté**dhānāya*

большой:DAT.SG добыча:DAT.SG

‘Устремись [как] бык за большой добычей!’

b. (RV 8.75.6)

*vṛṣṇe**coda-sva**su-ṣtutīm*

бык:DAT.SG посылать:PRES-2SG.IMPV.MED хороший-хвала:ACC.SG

‘Пошли свою прекрасную похвалу быку.’

Лабильный синтаксис засвидетельствован также для презенсов с носовыми аффиксами (то есть суффиксами *-nó-/ni-*, *-nā-/nī-* и с инфиксом *-ná-/n-* (= классы V, IX и VII в традиционной классификации), особенно для их тематических вариантов (см. Куликов 1995). Ср. лабильный тематический медиальный презенс *prṇāte* ‘наполняет; наполняется’:

(16) a. (RV 3.33.12)

*ā**vakṣāṇāḥ**prṇā-dhvam*

PREV вымя:ACC.PL наполнить:PRES-2PL.IMPV.MED

‘Наполните ваше вымя, (о реки).’

b. (RV 7.37.1)

*sāvaneṣu**sómair ...**prṇā-dhvam*

выжимание:LOC.PL Сома:INS.PL наполнить:PRES-2PL.IMPV.MED

‘При выжиманиях [Сомы] наполнитесь [соками] Сомы.’

⁴ Символ $\cup$ показывает, что эффекты сандхи сняты.

5.2. Глаголы в конструкциях с *content accusatives*: *mun púṣyati* ‘процветает’ / ‘приводит к процветанию’

Другой тип лабильности в ведийском и индоевропейском представлен глаголами типа *púṣyati*, который может использоваться и в непереходных конструкциях (в значении ‘процветает’) и в переходно-каузативных употреблениях (в значении ‘приводит к процветанию’), как в примерах (17a-b):

(17) а. (RV 7.32.9)

tarāṇir *īj* *jayati* *kṣéti* ***púṣya-ti***
 быстрый:NOM.SG только побеждает живет процветать:PRES-3SG.ACT
 ‘Только тот, кто быстр, побеждает, живет (в мире),
процветает.’

б. (RV 8.39.7)

sá *mudā́* *kā́vyā*
 тот: NOM.SG.M радость:INS.SG поэтическое.вдохновение:ACC.PL
purí *víśvam* *bhū́ma* *iva* ***púṣya-ti***
 многие всё:ACC земля:NOM.SG как процветать:PRES-3SG.ACT
 ‘[Своей] радостью он (= Агни) [приводит к процветанию] мно-
 гие поэтические вдохновения, как земля **приводит** всё **к**
процветанию.’

В другой работе (Kulikov 1999a) я показал, что только непереходные конструкции, как в (17a), представляют собой базисный тип употребления для этого глагола. Подавляющее большинство случаев употребления с винительным падежом на самом деле относится либо к (I) конструкциям с «этимологическим» винительным (*púṣtī*- ‘процветание’, *púṣa*- ‘процветающая вещь’), либо к (II) конструкциям с аккузативом внутреннего объекта (*content accusative*, *Inhaltsakkusativ*), которые отсылают к определенным аспектам, параметру (параметрам), или сфере действия данного глагола (*процветать славой*, *процветать богатством* и т. д.); ср. (18–20):

(18) (RV 6.2.1)

tvám ... *śrávo* *váso* ***púṣtīm***
 ты:NOM слава:ACC.SG Вась:VOC.SG процветание:ACC.SG
ná ***púṣya-si***
 как процветать:PRES-2SG.ACT
 ‘Ты, о Вась, **процветаешь славой** [т. е. Ты славен], как
 [процветают] **процветанием.**’

- (19) (RV 7.56.5)
sá víṭ su-vīrā
 тот:NOM.SG.F племя:NOM.SG хороший-муж:NOM. SG.F
marúdbhir as-tu
 Марут:INS.PL быть:PRES-3SG.IMPV.ACT
púṣya-nt-ī nṛmṛám
 процветать:PRES-PART.ACT-NOM.SG.F мужественность:ACC.SG
 ‘Пусть это племя будет полным доблестных сыновей с [помощью]
 Марутов, ... **процветающим мужественностью.**’
- (20) (RV 1.81.9)
eté ta indra jantávo
 этот:NOM.PL.M твой Индра:VOC. SG. люди:NOM.PL
viśvam puṣya-nti vāryam
 всё:ACC процветать:PRES-3PL.ACT желанный:ACC.SG.N
 ‘Эти твои люди, О Индра, **процветают всеми желанными**
[богатствами].’⁵

Редкие переходно-каузативные употребления, как в примере (17b), скорее всего, являются результатом реинтерпретации конструкций с content accusative, в соответствии со следующим семантическим сценарием: *bhūma viśvam puṣyati* ‘земля процветает во всем [что существует на ней]’ → ‘земля заставляет процветать все [то, что существует на ней]’.

5.3. Медиальные атематические причастия и медиальные перфекты

Лабильный синтаксис также характерен для медиальных атематических причастий с суффиксом *-āna-*. Однако, как я показал в начале этой работы, лабильный синтаксис таких форм, как *hinvāná-* ‘побуждающий; побужденный’ или *uyjāná-* ‘запрягающий; запряженный’ является прямым следствием их морфологической (грамматической) неоднозначности. Переходные употребления *hinvāná-* принадлежат парадигме презенса, в то время как ее непереходно-пассивные употребления относятся к парадигме перфекта/статива. Аналогичным образом, *uyjāná-* является медиальным причастием корневого аориста в

⁵ Такие конструкции с content accusative ошибочно переводятся некоторыми санскритологами как переходно-каузативные, – например, у Гельднера – в примере (20): ‘Diese Leute hier **bringen** für dich, Indra, allen begehrenswerten (Besitz) **zur Blüte.**’ (Geldner 1951: I, 105).

переходных употреблений и причастием медиопассивного аориста в непереходно-пассивных употреблении.

То же справедливо для лабильных форм Зего лица ед. и мн.ч. медиального перфекта, а также для соответствующих медиальных перфектных причастий. Переходные формы, такие как *dadhé* ('поставил') (корень *dhā* 'ставить, класть') или *uyujré* ('запрягли'), следует рассматривать как формы Зего лица ед. и мн.ч. медиального перфекта, как в (5–6a), в то время как пассивные формы ('(был) поставлен'; '(были) запряжены', ср. (5–6b)) относятся к парадигме статива (образованного в данном случае от основы перфекта).

5.4. Активные перфекты

Более аутентичный характер носит лабильный синтаксис активных перфектов. Типичным примером является перфект глагола *vṛdh* 'расти, возрасть'⁶. И активные, и медиальные формы этого глагола могут употребляться либо в непереходных, либо в переходных конструкциях. Например, активная форма 3-го лица множественного числа *vāvṛdhūḥ* встречается в Ригведе 6 раз в непереходных употреблении (как в (21a)) и 14 раз в переходно-каузативных употреблении (как в (21b)) (подробнее см. Kümmel 2000: 469ff.):

(21) a. (RV 2.34.13)

<i>rudrā</i>	<i>ṛtāsyā</i>	<i>sādaneṣu</i>	<i>vāvṛdh-uḥ</i>
Рудра:NOM.PL	истина:GEN.SG	обитель:LOC.PL	расти:PF-3PL.ACT
'Рудры выросли в обителях истины.'			

b. (RV 8.6.35)

<i>īndram</i>	<i>ukthāni</i>	<i>vāvṛdh-uḥ</i>
Индра:ACC.SG	гимн:NOM.PL	растить:PF-3PL.ACT
'Гимны усилили Индру.'		

После Ригведы наблюдается упадок лабильного типа. Уже во втором по древности ведийском тексте, Атхарваведе, мы находим очень немного лабильных форм. Большинство актив-

⁶ Лабильный синтаксис ранневедийского перфекта (особенно типичный для языка Ригведы) может обуславливаться преобладающей непереходностью праиндоевропейского перфекта, следы которой еще можно найти в ранневедийском и гомеровском греческом; подробнее см. Kulikov 1999b, 2006, 2014.

ных перфектов, для которых в Ригведе засвидетельствован лабильный синтаксис, встречаются либо только в непереходных употреблениях (ср. (*ā*) *vāvārta*, засвидетельствованное в Ригведе и в непереходных, и в переходных конструкциях – ‘повернулся / повернул’, в отличие от Атхарваведы, где форма *-vāvarta* встречается только в непереходной конструкции – ‘повернулся’; см. Kümmel 2000: 462ff.), или только в переходных употреблениях (ср. RV *tamāda* ‘возрадовался, пришел в опьянение / привел в опьянение’ vs. AV 7.14.4 3sg.subj.act. *tamādat* ‘пусть он опьяняет [его]’; см. Kümmel 2000: 356ff.), или не встречаются вовсе (как в случае с перфектами *vāvṛdhūh* ‘выросли / увеличили’, *rurucīh* ‘воссияли / заставили сиять’).

6. Заключительные замечания: индоарийский в индоевропейском типологическом контексте

Подводя итог, отметим три главных тенденции в развитии индоарийского синтаксиса, которые частично связаны друг с другом, но не полностью определяют друг друга. Упадок лабильного типа в основном наблюдается параллельно с двумя другими процессами: (i) рост и развитие новых валентных дериваций, каузативов с суффиксом *-āya-* (см. Jamison 1983) и пассивов с суффиксом *-uá-* (см. Kulikov 2012), что приводит язык к более эксплицитному морфологическому маркированию оппозиций по транзитивности; и (ii) деграмматикализация среднего залога (медия), которая сводится к передаче большинства функций (пра-)индоевропейского медиа специализированным показателям.

Важно отметить, что эти тенденции не являются общими с большинством других ветвей индоевропейской семьи. Здесь будет уместно рассмотреть ситуацию в индоевропейском в диахронической типологической перспективе. С одной стороны, некоторые группы индоевропейской семьи, в число которых входит большинство германских, романских и славянских языков, заменяют старый синкретический показатель медиа (т. е. медиальную флексию) новым, восходящим главным образом к праиндоевропейской (квази)рефлексивной форме **s(u)e-* (к эволюции индоевропейского рефлексива см., например, Sennato 1993). Кроме того, в ряде романских и германских языков наблюдаются появление и экспансия лабильного типа (особенно распространенного и продуктивного в английском); развитие

лабильных глаголов хорошо засвидетельствовано также в истории греческого языка. Кроме того, праиндоевропейский каузативный суффикс **-eie/o-*, еще хорошо представленный в готском (глаголы с суффиксом *-jan*) и старославянском (каузативы на *i-*), оставил лишь немногочисленные следы в современных германских и славянских языках (см., в частности, Gołab 1968, García García 2005). Этот тип развития, хорошо засвидетельствованный в **западной** части индоевропейской ареала, можно было бы назвать «**синкретическим**».

С другой стороны, ряд языков, – главным образом, относящихся к некоторым **восточным** группам индоевропейской семьи, – полностью отказываются от синкретической стратегии и развивают специальные показатели для нескольких интранзитивизирующих дериваций. Сюда относятся, в частности, индоарийский и армянский показатели морфологического пассива, восходящие к праиндоевропейскому суффиксу **-ie/o-*; индоиранское рефлексивное местоимение *tanū́*- (первоначальное значение – ‘тело’) и индоарийское *ātmán*- (← ‘дыхание’); индоиранские реципрокальные местоимения. Кроме того, морфологические каузативы стали весьма продуктивными в некоторых восточных группах – в частности, в армянском (каузативный показатель *-uc'anet*, основанный на назальном презенсе, образованном от сигматического аориста; см. Kortlandt 1999) и индоиранском (продуктивные морфологические каузативные суффиксы *-āya-*, *-aiia-*, восходящие к и.-е. **-eie/o-*).

Помимо этого, интересной морфологической особенностью (изоглоссой), общей для нескольких **восточных** групп индоевропейских языков несинкретического типа, индоарийской, иранской и армянской, является параллельное развитие нового несинкретического пассива и продуктивного, морфологического каузатива. Праиндоевропейский медиальный залог деграмматизируется и в конечном счете исчезает. Лабильный синтаксис, хотя и засвидетельствованный в некоторых древних языках восточной части индоевропейского ареала, исчезает в ходе их истории. Этот тип развития можно назвать «**антисинкретическим**».

Таким образом, мы наблюдаем в истории индоевропейских языков два основных типа развития, или, иначе говоря, два эволюционных типа, характеризующих развитие оппозиций по транзитивности и системы валентных дериваций: (i) синкретический тип, встречающийся во многих западных группах, и

(ii) антисинкретический тип, засвидетельствованный, по крайней мере, в некоторых группах восточной части индоевропейского ареала, – в частности, в индоарийском.

С типологической точки зрения, восточный тип, в том виде как он засвидетельствован в индоарийском, обнаруживает больше общих черт с некоторыми неиндоевропейскими языками, такими как тюркская или, шире, алтайская семья в целом, нежели с типом, засвидетельствованным на западе индоевропейского ареала, в германском или в греческом. Как и в индоарийском, в тюркском есть продуктивные морфологические валентные деривации, такие как каузатив или реципрок; есть также некоторые основания предполагать наличие в ранние периоды лабильного типа (см., напр., Севортян 1958), а также медиального залога, как показано в Таблице 3.

	медиальный залог	морфологические валентные деривации	лабильность
восточно-кавказский	0	+(+)	+(+)
картвельский	+	+	0
египетский/коптский	+	+(+)	0
германский	++ (новый)	–	++
романский	++ (новый)	–	+(+)
славянский	++ (новый)	–	0
греческий	+	(+)/–	++
индоарийский	–	++	–
тюркский	0/–	+(+)	0/–

0 отсутствует

+ присутствует

++ возрастает (по продуктивности, частоте и т. д.)

– исчезает

Таблица 3. Залоговые категории и оппозиции по переходности: диахроническо-типологические особенности некоторых языковых семей

Для западного типа мы не находим таких четких параллелей за пределами индоевропейской семьи, как для восточного типа, хотя, вероятно, можем говорить о некотором сходстве с такими семьями, как, например, картвельская или египетская.

Происхождение этих особенностей и антисинкретического эволюционного типа в целом, хорошим примером которого является индоарийский, является отдельной и весьма сложной проблемой. Возможно, одной из причин было влияние агглютинативных субстратных и/или адстратных языков алтайского или дравидского типа. Влияние этих языков могло послужить

также причиной развития ряда других особенностей индоарийских языков – в частности, причиной кардинальной перестройки индоевропейской падежной системы, утраты многих общеевропейских падежей и появления новых, агглютинативных, падежных систем.

Литература

- Куликов 1995 – Куликов Л. И. Ведийские каузативные презенсы с носовыми аффиксами и их тематические варианты // Стхапакш-раддха: Сб. статей памяти Г. А. Зографа / ред. Я. В. Васильков и Н. В. Гуров. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. С. 94–115.
- Севортян 1958 – Севортян Э. В. Об историческом положении категорий переходности и непереходности в тюркских языках. Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 39–51.
- Cennamo 1993 – Cennamo M. The reanalysis of reflexives: a diachronic perspective. Napoli: Liguori, 1993.
- Delbrück 1888 – Delbrück B. Altindische Syntax. Halle a. S.: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.
- García García 2005 – García García L. Germanische Kausativbildung: Die deverbalen jan-Verben im Gotischen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005 (= Historische Sprachforschung; Ergänzungsheft 45).
- Geldner 1951 – Geldner K. F. Der Rig-veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt... Bd. 1–3. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951.
- Gołąb 1968 – Gołąb Z. The grammar of Slavic causatives // Henry Kučera (ed.). American Contributions to the 6th International Congress of Slavists. Vol. I: Linguistic Contributions. The Hague: Mouton, 1968. P. 71–95.
- Gonda 1979 – Gonda J. The medium in the R̥gveda. Leiden: Brill, 1979.
- Gotō 1997 – Gotō T. Überlegungen zum urindogermanischen «Stativ» // E. Crespo & J. L. García Ramón (eds.). Berthold Delbrück y la sintaxis indoeuropea hoy. Actas del Coloquio de la Indogermanische Gesellschaft. Madrid: UAM; Wiesbaden: Reichert, 1997. S. 165–192.
- Jamison 1983 – Jamison S. W. Function and form in the -āya-formations of the Rig Veda and Atharva Veda. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1983.
- Kortlandt 1999 – Kortlandt F. H. H. The Armenian causative. Annual of Armenian Linguistics. 1999. Vol. 20. P. 47–49.
- Kulikov 1999a – Kulikov L. May he prosper in offspring and wealth: A few jubilee remarks on the typology of labile verbs and Sanskrit *pūṣyati* 'prosper; makes prosper' // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / ред. Е. В. Рахилина и Я. Г. Тестелец. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 224–244.
- Kulikov 1999b – Kulikov L. Split causativity: remarks on correlations between transitivity, aspect, and tense // W. Abraham & L. Kulikov (eds.). Tense-aspect, transitivity and causativity. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam: Benjamins, 1999. P. 21–42.

- Kulikov 2003 – Kulikov L. The labile syntactic type in a diachronic perspective: The case of Vedic. *SKY Journal of Linguistics*. 2003. Vol. 16. P. 93–112.
- Kulikov 2006 – Kulikov L. Passive and middle in Indo-European: Reconstructing the early Vedic passive paradigm // W. Abraham & L. Leisiö (eds.). *Passivization and typology: form and function*. Amsterdam: Benjamins, 2006. P. 62–81.
- Kulikov 007a – Kulikov L. The reflexive pronouns in Vedic: A diachronic and typological perspective. *Lingua* 117 (8). 2007. P. 1412–1433.
- Kulikov 2007b – Kulikov L. Reciprocal constructions in Vedic // V. P. Nedjalkov et al. (eds.). *Reciprocal constructions*. Vol. 2. Amsterdam: Benjamins, 2007. P. 709–738.
- Kulikov 2012 – Kulikov L. The Vedic *-ya*-presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan. Amsterdam: Rodopi, 2012 (= *Leiden Studies in Indo-European*; 19).
- Kulikov 2014 – Kulikov L. The decline of labile syntax in Old Indo-Aryan: A diachronic typological perspective. *Linguistics*. 2014. Vol. 52/4 (sp. issue: Typology of labile verbs: Focus on diachrony). P. 1139–1165.
- Kümmel 1996 – Kümmel M. *Stativ und Passivaorist im Indoiranischen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996 (= HS; *Ergänzungsheft* 39).
- Kümmel 1996 – Kümmel M. *Das Perfekt im Indoiranischen*. Wiesbaden: Reichert, 2000.
- Macdonell 1910 – Macdonell A. A. *Vedic grammar*. Strassburg: Trübner, 1910.
- Narten 1968 – Narten J. Zum “proterodynamischen” Wurzelpresens // J. C. Heesterman et al. (eds.). *Pratidānam: Indian, Iranian, and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper on his sixtieth birthday*. The Hague: Mouton, 1968. S. 9–19. (= J. Narten. *Kleine Schriften*, I. S. 97–107. Wiesbaden: Reichert, 1995).
- Whitney 1885 – Whitney W. D. *The roots, verb-forms, and primary derivatives of the Sanskrit language*. Leipzig: Breitkopf and Härtel, 1885.
- Witzel 1995 – Witzel M. Early Indian history: linguistic and textual parameters // G. Erdosy (ed.). *Language, material culture and ethnicity. The Indo-Aryans of ancient South Asia*. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. P. 85–125.

L. I. Kulikov. Voices and valency-changing categories in Indo-Aryan and Proto-Indo-European: A diachronic typological portrait of the Vedic verbal system

The present paper concentrates on the analysis of transitivity oppositions and valency-changing categories in Indo-Aryan and Indo-European in a diachronic typological perspective. Such analysis of the reflexes of the transitivity markers and oppositions reconstructed for Proto-Indo-European uncovers a few basic types of development attested in daughter languages. On the one hand, several groups, including most Germanic, Romance and Slavic languages, replace the old syncretic marker of the valency-reducing categories, the middle type of inflexion, with a new

middle morpheme, mostly going back to the Proto-Indo-European (quasi-)reflexive form **s(u)e-*. A number of Romance and Germanic languages attest the emergence and expansion of labile syntax (cf. English *open, change, break*); the expansion of labile verbs is also attested in Greek. The Proto-Indo-European causative morpheme **-eie-*, still well-preserved in Gothic *jan*-verbs and Old Church Slavonic *i*-causatives, has left only few traces in modern Germanic and Slavonic languages. This type of evolution, well-attested in the **Western** part of the Indo-European area, might be called '**syncretic**'.

On the other hand, some other daughter languages – in particular, a number of **Eastern** branches of Indo-European – radically abandon the syncretic strategy and develop special markers for several intransitive derivations. These include, in particular, Indo-Aryan and Armenian markers of morphological passive going back to the Proto-Indo-European suffix **-ie/o-*; Old Indo-Aryan reflexive pronouns *tanū-* (originally meaning 'body') and *ātmān-* ('breath'); Indo-Iranian reciprocal pronouns. Furthermore, morphological causatives become productive in some Eastern branches, in Armenian and Indo-Iranian. These processes go parallel with the degrammaticalization of the Proto-Indo-European middle, which, albeit physically preserved in the paradigm, loses most of its grammatical intransitivizing functions. This diachronic type can be labeled '**antisyncretic**'.

Keywords: diachronic typology, transitivity, Indo-European, Indo-Aryan, middle voice, passive voice, causative.

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ АРИЙСКИЙ. К проблеме генеалогической классификации

В работе приводятся фонетические доводы в пользу того, что переднеазиатский арийский не был индоарийским языком, а принадлежал к отдельной ветви арийского/индоиранского.

Ключевые слова: арийские языки, переднеазиатский арийский, индоиранский, индоарийский.

Переднеазиатским арийским принято называть язык пришлых основателей правящей династии хурритского государства Митанни, существовавшего примерно с середины XVI по середину XIII в. в Верхней Месопотамии, дошедший до нас в виде отдельных слов и личных имен в клинописных текстах, прежде всего аккадо- и хеттоязычных (см. подробно Mayrhofer 1966; Idem 1974; Kammenhuber 1968; Гиндин 1972; Огибенин 2013, и другие работы). Название государства Митанни/Маитанне (*Ma-i-ta-ni/e* и прочие варианты записи, от основы *Maita* с хурритским суффиксом *-ne*) О. Н. Трубачев убедительно отождествил с этнонимом «меоты» – *Maītai*¹/*Maīōtai*²/*Maīḥtai*³, обозначавшим жителей Восточного Приазовья (Трубачев 1999: 44; 173). Правда, Трубачев безосновательно возводил его к индоевропейскому **māiā* ‘мать’, постулировавшемуся им на основании греческого *μαῖα* ‘матушка; мамка-кормилица; повитуха’ и считал производным «типа **maj-at-*, **maj-it-* с приблизительным значением ‘материнский’, полагая, что в этнониме отразился местный культ богини-матери (Трубачев 1999: 26–28), а меоты были индоариями. Приводимые им индоарийские параллели (второй элемент новоиндийского *Maha-Mai* ‘Великая Мать’ и *Māyā*, имя матери Будды) на деле таковыми не явля-

¹ Вариант, представленный в эпиграфике: см. КБН 10, 25, 40, 180, 971, 972, 1015, 1039. В этот список не включены надписи 8, 9, 11, 39, 1040, где интересующий нас этноним надежно восстанавливается по стандартной титулатуре (за исключением надписи 9, где формула не вполне обычна).

² Вариант, наиболее распространенный в древнегреческой литературе.

³ Ионийский вариант, встречающийся у Геродота (IV 123).

ются, представляя собой соответственно новоиндийскую и пра-критскую формы древнеиндийского *mātár-* ‘мать’. Упоминаемое как еще одна параллель древнеиндийское *māyā-* ‘волшебная сила’ (Трубачев 1999: 253) тем более не имеет отношения к словам со значением ‘мать’, хотя на народно-этимологическом уровне его и связывают с именем матери Будды. Скорее этноним «меоты» сопоставим с авестийским *maēti/θ-/mit/θ* ‘пребывать, проживать’ (анализ этого корня Э. Пираром см. в Kellens 1995: 84–85, п. 6; ср. также Pokorny 1959: 715). При такой этимологии он означал бы что-то вроде ‘(коренные) жители’. Отождествление меотов с митаннийцами позволяет сделать небезынтересные выводы о языковой принадлежности первых, но этот вопрос выходит за рамки данной работы.

Язык переднеазиатских ариев обычно (хотя и не всегда) считают индоарийским. Как отмечает автор последнего по времени описания митаннийского арийского, «Главным вопросом генеалогической классификации М.[итаннийского]и.[ндоарийского] я.[зыка] остается следующий: являлся ли этот язык отдельной ветвью индоиранских (арийских) языков или он входит непосредственно в индоарийскую ветвь» (Огибенин 2013: 201). Понятно, что проблема языковой принадлежности того или иного идиома должна решаться прежде всего на основе фонетических критериев, но на деле для лингвистической атрибуции переднеазиатского арийского часто используются культурно-исторические соображения (например, близость списков митаннийских божеств в договоре между хеттским царем Суппилиумой I и митаннийским царем KUR-ti-ū-a[z]-za и древнеиндийских божеств в Ригведе X 125 1), которые не могут служить основанием для лингвистической классификации⁴. Единст-

⁴ Ср. у Л. А. Гиндина: «Синтез доказательств в пользу «раннеиндоарийской» гипотезы может быть представлен следующей совокупностью лингвистических фактов: 1. Структурно-семантическое совпадение религиозно-клятвенной формулы из митаннийского договора с ритуально-поэтическим фрагментом Ригvedы... 2. Адекватное отражение в значительной части митаннийских сложных личных имен формульно-поэтических отрезков (геср. оборотов) Ригvedы... 3. Полнолексимные соответствия между переднеазиатскими антропонимическими композитами и ономастическими образованиями Ригvedы... 4. Тождество одноосновных митаннийских личных имен с ономастико-апеллативной лексикой Ригvedы...» (Гиндин 1972: 315). Нетрудно заметить, что фонетические критерии в приведенной системе аргументации отсутствуют как таковые. То же мы видим и в работе Майр-

венный способ определить, пусть предположительно, место переднеазиатского арийского среди прочих арийских языков – установить, фонемному составу какого (пра)языка наиболее соответствуют фонемы, представленные в именах митаннийских ариев и прочих лексемах, возводимых к переднеазиатскому арийскому. Для этого необходимо выделить фонемы, рефлекс которых различаются в общеарийском, индоиранском, индоарийском и общеиранском.

При всей скудости и неоднозначности имеющегося материала эта задача представляется выполнимой. Прежде всего обращает на себя внимание дважды встречающееся в хеттоязычном трактате митаннийца Киккули о тренинге колесничных коней (IV Verso 24–26 – Kammenhuber 1961: 138) слово *ца-ša-an-na* ‘беговой круг’ (явно от индоевропейского корня **ceǵʰ-* ‘везти’; подробно об этом слове см. Гиндин 1972: 308–310). Оно фонетически не может быть индоарийским, где начальный согласный второго слога в рефлексах упомянутого индоевропейского корня звучал бы как **h*. Теоретически согласный *š* (произносившийся, видимо, как *s*) мог бы передавать иранский рефлекс интересующей нас фонемы, а именно *z*, но никаких других специфически иранских черт (прежде всего перехода **s > h* в большинстве позиций) переднеазиатский арийский не демонстрирует, почему обычно и считается индоарийским. Зато согласный *š* (*s*) вполне мог передавать арийский или индоиранский **zʰ*. Это обстоятельство отмечали, в частности, Гиндин и Майргофер (Гиндин 1972: 309; Mayrhofer 1974: 12, Anm. 6), что, однако же, не мешало им относить язык митаннийских ариев к индоарийской подгруппе. В связи с определением языковой принадлежности языка митаннийцев представляет интерес элемент **-цаza* (*-ú-a[z]-za* и т. п.) в именах KUR-ti-ú-a[z]-za, ša-at-ta-ú-a-az-za, bir-ja-ца-za (подробно об этих именах см. Гиндин 1972: 289–290). Независимо от этимологии он не может быть индоарийским, поскольку для индоарийского не реконструируется фонема типа **c/z*, которую передавали знаки *z/zz* (о произношении соответствующих аккадских и хеттских фонем см. Коган, Лёзов 2009: 124; Касьян, Сидельцев 2013: 35). Принимая весьма правдоподобное сравнение элемента **-цаza* с древнеиндийским

гофеп: «Die Definition dieses alttertümlichen Arisch als *Indo-Arisch* beruht nicht nur auf lexikalischen Besonderheiten..., sondern auch auf P. Thiemes Nachweis einer spezifisch indoarischen Entwicklung in den Götternamen des Mitannivertrages...» (Mayrhofer 1974: 12, Anm. 6).

vāja- ‘победа, военная добыча и т. д’, скорее можно трактовать его как арийское **-caza* (от индоевропейского **h₂ceǵ-*), т. е. опять-таки как свидетельство либо отражения митаннийским арийским ранней стадии языкового развития, до распада индоиранского, либо его принадлежности к некоей иной, не индийской и не иранской, ветви арийского. Об аналогичной стадии фонетического развития свидетельствует и элемент *-zana* имен *Ca-šu-za-na* и т. п., сопоставимый с древнеиндийским *jāna-* ‘человек’, авестийским *zana-* ‘человеческий род’ и пр., но фонетически куда больше соответствующий арийской праформе **žana-* (< индоевропейского **ǵonh₁-*) (EWAia I: 566).

Из приведенных фонетических соответствий можно сделать следующий вывод: в тех случаях, когда индоарийские и иранские рефлексy отличаются от реконструируемых арийских и индоиранских фонем, митаннийский арийский демонстрирует близость не к индоарийскому и не к иранскому, но к реконструируемым праформам общеарийского. Это позволяет усомниться в более или менее общепринятом отождествлении переднеазиатского арийского с индоарийским и предположить, что первый представлял собой либо диалект еще не разделившегося индоиранского, либо особую ветвь арийских языков.

Литература

- Гиндин 1972 – Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // *Этимология* 1970. М.: «Наука», 1972. С. 272–321.
- Касьян, Сидельцев 2013 – Касьян А. С., Сидельцев А. В. Хеттский язык // *Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии*. М.: Academia, 2013. С. 26–75.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л.: «Наука», 1965.
- Коган, Лёзов 2009 – Коган Л. Е., Лёзов С. В. Аккадский язык // *Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. М.: Academia, 2009. С. 113–178.
- Огибенин 2013 – Огибенин Б. Л. Митаннийский арийский язык // *Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии*. М.: Academia, 2013. С. 198–217.
- Трубачев 1999 – Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. *Этимологический словарь*. М.: «Наука», 1999.
- EWAia – Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag. Bd. I–III, 1992–1996–2001.
- Kammenhuber 1961 – Kammenhuber A. *Hippologia hethitica*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1961.
- Kammenhuber 1968 – Kammenhuber A. *Die Arier im Vorderen Orient*. Heidelberg: Carl Winter Verlag, 1968.

- Kellens 1995 – Kellens J. Liste du verbe avestique avec un appendice sur l'orthographe des racines avestiques par Eric Pirart. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1995.
- Mayrhofer 1966 – Mayrhofer M. Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. Mit einer analytischen Bibliographie. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1966.
- Mayrhofer 1974 – Mayrhofer M. Die Arier im Vorderen Orient – ein Mythos? Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1974.
- Pokorny 1959/69 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern und München: Francke Verlag, 1959–69.

S. V. Kullanda. Near Eastern Aryan among Aryan languages

The paper focuses on correspondences between reconstructed Aryan/Indo-Iranian, Near Eastern Aryan, Indo-Aryan and Common Iranian phonemes which imply that Near Eastern Aryan was not an Indo-Aryan language but belonged to a separate branch of Aryan.

Keywords: Near Eastern Aryan, Indo-Aryan, Iranian.

А. Д. Курилова

РОССИЙСКИЕ РУКОПИСНЫЕ РИТОРИЧЕСКИЕ РУКОВОДСТВА XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ О КАЧЕСТВАХ КРАСНОРЕЧИЯ

В статье рассматриваются трактовки качеств, или «достоинств» красноречия в латинских риторических руководствах России XVIII века.

Ключевые слова: Россия XVIII века, рукопись, риторика, качества красноречия.

Рукописные латинские руководства по риторике, создававшиеся в России XVIII в., составлялись в соответствии с античным риторическим канонам. Качества (*requisita*) или достоинства (*virtutes*) красноречия рассматривались в разделе теории риторики, посвящённом словесному выражению (*elocutio*). Трактовка этой темы в разных руководствах имеет свои особенности.

Составитель риторики из Рязанской семинарии (1759) посвятил теме качеств красноречия отдельную главу, включающую несколько параграфов. В этой главе названы четыре основных достоинства красноречия: чистота (*puritas*), ясность (*perspicuitas*), изящество (*elegantia*), уместность или достоинство (*dignitas*). Эти качества соответствуют требованиям к красноречию, сформулированным Цицероном в трактате «*De oratore*»: «*Quinam igitur dicendi est modus melior... quam Latine, ut plane, ut ornate, ut ad id, quodcumque agetur, apte congruenterque dicamus?*» (III, 10). Рязанский ритор точно передаёт мысль Цицерона, однако для качеств красноречия находит другие обозначения. Интересно, что в риторическом трактате Феофана Прокоповича, одной из основных латинских риторик в России XVIII века, находим буквальное следование Цицерону: «*quattuor haec praestare orator debet: nimirum ut dicat latine, plane, ornate, et apte*» (четыре качества оратор должен сохранять, а именно говорить на чистой латыни, ясно, красиво и уместно) (Прокоповић 1982: 204).

Чистота определяется в рязанской риторике как употребление общепринятых слов и выражений: «*Puritas in eo consistit, ut adhibeantur vocabula probata, et phrases probatae*» (*Praecepta* 1759: 100). Для достижения чистоты латинской речи «нужно

всеми силами стремиться, чтобы не употреблять иные слова, кроме латинских, за исключением только тех, преимущественно греческих, которые использовались древними авторами и стали латинскими благодаря долгому употреблению или с разрешения государства» (*summo studio enitendum est, ne alia, quam Latina verba ponantur, exceptis iis tantum praesertim Graecis, quae ab antiquis auctoribus usurpata sunt, et per longum usum et vel ubi civitate donata ad latinos invaluerunt*) (Praecepta 1759: 100). Последняя фраза дословно заимствована из сочинения Феофана Прокоповича (Procopovič 1982: 204). Рекомендация избегать варваризмов, т.е. непривычных, иноязычных слов (*mapra* вместо *stragula*, *votum* вместо *suffragio*) и солецизмов, т.е. неудачных сочетаний слов (*amittere proelium*, *provinci in proelio*, *fidem dare*), также соотносится с риторикой Прокоповича, однако в рязанской риторике приведены другие примеры.

Ясность как качество речи, согласно рязанскому ритору, требует, чтобы «слова были употребительными и подходящими, а периоды – не слишком краткими и не длиннее обычных, а также чтобы сам порядок и сочетание слов и расположение аргументов не были перепутанными» (*ut sint vocabula usitata et propria; et periodi nec breves nimis, nec justo longiores, ipse quoque ordo et constructio verborum, argumentorumque dispositio non sit turbata*) (Praecepta 1759: 100 (об)). Ясность, как утверждает автор риторики, способна сделать речь приемлемой для учёных и понятной для неучёных (*ita et sermo doctis probabilis et planus imperitis erit*) (Praecepta 1759: 100 (об)). Ясностью, по мнению рязанского ритора, отличается слог Цицерона, Цезаря, Овидия.

Противоположным ясности качеством речи, её величайшим пороком (*maximum sermonis vitium*) называется темнота или туманность (*obscuritas*). Ясности препятствуют употребление устаревших или, наоборот, новых и непривычных слов, слишком длинные периоды, превышающие предел, который способно выдержать дыхание или, напротив, чересчур краткая речь, лишённая даже необходимых слов. Ритор с сожалением отмечает, что часто внимание слушателей бывает ослаблено, и поэтому «следует заботиться не только о том, чтобы было понятно, но чтобы было невозможно не понять» (*non ut intelligere possit tantum, sed ne omnino possit non intelligere curandum*), слова оратора должны проникнуть в душу слушателя, как солнце в глаза (*ut in animum ejus oratio, ut sol in oculos occurrat*) (Praecepta 1759: 101 (об)).

Изящество, следующее достоинство красноречия, заключается в таких свойствах, как «точный выбор слов и фраз, сложенный порядок слов, а также ритм, умеренное употребление избранных тропов и фигур, подходящая связь периодов и аргументов» (*accuratus vocum et phrasium delectus, concinnus verborum ordo et numerus, moderatus troporum ac figurarum selectiorum usus, apta periodorum et argumentorum connexio*) (*Praecepta* 1759: 101 (об)).

Уместность, или достоинство (*dignitas*), заключается в том, чтобы употреблять слова, соответствующие лицу, предмету, времени и месту (*ut adhibeatur vocabula personae, rei, tempori et loco convenientia*) (*Praecepta* 1759: 103 (об)). В риторике Прокоповича содержится похожее определение: «*ut sit talis oratio, quae et dicenti et audientibus et loco et tempori et aliis omnibus circumstantiis conveniat*» («речь должна соответствовать и говорящему, и слушающим, и месту, и времени, и всем другим обстоятельствам») (Просорови́ч 1982: 280).

В вологодской риторике 1764 года, также содержащей много положений, заимствованных из трактата Феофана Прокоповича, учение о качествах красноречия излагается схожим образом, со ссылкой на Цицерона: «*Totum elocutionis negotium ad haec quinque potissimum capita referri posse videtur, ut si quid modo oratorio dicere velimus, latine aut ruthene, plane, concinne, ornate, apte, congruenterque dicamus. Ita fere Cic.*» («Всё дело словесного выражения, как представляется, может быть сведено к пяти важнейшим вещам. Если мы хотим что-либо сказать в ораторской манере, мы должны говорить на чистой латыни или на чистом русском, ясно, соразмерно, красиво, уместно и подобающе. Примерно так у Цицерона») (*Наставления* 1764: 15). К четырём качествам, сформулированным Цицероном, вологодский ритор добавляет ещё одно – *concinnitas* (соразмерность), т. е. правильное построение периода.

Эти же пять качеств хорошей речи называет и автор нижегородского риторического руководства: «*Omnis oratio habet quinque virtutes: scilicet, ut bene vel emendate ut dilucide ut copiose ut ornate ut apte vel sapienter dicatur. Totidem ejusdem sunt vitia supradictis contraria nimirum, si impure, si obscura, si macilenta, si ornatu carens, si denique inepta ac imprudens fit dictio*» («Всякая речь имеет пять достоинств: а именно, она должна быть хорошей или правильной, понятной, развёрнутой, украшенной, уместной или разумной. Столько же у неё недостатков,

противоположных вышеназванным качествам, когда речь бывает нечистой, непонятной, слишком краткой, лишённой украшений и, наконец, неуместной или неумной») (*Rhetorica* 1766: 27 (об)).

В риторике М. Базилевича из Смоленской коллегии (1756), опирающейся на западноевропейские риторические традиции, указаны только три достоинства речи: *elegantia*, *dignitas*, *compositio* (слаженность) (*Basilevich* 1756: 107 (об)). Однако в понятие *elegantia* включены также представления о чистоте (*latinitas*) и ясности (*explanatio*) речи: «*Est igitur elegantia elocutionis, quae facit, ut unum quodque pure et aperte dici videatur. Dividitur vero in latinitatem et explanationem*» (*Basilevich* 1756: 107 (об)).

Также и М. Базилевич предостерегает от употребления варваризмов и солецизмов, приводя яркие примеры этих стилистических ошибок (варваризмы – *aeternaliter* вместо *aeternae*, *cordaliter* вместо *ex animo*, *liga* вместо *foedere*, *septimana* вместо *hebdomade*; солецизмы – *facere epistolam* вместо *componere*, *monitorem nos non necesse habemus* вместо *monitor nobis non est necessarius*) (*Basilevich* 1756: 107 (об)-108). Он подчёркивает, что варваризмами следует считать не всякие иноязычные слова, но только пришедшие из новых языков. Что же касается греческих слов, ритор допускает их появление в речи лишь в трёх случаях: «1) *si sit singularis emphasis vel allusio pulchra ad dictum aliquod vel factum graeci authoris*; 2) *si velimus aliquid secreti scribere*; 3) *si is ad quem scribimus, sit graecae linguae peritus et ea delectetur*» («1) если есть особенный акцент или красивая аллюзия на что-либо сказанное или сделанное греческим автором; 2) если мы хотим сообщить что-то тайное; 3) если тот, кому мы пишем, является знатоком греческого языка и испытывает от него наслаждение») (*Basilevich* 1756: 108).

Ясность (*explanatio*), согласно М. Базилевичу, заключается в употреблении слов употребительных и подходящих (*consistit in verbis usitatis et propriis*) (*Basilevich* 1756: 108).

Слаженность речи (*compositio elocutionis*) трактуется как «*apta verborum collocatio, et inter se connexio*» (подходящее расположение слов и их между собой сочетание) (*Basilevich* 1756: 108 (об)). Слаженность речи составляют четыре качества: *delectus* (отбор), *ordo* (порядок), *junctura* (соединение), *numerus oratorius* (ораторский ритм) (*Basilevich* 1756: 108 (об)).

Отметим, что другими авторами не выделяется *compositio* как одно из достоинств хорошей речи. Трактовка М. Базиле-

вичем слаженности речи и отдельных элементов этого качества соответствует стилистическим принципам барочных риторик.

Delectus (отбор) определяется как «*verborum sonantiorum, graviorum, et quandam majestatem per se ferentium ad orationem applicatio*» («применение в речи слов звучных, веских и содержащих в себе некое величие») (Basilevicz 1756: 109). К ним М. Базилевич относит, в частности, слова в превосходной степени (лучше сказать *optatissimus tuus adventus*, чем *optatus*), отглагольные существительные (*imperatrix* звучит величественней, чем *regina*), многосложные слова (*sceleratus* вместо *malus*, *verecundia* вместо *pudor*) (Basilevicz 1756: 109).

Ordo (порядок) предписывает необходимую последовательность в расположении слов. Со ссылкой на Квинтилиана М. Базилевич советует на первое место ставить слова, первые по значению или по природе (*vel dignitate, vel natura priora*) (Basilevicz 1756: 109), т. е. говорить *dies et nox*, а не наоборот.

Junctura определяется как «*litterarum et syllabarum suavis, plena et sonora connexio*» (сладостное, полное и звучное соединение букв и слогов) (Basilevicz 1756: 109 (об)). Нарушениями этого качества речи признаются скопления согласных или гласных звуков, скопления односложных слов, совпадение соседних слогов (например: *o fortunatam natam me consule Romam* (Cicero); *Caesaris decreto Creta liberata est*) (Basilevicz 1756: 109 (об)).

Numerus oratorius (ораторский ритм) понимается как сладостная модуляция речи (*suavis quaedam orationis modulatio*), проистекающая из определённого расположения стоп. М. Базилевич призывает к разнообразию ритмического рисунка речи: «*pedes qui ex longis syllabis constant, brevium antecedentium celeritate, et pedes qui ex brevibus syllabis constant longarum antecedentium tarditate corrigendi sunt*» («стопы, состоящие из долгих слогов, следует корректировать стремительностью предшествующих кратких стоп, а стопы, состоящие из кратких слогов, замедленностью предшествующих долгих») (Basilevicz 1756: 110).

Совершенно иначе, чем в рязанском руководстве, М. Базилевич трактует понятие *dignitas*, приводя следующую дефиницию: «*Dignitas elocutionis est exornatio orationis et sensuum per eruditiones, sententias, acumina, tropos et figuras*» («Достоинство словесного выражения есть украшение речи и чувств с помощью эрудиции, сентенций, острот, тропов и фигур»)

(Basilevicz 1756: 110). В рязанской риторике понятие *dignitas* содержит значение уместности. Этому качеству речи Базилевич посвящает целый раздел, в котором детально рассматривает способы использования в речи любопытных сведений (*eruditiones*), сентенций и острот и лишь кратко останавливается на функциях фигур в речи, т. к. о тропах и фигурах подробно говорилось в другом разделе руководства.

Eruditiones ритор советует включать в текст не только в виде историй или развёрнутых примеров, но и в более сжатой форме, используя сравнительные обороты: «*nodo Gordii intricatior est*» (запутаннее, чем Гордиев узел); сопоставления: «*jactet antiquitas Herculem, Achillem, Magnum illum Macedonem aliosque strenuissimos sui temporis heroes, nostra saecula te unico gloriantur, qui omnium horum virtutes satis complexus es*» (античность хвалит Геркулеса, Ахилла, того великого македонянина и других сильнейших для своего времени героев, наш век прославляет только тебя одного, соединившего в себе все их доблести); антономасию: «*Aristides pro justo*» (Basilevicz 1756: 110 (об)).

Ещё одним способом украшения речи признаётся сентенция – «*dictum aliquod grave et succinctum ad quidpiam cohortans vel dehortans*» («какое-либо значительное и сжатое высказывание, убеждающее или разубеждающее в чём-либо») (Basilevicz 1756: 110 (об)). Базилевич особенно подчёркивает необходимость не простого и безыскусного, а разнообразного и изысканного введения сентенций в текст: «*Vitandae sunt hae simplices locutiones: ut inquit vel docet vel pronunciat author NN. Sed potius his cultoribus utendum est: assentiri tibi cogor regie vates etc. Vel te cum sentio Romane sapiens etc. Vel habe plausum et panaegyres pro digno perennitate effato pater eloquentiae vel veritatis illa vox est non Horatii*» («Следует избегать простых выражений, таких, как: говорит, учит, восклицает автор NN, но лучше пользоваться такими изысканными выражениями: я вынужден согласиться с тобой, царственный поэт. Либо: когда я слышу тебя, мудрый римлянин... Либо: ты достоин рукоплесканий и панегириков за достойное вечности изречение, о отец красноречия. Либо: эта речь истины принадлежит не Горацию») (Basilevicz 1756: 111 (об)).

Острота (*acumen oratorium, conceptus*) в смоленской риторике определяется как «*dictum ingeniosum et inexpectatum*» («остроумное и неожиданное высказывание») (Basilevicz 1756: 111 (об)). Этот способ украшения речи, согласно М. Базилевичу,

в наибольшей степени зависит от счастливого, острого и утончённого ума, однако и здесь искусство предоставляет некоторые источники, о которых в руководстве обстоятельно рассказывается с опорой на «De acuto et arguto» Сарбиевия. (Мацея Казимира Сарбевского).

Представления о качествах, которыми должно обладать ораторское выступление, отражают преобладающее влияние риторического трактата Феофана Прокоповича, развивавшего принципы Цицероновской теории красноречия, или концепций барочной риторики.

Литература

- Наставления 1764 – Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. 1764 // РГБ. Великоустюжское собрание. Ф. 122, № 14.
- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. Opus artis oratoriae... Смоленская коллегия. 1756 // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
- Praecepta 1759: Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta... Рязанская семинария. 1759 // РГБ. Ф. 194 (К. И. Невоструева, № 43).
- Procopovič 1982: Procopovič Feofan. De arte rhetorica libri X // Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982.
- Rhetorica 1766: Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78.

A. D. Kurilova. Manuscript rhetorical books on elocution composed in Russia of the 18th century in Latin

The article reviews the interpretations of rhetorical virtues in several hand-written Latin rhetorical books composed in Russia of the 18th century.

Keywords: Russia of the 18th century, manuscript, rhetoric, qualities of elocution.

**АВГУРСКИЙ ТЕРМИН «LEX VITIOSA»
В ТРАКТАТЕ ЦИЦЕРОНА «БРУТ» (136)**

В статье рассмотрено уникальное словосочетание *lex vitiosa*, использованное Цицероном в отношении аграрного закона Тиб. Гракха для негативной характеристики с религиозной коннотацией. По мнению авторов, поводом послужило отстранение от власти М. Октавия, который наложил вето на законопроект Тиберия Гракха. Данное обстоятельство ввиду покушения на священный статус плебейского трибуна вполне могло быть расценено как нарушающее сакральную полноценность принятого закона, хотя, по всей видимости, и не в строгом смысле «нарушения ауспиций».

Ключевые слова: Аппиан, Цицерон, Тиберий Гракх, закон Тория, *lex vitiosa*, *ager publicus*.

Для понимания характера и значения гракханского движения особый интерес представляют три закона, принятые после убийства Гая Гракха, которые фактически уничтожили гракханское аграрное законодательство. В результате этих законов, принятых по инициативе сената после подавления гракханского движения, была осуществлена приватизация римской общественной земли¹, что означало мощное вторжение в *ager publicus*, в корне изменившее его статус. Единственное подробное описание пост-гракханских законов имеется у Аппиана, но и он называет автора лишь второго закона (App. BC. I 27). В рукописи стоит имя некоего Спурия Бория. Ещё в XIX в. укоренилась точка зрения (Rudorff 1839: 35–36; Mommsen 1905: 69–70), что в данном случае подразумевается плебейский трибун Спурий Торий, чьё имя упоминается в трактате Цицерона «Брут»².

¹ Термин «приватизация» употребляется, в частности, в работе С. Т. Розелар (Roselaar 2010: 221).

² Cic. Brut. 136: Sp. Thorius satis valuit in populari genere dicendi, is qui agrum publicum vitiosa et inutili lege vectigali levavit. Кроме того, закон Спурия Тория упоминается в трактате «Об ораторе» (Cic. De orat. II 284): Sed ex his omnibus nihil magis ridetur, quam quod est praeter expectationem, cuius innumerabilia sunt exempla, vel Appi maioris illius, qui in senatu, cum ageretur de agris publicis et de lege Thorii et peteretur Lucullus ab eis, qui a pecore eius depasci agros publicos dicerent, “non est”

Главным аргументом в пользу такой эмендации текста признаётся тот факт, что имя (*nomen*) *Vogius* нигде больше не встречается (Mommsen 1905: 69)³. Правда, еще Э. Гушке отмечал, что указанный аргумент не является неоспоримым, но всё же он принимал это исправление (Huschke 1841: 583–584). Важно и то, что сведения Цицерона и Аппиана в ключевых моментах совпадают: у обоих речь идет о плебейском трибуне, аграрном законе, общественной земле и земельном налоге.

Но понимание упомянутого пассажа из трактата «Брут» всё же нельзя назвать однозначным⁴, а между тем от этого зависит решение вопроса, можно ли считать Сп. Тория автором найденного на бронзовой таблице безымянного закона 111 г. до н. э. (*tabula Bembina*). Речь идёт о второй части предложения: *...is qui agrum publicum vitiosa et inutili lege vectigali levavit*. В ней соседствуют два имени существительных, представленных в форме *Ablativus singularis*⁵. Преобладает точка зрения, согласно которой эту часть предложения нужно понимать следующим образом: «(Спурий Торий), который при помощи подати избавил общественное поле от огрешного и бесполезного закона»⁶. Аппиан (BC. I 27) передает содержание закона Спурия Бория (Тория), предложившего компромисс, согласно которому общественные земли более не подлежали переделу и передавались их владельцам, но под условием уплаты подати

inquit "Luculli pecus illud; erratis"; – defendere Lucillum videbatur – "ego liberum puto esse: qua libet pascitur."

³ Э. Бэдиан обращает внимание и на редкий преномен Спурий, в итоге эмоционально назвав «Спурия Бория ублюдком, порождённым ошибкой переписчика» (Badian 1964: 240).

⁴ Возможные варианты с краткой характеристикой см.: Badian 1964: 236–240; Lintott 1992: 283–284.

⁵ Ещё Т. Моммзен указывал на то, что в данном конкретном случае форма *vectigali* не может являться производным от прилагательного *vestigalis*, а, следовательно, и выступать в качестве определения для слова *lex* (Mommsen 1905: 70). В источниках отсутствуют прецеденты подобного рода сочетания (*lex vestigalis*). К. Йоганнсен отмечает, что прилагательное *vestigalis* использовалось Цицероном как определение для следующих слов: *ager*, *civitas*, *provincia*, *equus* и *socius* (Johannsen 1971: 77. Anm. 42). Сходным образом оно употребляется и в произведении Тита Ливия (Johannsen 1971: 77. Anm. 42). Из этого следует, что прилагательное *vestigalis* нужно переводить как «подлежащий налогообложению». Данное обстоятельство делает сочетание *lex vestigalis* маловероятным.

⁶ Так считают, в частности, Э. Бэдиан (Badian 1964: 238–239), К. Йоганнсен (Johannsen 1971: 77) и К. Мейстер (Meister 1974: 91).

(вектигали), которая должна была идти на раздачи беднейшим гражданам. Этот закон фактически отменял закон Тиберия Гракха, поскольку прекращался раздел общественной земли. Поэтому резонно предположить, что «огрешным и бесполезным законом» является *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха 133 г. до н.э. Ведь и Аппиан заканчивает данную главу сетованиями по поводу отмены (в результате этих ухищрений) «гракханского закона, наилучшего и полезнейшего».

Таким образом, при этой трактовке грамматического строя цицероновой фразы *vectigali* наделяется функцией аблатива орудия, а *vitiosa et inutili lege* – отделительного аблатива (*Ablativus separationis*). Такое толкование соответствует и сведениям Аппиана, и отрицательному отношению Цицерона к деятельности Гракхов (Vančura 1924: 1176–1179). Кроме того, согласно наблюдениям Э. Бэдиана, если в философских трактатах Цицерона глаголу *levo* сопутствует имя существительное в форме аблатива, то оно неизменно имеет негативный оттенок (Badian 1964: 238–239). Так что *vitiosa et inutili lege* очень удачно вписывается в ряд приводимых американским историком примеров.

Во втором основном варианте, грамматически вполне возможным и даже более привлекательном⁷, получается, что «(Спуррий Торий), который с помощью огрешного и бесполезного закона избавил общественное поле от подати». В таком случае аппианов закон Бория остается вторым пост-гракханским законом, а цицеронов закон Тория оказывается третьим, который связывают с законом 111 г. до н. э., как раз эту подать отменившим. Однако такое понимание не соответствует логике событий и взглядам Цицерона на аграрные законы в духе Гракхов (Vančura 1924: 1177–1178). И совершенно не ясно, что же могло не понравиться Цицерону в отмене поземельной подати, раз он дал этому закону столь негативную характеристику. То же самое замечание относится и к эмэндации Линтотта⁸.

⁷ См. Badian 1964: 237–238, а также 236, not. 2.

⁸ Э. У. Линтотт считает, что вторая часть предложения дошла до нашего времени не в первоначальном виде (Lintott 1992: 284–285). Он предлагает своё восстановление латинского текста (с заменой сказуемого): *Sp. Thorius satis valuit in populari genere dicendi, is qui agrum publicum vitiosa et inutili lege vectigalem liberavit* («тот, кто с помощью огрешного и бесполезного закона освободил общественное поле, подлежащее подати»). Соответственно, Сп. Торий оказывается автором закона 111 г. до н. э.

В многочисленных дискуссиях внимание исследователей не привлекло прилагательное *vitiosus* (*lex vitiosa*), использованное Цицероном при характеристике «бесполезного закона». Термин *vitium* относился к авгурской лексике и обозначал ошибку при совершении или толковании ауспий, а также пренебрежение ими, что делало недействительным весь акт, к которому они относились. Как авгурский *terminus technicus* его принято переводить словом «огрешность» (в данном случае – «огрешный закон»). Конечно, Цицерон мог употребить *vitiosus* в нетехническом смысле, как предложено в имеющемся переводе трактата на русский язык – «неправильный (закон)»⁹. В своем сочинении Цицерон дважды использовал это прилагательное именно в нетехническом смысле – касательно «неправильного» словопотребления (*consuetudo vitiosa*: Cic. Brut. 261, 283), а также дважды в сравнительной степени (*nilhil vitiosius* («хуже нет»)) по поводу судебного обычая разделять защиту между несколькими ораторами (Cic. Brut. 207, 208). Собственно, здесь и не могло быть других значений. Но иначе обстоит дело в случае с *lex* и *magistratus*: принятие закона и избрание магистрата являлось политическим актом, для которого *vitiosus* могло означать только одно – отсутствие сакральной, соответственно, политической, легитимности. Тем более правдоподобно предполагать техническое употребление этого слова из авгурского лексикона для авгура с семилетним стажем, каковым являлся Цицерон ко времени написания трактата «Брут». К тому же Цицерона всегда отличало скрупулезное отношение к терминологии, чему, несомненно, способствовала его активная деятельность в юридической сфере с ее строгим формализмом. Особым вниманием к точности в словах, как известно, характеризуется и римская религиозная сфера. Сам Цицерон гордился своей принадлежностью к авгурской коллегии, серьезно относился к своим обязанностям и специально изучал авгурское учение. Показательно, что ему посвятил свою книгу об авгурском учении (*auguralis disciplina*) авгур Аппий Клавдий Пульхр в 51 г. до н.э. (Cic. Fam. III 4, 2; ср. Fest. P. 386 L, s. v. *sollistimum*), т.е. через два года после вступления Цицерона в эту коллегию. О глубоком интересе Цицерона к авгуральной дисциплине и его познаниях в данной области свидетельствует диалог «О дивинации», написанный в 44 г. до н.э.

⁹ Перевод И. П. Стрельниковой (Цицерон 1972: 282).

Таким образом, Цицерон использовал для негативной характеристики весьма давнего закона авгурский термин. Но закон этот действовал около пятнадцати лет (App. BC. I 27), и ни о каких претензиях к нему в религиозном отношении ничего не известно. Да и какое значение они могли иметь через семь с половиной десятилетий, прошедших между трибунатом Тиб. Гракха и написанием трактата «Брут». Кроме того, насколько можно судить, такое словосочетание является уникальным и нигде более в латинской литературе не встречается. Обычным выражением было «*lex contra auspicia lata*»¹⁰, как исключение встречается *lex vitio lata* (Cic. Har. Resp. 48) и *vitiose* (Cic. Phil. V. 10).

Поскольку речь шла о законе, внесенном плебейским трибуном, т. е., строго говоря, плебисците, огрешным он мог быть признан только в случае т. н. облативных (неиспрошенных) ауспиций или сообщения о них со стороны другого трибуна (*obnuntiatio*)¹¹. Плебисциты однозначно подчинялись облативным ауспициям после 154 г. до н.э. (*leges Aelia et Fufia*)¹², а, скорее всего, и гораздо раньше. Эти ауспиции означали, что имело место какое-нибудь знамение во время или вскоре после принятия закона, которое могло свидетельствовать о неодобрении богов. В случае возникновения сомнений обращались за консультацией к коллегии авгуров, которая давала оценку уже состоявшемуся событию. Явно преувеличивая значение авгуров, Цицерон пишет даже о наличии у них полномочий отменять законы, внесенные вопреки праву: *leges non iure rogatas tollere* (Cic. Leg. II 31). В качестве примера Цицерон привел аграрный закон (плебисцит) Секста Тиция (99 г. до н.э.)¹³, отмененный постановлением авгурской коллегии (*decreto conlegiae*), и знаменитые законы (плебисциты) плебейского трибуна М. Ливия Друза (91 г. до н.э.), упраздненные по совету (*consilio*) консула и авгура Л. Марция Филиппа (Cic. Leg. II 31)¹⁴. Такой же предлог для возможной отмены законов (плебисцитов) Апулея

¹⁰ Linderski 1986: 2165–2166 (источники см. прим. 57).

¹¹ Linderski 1986: 2166–2168 (по поводу третьего варианта – *nuntiatio* авгуров – см. прим. 65).

¹² Cic. Vatin. 17; 18; 20; 23; In senatu post red. 11; Prov. cons. 45–46 (*plebiscitum de exilio M. Tullii*); Phil. V. 7–8 (речь идет о внесенном трибунами плебисците). Подробнее см. Bleicken 1957: 471.

¹³ Об этом малоизвестном законе см. Münzer 1937: 1563–1564.

¹⁴ В постановлении сената было указано, что законы внесены вопреки ауспициям (Ascon. Pro Cornel. P. 61K.-S.; 69C).

Сатурнина (100 г. до н.э.) предложил сенату Гай Марий (App. BC. I 30)¹⁵. Окончательное решение принимал всё же сенат, и тем самым он превращал авгурское мнение в политический акт (Сморгачев 2012: 237–245). Возможно, иногда запрашивалось и народное собрание, как это имело место при отмене закона Рубрия (Flor. II 3, 1; Oros. V 12, 4–5; De vir. ill. 65; Plut. C. Gracch. 13).

О каком-либо официальном решении авгуров относительно закона Тиб. Гракха речь, конечно, не идет: помимо того, что об этом ничего не известно, нельзя не учитывать, что сам Тиберий был авгуром (Plut. Tib. Gracch. 4) и, соответственно, имел возможность влиять на позицию коллегии. Конечно, любой авгур мог высказать свое мнение, но оно не имело обязательной силы. Ведь и Цицерон как авгур в разное время заявлял, что законы Цезаря или, например, законы Антония приняты вопреки ауспiciям¹⁶. Но это его убеждение оставалось лишь его частным мнением без каких-либо реальных последствий. Социально-политическая ситуация отнюдь не благоприятствовала отмене закона Тиберия. Планы оппозиции по переделу римской общественной земли имели широкий общественный резонанс, а потому отмена аграрного закона на основании каких-либо нарушений, включая и те из них, что носили религиозный характер, могла привести к различного рода социальным потрясениям, будучи истолкована плебсом как попытка саботажа аграрной реформы со стороны римской аристократии, несколько не заинтересованной в переделе *ager publicus populi Romani*. Но это не помешало впоследствии Цицерону, а возможно и современникам тех событий из числа римских аристократов, называть аграрный закон Тиберия Гракха «огрешным».

Что же могло дать Цицерону повод использовать такое определение? Ключевое нарушение, допущенное при утверждении закона Тиб. Гракха, общеизвестно: чтобы вынести законопроект на голосование, он был вынужден совершить беспрецедентный акт – провести через народное собрание закон об отстранении от власти своего коллеги М. Октавия, который наложил вето на законопроект Тиберия Гракха. И на том же самом собрании был принят аграрный закон. Конечно, всё это относится к политической процедуре, а не к ауспiciям. Но ввиду священного ста-

¹⁵ Ср.: De vir. ill. LXXIII 7; Cic. Leg. II 14.

¹⁶ Cic. Ad Att. VIII 3, 3 (законы Цезаря); Phil. VIII 9; V 7–10; VI 3; XII 12; XIII 5 (законы Антония).

туса плебейского трибуна такой акт имел и религиозную сторону. Недаром же, оправдывая свои действия в речи перед народом, Тиберий апеллировал к таким примерам, как священный характер царской власти, жриц-весталок, приношений богам (Plut. Tib. Gracch. 15). Имеются (правда, уникальные) сообщения, в которых избранными огрешно (*vitio*), т. е. с нарушением религиозных требований, признавались плебейские должностные лица – трибуны 292 г. до н.э. (Liv. X. 47. 1) и эдилы 202 г. до н. э. (Liv. XXX. 39. 8). Кроме того важно, что случаи отстранения коллеги от должности, в том числе и рассматриваемый (с М. Октавием), перечислены в книге Юлия Обсеквента «Книга продигий», т. е. они отнесены к предзнаменованиям. Автор подчеркивает, что магистрат, совершивший такое, погибал в течение своего должностного срока (Obs. 70, ср. Dio Cass. XLVI 49, 2), что в Риме воспринималось как свидетельство гнева богов. В тот момент сенат был вынужден смириться с отстранением Октавия, фактически признав его, и отложить решающее столкновение до более благоприятного момента. Но данное обстоятельство вполне могло быть расценено как нарушающее сакральную полноценность принятого закона, что дало Цицерону повод прибегнуть к негативной характеристике с религиозной коннотацией, хотя, по всей видимости, не в строгом смысле «нарушения ауспиций», поскольку и сами религиозные нарушения были беспрецедентными.

Литература

- Сморчков 2012 – Сморчков А. М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.
- Цицерон 1972 – Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1972.
- Badian 1964 – Badian E. *Studies in Greek and Roman history*. Oxford, 1964.
- Bleicken 1957 – Bleicken J. *Kollisionen zwischen Sacrum und Publicum. Eine Studie zum Verfall der altrömischen Religion* // *Hermes*. 1957. Bd. 85. Ht. 4. S. 446–480.
- Huschke 1841 – Huschke E. Rezension an: A. A. F. Rudorff. *Das Acker-gesetz des Spurius Thorius*. Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. Bd. 10. 1839 // *Kritische Jahrbücher für deutsche Rechtswissenschaft*. 1841. T. 5. Ht. 10. S. 579–620.
- Johannsen 1971 – Johannsen K. *Die Lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar*. München, 1971.
- Linderski 1986 – Linderski J. *The Augural Law* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. II. Bd. 16. Teilbd. 3. Berlin – New-York, 1986. P. 2146–2312.

- Lintott 1992 – Lintott A. W. Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambridge, 1992.
- Mommsen 1905 – Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Bd. I. Berlin, 1905.
- Meister 1974 – Meister K. Die Aufhebung der Gracchischen Agrarreform // *Historia*. 1974. T. 23. S. 86–97.
- Münzer 1937 – Münzer F. Titius (№ 23) // *RE*. Reihe 2. Halbbd. 12. Stuttgart, 1937. Sp. 1563–1564.
- Roselaar 2010 – Roselaar S. T. Public land in the Roman Republic. A social and economic history of Ager Publicus, 396–89 BC. Oxford, 2010.
- Rudorff 1839 – Rudorff A. A. F. Das Ackergesetz des Spurius Thorius // *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*. 1839. T. 10. S. 1–194.
- Vančura 1924 – Vančura. Leges agrariae // *RE*. Halbbd. 23. Stuttgart, 1924. Sp. 1150–1185.

R. V. Lapyrionok, A. M. Smorchkov. The augural term «lex vitiosa» in Cicero's «Brutus» (136)

The paper considers a passage from Cicero's «Brutus» (Cic. Brut. 136) in which the author used an augural term «lex vitiosa». There is no precedent for the use of such a term in any other work of Cicero. Cicero was an augur whose terminology was usually precise. The term is generally considered to refer to the agrarian law of 133 BC. It is plausible that the term «lex vitiosa» is used technically here. If that is the case some religious errors must have occurred when Tiberius Gracchus passed his law («lex lata contra auspicia»). Cicero must have had good reason to use an adjective such as «vitiosa». The ancient evidence is not very helpful in this respect. All modern reconstructions of the Gracchan time based on works of Plutarch and Appian, say nothing of any religious errors made by Tiberius Gracchus. The authors assume that the deposition of M. Octavius who vetoed the agrarian law of Tiberius Gracchus could be an appropriate explanation. Plebeian tribunes were sacrosanct, in the sense that any assault on their person was prohibited. This means that the deposition of M. Octavius could have been interpreted also as a crime against Roman religion, and the law – as passed faultily («vitio»). This was the reason for Cicero to describe Sempronia agraria as «lex vitiosa», but this fact does not necessarily mean that this law was passed «contra auspicia».

Keywords: Appian, Cicero's «Brutus», Tiberius Gracchus, the law of Spurius Thorius, lex vitiosa, ager publicus.

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЗАПАДНОМАКЕДОНСКИХ ГРЕЧЕСКИХ ГОВОРАХ В БАЛКАНИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются фонетические изменения в греческих говорах Западной Македонии в процессе их эволюции в сравнении с соответствующими явлениями в других балканских языках. В области гласных звуков рассматривается явление редукции (переход открытых гласных в более закрытые, падение гласных), в системе согласных – палатализация. Автор указывает на сходства рассматриваемых процессов в греческих говорах и других балканских языках и предлагает версии объяснения этих явлений. Кроме греческого привлекается материал албанского, болгарского и арумунского языков.

Ключевые слова: фонетические явления, редукция гласных звуков, палатализация согласных.

Одним из регионов, в которых на протяжении веков осуществлялись тесные, непосредственные контакты современных балканских языков – греческого, албанского, болгарского, арумынского (македоно-румынского), были пограничные области северной Греции (Западная Македония, Эпир, Чамерия) и южной Албании. О широко распространённом в прошлом полилингвизме в этом регионе хорошо известно (см.: Десницкая 1968: 231 сл.)

Согласно общепринятой классификации греческих диалектов, говоры Западной Македонии относятся к зоне северных говоров.

В процессе сложения и эволюции большинства северных говоров, в том числе и говоров Западной Македонии, в звуковом составе слов происходили следующие изменения, носящие более или менее регулярный характер (Κοντοσοπούλου: 61 сл.).

Изменения гласных звуков

Падение первичных гласных /i/ и /u/ в безударной позиции (Κοντοσοπούλου: 61–62; Γεωργίου: 363; Έβανγελόπουλος: 27), например: κταβ ‘щенок’ < κουτάβι, μπναρ ‘(водный) источник, ключ’ < μπουνάρι, ιργάτς ‘работник’ < εργάτης, δειλινός ‘вечерний’ < δειλινός, δλεύου ‘работаю’ < δουλεύω и т. д.

В то время как падение безударного /i/ внутри слов в разных северных говорах осуществлялось не с одинаковой последовательностью (Κοιτοσόπουλου: 62), падение его в конечной позиции можно рассматривать как полностью завершившийся процесс при одной оговорке, касающейся, в частности, говора Гермаса. Для этого говора Георгиу отмечает сохранение в этой позиции после заднеязычных κ, γκ, γ, χ и сонантов λ, ν некоего рудимента /i/, «который произносится слитно с согласным и не составляет с ним отдельный слог» (Γεωργίου 1962: Πρόλογος).

Трудно сказать, насколько эта точка зрения относительно сохранения неполностью редуцированного /i/ в рассматриваемых случаях верна. Возможно, в таких случаях более устойчиво сохраняется палатализация этих согласных как результат их позиции перед бывшим /i/. В частности, Кондосопулос толкует эту ситуацию, в сущности, именно таким образом: «... после падения конечного /i/, если слово заканчивается на какой-либо из согласных κ, γ, χ, λ, ν, согласный принимает палатальный оттенок, как будто на месте /i/ сохранился какой-то его остаток» (Κοιτοσόπουλου: 62).

Другое регулярное изменение в фонетическом составе слов в рассматриваемых говорах – переход (греческие исследователи иногда называют это явление терминами στένωση ‘сужение’ или κούφωση, κώφωση ‘оглушение’) /e/, /o/ соответственно в /i/, /u/ (Κοιτοσόπουλου: 62; Γεωργίου: 363; Эвангелопулос: 27). Иначе говоря, в этих случаях имел место процесс образования вторичных /i/, /u/, которые были не затронуты в дальнейшем процессом редукации); например: ζιβγάρι ‘пара, чета’ < ζευγάρι, πηπάτω ‘иду, хожу’ < περιπάτω, πουκάμισο ‘рубашка’ < ποκάμισο, βουτάνι ‘трава’ < βότανι и т. п.

Когда совершались эти процессы, сказать трудно из-за отсутствия свидетельств, которые зафиксировали бы эти говоры в прошлом. Согласно наиболее утвердившейся в современной греческой диалектологии точке зрения, формирование современных диалектов (говоров) в основном завершилось к XI–XII вв. Но ясно, что процессы, о которых здесь идёт речь, продолжались и позже. В частности, ими были захвачены турецкие заимствования, например: падение гласных /i/, /u/: φσέκι ‘патрон (оружейный)’ (ср. в койне φισέκι) < тур. *fişek*, τφεκ ‘винтовка, ружьё’ (в койне τουφέκι) < тур. *tüfek*; переход /e/ > /i/, /o/ > /u/: πισκίρ ‘полотенце’ < тур. *peşkir*, νουντάς ‘комната’ < тур. *oda*.

Слова, которые вошли в словарь говоров относительно недавно, также претерпели переход безударных /e/ > /i/, /o/ > /u/:
 γραμμόφουνου < γραμμόφωνο, τηλεφουνου < τηλεφωνο,
 ηλεκτρισμός < ηλεκτρίσμός и т. п.

Эти явления – падение гласных верхнего подъёма /i/, /u/ и переход гласных среднего подъёма в гласные верхнего подъёма – следствие процесса их ослабления, или редукации.

Процесс редукации гласных – один из важнейших фонетических процессов, происходивших во время формирования и эволюции современных балканских языков.

Как известно, первым из современных балканских языков, вступившим в контакт с греческим, был болгарский.

В системе гласных звуков старославянского языка имелись звуки, которые исчезли (редуцировались полностью) или редуцировались частично. К таким звукам относятся так называемые «гласные неполного образования», которые в памятниках старославянского языка обозначались буквами ъ, ѣ. «Редуцированные гласные имелись во всех древних славянских языках. Это были сокращённые (редуцированные) звуки по своей длительности и глухие по тембру. Как свидетельствуют памятники старославянского языка, данные гласные звуки просуществовали в славянских языках до X в.» (Кривчик, Можейко: 43). Дальнейшая их судьба была общей для всех древних славянских языков; они в одних случаях совпали со звуками полного образования, в других – вовсе исчезли (в слабой позиции). Эти процессы происходили «в период формирования отдельных славянских языков, т. е. в XI–XII вв.» (Кривчик, Можейко: 46).

Основные процессы формирования албанского языка, который по мнению ряда исследователей является наследником иллирийского, происходили в средние века. В течение нескольких столетий прямые контакты северных греческих говоров осуществлялись с албанским языком в виде его южного, или тоскского диалекта.

Как показал албанский исследователь Эчрем Чабей (Çabej), гласный /ë/ (роль которого в фонетической системе албанского языка, если говорить о его частотности, очень значительна), в неударенных слогах является продуктом ослабления различных гласных, прежде всего гласного /a/.

Албанский языковед Колец Топаллы описал довольно подробно процессы редукации различных гласных на разных этапах формирования албанского языка (Topalli: 145 сл.).

Определённый вклад в формирование общих черт балканских языков через новороманские языки внесла балканская латынь.

Из десятифонемной системы гласных в классической латыни в так называемой вульгарной латыни на Балканах развивается система из пяти гласных фонем. Вследствие редукции исчезает различие гласных по количеству (по долготе-краткости).

В арумынском мы видим переход гласных /e/, /o/, /a/ соответственно в /i/, /u/, /ă / в безударной позиции и падение первичных, а частью и вторичных /i/, /u/, – процессы, которые, как отмечают Кацанис и Динас, «имеют свою отправную точку в народной латыни» (Κατσάνης, Ντίνας: 20). Процесс редукции конечных безударных гласных особенно продвинулся в южных арумынских говорах. Гласные верхнего подъёма /i/, /i/ в безударной позиции в южных арумынских говорах обычно синкопируются, в северных иногда синкопируются, иногда нет. Как отмечают Кацанис и Динас, «непоследовательность проявления феномена показывает, что его становление находится в динамической фазе» [Κατσάνης, Ντίνας: 34].

Мы видим, что явления редукции гласных в арумынском имеют большое сходство с соответствующими явлениями в греческих говорах.

Изменения согласных звуков

В рассматриваемых греческих говорах ряд согласных представлен парными фонемами – непалатальными (твёрдыми) и палатальными (мягкими). Это заднеязычные /k/ – /k'/, /g/ – /g'/, /ɣ/ – /ɣ'/, /x/ – /x'/ и сонанты /n/ – /n'/, /l/ – /l'/.

Мягкие согласные выступают в позициях перед гласными переднего ряда и перед дифтонгами, первую часть которых составляет полугласный /j/. Они могут также занимать позицию в конце слов, где был утрачен гласный /i/ (о чём шла речь выше).

В болгарском языке согласные фонемы, кроме шипящих, представлены парными вариантами – твёрдым и мягким. Парные твёрдые и мягкие согласные противопоставлены друг другу только в положении перед гласными переднего ряда: /a/, /ъ/, /o/, /y/. На конце слова и перед согласным звуком в литературном болгарском произношении встречаются только твёрдые парные согласные. В положении перед гласными переднего ряда

/i/, /e/ заднеязычные согласные в литературном произношении могут быть только мягкими (/k'/, /g'/, /x'/) (Маслов: 21).

Как видим, ситуация эта идентична ситуации с заднеязычными согласными в рассматриваемых греческих говорах.

Система согласных арумынского языка, сформировавшаяся в результате изменений системы согласных балканской латыни, тождественна с системой согласных македонских греческих говоров.

«Особенностью системы согласных в арумынском, – как отмечают Кацанис и Динас, – является палатализация губных, что отличает его от других новолатинских идиом Балкан. Губные согласные *p, b, f, v, m* под влиянием гласного переднего ряда и в особенности полугласного переходят в палатализованные *k', g', h', gh', n'*... Явление палатализации находит своё широкое отражение на морфонологическом уровне» (Κατσάνης, Ντίνας: 22–23).

Известны интенсивные процессы палатализации согласных в истории албанского языка (Десницкая 1984: 205, 244, 247 сл.).

Из заднеязычных смычных /k/, /g/ вследствие палатализации образовались особые фонемы палатального ряда: переход *k > q*: лат. *cellarium > qilar* 'кладовая', лат. *caelum > qiell* 'небо', лат. *civitas > qytet* 'город'; переход *g > gj*: лат. *argentum > argjend* 'серебро'.

Этот процесс отразился на морфонологическом уровне в виде чередования согласных при образовании форм множественного числа существительных и прилагательных. В одном из типов образования форм множественного числа, где основа существительного оканчивалась на заднеязычный смычный, при образовании форм множественного числа в позиции перед гласным /i/, который редуцировался, заднеязычный смычный преобразовывался в соответствующий палатальный (Gjuha letrare shqipe: 40): *mik* 'друг' – *miq* (< miki) 'друзья', *plak* 'старик' – *pleq* (< plaki) 'старики', *bujk* 'крестьянин' – *bujq* (< bujki) 'крестьяне', *zog* 'птица' – *zogj* (< zogi) 'птицы', *murg* 'монах' – *murgj* (< murgji) 'монахи'.

Таким же образом происходила и палатализация сонантов в конечной позиции при образовании форм множественного числа в процессе редукции конечного /i/: *ari* 'медведь' – *arinj* (< arini) 'медведи', *mulli* 'мельница' – *mullinj* (< mullini) 'мельницы', *pyll* 'лес' – *pyj* (< pyi < pylli) 'леса'.

Релевантным признаком македонских говоров является наличие в их системах шипящих согласных звуков (Κοιτοσό-πούλου: 62–63, Γεωργίου: Πρόλογος). Вообще эти согласные представлены в основном в периферийных говорах и диалектах греческого языка: понтийском, кипрском, каппадокийском, на некоторых островах в северной части Эгейского моря. Шипящих нет в говорах Ионических островов, Крита, Мани, острова Икария, Киклад. Нет их и в современном койне.

Можно предположить, что наличие шипящих в некоторых говорах и диалектах, в том числе и в македонских говорах, явилось результатом межъязыковой интерференции. Так, в македонских говорах этот тип согласных мог появиться вместе с заимствованиями из контактных языков, в которых он был представлен такими, например, словами, как ζ'άμπα 'жаба' < болг. *жаба*; κάσ'α 'каша' < болг. *каша*; σ'κουρτεύου 'укорачиваю' < алб. *shkurtoj*; σ'κούρτους 'февраль' < алб. *shkurt* 'то же' – букв. 'короткий (месяц)'; ντάσ'ους 'прирученный баран' < алб. *dash*; катσ'ούла 'качула, меховая шапка' < арум. *căciulă*. В дальнейшем эти согласные распространялись уже в исконных греческих словах путём превращения в них сибиллянтов в позициях, где действовала палатализация, например: σ'κύλλα [škila] 'собака' < σκύλλα, σ'ούκουμα [šukuma] 'подъём' < στήκουμα, ζ'γούρ [žgur] 'ягнёнок двухлетка' < ζυγούρι.

С проникновением в говоры турцизмов был дан новый толчок к распространению слов, содержащих эти согласные: σ'ακάς [šakas] 'шутка' < тур. *şaka*, τσ'ατί [čati] 'крыша' < тур. *çatı*.

В латыни, как известно, шипящих не было; в восточно-романских языках, в том числе в арумынском, так же как и в других балканских языках, они развились.

Как можно объяснять фонетические процессы, о которых идёт речь, применительно к греческим говорам: редукцию гласных и палатализацию согласных? Какими факторами – внутренним ли, внешним ли – вызваны эти инновации?

Тенденцию к редукции в целом, вероятно, можно объяснять принципом (законом) языковой экономии, что, по-видимому, является общим имманентным свойством языка. Применительно к фонетике эта тенденция проявляется в стремлении говорящих к ослаблению, уменьшению артикуляционных усилий при использовании языковых средств для выражения мысли. Иначе говоря, инновации такого рода могут быть следствием внут-

ренней эволюции языковых единиц, которая, однако, может также стимулироваться иноязычным воздействием в условиях билингвизма или мультилингвизма.

Начало процессов палатализации заднеязычных согласных, сонантов и сибилантов в рассматриваемых греческих говорах следует, очевидно, считать внутренней инновацией, стимулируемой при этом воздействием со стороны других балканских языков (в особенности в процессе возникновения шипящих согласных), где эти инновации развивались уже на ранних этапах их формирования и получили в их фонетических системах широкое проявление. Получив толчок извне вместе с заимствованиями, влившись в общий поток процессов, проходящих в контактном языке или языках, инновация распространяется всё шире, переходя на материал воспринявшего её языка и утверждаясь в статусе более или менее регулярного явления.

Формирующаяся общность фонетического строя, общность процессов, происходивших в контактировавших говорах, с одной стороны, облегчали языковое взаимодействие разных этнических групп населения между собой, с другой стороны, способствовали развитию этих процессов по пути всё большей конвергенции языковых систем в общем русле их эволюции.

Литература

- Γεωργίου 1962 – Γεωργίου Χρ. Γ. Το γλωσσικό ιδίωμα Γέρμα Καστοριάς. Θεσσαλονίκη, 1962.
 Κατσάνης 1990 – Κατσάνης Ν., Ντίνας Κ. Γραμματική της Κοινής Κουτσοβλαχικής. Θεσσαλονίκη, 1990.
 Κοιτοσοπούλου 1981 – Κοιτοσοπούλου Ν. Γ. Διάλεκτοι καί ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα, 1981.
 Десницкая 1968 – Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968.
 Десницкая 1984 – Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
 Кривчик, Можейко 1970 – Кривчик В. Ф., Можейко Н. С. Старославянский язык. Минск, 1970.
 Маслов 1956 – Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
 Эвангелопулос 1978 – Эвангелопулос Ю. В. Лексические особенности новогреческого языка в Западной Македонии (Материал для диалектного словаря). Ташкент, 1978.
 Çabej 1956 – Çabej E. Për historinë e zanores ë në gjuhën shqipe // Buletin për Shkencat Shoqërore. 1956. № 1.
 Gjuha letrare shqipe. Prishtinë [1982].
 Topalli 2007 – Topalli K. Fonetika historike e gjuhës shqipe [Shtëpia Botuese Dituria, 2007].

Yu. A. Lopashov. Phonetic developments in the West Macedonian Greek dialects from the point of view of the Balkan linguistics

The present paper deals with the phonetic phenomena in the West Macedonian Greek dialects as compared with the corresponding phonetic processes in other Balkan languages, such as vowel reduction (open vowels being changed into closed ones, the loss of vowels), and the palatalization of velar consonants and sonorants. These developments are characteristic of the contacting Balkan languages of different linguistic families: Greek, Albanian, Bulgarian, Aromanian.

Keywords: phonetic phenomena, vowel reduction, palatalization of velar consonants.

**СКАЖИ «АРФА»:
ПРП. ИОАННИКИЙ ВЕЛИКИЙ КАК ЛОГОПЕД**

Резюме: Чудесное исцеление немоты – общее место византийской агиографии, в то же время рассказы об избавлении от отдельных дефектов речи весьма редки. Контекст из жития Иоанникия (середина IX в.) может быть интересен как лингвистам, так и историкам византийской медицины. Согласно этому источнику, святой избавил некоего юношу от картавости, причем замена звука [r] на [l] описана при помощи выражения ψελλιζων ἐτραύλιζεν. Этот эпизод может пролить свет на проблему сохранения античной медицинской терминологии в Средние века, а также позволяет приблизиться к ответу на вопрос об отношении византийцев к речевым дефектам.

Ключевые слова: дефекты речи, чудеса, греческий язык, произношение, агиография, Византия.

Чудо исцеления Иисусом «глуха и гугнива» (κωφὸν καὶ μογιλάλον), описанное в Евангелии от Марка (Мк 7: 32–34), в византийской агиографии стало образцом для множества сходных по структуре эпизодов, в которых главными действующими лицами были уже византийские святые. Впрочем, в подавляющем большинстве случаев средневековые агиографы обращались с этим образцом достаточно вольно и предпочитали рассказывать о чудесном избавлении не от «гугнивости», то есть всего лишь некоего дефекта речи, а от полной (приобретенной или же врожденной) немоты, когда Иисус «плюнув, коснуся языка его», и страждущий не просто обрел дар речи, а «глаголаше право» – ἐλάλει ὀρθῶς. Несомненно, подобные случаи представлялись авторам более удивительными и, как следствие, заслуживающими более пристального внимания. Именно поэтому эпизоды, в которых описывалось бы чудесное избавление от того или иного отдельного дефекта речи (заикания, картавости и т. п.), исключительно редки. В настоящей заметке мы бы хотели привлечь внимание к одному малоизвестному контексту середины IX в., который может быть интересен не только исследователям византийской агиографии, но и лингвистам, изучающим, во-первых, исторические

изменения греческой фонетики, а во-вторых, трансмиссию античной лингвистической терминологии в Средние века.

Интересующий нас текст – Житие прп. Иоанникия Великого, составленное монахом Саввой в период 1-го патриаршества Игнатия (847–858 гг.). Традиционно этот источник рассматривается как малоинформативная с точки зрения объективной передачи биографических и исторических сведений тенденциозная переработка более раннего жизнеописания того же подвижника, составленного монахом Петром в период патриаршества Мефодия (843–847 гг.) (Dobschütz 1909: 99–100; Mango 1983; Афиногенов 2004: 139, 143)¹.

Эпизоды исцеления от (глухо-)немоты в житийной литературе средневизантийского периода, к которому относится интересующий нас памятник, встречаются достаточно часто и могут быть с полным правом причислены к агиографическим топосам. В то же время, чудеса, связанные с исправлением тех или иных особенностей произношения, в специальных справочниках не упомянуты (Pratsch 2005: 231–232). DOHD подтверждает это наблюдение: в то время как под *Miracles / Healing / Cure of Speech Impediment* проиндексирован только 1 (интересующий нас) контекст, под *Miracles / Healing / Cure of Speechlessness* проиндексировано уже 4 контекста в 4 текстах, а под *Miracles / Healing / Cure of Dumbness* – 28 контекстов в 18 текстах (в действительности, полноценно описаны только 22 случая, поскольку 7 контекстов – это не рассказы об отдельных эпизодах жизни святых, а только общая характеристика их чудесных деяний, а в Житии Макария Пелекитского как один контекст проиндексировано 2 исцеления). Поскольку 1 контекст (Житие Андрея Критского) проиндексирован и как *Cure of Speechlessness*, и как *Cure of Dumbness*, всего получаем 25 примеров, в которых святой исцеляет либо глухонемых от рождения детей (10 случаев), либо взрослых, лишившихся голоса из-за сверхъестественных (воздействие бесов) или естественных (например, эпилепсия) причин (15 случаев). Впрочем, последнее деление во многом условно, поскольку некоторые тексты не позволяют однозначно установить, идет ли речь о врожденной немоте или же о временном нарушении речи (Lascaratos et al. 1998: 25).

¹ Впрочем, известен и противоположный подход, предполагающий независимость Саввы от Петра (Каждан 2002: 422–424).

Подобная ситуация типична и для ранней агиографии. В то время как чудеса избавления от (глухо-)немоты были излюбленными эпизодами авторов Чудес Космы и Дамиана (Magoulas 1964: 150), жизнеописаний Даниила Столпника, Феодора Сикеота и Симеона Столпника Дивногорца (в этом памятнике «отоларингологические чудеса» составляют 13% от общего числа чудес (Lascaratos et al. 1998: 25)), рассказов об избавлении от отдельных дефектов речи мы почти не встречаем. Так, в житии Феодора Сикеота на 5 случаев немоты, в которых герой описан как ἄλαλος (Vita Theodori Syceotae: Cap. 61, 65, 95, 110, 156a), приходится лишь один эпизод, в котором святой исцеляет μογιλάλων, причем фонетические особенности его косноязычия остаются непроясненными (Ibid.: Cap. 67). Отметим, что последний термин может быть обманчив. Так, например, поздне-византийский агиограф Феоктист Студит (середина XIV в.) в Речи на перенесение мощей патриарха Константинопольского Афанасия I, отсылая к Ис 35:6 («ясен будет язык гугнивых»), называет святого «τρανωτῆς μογιλάλων γλώττης» (Translatio Athanasii: 60). В то же время, в чудесах, описанных агиографом дальше, вновь присутствуют лишь немые (Ibid.: 104–110), а не косноязычные.

Тем ярче на этом фоне выступает контекст из Жития Иоанникия. В гл. 37 агиограф рассказывает, что некий благочестивый человек по имени Константин имел обыкновение навещать святого, однако как-то раз «по божественному устроению» (οἰκονομικῶς) не смог прийти к нему лично и отправил вместо себя своего сына Никифора. Иоанникий принял его и стал расспрашивать об отце (Vita Ioannicii [Sabas]: 366AB):

Ὁ δὲ ψελλίζων ἐτραύλιζεν ἄκρως, ὥσπερ παιδίον. Ὁ καὶ αἰσθόμενος ὁ αἰδίδιμος λέγει αὐτῷ· Τέλειος ὑπάρχων τῇ ἡλικίᾳ ἔτι τὴν γλῶτταν ἀτελῇ περιφέρεις· οὐκ εὐδοκῶ τοῦτο ὑπάρχειν ἐν σοί, οὐδὲ βούλομαι· εἰπὲ ἄρφα. Ὁ δὲ φησιν· ἄλφα. Δευτεροῖ τὸ αὐτὸ καὶ πάλιν φησιν ἄλφα, καὶ λέγει· Πρότεινόν σου τὴν γλῶσσαν ἔξω, θεάσομαι αὐτήν. Τοῦδε τὸ τάχος, ὡς προσετάγη, προτείναντός, φησιν ὁ πατήρ, ἀποβλέψας τῇ γλῶσση· Χριστὸς Ἰησοῦς, ὁ Θεὸς καὶ δημιουργός σου, ὁ τὰ μογιλάλων καὶ κωφῶν διαρρήξας δεσμὰ καὶ λάλον γλῶσσαν τοῖς κατὰ φύσιν λογικοῖς ἀποδόμενος πάλαι ἐντέλλεταιί σοι, καὶ νῦν δι' ἐμοῦ τοῦ ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ λαλεῖν τὸ ῥῶ μὴ ψελλίζουσαν ἔτι. Καὶ φησιν τῷ ἀνθρώπῳ· Εἰπὲ ἄρφα, καὶ εὐθὺς εἶπεν ἄρφα. Ὡς δὲ

ὀρθολέκτησεν τὸ ῥῶ τρανολογῶν ὁ νεώτερος, ἐξαίσιον
θάμβος ἐπὶ τε αὐτὸν ἐκεῖνον καὶ τοὺς παρόντας ἐπέπεσεν ἐπὶ
τῷ τῆς παραδοξοποιίας ταύτης προβλήματι.

Приведенный фрагмент интересен в нескольких аспектах.

Прежде всего, обращает на себя внимание терминология, использованная Саввой для описания особенностей произношения юноши. Если выбор λ для передачи звука (предположительно, увулярного (Wollock 1997: 252, п. 42)), заменявшего в речи Никифора дрожащий альвеолярный [r], вполне традиционен (вспомним «ὀλῆς; Θέωλος τὴν κεφαλὴν κόλακος ἔχει» – Аристофан «Осы» 45), то одновременное использование глаголов ψελλίζω и τραυλίζω несколько неожиданно. Действительно, употребление соответствующих терминов в античности не было последовательным: Гиппократ, Аристотель и Гален использовали одни и те же слова (τραυλισμός / τραυλότης, ψελλισμός / ψελλότης, μογίλαλία, ἰσχοφωνία) в разных значениях (Rieber, Wollock 1977: 3). Так, для Аристотеля τραυλότης – это «неумение удерживать отдельный звук, причем не произвольный» (τῷ γράμματός τινος μὴ κρατεῖν, καὶ τοῦτο οὐ τὸ τυχόν), а ψελλότης – «опущение некоего элемента, звука или слога» (τῷ ἐξαίρειν τι, ἢ γράμμα ἢ συλλαβὴν – Arist. *Probl.* 902b22–25) (Wollock 1997: 62–63).

В то же время Гален, не знакомый с такой интерпретацией (Ibid.: 56), предложил более узкое понимание τραυλότης, точнее соответствующее примеру из Аристофана (Ibid.: 191–195; Wollock 1982: 202–203): по его словам, этот дефект речи возникает, когда «язык не может членораздельно произнести слова, в которых сочетаются τ и ρ <...>, поскольку для всех таких слов нужно, чтобы язык распластался и прижался к передним зубам. Но у некоторых он оказывается слабее, прижимается хуже и не справляется с сочетанием τ и ρ, превращая его в τ и λ» (μὴ δυναμένης τῆς γλώττης ἀκριβῶς ἐκεῖνας διαρθροῦν τὰς φωνὰς, ὅσαι διὰ τοῦ τ καὶ ρ λέγονται <...> δέονται γὰρ αἱ τοιαῦται πᾶσαι τῆς γλώττης μετὰ τοῦ πλατύνεσθαι στηριζομένης ἐπὶ τοῖς προσθίοις ὁδοῦσιν. Ὅταν οὖν ἀτονωτέρα τισὶ ὑπάρχη, στηρίζεται χειρόν καὶ οὐ διαρθροῖ τὸν τοῦ τ καὶ ρ φθόγγον, ἀλλ' ἐπὶ τὸν τ καὶ λ μεταπίπτει – Galenus. *In Hipp. aphor.*: 51, l. 2–10).

Именно такое понимание и стало определяющим для византийцев. Оно было известно не только византийским медикам,

например протоспафарию Феофилу², который не смешивал ψελλισμός и τραυλισμός (Wollock 1997: 202), но и неспециалистам, которые однозначно интерпретировали τραυλισμός или τραυλότης как неспособность произнести [г]. Евстафий Солунский (XII в.) отмечал, что «картавые избегают звука ρ, чтобы не обнажить своей картавости» (οἱ τραυλίζοντες, ἀπέχονται τοῦ ρ στοιχείου, ἵνα μὴ ὁ τραυλισμός αὐτοῦς ἐλέγχῃ – Eustathius. *Comm. in Od.*: 2), а Никифор Вриенний упоминал, что противники императора Алексея I Комнина (1081–1118) называли его τραυλός, поскольку тот «плохо справлялся с “ῥῶ”» (οὐκ ἀκριβῶς κατάρθου τὸ ῥῶ – Bryennios: 289).

В то же время, очевидна и противоположная тенденция, смешивающая термины τραυλός и ψελλός: между ними не видят разницы ни автор Суды (ψελλός: ἀσήμως καὶ ἀνάρθρως λαλῶν, τραυλός – Suda: 1148), ни Гесихий (Т 1274: τραυλίζει: ψελλίζει – Hesychius: 67; Ψ 112: ψελλίζειν· ἀσ[χ]ήμως λαλεῖν – Ibid.: 244). А самый известный косноязычный современник Иоанникия, император Михаил II (820–829 гг.), попеременно называется византийскими авторами то ψελλός, то τραυλός (PMBZ: N 4990), причем никто из них не конкретизирует, в чем именно заключался его речевой дефект.

Отражение этой тенденции мы и видим в житии Иоанникия: с одной стороны, Савва живо интересуется дефектами речи, а с другой, – не будучи медиком, использует ψελλίζω и τραυλίζω как синонимы. Вопросы чистоты произношения, по-видимому, немало заботили агиографа. На это указывают несколько моментов. Во-первых, судя по словам Саввы, речь идет о чуде, свершившемся не по молитве самого юноши, а по воле святого, что сразу же противопоставляет этот эпизод другим рассказам о чудесах Иоанникия. Во-вторых, соответствующий эпизод отсутствует в ранней версии Петра, которую Савва использовал как основу (*Vita Ioannicii [Petrus]*). Кроме того, это чудо никак нельзя назвать зрелищным: Иоанникий совершил множество куда более удивительных деяний (он усмирял драконов, изгонял бесов, предсказывал смерть императорам), на фоне которых эпизод с исправлением произношения не кажется выигрышным. Учитывая отмеченное нами выше отсутствие аналогичных случаев в агиографической литературе эпохи, очевидно, что

² Традиционная датировка жизни Феофила 1-й половиной VII в. остается условной (Hunger 1978: II, 299).

включение подобного эпизода могло быть только результатом осознанного авторского решения.

Отметим, что источники более позднего периода (по крайней мере, с начала XI в.) свидетельствуют о пристальном внимании византийцев к произношению. Особенности произношения тех или иных звуков могли служить социальным маркером. В 1030-е гг. Михаил Грамматик издевался над теми, кто произносит $\xi\iota\lambda\omicron\nu$ вместо $\xi\acute{\omicron}\lambda\omicron\nu$ и $\kappa\rho\iota\omicron\nu$ вместо $\kappa\rho\acute{\omicron}\nu$ (Lauritzen 2009). Приведенный выше контекст из Евстафия Солунского говорит о стремлении скрыть недостатки произношения как о чем-то самоочевидном.

Биографы Алексея I Комнина специально защищают его, подчеркивая незначительность его речевого дефекта. Так, Никифор Вриенний пишет, что противник Алексея Никифор Василики, «не зная, как бы иначе высмеять столь великого мужа, непрестанно ставил ему в вину этот ничтожный и невольный недостаток, связанный со звуком “ $\rho\omega$ ”»: $\text{Μὴ ἔχων γὰρ ἑτερόν τι καταμωκήσασθαι τοῦ τοιοῦτου ἀνδρός, τὸ σμικρότατον ἐκείνου τοῦ ρῶ καὶ ἀπροαίρετον αἰτίαμα ἄνω καὶ κάτω προσφέρων ἦν}$ (Bryennios: 291). Анна Комнина также считает своим долгом защитить отца: «Вообще мой отец Алексей говорил хорошо ($\epsilon\upsilon\sigma\tau\omicron\mu\omicron\varsigma$) (не было другого такого прирожденного оратора в рассуждениях и доказательствах), только при произнесении звука “эр” его язык чуть-чуть запинаясь ($\omega\varsigma \upsilon\pi\omega\lambda\acute{\iota}\sigma\theta\alpha\iota\nu\acute{\epsilon}$ $\tau\epsilon$ $\mu\epsilon\tau\rho\acute{\iota}\omega\varsigma$), хотя остальные буквы и произносил плавно ($\rho\omicron\upsilon\nu$ $\acute{\alpha}\kappa\acute{\alpha}\theta\epsilon\kappa\tau\omicron\nu$ $\acute{\epsilon}\chi\omicron\upsilon\sigma\alpha$)» (Алексиада: 71; Alexias: 30)³.

К сожалению, специфика дефекта речи Романа Воилы, одного из самых ярких персонажей эпохи правления Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.), неизвестна. Историки, рассказывающие о нем, используют самые общие термины: «полунемая ($\eta\mu\acute{\iota}\phi\omega\nu\omicron\nu$) тварь, которая еле ворочала языком и запинаясь ($\delta\iota\omega\lambda\acute{\iota}\sigma\theta\alpha\iota\nu\epsilon$) при потугах что-либо произнести» (Пселл: 115; Psellos: II, 38); «его язык был полунем и неспособен правильно говорить, запинаясь и произносил звуки невнятно для слушателей»: $\text{τὴν γλῶσσαν εἶχεν ἡμίφωνον μὴδ' οἶαν ὀρθοελεῖν, ὀλισθαίνουσαν δ' ἐν ταῖς ὁμιλίαις καὶ ἀνεπαίσθητα τοῖς ἀκροαταῖς φθεγγομένην}$ (Zonaras: 645). Однако Роман не пытался исправить

³ И. Ласкаратос ошибочно утверждает, что Вриенний считал дефектом речи Алексея заикание: «...Bryennius, contradicting his wife, reveals that Alexius was a stammerer and spoke with a halting voice» (Lascaratos 1996: 915). В действительности же, оба источника говорят о картавости.

этот природный дефект, а напротив, подчеркивал его, желая войти в доверие к императору, поскольку того всегда привлекало, если «какой-нибудь от природы косноязычный (γλωττα ἐδέδετο φυσικῶς) человек неправильно выговаривал (ὀρθοελεῖν) слова» (Пселл: 115; Psellos: II, 38).

Все приведенные примеры, во-первых, относятся к более позднему, чем середина IX в., периоду, а во-вторых, рисуют картину аристократической придворной жизни, в которой тот или иной дефект речи становится предметом острого интереса, и как следствие – сплетен, шуток и интриг. Как правило, такая особенность оказывается социальным недостатком, но в некоторых случаях (как у Романа Воилы), напротив, может служить конкурентным преимуществом. Однако для эпохи, предшествующей комниновской аристократизации византийской культуры, интересующий нас контекст уникален. Из рассмотренного эпизода следует, что в середине IX в. неправильное произношение могло восприниматься как существенное препятствие на карьерной лестнице (обратим внимание, что отец юноши не простолюдин, а τῇ ἀξίᾳ ὑπαικός).

К сожалению, столь важное для Саввы чудо исцеления картавого было слишком необычно для византийского читателя. Именно поэтому в конце X в. Симеон Метафраст, перерабатывая в соответствии с изменившимися эстетическими запросами византийской публики версию Саввы, избавляется от большей части излишних, с его точки зрения, фонетических подробностей. Он использует более общие слова: «язык юноши был нетверд и слегка картавил» (ἡ γλῶσσα δὲ αὐτοῦ σφαλερῶς εἶχε καὶ ὑπετραύλιζεν – Vita Ioannicii [Metaphrastes]: 77B), не упоминает о звуках [r] и [l], опускает загадочное слово «арфа», использованное святым для проверки произношения Никифора. Более того, весь эпизод более традиционно оформлен с точки зрения соответствия агиографическим жанровым конвенциям: Метафраст, во-первых, забывает о том, что в версии Саввы инициатором чуда был сам святой, а во-вторых, добавляет, что Иоанникий не только «подарил ясность органу [речи] юноши» (τῷ νεανίσκῳ τὸ ὄργανον διέτράνωσεν), но также побудил его душу к исполнению божественных заповедей (в то время как у Саввы избавление от картавости было самоценно). Таким образом, вымываются все неожиданные необязательные элементы. Остается лишь пожалеть, что византийцы последующих эпох составляли представление об Иоанникии скорее по переработке Метафраста, чем по

версии Саввы, поскольку распространение последней в рукописной традиции, конечно же, несопоставимо с популярностью метафрастовского корпуса.

Источники

- Алексиада – Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб., 1996.
- Пселл – Михаил Пселл. Хронография. Краткая история / Пер. Я. Н. Любарского, Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абдрахмановой. СПб., 2003.
- Alexias – Annae Comnenae Alexias / Rec. D. R. Reinsch, A. Kambylis. Pars 1. B.; N.-Y., 2001. (Corpus fontium historiae Byzantinae; 40/1).
- Bryennios – Nicéphore Bryennios. Histoire / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Brux., 1975. (Corpus fontium historiae Byzantinae; 9).
- Eustathius. Comm. in Od. – Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam / Ed. G. Stallbaum. Vol. 1. Lpz., 1825.
- Hesychius – Hesychii Alexandrini Lexicon / Rec. et emend. P. A. Hansen, I. C. Cunningham. Vol. IV: T–Ω. B., 2009.
- Galenus. In Hipp. aphor. – Galenus. In Hippocratis aphorismos commentarii VII // Claudii Galeni opera omnia / Ed. C. G. Kühn. Vol. 18/1. Lpz., 1829.
- Psellos – Michel Psellos. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et trad. par É. Renauld. 2 vols. P., 1967.
- Suda – Suda Lexicon / Rec. I. Bekker. B., 1854.
- Translatio Athanasii – Talbot A.-M. M. (ed.) Faith Healing in Late Byzantium: The Posthumous Miracles of the Patriarch Athanasios I of Constantinople by Theoktistos the Stoudite. Brookline (Mass.), 1983.
- Vita Ioannicii [Metaphrastes] – Vita, res gestae et certamina sancti patris nostri Joannicii abbatis // Patrologia graeca. T. 116. Turnhout. Col. 35–92.
- Vita Ioannicii [Petrus] – Altera vita s. Ioannicii auctore Petro monacho // Acta sanctorum. Novembris. T. 2. Pars. 1. Brux., 1894. Col. 384–435.
- Vita Ioannicii [Sabas] – Vita s. Ioannicii auctore Saba monacho // Acta sanctorum. Novembris. T. 2. Pars. 1. Brux., 1894. Col. 332–384.
- Vita Theodori Syceotae – Festugière A.-J. (ed.) Vie de Théodore de Sykéôn. Vol. 1: Texte grec. Brux., 1970. (Subsidia hagiographica; 48).
- Zonaras – Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / Ed. T. Büttner-Wobst. Bonn, 1897.

Литература

- Афиногенов 2004 – Афиногенов Д. Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия. М., 2004.
- Каждан 2002 – Каждан А. П. (в сотрудничестве с Ли Ф. Шерри, Х. Ангелиди) История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002.

- Dobschütz 1900 – Dobschütz E. von. Methodios und die Studiten: Stömungen und Gegenströmungen in der Hagiographie des 9. Jahrhunderts // *Byzantinische Zeitschrift*. 1909. Bd. 18. S. 41–105.
- DOHD – Dumbarton Oaks Hagiography Database [Электронная база данных] URL: <http://www.doaks.org/research/byzantine/resources/hagiography-database> (дата обращения 3.05.2014).
- Hunger 1978 – Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. 2 Bde. München, 1978.
- Lascaratos 1996 – Lascaratos J. Otorhinolaryngological Diseases in Byzantium (A.D. 324–1453): Information from Non-Medical Literary Sources // *The Journal of Laryngology and Otology*. 1996. Vol. 110. Issue 10. P. 913–917.
- Lascaratos et al. 1998 – Lascaratos J., Poulacou-Rebelacou E., Yotakis J. Otolaryngological Treatments in Hagiographical Byzantine Texts (324–1453 A.D.): Miracles or Reality? // *The Journal of Laryngology and Otology*. 1998. Vol. 112. Issue 1. P. 25–30.
- Lauritzen 2009 – Lauritzen F. Michael the Grammarian's Irony about Hypsilon: A Step towards Reconstructing Byzantine Pronunciation // *Byzantinoslavica*. 2009. Vol. 67. P. 161–168.
- Magoulias 1964 – Magoulias H. J. The Lives of the Saints as Sources of Data for the History of Byzantine Medicine in the 6th and 7th Centuries // *Byzantinische Zeitschrift*. 1964. Bd. 57. S. 127–150.
- Mango 1983 – Mango C. The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians // *Harvard Ukrainian Studies*. 1983. Vol. 7 (= *Okeanos: Essays Presented to I. Ševčenko on his 60th Birthday by his Colleagues and Students* / Ed. C. Mango, O. Pritsak). P. 393–404.
- PMBZ – Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 1. Abteilung (641–867) / Hg. R.-J. Lilie, C. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow, B. Zielke. 6 Bde. B.; N.-Y., 1998–2001.
- Pratsch 2005 – Pratsch Th. Der hagiographische Topos: Griechische Heiligenviten in Mittelbyzantinischer Zeit. B.; N.-Y., 2005. (Millennium-Studien; 6).
- Rieber, Wollock 1977 – Rieber R. W., Wollock J. The Historical Roots of the Theory and Therapy of Stuttering // *Journal of Communication Disorders*. 1977. Vol. 10. P. 3–24.
- Wollock 1982 – Wollock J. Views on the Decline of Apical r in Europe: Historical Study // *Folia linguistica*. 1982. Vol. 16. Series Historica. Vol. 3. Issue 2. P. 185–238.
- Wollock 1997 – Wollock J. The Noblest Animate Motion: Speech, Psychology and Medicine in Pre-Cartesian Linguistic Thought. Amsterdam, 1997.

**L. V. Lukhovitskiy. Say ‘arpha’: St. Ioannikios the Great
as a Speech Therapist**

Miraculous cure of dumbness or speechlessness by a saint is a *topos* of Byzantine hagiography, whereas instances of miraculous healing of particular speech defects (stammering or inability to utter certain sounds) are relatively rare. The paper discusses a mid-9th century context, namely the *Life* of St. Ioannikios the Great. According to its author Sabas the Monk, Ioannikios cured his devotee’s son of a speech impediment consisting of an inability to pronounce proper *r* and substituting this sound with *l*. His manner of speech is described by ψελλίζων ἐτραύλιζεν. This episode, absent in an earlier version of St. Ioannikios’ *Life* composed by Peter the Monk, remains unknown either to linguists, or historians of Byzantine medicine. It may shed light on a problem of transmission of ancient terminology of speech disorders (Aristotle, Galen) into the Middle Ages and also (if compared with data provided by Byzantine historians and *literati*, Michael the Grammarian, Michael Psellos, Anna Komnene, Nikephoros Bryennios and Eustathios of Thessalonica) allows to speculate on the Byzantine attitude towards defective vs. normative pronunciation.

Keywords: hagiography, Byzantium, miracles, Greek language, speech impediments, pronunciation.

ДРЕВНЕРИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В БИБЛИОТЕКЕ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

В статье дается описание изданий римских авторов, принадлежавших профессору Московского университета Тимофею Грановскому. Собрание отличается полнотой, особенно в прозаической области; представлены также важнейшие поэты (кроме сатириков). Т. Н. Грановский предпочитал читать на новых языках, но обращался и к латинским оригиналам.

Ключевые слова: библиотека, римская литература

Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855) нет необходимости представлять публике¹. То же самое можно сказать о его библиотеке: обстоятельства ее формирования и передачи Императорскому Московскому университету, равным образом как и общий характер, описаны². Потому нам нет необходимости останавливаться на этом подробно. Напомним лишь два основополагающих факта. Книжное собрание ученого замысливалось и создавалось с самого начала отчасти как «публичное»: Грановский был щедр, раздавая свои книги, – даже студентам. Впрочем, новейшая научная литература должна была

¹ Разумеется, это никоим образом не значит, что мы считаем сколь-нибудь удовлетворительным современное понимание его роли в научной и культурной жизни русского общества 40-х – 50-х гг. XIX в. Напротив, исследование обещает быть чрезвычайно плодотворным и обогатить нас многими новыми наблюдениями. В советскую эпоху, в частности, охотно забывали, что Т. Н. Грановский был убежденным защитником классического образования и отстаивал изучение древней истории как законченной, где можно говорить с полной определенностью о причинах и следствиях: его записка «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены» (1855 г.), впервые опубликованная в № 97 «Московских ведомостей» 1860 г., была перепечатана в качестве приложения в сборнике статей М. Н. Каткова «Наша учебная реформа» (М., 1902, сс. 151–161; подготовлен и издан директорами лучших частных гимназий Москвы – Л. И. Поливановым (мужской) и С. Н. Фишер (женской)).

² Маслова Н. В. Т. Н. Грановский и его библиотека. – Из фонда редких книг и рукописей Научной Библиотеки Московского Университета. Под ред. Проф. С. О. Шмидта. М., Издательство МГУ, 1993. С. 23–37. Там же см. библиографию.

пользоваться у публики большей популярностью, нежели латинские классики. После смерти с целью материальной поддержки вдовы профессора библиотеку купил Александр Владимирович Станкевич, брат Н. В. Станкевича, имея в виду сохранить ее для Московского университета. Она начала поступать в университет в 1912 г.; в момент продажи А. В. Станкевичу собрание состояло из 6469 книг, в настоящий момент – 4582 тома.

Все, что нам известно о пристрастиях ученого в области римской литературы, – его любовь к Тациту³. Этот факт подтверждается и библиотекой: изданий Тацита на латинском и немецком языках в библиотеке больше всего. Вообще, если рассматривать языковой состав, он не окажется неожиданным: оригинальные издания, немецкие и французские переводы и билингвы на тех же языках. То, что в библиотеке нет римской литературы в русских переводах, следует, по-видимому, объяснить либо случайностью, либо отсутствием под рукой переводов, которые были бы интересны Грановскому: книги древнегреческих авторов на русском языке у него есть. Подборка достаточно полная, в прозе полнее, чем в стихах, но основные поэты представлены (впрочем, единственное издание Катулла, Тибулла и Проперция почти не разрезано там, где дан текст элегиков). В поэзии Грановского интересовала прежде всего история: из низаровской серии у него имеется лишь исторический эпос, есть книга Невия (но не Энния!), а жанр сатиры (кроме Горация) полностью отсутствует.

Особо остановимся на характере помет. Это либо отчеркивания или иные знаки, либо глоссы и комментарии (на наш взгляд, последний случай не имеет отношения к Грановскому); нам не удалось найти на полях соответствующих книг интересных мыслей, которые характеризовали бы его отношение к прочитанному и влияние, которое оно могло бы оказать. Потому мы в нашем описании их не приводим. Карандашные записи на с. 78 2-го т. Тита Ливия в издании Эрнести сделаны – как видно из сравнения с несомненно написанными рукой Т. Н. Грановского документами – его почерком; это позволяет сделать два последовательных осторожных предположения: 1) фрагмент из истории Ганнибаловых войн заинтересовал ученого, и в соответствующем месте пометы встречаются часто, образуя единую

³ См. нашу работу: Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., ГЛК Ю. А. Шичалина, 2007. С. 170.

группу; такая густая сеть помет в редких местах вообще характерна для него и 3) карандашные знаки, имеющие по большей части такой характер, со значительной вероятностью принадлежат Грановскому. Напротив, 1-й том французского Саллюстия дает совершенно иную картину. Чернильные пометы имеют следы обрезки и были сделаны до того, как книга была переплетена; если предположить, а это весьма вероятно, что наклейка книготорговца была нанесена на экземпляр уже с новым переплетом, то к Грановскому он попал уже с этими пометами, и сделаны они с высокой степенью вероятности не им. Это же, на наш взгляд, можно сказать практически обо всех чернильных пометах и записях.

Наибольшего читательского внимания удостоились «Записки о Галльской войне» Цезаря, письма Плиния Младшего и «Агрикола» Тацита на немецком языке. С другой стороны, многие книги в значительной части или даже практически полностью не разрезаны – но это еще не говорит об отсутствии интереса к соответствующим авторам, поскольку большинство из них у Грановского в представлены нескольких изданиях. Исключениями являются элегии и отчасти Теренций. Отметим также, что владелец собрания не был библиофилом: в основном у него представлены самые современные издания, настоящих книжных редкостей в этом разделе его библиотеки нет. Можно отметить, что – судя по датам изданий – Грановский до конца жизни интересовался античной литературой и покупал новые книги. Характер помет говорит о том, что на новых языках Грановскому читать было легче, и он предпочитал так и поступать, но обращался и к оригинальным текстам.

Мы представим римский раздел библиотеки Т. Н. Грановского в виде каталога. Мы выбрали алфавитную последовательность для авторов, при наличии нескольких изданий они располагаются в последовательности шифров. Завершает каждое описание шифр (Гранов. + номер) с инвентарным номером. Указание автора и общее заглавие, как и описание переплета, дается лишь для первого тома. Если автор встречается в сборнике, при его имени дается отсылка к соответствующему номеру; сборники включены в каталог по имени первого автора.

Каталог древнеримских авторов в библиотеке Т. Н. Грановского

Ammianus Marcellinus

1. Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt ex recensione Valesio-Gronoviana. Indicem Dignitatum nec non glossarium latinitatis adjecit Augustus Guil. Ernesti. Lipsiae, Weidmann und Reich, 1773; XVI, 563, [11] с.; 8°. – Отчеркивания простым карандашом на сс. 552–563 (De Constantio Chloro Constantino Magno et aliis imperatoribus excerpta auctoris ignoti). Переплет и корешок: ткань; крапчатые обрезы. Гранов. 223/556.

2. Glossarium Latinitatis. [288] с.; 8°. – Переплет и корешок: ткань; крапчатые обрезы. Гранов. 223/557.

3. Ammien Marcellin, ou les dix-huit livres de son histoire qui nous sont restés. Traduits en françois. [Par G. de Moulins.] T. I. – Berlin, G.-J. Decker, 1775. – [4], X, [8], 448, [2] с.: грав. фронтиспис; 12°. – Переплет – кожа, тиснение; корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 950/2560.

4. Idem. T. II. – Berlin, G.-J. Decker, 1775. – [14], 453, [3] с.; 12°. Гранов. 950/2561.

5. Idem. T. III. – Berlin, G.-J. Decker, 1775. – [14], 448, [2] с.; 12°. Гранов. 950/2562.

Ampelius, Lucius см. 36; 54.

Apuleius см. 61.

Caesar, Caius Iulius

6. Cajus Julius Caesar-Denkwürdigkeiten des Gallischen Krieges Übers. v. A. Baumstark. Bd. 1–4. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1855. – 562 с.; 8°. – Отчеркивания простым карандашом на сс. 74, 75, 80, 85, 89–91, 95, 97, 99–109, 111, 115, 116, 120, 124, 125, 136, 137, 139, 147, 148, 155, 159, 160, 171–174, 176–178, 180, 181, 183, 184, 186, 191, 193–200, 209, 219, 236–239, 243–249, 260, 272, 284, 295, 297–305, 310, 329, 330, 335, 345, 347, 355, 357–359, 400, 401, 403, 438, 441, 449. Переплет, корешок – мраморная бумага; красные обрезы. Гранов. 289/714.

7. Denkwürdigkeiten des Bürgerkrieges. Des Cajus Julius Caesar-Denkwürdigkeiten des Gallischen und des Bürgerkrieges Übers. v. A. Baumstark. Bd. 5–8. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1855. – 563–1008 с.; 8°. Гранов. 289/715.

8. C. Iulii Caesaris Commentarii de bello Gallico et civili. Accedunt libri de bello Alexandrino Africano et Hispaniensi. E rec. Francisci Oudendorpii. Post Cellarium et Morum denuo cur. Ier. Iac. Oberlinus. Ed. nova. – Lipsiae, Weidmann, 1819. – XXIX, 902, [4] с.; 8°. – На т. л. штемпель черной краской: E. v. Schmeling. Пометы простым карандашом на сс. 7, 9–12, 20–22, 27, 53–58, 363, 373, 374–377, 381–383, 390, 392–401, 403, 404, 406–429. Пометы чернилами на сс. 24, 25, 27, 34 (маргиналии обрезаны), 37, 38, 42, 100 (E. v. Schmeling, владельческая), 114 (Eckhardt v. Schmeling), 201–206, 362, 364, 366–369, 371, 372, 375, 381, 384, 386, 387, 389, 391, 401, 402, 405, 406, 499, 513, 514, 516–520, 522, 523. Переплет – мраморная бумага, корешок – мраморная бумага, золотое тиснение; крапчатые обрезы; форзацы – голубая бумага. Гранов. 421/986.

Catullus, Caius Valerius; Tibullus, Albius; Propertius, Sextus

9. Catulle. Traduction nouvelle par M. C. Denanfrid. Tibulle. Traduction de Mirabeau. Properce Traduction de Delongchamps. Veillée de Vénus Traduction nouvelle. – Paris, Lefèvre, Garnier frères, [imp. Plon frères], 1845. – [4], 599, [1] с.; 8°. – Издат. обложка. Листы (кроме текста Катулла) в основном не разрезаны. Гранов. 1530/3604.

Cicero, Marcus Tullius

10. M. Tullii Ciceronis Operum Ex Recensione Jo. Aug. Ernesti... Accedit praeter fragmenta nuper in Italia reperta editionum Oxoniensis et Neapolitanae codicumque ad has collatorum lectionis diversitas. Ed. nova. T. I qui est rhetoricus. Adiecta est varietas lectionis Gruterianae. – Halae et Berolini, In Libraria Orphanotropei, 1820. – CXCII, 752, [2] с.; 8°. – Картонная обложка. Гранов. 258/659.

11. Idem. T. II sive Orationum pars I. Adiecta est varietas lectionis Gruterianae. – Halae et Berolini, In Libraria Orphanotropei, 1821. – 884, [2] с.; 8°. Гранов. 258/660.

12. Idem. T. II qui est Orationum pars II. Adiecta est varietas lectionis Gruterianae. – Halae et Berolini, In Libraria Orphanotropei, 1821. – [2], 885–1722, [4] с.; 8°. Гранов. 258/661.

13. Idem. T. III. Epistolarum pars I. Adiecta est varietas lectionis Gruterianae. – Halae et Berolini, In Libraria Orphanotropei, 1822. – [2], 544 с.; 8°. Гранов. 258/662.

14. Idem. T. III Epistolarum pars II. Adiecta est varietas lectionis Gruterianae. – Halae et Berolini, In Libraria Orphanotropei, 1822. – [2], 543–1178, [2], 1779–1781, [1] с.; 8°. Гранов. 258/663.

15. Idem. T. IV id est Operum philosophicorum pars I. Adiecta est varietas lectionis Gruterianae. – Halae et Berolini, In Libraria Orphanotropei, 1823. – [2], 778, [4] с.; 8°. – Пометы простым карандашом на сс. 102–108, 116, 118, 120. Гранов. 258/664.

16. Idem. T. IV id est Operum philosophicorum pars II. Adiecta est varietas lectionis Gruterianae. – Halae et Berolini, In Libraria Orphanotropei, 1823. – [2], 779–1266 с.; 8°. Чернильные пометы на сс. 1029, 1057. Пометы простым карандашом на сс. 1025, 1026, 1028–1046, 1048, 1051–1053, 1056. Гранов. 258/665.

17. Idem. T. V continens scripta ab Angelo Maio nuper reperta id est De re publica quae supersunt et sex orationum partes... Cum integris Angeli Maii annotationibus... – Halae, In Libraria Orphanotropei, 1824. – IV, 652 с.; Specimen palimpsesti Vaticani после с. 60. Specimina characteris codicis Ambrosiani после с. 652; 8°. Гранов. 258/666⁴.

⁴ Это издание содержит и три тома приложений: D. Jo. Aug. Ernesti Praefationes et Notae ad M. T. Ciceronis Operum omnium editionem maiorem. Ed. Ernestianae minoris supplementum. Pars I. Halae, e Libraria Orphanotropei, 1806. iv, 776, с.; 8°. Гранов. 259/667. Idem, P. II. Halae, e Libraria Orphanotropei, 1807. [2], 580, [2], с.; 8°. Гранов. 259/668. Jo. Aug. Ernesti Clavis Ciceroniana sive Indices rerum et verborum... Ed. 6. Halae, e Libraria Orphanotropei, 1831. XX, 738, [2], с.; 8°. Гранов. 260/669.

18. Marcus Tullius Cicero's Werke. Bd. 34, Reden, übersetzt von C. N. v. Osiander... Bd. 8. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1834. – 961–1100 с.; 8°. Листы не разрезаны. Издат. обложка. Гранов. 293/725.

19. Marcus Tullius Ciceros Werke. 1e Abt. Ciceros Tusculanische Unterredungen, übersetzt von Friedrich Heinrich Kern... Bd. 1–3. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler, 1827. – 3–112, 115–216, 219–346 с.; 8°. Переплет – мраморная бумага, корешок – мраморная бумага, золотое тиснение; красные обрезы. Гранов. 304/736.

20. Idem. 2e Abt. Bd. 4. Brutus oder von den berühmten Rednern übersetzt von D. C. A. Mebold. Bd. 5. Cato der Aeltere oder vom Greisenalter; und Lilius oder von der Freundschaft. Uebersetzt von Wilhelm Matthäus Pahl... Bd. 6. Der Redner und von der besten Rednergattung, übersetzt von D. C. A. Mebold... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler, 1827. – 347–510, 513–646, 649–786 с.; 8°. Гранов. 304/737.

21. Idem. Bd. 7–8. Zwei Bücher von der Weissagung und vom Schicksal Ein Buch. Übersetzt von Dr. Georg Heinrich Moser... Bd. 9–10. Sechs Bücher vom Staat. Übersetzt von Dr. Georg Heinrich Moser... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler, 1828. – 787–1016, [2], 1017–1270 с.; 8°. Гранов. 304/738.

22. Idem. Bd. 11, 1828. Drei Bücher über die Gesetze. Übersetzt von Karl August Friedrich Seeger... Bd. 12–13, 1829. Drei Bücher über das Wesen der Gottheit. Übersetzt von Dr. Georg Heinrich Moser... Bd. 14–15, 1829–1830. Drei Bücher vom Redner. Übersetzt von Dr. J. Fr. Dilthey... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 1271–1524, 1527–1728, 1731–1880, 1883–2062 с.; 8°. Пометы и отчеркивания простым карандашом на с. 1733, 1734, 1737, 1745, 1757. Гранов. 304/739.

23. Idem. Bd. 16. Drei Bücher vom Redner. Übersetzt von Dr. J. Fr. Dilthey... Bd. 17–18. Akademische Untersuchungen, zwei Bücher. Übersetzt von Dr. Georg Heinrich Moser... Bd. 19. Drei Bücher über die Pflichten. Übersetzt von G. G. Uebelen... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler, 1833. – 2063–2377, [5], 2375–2402 с.; 8°. Гранов. 304/740.

24. Idem. Bd. 20, 1834. Drei Bücher über die Pflichten. Übersetzt von G. G. Uebelen... Bd. 21–22, 1836, 1837. Fünf Bücher vom höchsten Gut und Uebel. Übersetzt von Dr. Gottlob Christian Kern... Bd. 23, 1837. Rhetorik, Zwei Bücher: Von der rhetorischen Erfindungskunst. Übersetzt von Dr. Georg Heinrich Moser... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 2403–3020 с.; 8°. Гранов. 304/741.

25. Idem. Bd. 24, 1837. Rhetorik, Zwei Bücher: Von der rhetorischen Erfindungskunst. Übersetzt von Dr. Georg Heinrich Moser... Bd. 25, 1838. Gespräch mit seinem Sohne, über die rednerische Eintheilung. Topik, oder die Lehre von den Beweisen und den gerichtlichen Gründen... Übersetzt von Dr. Georg Heinrich Moser... Bd. 26, 1842. Rhetorik an Herennius. – Übersetzt von Christian Walz... Reden. Übersetzt von C. N. Osiander. Bd.

1, 1832... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 3023–3532, [2], 160, 145–160 с.; 8°. Гранов. 304/742.

26. Idem. Reden. Übersetzt von C. N. Osiander. Bd. 2–5, 1832, 1833, 1833, 1833... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 161–664 с.; 8°. Гранов. 304/743.

27. Idem. Reden. Übersetzt von C. N. Osiander. Bd. 6–9, 1833, 1833, 1834, 1834... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 665–1200 с.; 8°. Гранов. 304/744.

28. Idem. Reden. Übersetzt von C. N. Osiander. Bd. 10–13, 1834, 1835, 1835, 1835... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 1201–1696 с.; 8°. Гранов. 304/745.

29. Idem. Reden. Übersetzt von C. N. Osiander. Bd. 14–17, 1836, 1836, 1837, 1837... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 1697–2176 с.; 8°. Гранов. 304/746.

30. M. Tullius Cicero's sämtliche Briefe übersetzt und erläutert von C. M. Wieland. Neue Ausg. Bd. I–II. – Leipzig, F. Fleischer, [Druck von J. B. Hirschfeld], 1840. – XII, 282, [2], [2], 256 с.; 8°. Переплет – мраморная бумага, уголки – кожа, корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 955/2581.

31. Idem. Bd. III–IV. – Leipzig, F. Fleischer, [Druck von J. B. Hirschfeld], 1841. – [2], 317, [1], 262 с.; 8°. Гранов. 955/2582.

32. Idem. Bd. V–VI. – Leipzig, F. Fleischer, [Druck von J. B. Hirschfeld], 1841. – [2], 172, [4], 284 с.; 8°. Гранов. 955/2583.

33. Idem. Bd. VII–VIII. – Leipzig, F. Fleischer, [Druck von J. B. Hirschfeld], 1841. – [2], 166, [2], 266 с.; 8°. Гранов. 955/2584.

34. Idem. Bd. IX–X. – Leipzig, F. Fleischer, [Druck von J. B. Hirschfeld], 1841. – [2], 206, [2], VIII, 244, [2] с.; 8°. Гранов. 955/2585.

Claudianus, Claudius см. 51.

Eutropius см. также 73.

35. Eutropii Breviarium historiae Romanae. Ed. stereot. ad optimas ed. recognita. – Brunsvigae, Reichard, 1821. – 70 с.; 8°. – Записи чернилами на полях на рус. и лат. языках на сс. 3–6. Переплет, корешок – мраморная бумага, желтые обрезы. Гранов. 1118/2954.

Festus, Rufius см. 54.

Florus, Lucius Annaeus

36. L. A. Florus cum notis integris Cl. Salmasii et selectissimis Variorum accurante S. M. D. C. Additus etiam L. Ampelius ex Bibliotheca Cl. Salmasii. – Amstelodami, ex off. Elzeviriana, 1660. – [16], 588, [108], 46 с.; грав. т. л.; 8°. – Надпись чернилами на форзаце 1b: Nr. 50 in 8. F. G. Q[?]. Friedmann a amico Dietrich. Записи чернилами: 4, форзац 4a. Переплет – пергамен. Гранов. 89/249.

Gellius, Aulus см. 61.

Horatius Flaccus, Quintus

37. Q. Horatius Flaccus ex recensione et cum notis atque emendationibus Richardi Bentleii. Editio nova. T. I–II. – Lipsiae, Libraria Weidmannia, G. Reimer, [imp. G. H. Maret], 1826. – XX, 539, [1], 496 с.; 8°. – Переплет – мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; красные обрезы. Гранов. 866/2364.

38. Q. Horatius Flaccus' lyrische Gedichte. Lateinisch mit metrischer Uebersetzung; mit berichtigtem Grundtext, nebst den wichtigsten Varianten,

einer Biographie des Dichters... von J. S. Strodtmann. – Leipzig, W. Engelmann, [Druck von Breitkopf und Härtel], 1852. – XXX, 453, [1] с.; 8°. – Листы в основном не разрезаны. Издат. обложка. Гранов. 1507/3580.

Iustinus, Marcus Iunianus см. также 85.

39. Iustini Historiarum libri XLIV Epitoma historiarum Philippicarum in usum studiosae iuventutis denuo singulari cura recogniti. Ed. 8. – Halae, Libr. Orphanotrophei, 1821. – 248 с.; 8°. – Переплет – мраморная бумага, крапчатые обрезы. Гранов. 1115/2950.

Livius, Titus

40. T. Livii Patavini Historiarum libri qui supersunt omnes ex recensione Arn. Drakenborchii cum indice rerum locupletiss. Accessit praeter varietatem lectt. Gronovianae et Creverianae glossarium Livianum. T. I. Lipsiae, Weidmann et Reich, 1785. XXII, 638 с.: грав. фронгиспис; 8°. – Отчеркивания простым карандашом на сс. 4, 5, 12–14, 17, 29; отчеркивания и записи коричневыми чернилами на сс. 6–8, 21, 23, 25, 560. На с. 78 рукой Грановского напротив XXII, 14, 2 написано простым карандашом: кождажь прежде? Переплет: мраморная бумага, уголки – окрашенная «под мрамор» кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; красные обрезы. Гранов. 228/572.

41. Idem. T. II. [2], 608 с.; 8°. – Пометы и записи простым карандашом на сс. 66, 68–73, 75. Гранов. 228/573.

42. Idem. T. III. [2], 550 с.; 8°. – Гранов. 228/574.

43. Idem. T. IV. [2], 326, [286] с.; 8°. – Гранов. 228/575.

44. Ernesti, August Wilhelm. Idem. Glossarium Livianum sive Index Latinitatis exquisitoris. Auctore Augusto Guil. Ernesti. T. V. [536] с.; 8°. Гранов. 228/576.

45. Römische Geschichte, übersetzt von C. F. Klaiber... Abt. 1. Bd. 1–4. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler, 1827. – 104, 113–116, 105–112, 119–260, 263–412, 415–570 с.; 8°. – Карандашные пометы на сс. 23, 31, 38, 40–43, 45, 56, 64, 66, 67, 69–71, 73, 75–77, 84, 85, 89, 90, 96, 97, 99, 100, 107, 114. – Переплет – мраморная бумага, корешок – мраморная бумага, золотое тиснение; красные обрезы. Гранов. 305/754.

46. Idem. Abt. 2. Bd. 5–8. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler, 1828. – 571–710, 713–826, 829–930, 933–1036 с.; 8°. Гранов. 305/755.

47. Idem. Abt. 3. Bd. 9–13, 1828, 1828, 1828, 1829, 1829. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 1037–1168, 1171–1296, 1299–1424, 1427–1566, 1569–1694 с.; 8°. Гранов. 305/756.

48. Idem. Abt. 4. Bd. 14–19, 1829, 1829, 1830, 1830, 1830, 1830 – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 1695–1826, 1829–1986, 1989–2126, 2129–2230, 2233–2370, 2373–2480 с.; 8°. Гранов. 305/757.

49. Idem. Abt. 5. Bd. 20–23, 1832, 1833, 1833, 1833 – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 2481–3034 с.; 8°. Гранов. 305/758.

50. Idem. Abt. 6. Bd. 24–23, 1833, 1834, 1834, 1834 – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... – Stuttgart, Metzler. – 3035–3566 с.; 8°. Гранов. 305/759.

Lucanus, Marcus Annaeus; Silius Italicus, Tiberius Catius Asconius; Claudianus, Claudius

51. Lucain, Silius Italicus, Claudien, Œuvres complètes avec la traduction en français publiée sous la direction de M. Nisard... Paris, J. J. Dubochet et Cie, [Impr. d'Adolphe Éverat et Cie], 1837. [8], 749, [1] с.; 8°. – Карандашные пометы на полях на сс. 607–613, 688, 689, 691–703 (практически исключительно нумерация стихов). Переплет: мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 160/387.

Lucretius Carus, Titus

52. De la Nature des choses, poème traduit en prose par de Pongerville... suivi d'un résumé du système d'Épicure et de scholies. – Paris, Lefèvre, Garnier frères, [imp. Plon frères], 1845. – [4], 570 с.; 8°. – Листы отчасти не разрезаны. Карандашные отчеркивания (французский текст) на сс. 84, 147, 276; на с. 417 отчеркнут и фр. и лат. текст. Издательская бумажная обложка. Гранов. 1529/3603.

Macrobius; Pomponius Mela; Varro, Marcus Terentius

53. Macrobe (Œuvres complètes). Varron (De la langue latine). Pomponius Méla (Œuvres complètes). Avec la traduction en français, publiées sous la direction de M. Nisard... Paris, J. J. Dubochet et Cie, [Typographie de Fermin Didot Frères], 1845. [6], II, 709, [1] с.; 8°. – Переплет: мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. В книгу вставлена бумажная закладка с записью чернилами: № 102. Гранов. 158/385.

Messalla Corvinus, Marcus Valerius; Ampelius, Lucius; Festus, Rufius

54. M. Valerius Messala Corvinus, L. Ampelius und S. Rufus, übersetzt von Friedrich Hoffmann... – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1830. – 112 с.; 8°. – Листы не разрезаны. Издат. обложка. Гранов. 301/733.

Naevius, Cnaeus

55. Cn. Naevi De bello Punico reliquiae. Ex rec. Ioannis Vahleni. – Lipsiae, B. G. Teubner, 1854. – [2], 20 с.; 4°. – Нрзб. надпись простым карандашом на верхней обложке. Издат. обложка. Гранов. 1240/3193.

Ovidius Naso, Publius

56. P. Ovidii Nasonis quae supersunt, ad optimorum libr. fidem accurate ed. cur. Antonius Richter. T. II. Metamorphoseon libri XV. Ed. stereot. – Lipsiae, C. Tauchnitz, 1828. – 360 с.; 8°. – Начиная со с. 137/138 и до 239/240 и с 243/244 до конца листы не разрезаны. Издат. обложка. Гранов. 303/735.

57. P. Ovidii Nasonis Fastorum Libri VI. Rec. notisque instruxit Gottlieb Erdmann Gierig... Lipsiae, E. B. Schwickwert, 1812. – XVIII, 371, [1] с.; 8°. – Переплет: тканевый, крапчатые обрезы. Гранов. 590/1598.

58. Index rerum et verborum in Ovidii Fastis occurrentium. Ad ed. Gierigii accomodatus. Lipsiae, E. B. Schwickwert, 1814. – [2], 372–916, [2] с.; 8°. Гранов. 590/1599.

59. Publii Ovidii Nasonis Opera = Ovids Werke. Berichtigt, übersetzt und erklärt von Heinrich Lindemann. 2. Teil. Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon libri XV. Ovids Verwandlungen. Bd. 1. Buch 1–5. –

Leipzig, W. Engelmann, 1853. – XXXIV, 372 с.; 8°. – Издат. обложка (второго тома). Часть листов не разрезана. Гранов. 1128/2971.

60. Idem. Bd. 2. Buch 6–10. – Leipzig, W. Engelmann, 1854. – [4], 404 с.; 8°. – Издат. обложка (первого тома). Часть листов не разрезана. Гранов. 1128/2972.

Petronius, Caius Arbiter; Apuleius; Gellius, Aulus

61. Pétrone, Apulée, Aulu-Gelle, Œuvres complètes avec la traduction en français publiée sous la direction de M. Nisard... Paris, J. J. Dubochet et Cie, [Typographie de Fermin Didot Frères], 1842. [6], II, V, [1], 768 с.; 8°. – Карандашные черточки на полях на сс. 20, 22–25. Переплет: мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 159/386.

Plautus, Titus Maccius; Terentius, Publius Afer; Seneca, Lucius Annaeus

62. Théâtre complet des Latins comprenant Plaute, Térence et Sénèque le Tragique avec la la traduction en français publiée sous la direction de M. Nisard... Paris, J. J. Dubochet et Cie, [Typographie de Fermin Didot Frères], 1844. [8], II, XX, 545, [3], 166, [2], 211 [1] с.; 8°. – Закладка с тисненым штемпелем: Аристархова фабрики № 6. Переплет: мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 161/388.

Plinius Maior, Caius Caecilius Secundus

63. C. Plinii Secundi Historiae naturalis libri XXXVII, quibus accessere novus index animalium, mineralium, vegetabilium synonymicus... – Nova scriptorum latinorum Bibliotheca ad optimas editiones recensita accurantibus parisiensis Academiae professoribus et colligente J.-P. Charpentier. Edidit C.-L.-F. Panckoucke. – Т. I–II. – Parisiis, C.-L.-F. Panckoucke, 1835. – [8], xlv, 227, [1], [8], 238 с.; 8°. – Переплет – мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 970/2662.

64. Idem. Т. III–IV. – Parisiis, C.-L.-F. Panckoucke, 1835. – [8], 261, [1], [8], 300 с.; 8°. Гранов. 970/2663.

Plinius Minor, Caius Caecilius Secundus

65. Cajus Plinius Căcilus Secundus, des Jüngern, Werke, übers. von C. F. A. Schott. – Bd. 1–4. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1829. – 542 с.; 8°. – Отчеркивания простым карандашом на сс. 35, 67, 73, 83, 85, 113, 114, 140, 141, 150, 155, 156, 163, 164, 168, 178, 179, 181, 219, 220, 231, 245, 252, 253, 303, 304, 317, 321, 329, 338–340, 342, 347, 359, 361. Переплет, корешок – мраморная бумага; красные обрезы. Гранов. 293/721.

66. C. Plinii Caecilii Secundi Epistolarum libri decem, eiusdem Gratiarum actio sive Panegyricus. Cum adnotationibus perpetuis Io. Matthiae Gesneri... Ed. auctior et correctior. – Lipsiae, C. Fritsch, 1770. – LXVI, 568, [72] с.: грав. фронтиспис; 8°. – Переплет – мраморная бумага, корешок – мраморная бумага, золотое тиснение; крапчатые обрезы; форзацы – голубая бумага. Гранов. 414/970.

Pomponius Mela см. 53.

Propertius, Sextus см. 9.

Rufus, Sextus см. 73.

Sallustius Crispus, Caius

67. Cajus Sallustius Crispus Werke, übersetzt von August von Goeriz... ; Bd. 2. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1836. – 129–266 с.; 8°. – Листы не разрезаны. Издат. обложка. Гранов. 300/732.

68. Oeuvres de Salluste. Traduction nouvelle par Dureau-Delamalle... T. I. – Paris, Giguet et Michaud, H. Nicolle, 1808. – IIIСХVI, 311, [1] с.; 12°. – Чернильные пометы на сс. 9, 19, 20, 28. На форзаце 1b наклейка книгопродавца: «A. Ladrangue Libraire. Rue Stolechnikoff, maison Rechetnikoff à Moscou». Переплет – коленкор. Гранов. 820/2206.

69. Idem. T. II. – Paris, Giguet et Michaud, H. Nicolle, 1808. – 484, [8] с.; 12°. – Гранов. 820/2207.

Scriptores Historiae Augustae см. 73.

Seneca, Lucius Annaeus см. также 62.

70. Œuvres complètes de Sénèque le Philosophe, avec la la traduction en français publiée sous la direction de M. Nisard... Paris, J. J. Dubochet et Cie, [Typographie de Fermin Didot Frères], 1844. [6], XIII, [1], 873, [1] с.; 8°. – Переплет: мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 163/390.

Silius Italicus, Tiberius Catius Asconius см. 51.

Suetonius Tranquillus, Caius

71. C. Suetonius Tranquillus ex recensione Joannis Georgii Graevii cum ejusdem animadversionibus, ut et commentario integro Laevini Torrentii, Isaaci Casauboni, Theodori Marcilii, et cum notis ac numismatibus, quibus illustratus est a Carolo Patino accedunt notae selectiores aliorum, Editio tertia auctior & emendatior. Trajecti ad Rhenum, apud Guilielmum à Poolsum, Bibliopolam. 1708. Cum Privilegio. [14], 352, 355–730, 751–774, fol. 774, ibid., 775–829, [1], 110, [156], 79, [5] с.; 4°. – Переплет: белый пергамен, крапчатые обрезы. Гранов. 24/51.

72. Suétone avec la trad. en français par M. Baudement. – Chefs-d'oeuvre de la collection des auteurs latins publ. ss la dir. de M. Nisard... – Paris, J.-J. Dubochet, Le Chevalier, 1845. – [4], 499, [1] с.; 8°. – Переплет – мраморная бумага, уголки – кожа, корешок – кожа, тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 531/1389.

Suetonius Tranquillus, Caius; Scriptores Historiae Augustae; Eutropius; Rufus, Sextus

73. Suétone, les écrivains de l'Histoire Auguste, Eutrope, Sextus Rufus avec la traduction en français publiés sous la direction de D. Nisard. – Collection des auteurs latins avec la traduction en français publiée sous la direction de M. Nisard... – Paris, J.-J. Dubochet, Le Chevalier et comp., 1848. [4], viij, 907, [1] с.; 4°. – Переплет: коленкор, с сохранением издательских обложек. Гранов. 1199/31400.

Tacitus, Cornelius Caius

74. Cornelius Tacitus ab J. Lipsio, J. F. Gronovio, N. Heinsio, J. A. Ernestio, F. A. Wolfio emendatus et illustratus ab Immanuele Bekkero ad codices antiquissimos recognitus. T. I. Lipsiae, Weidmann, 1831. – [2], L, [2], 806 с.; 8°. – Пометы простым карандашом на сс. 10, 11, 18, 31, 32, 34, 35, 51, 52, 54, 215, 216, 219, 230, 231. На форзаце 4а надпись чернилами: 1.2 E / Bd-q. Переплет – мраморная бумага, уголки – кожа, корешок – кожа, золотое тиснение; крапчатые обрезы. Гранов. 197/490.

75. Idem. T. II. Lipsiae, Weidmann, 1831. – [4], 684, [2], 183, [1] с.; 8°. – На форзаце 1b этикетка: C. H. Vogt jun. Buchbinder Berlin Mauer Str. N 66. Гранов. 197/491.

76. Cajus Cornelius Tacitus Werke. 1e Abt., Agricola's Leben, Germanien, Gespräch über den Redner, Geschichtsbücher, übers. von H. Gutmann. Bd. 1–5, 1829, 1830, 1831, 1831, 1831. – 140, 143–236, 239–372, 325–528, 531–686 с.; 8°. – Пометы простым карандашом на сс. 29–31, 35–59, 61, 62, 65. – Переплет – мраморная бумага; красные обрезы. Гранов. 293/721.

77. Idem. 2e Abt., Jahrbücher, übers. von H. Gutmann. Bd. 1–5. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1829. – 687–1364 с.; 8°. Гранов. 293/721.

78. Idem. 2e Ausg., Bd. 3, Die Geschichtsbücher (Historien) des Tacitus, übersetzt von H. Gutmann... Bändchen 1. 2te Aufl. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1831. 237–372 с.; 8°. Гранов. 293/722.

79. Idem. 2e Ausg., Bd. 4, Die Geschichtsbücher (Historien) des Tacitus, übersetzt von H. Gutmann... Bändchen 2. 2te Aufl. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1831. 373–528 с.; 8°. Гранов. 293/723.

80. Idem. 2e Ausg., Bd. 5, Die Geschichtsbücher (Historien) des Tacitus, übersetzt von H. Gutmann... Bändchen 3. 2te Aufl. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1831. 529–686, [2] с.; 8°. Гранов. 293/724.

81. C. Cornelii Taciti opera ad optimorum librorum fidem recognovit et annotatione perpetua triplicique indice instruxit Georgius Alexander Ruperti. T. I. C. Cornelii Taciti Annalium libri sex priores. Hannoverae, Hahn, [typis fr. Jaenecke], 1834. – [4], CXLVI, 550 с.; 8°. – Переплет – мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение. Гранов. 1001/2731.

82. Cornelius Tacitus. Erklärt von Karl Nipperdey. Bd I. Ab excessu divi Augusti I–VI. Mit den Varianten der Florentiner Handschrift. – Leipzig, Weidmann, [Druck von J. B. Hirschfeld], 1851. XXIV, [2], 314 с.; 8°. – Со с. 65 листы не разрезаны. Издат. обложка. Гранов. 1407/3424.

83. Idem. Bd II. Ab excessu divi Augusti XI–XVI. Mit den Varianten der Florentiner Handschrift und der Rede des Claudius. – Leipzig, Weidmann, [Druck von J. B. Hirschfeld], 1852. [4], 244 с.; 8°. – Со с. 93 листы не разрезаны. Гранов. 1407/3425.

83. Terentius Afer, Publius см. также 62.

Les Comédies de Térence avec la traduction en français par M. Alfred Magin... – Chefs-d'oeuvre de la collection des auteurs latins avec la traduction en français. – Paris, J.-J. Dubochet et Cie, 1845. – [4], 437, [3] с.; 8°. – Листы отчасти не разрезаны. Издат. обложка. Гранов. 1511/3585.

Tibullus, Albius см. 9.

Trogus, Pompeius

85. Iustini Historiarum Philippicarum ex Trogo Pompeio excerptarum libri XLIV. Ad optimorum librorum fidem accurate editi. Ed. ster. – Lipsiae, Tauchnitz, 1829. – 284 с.; 8°. – Листы не разрезаны. Издат. обложка. Гранов. 302/734.

Valerius Maximus

86. Valerius Maximus. Sammlung merkwürdiger Reden und Thaten, übersetzt von D. Friedrich Hoffmann... Bd. 1–5. – Römische Prosaiker in neuen Uebersetzungen... Stuttgart, Metzler, 1829. – 618 с.; 8°. – Переплет, корешок – мраморная бумага; красные обрезы. Гранов. 299/731.

Varro, Marcus Terentius см. 53.

Velleius Paterculus

87. C. Velleii Paterculi Quae supersunt ex Historiae Romanae voluminibus duobus. Cum integris animadversionibus doctorum curante Davide Ruhnkenio denuo edidit Carolus Henricus Frotscher. T. I. – Lipsiae, C. H. F. Hartmann, 1830. – CLXXXVI, 290, [2] с.; 8°. – Переплет – мраморная бумага, корешок – мраморная бумага, золотое тиснение. Гранов. 615/1669.

Vergilius Maro, Publius

88. P. Virgilio Maronis Opera In tironum gratiam perpetua annotatione illustrata a Chr. Gottl. Heyne. Edidit et suas animadversiones adiecit Ern. Car. Frider. Wunderlich. V. I. – Lipsiae, Sumtibus Librariae Hahniae, 1822. – LXXVIII, 546 с.; 8°. – Пометы простым карандашом на сс. 97, 100, 103, 105, 110, 114, 155, 159, 160, 444, 468. Пометы чернилами на с. 452 и форзаце 4а. Нрзб. карандашные записи на нем. и лат. яз. на форзаце 1б. Переплет – мраморная бумага, уголки – кожа; корешок – кожа, золотое тиснение; красные обрезы. Гранов. 616/1670.

89. Idem. Edidit et suas animadversiones adiecit post curas Ern. Car. Frider. Wunderlich priori volumini impensas Fridericus Ernestus Ruhkopf... V. II. – Lipsiae, Sumtibus Librariae Hahniae, 1822. – [2], 493, [1] с.; 8°. – Помета простым карандашом на с. 260, набросок на форзаце 4а. Пометы чернилами на сс. 187–189, 192, 206, 219, 263, форзаце 3б. Владельческая записка на форзаце 2а: Н. Lebedan. (Аналогичная часть форзаца 1-го тома оторвана.) Гранов. 616/1671.

Литература

Любжин 2007 – Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., ГЛК Ю. А. Шичалина, 2007.

Маслова 1993 – Маслова Н. В. Т. Н. Грановский и его библиотека. – Из фонда редких книг и рукописей Научной Библиотеки Московского Университета. Под ред. Проф. С. О. Шмидта. М., Издательство МГУ, 1993. С. 23–37.

A. I. Lyubzhin. Works of Roman authors in the library of Timofey Granovsky

This publication is describing the works of the Roman authors preserved in the personal library of Timofey Granovsky, a Moscow University professor. His collection is comprehensive, especially in its prosaic part, although the principal Roman poets are also well represented (except the satirists). Granovsky preferred the books published in modern languages, but sometimes turned to the Latin originals as well.

Keywords: library, Latin literature.

ФОРМУЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В *THERIACA* НИКАНДРА КОЛОФОНСКОГО

Резюме. В статье рассматривается одна особенность стиля Никандра – повторяющиеся выражения, созданные по образцу гомеровских формул. Главным свойством данных выражений оказывается их вариативный характер. При этом никандровские псевдо-формулы имеют черты двух типов вариации – «гомеровской», обусловленной требованиями метра, и «эллинистической», которая вызвана авторским стремлением к разнообразию.

Ключевые слова: Никандр Колофонский, *Theriaca*, формула

Предметом статьи являются выражения в поэме *Theriaca* («Животные яды»), которые имеют сходство с гомеровскими формулами. Сразу оговоримся, что речь идет не об использовании Никандром каких-либо повторяющихся словосочетаний, встречающихся в поэмах Гомера, но об имитации самого «формульного» принципа как характерной черты эпического стиля.

Среди исследователей Гомера нет единогласия по поводу того, что следует понимать под формулой. Сам термин впервые появляется в работах Милмана Перри: он определяет формулу как «выражение (expression), регулярно используемое в одних и тех же метрических условиях для выражения какой-либо основной идеи (essential idea)» (Parry 1971: 13). В дальнейшем дефиниция Перри подвергалась разнообразным уточнениям и изменениям. Так, к примеру, Хейнсворт предлагает исключить из определения формулы постоянную метрическую позицию, а также постулирует вариативность гомеровских формул (Hainsworth 1968: 30–31, 35–36). Хейнсворт выделяет следующие типы формульных вариаций: изменение метрической позиции, использование другого падежа или суффикса, изменение порядка слов, расширение формулы за счет орнаментального эпитета, а также «разделение» каким-либо другим словом (Heitsch 1970: 435–438). В целом разнообразие взглядов на сущность гомеровской формулы позволяет однозначно утверждать лишь то, что ее главным свойством, распознаваемым интуитивно, является повторяемость. Эта повторяемость может проявляться на

разных уровнях – лексическом, метрическом, семантическом (повтор *essential idea* при возможных словесных изменениях), синтаксическом и даже фонетическом (т. н. гомеровские «каламбуры» (Parry 1971: 72–73).

Необходимо учитывать, что формула – это «инструмент» устной поэзии, где главной ее функцией является упрощение версификации: импровизирующий поэт имеет заранее заготовленные словесные блоки определенной метрической формы. Поэтому применительно к эллинистическому эпосу, который, в отличие от гомеровских поэм, вне сомнений создавался письменно, термин «формула» может быть использован лишь условно: для эллинистического поэта повторы – лишь внешний признак эпического стиля. Наша задача состоит в том, чтобы уяснить механизм, в соответствии с которым Никандр создает собственные псевдо-формулы (Overduin 2010: 375) по образцу гомеровских.

За основу мы берем сформулированные выше критерии формульности (различные уровни повторяемости). Наиболее существенными из них представляются лексическая повторяемость и общность выражаемой «идеи». На их основе была выделена группа из девяти повторяющихся выражений в *Theriaca*¹.

- 1) Th. 76 ναὶ μὴν πευκεδάνοιο βαρυπνόου, οὗ τε καὶ ὀδμή // θηρί
ἀποσσεύει ...
... и, конечно, [ветви] сильнопахнущего горичника, чей запах
отгоняет животных ...
Th. 82 ἢ καὶ πευκεδάνοιο βαρυπνόου, ἄλλοτ' ὀρείου
... или [сухие листья] сильнопахнущего горичника, или же
хвостника ...
- 2) Th. 112 γυῖα δὲ πάντα λίπαζε καὶ εἰς ὁδόν, ἢ ἐπὶ κοῖτον,
Намажь все тело, когда собираешься в дорогу или спать ...
Th. 126 ἢ ὅτε λίπτησιν μεθ' ἐὼν νομόν, ἢ ἐπὶ κοῖτον // ἐκ νομοῦ
ὕπνωουσα κῆη κεκορημένη ὕλης.
... или когда [змея διψᾶς] стремится к своему пастбищу, или,
сонная, идет с пастбища спать, насытившись едой.

¹ Учитываются также и повторы некоторых выражений в *Alexipharmaca*.

- 3) Th. 31 τῆμος ὅτ' ἀζαλέων φολίδων ἀπεδύσατο γῆρας
Змеи сбрасывают кожу зимой:
... тогда старость сбрасывает сухие чешуйки
Th. 157 Φράζεο δ' αὐαλέησιν ἐπιφρικτὴν φολίδεσσιν // ἀσπίδα
Обрати внимание на кобру, которая щетинится сухими
чешуйками
Th. 221 οὐρήν // ἀζαλέαις φρίσσουσιν ἐπηετανὸν φολίδεσσιν
О хвосте змеи ἔχῃς: ... щетинящийся хвост, весь покрытый
сухими чешуйками
- 4) Th. 468 ὕδρωψ // ἄλγεσιν ἐμβαρύθουσα κατὰ μέσον ὀμφαλὸν ἵζει.
Симптомы укуса змеи κεγχρίας:
приносящая боль водянка (букв. отягощенная болями) сидит
посередине пупка.
Al. 26 ἔβρασεν ... νηδύς // πνεύματα, πολλὰ δ' ἔνερθε κατὰ μέσον
ὀμφαλὸν ἵζει
Симптомы отравления аконитом:
желудок испускает газы, большая часть которых сосредоточена
около пупка.
Al. 342 ὥς ὀπόθ' ὕδρωψ // τυμπανόεις ἀνὰ μέσσον ἀφυσγετὸς
ὀμφαλὸν ἵζει
... так, когда отвратительная водянка, похожая на тимпан, в
изобилии появляется посередине пупка
- 5) Th. 396 Τεκμαίρευ δ' ὀλίγον μὲν ἀτὰρ προφερέστατον ἄλλων //
ἐρπηστῶν βασιλῆα
Рассмотри царя змей, небольшого, однако самого выдающегося
Th. 498 ποίας // δρέψασθαι νεοκμηῆτας – ὃ γὰρ προφερέστατον
ἄλλων – ,
... собрать свежие травы – потому как это важнее всего прочего
Th. 698 [οἶνω ἐπικνήθων]· τὸ δέ τοι προφερέστατον ἄλκαρ //
ἔσσειται ...
(vv. 689–699 – о противоядии из детенышей ласки):
... это будет для тебя наилучшим средством
- 6) Th. 7 τοῖα περιφρασθέντος ἀλεξητήρια νούσων.
... потому что ты снабжен сведениями о таких средствах против
недугов.
Th. 493 Τῶν μὲν ἐγὼ θρόνα πάντα καὶ ἀλθεστήρια νούσων // ...
διείσομαι <...>

- Все травы и средства против недугов... перечислю
 Th. 528 Νῦν δ' ἄγε τοι ἐπίμικτα νόσων ἀλκτῆρια λέξω.
 Теперь же я расскажу тебе о смешанных лекарствах
 Th. 837 Οἷσιν ἐγὼ τὰ ἕκαστα διεῖσομαι ἄρκια νούσων.
 Для таких [случаев отравления] я перечислю все подходящие
 средства
 Al. 350 ἐν πυρὶ τηζάμενος πορέειν ἀλκτῆρια νούσων.
 ... растопив на огне, дай в качестве лекарства
- 7) Th. 520 ναὶ μὴν καὶ τρίφυλλον ὀπάξω κνωψὶν ἀρωγὴν
 Возьми также и клевер в качестве средства от змей
 Th. 527 [καρδόλω ἐντρίψας] πῖειν ὀφέεσσιν ἀρωγὴν.
 Окончание рецепта, начатого в Th. 520:
 ... выпей средство против змей
 Th. 636 Νῦν δ' ἄγε τοι ρίζας ἐρέω ὀφέεσσιν ἀρωγούς.
 Теперь я назову тебе корни, полезные против змей
- 8) Th. 503 τῆς μὲν ἀμαρακόεσσα χυτὴ περιδέδρομε χαίτη,
 Его [целебный корень, найденный Хироном] окружает
 струящаяся листва, сходная с майораном
 Th. 542 τῆς καὶ ἀκανθοβόλος μὲν αἰεὶ περιτέτροφε χαίτη,
 Его [корень, обнаруженный Алкибием] всегда окружает
 колючая листва
- 9) Th. 389 οὐδ' ἄρ', ὅταν χαράδρεα λίπη καὶ ῥωγάδα πέτρην
 ... когда [змеи] покидают овраги и расселины
 Th. 644 ἢ σφέλα ἢ ὄλμω κεάσας ἢ ῥωγάδι πέτρην
 ... после того как растолчешь или на доске, или в ступке, или в
 расселине в скале

Два из перечисленных выражений (пункты 1 и 2) встречаются на сравнительно небольшом отрезке текста – через шесть и четырнадцать стихов соответственно –, так что читатель наверняка обратит внимание на повтор. Это говорит в пользу того, что автор стремился создать явный «формульный эффект».

Особняком стоит пункт 5, в котором мы сталкиваемся с созданием формулы по фонетической аналогии: ἄλλων / ἄλκαρ. Вполне вероятно, что Никандр здесь подражает гомеровским выражениям с игрой слов вроде ἵκετ' αὐτὴ Λ 466 / ἵκετ' αὐτμὴ Ξ 174 (Parry 1971: 72–73).

Большинство указанных выражений (кроме 1 и 2) вариативны. В целом, никандровские псевдо-формулы обнаруживают все

типы вариаций, которые выделяет Хейнсворт. Так, трижды используется другой падеж: ἄζαλέων φολίδων / αὐαλέησιν ... φολίδεσσιν (3), ἄρωγῆν / ἄρωγούς (7), ῥωγάδα πέτρην / ῥωγάδι πέτρῃ (9). В пункте 3 также присутствуют параллельные формы Dat. Pl. разной просодической формы и с различными вариантами корня: αὐαλέησιν / ἄζαλέαις. Для идеи «лекарство» в пункте 6 используются два слова с разными вариантами корня (ἄλεξη-τήρια, ἄλκ-τήρια), а также неоднокоренные, но синонимичные и сходные по звучанию (ἄλθεσθήρια и ἄρκια). Трудно судить, чем обусловлено такое разнообразие – требованиями метра или стремлением автора избегать буквальных повторений. Напротив, μέσσον вместо μέσον (4) и νόσων вместо νούσων (6) употреблены явно metri causa. Там же встречаем еще два типа вариации – изменение метрической позиции и порядка слов (ἄλκτήρια νούσων в конце стиха / νόσων ἄλκτήρια после «женской» цезуры). «Разделение» формулы имеет место в пунктах 3 и 4. За счет синонимов варьируются выражения в пунктах 7 и 8: κνωψὶν / ὀφίεσσιν, περιδέδρομε / περιτέτροφε.

В вариации формульных выражений у Никандра можно отметить две тенденции. Одна из них проявляется в подражании гомеровской вариации, которая вызвана требованиями метра. Наглядным примером здесь служит пункт 6: данная группа выражений напоминает гомеровские окончания стихов, состоящие из формул, длина которых варьируется в зависимости от метрических условий (Overduin 2010: 385). Другая тенденция состоит в том, что Никандр старается избегать буквальных повторений, что является общим свойством эллинистической поэтики (Overduin: 85). Сюда бесспорно относится употребление метрически одинаковых вариантов корня и синонимов: αὐαλέησιν / ἄζαλέαις (3), περιδέδρομε / περιτέτροφε (8). В некоторых случаях трудно решить, какой из этих двух более общих типов вариации перед нами. К примеру, нельзя однозначно определить, вызвано ли чередование ὀφίεσσιν / κνωψὶν (7) требованиями метра или желанием автора разнообразить повтор за счет редкого синонима. В целом же можно сказать, что, создавая собственные формульные выражения по образцу гомеровских, Никандр «балансирует» между двумя поэтическими принципами – традиционностью архаического эпоса и эллинистической оригинальностью.

Литература

- Hainsworth 1968 – Hainsworth J. B. The flexibility of the Homeric formula. Oxford, 1968.
- Heitsch 1970 – Heitsch E. The Flexibility of the Homeric Formula by J. B. Hainsworth. Review by E. Heitsch // *Gnomon*, 42. Bd., H. 5 (Aug., 1970). P. 433–441.
- Overduin 2010 – Overduin F. Nicander of Colophon, *Theriaca*: A Literary Commentary. Enschede, 2010.
- Parry 1971 – Parry M. The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry ed. by A. Parry. Oxford, 1971.

A. M. Malomud. Formulaic expressions in *Theriaca* of Nicander of Colophon

The paper deals with repeated expressions in *Theriaca* of Nicander which resemble Homeric formulas. It was established that nearly all expressions created by Nicander are liable to variation. The author suggests that a distinction should be made between two kinds of variation – one caused by metrical conditions and typical for Homeric diction, and the other resulting from the tendency to stylistic diversity.

Keywords: Nicander of Colophon, *Theriaca*, formula.

ПУТЕШЕСТВИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ VIII–XII ВВ.: ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ

Статья посвящена особенностям художественного воплощения темы путешествий в византийской агиографии VIII–XII вв. Основное внимание уделяется диахроническим изменениям в манере агиографов описывать движение в путешествии святых. Проведенный анализ позволяет определить эти изменения как постепенный переход от схематичности и условности описываемого путешествия к наполнению его подробностями передвижения и субъективными ощущениями путешественника.

Ключевые слова: Византия, агиография, жития святых, путешествия в литературе, описание пространства.

Сравнивая художественные приемы в изобразительном искусстве и литературе Византии, А. П. Каждан говорит о схожести выработанного художественного языка. Одной из основных его особенностей является условность изображаемого пространства, поскольку так «художник отчетливее мог выразить чрезвычайно важную для него мысль о статичности, стабильности, неподвижности идей». (Каждан 1968: 183). Подобно статичным уравновешенным композициям фресок и мозаик, византийский писатель представляет движение как набор статичных состояний. Например, перемещение из одного города другой изображается как два состояния покоя – отъезд и прибытие, а не описание самого пути (Ibid., 184).

В данной статье предполагается проанализировать, насколько последовательно такой художественный принцип воплощается в агиографической литературе, которая изобилует описаниями самых различных путешествий. Основное внимание мы сосредоточим на диахронических изменениях в описании движения. Сегодня, когда в научном сообществе преодолено убеждение в неизменности приемов житийной литературы (Euthymiades 2006), эта задача представляется достаточно актуальной.

Средневизантийский период является весьма знаменательным в истории житийной литературы. В течение VIII в., после эпохи «темных веков», агиография начинает активно разви-

ваться; IX, X и начало XI вв. ознаменованы бурным расцветом жанра, а во второй половине XI и в XII в. наступает его угасания¹. Тем интереснее проследить, изменялись ли и каким образом принципы репрезентации движения и путешествия в текстах.

VIII в.

В обозначенных временных рамках самые ранние из рассмотренных текстов – жития Феодора Эдесского (Помяловский 1992) и Григория Акрагантского (Berger 1995), которые совершают длительные путешествия на большие расстояния. Датировка у обоих памятников неоднозначная, но, в соответствии со сложившейся традицией, можно отнести житие Феодора к VIII в.², а Григория к VIII – началу IX вв.³

Что касается жития Феодора Эдесского, то герой там неоднократно перемещается между Эдессой, Иерусалимом, Багдадом, Константинополем. Однако его путешествия представлены весьма схематично. Для этого текста вполне подходит характеристика Каждана, поскольку агиограф, в основном, выстраивает весь путь как перечисление определенных точек маршрута, причем располагаются они на значительном расстоянии друг от друга, иногда действительно фиксируются только два пункта – отправления и прибытия. Например, путешествие из Эдессы в Иерусалим (Помяловский 1892: 7), из Багдада в Константинополь (Ibid.: 89) и др. Тем не менее, есть несколько эпизодов, где движение в пространстве представлено более ощутимо, в этих фрагментах словно происходит эффект увеличения масштаба, и мы начинаем различать какие-то черты путешествия.

Первый эпизод – это путь Феодора из монастыря св. Саввы в Эдессу, когда он вынужден оставить обитель, чтобы занять епископскую кафедру в Эдессе (Ibid.: 39–40). Это описание ярко передает эмоциональное состояние героя. Феодор со спутниками отправляется в путь вопреки своему желанию: «...то и дело оборачиваясь, он смотрел на святой град и, пристально глядя на

¹ Об этом писал в свое время Каждан (Kazhdan, Franklin 1984: 190), примерно так же оценивает развитие средневизантийской агиографии современный исследователь Т. Пратш (Pratsch 2005: 420–421).

² В последнее время обсуждается передатировка жития X–XI веками, о чем вскользь упоминает А. Бинггели (Binggeli 2010), но в связи с отсутствием специальных работ, посвященных датировке текста, представляется возможным по-прежнему относить его к VIII в.

³ Наиболее подробные данные о датировке приводят А. Бергер (Berger 1995: 48) и А. П. Каждан (Каждан, Шерри, Ангелиди 2002: 46–47).

барханы пустыни, проливал слезы» (Ibid.: 39). Далее путники достигают реки Евфрат, останавливаются на ночлег на берегу в тенистом месте. Феодор настолько погрузился в отчаяние, что решил бежать и вернуться обратно в монастырь. Однако, провожатые из Эдессы не позволили ему этого сделать и караулили будущего епископа до самого утра. В такой обстановке святому является видение, после которого он смиряется с судьбой. Далее все продолжают путь, останавливаются еще раз в Харране, где получают почетный прием, и уже непосредственно на подходе к Эдессе встречают множество народа, который, выдвинувшись навстречу новому епископу, прошел большое расстояние, чтобы оказать особую честь такой встречей. В данном случае очевидно, что все это описание связано не с интересом автора к самому путешествию, а с сюжетом. Оно необходимо, чтобы «обыграть» привычный топос, когда святые отказываются от высоких постов в церковной иерархии (Pratsch 2005: 140–143).

Второй раз, когда мы видим движение более отчетливо – это описание перенесения тела Михаила, монаха лавры, принявшего мученическую смерть от мусульманского правителя. Он был казнен в Иерусалиме, и монахи лавры отправились в город, чтобы забрать тело. Выйти в обратную дорогу им пришлось ночью, в полной темноте, и тут произошло чудо. Столп яркого света, видимый и жителями города, осветил процессию и двигался вперед, указывая путь до самой лавры (Помяловский: 1992: 29). В дальнейшем мы будем очень часто видеть описание чудес, произошедших в пути и связанных с преодолением каких-либо препятствий.

Таким образом, несмотря на то, что в житии Феодора Эдесского есть несколько фрагментов, описывающих само путешествие, это никак не влияет на общее впечатление условности представленного там пространства, поскольку их слишком мало для огромного текста, и появление их связано с сюжетом или возможностью описать «дорожное» чудо.

Григорий Акрагантский в течение всей жизни перемещается по наиболее важным пунктам всего христианского мира. В их числе Рим, Иерусалим, Палестина, Константинополь, Антиохия и др. Отличительной особенностью этого жития является то, что путешествие является неотъемлемой частью композиционного построения. Путь, пройденный и главным героем, и второстепенными персонажами, формирует сюжетные линии, которые

переплетаются между собой, двигают развитие сюжета и формируют интересную нелинейную композицию. Восемнадцатилетний Григорий слышит голос ангела, благословляющего юношу на паломничество по святым местам, и убегает из дома. Ангел дает указание немедленно отправиться в гавань. Далее нам детально описываются обстоятельства отплытия, включая особенности топографии Акраганта (совр. Агридженто). Выйдя из дома, Григорий обнаруживает корабль, зашедший из морского порта в русло реки, протекавшей в самом городе, чтобы пополнить запасы воды. После подробного разговора с капитаном (тот сразу приметил в юноше возможную жертву для продажи в рабство и выяснял его юридическое положение), Григорий отправляется в путь. По прибытии в Карфаген он поселяется у этого самого капитана, который, поразившись необыкновенному благочестию юноши, отказывается от своего преступного намерения. Далее Григорий встречает монахов, которые предлагают ему отправиться вместе с ними на Синай. И вот только тут автор возвращает нас обратно во времени, и мы узнаем, что все описанные события были обусловлены божественной волей. Оказывается, что когда эти монахи еще пребывали на своем постоянном месте, в одном из Римских монастырей, ангел возвестил им, что необходимо отправиться в Карфаген, отыскать благочестивого юношу из Акраганта и сопроводить его на Синай. Нам сообщают маршрут следования и количество затраченного времени. В итоге путники успешно достигают цели, но на этом развитие данной линии не заканчивается. Автор оставляет Григория на святой земле и описывает нам обратный путь монахов на Сицилию, который представлен в той же манере, что и путь туда. Сначала не совсем ясно, для чего агиограф представляет нам это путешествие, ведь главный герой повествования остается за пределами его внимания. Оказывается, что это обусловлено дальнейшим развитием сюжета. Монахи прибывают в родной монастырь Григория в Акраганте и там встречают родителей святого, которые именно в этот день совершают молебен по пропавшему сыну. Проводник Григория понимает, о ком идет речь, и через некоторое время, когда он рассказывал в храме о своем паломничестве в Палестину, эту историю слышали все, включая и безутешных родителей. Таким образом, автор разрешает привычную для агиографии коллизию с покинутыми родителями и родственниками, которые, как правило, чрезвычайно печалются о пропаже своего

близкого человека. В данном случае, линия сюжета приводит к тому, что родители узнают о счастливой судьбе сына и очень этому рады. После чего автор последовательно сообщает о том, что римские монахи снова отправились в путь и благополучно добрались до дома.

Уникальной особенностью этого жития является гипертрофированное внимание автора к обозначению времени в описании путешествий. Он во всех случаях указывает количество затраченных на путь дней или даты (число и месяц, иногда даже время суток) отбытия-прибытия во все перечисленные точки маршрута. Причем это касается абсолютно всех передвижений, даже если это побочные персонажи, как, например, папская комиссия по расследованию навета на святого, отправленная из Рима на Сицилию. А. Бергер оценивает правдоподобность указанных сроков во вступительной статье к изданию текста (Berger 1995: 51–52), но для нашей задачи этот аспект не так уж важен, главное то, что автор непременно хотел как можно подробнее обозначить в своем повествовании временные рамки. Обнаруживается также, что это не было чем-то привычным и стандартным, поскольку средневизантийский агиографический корпус Симеона Метафраста, составленный в конце X в. и подвергавший житийный материал нивелирующей редакции, опускает большинство из этих обозначений. Нет их и во всех остальных рассмотренных текстах. Таким образом, собственно репрезентация движения по-прежнему сохраняет схематичность, но специфическое авторское внимание к датам и срокам путешествий можно трактовать как индивидуальную попытку таким способом создать некий промежуток между пунктами маршрута и хоть в какой-то мере наполнить его протяженностью.

IX–X вв.

Период IX–X вв. – это яркая эпоха в развитии житийной литературы, период расцвета, который оставил нам большое количество самых разных текстов. Общая интенсификация литературной и культурной жизни после «темных веков», бурные события в самой церкви приводят к тому, что резко возрастает количество памятников. Это соответствующим образом отражается и на источниках для данной статьи. Их можно насчитать уже порядка двух десятков, причем путешествия в них представлены самые разнообразные. Это ссылки и гонения, связанные с иконоборчеством и внутренней борьбой в церкви, бегство

от арабов, пиратов, от последствий восстания Фомы Славянина, путешествия-паломничества, деловые поездки. Наконец, есть жития святых, которые избрали путешествие-скитание (ξενιτεῖα) в качестве своего главного аскетического подвига⁴. Такое количество текстов не позволяет описывать особенности каждого жития в отдельности, зато дает возможность делать определённые обобщения, оценить, какие черты в описаниях путешествий являются общими, а какие различаются.

Без сомнения, все тексты, включая уже рассмотренные, имеют общую особенность, связанную с воспроизведением маршрутной сети при описании того или иного путешествия. Количество промежуточных пунктов может серьезно различаться, и если в житии Феодора Эдесского их может быть совсем мало, то в других, более поздних, текстах – значительно больше, вплоть до перечисления всех деревень и городов подряд, мимо которых пролегает путь героя. Представляется, что такое стремление указать какое-то количество промежуточных пунктов отражает особенности географического восприятия пространства византийцами. А. В. Подосинов характеризует его как противоположное картографическому и называет «хорологическим» или «годологическим». Для него характерно доминирование словесного описания пути, привычка мыслить итинерариями и опираться на вербальные карты (Подосинов 1993). Для некоторых текстов можно достаточно определенно говорить о прямом использовании путеводителей или итинерариев в качестве источников. Наиболее ярким примером служит житие Григения (Berger 2006), где необычайно подробно и правдоподобно описан Рим и его окрестности (Berger 2006: 296–342). Издатель жития А. Бергер предполагает, что источником именно для этой части жития мог быть путеводитель по Риму (Berger 2006: 33).

Для нас же самым важным является тот факт, что общее для всех стремление набросать какие-то основные точки маршрута, начинает по-разному реализовываться в разных памятниках. В эту эпоху появляются жития, в которых авторам важно включить в свой нарратив обширные, подробные сведения о местности, где проходит святой, и заполнить этими описаниями промежуток между двумя соседними остановками в пути, о чем подробнее скажем ниже.

⁴ Попытка классифицировать типы путешествий представлена в книге Т. Пратша, посвященной агиографическим топосам (Pratsch 2005: 147–160).

Еще одной общей особенностью, как мы уже отмечали для более ранних житий, является то, что подробное описание движения, как бы укрупнение плана, возникает в ходе изображения каких-то экстремальных ситуаций в пешем пути или на море, которые разрешаются при помощи чудес. Они могут совершаться как главным героем жития, так и посредством небесных покровителей или ангелов, помогающих святому в преодолении неблагоприятных обстоятельств самого разнообразного свойства. В самом простом случае это ситуация, когда нет возможности найти дорогу, когда потеряны ориентиры, а вокруг все кишит опасностями. В житии Власия (Vita S. Vlasii 1925) подробным образом представлен эпизод, когда в пути святого схватили разбойники, но, не найдя у него ничего ценного, в ярости бросили одного в пустынной незнакомой местности на растерзание диким зверям. После молитвы Власию является ангел и выводит к знакомым местам (Vita S. Vlasii 1925: 661–662). Примерно об этом же, но в ходе более закрученного сюжета, рассказывается во вставной новелле из жития Николая Студита (Vita Nicolai: 893–897). Часто говорится о чудесном обретении источника воды в процессе изнурительного пути по безводной местности в жаркую погоду (Rossi Taibbi 1962: гл. 60, стк. 1287–1297)⁵. В житии Григения сам святой и его таинственный проводник чудесным образом проходят сквозь строй осаждающих город варваров, поскольку стали для них невидимыми (Berger 2006: 204). Илья Новый мгновенно пересекает непреодолимую бурную горную реку (Rossi Taibbi 1962: гл. 59, стк. 1266–1279). Григорий Декаполит обездвиживает руку сарацина, замахнувшегося копьем, чтобы убить святого (Dvornik 1926: 58). Естественно, много чудес описывается и во время морских путешествий. Помимо привычного мотива усмирения шторма, возникают и многие другие⁶. Например, в житии Григения в плавании из Августополиса в Александрию рассказывается о невыносимой жаре, измучившей всех находившихся на корабле людей. По приказу могущественного проводника Григения

⁵ Ссылки на житие Ильи Нового приведены по электронному Тезаурусу греческого языка, где используется не постраничная нумерация, а указание на главы и строки. Thesaurus Lingua Graeca. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tlg.uci.edu> (дата обращения: 01.05.2014).

⁶ Более подробно см. статью М. Маллет (Mullett 2002), главу в книге Т. Пратша (Pratsch 2005: 278–280).

тучи собираются над кораблем и сопровождают его весь оставшийся путь (Berger 2006: 366).

Второй фактор, влияющий на увеличение авторского интереса к описанию движения – это необходимость организации сюжета. Часто эксплуатируемая модель – нанизывание разнообразных примечательных историй из жизни святого на нить его путешествия. Схематично это можно представить так: намерение отправиться куда-то – начало движения – встреча в пути с разными персонажами (бесноватые, юродивые, провидцы, люди, страдающие от какой-то болезни или несчастья) – помощь несчастным (исцеление, дарение, воскрешение, изгнание бесов и т. д.) или духовный рост после общения с провидцами или юродивыми. В высшей степени такое сюжетное построение характерно для житий Григентия, Евстратия (Papadopoulos-Kerameus 1963). Менее интенсивно, но все-таки чаще по сравнению с другими текстами, такой прием используется и в житии Ильи Нового. Также описание движения может быть связано с каким-то единичным поворотом сюжета. В эпизоде из жития Германа из Козиницы (Vita S. Germani 1866) святой строил храм, и обстоятельства сложились так, что ему не хватило денег рассчитаться со строителями. Схватив Германа, работники поволокли его вниз с горы с намерением добраться до ближайшего поселения. Путь был неблизкий, утомившись и страдая от жары, они достигли подножья горы, где, по подробному описанию, было необычайно приятно, землю покрывала густая и мягкая трава, а деревья простирали ввысь ветви, дававшие густую тень. Естественно, путникам захотелось остановиться для отдыха в этом месте. Когда же они подошли ближе, то увидели, что там уже кто-то расположился по той же самой причине. Этими людьми оказались царские чиновники, следовавшие по государственным делам. Они вступились за несчастного, выяснили, в чем дело и, отчитав строителей, тем не менее, расплатились с ними и освободили Германа (Vita S. Germani 1866: 9*-10*).

Несмотря на очевидное наличие общих закономерностей в описании путешествий, самым интересным для нашей работы оказывается появление в текстах IX–X вв. фрагментов, подробно описывающих движение и не связанных с чудесами или сюжетно-композиционными построениями. Акцент на движении начинает проявляться в связи с личными качествами или состоянием героя. Илья Новый отправляется в последнее свое путешествие будучи в преклонном возрасте и страдая от болезней.

Агиограф подчеркивает его стойкость, решительность, и в подробностях представляет путь святого в сопровождении учеников. В частности, упоминается, что у них было с собой переносное ложе, и старец по мере необходимости использовал его для отдыха. Когда же он почувствовал себя особенно плохо, то вся процессия остановилась в ближайшей деревне (Rossi-Taibbi 1962: гл. 66–70, стк. 1429–1554). Григорий Декаполит, чей путь однажды преградила шайка варваров, без колебаний направился прямо к ним. По словам автора, дикари были настолько потрясены храбростью и уверенностью этого человека, что помогли ему переправиться через реку и указали дальнейший путь (Dvornik 1926: 54–55), при этом нет никакого намека на использование святым собственных сверхъестественных возможностей. Упорство и рвение Германа из Козиницы проявляется в описании того, как тщательно и с какими трудами он разыскивал гору, на которой, по наставлению ангела, должен был построить храм. Но, когда работа была окончена, ангел явился и объявил, что Герман ошибся горой и ему следует построить еще один храм уже на правильном месте. С еще большей энергией герой разыскивает требуемую вершину, подбирает подходящую площадку, а потом прорубает дорогу к ней в непроходимом лесу (Vita S. Germani 1866: 8*).

До сих пор мы рассматривали отдельные черты житийных путешествий вне контекста каждого конкретного повествования. Это может создать неверное впечатление, что описание движения распределено по всем текстам-путешествиям IX–X вв. более или менее равномерно. Однако, это совсем не так. Общую схему действительно можно представить как обозначение маршрута, в ходе которого фрагментарно возникает описание движения, обусловленное определенными факторами. Тем не менее, в одних текстах это всего лишь несколько эпизодов, теряющихся в общей массе нарратива, сконцентрированного совсем на другом – жития Власия, Николая Студита. В других – подобных элементов намного больше, они занимают значительный объем текста, как, например, в жизнеописаниях Ильи Нового, Григения, Григория Декаполита. Причем если в житии Григения путешествие выглядит, в основном, как заранее продуманная сюжетная схема, в которой к разным населенным пунктам приписаны разные происшествия, то для агиографа Григория Декаполита – это уже нечто большее, чем просто сюжет, использованный для рассказа о чем-то. По сути, путешествие

превращается в основной предмет изображения, его внешняя функция теряется, что, конечно, связано с самой сутью аскезы странничества.

С ней же связано и развитие важного для житийных путешествий мотива специфических проблем странника, а именно добывание пропитания, денег и крова над головой. Если в ранних текстах он практически отсутствует, то позднее проявляется очень отчетливо. Григорий Декаполит должен сам постоянно заботиться о хлебе насущном, и то, как он справляется с этими проблемами, подробно описывается. Интересно выглядит житие Григения, так как физические потребности у него такие же, как у всех путешественников, но его таинственный и могущественный проводник полностью обеспечивает их, оставляя святому лишь моральные мучения, о которых часто упоминает агиограф. Это переживания от разлуки с родными, страх неизвестности, ощущение, что все вокруг чужое (Berger 2006: 230, 232). Удивительным образом ситуация переворачивается в житии Николая Студита. Все его странствия – это просто жестокая необходимость вследствие ссылки или бегства из Константинополя на время, пока там господствуют его политические соперники. Все проблемы скитаний лишены ореола святости, для него это лишь неблагоприятное стечение обстоятельств, которые он рад преодолеть при первой возможности.

В завершение разговора о X в. необходимо отдельно остановиться на житии Феоктисты Лесбосской (Vita Theoktistae 1925). Эта история и раньше привлекала пристальное внимание исследователей, занимающихся темой путешествий. С. Эвфимиадис начинает с нее свою статью о реальных и воображаемых путешественниках (Ευθυμιάδης 1999) и отмечает, что в повествовании отражены все основные черты средневекового путешествия вообще. М. Маллетт пишет, что стихия морского путешествия, штормы и ветра – это главные действующие лица повествования, обеспечивающие саму возможность разворачивания сюжета (Mullett 2002: 268–269). Но в нашем аспекте самым важным оказывается не тот факт, что описание путешествия организует интересную композицию, это как раз весьма типично, но беспрецедентно высокая степень внимания к окружающему пространству, которое автор, Никита Магистр, воспроизводит в мельчайших подробностях. Это повествование даже по форме больше похоже на рассказ путешественника о необычном случае в дороге, чем на житие. Вопреки канонам после

прооймиона нам рассказывают не о семье и родине героини, а непосредственно об обстоятельствах, при которых автор попал на остров Парос. Далее он описывает свою встречу с отшельником Симеоном, который, в свою очередь, повествует о собственном появлении на острове, и только в рассказе Симеона, наконец-то, возникает история самой героини. В тексте нет масштабных перемещений, это достаточно компактно локализованная история, но ощущение пути воссоздается невероятно реально. Важно также и то, что каждый новый рассказ представлен от первого лица, т. е. подразумевается смена рассказчика, однако степень внимания к движению и деталям окружающего пространства все время остается на одном и том же высоком уровне, что, несомненно, говорит об отражении авторской индивидуальности. Агиографу действительно интересны многочисленные подробности флоры, фауны, топографии острова, особенности интерьера и экстерьера храма Богородицы, которые вкладываются то в историю Симеона, то в рассказ Феоктисты, то в его собственные описания, что рождает ощущение субъективно пережитого автором пространства. Именно это качество и сама возможность описывать дорогу именно так получают дальнейшее развитие в XI–XII вв., и в этом смысле житие Феоктисты – один из предшественников будущих путешествий в житиях и «хождениях».

XI–XII вв.

Со второй половины XI вв. агиография начинает терять свои позиции в литературе, количество текстов уменьшается, а в XII в. их уже совсем мало. Тем не менее, путешествия по-прежнему не исчезают со страниц житий. Особо интересный материал представляют жизнеописания Никона Метаноите (XI–XII вв., Sullivan 1987), Лазаря Галисийского (XI в., Vita S. Lazari 1910), Кирилла Филеота (XII в., Sargologos 1964), Леонтия Иерусалимского (XII в., Tsougarakis 1993).

В житиях XI в. мы по-прежнему обнаруживаем принципы изображения путешествия, описанные ранее. Агиографы так же представляют маршрутную сеть, а со святыми в дороге происходят разнообразные чудеса. Но осязаемый контраст с предыдущей эпохой составляет изменившееся соотношение элементов движения, появление которых обусловлено внешней необходимостью, и описаний, представленных без какой-либо видимой причины. Помимо чудесной переправы через бурную реку (Sullivan: 66), моментального преодоления большого простран-

ства (Sullivan: 102, 142), агиограф Никона Метаноите включает в свое повествование подробное описание других моментов путешествия, в которых ничего особенного или чудесного не происходит. Он делает свое повествование более красочным, представляет нам, как выглядело то или иное место, описывает его географические, природные особенности. Очевидно, что ему интересно представить и эту сторону совершаемого путешествия. Он описывает острова Саламин, Эгину, пролив Эврип, воссоздает подробную картину Пелопоннеса, перечисляя огромное количество топонимов мелких населенных пунктов и указывая их расположение относительно друг друга и более крупных поселений (подробнее см.: Мантова: 2013).

Что касается жития св. Лазаря, то, несмотря на то, что он был известен как столпник, в тексте представлено невероятно подробное пешее паломническое путешествие героя из Лидии в Палестину и возвращение через несколько лет на родину⁷. Здесь уже достаточно радикально изменяется привычная схема описания пути. Почти все повествование превращается в непрерывное описание движения, где чудеса тоже появляются, но они фактически теряются среди множества других эпизодов бесконечного перемещения. Это погони, попытки скрыться от преследователей, ночевки под открытым небом и т.д. Трудности путешествия не просто упоминаются – они занимают основное место в рассказе, они, собственно, и есть весь рассказ. При этом преодоление их в абсолютном большинстве случаев не связано с какими-либо чудесами. Представляя движение кинематографически подробно и ярко, автор погружает читателя в атмосферу этого путешествия, описанного иногда по дням и по часам и снабженного почти физическим ощущением движения.

Наряду с привычными проблемами, как то, добывание пропитания и места для ночлега, появляются и специфические происшествия. Это, например, стычка с погонщиками верблюдов, которые целый день караулили путников у Тивериады. Заприметив с утра, как монахи входили в город, погонщики дождались их вечером и набросились, чтобы отнять хлеб, полученный у христиан. Разрешение конфликта далеко от того, каким можно было бы себе представить в более ранней литературе. Путники

⁷ Э.-М. Тэлбот приводит сведения, что в досье св. Лазаря входил отдельный текст, посвященный путешествию, который и послужил источником для такого подробного описания пути в тексте жития (А.-М. Talbot 2001: 98).

отдают погонщикам часть хлеба, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы освободиться от преследования. Но этого не происходит, и Лазарь, вместо того, чтобы как-то проявить свои сверхъестественные способности, просто соглашается отдать все, чтобы не рисковать. К счастью, спутник преподобного Павел сумел так грозно накричать на преследователей, что они предпочли ретироваться (Vita S. Lazari 1910: 516).

Наконец, переходя к XII в., мы должны констатировать, что жития Кирилла Филеота и Леонтия Иерусалимского сильно отличаются друг от друга, но, несомненно, их объединяет новый тип описания движения и пространства. Самое значительное отличие от предыдущих памятников – это появление субъективных ощущений самого путника, т. е. авторы включают в литературу то, чему там раньше просто не находилось места. Кирилл Филеот отправляется в плавание в качестве матроса, чтобы проверить силу своего духа, и вместо привычных описаний штормов и их чудесного усмирения нам представляют внутренние ощущения и страдания простого человека, измученного постом и самобичеваниями, который изможден настолько, что физически не может выполнять своих обязанностей на корабле. М. Маллет пишет, что это происходит не потому, что читателям XII в. перестали нравиться коллизии с бурями, и что это просто один из вариантов использования темы моря (Mullett 2002: 280), но ведь само появление такого варианта уже свидетельствует об изменении художественных возможностей для описания путешествия.

Во многочисленных путешествиях Леонтия, патриарха Иерусалимского, мы часто видим движение как таковое, вне всякой связи с необходимостью описывать чудеса (хотя они тоже есть) или компоновать сюжет. Путешествия в этом тексте – обыденная и не самая примечательная часть жизни героя, особенно, когда он становится настоятелем крупного монастыря на Патмосе и вынужден часто ездить по делам. А в самом начале пути в Иерусалим, когда Леонтий пребывал на Кипре, агиограф походя делает и вовсе неслыханное замечание об удовольствии от перемены мест: «Однажды великий отправился в одно из своих владений, чтобы навестить его и его обитателей, а также и насладиться свободной переменой места (ἐλευθερίας δὲ ἀπολαῦσαι ἐκ τῆς τοῦ τόπου μεταβολῆς)» (Tsougarakis 1993: гл. 74,

стк. 1–3)⁸. Такое отношение к пути составляет разительный контраст с семантически нагруженными путешествиями скитальцев IX–X вв. Кроме того, в этом жизнеописании представлено достаточно субъективное впечатление от пребывания в Святой земле. Леонтий после долгого пути достигает Иерусалима, но в описании его нет пафоса присутствия в сакральном центре мира. Вместо этого основное внимание сосредоточено на сопротивлении враждебным латинянам, которые безуспешно пытались напасть на патриарха (Tsougarakis 1993: гл. 85–86).

В этом смысле манера описания очень схожа с текстами, которые появились в Византии именно в XII в. и которые посвящены непосредственно путешествию. Это описание паломничества Иоанна Фоки (Троицкий 1889), поэма Константина Манассии о его дипломатической миссии в Палестину (Horna 1904), письмо Николая Месарита о поездке из Константинополя в Никею (Heisenberg 1923). Также довольно подробное описание путешествия содержится в письмах Григория Антиоха из Болгарии (Dargouzès 1962, 1963)⁹. В этих памятниках степень авторского внимания к изображению всего, что они видят вокруг и что испытывают в процессе путешествия, невероятно высока. Окружающее пространство воссоздается очень тщательно, с большим количеством деталей, а гамма ощущений и эмоций человека, находящегося в пути, производит впечатление и на современного читателя. Особенно потому, что в описании окружающего пространства они очень субъективны. К. Галатариоту даже выстраивает их в порядке нарастания субъективности. В частности, она пишет, что повествование Иоанна Фоки более объективно, чем Константина Манассии и, уж тем более, Николая Месарита и Григория Антиоха (Galatariotou 1993). Однако, принимая во внимание жанровое своеобразие каждого из этих произведений и личность самого автора, вполне можно признать их в равной степени субъективными. Просто в случае Иоанна Фоки не следует забывать, что он монах и паломник, поэтому основной тон его рассказа положительный, а для остальных

⁸ Цитаты из жития Леонтия приведены по электронному Тезаурусу греческого языка – Thesaurus Lingua Graeca. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tlg.uci.edu> (дата обращения: 01.05.2014).

⁹ Послание Месарита формально выходит за рамки XII в., оно датируется 1208 г., но, поскольку это самое начало XIII в., все же представляется возможным рассматривать его в кругу повествований-путешествий предшествующего столетия.

путешествие – это неприятная необходимость. Самое главное, что во всех случаях мы отчетливо видим личность автора, и в этом смысле церковные писатели XII в. принадлежали своему времени и разделяли литературные вкусы своих мирских современников.

Подводя итоги и возвращаясь к высказыванию А.П. Каждана об условной репрезентации и дискретности пространства в византийской литературе, можно констатировать, что в агиографии это не всегда было так. Очевидно, что в наших текстах можно проследить некую линию развития. В общих чертах можно обозначить изменения как постепенный переход от схематичности и условности описываемого путешествия к наполнению его сначала подробностями передвижения, а в XII в. уже и субъективными ощущениями путешественника. В литературе XII в. внутренний мир героя открывается как предмет изображения; в нее входит то, что ранее не казалось достойным или просто интересным для описания.

Литература

- Каждан 1968 – Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968.
- Каждан, Шерри, Ангелиди 2002 – Каждан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). Эпоха византийского энциклопедизма. Пер. с англ. СПб., 2002.
- Мантова 2013 – Мантова Ю. Б. Репрезентация пространства в византийских житиях св. Никона Метаноита и св. Григения // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 2. С. 79–86.
- Подосинов 1993 – Подосинов А. В. Картография в Византии // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 43–48.
- Помяловский 1992 – Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа Едесского / изд. И. С. Помяловский. СПб., 1992.
- Троицкий 1889 – Иоанна Фоки Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах в Палестине, изд. И. Троицкий // ППС. Т. 8, вып. 2. СПб., 1889. С. 1–29.
- Berger 1995 – Leontios presbyteros von Rom, Das Leben des heiligen Gregorios von Agrigent, ed. A. Berger // Berliner Byzantinische Arbeiten 60. Berlin, 1995.
- Berger 2006 – Life and Works of Saint Gregentios, Archbishop of Taphar / ed. A. Berger. Berlin, 2006.
- Binggeli 2010 – A. Binggeli. Converting the Caliph: a legendary motif in Christian hagiography and historiography of the early Islamic period // Writing 'True Stories': Historians and Hagiographers in the Late Antique and Medieval Near East. Cultural Encounters in Late Antiquity

- and the Middle Ages 9 / ed. A. Papaconstantinou, M. Debié, H. Kennedy. Turnhout, 2010. P. 77–103.
- Dvornik 1926 – La Vie de St. Grégoire de Décapolite et les Slaves macédoniens au IX siècle / ed. F. Dvornik. Paris, 1926.
- Euthymiades 2006 – Euthymiades S. New Developments in Byzantine Hagiography: The Rediscovery of Byzantine Hagiography / Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies: London, 21–26 June 2006 / ed. by E. Jeffreys. Aldershot. T. 1. P. 157–171.
- Galatariotu 1993 – Galatariotu C. Travel and Perception in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1993. Vol. 47. P. 221–241.
- Heisenberg 1923 – Heisenberg A. (ed.). Reisebericht des Nikolaos Mesarites an die Mönche des Euergetisklosters in Konstantinopel // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse* 2. S. 35–46. (= Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. II).
- Horna 1904 – Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses, ed. K. Horna // *Byzantinische Zeitschrift* 13. S. 325–347.
- Kazhdan, Franklin 1984 – Kazhdan A., Franklin S. *Studies on Byzantine Literature of the 11-th and 12-th Centuries*. Cambridge; Paris; New-York, 1984.
- Külzer 2003 – Külzer A. Konstantinos Manasses und Johannes Phokas – zwei Byzantinische Orientreisende des 12. Jahrhunderts // *Erkundung und Beschreibung der Welt. Zur Poetik der Reise- und Länderberichte. Vorträge eines interdisziplinären Symposiums vom 19.-24. Juni 2000 an der Justus-Liebig-Universität Gießen*, ed. X. von Ertzdorff, G. Giesemann. Amsterdam; New York, 2003.
- Mullett 2002 – Mullett M. In peril on the sea: travel genres and the unexpected // *Travel in the Byzantine world* / ed. R. Macrides. Aldershot, 2002. P. 259–284.
- Papadopoulos-Kerameus 1963 – Vita S. Eustratii, ed. A. Papadopoulos-Kerameus // *Ανάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*, vol. 4. Bruxelles, 1963. P. 367–400.
- Pratsch 2005 – Pratsch T. *Der hagiographische Topos: Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit*. Berlin, 2005.
- Rossi Taibbi 1962 – Vita di Sant' Elia il Giovane / ed. G. Rossi Taibbi. Palermo, 1962.
- Sargologos 1964 – La Vie de Saint Cyrille le Philéote moine byzantin, ed. E. Sargologos // *Subsidia Hagiographica*. 1964. Vol. 39. Bruxelles.
- Sullivan 1987 – The life of Saint Nikon / ed. D.F. Sullivan. Brookline, MA.
- Talbot 2001 – Talbot A.-M. Byzantine Pilgrimage to the Holy Land from the 8-th to the 15-h Century // *The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present* / ed. J. Patrich. Leuven, 2001. P. 97–110.
- Thesaurus Linguae Graecae – <http://www.tlg.uci.edu>
- Tsougarakis 1993 – Tsougarakis D. The Life of Leontios Patriarch of Jerusalem: Text, Translation, Commentary // *The Medieval Mediterranean. People, Economies and Cultures, 400–1453*, Vol. 2. Leiden-New York-Köln, 1993. P. 32–156.
- Vita S. Germani Cosinitzae 1866 – Vita S. Germani Hegumeni // *AASS Mai* V. 3. Paris-Roma, 1866. P. 6*–10*.

- Vita Lazari 1910 – Vita Lazari in monte Galesio // AASS Novembris, V. 3. Bruxelles, 1910. P. 508–588.
- Vita S. Nicolai 1862 – Vita S. Nicolai Studitae // PG. 105. Paris, 1862. Col. 863–925.
- Vita S. Theoktistae 1925 – Vita S. Theoktistae // AASS Novembris, V. 4. Bruxelles, 1925. P. 224–233.
- Vita S. Vlasii 1925 – Vita S. Vlasii Amoriensi // AASS Novembris, V. 4. Bruxelles, 1925. P. 657–669.
- Ευθυμιάδης 1999 – Σ. Ευθυμιάδης. Νοεροί και πραγματικοί ταξιδιώτες στο Βυζάντιο του 8ου, 9ου και 10ου αιώνα // Byzantina. 1999. Τ. 20. Σ. 155–165.

Y. B. Mantova. Travel in the Mid-Byzantine hagiography: peculiarities of the literary representation

It is usually considered that in Byzantine hagiography travels tend to be represented in a sketchy way. A. Kazhdan connected this peculiarity with the Byzantine writers' general endeavor to express idea of stability, by presenting the travel not as a process, but as two static conditions: the moments of departure and of the arrival.

The paper analyzes travel depictions in the saints' lives of the Mid-Byzantine period. Observations of the diachronic changes in the description of travels are used to evaluate the evolution of the literary tastes in the 8th–12th c. hagiography.

The earliest chosen texts, vitae of SS. Theodore of Edessa and of Gregory of Agrigentum, comprise distant journeys: however, the hagiographers tend to present the beginning and end of the saints' routes without further detail. The rare episodes where we can get a glimpse of the travelling saint are due to the author's need to organize the plot or to show the saints' ability to overcome the perils on the road or in the sea.

The period from the 9th to the first half of the 11th century was a flourishing one in the history of hagiography, leaving behind a considerable number of texts. On the one hand, the authors continue to use the travel motif for the same purposes as the earlier vitae, but on the other hand, some of them appear to pay more attention to the travel itself. In the vitae of SS. Gregory of Decapolis, Gregentios, Theoktista of Lesbos, Nikon Metanoite, Lazaros of Galesionnot travel episodes are not only given more space, but also developed into a picturesque ekphrasis.

This tendency is further developed in 12th c. hagiography where the travel narratives are enriched with emotions and personal perception of the travelers. Thus, the vitae of Cyrillos Phileotes and Leontios of Jerusalem have something in common with the travel accounts, which appeared in the Byzantine literature in the 12th c. (pilgrimage of Ioannes Phocas, the poem of Constantine Manasses, letters of Nicholas Mesarites and Gregory of Antioch).

Keywords: hagiography, Byzantium, travel, environment descriptions.

**ЛАТИНСКИЕ ЭПИГРАФЫ В ТРУДАХ РУССКИХ
УЧЕНЫХ-МЕДИКОВ
(Московская медико-хирургическая академия)¹**

Латынь традиционно является элементом медицинской культуры, и для изучения функционирования латинского языка важен такой источник, как эпиграфы в трудах ученых-медиков. Московская медико-хирургическая академия (1798–1845) выпустила 150 изданий, из которых 11 имеют латинские эпиграфы. Большинство авторов – доктора медицины и профессора, есть и студенты. Они приводят в качестве эпиграфов цитаты из разнообразных источников: Священное писание, античные авторы, новолатинские авторы, крылатые выражения. Выбор эпиграфа может свидетельствовать как о личном благочестии автора, так и о желании укрепить репутацию при первой публикации или указывать на прочтение профессиональной литературы, в том числе и латинских классиков.

Ключевые слова: Медицина, латинский язык, книгоиздание, эпиграфы.

Традиционно латынь считается важным элементом образования. В русской же образовательной традиции XVIII–XIX вв. этот принцип подкреплялся еще и тем, что зачастую курсы учащихся формировались из выпускников духовных училищ, обучавшихся латыни в семинариях. И, конечно же, для изучения функционирования латинского языка важна и такая область, как преподавание медицины.

Известно, что одним из видных учебных заведений России являлась Московская Императорская медико-хирургическая академия, основанная в 1798 г. как отделение Санкт-петербургской медико-хирургической академии и существовавшая до 1845 г. (с 1837 г. – как независимое учреждение). Благодаря талантам профессоров (многие из них преподавали одновременно и в Императорском Московском университете) и успешному функционированию трех отделений: медицинского, фармацевтического и ветеринарного, а также клиник, многочисленных учебных коллекций и библиотеки, за несколько деся-

¹ Автор благодарит А. И. Любжина за любезно оказанную помощь в написании данной статьи.

тилетий Московской академией было подготовлено более 2000 врачей, несколько сотен фармацевтов и ветеринаров (подробнее об истории Академии см.: Прейсман 1961). Несмотря на заметные успехи, при министре духовных дел и народного просвещения С. С. Уварове было принято решение о слиянии единственных учебных заведений Москвы, обучавших медицине, Московской академии и Московского университета, в результате чего в 1845 г. весь преподавательский состав, клиники и студенты были переданы в ведение медицинского факультета Университета.

Согласно § 5 Устава 1808 г. все науки в Академии преподавались на русском языке, но отдельные врачи на практических занятиях в клиниках предпочитали у постели больного учить студентов на латинском языке – очевидно по этическим соображениям. В разное время латынь будущим врачам преподавали Н. А. Бекетов, К. А. Зедергольм, А. Надеждин, П. И. Николов, И. Д. Петров, по фамилиям известны также Ганеманн, Чумаков.

За годы работы Академией было подготовлено около 150 изданий (количество установлено на основе работы с архивными источниками и каталогами библиотек). Это, в первую очередь, оригинальные сочинения профессоров, а также переводы на русский язык наиболее востребованных европейских трудов по практической медицине, ветеринарии, фармакологии, диссертации на степень докторов медицины и хирургии, издания для служебного пользования Академии (списки чиновников, воспитанников, каталоги коллекций). В деле книгоиздания Академии существовало постановление об обязательном употреблении русской бумаги², но не русского языка – авторы были вольны выбирать, и, тем не менее, в основном, монографии печатались на русском языке, реже – на латинском или французском. Диссертации, однако, необходимо было представлять только на латыни³.

Одним из признаков знакомства с латинским языком в среде ученых-медиков являются эпиграфы. Рассмотрев все издания Академии (за исключением диссертаций, которые в силу своего

² Центральный исторический архив Москвы, ф. 433 (Московская медико-хирургическая академия), оп. 68, д. 158. «По предписанию министра народного просвещения, чтобы никакой другой бумаги употребляемо не было, кроме выделяемой в России. 1810 г.».

³ История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798–1898. СПб., 1898. С. 170.

ограниченного тиража и узкого распространения оказались очень редкими в книжных собраниях), мы обнаружили, что только 11 книг имеют латинские эпиграфы: 7 оригинальных сочинений и 4 русских перевода с европейских языков. При этом одно издание содержит сразу два эпиграфа. Ниже мы приводим перечень, состоящий из краткого библиографического описания издания, воспроизведения эпиграфа и его перевода на русский язык. Информация, указанная нами в угловых скобках («< >»), дополняет сведения о происхождении эпиграфов, которые привели сами авторы книг.

Священное Писание

1. Фишер фон Вальдгейм, Григорий Иванович (Fischer von Waldheim, Gotthelf; 1771–1853) *Zoognosia tabulis synopticis illustrata, in usum praelectionum academiae imperialis medico-chirurgicae mosquensis edita, auctore Gotthelf Fischer... – Editio tertia, Classium, Ordinum, Generum illustratione perpetua aucta. – Mosquae: typis Nicolai Sergeidis Vsevolozsky, T. I–III. 1813–1814. – 4°.*

Эпиграф: «O Iehova,
Quam ampla sunt Tua Opera!
Quam sapienter Ea fecisti!
Quam plena est terra possessione Tua!
David». <Liber Psalmorum 104:24>.

Перевод: «Как многочисленны дела Твои, Господи!
Все соделал Ты премудро;
Земля полна произведений Твоих!» (Псалтирь, 103:24)⁴.

Нумерация псалмов в Псалтири, переведенной на латынь и западноевропейские языки, не совпадает с нумерацией псалмов в Псалтири на церковнославянском и на русском языках.

Античные авторы

2. Гофман, Георг Франц (1766–1826). *Compendium pharmacologiae iuxta pharmacopoeiam castrensem ruthenicam. In usum praelectionum academicarum edidit G.F. Hoffmann, med. doct. consil. stat. prof. bot. et mat. med. in Caesar univers. et Acad. med. chirurg. mosquensis. – Mosquae: Excudi curavit A. Semen, acad. med. chir. typographus, 1821. – 8°.*

⁴ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета канонические. М.: Российское библейское общество, 2008. С. 462–463.

Эпиграф: «..... Abrotanum aegro
Non audet, nisi qui didicit, dare.
Hor. *Epist.*». <II, 1, 114-115>.

Перевод⁵: «Абротон никто не дерзает давать больному, кроме того, кто научен».

3. Мухин, Ефрем Осипович (1766–1850). Краткое наставление простому народу о пользе прививания предохранительной оспы, или о способе, каковым можно предохранить себя от человеческой оспы, и быть от нее свободным и невредимым от рождения навсегда... С чертежами. – Москва: В типографии Н.С. Всеволожского, 1811. – 8°.

Эпиграф: «Demonstrare virtutes vel si quando ita indicat, vitia id professionis ejus atque promissi, qui se magistrum pollicentur. Quint. libr. II». <II.V.2>.⁶

Перевод дан Е. О. Мухиным рядом с латинским оригиналом:

«Обнаруживать достоинства или вкравшиеся погрешности, есть долг учения и обета, приемлющих звание учителя.
Квинт. книга 2я».

4. Гильтебрандт, Федор Андреевич (Hiltebrandt, Justus Friedrich; 1773–1845). *Friderici Hiltebrandt M. et Ch. D. Imperii a consiliis. equit. ch. prof. Institutiones chirurgicae...* Mosquae: Typis Augusti Semen, Typographi Acad. Caes. Med.-chirurgicae, MDCCCXXIX [1829]. – 8°.

Эпиграф: «Neque imitare malos medicos, qui in alienis morbis profitentur tenere se medicinae scientiam, ipsi se curare non possunt (Cicero)». <Fam., IV, 5, 5>.

Перевод: «Не подражай плохим врачам, которые при болезнях у других заявляют, что обладают знанием врачебной науки, сами же себя не могут лечить».

Перевод В. О. Горенштейна (Горенштейн 1951).

⁵ Здесь и далее, где не указан автор перевода, перевод на русский язык выполнен А.И. Любжиным.

⁶ Quint. II, 5, 2: *demonstrare uirtutes uel, si quando ita incidat, uitia, id professionis ejus atque promissi quo se magistrum eloquentiae pollicetur* (M. Fabi Quintiliani Institutionis Oratoriae Libri Duodecim. Vols. 1–2, ed. M. Winterbottom, 1970). Текст, с одной стороны, сознательно искажен для нужд цитирования, с другой – *indicat* вместо *incidat*, по-видимому, является опечаткой.

5. Кораблев, Герасим Иванович (?–1860). Курс акушерской науки и женских болезней или учение о жизни женской касательно половых отправления, изложенное в физиологическом, диетическом, патологическом, терапевтическом и оперативном отношениях... – Москва: В типографии И. Смирнова, 1841 [–1843]. – 8°.

Эпиграф 1: «Principiis obsta: sero medicina paratur,
Quum mala par longas convaluere moras.
Sed propera; nec te venturas differ in horas.
Qui non est hodie, cras minus aptus erit.
Publius Ovidius Naso» <Remedia amoris, 91-94>.
Перевод: «В самом начале болезнь пресеки — напрасны лекарства,
Если успеет она вызреть в упущенный срок.
Поторопись, и решение со дня не откладывай на день:
То, что под силу сейчас, завтра уж будет невмочь»
Пер. М. Л. Гаспарова (Гаспаров 1973).

Эпиграф 2: «Attento advertere, quo vergat natura. Hippocrates».
<Источник не обнаружен. Слова приписывает
Гиппократу традиция>.

Перевод: «Внимательно наблюдай, куда клонит природа».

6. Ловецкий, Алексей Леонтьевич (1787–1840). Enthelminthognosia physico-medica corporis humani... Cum figg. – Mosquae: Typis Reschetnikow, 1824. – 8°.

Эпиграф: «Rerum natura nusquam magis, quam in minimis, tota est - et
in contemplatione Naturae, nihil potest videri supervacuum.
Plin. Histor. natur. I–XI. c. 2.».
<Naturalis Historia, lib. XI, I, 4>.

Перевод: «Природа вещей нигде не проявляется в такой полноте,
как в мельчайшем, – и в созерцании природы ничто не
может оказаться излишним».

Цитата является, как и в случае с Квинтилианом, переделкой: между двумя предложениями выброшен кусок текста, ненужный для задач эпиграфа.

Крылатые слова и выражения

7. Кикин, Алексей Иванович (1810–1852). Краткая зоотомия или руководство к познанию строения тела домашних животных... – Москва: в типографии Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии – В Университетской типографии, 1837–1839. – 8°.

Эпиграф: «Paulatim summa petuntur».

Перевод: «Вершины достигаются не сразу; мастерство приобретает постепенно» (Бабичев, Боровский 1982).

8. Успенский, Петр Петрович (ум. после 1839); Консбрух, Георг Вильгельм Кристоф (Consbruch, Georg Wilhelm Christoph; 1764–1837). Начальные основания патологии | в пользу практических врачей и хирургов... Перевод с немецкого. – Москва: в типографии Н. С. Всеволожского, 1817. – 8°.

Эпиграф: «Quod potui, feci; faciant meliora potentes!».

Перевод: «Я сделал всё, что мог, кто может, пусть сделает лучше». (Бабичев, Боровский 1982).

(Чаше этот эпиграф встречается с иной последовательностью первых трех слов).

Новолатинские источники

9. Пинель, Филипп (1745–1826; Pinel, Philippe); Завадский-Краснопольский, Степан Павлович (1803–1869). Врачебно-философическое начертание душевных болезней, сочиненное Филиппом Пинелем, профессором медицинского факультета в Парижском университете и Главным врачом госпиталя Сальпетриерской, перевел с французского второго, исправленного и весьма умноженного, издания и присоединил дополнительные исследования душевных болезней, сочинение Андрея Маттея, доктора медицины и профессора в Женеве, Степан Завадский-Краснопольский. С гравированными рисунками. – Москва: В типографии И. Решетникова, 1829. – 8°.

Эпиграф: «Cum analysis ad tuta ac universalia principia statuenda viam nobis muniit, tum tutius eadem peculiaribus casibus accomodare per synthesin possumus. Tunc enim synthesis analyseos veritati explicandae inservit. Instit. Pathol. F. A. Fanzago. Patavii. 1813. Pars I. p. 7».

Перевод: «Когда анализ проложил нам дорогу к установлению надежных всеобщих принципов, мы можем с большей уверенностью применять их через синтез к отдельным случаям. Тогда синтез служит объяснению истинности анализа».

10. Купер, Самьюэл (Cooper, Samuel; 1780–1848); Костомаров, Иван Алексеевич (1791–1837). Начертание практической хирургии, излагаемое в настоящем ея сочинении на началах

патологической и хирургической анатомии, с картинами. Сочинение Самуила Купера... Перевел с английского Иван Костомаров. – Москва: В типографии П. Кузнецова, 1824–1825. – 8°.

Эпиграф: «Nec Araneorum textus ideo melior, quia ex se fila fingunt; nec noster vilior, quia ex alienis libamus, ut apes».
<Юст Липсий (1547–1606; Justus Lipsius). *Iusti Lipsi Politicorum breves notae. Lugduni batavorum* [Leiden], [1589]. P. 3–4>.

Перевод: «Паутина не становится лучше потому, что пауки создают нить из себя; и наш труд не делает хуже то, что мы отведываем чужое, как пчелы».

11. Бейли, Мэтью (1761–1823; Baillie, Matthew); Костомаров, Иван Алексеевич (1791–1837). Патологическая анатомия важнейших частей тела человеческого, преимущественно находящихся в главных четырех полостях... Перевел с английского... и присовокупил свой трактат. – Об отношениях патологической анатомии к другим врачевным наукам, и о способах, коими она может быть познаваема и совершенствуема, с предварительным коротким изложением ее истории, Иван Костомаров. – Москва: типография П. Кузнецова, 1826. – 8°.

Эпиграф: «Haec est Anatome, quam desiderat *Franc. Bacon. de Verulam.* Atque utinam isthaec Anatome exerceretur in cadaveribus hospitalium ad morborum cognitionem et publicam utilitatem, eâ conditione, ut quae diligenter observata essent à medicis nosocomii, fideliter attestata ab aliis medicis et Chirurgis praesentibus in Anatome versatis *quotannis in Commentarios redigerentur instar Diarii!* (Ioan. Riolan. fil. *Anthropogr. Lib. I. p. 49. Lutet. 1649. in fol.*)».
<Ioannis Riolani Filii ...Opera anatomica vetera, recognita et auctiora. Lutetiae Parisiorum [Paris], 1649. P. 49>.

Перевод: «Это анатомия по тем требованиям, которые предъявляет Френсис Бэкон Веруламский. И о если бы этой анатомией занимались на госпитальных трупах для познания болезней и для общей пользы на том условии, чтобы то, что обнаружили со всей тщательностью медики в больнице, достоверно засвидетельствованное другими присутствующими медиками и хирургами опытными в анатомии, ежегодно публиковалось в Записках в форме дневника».

В добавление к указанным эпиграфам приводим одно издание, в котором латинское выражение было помещено не в качестве эпиграфа, но, напротив, оно заканчивает предисловие автора.

Пикулин, Лука Егорович (1784–1824). Краткое руководство к лечению болезней: В пользу ново-практикующих врачей в армии, Почерпнутое из сочинений г. Геккера и Пинеля.; Издал Лука Пикулин, медицины и хирургии доктор, Императорской М. х. академии московского отделения ученый секретарь и анатомии и физиологии профессор. – Москва: В типографии Августа Семена, 1820. – 12°.

Предисловие автора оканчивается следующим образом: «Я почту себя весьма награжденным, если сей слабый труд заслужит какое-либо внимание начальства, а со стороны молодых армейских врачей хотя некоторую признательность. В противном же случае надеюсь иметь снисхождение к моему усердию быть полезным по мере сил моих. *Etsi desint vires, tamen est laudanda voluntas*». <Ov. Epist. III, 4, 79>. (Перевод: «Пусть не хватает сил, но желание все же похвально» – Бабичев, Боровский 1982).

Для авторов Московской медико-хирургической академии украшение своего труда латинским эпиграфом, в основном, не было желанием блеснуть эрудицией. Отметим в этой связи, что 4 из 7 оригинальных сочинений с латинскими эпиграфами (т.е. более половины) написаны на латинском языке. Большинство из авторов – доктора медицины и профессора, среди них мы встречаем как и выдающегося исследователя и организатора науки (К. И. Фишер фон Вальдгейм), так и студента (П. П. Успенский). Как мы видим, в качестве эпиграфов использованы цитаты из разнообразных источников: Священного писания, античных авторов, новолатинских авторов, приведены также и крылатые выражения.

Выбор эпиграфа свидетельствует о личном благочестии автора (К. И. Фишер фон Вальдгейм), желании укрепить репутацию при первой публикации своего труда (А. И. Кикин, П. П. Успенский), указывает на прочтение автором профессиональной литературы (Ф. А. Гильтебрандт, С. П. Завадский-Краснопольский, И. А. Костомаров), в том числе и латинских классиков. В последнем случае непросто определить, имеем ли мы дело с выпиской из полного оригинального текста или из другого научного труда и даже сборника афоризмов. Так,

например цитату «Attento advertere, quo vergat natura», которую Г. И. Кораблев по традиции приписал Гиппократу, нам не удалось отождествить ни с одним известным текстом знаменитого «отца медицины». При этом, цитата довольно часто встречается в немецкоязычных трудах этого периода⁷.

Выбор эпиграфов подтверждает достаточно высокий уровень владения латинским языком у авторов Московской медико-хирургической академии, а то, как свободно и естественно они оперируют литературой на латыни, позволяет нам говорить, что латынь не только вошла в профессиональный обиход, но и стала культурным фоном для русских ученых-медиков.

Обращение к такому малоизученному предмету, как латинские эпиграфы в трудах российских ученых, на наш взгляд, существенно расширяет представление о кругозоре деятелей отечественной науки.

Литература

- История – История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798–1898. СПб., 1898.
- Бабичев, Боровский 1982 – Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений. Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровский. М., 1982.
- Гаспаров 1973 – Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / пер. М. Л. Гаспарова М., 1973.
- Горенштейн 1951 – Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. III, годы 46–43 / пер. и комм. В. О. Горенштейна М.; Л., 1951.
- Прейсман 1961 – Прейсман А.Б. Московская медико-хирургическая академия. М., 1961.
- Quint. – M. Fabi Quintiliani Institutionis Oratoriae Libri Duodecim. Vols. 1–2, ed. M. Winterbottom, 1970.

⁷ См. например, Oslander J. F. Handbuch der Entbindungskunst: Die Anzeigen zur Hülfe bey unregelmässigen und schweren Geburten. Tübingen, 1825. Т. III. P. 252; Journal für Geburtshülfe, Frauenzimmer- und Kinderkrankheiten. Leipzig, 1837. Т. 17. P. 259.

**A. I. Markova. Latin epigraphs in the writings of Russian physicians
(Moscow Medical-Surgical Academy, 1798–1845)**

Latin is traditionally considered to be an element of medical culture. In order to study the use of Latin the epigraphs in the physician's writings should be included in the study's scope as well. Moscow Medical-Surgical Academy (1798–1845) published 150 titles, 11 of them have Latin epigraphs. Most of their authors were doctors and professors of medicine, some were students. For their epigraphs they chose quotes from various sources: Holy Writ, classical authors, authors who wrote in Latin in the modern era and winged phrases. The choice of an epigraph can characterize private piety, a desire to contribute to a good reputation for the first publication. The epigraph also shows the author's acquaintance with professional literature and Latin classics.

Key words: medicine, Russian physicians, Latin epigraphs.

URSULA ~ ARTULA: О ВОЗМОЖНЫХ ПРОЧТЕНИЯХ НАДПИСИ CIL XIII, 3909¹

В работе предлагается несколько интерпретаций латинской надписи из Корпуса CIL XIII, 3909, представляющей собой короткую эпитафию, найденную на территории современного Трира (Германия), бывшего крупного города Поздней Империи – Августа Треверорум. Надпись привлекает внимание кельтологов тем, что в ней даны два варианта (латинский и галльский) семантически тождественных имен дочери и матери – Урсула и Артула. Надпись написана на латинском языке, но с ошибками, которые могут объясняться как влиянием галльского языка, так и не достаточной грамотностью резчика. Разные прочтения надписи позволяют дать несколько интерпретаций.

Ключевые слова: галльская эпиграфика, латинская эпиграфика, треверы, галльские имена, преференции ономастикона поздней Римской империи, смена языка, германское вторжение, франки, народная латынь.

Надгробная надпись № 3909, как и другие подобные ей тексты того же времени и региона, входит в корпус латинских надписей, однако демонстрирует ряд интересных черт, относящихся к языку треверов, т. е. – одному из галльских диалектов. Область по течению р. Мозель, которую занимали треверы, была присоединена к Риму еще в ходе Галльской кампании Цезаря, и ок. 30 г. до н.э. там были построены римские военные укрепления. Примерно в 15 г. до н.э. уже при Октавиане Августе там был основан город, получивший название Augusta Treverorum (сорв. Трир). К концу II в. н. э. город разросся, кроме военных укреплений в нем был построен амфитеатр, бани, виллы, а также сохранившаяся до нашего времени въездная башня – Porta Nigra. К концу IV в. (в 318 г. там была учреждена галльская префектура) город еще больше расширился и стал «одним из крупнейших городов галльской провинции» (Duval 1952: 60), неофициально считавшимся «северной столицей Империи». Население его к этому времени насчитывало ок. 100 тыс. человек. Однако после ряда германских и гуннских

¹ Исследование поддержано Российским Фондом Фундаментальных исследований, проект № 13-06-00086.

вторжений город утратил свое политическое значение, а в 475 г. окончательно перешел в руки франков, в дальнейшем занявших практически все районы заселенные ранее галльскими народностями. Однако в отличие от более южных и западных территорий, франки-завоеватели в прирейнских землях не утратили своего германского языка и не перешли на диалекты народной латыни; напротив, местное население утратило и свой исконный язык, и приобретенную латынь (в ее местной форме) и германизировалось. Предположительно, это произошло не только потому, что данные районы были захвачены франками раньше (территории, прилегающие к Сене и Луаре попали под влияние франков всего лишь на десять лет позднее), но и по той причине, что несмотря на сильное римское влияние на Мозеле и Рейне, местное население сохраняло там кельтские диалекты и использовало их гораздо дольше. Существует, например, известное свидетельство св. Иеронима о сходстве языка треверов и галатов (см. Collis 2010: 25).

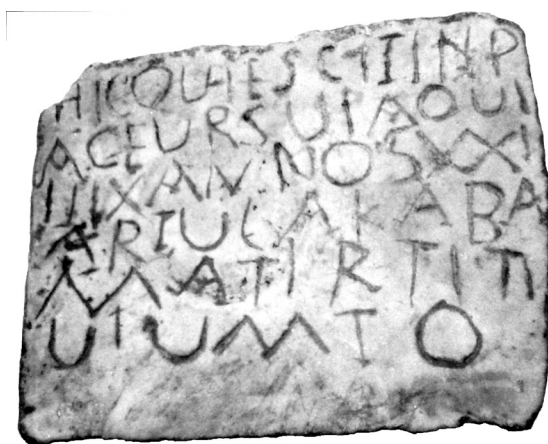
Треверы, как и ряд других кельтских народностей прилегающих территорий, не переняли ни греческого, ни латинского алфавита для фиксации собственного языкового материала (как это было в западных и южных районах современной Франции и где это произошло гораздо раньше). Как и в Британии, собственно кельтских текстов там не сохранилось, и галльский языковой материал представлен лишь в именах собственных и теонимах, вкрапленных в латинские эпиграфические памятники. Стойкое двуязычие проявлялось, в частности в довольно низком уровне латинской языковой компетенции местного населения, что ясно видно из многочисленных ошибок, которыми изобилуют памятники, в первую очередь – содержащие кельтские имена. Более того, «правильное» воспроизведение традиционных латинских аббревиатур (типа VSLM) также могло скрывать недостаточное понимание их семантики (о чем говорят ошибки типа – VSRM и под.). Внимательное изучение ряда надписей может предоставить для исследователя «скрытые» галльские формы, особенно ценные в свете всего, сказанного выше.

Точная датировка памятников затруднительна. Как пишет М. Т. Рапсет-Шарье, «тексты датируются как правило на основе самих памятников: так, например, известно, во II в. для надгробий предпочтительно использовался серый песчаник, а в III в. – красный» (Raepsaet-Charlier 2001: 345). Надгробные надписи на черепицах и глиняных табличках, характеризующие так

называемые «скромные погребения» (Lambert 2002: 227), как правило, относятся к более позднему времени, когда традиция римских надгробий начала проникать в более широкие слои населения. Поэтому стоящая в Археологическом музее Трира возле интересующего нас памятника дата – начало V в. представляется вероятной.

Надпись 3909 выполнена на небольшой черепице из красной глины и производит впечатление не только «скромной», но и непрофессиональной. Об этом свидетельствуют не только ошибки в латыни (которых много и в более помпезных погребениях), но и характер начертания букв, позволяющий давать разные толкования самому тексту². В основном, надпись читается относительно легко. Традиционное (среди кельтологов) прочтение надписи:

Hic quiescit in pace Ursula qui vix(it) annos XXI Artula kara matir titiulum po(suit) (см. Delamarre 2007: 27).

Надпись привлекла внимание К. Штюбер, которая, анализируя влияние латинской культуры на систему предпочтений в области галльского ономастикона, назвала ее «удачной находкой» (Stüber 2007: 90), поскольку в ней проявляется традиция называть дочь именем матери, с одной стороны, и демонстрируется взаимопонятность семантической составляющей имени, с другой. Иными словами, дочь была названа именем матери, но в

² Пользуюсь случаем выразить благодарность Н. Ю. Живловой за помощь в фотографировании таблички.

его латинском варианте: оба имени восходят к слову *медведь* (соотв. галльск. *arthos* и лат. *ursus*, к и.-е. **h₂rtk'o-*, см. Matasović 2009: 42; о кельтских именах, образованных от этого корня см. также Delamarre 2003: 55–56; Delamarre 2007: 27; Schmidt 1957: 135; Stüber 2005: 58). Как кажется, надпись заслуживает более пристального внимания. В первую очередь – на каком языке она написана?

Естественно, текст квалифицируется как целиком латинский (кроме имени матери), но содержащий ряд ошибок, вызванных не только низким уровнем языковой компетенции и «описками» резчика, но и собственно народно-латинскими чертами. Так, первая половина надписи, видимо, проблем не вызывает: она, несомненно, была скопирована с аналогичных надгробных формул, причем употребление *qui* (вместо *quae*) характерно для народной латыни, обобщившей исходные формы, различавшиеся по роду, и может быть переведена как: «Здесь покоится с миром Урсула, которая прожила 21 год...». Но что дальше? Трактовка формы *matir* как латинской ошибочной автоматически предполагает и дальнейшее «латинское» прочтение надписи: «Артула любящая мать...» (ср., например, CIL XIII 1854: *mater infelicissima* 'несчастнейшая мать...' при CIL XIII 586: *karo contubernali* 'дорогому товарищу...'). Действительно, лат. *cārus* означает 'любимый, милый', но не – «любящий». Не означает ли это, что данный фрагмент надписи может быть прочтен как – «милая Артула»? То есть, имя умершей дочери повторено дважды, в латинском и галльском вариантах, а имя матери вообще не указано? Такая эффектная трактовка выглядит грамматически возможной, но все же, как представляется, слишком нарушает традиционную надгробную латинскую формулу, на которую писавшая (или заказчица) опиралась.

Возможна другая интерпретация, представляющаяся более вероятной: слово *kara* относится к *matir*, а все словосочетание было списано Артулой с какой-то из находящихся неподалеку могил. В исходной надписи, естественно, *cara mater* «милая мать» стояло в номинативе и характеризовало умершую, дети которой поставили для нее надгробие. Если бы раскопки кладбища, где была найдена табличка, производились сейчас и с

такой же аккуратностью, как в Бате или в Новгороде, может быть мы могли бы найти и образец-источник!³

Прочтение формы *matir* как правильной галльской (см. Delamarre 2003: 220), предложенное впервые (!) в 2009 году Т. Майснером (Meißner 2009/2010: 110), позволяет аналогичным образом и трактовать слово *cara*. Образованное от ОК глагола **kar-o-* ‘любить’ (ср. др.ирл. *caraid*, ср.валл. *caru*, ср.брет. *caret*) оно может означать и «любящая», поскольку оппозиция активных-пассивных причастий в позднем галльском была нейтрализована (ср., однако, сохранившиеся в именах элементы – *carant-*, *carat-* при др.ирл. *cara*, ген. *carat* ‘друг’, краткость *a* в кельтском позволяет предположить иную этимологию глагольной основы, отличную от латинской, см. LEIA-C: 37). Ср. однако, эпитет Аполлона – *Iouantu-caros* – «любящий молодость».

Более того, «галлизация» надписи позволяет предположить, что и ее конечный слог, ТО[является не ошибочным воспроизведением латинского *po(suit)*, но усеченной формой галльского посвятительного глагола, не имеющего этимологии и однозначной семантической трактовки и представленного в надписи L-6:

BRATRONOS NANTONTICN[EPADATEXTORICI.
LEVCVTIO SVIOREBE. TOGITOI (Lambert 1994: 105)

с предположительным прочтением – «Братрон сын Нантона для Эпадатеخورика священную рощу (?)»⁴ вместе с сестрами разбил».

Более того, можно предположить, что и написание *titulum* представляет собой не очередную опisku в латинском, но графическую передачу галло-бриттского вокалического перехода *u/o > i*: ср. **donios* ‘человек’ > валл. *dyn*, но также – *memoria* > валл. *myfyr* (см. Schrijver 1995: 259), который, предположительно-

³ Работа с CIL здесь не кажется слишком перспективной, т. к. надписи в нем группируются скорее по месту их дальнейшего пребывания (в том или ином музее, в частной коллекции и проч.), к тому же часто приводятся в дошедшем до нас фрагментарном виде и их исходный текст может быть реконструирован не всегда. Хотя, кто знает... Ср., например, фрагментарную надпись 3888 – надгробие Секундину (?), прожившему 16 лет, которое установила]A . MATER – возможно, аналогичное употребление *cara mater* в значении «любящая мать».

⁴ Предположительно, галльский аналог лат. *lūcus*, об этимологии и предположительной семантике галльск. *leucution* см. Delamarre 2003: 200. Почитание деревьев и священных рощ – одна из особенностей религиозного культа галлов.

но, проходил через стадию: *u > ü > i* (см. McCone 1996: 148), в дошедших до нас бриттских памятниках не зафиксированную (ср. также, например, в надписи CIL XIII 5502: *moniminto...*⁵).

Дальнейшее «перепрочтение» ряда псевдо-ошибочных латинских форм как галльских представляется перспективным, причем мы здесь окажемся уже не первыми (ср., например, Nelson 2003; ср. также надпись CIL XIII 6017, содержащую галльский датив имени Митры – *Medru*, не опознанный в Raybould & Sims-Williams 2007: 53).

Но вернемся к нашей надписи. Написание стоящего за именем матери слова *kaba* (представленное в CIL) единодушно считается ошибочным и предполагающим исходное – *kara* (несмотря на вызывающий такое прочтение семантический парадокс). Однако в остальных случаях в надписи ясно видно характерное и однотипное для писавшего R. Предположение, что *kaba* – также верное написание, но не латинское, а галльское, позволяет дать его возможную интерпретацию, исходящую из кельтских данных.

Женские галльские имена даже в поздний период не копировали, как правило, римскую модель и женщина имела собственное имя, дополненное патронимом: именем отца, обычно в генитиве, который в романизированных областях мог дополняться словом *filia*, например – *Cintugena Solimari filia* (см. подробнее Stüber 2009: 249–250). Однако в поздних надписях встречаются и имена римского типа, например: *Matigenia Marcellina* (CIL XIII 5185, галльское имя букв. означает ‘медведем рожденная’⁶). Таким образом, *Artula Caba* может быть дочерью человека по имени *Cabos*, либо, что также вероятно, второй элемент ее имени может представлять собой прозвище, функционально замещающее *cognomen* (что вероятнее). Семантическая трактовка в обоих случаях затруднительна.

Выскажем ряд предположений. Форма *caba* (*cabos*) может соотноситься с др.ирл. редким словом *cob*, глоссируемым как *buaid* ‘победа, удача’ и представленном, например, в имени *Mael*

⁵ Ср. однако аналогичный вокалический переход в народной латыни.

⁶ Естественно, в данном случае имяназачение определялось не столько культурной традицией, но и гражданской принадлежностью. В приведенном примере, как можем мы предположить, Матугения родилась в результате смешанного брака треверки с гражданином Рима и поэтому была названа галльским именем, но получила в качестве второго имени – латинское имя ее отца.

Cobae ‘слуга удачи’. Слово, предположительно, восходит к и.е. **kob-* ‘удаваться, получать, преуспевать’ (LEIA-C, 134; IEW 610, откуда др.исл. *happi* ‘счастье, удача’ и англ. *happy*). Основа широко представлена в составных именах, но также фиксируется одиночное женское имя – *Cobua*, предположительно с той же семантикой (см. Stifter 2004: 765). Возможно, прозвище Артулы в данном случае является калькой с лат. *Fausta*.

Однако вокализм в таком случае остается не проясненным. Другим «кандидатом» является галльск. *cabo-* ‘рот, глотка’, засвидетельствованное только в ономастике и реконструируемое с помощью ирландских параллелей (см. Delamarre 2007: 214). Семантика прозвища остается при этом не совсем ясной.

Возможно также соотнесение *caba* с элементом *cabur-*, также представленным в кельтской ономастике достаточно широко, но не имеющим точной этимологии (предположительно – соотнесение с др.ирл. *cobir* ‘помощь’, а также – с **cabros* и *caballus*, см. Ellis Evans 1967: 319).

Признаюсь, первый из вариантов кажется мне предпочтительным, причем не только семантически. Чередование *a/o* характеризует ранне-бриттский (ср. например, галльск. BRATRONOS при валл. *brawd*, корн. *broder*), и таким образом трактовка *caba* как аллофонический вариант *coba* (для начала V в.!) окажется еще одним свидетельством того, что поздний галльский шел по тому же пути развития, что и островные бриттские языки. Написание *ka* в данном случае может трактоваться как гиперкоррекция. И наконец, ср. элемент *cambo-* в галльских NP с предположительным значением ‘кривой, хромой’ (IEW: 918).

Как можно видеть, надпись отражает языковую ситуацию, которую в современной лингвистике определяют как «языковой сдвиг». Именно этим могут объясняться кельтские формы, такие как сужение гласного в слове «мать», невозможность вне рамок чужого языка сформулировать, чья могила, и размытое значение слова, про которое мы не знаем, то ли человек сам себя называет «дорогим», то ли намекает, что в имени скорбящей матери погибшей дочери присутствовала семантика «удачи». В отличие от античных образцов, где семантика часто обыгрывается именно в эпитафиях, в рассмотренной надписи, создававшейся в условиях языкового сдвига, на это нет даже намека.

Литература

- Collis 2010 – Collis J. The Celts. Origins, Myths, Inventions. Gloucestershire: The History Press, 2010.
- Delamarre 2003 – Delamarre X. Dictionnaire de la langue gauloise : une approche linguistique du vieux-celtique continental. Paris: Errance, 2003.
- Delamarre 2007 – Delamarre X. Noms de personnes celtique dans l'épigraphie classique. Paris: éditions errance, 2007.
- Duval 1952 – Duval P.-M. La vie quotidienne en Gaule pendant la paix romaine. Paris: Hachette, 1952.
- Ellis Evans 1967 – Ellis Evans D. Gaulish Personal Names. A Study of some Continental Celtic Formations. Oxford: At The Clarendon Press, 1967.
- Lambert 1994 – Lambert P.-Y. La langue gauloise. Paris: Errance, 1994.
- Lambert 2002 – Lambert P.-Y. Recueil des Inscriptions Gauloises (RIG). Vol. II, f. 2 : Textes Gallo-Latins sur *instrumentum*. Paris: CNRS, 2002.
- LEIA — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes (Lettre C Part 6 par E. Bachellery, P.Y. Lambert). Paris: CNRS, 1987.
- Matasović 2009 – Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston: Brill, 2009.
- McCone 1996 – McCone K. Towards a Relative Chronology of Ancient and Medieval Celtic Sound Change. Maynooth: The Cardinal Press, 1996.
- Meißner 2009/2010 – Meißner T. Das Hieronymuszeugnis und der Tod des Gallischen // Zeitschrift für celtische Philologie. 2009/2010. Bd. 57. S. 107–112.
- Nelson 2003 – Nelson M. On a Beautiful Girl and Some Good Barley Beer // Études celtiques. 2003. Vol. XXXV. P. 257–261.
- Raepsaet-Charlier 2001 – Raepsaet-Charlier M.-Th. Caractéristique et particularités de l'onomastique trévire // Noms : Identités culturelles et romanisation sous le Haut-Empire. Ed. M. Dondin-Payre et M.-Th. Raepsaet-Charlier. Bruxelles: Le Livre Timperman, 2001. P. 343–398.
- Raybould & Sims-Williams 2007 – Raybould M. E. & Sims-Williams P. A Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names. Aberystwyth: Gwasg Dinefwr Press, 2007.
- Schmidt 1957 – Schmidt K. H. Die Komposition in Gallischen Personennamen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1957.
- Schrijver 1995 – Schrijver P. Studies in British Celtic Historical Phonology. Amsterdam: Rodopi, 1995.
- Stifter 2004 – Stifter D. Keltische Namen im burgenländisch Landesmuseum // Ad Fontes! Festschrift für Gerhard Dobesch. Ed. H. Heftner und K. Tomaschitz. Wien: Eigenverlag der Herausgeber, 2004. P. 757–772.
- Stüber 2005 – Stüber K. Schmied und Frau. Studien zur gallischen Epigraphik und Onomastik. Budapest: Archaeolingua. Series Minor, 2005.
- Stüber 2007 – Stüber K. Effects of Language Contact on Roman and Gaulish Personal Names // The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International

Congress of Celtic Studies. Ed. H. L. C. Tristram. Potsdam: Potsdam University Press, 2007. P. 81–92.
 Stüber 2009 – Stüber K. Keltisch // Indogermanische Frauennamen. Ed. K. Stüber, Th. Zehndler, U. Remmer. Heidelberg: Universitätsverlag, 2009. S. 243–278.

T. A. Mikhailova. URSULA ~ ARTULA: on the interpretation of the inscription CIL XIII 3909

A Latin funerary or votive inscription containing a Celtic name could represent a kind of interesting ‘document’ or ‘testimony’ concerning the problem of Gallo-Latin bilingualism in general as well as the late Gaulish sound changes. In the present paper, three different reconstructions of the second part of the inscription from Trier CIL XIII 3909 are suggested. The inscription is carved on the small clay tablet (a tile?), typical of ‘modest burial’. We could suppose the inscription was written not by a professional mason. The first part of the text follows traditional Latin formula: ‘Hic quiescit in pace Ursula qui uix annos XXI’, but the second part could be interpreted as being:

1. completely Latin (with some errors):... Artula kara mater titulum po(suit). But why *cara* ‘dear’ is applied to *Artula* and not to *Ursula*?
2. partly Gaulish: mater ~ matir; titulum ~ titiulum (cf. CIL XIII 5502: moniminto, the same vocalic change?); kara – cf. Iouantu-caro ‘who loves youth’?
3. partly Gaulish with reading – Artula caba. The supposed function, meaning and etymology of this word, presumably Celtic, is discussed in the paper.

Keywords: Celtic, Gaulish, Gallo-Latin bilingualism, Latin funerary or votive inscription, CIL XIII 3909.

«EXAGOGUE» ИЕЗЕКИИЛЯ-ТРАГИКА И КНИГА ИСХОДА

Трагедия «Exagoge» Иезекииля-трагика является переложением библейской Книги Исхода и повествует о рождении и взрослении Моисея, о событиях в Египте и бегстве оттуда Еврейского народа. Иезекииль представляет эту историю в новой для нее форме греческой трагедии, во многом основываясь на классических ее образцах. Пересказывая библейский сюжет, автор трагедии меняет свой источник, приспособляя его к новым задачам. Стремясь к систематизации и упорядоченной хронологии, он убирает некоторые фрагменты или меняет их местами. Еще один его принцип – это апология персонажей, оправдание их действий. Некоторые эпизоды, появившиеся в трагедии, не имеют параллелей в Книге Исхода и являются исключительными добавлениями Иезекииля.

Ключевые слова: Иезекииль-трагик, Книга Исхода, «Exagoge», «Ἐξαγωγή», эллинистическая трагедия, Библия, Септуагината.

Иезекииль-трагик – почти неизвестный нам автор, живший примерно во II в. до н. э., предположительно в Александрии и оставивший сочинение под названием «Исход»¹. В общих чертах приближенное к классической греческой трагедии произведение является переложением библейской Книги Исхода и повествует о происхождении Моисея и его дальнейшем участии в бегстве Евреев из Египта. Текст дошел благодаря включению его в одну из книг «Евангельского приуготовления» Евсевия Кесарийского (9.28.1–9.29.16), собравшего у себя фрагменты греко-иудейских авторов. Однако в связи с особенностями данного вида передачи сохранность сочинения сильно пострадала: трагедия разбита на фрагменты, перемежающиеся пересказами из других авторов, а также репликами Евсевия и Александра Полигистора из Милета, из которого собственно Евсевий и берет цитаты «Exagoge». В итоге от всей трагедии мы имеем сейчас всего 269 строк, которые условно разделяются на 17 фрагментов различной длины.

¹ Для удобства различения библейской Книги Исхода и сочинения Иезекииля-трагика «Исход» мы будем в дальнейшем ссылаться на первую традиционным образом (Исх 1:1–2), а на трагедию – с использованием латинской транслитерации (Exagoge 1–2).

Сочинение Иезекииля-трагика дает почву для дискуссий по множеству вопросов. Находящееся на пересечении нескольких литературных традиций, оно кажется нам уникальным, однако эта видимая уникальность как раз и входит в число тем для обсуждения. Существовали ли произведения подобного характера? Насколько они были распространены? Сохранившиеся фрагменты «Exagoge» не дают однозначного ответа ни о точном времени возникновения текста, ни о том, для кого он был создан. Некоторая доля неуверенности остается и при определении места написания. Мы также ничего не знаем о самом авторе, его религиозных убеждениях и источниках его текста.

Одной из множества проблем, связанных с произведением Иезекииля, является вопрос о возможности реальной постановки на сцене данного произведения и подобных ему, если они были. На этот счет существуют разные мнения. Не высказывая здесь никаких дополнительных соображений и оставляя возможность для дискуссий, мы все же присоединимся к сторонникам вероятного сценического воплощения «Exagoge» и в дальнейшем воспринимающую сторону трагедии для удобства будем называть «зрителем», а не «читателем» или «слушателем», не исключая однако полностью и таких возможностей².

Несмотря на то, что текст трагедии сохранился фрагментарно, мы все же в состоянии на основе анализа дошедших до нас эпизодов, наметить общие тенденции и охарактеризовать метод автора, перерабатывающего свой исходный источник и адаптирующего его под новые нужды: новую форму, новые обстоятельства и, возможно, нового зрителя³. Попробуем в рамках данной работы наметить наиболее существенные различия двух текстов о Моисее и обобщить основные принципы техники Иезекииля по переложению Книги Исхода в трагедию для сцены.

² Подробнее о проблеме постановки см. первую часть работы Jacobson 1981: 167–178.

³ Потенциальные адресаты произведения также не определены до конца. Издатель комментариев и перевода «Exagoge» Говард Джекобсон допускает разные возможности, то есть расчет и на иудейского зрителя, знакомого с историей Исхода, и на греческого, воспринимающего новую для него историю евреев через привычную форму трагедии (Jacobson 1983: 17–20. Там же см. историю обсуждения этого вопроса). Рассуждение о возможных местах постановки и соотношении с греческими театральными сооружениями см. Lanfranchi 2006: 57–63.

Изменения, обусловленные сменой жанра

Переход из нарратива в драматическую форму неизбежно влечет за собой и необходимость иной организации материала. Получив трагедийную форму, сюжет об Исходе обогатился элементами трагедии. Невозможность описания персонажей и действий со стороны заставляет автора переносить эти сведения в реплики героев. Моисей сам открывает действие, рассказывая об обстоятельствах своего рождения и предшествующих событиях, что образует классический Пролог; подробности о гибели египетского войска сообщает теперь вестник и др.

Кроме таких неизбежных изменений, касающихся скорее внешнего оформления действия, а не самого сюжета, в трагедию об Исходе проникают и элементы, казалось бы *необязательные* для истории Моисея, но привязанные к классической трагедии и пришедшие вместе с ней. Так, например, Книга Исхода рассказывает о бегстве Моисея в Модиамскую землю, где, защитив дочерей Рагуила, он затем женится на одной из них, Сепфоре (Исх 2:15–21). Первоначальное повествование нейтрально, Иезекииль же, как мы можем предположить по сохранившемуся фрагменту, разворачивает этот эпизод в нечто соответствующее трагедийным конфликтам⁴. Строки 66–67 являются репликами из беседы Сепфоры и, вероятно, некоего приближенного к ней персонажа по имени Хум⁵. В коротком отрывке угадывается сюжет с нежеланием по принуждению отца выходить замуж за чужеземца, а специально введенный новый персонаж, по мнению Джекобсона, может претендовать на роль поклонника Сепфоры или даже прежнего жениха (Jacobson 1983: 88).

В сцене преследования евреев и гибели египтян, когда море сходится обратно, описание египетского войска строится в соответствии с шаблонами классических трагедий, вплоть до

⁴ Ср., например, «Просительницы» Эсхила. В параллель к рассказу о Данаидах Моисей при знакомстве с Сепфорой выступает изначально как египтянин. Под вопросом остается наличие в трагедии хора, свидетельств о котором нет, и только короткий фрагмент, состоящий из одной единственной строки (Ехагоге 59 «Я вижу семерых каких-то девушек»), дает возможность хотя бы гипотетически предположить его существование. В этом случае некоторое сходство этого эпизода с сюжетом о Данаидах возрастает.

⁵ Ехагоге 66–67 «Хум: Тебе, Сепфора, надо рассказать о том. / Сепфора: отец за чужестранца выдает меня» (Перевод наш).

некоторых словесных совпадений и появления новых деталей (Jacobson 1983: 136–140; Lanfranchi 2006: 250 ff).

Сокращение эпизодов

Судить об опущенных частях в условиях фрагментарности источника мы можем лишь с некоторой долей предположительности. Недошедшие до нас части драмы могли содержать те или иные моменты, находящие параллели в оригинальной «Книге Исхода», однако в связи с тем, что некоторые фрагменты трагедии достаточно пространны, не прерываются репликами комментаторов и пересказывают подряд исходное произведение, пропущенные эпизоды обнаруживаются достаточно четко, и притом кажется маловероятным, чтобы они были введены в другом месте. Так, например, исчезает из произведения Иезекииля небольшой эпизод с повивальными бабками, которым фараон приказывает умерщвлять сыновей евреев (Исх 1:15–21). Исчезают и многие другие подробности, сворачиваясь до более общих, тезисных формулировок. Так, все рассуждения фараона, подробности возникновения его отрицательного отношения к евреям, его страхи в связи с умножившимся их числом в произведении Иезекииля пропадают, а сокращение это приводит к потере логической цепочки. В «Книге Исхода» логика сюжета прослеживается довольно ясно: фараон, увидев, огромное число иудеев, опасается соединения их с возможным врагом египтян, вооружения их и дальнейшего бегства из страны, избежать чего он и пытается, заняв сынов Израилевых тяжелым трудом и определив им начальников. Иезекииль лишь подразумевает эти рассуждения, оставляя крайние точки: «Ведь увидав народ наш так разросшимся, / Задумал план коварный против нас тогда / царь фараон;...» (Exagoge 7–9).

Иезекииль **снимает** во множестве случаев и **конкретику**. В библейской книге даже повивальные бабки, пропущенные в трагедии, имеют свои имена – Шифра и Фуа. Обозначены там и города, построенные иудеями для египтян – Пифом и Рамсес. Указано и племя, откуда происходит мать Моисея. Все эти детали у Иезекииля исчезают.

Уже с меньшей долей уверенности мы можем отметить и сокращения в некоторых других эпизодах. Так, например, различаются начала текстов. Книга Исхода открывается списком сынов Израилевых, пришедших в Египет с Иаковом (Исх 1:1–14). «Exagoge» Иезекииля опускает это перечисление, кратко

указывая только число пришедших (Exagoge 3). Однако если Книга Исхода представляет собой фиксированный текст, начало которого нам точно известно, то утверждать подобное о сочинении Иезекииля невозможно. Тем не менее, среди исследователей трагедии все же преобладает мнение о том, что из сохранившихся фрагментов эпизод, идущий первым, и является оригинальным началом драмы. В этом случае такое купирование начального фрагмента можно рассмотреть в русле общей тенденции уменьшения конкретики, которая уже упоминалась выше.

Изменение порядка действий

В основном следуя сюжетной схеме Книги Исхода, Иезекииль в некоторых местах позволяет себе несколько изменить порядок действий внутри эпизода и иначе организовать текст. В большинстве случаев эти перемещения, очевидно, преследуют цель приведения действия к более логичному развитию, систематизируют и упорядочивают. Однако такое объяснение подходит не для всех случаев. В отдельных фрагментах автор, возможно, руководствовался и соображениями иного характера.

В Книге Исхода в рассказе о детстве Моисея мы читаем, как его находит дочь фараона, из жалости принимает к себе, отдает «кормилице», а затем по прошествии нескольких лет, когда он вырастает, нарекает его именем Моисей (Исх 2:10). Иезекииль распределяет события в более логичной последовательности. Найдя на берегу ребенка и договорившись с кормилицей, дочь фараона сразу нарекает его, а не ждет взросления ребенка (Exagoge 28–31)

Последовательность событий меняется Иезекиилем и по менее понятным для нас причинам. Как пример можно привести эпизод с египетскими казнями, порядок которых в трагедии частично изменен. Сохраняя некоторые из них на своем месте, Иезекииль переставляет последовательность средних, следуя не совсем ясной для нас логике.

Само перечисление бед, которые будут насланы на Египет за отказ фараона, дается в трагедии в реплике Господа, беседующего с Моисеем из горящего куста. Очень вероятно, что на этом показ казней исчерпывался, так как показать их на сцене было невозможно. В этом случае мы опять можем увидеть, как в отличие от Книги Исхода трагедия снова расставляет все систематически. В библейской книге описание казней перемежаются

с указаниями Господа о принесении жертв, о подготовке к бегству, о пасхальных празднованиях. Иезекииль четко отделяет одно от другого, выстраивая хронологию действия.

Апологетика, а также «сглаживание острых углов»

Иезекииль, предположительно, учитывая не только иудейского зрителя, но также, разумеется, ориентируясь на восприятие сюжета иудеями, редактируя источник, демонстрирует во многих местах стремление к тому, что мы бы назвали «апологетикой», оправданию действий героев, смягчению эпизодов, которые могли бы вызывать при дальнейшем толковании недоумение, осуждение. С помощью перестановок или переформулировок он представляет эти эпизоды в свете более выгодном, что снимает «напряженность» в одном месте, но порождает ее в другом, вплоть до противоречия.

Так, например, в истории о мальчике, положенном в корзину и брошенном в реку, заметны явные следы редакторской работы, нацеленной на представление матери Моисея в более достойном виде. Книга Исхода сообщает, что мать Моисея «не могла долее скрывать его, взяла корзинку из тростника и осмолила ее асфальтом и смолою и, положив в нее младенца, поставила в тростнике у берега рек» (Исх 2:3).

Иезекииль полностью опускает корзину, зато добавляет элемент с украшением ребенка. Мать, которая не может уже скрыть ребенка, украшает его и кладет на траву на лугу у берега (Exagoge 16–17)⁶. В библейском описании сестра наблюдает за ребенком издали («μακρόθεν»), а у Иезекииля приближается («πέλας»).

Некоторые изменения, вносимые Иезекиилем-трагиком в оригинальный сюжет Книги Исхода, могут быть отнесены не к одной только категории, а решают одновременно несколько задач. Так, например, иначе организован эпизод с горящим кустом, предшествующий серии египетских казней. Библия дает следующий порядок действий: Моисей видит горящий куст – Бог объявляет Моисею, что выведет евреев из Египта и кратко предсказывает мучения, ожидающие египтян – Бог наставляет одолжить у египтян одежды и ценности – Сцена с жезлом,

⁶ «...ὑπεξέθηκε κόσμον ἀμφιθεῖσά μοι, // παρ' ἄκρα ποταμοῦ λάσιον εἰς ἔλος δασύ» (Exagoge 16–17)

превращенным в змею для подтверждения истинности явления Господа – Второе подтверждение: на руке Моисея появляется проказа – Третье подтверждение: вода из реки становится кровью – Моисей жалуется на косноязычие, разгневанный Господь указывает на Аарона.

Следуя уже указанным нами выше принципам, Иезекииль строит весь эпизод иначе. Так, драматическая форма заставляет его давать больше реплик самому Моисею, описывающему происходящее, что повышает и уровень эмоциональности всей сцены⁷. Стремление к систематизации приводит к иному порядку действий: Моисей видит куст – Бог объявляет о своем решении вывести евреев из Египта, что должен будет сделать Моисей – Моисей жалуется на косноязычие, Господь обещает послать Аарона – Сцена с жезлом – Проказа на руке⁸ – Предсказание казней египетских – Наставления по подготовке к бегству, совершению всех ритуалов – Указание на обирание египтян – Указание на празднование исхода в дальнейшем.

Мы уже обращали внимание на стремление Езекииля к систематизации, что проявляется и здесь в том, как он расставляет эпизоды в большем соответствии с хронологическим порядком. Казни должны идти до непосредственной подготовки к бегству. Уже перед самым уходом должно идти одалживание вещей у соседей, а о будущем праздновании этого дня речь должна идти в самом конце.

Апологические же тенденции проявляются здесь в том, что в другое место переносит автор трагедии и фрагмент с жалобой Моисея на косноязычие. В изначальном библейском тексте

⁷ Ср. Исх 4:3 «Он бросил его на землю, и жезл превратился в змея, и Моисей побежал от него» и Ехагоге 124–126 «Вот брошено оно, будь милостив, Господь.// Какой огромный! Страшный! Пожалей меня. // Увидев, ужасаюсь, тело все трясет».

⁸ В Ехагоге мы не видим последнего элемента из тройки доказательств: превращение воды из реки в кровь. Возможно, этот эпизод существовал, но был пропущен поздними авторами при цитировании. Но возможно также, что этот компонент отсутствовал уже у Иезекииля, так как в самом тексте Исхода этот элемент несколько скомкан и в рамках данного эпизода дается только как обещание, а не показан зрителю (Исх 4:1 «Если же не поверят и двум сим знамениям и не послушают голоса твоего, то возьми воды [из] реки и вылей на сушу; и вода, взятая из реки, делается кровью на суше»). Кроме того, идущие дальше казни начинаются как раз с массового превращения воды во всех источниках в кровь, так что дублирование этого момента могло показаться Иезекиилю избыточным.

Моисей выдвигает этот аргумент в самом конце, после того как получил предсказания о грядущих мучениях египтян и о своей роли в бегстве евреев из Египта. Человек, которому предстоит в скором времени убедить два народа и который только что стал свидетелем подтверждающих чудес, оказывается вдруг сам недостаточно убежденным и, ссылаясь на свою невнятную речь, просит Господа послать другого, вместо него. В ответ на это «возгорается гнев Господень» и следует указание на помощь Аарона. Моисей у Иезекииля не вызывает божественного гнева, а фрагмент с косноязычием переносится к началу эпизода. Моисей сообщает о своих трудностях в речи еще до демонстрации божественного могущества, что не выглядит как неверие.

Еще один пример эпизода, решающего сразу несколько задач, это рассказ о гибели египетского войска. При абсолютной невозможности показать это событие в действии передача рассказа о нем одному из персонажей была самым естественным ходом (Bremer 1976). Однако выбор этого персонажа-вестника не был предопределен. Им мог стать и кто-либо из еврейского стана, однако Иезекииль делает выбор в пользу египетского вестника. С одной стороны это отсылает к классической трагедии (см., например «Персы» Эсхила). Ракурс меняется, мы смотрим на иудеев со стороны египтян, видим их страх, но не видим, как негодуют они на своего предводителя⁹. Не только снимается элемент неверия евреев, но и возрастает величие Господа, так как осознают его силу и египтяне. Упоминавшие только что Гелиоса, они через несколько строк убегают уже от «рук Всевышнего». Тем не менее, удачный ход с рассказом египетского вестника хотя и, казалось бы, достигает всех нужных эффектов, приводит к противоречию: из библейской книги известно о полной гибели войска¹⁰, то же сообщает и вестник в трагедии¹¹. Оба источника не предполагают, что кто-то выжил, и в тексте нет никаких объяснений этого.

⁹ Исх 14:11 «Разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? Что это ты сделал с нами, выведя нас из Египта? Не это ли самое говорили мы тебе в Египте, сказав: оставь нас, пусть мы работаем Египтянам? Ибо лучше быть нам в рабстве у Египтян, нежели умереть в пустыне».

¹⁰ Исх 14:28 «И вода возвратилась и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море; не осталось ни одного из них».

¹¹ Exagoge 241–242 «...И Моря Красного // Слилась тропа и войско погубила так».

Собственные эпизоды

Следуя за сюжетом Книги Исхода, Иезекииль-трагик в нескольких местах явно отступает от нее, давая место совершенно новым эпизодам. Мы уже упоминали привнесенный вместе с театральными элементами мотив нежеланного брака с чужестранцем, что однако осталось по большей части за пределами сохранившихся отрывков. Однако некоторые из добавлений дошли до нас, демонстрируя Иезекииля уже не как пере-работчика, а как самостоятельного поэта.

В трагедии мы встречаем отсутствующий в Книге Исхода эпизод со сном Моисея и его толкованием Рагуилом¹². Моисей видит во сне трон, достающий до неба, и сидящего на нем некоего мужа, который затем отдает Моисею свой скипетр и диадему и пускает его на свое место. Сложная образность этого фрагмента явно отличается от основного стиля драмы, где доминирует простой режим пересказа, напоминающего иногда скорее ритмизованную прозу, а не полноценный поэтический текст.

Еще один заметный самостоятельный эпизод сохранился в последнем из дошедших до нас фрагментов. Книга Исхода лишь кратко сообщает о том, как после бегства из Египта евреи оставались в Елиме (Исх 15:27 «И пришли в Елим; там [было] двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев, и расположились там станом при водах»). Следующая строчка рассказывает уже о продолжении путешествия. Иезекииль останавливается на Елиме гораздо подробнее. Всю степень этой подробности узнать невозможно, так как продолжение эпизода не сохранилось. Однако уже и по дошедшему до нас материалу мы видим значительное авторское расширение. Сохраняя те небольшие сведения, которые были указаны в источнике, Иезекииль во-первых добавляет подробности в описание оазиса (Exagoge 248–253 «...Там луг нашли тенистый и источники, // Богатая земля и изобильная, // Ручьев двенадцать из одной горы течет, // Там пальм прекрасных плодородных семьдесят // И луг, водой со всех сторон питаемый, // Рождает зелень – для животных корм»). Во-вторых, к описанию природы добавлено и еще более оригинальное продолжение: изображение странного «животного», увиденного в оазисе. Анализ эпизода затруднен в первую очередь фрагментарностью текста и отсутствием продолжения трагедии. Затруднена и интерпретация самого

¹² Exagoge 68–89. См. Bunta 2007.

образа, потому что явно похожее на птицу существо это, по неясным причинам введенное в повествование, названо в тексте «ζῆφον». Тем не менее, даже не ставя в данной работе перед собой цели подробного исследования добавленных эпизодов, так как для каждого из них это стало бы темой отдельного исследования, мы можем все же констатировать их наличие, что означает не просто свободное обращение переработчика с оригиналом, «подточенным» под новые нужды, но демонстрирует отношение к источнику уже как базе для создания произведения своего собственного, самобытного. Именно в этих эпизодах автор, как будто вырываясь на свободу, создает сложные образы, требующие особого внимания. И кроме этого, достаточно сухой стиль изложения здесь расцветается некоторым количеством художественных приемов, которыми явно не изобилует остальная часть текста¹³.

Подводя итог общего обзора методики работы Иезекииля-трагика, перерабатывавшего библейскую Книгу Исхода в драматическое произведение, отметим достаточно свободное обращение с оригиналом, изменения которого по большей части делаются в соответствии с несколькими главными идеями. Часть изменений необходима, так как этого требует новый жанр, куда перенесен исходный сюжет. Другие изменения, зависящие уже от воли автора, преследуют цель систематизации повествования, снятия излишней конкретики, апологии персонажей. Имеется и ряд заметных изменений с более сложной интерпретаций.

Литература

- Михайлова 2012 – Михайлова (Смирнова) Т. А. Иезекииль-трагик: художественные особенности // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI. СПб., 2012.
- Bremer 1976 – Bremer J. M. Why Messenger-Speeches? // *Miscellanea tragica in honorem J. C. Kamerbeek* / J. M. Bremer, S. L. Radt, C. J. Ruijgh (éds.). Amsterdam: Hakkert, 1976. P. 29–47.
- Bunta 2007 – Bunta S. One Man in Heaven: Adam Moses polemics in the Romanian Versions of *The Testament of Abraham* and Ezekiel the

¹³ Во вставленных Иезекиилем фрагментах мы встречаем, кроме интересных крупных образов (небесный человек на троне, царственная птица в оазисе), и ряд мелких образов и приемов: «μηλίνη κόρη» – «яблочный зрачок» и «зрачок как семечко» – «κόρη δέ κόκκος ὡς ἐφαίνετο»; игра слов на основе двойного понимания слова «φοῖνιξ» и повторения в разных контекстах термина «παρεμβολή». Разбор некоторых художественных приемов см. Михайлова 2012.

- Tragedian's *Exagoge* // Journal for the Study of the Pseudepigrapha. 2007. Vol. 16, 2.
- Jacobson 1981 – Jacobson H. Two studies on Ezekiel the Tragedian // Greek, Roman, and Byzantine Studies 22, 1981. P. 167–178.
- Jacobson 1983 – Jacobson H. The *Exagoge* of Ezekiel. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Lanfranchi 2006 – Lanfranchi P. L'Exagoge d'Ezechiel le Tragique. Introduction, texte, traduction et commentaire. Leiden: Brill, 2006.

T. A. Mikhailova (Smirnova). *Exagoge* by Ezekiel the Tragedian and the Book of Exodus

Ezekiel the Tragedian is the author of a drama entitiled *Exagoge* which retells the Book of Exodus. It was probably written in the II BC in Alexandria, but our knowledge of the background is scarce. The text was preserved by Eusebius of Caesarea who saved some fragment of the play. Retelling the story of Moses and his escape from Egypt Ezekiel the Tragedian deviates from his source in some ways. The new literary form needs rearranging of the material to suit it best. That is why there are more monologues; all the action goes out of the scene so it can only be known from the speeches. There are some more elements of the classic Greek tragedy. Ezekiel also follows the principle of apologia: he changes some episodes (such as The God's anger with Moses; the Jewish people complaints and so on) in order to make them look better and avoid a probable negative effect on the audience. Some episodes of the Book of Exodus are omitted by Ezekiel in his play. He misses some of the names and details which made the initial narration more specific. We see that the author of the *Exagoge* prefers to follow accurate chronology of the actions and aims at systematizing the material. So he changes the order of some events. Treating the original material quite free, Ezekiel adds to his tragedy some new episodes which have no parallels in the Book of Exodus. Thus, we find the description of the Moses' Dream, and also there is a major expansion of the episode of the Oasis at Elim.

Keywords: Ezekiel the Tragedian, *Exagoge*, «Ἐξαγωγή», Book of Exodus, classic Greek tragedy, the Bible, Septuaginta.

М. А. Молина, А. В. Сидельцев

**КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ
СТРУКТУРЫ И ГРАНИЦЫ КЛАУЗЫ
В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале среднехеттских писем)**

В статье рассматриваются случаи неканонического порядка слов в хеттском языке и связанные с этим вопросы границы клаузы, позиции энклитического противительного союза *-ta* в начале клаузы и причины его смещения вправо. Также на материале, полученном с помощью корпусного анализа среднехеттских писем, изучается вопрос полноударности/неполноударности частиц *mān*, *kāša* (*kāšma*), *našma*, *namta* и случаи клитизации к ним *-ta*. В статье выдвигается гипотеза их факультативной неполноударности.

Ключевые слова: хеттский язык, информационная структура, фокус, топик, энклитические местоимения, границы клаузы.

Коммуникативная структура хеттского языка в последние годы всё больше привлекает внимание хеттологов (Goedegebuure 2014, Sideltsev 2014, Widmer 2009, Rizza 2007, 2008, 2009, 2011; Bauer 2011, Rieken 2011, Luraghi 1990, 2012, forthcoming). Есть исследования, описывающие отдельные явления хеттского синтаксиса (Huggard 2011, 2013; Melchert 2009; Goedegebuure 2009; Sideltsev 2014). Однако на сегодняшний момент фактически нет ни одной работы в области хеттского синтаксиса, которая была бы основана на корпусном подходе и статистических методах, охватывала бы достаточно широкий гомогенный материал¹ и предоставляла бы однозначные данные относительно того, как статистически частотны те или иные черты хеттской информационной структуры/синтаксиса. Это представляется тем более важным, что во многих работах последних лет особое внимание обращается на частотность/ред-

¹ Работа Goedegebuure 2014 основывается на корпусе, однако (1) ее корпус разнороден, он принципиально составлен так, чтобы включать тексты разных жанров и эпох; (2) собственно статистическая составляющая не является основным методом исследования. Ближе всего по методологии работа П. Видмера (Widmer 2009), которая анализирует практически тот же корпус, что и мы. Однако и в данной работе статистические методы не являются основными.

кость исследуемых явлений в различных текстах, делаются далеко идущие выводы о происхождении и развитии отдельных явлений хеттского синтаксиса (Bauer 2011; Rieken 2011; Sideltsev 2014), при этом полноценной статистики работы не представляют.

Данная работа основывается на статистическом исследовании подготовленного нами корпуса среднехеттских писем. Объектом статьи послужат границы клаузы в хеттском и связанный с этим вопрос неканонического порядка слов. Известно, что хеттский язык имеет нейтральный порядок слов SOV (Hoffner, Melchert 2008; Luraghi 1990; Luraghi forthcoming; Sideltsev 2002). Но какова частотность и насколько регулярны случаи отклонений от этого порядка в линейной структуре клаузы? На эту тему существует значительная литература, отметим лишь последние работы: Bauer 2011; Rizza 2011; Sideltsev 2014; Luraghi forthcoming, однако строгие статистические подсчеты отсутствуют. В подавляющем большинстве языков изменение порядка слов маркирует информационную структуру предложения. Интуитивно понятно, что в хеттском это крайне редкое, однако регулярное явление. С. Лураги (Luraghi 2012) оценивает, к примеру, количество клауз с глаголом в начальной позиции (V-initial clauses) как $\approx 1\%$, постглагольные отрицания как $< 1\%$. Но это приблизительные оценки, а точных данных в литературе на сегодняшний момент не существует. Между тем корпусный подход позволяет продемонстрировать точные параметры как редкости, так и регулярности рассматриваемых явлений.

К примеру, замена порядка слов на OSV, считающаяся вариантом нормы для хеттского языка (Goedegebuure 2014) и связанная с фокусом на субъекте, происходит на материале среднехеттских писем всего в 0,92% случаев – это значительно меньше интуитивно ожидаемого результата. Таким образом, порядок SOV оказывается жестче, чем предполагалось.

Еще один вариант неканонического порядка слов – подъем глагола в начало (V-initial clauses) предложения и подъем глагола из конечной позиции в середину предложения (V-internal clauses), в последнем случае справа остаются составляющие в постглагольной позиции (Sideltsev 2014) или списки (Sideltsev 2010). На материале среднехеттских писем глагол занимает начальную позицию всего в 0,46% случаев. Количество клауз, в которых после глагола присутствует заполненная (постглагольная) позиция, – 1,3% от общего количества (цифры

отражают текущее состояние работы с материалом и могут незначительно измениться после завершения работы над базой данных). Любопытно посмотреть, с какой частотой в хеттском языке глагол оказывается за пределами фокуса (т.е. находится в топике): таких случаев крайне мало – всего 3,92% от общего числа клауз. С помощью корпусного подхода мы можем также пронаблюдать частоту перемещения отрицания и преверба от глагола в начало предложения.

После этого краткого введения перейдем к основной проблеме нашей статьи – границам клаузы. Основной маркер начала предложения в хеттском языке – фразовый соединительный союз *ni* (*n=*) – на нашем материале встречается в 49,15% случаев. Количественная оценка позволяет нам сделать вывод, что при такой частотности (почти половина клауз) он вряд ли может нести какую-либо информационную нагрузку, как предполагается в статье П. Видмера (Widmer 2009).

Любопытные данные об информационной структуре хеттского языка показывает корпусный анализ встречаемости противительных энклитических союзов *-a/-ma*, сигнализирующих о смене топика и/или контрасте. Союз *-ma* обычно клитизируется к первому полноударному слову (вакернагелевская позиция)². До сих пор ни одно исследование не показало, насколько регулярно *-ma* появляется именно в этой позиции. Нам удалось выяснить любопытную деталь: на материале среднехеттских писем отклонений от этой позиции практически нет. Единственное исключение составляет предложение, где *-ma* маркирует узкий фокус в клаузе с сопоставительным выделением, редким для материала в принципе:

- (1) МН (СТН 186) НКМ 25 obv. 6–8
 LÚ.KÚR=*wa* ¹*pangarit išpandaz* *kuwapi* ¹**6 ME** LÚ.KÚR
kuwapi=*ma* ¹**4 ME** LÚ.KÚR ¹*iattari*
 ‘Враг, мол, большим числом под покровом ночи там (группой в) 600 человек, там же (группой в) 400 человек передвигается’

Принято считать, что *-ma* клитизируется к первому полноударному слову в клаузе (Hoffner, Melchert 2008), при этом давно и хорошо известно, что при выборе ударного слова-хозяина для *-ma* не учитываются неполноударные частицы: *-ma*

² Ср.: Melchert 2009, где отмечаются крайне редкие случаи постановки *-ma* не в вакернагелевской позиции.

стандартно сдвигается вправо за цепочки энклитик в ваккернагелевской позиции после фразового союза *ni* (неполноударного)³, но не пропускает энклитические местоимения после полноударных слов. Это хорошо демонстрируют примеры из корпуса среднеехетских писем:

- (2) МН (СТН 186) НКМ 17 obv. 26–27
ni=wa^{URU} Karapahšuwān=ma^f walhūwani
 ‘Мол, город Капапахсуву же (мы) атакуем’
- (3) МН (СТН 190) НКМ 84 rev. 4’
n=aš^f Ū-UL=ma [...]
 ‘Он же не [...]’ (предположительно глагол в лакуне)
- (4) МН (СТН 190) НКМ 75 obv. 24
ni kinun=ma^f nutarnutten
 ‘Теперь же поторопитесь’
- (5) МН (СТН 186) НКМ 36 obv. 33
kūn=ma=wa [ÉRIN.MEŠ] [...]
 ‘Это же, мол, [войско] [...]’ (предположительно глагол в лакуне)
- (6) МН (СТН 186) НКМ 36:37-1.e.4 obv. 44-46
tuel=ma=an=kan mahhan maniyahanteš^f IŠTU ZÍD.DA arha dayaer
 ‘Твои же управляющие когда ее с пшеницей взяли’

Также отмечены в литературе случаи, когда *-ma* последовательно пропускает влево частицы *mān*, *kāša* (*kāšma*), *našma*, *patma*, прикрепляясь к следующему за ними во второй позиции полноударному слову. В нашем корпусе это можно видеть на следующих примерах:

- (7) МН (СТН 190) НКМ 65b 1.e.1
našma=wa zig[g=a]=ma^f ehu
 ‘Или, мол, и ты (=сам) же приди’
- (8) МН (СТН 190) НКМ 66 obv. 26
mān=aš^f nauī=ma paizzi
 ‘Если же он еще не ушел’

³ Что назависимо подтверждается спорадическими древнеехетскими написаниями *ni* слитно с последующим словом, а также фонетическим развитием *ni* > *n-* при присоединении клитик, начинающихся с гласного. Как представляется, подобное фонетическое развитие (*ni* > **nw* > *n-*) возможно только при безударности *ni*.

- (9) МН (СТН 190) НКМ 84 rev. 14'
mān šeliš=ma ku[iški]
 'Если зерна же (запасы) какие-нибудь'
- (10) МН (СТН 199) АВоТ 65 rev.16'-rev.18'
[mān=w]a=kan ^mHattušili=ma ANA [...] [o o o]x-radantannan [...] ^fpaun
 'Если, мол, Хаттусили же к [...], [...] (я) пришел'
 (текст сильно поврежден)
- (11) МН (СТН 186) НКМ 45 obv. 25
[k]āša UD=m[a...]
 'Вот, год же [...]' (текст сильно поврежден)
- (12) МН (СТН 200) АВоТ 60 obv. 25'
[n]amma ANŠE.KUR.RA.HI.A=ma=mi [...] ^fkišari
 'Далее, колесницы же мои [...] становятся'

Оба этих факта получают объяснение только в том случае, если мы не рассматриваем *-ma* как чисто вакернагелевскую клитику, в отличие от остальных клитик. В то же время, в отличие от частицы *-pat*, которое не имеет линейных ограничений на употребление в клаузе, *-ma* явным образом демонстрирует тяготение к началу клаузы и именно к первому ударному слову. Как объяснить данное противоречие? Первое из возможных объяснений состоит в том, что частицы *mān*, *kāša* (*kāšma*), *pašma*, *namma* являются неполноударными⁴. При этом, как хорошо известно, их неполноударность не мешает остальным клитикам присоединяться к ним. Собственно, в нашем корпусе тоже есть три случая (13, 14, 15), когда *-ma* ведет себя как обычная вакернагелевская клитика:

- (13) МН (СТН 188) KUB 31.79 obv. 21
namma=ma=mi kuit ammel BELÍ-YA ŠA ^mZid[ašdu hatraeš]
 'Далее же мне поскольку, мой господин, о Цидасду (ты) написал'
- (14) МН (СТН 186) Or 90/1400 obv. 4
kāša=ma ^mHašwaraš kuit ^fŠA ^{HUR.SAG}Haluna tuppi udaš
 'Вот же, Хасвара, которую о горе Халуна табличку принес'

⁴ См.: Sideltsev 2002; 2014, который также приводит в качестве аргумента относительные и неопределенные местоимения, для которых *mān*, *kāša* (*kāšma*), *pašma* не являются первым ударным словом.

- (15) МН (СТН 186) НКМ 6 obv. 9
namma=ma=war=aš^fkuwapi pait
 ‘Далее же, мол, он куда пришел’

Чикагский словарь (CHD L-N:143–161) также приводит ряд клауз, начинающихся с *mān=ma*, например (CHD L-N:157):

- (16) НН (СТН 563.1.А) KUB 5.3 i 1–4, oracle question
ma-a-an-ma-kān kuitman^dUTU-ŠI^{URU}KÙ.BABBAR-ši šer
 ‘Если пока Его Величество (находится) наверху в Хаттмусе’

Надо, однако, отметить, что все приведенные в (CHD L-N) примеры либо новохеттские, либо записаны в новохеттское время.

Очевидно, что слова, позволяющие *-ma* присоединяться к следующему слову в нарушение правила Вакернагеля, ведут себя двойственно⁵. В большинстве случаев они выступают так же, как и проклитика *ni*, то есть как неполноударное слово. Но в очень редких (по крайней мере, на среднехеттском материале) случаях они ведут себя как полноударное слово. Можно сделать предположение, что они обладали неполной ударностью, средней между *ni* и полноударными словами.

Наиболее интересным результатом работы для синтаксиса хеттского языка стали данные, демонстрирующие последовательно безударный характер союза *mān* в корпусе среднехеттских писем. В этом материале он никогда не присоединяет к себе *-ma*, при том что согласно примерам в (CHD L-N: 143–161) *mān* все-таки может выступать носителем ударения при *-ma*. На это обстоятельство исследователи раньше не обращали внимания. Возможно, данные корпуса писем позволят склониться к гипотезе об идиолектном характере полной/ неполной ударности *mān*.

При таком объяснении вторых позиций в хеттском языке будет две. (1) – после неполноударных слов *ni*, *mān*, *kāša* (*kāšta*), *pašta*, *namma*. Эта позиция вакернагелевская, в нее помещаются энклитики. (2) – после полноударного слова, даже если ему предшествуют неполноударные слова. Эта позиция не является вакернагелевской, но является второй. В нее помещаются относительные местоимения в определительных относительных клаузах, неопределенные местоимения и *-ma* (Sideltsev

⁵ Альтернативно можно предположить, что двойственный характер проявляет *mān*.

2002; 2014). См. также пример из (CHD L-N:160), где и *-ma*, и относительное местоимение (функционирующее как неопределенное) располагаются не после *mān*, а после первого полноударного слова.

- (17) MH/NS (CTH 261.B) KUB 13.2 iii 21-22

ma-a-an DĪNU-ma kuiš ... udai

‘Если иск кто-то... принесет’

Неполноударный характер *mān*, *kāša* (*kāšma*), *našma*, *namma*, вероятно, был факультативным и действовал лишь для части носителей/идиолектов хеттского языка. *Nu* оставалось неполноударным или проклитикой для всех носителей хеттского языка.

Следует обратить внимание на редкие случаи, когда *-ma* оказывается внутри NP или DP. На нашем материале удалось найти один такой пример:

- (18) MH (CTH 190) HKM 72 obv. 9–11

n=ašta^{GIŠ} murta tuel=ma karaššandu(š) karšten

‘Деревья-murta твои же обрезанные срубите’

Мы видим, что *-ma* закрепляется не на первом полноударном слове, а в середине именной группы, при этом энклитика разделяет два определения в именной группе. В приведенном примере *-ma* маркирует не топик, а фокус, причем узкий фокус, который выделяет не целую именную группу, а ее часть (не просто деревья-*murta*, а «твои срезанные» *murta*), т. е. определения, к первому из которых и клитизируется *-ma*. Учитывая информационную специфику контекста (фокус на определениях), которая в свете просодических исследований фокуса в предложении говорит об ударении на фокусированном элементе, позицию *-ma* можно предложить интерпретировать следующим образом. В NP ударение не попадает на первое слово; оно приходится на второе и третье и, следовательно, *-ma* свидетельствует о расстановке фразового ударения, маркирующего узкий фокус в клаузе. См. аналогичное объяснение, которое предлагает Мелчерт для KUB 22.70 Ro 51–53 (Melchert 2009: 189):

- (19) NH (CTH 566) KUB 22.70 Ro 51–53

n=at pānzi ANA DINGIR-LIM ISTU NA₄ pianzi... n=at ANA DINGIR-LIM ISTU KU.GI=ma pianzi

‘Им следует продолжать давать это богам с (драгоценными) камнями... или это они дадут богам золотом?’

В этом двойном вопросе из запроса к оракулу он объясняет внутреннюю позицию *-та* тем, что клитика маркирует вторую альтернативу из двух в контрастивном фокусе.

Конечно, анализ контекста (18) несколько ослабляется тем фактом, что письмо НКМ 72 содержит значительное количество ошибок (см. указание на этот факт в Hoffner 2009: 232). По мнению Хоффнера, писец, написавший это письмо, не очень уверенно владел хеттским языком. Впрочем, парадоксальным образом, наше объяснение контекста вовсе не противоречит предположению ошибки: оно предлагает сценарий, по которому ошибка стала возможной именно в данном случае. В то же время надо отметить, что сама по себе внутриклаузная позиция *-та* совсем не так исключительна, как полагает Хоффнер, который автоматически описывает рассматриваемое нами употребление как ошибку. Так, некоторое количество употреблений *-та* внутри клаузы в непереводах хеттских текстах отмечает (Melchert 2009: 189), хотя и не дает им объяснения.

Литература

- CHD L-N – The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Ed. by H. Güterbock, H. Hoffner, T. van den Hout. L-N. The Oriental Institute of the University of Chicago, 1989. P. 143–161.
- Goedegebuure 2009 – Goedegebuure P. Focus in Hittite and the stressed pronoun *apā-*: in search of a method // E. Rieken, P. Widmer (eds.), *Pragmatische Kategorien. Form, Funktion und Diachronie. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft 24.–26. September 2007*, in Marburg. Wiesbaden: Reichert 2009. P. 93–112.
- Goedegebuure 2014 – Goedegebuure P. The use of demonstratives in Hittite: deixis, reference and focus // *StBoT 55*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014.
- Hoffner, Melchert 2008 – Hoffner H. A. Jr. and Melchert, C. A Grammar of the Hittite Language. Part 1: Reference Grammar. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2008.
- Hoffner 2009 – Hoffner H. A. Letters from the Hittite Kingdom. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2009.
- Huggard 2011 – Huggard M. On Wh-(Non)-Movement and Internal Structures of the Hittite Preposed Relative Clause // S. W. Jamison, H. C. Melchert, B. Vine (eds.). *Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference*. Bremen: Hempen, 2011. P. 83–104.
- Huggard 2013 – Huggard M. More on *kuit*: Causal clauses in Hittite // *ECIEC XXXII*. Poznan, June 21–24, 2013 (handout).
- Luraghi 1990 – Luraghi S. *Old Hittite Sentence Structure*. London; New York: Routledge, 1990.
- Luraghi 2012 – Luraghi, S. Opposite tendencies of placement rules for P2 clitics and the position of the finite verb. Paper read at SWL V, 1–4 Octobre 2012. Dubrovnik. (Handout).

- Luraghi forthcoming – Luraghi S. Anatolian syntax: The simple sentence // J. Klein and M. Fritz (eds.). *Comparative Indo-European Linguistics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Melchert 2009 – Melchert H. Craig. Discourse Conditioned Use of Hittite -ma. // E. Rieken, P. Widmer (eds.). *Pragmatische Kategorien. Form, Funktion und Diachronie. Akten der Arbeitsteilung der Indogermanischen Gesellschaft 24.–26. September 2007, in Marburg*. Wiesbaden: Reichert 2009. P. 187–195.
- Rieken 2011 – Rieken E. Verbanfangsstellung in den hethitischen Übersetzungstexten // Th. Krisch et al. (eds.). *Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft 21.–27. September 2008, in Salzburg*, Wiesbaden: Reichert 2011. P. 498–507.
- Rizza 2007 – Rizza, A. I pronomi enclitici nei testi etei di traduzione dal hattico, *Studia mediterranea* 20, Pavia: Italian University Press, 2007.
- Rizza 2008 – Rizza A. «Cercato in traduzione»: su di un passo problematico della bilingue «SIR para tarnum(m)aš» // Traduzione di traduzioni e tradizioni di traduzione. Atti del IV incontro «Orientalista – Associazioni Orientalisti». Pavia, 19–21 aprile 2007. Ed. by B. Bellucci, E. Jucci, A. Rizza et B. M. Tomassini Pieri. Milano: Qu.A.S.A.R., 2008.
- Rizza 2009 – Rizza A. Left and Right Periphery in Hittite. The case of the translations from Hattic // E. Rieken, P. Widmer (eds.). *Pragmatische Kategorien. Form, Funktion und Diachronie. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft 24.–26. September 2007, in Marburg*. Wiesbaden: Reichert, 2009.
- Rizza 2011 – Rizza A. The ritual for the Royal Couple CTH 416. Syntax of non verbal predicates and numerals // *Anatolistica, indoeuropeistica e oltre nelle memorie dei seminari offerti da Onofrio Carruba (anni 1997–2002) al Medesimo presentate*. Milano 2011. P. 13-37. (=Antiqui Aevi Grammaticae Artis Studiorum Consensus. Series maior I).
- Bauer 2011 – Bauer A. Verberststellung im Hethitischen // Th. Krisch et al. (eds.). *Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft 21.–27. September 2008, in Salzburg*. Wiesbaden: Reichert 2011. P. 39–48.
- Sideltsev 2002 – Sideltsev A. Inverted Word Order in Middle Hittite // V. V. Shevoroshkin, P. J. Sidwell (eds.). *Anatolian Languages*, Canberra, 2002. P. 137–188. (= Association for the History of Language Studies in the Science & History of Language 6).
- Sideltsev 2010 – Sideltsev A. The Syntax of Middle Hittite Lists // *Acts of the VIIth International Congress of Hittitology*. Corum, August 25–31, 2008, Vol. II, Ankara.
- Sideltsev 2014 – Sideltsev, A. Clause internal and clause leftmost verbs in Hittite. // *AoF 2014* forthcoming.
- Widmer 2009 – Widmer P. Hethitisch *nu* als Mittel der informationsstrukturellen und syntaktischen Verknüpfung // E. Rieken, Paul Widmer (eds.). *Pragmatische Kategorien. Form, Funktion und Diachronie. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft 24.–26. September 2007, in Marburg*. Wiesbaden: Reichert 2009. P. 323–335.

**M. A. Molina, A. V. Sideltsev. Corpus Study of Information Structure
and clause borders in Hittite
(on the basis of the Middle Hittite letters)**

This paper is part of the project applying corpus method to the block of the Middle Hittite letters. We carried out a quantitative analysis dedicated to the problems of non-canonical word order in Hittite. It focuses on the question of clause borders, specifically the position allowed for certain clitics, such as proclitic phrase connecting conjunction *nu* and enclitic adversative conjunction *-ma*. Their position is leftmost within the clause, however, there are also some rare cases when *-ma* is cliticized to the first verb in the clause. The paper discusses possible causes for this placement. We also consider other constituents which also behave in a non-canonical way in relation to the left edge of the clause, such as *mān*, *kāša* (*kāšma*), *našma*, *namma*. The results from the analysis led us to belief that these constituents are non fully stressed. The paper further discusses a hypothesis of the optional non-stressability of these particles.

Keywords: Hittite, non-canonical word order, enclitic conjunction *-ma*.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СТЯЖЁННЫХ И НЕСТЯЖЁННЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ПРИЧАСТИЙ И ГЛАГОЛОВ В МИЛЯТИНОМ ЕВАНГЕЛИИ

В статье рассматривается одна из групп написаний с нерегулярной орфографией в памятнике древнерусской письменности XII в., известном как Милятино евангелие. Ряд форм прилагательных, причастий (в муж. и сред. роде в ед. и мн. ч. и в жен. роде – во мн. ч.) и глаголов (в парадигме имперфекта) имеют в рукописи стяжённые и нестяжённые написания. Показана ведущая роль орфографического фактора в систематизации данных написаний в рукописи.

Ключевые слова: история русского языка, древнерусский язык, евангелие, морфология, орфография, членное склонение, имперфект

В статье рассматривается одна из групп написаний с нерегулярной орфографией в памятнике древнерусской письменности XII в., известном как Милятино евангелие (далее – МЕ). Ряд форм прилагательных, причастий и глаголов имеют в рукописи стяжённые и нестяжённые¹ написания. В адъективной парадигме склонения данные написания возможны в формах косвенных падежей: в муж. и сред. роде в ед. и мн. ч. и в жен. р. – во мн. ч. (типа *давѣшаго/давѣшааго, ннѣнмѣ/ннѣннмѣ* и т. п.). Глагол имеет подобные написания по всей парадигме имперфекта (типа *глаголахоу/глаголаахоу*). Процент более архаичных нестяжённых вариантов оформления морфем в МЕ в формах прилагательных, причастий и форм имперфекта глаголов примерно одинаков и составляет в целом около трети всех написаний соответствующих морфем. Главный вопрос состоит в том, свидетельствует ли подобная количественная равномерность о независимости рассматриваемой группы написаний от морфологического, частеречного и орфографического факторов, и какой из этих факторов значим в большей степени.

МЕ – рукопись, созданная на новгородской территории (РНБ, Ф.п.I.7) (Жуковская 1974: 57; Каталог 1984: 143). Ряд

¹ Некоторым исследователям термин «нестяжённый» в применении к формам прилагательного, причастия и имперфекта представляется не вполне приемлемым, предлагается рассматривать данные формы как растяжённые (см. – Демидов 2007)

исследователей относит её к продукции Лазаревского скриптория, существование которого на рубеже XI–XII вв. в Новгороде реконструируется по косвенным данным (Янин 1982; Уханова 2009). В рамках Лазаревского скриптория МЕ оказывается включённым в круг рукописей рубежа XI–XII вв., таких как, например, новгородские служебные минеи 1095–1097 гг.

В создании рукописи участвовали два основных писца. Большую часть текста переписал писец А (лл. 1–44об, лл. 64–71об, лл. 77об–160). Писцу А также принадлежит приписка в конце рукописи (Воскресенский 1896: 43), из которой становится известно, что его зовут Домка. Писец Б переписал два меньших по объёму отрывка (лл. 45–63об и лл. 72–77).

Несмотря на то, что орфография МЕ до сих пор не описана, в ряде работ по истории русского языка данные рукописи привлекаются в качестве иллюстративного материала для отдельных морфологических процессов в истории языка (напр., Соболевский 1907: 177, 181–183; Шепелёва 1972: 8; Иорданиди, Крысько 2000: 132, 149, 177; Кузнецов 2006: 36; Колесов 2009: 174 и др.). Между тем не во всех случаях грамматические формы МЕ могут быть надёжно интерпретированы без учёта данных об орфографических системах писцов данной рукописи. Важность предварительного анализа орфографии древнерусских рукописей подробно была обоснована ещё Н. Н. Дурново (Дурново 2000). В дальнейшем это направление исследований успешно развивалось в работах Б. А. Успенского (Успенский 1973; Успенский 1997 и др.) и В. М. Живова (Живов 2006).

Детальное рассмотрение нестяжённых написаний показывает их неоднородное поведение в тексте МЕ в составе морфем разных частей речи. На материале древнерусских кондакарей XI–XIII вв. Б. А. Успенский показал, что вариативность в оформлении флексий прилагательного (также касающаяся соотношения стяжённых и нестяжённых форм) подчинена определённым закономерностям и позволяет сделать выводы о состоянии соответствующей морфемы в живом языке писца (Успенский 1973: 338). Разница в написании нестяжённых форм разных частей речи в МЕ также позволяет показать, как в формировании орфографической стратегии писцы ориентировались на параметры собственного разговорного языка.

1. Членные флексии прилагательных

Всего в МЕ отмечена 221 форма членных прилагательных, потенциально допускающая варьирование стяжённых/нестяжённых форм. Из них 68 форм (30%) – нестяжённые.

Анализ падежных форм прилагательных показывает, что значимым для употребления нестяжённых форм в МЕ является фактор конца строки (к.с.). При его учёте материал членных адъективных форм можно сгруппировать в виде таблицы:

Таблица 1. Нестяжённые формы прилагательных и позиция конца строки

число	род	падеж	стяжённое		нестяжённое	
			не на к.с.	на к.с.	не на к.с.	на к.с.
ед.ч.	муж.	РП	17	1	7	7
		ДП	16	2	1	1
		ВП=P	9	0	2	2
		ТП	8	0	0	3
		МП	5	0	0	0
	сред.	РП	5	0	3	2
		ДП	2	0	0	1
		ТП	3	1	0	1
		МП	12	5	0	0
мн.ч.	жен.	РП	1	1	0	1
		ДП	1	2	2	2
		МП	0	0	0	1
	муж.	РП	35	4	11	5
		ДП	8	0	5	1
		ВП=P	0	0	1	0
		ТП	3	0	1	0
		МП	3	3	0	0
	сред.	РП	0	0	5	1
		ТП	1	0	0	1
		МП	4	1	0	1
		Всего	133	20	38	30

При учёте данных всех падежей заметно предпочтение, которое отдаётся нестяжённым формам в позиции конца строки. Из 50 форм прилагательных, начало флексии которых приходится на конец строки, в 30 случаях писцы МЕ выбирают нестяжённый вариант написания. Данные Табл. 1 показывают, что частотность нестяжённых форм и их зависимость от конца строки в разных падежах не совсем однородны. Так, в формах МП ед. и мн. ч. нестяжённая форма использована только 1 раз, с сущ. жен. рода (в̑ъ кннгахъ п̑ъныни/хъ 117в–г). Все остальные

примеры формы прилагательного МП мн. относятся к сочетаниям с сущ. муж. и сред. рода, и во всех использованы стяжённые формы. В данном случае можно предполагать воздействие на систему написаний морфологического фактора. Для форм МП ед. вследствие нейтрализации различия гласных в последовательности *ěje* стяжение, вероятно, происходило раньше, чем в других падежах (Кузнецов 2006: 109). Под влиянием этого раннего процесса стяжённое написание могло закрепиться и во мн. ч. МП тех же родов (муж. и сред.) – в противоположность женскому. Без учёта данных МП муж. и сред. родов нестяжённые формы не на конце строки отмечены в 26% примеров (38 из 145 форм), а на конце строки в 73% примеров (30 из 41 формы).

Кроме того, на фоне других падежных форм выделяется флексия *-aĭgo* (муж. и сред. рода, в РП и ВП). Как показывают данные Табл. 1, в формах РП ед. роль конца строки при выборе дублета понижается: эта флексия с одинаковой частотностью употребляется и в середине, и в конце строки (возможно, то же характерно и для флексии *-oŭoŭmoŭ*, представленной небольшим количеством примеров). Предполагать воздействие морфологического фактора в случае с данными формами можно ожидать в меньшей степени. В отличие от форм МП ед. стяжение во флексиях РП и ДП ед. не проходило столь же быстро (Кузнецов 2006: 248), в связи с чем нельзя предполагать для МП, РП и ДП единую причину отклонений морфологического характера. Кроме того, в отличие от членных форм прилагательных мн. ч. и ТП ед. членные флексии РП и ДП ед. материально сохраняли в своём составе бывшую именную флексию и относились к иному участку преобразований членной флексии в истории древнерусского языка (Кузнецов 2006: 73–74). Однако при этом они входили в единую парадигму склонения с формами, не имеющими подобной «внутренней флексии». Застывшая именная флексия в составе *-aĭgo* и *-oŭoŭmoŭ* и элемент *-zy-* в окончаниях ТП ед. и косвенных падежей мн. ч. в морфологическом плане однородны, и рассматриваются как «вокалический соединительный морф» (Гиппиус 1993: 70)². По этой причине упомянутая особенность РП и ДП ед. не обеспечивает им морфологической выделенности на фоне других падежных форм.

² А. Мейе предполагал «некоторое ощущение самостоятельности второго элемента определённых прилагательных» только для старославянского языка (Мейе 2001: 358)

При отсутствии явных морфологических предпосылок наблюдаемых расхождений в соотношении стяжённых/нестяжённых флексий -ааго, -оуоумоу и остальных падежных форм представляется возможной орфографическая трактовка данных различий. К такому решению склоняет и первоначальное орфографическое основание – фактор конца строки – которое позволило заметить разницу в употреблении не/стяжённых написаний флексий в разных падежных формах.

Стоит отметить, что закрепление одного из дублетных вариантов написания за позицией конца строки имеет в рамках МЕ параллели в других группах написаний. Прослеживается единая орфографическая стратегия в употреблении рассматриваемых морфологических и ряда графических элементов. В основе использования ряда буквенных дублетов в рукописи МЕ также лежит ориентация на конец строки. В парах графем н–і, о–w, оу–ж за вторым (дублетным, избыточным) элементом системы закрепляется узкая функция оформления конца строки.

При этом в функционировании морфологических и буквенных дублетов наблюдается важное отличие. Употребление буквенных дублетов более однородно в тексте памятника, в то время как система написаний членных флексий прилагательных в МЕ содержит следы исконного, не связанного с концом строки, употребления нестяжённых флексий. Это выражается в вышеупомянутой особенности флексии -ааго – её меньшей зависимости от позиции конца строки. Противопоставленность -ааго нестяжённым флексиям с общим формантом -зы- (-н- в мягком типе) заметна уже на графическом уровне. Флексии с формантом -зы- допускают вариативность в типе переноса: на строке могут быть оставлены как одна, так и две первых буквы флексии (т.е. зы/н̄ и зы/н̄/). А окончание -ааго за одним исключением переносится как -а/аго.

По-видимому, в качестве морфологических дублетов писец А рассматривал преимущественно флексии с общим формантом -зы- (-н-). Окончание -ааго (вероятно, и -оуоумоу), не имеющее этого внешнего признака (т.е. -зы- /-н-), менее активно использовалось писцом в новой функции. Ярче всего о его обособленности свидетельствует тот факт, что в определённый момент писец А совсем отказывается от данного нестяжённого варианта. Последний раз этот вариант использован в примере – ѿ неправьдѣнааго бѣатыства 107г (именно в этом единственном случае использован нетипичный перенос после второй

буквы флексии). До 108 листа флексия *-ааго* употреблена 23 раза, начиная со 108 листа – ни разу. Флексия *-оуоумоу* также не встречается во второй половине рукописи. За счёт отказа от нестяжённых вариантов части флексий писец устраняет из системы функционально неопределённый элемент.

Эта особенность писца Домки в употреблении нестяжённых форм окончания – его отказ от написаний типа *-ааго* – подтверждается и на материале причастий. В них нестяжённая форма представлена следующими примерами:

- РП: (муж.р.) *хо/тащааго* 12г, *сѣявъшааго* / 32в, *бывъ/шааго* 67а, *захарі/а погыбъшааго* 100б; (сред.р.) */бывъшааго* 98в
 ВП: (муж.р.) *въ посъ/лавъшааго ма* 1а, *заблоуъ/шааго* 9б, *ба·давъшааго* 32а, *посълавъшаа/го* 35в, *по/гыбъшааго* 43в, *женащаго/ са* 59а, */бъсовавъшааго са/* 67б, */нмѣвъшааго* 67б, *болащааго/ раба* 91б

Все примеры относятся к части МЕ до 101 листа. Таким образом, писец А перестаёт использовать вариант *-ааго* не только в рамках системы написаний окончаний прилагательных, но и в целом как флексию.

Описанная неоднородность системы форм флексий, а также употребление нестяжённых форм в середине строки на протяжении всей рукописи не способствовали выработке чёткого орфографического правила распределения морфологических дублетов. Возможно, что вследствие отказа от части нестяжённых вариантов (*-ааго*, *-оуоумоу*) снижается интенсивность использования и других однородных форм. Однако при этом можно отметить, что даже изредка прибегая к книжному варианту оформления флексии ближе к концу рукописи, писец по-прежнему придерживается своей стратегии в конце строки. На отрезке текста после л. 106 из отмеченных 8 нестяжённых форм 3 формы приходятся на конец строки (*въ кннгахъ пѣнзін/хъ* 117в–г, *ннці/нмъ* 125б, *вєлнкзін/хъ рзыбъ* 160а).

Описанная дистрибуция форм прилагательных свидетельствует об орфографически контролируемом, искусственном употреблении архаичных нестяжённых вариантов написания флексии, что, по всей видимости, говорит об их отсутствии в живом языке писцов МЕ. К подобному выводу приходит С. Ю. Темчин, анализируя написание нестяжённых форм имперфекта в Остромировом евангелии (ОЕ). Свой вывод он базирует на наличии гиперкорректных форм, дистрибуции стяжённых и нестяжённых

форм имперфекта в зависимости от литургического членения текста в ОЕ, сопоставлении ОЕ со старославянскими списками евангелия (Темчин 1996). Последовательная правка стяжённых написаний в протографе ОЕ приводит к преобладанию нестяжённых форм в ОЕ. В МЕ нестяжённые формы употребляются (как в адъективном склонении, так и в формах имперфекта) гораздо реже, чем в ОЕ (менее 40%). Но при всей разнице в частотности их использования в сравнении с ОЕ, особенности написания нестяжённых форм прилагательных в МЕ также позволяют трактовать их как неисконные, сознательно внесённые писцом в текст.

Факт отсутствия написаний *-аѣго* (и *-оуоуѣмоу*) после л. 108 (см. п. 3) показывает степень их искусственности. С определённого момента писец А перестаёт пользоваться орфографическим приёмом удвоения буквы в части адъективных флексий в условиях конца строки. В такой ситуации нестяжённые формы оказываются для текста МЕ не архаизмами, скопированными из протографа, а новообразованиями. Данные МЕ до 108 л. также подтверждают этот вывод. Строкоделение в МЕ и его протографе не могло совпадать, поэтому нестяжённые формы (или их часть), приуроченные в МЕ к концу строки, были переделаны Домкой и его помощником из стяжённых форм протографа. При этом отдельные нестяжённые формы, отмеченные в МЕ в середине строки, могут быть скопированы из протографа. Возможно, часть таких форм случайно пришлась в МЕ на конец строки, вписываясь в общую систему.

Дополнительным аргументом в пользу искусственного характера нестяжённых форм в МЕ может послужить наличие (как и в ОЕ) гиперкорректных форм. К ним можно отнести следующие примеры: *ѣѣѣѣ/нглнѣ* 16г-17а, *на сѣньмѣ/цннѣхъ* 36б, *зѣрѣѣѣѣ* 80г, *вашннѣхъ* * 127г.

Таким образом, для писцов МЕ при написании членных флексий прилагательных оказывается актуальной наблюдаемая в ОЕ стратегия употребления нестяжённых форм. Возможно, это сходство свидетельствует об относительно небольшом временном промежутке создания ОЕ и МЕ.

Рассмотрение употребления нестяжённых форм прилагательных в МЕ показывает, что:

– писец А (а по его образцу, видимо, и писец Б) включает вариативные написания флексии в общую систему распределения дублетов;

– употребление нестяжённых форм более упорядочено в позиции конца строки (73% нестяжённых) и менее упорядочено при несовпадении с концом строки (26% нестяжённых); писец А, по-видимому, под влиянием традиции не решается провести последовательно собственную систему написаний;

– специфическая морфологическая ограниченность вариативных написаний членного окончания (в отличие от дублетных графем *n/i* и т.п.) препятствует интеграции этой группы написаний в общую орфографическую систему писца А, культивирующую орфографические дубликаты;

– характер дистрибуции нестяжённых форм прилагательных позволяет предположить их независимость от текста протографа и рассматривать их как новообразования писцов МЕ.

2. Формы причастий

Нестяжённые формы членной флексии встречаются в МЕ также в формах причастий. Но на материале причастий сделанные для прилагательных наблюдения о роли позиции конца строки не подтверждаются. Всего причастных форм, потенциально допускающих варьирование, отмечено 175. Из них 43 формы являются нестяжёнными (24,5%). По сравнению с прилагательными в причастиях нестяжённые формы появляются в целом реже (на 5%). Но, кроме того, для отмеченных причастных форм неактуальной оказывается позиция конца строки: только 9 из 43 форм приходятся на конец строки (21% на фоне 73% для прилагательных).

Очевидно, что писец относится по-разному к нестяжённым формам прилагательных и, с другой стороны, причастий. Такая разница между прилагательными и причастиями при единстве склонения может быть обусловлена влиянием узуса. Видимо, большую свободу в выработке собственной орфографической стратегии писцы ощущали в сфере прилагательных, поскольку использовали соответствующие формы в речи. Напротив, причастия, свойственные книжному языку, оказались менее адаптированными в орфографическом аспекте.

Таким образом, использование с примерно одинаковой частотностью единого инвентаря флексий и их вариантов в прилагательных и причастий подвержено в МЕ разной орфографической дистрибуции. Различный языковой статус морфологических форм оказывается распознаваем только через призму орфографии. Для более полных выводов остаётся проследить, к

какому типу орфографической дистрибуции относится оформление стяжённых/нестяжённых форм имперфекта в МЕ.

3. Формы глаголов

В памятнике зафиксировано 606 форм имперфекта глаголов, большинство которых являются формами 3 лица ед. и мн. числа (599).

В 7 формах, не относящихся к 3 лицу ед./мн. числа, нестяжённые написания отмечены только в формах дв. и мн. числа: *бѣаѣста ѡбѣ/щѣннѣ* 78г, *шѹн бѣаѣста/ зѣрѣи* (так!) 80г, *по/мышлѣаѣстѣ*. 122б. В остальных примерах (ед. числа) писец выбирает стяжённый вариант написания: *вѣ/дѣхъ тѣ* 73б, *вѣдѣшѣ* 73б–в (2 л.), *бои́хъ бо сѧ* 112б, *вѣдѣхъ* 152в.

В 3 лице в МЕ представлено 316 форм ед. числа и 283 формы мн. числа. Нестяжённые формы более употребительны во мн. числе. Из 316 форм ед. числа 78 – нестяжённые (24%), а из 283 форм мн.ч. нестяжённых 108 (38%). Эти цифры в целом соответствуют частотности нестяжённых форм прилагательных в тексте МЕ (30% – см. выше). Сходство в употреблении нестяжённых написаний в адъективных формах в целом и в формах имперфекта сказывается в их распределении по тексту МЕ. Как и в адъективных формах (см. выше), частотность нестяжённого имперфекта снижается к концу рукописи: после л. 125 – 14 из 179 форм (8%). Такой параллелизм в функционировании грамматически разнородных форм свидетельствует о том, что в орфографическом аспекте писец А в определённой степени воспринимал их как однородные явления. После л. 125 писец в целом почти отказывается от орфограммы, связанной с выбором написания одной/двух графем в ряде позиций.

Но, как было показано выше, в функционировании нестяжённых форм наблюдаются различия уже при сравнении прилагательных и причастий.

Поскольку эти различия связаны со значимостью конца строки для выбора формы, то необходимо рассмотреть в этом аспекте и формы имперфекта. По данному параметру имперфект оказывается ближе к формам причастий. Представим данные для нестяжённых форм имперфекта в виде Табл. 2:

Таблица 2. Нестяжённые формы имперфекта и позиция конца строки

форма	на конце строки	не на конце строки
3 л. ед. ч.	28 (36%)	50 (64%)
3 л. мн. ч.	31 (21%)	77 (79%)
Всего	59 (32%)	127 (68%)

Хотя в целом нестяжённые формы в имперфекте, как и в причастиях, не закреплены за позицией конца строки (что показывает Таблица 2), между формами ед. и мн. числа есть разница. Ближе к оформлению причастных форм (24,5% нестяжённых форм) оказываются формы имперфекта мн. числа, в которых нестяжённые написания встречаются чаще, чем в ед. числе.

Возможно, это различие обусловлено разной частотностью форм ед. и мн. числа имперфекта в тексте МЕ.

Выводы

Сопоставление данных нестяжённых написаний в формах прилагательных, причастий и глаголов показывает как сходство, так и различие в употреблении. Сходство заключается в общем снижении активности нестяжённых форм ближе к концу памятника (~ после л. 110).

Различия выражаются главным образом в противопоставленности форм прилагательных формам причастий и глаголов. Для первых можно наблюдать попытку выработать оригинальную систему написания, ориентированную на позицию конца строки, для вторых такой попытки не наблюдается. Таким образом, рассматриваемые формы с точки зрения морфологии группируются иначе, чем при рассмотрении с точки зрения орфографии рукописи. Для формирования орфографического противопоставления оказывается важным не столько грамматическая информация сама по себе, сколько разная степень её актуальности в грамматической системе церковно-книжного языка и разговорного языка писцов. Попытка систематизировать употребление дублетных морфологических вариантов наблюдается только для той категории, которая активно использовалась в живой речи XII в.

Параллелизм в написании флексий прилагательных и в функционировании ряда графических дублетов в МЕ показывает, что только в рамках данной части речи стяжённые/нестяжённые формы встраивались у писцов в оппозицию книжных/не-

книжных форм. Нестяжённые флексии прилагательных получают статус книжных на фоне соответствующих стяжённых флексий, представленных в речи писца. Соответственно отсутствие аналогичной орфографической оппозиции в сфере причастий и форм имперфекта может свидетельствовать об их отсутствии в разговорном языке.

Литература

- Воскресенский 1896 – Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырёх редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям евангелия XI–XVI вв. М., 1896.
- Гиппиус 1993 – Гиппиус А. А. Морфологические, лексические и синтаксические факторы в склонении древнерусских членных прилагательных // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 66–84.
- Демидов 2007 – Демидов Д. Г. Взгляд А. Х. Востокова на нестяжённые (растяжённые) местоименные окончания полных прилагательных // Проблемы современной филологии: Межвуз. сб. научных трудов. Вып. 4. Тамбов; Мичуринск, 2007. С. 15–21.
- Дурново 2000 – Дурново Н. Н. Славянское правописание X–XII вв. // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Живов 2006 – Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.
- Жуковская 1974 – Жуковская Л. П. Рукописи полного апракоса милитинского класса // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 29–61.
- Иорданиди, Крысько 2000 – Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I: Множественное число именного склонения / С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М., 2000.
- Каталог 1984 – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1984.
- Колесов 2009 – Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб., 2009.
- Кузнецов 2006 – Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III: Прилагательные / А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М., 2006.
- Мейе 2001 – Мейе А. Общеславянский язык. М., 2001.
- Соболевский 1907 – Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Темчин 1996 – Темчин С. Ю. Установление направления правки в церковнославянском тексте: формы имперфекта в Остромировом евангелии // Актуальные проблемы современной русистики: Синхрония и диахрония. М., 1996. С. 7–19.
- Успенский 1973 – Успенский Б. А. Древнерусские кондакари как фонетический источник // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 314–346.

- Успенский 1997 – Успенский Б. А. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией: (Чтение еров) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 3. Общее и славянское языкознание. М., 1997. – С. 143–208.
- Уханова 2009 – Уханова Е. В. О становлении новгородского книгописания в XI – начале XII в. // Хризограф. Вып. 3. Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной научной конференции, Москва, 5–7 сентября 2005 г. М., 2009. С. 204–237.
- Шепелёва 1972 – Шепелёва Р. Д. История флексий дательного, творительного и местного падежей множественного числа имён существительных (по материалам письменности XI–XVII вв.). Автореф. канд. дисс. Л., 1972.
- Янин 1982 – Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. Лазарев монастырь // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 52–61.

G. A. Mol'kov. Contracted and uncontracted forms of adjectives, participles and verbs in the Milyatino Gospel

The article discusses one of the orthographic irregularities in the Milyatino Gospel (XII c) – the use of both contracted and uncontracted forms of adjectives, participles (masculine and neuter of both numbers and feminine singular) as well as the imperfect forms of finite verbs. The number of more archaic uncontracted forms is approximately the same (about one third of the overall number of forms) for all these parts of speech. A detailed study of these forms shows that their orthography varies in different parts of speech. The uncontracted forms of adjectives appear mostly in the end-line position, while the other two groups of forms do not. It is very likely that this distinctive feature is connected with different status of adjectives, participles, and imperfect forms in the dialect of scribes. Adjectives were common for their speech and, thus, the scribes could work out a special orthographic strategy for them while other two groups belonged to the literary church language, and their spelling in the Milyatino Gospel followed the tradition.

Keywords: history of the Russian language, Milyatino gospel, contracted and uncontracted forms, orthographic irregularities in manuscripts.

ОБ ОДНОЙ БОСПОРСКОЙ РЕМИНИСЦЕНЦИИ ГИППОНАКТА

Автор анализирует существующие интерпретации фрагмента Гиппонакта (Fr. 4b Degani) и приходит к выводу, что попытки установить географическую локализацию «Синдской расщелины» основывались на неверном понимании семантики слова διὰσφαγμα. Контексты показывают, что слово могло означать либо 1) разрез в земной коре, т.е. ущелье, либо 2) разрез-укрытие, пещеру, являясь практически синонимом κρυθμῶν. Если предположить, что в основе фрагмента Гиппонакта лежит второе значение, тогда речь могла идти о некой пещере в Синдике, очевидно, известной даже ионийской аудитории Гиппонакта. Это могла быть именно та пещера, в которой, согласно Страбону, произошел обман и уничтожение гигантов, подстроенные Афродитой с помощью Геракла (Str. 11. 2. 10). Предание об Афродите Апатурос, одном из самых значительных божеств на Боспоре, и сам ее культ несомненно были одной из ярчайших местных достопримечательностей, которые оставались в памяти у посещавших эти места малоазийцев. С другой стороны, передневозосточные связи местной Афродиты, почитавшейся местным населением под именем Астара, позволяют рассматривать сексуальную расправу над гигантами в свете представлений об Иштар-Астарте, наказующей мужей сексуальным бессилием. Именно такое восприятие боспорской Афродиты может объяснить, почему Гиппонакт использовал выражение Синдская щель в obscene смысле γυναικεῖον αἰδοῖον. Не исключено при этом, что он обыграл уже имевшееся у слова obscene значение, соединив его с мифом о «распутной» богине и ее пещере, из-за которой, вероятно, слава блудницы стала достоянием синдской женщины, как зафиксировано в лемме Гезихия Σινδῖς ἡ Σκυθία. καὶ ἡ πόρνη.

Ключевые слова: Древнегреческая литература, VI в. до н. э., Гиппонакт, Fr. 4b Degani, «Синдская расщелина», Боспор.

В греческой поэзии наберется совсем не много упоминаний северопонтийских реалий (включая этногеографические), еще меньше их связано с Боспором¹. Тем ценнее две боспорские реминисценции Гиппонакта, ионийского ямбографа из Эфеса, приобретшего скандальную знаменитость в Клазоменах и

¹ Боспор понимается в максимально широком смысле, как, согласно надписи в честь Перисада¹, территория от крайних пределов тавров до границ Кавказа (Гайдукевич 1955: 115).

жившего во второй половине VI в. до н. э., т. е. в то время, когда колонизационное движение из Ионии в интересующий нас район Причерноморья еще находилось в активной фазе.

Fr. 4a (Degani) Κοραξικὸν μὲν ἤμφιεσμένη λῶπος
Надевшая кораксийскую накидку

Fr. 4b (Degani) <х-υ-х> Σινδικὸν διάσφαγμα
<х-υ-х> Синдская расщелина

Обе они дошли до нас, полностью утратив свой контекст. Поздние комментарии позволяют постулировать для обеих обценный смысл (см. далее). С другой стороны, пояснение Иоанна Цеца к процитированному им стиху Гиппонакта (Fr. 4a), Tzetzes, *Chil.* 10. 374:

τοὺς Κοραξοὺς δὲ καὶ Σινδοὺς ἔθνη τυγχάνειν νόει
понимай, что он встречается народы кораксов и синдов,

не только показывает, что оба фрагмента были как-то связаны между собой, но и свидетельствует о том, что в исходном тексте Гиппонакта обценное содержание было облачено в конкретные этногеографические понятия.

В силу ограниченности объема этой статьи, далее речь в ней пойдет только о втором из приведенных фрагментов. Интерпретация, которая будет здесь предложена, в виде интуиции была высказана Д. А. Мачинским во время работы над нашей совместной статьей (Мачинский, Мусбахова. 2009), но не нашла там отражения. Смею думать, что нынешняя разработка этой темы была бы им одобрена.

Выражение «синдская расщелина» происходит из схолия к поэме Аполлония Родосского, который ничего не дает для понимания контекста, в котором оно было употреблено в ямбах Гиппонакта². Кроме того, не исключено, что цитата, приводимая схолиастом, несколько шире, а именно:

πρὸς τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα³.

² Схолиаст упоминает место из Гиппонакта, обсуждая качество ударения в слове синды, *Schol. Ap. Rhod.* 4. 321: ...τὸ δὲ Σίνδοι Ἡρωδιανὸς... βαρυτονεῖν φησὶδεῖν· τινὲς δὲ ὀξύτονοῦσιν, οὐκ εὔ. καὶ Ἰππῶναξ δὲ μνημονεύει· πρὸς τὸ “Σινδικὸν διάσφαγμα”.

³ Вендель в своем издании *Схолиев* берет выражение Σινδικὸν διάσφαγμα в кавычки (см. пред. прим.), показывая тем самым, что именно его он считает цитатой из Гиппонакта. Выделяют его как цитату и новейшие издатели Гиппонакта М. Уэст (Fr. 2a) и Дегани (Fr. 4b). Более ранние издатели, однако, присоединяли к этому выражению

Определяющую роль в истории комментирования данного фрагмента играет толкование интересующего нас выражения у Гезихия, Hesych. σ 680:

Σινδικὸν διάσφαγμα· τὸ τῆς γυναικός
Синдская расщелина: женский (половой орган)⁴.

Другой комментарий Гезихия был справедливо соотнесен с Fr. 4a (Degani 1984: 243 f.), Hesych. κ 3584:

Κοραξοί· Σκυθῶν γένος καὶ <Κοραξικόν> τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον.

Неслучайно еще Мейнеке предложил соединить оба фрагмента, Крузиус же дополнил отсутствующую часть trimetra во Fr. 4b, и эта реконструкция была принята Дилем⁵. Однако последующие издатели Гиппонакта, за исключением Массона (Fr. 2, см. ком.: Masson 1962: 102 f.), резонно проявили сдержанность в этом вопросе, а Дегани указал на метрические трудности при восстановлении второго trimetra. Насколько можно судить, исследователи, принимавшие эту реконструкцию, руководствовались напрямую комментариями Гезихия, понимая и Κοραξικόν и Σινδικὸν διάσφαγμα как специальное обозначение женского полового органа. Между тем Κοραξικὸν λῶπος гораздо естественнее понимать как метафорическое обозначение волосяного покрова – «кораксийская накидка»⁶. Уже одно это наводит на

и предлог, постулируя в качестве фрагмента выражение πρὸς τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα (Diehl 1954; Masson 1962). Выведение πρὸς τὸ за пределы цитаты делает его бессмысленным и создает тем самым текстологическую проблему, которую предлагалось решить его исправлением на πρῶτοι (Meineke: «в первой книге»); постулировалась также утрата связанного с πρὸς τὸ слова, указывавшего на источник цитаты (Wendel ad. loc.). Наиболее серьезным доводом против включения πρὸς τὸ во фрагмент является соображение Дегани о том, что его присутствие лишало бы trimetra необходимой цезуры (Degani 1984: 243). Впрочем, trimetry без обычной цезуры встречаются и в ранней ямбографии.

⁴ См. также St. Byz. Ethn. 569–570: Σίνδοι, ἀπὸ μεσημβρίας τῆς Μαιώτιδος λίμνης. ἔνιοι δὲ καὶ τὸ Σινδικὸν γένος φασὶν εἶναι τῶν Μαιωτῶν ἀπόσπασμα. λέγεται καὶ τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον <Σινδικόν>.

⁵ Κοραξικὸν μὲν ἡμφιεσμένη λῶπος
<γυμνὴ δὲ> πρὸς τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα.

⁶ Примечательно, что Цец цитирует Гиппонакта как раз в связи с кораксийской шерстью, ἔρια τῶν Κοραξῶν (Str. 3. 2. 6), которая, видимо, пользовалась достаточной известностью даже на фоне знаменитой милетской шерсти, Tzetzes Chil. 10. 377–80:

мысль, что и «синдская расщелина» является, скорее всего, метафорическим выражением.

Линия метафорического толкования была задана, по всей видимости, Бергком и состоит в том, чтобы понимать Σινδικὸν διάσφαγμα как перенесение названия природно-географического объекта, в данном случае синдской расщелины, на обозначение τὸ τῆς γυναικὸς (женского полового органа)⁷. В пользу этой гипотезы, несомненно, свидетельствуют случаи употребления в obscene смысле подходящих объектов физической географии⁸. Бергк, однако, опираясь на известное свидетельство Гелланика, связывающее синдов и Киммерийский Боспор (FGH Hist 4 F 69), предположил, что речь в интересующем нас фрагменте Гиппонакта идет о Керченском проливе⁹. Эта идея была, судя по всему, принята Дегани (com. ad Fr. 4b). Дело, однако, не в том, чтобы доказать связь синдов с Боспором Киммерийским, которая лежит на поверхности, а в семантике самого слова διάσφαγμα, которая не согласуется с предположением Бергка, ведь даже на первый взгляд «синдская расщелина» должна «рассекать» Синдику (см. ниже). Кроме того, принимая это предположение, мы должны допустить наличие в тексте Гиппонакта двойной метафоры: 1) метафорическое обозначение Боспора как Синдской расщелины, которое должно было быть понятно слушателям поэта; 2) перенос последнего значения в obscene сферу. Эта конструкция представляется слишком сложной.

Гипотеза Бергка была отвергнута В. Д. Блаватским, предложившим видеть в синдской расщелине «пролив, отделяющий северо-западную, островную часть Синдики от юго-восточной, материковой» (Блаватский 1985: 56), т. е. Кизилташский лиман. Однако назвать последний проливом и тем более расщелиной представляется слишком большой натяжкой. Именно поэтому предположение Блаватского о том, что выражение «Синдская

περὶ τῶν Μιλησίων μὲν ἔφαν πολλοὶ ἐρίων
 περὶ ἐρίων Κораξίων ἐν πρώτῳ δὲ ἰάμβῳ
 Ἰππώναξ οὕτως εἶρηκε μέτρῳ χολῶν ἰάμβων
 Κораξικόν...

⁷ Bergk 1882: fr. 68 A.

⁸ Примеры см. у Дегани (com. ad Fr. 4b). Наиболее интересным из них является, на наш взгляд, Macho 386 G: κοῖλον Ἄργος (pudenda muliebria).

⁹ Bergk 1882: com. ad Fr. 68 A: Videtur Σινδικὸν διάσφαγμα proprie fretum inter Maeotidem paludem et Pontum, haec enim loca incolebant Sindi... deinde obscene dictum.

расщелина» было в древности прямым, а не метафорическим названием Кизилташского лимана, как, например, Боспор Киммерийский для Керченского пролива, вызывает большие сомнения. Между тем сходство искомого географического объекта с расщелиной совершенно необходимо для последующего метафорического переноса в обценную сферу, ибо по какой причине тогда это «наименование стало поводом для возникновения ходячего выражения, засвидетельствованного Гесихием»¹⁰. Эти недостатки гипотезы Блаватского не избежали язвительной критики С. Р. Тохтасьева, который, в свою очередь, хотя и отдает дань остроумию метафорической трактовки Бергга – Дегани, по сути дела от нее отказался и вернулся к интерпретации Крузиуса – Диля, толковавших Σινδίκὸν διάσφαγμα как прямое обозначение *rudenda muliebria* (Тохтасьев 2004: 23 сл.).

Таким образом, круг предложенных интерпретаций замкнулся. Между тем подход, предложенный Берггом, представляется плодотворным, а проблема, на наш взгляд, состоит лишь в неверном понимании семантики ключевого слова. Поэтому за помощью, видимо, надо обратиться к еще не вовлеченным в дискуссию языковым аргументам. Слово διάσφαγμα, которое, возможно, было авторским гапаксом Гиппонакта (см. прим. 24), является суффиксальным расширением более распространенного διασφάξ и его синонимом. Поэтому, обсуждая его значение, естественно опираться на семантику последнего. Она же вполне очевидно определяется семантикой составляющих его компонентов, исходя из которой слово вполне ожидаемо означает ‘разрез’. В комментарии Евстафия можно найти исчерпывающее объяснение на этот счет, Eust. 134. 22:

ἐξ αὐτοῦ δὲ (τοῦ σφάζω) ἡ διασφάξ ἐπὶ σχίσματος πετραίου εἶτε καὶ τοῦ κατὰ σῶμα, ὅποια καὶ ἡ τῆς ῥίνης παρὰ τῷ Ὀππιανῷ καὶ ἡ τοῦ κατὰ τοὺς κωμικοὺς αἰδοίου...

От него же (от ‘режу’) – разрез, о рассечении каменном или на теле, каковым обозначается также разрез рапильной акулы у Оппиана, а также, согласно комикам, разрез полового органа...

Евстафий является единственным автором, который сообщает, что слово διασφάξ употреблялось в специальном обценном

¹⁰ Как полагает большинство исследователей и как следует и из выводов данной статьи, лемма Гезихия восходит к комментарию к тексту Гиппонакта, поэтому Блаватский скорее всего ошибался, полагая, что у Гезихия засвидетельствовано «ходячее выражение».

значении комическими поэтами (см. также Eust. 897. 60: $\theta\eta\lambda\upsilon$ $\mu\acute{o}\rho\iota\upsilon\omicron\nu$), и этим его свидетельство чрезвычайно ценно. Кроме того, благодаря сообщению Евстафия мы можем с достаточной уверенностью говорить о том, что в лемме Гезихия специальным термином является только слово $\delta\acute{\iota}\alpha\sigma\phi\alpha\gamma\mu\alpha$, а $\Sigma\iota\nu\delta\iota\kappa\acute{o}\nu$ лишь сообщает ему дополнительную характеристику. Это, в свою очередь, косвенно подтверждает, что комментарий Гезихия имеет отношение именно к тексту Гиппонакта.

Напротив, примеров использования слова в нейтральном значении 'каменный разрез' достаточно много для того, чтобы понять его особенности. Речь идет, как правило, о расщелине, ущелье, теснине в горах (отсюда 'каменный разрез'), по которой может протекать река. Большинство примеров Геродота (в общей сложности у него имеется 8 случаев) именно такого рода (см., например, Hdt. 7. 199: $\tau\omicron\upsilon\ \delta\epsilon\ \delta\acute{\rho}\epsilon\omicron\varsigma\ \tau\omicron\ \pi\epsilon\rho\iota\kappa\lambda\eta\acute{\iota}\epsilon\iota\ \tau\eta\nu\ \gamma\eta\nu\ \tau\eta\nu\ \tau\rho\eta\chi\acute{\iota}\nu\eta\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\ \delta\iota\alpha\sigma\phi\acute{\alpha}\xi\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \mu\epsilon\sigma\alpha\mu\beta\rho\acute{\iota}\eta\nu\ \tau\rho\eta\chi\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \delta\epsilon\ \tau\eta\varsigma\ \delta\iota\alpha\sigma\phi\acute{\alpha}\gamma\omicron\varsigma\ \text{Ἀσωπὸς ποταμὸς ῥέει παρὰ τὴν ὑπὸρεῖν τοῦ ὄρεος}$).

Имеющиеся примеры нейтрального употребления $\delta\iota\alpha\sigma\phi\acute{\alpha}\xi$ показывают, что слово не могло быть использовано ни для обозначения Керченского пролива, ни тем более какого бы то ни было лимана, поскольку его семантика подразумевает разрез в земной коре, в поверхности суши. Иными словами синдскую расщелину или ущелье нужно искать на суше и, очевидно, на территории Синдики. Ибо мы все-таки исходим из того, что наличие локализирующего атрибута $\Sigma\iota\nu\delta\iota\kappa\acute{o}\nu$, даже если Гиппонакт подразумевал $\tau\omicron\ \tau\eta\varsigma\ \gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\acute{o}\varsigma$, т. е. общенное значение $\delta\acute{\iota}\alpha\sigma\phi\alpha\gamma\mu\alpha$, предполагает некую игру смыслов, в основе которой лежит его основное, нейтральное значение.

Для $\delta\iota\alpha\sigma\phi\acute{\alpha}\xi$ оно, однако, не исчерпывается примерами Геродота, о которых говорилось выше. Дополнительные семантические возможности слова иллюстрируются двумя случаями его употребления у Ликофрона. Они показывают, что $\delta\iota\alpha\sigma\phi\acute{\alpha}\xi$ могло означать и весьма скромную расщелину, некое укрытие под землей, пещеру. Оба примера довольно близки по смыслу. В первом говорится о судьбе дочери Приама Лаодики, которую «поглотит и будет держать в укрытии расщелины породившая ее пыль», т. е. просто земля¹¹, Лус. 315–16:

$\acute{\omega}\nu\ \tau\eta\nu\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\tau\pi\rho\epsilon\mu\nu\omicron\nu\ \eta\ \tau\omicron\kappa\acute{\alpha}\varsigma\ \kappa\acute{o}\nu\iota\varsigma$

¹¹ О Лаодике известно, что она была поглощена землей в момент, когда наблюдала разрушение Трои, см. Lycophron 2008: 146. Com. ad loc.

χανοῦσα κευθμῶι χεῖσεται διασφάγος...

Нужно обратить внимание, что, поскольку κευθμός (= κευθμῶν) означает 'укрытие, пещера', выражение κευθμῶι διασφάγος приобретает тавтологичность, свойственную эпическому и вообще высокому стилю (ср. Ном. *Od.* 13. 367: κευθμῶνας ἀνὰ σπέος – «по укрытию пещеры»). Во втором случае речь идет о заживо погребенных этолийцах¹², Лус. 1061–62:

τοὺς δ' εἰς ἔρεμνὸν ζῶντας ὠμησταιτάφον
κρύψουσι κοίλης ἐν μύχοις διασφάγος.

Здесь ἐν μύχοις διασφάγος (в недрах пещеры), дополнительно конкретизированное глаголом κρύψουσι (спрячут), означает ровно то же, что и κευθμῶι διασφάγος в предыдущем случае. Сопоставление этих двух примеров Ликофрона подтверждает для διασφάξ значение 'пещера, укрытие под землей' (метафорически 'могила'), делающее его практически синонимом широко распространенного в этом значении κευθμῶν (см. ниже).

Таким образом, примеры Ликофрона показывают, что διασφάξ может означать небольшую расщелину, некую полость, подходящую для того чтобы стать «укрытием», а в примерах Ликофрона могилой для одного человека или группы людей. И если мы попытаемся примерить это значение к интересующему нас фрагменту Гиппонакта и зададимся вопросом, о какой такой синдской расщелине-укрытии или пещере здесь может идти речь, то, пожалуй, единственное, что нам придет в голову, это рассказанный Страбоном миф об Афродите Апатурос (Str. 11. 2. 10). В самом деле, согласно Страбону, хитрость, объясняющая эпитет Афродиты, состояла в том, чтобы принимать ополчившихся на нее гигантов в некоем укрытии, ἐν κευθμῶνι τινι (см. ниже), как пишет географ, употребляя другую форму слова, которое мы только что видели в сочетании с διασφάξ у Ликофрона (κευθμῶι διασφάγος). И именно этот пример Ликофрона позволяет допустить, что укрытие Афродиты тоже могло называться расщелиной. Но прежде чем продолжить нащупанную линию рассуждения, необходимо коротко остановиться на самом мифе об Афродите Апатурос.

Страбон приводит свой рассказ как этимологический миф, объясняющий эпитет богини Апатура, Str. 11. 2. 10: ἐτυμολογούσι δὲ τὸ ἐπίθετον τῆς θεοῦ μῦθόν τινα προσησάμενοι. И

¹² Ibid. P. 262 f.

приводит далее в высшей степени необычный рассказ, породивший среди исследователей немало споров: ... ὥς ἐπιτιθεμένων ἐνταῦθα τῇ θεῷ τῶν γιγάντων, ἐπικαλεσαμένη τὸν Ἡρακλέα, κρύψειεν ἐν κευθμῶνι τινι, εἶτα τῶν γιγάντων ἕκαστον δεχομένη καθ' ἑνατῶι Ἡρακλεῖ παραδίδοι δολοφονεῖν ἐξ ἀπάτης (...что, когда на богиню напали гиганты, она, призвав Геракла, спрятала его в некоем укрытии, а затем, принимая каждого из них по отдельности, передавала Гераклу, чтобы он умерщвлял их путем обмана)¹³. Большинство исследователей считает его пересказом подлинного мифа, связанного с культом богини¹⁴. Однако имеется гипотеза, согласно которой Страбон пересказывает не храмовую легенду Афродиты Апатурос, а некую «басню», восходящую к сочинению «доморощенного боспорского или заезжего мимографа», или же имевшую хождение в бытовой среде (Тохтасьев 1983: 115 сл.)¹⁵.

Что же привело исследователя к такому выводу? Основное событие рассказа, а именно предоставление Афродитой услуг

¹³ В этом тексте не сказано, что Афродита принимала гигантов в пещере, говорится лишь о том, что там она спрятала Геракла, но это следует из логики задуманного обмана. В самом деле, Афродита принимала гигантов по отдельности, т.е. в скрытом от остальных месте, где, наверное, от глаз жертвы был скрыт и Геракл.

¹⁴ Библиографию исследований см. в статье Кошеленко, которая, видимо, является и одной из последних работ на эту тему (Кошеленко 1992: 147), см. также: Ustinova 1998: 211–213. Нельзя сказать, что в результате осуществленных исследований достигнуто удовлетворительное понимание мифа. Однако подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки этой статьи.

¹⁵ Тохтасьев считает, что само употребление Страбоном выражения μῦθος τις, в виду того, что он скептически относится к мифам и само слово μῦθος и родственную лексику использует пейоративно, снижает вероятность того, что в его рассказе передается храмовое предание (Там же, прим. 35). Это обстоятельство, однако, не имеет никакого значения для оценки материала, приводимого Страбоном как мифы. В этом смысле передаваемый им рассказ об Афродите Апатуре является таким же мифом, как, например, миф о корибантах или один из эпизодов гигантомахии, на которые он ссылается сходным образом (Str. 10. 3. 11: πρὸς τῶν γιγάντων μῦθον; Str. 10. 5. 16: προσθέντες καὶ μῦθον, ὅτι). Одной из отличительных особенностей мифа для Страбона является то обстоятельство, что он объясняет возникновение того или иного явления, обычая, названия и т. д. Употребление же τις в нашем случае может свидетельствовать о малоизвестности мифа: Страбон таким образом показывает, что большинство его читателей, за исключением жителей Боспора, с ним скорее всего не знакомы.

гетеры¹⁶ не одному, а сразу целому скопищу гигантов имеет, по мнению Тохтасьева, характер слишком «скандальной и смешной сенсационности», чтобы о нем могли повествовать храмовые жрецы. Но тогда естественно задаться вопросом, каковы были предпосылки появления такой скандальной истории о богине в бытовой среде! На какой почве она могла возникнуть? Таковой не могло стать популярное предание о гигантомахии, ибо в ней мы не находим ни одного сюжета, где бы объектом нападения сразу многих гигантов стал один бог (и тем более одна богиня), обычно речь идет о групповых сражениях или поединках. С другой стороны, и Афродита в гигантомахии практически не замечена (Тохтасьев 1983: прим. 24; Кошеленко 1992: 148). Наконец, для Афродиты нам не известны и такие множественно эротические истории, и тем более с подобным летальным концом. Откуда же могла взяться столь странная фантазия?

В этой истории все слишком необычно, чтобы можно было поверить в ее возникновение на бытовой почве или из-под «пера» mimoграфа. Помимо этой трудности, на наш взгляд, не может быть принят и основной аргумент, который Тохтасьев приводит в поддержку своей гипотезы. Верно отметив, что слово *κευθμῶν* нигде больше в прозе за пределами интересующего нас места Страбона не употребляется и, следовательно, является поэтизмом, исследователь делает неожиданный вывод о том, что оно могло быть позаимствовано из стихотворного мима, того самого, в котором, по его мысли, была либо пересказана либо воплощена впервые скабрезная басня об Афродите и гигантах. Но это практически исключено именно потому, что слово *κευθμῶν* определенно относилось к высокому поэтическому стилю (Hes. *Th.* 158; Hom. *Od.* 13. 367; *h. Merc.* 229; Stes. 7. 3; Pi. *P.* 9.34; A. *Eum.* 805, *PD* 220; Call. *Jov.* 34). Не сохранилось ни одного свидетельства самостоятельного использования этого слова в комедии или миме. Представить себе, что оно было употреблено в миме постулируемого Тохтасевым развеселого содержания, можно, только допустив, что это была пародия, но тогда мы должны принять как факт существование вполне серьезного источника такой пародии, в котором слово было использовано в присущем ему стиле¹⁷. Это соображение лучше

¹⁶ Параллели из других контекстов, выявляющие эротическую семантику глагола *δέχομαι* в пассаже Страбона см. в: Тохтасьев 1983: 114 сл.

¹⁷ В качестве другого аргумента в пользу мима как источника рассказа Страбона Тохтасьев ссылается на то, что Геракл является частым

всего подтверждает Аристофан, у которого слово κεῦθμῶν встречается единственный раз, причем не самостоятельно, а в пародийном употреблении, в составе почти целого стиха, позаимствованного им из *Гекубы* Еврипида¹⁸.

Наличие в рассказе Страбона слова κεῦθμῶν позволяет осторожно предположить, что он в конечном итоге мог восходить к какому-то поэтическому тексту, может быть, гимну Афродите Апатурс¹⁹.

Таким образом, у нас нет никакой нужды думать, что история об Афродите и гигантах возникла как комическая фантазия mimoграфа. Напротив, этому препятствуют особенности сюжета, слишком странные для греческих данных. Но, может быть, дело в особенностях самой богини? Почитание Афродиты Урании на Боспоре было, судя по всему, эллинизированным культом местной древней богини, отождествленной греками с Афродитой²⁰. Это отождествление было тем легче, что как местная богиня, так и греческая Афродита обладали чертами несомненного сходства и генетического родства с богиней, почитавшейся под разными именами на всем Переднем востоке (Астарт,

персонажем комедии и мима и что в последнем фигурировали и гиганты (Тохтасьев 1983: 115). Однако Геракл был, несомненно, любим и в «серьезной» литературе (эпос, трагедия), и именно она в конечном итоге поставляла сюжеты для комических трактовок его приключений. Что касается гигантов, то, как следует хотя бы из *Библиотеки*, разнообразные гигантомахии были непрямым сюжетом теогонической литературы, т. е. и в данном случае комические трактовки, конечно, вторичны.

¹⁸ Ar. Fr. 149. 1: καὶ τίς νεκρῶν κεῦθμῶνα καὶ σκότου πύλας / ἔτλη κατελθεῖν (и кто к укрытию мертвых и воротам мрака / отважился сойти), – спрашивает персонаж Аристофана, явно пародируя торжественную фразу тени Полидора, с которой начинается пролог еврипидовской *Гекубы*, Е. Нес. 1: ἤκω νεκρῶν κεῦθμῶνα καὶ σκότου πύλας / λπῶν... (я прихожу, укрытие мертвых и ворота мрака / оставив).

¹⁹ Из четырех случаев употребления слова у Страбона (исключая интересующий нас случай) два являются цитатами (Str. 3. 2. 11, 14. 5. 4), а в других двух весьма вероятны отсылки либо к какому-то поэтическому тексту (Str. 9. 2. 34), либо к устоявшемуся поэтизму высокого стиля (ср. Str. 12. 8. 19: κεῦθμῶνας τῆς γῆς с *Orac. Sibyll.* 1. 188, 3. 409 κεῦθμῶνας γαίης).

²⁰ Со времени Ростовцева (Ростовцев 2002: 90 сл.) об этом писали многие, см. Яйленко 1995: 238 сл., прим. 71. Из последних работ см. Ustinova 1998: 213–19.

Иштар)²¹. Поэтому мы можем предположить, что за странной историей Афродиты с гигантами стоят какие-то особенности именно этой богини, прикрытые эллинизированным сюжетом. Если мы посмотрим на рассказ Страбона с этой точки зрения, то самая его негреческая черта и одновременно самая сердцевина повествования – сексуальное наказание Афродитой гигантов – находит аналогии в известных из греческих источников данных, характерных для восточной Афродиты.

Самый простой и известный пример – женская болезнь, т. е. мужское бессилие, насланное Афродитой Уранией (Астартой) на часть скифов за ограбление ее храма в Аскалоне (Hdt. 1. 105). Характер этой болезни прямо поясняет их имя – Ἐνάρεες (энареи: Hdt. 1. 105; 4. 67), прозрачная индоиранская этимология которого – ‘не мужи’ (ἄ (ἐ)-privativum + nara, см.: Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 305), а то обстоятельство, что они были гадателями, наделенными даром прорицания самой Афродитой (Hdt. 4. 67), указывает на их прямую культовую связь с этой богиней. Черты богини, наказующей мужским бессилием, присутствуют в греческом гимне Афродите: Анхиз, узнав, что у него на ложе была сама богиня, взмолился к ней, прося не сделать его ἀμεινόν, т. е. бессильным²². Кирка, сохраняющая в

²¹ О восточном происхождении Афродиты Урании писали уже древние авторы (Hdt. 1. 105; Paus. 1. 14. 7.), оно подтверждается и современными исследователями (основную библиографию см. в: Penglase 1997: 160, п. 2). О восточных связях местной синдской богини достаточно говорит ее почитание под именем Астары, зафиксированное в посвятельной надписи Комосарии (КБН 1015), жены Перисада I (Яйленко 1995: 238 сл.).

²² h. Ven. 188–90

μη μεζῶν τ' ἀμεινόν ἐν ἀνθρώποισιν ἐάσεις
ναίειν ἄλλ' ἐλέαρ· ἐπεὶ οὐ βιοθάλμιος ἀνὴρ
γίγνεται ὅς τε θεαῖς εὐνάζεται ἀθανάτησι.
*Не допусти, чтоб я живой среди людей бессильным
Жил, но смилуйся, ведь жизни цвет теряет
Тот муж, что возлежал с бессмертными богинями.*

Эти стихи интерпретировались по-разному. Попытка видеть в них влияние восточного представления о великой женской богине, отбирающей мужское достоинство (Rose 1924: 11 ff.), была оспорена в ряде статей, авторы которых полагали, что Анхиз боится зависти Олимпийских богов (Reinhardt 1965: 13f; Kamerbeek 1967: 385 f.); неубедительность гипотезы последних была показана издателями *Гомеровских гимнов*, которые в свою очередь предположили, что речь идет о страхе, вызванном явлением божества живому человеку (Allen, Halliday, Sikes 1963: 363). Джакомелли справедливо возражает на это, что выбор слов

своем облике черты древней восточной богини (Marinatos 2000: 31–44), также лишает всходящего к ней на ложе мужского достоинства: это ясно из того, что Одиссей в ответ на приглашение Кирки разделить с ним ложе должен, по совету Гермеса, взять с нее клятву не сделать его ἀνήνορα, т.е. не мужчиной (Hom. *Od.* 10. 299–301)²³. При этом нельзя не отметить, что слово ἀνήνορ имеет практически такую же этимологию (ἀ(v)-privativum + -ηνορ, см.: Chantraine s. v. ἀνῆρ В.), что и Ἐνύρεες (см. выше), да и ситуативно Одиссей находится под угрозой оказаться в таком же положении по отношению к Кирке, в каком оказались скифы по отношению к Астарте, став энареями²⁴.

в стихах свидетельствует о том, что речь идет непосредственно о последствиях акта любви с богиней. Но ее собственная гипотеза (Giacomelli 1980: 17 f.), о том что Анхиз боится повторения судьбы возлюбленного Эос Титона (вечной старческой немощи), несостоятельна, потому что 1) в наших стихах говорится о дальнейшей жизни Анхиза среди людей, и нет речи о бессмертии, и 2) во втором предположении о последствиях возложения смертного с бессмертной богиней говорится как об общем законе, а не о данном конкретном случае. Новейшие комментаторы этого сюжета справедливо связывают страх Анхиза с последствиями возложения с Афродитой. При этом Ричардсон, хотя и оставляет вопрос о конкретном содержании этого страха открытым, уместно ссылается на поведение Иштар по отношению к своим наложникам в *Гильгамеше* (Tab.VI. 79), а Страус-Клей, хотя и прямо сопоставляет ситуацию Анхиза и Афродиты со страхом Одиссея перед ложем Кирки, считает вслед за Джакомелли, что последний сюжет подтверждает греческое происхождение страха Анхиза (Strauss Clay 1989: 182 f.). Между тем наличие аналогии для этих двух сцен, совершенно уникальных для греческой литературы, в передне-восточном контексте (Pritchard 1969: 83–85; Marinatos 2000: 41–43) говорит само за себя, а восточные корни самой греческой Афродиты облегчают понимание существующей между ними связи (Burkert 1995: 96–99). При этом речь, на наш взгляд, идет не о влиянии каких-то восточных источников на греческую литературу, а о пережитке в ней определенных верований, воспринятых когда-то с востока.

²³ Слово ἀνήνορ несомненно является синонимом ἀμειννός (Giacomelli 1980: п. 51), его обычно сопоставляют с единственным другим его употреблением в греческой литературе, в Hes. *Op.* 751, где оно означает неспособность производить потомство, приобретенную подростком при определенных обстоятельствах. Но Одиссей, как и Анхиз, оказывается в качественно другой ситуации, когда ему грозит утратить мужскую силу от сексуального контакта с могучей женской богиней.

²⁴ В совместной статье с Д. А. Мачинским мы уже писали о том, что эпизод Одиссея у Кирки может отражать знакомство автора Одиссеи с особенностями древней богини Синдики (Мачинский, Мусбахова

Первичной основой мифа Боспорской Афродиты представляется мотив о сексуальной расправе богини. Сейчас невозможно сказать наверняка, каким образом он принял известный нам вид. Возможно, в связи с тем, что фигурантами истории оказались гиганты, в нее легко был встроен вездесущий Геракл, и так она приобрела черты почти классической гигантомахии. А может быть, представление о богине, разящей сексуальной немощью, в какой-то момент соединилось с уже готовым мотивом о Геракле-гигантоборце.

Итак, если в основе метафоры синдской расщелины Гиппонакта было то самое укрытие, где Афродита по одному принимала гигантов (а находившийся рядом Геракл довершал расправу), то сам смысл метафоры становится достаточно ясным. Синдская расщелина – это по сути сама Синдская богиня, а по ассоциации с ней – синдиянка, синдская женщина. И здесь как нельзя кстати еще одно пояснение Гезихия, Hesych. σ 679: Σινδῖς· ἡ Σκυθία. καὶ ἡ πόρνη. Одновременно становится понятным, чем для Гиппонакта был мотивирован выбор слова διάσφαγμα. Если он знал какую-то версию апатурского мифа, в которой присутствовало слово κευθμῶν, было совершенно в духе его замысла заменить его подходящим синонимом διάσφαγμα²⁵, специальное значение которого только усиливало эту цепочку ассоциаций и создавало необходимую игру смыслов.

Что можно сказать об источниках Гиппонакта? Поэт жил в среде, в которой уже прочно налажился постоянный обмен с северопричерноморскими, и в том числе боспорскими колониями. Сведения из тех мест в метрополию и шире приходили из первых рук. Едва ли мы ошибемся, предположив, что они содержали информацию об основных тамошних достопримечательностях, к числу которых, несомненно,

2009: 325). Здесь можно добавить в качестве дополнительного наблюдения, что, автор Одиссеи, возможно, создал композит ἀνήνωρ, ориентируясь на значение и звуковой облик иранского слова, тогда как автор гимна к Афродите, видимо, не располагая таким композитом, в сходной ситуации прибег к более сложному, перифрастическому описанию.

²⁵ При этом можно предположить, что слово διάσφαγμα как синоним διασφάξ (Ac. S. διασφάγα) могло быть придумано Гиппонактом ad hoc из метрических соображений, поскольку ни один из падежных вариантов διασφάξ не дает необходимого для холиямба предпоследнего долгого.

относился и культ Афродиты на Боспоре и ее необычная храмовая легенда.

Литература

- Блаватский 1985 – Блаватский В. Д. Древнейшее свидетельство о Синдике // Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 55–58.
- Гайдукевич 1955 – Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 23–147.
- Доватур, Каллистов, Шишова 1982 – Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Кошеленко 1999 – Кошеленко Г. А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Боспорский сборник. Вып. 2. М., 1999. С. 146–60.
- Мачинский, Мусбахова 2009 – Мачинский Д. А., Мусбахова В. Т. Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. СПб., 2009. С. 355.
- Ростовцев 2002 – Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. М., 2002 (репринт).
- Тохтасьев 1983 – Тохтасьев С. Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2. С. 111–117.
- Тохтасьев 2002 – Тохтасьев С. Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. Вып. 4. СПб., 2002. С. 10–24.
- Яйленко 1995 – Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Яйленко В. П. Женщина в античном мире. М., 1995. С. 204–72.
- Allen, Halliday, Sikes 1963 – Allen T. W., Halliday W. R., Sikes E. E. (ed.) The Homeric Hymns. 2nd ed. Oxford, 1963.
- Bergk 1882 – Bergk Th. Poetae Lyrici Graeci. Vol. 2. Lipsiae, 1882.
- Burkert 1995 – Burkert W. Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Harvard, 1995.
- Degani 1983 – Degani E. (ed.) Hipponactis testimonia et fragmenta. Leipzig, 1983.
- Degani 1984 – Degani E. Studisu Ipponatte. Bari, 1984.
- Diehl 1954 – Diehl E. (ed.) Anthologia lyrica Graeca. Fasc. 3. Leipzig, 1954.
- Giacomelli 1980 – Giacomelli A. Aphroditean dafter // Phoenix. 1980. Vol. 34. P. 1–19.
- Kamerbeek 1967 – Kamerbeek J. C. Remarques sur l'hymne à Aphrodite // Mnemosyne. 1967. Vol. 20. P. 385–95.
- Lycophron 2008 – Lycophron. Alexandra / texte établi, traduit et annoté par A. Hurst. Paris, 2008.
- Marinatos 2000 – Marinatos N. The Goddess and the Warrior. London; New York, 2000.
- Masson 1962 – Masson O., Les fragments du poète Hipponax: édition critique et commentée. Paris, 1962.

- Penglass 1997 – Penglass Ch. Greek Myths and Mesopotamia: Parallels and Influence in the Homeric Hymns and Hesiod. London; New York, 1997.
- Pritchard 1969 – Pritchard J. B. Ancient Near Eastern Texts. 3rd edition. Princeton, 1969.
- Renhardt 1965 – Renhardt K. Zum Homerischen Aphrodite-hymnus // Festschrift Bruno Snell. Munich, 1965. S. 1–14.
- Richardson 2010 – Richardson N. Three Homeric Hymns. Cambridge, 2010.
- Rose 1924 – Rose H. J. Anchises and Aphrodite // CQ. V. 18. 1924. P. 11–16.
- Strauss Clay 1989 – Strauss Clay J. The Politics of Olympus. Form and Meaning in the Major Homeric Hymns. Princeton, 1989.
- Ustinova 1998 – Ustinova Y. Aphrodite Ourania of the Bosphorus: the Great Goddess of a Frontier Pantheon // Kernos. 1998. Vol. 11. P. 209–226.

V. T. Musbakhova. On a Bosporan reminiscence of Hipponax

On scrutinizing different interpretations of Hipponax' Fr. 4b (Degani) the author of the present paper came to a conclusion that previous attempts to localize the "Sindian opening" had been unsuccessful because of the misinterpretation of the word διάσφαγμα. The attested contexts suggest two meanings of the word: 1) 'an opening in the surface of the land, a gorge' and 2) 'a cave-like opening,' or 'a hiding place under the ground or in a mountain', synonymous with κευθμών. If Hipponax had the second meaning in mind, then he probably referred to some cave in the Sindica, which may have been familiar to his Ionian audience. It could be the same hiding place (κευθμών) where according to Strabo the deception and slaughter of the Giants by Aphrodite with the help of Heracles took place (Str. 11. 2. 10). The legend about Aphrodite Apatouros, one of the most prominent deities in the Bosphorus region (in particular in its Asiatic part), and her cult were doubtless among the most conspicuous features of local religion and, for that reason, would have been known to Ionians visiting the area. Besides, the Near Eastern connections of the local Aphrodite cult, reflected in the name Astara under which she was worshipped by local people, make the sexual deceit of the Giants by Aphrodite in the Bosporan myth appear like a reflection of the Eastern conception of Ishtar-Astarta punishing men by impotence. This image of the Bosporan Aphrodite would explain why Hipponax used the phrase Sindian opening in the obscene meaning of γυναικεῖον αἰδοῖον. It cannot be ruled out that he played on the already existing indecent meaning of διάσφαγμα by connecting it to the myth about the "licentious" goddess and her cave. The latter probably determined the lasting fame of Sindian women as sexually depraved to which Hesichius' entry Σινδῖς ἢ Σκυθία. καὶ ἡ πόρνη appears to refer.

Keywords: Hipponax' Fr. 4b (Degani), "Sindian opening", διάσφαγμα, Bosporan reminiscence.

**QUOTATIVE MODALITY AND ITS OCCURRENCE
IN EARLY NEW HIGH GERMAN.
EVIDENCE FROM TEXTS OF THE 16TH CENTURY**

В статье обсуждаются проблемы грамматики и синтаксиса квотативной модальности в немецком языке и ее отношение к эвиденциальности, а также становление этой категории. Рассматриваются конструкции с глаголом *sollen* + Infinitive II и показывается, что грамматикализация таких конструкций произошла еще в ранненововерхне-немецком языке. Рассмотренный материал подтверждает выводы Г. Фритца и Т. Глонинга о том, что развитие квотативов в немецком языке связано с появлением в 16 веке новых литературных жанров. Среди прочих примеров приводятся цитаты с квотативными конструкциями из книги Даниеля Эклина "Reise zum heiligen Grab" (1575).

Ключевые слова: немецкий язык, модальность, эвиденциальность, квотативные конструкции, Даниель Эклин, "Reise zum heiligen Grab" (1575).

Introductory Remarks on Modal Use in German

Linguists generally differentiate between two kinds of modality, usually called *deontic* and *epistemic*. Gabriele Diewald (1999: 13) illustrates them by the following examples:

- (1) Durch ihr mutiges Verhalten konnte eine 69-jährige Frau einen jugendlichen Räuber in die Flucht schlagen.
'Through her courageous behavior a 69-year woman could put into flight a young robber'.
- (2) Er kann sich geirrt haben
'He could be wrong' (see also Diewald 1999: 205–225).

Whereas example 1 demonstrates deontic modality because of the relations between the subject of the utterance and the action expressed here (the woman was capable of driving away the robber), example 2 with the characteristic form of Infinitive II shows epistemic modality, because we have to do with the speaker's attitude toward the proposition ('somebody probably made a mistake, the speaker is not sure that it is true'). Thus the epistemic modality is speaker oriented, the utterance is subjective from the speaker's point of view.

The following examples from the recent mass media demonstrate several nuances of the modal use:

- (3) Britische Medien berichten, dass sich Camilla bei einer Sommer-Tour durch Cornwall und Devon verplappert hat. Demnach **soll** das erste Kind von Prinz William und seiner Frau Catherine "hoffentlich bis zum Wochenende" das Licht der Welt **erblicken** (Express.De).
'British media report that Camilla has blubbed out during her tour of Cornwall and Devon. According to this, the first child of Prince William and his wife Catherine shall hopefully come into the world till the end of this week' (quotative modality, reference to somebody else).
- (4) Kate Middleton: Baby **soll** doch nicht früher **kommen**. Gerüchte um einen früheren Geburtstermin des "Royal Baby" von Kate und William sind aus der Welt (Augsburger Allgemeine).
'Kate Middleton: Baby shall not come earlier. Rumours on the earlier date of the "Royal Baby" of Kate and William have disappeared' (epistemic modality expressing probability).
- (5) Royal Baby **soll** zügig **kommen** – weil die Queen in Urlaub will (Hamburger Abendblatt).
'Royal Baby must come promptly – because the Queen wants to have vacation' (deontic modality in ironic use).
- (6) Nachdem Kates Mutter Carole Middleton am Wochenende gegenüber Freunden **gesagt haben soll**, sie denke, das Kind werde im Sternzeichen Löwe geboren, wird heiß über den Charakter des Babys spekuliert (Die Welt).
'After Kate's mother Carole Middleton has reportedly said to her friends that she thinks the child will be born in the sign of Leo, the baby's character is hotly speculated on' (quotative modality).

The examples 3–5 do not show any formal difference in the verb morphology (it is always *soll* + Infinitive I). We guess that in 3 and 4 it is probability that is expressed, because the birth cannot occur upon the demand of somebody. In 5 *soll* means the obligation as it is clear from the next part of the sentence. As for the examples 6, it contains a verb form pointing to a special meaning. The speaker claims that there is a source of conveyed information; he does not take the full responsibility for it. Thus there is a reference to the source of evidence the speaker has for his statement in 6, as in 3 as well. In 3, however, the grammatical form permits a broader interpretation of the meaning – probability, possibility.

Remarks on Evidentiality

In a number of languages there are means to show whether the described event was witnessed by the speaker himself (visually, aurally, etc) or supposed to be without direct witness; e.g. it is reported by another person. This meaning can be expressed by lexical means, but it is grammaticalized in many languages. The corresponding grammatical category is called *evidentiality* (Козинцева 1994; Храковский ред. 2007; Chafe & Nichols 1986; Aikhenvald & Dixon 2003).

In different languages the speaker would have to point to the source of this information. This category has been described in many languages, and in the last decade much attention has been paid to it. Several kinds of evidentials exist also in Georgian, in Armenian, in Iranian, and in Finno-Ugric languages, as well as in languages outside the Eurasian area. Among the Germanic languages it is found in Swedish.

Evidentiality in Germanic languages has also been discussed, although much less (de Haan 1999, 2001; Traugott 1989; Faller 2012). Since the evidentiality as a grammatical category is linked in Germanic languages to modal verbs, it has been investigated in the framework of modality.

Several studies of this problem in German from synchronic and diachronic points of view resulted in important conclusions (Gloning 2001; Fritz 1991). In this paper, I will try to add new evidence for this direction of research.

Epistemic / evidential / quotative modality

The question of the interrelation between evidentiality and epistemic modality is solved by linguists in different ways (Храковский ред. 2007). Elizabeth Closs Traugott states in her famous paper about the development of epistemic modality in English close relations between these two kinds of modality. She points to the statement of Lyons, who defines epistemology as concerned with the nature and source of knowledge (Traugott 1989: 32). It is also important that “epistemics and evidentials share a great number of similarities in their semantic development [...]”. Ferdinand de Haan ascribes to the epistemic modality more general meaning than to the evidential. That is why there are no languages with evidentials without epistemics, whereas there are languages

with epistemic modals but no evidentials (e.g., English), he argues. In conclusion of his paper he writes: “We know that evidentiality relates to a number of other areas. Epistemic modality is one of them, but it may not be the most important one. Other areas that are just as important include (spatial) deixis, and tense/aspect systems, not to mention the areas of *perception* [...] and *mirativity*” (de Haan 2001: 215). The epistemic modality and evidentiality really do not fully overlap, and it would be reasonable to consider the latter one as a subcategory of the former (although with a specific field of meaning) – Heinz Vater (2004) called it “quotative-evidential” use. The evidential field includes in German construction with *sollen* + Inf. I and II, as well as *wollen* + Inf. II. But it is the construction *sollen* and *wollen* (may be also *müssen*) + Inf. II that doubtless possesses the status of grammatical category. Inside this category there are two subtypes of evidentiality. The proposition modified by *wollen* will be interpreted as a claim made by the subject referent, and that modified by *sollen* as somebody else’s claim. The latter is called quotative modality (see also: Vater 2001; Mortelmans 2001; Letnes 2008). Thus we agree with G. Diewald, who writes that “the German modal verbs *wollen* and *sollen* serve as (grammaticalized) markers of *mediated evidentiality* as – in specific constructions –they serve to mark reported speech” (Diewald&Smirnova 2010: 222).

The following sentences containing *sollen* + Inf. II stem from different time periods.

Examples from recent periodicals:

- (7) Cheil **soll gesagt haben**, dass derartige Preiserhöhungen in Europa nicht vor Juli 1996 möglich seien.
 ‘Cheil is said to have stated that such price increases would not be possible in Europe before July 1996’.

From the texts of 19th century:

- (8) Man nannte uns einen Herrn von Grimm, aber selbst Schöpflin sollte den Gipfel nicht erreicht haben. J.W. Goethe “Dichtung und Wahrheit”. 11. Buch.
 ‘A certain Herr von Grimm was mentioned to us, but even Schöpflin was said not to reach this height [in the knowledge of French]’.

17th century:

- (9) Ein Mensch der seinen Schöpffer verläst und dem *Plutoni* dienet / ist auch seiner Gaben nicht würdig / sondern werth / das man ihm das Maul voller Gold giesse / wie die Parther jenem Römer **gethan**

haben sollen (Hans Jakob Christoffel von Grimmelshausen: Galgen-Männlin, Kap. 6)

‘A man who abandons his creator and serves *Plutoni* is not worth his gifts, but it deserves that gold would be poured down his throat, as the Parthians are said to have done to this Roman’.

On the grammatical and semantic development of the verb *sollen* (*sculan*, *suln*) in German

The development of epistemic meaning in modal verbs has been described in several investigations. It corresponds to the overall tendency of change from the event orientation to speech-act-orientation in many languages (Narrog 2012). The verb *sculan* in Old High German has a broad spectrum of meanings. The original sense is probably “commitment” or “obligation” based on the wish of somebody else. *Sculan* / *suln* denoted also the future tense – sometimes in Old High German, and very often in Middle High German; this semantics of it remained in Early Middle High German as well (Reichmann & Wegera 1993: 391).

Several scholars believe that epistemic meanings developed in Germanic languages out of deontic ones through of a kind of weakening. Traugott (1989: 49–50) argues that in English the subjectification took place. “[...] the development of epistemic and evidential meanings increases coding of speaker informativeness about his or her attitude”. She also supposes that a metaphoric development could occur, i.e. “a shift from the concrete debts such as money to owing certain behaviors (cf. **sculan*), what can be interpreted as the first step of change”.

Maxi Krause (1997) finds that several examples in Old High German have what she calls “modalizing use”. E.g. *scal* in Otfrid:

- (10) Ein man ist uns giheizan joh scal ouh Krist heizan.
 ‘A man is promised to us he should be called Christ’

These few examples could be called pre-evidentials. According to Krause (1997: 100), Otfrid marks this way the places where “a historical mistake can occur”, what seems to be strange for the Gospel text. But more frequent is the use of *sculan* in its basic meaning of commitment, although in a weakened form: it can be pointing to a need or possibility in the future, the wish or the order to do something:

- (11) Wir sculun thiu wort ahton (Otfrid)
 ‘We must (shall, should) pay attention to these words’.

Katrin Axel (2001: 47–50) gives many examples for *sculan* as marker of future, as well as in alethic meaning, i.e. as expression of logical conclusions in Notker's work. See also Monika Schönherr 2010: 143–145 for further examples.

The development of this meaning field can be observed in MHG in the "Nibelungenlied". *Suln* expresses here commitment, future and demand (imperative), sometimes in their interrelations.

- (12) Vier hundert swertdegene die solden tragen kleit (30)
'Four hundred squires they should bear clothes'.
(13) dar sult ir mir helfen, vater Sigmunt! (60)
'There must you help me, father Sigmunt'.
(14) diu sol hie zen Hiunen gewaltec künnege sin (1169)
'she must (shall) here in the land of Hunns be a mighty queen'.

***Sollen* in quotative constructions in Early New High German**

As it can be seen from the examples above, the verb *sculan*, *suln* was used in OHG and MHG with Inf I. Grammaticalization of the quotative meaning parallel with the development of the construction *sollen* + Infinitive II was established as late as in Early New High German. It has been completed in the 16th century, as Gerd Fritz (1991) and Thomas Gloning (2001) have shown in their detailed analysis of several texts. According to their conclusions, it can be supposed that the development of quotative construction is connected with both grammatical changes and the working out of new genres and new styles: reports in newspapers, travel descriptions, different instructive texts, scholarly papers, e.g. on alchemy. The material considered by me confirms this hypothesis of Gloning and Fritz.

Whereas *sollen* + Inf. I can have different interpretations the chief meaning of *sollen* + Inf. II is typical of quotative modality. The following examples stem from the book by Siegmund (Sigismund) Freiherr von Herberstein diplomat, writer, and historian, most noted for his extensive writing on the geography, history and customs of Russia. His major work, a book written in Latin *Rerum Moscoviticarum Commentarii* (literally *Notes on Muscovite Affairs*) (1549), was then translated into German and published in Vienna in 1557 under the title *Moscovia der Hauptstat in Reissen*.

- (15) Als sy an den Nieper [Lateinisch Boristhenes] bey dem Flecken Orsa khamen / das ist 24 meil dißhalb Smolensco / auff jhener seyten des Niepers was des Moscoviters hör in 80000 (wie man sagt) starck /

die Littischen **sollen** nit meer dann 35000 darneben etlichs Veldgeschütz **gehabt haben** (84).

‘As they have come to the Dnepr [in Latin Boristhenes] near the place Orsa, that is 24 miles from Smolensk, on the other side of the Dnepr was the army of Muscovites of 80000 men (as it is said). The Lithuanians should, as is it supposed, have no more than 35000 men and several field canons as well’.

- (16) Vor etlich wenig Jarn **geschehen sein soldt** / Ain Moscovitischer ansehnlicher Khriegsman Michael Chisaletzkhy genant / der hat in ainer schlacht ainen nambhafften Tattern in die flucht bracht (259)
 ‘Several years ago it must be happened that a respectable Moscovite military man called Michael Chisaletzkhy put a famous Tatar to flight’.

In the utterances above historical data and even exact numbers are contained, but the author does not want to take responsibility for their correctness. The quotative modality corresponds here to the exact scientific style.

My further considerations are centred on a travel description of 16th century, where quotative constructions are used very frequently. This is the book by Daniel Ecklin “Reiß zum heiligen Grab” (“Trip to the Holy Grave”) first published in 1574. Already in 1575 followed the next edition, soon the book became popular and was edited many times.

The author of the book born in Aarau (Switzerland) in 1532, was an educated person, who supposedly studied at the reformed Academy in Bern. His parents possessed a pharmacy, and he planned himself to be a druggist, and just began to learn and to work in this field. He decided for a trip as a young man of 20 years, and his idea was firstly to go to Venice for studying. Later his study trip turned into adventure and then to a pilgrimage. He sailed from Venice to Cyprus, Tripoli, Aleppo, Alexandria, and Damascus, and reached Palestine in summer 1553.

Thus Ecklin was not a typical pilgrim. His goal was to see the world, and he tried to be objective in his travel description. The editor of the book, published after the early death of the author, aimed to objectivity as well. That is why several documents were included in the text: letters of recommendation for Ecklin, as well as chronological table concerning his life and his trip.

The frequent use of quotative constructions with *sollen* + Inf. II in this text is striking.

- (17) Die ein heißt Nicosia / die Griechen nennen sie Lefcosia [...] da **sollen** vorzeiten die König von Cypern jren sitz vnd hof **gehalten haben**.
 ‘One [city] is called Nicosia / Greeks call it Lefcosia [...] the kings of Cyprus are said here to hold their seat and throne’.
- (18) In der Statt Jerusalem zeigt man weiters ein hauß / **sol** des reichen Manns **gewesen sein** / der dem armen Lazaro die brösemlin versagt hat / die da fielen von seinem Tisch [...] Einen eck da drey weg zusammen kömen / da **soll** Simeon von Cyrenen **gezwungen sein** / Christo das creutz nachzutragen. Ein gwelb vber ein gassen / in welchen zwen stein eingemauret sind / auff dem einen sol Pilatus **gesessen sein** / vnnd auff dem andern Christus **gestanden** / als er verurtheilt ist worden
 ‘In the city Jerusalem a house is being further shown, it is said to belong to a rich man who refused to give to the poor Lazarus crumbs that had fallen from his table [...] A corner where three ways come together, here Simeon from Cyrene is said to be compelled to bear the cross after the Christ. An arch over a street, where two stones are bricked up. On one of them is said to have been sitting Pilatus, and on the other one Christ is said to be standing, as he has been sentenced’.

In both of these fragments, *sollen* + Inf. II constructions are used in descriptions of places of interest, especially those concerning Biblical history. The author tells us what he has heard, not taking responsibility for the story’s truth. In several cases quotative constructions are followed by an utterance explaining by lexical means the source of information or the lack of witness or possible reference to authority. In *da soll Simeon von Cyrenen gezwungen sein* a passive construction without Inf. II is used.

- (19) In der kirchē ist ein Creütz / daran vnser Herr Jesus Christus creutziget vnd gestorben / auch sein Blüt gossen / dz **soll** von S. Helena **auffgehaben vnd behalten sein worden**. Diß ward mir gezeiget für besonder vnd grosses heilthumb. **Wo hierinn kein trug** / halt ich es ja für ein grosses / das ich diß gesehen hab.
 ‘In the church there is a cross, where our Lord Jesus Christ was crucified and died, here he also shed his blood. It is said to be kept and preserved by St. Helena. It was shown to me as a special great sacred thing. If there is no deception, I think, it is great that I have seen it’.

- (20) Zu Antiochia **soll** auch Petrus der heilig Apostel das Bischofflich ampt lange jar **verwaltet haben** / **so wir Eusebio glauben geben**
 ‘In Antiochia Petrus, the holy apostle is said to have served as bishop during many years, if we’ll believe Eusebius’.

In the following example we find passive and Inf. I in quotative role, moreover, a rather rare quotative form with *werden*, followed by a phrase expressing the logical confirmation of the utterance possibility.

- (21) Bey diser Statt / in jrer gegne **sollē erschaffen sein** vnseren ersten Elteren / Adam vnd Eua / **so wurd** auch nit weit hieuo das jrdische Paradiß **gewesen sein** / **ist gleublich** von wegen der besunderbaren fruchtbarkeit / miltigkeit des Himmels vnd gesundem lufft
 ‘Near this city and in its environment our first parents Adam and Eve were said to be created; thus not far from it the terrestrial paradise is said to be; it is believable because of the peculiar fertility, mild heaven and healthy air’.

In several cases *soll* plus Infinitive I is used in the same meaning.

- (22) Dann wir horten daß es gar gûte / reiche vñ fruchtbare Inseln **solten sein** / da alles vberflüssig wüchse [...]
 ‘Then we have heard that it should be rich and fertile islands, where all would grow in plenty [...]’.

The conjunctive form of the verb (wüchse) also points to the reported speech.

As for other uses of *sollen*, deontic, epistemic or as imperative, they can also be found in the book being considered, but they are not numerous.

- (23) Damit wirs mit Candia enden / **sollen wir wissen** / daß der Heilig Apostel Paulus hierinn geprediget hat [...] Ein solche grosse freundschaft vnd gutthat widerfur mir von Tûrcken auff dē Berg Libano / die gewißlich einem nicht bald **begeggen sollte** an etlichen orten der Christenheit / ja von Christen selber.
 ‘To finish with Candia, we must know that the holy apostle Paul was preaching here. [...] I met here such a great friendship und goodness from Turks on mount Lebanon that would not occur for somebody in several places of Christianity, may even from the Christians themselves’.

In 23 there is an adhortative form with personal pronoun typical of Old- and Middle High German (cp. Schönherr 2010: 128), and an epistemic with broader semantics.

The quotative modality was a feasible way to express the intention of the author of the considered book. He was of course a religious person, but not a fanatic. He wanted to be objective, and we see in his book the description of adventures mixed with objective, almost scientific narration. He distinguishes between what he has seen himself and what was told to him, adding a little bit of scepticism.

Quotative modality and tense / aspect problems

All considered forms include the Infinitive II, or the Perfect Infinitive. Originally it conveyed a state in the present or often in the future:

- (24) si wolden Volkeren ze tode erslagen han (Nib., 1830)
 ‘They wanted to kill Volker’, literally: ‘to have Volker in the state of killed (in the future)’.

- (25) Du muost in schiere verloren han
 Literally: ‘you must him have lost soon’ (Behaghel 1924: 296–298).

On the interrelation between modality and aspectuality see, e. g.: Abraham 2001, Maché 2008.

An example from the popular book of the 16th century about Doctor Faust points also to the possible or desired action in the future.

- (26) Darumb seinen Geyst nicht ansprechen dörfft/ wie Er dann bej der jnsel Caucasj welche mit jrem Gipffel alle andere Vbertrifft / vermaint es **solt** jm **nicht gefelt haben** / Das Paradeiß zusehen
 ‘Because of this, he could not say to his spirit that he thinks of the island Caucasus, which is higher than all the others, probably not to miss seeing Paradise’.

The use of modals + Inf. II in MHG was possible, as we can see from the examples above, but these expressions were not frequent.

In NHG the verb *werden* became a marker of the future. *Werden* + Inf. II means the action that will be finished in future.

- (27) Nächstes Jahr um diese Zeit werde ich meinen Führerschein gemacht haben (exact future or Futurum II).
 ‘Next year, in this time I’ll have made my driving licence’.

In the cases considered above where the verb *sollen* received an evidential meaning and *sollen* + Inf. II was grammaticalized, the semantics of completed action typical of Inf. II remained.

The completedness of the action is in German not a usual meaning, and the Perfect does not express it now, especially in South German texts. Thus the grammaticalization of the construction with Futurum II leads to somewhat unusual verbal forms for German.

Conclusions

In all cases considered here, where the verb *sollen* with Infinitive II is used, it is stressed that the information conveyed is not based on the speaker's direct experience. In the examined texts the quotative constructions deal with the historical past and with completed action. In the 16th century, such grammatical forms were new; their grammaticalization was linked with the emergence of new genres of texts, e.g., travel descriptions. In the book by Daniel Ecklin, such forms are very frequent.

In Ecklin's book, two perspectives of narration can be observed: what the author / protagonist sees himself, his personal experience mostly described in the present or the perfect, and what was told to him about the history of the places he sees. These two levels are typical of pilgrims' reports.

My consideration confirms the research by Fritz, by Gloning, and several other Germanists, who have shown the development of quotatives in German.

An additional question arises in connection with quotative *sollen*: whether *sollen* + Inf. I can now and could in the past convey a quotative meaning. Of course it is possible: see example 4 and 24; there are many such examples in texts of different genres. When one says speaking of somebody: "Er soll in Berlin eine Kneipe betreiben" ('He should keep a bar in Berlin') it can mean 'according to what I have heard'. But this utterance can be understood in different ways according to context, to the semantics of lexemes and, as W. Abraham (2001) supposes, to the Aktionsart of the verb. The clear-cut grammatical category of quotative modality is connected only with Infinitive II.

Sources

- Ecklin/Schiendorfer: Daniel Ecklin. Reise zum heiligen Grab. Nach der Druckausgabe. Basel: Samuel Apiarius 1575. Transkribiert von Max Schiendorfer. Zürich 2009; http://www.mediaevistik.uzh.ch/downloads/Ecklin_Reisebericht_Online.pdf
- Das Volksbuch von Dr. Faust. um 1580. (14. Ein Disputation von Gewaltd des Teuffels). Bibliotheca Augustana http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/16Jh/Faustus/fau_df14.html
- Sigismund von Herberstein. Moscovia der Hauptstat in Reissen [...]. Wien. 1557. Wiedergabe der Transkription mit freundlicher Genehmigung von Prof. Dr. Frank Kämpfer http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/16Jh/Sigismund/sig_m000.html
- Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutscher Text und Übertragung. Hrsg. von Helmut Brackert. Fischer Taschenbuch Verlag. Frankfurt am Main. 1870. Bd. I und II.
- Hans Jakob Christoffel von Grimmelshausen: Galgen-Männlin <http://gutenberg.spiegel.de/buch/5253/1>

Literature

- Козинцева 1994 – Козинцева Н. А. 1994. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3. С. 92–104.
- Храковский 2007 – Храковский В. С. (ред.) Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: «Наука», 2007.
- Abraham 2001 – Abraham W. Modals: toward explaining the ‘epistemic non-finiteness gap’ // Modalität und Modalverben im Deutschen. Linguistische Berichte, Sonderheft 9. Hrsg. von Reimar Müller und Marga Reis. Hamburg: Helmut Buske Verlag. S.7–36
- Aikhenvald, Dixon 2003 – Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (ed.). Studies in Evidentiality. John Benjamins Publishing Company, 2003 (= Typological Studies in Language, 54).
- Axel 2001 – Axel K. Althochdeutsche Modalverben als Anhebungsverben // Modalität und Modalverben im Deutschen / hrsg. von R. Müller und M. Reis. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2001. S. 37–60.
- Behaghel 1924 – Behaghel O. Deutsche Syntax. Bd. II. Die Wortklassen und Wortformen. Heidelberg: Carl Winter’s Universitätsbuchhandlung, 1924.
- Chafe, Nichols 1986 – Chafe W., Nichols J. (eds.). Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Norwood, New Jersey: Ablex Publishing Corporation, 1986.
- De Haan 1999 – De Haan F. Evidentiality and epistemic modality: Setting boundaries // Southwest Journal of Linguistics. 1999. Vol. 18. P. 83–101. (www.u.arizona.edu/~fdehaan/papers/SWJL99.pdf, http://www.academia.edu/755475/Evidentiality_and_epistemic_modality_Setting_boundaries)
- De Haan 2001 – De Haan F. The relation between modality and evidentiality // Modalität und Modalverben im Deutschen / hrsg. von R. Müller und M. Reis. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2001. S. 201–216 (www.u.arizona.edu/~fdehaan/papers/lb01.pdf).

- Diewald 1999 – Diewald G. *Die Modalverben im Deutschen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999.
- Diewald, Smirnova 2010 – Diewald G., Smirnova E. *Evidentiality in German: linguistic realization and regularities in Grammaticalization*. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. (= Trends in linguistics studies and monographs; 228)
- Faller 2012 – Faller M. *Evidential Scalar Implicatures* // *Linguist and Philos.* 2012. Vol. 35. P. 285–312. DOI 10.1007/s10988-012-9119-8
- Fritz 1991 – Fritz G. *Deutsche Modalverben 1609 – epistemische Verwendungsweise* // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 1991. Bd. 113. S. 29–52.
- Gloning 2001 – Gloning Th. *Gebrauchsweisen von Modalverben und Texttraditionen* // *Modalität und Modalverben im Deutschen*. *Linguistische Berichte, Sonderheft 9* / hrsg. von R. Müller und M. Reis. Hamburg: Helmut Buske Verlag. S. 177–200.
- Krause 1997 – Krause M. *Zur Modalisierung bei Otfrid* // *Semantik der syntaktischen Beziehungen. Akten des Pariser Kolloquiums zur Erforschung des Althochdeutschen 1994* / Hrsg. Yvon Desportes Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1997. S. 92–106.
- Letnes 2008 – Letnes O. *Quotatives sollen und Sprecherhaltung* // *Modalität und Grammatikalisierung / Modality and Grammaticalization* / ed. by Letnes O., Maagerø E., Vater H. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier. S. 23–37 (= Fokus. Linguistisch-Philologische Studien 34).
- Mortelmans 2001 – Mortelmans T. *On the ‘Evidential’ Nature of the ‘Epistemic’ Use of the German Modals *müssen* und *sollen**. *Modal Verbs in Germanic and Romance Languages* // *Belgian Journal of Linguistics*. 2001. Vol. 14. P. 131–148.
- Narrog 2012 – Narrog H. *Modality, Subjectivity, and Semantic Change. A Cross-Linguistic Perspective*. Oxford University Press, 2012.
- Reichmann, Wegera 1993 – Reichmann O., Wegera K.-P. (Hrsg.). *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993.
- Schönherr 2010 – Schönherr M. *Modalität und Modalitätsausdrücke in althochdeutschen Bibeltexten. Eine korpusgestützte Analyse* // *Würzburger elektronische sprachwissenschaftliche Arbeiten*. 2010. Bd. 7.
- Traugott 1989 – Traugott E. C. *On the Rise of Epistemic Meanings in English: an Example of Subjectification in Semantic Change* // *Language*. 1989. Vol. 65. P. 31–55.
- Vater 2001 – Vater H. *Sollen und wollen – zwei ungleiche Brüder* // *Modalität und mehr / Modality and More* / ed. by Heinz Vater & Ole Letnes.) Trier: WVT, 2001. S. 81–100 (= Fokus 23).
- Vater 2004 – Vater H. *Zur Syntax und Semantik von Modalverben im Sprachvergleich* // *Modalität und Übersetzung – Modality and Translation*. Trier: WVT, 2004. S. 9–31 (= Fokus 29).

Larissa Naiditch. Quotative modality and its Occurrence in Early New High German. Evidence from texts of the 16th century

The paper deals with quotative modality, focusing on its grammar and semantics in the field of evidentiality, as well as its development in German. Constructions with the verb *sollen* + Infinitive II are examined. It is shown that the grammaticalization of such constructions took place as late as Early New High German. The considered material confirms the statement of Gerd Fritz and Thomas Gloning who supposed that the development of quotatives in German was linked to the emergence of new genres of texts in 16th century. Besides other examples, the paper contains detailed consideration of quotative utterances from the book by Daniel Ecklin “Reise zum heiligen Grab” (1575).

Keywords: quotative modality, evidentiality, German, Early New High German, *sollen* + Infinitive II, Daniel Ecklin “Reise zum heiligen Grab” (1575).

AN ETYMOLOGICAL MISCELLANY

В статье предлагаются новые этимологии для ряда древнегреческих слов, не получивших удовлетворительной интерпретации в недавнем словаре Р. Бекеса (ἄτερπνος, ἀφυσγετός, εἰαμένη, ἔστωρ, κόπις, κρημνός, πηρός, χρόνος).

Ключевые слова: этимология, индоевропейская реконструкция, микенский диалект древнегреческого языка, Гомер, Ивик, Гераклит, Никандр.

The publication of *Etymological Dictionary of Greek* (henceforth *EDG*) from the pen of Robert S. P. Beekes in 2010 provides an occasion to revisit the etymologies of some rare Greek words which have not yet received a satisfactory etymological explanation¹.

ἄτερπνος ‘insomniac, sleepless’: this word is transmitted only in the etymologica, where it is attributed to Stesichorus and Ibycus, e.g. Et. Gud. 1.225 (de Stefani): ἄτερπνος· οὕτως ὁ ἄγρυπνος παρὰ Ῥηγίνοις, ὡς καὶ παρ’ Ἰβύκῳ (fr. 328 *PMGF*) καὶ Στησιχόρῳ (fr. 251 *PMGF*). It is uncertain whether παρὰ Ῥηγίνοις in both lemmata should be trusted as a reference to the epichoric dialect of Rhegium or its metropolis Chalkis: it is just as likely that having encountered an unclear word in the text of Ibycus, the ancient scholars assumed that it came from the vernacular of the poet’s native city². At the same time, the absence of παρὰ Ἱμεραίοις may be significant, and the

¹ It is not the purpose of the present article to discuss the merits of *EDG* (which I intend to do elsewhere). I would, however, like to mention that classical scholars who are unsure whether *EDG* has now replaced Chantraine and Frisk and are seeking a specialist’s evaluation of this new research tool, find themselves in an unfortunate situation: the reviews of the dictionary that have appeared in mainstream classical journals do not always inform the reader about some unfortunate aspects of the book (George 2011 and Simkin 2011 are broadly positive; Beckwith 2012 is lukewarm). For a much more sobering assessment of *EDG* interested classicists should go to journals that may lie outside of their purview and consult Blanc 2011, Meissner 2011 and Schmitt 2010 along with the remarks by Katz 2010: 35. *Fazit*: scholars concerned with etymological research will still need to consult Chantraine (and Frisk, for that matter, and plenty else).

² One should also bear in mind that in antiquity the language of Ibycus’ poetry was largely identified with the dialect of Rhegium (see Ucciardello 2005: 64–83).

attribution to Stesichorus may not rest on any textual witness whatsoever³: the two major poets of Magna Graecia are often combined in the ancient lexicography⁴. The case for seeing ἄτερπνος as a genuine fragment of Ibycus looks stronger; sleeplessness being a classic erotic symptom, the word would be quite at home in one of Ibycus' love songs.

In the *EDG* the word is listed under τέρπομαι (as “uncertain”), but it is unlikely that ἄτερπνος has anything to do with τέρπνός, since the leap from ‘un-delightful’ to ‘wakeful’ is too significant to make such a relationship plausible. A new solution is called for.

The action most commonly associated with sleeplessness is tossing and turning around, which is exactly what we find in the description of Achilles' tormented insomnia after the funeral of Patroclus (*Il.* 24.5: ἐστρέφετ' ἔνθα καὶ ἔνθα “he tossed from one side to the other”); a similar agitation is experienced by Odysseus, as he is inventing ways to avenge the suitors (*Od.* 20.24–28: ἀτὰρ αὐτὸς ἐλίσσετο ἔνθα καὶ ἔνθα “but he himself tossed to and fro”)⁵. By contrast, Endymion's proverbially deep sleep is called ‘unturning’ by Theocritus (3.49): ἄτροπον ὕπνον ἰαύων. This seems to provide a fitting semantic motivation for a word meaning ‘sleepless’: ἄτερπνος may be connected with the well-attested Indo-European root **terk^w*- ‘to turn’ (*LIV* 635), continued in Latin *torquēre* ‘to twist, to turn’, Sanskrit *tark-* ‘to turn’, Tocharian AB *tärk-* ‘to twine’, and Hittite *tar(k)u-*^{z1} ‘to dance’⁶. As a compound with intensifying ἄ-, Proto-

³ The attribution to Stesichorus has been doubted before, most recently by Cingano 1990: 201–2.

⁴ For instance, Hsch. β 1226 Latte: βρυαλίκται· πολεμικοὶ ὀρχησταί· ‘μενέδουποι’ Ἴβυκος καὶ Στησίχορος (“performers of a war-dance, steadfast in the battle-din”; Ibyc. fr. 335, Stesich. fr. 258) or Sch. Pi. *O.* 9.129 (p. 297 Drachmann): οἱ δὲ περὶ Ἴβυκον καὶ Στησίχορον χάρμην τὴν ἐπιδορατίδα φασίν (Ibyc. fr. 340, Stesich. fr. 267). We even find speculations about a personal connection between the two poets (e.g. Him. *Or.* 69.38–41 Colonna = Ta 29 Ercoles).

⁵ For insomnia in Homer see the discussion by Minchin 1985.

⁶ Greek evidence for the root **terk^w*- is limited to the Cypriote gloss εὐτρώσσεσθαι· ἐπιστρέφεσθαι (Hsch. ε 7253), which seems to go back to **trk^w*-*ié/ó-* (Egetmeyer 2010: 124, 464), and Mycenaean forms such as instr. sg. *to-qi-de* (PY Ta 642.3+) ‘spiral’ (viz. *ltork^wid-ēl*). The reflexes of the root **terk^w*- in Greek seem to have been gradually assimilated by those of the root **trep-* with a similar meaning ‘turn, revolve’; in particular, an early contamination of the two roots may explain the much-discussed hapax *to-ro-qe-jo-me-no ltrok^weíomenos* (PY Eq 213.1) ‘touring, inspecting’ (the expected counterpart of Latin *torqueo* would have been **to-qe-jo-me-no*

Greek **á-terk^w-(m)no-* would be expected to mean ‘turning around much’, hence ‘wakeful’.

ἄφυσγετός ‘mud and rubbish which a stream carries with it, drift wood’ (EDG: “etymology unknown”). The word is attested once in the Iliad (11.495), once in Oppian (H. 1.779) and two times in Nicander (Al. 342, 584). The meaning and derivational structure of the word must have become opaque quite early, and at least Nicander clearly connected it with the verb ἀφύσσω ‘to draw liquids’ (see Jacques 2007 ad loc.). However, as Vine 1998: 15 n. 23 observed, this derivation poses numerous formal and semantic difficulties.

Since the word basically means debris, I propose to analyze it as a determinative privative compound, the second member of which, ^(*)φυσγετός can be derived from the IE root **b^heuǵ-* ‘to make use of’ (LIV 84: Vedic *bhunákti* ‘utilizes, exploits, enjoys, Latin *fungor* ‘perform, discharge, execute’). For the phonetic development of **b^huǵ-ske/o-* > **φύσγω* one might compare **mig-ske/o-* > *μίσγω*. As a deverbal stem with the characteristic “gerundivish” semantics (see Vine 1998) ἄφυσγετός can be translated ‘unusable’, hence ‘useless stuff, garbage’.⁷

εἰαμενή ‘meadow’ is attested twice in the Iliad (4.483; 15.631) and goes out of use until its revival in Hellenistic poetry; the etymological dictionaries are agnostic as to its origin (EDG 379: “probably Pre-Greek”). There is also an apparently synonymous word ἱαμνος, found four times in Nicander’s *Theriaca*.⁸ εἰαμενή and ἱαμνος have been considered variants of the same word, but all attempts to reconcile one with the other have been unsuccessful.

Itork^w eiomenos!; on the Mycenaean form see Казанский–Казанскене 1986: 139, 149; Aura Jorro 1993: 366–367; Meissner 2013: 5; several scholars have interpreted *to-ro-qe-jo-me-no* as a form of στρέφω). The final consonant of τρέπω, τροπέω and related forms (including the adjective ἄτροπος “unturning”, mentioned above) goes back to Proto-Indo-European **p-*, cf. Hittite *teripzi* (< **trep-ti* with epenthesis), Latin *trepit* “vertit” (Paul. Fest. p. 367 M.), and Sanskrit *trapate*; the root **trep-* does not have a variant **terp-* and a connection between ἄτερπνος and τρέπω is unlikely.

⁷ There probably is no connection with φύσγων ‘pot-belly’ found on a Corinthian pinax of the mid-sixth century BCE (IG IV.322: Φύσγων[ν]), as well as in Alc. 129.21 (Voigt and Liberman print φύσκων, but see Specht 1943 and Pisani 1948). Wachter 2001: 143 connects φύσγων to German *Bauch* (IE **b^huǵ^(s)*?).

⁸ For the meaning see Finzenhagen 1939: 117–118; Robert 1980: 11–15.

It is possible, however, that we are dealing with two different words. Lukaszewicz 1998 plausibly argued that ἵαμνος, used by Nicander in a description of Egypt (*Th.* 200), is a borrowing from Egyptian, compare Eg. *ym*, Copt. Ⲅⲓⲟⲙ / ⲓⲟⲙ ‘water; sea; basin’.⁹ If ἵαμνος ‘watery meadow’ is unrelated to εἰαμενή, one may attribute such glosses as εἰαμενάς τοὺς καθύγρους τόπους (Sch. Ap.Rh. 2.818 p. 189 Wendel) to a later contamination between two similar-sounding words and then venture to reexamine the etymology of εἰαμενή on its own terms.

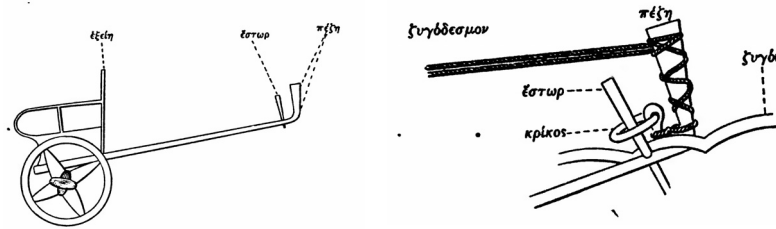
The word was clearly poetic, and the initial εἰ- is best taken as metrical lengthening of original *ἔαμενή. Now, in Homer the word refers to a pasture: αὐτὰρ ὃ γ’ ὥς τε λέων ὀλοόφρων βουσὶν ἐπελθὼν // αἶ ῥά τ’ ἐν εἰαμενῇ ἔλεος μεγάλοιο νέμονται (*Il.* 15.630–1). It is therefore suggested that *ἔαμενή may be compared to Vedic (*ā-/sū-*)*yávasa-* ‘pasture’, *gáv-yūti-* ‘cow pasture’ for the root of which Schindler *apud* Krisch 1996: 28 n. 54 proposed a reconstruction **h₁jeu_h-* ‘to graze’.¹⁰ Since the quality of neither laryngeal can be determined on the basis of Vedic alone, Schindler’s reconstruction can be revised to **h₁jeu_h₂-* > Greek **heua-*.

One can further theorize that in Greek there was a verb *ἔφαμι ‘to put (cattle) to feed in a pasture’, *ἔφαμαι ‘to feed on grass’ (intr.); its middle participle *ἔφάμενος, -ᾶ, -ον would mean ‘that which is grazing, feeding on grass’, hence ‘cattle’. This originally participial form underwent an accent shift comparable to that found in ἀσφόδελος ‘asphodel’ → ἀσφοδελός (λειμών) ‘meadow with asphodels on it, flowery meadow’: similarly, *ἔαμενή (ποίη / βοτανή) ‘grassy meadow with cattle grazing on it’, hence ἐ(ι)αμενή ‘pasture, meadow’.

ἔστωρ ‘peg at the end of a chariot pole, yoke fastening’ (*EDG* 472: “unexplained”). This word is found only in the *Iliad* (24.272) and in Aristobulus’ account of the Gordian knot, quoted by Plutarch and Arrian (*FGH* 139.7ab); descriptions of ἔστωρ in these texts match its representations on Attic black-figure pottery (Beazley 1956: 332; see also Bosworth 1980: 187). There thus is some measure of certainty that ἔστωρ denotes a pin passing through both pole and yoke, keeping the yoke firmly in position on the pole, see the drawings below (source of the drawings: Leaf 1902: 624):

⁹ The Egyptian word itself is a loanword from Semitic **yamm*, see Vycichl 1983: 63.

¹⁰ Arguing against Forssman 1987; see also *EWAia* 1.481.

In my opinion ἔστῶρ should be connected to ἔθμοι· δεσμοί (Hsch.) and further to IE **med^h*- ‘tie together’: Gothic *gawidan* ‘συζευγνύναι’, Welsh *gwedd* ‘yoke’, perhaps Sanskrit *vivadhā-* ‘a shoulder-yoke for carrying burdens’ (IEW 1116–7)¹¹. Initial aspiration will be regular in the reflex of IE **med^h-tor-* > PGk. **mes-tor-* by the so-called ἵστῶρ-rule (see Nussbaum 1998: 139–40 n. 146).

κόπις, -ιδος ‘glib talker’ (LSJ Suppl. 1996) is only attested a few times in Greek literature: we find it in Euripides’ *Hecuba* 132, in Heraclitus fr. 18 Marcovich, and in Lycophron’s *Alexandra* 763, 1464 (Lycophron no doubt was drawn to this word by its rarity).

A connection with κόπτω ‘strike’, κόπος ‘beating, fatigue’ was made already in antiquity; it was adopted by all modern etymological dictionaries, including EDG. Under this theory κόπις would either be a hypocoristic of a compound like δημοκόπος ‘demagogue, one who is hitting the ears of the public’ (so Fick 1876: 176) or an original *i*-stem *nomen agentis* ‘one who hits/wearies (by lying)’ (so Solmsen 1909: 162). But how plausible this really is? The required semantic leap from ‘hit’ to ‘lie’ seems a bit drastic: after all, κόπις refers solely to speech (cf. κόπις ὁ λάλος Sch. ad Eur. *Hec.* 133).

I submit that κόπις may belong instead to the root **kep-* (LIV 327) continued in Vedic *śap-* ‘to curse’ and perhaps in Hittite *kappilai-* ‘to be aggressive, pick a fight’, *kappilalli-* ‘enemy’ (first compared to *śap-* by Eichner 1979: 61). Under this theory the Proto-Indo-European root **kep-* referred to various kinds of foul speech, including cursing and lying.

κρημνός ‘steep incline’¹²: Beekes is justified in his rejection of the traditional comparison with κεράννυμι¹³, but he does not offer a better solution (EDG 777: “remains unexplained”). A plausible

¹¹ The evidence has been assembled by Lagercrantz 1898: 273.

¹² Perhaps already Mycenaean, depending on the interpretation of *o-pi-ke-re-mi-ni-ja*.

¹³ See e.g. Deroy 1976: 294; this solution was adopted in *Lfgre*.

comparandum seems to be available in isolated Slavic **stromъ* / **strъmъ* ‘steep’ which may continue **krómo-* (with *t*-epenthesis): Old Church Slavonic *сѣръ/ъмоглавъ* ‘κατὰ κεφαλῆς’, Old Russian *сѣръ/ъмъныи*, Serbo-Croatian *střm*, Czech *strmý*, Polish *stromy* ‘steep’ and derivatives, such as Russian *стремить(ся)*¹⁴.

πηρός ‘infirm, invalid, blind, lame’: despite Mawet 1979: 68, comparison with **πημα** is rendered highly problematic by the dialectal forms with *-ā-* (Cretan **πᾶρώ**, Lesbian **πᾶρος** Alc. 10.4 V.).

This word may instead be compared to Hittite and Luvian *paḫḫiya-* ‘to beat, to harm’, Cuneiform Luvian *paḫḫit-* ‘beater, whisker’¹⁵. Under this analysis **πηρός** would continue **peh₂-ró-* ‘beaten, maimed’; for a full-grade adjective with the suffix **-ro-* and a passive meaning one may compare e.g. **g^heh₁-ró-* ‘left behind’ → **χήρα** ‘widow’.

χρόνος ‘time, period of time’ (EDG 1651: “etymology unknown”): in my opinion this notoriously recalcitrant word can be analyzed as a derivative from the IE root **g^her-* ‘early time’, reconstructible on the evidence of Hittite *karū* ‘formerly; already’, Hieroglyphic Luvian *ruwan* ‘formerly’, as well as Slavic **zarja* ‘dawn’ and Old Norse *grýjandi* ‘dawn’, Old Swedish *gry* ‘to dawn’¹⁶.

According to Beekes, “a suffix **-ono-* does not seem to have existed in Indo-European or in Greek” (EDG 558); this is, strictly speaking, correct, but the problematic sequence *-ovo-* can be analyzed in other ways. While decomposition is unlikely (compounds with *-χρονος* are posthomeric), one might entertain the possibility of simple (viz. non-functional) thematization of **χρών*, gen. **χρονός*. Such an *n*-stem would be exactly parallel to other *n*-stems denoting periods of time (Greek **αἰών** ‘lifetime’, Avestan *xšāpan-* ‘night’, etc.)¹⁷.

¹⁴ While the alternation *o* / *ъ* in the root is not immediately clear and requires some auxiliary assumptions, this problem seems to be inner-Slavic.

¹⁵ The verb is not well attested in Hittite and Luvian, and Puhvel 2011: 3–4 construes the *Averbo* on the basis of verbal nouns alone, while Kloekhorst 2008: 613 takes a more cautious approach. (Puhvel’s etymological comparison to **παίω** is phonetically difficult: **p(e)h₂ie/o-* would give Greek **παε/ο-* / **πεε/ο-*).

¹⁶ See Čop 1971: 5–6. Čop’s Anatolian-Germanic connection is widely accepted (e.g. Puhvel 1997: 114; Kloekhorst 2008: 458).

¹⁷ These formations have been analyzed as based on locatives with a suffix **-en-*: see Николаев 2010: 42–3 with references.

References

- Казанский–Казанскене 1986 – Казанский Н. Н.; Казанскене В. П. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л.: Наука, 1986.
- Николаев 2010 – Николаев А. С. Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб.: Наука, 2010.
- Aura Jorro 1993 – Aura Jorro F. Diccionario micénico. T. 2. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto de Filología, 1993.
- Beazley 1956 – Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase Painters. Oxford: Clarendon Press, 1956.
- Beckwith 2012 – Beckwith M. Review of Beekes 2010 // *Classical World*. 2012. Vol. 105. P. 558–560.
- Beekes 2010 – Beekes R. S. P. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Blanc 2011 – Blanc A. Review of Beekes 2010 // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 2011. T. 106. Fasc. 2. P. 177–199.
- Bosworth 1980 – Bosworth A. B. *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Volume 1: Commentary on Books I–III*. Oxford: Clarendon Press, 1980.
- Cingano 1990 – Cingano E. L'opera di Ibico e di Stesicoro nella classificazione degli antichi e dei moderni // *A.I.O.N (Sezione filologico-letteraria)*. 1990. T. 12. P. 189–224.
- Čop 1971 – Čop B. *Indogermanica Minora. I: K anatolskim jezikom*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1971.
- Deroy 1976 – Deroy L. Le problème d'ῶπι et d'ἐπί en grec ancien // *Živa Antika*. 1976. T. 26. P. 265–300.
- Egetmeyer 2010 – Egetmeyer M. *Le dialecte grec ancien de Chypre. T. I: Grammaire*. Berlin; New York: de Gruyter, 2010.
- Eichner 1979 – Eichner H. Hethitisch *gēnuššuš, ginušši, ginuššin* // *Hethitisch und Indogermanisch: Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens* / Hrsg. von E. Neu, W. Meid. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1979. S. 41–62.
- EWAia* – Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I–II. Heidelberg: Winter, 1986–1994.
- Fick 1876 – Fick A. *Die namenartigen Bildungen der griechischen Sprache* // *Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik*. 1876. Bd. 9. S. 165–198.
- Finzenhagen 1939 – Finzenhagen U. *Die geographische Terminologie des Griechischen*. Inaugural-Dissertation, Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin. Würzburg-Aumühle: Triltsch, 1939.
- Forssman 1987 – Forssman B. Vedisch *āyavasa* // *Festschrift for Henry Hoenigswald* / Ed. by G. Cardona, N. H. Zide. Tübingen, 1987. S. 115–119.
- George 2011 – George C. Review of Beekes 2010 // *New England Classical Journal*. 2011. Vol. 38. P. 49–52.

- Jacques 2007 – Jacques J.-M. Nicandre: Œuvres. T. 3: Les Alexipharmques. Paris: Les belles lettres, 2007.
- Katz 2010 – Katz J. T. Nonne lexicologica multiplicanda sunt? // Classical Dictionaries: Past, Present and Future / Ed. by C. Stray. London: Duckworth, 2010. P. 25–48.
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. Etymological Dictionary of Hittite Inherited Lexicon. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Krisch 1996 – Krisch T. Zur Genese und Funktion der altindischen Perfekta mit langem Reduplikationsvokal. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996.
- Lagercrantz 1898 – Lagercrantz O. Griechische etymologien // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1898. Bd. 35. S. 271–291.
- Leaf 1902 – Leaf W. The Iliad. Vol. 2: Books XIII–XXIV. 2nd ed. London: Macmillan, 1902.
- LIV – Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen / Hsrg. von H. Rix, M. Kümmel et al. 2nd ed. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2001.
- Lukaszewicz 1998 – Lukaszewicz A. Les ἱαμνοί de l'Égypte // The Journal of Juristic Papyrology. 1998. Vol. 38. P. 79–84.
- Marcovich 1967 – Marcovich M. Heraclitus: Greek Text with a Short Commentary. Editio maior. Mérida: Los Andes University Press, 1967.
- Mawet 1979 – Mawet F. Recherches sur les oppositions fonctionnelles dans le vocabulaire homérique de la douleur (autour de πῆμα – ἄλγος). Bruxelles: Académie royale, 1979.
- Meissner 2013 – Meissner T. Forschungsbericht: Griechische Etymologie // Kratylos. 2013. Bd. 58. S. 1–32.
- Minchin 1985 – Minchin E. The Sleeplessness Theme at Iliad 24, 1–18: A Study of Function and Form // Parola del Passato. 1985. T. 40. P. 269–275.
- Nussbaum 1998 – Nussbaum A. J. Two Studies in Greek and Homeric Linguistics. Göttingen: Vandenhoeck und Rupprecht, 1998.
- Pisani 1948 – Pisani V. Φύσγων, Acme. 1948. T. 1. P. 292.
- Puhvel 1997 – Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 4: *Words beginning with K*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1997.
- Puhvel 2011 – Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 8: *Words beginning with PA*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2011.
- Robert 1980 – Robert L. A travers l'Asie Mineure. Poètes et prosateurs, monnaies grecques, voyageurs et géographie. Paris: Boccard, 1980.
- Schmitt 2010 – Schmitt R. Review of Beekes 2010 // Gymnasium. 2010. Bd. 117. S. 608–611.
- Simkin 2011 – Simkin O. Greek Etymology // Classical Review. 2011. Vol. 61. P. 1–3.
- Solmsen 1909 – Solmsen F. Beiträge zur griechischen Wortforschung. Bd. 1. Strassburg, 1909.
- Specht 1944 – Specht F. Aeol. φύσγων? Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1944. Bd. 68. S. 150.
- Ucciardello 2005 – Ucciardello G. Sulla tradizione de testo di Ibico // Lirica e teatro in Grecia: il testo e la sua ricezione. Atti del II Incontro di Studi Perugia // Ed. S. Grandolini. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 2005. P. 21–88.

- Vine 1998 – Vine B. Aeolic ὄρπετον and Deverbative *-éto- in Greek and Indo-European. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 1998.
- Vycichl 1983 – Vycichl W. Dictionnaire étymologique de la langue copte. Leuven: Peeters, 1983.
- Wachter 2001– Wachter R. Non-Attic Vase Inscriptions. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Alexander Nikolaev. An etymological miscellany

The purpose of this contribution is to offer novel etymologies for several Greek words, whose origin is labeled unknown in the recent *Etymological Dictionary of Greek* by Robert Beekes (ἄτερπνος, ἀφυσγετός, εἰάμενή, ἔστωρ, κόπις, κρημνός, πηρός, χρόνος).

Keywords: etymology, IE reconstruction, Mycenaean dialect of Greek, Homer, Ibicus, Heraclitus, Nicander.

О ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШЕГО СЛОЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Некоторые мифы в индоевропейской мифологии отражают поворотные моменты истории. Попытки датировать их правомерны. Сравнительно-типологический анализ двух изображений Мирового древа у коренного народа Сибири – долган – и на рисунке в пещере Ляско (Дордонь, Франция, 17 тыс. до н. э.) позволяет определить *terminus ante quem* для первой модели мира. Анализ второй модели мира в двух идентичных сюжетах о сотворении мира у «пеласгов» и у финноязычных народов позволяет установить *дату расхождения вариантов мифа и предков этих народов* 12–10 тыс. до н. э. Мифологемы «Космическое яйцо», «Волчий бог», «Лук и стрелы» зафиксированы в мифологии, фольклоре и эпосах народов уральской, алтайской и индоевропейской семей; образуют древнейший слой их мифологии и датируются 12–10 тыс. до н. э. Данные мифологии наряду с данными археологии и лингвистики позволяют локализовать ареал первых контактов уральцев, алтайцев и предков праиндоевропейцев в Восточной Европе, что дополняет археолого-лингвистические гипотезы об индоевропейских прародинах.

Ключевые слова: космогонические мифы, хронология, индоевропейская история

Мифы отражают разный исторический опыт этноса, трактуемый субъективно. Тем не менее любая информация (историко-культурная, историко-социальная и др.), извлекаемая из мифа, считается исторической. Но миф без хронологического статуса, по определению, не может быть источником событийной истории. Историческим источником в точном значении этого слова могут стать только некоторые мифы при условии установления их связи с конкретно-исторической ситуацией. В этом случае они могут быть встроены непосредственно в мировой исторический процесс. На фоне фундаментально разрабатываемого направления в мифологии путем выявления ареалов фольклорных мотивов и путей их миграции (Березкин 2007; 2013) правомерна и постановка задачи о времени создания мифа. Предположение о существовании общего источника для сходных неконвергентных мифологических сюжетов, который отражает принадлежность его создателей/обладателей к конкретному

периоду общей истории, является объективной отправной точкой в нашем исследовании.

Число мифов, хронологическая позиция которых может быть установлена, ограничено. Знаковые общие периоды в поворотные моменты первобытной истории, охватывающие этнические общности разного масштаба и генезиса, отразились, по нашему мнению (Николаева 1999), в мифах космогонических, теогонических, календарных, так и в мифах о великих достижениях человечества, а именно в мифах о Мировом древе, Космическом яйце, Луке и стрелах; о Волчьем боге и в ряде других (МНМ 1992; Березкин: каталог), не разбираемых в данной статье, но которых мы касаемся в других своих работах (Николаева 1999; 2003: 2011).

Датировать миф, исходя из его внутреннего ресурса, невозможно, поэтому требуется привлечение наук, у которых есть свои независимые методы абсолютной хронологии. Это, прежде всего, археология с естественнонаучными методами датирования и историческая лингвистика с лексико-статистическим методом. Сравнительно-типологический метод позволяет выделить в сходных сюжетах мифологемы, а сравнительно-исторический метод позволяет объяснить причины возникновения общей мифологемы в мифологии разных народов.

В этой статье мы остановимся на древнейших сюжетах индоевропейской мифологии, возникших раньше самого индоевропейского языка. (Сафронов 1989; Николаева 2010: 58–72; Николаева 2011: 204–216)

Первая мифологема «Древо мировое» (Д. м.) (МНМ: 398 и сл.; Березкин: Каталог G6 «Перводерево») присутствует в мировоззренческих системах народов мира, в том числе и индоевропейских народов, а потому, без особых доказательств, может считаться древнейшим архетипом в индоевропейской мифологии. Чтобы доказать его универсальность и определить хронологическую глубину, следует уточнить, что Д. м. – *не просто дерево, но трехчастная модель мира, материализуемая, в частности, в образе дерева, и существование другой формы этой модели – не повод отрицать универсальность самой модели*¹.

¹ Близкой формулировки придерживается Ю. Е. Березкин: «Мировое древо – это вертикальная ось в воображаемой картине мира, связывающей несколько ярусов мироздания». Хотя всей своей статьей автор опровергает универсальность концепта, он локализует этот сюжет

Попытки определить время создания этого мифа предпринимались, но исследователи ориентировались на самое раннее упоминание его в письменных источниках и датировали его концом IV–III тыс. до н. э. (Топоров 1991: 398–406). Сравнительно-типологическое обозрение мифов народов мира с подобным содержанием свидетельствует уже *a priori* об универсальности мифологемы Д. м.², и этот факт подтверждается датировкой этого мифа (Николаева 1999: 14–61).

Наиболее архаичными следует признать мифы австралийцев о Д. м. Типологически они соотносятся с тотемическими (Мелетинский 1992: 29–30), что указывает на особую их древность. Они примитивны: функции Д. м. расплывчаты, нечетко сформулирован Нижний мир, еще нет богов; осуществляют связь между мирами тотемы. Кроме того, Д. м. австралийцев вбирает в себя несколько функций (объяснение космических явлений – фазы луны, заход и восход солнца, смену времен года), которые в более поздних вариантах Д. м. разделяются. Австралийский миф о Мировом древе следует датировать началом позднего палеолита, поскольку принесшие его с собой сапиенсы второй волны, появившись около 40 тыс. лет до н. э. в Австралии (Березкин 2013: 273), были затем изолированы от внешнего мира, в связи с подъемом уровня Мирового океана при переходе от плейстоцена к голоцену и исчезновением «сухопутных» мостов сообщения с Азией. Изоляция продлилась вплоть до открытия и освоения этого материка в XVIII в. европейцами.

Миф о Д. м. у индейцев Америки датируется концом палеолита (15–10 тыс. лет), исходя из времени заселения Америки из Северной Евразии, из Сибири (Березкин 2013: 9–10).

Учитывая уникальные условия изоляции австралийцев, медленную эволюцию их культуры, а также 10-тысячелетнюю изоляцию населения Американского континента с исчезновением Берингии (Березкин 2007; 2012), оба варианта мифа о Д. м. дают представление об исходном варианте общепланетарного мифа о Мировом древе, который видоизменяется у каждого народа (Николаева 1999: 38).

сначала на юге, датируя появление этого образа верхним палеолитом, а нижнюю границу определяет временем заселения Америки концом плейстоцена-ранним голоценом (Березкин 2012: 3, 5, 10, 14).

² По мнению одних ученых (Топоров 1992: 398) Мировое древо – универсальная мифологема, но этот тезис не поддерживается рядом других ученых (Березкин 2012: 14; Напольских 2012: 19).

Индоевропейские мифы о Д. м. не дают аргументов в пользу столь раннего датирования этого образа, но имеют между собой черты сходства и различия, фиксирующие существование промежуточных союзов индоевропейцев в процессе распада их общности³.

Мифы о Д. м. у народов Северной Евразии, исходные для американского, малоинформативны с точки зрения независимого датирования рассматриваемой мифологемы, но служат важным источником для определения семантики палеолитического объекта как изображения Д.м. и красноречивым дополнением к тезису об универсальности мифологемы Д. м.

Речь идет об известном, но непонятом исследователями рисунке в виде шеста, (сломанного пополам, с двумя косыми перекладинами и с Птицей на вершине), обнаруженном в пещере Ляско (поздний палеолит, солютрейско-мадленская эпоха, 18–15 тыс., Дордонь, Франция) (рис. 1 а). Без прямых аналогий этому объекту можно было только строить предположения о его семантике. Так, исходя из содержания рисунка (рядом с шестом лежит умирающий охотник, раненый бизоном), можно было допустить, что на этом рисунке изображено Древо жизни как вариант Мирового древа, поскольку нарушение целостности стержня недвусмысленно связано с уходящей жизнью охотника. Эта «картина» уникальна, и ей нет пока аналогов в палеолитической живописи.

Рис. 1а

³ В описании Д. м. в «Энеиде» (Вергилий: Кн. 6, стк.135–142, 202–211, 406, 409, 635) и Д. м. в славяно-русском фольклоре (Афанасьев 1868: 294) особое сходство выражается в детали «золотая ветвь», что объяснимо, учитывая обособление праславян и италиков в группе «древнеевропейцев», северной ветви, отделившейся в середине 4 тыс. до н. э. от южной части праиндоевропейской общности (Сафронов 1989; Николаева 2011).

Полную и уникальную аналогию этому объекту в Ляско можно видеть в культовых предметах у коренного или одного из древнейших народов Сибири – долган. Последние представляют собой устоявшуюся, каноничную форму изображения Мирового древа (деревянные шесты с двумя косыми перекладинами, увенчанные птицей, закрепленные на плоскости деревянных подносов (МНМ: с. 399) (рис. 1 б). Учитывая типологическое сходство и особую древность долган⁴, уходящую в эпоху позднего палеолита, можно считать рисунок шеста, увенчанного птицей, в пещере Ляско идентифицированным и древнейшим изображением Мирового древа, датируемым 18–15 тыс. до н. э.⁵

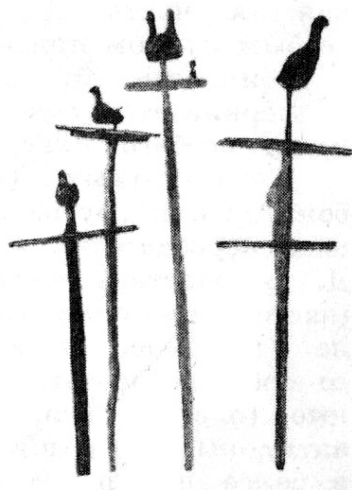

Рис. 16

⁴ Этноним и язык долган – метисный, связанный в разной степени и с уральскими, и с алтайскими, и с палеоазиатскими языками. Долганский язык относят к тюркским языкам (ЛЭС 1990: 138), но долганы как один из тунгусских родов принадлежали к другой ветви алтайской семьи, и хотя вошли в состав якутов, они рассматриваются и как отдельный народ со своей культурой и языком, имевший культурно-политические контакты с юкагирами. (Ушницкий: 127; Бахтин 2004). Юкагиры – древнейший народ Северо-Востока Сибири. Его язык относят и к палеоазиатским языкам (О. А. Мудрак), и к уральским (Е.А. Хелимский).

⁵ Следует упомянуть альтернативное мнение «об отсутствии образа Древа мирового в знаковых системах верхнепалеолитической живописи» (Топоров 1991: 399).

Следует отметить, что ни у кого не вызывает сомнения трактовка в качестве Д. м. вполне реалистических рисунков дерева, около которого помещаются самые разные объекты и персонажи (рис. 2). Включение Д.м. в такие композиции подчеркивает их сакральный смысл и более глубокую древность этого архетипа сравнительно, например, с мифологемой «Великая богиня», что подтверждается и письменными источниками (текст «Инанна и дерево Хулуппу» – Афанасьева 1979: 85–92, 105, 110).

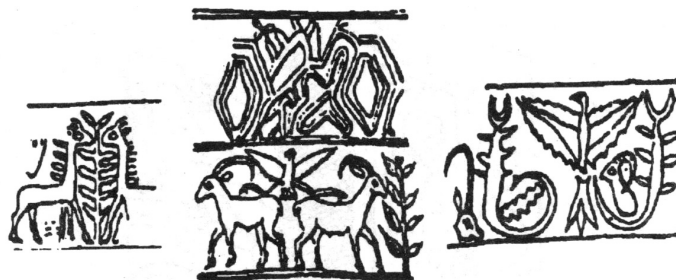

Рис. 2

На основании этих данных можно говорить, что представления о строении мира сформировались у *Homo sapiens* не позднее 40 тыс. лет назад и на протяжении тысячелетий сохранялись в обрядах, фольклоре у народов мира, в том числе и у индоевропейских народов (Николаева 1999: 57), таким образом, составляя древнейший пласт их религии.

Вторая мифологема «Космическое яйцо» (К. я.) (МНМ, т. 2: 681) имеет более локальный характер, чем предыдущая, но сюжет о сотворении мира из Яйца известен в мифологии ряда индоевропейских и неиндоевропейских народов, в том числе у «пеласгов» или фрако-пеласгов, догреческого индоевропейского населения Балкан⁶, и у финноязычных народов (Березкин: каталог В 79 «Космическое яйцо»). Но сравнение только двух

⁶ Пеласги, по Ю. В. Откупщикову (1988: 43), – народ, говорящий «на варварском» языке, непонятном грекам (Hdt. I 57, 58, II 50–52), живший на Северных Балканах рядом с тирсенами, чресполосно с фракийцами. Сторонники историчности пеласгов указывают на родство пеласгского языка с фракийским и употребляют этноним «фрако-пеласги» (Георгиев, Дечев, Гиндин; см. дискуссию Откупщиков 1988: 27). Возможно, не случайно, что наиболее полно «пеласгический» миф творения передан в песне *фракийца* Орфея (Apoll. Rhod. I, 501–504).

наиболее близких текстов – первая руна эпоса «Калевала» и «пеласгический» миф, воссозданный по фрагментам, сохранившимся в античных источниках (Грейвс 1992: 15–17; Apoll. Rhod., I, 500–504; Tzetz: 1191) – позволяет сделать вывод об их полной тождественности в деталях, исключающих конвергентность, и вывести на этом основании *дату расхождения этих вариантов*⁷.

К этим особым деталям относятся общие персонажи: богиня-Дева («стройное дитя творенья средь пустынного пространства» Ильматар – у финнов; «восставшая из Хаоса» Эвринома – у пеласгов), выступающая в облике птицы (голубки – у пеласгов, утки – у финно-угров⁸), второй участник акта творения (Ветер – у финно-угров) или Ветер (ипостась Змея Офиона – у пеласгов). Преобразование Хаоса в обоих мифах начинается с разделения его на две части с образованием двух сфер: воздуха и моря (у финнов), неба и моря (у пеласгов). Из Космического яйца, снесенного божественной птицей, возникают светила, звезды, планеты и управляющие ими Титаны (у пеласгов), а процесс созидания на Земле продолжают рожденные Богиней демиурги – Пеласг и Вейнемейнен.

Сходство финно-угорского и пеласгического мифов о сотворении мира может объясняться или общим генезисом финно-угров и пеласгов, или ареальными заимствованиями в процессе прямых контактов. Однако в обозримой индоевропейской древности такие контакты не фиксируются никакими историческими, лингвистическими и археологическими источниками. Действительно, период (4500–2500 гг. до н. э.) бесконтактного сосуществования предков финно-угров и индоевропейцев в Европе является *terminus ante quem* для сложения мифа о сотворении мира из Яйца. Но эта дата может быть отодвинута в

⁷ В случае возникновения сомнений в корректности использования реконструкции пеласгического мифа, можно привести орфический миф аналогичного содержания (Грейвс 1992: 18). При этом, основной вывод не меняется, поскольку и греки также не вступали в контакт с финно-уграми в рассматриваемый период.

⁸ Полноту аналогии не может умалять тот факт, что в «Калевале» в птицу превращается не Ильматар, а верховный бог Укко. Эта трансформация мифа связана со сменой материнского рода отцовским, но очевидно, что был более древний вариант мифа, где главная функция творения, конечно, была связана с Ильматар, которая сама превращалась в Птицу. Антропоморфность божества в обоих мифах – результат более поздней переработки мифов.

более глубокую древность, поскольку до этого периода, согласно балкано-дунайской концепции никаких индоевропейцев не было в Европе вообще; они были на Ближнем Востоке (Сафронов 1989: 28–46), куда, спасаясь от холодов Европы, их предки – евразийцы и носители свидерской культуры – пришли в конце 9 тыс. до н. э. и задержались там почти на 4 тысячи лет (Николаева 1999: 301).

Их приход на Ближний Восток доказывается появлением памятников тахунийской = свидерской культуры, содержащих неизвестные до этого на Востоке *лук и стрелы, собаку, домашнюю козу, новую технологию домостроительства – прямоугольные в плане дома*, т. е. все признаки, являющиеся характеристикой свидерской культуры. Это явление сопровождалось и исчезновением в нескольких регионах Ближнего Востока местной натуфийской (афразийской) (Милитарев 1984) культурной традиции, которая особенно отчетливо прослеживается в стратиграфии Иерихона: нижний (пост-натуфийский) слой – Иерихон «А» – афразийско/прасемитский протогород, а верхний (тахунийский) слой – Иерихон «В» – евразийско-раннепраиндоевропейский (Сафронов, Николаева 2003: 107–123). Вернувшись в 5 тыс. до н. э. с Ближнего Востока в Европу, праиндоевропейцы создали на Северных Балканах древнейшую в мире цивилизацию с письменностью и протогородами и всем, что вытекает из этого. Ранняя цивилизация представлена памятниками культуры Винча⁹ на Северных Балканах и культур винчанского круга Нижнего Подунавья (Прекукутени-Триполье А, Градешница, Дудешти, Боян-Болинтяну, Гумельница, Варна), с которыми связаны народы «догреческого субстрата», в том числе и «пеласги». Однако индоевропеизация Европы осуществлялась не Винчей, а ее производными, поэтому винчанцы (пеласги?) никогда не выходили за границы Нижнего Подунавья и не

⁹ По Геродоту (Hdt.VIII 44), «пеласги владели так называемой Элладой», до выхода на историческую арену первых греков, т. е. до начала III или II тыс. до н. э., жили на Халкидике, а также занимали острова Эгейского моря (Лемнос, Лесбос, Имброс и др.). С позиции археологии, этноним «пеласги» могут соответствовать названию праиндоевропейского народа, являющегося этническим эквивалентом культуры Винча, поскольку наблюдается параллельная археологическая картина: с начала III тыс. культура Винча вытесняется с Балкан, но взамен возникает связанная с ней культура Раннебронзового века Эллады, Киклад и запада Малой Азии (Сафронов 1989: 179–190).

вступали в контакт с племенами Восточной Европы (Николаева 1986: 3–5; Сафронов 1989: 71–93).

Предки финноязычных племен, в среде которых миф о сотворении мира из Яйца сохранялся только в устной форме, являются носителями той же свидерской культуры. Но их судьба сложилась иначе. Гонимые дриасовыми холодами финального плейстоцена, они ушли в Крым (нижний слой стоянки Сюрень 2 – Рогачев 1984: 222), где также найдены характерные признаки этой культуры – лук и стрелы, кости собаки и северного оленя. Но с началом голоцена мигранты вернулись назад и их потомками являются в том числе и финноязычные народы. Подтверждением этого возвращения стало распространение в Прибалтике, Волго-Окском междуречье пост-свидерских культур (Кунда, Бутово и др.). Преемственность их культуры от финальнопалеолитической традиции конца плейстоцена подчеркивается наименованием «голоценовый палеолит» (Мезолит 1989: 11; Зализняк 1989: 111; Николаева 1999: 238–309). Эта непрерывность культурной традиции в лесной зоне Восточной Европы от мезолита до эпохи бронзы (8–2 тыс. до н. э.) дала основание для предположения о финно-угорской атрибуции памятников мезолита (Гурина 1989: 54). Более поздняя история уральского, финно-угорского и финноязычного сообществ отражается также в данных археологии¹⁰. Многослойность гидронимии в этом ареале, где нижний и верхний уровень представлены

¹⁰ Неолитизация севера Восточной Европы была связана с импульсом культуры Старчево-Кереш через влияние культуры линейно-ленточной керамики на пост-свидерские культуры Восточной Европы (нарвская, культура ямочно-гребенчатой керамики). Сложение неолитической общности в южной лесостепной части Восточной Европы (днепродонецкой, мариупольско-сезжинской) было связано с прохождением в начале 4 тыс. по южной границе лесного ареала носителей старчево-криш – буго-днестровской-культуры, что вызвало и дезинтеграцию неолитической общности севера Восточной Европы и *уходом самодийской* ее части в Сибирь, где и поныне живут самодийские народы уральской семьи. Лингвисты относят распад уральской общности также к 4 тыс. (Janhunen 1992). Восточная Европа в лесных регионах осталась областью расселения финно-угорских народов. С началом восточных миграций индоевропейцев из Центральной Европы в 3 тыс. до н.э. происходит *дезинтеграция* и *финно-угорской* общности Восточной Европы. Разные группировки (в зависимости от разной таксономии) финноязычных племен остаются в Восточной Европе, что согласуется с образованием ряда неолитических восточноевропейских групп ямочно-гребенчатой керамики.

финно-угорскими названиями, также свидетельствуют об автохтонности оставившего их населения в лесной зоне Восточной Европы до оттеснения их «древнеевропейцами» (термин Г. Крае для северной ветви праиндоевропейской общности) в виде фатьяновской культуры 20–14 вв. до н. э. и абашевской культуры 14–13 вв. до н. э., с последующим возвращением финноязычных племен, создателей «Калевалы», на свои территории.

В настоящее время лингвисты (Grinberg 2000; Starostin 2007: 825; Милитарев, Старостин 2004) обосновывают синхронность и параллелизм в развитии афразийской и евразийской макросемей (включающей праиндоевропейский, уральский и алтайский в качестве «ядра ностратической общности»), что исключает обязательную локализацию ностратических языков на Ближнем Востоке, таким образом, косвенно подтверждает тем самым связи носителей уральского, алтайского и праиндоевропейского языков в Восточной Европе, в ностратическую эпоху (11–8 тыс. до н. э.).

Из сказанного следует, что в истории индоевропейцев и финно-угров *для мифотворчества есть только один общий период*, когда они были единым сообществом или ареальным союзом «охотников на северного оленя», входили в урало-алтайско-индоевропейскую общность (евразийскую, по Дж. Гринбергу).

Данные палеогеографии также говорят о том, что именно в этот период мог сложиться миф о Космическом яйце, поскольку экологическая обстановка в приледниковой степи в период потеплений бёллинг-аллерёд могла подсказать образы, иносказательно звучащие в мифе творения (большое зеркало воды – интенсивное образование облаков, как двухчастная структура в мифе «небо–вода»; водоплавающие птицы как созидающее начало и яйцо как символ жизни и нового мира).

Смена двух моделей мира, «Мировое древо» и «Космическое яйцо», отражает смену двух геологических эпох со всеми вытекающими из этого последствиями. Рождение нового мира сопровождается описанием гибели Мирового древа как у финнов, самодийцев, так и у индоевропейцев, что является также важной деталью, указывающей на более тесную связь разобранных выше мифов.

Третья и четвертая мифологемы «Волк как Волчий бог» (МНМ, т. 1: 242) и **«Лук и стрелы»** (МНМ, т. 2: 76, 77) близки по функциональному наполнению и датируются, как и мифологема К. я. временем 12–9 тыс., поскольку зафиксированы в

уральском и алтайском фольклоре, в архаических эпосах тюркоязычных народов, а также в мифологии, фольклоре и эпосах индоевропейских народов (Николаева 1999: 153, 154).

Приручение волка и изобретение лука и стрел «охотниками на северного оленя» определили всю последующую жизнь большей части человечества, а потому не могли не найти своего места в мифо-поэтических представлениях индоевропейских народов и народов Северной Евразии.

Таким образом, все разобранные мифологемы, «Мировое древо», «Космическое яйцо», «Волчий бог», «Лук и стрелы», характеризующие древнейший слой мифологии индоевропейских народов, сложились в финальном плейстоцене и датируются 12–9 тыс. до н. э. Данные мифологии наряду с данными археологии и лингвистики (Grinberg 2000; Милитарев, Старостин: 2004), подтверждают вывод о первых контактах уральцев и праиндоевропейцев именно на территории Восточной Европы, а не на Ближнем Востоке, как это следовало бы из ностратической теории. В любом случае, возникает задача и реальная возможность скорректировать историко-лингвистические гипотезы об индоевропейских прародинах с учетом археологического и мифологического материала.

С внесением хронологических реперов мифы могут играть роль письменного источника и стать наряду с лингвистикой и археологией необходимым инструментом в реконструкции истории бесписьменных народов (Николаева 1999).

Литература

- Афанасьев 1868 – Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868 (Репринт 1994).
 Афанасьева 1979 – Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979.
 Бахтин 2004 – Бахтин С. А. Проблема дифференциации якутов и долган // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Красноярск, 2004. Ч. 1. С. 61–65.
 Березкин 2007 – Березкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку (ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет) М.: ОГИ, 2007 (Нация и культура / Новые исследования: Фольклор).
 Березкин 2012 – Березкин Ю. Е. Мифологические деревья в лесу культуры // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 3–18.
 Березкин 2013 – Березкин Ю. Е. Африка, миграции, мифология (ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе). СПб.: Наука, 2013.

- Березкин, Каталог – Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 04.05.2014).
- Вергилий – Вергилий. Энеида М., 1971 (= Библиотека всемирной литературы. Т. 6.).
- Грейвс 1992 – Грейвс Р. Мифы Древней Греции М.: Прогресс, 1992. С. 15–17.
- Гурина 1989 – Гурина Н. Н. Мезолит Литвы и Белоруссии // Мезолит СССР. М., 1989.
- Зализняк 1989 – Зализняк А. А. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наукова думка, 1989.
- Калевала 1977 – Калевала. М. 1977 (= Библиотека всемирной литературы. Т. 12).
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Мезолит СССР. М. 1989.
- Мелетинский 1991 – Мелетинский Е. М. Австралийская мифология // Мифы народов мира. Т.1. М., 1991. С. 29–30.
- Милитарев, Шнирельман 1984 – Милитарев А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984.
- Милитарев А. Ю., Старостин С. А. О древе языков (обзор мнений) <http://www.fund-intent.ru/Document/Show/4415> (04.05.2014).
- МНМ 1991 – Мифы народов мира в 2 т. М.: Сов. энциклопедия., 1991.
- Напольских 2012 – Напольских В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 19–28.
- Николаева, Сафронов 1986 – Николаева Н. А., Сафронов В. А. Винча – древнейшая цивилизация Старого Света // Балканы в контексте Средиземноморья. Материалы к симпозиуму. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1986.
- Николаева 1999 – Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.
- Николаева 2003 – Сафронов В. А., Николаева Н. А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М.: Русская панорама, 2003.
- Николаева 2010 – Николаева Н. А. Четыре прародинны индоевропейцев в концепции В. А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М. Изд-во Московского государственного областного университета. С. 58–73.
- Николаева 2011 – Николаева Н. А. Этнокультурные процессы в Кубано-Терском междуречье в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ, 2011.
- Откупщиков 1983 – Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
- Рогачев 1984 – Рогачев В. А., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука. С. 162–272.
- Сафронов 1989 – Сафронов В. А. Индоевропейские прародинны. Горький, 1989.

- Топоров 1991 – Топоров В. Н. Древо Мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 398–406.
- Ушницкий В. В. Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности. <http://www.ipdn.ru>.
- Grinberg 2000 – Grinberg J. Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasiatic Language Family. Stanford: Stanford University Press, Volume I: Grammar, 2000; Volume II: Lexicon, 2002.
- Starostin 2007 – Starostin S. A. Indoeuropean among other language families: problems of dating, contacts and genetic relationships // Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур. С. 806–820
- Janhunen 1992 – Janhunen Ju. Uralic languages // The International Encyclopedia of Linguistics / Bright W. (ed.). Vol. 4. Oxford University Press, 1992. P. 205–210.
- Apoll. Rodh. – Аполлоний Родосский. Аргонавтика / пер., ст. и прим. Н. А. Чистяковой. М.: Ладомир-Наука. 2001.
- Apollonii Rhodii Argonautica / rec. R. Merkel. Lipsiae, 1968.
- Tzetzes – Цец. Схолии к Ликофрону. – Tzetzes scholia in Lycophr., ed. Müller, v. I–III. Lipsiae. 1826.
- Hdt – Геродот. История / пер. и прим. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1972.

N. A. Nikolaeva. On the chronological position of the most ancient stratum of Indo-European mythology

The most ancient Indo-European myths reflect some turning points in World History. Any attempt to date them is, thus, justified. Comparative analysis of Dolgan World Tree image (as a pole with two crossbars with a bird on top) and the drawing of a broken pole in the scene with the wounded hunter in the *Grotte de Lascaux* (Dordogne, France, 17 millenium BC) enables us to determine *terminus ante quem* for the first model of the Universe. The identity of “Pelagian” and Finnish myths about “Cosmic Egg” makes it possible to consider 12–10 millenium BC as the date of their divergence. Besides, such mythologems as “Wolf God”, “Bow and arrows” from the myths, folklore and epics of Uralic and Altaic peoples, have the same date and characterize the most ancient stratum of the Indo-European mythology as well. The chronological position of these three mythologems endorses the idea on localization of the area of the first contacts among Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Altaic peoples in the Eastern Europe.

Keywords: cosmogonic myths, chronology, Indo-European mythology.

Д. Д. Новгородова

СКРЫТЫЙ ГЕРОЙ. INVISIBLE HERITAGE

В статье приведена идентификация латинского эпитафия к КATALOGу Гревингга (1846) – одного из Минеральных каталогов Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН. По сохранившимся источникам дается краткий очерк развития отношений человека и «мира камня» в истории Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН.

Ключевые слова: Константин Гревингк, Минеральный кабинет, Минералогический музей Ферсмана, история минералогии, минеральный каталог.

Самый ранний том рукописного КATALOGа Гревингга¹ (1846) из архива Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН начинается латинским эпитафом:

«Multum egerunt, qui ante nos fuerunt, sed non peregerunt [Sen. epist. 64, 9, 1–2]; multum adhuc restat operis, multumque restabit, nec ulli conservatori Musei h. mineralogici [italic – DN] praecludetur occasio aliquid adhuc adjiciendi [Sen. epist. 64, 7, 5–7]. Die XV m. Martis MDCCCXLVIII» (Grewingk Band IV 1846: 1) (Гебель: 2).

Автору статьи удалось обнаружить источник цитаты. Молодой ученый Константин Гревингк, только приступивший к работе хранителя Минералогического музея Императорской академии наук, соединил вместе две фразы Сенеки из «Нравственных писем к Луцилию» и от себя добавил к ним нового «героя» – хранителя Императорского минералогического музея.

Появление подобного эпитафия в музейном каталоге (по сути инвентарной книге), среди немецких названий минералов и горных пород, перечня витрин и шкафов, библиографических отсылок к минералогическим статьям – этого бесконечного космоса музейной работы (учета, сверки, этикетажа etc.) – способно тронуть любого музейного сотрудника. Не случайно спустя

¹ Гревингк, Константин Иванович (Constantin Caspar Andreas von Grewingk, 1819–1887) – геолог и минералог, выпускник Дерптского университета (1842), защитивший докторскую диссертацию в Йене (1843), ученый хранитель Минералогического музея Императорской академии наук (1846–1854), профессор геологии и минералогии в Дерпте (с 1854), академик Императорской академии наук.

двадцать лет другой хранитель Минералогического музея² аккуратно переписал цитату в свою первую рабочую тетрадь (поставив под ней имя своего предшественника – Constantinus Grewingk) (Гебель: 2).

«Посторонние» личные записи, тем более такие эмоциональные, и не на полях, а вынесенные в эпиграф, совершенно не характерны для служебных архивов Минералогического музея РАН, и в частности, для каталогов. «Минеральные каталоги», нумерованные списки минералогической коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры (а позже и коллекции Минералогического музея академии наук) писались на латинском, немецком, русском языках; в разное время информация в них структурировалась по-разному, однако с самого начала правилом для каталожных записей стал формат таблицы (в самом простом случае это графа порядкового номера и графа с описанием образца). Каталог Георги единственный начинается с предисловия, в котором кратко изложена история музейного собрания (Index 1786–1789), но все остальные ограничиваются только заглавием.

Каталог Гревингка замечателен и во многих других отношениях, но его всестороннее описание требует отдельного исследования. Необычность записи Гревингка, открывающей каталог, и удивление, которое она вызывает, заставляют задуматься о том, что такое минералогический музей и какое место в нем занимает человек.

Непосредственность и свежесть записи молодого Гревингка отсылают нас к самому началу истории минералогического музея и самой науки минералогия в России. Первая опись коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры, Минеральный каталог 1745 года (*Catalogus minerarum 1745*; Ломоносов 1954), написан очень увлекательно и очень пристрастно. У составителей каталога не вызывала никаких сомнений уместность в описаниях минералогических раритетов ссылок на научные труды предшественников, собственных оценок и мнений о ценности того или иного образца, иногда довольно неожиданных сравнений (неожиданных, но точных – яркость описания образцов в Минеральном каталоге до сих пор вызывает восхищение): «Vertebrae balaenarum, panem petrefactum referents» (Ломоносов

² Гебель, Адольф Фридеманович (Friedemann Adolph Goebel, 1826–1895) – геолог, с 1861 год ученый хранитель Минералогического музея Императорской академии наук.

1954: 55) – в русском переводе «Позвонки китовы наподобие гнилого хлеба» (Ломоносов 1954: 225). В Минеральном каталоге минералы не просто хорошо описаны и точно названы, о многих из них рассказывается – и рассказывается мастерски.

Эта особенность, в свою очередь, напоминает о статьях в Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям; один из составителей Минерального каталога И. Г. Гмелин был его активным автором. Научные статьи в этом журнале насыщены ссылками на имена и сочинения современных и древних авторов, и написаны столь живым и увлекательным языком, что читать их и сейчас – удовольствие. Например, статья «О морских червях», от которой не ждешь ничего особенного и просматриваешь по необходимости, начинается как хороший приключенческий роман: «Морские черви в наибольшем презрении между всеми прочими не сековыми гадинами имеются, и им редко такая честь делается, чтоб о них кто говорил или писал; Но они в Голландии о себе говорить, писать и стараться больше заставили, нежели как бы то сильный неприятель учинить мог» (О морских червях 1733: 109). Примечательны и следы научных скандалов и сплетен в статьях: в многочисленных ссылках на труды ученого иезуита Атанасия Кирхера нередко едкие комментарии, например «можно ли Кирхерианскому кабинету совершенно поверить, в разсуждении того, что оной уже во многих обманствах обличен?» (Триполитанское известие 1729: 47).

Однако «человеческое» довольно быстро начинает исчезать из мира камней и науки о минералах: «простым человеческим чувствам» – прекрасного, смешного, любопытного, страшного – минералогия больше ничего не говорит. Функциональность и назначение минеральных каталогов также меняются: сначала это почти энциклопедии с отсылками к научным трудам и знаменитым примерам, затем – строгая опись предметов.

В 1779 году И. Бакмейстер описывает экспозицию Минеральных кабинетов Кунсткамеры (после пожара 1747 года Кунсткамера была устроена по новому, минералогическая коллекция расширилась и занимала уже три «особенных кабинета») и замечает: «Но как сии предметы *больше обращают на себя внимание знатока, нежели прельщают взор простых зрителей* [выделено – ДН]; то для красы за благо признано укласть потолок обоих сих покоев раковинами и минералами наподобие цветных пучков, водометов и других прикрашенных золотом» (Бакмейстер 1779: 165). Этот же прием используется в

экспозиции минералогической коллекции Кунсткамеры и спустя пятнадцать лет (к причудливым украшениям на потолке минеральных кабинетов к тому времени был добавлен специально «составленный из разных раковин и морских каменнорастений ниш, подобие грота представляющий» (Беляев 1793: 78). К концу XVIII века минералогическая экспозиция Кунсткамеры уже привычно разделяется на две части: для знатоков и для «простых зрителей»; полагается, что в части профессиональной нет и не может быть ничего интересного не минералогу. Такое разделение в минералогических музеях неявно сохраняется и до сегодняшнего дня: в обыденном сознании укоренилось представление о красоте того или иного экспоната как его единственной ценности, однако это, конечно, не так. Уже в XVIII веке понимали, что «тайна» камня заключена у него внутри. Образцы минералогического музея – это не просто «самые красивые камни в мире», но только специалист способен увидеть структуру и оценить смысл научной экспозиции целиком.

Постепенное изменение стиля описаний, хорошо прослеживаемое в эволюции «минеральных каталогов» Кунсткамеры, показывает как происходило разделение мира человека и мира камня. Язык и строй описания, такой живой в Минеральном каталоге 1745 года, сменяется все более лаконичными записями, обращенными исключительно к специалистам, понимающим «язык минералогии».

Меняются и пространственно-временные элементы описаний. В то время указания на географическое место и время находки становятся все более значимыми, появляются все более точные указания на месторождения, от ранних к поздним каталогам география человека довольно быстро замещается географией минерала, место названий городов занимают названия месторождений, а исторические ссылки – почти исчезают.

То же – с именами. Минералогическая терминология развивается и оттачивается, названий минералов становится все больше (все больше новых открывается, появляются их разновидности, хранители начинают заботиться о широком охвате и полноте коллекции), имен людей – все меньше (включая дарителей и коллекционеров; хотя у Севергина в его Обозрении и встречаются отсылки к именам, но они, если можно так выразиться, носят «политический», а не систематический характер: Севергин упоминает только известные имена). Также

исчезают ссылки на сторонние источники, и, конечно, упомянуть при описании образца какую-нибудь идею или рассказать историю – становится и вовсе неуместным.

Академику Севергину принадлежит очень красивая и наиболее артикулированная концепция минералогического (и шире – естественнонаучного) музея: «Созерцание природы, рассмотрение различных ее произведений, прилежное вникание в качества их и виды, составляет упражнение коль приятное, толь и полезное для всякого людей состояния. Но чтобы объять всю оных обширность, для того потребно предпринимать либо многотрудныя и отдаленныя путешествия, либо иметь собрания оных, расположенныя в приличном порядке, с показанием рода их, вида, названия, отличия от других, и места рождения. Но как первое не для всякого удобовозможно; то явствует, коль драгоценны должны быть сии последния, то есть сохраняемыя их собрания. Оныя, можно сказать, составляют в Естественной Истории почти тоже, что Географическия карты в землеописании, ибо как по сим последним усматриваем мы на небольших листах обширныя земель пространства с городами их, селами, деревнями, реками, озерами, морями и пр. Так в правильно расположенном собрании естественных тел обозреваем мы как бы единым взглядом, произведения почти всего земнаго шара с отличиями их, изменениями по климату, по месторождению, по местоположению, по влиянию почвы, и пр. Что сказано здесь о естественных телах вообще, то разуметь должно в особенности о ископаемых телах» (Севергин 1814: 3–5).

Но на этой карте минерального мира – в минералогическом музее – нет человека. С XVIII века и до сегодняшнего дня основной принцип экспозиции минералогического музея – систематический, согласно принятой минералогической классификации (всеобщей системе минералов – той или иной). На всем протяжении XVIII века логика минералогии постепенно вытесняла из концепции минералогического музея логику гуманитарную; также постепенно приходило понимание того, что мир минералов – мир особый, «не человеческий». Царство камня – это, конечно, царство смерти. Минеральное вещество – не просто не живое, оно враждебно живому (по известной догадке кристаллографа академика Н. В. Белова пятерной симметрией, невозможной в минеральном мире, живое защищается от окаменения, кристаллизации – агрессии минерального вещества). Камни,

растущие в человеке: камни почек и желчного пузыря, зубной камень etc. – знаки болезни.

Живое потеряло свое место в Минеральном царстве (в XVIII веке это место было неоспоримо, ученый иезуит Атанасий Кирхер находил естественным описывать в своем знаменитом геологическом сочинении (Kircher 1664–1665), не только окаменелости, вулканы и минералы, но и живых обитателей Подземного мира: людей, животных, демонов). Может быть поэтому минералогические и геологические исследования перестали быть приключениями, опасными для жизни (они остались приключениями ума – но немногих образованных лиц).

Первые соединил эти два мира – человека и камня – академик и директор Минералогического музея А. Е. Ферсман (его знаменитое издание «Очерки по истории камня» стало настольной книгой в каждом музее геолого-минералогического профиля). До него в минералогическом музее история коллекций не была предметом специального изучения. Примечательно, что даже ссылки на более ранние описания конкретных образцов в музейных же каталогах и на источники поступления встречаются только дважды – в каталогах Георги (Index 1786–1789) и Гревингк (Grewingk Band I–IV 1846–1857). И. Г. Георги помещает в каталог специальную графу с названием старого каталога и ссылкой на номер образца в нем; также Георги разработал систему буквенных отсылок к каталогам, которые он, и позже К. И. Гревингк, использовали на музейных этикетках (на некоторых старых этикетках такие обозначения сохранились и до сегодняшнего дня).

Константин Гревингк приложил много усилий к тому, чтобы разобрать коллекции музея и каждый образец снабдить ссылкой к определенному собранию и человеку. В четырехтомном рукописном Каталоге Гревингк есть очерк истории музея, библиография научных работ по минералогии и ссылки на научные источники, история поступления в музей в составе частных коллекций, планы экспозиции, перечень хранителей музея, их подписи и даже образцы музейных номеров и этикеток, относящихся к разным периодам истории. Эта работа не была доведена до публикации. Исследования истории музея продолжил А. Ф. Гебель, однако так же не довел до конца. В настоящее время количество статей, посвященных истории Минералогического музея РАН и истории его коллекций (в том числе и малоизвестных) постоянно растет. «Невидимое наследие» –

проблеск человеческого в мире камня; произвола, выбора и свободы в царстве строгих законов – очевидно, является одним из самых удивительных и неограниченных сокровищ в обширном и знаменитом собрании Минералогического музея РАН. На фоне серьезных минералогических изысканий гуманитарные исследования становятся естественной и неотъемлемой частью музейной работы, однако до появления цитат из Луция Аннея Сенеки в наших каталогах – еще долгий путь.

Литература

- Catalogus minerarum 1745 – Catalogus minerarum // Musei Imperialis Petropolitani Vol. 1, Ps. 3: Qua continentur res naturalis ex regno minerali. СПб.: Typis Academiae scientiarum Petropolitanae, 1741–1745. Vol. 1. Ps. 3. 1745.
- Grewingk Band I 1854–1857 – Grewingk C. I. Band I. Das Mineralogische Museum der Academie der Wissenschaften in St. Petersburg. 1854–1857 // Архив Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН. Дело б/н. 70 л.
- Grewingk Band II 1846 – Grewingk C. I. Band II. Das Kaiserlich – Russische Mineralogische Museum der Academie der Wissenschaften in St. Petersburg. August 1846 // Архив Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН. Дело б/н. 90 л.
- Grewingk Band III – Grewingk C. I. Band III. Beschreibung der in den Mittelschraeken unter Glas befindlichen Schaustusen // Архив Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН. Дело б/н. 39 л.
- Grewingk Band IV 1846 – Grewingk C. I. Band IV. Allgemeine Ausnahme des Mineralien Cabinets der K. R. Akademi d. Wissenschaften in St. Petersburg. 1846 // Архив Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН. Дело б/н. 78 л.
- Index 1786–1789 – Index Lithophylacei Rossici Musei Academiae scientiarum Petropolitanae. Georgi's Katalog der russischen Mineralien und Gesteine (1786–1789), Copie des Georgischen Originale // Архив Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН. Д. б/н. 50 л.
- Kircher 1664–1665 – Kircher Athanasius. Mundus subterraneus. T. 1–2. Amstedoldami: Joannem Jansonium & Elizeum Weyerstraten, 1664–1665.
- Бакмейстер 1779 – Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и Истории Натуральной Санктпетербургской Императорской Академии Наук, изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером Подбиблиотекарем Академии Наук, а на Российский язык переведенной Василием Костыговым. СПб.: Типография морского шляхетского кадетского Корпуса. 1779. 191 с.
- Беляев 1793 – Беляев О. П. Кабинет Петра Великого или Подробное и обстоятельное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской императорской кунст-

- камере сохраняющихся: С присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний / Издано трудами и иждивением надзирателя Императорския Кунст-камеры Осипа Беляева. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академии наук, 1793.
- Гебель – Гебель А.Ф. Сведения, собранные Гебелем о минералогических коллекциях, поступивших в Академию наук с XVIII по 1872 год. Материалы для истории Минералогического музея // СПб филиал Архива РАН. Ф. 25. Оп. 1. № 144. 96 л.
- Ломоносов 1954 – Ломоносов М.В. Минеральный каталог // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. Труды по минералогии, металлургии и горному делу 1741–1763 гг. М.; Л.: Изд. АН СССР. 1954. С. 7–241.
- Новгородова 2011 – Новгородова Д. Д. Три каталога из Архива Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН // Новые данные о минералах. Издание Минералогического Музея им. А. Е. Ферсмана РАН. Вып 46. М., 2011. С. 114–123.
- Новгородова 2013 – Новгородова Д. Д. От Музея Готтвальда к Минеральному каталогу Кунсткамеры // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 24–26 июня 2013 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 636–653.
- Триполитанское известие 1729 – Триполитанское известие о превращении города в камень // Исторические, Генеологические и Географические Примечания в Ведомостях... 1729 года. Части: VI – с. 22–24; VII – с. 25–28; XII – с. 45–48. В Санктпетербурге. 1729.
- О морских червях // Примечания на Ведомости... 1733 года. Части XXVIII–XXXIII – с. 109–134. В Санктпетербурге. 1733.
- Севергин 1814 – Севергин В. М. Обзорение Минерального кабинета Императорской Академии наук // Технологический журнал. СПб.: при Имп. акад. наук. 1814. Т. 11. Ч. 1. С. 3–115.

D. D. Novgorodova. A concealed hero. Invisible heritage

The article gives the identification of the Latin epigraph in one of the catalogue of the Fersman Mineralogical museum RAS – The Grewingk Catalog (1846). The article talks about the unexpected Latin epigraph as a rare manifestation humanity in the world of stone. By surviving sources the author gives a brief outline of the development of relations of human and «the world of stone» in the history of the Fersman Mineralogical Museum RAS.

Key words: Constantin Grewingk, Mineral cabinet, Fersman mineralogical museum, history of the mineralogy, Mineral catalogue

ДЕВА ИЗ АНАГНИИ И НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ К ПОРТРЕТУ ГЕРНИКОВ¹

В статье рассматриваются все свидетельства о языке итальянского племени герников (герникийском, или герникском, языке), обсуждается вопрос его классификации и разнообразные изоглоссы, связывающие языки юго-востока Лация с языками с территории *ager Faliscus* и *ager Sabinus*. Приводится новая этимология для сабинского (или марсийского) слова *hernae* (лат. *saxa*) и анализируются сообщения античных авторов о происхождении герников от сабинян. Детальный лингвистический комментарий получает наиболее древняя и любопытная надпись из Анагнии (He2). Предлагается вариант реконструкции утраченного начала этой надписи.

Ключевые слова: итальянские языки, герникийский язык, сабинский язык, надписи из Анагнии, этимология, культ Весты в Италии

Долгое время считалось, что свидетельства о герникийском или, как писал В. Л. Цымбурский, герникском языке (Цымбурский 2008: 204), сохранились только в виде упоминаний у античных авторов. Традиция, постепенно сложившаяся в итальянском языкознании к концу XIX в., начиная с Рихарда Лепсиуса и Георга Гротефенда (Lepsius 1841; Grottefend 1839) вплоть до Роберта Конвея и Роберта фон Планты (von Planta 1897), предполагала неременную фиксацию всего, что оценивалось как *testimonia* для итальянских языков, то есть, главным образом, контекстов из сочинений авторов, имен и топонимов, известных для данной территории. Именно эти *testimonia* впоследствии сопоставлялись с эпиграфическим материалом, если он обнаруживался. Наиболее полным собранием свидетельств о герниках можно считать, хотя и с некоторыми оговорками, то, которое было опубликовано Р. Конвеем (Conway 1897: 306-309).

Главные города герников – Анагния, Ференцин, Алетрий и Верулан (лат. *Anagnia*, *Ferentinum*, *Aletrium*, *Verulanum*).

¹ Эту скромную, но, смею надеяться, не совсем бесполезную статью я посвящаю памяти трех великих предшественников, Виктора Павловича Калыгина (1950–2004), Вадима Леонидовича Цымбурского (1957–2009) и Гельмута Рикса (1926–2004). К сожалению, я не успела поучиться у них лично, но влияние их работ на мое научное мировоззрение трудно переоценить.

Территория герников, как и вольсков, после 225 г., как предполагал Ю. Белох, мыслилась частью Лация. Именно так, по крайней мере, принято объяснять то, что оба племени отсутствуют в списке италийцев у Полибия (Beloch 1880: 123). Интересно, что и Вергилий в «Каталоге италийских героев» поместил герников в число представителей сельского Лация (Verg. Aen. VII 681–685).

Наиболее известным примером из языка герников, предоставляемым античными грамматиками, является слово *samentum* (Conway 1897: 306–307; von Planta 1897: 714), упомянутое в письме Марка Аврелия Фронтоны: «Deinde id oppidum anticum uidimus, minutulum quidem, sed multas res in se antiquas habet, aedes sanctasque caerimonia<s> supra modum. Nullus angulus fuit, ubi delubrum aut fanum aut templum non sit. Praeterea multi libri lintei, quod ad sacra adtinet. Deinde in porta, cum eximus, ibi scriptum erat bifariam sic: “Flamen sume *samentum*”. Rogavi aliquem ex popularibus quid illud uerbum esset. Ait lingua Hernica pelliculam de hostia, quam in apicem suum flamen cum in urbem introeat inponit»² (M. Aur. ap. Fronto IV 4, 1).

Этот фрагмент интересен в нескольких отношениях. Во-первых, это редкий пример свидетельства, где указан непосредственный источник примера из италийского языка, в данном случае – надпись («in porta scriptum erat»). Во-вторых, здесь наглядно демонстрируется, почему постоянным эпитетом Анагнии было *diues*. В Анагнии, как показывают археологические раскопки, действительно, были весьма многочисленные святилища (Gatti 1993a: 61–62). Так что Сандра Гатти, главная итальянская исследовательница герников, не случайно выбирает для своей книги заголовок «*Diues Anagnia*», воспроизводящий выражение Вергилия.

Франц Бюхелер посвятил этому фрагменту статью, где предложил считать *samentum* искаженным латинским словом

² «Затем мы увидели этот древний город (т. е. Анагнию), совершенно крохотный, однако там сохранилось много древних построек: храмов и почитаемых святилищ более чем достаточно. Не было ни одного угла, где бы ни находилось святилище, алтарь или храм. И, помимо прочего, полотняные книги в большом количестве – то, что относится к священным предметам. Затем, когда мы выехали, там на воротах было с двух сторон написано так: «Жрец, надень *samentum*». Я спросил одного из местных, что это за слово (*samentum*). Он сказал, что на языке герников это – шкурка жертвенного животного, которую жрец, входя в город, надевает на верхушку своего головного убора».

*sagmen*³, по аналогии с лат. *fragmen-fragmentum*, *segmen-segmentum*. Исчезновение *g* Бюхелер объяснял тем, что «der Guttural... konnte Schwinden»⁴ (Bücheler 1882: 516–517). Сейчас это объяснение, конечно, нельзя признать корректным, особенно учитывая свидетельство надписи с Форума (CIL I² 1), найденной спустя почти двадцать лет после выхода статьи Бюхелера. Эта надпись (т. н. *Lapis niger*) содержит написание IOVXMENTA, демонстрирующее словообразовательный вариант **iug-s-men-*, где между глагольным корнем на заднеязычный и суффиксом *-men-* возникает еще *-s-*. Таким образом, в случае с *samentum* приходится предполагать стадию **sag-s-men-t-om*⁵.

Если, следуя за Бюхелером и поддержавшим его Конвеем, считать этот пример свидетельством того, что в Анагнии во времена Фронтон и Марка Аврелия существовала только местная разновидность латинского языка, нужно признать, что она была настолько автономна, что отражала словообразовательный вариант для слова *sagmen*, который должен был образоваться довольно рано. Словообразовательная модель с суффиксальным конглютинатом *-s-men-* уже в архаическую эпоху перестала быть продуктивной, судя по небольшому количеству примеров, по сравнению со случаями на *-men-*, примыкающим непосредственно к глагольному корню.

Вторым примером упоминания языка герников долгое время считался контекст из сочинения грамматика Харизия, восходящий, по-видимому, к Юлию Роману: «*buttutti*, fluctus quidam <uel> sonus uocis effeminator, ut esse in sacris Anagninorum uocum ueterum interpretes scribunt»⁶ (Charis. 315, 27 B). Бюхелер предлагал видеть в *buttutti* редкое латинское слово и, таким образом, отвергал идею существования герникийского языка. А Р. фон Планта даже не стал приводить этот пример в своей книге, ограничившись упоминанием только *samentum*.

³ *sagmen* – ‘пучок травы, носимый жрецами-фециалами или участниками посольств в знак неприкосновенности’

⁴ «Заднеязычный мог исчезать».

⁵ Бюхелер отозвался на находку примера из надписи с Форума в статье 1905 г. (Bücheler 1905); о происхождении частей суффиксального конглютината *-s-men-* см. (Новикова 2012: 114–118).

⁶ «*buttutti* – некое волнение (еще Бюхелер указывал, что *fluctus*, возможно, следует читать как *luctus* ‘плач’) или звук женственного голоса, который, как пишут толкователи древних слов, имеет место в Анагнийских святилищах».

Таким образом, до конца XX в. считалось, что памятников герникийского языка нет и его самого, по всей видимости, тоже не существовало. Не упоминает герникийский язык в своем исследовании диалектов центральной Италии и Роберт Коулмен (Coleman 1986). Ситуация изменилась после выхода в начале 1990-х гг. статей Сандры Гатти и Джованни Колонны. Гатти и Колонна обсуждали новые археологические находки, сделанные в Анагнии, среди которых обнаружилось несколько владельческих надписей, которые они предлагали считать памятниками языка герников (Colonna 1990: 241–246; Gatti 1993b: 301–310).

Одна из них, вошедшая в сборники итальянских надписей Гельмута Рикса и Рекса Уоллеса под номером He3, датируется III в. до н.э. и представляет собой памятник языка, близкого северо-оскским диалектам. Хотя алфавит надписи, отсутствие диакритического знака над *í* в окончании Gen. sg. *-eis* и особенно направление письма, не позволил однозначно признать надпись оскской, все же попытки такой атрибуции предпринимались исследователями (Rix 1998: 248).

Надпись содержит следующий текст:

c. titieis. esu

Первые два слова, сокращение *c.* для *Gaius* и Gen. sg. *titieis*, обозначают владельца предмета, на котором сделана надпись. Форма *esu* представляет собой результат отпадения конечного *m* в форме 1 л. ед. ч. *esum*, возникшей из праитал. **esom*. Форма *esum* засвидетельствована в южнопиценском языке, а также, если верить Марку Теренцию Варрону, в архаическом латинском: «*sum quod nunc dicitur olim dicebatur esum*»⁷ (Varr. L.L. IX 100, 3). Данные этой надписи позволяют говорить о том, что на территории Анагнии уже в III в. до н.э. присутствовали носители одного из северных диалектов оскского языка.

Вторая надпись гораздо более интересна и представляет более широкое поле для интерпретаций. Это надпись под номером He2, выполненная на вазе и также найденная в одном из святилищ Анагнии. Ее примерная датировка – не позднее конца V в. до н.э. Текст приводится обычно так:

...]matas udmom ni hvidas ni kaitf...

Алфавит, используемый в надписи, в целом тот же, что и в других архаических надписях с территории центральной Ита-

⁷ «То, что сейчас звучит как *sum*, некогда произносилось как *esum*».

лии. Обращает на себя внимание диграф *hv*, обсуждавшийся в статье В. Л. Цымбурского в связи с написанием *vh* в Пренестинской фибуле (Цымбурский 2008: 203–204). Марко Манчини был прав, отмечая, что этот диграф отражает общую для архаического Лация орфографическую практику (Mancini 2004a: 1–30).

Что касается самой формы *ni hvidas*, ее принято соотносить с лат. *ne findas* ‘не расколи’, восходящим к корню **bheid-* (Rix 1998: 252). Вызывает споры то, как следует трактовать эту форму с точки зрения системы наклонений итальянского глагола. Гергард Мейзер в своей монографии об итальяском перфекте попытался восстановить праиталийскую глагольную систему и в рамках этой системы он, вслед за своим учителем Г. Риксом, выделял «превентив» (наклонение, служащее для выражения предостережения, в данном случае формирующееся с помощью чистого глагольного корня и суффикса *-a-*), основываясь главным образом на примере из надписи He2 (Meiser 2003: 41–42).

За это его критиковал ученик Р. Коулмена Джеймс Клаксон, упрекая в недостатке примеров и называя саму надпись «фрагментированной и темной» (Clackson 2005: 104). Впрочем, надо сказать, эта надпись не настолько сильно фрагментирована, чтобы нельзя было установить ничего относительно ее содержания.

Помимо *ni hvidas* в этой надписи есть еще второй потенциальный «превентив», который пытался восстанавливать Мейзер. Это осколок от глагольной формы *ni kait[..]*, над реконструкцией которой бился еще Рикс, предлагая видеть в *kait-* глагольный корень, соответствующий лат. *caedo* ‘я разбиваю’ и пытаюсь найти объяснение появлению *t* на месте *d* (Rix 1998: 253–254). В итоге Рикс принимает восстановление, предложенное его ассистентами, и записывает реконструированный фрагмент как *ni kaitsis*. Соглашается Рикс и со сравнением формы *kaitsis* с формами типа лат. *faxim* (от *facio*), предложенным Г. Эйхнером и Г. Мейзером. Возникновение *t* в этом случае объясняется ассимиляцией по глухости, вызванной соседством с суффиксом *-si-* (**kaid-si-s* > *kaitsis*). Я нахожу эту реконструкцию наиболее адекватной.

Надо заметить, что и Мейзер, и Клаксон проявляют склонность называть герникийскую надпись He2 оскской. С этим я не могу согласиться даже из чисто хронологических соображений. Внешние атрибуты надписи, главным образом ее начертание, не позволяют сравнивать ее с основным корпусом надписей, выполненных в оскском алфавите и относящимся к более позднему

периоду (с III в. до н. э.). А наличие диграфа *hv* говорит в пользу скорее раннего и северного, чем позднего и южного влияния на язык этой надписи.

Наконец, надпись Ne2 содержит очевидную изоглоссу с фалискским языком. Речь идет о форме *udmot*, находящей параллель с раннефалиск. *utot* (EF2 Bakkum)⁸. Рикс предложил связать *udmot* с тем же корнем, который наблюдается в лат. *unda* (< **udna*), и видеть в этом слове обозначение сосуда для воды, на котором, собственно, и сделана эта надпись. А первым, кто соотнес герникск. *udmot* с раннефалиск. *utot* (< **uttot*), открыв, таким образом, важную изоглоссу, был, по-видимому, М. Манчини (Mancini 2004b).

По всей видимости, для выбора наиболее корректного названия для языка надписи Ne2, не в последнюю очередь нуждается в обсуждении именно эта изоглосса. Вероятно также, что существуют параллельные ей пересечения лингвистических данных с территории юго-восточного Лация с данными из области фалисков и сабинян. Например, можно упомянуть изоглоссу, связывающую фалискский язык с говором Сатрика, отраженным в надписи *Lapis Satricanus*. Здесь наблюдается редкое окончание Gen.sg. для основ на *-o*, имеющее вид *-osio*.

Интересно, что топоним *Falerii*, относящийся к месту, находящемуся на севере Лация, находит отражение к югу от Лация в форме *ager Falernus*. Возможно, именно этот топоним побудил Вергилия сделать предводителем аврунков и осков Галеца (Verg. Aen. VII 723), который, согласно мнению античных авторов, первоначально считался основателем у фалисков (Seru. Aen. VII 695), а вовсе не у аврунков или осков. Перенесение имени отражает, таким образом, предполагаемую миграцию части населения, в результате которой мог появиться топоним.

Помимо этого, античная традиция сохранила предание о переселении соседних с фалисками сабинских племен на юг. Оно отражено, в первую очередь, в известной этимологии этнонима *Hernici*: «*Sabinorum lingua saxa hernae uocantur. quidam dux magnus Sabinos de suis locis elicit et habitare secum fecit in saxosis montibus: unde dicta sunt Hernica loca et populi Hernici*»⁹ (Seru. Aen. VII 684).

⁸ я использую термины «раннефалискский» и «среднефалискский» в соответствии с периодизацией Габриэля Баккума (Bakkum 2009).

⁹ «В сабинском языке скалы называются *hernae*. Один великий предводитель вывел сабинян из их мест и поселился вместе с ними среди

В дальнейшем, по-видимому, миграции древних сабинских (или сабинских и фалисских) племен направились на восток. Именно этим можно объяснить появление однокоренных топонимов *Angitia* (в области марсов) и *Anagnia*. Примечателен тот факт, что этимология *Hernici* от *hernae* встречается еще два раза, в Веронских схолиях к Вергилию и у Павла Диакона, но с другой атрибуцией примера *hernae*: «*Hernici dicti a saxis, quae Marsi herna dicunt*» (Paul. ex Fest. 100 M; Schol. Veron. Aen. 684). В связи с этим интересно прояснить и собственно этимологию сабинск. (или марсийск.) *hernae*.

О происхождении слова *hernae* рассуждал еще Р. фон Планта, предлагая видеть здесь переход **her-s-na > herna* (von Planta 1897: 30). Однако происхождение корня остается не до конца проясненным. Например, словарь итальянских языков М. де Фаана ничего не сообщает об этом слове (de Vaan 2008).

Привлекательной представляется идея восстановить для *herna* предшествующую стадию **herg-na < *ferg-na*, где группа *-rgn-* упрощается так же, как в случае с лат. *urna < *urc-na*, ср. *urceus* (Ernout, Meillet 1985: 755), и связать это с и.-е. корнем **bhergh-* ‘возвышенность’. Поискам следов этого корня индоевропейских языках были посвящены разыскания В. П. Калыгина и А. И. Солопова. В одной из своих статей В. П. Калыгин обращает внимание на то, что к корню **bhergh-* восходит ирландский теоним *Brigit*¹⁰ (Калыгин 2000: 53–56).

Непосредственно итальянское отражение этого же корня А. И. Солопов предлагает видеть в этнониме *Frentani* и некоторых топонимах (Солопов 2003: 197–199). Если принять, что переход *f > h*, отраженный в среднефалисских надписях (Wallace, Joseph 1991: 89–93), мог частично распространяться и на пограничные с территорией фалисков сабинские говоры¹¹, а сабиняне впоследствии мигрировали на юг и юго-восток, оказывается вполне возможным проникновение слова *hernae* именно в таком фонетическом варианте и в т. н. «марсийский

скалистых скал, отсюда места названы герникскими (*Hernica*) и народ – герниками (*Hernici*)».

¹⁰ Имеется в виду, в первую очередь, ирландская святая Бригита.

¹¹ Сабинский язык, как известно, представлен исключительно свидетельствами античных грамматиков. Надписи с территории сабинян обычно латинские. Явно итальянская надпись из г. Куры, которую было весьма привлекательно считать сабинской, в итоге была вполне корректно атрибутирована Анной Маринетти как южнопиценская (Marinetti 1981: 114–158).

язык». Следует упомянуть и топоним *Ferentinum* на территории герников, очевидно, отражающий иное развитие корня **bhergh* на итальянской почве. Здесь наблюдается полногласное сочетание *-ere-* в корне, что может говорить об оскском влиянии.

Наконец, без комментария пока осталось первое слово из надписи He2, дошедшее лишь частично и само по себе весьма загадочное. Окончание этого слова выглядит как *[..]matas* и, вероятнее всего, отражает существительное ж. р. в форме Gen.sg. с характерным окончанием *-as*¹². На это обращал внимание еще Г. Рикс, приводя для сравнения т.н. «надпись Вендии»: *eco urna titas uendias* (Rix 1998: 251). Таким образом, вероятно, хозяйкой сосуда из Анагнии была именно женщина.

То, что имя этой женщины заканчивалось на *-mata*, значительно сужает количество вариантов подстановок, если мы пытаемся видеть здесь имя, известное нам из других памятников. Менее убедительным, хотя и не совершенно невероятным является вариант *Psamata*. Это имя известно из более поздних латинских надписей: «*Diis Manibus Iuliae Psamat(a)e C(aius) Iulius Amandus matri optimaе et piissimaе fecit*» (CIL VI 20647); «*Psamate v(ixit) a(nnos) XXV*» (CIL VI 25109). Происходит оно от имени nereиды Псамафы (греч. Ψαμάθη) и в латинских надписях встречается в виде *Psamate* или *Psamathe* (CIL VI 29454).

Другой вариант, как кажется, более привлекательный – видеть в *-mata* окончание итальянского имени *Amata*. Это имя так же хорошо засвидетельствовано в эпиграфике (CIL IV 10508a, VI 23517, X 03744 и др.). В римской литературе это имя использовал Вергилий, присвоив его легендарной жене царя Латина и матери Лавинии (Verg. Aen. VII 343). *Амата*, в отличие от самого *Латина*, не поддерживает *Энея*, но выступает на стороне *Турна*. Можно предполагать, что выбор имени не случаен.

Согласно сообщению Авла Геллия, *Amata* – имя первой итальянской весталки: «*Amata inter capiendum a pontifice maximo appellatur, quoniam, quae prima capta est, hoc fuisse nomen traditum est*»¹³ (Gell. I 12, 19). Вероятнее всего, это свидетельство Геллий

¹² Надо заметить, что окончание Gen. sg. *-as*, хотя и сохранилось в языках сабелльской подгруппы лучше, чем в латино-фалисских, в данном случае не может служить аргументом в пользу того, что надпись оскская. Для V в. до н. э. с такой же степенью вероятности можно предполагать и то, что в надписи He2 отражен один из диалектов латино-фалисской подгруппы, еще сохраняющий архаическое *-as*.

¹³ «*Amata* она (девушка, которая должна стать весталкой) зовется в тот

почерпнул из сочинений упомянутого им ранее Фабия Пиктора: «In libro primo Fabii Pictoris, quae uerba pontificem maximum dicere oporteat, cum uirginem capiat, scriptum est. Ea uerba haec sunt: “Sacerdotem Vestalem, quae sacra faciat, quae ius siet sacerdotem Vestalem facere pro populo Romano Quiritibus, uti quae optima lege fuit, ita te, *Amata*, capio”»¹⁴ (Gell. I 12, 14).

Учитывая, что в Анагнии, как показывает свидетельство из переписки Фронтона, было множество святилищ, в том числе женских, вероятно, что сосуд, на котором была сделана надпись He2, мог принадлежать женщине или девушке, занимавшей какое-то особое положение. В этом контексте можно трактовать и пожелание «не разбей, не расколи». Сосуд наделялся особым статусом, и с ним следовало обращаться с особой аккуратностью, к чему и призывает надпись. Таким образом, я могу предложить такую реконструкцию текста надписи He2:

<A>*matas udmom ni hvidas ni kait<sis>* ‘остерегайся расколоть или повредить сосуд Аматы’.

В заключение следует сказать, что «герникийский» язык надписи He2, скорее всего, не следует отождествлять с языком надписи He3, то есть язык надписи He3 не является продолжением языка надписи He2. Надпись He2 является ровесницей ранне- и среднефалисских надписей и не может быть однозначно признана оскской (и даже северо-оскской) при применении как ареального, так и хронологического критерия.

Сведения античных авторов, Марка Аврелия и Юлия Романа (в передаче Харизия), отражают специфическую лексику из сферы культа, которая, будучи по происхождению латинской (или даже раннелатинской), сохранилась в нескольких территориальных разновидностях (*sagmen* – латинский вариант, *samentum* – локальный вариант, сохранившийся в Анагнии). Прямая связь между этими примерами и языком надписи He2 также отсутствует.

момент, когда ее забирает великий понтифик, потому что, согласно преданию, таким было имя той, которую выбрали на эту должность первой».

¹⁴ «В первой книге Фабия Пиктора написано, какие слова следует произносить великому понтифику, когда он забирает девушку. Слова эти таковы: “В качестве жрицы-весталки, совершающей священнодействия по праву, по которому жрица-весталка делает это на благо римского народа Квиристов, как ту, которая признана лучшей по закону, я забираю тебя, *Amata*”».

Можно считать «герникийский» язык надписи He2 происходящим от сабинского, ссылаясь на свидетельства античных авторов о раннем переселении части сабинян на юг. Однако возможность сопоставлений сильно ограничена в силу плохой сохранности собственно сабинского материала. Если признавать, что граница между сабинским и фалискским языком не была непроницаема, можно объяснять ряд изоглосс, появляющихся между надписями с юго-востока Лация (Анагния, Сатрик), генетическим родством этих диалектов с древними диалектами (VII–IV вв. до н.э.) из областей *ager Faliscus* и *ager Sabinus*.

Литература

- Калыгин 2000 – Калыгин В. П. Индоевропейская ономастика в свете мифологии: кельтская богиня Бригита и племена бригантов // *Res Linguistica*. К 60-летию доктора филологических наук, профессора Владимира Петровича Нерознака. М., 2000. С. 53–56.
- Новикова 2012 – Новикова Е. П. О происхождении элемента *-s-* в составе формантов *-slo-* и *-smen-* в контексте истории словообразовательной системы латинского языка // *Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения*. Вып. 4. М., 2004. С. 114–118.
- Солопов 2003 – Солопов А. И. Индоевропейский корень *bhergh-* ‘возвышенность’ в итальянской этнонимии и топонимии (*frent(r)ani*, *fertor*, *ferentini*, *furfo*, *fregellae*) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология* – VII. СПб., 2003. С. 196–201.
- Цымбурский 2008 – Цымбурский В. Л. Латинский трилистник: 1. Причина и чудо: индоевропейские связи лат. *causa*. 2. Форма и дхарма. 3. Дело о Пренестинской фибуле // *Colloquia Classica et Indo-Germanica* – IV / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2008. С. 169–220 (= *Acta linguistica Petropolitana*. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1).
- Bakkum 2009 – Bakkum G., *The Latin dialect of the Ager Faliscus: 150 years of scholarship*, Amsterdam, 2009.
- Beloch 1880 – Beloch J. *Der italische Bund unter Roms Hegemonie*.
- Bücheler 1882 – Bücheler F. *Altes Latein (Fortsetzung)* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1882. S. 516–530.
- Bücheler 1905 – Bücheler F. *Iugmentum. offimentum. detramen* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1905. S. 317–320.
- Clackson 2005 (рец.) – Clackson J. *The Perfect System in Latin (Veni Vidi Vici. Die Vorgeschichte des lateinischen Perfektsystems by G. Meiser)* // *The Classical Review*. 2005. Vol. 55, 1, P. 102–104.
- Coleman 1986 – Coleman R. *The central Italic languages in the period of Roman expansion* // *Transactions of the Philological Society*. 1986. P. 100–131.
- Colonna 1990 – Colonna G. *Graffiti arcaici dai santuari degli Ernici* // *Quaderni A.E.I.* 1990. T. 19. P. 241–246.
- Conway 1897 – Conway R. *The Italic Dialects*. Cambridge, 1897.

- Ernout, Meillet 1985 – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1985.
- Gatti 1993a – Gatti S. Dives Anagnia: archeologia nella valle del Sacco. Roma, 1993.
- Gatti 1993b – Gatti S. Nuovi dati sul santuario ernico di S. Cecilia // Quaderni A.E.I. 1993. T. 21. P. 301–310.
- Grotefend 1839 – Grotefend G. Rudimenta linguae Oscae. Hannoverae.
- Lepsius 1841 – Lepsius R. Inscriptiones umbricae et oscae: quotquot adhuc repertae sunt omnes. Lipsiae, 1841.
- Mancini 2004a – Mancini M. Latina antiquissima I: exercizi sulla fibula Praenestina // Daidalos. 2004. T. 6. P. 1–30.
- Mancini 2004b – Mancini M. Uno scioglilingua da Falerii Veteres e l'etimologia di fal. UOMOM // AGI. 2004. T. 89. P. 200–211.
- Marinetti 1981 – Marinetti A. Il sudpiceno come italico (e sabino?) // Studi Etruschi. 1981. T. 49. P. 114–158.
- Meiser 2003 – Meiser G. Veni Vidi Vici. Die Vorgeschichte des lateinischen Perfektsystems. München, 2003.
- von Planta 1897 – von Planta R. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Strassburg, 1897.
- Rix 1998 – Rix H. Eine neue frühsabellische Inschrift und der altitalische Präventiv // Historische Sprachforschung / Historical Linguistics. 1998. 111, Bd. 2. S. 247–269.
- de Vaan 2008 – de Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston, 2008.
- Wallace, Joseph 1991 – Wallace R., Joseph B. On the Problematic f/h Variation in Faliscan // Glotta. 1991. Vol. 69. P. 84–93.

E. P. Novikova. Maid from Anagnia and some details to the portrait of Hernici

The article considers all the evidence of the language of Hernici («Hernician language») and discusses the ways of its classification and the connections between Hernician and Oscan, Faliscan, Old Latin and Sabine languages. Some ancient grammarians say that Italian tribe Hernici was the branch of Sabinians and their name contains Sabine (or Marsian) word *hernae* (lat. *saxa*). The problem of its obscure etymology gets closer attention. The language of the most interesting and the oldest «Hernician» inscription from Anagnia (He2), that have been published by S. Gatti and G. Colonna in the beginning of 1990th and later discussed by H. Rix, is the object of the linguistic commentary. The new reconstruction of the initial part of the inscription ([..]matas...) based on the analysis of possible variations of female names with ending -mata is also given in the article.

Keywords: Italian languages the language of Hernici, the Sabine language, inscriptions from Anagnia, etymology.

**ПАДЕЖНАЯ СЕМАНТИКА В ПРЕДИКАТИВНЫХ
СИНТАГМАХ С ПРЕВЕРБАМИ
(на материале древнеанглийского языка)**

В период с VIII по XI век происходила перестройка системы английского языка, связанная с изменением способа синтаксического моделирования, а именно – с утратой просодикой своих структурных функций в синтаксисе речи с сопутствующим становлением морфо-синтаксических моделей высказывания. Эти структурные изменения были связаны с распадом архаичного разряда фразовых частиц и изменением падежной семантики, что впоследствии привело к становлению устойчивых моделей глагольного управления.

Ключевые слова: Фразовые частицы, фразовые акценты, древнеанглийский позиционный синтаксис, морфо-синтаксическая модель, падежная семантика, глагольное управление, переходность.

1. Фразовые частицы как типологический архаизм

Исследователи древнеанглийских глагольных превербов неоднократно обращали внимание на распад так называемой «системы глагольной префиксации» в начале среднеанглийского периода. Исчезновение глагольных превербов, представленных в древнеанглийском языке, отмечается в любой грамматике среднеанглийского языка. Причиной этих изменений Ристо Хильтунен и его последователи считают переакцентуацию фразы, связанную с предполагаемым структурным сдвигом, произошедшем в системе языка в начале среднеанглийского периода (Hiltunen 1983). Исследователи не уточняют, что изменилось в системе языка и какой была природа предполагаемого структурного сдвига, соответственно, вопрос о причинах исчезновения глагольных превербов и сопутствующих языковых изменениях остается открытым.

В данной работе мы будем говорить о характере изменений в системе английского языка на рубеже древне- и среднеанглийского периодов в связи с историей фразовых частиц.

Эволюция фразовых частиц в индоевропейских языках теснейшим образом связана с развитием системы языка в целом и, в частности – синтаксической системы. Специфика индоевро-

пейского и древнегерманского синтаксиса заключается в том, что он был *просодико-позиционным* (Wackernagel 1892), и это имеет свои следствия. Просодико-позиционный синтаксис предполагает отсутствие устойчивых морфо-синтаксических моделей высказывания, в частности, отсутствие фиксированного порядка слов, *а также участие просодических факторов в синтаксическом моделировании*. Синтаксическая структура древнегерманской речи зависела от двух взаимодействующих факторов: от позиций (синтагматической дистрибуции) полнозначных и вспомогательных слов, с одной стороны, и от фразовой просодики, с другой. Фразовые частицы представляют собой обязательный элемент языковой системы, включающей акцентно-интонационные факторы в синтаксическое моделирование, высокая вариантность их акцентно-позиционных реализаций является условием функционирования такой системы в речи.

Фразовые частицы – это такие элементы древнеанглийского языка, из которых позже развивались префиксы, наречия и предлоги. В древнейший период фразовые частицы не были ни предлогами, ни наречиями, ни глагольными префиксами. Строгая дифференциация указанных разрядов произошла сравнительно поздно, в среднеанглийский период, и сопровождалась исчезновением фразовых частиц из языка. Грамматические разряды наречий, предлогов и глагольных префиксов, с одной стороны, и фразовых частиц, с другой, характеризуют две различных системы языка, последовательно сменяющих друг друга. По этой причине сходные архаичные элементы индоевропейских языков некоторые исследователи относят к области фразовой фонетики (Макаев 1967: 249), подчеркивая их структурную неопределенность, свойственную периферийным (архаичным) элементам языка. Архаичность фразовых частиц не означает их фактического отсутствия в древнеанглийском языке или же необходимости этимологических реконструкций данных элементов и специфики языковой структуры, релевантной наличию фразовых частиц. Архаичность означает выход фразовых частиц за рамки новой (находящейся в процессе становления) системы языка и сохранение в них признаков старой, исчезающей системы. Таким образом, архаичность понимается в данной работе как структурно-типологический признак языкового элемента, а не как хронологическая характеристика речевого факта.

В тот период истории английского языка, который известен по древнейшим письменным памятникам, фразовые частицы

выходят за рамки нового структурного канона языка, частью которого в числе прочих факторов являются 1) семантическая дифференциация превербов, предлогов и наречий (при сохраняющейся в большинстве случаев их формальной корреляции), 2) становление в языке префиксальных моделей глагольного словообразования, формирование которых происходило в древнеанглийский период и было связано с семантизацией просодических комплексов преверб-предикат, а также 3) становление глагольного управления и изменение падежной семантики.

Памятники древней аллитерационной поэзии, запечатлевшие особенности скандирования текстов, сохраняют указания на просодические факторы, участвующие в организации поэтического синтаксиса. Возможность привлечения данных поэтического языка для объяснения древнеанглийской языковой системы в целом определяется тем, что поэтический язык складывался как наддиалектная форма языка и обладал признаками обработанной литературной нормы (Макаев 1965; Макаев 1976: 30; Десницкая 1970; Гухман 1972: 209–210, Hiltunen 1983: 21–27). С наддиалектным характером языка древнегерманской поэзии связана специфика аллитерационного стиха: стиховые связи и членения в рамках германской поэзии неотделимы от связей и членений семантико-синтаксических. Стих не может рассматриваться в качестве второго уровня членения стихотворного текста, метрика как мера неотделима от языка как материала (Смирницкая 1988).

Состояние языковой структуры, соответствующее наличию в языке фразовых частиц, прослеживается только на тех участках поэтического языка, которые связаны с наиболее архаичными из коррелирующих превербов, сохраняющих не только формальное, но и семантическое тождество с соответствующими предлогами и наречиями. Обратной стороной сохраняемой семантической корреляции является сохранение семантической автономности преверба и предиката.

2. Фразовые частицы в древнеанглийском языке: поэзия и проза

Варьирование акцентной позиции характерно для очень многих фразовых частиц (*geond, in, ofer, on, to, under, þurh* и других). Основанием для отнесения различных вариантов позиционной дистрибуции частиц к наречиям, предлогам или превербам выступает система метрических рангов эпоса (о системе

метрических рангов эпоса и смежных вопросах см. Смирницкая 1988). Для того чтобы проиллюстрировать основной принцип просодико-позиционной организации фразы в поэтическом языке англосаксов, обратимся к вариантам дистрибуции фразовой частицы *ymb* 'вокруг'.

Три основных структурно-просодических типа синтагм не всегда связаны с одним и тем же глаголом, что, возможно, определяется ограниченностью корпуса древнеанглийских поэтических памятников. В синтагмах, возникающих на базе одного глагола, могут реализоваться лишь два из трех возможных участников корреляции. Так, например, в структурах с предикатом *flēon* 'летать' реализованы лишь два коррелята: предлог и наречие. Сохранившийся корпус текстов не содержит структур с провербом.

Предлог: Gu. 736–738

S		Oft hē him æte hēold
	P O V	
-x---x-----/-----/-x--x (C-стих)		-x-----/-----/-x (C-стих)
þonne hū him hungrige		ymb hond flugon
grædum gīfre		gēoce gefēgon.

‘Часто он сберегал для них еду, тогда они голодные летали вокруг его рук, прожорливые и жадные. Его благополучие радовало их’.

Наречие: Sat. 567–568

O P V	S
--x----/-----/--x (C-стих)	--/--x----/---x (A-стих)
Him ymbflugon	engla prēatað
þūsendmælum.	

«Вокруг него парили тысячами ангелы».

В синтагмах с предикатом *sittan* 'сидеть' различаются преверб и предлог.

Предлог: Gen. 1906–1908

S	Nū þū. Loth. gepenc
	P O V
--x----/-----/--x (C-стих)	-x-----/---x---/-x (A-стих с анакрузой)
þæt unc modige	ymb mearce sittað
þēoda þrymfæste	þegnum and gesiððum

«Теперь поразмысли, Лот, над тем, что благородные мужи окружают нас у границ, сильные нации с вассалами и союзниками».

Проверба: Bēo. 562–564

Næs hīe ðære fylle	gefēan hæfdon
mānfordædla	þæt hīe mē þēgon
O P V	
---/---x---x---/---x (A-стих)	-/---\---x---/ (E-стих)
symbol ymbsæton	sægrunde nēah

‘Не получили они удовольствия от пира (который они задумали), те, кто творил зло; от того, что они поедали бы меня, от того, что сидели бы вокруг на празднестве у морского дна’.

В синтагмах с предикатом *gangan* ‘идти’ реализовано противопоставление наречия vs. проверка.

Наречие: Sal. 487–488

O P V	S
---x---x---/---x---/---x (A-стих с анакрузой)	--/--x---/---x (A-стих)
Ponne hine ymbegangað	gāstas twegen.
ōðer bið golde glædra.	ōðer bið grundum sweartra.

‘И бродят вокруг него два духа: один радостнее золотого блеска, другой мрачнее самого ада’.

Проверба: Bēo. 620–622.

P V	S
--x---/---x---/ (B-стих)	--/---/---\---x (D-стих)
Ymbēode þā	ides Helminga
O O	
duguþe ond geogoþe	dæl æghwylcne
sincfato sealde	oþ þæt sæl ālamp...

‘И обошла царица Хельмингов каждый уголок палат, где сидел и стар, и млад; кубок драгоценный воинам подносила’.

В синтагмах поэтического языка с предикатами *flēon* ‘лестать’, *sittan* ‘сидеть’ и *gangan* ‘идти, ходить’ представлены три варианта синтагматической дистрибуции основных компонентов фразы (объекта, фразовой частицы и предиката): 1) OPV (Sat. 567–568; Bēo. 562–564; Gn. Ex. 181; Sal. 487–488), 2) POV (Gu. 736–738; Gen. 1906–1908) и 3) PVO (Bēo. 620–622; Ps. 58. 4–6).

Три указанных варианта синтагм с предикатами движения и положения в пространстве и фразовой частицей *ymb* представлены в прозаических памятниках.

1. OPV: Chr.E; A.D. 1072, p. 208: *Hēr Willelm cyng lædde scyppfyrde ond landfyrde tō Scotlande. ond þ. land on þā sæ healf mid scipum ymbe læg.* ‘В этот год король Вильгельм совершил морской и сухопутный поход в Шотландию. И своими кораблями с моря он окружил эту страну’.

2. POV: Met.Fox., Ch. 39.3, p. 214: *Hwā unlæredra ne wundraþ þær roderer færelder ond his swiftnesse. hū hē elce dæg ūton ymbhwyrfð ealne ðisne middanearð.* ‘Кто так неграмотен, что не удивляется движению небосклона и той скорости, с которой он каждый день вращается вокруг земли’; Oros. 22: *Nū wille wē secgan be sūðan Donia. þære ēa ymbe Creca land. līð.* ‘Теперь мы будем рассказывать о южном побережье реки Дунай, которая течет вокруг земли греков’.

3. PVO: Met. Fox, Ch.39.3, p. 214: *.ond þā lengestne þe ymb þā eahe middanwearde hwerfað.* ‘Большой (путь по небу) проходят те звезды, которые вращаются вокруг середины земной оси’.

Важным следствием фонологической релевантности моделей древнеанглийского синтаксиса было общее усложнение языковой фактуры. В формировании синтаксических моделей включались не два языковых уровня (как во многих современных языках, где модели синтаксиса являются двух-уровневыми, морфо-синтаксическими), а три: фонология, морфология и синтаксис. Таким образом, в древнеанглийском языке налицо увеличение синтаксической информации. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что давление системы языка на единицы синтаксиса было значительно ослаблено (об этом подробнее см. Макаев 1962: 52). Ослабление давления системы на единицы синтаксиса проявляется в распространении полипредикативных конструкций с общим объектом и в возникновении дейктических функций у различных единиц языка, включая фразовые частицы. Говоря о синтаксисе древнеанглийского языка, исследователи характеризуют данную стадию языкового развития как период флуктуации и отмечают недостаточную консолидацию фразы, огромное разнообразие синтаксических структур и отсутствие четких границ между единицами синтаксиса, что, по мнению большинства исследователей, свидетельствует о неформальности синтаксиса и слабой структурированности языка. Придерживаясь известной точки зрения, подчеркивающей структурную оформленность любой языковой формы (Лосев 1983), нам хотелось бы обратить внимание на одну особенность

периода флуктуации – отсутствие жестких ограничений, накладываемых языком на единицы синтаксиса, что создавало условия для подвижности и высокой вариативности синтаксических структур. На наш взгляд, степень структурированности у всех языков одна и та же – достаточная для того, чтобы языковая система работала и говорящие могли использовать её в целях коммуникации. Поэтому вопрос заключается лишь в специфике языковой структуры. Отсутствие в языке жестких ограничений для синтаксических структур свидетельствует отнюдь не о слабой структурированности языка, а сложнейшем типе его структурной организации, обуславливающим большую семантическую загруженность речевых форм, что возможно лишь в случае существования в языке огромного количества семантических единств на всех уровнях, включая синтаксис. Сложность структурной организации создала высокий семантический потенциал древнеанглийского языка и необыкновенную гибкость языковой фактуры, которой определяется мягкость речевых форм, яркость и самобытность всей древнеанглийской литературы.

Понижение давления системы языка на синтаксические структуры имело следствием повышение роли контекста. Вне контекста поэтические и прозаические структуры оказывались мало понятными, так как взаимодействие различных единиц и факторов языка было направлено не на создание дискретных речевых единиц, а на приращение контекста, общего для нескольких синтагм, вследствие чего происходило размыкание синтаксиса в общей контекст периода. Это явление на уровне единиц речи, больших, чем словосочетание, создает своеобразную синтаксическую многозначность, когда в определенном контексте присутствует множественность синтаксических употреблений слова (или словосочетания), что, конечно, осложняет восприятие текста читателем, привыкшим к устойчивым морфосинтаксическим моделям языка. Между тем, контаминация синтаксических структур в древнеанглийских текстах не может расцениваться как отступление от нормы. Древнеанглийские синтаксические структуры являются лишь особой разновидностью языковых форм, а текучесть текстов и сложность периодов вполне соответствовали специфике структуры языка и не препятствовали смыслообразованию.

3. Падежная семантика в синтагмах с превербами

При решении вопроса о становлении глагольного управления в древнеанглийском языке и, в частности, сильного управления и категории переходности, историк языка рискует перенести проблему в область морфологии (как науки о формах слова) и анализировать просодико-позиционные комплексы преверб плюс предикат так, как будто они представляют собой единицы лексики, приписывая древнеанглийскому языку свойства ряда современных языков. Между тем, закрепление безударных вариантов фразовых частицы (предлогов или превербов) и относительная консолидация фразы, связанная с сокращением ряда синтагматических позиций фразовых частиц, еще не означают, что в древнеанглийском языке произошла полная дефонологизация синтаксических структур. Преверб долгое время сохраняет семантическую и синтагматическую автономность, что тождественно отсутствию морфемного шва между превербом и предикатом. В древнеанглийском языке есть случаи sporadической смены семантики преверба в рамках просодико-позиционного единства преверб-предикат, окказиональные изменения семантики просодического комплекса, связанные с этимологизацией и обратным разложением нестойких и находящихся в процессе становления единиц лексики (будущих префиксальных глаголов). Эти факты говорят о том, что в древнеанглийском языке не было жесткой грани между архаичными просодико-позиционными структурами и формирующимися на их базе лексемами. Возвращаясь к вопросу о характере структурного сдвига, имевшего место на рубеже древнеанглийского и среднеанглийского периодов, отметим, что ещё до ситуации англо-нормандской диглоссии, заметно изменившей характер английского языка, в древнеанглийском происходили внутренние структурные изменения, *связанные с устранением фонологических факторов из синтаксического моделирования*. Окончательный распад системы фразовых частиц предполагает дефонологизацию синтаксиса, что является импульсом для становления глагольной префиксации. Этот процесс, однако, был длительным, и фразовые акценты сохраняли свои строевые функции, как минимум, до конца древнеанглийского периода.

Выявление степени семантической автономности преверба в рамках просодико-синтаксических комплексов преверб-предикат важно не только для понимания способа языкового моделирования синтаксиса (двух- или трех-уровневые структуры), но

и для вопроса о семантике падежных форм, в частности, падежной формы аккузатива. В том случае, когда проверб сохраняет семантическую автономность и расценивается говорящими как самостоятельный элемент в рамках просодико-позиционного единства, конструкции с глаголами движения и положения в пространстве, а также с глаголами мысли, речи, слуха будут сохранять исконную семантику винительного падежа (локальную, или значение места относительно которого совершается движение, и обстоятельственную, точнее – значение определенного отношения).

В лингвистической литературе приводились факты, говорящие о том, что переходность как категория, связанная с определенной морфо-синтаксической моделью словосочетания, возникает в языках индоевропейского ареала сравнительно поздно (Гамкрелидзе, Иванов 1984). С этим связана и поздняя дифференциация глаголов по признаку сильного или слабого управления (Савченко 1974), а также поздняя специализация винительного падежа в качестве падежа прямого объекта (Десницкая 1984). Большое значение в истории становления глагольной переходности и развития семантики винительного падежа имело развитие фразовых частиц, которое редко учитывается при решении вопроса о становлении категории глагольной переходности. Насколько нам известно, связь семантики винительного падежа с фразовыми частицами была отмечена дважды: в исследованиях Ф. де Соссюра (Соссюр 1990) и А. В. Попова (Попов 1881). А. В. Попов, ученик А. А. Потебни, пишет следующее: «Сложение глаголов с наречными частицами является другим важным средством для разграничения переходных глаголов от непереходных. Готский ... представляет еще многочисленные случаи, когда наречные частицы, являющиеся в позднейшее время или как глагольные префиксы, или как предлоги при косвенных падежах, стоят еще совершенно отдельно, не примыкая ни к глаголу, ни к косвенному падежу. Подобно позднейшим наречиям эти наречные частицы употреблялись (преимущественно при глаголах движения) для более точного определения значения глаголов, не влияя на падеж объекта: падеж объекта оставался тот же и в том случае, когда такой наречной частицы не было. Так, например, в более древних языках при глаголах движения мог стоять винительный цели движения, но для более точного определения направления движения в подобных предложениях могут прибавляться наречные

частицы». В качестве примера А. В. Попов привел следующий пример: ст.-русс. *Карскую Губу через бежали* (РИБ II, 1092).

Проблема возникновения морфо-синтаксических моделей с семантикой действия, совершаемого субъектом и переходящего на объект, не может решаться в отрыве от истории фразовых частиц, поскольку архитектура синтаксических моделей прямо связана с функциями частиц в структуре языка.

Древнейший период в истории английского языка характеризовался отсутствием грамматического противопоставления глаголов с сильным и слабым управлением, а также отсутствием существенных семантических различий между синтаксическими моделями, представляющими собой варианты, зависящие от просодико-позиционной дистрибуции частицы, предиката и объекта. Способу синтаксической организации синтаксических моделей, проявившемуся в чрезвычайной гибкости и подвижности синтаксиса, сопутствовала высокая грамматическая нагрузка словоформ. Семантика формы винительного падежа в этот момент не ограничивалась значением прямого объекта действия, но сохраняла древние значения коммодальности, локальности, а также коммитативные и другие обстоятельственные значения. Между тем, сложности, связанные с пониманием характера синтаксического моделирования, не касаются этого (древнейшего) периода. Вопрос значительно усложняется в тот момент, когда начинается распад системы фразовых частиц и лексикализация просодико-позиционных комплексов преверб-предикат. Поскольку историк языка имеет дело с языковым континуумом, с «тождеством основных элементов языка на разных этапах его развития (с учетом тех преобразований, которым подвергаются эти структурные элементы в эволюции определенного языка)» (Макаев 1973: 231), возникает вопрос о временной цезуре, отделяющей одно языковое состояние от другого состояния.

Процесс лексикализации просодико-позиционных комплексов преверб-предикат, относительная хронология которого неизвестна, в древнеанглийский период находился на начальных стадиях, поэтому решение вопроса о том, что именно представляет собой конкретное сочетание преверб плюс предикат в конкретном контексте (лексему или просодико-позиционный комплекс) зависит от точности семантических отношений внутри просодических структур преверб-предикат. В то же время вопрос о категории переходности в древнеанглийском языке не

может иметь конкретно-контекстного решения (поскольку речь идет о системном явлении) и должен рассматриваться только концептуально: в древнеанглийском языке происходила перестройка синтаксических моделей, связанная с лексикализацией просодико-позиционных комплексов и сопутствующей дефонологизацией синтаксиса. При этом степень консолидации слова у новых, находящихся в процессе становления, единиц лексики была низкой, такие единицы были очень нестойкими и в определенных позициях могли распадаться на семантически автономные элементы: проверб и предикат с сопутствующей регенерацией моделирующих функций просодических факторов. Таким образом, в древнеанглийский период синтаксические структуры являются потенциально трехуровневыми, а форма винительного падежа потенциально сохраняет семантическую диффузность, что говорит об отсутствии регулярной морфосинтаксической модели словосочетания с семантикой действия, совершаемого субъектом и переходящего на объект. В древнеанглийском языке это значение, вероятно, спорадически возникало, но без специального семантического исследования вряд ли можно утверждать наличие указанного семантического компонента в конкретном контексте.

В связи с тем, что в истории английского языка был период, когда отсутствовало грамматическое противопоставление глаголов по признаку сильного vs. слабого управления, понятие синтагматического взаимодействия предиката и падежной формы, применимое к синтаксису речи на любых стадиях развития языка, представляется более корректным для исторической грамматики английского языка в сравнении с понятием глагольного управления.

Литература

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984.
- Гухман 1972 – Гухман М. М. Взаимодействие диалектных ареалов и развитие наддиалектных форм в донациональный период. (На материале германских языков) // Энгельс и языкознание. М., 1972. С. 209–210.
- Десницкая 1970 – Десницкая А. В. Наддиалектные формы речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
- Десницкая 1984 – Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
- Лосев 1983 – Лосев А. Ф. Языковая структура. М.: МГПИ, 1983.

- Макаев 1962 – Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. 1962, №5. С. 47–52.
- Макаев 1965 – Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М.: «Наука», 1965.
- Макаев 1967 – Макаев Э. А. Структура слова в общиндоевропейском // Проблемы языкознания. Тезисы X международного конгресса лингвистов. М., 1967.
- Макаев 1976 – Макаев Э. А. Рунический и готский // Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 29–41.
- Макаев 1973 – Макаев Э. А. О некоторых проблемах диахронической лингвистики // *Philologica*. Исследования по языку и литературе. Памяти академика В. М. Жирмунского. Л.: «Наука», 1973. С. 226–233.
- Попов 1881 – Попов А. В. Синтаксические исследования. Часть I. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложенных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, литовском немецком, латышском и славянском наречиях. Воронеж, 1881.
- Савченко 1974 – Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: «Высшая школа», 1974.
- Смирницкая 1988 – Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии: Дис. д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1988.
- Соссюр 1990 – Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: «Прогресс», 1990.
- Hiltunen 1983 – Hiltunen R. The decline of the prefixes and the beginnings of the English Phrasal Verb: the evidence from some Old and Early Middle English texts. Turku, Finland: Turun Yliopisto, 1983.
- Wackernagel 1892 – Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // *Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft*. Bd.1. 1892. S. 333–435.

Сокращения

- Bēo.* – «Беовульф», *Chr.* – «Англо-саксонские хроники», *Gen.* – «Бытие», *Gn. Ex.* – «Эксетерские гномы», *Gu.* – «Гутлак», *Met. Fox.* – прозаические перевод «Утешения философией» Боэция, *Sal.* – «Соломон и Сатурн», *Sat.* – «Христос и Сатана».

N. L. Ogurechnikova. Case semantics in predicative structures with phrasal particles

The paper discusses structural changes that took place in Anglo-Saxon in VIII–XI centuries and were due to modification of the structure of speech. Those changes are contemplated with regard to the role of phrasal particles in the language, on the one hand, and to modification of semantic structure of case, on the other. As prosaic texts contain no reliable data on prosodic parameters of speech, we turn to good account the data of Anglo-Saxon poetic language on archaic syntactic structures in Anglo-Saxon. Doing so, we pay special attention to the structural role of phrasal accents in them. To show relevance of the collected data for the prose, we adduce some prosaic examples with same order of main components: Subject, Object and Verb, which could have same prosodic patterns.

After discussion of the archaic state of the language the paper turns to theoretical issues related to modification of syntax throughout Anglo-Saxon period. Phrasal accents, relevant in the former period of positional syntax, were gradually losing their structural potential and the language was gradually switching to a different type of syntactic structures. Those changes were bound up with elimination of phrasal particles from the language, which implied a range of minor processes: semantic differentiation of functional realizations of phrasal particles, a ban on some functional positions of phrasal particles, development of semantically bound structures on the basis of former prosodic complexes consisting of a phrasal particle and a predicate. A most important issue of the paper is the semantics of case in Anglo-Saxon. Restructuring of syntax was a complex process which entailed further changes, one of them was modification of case semantics and development of verbal government and corresponding verbal categories, transitivity being one of them. The changes took place gradually, and during a long time grammatical meaning of cases was different from those we find in the languages of today. Semantic structure of cases preserved archaic elements, for instance accusative continued to express a range of meanings, locative and relative meanings among them.

Keywords: Phrasal particles, phrasal accents, structural change, utterance, collocation, positional syntax, syntactic structure, morpho-syntactic model, case semantics, verbal governance, category, transitivity.

Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция?

В прологе «Мученичества Пиония» утверждается, что оно основано на сочинении самого мученика, написанном им в тюрьме. В недавней работе Э. Хилхорста было высказано предположение, что этот текст принадлежит не самому Пионию, а создан кем-то из его учеников. Мы полагаем, что критика Хилхорста заслуживает внимания, но нуждается в серьезной корректировке, по крайней мере, в отношении двух речей Пиония (Mart. Pionii 4; 12, 3–14). Анализ их содержания, контекст и параллели с античной и христианской литературой демонстрирует их подлинность.

Ключевые слова: раннее христианство, агиография, преследования, мученичество, «Мученичество Пиония», Смирна, отступники.

Раннехристианские агиографические сочинения – *martyria*, *acta* и *passiones* – являются важнейшими источниками по истории как первых веков истории христианства, так и римской административной и судебной системы. В их основе находятся записи очевидцев и современников этих событий и судебные протоколы допросов (*commentarii*), но иногда мы встречаемся и отдельные пассажи, принадлежащие самим мученикам. В «Мученичестве Перпетуи и Фелицитаты» это записи видений христиан во время заключения, в «Мученичестве Монтана и Луция» – письмо своим товарищам. Особое место среди таких «автобиографических» текстов занимает «Мученичество Пиония», повествующее о событиях, произошедших в Смирне в феврале 250 г. во время гонений Деция. В самом начале этого текста содержится следующее заявление: «Он (Пионий – А.П.) оставил это сочинение для нашего наставления, по которому и сейчас мы вспоминаем его учение» (τὸ σύγγραμμα τοῦτο κατέλιπεν εἰς νουθεσίαν ἡμετέραν ἐπὶ τὸ καὶ νῦν ἔχειν ἡμᾶς μνημόσυνα τῆς διδασκαλίας αὐτοῦ – Mart. Pionii 1, 2). Кроме того, в состав «Мученичества» входят две большие речи Пиония, обращенные к язычникам и христианам-отступникам (4; 12–14), и наконец, при повествовании трижды происходит переход от третьего к первому лицу (так называемые «мы»-фрагменты – 10, 5; 18, 13; 22, 2).

П. Корссен, исследуя «Мученичество Поликарпа» и пытаясь доказать, что оно было написано Пионием ок. 250 г., впервые

предположил, что большая часть «Мученичества Пиония» (главы 2–18) написана самим мучеником и была впоследствии переработана редактором (Corssen 1904: 289–290). Эта теория была скорректирована И. Делее, полагавшим, что перед нами автобиографический текст, подвергшийся редакторской правке, которая сводилась к трем видам изменений. Во-первых, редактор добавил к оригинальному тексту новые фрагменты, а именно, вступление (1–2,1) и описание осуждения и казни (19–23), которые никак не могли принадлежать мученику. Во-вторых, он изменил первое лицо рассказа Пиония на третье. В-третьих, он внес и другие изменения, идентифицировать которые мы не можем (Delehayе 1966: 30–31). В настоящее время многие ученые полагают вслед за И. Делее, что записки Пиония стали основой для его «Мученичества» (Boeft, Bremmer 1985: 123; Lane Fox 1986: 468–471; Robert 1994: 49–50; Bowersock 1995: 28–32), однако, есть и противники этого мнения (Hilhorst 2010: 103–121).

Э. Хилхорст считает, что против «автобиографичности» «Мученичества» можно привести целый ряд возражений. Прежде всего, это «нескромность» многих пассажей из «автобиографии», что не позволяет автоматически восстановить рассказ от первого лица. В самом деле, утверждать, например, «Я много говорил, и весь народ застыл, слушая в такой тишине, что никто не издал ни звука» или «Я успешно сопротивлялся шести солдатам» – дело зрителей, а не оратора. Речи Пиония носят слишком ученый характер, они перегружены ссылками на Писание, которые не могли появиться при импровизации, да и вряд ли Пионий имел возможность писать в тюрьме, хотя такое и случалось. Между предполагаемым текстом Пиония и редакторскими добавлениями отсутствуют какие-то значимые стилистические расхождения. В отличие от других сочинений, где содержатся тексты мучеников, в «Мученичестве» «автобиографическая» часть не отделена от остального текста редакторскими ремарками, как это сделано в «Мученичестве Перпетуи и Фелицитаты» и «Мученичестве Монтана и Луция». Евсевий Кесарийский говорит о «Мученичестве» как о сочинении о Пионии (περὶ αὐτοῦ γράφῃ – HE IV, 15, 47), а не Пиония. Мы не находим в этом отрывке связного изложения обещанного в прологе учения (διδασκαλία), наоборот, текст очень далек от систематической записи. Наконец, Э. Хилхорст доказывает, что «мы»-фрагменты принадлежат не оригинальному тексту Пиония, а смирнским христианам (Hilhorst 2010: 107–120). Часть этих

аргументов, несомненно, заслуживает внимания, но некоторые из них нуждаются в серьезной корректировке. Остановимся подробнее на вопросе подлинности речей Пиония, так как здесь аргументы Хилхорста совсем не убедительны. Скажем несколько слов об их содержании прежде, чем перейти к анализу его возражений.

В первой речи, произнесенной на агоре, Пионий, цитируя Гомера и Ветхий Завет, призывает язычников и иудеев не издеваться над теми из христиан, кто отступился и принес жертву языческим богам, сам же он скорее умрет, чем нарушит то, чему его учили и он сам учил. Иудеям не стоит смеяться над христианами, ведь если они им и враги, то все равно христиане остаются людьми, которые страдают из-за несправедливости. Кроме того, иудеи сами неоднократно отступались от Бога, причем делали это не по принуждению, а по своей воле – этому есть много примеров в Писании. То, что некоторые из христиан отпали добровольно, не дает оснований для порицания всех их. Происходящие гонения – признак скорого конца света, и Сам Бог отсеивает мякину от пшеницы. Господь неоднократно наказывал людей за их грехи, примерами этого являются пустыня на месте Содомы и Гоморры, Мертвое море или извержения вулканов и землетрясения. Все это – знаки грядущего Страшного суда, поэтому истинно верующие не отступятся от Бога и не принесут жертв (Mart. Pionii 4).

Вторую речь Пионий произнес в тюрьме перед смиренскими христианами, как устоявшими во время гонения, так и отпавшими, но желающими вернуться в общину – именно поэтому они пришли к исповеднику, который мог простить этот грех. Особо подчеркивается, что эти отступники были принуждены силой (κατὰ ἀνάγκην), а до того вели богобоязненную и честную жизнь (μάλιστα ἐπὶ τοῖς ἐνλαβέσι καὶ ἐν καλῇ πολιτείᾳ γενομένοις – Mart. Pionii 12,2). Мученик с помощью многочисленных образов из Писания оплакивает бедственное положение христиан, но не стоит считать, что причина этого в том, что Бог обессилел – все дело в их собственных грехах: «Нужно, чтобы наша праведность превзошла праведность книжников и фарисеев» (12, 16). Особое беспокойство Пиония вызывает то, что часть отступников могла обратиться к иудаизму. Он призывает их не слушать иудеев и не совершать непростительный грех, по своей воли предав Христа. Пионий разбирает иудейскую критику христианства: они утверждают, что Иисус был обычным

преступником, но ученики какого другого преступника наполнили весь мир и умирают за его имя? Они говорят, что Иисус занимался некромантией, но на основании чего это утверждается? «Говорящие это не незаконны ли?» (13, 9). Обсуждению этого обвинения Пионий отводит всю вторую половину своей речи. Он обращается к истории Саула, который вызвал тень пророка Самуила и доказывает, что это не так: Саулу явилась не тень пророка, отдыхающего на лоне Авраама (14, 7), а адские демоны (δαίμονες тартарῶν – 14, 11). Мученик заканчивает свою речь так: «Если же это не можете противопоставить им, скажите: “Как бы то ни было, мы лучше вас, блудодействующих и идолопоклонствующих без необходимости”. И не соглашайтесь с ними, оказавшись в отчаянии, братья, но пребывайте в раскаянии во Христе: ведь Он милосерден и примет вас обратно как детей» (14, 15–16).

Итак, обе речи Пиония содержат много отсылок к библейским текстам, и вряд ли они были дословно записаны со слуха или по памяти. Могли ли эти речи быть написаны самим мучеником? Мы полагаем, что да, вполне. Против того, что это фикция, говорит позиция Пиония по поводу падших, точнее, ее отсутствие: он лишь дает надежду тем, кто отступился под угрозой насилия и предостерегает от добровольного отпадения и других опрометчивых шагов (Ameling 2008: 159–160). Речи хорошо отражают ситуацию в Смирне в самом начале 250 г. – действие «Мученичества» происходит с 23 февраля по 12 марта – с возрастанием давления язычников на христиан, большим числом отступников и попытками переманить их со стороны конкурирующих религиозных течений. Особую остроту вопросу об отступниках придавало то, что жертву принес Евктемон, о котором говорится как о «предводителе христиан» (Mart. Pionii 13, 2); возможно, он был епископом смирнской общины. Если бы «Мученичество» было создано позже описываемых событий, то там содержались бы четкие указания на то, как следует поступать с отступниками в зависимости от тяжести их греха или на полемику о том, можно ли даровать им прощение, как мы это видим, например, в сочинениях Киприана. Следующий вопрос – когда эти речи были написаны Пионием, до ареста или уже после заключения в тюрьму? Первая из них, как нам кажется, вполне могла быть продумана, а то и записана, еще до того, как за ними пришли стражи. Нам известно, что Пионий и его товарищи готовились к тому, что их схватят, заранее: они спе-

циально обвязали свои шеи цепями, чтобы никто не подумал, что они решились принести жертвы (Mart. Pionii 2, 3–4). Кажется вполне естественным, что Пионий, обеспечив визуальное сопровождение шествия на суд: «Все видели, что они несли оковы, и из-за этого странного зрелища вскорости сбежался народ» (3, 5), озаботился и подготовкой речи. Не исключено, что она была записана Пионием, как за несколько десятилетий до того поступил Аполлоний (Mart. Apoll. 14–22). Редактор «Мученичества» сохранил лишь ее первую часть, закончив так: «Он сказал это и многое другое» (Mart. Pionii 5,1). Вероятно, это было вызвано ее размером или тем, что ее начало уже содержало все основные тезисы, а дальше следовало их развитие с привлечением ветхозаветного и античного материала.

М. Симонетти усомнился в том, что неокор Полемон действительно позволил произнести Пионию столь длинную речь, и следовательно, это – фикция (Simonetti 1955: 16–17). Но, как кажется, оснований для таких сомнений нет. Прежде всего, необходимо указать, что Пионий – человек того же круга, что и его антагонисты в «Мученичестве». Многие из них названы по имени и, очевидно, они еще до ареста были знакомы с Пионием. Это адвокат Александр (6), ритор Руфин (17), потомок Руфина, упомянутого Флавием Филостратом (VS 272; Lane Fox 1986: 465–467), знатный горожанин Лепид (16). Полемон, тоже потомок знаменитого софиста, с толпой адвокатов упрасивает его принести жертву, говоря: «Мы тебя любим и за твои многие достоинства и характер жизни, и из-за порядочности» (5, 3). Пионий был достаточно обеспечен, чтобы путешествовать (4, 18–20) и, несомненно, получил риторическое образование, об этом говорит как его речь, так и особое указание на жесты (Pernot 1997: 111–123). Многие говорили ему вслед: ὁ τοσαύτη παιδεία (10, 7). Пионий принадлежал к тому же кругу местной знати, что и магистраты, и здесь мы сталкиваемся с ситуацией, описанной Д. Поттером: местные власти были тесно связаны со своим городом или областью и часто ставили благополучие и спокойствие у себя дома выше интересов империи. Если для наместника публичная казнь преступника, пусть и из общества, была восстановлением римского закона, то для местной власти это означало разрушение установленного порядка (Potter 1993: 69–71). Именно поэтому Пионию вместо жертвоприношения богам предлагают принести жертву императору (8, 4) или даже инсценировать это, просто войдя в храм Немезиды (7, 2). Естественно,

что такому человеку дали возможность высказаться, как это позволили и Аполлонию в Риме. Затем, уже то, что Пиония привели на агору и туда собралось множество народа (3, 5–6), показывает, что никто не собирался лишать его слова. С точки зрения магистратов, устроенное ими зрелище должно было пройти по следующему плану: речь Пиония и демонстрация его твердости – переубеждение властями – отречение и жертвоприношение в храме Немесиды. Скорее всего, ответная речь Полемона или какого-то другого ратора из числа смирнских адвокатов оказалась сокращена до слов «и упрашивали, говоря... и много такого прочего» (5, 3). Смирна – знаменитый центр риторической культуры, такое представление вызвало бы большой интерес зрителей, что и произошло. Более краткие судебные процедуры характерны для западной части Империи. Позже, поняв, что Пиония не удастся убедить так легко, как Евктемона, посыльные от стратега сказали Полемону: «Не позволяй ему говорить, чтобы... беспорядок и расспросы об этом человеке не начались» (7, 2). Итак, если бы в планы магистратов входило бы не дать Пионию выступить, они легко смогли бы сделать это.

У нас нет сомнений и в аутентичности второй речи. Э. Хилхорст полагает, что она чрезмерно перегружена библейскими аллюзиями и слушатели не смогли бы в ней разобраться (Hilhorst 2010: 108). Нам кажется, что это не соответствует действительности. Мы знаем не так много об иудейской общине Смирны, но нам известно о ее непростых отношениях с христианами: об этом свидетельствует «Откровение Иоанна» (2, 9) и «Мученичество Поликарпа» (12, 2; 13, 1; 17, 2) (Gaston 2005: 20–24). С. Каду полагает, что причина этой враждебности была в том, что смирнская церковь состояла по преимуществу из обращенных иудеев (Cadoux 1938: 319), с ним не соглашается Л. Гастон, называя это историографическим мифом (Gaston 2005: 21). Так или иначе, среди христиан в Смирне были иудеи, об этом свидетельствует Игнатий Антиохийский: «На веки воздвигнуть знамение для святых и верных своих, как между иудеями, так и язычниками, совокупленных в едином теле Церкви Своей» (Smyrn. 1, 2). Среди слушателей Пиония вполне могли быть христиане из иудеев, и именно этим могло быть вызвано опасение мученика, как бы они не вернулись в синагогу. Эта часть аудитории, без сомнения, понимала цитаты Пиония, и все они достигали цели. Что касается второй части слушателей, не так хорошо знакомых с Писанием, то мы видим,

что у Пиония нет никаких иллюзий на их счет: он прямо говорит о том, что если те не смогут воспользоваться его аргументами, то пусть просто стоят на том, что они лучше иудеев, так как не идолопоклонствуют без принуждения. Еще один аргумент в пользу подлинности этой речи состоит в том, что Пионий не указывает, на каких условиях состоится прием отступников или, наоборот, не говорит им о непростительности этого греха. Гонения только начались, и он не знает, как следует себя вести исповеднику в этой ситуации. Он старается дать отпавшим надежду и удержать их если не в общине, то у ее дверей. К сожалению, нам плохо известно о обстоятельствах гонения в Малой Азии, но можно утверждать, что вскоре проблема принятия отступников остро встала для всего региона: епископы из Тарса и Каппадокии присутствовали на соборе, посвященном схизме Новациана, который настаивал на том, что отступничество – непростительный грех (Eus. HE VI, 46), а позже его сторонники пользовались успехом в Вифинии, Пафлагонии, Галатии и Фригии, став своего рода наследниками монтанистов (Ameling 2008: 135).

Мог ли Пионий записать свою речь в тюрьме? Э. Хилхорст указывает, что обстоятельства заключения – грязь, темнота, жара, голод, теснота – этому не благоприятствовали, но все же такая возможность была (Hilhorst 2010: 110–111). Сомнения Хилхорста выглядят странно. Прежде всего, заключенные вынужденно обладали большим досугом, они могли принимать посетителей и даже играть в игры (Sen. Tranq. 14; Plut. De sera 554d), а Пионий провел в тюрьме больше двух недель, так что время у него было, и это подчеркивается особо (Mart. Pionii 11, 7). Была ли возможность для этого? «Мученичество» упоминает о том, что Пионий и его товарищи подвергались вымогательству и давлению со стороны тюремной стражи и их даже на время перевели во внутреннюю часть тюрьмы, что-то вроде карцера (11; 18, 10). Но это ужесточение режима носило краткосрочный характер – стража, раскаявшись, перевела их обратно. Античная традиция приводит много свидетельств о сочинениях, написанных в тюрьме. Платон рассказывает, что Сократ в темнице составил переложение басней Эзопа и сочинил пеан в честь Аполлона (Phd. 60d; Diog. Laert. II, 42). Авл Геллий сообщает, что Невий написал в тюрьме две свои драмы (III, 3, 15). Цицерон говорит о том, что некий Фурий, находясь в тюрьме, составил и записал речь в свою защиту, и «нет теперь человека в

Сицилии, у которого бы не было этой речи» (Ver. 2, 5, 112). Тацит рассказывает, как Публий Вителлий покончил с собой в тюрьме, попросив нож для выскабливания написанного под предлогом литературных занятий (Ann. VI, 5, 8), а Пакониан был казнен за стихи против Тиберия, которые он сочинил, находясь в темнице (Ann. VI, 39). О составлении сочинений в тюрьме сообщает и Флавий Филострат (VA IV, 46). Что касается христиан, то можно вспомнить письма Игнатия Антиохийского, «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты», где содержатся фрагменты ее тюремного дневника (2, 3 et al.), «Мученичество Монтана и Луция», частью которого является письмо мучеников (1–11) и «Письмо Филеаса», написанное в тюрьме. Особое место в этой «тюремной литературе» занимает переписка Киприана Карфагенского – современника мученичества Пиония (Ep. 16, 20, 21 et al.). Таким образом, Пионий вполне мог записать эту речь, находясь в заключении.

Наконец, последний вопрос, которого необходимо коснуться в связи с речами Пиония – степень сохранности их оригинального текста. Э. Хилхорст не без оснований критикует И. Делее за введение фигуры редактора с неограниченной властью над текстом, на которого мы списываем все странности (Hilhorst 2010: 108). Тем не менее, отрицать роль редактора не приходится, его рука чувствуется даже в изложении архивного документа – протокола допроса мученика проконсулом. Мы полагаем, что объектом редакторской работы стали и речи. Выразилось это в их сокращении (5, 1) и, возможно, в какой-то незначительной стилистической правке. В любом случае, обе речи Пиония в настоящем виде представляют текст, безусловно восходящий к подлинному тексту мученика.

«Мученичество Пиония» оставляет массу вопросов, например, о подлинности многочисленных диалогов в тексте, о практическом отсутствии критики языческой религии и гонителей-язычников или о странностях в тексте «Церковной истории» Евсевия, где говорится об этом сочинении и его датировке, но нам кажется несомненным то, что в основе «Мученичества» находятся, как минимум, две речи, написанные и произнесенные самим Пионием.

Литература

Ameling 2008 – Ameling W. The Christian “lapsi” in Smyrna, 250 A.D. (Martyrium Pionii 12–14) // *Vigiliae Christianae*. Vol. 62. P. 133–160.

- Boeft, Bremmer 1985 – Boeft J., Bremmer J. *Notiunculae Martyrologicae* III. Some Observations on the Martyria of Polycarp and Pionius // *Vigiliae Christianae*. Vol. 39. P. 110–130.
- Bowersock 1995 – Bowersock G. W. *Martyrdom and Rome*. Cambridge.
- Cadoux 1938 – Cadoux C. J. *Ancient Smyrna: A history of the city from the earliest times to 324 A.D.* Oxford.
- Corssen 1904 – Corssen P. *Die Vita Polycarpi* // *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. Bd. 5. S. 266–302.
- Delehaye 1966 – Delehaye H. *Les Passions des martyrs et les genres littéraires*. Bruxelles².
- Gaston 2005 – Gaston L. *Jewish Communities in Sardis and Smyrna* // *Religious rivalries and the struggle for success in Sardis and Smyrna* / ed. R. S. Ascough. Waterloo. P. 17–24.
- Hilhorst 2010 – Hilhorst A. 'He Left Us This Writing': Did He? Revisiting the Statement in *Martyrdom of Pionius* 1.2 // *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity*. Festschrift Boudewijn Dehandschutter / Ed. J. Leemans. Leuven. P. 103–121.
- Lane Fox 1986 – Lane Fox R. *Pagans and Christians*. London.
- Pernot 1997 – Pernot L. *Saint Pionios, martyr et orateur* // *Du héros païen au saint chrétien* / Ed. G. Freyburger, L. Pernot. Paris. P. 111–123.
- Potter D. 1993 – Potter D. *Martyrdom as Spectacle* // *Theater and Society in the Classical World* / Ed. R. Scodel. Ann Arbor. P. 53–88.
- Robert 1994 – Robert L. *Le Martyre de Pionios, prêtre de Smyrne*. Washington.
- Simonetti 1955 – Simonetti M. *Studi agiografici*. Rome.

**A. D. Panteleev. Speeches in “Martyrium Pionii”:
authenticity or fiction?**

In the prologue of “Martyrium Pionii” (250 AD), the editor of the text states that it is based on the composition of the martyr himself (syngammata) written in prison. In a recent paper, E. Hilhorst expressed an assumption that this text might not belong to Pionios himself but could have been created by one of his disciples (Hilhorst 2010). The criticism of Hilhorst is valuable though it needs an adjustment concerning at least two speeches of Pionios (Mart. Pionii 4; 12,3-14). Analysis of their content, context, and parallels with ancient and Christian literature demonstrate their authenticity. The following considerations are provided in favor of their authenticity: 1) absence of a clear position in relation to apostates that was typical of the beginning of the persecution under Decius; 2) these speeches might have been spoken to the people of Smyrna in the agora of the city and before apostates in prison; 3) the abundance of Biblical citations explainable by Pionios' good education, and knowledge of Scripture, as well as education of part of his audience; 4) Pionios actually could write his speeches in prison, as pagans and Christians did before him.

Keywords: Early Christianity, Hagiography, persecutions, martyrdom, “Martyrium Pionii”, Smyrna, apostates.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД 'ТВЕРДЫЙ' > 'СТАЛЬ' В ОСТРОВНЫХ КЕЛЬТСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Статья посвящена полисемии валлийского слова *dur*. В древневаллийском языке оно глоссирует лат. *dirus* и переводится как 'hard, cruel' (Falileyev 2000: 51), в современном валлийском оно обозначает 'сталь'. Средневаллийские тексты разных жанров позволяют увидеть стадию полисемии. Таким образом мы имеем возможность наблюдать в деталях семантический переход 'твердый' > 'сталь'. Высказывалось предположение, что полисемия 'твердый / сталь' унаследована в бриттских языках из латыни, где предположительно произошел эллипсис сочетания *ferrum dūrum* (Naarmann 1970: 176). При рассмотрении бриттского перехода исследователи не замечали, что аналогичный переход происходит также и в ирландском языке: ср.-ирл. прилагательное *crúaid* 'твердый' субстантивированно употребляется в значении 'сталь'. Основная задача данной статьи – обсуждение возможных связей между аналогичными переходами в этих трех языках.

Ключевые слова: валлийский язык, ирландский язык, латынь, семантический переход, обозначение стали, контактные явления в островных кельтских языках

0. Введение

В древневаллийском языке слово *dur* глоссирует лат. *dirus* и переводится как 'hard, cruel' (Falileyev 2000: 51), в современном валлийском оно обозначает 'сталь'. Средневаллийские тексты разных жанров позволяют увидеть стадию полисемии. Таким образом мы имеем возможность наблюдать в деталях семантический переход² 'твердый' > 'сталь'. Высказывалось предпо-

¹ Данное исследование финансировалось на начальном этапе в рамках проекта «Семантические изоглоссы Европейского культурного ареала» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Язык и литература к контексте культурной динамики» и было завершено благодаря поддержке фонда имени Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung), давшей автору возможность работать в университете Марбурга, Германия.

² Понятие «семантического перехода» является важным для данной работы, он определяется как “a cognitive proximity of two meanings A and B that can reveal itself in synchronic polysemy and in diachronic semantic change” is especially useful (Zalizniak et al. 2012: 633).

ложение, что полисемия ‘твердый / сталь’ унаследована в британских языках из латыни, где произошел эллипсис сочетания *ferrum dūrum* (Haarmann 1970: 176). При рассмотрении британского перехода исследователи не замечали, что аналогичный переход происходит также и в ирландском языке: ср.-ирл. прилагательное *crúaid* ‘твердый’ субстантивированно употребляется в значении ‘сталь’. Основная задача данной статьи – обсуждение возможных связей между аналогичными переходами в этих трех языках.

Однако прежде стоит оговорить, что именно понимается под сталью в этой статье. Оксфордский словарь английского языка дает следующее определение: “A general name for certain artificially produced varieties of iron, distinguished from those known as ‘iron’ by certain physical properties, esp. greater hardness and elasticity, which render them suitable as material for cutting instruments, and for various other industrial purposes” (OED, s.v. *steel*). Специалист по античной и средневековой металлургии Р. Плейнер в глоссарии к своей книге «Кельтский меч» определяет сталь так: “A malleable alloy of iron and carbon. In the case of carbon steel the carbon decisively determines hardness and other properties. Formerly, steel was denoted as hardenable material containing more than about 0.3% C (i.e. medium and hard steels). The microstructures of steel are pearlite [...] or metastable quenched or tempered structures [...]. Steel is harder than iron, but less malleable” (Pleiner 1993: 1984). Таким образом, типичным свойством стали во все времена была ее большая по сравнению с железом твердость. Причины этой твердости могли быть разными: ее мог давать особый химический состав руд, добываемых в определенном месте, ср. знаменитое в Римской империи *ferrum Noricum*, добывавшееся на территории современной Австрии, или специальные методы обработки (карбонизация, сварка ковкой, закаливание)³.

1. *dur* в валлийском языке

Самое раннее вхождение слова *dur* относится к IX–X веку. Это глосса к «Науке любви» Овидия в рукописи Oxford Bodlean

³ Подробнее см. Day 2010: 111–112; Pleiner 1993; Tylecote 1962: 175ff.; Tylecote 1987: 271–273; Davidson 1962: 15–36 о мечах в средневековой Британии; о стали в античности Rommel 1929; о *ferrum Noricum* – Straube 1996.

Library, Auct. F 4.32. Текст Овидия глоссирован как по-латыни, так и по-валлийски: 485 латинских и 81 валлийская глосса (Hexter 1986: 33). П. Расселл предполагает, что такое глоссирование означает использование текста в учебных целях и позволяет считать, что по крайней мере учитель, глоссировавший текст, одинаково уверенно чувствовал себя в обоих языках (Russell 2012: 199).

Интересующая нас глосса относится к следующим строкам: *Ars Amatoria* (334–335)

- (1) *Qui Martem terra, Neptunum effugit in undis, / Coniugis Atrides
victima dira fuit.*

А. Холлис комментирует словосочетание в своем издании (Ovid, Hollis 1989: 98) "*victima dira* – a much more vivid metaphor than 'victim' for us. No doubt Ovid has in mind Homer's comparison of Agamemnon to a slaughtered ox [...]. Also *dīrus* is often used in the sphere of divination; the murder of Agamemnon was a sacrifice that boded ill for his wife". В переводах синтаксическое положение прилагательного *dira* интерпретируется по-разному. Дж. Г. Мозли переводит его как атрибут к «жертве», используя заимствование *dire* : "The son of Atreus, who escaped Mars on land and Neptune on the deep, was the dire victim of his wife" (Ovid, Mozley 1972: 35–37). В немецком переводе латинское прилагательное становится наречием (Holzberg 1988: 31): "Atreus' Sohn war zu Lande dem Mars entronnen, zu Wasser / Neptun, und fiel schließlich doch gräßlich als Opfer der Frau". Перевод М. Л. Гаспарова элегантно неоднозначен: Вождь, избежавший Нептуна в волнах и Марса на суше, / Пал великий Атрид жертвой жестокой жены (Овидий 1994: 148). Прилагательное *dīrus* исходно относится к языку авгуров, где оно означает 'страшный, зловещий'. Из этой сферы предсказаний слово распространилось на обозначение других объектов и событий, внушающих страх и отвращение (Janka 1997: 300), став «любимым выражением» (Lewis, Short) поэтов века Августа. Сочетаемость этого слова становится очень широкой, у Овидия оно используется с существительными, обозначающими абстрактные понятия, места, лиц, животных и части тела. Во всех этих примерах прилагательное имеет отрицательную коннотацию. В рукописи Auct. F 4.32, 41v, 10 глоссированы как существительное, так и прилагательное, таким образом, мы, возможно, имеем дело с др.-валл. словосочетанием *aperth dur*,

передающим латинское *victima dira*. Таким образом, в первом вхождении *dur* в валлийском языке это слово употреблено как прилагательное, модифицирующее непредметное имя. Возможно, на выбор слова повлияла фонетическая близость латинского и валлийского слов, хотя они не являются этимологически родственными, а также, как будет показано далее, их семантика пересекается слабо.

В средневаллийский период слово *dur* является многозначным в отдельных жанрах⁴. С одной стороны, в прозе оно имеет современное значение ‘сталь’, в котором употребляется как атрибутивно при существительных, обозначающих оружие или другие металлические артефакты, так и субстантивно. В поэзии оно часто употребляется для обозначения оружия, сделанного из стали. Также для поэзии характерны атрибутивные вхождения *dur*, в которых прилагательное относится не только к оружию, но и к непредметным именам или лицам. В таких употреблениях сложно дать однозначный ответ, с каким именно значением мы имеем дело – ‘твердый, (или, метонимически), жестокий’ или ‘стальной’. Возможно, помимо фонетической выгоды (односложное слово удобно использовать в сложной системе стихосложения), именно многозначность и привлекает валлийских поэтов к этому слову. Существует также несколько контекстов, в которых значение ‘сталь, стальной’ является маловероятным. К ним относится древневаллийская глосса и словосочетания с существительным *hayarn* ‘железо’⁵.

2. Бретонский язык

В бретонском языке слово *dir*, также считающееся заимствованием из латинского (*ferrum*) *dūrum* (Haarmann 1973: 96, со ссылкой на von Wartburg 1949: 195), используется лишь в значении ‘сталь’. К сожалению, для бретонского языка пока недо-

⁴ Подробно средневаллийский материал рассматривается в работе Parina forthcoming.

⁵ В английском языке существует термин *steely iron* (ср. пример из W. J. M. Rankine “The cyclopaedia of machine and hand-tools: a series of plans, sections, and elevations of the most approved tools for working in iron, wood, and other materials; engraved from working...” 1869 года, приводимый в OED: “The term ‘steely iron’ or ‘semi-steel’, may be applied to compounds of iron with less than 0.5 per cent. of carbon”, однако представляется, что такой термин возможен лишь эпоху хорошо развитой индустриальной терминологии.

ступны полноценные корпуса текстов, однако данные «Исторического словаря бретонского языка» Р. Эмона показывают, что это слово достаточно редкое и появляется довольно поздно (Hemon 1981: 530):

- (2) *clezeffiou dir* 'стальные мечи' (DAG 111, ок. 1450)
- (3) *kalon kalet evel dire* 'сердце, твердое как сталь' (NG 539, первая пол. XVII века (Hemon 1982: xi))
- (4) *etre ma pado an dir a zo e beg va c'hleze* 'пока будет цела сталь на конце моего меча' (SG. f. 66-b, XVIII в.)
- (5) *va c'halon a oa deuet da vezañ dir* 'my heart has become steel' (Emgann Kergidou 150, 1878)

Соответствие вокализма между валлийским и бретонским словом не является регулярным. В латинских заимствованиях ожидалось бы лат. *ū* > валл./брет. *u*, ср. лат. *plūma* 'перо': W. *plu*, MBr. *pluff*, Mlr. *clúm*; Lat. *pūrus* 'чистый': W., Br.; Co. *pur*, Ir. *púr* .i. *glan* (VGK I: 207). Существует небольшая группа заимствований в бриттские языки, в которых лат. *ū* развивается так же, как протокельт. **ū*, например, лат. *cūpa* > валл. *cib* 'чаша, сосуд', брет. *kib* 'сосуд' или лат. *cūpella* 'бочонок' > валл. *cibell*, брет. *kibel* 'бочка'. Х. Педерсен рассматривает брет. *dir* в этом же ряду, в то время как брет. *kriz* 'сырой, жестокий' он предлагает считать не заимствованием из лат. *crūdus*, а рефлексом кельтского корня, родственного латинскому, к нему же относится и ирл. *cruaid* (VGK I: 207). Развитие лат. *ū* > валл./брет. *i* Ж. Лот объясняет ранним периодом заимствования (Loth 1892: 111), в то время как К. Джексон предполагает диссимиляцию с последующим лабиальным согласным (LHEB 318). В любом случае, несовпадение вокализма в валлийском и бретонском требует объяснения. П.-И. Ламбер объясняет его следующим образом: "le traitement gallois du -ū- lat. pourrait s'expliquer par le besoin d'éviter l'homonymie avec un autre mot, l'adj. *dir* 'fatal, nécessaire, inévitable' et subst. 'nécessité, contrainte', apparenté à l'irl. *dír* et sans doute influencé par lat. *dīrus*" (LEIA D-1996: 223–4)⁶. Однако

⁶ Ср.-валл. *dir* 'sure, certain, true, real, sure (to come), fated (to happen); necessary, requisite; compulsory, obligatory; inevitable, inexorable, insuperable; dire, intense, extreme; urgent; necessity; compulsion, constraint, force, coercion; hardship, distress, straits, oppression' (GPC 1030) часто обсуждается в связи с находящимся в фокусе нашего внимания валл. *dur* (например, в Walde 1910: 248). Это слово может быть рефлексом

предположение о сознательном изменении вокализма с целью избежания омонимии представляется маловероятным, как с точки зрения механизма фонетических изменений, так и при наличии древневаллийской глоссы, где это слово прямо сопоставляется с лат. *dūrus*.

3. Латинское *dūrus*

Латинское прилагательное *dūrus* обладает широким спектром значений и применяется как к предметным именам: ‘жесткий, недоваренный; твердый, крепкий; крутой; терпкий, острый на вкус’; так и к непредметным ‘тяжелый, неприятный для слуха; неотёсанный, некультурный, грубый; суровый, строгий’ (Дворецкий 1976: 353). Именно оно, как указывают словари, стало источником валлийского *dur* (Falileyev 2000: 51; GPC 1099)⁷. Другие кельтские языки также заимствовали это слово, бретонские данные были рассмотрены выше, ирл. *dúr* признается заимствованием (MacManus 1982: 22, 249, 382), оно как фонетически, так и семантически близко слову-источнику. eDIL D2-452 приводит следующие значения: “in lit. sense of things *hard, rigid, solid*; of actions, etc *hard, difficult, hard to bear, rigorous, severe*; Of persons and moral qualities, in good sense *hardy, firm, resolute*, In bad sense *hard, unfeeling, dour*”⁸.

В своем анализе валл. *dur* и брет. *dir* X. Хаарманн следует за В. фон Вартбургом, утверждающем в своем «Этимологическом словаре французского языка», что соответствующие валлийские и бретонские слова восходят к выражению *ferrum dūrum*, которое, по его мнению, обозначало сталь в классической латыни, исчезло в романских языках, но сохранилось в бриттских (von Wartburg 1949: 195). Словарь носит подзаголовок “Eine darstellung des galloromanischen sprachschatzes”, и в соответствии с

кельт. **dīro-* или **dūro-*. В первом случае его когнатом является др.-ирл. *dir* ‘due, proper’, такую версию считает более возможной П.-И. Ламбер (LEIA D-1996: 95), Д. Эллис-Эванс предполагает, что оно может быть развитием кельт. **dūro-* (Evans 1970–1971: 503), но семантика этого корня и его внешние параллели неясны. Семантическая близость с ирландским словом кажется мне достаточным аргументом для выбора в пользу первой этимологии.

⁷ Новейший обзор исследований влияния латинского языка на валлийский можно найти в работе Russell 2011.

⁸ О возможности заимствования английского *dour* из шотландского гэльского *dùr* см. Sayers 2012.

этим тезисом история заимствования излагается следующим образом: “Über Gallien ist DURUS auch ins kelt. gewandert, vgl. kymr. *dir* ‘stärke’, ir. *dur* ‘hart’, kymr. *dur* ‘stahl’, bret. *dir*” (von Wartburg 1949: 194).

При таком предположении соотношение валл. *dur*, берт. *dir* ‘сталь’ и лат. *ferrum dūrum* аналогично известному случаю заимствования лат. *navis longa* в форме валл. *llong*, ирл. *long* ‘корабль’ (GPC 2204; MacManus 1982: 172⁹). Примером лексического эллипсиса такого рода может служить русское *смокинг*, фр. *smoking* из англ. *smoking jacket* (Blank 1997: 300).

Насколько обосновано утверждение об употреблении *ferrum dūrum* в значении ‘сталь’ в античности? В работах по металлургии, например, в книгах XXXIII–XXXIV «Естественной истории» Плиния Старшего, где подробно обсуждается железо и его сплавы, сочетание *ferrum dūrum* не встречается, а сталь обозначается словом *acies*. Заметим, что закалка стали обозначается глаголом *indurare* (xxxiv, 144). В четвертом томе фундаментального труда Г. Блюмнера “Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern” (Blümner 1887) подробно описан лексикон, связанный с производством стали, но сочетание *ferrum dūrum* в нем не встречается. В энциклопедии Паули-Виссова статья “Stahl” упоминает теорию фон Вартбурга о заимствовании *ferrum dūrum* в кельтские языки и цитирует несколько вхождений *ferrum dūrum* в классических источниках (Rommel 1929: 2127). Рассмотрим их подробно.

Есть несколько случаев, когда *ferrum dūrum* переводит греческое *στόμωμα* ‘устье, вход; закалка; закаленное железо, сталь’. Два из них находятся в латинско-греческих глоссариях (Hermeneumata Pseudodositheana в версиях Monacensia и Stephani¹⁰) (Goetz 1892: 204, 14; 368, 77).

Еще один пример находится в Книге Премудрости (Ecclesiasticus 31, 31)

⁹ Ж. Лот предполагал, что *llong* может быть не заимствованным, а исконно кельтским словом (Loth 1926: 133–135), др.-ирл. *longas* ‘fleet of ships’ может быть, по мнению Д. МакМануса, заимствованием из валлийского (McManus 1982:172).

¹⁰ Об истории передачи этих дидактических материалов, использовавшихся в античности для обучения носителей греческого языка латинскому и наоборот, бывших популярными и в средневековье, см. (Dickey 2012).

- (6) κάμινος δοκιμάζει **στόμωμα** ἐν βαφῇ οὕτως οἶνος καρδίας ἐν μάχῃ
ὑπερηφάνων
*Ignis probat **ferrum durum**: sic vinum corda superborum arguet in
ebrietate potatum.*

‘Огонь испытывает крепость лезвия закалкою; так вино проявляет сердца гордых – пьянством’.

Заметим, что здесь **στόμωμα** используется не в значении ‘сталь’, а скорее обозначает лезвие, что видно из Синодального перевода.

И Роммель, и Блюмнер цитируют Витрувия:

- (7) *Is autem aries habuerat de ferro duro rostrum, ita uti naues longae solent, et ex ipso rostro lamminae ferreae iiii circiter pedum xv fixae fuerunt in materia* (Vitruvius X, 15, 6; Vitruve 2003: 49)

‘У этого барана (т. е. тарана) был бивень из крепкого железа, какие бывают на носах военных кораблей, и от бивня шли четыре железных полосы около пятнадцати футов в длину, прикрепленные к дереву’. (Витрувий 1936: 212)

С технологической точки зрения очевидно, что вряд ли здесь имеется в виду сталь, поскольку ее двумя отличительными чертами, известными еще в античности, являются пластичность и хрупкость – и то, и другое – свойства малопригодные для осадных орудий. Скорее всего, речь идет здесь именно о свободном сочетании «крепкое железо», что и передано в русском переводе. Аналогичным является и пример из Лукреция (Lucretius II 449)

- (8) *in quo iam genere in primis adamantina saxa /prima acie constant ictus contemnere sueta /et validi silices ac duri robora ferri / aeraque quae claustris restantia vociferantur.*

‘В этом разряде вещей, занимая в нём первое место, / Будут алмазы стоять, что ударов совсем не боятся, / Далее – твёрдый кремень и железа могучего крепость, / Так же как стойкая медь, что звенит при ударах в засовы’ (Лукреций 1946: 99)

В поэзии, например, у Овидия: “duro ist auch sonst stehendes poetisches Epitheton zu ferrum, fast immer vorangestellt und durch Sperrung oder Enjambement vom Substantiv getrennt” (Bömer 1969: 62), ср. описание железного века человечества у Овидия

- (9) *Tertia post illam successit aenea proles, / saevior ingeniis et ad horrida promptior arma, / non scelerata tamen. De duro est ultima ferro. protinus inrupit venae peioris in aevum omne nefas*

(Ovid. Met. I, 127)

‘Третьим за теми двумя век медный явился на смену; / Духом суровей он был, склонней к ужасающим браням, – / Но не преступный еще. Последний же был – из железа, / Худшей руды, и в него ворвалось, нимало не медля, / Все нечестивое’.
(Овидий 1973: 34)

или

- (10) *nec silicum venae nec durum in pectore ferrum* (Ovid. Amores I, 11, 9)
You have no veins of flint or hard iron in your heart (Ovid. Barsby 1979: 128)

‘Ты не из камня, в груди у тебя не кремь!’ в переводе Шервинского (Овидий 1963: 61)

Что касается средневековья, то в словаре «The British Academy Dictionary of Medieval Latin from British Sources» не находится ни *dūrus* в значении ‘сталь’, ни сочетания *ferrum dūrum* (Latham et al. 1975–2014: 739, 929).

Итак, данные латинских источников не позволяют однозначно считать *ferrum dūrum* устоявшимся термином для обозначения стали.

4. Обозначения стали в языках Европы

Встречается ли переход ‘твердый’ > ‘сталь’ в других языках Европы? Как мы уже видели, в латыни одно из обозначений стали мотивировано названием места, где добывались железные руды особого состава (*ferrum Noricum*), греческое *χαλῦς* связано с именем народа-«железоделателей», халибов (Иванов 1983: 42). Другие обозначения стали в греческом и латыни метонимически связаны со значением ‘край, лезвие’ – *acies* (Walde 1910: 8), *stomata* (Beekes 2010, II: 1408). Двн. *stahal* (совр. нем. *Stahl*), англ. *steel*, др.-исл. *stál* восходят к общему прагерманскому корню и, вероятно, связаны с авест. *staxta-*, *staxra-* ‘сильный, твердый’ (Kluge 2012: Stahl). По мнению Х. Биркхана, скр. когнат *stákati* ‘противиться’ позволяет предположить, что германская лексема изначально имела значение ‘способное сопротивляться’, выделяя крепость стального оружия по сравнению с предшествовавшими ему бронзовыми (Birkhan 1970: 125). Во многих языках это слово заимствовано (лат. *tērauds* < лив.

tierōda (Karulis 1992: 392); серб. *čelik*, рум. диал. *cilic*, болг. *čelík* < тур. *çelik*; болг. *стомана* < греч. *στομῶνω* ‘закаливать’ (Skok 1971: 304); рус. *сталь* < пол. *stal* или непосредственно из нвн. *Stahl*, ннн. *staal* (Фасмер 1987: 744).

В современном ирландском сталь обозначается словом *cruach* (de Bhaldraithe 2006: 704)¹¹. В словаре eDIL оно входит в словарную статью *crúaid* ‘hard(y), harsh; stern, strict’. Как прилагательное *crúaid* используется следующим образом:

- (11) *daingen no cruaidh gl. durus* (Ir. Glosses 674)
- (12) *Conall Cernach, cruaid a gal* ‘Conall Cernach, hard his valour’ SMMD 21, 25
- (13) *bidh cruaidh cuiglidhe* ‘this will be a severe shaking’ (Blathmac 237)¹²
- (14) *miach cruithnechta cruaid inbid* ‘ein ‘Sack’ harten (ausgereiften), zu Speise geeigneten Weizens’ (Thurneysen 1923: 355–356)¹³

Примеры во второй части словарной статьи eDIL, “as substantive”, “usually in the meaning steel” многочисленны, но относятся к ср.-ирл. периоду. Первый не вполне ясен:

- (15) *At-chú a chlaideb n-órduirn n-indtlaise. ina intiuch findargid. aisndeith ar cheirrn cúicroith. conid fri crúaid*¹⁴ *n-aurrdríc n-aister.* (TBDD 1036)
‘I see his sword with a hilt of inlaid gold in a scabbard of white silver as if it were a recess with circular adornment around the heavily manufactured metal’ (Borsje 2012: 313)

В следующем примере из среднеирландского переложения «Фарсалий» Лукана *crúaid* используется именно в значении ‘сталь’

¹¹ Словарь Динина фиксирует диалектальные различия, словарное слово *cruaidh* “pronounced *cruaigh* (M., *cruadhach* (Con. and U.))” (Dinneen 1953: 274); словарь О’Донелла приводит форму *cruach* (Ó Dónaill 1992: 327). В шотландском языке скорее используется английское заимствование *stàilinn*.

¹² Время жизни поэта – ок. 750 г., тексты дошли в рукописи XVII века.

¹³ По мнению Р. Турнейзена, текст состоит из нескольких частей, начало может быть датировано VIII веком, некоторые разделы – более поздним временем (Thurneysen 1923: 336).

¹⁴ В глоссарии издания Э. Нотт вместо значения стоит вопросительный знак (Knott 1975: 111).

- (16) *Do raighnibh 7 do togaidib 7 d'firdingnaibh na lann laingér lanchruaidh lainrigin lancotut Lochlannach in claidem on frisna geibed iarn na cruaid do cruaidhiph na cruinne, na tinne do tinnib in talman, na crann, na cnaim, na carrac, na daingen do daingnibh an domain uili.*

Of the choice and chosen and veritable acmes of the full-sharp, hard, tough, severe Scandinavian blades was that sword, whereinto was taken neither iron, nor any of the steels of the globe, nor any of the metals of the earth, nor tree, nor bone, nor rock, nor any of the strong things of the whole world. (CCath. 5247)

В этом же тексте находится и композит *cruaidhiarainn* 'твердое железо'.

- (17) *Ceithre remurbuinne iarnaide ass dar a culu sectair, co cethra uvullmellaibh cruinni cruaidhiarainn for a cennaibh*

Four thick, iron coils (?) out of it [a helmet] backwards on the outside, with four round apple-balls of hard iron at their ends (CCath 5268)

Здесь сам тип описываемого предмета не позволяет нам однозначно определить значение слова *cruaidhiarainn*. К сожалению, до сих пор не существует полноценного корпуса средне-ирландских текстов, сравнимого с средневаллийскими, поэтому найти другие примеры этого слова не удалось.

Какова взаимосвязь между аналогичным переходом в валлийском и ирландском языке? Следует ли рассматривать латинское *ferrum dūrum* в этой связи? Анна А. Зализняк и соавторы описывают возможность интерпретации совпадения переходов в двух языках следующим образом: "It is widely accepted that two languages can be similar in a certain aspect due to (a) inheritance, (b) contact, (c) universal tendencies, and (d) coincidence. Consequently, the presence in two languages of realizations of the same semantic shift can also be triggered by one of these four factors". (Zalizniak et al. 2012: 636). Очевидно, что в двух настолько близких языках такой параллелизм вряд ли может быть совпадением.

Возможно, соотнесение германских обозначений с авестийским прилагательным со значением 'крепкий, твердый' может служить аргументом в пользу того, чтобы считать переход 'твердый' > 'сталь' условно универсальным, то есть продиктованным когнитивно значимыми свойствами стали. Однако кажется более вероятным, что в ирландском и валлийском, свя-

занных настолько тесно как генетически, так и более поздними контактами, такого рода совпадение должно быть объяснено именно в рамках этой близости, то есть либо наследованием полисемии, либо ее возникновением в результате контактов. Я начну с возможных контактных сценариев.

1) Влияние латинского языка. Если *ferrum dūrum* использовалось именно в значении ‘сталь’ в латыни, на которой говорили на Британских островах, вероятно, стоит предполагать, вслед за фон Вартбургом, эллипсис уже в самом языке-доноре, а не в языках-реципиентах. В таком случае бриттские языки заимствовали многозначное слово, а в ирландском мы наблюдаем семантическую кальку.

2) Влияние валлийского языка. Теоретически, возможно предположить, что источником кальки послужила не латынь, а валлийское *dur* ‘твердый, сталь’. Но, как представляется, это предположение слабее, поскольку, валлийское *dur* в дошедших до нас текстах редко употребляется в значении ‘твердый’. В любом случае, оба сценария могут быть связаны с идеей «островного кельтского как языкового союза» (Insular Celtic as linguistic area), предложенной Ранко Матасовичем, в соответствии с которой в 350–550 гг. н. э. на Британских островах были чрезвычайно сильны контакты как между гойдельскими и бриттскими языками, так и вульгарной латынью (Matasović 2007).

Третья возможность позволяет предположить, что сходство валлийского и ирландского переходов объясняется не языковыми контактами, а наследованием полисемии. В этом случае необходимо задуматься, необходимо ли считать рассмотренные бриттские слова заимствованиями. У. Стоукс в книге “*Urkeltischer Sprachschatz*”, которая многократно подвергалась критике, утверждает, что ирл. *dúr*, брет. *dir* и валл. *dur*, а также галльский топонимический элемент *duro-* являются рефлексам общекельтского **dūro-* ‘hart, Festung’ (Stokes 1894: 151). В своей рецензии Ж. Лот доказывал, что валлийское слово необходимо считать латинским заимствованием, в то время как для бретонского возможно два варианта: оно может быть либо рефлексом предлагаемого Стоуксом корня, либо заимствованием, вокализм которого объясняется ранним периодом (Loth 1897: 98). Та же идея высказывалась А. д’Арбуа де Жюбенвилем (d’Arbois de Jubainville 1901: 258). Леон Флерио также считает возможным, что брет. *dir* является рефлексом общекельтского корня (DGVB 153). Таким образом, возможно предполагать, что обсуждаемые

лексемы в латыни, бретонском и ирландском языках являются рефлексами протокельт., протоит. **dūro-*, восходящего к и.-е. **du(e)h₂ro-* (de Vaan 2008: 184), ср. скр. *dūrā-* 'far, distant', Gr. *δηρός* 'long, too long' (о латинском слове см. Ernout, Meillet 1979: 189: „aucune étymologie sûre“). Фонетически лат. *dūrus*, ирл. *dúr* и брет. *dir* являются столь же образцовыми соответствиями, как и лат. *cūlus* 'зад', др.-ирл. *cúl* 'спина, зад', валл. *cil* 'угол, спина', ср. праkrit. *kūla* 'в арьергарде' (Schrijver 1995: 232). Фонетику же валлийского слова можно объяснять воздействием близкого латинского когната.

Что касается галльского элемента топонимов *duro-* (ср. Falileyev et al. 2010: 18; Sims-Williams 2006: 75–78, 308–309, 331), К. Деламарр предположил, что этот элемент имеет значение “le marché fermé, initialement l’enclos du domaine”, сравнивая его с ст.-слав. *дворъ*, лат. *forum* (Delamarre 2004: 262). Орфографические варианты, встречающиеся в источниках, скорее указывают на краткость гласного. Однако нельзя ли предположить, что в части топонимов этот элемент восходит именно к корню **dūro-* и означает 'твердый, сталь'? Тогда рассматриваемую полисемию можно было бы проецировать уже на пракельтский уровень. Х. Биркхан считает удивительным отсутствие заимствованного обозначения для стали в кельтских языках (Birkhan 1997: 313), но, может быть, как раз корень **dūro-* может заполнять эту странную лакуну? С точки зрения материальной культуры в существовании такого обозначения не было бы ничего удивительного. Хотя очевидно, что между археологической культурой и языком невозможно ставить знак равенства, высокий уровень обработки железа является для латенской культуры одной из важнейших составляющих, а особый тип так называемого «кельтского меча» распространен как на континенте, так и на Британских островах (Pleiner 1993: 79). Число латинских заимствований в области металлургической терминологии относительно невысоко (Naarmann 1970: 174–176), что, возможно, объясняется высоким уровнем технологии до тесных контактов с римской цивилизацией. Таким образом, делая предположение о возведении полисемии корня **dūro-* 'твердый, сталь' к общекельтскому состоянию, я не делаю прямых сравнений, об опасности которых говорит П. Симс-Вильямс (Sims-Williams 1998), между материальной культурой средневекового населения Ирландии и Уэльса, с одной стороны, и материковых кельтов античности, с другой. Мои

предположения остаются в рамках лингвистики и подкрепляются археологическими данными на континенте и Британских островах в доримский период, что методологически оправданно. При таком сценарии полисемия ирландского *crúaid* 'твердый, сталь' объяснялась бы как «аналогический семантический переход» ("analogischer Bedeutungswandel" в Blank 1997: 317 ff).

5. Выводы

В данной работе впервые был отмечен параллелизм полисемии обозначений стали в валлийском и ирландском языке и предложен ряд сценариев для его объяснения. Контактные явления в островных кельтских языках (как влияние латыни, так и взаимное влияние валлийского и ирландского языков) продолжают оставаться в фокусе внимания исследователей и можно надеяться, что с появлением новых обобщающих работ у нас появятся теоретические основания, которые позволят выбрать один из предложенных сценариев как наиболее возможный.

Литература

- Витрувий 1936 – Витрувий. Десять книг об архитектуре / Перевод Ф. А. Петровского. М., 1936.
 Дворецкий 1976 – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
 Иванов 1983 – Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983.
 Лукреций 1946 – Лукреций. О природе вещей / Редакция латинского текста и перевод Ф. А. Петровского, Л., 1946.
 Овидий 1963 – Публий Овидий Назон. Любовные элегии. М., 1963.
 Овидий 1973 – Публий Овидий Назон. Метаморфозы. М., 1973.
 Овидий 1994 – Публий Овидий Назон. Собрание сочинений. 2 изд., СПб., 1994.
 Фасмер 1987 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод и комментарии О. Н. Трубачёва. В 4-х т. М.: Прогресс, 1986–1987.
 Arbois de Jubainville 1901– Arbois de Jubainville H. Periodiques // Revue celtique 22, (1901): P. 255–259.
 Beekes 2010 – Beekes R. S. P.; van Beek L. Etymological dictionary of Greek. Leiden, 2010.
 Bhalldraithe 2006 – de Bhalldraithe T. English-Irish dictionary. With terminological additions and corrections. Baile Átha Cliath, 2006.
 Blank 1997 – Blank A. Prinzipien des lexikalischen Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen. Tübingen, 1997.
 Blümner 1886 – Blümner H. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. IV. Leipzig, 1886.

- Borsje 2012 – Borsje J. The Celtic Evil Eye and related mythological motifs in medieval Ireland. Leuven, 2012.
- CCath – Stokes W. (ed. and trans.). In Cath Catharda: The Civil War of the Romans. An Irish Version of Lucan's Pharsalia (Irische Texte, 4th series, part 2). <http://www.ucc.ie/celt/online/G305001.html>
- Davidson 1962 – Davidson H. R. E. The sword in Anglo-Saxon England. Its archaeology and literature. Oxford, 1962.
- Day 2010 – Day J.P. Arfau yn yr Hengerdd a Cherddi Beirdd y Tywysogion. PhD. Aberystwyth University, Aberystwyth, 2010. Online at <http://cadair.aber.ac.uk/dspace/handle/2160/4646>.
- Delamarre 2004 – Delamarre X. Review on G. R. Isaac: The Antonine Itinerary Land Routes: Place-Names of Ancient Europe and Asia Minor. CD-ROM. Aberystwyth, CMCS, Dept. of Welsh, 2002 // Zeitschrift für celtische Philologie. 2004. Vol. 54. P. 261–263.
- DGVB – Fleuriot L. Dictionnaire des gloses en vieux breton. Paris: Klincksieck, 1964.
- Dickey 2012 – Dickey E. The colloquia of the Hermeneumata Pseudodositheana. Cambridge, 2012.
- Dinneen 1953 – Dinneen P. S. Foclóir gaedhilge agus béarla. An Irish-English dictionary, being a thesaurus of the words, phrases and idioms of the modern Irish language. New edition, revised and greatly enlarged. Dublin, 1953.
- eDIL 2013 – Royal Irish Academy's Dictionary of the Irish Language based mainly on Old and Middle Irish materials: Revised electronic edition, Queen's University of Belfast (<http://edil.qub.ac.uk/dictionary/search.php>).
- Ernout, Meillet 1979 – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Unter Mitarbeit von Jacques André. 4 éd., 3e tirage. Paris, 1979.
- Falileyev 2000 – Falileyev A. Etymological Glossary of Old Welsh. Tübingen, 2000.
- Falileyev 2010 – Falileyev A., Gohil A., Ashwin W.N. Dictionary of Continental Celtic Place-names. A Celtic Companion to the Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Aberystwyth, 2010.
- Goetz 1892 – Goetz G. Hermeneumata Pseudodositheana (Corpus glossariorum latinorum, III). Lipsiae, 1892.
- GPC – Thomas R. J., Bevan G. A., Donovan P. J. (eds.). Geiriadur Prifysgol Cymru. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1950–2002.
- Haarmann 1970 – Haarmann H. Der lateinische Lehnwortschatz im Kymrischen. Bonn, 1970.
- Haarmann 1973 – Haarmann H. Der lateinische lehnwortschatz im Bretonischen. Hamburg, 1973.
- Hemon 1981 – Hemon R. Geriadur istorel ar Brezhoneg. Dictionnaire Historique du Breton. A – E-tailh. 2. Aufl. Plomelin, 1981.
- Hexter 1986 – Hexter R. J. (ed.) Ovid and Medieval Schooling. Studies in Medieval School Commentaries on Ovid's Ars Amatoria, Epistulae ex Ponto, and Epistulae Heroidum. München, 1986.
- Holzberg 1988 – Hiltberg N. (transl., ed.) Publius Ovidius Naso. Liebeskunst. München und Zürich, 1988.

- Janka 1997 – Janka M. Ovid, *Ars amatoria*. Buch 2. Kommentar. Heidelberg, 1997.
- Karulis 1992 – Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga, 1992.
- Kluge 2012 – Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 25. Aufl. Berlin, 2012.
- Knott 1975 – Knott E. *Togail bruidne da derga*. Dublin, 1975.
- Latham et al. 1975–2014 – Latham R. E., Ashdowne R., Howlett D.R. Dictionary of medieval Latin from British sources. London, 1975–2014.
- LEIA-D – Vendryes, J. Lexique étymologique de l'Irlandais ancien: lettre D. Dublin: Inst. for Advanced Studies [u.a.], 1996.
- LHEB – Jackson K. Language and history in early Britain. A chronological survey of the Brittonic languages first to twelfth century A.D. Edinburgh: The University Press, 1953 (= Edinburgh University Publication. Language and literature, 4).
- Loth 1892 – Loth J. Les mots latins dans les langues brittoniques (gallois, armoricain, cornique). Paris, 1892.
- Loth 1897 – Loth J. Remarques sur le Wortschatz der Keltischen Spracheinheit de M. Whitley Stokes // *Revue celtique*. 1897. Vol. 18. P. 89–99.
- Loth 1926 – Loth J. Notes étymologiques et lexicographiques // *Revue celtique*. 1926. Vol. 43. P. 132–167.
- LSJ – Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford. Clarendon Press. 1940. Online at <http://www.perseus.tufts.edu>
- Matasović 2007 – Matasović R. Insular Celtic as a Language Area // Tristram H. L. S. (ed.) *The Celtic languages in contact*. Papers from the workshop within the framework of the XIII International Congress of Celtic Studies, Bonn, 26–27 July 2007. Potsdam, 2007. P. 93–112.
- McManus 1982 – McManus D. The Latin Loan-Words in Irish. PhD thesis, Dublin, 1982.
- Ó Dónaill 1992– Ó Dónaill N. *Foclóir Gaeilge-Béarla*. Baile Átha Cliath, 1992.
- OED – OED Online. Oxford University Press, March 2014. <http://www.oed.com>
- Ovid, Barsby 1979 – Ovid; Barsby J. A. *Amores* I. Bristol, 1979.
- Ovid, Hollis 1989 – Ovid; Hollis A. S. *Ars amatoria*, book I. Oxford, England, New York, 1989.
- Ovid, Mozley 1972 – Ovid; Mozley J.H. *The Art of Love and other poems*. London, 1972.
- Parina forthcoming – Parina E. Polysemy of Middle Welsh *dur*: synchronic analysis and language-contact considerations // *Journal of Celtic Linguistics*, 15.
- Pleiner 1993 – Pleiner R. *The Celtic sword*. Oxford, 1993.
- Rommel 1929 – Rommel H. Stahl // Pauly A., Wissowa G. (eds.) *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 2,3,6. Sparta – Stluppi. Neue Bearb. Stuttgart, 1929. P. 2126–2133.
- Russell 2011 – Russell P. Latin and British in Roman and Post-Roman Britain: methodology and morphology // *Transactions of the Philological Society*. 2011. Vol. 109 (2). P. 138–157.

- Russell 2012 – Russell P. *An habes linguam Latinam? Non tam bene sapio: views of multilingualism from the early medieval West* // Mullen A., James P. *Multilingualism in the Graeco-Roman worlds*. Cambridge, 2012. P. 193–224.
- Sayers 2012 – Sayers W. *Dour: Etymology* // *Notes and Queries*. 2012. Vol. 59 (3). P. 337–338.
- Schrijver 1995 – Schrijver P. *Studies in British Celtic historical phonology*. Amsterdam, 1995.
- Sims-Williams 1998 – Sims-Williams P. *Celtomania and Celtoscepticism* // *Cambrian Medieval Celtic Studies*. 1998. Vol. 36 (Winter). P. 1–36.
- Sims-Williams 2006 – Sims-Williams P. *Ancient Celtic place-names in Europe and Asia Minor*. Oxford, UK, Boston, 2006.
- Skok 1971–1973 – Skok P., Deanović, M., Jonke, L., Putanec, V. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb, 1971–1973.
- SMMD – Thurneysen R. (ed.). *Scéla mucce Meic Dathó. Mediaeval and Modern Irish Series VI* (1975 ed.). Dublin Institute for Advanced Studies, 1935.
- Stokes 1894 – Stokes W. *Urkeltischer Sprachschatz*. Unter Mitarbeit von Adalbert Bezzenberger (übersetzt überarbeitet und herausgegeben). Göttingen, 1894.
- Stokes 1909 – Stokes W. In *Cath Catharda. An Irish version of Lucan's Pharsalia*. Leipzig, 1909.
- Straube 1996 – Straube H. *Ferrum Noricum und die Stadt auf dem Magdalensberg*. Wien, 1996.
- TBDD – Knott E. (ed.). *Togail Bruidne Da Derga*. Dublin, 1936. YBL and variants from D IV 2. Available online at <http://celt.ucc.ie/published/G301017/index.html>
- Thurneysen 1923 – Thurneysen R. *Aus dem irischen Recht I* [1. Das Unfrei-Lehen] // *Zeitschrift für celtische Philologie* 14, 1923. P. 335–394.
- Tylecote 1962 – Tylecote, R. F. *Metallurgy in archaeology. A prehistory of metallurgy in the British Isles*. London, 1962.
- Tylecote 1987 – Tylecote R.F. *The early history of metallurgy in Europe*. London, 1987.
- de Vaan 2008 – de Vaan M.A.C. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden, 2008.
- VGK – Pedersen H. *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*. 2 Bände. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1909–1913 (= Göttinger Sammlung indogermanischer Grammatiken).
- Walde 1910 – Walde A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
- von Wartburg 1949 – von Wartburg W. *Französisches Etymologisches Wörterbuch*. Tübingen, 1949.
- Zalizniak et al. 2012 – Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. *The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology* // *Linguistics* 50 (3), 2012. P. 633–669.

E. A. Parina. Semantic shift ‘hard’ > ‘steel’ in Insular Celtic languages

This article discusses the semantic shift that can be observed in the Welsh word *dur*. The word is encountered already in Old Welsh (glossing the Latin adjective *dirus* and translated as ‘hard, cruel’) and lives on in Modern Welsh meaning ‘steel’, while Middle Welsh texts reflect the polysemy stage. It has been suggested that this polysemy was borrowed from Latin where supposedly an ellipsis from *ferrum durum* has taken place. The same semantic shift, however, is attested in Middle Irish *crúaid* ‘hard’, often nominalised as ‘steel’. The purpose of this paper is to discuss the relationship between the shifts in these three languages. First, the Celtic **dūro-* could either be analysed as a loanword from Latin or else could be taken as an inherited Celtic root. It could even be suggested that the ‘steel’ sense could be a part of this root’s meaning in Celtic. If **dūro-* is a Latin loanword both in British languages and in Irish, different scenarios for the development of the polysemy of the Irish *crúaid* ‘hard’ could be suggested.

Keywords: Welsh, Irish, Latin, semantic shift, steel, contact phenomena in Insular Celtic languages.

**МОГ ЛИ ГЕРОДОТ ВСТРЕТИТЬСЯ В ОЛЬВИИ
С ТИМНОМ, НАМЕСТНИКОМ СКИФСКОГО ЦАРЯ
АРИАПИФА?¹**

Автор приводит аргументы против понимания роли информатора Геродота в Ольвии Тимна как актуального наместника скифского царя Ариапифа.

Ключевые слова: Геродот, Ольвия, Тимн, скифский царь Ариапиф.

В IV, 76–80 Геродот рассказывает о трагической смерти скифского царя Скила, которого убил его собственный брат Октамасад за приверженность греческому образу жизни и участию в вакхических обрядах в честь Диониса. Сначала он упоминает такую же участь Анахарсиса, погибшего за то же от руки своего брата Савлия. Растолковал Геродоту родственные связи скифских царей некий Тимн²:

IV, 76. (6) А как я слышал от Тимна, доверенного Ариапифа, Анахарсис был с отцовской стороны дядей Идантирса, царя скифов, сыном же Гнура, сына Лика, сына Спаргапифа. Если Анахарсис был действительно из этого рода, то да будет известно, что он умер от руки брата: ведь Идантирс был сыном Савлия, а Савлий – это и был тот, кто убил Анахарсиса.

Из текста Геродота большинство исследователей делает вывод о том, что историк действительно был в Ольвии и встречался там с доверенным лицом скифского царя Ариапифа, при этом Тимн стал основным информантом Геродота в его «скифской» информации. Комментаторы этого места в лучшем отечественном издании «Скифского логоса» Геродота пишут о Тимне (Доватур и др. 1982: 316):

«Один из немногих случаев, когда Геродот называет по имени человека, от которого он получил сведения... Тимн, видимо,

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-02121.

² Перевод Геродота здесь и далее приводится по изданию: Доватур и др. 1982.

был доверенным лицом³ скифского царя в Ольвии... Ельницкий (Скифия, с. 182) допускает, что Тимн мог быть наместником скифского царя в Ольвии. Яйленко (Несколько граффити, с. 56, примеч. 21; *Он же*. Граффити, с. 79, примеч. 7) увидел в Тимне «телохранителя или скорее начальника гвардии скифского царя» (критику этого толкования см.: Vinogradov. Entwicklung. S. 77, Anm. 73). Фелинг (Fehling, S. 89) в согласии со своей гиперкритической концепцией счел ссылку на информацию Тимна измышлением Геродота».

Итак, гиперкритик Детлеф Фелинг сомневается в достоверности встречи Геродота в Ольвии с Тимном (Fehling 1971). Что же навело его на эти сомнения? Прежде всего, общие соображения – Фелинг перечисляет все случаи ссылок Геродота на рассказ очевидцев (их всего четыре), в двух из них он видит безусловную фикцию, а в нашем случае признает возможность реального контакта, хотя по аналогии с другими случаями склонен считать и эту ссылку на очевидца фиктивной⁴.

На мой взгляд, встреча Геродота с **доверенным лицом царя Ариапифа** Тимном не могла состояться по очень простой причине: Ариапиф умер много лет назад до этой встречи. Вот что пишет о Ариапифе и его сыне Скиле Геродот:

IV, 78. Очень много лет спустя Скил, сын Ариапифа, претерпел подобное этому⁵. Ведь у Ариапифа, царя скифов, был в числе других сыновей Скил. ... (2) Некоторое время спустя Ариапиф был предательски убит Спаргапифом, царем агафирсов, а Скил наследовал царскую власть ... (3) Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил. Делал он следующее: всякий раз, как Скил вел войско скифов к городу борисфенитов⁶ ... и приходил к ним, он оставлял войско в предместье, (4) сам же

³ ἐπίτροπος.

⁴ См.: Fehling 1971: 89 о том, что это Геродотово место дает «in sich keinen Anlaß zu Zweifeln und wenig Handhabe zur Interpretation als Fiktion: ...Thymnes klärt nur, daß Saulios, der Mörder des Anacharsis, dessen Bruder war».

⁵ Т. е. гибели Анахарсиса. Раньше считалось, что новелла о Скиле носит литературно-фиктивный характер, но после находки во Фракии перстня с именем Скила этот рассказ признается вполне достоверным (см.: Виноградов 1980: 92–109).

⁶ Т. е. к Ольвии.

проходил внутрь, за городскую стену и запирает ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинское платье. ... И во всем остальном он пользовался эллинским образом жизни и приносил жертвы богам по законам эллинов. (5) Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в Борисфене и женился там на местной женщине».

Однажды скифы увидели, как Скил предается в Ольвии вакхическим обрядам.

IV, 80. Когда же после этого Скил возвратился к себе домой, скифы восстали против него, поставив во главе его брата Октамасада, рожденного от дочери Тера⁷. (2) [Скил] же, узнав о том, что совершается против него, и о причине, по которой это происходило, убегает во Фракию. А Октамасад, услышав об этом, пошел на Фракию войной. Когда же он был у Истра, фракийцы вышли ему навстречу. ... Октамасад ..., выдав своего дядю с материнской стороны Ситалку⁸, получил брата Скила. (5) И Ситалк, взяв брата, увел его с собой. Скилу же Октамасад там же на месте отрубил голову. Вот таким образом скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают.

Итак, собеседник Геродота Тимн является приближенным скифского царя Ариапифа, который уже умер и которому наследует Скил, а тому Октамасад. После смерти Ариапифа Скил, царствуя над скифами, часто бывал в Ольвии, даже построил там дом и завел жену из местных гречанок. После разоблачения последовал бунт скифов, узурпация власти братом, бегство во Фракию, начало войны скифов с фракийцами, выдача и смерть Скила. Следующим царем Скифии стал его брат Октамасад. Все это произошло до приезда Геродота в Ольвию. Сколько же лет должно было пройти между смертью шефа Тимна и встречей последнего с Геродотом? Десять? Двадцать? В любом случае к

⁷ Тер (или Терес) – основатель Одрисского царства во Фракии (ок. 480–460 гг. до н. э.). Брак его дочери со скифским царем свидетельствует о тесных взаимоотношениях фракийцев и скифов того времени.

⁸ Ситалк, сын Тера, был царем одрисов, вероятно, в 431–424 г. до н. э.

этому моменту Тимн уже давно не мог быть доверенным лицом Ариапифа⁹.

Так что «гиперкритическая» точка зрения Д. Фелинга имеет некоторые основания, пусть и не те, которые он предложил.

Можно, конечно, допустить, что Тимн ко времени приезда Геродота был, так сказать, на пенсии, вышедшим в отставку бывшим наместником Ариапифа в Ольвии, хранившим в памяти события, случившиеся в царском доме, и живущим, как минимум, уже при третьем скифском царе¹⁰. Этот момент, а также взаимоотношения скифских царей с одрисскими правителями Тером и Ситалком, чье царствование датируется, хотя и приблизительно, по другим источникам, дают возможность определить приблизительно время жизни Ариапифа, Скила и Октамасада (внука Тера) – это середина V в. до н. э. и позже (*terminus ante quem* – 424 г., когда умер Ситалк¹¹).

В любом случае, может быть, не надо приписывать Тимну большие и реальные административные функции¹², а слово ἐπίτροπος переводить не как «доверенное лицо» или «наместник» или даже «опекун» Ариапифа, а как «последователь, сторонник»?¹³

Литература

Виноградов 1980 – Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила: Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н. э. // Советская археология. 1980. № 3. С. 92–109.

⁹ Добавлю к предположениям о должности Тимна еще и такие: он был «опекуном» царя (так в переводе Г. А. Стратановского), «управителем», «поверенным» (см. обзор точек зрения на функции Тимна в Ольвии: Виноградов 1989: 103–104).

¹⁰ Это отметил и Ю. Г. Виноградов (Виноградов 1989: 103–104, примеч. 97: критикуя перевод слова ἐπίτροπος как «опекун», он пишет: «...Тимн оказывался бы выдающимся долгожителем: будучи уже в возрасте во время малолетства Ариапифа, он должен был пережить его, Скила и дожить, как минимум, до Октамасада, чтобы суметь сообщить сведения Геродоту».

¹¹ Об этом сообщает Фукидид (IV, 101, 4).

¹² Ср. перевод слова ἐπίτροπος как «Scythian ruler's agent» в West 2002: 454.

¹³ Ср. перевод «henchman» без комментариев в издании: Asheri, Lloyd, Corcella 2007: 637.

- Виноградов 1989 – Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII–I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- Доватур и др. 1982 – Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
- Asheri, Lloyd, Corcella 2007 – Asheri D., Lloyd A., Corcella A. A. Commentary on Herodotus Books I–IV. Oxford, 2007.
- Fehling 1971 – Fehling D. Die Quellenangaben bei Herodot: Studien zum Erzählkunst Herodots Berlin; New York, 1971 (англ. переиздание книги: Herodotus and his “Sources”: Citation, Invention, and Narrative Art / Trans. J. G. Howie. Leeds, 1989).
- West 2002 – West St. Scythians // Brill’s Companion to Herodotus / Ed. Egbert J. Bakker, Irene J.F. de Jong and Hans van Wees. Leiden; Boston; Köln, 2002.

A. V. Podosinov. Could Herodotus meet in Olbia with Thymnes, governor of the Scythian king Ariapeithes?

The author argues against the understanding of the role of informant Herodotus in Olbia Thymnes as the current governor of the Scythian king Ariapeithes.

Keywords: Herodotus, Olbia, Thymnes, the Scythian king Ariapeithes.

АНТИЧНАЯ РЕПЛИКА В ГЕНЕЗИСЕ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

В статье исследуется наиболее ранний материал из рукописного наследия первого якутского поэта – А. Е. Кулаковского: юношеский реферат о Пушкине и конспекты по античной словесности, датируемые 1896–1897 гг. Рассматриваемый материал показателен не только в плане литературной эрудиции будущего поэта, но и в качестве подтверждения того, что задолго до появления его литературных произведений имело место рецепция иноязычной книжной традиции, прежде всего – русской и античной. Осмысление на этом этапе опыта мировой литературы носило «дотекстовый» характер, предшествующий первым текстам поэта.

В поле зрения будущего поэта оказывается определенный круг семантически связанных понятий: поэтическое дарование, поэтический язык, поэтическое слово, предназначение Певца/ Поэта, первые произведения поэтов, поэтическая слава. Комментарии и размышления юного Кулаковского свидетельствуют о формировании в его сознании определенного ракурса преломления «чужой» поэтической традиции, связанного уже с идеей создания национальной литературы, отличной от устной традиции.

Ключевые слова: устная традиция, письменная традиция, генезис литературного текста, рецепция античной культуры, влияние книжной традиции, поэтический язык, поэтическое слово.

Тема античной литературы самым неожиданным образом оказывается задействованной в генезисе якутской литературы – «младописьменной» по своему происхождению, то есть не имевшей за собой развитой книжной традиции, но возникающей на фоне многовекового развития устной традиции. Исходя из этого, в генезисе «младописьменной» литературы немаловажная роль отводится иноязычному книжному влиянию. В отношении творчества первого якутского поэта А. Е. Кулаковского – это влияние русской литературы и, как ни странно, античной словесности в целом. Дело здесь не только в том, что в достаточно небольшом по объему рукописном наследии основоположника якутской литературы сохранились две рукописи – юношеский реферат «О достоинствах поэзии А. С. Пушкина» и тетрадь

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00122а.

конспектов по античности. Обе рукописи датируются 1896–1897 годами и относятся ко времени, когда А. Е. Кулаковский учился в Якутском реальном училище – одном из первых учебных заведений, где программа своеобразно совмещала в себе среднее и высшее образование, а большинство преподавателей было из политических ссыльных. Известно, например, что преподавателем русской словесности был выпускник Санкт-Петербургского университета А. А. Ушаков. Преподавание античной истории и словесности было, по всей вероятности, совмещенным, а в числе обязательно изучаемых языков был латинский и отчасти древнегреческий язык.

Одновременность работы юного автора над указанными рукописями дает многое для понимания того, по какому пути шло формирование эстетических взглядов первого якутского поэта. Более того, именно эти рукописи остаются едва ли не единственными свидетельствами освоения им иноязычной книжной традиции и осознания задачи создания якутской литературной традиции.

Проведенный в свое время анализ юношеской работы Кулаковского о Пушкине дает основания для предположения о том, что он интересовался проблемой создания литературного языка и национальной словесности (Покатилова 1999: 80–84). «Народность» пушкинской поэзии, по мнению автора, выражается «преимущественно в языке». К числу достоинств этой поэзии он относит «замечательное соответствие между формой и содержанием», «способность понимать дух, положение, быт своей нации» и умение передавать «чужой» дух, возможность «переноситься в какую угодно эпоху», быть «поэтом эстетической стороны действительности». «Национальное» значение Пушкина для Кулаковского связано с тем переворотом, который он совершил, придав «литературе совсем иной вид», что позволило вывести «русскую литературу на совершенно самостоятельную почву» (Кулаковский 1897: л. 1). Акценты, расставленные в оценке пушкинского наследия, свидетельствуют о значимости их для будущего создателя якутской литературной традиции.

Юношеская работа А. Е. Кулаковского – «Главнейшие достоинства поэзии А. С. Пушкина», скромно названная «рефератом», на самом деле не содержала ничего реферативного. Это было настолько самостоятельное и глубокое проникновение в сущность поэтической эволюции Пушкина, что ее следует

считать одной из первых в якутской традиции исследовательских интерпретаций великого поэта.

Анализ последующего творчества Кулаковского позволяет утверждать, что пушкинские представления о поэзии и поэте, а также пушкинские эстетические критерии, освоенные Кулаковым еще в юности, проецируются на весь жизненный путь поэта. В этом смысле можно говорить о выборе своего поэтического пути по аналогии с пушкинским, выступающим в данном случае как высочайший образец. Такого рода ориентация вообще является характерной просветительской чертой, свойственной основоположникам новых литературных традиций². Жизненный путь носителя определенной языковой культуры и мироощущения, мыслится Кулаковским как «судьба поэта», а в его позднем творчестве соотносится с якутскими народными представлениями о *пути* как «дороге страданий» (*мун-сор суола'*), неизбежной для судьбы Певца/Поэта³.

Не менее показательными в плане своеобразного переосмысления опыта мировой литературы оказываются студенческие конспекты А. Е. Кулаковского по античной истории и словесности (Кулаковский 1896). Тетрадь конспектов, к сожалению, не полная, представляет собой переплетенную рукопись в 44 листа *in quarto*, написанную от руки чернилами со вставками карандашом, с обеих сторон листа. Авторская нумерация чернилами начинается со 2-й страницы и заканчивается на 86-й. Сверху она зачеркнута и проставлена карандашом нумерация листов с 15 по 55. Названия в рукописи нет, но на первой странице имеется подзаголовок «По истории», дальше идет выделенное подчеркиванием «Аристофан». Рукопись испещрена рисунками автора, отрывочными вставками и записями на полях карандашом.

² О поведенческом типе писателя-просветителя, создателя литературной традиции см.: Лотман, Успенский 1984: 525 и далее.

³ В первой биографии поэта, составленной Н. М. Заболоцким, есть сведения о том, что Кулаковский поэтически преломлял факты собственной биографии в контексте реальной и поэтической биографии Пушкина: например, пребывание А. Кулаковского в Сеимчане соотносится с годами «южной ссылки» А. Пушкина, «отчет» автора (в том числе – поэтический) об этом осмысливается как пушкинский отчет графу Воронцову о саранче. По свидетельству Н. М. Заболоцкого, такого рода аллюзий было более чем достаточно в устных высказываниях Кулаковского. Сведения об этом почерпнуты нами из следующего источника: Заболоцкий 1935: лл. 51–52, см. также: Заболоцкий 1934.

В конце тетради на отдельной, не пронумерованной, странице дается оглавление с точным указанием страниц:

	Оглавление
Аристофан	1.
Платон	11.
Софокл	28.
Ювенал	37.
Гораций	42.
Письма Плиния	62.
Плавт и Теренций	70.
Странствования Одиссея	76.

Оглавление закрепляет хронологическую непоследовательность конспектируемого материала, которая в свою очередь говорит о самостоятельном подборе авторов. Так, «Странствования Одиссея» оказываются в конце тетради, после обзора римской литературы, Аристофан до Софокла и т. д., что подтверждает также разновременный характер записей.

Несмотря на свою фрагментарность, рассматриваемая рукопись имеет определяющее значение для творческого становления Кулаковского. Скорее всего, тетрадь будущего поэта представляет собой не только запись лекционного материала, как предполагалось некоторыми исследователями (Башарин 1946: л. 1), но и конспекты книг, сделанные в разное время. Особого рода избирательность в выборе изучаемых авторов, в акцентировании тех или иных моментов их творчества и в трактовке их биографий, детальные датировки, отсылки к разным источникам, зачастую их детальный обзор (история восприятия творчества Горация в России), наконец, пространное цитирование – все это свидетельствует в пользу предположения о письменном источнике.

Конспектируемый материал изложен Кулаковским неравномерно. Довольно беглый обзор ряда римских авторов (Ювенал, Плиний-старший, Плиний-младший, Плавт, Теренций) и «Одиссеи» Гомера (ее прозаический пересказ) сменяется достаточно подробным изложением биографий Аристофана, Платона, Софокла, Горация. Это изложение избирательно, потому что изначально нарушена хронологическая последовательность имен, отсутствуют многие моменты, не значимые для якутского поэта. Так, в биографии Платона почти полностью опускается его философская концепция, но подчеркивается поэтическая сто-

рона «Диалогов» – с подробным цитированием текстов в русских переводах.

При обращении к Софоклу и Горацию подробность конспектов связана со стремлением представить биографии авторов в неразрывной целостности с их поэтической эволюцией, с художественными особенностями произведений. Рассматривая творчество Софокла, Кулаковский обращает внимание на поэтическую структуру текстов.

Среди акцентов, расставляемых автором в конспектируемом материале, следует выделить то, что в трагедиях Софокла он обращает особое внимание на структуру обращений к богам (приводятся обширные цитаты из «Электры» и «Царя Эдипа»), на особенности «хоральной оды» Софокла, на построение в песнях хора строф и антистроф, на характер обращений в драматических диалогах. Все это, безусловно, имело определенный смысл для самого Кулаковского, так как интерес к гимническому началу в античной поэзии, по всей видимости, следует проецировать на представления юного поэта об особенностях якутской устной традиции, в частности, о достаточно широко представленном в ней гимническом начале.

В конспектах Кулаковского обращает на себя внимание его обостренный интерес к поэтической биографии. Характерно, что юного поэта особенно интересуют «начальные» этапы их поэтического становления: отмечается, в каком возрасте написано первое произведение. С нескрываемым интересом Кулаковский приводит споры об Аристофане: в 18 лет или в 24 года написана его первая комедия. Не менее существенным представляется ему и уровень образованности автора, иногда и его социальное происхождение, особенно подчеркиваемое в том случае, если автору при этом удалось достичь высокой степени образованности (Гораций, Теренций). В конспектах постоянно проводится аналогия между «эпохой греческой образованности» и временем «после Периклова правления».

Биография «древнего автора» важна Кулаковскому только в связи с его поэтическими текстами. Он обходит философию Платона или политическую деятельность Плиния Младшего, но обращает внимание на отношения Платона с Сократом (проблема «учитель – ученик») и на судьбу сократовского наследия в «Диалогах», а в «Письмах» Плиния Младшего упор делает на описании литературного кружка в Риме, куда, помимо Плиния, входили Корнелий Тацит, Валерий Марциал и др., на лите-

ратурных связях и контактах поэтов⁴. Точность приводимых автором фактов не вызывает сомнений, хотя сами они могли быть почерпнуты из разных источников, в том числе – из преданий, анекдотов, рассказов о снах, различного рода предсказаний, интересных как свидетельства «посмертной славы поэтов». Таковы, например, анекдоты о Сократе; комическая интерпретация «вещего» сна Сократа о появлении Платона. Биография «древнего автора» иногда приобретает в изложении Кулаковского черты «авантюрного сюжета» (Платон в Сиракузах). Его особый интерес вызывают те случаи, когда героем повествования становится реальное историческое лицо: анекдоты о том, как Сократ воспринимал себя в качестве персонажа «Облаков» Аристофана; трагик Эврипид – в «Лягушках» Аристофана.

Пристальное внимание Кулаковского в биографиях поэтов привлекают воспетые ими места: Колон, описанный Софоклом в «известной хоральной оде» не менее важен для него, чем сами трагедии Софокла. Тема воспетых поэтом мест становится сквозной при изложении биографии Горация (ручей Бандусия, Сабинское поместье, подаренное Мecenатом, и др.). Обилие цитат, подробные пояснения к ним свидетельствуют об особом интересе Кулаковского к этому поэту. Так, Кулаковский приводит предание о благословлении юного Горация: «вещие голуби» украсили спящего Горация лавровыми листьями и миртовыми ветвями. Это предание сопоставляется с легендой о Пиндаре (рой пчел спустился на его губы и питал его медом).

В конспектах Кулаковского, посвященных творчеству Горация, вырисовывается целостность поэтического мира этого поэта. Кулаковский разграничивает «ранний» и «зрелый» этапы его творческой эволюции. Комментируя раннее стихотворение Горация «К римскому народу», восемнадцатилетний Кулаковский замечает, что «этот стих имеет все качества и недостатки

⁴ Известно, что через несколько лет самим Кулаковским была предпринята попытка организации «Кружка любителей якутской литературы» (Устав 1912: лл. 1–4об.), преследовавшего широкие просветительские и литературные цели (переводы произведений якутских авторов на русский язык, переводы на якутский язык и издание художественных и публицистических текстов, записи фольклорных исполнений и т. п.). Однако Якутским Областным комитетом по делам об обществах и союзах было отказано в регистрации и утверждении этого Кружка, как имеющего «своей целью объединение инородческих элементов на почве их исключительно национальных интересов» (Устав 1912: лл. 10–10об.).

молодости», при этом стихотворение в русском переводе приводится почти целиком на четырех страницах конспектов. Среди прочих достоинств поэзии Горация Кулаковский выделяет «удивительное совершенство формы». О его поэтическом мастерстве Кулаковский мог судить по текстам в подлиннике, о чем свидетельствуют цитаты на языке оригинала. Особое внимание будущего поэта привлекает личное, индивидуально-авторское начало в поэзии Горация, выраженное в его любовных стихах (оды к Лидии) и в посланиях к друзьям – в связи с легендами о дружбе с Мекенатом. Биография поэта в изложении Кулаковского имеет смысл только в контексте его поэтической эволюции. В то же время почти любое событие в жизни настоящего поэта приобретает особый смысл для потомков. В биографии Горация интерпретатор особым образом акцентирует «начало» и «конец» его поэтического пути, в первом случае навеянный романтическими рассказами о чудесном благословлении Горация-ребенка, во втором – поэтическими предсказаниями самого поэта собственной смерти. Рассказ о дружбе с Мекенатом приобретает в этом случае характер связующего звена между прошлым и настоящим в осмыслении этого пути (как жизненного, так и поэтического).

В связи с основной темой автора конспектов – прижизненной и посмертной славой поэта – обращает на себя внимание один, казалось бы незначительный момент. Для Кулаковского поэтическая слава того или иного поэта напрямую связана с рецепцией и переводами его произведений в России. Именно поэтому так подробно Кулаковский останавливается на истории русских переводов Горация (в связи с чем делаются обширные выписки из разных источников), на отдельных моментах рецепции античной литературы в позднейшей европейской культуре (прозаические переводы Шелли поэтических текстов Платона), на характеристике отдельных источников, так или иначе интерпретирующих античную культуру (Диоген Лаэртский). Особое значение в этой связи придается русским переводам как собственно поэтических текстов (переводы Баркова, Мерзлякова, Дмитриева и др.), так и теоретических (сравнивается два русских перевода «Науки о стихотворстве» Горация).

Остальные конспекты автора достаточно обрывочны, хотя и здесь обнаруживаются черты, определяющие «поэтический интерес» самого Кулаковского. Среди них следует назвать следующие моменты: жанровый аспект в эпиграммах Ювенала;

авторское обозначение жанра в комедии Плавта «Амфитрион» – «траги-комедия», где второй компонент, по мнению Кулаковского, не реализуется; проблема заимствования позднейшей европейской литературой античных сюжетов (в связи с этим проводится параллель между комедией Плавта «Канат» и комедией Бомарше и т. п.).

Реконструкция по сохранившимся материалам наиболее раннего этапа в становлении Кулаковского-поэта показывает, что еще задолго до написания собственных поэтических сочинений формирование будущего поэта началось с широкого освоения опыта европейских литератур, в наиболее полной мере сконцентрированной в античной культуре. Обращение к опыту русской (реферат о Пушкине) и европейских литератур (конспекты по античной словесности) еще не эксплицировалось в собственных поэтических произведениях. Тем не менее этот этап уже определял собой целостность и особую направленность творческих поисков Кулаковского.

Новая литературная система не могла быть сформирована без ориентации на литературные образцы устоявшейся и высокохудожественной литературной традиции. Именно в этом смысле следует вести речь о влиянии иноязычной (русской, древнегреческой и римской) литературы на зарождающуюся якутскую. Вместе с тем поэтический опыт ранней литературы, и особенно Кулаковского, показывает, что это влияние нельзя представлять в виде прямого заимствования – как перенесение на свою почву готовых литературных образцов. Процесс этот намного сложнее. Применительно к якутскому материалу его можно представить в следующем виде. Степень влияния определяется уровнем подготовленности заимствующей культуры к восприятию этого заимствования. Фигура создателя новой традиции, реформирующего предшествующую традицию (в данном случае устную), масштаб его личности, даже степень его литературной образованности, широта его эстетической программы, обычно отличающейся универсальностью и просветительским характером, – все это приобретает исключительное значение. На начальном этапе занятия подобного первого поэта включают в себя просветительскую деятельность собирателя («Якутские легенды-былины»; «Якутские пословицы и поговорки», 1925), знатока текстов традиции («Материалы для изучения верований якутов», 1923), отчасти их научную интерпретацию («Правила

якутского стихосложения», 1925). Постепенно такая творческая многогранность фокусируется вокруг основной задачи – создания национальной литературы. Осознание собственно литературных целей находит выражение как в создаваемых литературных текстах, так и в специально сформулированных эстетических принципах. Выработке данной целостной программы и ее литературной реализации во многом способствует освоение поэтики «чужой» литературы.

Исследуемый материал дает возможность уточнения форм и видов литературного влияния, позволяет выделить так называемый «дотекстовый» и в некотором роде «предтекстовый» характер рецепции иноязычной книжной традиции. Наконец, он открывает перспективы изучения общих, возможно, универсальных закономерностей возникновения «младописьменных» литератур, генезис которых традиционно рассматривается как зарождение на фоне и в рамках только устной (автохтонной) традиции. Законы построения литературных текстов совпадают и часто проявляются в самых ранних письменных памятниках и текстах, что дает основание для представления о «всемирной литературе как о едином явлении» (Иванов 2004: 5).

Прорыв к индивидуальной авторской поэзии в творчестве А. Е. Кулаковского стал возможным благодаря цельности его поэтического видения, формирующегося в качестве ярко индивидуального писательского самосознания. Иная повествовательная установка в текстах поэта начинает разворачиваться как концептуально широкое осмысление, не ограниченное рамками «своей» традиции и свободное в ориентации на «чужую» культуру, рамки которой в раннем творчестве А. Е. Кулаковского представлены как русской, так и античной литературой.

Литература

- Башарин 1946 – Башарин Г. П. К вопросу о формировании литературно-эстетических и общественно-политических взглядов А. Е. Кулаковского. 1946. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 26. Ед. хр. 41а.
- Заболоцкий 1934 – Заболоцкий Н. М. У истоков якутской литературы: (Историко-литературный очерк). 1934 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 41.
- Заболоцкий 1935 – Заболоцкий Н. М. Очерки якутской литературы: (Дореволюционный период): Черновой вариант рукописи. 1935 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 147.
- Иванов 2004 – Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т.3. Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стихование. М.: Языки славянских культур, 2004.

- Кулаковский 1896 – Кулаковский А. Е. [Личные документы]. 1896 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 26. Ед. хр. 35.
- Кулаковский 1897 – Кулаковский А. Е. Главнейшие достоинства поэзии А. С. Пушкина [1897] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 26. Ед. хр. 4.
- Лотман, Успенский 1984 – Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984.
- Покатилова 1999 – Покатилова Н. В. Пушкинский контекст поэзии А. Е. Кулаковского // Полярная звезда. 1999. № 6. С. 80–84.
- Устав 1912 – «Устав Круга любителей якутской литературы» (1912) // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 105.

Принятые сокращения

Архив ЯНЦ СО РАН – Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук.

N. V. Pokatilova. Reception of Ancient literature in the genesis of Yakut literature

The article analyzes the early works of the first Yakut poet A. E. Kulakovsky – his school essay on Pushkin and workbooks on classical philology, dated 1896. The material under consideration shows that long before the emergence of his first literary texts in early 20th century, A. E. Kulakovsky seriously studied foreign literary traditions and Ancient literature. A wide range of semantically connected concepts attracted attention of the young poet, such as poetic talent, poetic diction, poetic word, mission of the singer/poet, first works of the poet, poetic glory. The reflections of a would-be poet on these problems reveal the process of him forming his own understanding of «foreign» poetic tradition in its connection with the idea of creation of the national Yakut literature as a written system, different from the oral tradition.

Keywords: oral tradition, written tradition, genesis of the written text, reception of the ancient literature, influence of written tradition, poetic diction, poetic word.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СЛОВЕ ΝΗΣΤΕΙΑ

ΝΗΣΤΕΙΑ и ΝΗΣΤΕΥΕΙΝ в качестве слов общего языка означают ритуальный отказ от пищи как у древнеклассических авторов, так и в Септуагинте, в Новом Завете и в более поздних еврейских и христианских текстах II–III вв. н.э.; это употребление сохраняется и позднее. Однако с IV в. н.э. ΝΗΣΤΕΙΑ становится фактическим синонимом ΤΕΣΣΑΡΑΚΟΣΤΗ, утрачивая значение «неядение» и превращаясь в новое слово (термин, *singularis tantum*) со значением «соблюдение правил Великого поста».

Ключевые слова: νηστεία, νηστεύειν, ἐγκράτεια, τεσσαρακοστή, Великий Пост

Это – попытка ответить на напрашивающийся, в сущности, вопрос, почему Великий пост называется постом, то есть неядением (νηστεία), раз в это время едят, пусть не всё. Популярные пояснения, что это, мол, одна из форм предпасхального воздержания, удовлетворительными не кажутся: νηστεία (неядение) и ἐγκράτεια (воздержание) очевидным образом имеют различную семантику, отраженную во многих контекстах – и если воздержание называется неядением, тому должна быть причина. Приношу глубокую благодарность В. М. Лурье, плодотворные дискуссии с которым очень мне помогли и очень меня просветили. Прибегая к его учености, я ожидала, что существуют исследования, в которых проблема νηστεία vs ἐγκράτεια давным-давно исчерпывающим образом решена – но никакой «литературы вопроса» не нашлось, быть может, потому что проблема связана не с самим постом, а с оттенками греческого словоупотребления III–IV вв., которые ничьего внимания не привлекли.

Разного рода временные и постоянные пищевые ограничения распространены повсеместно и выражаются, соответственно, во временном или постоянном отказе от какого-то вида пищи – в близких нам культурах это чаще всего животная пища, но бывают и более диковинные запреты, как, например, у одного из меланезийских племен, где проходящие инициацию юноши не могут есть ничего, что клевали птицы, хотя в тех местах плоды составляют важную часть рациона. Так или иначе,

тот факт, что сходные или идентичные запреты могут соблюдаться и недолгое время, и долгое время, и всю жизнь, свидетельствуют о посильности и безопасности подобных ограничений. Совсем другое дело пост (νηστεία), то есть полный отказ от пищи, а нередко и от питья – не только самый радикальный из пищевых запретов, но и могущий быть опасным для жизни. Поэтому неядение всегда краткосрочно – то же в двух повлиявших на христианский обиход и (что в данном случае важнее) на христианское словоупотребление традициях, греческой и еврейской.

Греки постились при самых разных календарных, а иногда и некалендарных священнодействиях: пост обычно длился сутки, от вечера до вечера, поэтому νηστεία означало сразу «пост» и «постный день» (так, третий день Фесмофорий назывался νηστεία¹); лечебные посты, вместе с названием заимствованные из обряда, тоже длились недолго, чтобы не слишком ослабить больного. Также и у евреев посты длились сутки или чуть дольше, как главный пост, пост Судного дня, и от греческих или иных ничем по сути не отличались – потому-то в Септуагинте еврейское «пост» переводится тем же словом, каким называли пост греки. Постились не только в Судный день: начиная с 1-й Царств νηστεία и νηστεύειν регулярно употребляются в исторических книгах, в псалмах, у пророков² – скажем, царь Давид постился и молился, чтобы выжил младенец Соломон (2 Цар.12.16), а о погребавших Саула и его сыновей сказано, что они постились семь дней (1 Цар. 31.13); неясно, имеется ли в виду семидневный пост или семь однодневных (первое вероятнее), но это несомненно знаменует особенную скорбь по царю. В еврейской традиции есть и другие, гораздо более поздние, рассказы о заведомо непрерывных долгих постах: в грекоязычной повести «Иосиф и Асенефа», в гл.10, влюбленная в Иосифа египтянка ради очищения от язычества семь дней не ест и не пьет, зато в конце главы сказано, что она совершенно

¹ Слово νηστεία – относительно новое, у Гомера и Гесиода его еще нет, но уже Аристофан систематически употребляет его в связи с Фесмофориями, а значит, в его время оно было всем понятно. Более того, лет за пятьдесят до Аристофана Эмпедокл, если верить не прямой цитате Плутарха, использовал νηστεύειν в метафорическом смысле: τὸ μὲν τοῦ Ἐμπειδοκλέους μέγα καὶ θεῖον ἡγοῦμην τὸ νηστεῦσαι κακότητος (De coh. iis 16 p. 464 B) – см. также прим.8.

² 1 Цар. 31. 13; 2 Цар. 12. 16; 3 Цар.: 20. 9; 12. 1; Паралип. 2: 20.; Мак. 2: 13. 12.; Пс. 34. 13; 68. 11б, etc.

изнурена – этим подтверждается как экстраординарность семидневного поста, так и его возможность; в менее известных «Заветах 12-ти патриархов» Рахиль постится двенадцать дней, чтобы зачать Иосифа (Test. XII Patr. I.4.2) – и это также непрерывный пост (νηστεία). Оставляя в стороне столь неожиданное сходство двух преданий о матери и жене Иосифа, можно сказать, что молодой здоровый организм без большого вреда для себя способен выдержать недельную и даже двухнедельную голодовку – это отражено в преданиях о Рахили, Асенефе и воинах Саула, но не менее наглядно подтверждается современными политическими практиками. Религиозные правила, однако, за редкими исключениями не рассчитаны на молодых и здоровых, они адресованы общине в целом, поэтому многодневные посты никогда не бывают предписаны и упоминаются очень редко, преимущественно в не претендующих на историческую достоверность текстах. Итак, долгие посты евреям предписаны не были и, если практиковались, то в исключительных случаях, зато обычные (суточные) к апостольскому времени приобрели широкое распространение, главным образом из-за фарисеев, постившихся дважды в неделю, по вторникам и по четвергам.

Присущее общему языку употребление слов νηστεία и νηστεύειν для обозначения ритуального отказа от пищи (неядения) сохраняется и в Новом Завете: о постах говорится в основном с помощью νηστεύειν и производных (двадцать раз)³, νηστεία используется реже (шесть раз)⁴ и, кроме одного случая, во множественном числе, а в этом случае (Деян. 27: 9) в календарном смысле, как название Судного дня (главного поста года) – Судный день, обычно приходящийся на конец сентября, миновал, но корабельщик не убоился «равноденственной бури», так что плывший в Рим апостол Павел попал в кораблекрушение. Долгие посты в Новом Завете не упоминаются, лишь у Матфея сказано, что Иисус в пустыне, νηστεύσας сорок дней, взалкал (Мф. 4: 2): это свидетельство имеет явную и наверняка послужившую евангелисту источником ветхозаветную параллель – Моисей на горе Синай сорок дней ἄρτον οὐκ ἔφαγεν καὶ ὕδωρ οὐκ ἔπιεν (Исх. 34: 28). Правда, в Исходе не сказано, что Моисей постился, и недаром не сказано: он «хлеба не ел и воды не пил», будучи у Господа, где хлеб и вода не требуются, а пост

³ Мф. 4: 2, 6: 16–18, 9: 14–15; Мк. 2: 18–20; Лк. 5: 33–35, 18: 12; Деян. 13: 2–3, etc.

⁴ Лк. 2: 37; Деян. 13: 3, 14: 23, 27: 9; 2 Кор. 6: 5, 11: 27.

предполагает волевой отказ от важнейших потребностей. Однако благодаря авторитету евангелиста у более поздних (церковных) авторов о Моисее нередко говорится, что он именно постился и именно сорок дней (е. g. Irin. Adv. Haeres. III. 34. 8) – так в обиход входит представление о прототипическом сорокадневном посте, постепенно формирующее «святую Четыредесятницу», о которой чуть ниже.

Прочие посты упоминаются в Новом Завете без указания срока, и можно полагать, что длились они сколько обычно, то есть примерно сутки. В этом отношении показателен эпизод, весьма сходно засвидетельствованный двумя евангелистами – чудо о семи хлебах (Мф.15:32; Мк. 8:3). Ждавшие исцеления тысячи людей трое суток ничего не ели, поэтому Иисус не хочет отпускать исцеленных и их спутников в обратный путь голодными и совершает чудо – значит, три дня без еды казались сроком слишком долгим даже для здоровых, которые доставили в пустыню больных; столь реалистическое отношение к человеческим потребностям далеко расходится с легендами о Рахили и Асенефе. В целом же из Нового Завета ясно, что и в апостольское время νηστεία и νηστεύειν оставались словами общего языка и у всех, говорящих по-гречески, означали полный отказ от еды – традиционно недолгий, а в иных (очень редких) случаях особо оговоренный.

Свидетельства раннехристианских (II–III вв.) писателей демонстрируют своеобразную картину: о постах говорится довольно часто, но, по общему мнению, с которым можно лишь согласиться, узнать отсюда о правилах постов при подготовке к Пасхе нельзя почти ничего. Само по себе это довольно естественно: христианские общины были разрознены, сношения между ними были нерегулярны, в каждой церкви формировались собственные правила, нередко только внутри этой церкви и известные. Из случайных свидетельств можно узнать, например, что в Страстную седмицу иные постились с пятницы, а иные со среды, больше пяти дней – но сведения об этих «четырнадцатниках» сохранились лишь в Панарионе св. Епифания (Panag. II. 247. 6). Также из цитируемого Евсевием письма св. Иринея можно понять, что не только самое Пасху праздновали в разное время, но и постились перед Пасхой по-разному – кто день или два, кто несколько дней, а кто сорок часов, и различия эти существовали всегда, так как апостолы о распорядке постов ничего не заповедали (Euseb. Hist. Eccl. V. 24). Об-

щеизвестно, что даже пасхальный цикл не всегда был равен лунному году, но бывал и недельным – тогда Пасху праздновали каждое воскресенье. Из некоторых свидетельств, впрочем, можно умозаключить, что не так уж редко подготовка к Пасхе занимала именно сорок дней⁵, как ясно и из дальнейшего, ведь святая Четыредесятница возникла не ниоткуда – не даром в V веке Сократ Схоластик и другие считали ее апостольским установлением (такая возвратная редакция присуща всем традициям; в пределах данной темы характерным ее примером является упоминавшийся сорокадневный «пост» Моисея). Известно также, что перед Пасхой не только постились, но и отказывались от некоторых видов пищи; правила эти тоже были не у всех, а у кого были, различались, но если были, непременно исключали из рациона животную пищу, однако эти и подобные ограничения не назывались постами – то была такая же ἐγκράτεια, как воздержание от сладостей, зрелищ и т.п., и кто-то жил так всегда, потому что, в отличие от поста, воздержание может продолжаться сколько угодно, превращаясь в привычный и естественный для индивида или коллектива образ жизни. Итак, в целом у ранних церковных писателей νηστεία и νηστεύειν остаются словами общего языка, по-прежнему означая неядение, по средам и по пятницам традиционно недолгое, а перед Пасхой дольше – три дня, даже пять, но, разумеется, не сорок.

Лишь в начале IV века церковные правила начинают унифицироваться, в основном благодаря влиянию государства, переставшему гнать христиан, зато потребовавшему от них единства в догматике и в обряде. К этому времени и входит в обиход термин τεσσαρακοστή, заслуживающий особого рассмотрения. Слово τεσσαρακοστή взято из общего языка, при субстантивации утратив значение порядкового числительного и приобретя новое, Четыредесятница – сорок дней подготовки к Пасхе, по аналогии с давно употребительным и точно так же

⁵ Едва ли не самым ценным кажется свидетельство ученого богослова о посте, длящемся сорок дней и ночей: псалмопевец жалуется на изнурение от – несомненно не сорокадневного! – поста (Ps. 108. 23–24), а в комментарии Ориген (или его ученик) пишет, что от поста (ἀπὸ νηστείας) нет особой тяготы, даже ὅτε τεσσαράκοντα ἡμέρας καὶ τεσσαράκοντα νύκτες (Frg. In Psalm. I.150) – эти «сорок дней и ночей» никак не могут подразумевать Моисея или Иисуса, а значит, сорокадневная подготовка к Пасхе автору знакома если не по опыту, то по сведениям об обычаях каких-то церквей, а риторическое построение указывает, что обычай этот не маргинальный.

образованным πεντηκοστή, Пятидесятница. Едва ли не первым старался упорядочить правила Четыредесятницы св. Афанасий Александрийский, и он же стал часто употреблять этот термин, который навряд ли создал⁶, но который благодаря своему авторитету сделал общепринятым. В наставлениях монахам он не раз упоминает τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς νηστεία: структура словосочетания та же, что и в νηστεία τοῦ πάθους или νηστεία παρασκευῆς (часто встречающихся у него же), но недолгий пятиничный пост, как и относительно долгий предпасхальный не имеют перерывов – по аналогии естественно предположить, что «пост святой Четыредесятницы» тоже не имеет перерывов, и это, казалось бы, подтверждается нередко употребляемыми выражениями вроде τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς νηστεία τεταγμένη ἐστὶ (Epist. Encycl. 4.3.5) или νηστείαν δὲ λέγω τὴν τεταγμένην, τοῦτ' ἐστὶ πρὸ πάντων τὴν ἁγίαν καὶ ἐνδοξον τεσσαρακοστὴν, καὶ τοῦ λοιποῦ χρόνου τετράδα καὶ παρασκευὴν (Didasc. 28.1640.52), из которых по первому впечатлению естественно умозаключить, что пост Четыредесятницы отличается от других лишь особой важностью⁷. У младшего современника св. Афанасия, св. Епифания, появляется уже и νηστεία ἡ μεγάλη (I. 465 a), а позднее несовместные долгие посты, например, Рождественский (с VIII века), всегда в единственном числе – ἡ νηστεία τῶν Χριστογεννῶν.

Между тем по любой (исключая Страстную) великопостной неделе «Типикона», созданного в VI веке св. Саввой, но очевидным образом согласующегося с правилами, которые двумя веками ранее установил для монахов св. Афанасий, можно видеть, что с понедельника по пятницу монахи едят раз в день,

⁶ Сочетание νηστεία τῆς τεσσαρακοστῆς встречается уже в Const. Ap. (V.13.6, 8 et al.) – при том, что созданные в IV веке Constitutiones отражают, по общему мнению, более раннюю традицию.

⁷ Нельзя не отметить, что некоторые наставления св. Афанасия о постах подтверждают распространенность в раннехристианской традиции недельного пасхального цикла: позволяя вдобавок к установленным (календарным) постам-неядениям добровольные (некалендарные), он категорически запрещает выбирать для неядения субботу – единственным исключением является Страстная суббота, потому что это часть νηστεία τοῦ πάθους. Так как при недельном цикле (для св. Афанасия, конечно, неприемлемом) воскресенье – всегда Пасха, а суббота – всегда пост, запрет на неядение в субботу должен был, вероятно, окончательно уничтожить недельный цикл, который кем-то мог всё ещё соблюдаться параллельно с годовым, что в принципе исполнимо, но, конечно, при условии, что каждая суббота – постная.

вечером, а в субботу и в воскресенье дважды, то есть суббота и воскресенье – вообще не постные дни, с обычным для Средиземноморья «двухразовым питанием», а с понедельника по пятницу дни постные, но это не один пост, а пять однодневных постов. Иначе говоря, Четыредесятница включает несколько серий суточных постов-неядений, по пять в серии, и после каждой двудневный перерыв – потому-то в Триоди Постной и говорится о «неделях святых постов» (ἐβδομάδες ἁγίων νηστειῶν), а не «святого поста». Триодь создана в IX веке, однако νηστεία как слово общего языка из употребления никогда не выходило и по-прежнему в нем сохраняется – уже потому, что используется в Библии и затем в важном богослужебном тексте, каким является Триодь. Тем удивительнее, что в IV веке входит в обиход термин νηστεία, по сути являющийся синонимом τεσσαρακοστή, так как означает не неядение, а все сорок дней воздержания, постов и прочего, предписанного правилами Четыредесятницы – а так как в эти сорок дней, разумеется, едят (пусть не любую пищу, но это уже ἐγκράτεια), то и выходит, что в пост едят.

Видимо, этот (лишний) термин, явившийся по аналогии с τεσσαρακοστή, чем-то полюбился св. Афанасию и потому широко им использовался, так что благодаря ему закрепился во многих значимых контекстах. Известно, что по-гречески обобщающие существительные нередко получают субстантивацией прилагательных женского рода единственного числа (как ῥητορικὴ или ἱατρικὴ) – и τεσσαρακοστή, как и более ранее πεντηκοστή, вполне в русле общей языковой тенденции. Но Четыредесятница включает посты в том значении, какое это слово имеет в общем языке, то есть неядения (в основном однодневные, только перед Пасхой дольше), а св. Афанасий хоть и немало написал о должном распорядке этих неядений, настаивал, что во всяком посте главное – не отказ от еды, а отказ от всего дурного и порочного (*Doctrina ad Antioch.* 2.16; cf. *De virg.* 6.13 et al.), и в таком своем отношении к посту он не одинок, но если о посте говорится как о духовной практике, непрерывной в течение всей Четыредесятницы, νηστεία вслед τεσσαρακοστή приобретает обобщающий смысл и означает уже не только неядение (как νηστεία общего языка), а также и

препасхальное воздержание⁸. Не будь νηστεία женского рода, столь легкий переход был бы, пожалуй, менее вероятен, однако в греческом языке обобщающие слова тяготеют, как сказано, к женскому роду⁹ – породить новое легко. Другое дело, что подлинной однозначности νηστεία в качестве термина не приобрело: νηστεία ‘неядение’ общего языка в употреблении, в частности, у самого св. Афанасия, осталось, а потому живет сразу как слово общего языка (тогда по потребности с множественным числом) и как обобщающий термин (тогда как *singularis tantum*).

Это – не расширение значения, как, например, в случае со словом αὐτοκράτωρ, означающем полномочного главнокомандующего, пусть он же (при расширении значения) становится и главой государства. У νηστεία как у слова общего языка и как у термина значения разные: в первом случае – ритуальный отказ от пищи, во втором – соблюдение правил Четыредесятницы, а вернее сказать, сама Четыредесятница, так что τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς νηστεία ассоциируется не с неядением, а с разными видами воздержания. Существенной путаницы такая двойственность не создает: у Четыредесятницы строгий распорядок, всё расписано по дням, иногда и по часам, и этим правилам можно следовать, не слишком задумываясь, что недолгие воздержания от животной (и только животной) пищи тоже называются постами – ведь от такой пищи положено воздерживаться во все дни Четыредесятницы. И все-таки без пояснений слово «пост» оказывается несколько двусмысленным, поэтому в разного рода поучениях без пояснений не обходится, хотя все они относятся к посту-неядению («строгому посту»), то есть термин оказывается сильнее слова общего языка – правда, лишь в христианских контекстах. Во всех прочих контекстах господствует слово общего языка, так что даже положенное ев-

⁸ Известная близость к метафоре Эмпедокла о «неядении зла» (прим. 1) здесь скорее всего случайна, хотя нельзя совершенно исключать не прямое заимствование через школу (Эмпедокл был θεῖος ἀνὴρ и у эллинизма римского времени пользовался уважением) – но для обоснования подобной гипотезы потребовалось бы отдельное и скорее всего безрезультатное исследование.

⁹ Например, Аполлоний у Филострата говорит мытарю, что ему сопутствуют Рассудительность, Добродетель, Выдержка... – «и так он перечислил множество имен женского рода», когда же мытарь потребовал включить этих рабынь в таможенную декларацию, отвечал, что «они при мне не рабынями, но госпожами» (VA I.20).

реям перед Судным днем воздержание от животной пищи никогда «постом» не называется, и уж тем более не называются постами пищевые ограничения индуистов, буддистов и пр. – в относящихся к ним текстах «пост» всегда означает полный отказ от пищи. Однако в христианском дискурсе, даже современном, не так уж много говорится не только об индийских, но и о еврейских постах, а в Библии, где часто упоминаются точно такие же посты, никогда за ненужностью не оговаривается, что если, например, царь Давид (или апостол Павел) постился, это значит, что он ничего не ел, – в итоге иллюзия понимания присутствует всегда, а в каких случаях и насколько она иллюзорна, для этого следовало бы сначала понять, вдумчиво ли читается Библия и привлекают ли внимание читателя бытовые детали, а всё это, разумеется, за пределами предлагаемого анализа.

За пределами этого анализа и вопрос, почему св. Афанасий при всей своей знаменитой любви к порядку не всегда следил за собственным словоупотреблением, то есть позаимствовал из источника, где $\nu\eta\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$ и $\tau\epsilon\sigma\sigma\alpha\rho\alpha\kappa\omicron\sigma\tau\acute{\eta}$ значили почти одно и то же, и никак этого не исправил – а ведь можно было оставить слову $\nu\eta\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$ значение, которое всегда было у него в общем языке и поддержано авторитетом Библии, не создавая омонимии внутри важной номинативной зоны, описывающей правила подготовки к Пасхе. Однако важные номинативные зоны далеко не всегда описывались у римских греков с соответствующей их значимости недвусмысленностью: общериторическая тенденция была такова, что выбор подходящего (или казавшегося таковым) слова оставался на усмотрении пишущего или говорящего – поэтому в не менее важных номинативных зонах и у не менее ответственных в языковом отношении греческих авторов можно видеть некое терминологическое мерцание, когда из текста неясно, кто такой, например, $\acute{\upsilon}\lambda\alpha\tau\omicron\varsigma$ (верховный) – консул, консуляр или просто сановник, даже и не римский. Подобных примеров много, все вместе они образуют тенденцию, св. Афанасий не мог хотя бы отчасти этой тенденции не следовать и уж во всяком случае с ней не боролся – он, как и его источник, учился в греческой школе именно на таких образцах.

E. G. Rabinovitch. Some remarks on the word νηστεία

The paper treats the meaning of the word νηστεία in common language and in the post-Nicaean terminology. In common language, νηστεία always means fast (not eating; cf. νηστεύειν 'to eat nothing'): the usage is the same from the 5th cent. BC up to Septuagint, the New Testament, Jewish and Christian texts of 2nd and 3rd cent. – and sometimes later. However, from the 4th cent., mostly in the works of St. Athanasios, νηστεία becomes the synonym of τεσσαρακοστή, i.e. turns into a term, now singularis tantum and with a new meaning – to follow rules of Lent, when eating is not totally forbidden.

Keywords: νηστεία, νηστεύειν, ἐγκράτεια, τεσσαρακοστή, Lent.

***FLUVIUS ARGAO, QUIS IN SINUM ARGO FLUIT?*¹**

В статье на основе детального морфологического анализа обсуждается связь между названием реки *Argaone* (совр. Драгония) в Равеннской «Космографии» и письменно зафиксированным не ранее 16 в. названием залива *Largon(e)*, в который эта река впадает. На обширном индоевропейском материале рассматривается круг проблем, связанных с суффиксальным комплексом *-āyon- в древних гидронимах.

Ключевые слова: *Argaone*, *Largon(e)*, топонимия, словообразование.

The modern day *Dragonja* (It. *Dragogna*, older *fiume d'Argogna*) is a Histrian river flowing into the Adriatic at the Gulf of Piran (Sln. *Piranski zaliv*, Cr. *Piranski zaljev* ~ *Savudrijska uvala*, It. *Vallone di Pirano*). Its ancient name has come down to us as *Argaone* (Rav., *Cosm.* IV, 36, 75; see also Vedaldi Iasbez 1994: 122), which quite unproblematically points to the older nasal-stem **Argaon-*, with nom. sg. *Argaō(n)** of probable but unknown currency. Contrary to the *communis opinio* (see Ramovš 1927: 22; ESSZI 122; Rončević Brozović 1995: 23; Šimunović 2013: 201), the Slavic continuant goes back to a later adstratally influenced renovation of the original phonetic substitute at best, but in any case cannot represent an old loan (similarly Furlan 2002: 31, ft. 4) as the latter would result in Sl. ***Dargūñā > **Dragyña uel sim.* (i.e. presupposing an older Romance **Dargōn(')V* as its source). However this may be, it is clear that the name of the river as it stands is in itself the result of a later renaming process within Romance from the original *Argaō(n)** ~ *Argaone* to the descriptive and analytical *D'Argone* – the logical starting point for a number of ensuing reinterpretations and alterations² – beyond any doubt reflecting the transference of prominence from the river and/or its

¹ The text has been prepared with the input system ZRCola (<http://ZRCola.zrc-sazu.si>) developed by Dr Peter Weiss, fellow of the Scientific research centre at the Slovene Academy of Sciences and Arts (<http://www.zrc-sazu.si>).

² *Draconius fluvius*, *Dragone*, *Dragugne*, *Dragogna**, *Dragujna etc.* (Furlan 2002: 31; SVI I: 147–148 with older bibliography; Šimunović 2013: 201).

mouth (by way of the *pars pro toto* principle) to the bay in which it flows. Indeed, the Gulf of Piran is recorded on 16th c. maps as *Largone* ~ *Largon* (cf. Pietro Coppo, *Histriae Tabula*, dated 1525)³, i. e. *L'Argon(e)*, the name usually being interpreted as a variant or a corruption of sorts of the river-name (see B. Benussi. *L'Istria sino ad Augusto*. Trieste, 1883: 13, 144 (*non vidi*); Rosamani 1990 s.v.). Although it is perfectly feasible that an underlying Romance **Argóne* represents a phonetic continuant of **Argaóne* (be it via the monophthongization of *-aó-* in hiatus or, more straightforwardly, synaloepha – see Furlan 2002 forth.), it would nevertheless be intriguing, leaving aside the rather disturbing temporal difference in the attestations, to review the later/modern naming model (based on the spatial/possessive rather than the descriptive criterion) as reproducing the historical relationship, thus obviating the two-way naming process $RN \nrightarrow GN$ and uncomfortable historical phonology. However, this alternative opens up the difficult question of historical morphology (more precisely word/name-formation) behind the hydronym and the nature of its relation to the admittedly conjectural **Argon-*.

The phonetic reality behind the spelling *-ao-*, which as is well known goes back to **-ǣuo ~ *-ǣyon-* (Krahe 1942: 209–218 (esp. 213ff.), Schmid 1969: 135), is confirmed at least by the Pannonian hydronym *Nedao* (*Iord.* 49,260), possibly LN *Azao* (IA 246,3) if not refuted by *Odiabo* in *Notitia Dignitatum* (33,8), which would point to an older **-ǣuō (~ *-ǣyon-)* or **-ǣyum* (see esp. Anreiter 2001: 23–24, but cf. Falileyev 2014 forth., *sub* *Azao*). This allows for the reconstruction of a nasal stem with possible but unattested length of the suffixal vowel. As the relation of **Argǣyon-* to the merely putative **Argon-* can only be assessed upon perfect understanding of the historical morphology behind the former derivative, it is necessary to provide convincing and diachronically rooted arguments for the shape of the hydronym's derivational base and the function of the derivational suffix(es) in both synchronic and diachronic perspectives.

The underlying lexeme is usually identified as the PIE adjective **H₂erg'-* (Krahe 1942: 211–12, IEW: 64ff., NIL: 317ff.), meaning 'white, shiny', secondarily also 'fast', be it in its full or zero grade: **H₂erg'-* > **arg-* ~ **H₂rg'-* > **arg-* (cf. *Arsia*, a rather wide-spread river-name with two Histrian⁴ continuants, which is commonly

³ Courtesy of Dr. Drago Kladnik and Dr. Metka Furlan, cf. <http://db.nsk.hr/HeritageDetails.aspx?id=917>.

⁴ In purely geographical terms!

brought into connection with OInd. *árṣati* = Hitt. *arš-*: *a-ar-aš-zi* ‘flows’ (Krahe 1964: 64) and as such must go back to **H₁ṛs-īā*, with *#HR_ṣ-* > *#ar-*), thus at face value arriving at something like “The shiny (river)” *uel sim*. This is problematic, however, as apart from Gr. ἄργός, which on the other hand is nearly universally equated with OInd. *ṛj-rá-* < **H₂ṛg’-ró-* by dissimilatory loss of **r* (i.e. since Wackernagel 1897: 9, cf. Rix 1992: 18, see NIL 312, and most recently Vine 2011: 1 for full(er) bibliography), there is no trace of a thematic derivative of **H₂erg’-* in the available comparanda, so that an underlying **arg-o-* ‘shiny, white’ cannot be indiscriminately assumed for the hydronym at question. Moreover, a few comparable derivatives in **-āyo(n)-* point to their deverbative origin, a case in point being the probably agentival *Nedao* (see *sup.*, to **ned-* ‘tönen, dröhnen’, LIV² 448),⁵ cf. also *Patau(i)um* (possibly to **petH₂-* ‘ausbreiten’, LIV² 478–79 – Anreiter 2001: 114), however the likes of *Timauus*, *Sarauus*, *Iuuauus/um*, or *Ouilaua* are silent. These various toponymical bases in **-āy(i)o-* dispersed throughout the wider Eastern Alpine and Pannonian areas, surely belong to different linguistic strata and at present cannot be hoped to yield to closer scrutiny. Nevertheless, a basic **-āy-* can be abstracted from cases where it is clearly suffixal such as in *Iuu-auum* ~ *Iuu-auus* vs. *Iu-en-na*, both to **īuy-*. These cases must represent an older **-a-yo-* rather than the synchronically motivated **-ay-* (pace Anreiter 2001: 24 *et passim*) from **-o-yo-* (cf. *Drauuus*, *Sauus*, both from **-ouyo-* with expected *a* < **o* either universally or before (heterosyllabic) **y*)⁶ or, as at least some of these sequences were demonstrably short (e.g. *Patauā*, *PetauiV* → Sl. **Pitāuiju* > **Pbtu₂ib*!), from **-a-yo-* < **-H³yo-*, cf. **petH₂-yo-* > **peta-yo-* (for deverbative abstract/action nouns in **-yo-* compare OInd. *é-va-* < **H₁ej-yo-*, Lat. *rīuus* < **H₃r(e)īH-yo-*, PSl. **piyo* < **p(e)īH₃-yo-* etc.) (IdgGr II/1: § 128). Within the limits of viable semantic motivation a possible candidate for **Argāyon-* as a deverbative formation would perhaps be **H₃reg’-* (LIV² 304–5) ‘gerade richten, ausstrecken’, but one would first need to prove on purely morphological grounds that the derivative as it stands cannot be of denominal origin and provide convincing argumentation in favour of the phonetically required zero-grade! As regards the former, an overview of the derivational nest of PIE **H₂erg’-* in fact reveals a fully fledged system of “Caland”-type

⁵ Krahe 1942: 209, more recently Anreiter 2001: 246–47.

⁶ Cf. Krahe 1942: 151, Anreiter 2001: 14.

alternations in $*H_2(e)rg'-i-$ ($\rightarrow *H_2erg'-i-nó-$; Risch 1974: 99, 154) $\sim$ $*H_2rg'-ró-$ $\sim$ $*H_2erg'-ent-$ ($\rightarrow *H_2rg'-nt-ó-$), with the addition of what seem to be primary derivatives $*H_2érg'-es$ ⁷ and probably also $*H_2érg'-ur/n-$ (as the basis of the secondary $*H_2(e)rg'-ur/n-$, cf. tñ. *Arg-yr-unt-um*, etn. Ἀργ-υρ-ἰ-voι).⁸ Hom. ἀργής, -έτ- 'shining' < $H_2rg'-e(-)t-$ may or may not be a denominal dental stem (see Schindler 1976: 351, Rieken 1999: 86–88). In any case, typology here allows for the reconstruction of a thematic *o*-grade $*H_2org'-ó-$ (cf. $*krouH_2-ó-$ to $*kreuH_2-$, $*H_1rouḏ^h-ó-$ to $*H_1reuḏ^h-$ etc.), less so an *e*-grade thematic derivative $*H_2erg'-o-$ ($\sim *H_1reuḏ^h-o-$?) as would of course be the face-value reconstruction of Gr. ἀργός if indeed original. If so, one would then be required to account for the deadjectival function of $*-āuon-$. If original length in the suffix is maintained, $*-āuon-$ could very well represent a simple nasal extension (with individualizing/substantivizing force of the OHG *bero* type) to $*-āuo-$, a secondary suffix abstracted from $-eH_2$ -stems (cf. PSl. $*lōkǎu$ 'malus, malignus' to $*lōkǎ$ 'dolus' (ЭССЯ XVI: 143) as in PSl. $*bordǎu$ = Lat. *barbatus* to $*b^h ard^h eH_2-$ etc.),⁹ which is immediately comparable in form and function to the Balto-Slavic deverbative and denominal $*-āuo-l-ā$ (as already convincingly argued by Schmid – Schmid 1969: 126–27, 131; IdgGr II/1: §125).

The main problem with this external comparison, however, is that it is exactly the adjectival function of the suffix, as arguably also employed in the case of $*Argāuon-$, which is difficult to account for. Indo-Iranian denominative adjectives in $*-uan-$ (< $*-uōn$, $*-un-$ $\sim$ $*-uṇ-$, $*-uén(-i)$ – AiGr II/2: §§718ff.) – "primary" deverbal agent nouns of the *yájvan*-type are largely internally Indo-Iranian and surely secondary – are of little use here because their function as a fairly productive means in the formation of *adiectiva abundantiae* may have an altogether different source of analogical spread¹⁰ (cf. *snāvan-* 'Band, Sehne' < $*snéH_1-uon-$ to $*snéH_1-ur/n-$ (YAv. *snāuuarə*); *grāvan-* 'Mühlstein' < $*g^h réH_2-u-on-$ etc., also note that the feminine forms utilize $*-uar-ī$, to which cf. $*pī-uan-$ 'fat', f. $*pī-uar-ī$, < $*piH-uon-$, an originally amphikinetic internal derivative)¹¹.

⁷ But cf. Stüber 2002: 50–55.

⁸ Cf. NIL s.v., Krahe 1942: 213.

⁹ Cf. Gr. PN Μαχάων (: Μάχη 'battle') etc. (Risch 1974: 57).

¹⁰ The exocentric character of which is obvious from the consistent lengthening of the vowel before the suffix (cf. *satyā-van-*, AiGr II/2: §718^c).

¹¹ AiGr loc. cit., IdgGr II/1: §§232–35.

However, on the strength of Hom. ὁπάων ‘comrade’ < *οπάων, which seems to have been built to a primary feminine *o*-stem derivative *sok^h-eH₂- to *sek^h- ‘follow’ (Schindler 1975: 63, Schmid 1969: 137, Risch 1974: 57 (cf. Schwyzler 1977: §III/29^a), Rasmussen 1989: 160–61), it would be possible to recognize in *-ā-*uon*- a formal individualisation of the underlying *-ā-*uo*-, i.e. *-ā-*u-on*-¹², and predict its spread to denominal and deverbal agentival use, cf. Hom. διδυμάωνε ‘twins’ to clearly adjectival διδυ-*μο*- ‘dual’ (GEW s.v.), Lith. *žinōvas* ‘sciens’ (: *žinóti*) → *gerōvas* ‘drinker’ (: *gérti* – Otrębski 1965: §151–57) etc. The possessive force of the denominal *-*uo*- (for the suffix’ function in secondary derivatives cf. Gaul. oronym Ἀβνοβα = *Abn-o-*uā*¹³ to Celt. *abon- ‘river’, av. *par^hnavā*- to *par^hna*- ‘feather’, OInd. *keśavá*- ‘hairy, long-haired’ to *keśa*- etc.) is better preserved in the likes of PSI. *kr̥b̥uau̯b̥ (: *kr̥y-, -b̥u-) ‘bloody’ (< *-ā-*uó*-!), *r̥okau̯b̥ (: *r̥oká) ‘sleeve’ ~ Lith. *rankónė*, and *nomina loci* such as *D̥obr̥āua (tpn.) (: *d̥obr̥b̥ ‘дубовый лес’).¹⁴ However, apart from the Lith. type *šventónė* ‘sacred spot’ (: *švėntas* ‘sacred’), which on the strength of *senónė* ‘vetustas’ to *sēnas* ‘senex’ may have its source in abstract nouns, the suffix at question seems not to have been deadjectival. This is expected since according to the model proposed above *-ā-*uo*- would have had a clearly adjectival function, a fact that receives additional support in the nasal extension *-ā-*u-on*-, in which the deadjectival function of the individualizing *-*on*- must undoubtedly be recognized. As such, the RN *Arg-āuon- (: *Argo-) is then perhaps best seen as a simple univerbization, cf. PSI. hydronymic *Č̥rnāua (cf. Sln. RN Č̥rnáua – ESSZI: 101) to *č̥rn̥b̥, i.e. < *Č̥rna rēka, = *Č̥rnīca, rather than a possessive derivative. As no direct connection between *Argaone* and 16th-century *L’Argon(e)* can be demonstrated on morphological grounds, even if the latter be old and could in theory go back to the individualized/substantivized *Arg-on- ← *Argo-, the forged juxtaposition in the title is rendered unlikely on grounds of its improbable anachronism.

¹² But see IdgGr II/1 §234^c, AiGr II/2 §718, Schindler 1975: 63, who connect these derivatives with the Ind-Ir. *maghāvan*-/magauuan- type (agentival) adjectives.

¹³ I.e. for the expected athematic *ab̥n̥-*uā*, see Ziegler 2003: 292.

¹⁴ ESSZI: 111, ЭССЯ V: 95.

Abbreviations

Cr. = Croatian; GN = name of gulf; Gr. = Old Greek; hdr. = hydronym; Hom. = Homeric Greek; Ir. = Old Iranian; It. = Italian; Lat. = Latin, Lith. = Lithuanian; OInd. = Old Indic; PN = personal name; RN = river name; Pann. = Pannonian; (P)Sl. = (Proto-)Savic; Sln. = Slovene; tpn. = toponym; YAv. = Young Avestan.

Bibliography

- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: «Наука», 1974–.
- AiGr II/2 – Wackernagel J., Debrunner A. *Altindische Grammatik*. Bd. II/2: Die Nominalsuffixe (von A. Debrunner). Göttingen, 1954.
- Anreiter 2001 – Anreiter P. *Die vorrömischen Namen Pannoniens*. Budapest: Archaeolingua. 2001.
- Brozović Rončević 2005 – Brozović Rončević D. Iz istarske hidronimije // *Folia onomastica Croatica*. 1995. T. 4. P. 19–30.
- ESSZI – Snoj M. *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana: Založba Modrijan in Založba ZRC, ZRC SAŽU, 2009.
- Falileyev 2014 – Falileyev A. In search of the Eastern Celts. Budapest, 2014, forth.
- Furlan 2002 – Furlan M. Predslovanska substratna imena v slovenščini // *Jezikoslovni zapiski*. 2002. # 8/2. P. 29–35.
- GEW – Frisk HJ. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bde. I–III. Heidelberg, 1960, 1970, 1972.
- IdgGr II/1/1 – Brugmann K. *Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen II: Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch*. 1. Teil: Allgemeines. Zusammensetzung (Komposita). Nominalstämme, Strassburg, 1906².
- IEW – Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke, 1959–1969.
- Krahe 1942 – Krahe H. Beiträge zur illyrischen Wort- und Namenforschung // *Indogermanische Forschungen*. 1942. Bd. 58. S. 132–152, 209–138.
- Krahe 1964 – Krahe H. *Unsere älteste Flussnamen*, Wiesbaden, 1964.
- NIL – Wodtke D. S., Irslinger B., Schneider C. *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg: Winter, 2008.
- Otrębski 1965 – Otrębski J. *Gramatika języka litewskiego*. T. II. Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1965.
- Ramovš 1927 – Ramovš F. O naravi psl. tort- in tert- v praslovenščini // *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino*. 1927. T. 6. P. 22–26.
- Rav. – *Ravenna Cosmography*. *Ravennatis Anonymi Cosmographia et Gudonis Geographica*, Vol. II of *Itineraria Romana* / J. Schetz (ed.). Stuttgart (reprint), 1990. P. 1–110.
- Rasmussen 1989 – Rasmussen J. E. *Studien zur Morphophonemik der indogermanischen Grundsprache*. Innsbruck, 1989 (= *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft* 55).

- Risch 1974 – Risch E. Wortbildung der homerischen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1974.
- Rix 1992² – Rix H. Historische Grammatik des Griechischen. Darmstadt, 1992².
- Rosamani 1990 – Rosamani E. Vocabolario giuliano: dei dialetti parlati nella Venezia Giulia, in Istria, in Dalmazia, a Grado e nel Monfalconese. Triest, 1990.
- Schmid 1969 – Schmid W. P. Zur Geschichte des Formans *-āyon-/-āyo-/-ā // Indogermanische Forschungen. 1969. Bd. 74. S. 126–138.
- Schindler 1975 – Schindler J. Armenisch *erkn*, griechisch ὀδὺνη, irisch *idu* // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 89/1. S. 53–65.
- Schindler 1976 – Schindler J. On the Greek type ἰππεύς // A. Morpurgo Davies, W. Meid (eds.). Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics offered to Leonard R. Palmer on the occasion of his seventieth birthday. Innsbruck, 1976. P. 349–352.
- Schwyzler 1977 – Schwyzler E. Griechische Grammatik I: Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung, Flexion. München, 1939, 1977⁵.
- Stüber 2002 – Stüber K. Die primären s-Stämme des Indogermanischen. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2002.
- SVI I–II – Bezlaj F. Slovenska vodna imena. T. I–II. Ljubljana: SAZU, 1956–1961.
- Šimunović 2013 – Šimunović P. Predantički toponimi u današnjoj (i povijesnoj) Hrvatskoj // Folia onomastica Croatica. 2013. T. 22. P. 147–214.
- Ziegler 2003 – Ziegler S. Bemerkungen zum keltsichen Toponym Abnova/Abnoba // Historische Sprachforschung. 2003. Bd. 116/2. S. 290–294.
- Vedaldi Iasbez – Vedaldi Iasbez V. La Venetia orientale e l'Istria. Le fonti letterarie greche e latine fino alla caduta dell'Impero Romano d'Occidente. Rome: Edizioni Quasar, 1994.
- Vine 2011 – Vine B. On dissimilatory r-loss in Greek // Th. Kirsch, Th. Lindner (eds.). Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 27. September 2008 in Salzburg. Wiesbaden, 2011. S. 1–17.
- Wackernagel 1897 – Wackernagel J. Vermischte Beiträge zur griechischen Sprachkunde, Basel, 1897.

L. Repanšek. *Fluvius Argao, quis in sinum Argo fluit?*

Careful morphological examination of a possible possessive relationship between the peculiar river-name *Argaone* in the Ravenna Cosmography and the name of the gulf in which it flows, attested as *Largon(e)* no sooner than in 16th century sources, is employed as an excuse to investigate the hydronym's ancient word-formation in the context of the ubiquitous and problematic suffixal conglomerate *-āyon- from the wider Indo-European perspective.

Key-words: *Argaone*, *Largon(e)*, toponymy, word-formation.

«АРГОНАВТИКА» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО И ЭПОС ГЕСИОДА

Основная цель данной статьи – показать, что при создании «Аргонавтики» Аполлоний Родосский ориентировался не только на «Илиаду» и «Одиссею», но и на поэмы Гесиода. Влияние Гесиода нашло отражение не только в лексических параллелях, но и в композиции поэмы александрийского поэта. Использование в качестве литературных моделей «Теогонии» и «Каталога женщин» свидетельствует о том, что Аполлоний Родосский был скорее литературным союзником, а не противником Каллимаха.

Ключевые слова: Аполлоний Родосский, «Аргонавтика», Гесиод, «Теогония», генеалогический эпос, «Каталог женщин», формула

Следует отметить следующую композиционную особенность «Аргонавтики»: Аполлоний Родосский начинает свою поэму с воззвания к Аполлону (ἀρχόμενος σέο Φοῖβε), а в конце обращается с молитвой к аргонавтам (Ἰλατ' ἀριστήες). Такое построение произведения не характерно для эпической поэмы, но является отличительной чертой гимнов¹.

В качестве возможного образца подобного взаимодействия эпической и гимнической формы для Аполлония могла послужить «Теогония» Гесиода. Некоторые исследователи, например В. Минтон, анализируя первые 103 стиха поэмы, прослеживают трехчастную структуру, характерную для гимнов: обращение к божеству, его прославление и молитва с просьбой о благо-

¹ В качестве примеров гомеровских гимнов, в которых имя бога-адресата называется в первой строке в звательном падеже, можно привести гимны «К Аресу», «К Аполлону» и «К Гестии»:

Ἄρες ὑπερμένετα, βρισάρματε, χρυσεοπῆληξ,
ὀβριμόθυμε, φέρασπι, πολισσόε, χαλκοκορυστά
Φοῖβε σέ μὲν καὶ κύκνος ὑπὸ πτερύγων λίγ' αἶδει
Ἔστίη, ἥ τε ἄνακτος Ἀπόλλωνος ἐκάτοιο
Ἔστίη ἢ πάντων ἐν δώμασιν ὑψηλοῖσιν

Похожим образом, как «Аргонавтика», заканчиваются следующие гомеровские гимны:

Ἰληθ' εἰραφιῶτα γυναῖμανές· οἱ δέ σ' αἰδοῖ (Гимн к Дионису. 17)

Ἄλλ' Ἰληθ' Ἥφαιστε· δίδου δ' ἀρετὴν τε καὶ ὄλβον. (Гимн к Гефесту. 8)

Ἰληθ' εὐρύοπα Κρονίδη κύδιστε μέγιστε. (Гимн к Зевсу. 4)

склонности. Поскольку Гесиод в начале произведения обращается к Музам геликонским, а затем объектом его восхваления становятся Музы олимпийские, Минтон предлагает рассматривать вступление к «Теогонии» как комплекс гимнов. За описательным гимном следует гимн теогонический. Оба гимна имеют общее заключение (Minton 1970: 365).

Г. Надь считает, что 105–963 стихи «Теогонии» являются расширенной версией вступительного гимна и представляют собой песню, которую исполняют Музы, сходя с Геликона и восходя на Олимп. Гимн к Музам перерастает в монументальный гимн, обращенный к Зевсу и другим олимпийским богам. Таким образом, Надь подтверждает мнение Минтона, что эпическая поэма Гесиода включает «не единый, а скорее составной гимн» (Надь 2002: 84).

В своей статье «Композиция «Явлений» Арата» А. А. Россиус пишет, что так же как Гесиод, александрийский поэт обращается к Музам с эпическим призывом лишь в последнем стихе проэмия, который так же как в «Теогонии» отделен от основного повествования частицей ἤτοι (Россиус 2003: 29). В «Аргонавтике» Аполлоний также упоминает Муз не в первом, а в 22-м стихе своего произведения. Однако в современной научной литературе это трактуется как отступление от общепризнанного образца Аполлония – Гомера, а не как ориентация на гесиодовскую традицию.

Влияние Гесиода нашло, по всей видимости, отражение также и в построении каталога аргонавтов в начале «Аргонавтики». У Гесиода, как отмечает Минтон, «граница между информативным материалом, или каталогом, и повествованием не всегда четко обозначена» (Minton 1962: 189). Р. Хантер в своей статье показывает, что в поэме Аполлония есть отсылки к «Каталогу женщин», прежде всего, на уровне содержания (Hunter 2005: 249–250). Исследователь отмечает сходство в сведениях, которые сообщают о героях Гесиод и Аполлоний. Например, Мелеагр и в «Аргонавтике», и в «Каталоге женщин» (Fr. 25, 1–13), назван вторым по силе после Геракла. В обоих произведениях рассказывается о матери аргонавтов Тала и Арейя, Перо (Аргонавтика. 1, 118–121; Каталог женщин. Fr. 37), и о Периклимене (Аргонавтика. 1, 156–160; Каталог женщин. Fr. 33a, 11–36) (Ibidem: 31). Если относительно эпизода с Перо, отмечает Хантер, сложно сказать на кого ссылается Аполлоний: на Гесиода или на Гомера, в случае с Периклименом аллюзия на

поэму Гесиода очевидна. В «Каталоге женщин» об этом герое рассказывается более подробно, чем в произведении александрийского поэта: сообщается, что он мог превратиться в орла, муравья, пчелу, змею (fr. 33a 12–18), а также о роковом для него поединке с Гераклом на Пилосе (fr. 33a 19–36). Также исследователь находит аллюзию на Гесиода в 77–78 стихах первой песни «Аргонавтики», когда речь заходит об аргонавте Канфе из Эвбеи. Этот герой упоминается в «Каталоге женихов» Елены в последней песни «Каталога женщин» (Fr. 204, 52–54) (Ibidem: 250).

По мнению Р. Хантера, неоспоримым доказательством того, что «Каталог женщин» послужил моделью для «Аргонавтики», является αἰτία «причина», объясняющая название «минийцы». Таким образом Аполлоний Родосский показывает, что его целью было сопоставить генеалогии аргонавтов. В произведении Гесиода семье потомков Миния, ведущей начало от Эола, было уделено большое внимание (сохранились фрагменты 10–76 West) (West 1985). В античности существовало несколько версий, кто из участников экспедиции в Колхиду к ней принадлежал. Согласно фессалийской версии, это Ясон, Адмет, Ификл из Филаки, сын Пелия Акаст, Периклимен, Корон, Фалер, Полифем, Мопс, Пелей, Теламон, Эвритион, Актор, Астерион, Эхион, Эврит. Согласно феспийско-беотийской версии, – Арг из Феспии, Тифис и Эвфем. Согласно аргосской версии, – Арг, Талай, Арей, Леодок, Ифит, Навплий, Идмон, Астерион, Анкей, Кефей, Амфидамант. Также Эолидами считали Кастора и Полидевка, Ида, Линкея, Авгия и Геракла (RE: 752). Из-за противоречий в источниках, Аполлоний Родосский, по всей видимости, был вынужден сообщить об этом так неопределенно: «лучшие из них в большинстве гордятся, что происходят из крови дочерей Миния». В 10–76 фрагментах «Каталога женщин» из вышеперечисленных аргонавтов упоминаются Ификл (Fr. 26; 62), Адмет (Fr. 54c), Клитий (Fr. 26), Талай (Fr. 37, 8), Геракл (Fr. 1, 22; 25, 3; 33a), Кастор и Полидевк (Fr. 23, 39; 24), Периклимен (Fr. 33a; 35), Эвфем (Fr. 62), Мелеагр (Fr. 25) (Clauss 1993: 137). Переключки с поэмой Гесиода, отмеченные Р. Хантером, свидетельствуют о том, что александрийский поэт считал достоверной сообщаемую там информацию.

В данной статье мы ставим перед собой задачу выделить общие принципы построения каталогов в поэмах обоих авторов, что позволит нам с уверенностью говорить о том, что моделью

для Аполлония послужил не только гомеровский, как мы показали в статье «Каталог героев в «Аргонавтике» Аполлония Родосского» (Рыбакова 2012), но и гесиодовский эпос. За основу нашего анализа мы возьмем статьи Д. О. Торшилова, в которых автор, развивая и уточняя идеи Ф. Якоби (Jacoby 1947), отметил в композиции «Каталога женщин» черты, характерные для генеалогического произведения:

1. Основанием поэмы, согласно Д. О. Торшилову, является родословная, или «стемма», которая «состоит из (1) имен и (2) эпитетов, сообщений (3) о браке, (4) о рождении нового поколения, (5) о конце ветви» (Торшилов 1999: 2).

2. Для «Каталога женщин» была характерна «система изложения «по героиням», когда описывается сначала потомство одной, а потом другой» (Торшилов 2000: 6). Формулой перехода от одной ветви к другой или начала новой ветви является словосочетание «ἢ οἷα» «или та, которая». Отсюда второе название поэмы – «Эои».

3. «Гесиод обычно не ограничивается перечислением героинь и их детей; генеалогия развивается и дальше, к их внукам и правнукам» (Торшилов 2000: 2).

4. «При этом мифы об упоминаемых героях могут излагаться более или менее пространно, образуя вставные “эпиллии”» (Там же).

Таким образом, «Каталог женщин» представляет собой генеалогическое повествование с мифологическими отступлениями. Д.О. Торшилов выделяет в поэме Гесиода следующие основные типы мифов: мифы о дарах богов, о сватовстве и о браке.

В каталоге героев в «Аргонавтике» также можно выделить эти характерные для генеалогического эпоса типы мифологических отступлений. Прежде всего, Аполлоний Родосский делает акцент на особенных способностях аргонавтов, которые являются следствием их божественного происхождения. Например, Мопса Титаресия «сын Латоны научил лучше всех смертных давать прорицания по полету птиц» (1, 65–66). Тем же даром Аполлон наделил и Идмона (1, 144–145). Посейдон наделил Периклимена беспредельной силой и возможностью перевоплощаться в бою (1, 158–160)², а Эвфема – быстротой (1,

² В отличие от Гесиода об этой особенности Периклимена Аполлоний говорит несколько пространно:

... ἥδ' ὅτι κεν ἀρήσαιτο
μαρνάμενος, τὸ πέλεσθαι ἐνὶ ζυνοχῇ πολέμοιο. (1, 159–160)

180). Все экстраординарные способности героев находят применение в сюжете «Аргонавтики».

Также в своей поэме александрийский поэт уделяет большое внимание мифам о божественных браках. Например, сообщив, что у сыновей Гермеса аргонавтов Эхиона и Эрита был сводный брат Эфалид, который тоже принял участие в походе аргонавтов, Аполлоний делает следующее уточнение (1, 54–56):

...καὶ τὸν μὲν ἐπ' Ἀμφρυσσοῖο ῥοῆσιν
 Μυρμιδόνος κόρη Φθιάς τέκεν Εὐπολέμεια,
 τὼ δ' αὖτ' ἐκγεγάτην Μενετηίδος Ἀντιανείρης.
 Его родила у амфрисских потоков дочь Мирмидона Эвполемея
 из Фтии, а тех двоих родила дочь Менетия Антианира.

Также в «Аргонавтике» находят отражение спорные моменты в происхождении героев. Например, об Идмоне поэт сообщает, что он считался сыном Абанта, а на самом деле его отцом был Аполлон (1, 142–143). О Касторе и Полидевке Аполлоний пишет, что Леда родила их в «доме Тиндарея», но отпуская их в Колхиду, она «думала достойно Зевсова ложа» (1, 148–150).

В качестве примера развернутого мифа о божественном браке следует привести следующие стихи из «Аргонавтики» (1, 211–218):

Ζήτης αὖ Κάλαις τε Βορήιοι υἱὲς ἰκέσθην,
 οὓς ποτ' Ἐρεχθίδος Βορέη τέκεν Ὀρεΐθυια
 ἐσχατιῇ Θρήκης δυσχειμέρου· ἐνθ' ἄρα τήνγε
 Θρηίκιος Βορέης ἀνερείψατο Κεκροπίηθεν,
 Ἰλισσοῦ προπάροιθε χορῶ ἐνὶ δινεύουσιν,
 καὶ μιν ἄγων ἔκαθεν, Σαρπηδονίην ὅθι πέτρην
 κλείουσιν ποταμοῖο παρὰ ῥόον Ἐργίνοιο,
 λυγαίοις ἐδάμασσε περὶ νεφέεσσι καλύψας.
 Пришли также сыновья Борея Зет и Калаис, которых родила
 Борею дочь Эрехтея Орифия на краю холодной Фракии. Туда ее
 похитил из Кекропии фракийский Борей, когда она кружилась в
 хороводе около Илисса, и, унеся ее вдаль, там, говорят, на
 Сарпедонской скале, у потока реки Эргин он взял ее в жены,
 окружив ее влажными облаками.

В данном фрагменте находит отражение уже отмеченная нами характерная для александрийских поэтов насыщенность географическими подробностями, свидетельствующая о соединении в поэтике каталога традиционной схемы с новой эстетикой александрийской «учености».

Таким образом, предположение Р. Хантера, что одной из моделей каталога аргонавтов был «Каталог женщин» Гесиода, находит подтверждение не только на уровне содержания, но и на уровне композиции.

Косвенным доказательством влияния генеалогического эпоса на поэму Аполлония Родосского может считаться и использование в тексте «Аргонавтики» (вообще, а не только в каталоге) лексики, которая присутствует в соответствующем произведении Гесиода, но не встречается у Гомера. Таких примеров не так уж мало.

Особенно показательны гесиодовские гапаксы, используемые Аполлонием. Так, например, слово ἀπτερέως встречается только в 253 фрагменте «Каталога женщин» и в 1765 стихе четвертой песни «Аргонавтики» (κεῖθεν δ' ἀπτερέως διὰ μυρίον οἶδμα ταμόντες). В 357 стихе второй песни александрийский поэт использует прилагательное κολωνούς для характеристики городов (ἀγχίμολον δ' ἐπὶ τῇ πολέας παρανεῖσθε κολωνούς), точно также как Гесиод во втором стихе 59 фрагмента своей поэмы (ἢ οἴη Διδύμους ἱερούς ναίουσα κολωνούς). В 217 стихе четвертой песни «Аргонавтики» (φυλλοχόφ ἐνὶ μηνί (τίς ἄν τάδε τεκμήραιτο;)) – очевидна аллюзия на первый стих 333 фрагмента «Каталога женщин» (φυλλοχόος μῆν).

Таким образом, словосочетания, использованные в поэме Гесиода по одному разу и повторенные Аполлонием Родосским, приобретают характер, близкий к цитате, и становятся у Аполлония формульной отсылкой к традиции генеалогического эпоса. Еще более явно просматривается «гесиодовский пласт» в тех местах «Аргонавтики», где мы имеем дело с явными цитатами. Так, в 929 стих третьей песни «Аргонавтики» александрийский поэт вставил гесиодовскую формулу из первого стиха 304 фрагмента (ἐννέα τοι ζῶει γενεὰς λακέρυζα κορώνη) и 747 стиха «Трудов и дней» (μῆ τοι ἐφεξομένη κρώξη λακέρυζα κορώνη), немного ее модифицировав:

τῇ θαμὰ δὴ λακέρυζαι ἐπηυλίζοντο κορώναι·

Еще один пример подобного цитирования подметил Дж. Дж. Клаусс, показавший, что в поэме Аполлония 336–337 стихи первой песни (ἄλλα φίλοι, ξυνὸς γὰρ ἐς Ἑλλάδα νόστος ὀπίσσω, / ξυναὶ δ' ἅμμι πέλονται ἐς Αἰήταο κέλευθοι) и 173 стих третьей песни (ξυνὴ γὰρ χρειώ, ξυνοὶ δέ τε μῦθοι ἔασιν) явно построены по модели шестого стиха из первого фрагмента «Каталога

женщин» (ξυναὶ γὰρ τότε δαῖτες ἔσαν, ξυνοὶ δὲ θόωκοι – «совместные у бессмертных богов и смертных людей были пиры, совместно они заседали»). Такая конструкция встречается еще только в 35 стихе седьмой буколики Феокрита: ἀλλ' ἄγε δῆ, ξυνὰ γὰρ ὁδὸς ξυνὰ δὲ καὶ ἁώς.

Надо сказать, что в «Аргонавтике» обнаруживаются параллели и с другими произведениями Гесиода. Так, в первой песни своей поэмы александрийский поэт использует существительное ἀρμαλῆ (съестные припасы) (1, 393) из 560 и 767 стихов «Трудов и дней». В 767 стихе оно стоит в той же метрической позиции, как в «Аргонавтике».

В 431 стихе второй песни своей поэмы Аполлоний Родосский использует причастие ἀναφυσίῳν (выдыхая воздух), которое встречается только в 211 стихе «Щита Геракла».

В 1130 стихе четвертой песни «Аргонавтики» использован гесиодовский гапакс θαλαμῆιον (брачный) из 807 стиха «Трудов и дней».

В некоторых случаях речь может идти о сознательной аллюзии на определенные места гесиодовских поэм.

Например, в 130 стихе второй песни «Аргонавтики» бегущие от аргонавтов бебрики сравниваются с пчелиным роем (ὥς δὲ μέλισσάων σμήνος). Многие исследователи, например В. Поллейхтнер (Polleichtner), считают, что моделью для Аполлония послужило сравнение с пчелами ахейских воинов, устремляющихся к Трое во второй песни «Илиады» (2, 86–94). Однако слово σμήνος (рой) в гомеровской поэме не используется. Оно является объектом сравнения в 594 стихе «Теогонии» (ὥς δ' ὀπλὸτ' ἐν σμήνεσσι κατηρεφέεσσι μέλισσαι). Таким образом, здесь речь скорее идет об использовании одновременно и гомеровской метафоры, и гесиодовского сравнения.

В 1249–1250 стихах второй песни Аполлоний описывает страдания Прометея следующим образом:

ἰλλόμενος χαλκήρεσιν ἀλυκτοπέδεσσι Προμηθεύς
αἰετὸν ἥλατι φέρβε παλμπετὲς †αἰίσσοντα·

Прикованный неразрывными цепями Прометей кормил своей печенью орла, прилетающего снова и снова.

Здесь прямая отсылка к «Теогонии» вполне очевидна: цепи, которыми Прометей был прикован к Кавказу, имеют такой же эпитет в 521 стихе поэмы Гесиода:

δῆσε δ' ἄλυκτοπέδησι Προμηθέα ποικιλόβουλον,
 δεσμοῖς ἀργαλέοισι...
 Приковал многомудрого Прометея непреодолимыми,
 неразрывными оковами.

Столь же явной оказывается параллель в описании Тритона. В 1552 стихе четвертой песни «Аргонавтики» божество, протягивающее аргонавтам ком земли, названо «многомошным» (Τρίτων εὐρυβίης), и это тот же эпитет, который применяется к Тритону в «Теогонии» 931:

Τρίτων εὐρυβίης γένετο μέγας...
 Родился великий многомошный Тритон.

Число таких параллелей можно умножить. Так, в 627 стихе первой песни поэмы Аполлония (τῇσι δὲ βουκόλαιί τε βοῶν χάλκειά τε δύνειν) можно усмотреть аллюзию на 445 строку поэмы Гесиода (βουκολίας δὲ βοῶν τε καὶ αἰπόλια πλατέ' αἰγῶν).

Наконец, пожалуй, главным доказательством ориентации Аполлония Родосского на произведения Гесиода является использование в «Аргонавтике» словосочетаний из «Теогонии» и «Трудов и дней» в качестве формул. Например, в 164 стихе и третьей песни и 1509 четвертой песни поэмы александрийского поэта в третьей – четвертой стопах используется словосочетание γαῖα φερέσβιος (несущая жизнь земля). В 693 стихе «Теогонии» оно стоит в той же метрической позиции:

ταρφέες · ἀμφὶ δὲ γαῖα φερέσβιος ἐσμαράγιζε

В 222 и 860 стихах третьей песни Аполлоний для характеристики потоков воды использует прилагательное ἀένναος (вечно текущий). В 222 стихе оно служит определением к слову «источник», как в 595 стихе «Трудов и дней». В поэме Гесиода существительное и эпитет разделены частицей, определение стоит после существительного во второй – начале третьей стопы:

κρήνης δ' ἀέννου καὶ ἀπορρύτου ἢ τ' ἀθόλωτος

В «Аргонавтике» существительное и прилагательное не разделены, изменен порядок слов в словосочетании и метрическое положение эпитета:

ἀέννοι κρῆναι πίσυρες ῥέον, ἃς ἐλάχηνεν

В 860 стихе третьей песни поэмы Аполлония Родосского слово ἀένναος является определением к существительному «воды», отделено от него и стоит во второй – начале третьей стопы, как в «Трудах и днях»:

ἐπτά μὲν ἀενάοισι λοεσσαμένη ὑδάτεσσιν

Лексические параллели, как кажется, подтверждают предположения, высказанные нами относительно жанровой природы «Аргонавтики» и позволяют прийти к следующим выводам:

1. Создавая свое произведение, Аполлоний ориентировался на героический эпос Гомера и на генеалогический эпос Гесиода. Это проявилось и на лексическом (использование как гомеровских, так и гесиодовских гапаксов, формул, в том числе с варьированием их метрической позиции и т. п.), и на композиционном уровне (использование как гомеровской, так и гесиодовой формы каталога, привнесение в эпическую поэму элементов гимнического жанра, возможно, по образцу «Теогонии»).

2. Использование в качестве литературной модели Гесиода, автора, которого Каллимах считал достойным подражания, служит лишним доказательством того, что Аполлоний Родосский не был противником Каллимаха и во многом разделял его литературные взгляды.

Как пишет В. П. Завьялова, «александрийцы впервые подходят к пониманию «эволюции литературного ряда» или «развития» литературы, когда вся совокупность исторически сложившейся литературной реальности, т. е. совокупность реально существующих (от прошлого до настоящего) литературных произведений составляют фон, на котором возникает новое произведение» (Завьялова 2009: 137).

Как кажется, это еще одно из направлений анализа поэтики Аполлония, заслуживающее дальнейшей разработки.

Литература

- Завьялова 2009 – Завьялова В. П. Каллимах и его гимны. М., 2009.
 Ковалева 2004 – Ковалева И. И. О композиции «Трудов и дней» // Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2004.
 Надь 2002 – Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002.
 Россиус 2003 – Россиус А. А. Композиция «Явлений» Арата // Вестник древней истории. 2003, 4.
 Рыбакова 2012 – Рыбакова И. В. Каталог героев в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Индоевропейское языкознание и класси-

- ческая филология–XVI. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2012.
- Торшилов 1999 – Торшилов Д. О. «Перечень женщин» Гесиода. Соразмерность эпического повествования // Лосевские чтения. Образ мира – структура и целое. М., 1999.
- Торшилов 2000 – Торшилов Д. О. Родословные и мифы в «Перечне женщин» Гесиода // Греко-латинский кабинет. № 3. М., 2000.
- Clauss 1993 – Clauss J. J. *The Best of the Argonauts. The Redefinition of the Epic Hero in Book One of Apollonius' Argonautica*. Berkeley; Los Angeles, 1993.
- Hunter 2005 – Hunter R. L. *The Hesiodic Catalogue and Hellenistic Poetry* // Hunter R. L. (ed.). *The Hesiodic Catalogue of Women. Constructions and Reconstructions*. Cambridge, 2005.
- Jacoby 1947 – Jacoby F. *The First Athenian Prose Writer* // *Mnemosyne* III 13, 1947.
- Minton 1962 – Minton W. W. *Invocation and Catalogue in Hesiod and Homer* // *TAPhA*. 1962. Vol. 93.
- Minton 1970 – *The Proem-Hymn of Hesiods Theogony* // *TAPhA*. 1970. Vol. 101.
- Polleichtner – Polleichtner W. *The Bee Simile: How Vergil emulated Apollonius in his use of Homeric Poetry* (<http://gfa.gbv.de/dr,dfa.008,2005,a,07.pdf>).
- RE – Pauly A., Wissowa G., Kroll W., Witte K., Mittelhaus K., Ziegler K. (eds). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung*. Stuttgart: J. B. Metzler, 1894–1980.
- Solmsen 1949 – Solmsen F. W. *Hesiod and Aeschylus*. Cornell University Press, 1949.
- West 1985 – West M. L. *The Hesiodic Catalogue of Women: Its Nature, Structure, and Origins*. Oxford, 1985.

I. V. Rybakova. *Argonautica* of Apollonius Rhodius and Hesiodic epic

The main task of this article is to show that while creating *Argonautica* Apollonius Rhodius had in mind not only *Iliad* and *Odyssey*, but Hesiod's poems, too. There are not only lexical parallels with *Theogonia*, *Works and days* and *Catalogue of women* in *Argonautica* – Hesiod's influence is obvious even in the structure of Apollonius' poem. It implies that Apollonius being a disciple of Callimachus was not really his antagonist, because Hesiod's didactic and genealogical poetry was involved into Alexandrian literary program.

Keywords: Apollonius Rhodius, *Argonautica*, Hesiod, *Theogonia*, genealogical poetry, *Catalogue of women*, formula.

«НАРОДЫ МОРЯ» И КИПР: ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье рассматривается греческая легендарная традиция о колонизации Кипра ахейцами и троянцами после Троянской войны. По мнению автора, эти данные в значительной части являются аутентичными и, видимо, восходят к событиям конца позднебронзового века. Автор показывает, что эпическая традиция полностью подтверждается данными археологии и египетских источников о миграции населения южной Греции и северо-западной Анатолии на рубеже 13–12 в. до н. э. в Восточное Средиземноморье. В свою очередь, греческая эпическая традиция проливает свет на этнический состав «народов моря», часть из которых должна была быть связана с ахейскими греками, другая же – с лувийским миром западной Малой Азии. В этом случае особенного внимания заслуживает упоминание в надписи 5-го года правления Рамсеса III войны на родине ряда племен «народов моря», которая стала причиной их миграций. Если локализация египетских этнонимов на северо-западе Малой Азии верна, то мы имеем дело с первым негреческим источником, глухо упоминающим о событии, которое позднее отразилось в греческой эпической традиции в цикле преданий о Троянской войне.

Ключевые слова: греческая легендарная традиция, Кипр, ахейцы, «народы моря», позднебронзовый век, Рамсес III, Троянская война.

Исследование этнополитических процессов в Восточном Средиземноморье на рубеже 13–12 вв. до н. э., обычно обозначаемых в историографии как миграции «народов моря» (Yasur-Landau 2010: 1)¹, крайне затруднено неравномерным соотношением письменных и археологических источников. С одной стороны, в нашем распоряжении есть многочисленные данные о разрушениях городских центров Анатолии, Кипра, Сирии и Палестины и прибытии туда в конце позднебронзового века нового населения, с другой – немногочисленные египетские, хеттские и угаритские письменные свидетельства об угрозе, которую «народы моря» представляли для ближневосточных государств в конце 13 – начале 12 в. до н. э. Однако, несмотря

¹ Об условности термина «народы моря», никогда не существовавшего в древности и введенного в научный оборот во второй половине 19 века, см.: (Сафронов 2009: 31, прим. 1; Сафронов 2012: 12).

на их важность для исторических реконструкций, данные археологии могут использоваться в этом случае лишь как вспомогательный источник. В задачу же создателей древневосточных текстов не входило ни подробное описание причин миграций «народов моря», ни указание регионов, откуда они происходили². Эти факторы неизмеримо затрудняют попытки восстановить общий ход и конкретные детали передвижений «народов моря».

Тем не менее, в нашем распоряжении есть источник, при правильном подходе способный прояснить многие аспекты рассматриваемой проблемы. Это – данные древнегреческой эпической традиции о Троянской войне, точнее, традиции о судьбах различных греческих и троянских героев, после падения Трои оказывающихся в разных уголках Восточного Средиземноморья. К сожалению, отношение к привлечению этих данных для исторических реконструкций как репрезентативных весьма неоднозначно, и варьируется от высокой степени доверия к ним до их полного отрицания (Немировский 1999: 60; Companion 2010: 207; Сафронов 2013: 790–791). Поэтому цель настоящей работы мы видим в демонстрации возможности адекватного соотнесения данных археологии, древневосточных источников и древнегреческой традиции, что позволит аргументированно обосновать использование последней при реконструкциях этнополитических процессов в Восточном Средиземноморье на рубеже 13–12 вв. до н. э. В рамках данной работы планируется рассмотреть ту часть древнегреческой традиции, которая содержит исторические реминисценции о прибытии ахейцев и троянцев после Троянской войны на Кипр, поскольку этот остров упоминается в древневосточных источниках как важный промежуточный пункт на пути «народов моря» в Палестину и Египет.

Надпись 8-го года правления второго фараона XX династии Рамсеса III (ок. 1190 г. до н. э.) зафиксировала Кипр как один из регионов, по которому прокатилась волна «народов моря» в

² Так, надписи и рельефы Рамсеса III в его заупокойном храме в Мединет Абу являлись, прежде всего, инструментами царской идеологии, целью которой было прославление фараона как гаранта миропорядка, противостоящего силам хаоса в лице «народов моря» (O'Connor 2000: 94, 100). Угаритские же письма за единственным исключением вообще не упоминают о конкретных врагах (Сафронов 2012а: 211) и в подавляющем большинстве случаев содержат лишь намеки на некую угрозу. То же самое относится и к хеттским текстам времени правления последнего царя хеттского царства Суппилиуму II.

конце 13 – начале 12 в. до н. э.: «⁽¹⁶⁾ Чужеземья (т.е. «народы моря» – А.С.) заключили союз на своих островах. Пришли в движение и рассеялись в пылу битвы страны в один миг. Не устояла ни одна страна перед руками их (т.е. «народов моря» – А.С.), начиная с Хатти, Коде, Каркемиша. Арцава и ⁽¹⁷⁾ Аласия (Кипр)³ опустошены в [один миг]. [Разбит] (был ими) лагерь в месте одном посреди Амурру (государство в Северной Сирии – А.С.). Уничтожили они людей его, землю его, которые (стали) несуществующими. Они шли, и пламя занималось впереди них по направлению к Земле Возлюбленной (Египту – А.С.). Их конфедерация (состояла) ⁽¹⁸⁾ из *пелесет*, *текер*, *шакалуша*, *дану(на)*, *вашаша*. Страны объединенные, наложили они длань свою на земли до круга земли. Сердца их (были) тверды и уверенны: «Наши замыслы сбудутся!» (пер. по: МН 1930: Pl. 46).

Более ранняя надпись Рамсеса III от его 5-го года правления (ок. 1193 г. до н. э.) также упоминает о нападении некоторых из вышеперечисленных племен «народов моря» (*пелесет*, *текер*, также *турша* – А.С.) и причиной этого называет некую войну на их родине: «Затрепетали северные чужеземья в их телах, а именно *пелесет*, *текер* [и *турша*]. Разорили их землю, пришел их дух опустошенным» (Сафронов 2009а: 148). Возможно, в упомянутых племенах «народов моря» следует видеть население Троады, а их родину помещать на северо-западе Малой Азии (Сафронов 2006: 130–135). С другой стороны, есть определенные основания предполагать некоторое участие микенских греков в походах «народов моря», которые, вероятно, могут скрываться под именем *дануна* в надписях Рамсеса III (Сафронов 2012б: 40–41).

Однако следует отметить, что ни идентификация *пелесет*, *текер* и *турша* с населением северо-запада Малой Азии, ни соотнесение *дануна* с греками не являются общепринятыми и при желании могут стать объектом критики, а потому требуют дополнительной аргументации.

³ Еще в конце 19 века благодаря найденной на Кипре греко-финикийской билингве, которая содержала посвящение Аполлону Аласийскому, стало возможным локализовать многократно зафиксированный древневосточными источниками топоним Аласия на этом острове (RLA 1928: 67). В 2003 году был проведен петрографический и химический анализ глины клинописных табличек, которые были посланы правителями Аласии в Египет и Угарит. В результате удалось доказать, что глина происходит из кипрских месторождений, что окончательно подтвердило тождество между Аласией и Кипром (Goren, Bunimovitz, Finkelstein, Na'aman 2003: 248–250).

Египетским надписям вторит обнаруженная в Угарите переписка между последним правителем этого города Аммурапи II и царем Кипра, а также с «великим управляющим» острова (письма RS L.1, RS 20.238, RS 20.218). В письмах, помимо прочего, упоминаются вражеские корабли посреди моря, которые угрожают как Угариту, так, вероятно, и Кипру (Сафронов 2013: 6–7). Однако конкретных названий племен, ответственных за нападения, обычно не приводится⁴.

Таким образом, несмотря на явные свидетельства древневосточных текстов об атаках «народов моря» на Кипр, идентифицировать только по их данным угрожавшие острову на рубеже 13–12 вв. до н. э. конкретные племена «народов моря», а также реконструировать ход и последствия их нападений, к сожалению, не представляется возможным.

Данные археологии Кипра подтверждают сведения египетских и угаритских текстов. В конце периода Позднекипрский (далее LC – A.C.) II C (около 1200 г. до н. э.) множество процветавших до этого местных поселений было разрушено или заброшено (Калавассос, Марони, Хала Султан Текке, Синда) (Karageorghis 2002: 73). В последующий период LC III A (начало 12 в. до н. э.) в таких городах как Энкоми, Китион, Курион и Палеопафос после слоя разрушений прослеживается появление нового населения, которое возводит укрепления в т.н. циклопическом стиле (Polyzois 2008:116; Steel 2010: 813). Кроме того, в Пила-Коккинокремнос и Маа-Палеокастро на западном и юго-восточном побережье Кипра, соответственно, возникли укрепленные поселения в прежде необжитых местах (Karageorghis 2002: 73–74; Steel 2010: 813).

Судя по массовому местному производству микенской керамики на Кипре в период LC III A новое население следует связывать с мигрантами из Эгеиды (Karageorghis 2002: 78; Steel 2010: 813). Помимо этого, на Кипре в слое LC III A была обнаружена т. н. троянская серая керамика, центр распространения которой находился, прежде всего, в Троаде на северо-западе

⁴ Единственным исключением является письмо RS 34.129, в котором упоминаются захватившие в плен угаритского сановника «шикалайю, живущие на кораблях». Однако письмо было написано хеттским царем Тудхалией IV около 1220 г. до н. э. и относится к более раннему периоду активности «народов моря» в Восточном Средиземноморье (Сафронов 2012а: 211, 217).

Малой Азии (Heuck Allen 1991: 151–154, 161, fig. 15. 6)⁵. Точные причины появления этой керамики до конца не выяснены, однако целый ряд исследователей предполагает переселение некоторого количества населения Троады на Кипр в начале 12 в. до н. э. (Heuck Allen 1994: 45; Karageorghis 2000: 257).

Пришельцы также принесли на Кипр новшества, которые до этого отсутствовали в местной материальной культуре, и которые следует связывать, исходя из аналогий, с районами Южной Греции и Эгейды в целом. Среди эгейских нововведений в оружейном деле обычно отмечают введение прямого колюще-рубящего меча (тип Naue II) и поножей (Buchholz 1999: 470–472, 671–672; Polyzois 2008: 116), в архитектуре – мегарона с очагом посреди зала (Steel 2010: 813) и резервуаров для купания (ванн), типичных для Эгейды (Karageorghis 2002: 78, 96, fig. 195). Также примечательно, что около 1200 г. до н.э. на Кипре появляются изображения воинов на рукоятях зеркал и ларце из слоновой кости, а также на печатях, поразительно сходные со знаменитыми рельефами Рамсеса III в его заупокойном храме в Мединет Абу, на которых запечатлены «народы моря» (Wainwright 1963: 146–148; Krzyszkowska 1992: 237; Karageorghis 2002: 100, fig. 205 – 206).

Однако не все исследователи склонны трактовать эти археологические свидетельства как доказательство миграции микенских греков и насельников Троады на Кипр на рубеже 13–12 вв. до н. э. Они ссылаются как на недостаточную изученность поселений на Кипре конца 13 – начала 12 в. до н. э., так и на недоказанность того, что инновации в материальной культуре должны быть связаны именно с притоком на остров микенских греков (Iacovou 2013: 610–612, 616–618). Сомнения высказываются также по поводу связей между Троадой и Кипром в начале 12 в. до н. э., причем отрицается даже само сходство между серой троянской керамикой и ее кипрскими аналогами (Muhly 1985: 20–45).

В этой ситуации греческая эпическая традиция может оказаться тем недостающим звеном, которое позволит связать воедино информацию древневосточных текстов и археологии. Действительно, ее данные, сохранившиеся в трудах поздних

⁵ Собственно, наибольшее распространение этой керамики в 14–13 вв. до н.э. отмечено в самой Троае (слои VI и VIIa) (Blegen, Boulter, Caskey, Rawson 1958: Pl. 234–235, 239–241) и в расположенном в 5 км к западу от Трои некрополе Бешик-тепе (Basedow 2000: Taf. 77–78, 83).

античных авторов, последовательно сообщают о прибытии на Кипр греков и троянцев после падения Илиона.

Ликофрон и схолии к нему упоминают о пяти греческих героях, обосновавшихся на острове после Троянской войны – Тевкра, Агапенора, Акамаса⁶, Кефея и Праксандра (Lycophr. Alex. 447–449, 450 и сл., 479 и сл., 494 и сл.; 584–591; Schol. Lycophr. 586). Эта же информация фрагментарно содержится и у других античных авторов. Страбон кратко упоминает об основании Лапафа на Кипре выходцами из Лаконии во главе с Праксандром⁷, а Пафоса – правителем Аркадии Агапенором (Strabo. XIV. 6. 3). Более подробно о прибытии Агапенора на Кипр повествует Павсаний, согласно которому после взятия Трои корабли аркадян под предводительством Агапенора были отнесены бурей к Кипру, где они и обосновались, построив город Пафос (Paus. VIII. 5. 2). Хотя дошедшая до нас традиция о прибытии аркадян во главе с Агапенором на Кипр письменно зафиксирована не ранее 1 в. до н. э.⁸, рассматривать ее как некое позднее этиологическое построение едва ли возможно, поскольку

⁶ Как показал Э. Йерстад, предание о приходе на Кипр сына Тесея Акамаса является типичным примером афинской политической мифологии, призванной обосновать претензии Афин на территории острова в 5 в. до н. э. (Gjerstad 1944: 120–122), поэтому данная традиция далее не рассматривается.

⁷ Праксандр и Кефей не упоминаются в «Каталоге кораблей» Гомера (Schol. Lycophr. 586). Кроме того, этим героям приписывалось незнатное происхождение (Lycophr. Alex. 586–587; Schol. Lycophr. 586), что исключало их из системы общих мифологических построений. Соответственно, предания о прибытии на Кипр этих героев из Спарты и Ахайи могли содержаться в местной устной традиции или работах логографов, что свидетельствует об ее аутентичности и исключает ее поздний этиологический характер (Gjerstad 1944: 112–113). Однако отражает ли это предание миграции греков рубежа 13–12 в. до н. э., или оно может быть соотнесено с более поздними, миграционными процессами на Кипре около 1100 г. до н. э. (LC III B) (Karageorghis 2002: 115–117), синхронными появлению дорийцев в Южной Греции, сказать сложно.

⁸ Тем не менее, древность данных об участии аркадян в Троянской войне подтверждается «Каталогом кораблей», где упомянут Агапенор со своей дружиной на 60-ти кораблях (Π. Π. 604–611). Возможно, предание о приходе после Троянской войны вождя аркадян на Кипр содержалось в киклической поэме Νόστοι или в местной кипрской традиции, подобной тем, которые известны из разных областей Греции и содержат мифологическую историю определенного региона (Тронский 1988: 73).

ку указать исторические реалии I тыс. до н. э., которые могли бы послужить причиной возникновения подобного рода фиктивных преданий о колонизации аркадянами Кипра, не удастся⁹. Любопытно, что легендарную традицию о связях Аркадии и Кипра еще во II тыс. до н. э. подтверждают и данные лингвистики. Аркадский и кипрский диалекты древнегреческого языка показывают столь очевидные общие черты, что их традиционно объединяют в один диалект – аркадо-кипрский (Казанский 1983: 76–77). В то же время, последний имеет ряд сходств с зафиксированным линейным письмом Б микенским наддиалектом, что позволяет считать его реликтом этой древнейшей известной нам ступени древнегреческого языка (Молчанов, Нерознак, Шарыпкин 1988: 123–124).

Также в трудах поздних античных авторов широко распространена традиция о сводном брате Аякса Тевкре, который после Троянской войны вернулся на Саламин, но был изгнан своим отцом Теламоном за то, что не смог отомстить за гибель брата (Тас. анн. III. 63). Свою новую родину он нашел на Кипре, где основал одноименный прежней родине город Саламин (Strabo. XIV. 6. 3), чьи правители еще в 4 в. до н.э. возводили свою династию к Тевкру (Paus. I. 3. 2; II. 29. 4).

Эйнар Йерстад уже давно убедительно продемонстрировал, что связь Тевкра с Саламином является поздним этиологическим построением. Помимо прочего, на это указывает отсутствие на острове отдельного культа этого героя. Данная традиция возникла лишь в 5 в. до н.э. в произведениях Эсхила и Пиндара в ходе греко-песидских войн и было призвано мифологически обосновать начавшуюся в 478 г. до н.э. борьбу афинян за освобождение Кипр от персов (Gjerstad 1944: 119). Действительно, искусственность связи Тевкра с Саламином проглядывает в предании, согласно которому он был рожден троянской царевной Гесионой, подаренной Гераклом своему соратнику Теламону после взятия Трои Лаомедонта (Apollod. II. 6. 4; III. 12. 6; Diod. IV. 32. 3)¹⁰.

⁹ К этому же кругу преданий следует отнести свидетельство Геродота о жителях кипрского Куриона как потомках переселенцев из Аргоса на Пелопоннесе (Hdt. V. 113). Данная информация позже появляется также и у Страбона (Strabo. XIV. 6. 3).

¹⁰ Любопытно, что у Гомера Тевкр изображен не как типичный греческий воин, сражающийся копьем и мечом, но как лучник, что

Само же имя Тевкра (Τεύκρος) явно является эпонимом древнейших обитателей Троады тевкров (Τευκροί)¹¹. Хотя связанные с тевкрами топонимы и этнонимы зафиксированы на Крите, в северной Греции и во Фракии, наиболее глубокие и тесные связи прослеживаются именно для региона на северо-западе Анатолии (Lehmann 1985: 47; Гиндин, Цымбурский 1996: 147). Крайне важно, что у Афиней сохранилась традиция о Тевкре, приведшем после падения Илиона на Кипр пленных троянцев, потомками которых считались кипрские гергины (Γεργίνοι). Впоследствии часть гергинов вернулась на родину в Троаду и основала город Гергинию, позже известный как Гергит (Γέργις) (Athen. VI. 68). О связях кипрских гергинов с областью на северо-западе Малой Азии явно свидетельствует уже упомянутый город тевкров в Троаде Гергит (Hdt. VII. 43) и небольшое троянское племя гергитов (Γέργιθοι), жившее там еще в 5 в. до н. э. и считавшееся остатками древних тевкров (Hdt. V. 122).

Таким образом, мы видим, что данные греческой легендарной традиции о приходе на Кипр после Троянской войны ахейских греков и троянцев в значительной части являются аутентичными и, видимо, восходят к событиям конца поздне-бронзового века¹². Они полностью подтверждаются данными археологии и египетских источников о миграции населения Южной Греции и северо-западной Анатолии на рубеже 13–12 в. до н. э. в Восточное Средиземноморье. В свою очередь, греческая эпическая традиция проливает свет на этнический состав «народов моря», часть из которых должна была быть связана с ахейскими греками, другая же – с лувийским миром западной Малой Азии. В этом случае особенного внимания заслуживает упоминание в надписи 5-го года правления Рамсеса III войны на

призвано также подчеркнуть его полуварварское происхождение (Schachermeyr 1982: 118).

¹¹ Древнейшие свидетельства о тевкрах в Троаде появляются у Каллина (Strabo. XIII. 1. 48), о них упоминает и Геродот (Hdt. V, 113). По одному из зафиксированных позднее преданий, древнейшим царем Троады еще до основания Илиона был Тевкр, по имени которого ее жители назывались тевкрами (Apollod. III. 12. 1). Согласно другим данным, тевкры прибыли в Троаду в древние времена (Diod. IV. 75. 1; Strabo. XIII. 1. 48).

¹² В этой связи любопытно отметить, что автор Паросской хроники (III в. до н. э.) помещал основание Тевкром Саламина на Кипре в переводе на современное летоисчисление на 1201–1200 г. до н. э. (Jacoby 1904: 10).

родине ряда племен «народов моря», которая стала причиной их миграций. Если локализация египетских этнонимов на северо-западе Малой Азии верна, то мы имеем дело с первым негреческим источником, глухо упоминающим о событии, которое позднее отразилось в греческой эпической традиции в цикле преданий о Троянской войне.

Литература

- Гиндин, Цымбурский 1996 – Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Казанский 1983 – Казанский Н. Н. Диалекты древнегреческого языка: учебное пособие. Л., 1983.
- Молчанов, Нерознак, Шарыпкин 1988 – Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988.
- Немировский 1999 – Немировский А. А. Троя после Троянской войны // Вестник Московского университета. Серия «История». 1999. № 5.
- Сафронов 2006 – Сафронов А. В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III // Вестник древней истории. № 4.
- Сафронов 2009 – Сафронов А. В. «Народы моря» и Ближний Восток: этнополитические процессы в конце 13 – начале 12 вв. до н.э. // Краткие сообщения Института археологии. № 223.
- Сафронов 2009а – Сафронов А. В. К трактовке сткк. 51–52 надписи 5-го года правления Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу // Вестник Московского гос. областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 1.
- Сафронов 2012 – Сафронов А. В. «Народы моря» на Древнем Востоке в 14 – первой половине 13 в. до н. э. // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 6.
- Сафронов 2012а – Сафронов А. В. Датировка письма RS 34.129 и хетто-угаритские отношения в XIII в. до н. э. // Вестник древней истории. 2012. № 4.
- Сафронов 2012б – Сафронов А. В. Новые данные о миграциях «народов моря». // Вестник Московского гос. областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. № 5.
- Сафронов 2013 – Сафронов А. В. Троянцы в Ливии: греческие реминисценции об участии населения Западной Анатолии в движении «народов моря» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 24–26 июня 2013 г. СПб.
- Сафронов 2013а – Сафронов А. В. Датировка угаритского письма RS 88.2009 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2013. № 2.
- Тронский 1988 – Тронский И. М. История античной литературы. М., 1988.

- Companion 2010 – A Companion to the Ancient Greek language / Bakker E. J. (ed.). Chichester; Malden, 2010.
- Basedow 2000 – Basedow M. A. Besik Tepe. Das spätbronzezeitliche Gräberfeld. Mainz am Rhein, 2000.
- Blegen, Boulter, Caskey, Rawson 1958 – Blegen C. W., Boulter C. G., Caskey J. L., Rawson M. Troy. Settlements VIIa, VIIb and VIII. Volume IV. Part 2: Plates. Princeton, 1958.
- Buchholz 1999 – Buchholz H.-G. Ugarit, Zypern und Ägäis. Kulturbeziehungen im zweiten Jahrtausend v.Chr. Münster, 1999.
- Gjerstad 1944 – Gjerstad E. The colonization of Cyprus in Greek legend // Acta Instituti Romani Regni Sueciae: Opuscula Archaeologica. 1944. Vol. 3.
- Goren, Bunimovitz, Finkelstein, Na'aman 2003 – Goren Y., Bunimovitz Sh., Finkelstein I., Na'aman N. The location of Alashiya: new evidence from petrographic investigation of Alashiyan tablets from El-Amarna and Ugarit // American journal of archaeology. 2003. Vol. 107/2.
- Heuck Allen 1994 – Heuck Allen S. Trojan Grey Ware at Tel Mique-Ekron // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. № 293.
- Iacovou 2013 – Iacovou M. Aegean-Style Material Culture in Late Cypriot III: Minimal Evidence, Maximal Interpretation // The Philistines and Other “Sea Peoples” in Text and Archaeology / Killebrew A. E., Lehmann G. (eds.). Atlanta, 2013.
- Karageorghis 2002 – Karageorghis V. Early Cyprus. Crossroads of the Mediterranean. Los Angeles, 2002.
- Krzyszkowska 1992 – Krzyszkowska O. H. A «new» mirror handle from Cyprus // Annual of the British School at Athens. 1992. Vol. 87.
- Lehmann 1985 – Lehmann G.A. Mykenische Welt und östliches Mittelmeer zur Zeit der «Seevölker»-Invasionen um 1200 v. Chr. Opladen, 1985.
- MH 1930 – Medinet Habu, Volume I. Earlier Historical Records of Ramses III. Chicago, 1930.
- Muhly 1985 – Muhly J. D. The Late Bronze Age in Cyprus: A 25 Year Retrospect // Archaeology in Cyprus, 1960-1985. / Karageorghis V. (ed.). Nicosia, 1985.
- O'Connor 2000 – O'Connor D. The Sea Peoples and the Egyptian Sources // The Sea Peoples and Their World: A Reassessment / Oren E. (ed). Philadelphia, 2000.
- Polyzois 2008 – Polyzois A. The Late Bronze Age Presence in Cyprus and the Levant: Mycenaean Colonies or Acculturation and Settlement? // Scripta Mediterranea. 2008. Vol. 27–28.
- RLA 1928 – Reallexicon der Assyriologie. Bd. 1. / E. Ebeling, Br. Meissner Hrsg. B.; Lpz., 1928,
- Schachermeyr 1982 – Schachermeyr F. Die Levante im Zeitalter der Wanderungen vom 13. Bis zum 11. Jahrhundert v. Chr. Wien, 1982.
- Steel 2010 – Steel L. Cyprus // Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean / Cline E. H. ed. Oxford; New York, 2010.
- Wainwright 1963 – Wainwright G. A. A Teucrian at Salamis in Cyprus. // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 83.
- Jacoby 1904 – Jacoby F. Das Marmor Parium. B., 1904.
- Yasur-Landau 2010 – Yasur-Landau A. The Philistines and Aegean Migration at the End of the Late Bronze Age. New York, 2010.

**A. V. Safronov. The Sea Peoples and Cyprus:
history and legendary tradition**

The paper deals with the data of Greek legendary tradition about Greek and Trojan colonization of Cyprus after the Trojan war. These data are authentic and go back to the historical events of the Late Bronze Age. The author shows that this legendary tradition is confirmed by archaeology and Egyptian written sources which prove the migration of the inhabitants from Southern Greece and North-Western Anatolia to Eastern Mediterranean at the late 13 – beginning 12 BC. The Greek tradition in its turn sheds light on ethnic composition of the Sea Peoples. The author thinks that some of them could have been the Achaeans, the others were connected to the Luwians of Western Anatolia. If so, we should focus our special attention on an inscription dating back to the 5th regnal year of Ramses III. It mentions the great war which devastated the homeland of some Sea Peoples' tribes and caused their migration to Egypt. If the localization of Egyptian tribe names on North-West of Asia Minor is right, we deal with the first non-Greek evidence of the historical event which is reflected later in Greek epic tradition as Trojan war.

Keywords: Greek legendary tradition, Cyprus, the Achaeans, «Sea Peoples», the Late Bronze Age, Ramses III, Trojan war.

М. Г. Селезнев, А. В. Шелушпанов

К ВОПРОСУ ОБ ЭСХАТОЛОГИИ В ГРЕЧЕСКОЙ ПСАЛТИРИ: дискуссия о значении подзаголовка εἰς τὸ τέλος

Статья посвящена недавней дискуссии между исследователями Септуагинты о значении выражения εἰς τὸ τέλος в подзаголовках греческой Псалтири. В еврейской Псалтири подзаголовки такого рода являются указаниями о том, как следует исполнять данный псалом, и используют особую музыкальную терминологию. Переводчики Псалтири на греческий язык были незнакомы с этой терминологией, что привело к появлению в подзаголовках греческой Псалтири ряда загадочных выражений. Отцы Церкви интерпретировали некоторые из этих выражений (в том числе εἰς τὸ τέλος) в эсхатологическом ключе. Но имели ли это в виду сами переводчики? Или эсхатологическая интерпретация является позднейшим феноменом и не имеет отношения к тому, о чем думали переводчики?

Анализ того, как используется слово τέλος в Септуагинте и в целом в иудеоэллинистической литературе скорее говорит против предположения о том, что переводчики изначально имели в виду эсхатологическую интерпретацию выражения εἰς τὸ τέλος.

Ключевые слова: Библия, Септуагинта, еврейский язык, греческий язык, перевод, эсхатология, Псалтирь

Большинство псалмов еврейской Библии предваряется кратким подзаголовком. Эти подзаголовки иногда отмечают авторство псалма («псалом Давида», «псалом сынов Кореовых» и т. д.), иногда соотносят его с каким-то эпизодом из жизни Давида, иногда содержат указания касательно его исполнения. Эти указания нам уже по большей части малопонятны. Вероятно, какие-то из них содержат названия музыкальных орудий. Какие-то, возможно, цитируют песнопение, задающее мотив для данного псалма (так в православных богослужебных книгах песнопение может предваряться заметкой типа «Подобен: Дому Иосифов», что означает «Петь на мотив песнопения «Дому Иосифов»»). Поскольку песнопения-образцы до нас не дошли, а древнееврейские названия музыкальных инструментов неясны, смысл такого рода подзаголовков весьма спорен. Очевидно, уже переводчики Псалтири на греческий язык не понимали их, поэтому в греческой Библии эти подзаголовки приобрели совершенно загадочный вид (напр., «в конец, о точилах, псалом Дави-

да»). Впоследствии, уже христианскими экзегетами, эти загадочные подзаголовки были интерпретированы аллегорически.

Или, быть может, – как полагают некоторые исследователи – аллегорический смысл был заложен в подзаголовки псалмов уже самими толковниками? Ответ на этот вопрос важен для нашего понимания и переводческих принципов Септуагинты, и ее теологии, и религиозных идей той среды, в которой Септуагинта создавалась.

Одно из самых частых выражений в подзаголовках еврейской Псалтири (около 55 раз) – *lamnaṣṣeah*. Еврейская традиция, а вслед за ней и большинство современных переводов понимают его как «начальствующему» (евр. *menaṣṣeah*), т.е. «начальнику хора». Ср. толкование Раши на Пс 4: 1, где впервые в Псалтири встречается это выражение: «Этот псалом сложил Давид, чтобы его произносили левиты; «начальствующий» (*menaṣṣeah*) – над музыкой, над пением на подмостках; слово *niṣṣuah* означает поставленных над работой, как в том месте, где сказано: «назначили левитов, от двадцати лет и старше, руководить (*lenaṣṣeah*) строительством храма Господнего» (Ездра 3:7)» (Gruber 2007: 812, 185).

На греческий язык евр. *lamnaṣṣeah* везде, где оно встречается в подзаголовках Псалтири, было переведено словами εἰς τὸ τέλος. Очевидно, греческий переводчик подзаголовков к псалмам понимал евр. *lamnaṣṣeah* как связанное с существительным *neṣah* «длительность, вечность, успех, слава». Евр. выражение (*la*)*neṣah* в Септуагинте стандартно передается греческим εἰς τέλος (по нашим подсчетам – почти 20 раз в тексте псалмов, трижды в Иове, один раз у Аввакума). По аналогии с передачей (*la*)*neṣah* через εἰς τέλος – *lamnaṣṣeah* передается через εἰς τὸ τέλος (обратим внимание на разницу в артикле). Что, однако, имел в виду переводчик? Какой смысл вкладывал он в эти слова?

Отцы Церкви интерпретировали εἰς τὸ τέλος в эсхатологическом смысле – как относящее содержание соответствующих псалмов к «концу» (τέλος) земной истории. Имелось ли это в виду самими переводчиками? Если да – мы вправе предположить, что та иудеоэллинистическая среда, в которой происходил перевод Псалтири на греческий язык, характеризовалась весьма живыми эсхатологическими чаяниями, наподобие кумранской общины или раннехристианской общины. Но так ли это?

Дискуссия о богословии Септуагинты вспыхнула с новой силой в последнее десятилетие. Катализатором этой волны интереса к Септуагинте послужили ее новые переводы на английский и немецкий языки, появившиеся в последние пятнадцать лет¹. В работе Мартина Рёзеля (одного из соавторов «немецкой Септуагинты»), специально посвященной подзаголовкам псалмов в греческой Библии, на заданный выше вопрос был дан положительный ответ (Rösel 2001: 137–139).

По мнению Рёзеля, греч. εἰς τὸ τέλος (как перевод евр. *lamnaṣṣeah* в подзаголовках псалмов) имеет временное измерение, а слово τέλος в этом выражении осмысленно переводить, как «конец» (Ende), имея в виду «конец времен». Несомненно, что слово τέλος имеет эсхатологические коннотации в Новом Завете и у Отцов Церкви, но Рёзель предполагает, что эти эсхатологические коннотации появились уже в самом греческом переводе Псалтири. В пользу такого понимания, как он считает, говорит целый ряд аргументов.

Во-первых, наличие в подзаголовках артикля, подразумевающего некий *определенный* конец.

Во-вторых, параллелизм между εἰς τέλος и εἰς τὸν αἰῶνα (εἰς τοὺς αἰῶνας) в тексте Пс 9: 19; 77 (76): 8–9; 103 (102): 9.

В-третьих, наличие в Септуагинте мест, где τέλος, по мнению Рёзеля, «однозначно обозначает конец времен» (Иез 15: 4–5; 20: 40; 36: 10; Дан 3: 34).

В-четвертых, греческий перевод подзаголовка к Пс 30 (29). Еврейский подзаголовок псалма звучит просто *mizmor šir-ḥanukkat habbayit ledawid* («Псалом. Песнь обновления храма. Давидов»). В Септуагинте в состав подзаголовка включено выражение εἰς τὸ τέλος ψαλμὸς ᾠδῆς τοῦ ἐγκαίνισμοῦ τοῦ οἴκου τοῦ Δαυὶδ. По мнению Рёзеля «Песнь обновления храма» во второй половине 2 в. до н. э. (предположительное время появления греческого перевода Псалтири) могла пониматься иудеями лишь как отсылка к очищению храма после его осквернения при Антиохе Эпифане. Эсхатологическое восприятие этих событий засвидетельствовано в книге Даниила. Если только не предполагать здесь случайного совпадения, пишет Рёзель, то

¹ A New English Translation of the Septuagint and the Other Greek Translations Traditionally Included under That Title, Oxford 2007. Septuaginta Deutsch. Das griechische Alte Testament in deutscher Übersetzung. Stuttgart 2009.

добавление выражения εἰς τὸ τέλος к «эсхатологическому» подзаголовку Пс 30(29) свидетельствует об «эсхатологическом» восприятии этого выражения добавившими его греческими переводчиками.

Такая интерпретация Септуагинты влечет за собой, как мы уже говорили, далеко идущие выводы касательно религиозной атмосферы в среде, где создавалась греческая Псалтирь. Если интерпретация Рёзеля верна, то творцы греческой Псалтири (в отличие от авторов еврейской Псалтири) относили содержание свыше полусотни псалмов к событиям «последнего времени».

С критикой Рёзеля выступил Альберт Питерсма, главный редактор нового перевода Септуагинты на английский язык (Pietersma 2005: 468–71; Pietersma 2006: 42–44). В этой дискуссии, несомненно, отражаются некоторые базовые методологические отличия между разными школами исследователей Септуагинты. Представители немецкой и французской школ, как правило, исходят из общего культурного контекста Септуагинты и нередко берут в качестве отправной точки для своего анализа истолкование текста Септуагинты в последующей традиции. Питерсма и его коллеги полагают, напротив, что анализ Септуагинты должен начинаться на уровне слов. Такая позиция характерна для англосаксонских исследователей Септуагинты, а также для (довольно яркой и представительной) «финской школы».

По мнению Питерсмы, Септуагинта является своего рода интерлинеаром к еврейской Библии: переводчики стремились к передаче еврейского текста, слово за слово, с помощью системы стандартных эквивалентов. Говорить же о какой-то экзегезе переводчика, – тем более о теологически мотивированной экзегезе, – можно лишь там, где переводчик отступает от использования этих стандартных эквивалентов.

Свою критику Питерсма начинает с анализа того, как переводятся слова с корнем *nšh* в Септуагинте за пределами Псалтири. Его статистика такова: 5 раз εἰς τὸ τέλος (Питерсма переводит это выражение «полностью» («completely») – Авв 1: 4; Иов 4: 20; 14: 20; 20: 7; 23: 7); 5 раз εἰς νίκης («победоносно» – 2 Царств 2: 26; Иер 3: 5; Ам 1: 11, 8: 7; Плач 5: 20); τοῦ νικῆσαι («победить» – Авв 3: 19); ἡ νίκη («победа» – 1 Пар 29: 11); ἰσχύω («осиливать» – Иса: 8), κατισχύω («осиливать» – Иер 15: 18), ἐνισχύω («осиливать» – 1 Пар

15:21), ἐργοδιώκτης («руководитель работ» – 1 Пар 23: 4, 2 Пар 2: 17), ἐπισκοπέω («надзирать, руководить» – 2 Пар 34: 12).

Питерсма обращает особое внимание на то, что, когда греческий переводчик пытается передать временной компонент семантики евр. *nšh*, он никогда не использует слово τέλος, но всегда употребляет другие слова и обороты: εἰς τὸν αἰῶνα (Иса 28: 28; Иер 27 [50]: 39); εἰς τὸν αἰῶνα χρόνον (Иса 13: 20, 33: 20); χρόνον πολύν (Иса 34: 10); διὰ παντός (Иса 57: 16); ἔτι (Иов 34: 36).

В тексте псалмов, по мнению Питерсмы, выражение *lanešah* (регулярно передающееся как εἰς τέλος) также не обязательно имеет строго временное значение. Единственный случай, когда (в силу однозначно временного значения евр. предлога *'ad*) можно говорить об однозначно временном значении существительного *nešah* – Пс. 49 [48]: 20 (*'ad-nešah*). Однако именно здесь в греческом переводе мы видим не εἰς τέλος, а ἕως αἰῶνος! Это, скорее, указывает на то, что слово τέλος не понималось переводчиком псалмов как имеющее временное значение.

Что касается указания Рёзеля на параллелизм между εἰς τέλος и εἰς τὸν αἰῶνα (αἰῶνας) в тексте Пс 9: 19; 77 (76): 8–9; 103 (102): 9, Питерсма замечает (вполне справедливо), что параллелизм не обязательно имплицитно синонимичен.

Рёзель в поисках ключа к Септуагинте обращается к Новому Завету и Отцам Церкви, а Питерсма, напротив, – к литературе, предшествовавшей или одновременной с переводом Псалтири на греческий. Он отмечает, что в не-философской классической и эллинистической литературе греч. τέλος как существительное чаще всего значит просто «следствие» (реальное или логическое); в адвербиальном употреблении – «в результате» или «полностью, окончательно». Полибий, отмечает Питерсма, регулярно употребляет слово τέλος без каких бы то ни было эсхатологических обертонов.

Что касается артикля в подзаголовке, не факт, что он был проставлен по правилам греческого языка. Более того – вообще необязательно считать, что его простановка мотивирована какими-то семантическими моментами. Питерсма указывает на такой феномен переводческой техники Септуагинты, как стремление к изоморфизму: желание передать не просто каждое слово еврейского языка отдельным словом греческого языка, но каждую морфему еврейского языка отдельной морфемой греческого языка (пусть даже эти морфемы выполняют разные функции).

Исходя из принципа изоморфизма, предполагает Питерсма, греческий переводчик подзаголовков к псалмам, на основании уже устоявшегося равенства *laneṣaḥ* (לַנֶּשֶׁחַ) = εἰς τέλος, конструирует новое равенство *lamnaṣṣeaḥ* (לַמְנַסְסֵחַ) = εἰς τὸ τέλος.

Итог исследования Питерсмы таков: эсхатологическое прочтение подзаголовков греческой Псалтири несомненно для истории ее интерпретации, но ни имеет отношения к тому, о чем думали сами переводчики в момент перевода псалмов на греческий.

Краткий ответ Рёзеля на критику Питерсмы дан в Rösel 2006 (p. 250 n. 40). Отметив уже упоминавшуюся нами разницу в исходном подходе («he is focussing on the single word as the bearer of the meaning, while I would always include the immediate context of the word in question to determine its meaning»), Рёзель пишет: «Наблюдение Питерсмы, что в не-философской классической и эллинистической литературе греч. τέλος не имеет эсхатологических коннотаций ничего не доказывает, поскольку греческий язык Псалмов в Септуагинте должен рассматриваться в контексте грекоязычного иудаизма того времени». Без ответа, по мнению Рёзеля, остаются также вопросы, о каком конкретном τέλος говорит переводчик, употребляя определенный артикль, а также чем объяснить появление εἰς τὸ τέλος в подзаголовке Пс 30 (29).

Хотя спор касается значения одного-единственного слова в подзаголовках к псалмам, речь идет о теме довольно серьезной (поскольку от того, как мы представляем себе историю древнееврейской эсхатологии, зависит, например, наше понимание генезиса христианства). Несомненно, было бы желательно проследить аргументацию pro et contra с привлечением большего количества деталей. Статистика Питерсмы, в целом, дает адекватную картину, но она неполна и, кроме того, в ней есть неточности (напр. в Септуагинте Иов 4: 20 *laneṣaḥ* на самом деле – вопреки данным, которые приводит Питерсма – оставлено без перевода; даже критическое издание Ziegler 1982 не знает здесь разночтений).

В настоящей статье мы сосредоточимся лишь на одном аспекте данного спора. Из возражений Рёзеля Питерсме наиболее серьезным, несомненно, является то, что язык греческих псалмов должен рассматриваться в контексте грекоязычного иудаизма того времени, а не классической греческой литературы

(Полибия и др.). Именно к этому моменту – значение τέλος в контексте иудеоэллинистической литературы – мы и обратимся.

Питерсма (см. выше) рассмотрел все случаи, где слово τέλος употребляется в Септуагинте для перевода еврейских слов с корнем *nš/h*. Однако вне поля его зрения остались те места Септуагинты, в которых выражение εἰς τέλος соответствует каким-то другим еврейским словам. Меж тем, именно к числу таких мест относятся те стихи Септуагинты, где τέλος, по мнению Рёзеля (Rösel 2001: 137–139), «однозначно обозначает конец времен» (Иез 15:5; 20:40; 36:10; Дан 3:34). С этих стихов мы и начнем наш анализ.

Иез 15: 2–5 (перевод с еврейского)²

- (2) Сын человеческий!
Разве древесина виноградной лозы лучше любой древесины?
Разве ветвь виноградной лозы лучше деревьев лесных?
- (3) Разве возьмут ее, чтобы на что-нибудь использовать?
Хотя б на то, чтобы сделать крюк и что-то повесить?
- (4) Вот, отдали ее на съедение огню,
оба конца пожрал огонь, и середина обуглилась.
Может ли она теперь согнуться хоть на что-нибудь?
- (5) Когда была она цела – ни на что не годилась.
Тем более теперь, когда огонь ее пожрал и она обуглилась –
на что она годна?

Греческий перевод этих стихов местами далек от еврейского оригинала. Слова Иез 15: 4 רָקַח וְהָיָה לְעֵצִים וְהָיָה לְעֵצִים («оба конца пожрал огонь и середина обуглилась») переведены на греческий τὴν κατ' ἐνιαυτὸν καθαρσὶν ἀπ' αὐτῆς ἀναλίσκει τὸ πῦρ καὶ ἐκλείπει εἰς τέλος («годовое очищение от нее уничтожает огонь и она погибла в конец»). Очевидно, образ ветки, которая сгорает с обоих концов, так что остается лишь обугленная середина, не был понят переводчиком. Евр. וְהָיָה было интерпретировано им не как «оба», а как «годы» (в евр. это омонимы и омографы). Евр. רָקַח וְהָיָה («пожрал огонь», прош. вр.) было прочитано как «пожирал огонь» (наст. вр., разница между формами видна лишь в огласованном тексте). В остальном, как кажется, переводчик положился на общий смысл контекста.

² Переводы библейских текстов принадлежат М. Г. Селезневу.

В следующем стихе слова 15: 5 אֶף כִּי־אֵשׁ אֶכְלְתָהּ וַיִּהְרַר («когда огонь ее пожрал и она обуглилась») переведены на греческий ὅτι ἐὰν καὶ πῦρ αὐτὸ ἀναλώσῃ εἰς τέλος («если и огонь ее уничтожил в конец»).

В обоих случаях в греческом переводе выражение εἰς τέλος означает «в конец, полностью». Никакого временного (тем более, эсхатологического) значения здесь нет. Конечно, притча рассказана Иезекиилем для того, чтобы сделать наглядной грядущую судьбу Иерусалима, а это некоторым образом эсхатологическое событие. Но эти метафорические смыслы находятся *вне* притчи, а не *внутри* ее.

Иез 20: 40а

כִּי בְהָר־קָדְשִׁי בְּהָרִי מְרוֹם יִשְׂרָאֵל
נֶאֱמַר אֲדַבֵּר יְהוָה
וְשָׁם יַעֲבֹדֵנִי כָל־בֵּית יִשְׂרָאֵל כָּל־הָאָרֶץ

«Ибо на горе святой Моей, на высокой горе Израиля,
– говорит Господь Яхве, –
там будет служить Мне весь дом Израилев, весь, в стране»

διότι ἐπὶ τοῦ ὄρους τοῦ ἁγίου μου ἐπ' ὄρους ὑψηλοῦ
λέγει κύριος κύριος
ἐκεῖ δουλεύουσίν μοι πᾶς οἶκος Ἰσραὴλ εἰς τέλος

«Ибо на горе святой Моей, на высокой горе,
– говорит Господь Господь, –
там будет служить Мне весь дом Израилев, полностью»

В данном случае перевод можно считать почти пословным. Тем более бросается в глаза опущение в первой строке слова «Израиль» («высокая гора Израиля», т. е. Сион, становится просто «горой») и опущение в третьей строке слов «в стране» (т. е. речь уже не идет именно про Палестину). Возможно, эти опущения не случайны, а служат для того, чтобы не слишком привязывать обетование Божье к конкретной стране.

Нас, однако, больше интересует перевод евр. כָּל־ «весь» греческим εἰς τέλος. Греческий текст, взятый в отрыве от еврейского, может, конечно, пониматься так, что εἰς τέλος «в конец» имеет временное и, возможно даже, эсхатологическое значение. Но ведь переводчик-то подбирал эквивалент еврейскому כָּל־ «весь»! Единственный аспект, в котором семантические поля, связанные с евр. כָּל־ и греч. εἰς τέλος, могут пересекаться – не

временной аспект, а аспект полноты, завершенности («полностью»).

Иез 36: 10а

וְהִרְבֵּיתִי עַלְיֶכֶם אָדָם כָּל־בֵּית יִשְׂרָאֵל כָּל־ה'

(обращение Бога к горам Израильским)

«Я умножу число людей на вас – [это будет] весь дом Израилев, весь!»

καὶ πληθυνῶ ἐφ' ὑμᾶς ἀνθρώπους πᾶν οἶκον Ἰσραὴλ εἰς τέλος

‘Я умножу число людей на вас – [это будет] весь дом Израилев, полностью’.

Место очень похоже на разобранный выше. Можно даже предположить, что при переводе Иез 36: 10 переводчик опирался на Иез 20: 40 как на прецедент. На наш взгляд, здесь также имеет смысл понимать и переводить εἰς τέλος как «полностью».

Дан 3: 34

Это место относится к «молитве Азарии», которая отсутствует в еврейском тексте книги Даниила (возможно, у нее был семитский оригинал, но до нас дошли только греческие переводы). Греческий текст книги Даниила дошел до нас в двух разных версиях, которые принято называть «версией Септуагинты» и «версией Феодотиона».

В «молитве Азарии» отличия между версиями незначительны.

«Версия Септуагинты»: μὴ παραδῶς ἡμᾶς εἰς τέλος διὰ τὸ ὄνομά σου καὶ μὴ διασκεδάσης σου τὴν διαθήκην.

«Версия Феодотиона»: μὴ δὴ παραδῶς ἡμᾶς εἰς τέλος διὰ τὸ ὄνομά σου καὶ μὴ διασκεδάσης τὴν διαθήκην σου.

Смысл обеих версий тождественен: «Не предай нас в конец, ради имени Твоего, не расторгни завета Своего!»

Это покаянная молитва от лица иудеев, оказавшихся в плену после падения Иерусалима. Слова μὴ δὴ παραδῶς ἡμᾶς εἰς τέλος означают «не забудь нас навсегда». Временной компонент здесь, несомненно, присутствует. Неочевидно, однако, что речь идет именно о «последних временах», скорее – о том, чтобы Бог вспомнил о пленных иудеях *сейчас*.

Мы выбрали эти места для детального анализа потому, что именно в них, по мнению Рёзеля, τέλος «однозначно обозначает

конец времен». Анализ показывает, что, на самом деле, в четырех из пяти мест *τέλος* вообще не имеет временного значения, а в пятом – имеет, но не факт, что речь идет именно о «последних временах».

Аналогичная картина имеет место и в других случаях употребления *εἰς τέλος* в Септуагинте (Gen. 46: 4; Num. 17: 28; Deut. 31: 24, 30; Jos. 8: 24; Jos. 10: 13, 20; 1 Chr. 28: 9; 2 Chr. 12: 12; 2 Chr. 31: 1; Jdt. 7: 30; Jdt. 14: 13; 2 Ma. 8: 29; Ps. 9: 7, 19, 32; Ps. 12: 2; Ps. 15: 11; Ps. 17: 36; Ps. 43: 24; Ps. 48: 10; Ps. 51: 7; Ps. 67: 17; Ps. 73: 1, 3, 10, 11, 19; Ps. 76: 9; Ps. 78: 5; Ps. 88: 47; Ps. 102: 9; Job 6: 9; Job 14: 20; Job 20: 7, 28; Job 23: 3, 7; Sir. 10: 13; Sir. 12: 11; Amos 9: 8; Hab. 1: 4; Ezek. 15: 4, 5; Ezek. 20: 40; Ezek. 22: 30; Ezek. 36: 10; Dan. 3: 34; Dan. (Th.) 2: 34; Dan. (Th.) 3: 19). Помимо Септуагинты для анализа нами были привлечены другие корпуса иудеоэллинистической литературы: Иосиф Флавий (выражение *εἰς τέλος* встречается 8 раз) и Филон Александрийский (2 раза).

В большинстве случаев значение этого выражения не имеет временного компонента и приблизительно соответствует русскому «полностью, совсем, напрочь». Даже там, где в семантике *εἰς τέλος* можно усмотреть временной компонент, эсхатологические оттенки не очевидны.

Таким образом, предположение о том, что «эсхатологическое» прочтение подзаголовков к псалмам может восходить не к христианским интерпретаторам, а к самой эпохе перевода, противоречит не только классическому словоупотреблению (о котором говорил Питерсма), но и иудеоэллинистическому словоупотреблению.

Литература

- Gruber Mayer I. *Rashi's Commentary on Psalms*. Philadelphia, 2007.
- Pietersma A. *Septuagintal Exegesis and the Superscriptions of the Greek Psalter* // *The Book of Psalms: Composition and Reception* / ed. P. W. Flint, P. D. Miller, and A. Brunell. Leiden, 2005. P. 443–75.
- Pietersma A. *Exegesis in the Septuagint: Possibilities and Limits (The Psalter as a Case in Point)* // *Septuagint Research: Issues and Challenges in the Study of the Greek Jewish Scriptures* / ed. W. Kraus, R. Glenn Wooden. Atlanta, 2006. P. 33–46.
- Rösel M. *Die Psalmüberschriften des Septuaginta-Psalter* // *Der Septuaginta-Psalter: sprachliche und theologische Aspekte* / Herausgegeben von E. Zenger. Freiburg, 2001. S. 125–148.

Rösel M. Towards a "Theology of the Septuagint" // *Septuagint Research: Issues and Challenges in the Study of the Greek Jewish Scriptures* / ed. W. Kraus, R. Glenn Wooden. Atlanta, 2006. P. 239–252.
Ziegler J. (ed.) *Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum* XI. 4. Iob. Göttingen, 1982.

M. G. Seleznev, A. V. Shelushpanov. On the eschatology of the Greek Psalter: debates on the meaning of the expression εἰς τὸ τέλος

The article deals with the recent discussion in the field of the Septuagint scholarship (mainly between A. Pietersma and M. Rösel) on the meaning of the expression εἰς τὸ τέλος in the superscriptions of the Greek Psalter. In the Hebrew Psalter superscriptions like this were mostly either performance directions, or directions with instrumentation, using specific musical terminology. The Septuagint translators were obviously unfamiliar with this terminology, which resulted in a series of rather enigmatic renderings. The Fathers of the Greek church read some of the superscriptions of the Greek Psalter (including εἰς τὸ τέλος) from an eschatological perspective. Was this the meaning intended by the translators themselves? Or should we treat this eschatological interpretation as a later phenomenon irrelative to what the translators themselves thought?

Analysis of how the word τέλος was used both in the Septuagint and in the literature of the Hellenistic Judaism speaks rather against the suggestion that the eschatological interpretation was intended by the translators themselves.

Keywords: the Bible, Septuaginta, Hebrew, Greek, translation, eschatology, Psalter.

ПОЗИЦИЯ ПРЕВЕРБА В ХЕТТСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: ИСКОННОЕ, ЗАИМСТВОВАННОЕ ИЛИ РАЗЛИЧНЫЕ (ИДИО)ЛЕКТЫ?¹

Статья рассматривает позиции превербов в хеттском предложении. Несмотря на огромное количество исследований по данному вопросу, некоторые аспекты синтаксиса превербов в хеттском остаются неясными, а именно случаи, когда и преверб, и глагол одновременно находятся в неканонических позициях. Данная проблематика затрагивает и более общие проблемы исследования хеттского языка, а именно соотношение исконного и заимствованного в хеттском синтаксисе, а также социолингвистическую вариативность – отражение на письме индивидуальных особенностей говорящих или групп говорящих.

Ключевые слова: хеттский язык, синтаксис, порядок слов, преверб, языковые контакты, диалект, идиолект.

Преверб относится к одной из наиболее исследованных областей хеттского синтаксиса. За последние 15 лет им было посвящено три монографии (Francia 2002a; Salisbury 2005; Tjerkstra 1999) и значительное количество статей. Тем не менее, некоторые аспекты синтаксиса превербов остаются не вполне ясными. В первую очередь это относится к позиции превербов в клаузе.

Стандартно описывается, что преверб занимает непосредственно предглагольную позицию, хотя могут отделяться от глагола и подниматься в левую периферию (Francia 2002a; Salisbury 2005; Tjerkstra 1999). В стандартном хеттском языке при наличии в предложении преверба и глагола, перемещается только преверб, глагол остается на месте:

- (1) МН/MS (СТН 188) КВо 18.54 obv. 7–13
1. *n=at arḥa peššiyat #*
2. *arḥa=ma=at kue-dani memē-ni peššiya-t #*
прочь=но=ее какой-LOC.SG слово-LOC.SG бросать-3SG.PST
'(1) Он ее (табличку) отбросил. (2) По какой причине он ее отбросил (я не объяснил своему господину)' (см.: Hoffner 2009: 342).

¹ Работа написана при поддержке гранта РГНФ 14-04-00580 «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира» (2014–16).

Э. Рикен в своей работе о порядке слов в хеттском отмечала, что преверб + глагол в начальной позиции клаузы нехарактерны для хеттских текстов и должны считаться в ритуале Мاستикки указанием на иноязычное влияние (Rieken 2011).

Мне известен только один случай, когда в непереводном хеттском тексте употребляется преверб + глагол на левой периферии клаузы²:

- (2) NH/NS (CTH 381.A) KUB 6.45+ rev. iii 13
šarā=kan uw[(a-š)]i nepiš-aš ^DUTU-u-š
 вверх=LOC.PART приходить-2SG.PRS небо-GEN.SG солнце-NOM.SG.C
arun-aš #
 море-ABL
 '(Ты), Бог Солнца, **встаешь** из моря'³.

По логике Э. Рикен этот пример должен объясняться аналогично соответствующим примерам из ритуала Мастикки. Разница лишь в том, что в ритуале Мастикки мы, скорее всего, имеем дело с прямым заимствованием, а в случае с молитвой в примере (2) – со стилистическим переосмыслением неканонического порядка слов как маркирующего обращения к богам (Rieken 2011). Проблема в данном случае только в том, что, если для ритуалов и мифов, как и предполагает Э. Рикен, неканонический порядок слов засвидетельствован в достаточной степени часто, чтобы предполагать либо прямое калькирование хеттского или хурритского порядка слов, либо их распространение в непереводных текстах как стилистического маркера обращений

² Еще один пример, который Garrett 1990: 79; Salisbury 2005: 85 описывают как совместное перемещение преверба и глагола, по нашему мнению, таковым не является:

(3) NH/NS (CTH 106.A.1) Bo 86/299 obv. ii 99–100
mān=ma DUMU=KA DUMU.DUMU=KA katta wašta-i=ya
 если=но сын=твой внук=твой потом грешить-3SG.PRS=и
kuiški #
 кто-то.NOM.SG.C

'Но если потом какой-нибудь сын или внук твой **согрешит**, ...' вслед за Otten 1988: 20–21; Beckman 1996: 113.

Вопреки Garrett 1990: 79; Salisbury 2005: 85 *katta* в данном примере скорее выступает как наречие со значением 'потом, позже', которое достаточно употребительно устанавливается Salisbury 2005: 83–5. Единственной трудностью данного анализа является то, что наречие чаще всего выступает в начальной позиции в предложении, в отличие от (3).

³ Вслед за Singer 1996: 20, 39; Salisbury 2005: 224.

к богам, то в молитвах ничего подобного не наблюдается⁴. Поэтому объяснить (2) именно так, как предлагает Э. Рикен, невозможно.

Пример (2) совсем не единственный пример такого рода.

Другой характерной особенностью синтаксиса превербов в хеттском языке является то, что глагол не может перемещаться мимо преверба на левую периферию предложения.

Контрпримеры на это правило, как и следовало ожидать, вновь содержатся в ритуалах и мифах, например,

- (4) МН/MS (СТН 789) KBo 32.16 obv. ii 1, 3
meta-i=šši *kui-š* *menahhanda* #
 говорить-3SG.PRS=ему кто-NOM.SG.C против
 'Кто говорит против него, ...'⁵.

Кроме переводов с хурритского, каковым является (4), перемещения глагола мимо преверба засвидетельствованы в «египетском» письме МН/MS (СТН 151) VBoT 1 obv. 18⁶. (Tjerkstra 1999: 172) также приводит пример из ритуала.

Поскольку в данном случае неканоническое употребление преверба засвидетельствовано в тексте, для которого нам не приходится предполагать иноязычный оригинал, но который представляет собой хуррито-хеттскую билингву, можно было бы ожидать, что хурритский оригинал хеттского текста в (4) поможет нам понять странное хеттское употребление. К сожалению, именно в данном случае хурритский оригинал не сохранился.

Отметим, что с типологической точки зрения в передвижении глагола мимо преверба нет ничего удивительного. Так, в венгерском как превербы, так и глаголы достаточно свободно перемещаются относительно друг друга.

Естественно, у нас имеется и один пример, аналогичный (4) из письма, т.е. текста, который без особых оснований должен считаться написанным на стандартном хеттском языке:

⁴ См. корпусное исследование среднехеттских текстов в Sideltsev 2002.

⁵ Вслед за Neu 1996.

⁶ Который обычно считается переводом или же написанным носителем хеттского языка, см. Sideltsev 2002; 2010; Francia 2002b, ср. Hoffner 2009: 274 и прим.

(5) МН/MS (СТН 190) НКМ 71 obv. 4

<i>BELU #</i>	<i>man=wa</i>	<i>īnna-tti</i>	<i>kattan ##</i>
господин	OPT=QUOT.PART	ехать-2SG.PRS	вниз

‘Господин, если бы ты только приехал сюда (букв. вниз)’⁷.

Разумеется, ничто не мешает нам предположить, что в (5) мы имеем дело с наречием, а не превербом. Как хорошо известно⁸, превербы и наречия образуют единый класс, который крайне сложно разделить на таксономические категории. С другой стороны, у нас нет и никаких оснований считать *kattan* ‘вниз’ наречием. Любое решение будет в данном случае ad hoc, однако параллелизм примеров (4) и (5) сохраняется.

В данном случае ни о каком стилистическом переосмыслении изначальной кальки речи быть не может. С чем же мы имеем дело на самом деле?

Как нам представляется, в хеттском языке мы имеем дело как минимум с двумя достаточно четко различающимися синтаксическими системами – системой, условно говоря, дипломатических текстов и системой ритуальных текстов. Эти системы не абсолютно изолированы, между ними имеются случаи взаимовлияния и взаимопроникновения, некоторые из которых были рассмотрены в данной статье, однако эти случаи достаточно маргинальны, чтобы ставить под сомнение существование двух различных систем. Параметры, по которым проводится различие, не сводятся к рассмотренным в данной статье. Так, важным является активное употребление выносов вправо в ритуальных текстах и полное их отсутствие (за одним исключением) в дипломатических текстах (Sideltsev в печати). Значимо также широкое использование SVO/OVS порядка слов в ритуальных текстах при маргинальной его фиксации в дипломатических текстах и ряд других различий.

Открытым остается на настоящее время вопрос, как интерпретировать существование двух этих различных систем. Нам представляется, что наиболее рациональным является, как минимум в описательных целях, их представление как двух диалектов/идиолектов, разнесенных, скорее всего функционально. Возможно, как предполагает Э. Рикен, что одной из начальных точек формирования диалекта/идиолекта ритуальных

⁷ Вслед за Hoffner 2009: 227; Klinger 2001: 68; Alp 1991: 255; Tjerkstra 1999: 172.

⁸ Melchert 2009: 613 со ссылками, особенно на Tjerkstra 1999: 172–3.

текстов было иноязычное влияние. Однако с синхронной точки зрения различие между синтаксисом ритуалов и дипломатических текстов категорически не сводимо к иноязычному/собственно хеттскому.

Литература

- Alp 1991 – Alp S. Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük. Ankara, 1991.
- Beckman 1996 – Beckman G. Hittite Diplomatic texts. Atlanta, Georgia, 1996.
- Francia 2002a – Francia R. Le funzioni sintattiche degli elementi avverbiali di luogo ittiti. *anda(n)*, *āppa(n)*, *katta(n)*, *katti-*, *peran*, *parā*, *šer*, *šarā*, (StudAs 1). Roma, 2002.
- Francia 2002b – Francia R. Scelte di linguaggio e anomalie nell'ufficio dello scriba ittita. // Ufficio Documento, 2002. P. 349–359
- Garrett 1990 – Garrett A. J. The Syntax of Anatolian Pronominal Clitics, Ph.D. Diss., Harvard University, 1990.
- Hoffner 2009 – Hoffner H. A. Jr., Letters from the Hittite Kingdom. Atlanta, 2009.
- Klinger 2001 – Klinger J. Briefe aus hethitischen Archiven: 1. Ein akkadischsprachiger Brief Hattusilis I.; 2. Aus der innerhethitischen Verwaltungskorrespondenz; 3. Ein Beispiel für diplomatische Korrespondenz in hethitischer Sprache // TUAT Erg. 2001. P. 65–69.
- Melchert 2009 – Melchert H. C. Local Adverbs in Hittite: Synchrony and Diachrony // Language and Linguistics Compass. 2009. Vol. 3/2. P. 607–620.
- Neu 1996 – Neu E. Das hurritische Epos der Freilassung. Bd. 1: Untersuchungen zu einem hurritisch-hethitischen Textensemble aus Ḫattuša, StBoT 32. Wiesbaden: Harrasowitz, 1996.
- Otten 1988 – Otten H. Die Bronzetafel aus Bogazkoy, StBoT Beiheft 1, Wiesbaden: Harrasowitz, 1988.
- Rieken 2011 – Rieken E. Verbanfangsstellung in den hethitischen Übersetzungstexten // Th. Krisch et al. (Hrsg.), Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 27. September 2008 in Salzburg, Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 498–507.
- Salisbury 2005 – Salisbury D. Local adverbs in Neo-Hittite. ProQuest company, 2005.
- Singer 1996 – Singer I. Muwatalli's Prayer to the Assembly of Gods through the Storm-God of Lightning (CTH 381). Atlanta, Georgia, Scholars Press:1996.
- Sideltsev 2002 – Sideltsev A. Inverted Word Order in Middle Hittite // V. V. Shevoroshkin, P. J. Sidwell (eds.). Anatolian Languages. Association for the History of Language Studies in the Science & History of Language 6. Canberra, 2002. P. 137–188.
- Sideltsev 2010 – Sideltsev A. Proleptic Pronouns in Middle Hittite // Babel und Bibel 4. Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. I. Part 1. Language in the Ancient Near East. Ed. by

- L. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, and S. Tishchenko. Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, 2010.
- Sideltsev в печати – Sideltsev A. The origin of right dislocations, in: Proceedings of the 8th International Congress of Hittitology. Warsaw, in press.
- Tjerkstra 1999 – Tjerkstra F. A. Principles of the Relation between Local Adverb, Verb and Sentence Particle in Hittite. Cuneiform Monographs 15, Groningen: STYX publications, 1999.

A. V. Sideltsev. Preverb Position in the Hittite Clause: genuine Hittite – calqued – belonging to different (idio)lects?

The article deals with linear preverb positions in the Hittite clause. Despite a lot of recent work on the syntax of preverbs, there are still important lacunas in their understanding. One of them is preverb + verb movement to the left periphery and verb movement past preverb. I assess both of the problems and come to the conclusion that there are different syntactic systems in Hittite, one is constituted basically by ritual texts and the other by diplomatic texts. The 'ritual' system permits both preverb + verb fronting and verb movement past preverb. The 'diplomatic' system does not allow them. The systems are not totally isolated, but the interference is marginal enough to keep them distinct. I propose to interpret the systems as different (idio)lects from the synchronic point of view.

Keywords: Hittite, syntax, word order, preverb, language contacts, dialect, idiolect.

ДОСУГ ОЛЬВИОПОЛИТОВ

Резюме. Греки высоко ценили наличие времени, не занятого работой и общественной деятельностью, и считали его отличительным качеством свободного человека. Археологические находки на руинах античного города Ольвии и некоторые сведения древних писателей дают возможность узнать о формах общественного и частного досуга граждан. Днем они встречались в стое на агоре, могли посещать гимнасий, театр, стадион, а в римское время к этому присоединились термы. К частным формам досуга ольвиополитов относятся вечерние застолья с друзьями, охота, развлекательные и азартные игры. Хорошо образованные граждане тратили свой досуг на чтение, а некоторые писали собственные сочинения.

Ключевые слова. Северное Причерноморье, античный театр, гимнасий, стадион, агора, пир, охота, развлекательные и азартные игры.

Древние греки считали наличие досуга (σχολή) отличительным качеством свободного человека. Несколько упоминаний античных авторов, надписи и материальные находки свидетельствуют, что граждане Ольвии, лежавшей близ слияния Южного Буга с Днепром, проводили свой досуг столь же разнообразно, как и эллины в других античных государствах. Формы организации досуга можно разделить на общественные и частные. К последним относятся вечерние застолья с друзьями, игры в кости, шашки и охота, а также занятия образованных людей философией, историей и другими науками. О коллективном досуге заботились власти государства, а его организацией занимались выборные гимнасиархи и агонотеты. О первых есть упоминания в ольвийских надписях (IOSPE I². 40, 186).

Посещение гимнасия входило в жизнь полноправного эллина с отроческих лет, так как занятия атлетикой включалось в обязательную программу средней школы. После ее окончания одни граждане продолжали тренироваться и участвовать в состязаниях, другие приходили в качестве зрителей. Здания гимнасиев также играли роль культурных центров, где собирались для бесед на философские темы, слушали выступления поэтов, читали книги в существовавших при гимнасиях библиотеках (Блаватская 1983: 67, 108).

Гимнасий реализовал в нужном направлении энергию подростков и взрослых. Эллины справедливо считали, что спортивные тренировки служат не только для укрепления здоровья и поддержания физической формы, способствующей успеху во время военных действий, но и, как писал Лукиан (Anach.13), «чтобы не становиться от праздности насильниками» и заполнить с пользой свой досуг.

О том, что не только юноши, но и взрослые мужчины посвящали свой досуг тренировкам в ольвийском гимнасии, свидетельствуют записи о достижениях местных архонтов и стратегов. Граждане занимали подобные должности, лишь пройдя определенные ступени политической карьеры. Таковыми были архонты Пурфей, одержавший победу в метании копья и диска, Еврисивий, победивший в беге и прыжках, Адой, ставший лучшим борцом и прыгуном, Салий, опередивший всех в беге, и не известный по имени архонт, который дальше всех бросил копье и диск, а также стратег метатель копья Леонид (IOSPE I²: 130, 138, 155, 156, 157). Благодаря этим надписям, мы узнаем, что атлеты посвящали свой досуг тренировкам и состязаниям не в одном виде спорта, как это было и в других греческих полисах (Paus. VI, 3, 3; 4, 2).

Ольвийский гимнасий находился в районе агоры уже в V в. до н. э.; затем его неоднократно перестраивали, о чем можно судить по архитектурным остаткам (Леви 1985: 99–108). Письменные свидетельства об ольвийском гимнасии эллинистического и римского времени сохранились в двух лапидарных надписях III в. до н. э. и II в. н. э. (IOSPE I²: 40, 186). Ольвиополиты собирались в своем гимнасии посмотреть на состязания атлетов на празднике в честь Гермеса. Такие празднества проводили во многих греческих городах (Берзин 1961: 127). На одном из таких соревнований победу одержал бегун Дионисий, и его отец гимнасиарх Никодром поставил в память об этом статую сына. Обычай украшать гимнасий статуями рекордсменов известен во многих греческих городах, так что упомянутая скульптура, наверное, в Ольвии была не единственной. От статуи Дионисия уцелел лишь постамент с сильно поврежденным стихотворным посвящением Гераклу и Гермесу (IOSPE I²: 186). Покровителями гимнасиев были Гермес (ср. агонистические празднества Гермеи), который олицетворял образцового спортивного юношу, и Геракл.

Во второй из упомянутых надписей сообщается о постройке нового гимнасия; его местоположение во II в. н. э. сейчас не известно, но ясно, что он находился не на старом месте, так как прежняя центральная площадь оказалась вне стен города, и в слоях римского времени там найдены лишь хозяйственные ямы.

Большинство эллинов выделяли свое свободное время для посещения стадиона, где наряду с традиционными видами атлетики проходили состязания в стрельбе из лука и разнообразные конские ристания. Стадион, построенный ольвиополитами на Ахилловом Дроме (совр. Тендровская коса) существовал уже в V в. до н. э. Это можно заключить по словам песни хора из «Ифигении в Тавриде» Еврипида (ст. 435–436), упомянувшего, что корабль Ореста проходил мимо Ахиллова Дрома «с прекрасно размеченными стадиями», то есть дистанциями для бега. Из почетного декрета в честь Никерата (IOSPE I²: 34) известно, что на этом стадионе проходили конные ристания. Кроме того, там соревновались в стрельбе из лука. Соседство с кочевыми племенами, использовавшими лук в качестве важнейшего боевого оружия, заставило греков и самих постоянно прибегать к такому оружию, о чем свидетельствуют множество бронзовых наконечников стрел во всех слоях античных городов Северного Причерноморья. Поэтому здесь уделяли серьезное внимание владению луком и включали стрельбу в состязания на местных праздниках. Ольвийский лучник Анаксагор установил в IV в. до н. э. удивительный рекорд, пустив стрелу на расстояние 282 оргий, то есть примерно на 540 м (IOSPE I²: 195). Это значительно превышает современные достижения, достигающие 440 м. Наверное, конструкция ольвийского лука позволяла добиваться большей дальности, чем у теперешних спортивных снарядов (Черненко 1981: 139). Ольвиополиты, по-видимому, изготавливали луки по образцу скифских; их специфическую форму с выступом посередине сейчас можно представить по археологическим находкам и многочисленным изображениям.

Греческий театр был одним из любимых мест проведения общественного досуга. Поэтому его строили так, чтобы в нем помещались все желающие граждане. У нас нет никаких сведений о том, могли ли в Северном Причерноморье присутствовать в театре женщины и представители свободного неполноправного населения. Об ольвийском театре сейчас известно только по надписям IV–III вв. до н. э. В них говорится о чтении глашатаем почетных декретов и о награждении граждан

золотым веком в театре во время празднования Дионисий (Виноградов 1989: 153–157, 193–194, 216). Этот праздник у греков сопровождался выступлениями хоров и постановками пьес. Многочисленные находки терракотовых статуэток с изображением трагических и комических актеров косвенно свидетельствуют о драматических представлениях в местном театре (Скржинская 2010: 203–207).

Под влиянием римлян в первые века нашей эры новым видом коллективного досуга стало посещение общественных бань (терм). В них получали удовольствие от разных видов купания в горячей и холодной воде и массажа, кроме того посетители общались, сидя на подогретых скамьях, и обсуждали всевозможные новости. Об ольвийских термах известно по надписи об их строительстве в конце II в. н. э.; для этого был приглашен опытный архитектор (IOSPE I². 174).

Симпосион, то есть совместное питье вина, сопровождавшееся застольными беседами, был излюбленным времяпрепровождением греков в вечернее время. Симпосии устраивались в частных и в общественных зданиях. Пирыв в богатых домах проходили в андронах, больших комнатах для приема гостей. В руинах нескольких ольвийских домов археологи открыли остатки андронов эллинистического времени с мозаичными полами и местами для лож, на которых возлежали пирующие хозяин и гости (Леви 1985. 40). Совместные трапезы в специально построенном или нанятом помещении широко практиковались среди членов всевозможных союзов. Древнейший известный нам в Ольвии был союз мольпов, поклонников Аполлона Дельфиния, которые собирались на совместные трапезы в V в. до н. э. (Карышковский 1984: 44).

На симпосионах вино подавали в разнообразных металлических и керамических сосудах. Обломки дорогих чернолаковых и расписных амфор, кратеров, ойнохой, киликов и других видов винных кубков найдены при раскопках Ольвии, а в римское время парадный сервиз дополнили стеклянные сосуды. На некоторых ольвийских чашах имеются застольные надписи, нанесенные острым предметом: «Выпив меня, Поликрат будет радоваться», «Наливай пить в меру сил» и др. (Толстой 1953: 19).

Образованные эллины посвящали свой досуг занятиям философией, историей и литературой, реже они обращались к естественным и точным наукам. Аристотель в «Политике» и «Никомаховой этике» посвятил немало рассуждений тому, как

свободный человек должен проводить досуг, посвящая его интеллектуальным занятиям. Сохранились лишь косвенные свидетельства о таком досуге ольвиополитов. Какие-то сочинения писал ритор, ольвийский учитель философа Биона Борисфенита (Diog. Laert. IV, 22); молодой ольвийский воин Каллистрат интересовался ораторским искусством и философией, а его старший соотечественник Гиеросонт читал произведения Платона (Dio Chrys. XXXVI, 8, 24).

Подобно другим эллинам, ольвиополиты любили охотиться, о чем свидетельствуют находки костей диких зверей, главным образом зайцев, оленей и кабанов (Цалкин 1960: 7–109). Их малое количество по сравнению с костями домашних животных показывает, что дичь не играла существенной роли в питании местных жителей. Значит, они, как и все греки, охотились для развлечения и упражнений в ловкости (Webster 1969: 32.). Многочисленные находки костей лошадей и собак указывают на то, что ольвиополиты могли устраивать псовую и конную охоту.

Эллины нередко развлекались всевозможными играми; наиболее распространенными были игры в кости, а также бои петухов и перепелов, во время которых делали ставки на ту или иную птицу. Находки костей и изображений боевых петухов дают основание думать, что ольвиополиты устраивали петушинные бои (Скржинская 2010а: 111). Игры в кости, которыми занимались и взрослые мужчины, и женщины, и дети, бывали просто развлечением и азартным увлечением со ставками на деньги. Из произведений древних авторов известно несколько разновидностей подобных игр. Обнаруженные при раскопках разнообразные костяные игральные кубики, шашки и астрагалы показывают, что ольвиополиты посвящали свой досуг этим играм на протяжении всей античной эпохи (Петерс 1986: 77–90).

Судя по находкам, наиболее распространенными были игры в бабки, называвшиеся у греков астрагалами. На многих имеются прочерченные отдельные буквы, на одном ольвийском сохранилась надпись «бей», многие имеют высверленные отверстия, следы специальных спилов или вставки из металла (Петерс 1986: 81–83). Это указывает на их использование в разных играх. Нередко бабки клали в могилы детей и юношей, и количество костей соответствовало требованию для определенных игр. Например, одном ольвийском погребении лежало 16 астрагалов, в другом – 5, в третьем – один. (Петерс 1986: 79–80).

В игре кибя использовали найденные при раскопках костяные, металлические или глиняные кубики. На их шести сторонах стояли либо цифры от 1 до 6, либо кружочки с тем же значением, обозначающие очки. Игроки помещали кубики в специальный стакан, встряхивали его для перемешивания содержимого, затем высыпали на ровную поверхность и считали выпавшие очки на сторонах кубика.

Шашками принято называть небольшие округлые фишки, которые греки употребляли с глубокой древности для разных игр. Античные костяные и стеклянные шашки были гладкими с обеих сторон или с рельефным изображением с одной стороны. Для игры брали специально расчерченную на квадраты деревянную или каменную доску. Такая каменная доска римского времени и несколько шашек найдены в Ольвии (Стрельник, Сорокина, Хомчик 2010: 50).

В дневное время многие жители любого античного города, имея свободное время, отправлялись на центральную площадь, агору, или в порт. Они шли туда не только по делам в находившиеся там общественные здания и лавки, но также для общения и узнавания последних новостей, которыми делились в цирюльнях, всевозможных мастерских и магазинах. Здесь встречались представители всех слоев общества: граждане и метеки, рабы, сопровождавшие хозяев или посланные за покупками, и чужестранцы-матросы с кораблей и купцы, привозившие свои товары. Неделовая жизнь агоры хорошо отражена в одной из речей Лисия (XXIV, 20): «Каждый из нас привык заходить то в парфюмерную лавку, то в цирюльню, то в сапожную,... Более всего к тем, кто устроился поблизости агоры, ... ведь все вы привыкли заходить и болтать, где придется».

Благодаря раскопкам можно представить деловую жизнь на центральной площади Ольвии, находившейся в верхней части города, а также узнать, как ольвиополиты проводили там свой досуг в большом кругу соотечественников. Площадь эллинистического времени, имевшая не совсем правильную прямоугольную форму, в период наивысшего расцвета государства занимала около 3500 кв. м. Первоначально она была примерно на треть меньше, а в IV – начале III в. до н. э. агору расширили за счет прилегавшего к ней священного участка и перестроили все находившиеся там здания. С восточной и западной стороны агору обрамляли торговые ряды, украшенные по фасаду колоннадой. На западной стороне, кроме торговых рядов,

помещался также суд, жилой дом и здание общественного назначения. Наряду со зданием коллегий, на южную сторону агоры выходил своей узкой стороной гимнасий (Леви 1985: 88–113).

Всю северную сторону занимала стоя – крытая галерея с колоннадой. Она составляла архитектурную доминанту ольвийской агоры. Такие здания впервые появились в Элладе и стали необходимой принадлежностью любого города. Посещение стои вошло в число обязательных элементов греческого образа жизни (Coulton 1976: 1). Стои строились на площадях и теменосах; в крупных городах, таких, как Милет и Афины, имелось несколько подобных сооружений. Римляне переняли у греков этот тип постройки и назвали его портиком. В стое, где можно было укрыться от дождя, палящего солнца и ветра, назначались всевозможные деловые и частные встречи, обсуждались городские и другие животрепещущие новости. В стоях поэты читали стихи, а философы излагали ученикам свои учения. Наименование одного философского течения получило название стоицизм, ибо его основатель Зенон в конце IV в. до н. э. встречался со своими учениками в афинской Пестрой стое, расписанной картинами Полигнота и Микона.

Большая ольвийская стоя, несомненно, играла заметную роль в жизни горожан. Открытая в сторону агоры, она имела двухрядную колоннаду длиной 45 м. Ее два нефа разделялись колоннами ионического ордера, а наружные колонны дорического ордера стояли вдвое чаще, чем внутренние. Подобные двухнефные стои открыты при раскопках в Афинах, Коринфе, Фасосе, Самофракии и других греческих городах (Coulton 1976: 58–59, 194–195). Витрувий в сочинении «Об архитектуре» (V, 9, 11), описывая двойные портики в палестрах, заметил, что их так строили, «чтобы во время непогоды ливень не мог проникнуть внутрь». Это вполне оправдывало себя в Ольвии, где весной и осенью часто льют сильные дожди и дуют пронизывающие ветры. В эллинистический период в ольвийской стое собиралось столь много народа, что пришлось увеличить ее ширину, так что площадь здания составила 743 кв. метра (Леви 1985: 90).

В первые века нашей эры размеры Ольвии намного сократились, агора оказалась вне границ города, а ее постройки стали руинами. Но ольвиополиты сохранили традицию общаться в общественных зданиях. Об этом мы узнаем из надписей I–II вв. н. э. о постройке портика и экседры, крытой галереи с сиде-

ниями (IOSPE I²: 181, 182). Вероятно, они стояли близ агоры, которая переместилась в прибрежную часть Ольвии. Теперь эта территория затоплена и разрушена водами Днепро-Бугского лимана, поэтому вряд ли удастся найти остатки упомянутых строений.

В гавань Ольвии входили суда из большинства государств Причерноморья и восточного Средиземноморья, о чем свидетельствуют многочисленные проксении иностранным купцам, упоминания античных авторов и огромное количество археологических находок разнообразных импортных предметов. Прибытие иностранного судна становилось заметным событием в жизни горожан. Порт служил ольвиополитам оживленным местом встреч лишь в сезон судоходства от поздней весны до ранней осени, агора же в дневное время всегда была многолюдной.

Характер проведения досуга во многом зависел от уровня образования человека и его материальных возможностей. Только состоятельные люди могли организовать псовую охоту, участвовать в гонках колесниц, устраивать пиры с богатым угощением и приглашать на них музыкантов и актеров. Образованная элита общества во всех государствах Северного Причерноморья тратила свой досуг на чтение книг, занятия философией и историей, а некоторые писали собственные сочинения.

Литература

- Берзин 1961 – Берзин Э. О. Горгиппийский агонистический каталог // Советская археология. 1961. № 1.
- Блаватская 1983 – Блаватская Т. В. Из истории интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.
- Виноградов 1989 – Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Леви 1985 – Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Петерс 1986 – Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Скржинская 2010 – Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Скржинская 2010а – Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010.
- Стрельник, Сорокина, Хомчик 2010 – Стрельник М. О., Сорокина С. А., Хомчик М. А. Игры давнього населення України // Наукові записки Нац. Університету «Києво-Могилянська академія». Теорія та історія культури. Т. 101. 2010.
- Толстой 1953 – Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953.

- Цалкин 1960 – Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья //Материалы и исследования по архелогии СССР. 1960. № 53.
- Черненко 1981 – Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Coulton 1976 – Coulton J. J. The Architectural Devolopment of the Greek Stoa. Oxford, 1976.
- IOSPE – Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.
- Webster 1969 – Webster T. B. L. Everyday Life in Classical Athens. L., 1969.

Marina Skrzhinskaja. The leisure of Olbian citizens

The Greeks highly appreciated spare time and regarded it the distinctive quality of a free man. Archeological discoveries on the ruins of the ancient city of Olbia give us opportunity to learn about types of collective and personal leisure. Durind the daytime citizens met in stoa on agora; they could visit the theatre, the gymnasium, the stadion, and in Roman times – the termes. Personal types of leisure included evening meals in the circle of friends, hunting, entertaining games and gambling. Well-educated citizens spent their time on reading and some of them wrote their own works.

Keywords: The Northern Coast of the Black Sea, ancient theatre, gymnasium, stadion, agora, feast, hunting, entertaining games, gambling.

ТЕКСТ И «ЗАТЕКСТ»
(дискурсивные заметки о языке комедий Аристофана)

Язык комедий Аристофана (включая метрику) следует определять как самостоятельную функциональную форму греческого языка, которая обобщила его традиционные и синхронные варианты.

Ключевые слова: аттическая комедия, адресат, адресант, языковое самосознание, категория экспрессивности.

Язык комедий Аристофана привлекает к себе внимание исследователей вот уже более двух тысяч лет.

При описании его языка мы встречаемся с самыми различными определениями от античности до Нового времени. Так, обычно цитируется Квинтилиан: *Antiqua comoedia ... sinceram illam sermonis Attici gratiam prope sola retinet* – ‘Античная комедия ... почти единственная, сохраняющая прелесть аттической речи’ (Quintil. Institutio oratoris, X, 1, 65). Но аттическая устная речь имела различные «регистры» (от речи афинской аристократии до речи малообразованных кругов), а потому конкретное определение языка Аристофана всегда вызывало затруднения.

Мы можем встретить разные его определения даже в одной и той же книге. Так, в превосходной «Истории греческой литературы» братьев Круазе мы читаем (Круазе 2008: 282) при характеристике языка древней комедии (= Аристофана): «... чистейший аттический диалект ... является тут в совершенно обыденной, даже народной форме, отличающей его от того, который мы встречаем в трагедии или в сократовских диалогах. Тут нет никакой претенциозности, никакой стеснительной условности, никакой заботы о благопристойной внешности; чарующая легкость, непринужденность, простота, живое изящество, полнейшая свобода слова, причем все вещи называются своими именами. Вследствие этого – целый словарь выражений из гавани или с рынка: брань, грубости, иногда совершенно непристойные, чисто простонародные слова, но также и тысячи метких оборотов, тысячи художественных черт, слов, выхваченных прямо из жизни, не признающих над собой никакой власти школы, чисто разговорных фраз, брошенных смело и как

бы наудачу. Это – речь агоры или Пирея, но более тонкая, быстрая, изящная, усовершенствованная умами избранных сообразно с их собственным гением». Ниже (Круазе 2008: 298) те же авторы пишут: «Нельзя лучше охарактеризовать Аристофана-писателя, как отнеся к нему прекрасные стихи одного из его фрагментов, где он говорил об одном из действующих лиц: “У него была средняя городская речь, без аффектации наших горожан, несколько изнеженной, но и без каких-либо признаков грубости, отдающих деревней”».

Не осталась в стороне от попыток уточнить тип языка Аристофана и русская классическая филология. Здесь важный материал дает дискуссия между А. И. Сонни (Сонни 1913) и Д. П. Шестаковым (Шестаков 1912). Ученые резко разошлись в характеристике языка комедиографа. Если Д. П. Шестаков называет его «народным». То А. И. Сонни, отмечая неясность самого термина «народный», определяет язык Аристофана как «разговорный». Примечательно, однако, что оба филолога никак не определяют термины, которые составили суть дискуссии. Отметим, что эти слова, по всей видимости, есть так называемые «полу-термины», поскольку понятия «разговорный язык» и «народный язык» (не смешивать с языком фольклора!) в словарях не приводятся (Шестаков 1912).

Теоретическое изучение разговорной речи как самостоятельной формы языка началось только с середины XX в.

Что касается «народного языка», то Д. П. Шестаков имел здесь в виду, по всей вероятности, просторечие, поскольку все варианты аттической речи (от языка трагедии, до языка софистов, торговцев, судей, гимнасиархов и пр.) были понятны афинянам и, следовательно, составляли «народный язык».

Неоднократные попытки дать определение языку Аристофана побуждают искать ответ не только в тексте комедий, но и в анализе паралингвистической ситуации, то есть в анализе условий и целей, которым язык Аристофана соответствовал.

В данном случае необходимо прежде всего остановиться на оппозиции «адресат/адресант», более точной и объемной, чем обычные понятия «публика, (читатель) / автор». Эти взаимосвязанные, как показывает сама терминология, понятия особенно значимы при анализе языка драматических сочинений, поскольку здесь связь автора текста и его слушателя/зрителя наиболее тесна и отчетлива. В комедии же мы наблюдаем двойной акт коммуникации: автор и зритель, автор как действующее лицо.

Оппозиция адресат/адресант подразумевает, что (в данном случае речь идет о языке) адресант обязательно должен учитывать языковую компетенцию слушателя/зрителя и всю языковую ситуацию их общения.

Адресат языка комедий Аристофана

1. Социальный статус и интеллектуальный уровень слушателя/зрителя комедий Аристофана.

Общую характеристику зрителей, которые приходили смотреть и слушать комедии Аристофана, довольно подробно описал С. И. Соболевский: Афинские зрители «...руководствовались общим впечатлением от представления, – не только содержанием пьесы и построением ее, но и моральной стороной, оценивали игру актеров, музыку, пение и пляски хора. И в конце концов, судьи и воздействовавшие на них зрители могли составить суждение о пьесе, если не безошибочное, то более-менее правильное» (Соболевский 1957: 399).

Однако в этой характеристике не хватает одного пункта. А именно: упоминания об обязательном присутствии значительного числа высокообразованных и хорошо образованных зрителей. Именно они выступали в качестве судей (κριταί), присуждавших I, II и III премию, именно они были теми. Кто обучал хор и актеров, а главное – только они могли понять игру слов, намеки на других поэтов (особенно трагиков). Наконец, только они могли оценить виртуозную ритмо-метрику Аристофана. Кто мог оценить особенности аристофановского ямбического триметра, а затем переход к кретику, дохмию, пеонам, бакхию. В «Ахарнях», например, после ямбов в паре следуют такие метры: трохаические тетраметры (204–207), кретики и пеоны (208–218), трохаические тетраметры (219–222), кретики и пеоны (223–233), трохаические тетраметры (234–240).

Не создавал же Аристофан свою ритмо-метрическую систему для себя одного и нескольких судей?

2. Тип языкового самосознания полноправных афинян V в. до н. э. Самосознание как многомерный, макрохронный и вариативный образ.

Начиная с VI в. до н. э. было обязательное исполнение поэм Гомера на Великих Дионисиях, а затем включение текста поэм в систему афинского обучения. Афиняне присутствовали при исполнении огромного числа трагедий, развивающаяся лирика

сделали обязательным понимание полидиалектности. Принятие и понимание вариативности были нормой афинского языкового самосознания.

Почти для каждого слова своего языка афинянин ожидал услышать иную форму, чем он привык употреблять. Именно такое состояние можно наблюдать в языке Аристофана. Ср., например, склонение слова ὄρνις 'птица', которое имеет формы разных типов склонения: ὄρνιν, ὄρνέοις, ὄρνιθων. Сохранение многочисленных дублетов (как результат гетерохронности и поливариативности) создало в аттическом языке (диалекте) избыточную вариативность (и даже избыточность). Она воспитала у афинян многомерное языковое самосознание, которому должен был соответствовать язык драматического сочинения. Автор такого сочинения не мог не включать (в какой бы то ни было мере) элементов «высокого» стиля и инодиалектных форм.

Аристофан как языковая личность и адресант языка комедий

1. Социальное положение Аристофана.

Аристофан¹ – сын афинянина Филиппа, который, будучи достаточно состоятельным человеком, смог дать сыну хорошее образование. Платон в диалоге «Пир» помещает Аристофана среди лучших афинян. Аристофан сам ставил свои комедии или просил об этом Каллистрата, что говорит о его благосостоянии. Ведь хорегия (при постановке трагедии или комедии) была одной из повинностей, которые налагались поочередно только на богатых граждан: хорег обязан был организовать хор и обучить его, обеспечить постановку всем необходимым. Поэты могли сами обучать хор, но обычно поручали это специалистам, которые назывались χοροδιδάσκαλοι.

Итак, Аристофан был весьма образован, общался с лучшими афинянами. О его таланте можно не говорить: первую премию за свою комедию «Ахарняне» он получил в возрасте около 20 лет.

2. «Лингвистическое» окружение Аристофана.

В годы жизни Аристофана совершается переход от философского осмысления языка и его происхождения (проблема φύσις/θέσις) к его филологическому (в современной термино-

¹ Обзор сведений о биографии Аристофана см.: Соболевский 1957: 77 сл.

логии) изучению, получившему отражение прежде всего в деятельности софистов, в появлении риторики, то есть искусства владения словом.

Все чаще обращаются к чисто «лингвистическим» проблемам и философы. Так, у Платона (427–347), современника Аристофана, мы наблюдаем попытку осмыслить семантическую суть отдельно рассматриваемых звуков греческого языка (диалог «Кратил»), у него же появляются названия ὄνομα ‘имя, подлежащее’, ῥῆμα ‘глагол, сказуемое’ (логический и лингвистический подходы к языку еще четко не различаются). Скорее всего, Аристофан был в курсе «лингвистических» проблем своего времени (в первую очередь обсуждаемых и у софистов, и в беседах Сократа, и в диалогах Платона вопросов «строения», то есть структуры слова). И это отразилось в его языкотворчестве, в его понимании синхронной аттической речи.

О том, что Аристофан живо обсуждал «лингвистические» проблемы своего времени прямо свидетельствуют такие его комедии как «Лягушки», и «Облака». Они же свидетельствуют о том, что в сфере его внимания была *вся* устная речь (включая язык трагедии и риторические аспекты), а не только обыденная разговорная речь.

Примечательно, что в это же время за словом ῥυθμός постепенно закрепляется значение «ритм» в современном смысле этого слова. «Платон использует ῥυθμός еще и в смысле «отличительной формы, расположения, соразмерности». Новое в его употребление он вносит, применяя это слово к форме движения, которое совершает человеческое тело в танце, и к расположению фигур, в которые это движение выливается. Решающим обстоятельством в становлении понятия ῥυθμός, отнесенного к телу, соединенного с и подчиненного закону чисел, было то, что в дальнейшем эта «форма» определяется «мерой» и подводится под определенный порядок. И вот новый смысл ῥυθμός: ‘размеренность’ (т. е. собственный исконный смысл этого слова) создается у Платона из упорядоченной последовательности медленных и быстрых движений, подобно тому как «гармония» состоит из чередования высокого и низкого тона. Отныне словом ῥυθμός называется порядок в движении, весь процесс гармоничного упорядочивания телесных поз и движений, соединенный с мерой. Теперь можно говорить о «ритме» танца, походки, пения, речи, работы – всего, что предполагает протекание действия, в которое размер вносит регуляр-

ное чередование напряжений и спадов. Понятие ритма таким образом закреплено. На основе *ῥυθμός* – понятия о пространственной фигуре, определенной расположением и соразмерностью элементов, – вырастает понятие «ритм» – фигуры движений, организованных во времени и длительности: *πᾶς ῥυθμός ὁρισμένην μετρεῖται κινήσει* «всякий ритм измеряется определенным движением» (Aristot. Problem., 882 b 2).

Эта формирующаяся новая семантика слова *ῥυθμός* позволяла более четко сопоставлять ритмические особенности эпоса, лирики, трагедии ... Можно предположить, что обсуждение этого понятия Аристофаном содействовало его виртуозной метрической технике.

Языковое самосознание Аристофана

Как уже отмечалось, в лице Аристофана мы видим высокообразованного человека, чье языковое самосознание могло отмечать все особенности аттической речи, оценивать и отбирать их. Аристофан наверняка не был способен механически переносить в свои комедии только обыденный язык окружающих его людей. Он понимал разнообразие аттической речи, а также разнородность публики, все слои которой он должен был заинтересовать. Для этого следовало «подняться» над обыденным языком, «отъединиться» от него, обобщив в то же время его основные черты.

Кроме того, как у большинства образованных афинян, в его языковом сознании присутствовали и высокие устные формы греческого языка, языка эпоса, лирики, трагедии.

Поэтому языковое творчество Аристофана стало переходом от традиционного языка высокой словесности к реальному осмыслению многомерности окружающей его устной речи.

Ясно, что слыша разнородность аттической речи, Аристофан не мог следовать разговорному языку вообще, без ориентации на какой-то один вариант его. А может быть, в его намерения как раз входило показать его многовариантность. «Аристофан в одном отрывке (фр. 685) характеризует чью-то речь следующим образом:

Διάλεκτον ἔχοντα μέσῃν πόλει,
οὔτ' ἀστεϊάν ὑποθηλυτέραν
οὔτ' ἀνελεύθερον ὑπαγροικωτέραν.

Ἀστεία διάλεκτος = sermo urbanus, т. е. речь образованных классов, дети которых еще в школе изучали басни Эзопа («Пт.» 471), поэмы Гомера и произведения других поэтов, речь тех кругов, которые с жадностью вслушивались в лекции Горгия и других софистов. Находясь под влиянием литературных образов и риторических правил, она легко могла казаться Аристофану чрезмерно изысканной, «изнеженной». Ей противопоставляется διάλεκτος ἀνελεύθερος, речь необразованных горожан, ремесленников и торговцев. Называя ее ὑπαγροικότεραν, поэт тем самым указывает на существование в Аттике деревенской речи. Но между изысканным говором образованных кругов и говором низших слоев городского населения Аристофан признает еще средний городской говор – διάλεκτον μέσῃν πόλεως, который Цицеон назвал бы, пожалуй, sermo cotidianus. Знаменательно, что симпатии поэта явно на стороне этой разновидности разговорной речи. Но это, конечно, не исключает того, что он, при случае, например, для характеристики выводимых в комедии лиц, мог пользоваться особенностями других его разновидностей» (Сонни 1913: 6–7).

Напомним, что в V в. до н. э. еще не было стативных комических типов и их масок, комедия этого времени допускала изображение множества типов, а, следовательно, допускала разнообразие языка.

Наиболее «материально» отношения Аристофана с греческим языком его времени можно ощутить при анализе его ритмометрики. Употребляемый в диалогических частях текста ямбический триметр уже давно получил название «разговорного метра». Приведем анализ конкретных стихов («Осы», 200 и «Облака», 6) и отметим сложнейшую ритмику ямбической метрики у Аристофана.

«Осы», 200: καὶ τὴν| βάλανον| ἔμβαλλε| πάλιν| εἰς τὸν| μοχλόν

1 стопа – спондей – —

2 стопа – трибрах — — —

3 стопа – спондей — — —

4 стопа – трибрах — — —

5 стопа – спондей — — —

6 стопа – 2 кратких слога, равных ямб: — — —

«Облака», 6: ἀπόλο|ο δῆτ'| ὦ πόλε|με πολ|λῶν οὔ|νεκα

1 стопа – анапест — — —

2 стопа – ямб — — —

3 стопа – дактиль – – ´ ˘

4 стопа – ямб ˘ – ´

5 стопа – спондей – – – ´

6 стопа 2 кратких слога, равных ямбу: ˘ – ˘ – ´

Но Аристофан не собирался ограничивать себя только разговорным стихом. Он вводит пеон (– – ˘ ˘ ˘ или ˘ ˘ ˘ – –), кретик (– – ˘ – –), бакхий (˘ – – – – или – – – – ˘), дохмий (х – – – – ˘ – –), то есть сложнейшие размеры греческой «высокой» словесности и при этом искусно чередует их, подражая, видимо, часто меняющемуся ритму разговорной речи, но трактуя эту смену на совершенно другом интеллектуальном и акустическом уровне, проявляя собственное представление о ритме, темпе, метре, такте и о соотношении и значимости разговорного и неразговорного стиха.

Аттическая устная речь в понимании Аристофана

Когда анализируется аттический диалект V в. до н. э., под термином «устная речь» подразумевается далеко не только общедоступно-разговорный вариант этого диалекта, но и те его черты, которые были известны афинянам из текстов, а также из общения с носителями других диалектов «высокой» словесности. Поэтому последующее изложение имеет три части:

- отражение в языке Аристофана «высокой нормы» греческого языка;
- отражение в нем синхронной диалектной ситуации;
- отражение особенностей разговорной речи, среди которых самой примечательной является ее эмоциональная напряженность и эмоциональное разнообразие.

1. Трагедия как «конкурирующий» жанр и как способ активизации внимания зрителей. Всякое упоминание о трагедии (мифологические имена, цитаты, ритмика и т. д.) есть обращение к информационной компетенции зрителя и ее активизация.

В комедиях Аристофана мы находим:

- прямое обсуждение языка трагедии («Лягушки»),
- присутствие авторов трагедии в числе действующих лиц (Еврипид в «Ахарнях»),
- упоминание множества мифологических имен, сохранных эпосом и трагедией (Телеф в «Ахарнях»),

- употребление «трагической» лексики, использование «трагической» метрики.

Глагол $\sigma\tau\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\omega$ «ненавидеть» не употреблялся в Аттике, но встречается один раз в песне хора комедии «Фесмофориазусы» (ст. 1144) и 2 раза в комедии «Ахарняне» (33, 472), причем в схолиях по поводу ст. 33 сказано: «стих из трагедии». Пародией на трагедию являются формы $\theta\upsilon\eta\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$ и $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\upsilon\eta\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$ вместо аттич. $\acute{\alpha}\lambda\omicron\theta\upsilon\eta\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$.

2. Отражение в языке комедий синхронной диалектной ситуации. Аристофан ясно различает гетерохронные черты аттического диалекта. В его время в нем происходит активный процесс устранения дифтонгов. Это происходит в результате различных процессов, которые отмечены в работе Мейстерханса «Грамматика аттических надписей» (Meisterhans 1900):

а) если за дифтонгами следует гласный звук в произношении аттиков исчезает – $\acute{\Lambda}\kappa\alpha\delta\acute{\eta}\mu\epsilon\alpha < \acute{\Lambda}\kappa\alpha\delta\acute{\eta}\mu\epsilon\iota\alpha$, $\acute{\Lambda}\theta\eta\nu\acute{\alpha}\alpha < \acute{\Lambda}\theta\eta\nu\acute{\alpha}\iota\alpha$, $\rho\omicron\acute{\epsilon}\omega < \rho\omicron\acute{\iota}\acute{\epsilon}\omega$;

б) сохраняя внешний вид, дифтонги становились краткими;

в) в комедии сочетания дифтонгов с гласными давали следующие рефлексy: $\alpha\iota + \alpha = \alpha$;

$\alpha\iota + \eta = \eta$; $\epsilon\iota + \alpha = \alpha$; $\omicron\iota + \alpha = \alpha$; $\omicron\iota + \epsilon = \omicron\upsilon$; $\omicron\iota + \omicron = \omicron\upsilon$.

3. Эолизм получил в языке Аристофана косвенное отражение в формах с апокопированными префиксами (апокопэ предлогов и префиксов – яркая черта эолийских диалектов): $\acute{\alpha}\mu\beta\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ вместо $\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ «иду вверх, вглубь», $\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\omega$ вместо $\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\omega$ «тяну вверх, натягиваю» и т. п.

Употребляет Аристофан также и ионизмы. Ср. $\acute{\alpha}\rho\rho\eta\nu$ и ион. $\acute{\alpha}\rho\sigma\eta\nu$.

4. Аристофан вводит в комедии действующих лиц, говорящих на неаттических диалектах (яркий пример – комедия «Лисистрата»).

Усиленная экспрессивность как межуровневая «скрытая» категория в языке Аристофана

Помимо явных лексико-грамматических категорий, характеризующих отдельные языковые уровни и обладающих вполне определенной языковой формой, существуют имплицитные (или «скрытые» категории, объединяющие общие значения всех или нескольких уровней. Так, в греческом языке (и в лексике, и в

грамматике) важна категория итеративности, категория субъектности объединяет глагол и местоимения и т. д. для художественных текстов наиболее важной является экспрессивность, которая выражает также значения интенсивности, усилительности и высокой степени признака.

Экспрессивность может характеризовать любой текст, особенно устный, позволяющий увеличить силу воздействия изменением ритмики, темпа речи, ее громкости, повторяемостью слов, множеством эмоциональных частиц. Она может усиливать воздействие и разговорной и высокохудожественной устной (а позднее и письменной) речи. Способы усилительности речевого воздействия были подробно разработаны риторикой. Аристофан использовал их все, присовокупив и свои собственные.

На фонетическом уровне должно усиливаться воздействие звукового ряда. Античные грамматики называли этот способ усиления букв. «близкозвучие», что во многом близко к понятию аллитерации.

Категория экспрессивности или высокой степени признака на грамматическом уровне была подробно исследована в работе Н. М. Крюковой, где проанализированы формы выражения этой категории в морфологии, в словообразовании, в синтаксисе и лексике.

В морфологии широчайшее распространение у Аристофана получил суффикс превосходной степени *-тат-*, причем не только у прилагательных, но и у других частей речи (например, αὐτότατος «самейший» Пл. 83).

В функции обозначения именно высокой степени признака «специализировались» префиксы *ката-*, *περι-*, *ὕπερ-*; остальные префиксы сохраняют свое основное значение наряду с усилительным.

Очень частотно у Аристофана словосложение (известное, разумеется, из языка эпоса и трагедии). В роли префиксоидов в сложных словах выступают наречия (*полу-*, *ἡμιαξ-*), числительные (*τρίς-*), прилагательные (*πασ-* или *παν-*) (напр., *πᾶμλόνηρος* «совсем хитрый», *τρίςμακάριος* «трижды счастливый»).

Характерной чертой разговорной речи являются слова с уменьшительными суффиксами (ср. современный русский язык). У Аристофана довольно мало слов с суффиксами, обозначающими увеличение, но зато много экспрессивных слов с целой системой уменьшительных суффиксов.

В синтаксисе отмечены различные синтаксические конструкции: плеонастическое увеличение словосочетаний (τούτῃ τί ἐστὶ τὸ κακόν), описательный оборот ὅσον τὸ χρῆμα, figura etymologica, паремии, сравнительные и сравнительно-отрицательные конструкции (подробнее см. указанную работу, где исследованы все сохранившиеся комедии Аристофана).

На лексикографическом уровне главными выразителями высокой степени признака являются лексико-синтаксические конструкции «усилитель+усиливаемое слово». Для языка Аристофана характерно большое число этих усилителей (одинарных и двойных): «В роли усилителей выступают относительные и указательные местоимения и наречия количества и качества: οἷον, ὅσος, τοιοῦτος, τοσοῦτος, μακρῶ, μέγα, ὅσον, πολλά, πολλῶ, ἄγαν, λίαν μάλα, μᾶλλον, μάλιστα, μεγάλως, οἷον, οὕτως, πάνυ, παράπαν, πολύ, πόρρω, σφόδρα. Кроме этого, Аристофаном употреблялись двойные наречия и сочетания наречий между собой: ὥς πολύ, οὕτως σφόδρα, πολλῶ μᾶλλον, οὕτω πάνυ, ὥς σφόδρα» (Крюкова 1990: 33–34).

Перечисление способов усиления речевого воздействия можно было бы продолжить, но и из перечисленных ясно: Аристофан максимально использовал весь арсенал усилительных средств.

1. Комедии Аристофана занимают особое место в истории зрелогреческой словесности не только в силу их содержания и композиции, но и по причине их необычного языка (с большой долей вероятности отличного от реальной обыденной речи афинян). Этот художественный язык появился в результате осмысления и глубокого анализа творческой личностью (в данном случае Аристофаном) всех вариантов аттической речи и появился именно в тот момент, когда в эллинском мире началось изучение языка как такового (в отличие от его философского или логического анализа). В комедиях отражена вся «объемность» языкового самосознания афинян:

- наличие «высоких» форм;
- наличие диалектных форм;
- наличие утонченности языка образов;
- наличие обыденно разговорного языка;
- наличие просторечия;
- наличие обценного «подъязыка».

2. Языковая деятельность Аристофана есть функционально осмысленное использование всех вариантов современной ему аттической устной речи. Он положил начало пониманию ее как функциональной системы (в современных терминах): язык его комедий есть устная **некодифицированная норма** аттического диалекта V в. до н. э., но с включением в нее разностилевых словоформ, лексики, ритмики (от высокого языка трагедии до общенной лексики, а также особенностей обыденного разговорного языка).

3. Если признать правильным и логичным описание Аристофана как языковой личности и адресанта языка комедий, а также описание адресата, то становится понятной многослойность языка и тем самым трудности его адекватного описания. Естественно, что его невозможно определить одним словом-термином (ср. есть «эпический язык», но невозможно сочетание «трагический язык» или «комический язык»).

4. Язык Аристофана есть первый опыт художественного осмысления (обработки) синхронных «регистров» устной аттической речи на фоне других идиомов греческого языка (диалектов, эпического языка, языка трагедий и лирики).

5. Нельзя считать случайным, что именно от Аристофана полностью сохранились 11 комедий из 44, им написанных (ср. сохранившиеся трагедии Эсхила – 7 из более, чем 80; Софокла – 7 из 120; Еврипида – 17 из 92, причем трагедии последнего и по языку, и по содержанию были более понятны театральной публике). Видимо, комедии Аристофана были интересны своим содержанием и близки зрителям благодаря их языку.

Представляется, что помимо обычных словосочетаний «язык Аристофана», «язык комедий Аристофана» следует ввести понятие «языковая деятельность Аристофана».

Литература

- Круазе 2008 – Круазе А. и М. История греческой литературы. СПб., 2008².
Сонни 1913 – Сонни А. И. Аристофан и аттический разговорный язык // ЖМНП, 1916². Казань, 1913.
Шестаков 1912 – Шестаков Д. П. Опыт изучения народной речи в комедиях Аристофана. Казань, 1912.
Соболевский 1957 – Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.

- Крюкова 1990 – Крюкова Н. М. Категория высокой степени признака в греческом языке (древнегреческий и новогреческий период) на материале комедий Аристофана и их переводов на новогреческий язык. Дисс. канд. филол. наук. М., 1990.
- ΘΑΛΕΙΑ – ΘΑΛΕΙΑ. Αριστοφάνης. Δεκαπέντε μελετήματα/ Αθήνα, 2007 (Сборник работ ученых разных стран в переводе на греческий язык).
- Meisterhans 1900 – Meisterhans K. Grammatik der attischen Inschriften. 3. Aufl. von E. Schwyzer. Berlin, 1900.

M. N. Slavyatinskaya. Remarks on the language of Aristophanes' comedies

The language of Aristophanes' comedy (including metrics) should be defined as an independent special functional form of Greek that unified its traditional and synchronic variants.

Keywords: attic comedy, sender, addressee, linguistic awareness, category of expressivity.

К УСТАНОВЛЕНИЮ ТЕКСТА COLUM. X 1, 1, 300¹

В статье рассматривается текст Colum. X 1, 1, 300 и на основании анализа параллельных мест и привлечения ботанических сведений делается вывод о его испорченности, при этом предлагается конъектура *piuceo* вместо рукописного *nigro*.

Ключевые слова: Колумелла, текстология, новая конъектура, ботаника, *Ligustrum vulgare* L., *Cinnamomum aromaticum* Nees, *Daphne mezereum* L., *Daphne gnidium* L., *Daphne cneorum* L.; Columella, textual criticism, new conjecture, botany, *Ligustrum vulgare* L., *Cinnamomum aromaticum* Nees, *Daphne mezereum* L., *Daphne gnidium* L., *Daphne cneorum* L.

Пассаж, которому посвящена настоящая заметка, в наиболее авторитетном издании Колумеллы, подготовленном шведскими филологами (Lundström 1902), представлен следующим образом (курсив наш):

Et tu, ne Corydonis opes despernat Alexis,
Formoso Nais puero formosior ipsa
Fer calathis uiolam et nigro permixta ligustro
Balsama cum casia nectens croceosque corymbos
Sparge mero Bacchi: nam Bacchus condit odores.
(Colum. X 1, 1, 300)

Критический аппарат к этому месту краток – в рукописи *a* содержится следующее чтение: *nigra permixta ligustro / balsama cum casia*. Сиглом *a* обозначен один из 19 *codices recentiores*, использованных в упсальском издании, – *Laurentianus* plut. 53, 32 *membranaceus* (s. XV).

Текст упсальского издания основывается на двух лучших рукописях Колумеллы: *codex Sangermanensis nunc Petropolitanus* clas. lat. F. v. 1 (s. IX) (сигл *S*) и *codex Ambrosianus* L 85 sup. (s. IX–X) (сигл *A*). Они обе согласно сохраняют чтение *nigro permixta ligustro*.

¹ В основу статьи лёг доклад А. И. Солопова «К установлению текста Colum. X 1, 1, 300. Текстологический комментарий и интерпретация реалий», прочтённый на Ломоносовских чтениях 21 апреля 2014 г. (секция филологических наук, кафедра классической филологии).

Тем не менее этот текст невозможно принять ввиду его абсурдности. Словом *ligustrum* называется бирючина (бирючина обыкновенная *Ligustrum vulgare* L.) – кустарник, нередко используемый в наше время в качестве живой изгороди. Этот кустарник впервые в римской литературе упоминается у Вергилия (Verg. ecl. 2, 18). В ряде контекстов *ligustrum* выступает *эталом белого цвета*, причём нередко в контрастных противопоставлениях «белый – чёрный». Вот все эти контексты:

alba ligustra cadunt, uaccinia nigra leguntur (Verg. ecl. 2, 18);

“*candidior folio niuei Galatea ligustri, floridior pratis, longa procerior alno, splendidior uitro, tenero lasciuior haedo, leuior adsiduo detritis aequore conchis, solibus hibernis, aestiua gratior umbra, mobilior damma, platano conspectior alta, lucidior glacie, matura dulcior uua, mollior et cyni plumis et lacte coacto, et, si non fugias, riguo formosior horto...*” (Ou. met. XIII 789);

quaedam me cupit – inuide, Procille! – loto candidior puella cyno, argento, niue, lilio, ligustro (Mart. I 115, 3);

lilia tu uincis nec adhuc delapsa ligustra, et Tiburtino monte quod alget ebur; Spartanus tibi cedit olor Paphiaequae columbae, cedit Erythraeis eruta gemma uadis: sed licet haec primis niuibis sint aemula dona, non sunt Parthenio candidiora suo (Mart. VIII 28, 11)².

Абсурдность сочетания *nigro ... ligustro* осознал и переписчик XV столетия, изменивший в рукописи Laurentianus plut. 53, 32 (a) форму *nigro* на *nigra*. При таком чтении прилагательное *niger* относится уже не к *ligustrum*, а к *casia*. Это чтение, на первый взгляд привлекательное (и одобряемое в цитированной выше работе – Солопов 2014: 282, прим. 1), при более внимательном рассмотрении также оказывается маловероятным.

Словом *casia*, заимствованным через греческое посредство из языков Передней Азии (по-видимому, семитских), обозначается по-латински два вида растений.

² Другие упоминания *ligustrum*: Cels. II 33, 4; VI 13, 3; Plin. n. h. I 24 a; XII 109; XVI 77; XXIV 74 (ex Plin. n. h. XII 109: Bed. [† 735] in cantica canticorum libri IV, III 4); Seru. ecl. 2, 18; Mart. IX 26, 3 (*cana ligustra*). В греческой литературе бирючина известна под названием *σπείραια* (этот корень знаком нам как корень слова *аспирин*), однако упоминается лишь дважды, оба раза в учёных контекстах (Theophr. hist. stirpium I 14, 2; VI 1, 4), не имея тех поэтических ассоциаций, которые развились у *ligustrum* под влиянием Вергилия в римской поэзии.

Во-первых, *casia* называли пряность, доставлявшуюся из Юго-Восточной Азии (De Romanis 1996) и отождествляемую ныне (Glare 1996, s. v. κασία) с корицей китайской (Cinnamomum aromaticum Nees = Cinnamomum cassia Blume)³.

Во-вторых, начиная с Вергилия⁴, этим же словом называется местный итальянский цветок, имеющий запах, сходный с запахом этой пряности. Цветок *casia* отождествляется с одним из видов волчеягодника, обычно – с волчеягодником обыкновенным *Daphne mezereum* L. (von Albrecht 2001 ad Verg. ecl. 2, 45–50 («Zeiland»)), реже – с волчеягодником кидийским *Daphne gnidium* L. (Martyn apud (Mynors 1990: ad Verg. geo. IV 30) или с волчеягодником боровым *Daphne sneorum* L. (F. Olck in RE 3.1650)⁵.

Весь поэтический контекст Колумеллы, явно вызывающий в памяти читателя ассоциации с Вергилием (Weinold 1959), показывает, что *casia* у Колумеллы следует понимать во втором значении. Однако ни один из упомянутых видов рода *Daphne* не имеет цветков чёрного или хотя сколько-нибудь тёмного цвета: их цвет варьирует от белого до розовато-сиреневого (большей частью розовые цветы, реже белые и других оттенков – у разводимой ныне как декоративное растение *Daphne mezereum*, белые – у *Daphne gnidium*, розовые – у *Daphne sneorum*). Представить себе, что Колумелла, высоко ценивший практический опыт и сам много занимавшийся сельским хозяйством, не знал, какой цветок имеется в виду, нельзя.

Эти соображения приводят к необходимости вмешательства в текст. По нашему мнению, все интерпретационные трудности снимаются конъектурой, заменяющей рукописное *nigro* на *niveo*. Эпитет *niveus* 'белоснежный' превосходно сочетается с ролью бирючины как эталона белизны; именно этот эпитет уже известен для этого растения из приведенного выше пассажа

³ Напр., Isid. etym. XVII 8, 12 (*casia nascitur in Arabia, uirga robusti corticis, et purpureis foliis ut piperis*).

⁴ Verg. ecl. 2, 49 (*casia atque aliis intexens suauibus herbis*); Verg. geo. IV 30 (*casiae uirides*); Elegiae in Maecenatem 1, 134 (*hic tibi Corycium, casias hic donat olentis, / hic e palmiferis balsama missa iugis*).

⁵ Думается, правильным направлением при поиске точной идентификации должно бы было стать сопоставление видов *Daphne* с корицей китайской по запаху. Следует подчеркнуть, что второе из упомянутых значений засвидетельствовано только для латинского *casia*, но не для греческого κασία или κασσία.

Овидия (Ov. met. XIII 789). Наконец, такое изменение вполне вероятно палеографически.

Помимо этого, следует отметить, что предлагаемое чтение *Fer calathis uiolam et niueo permixta ligustro* благозвучнее с точки зрения аллитераций, так как к уже имеющимся в строке повторам нескольких *l* и двух сочетаний *-er-* добавляет повторение, с небольшой вариацией, комплекса *-uio-/ueo-*.

Литература

- Солопов 2014 – Солопов А. И. О значении латинского слова *uassĭnium* (по поводу Verg. Ecl. 2. 18) // *Lantern postra*. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк. СПб.: Алетей, 2014. С. 274–289.
- von Albrecht M. 2001 – P. Vergilius Maro. *Bucolica*. Hirtengedichte. Studienausgabe. Lateinisch/Deutsch. Übersetzung, Anmerkungen, interpretierender Kommentar und Nachwort von Michael von Albrecht. Stuttgart, 2001 (= [2008]).
- De Romanis 1996 – De Romanis F. *Cassia, cinnamomo, ossidiana: uomini e merci tra Oceano Indiano e Mediterraneo*. Roma, 1996.
- Glare 1996 – Liddell H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R. *Greek-English Lexicon. Revised Supplement*. Edited by P. G. W. Glare. With the assistance of A. A. Thompson. Oxford: Clarendon Pr., 1996.
- Lundström 1902 – L. Iuni Moderati *Columellae Rei rusticae liber decimus* (Carmen de cultu hortorum). Recensuit Vilelmus Lundström. Vpsaliae: Typis descr. Almqvist & Wiksell Soc., MDCCCXCII.
- Mynors 1990 – Virgil. *Georgics*. Edited with a Commentary by R. A. B. Mynors. Oxford: Clarendon Pr., [1990] (= 1994).
- Weinold 1959 – Weinold H. *Die dichterischen Quellen des L. Iunius Moderatus Columella*. Diss. München 1959.

A. I. Solopov, E. V. Antonetz. Towards a text of Colum. X 1, 1, 300

In the present paper a text of Colum. X 1, 1, 300 is examined. Due to the analysis of parallel passages and use of botanical information the authors come to a conclusion about the text having been corrupted. As a result, conjecture *niueo* instead of the manuscript reading *nigro* is proposed.

Keywords: Columella, textual criticism, new conjecture, botany, *Ligustrum vulgare* L., *Cinnamomum aromaticum* Nees, *Daphne mezereum* L., *Daphne gnidium* L., *Daphne cneorum* L.

**ЛАТИНСКАЯ ПЕРЕДАЧА ГРЕЧЕСКОГО ПРЕДЛОГА *ἐν*
С ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ НАЗВАНИЯМИ
(на материале «Истории животных» Аристотеля)**

В статье рассматриваются некоторые принципы перевода с греческого языка на латинский античными авторами, а именно – анализируется, как Плиний Старший переводит сочетания греческого предлога *ἐν* с географическими названиями, встретившиеся в «Истории животных» Аристотеля. Плиний представляет три способа перевода: аблатив с предлогом *in*, *ablativus loci* для названий городов, а также аккузатив с предлогом *circa*. Сочетания топонимов с предлогом *circa*, представляющие собой переводы с греческого языка предлагается понимать как содержащие дополнительный, уточняющий оттенок смысла: Плиний переводит *ἐν Πηλουσίῳ* как *circa Pelusium*, что следует интерпретировать как «в окрестностях Пелузия».

Ключевые слова: Плиний Старший, Аристотель, топонимы, предлоги, значение места.

Основным значением греческого предлога *ἐν* является пространственное значение местонахождения, иными словами, сочетания имен с предлогом *ἐν* в греческом языке отвечают на вопрос «где?». Именно это значение чаще всего подразумевается, когда этот предлог используется с различными географическими названиями (*ἐν Ἑλλάδι* ‘в Греции’).

В латинском языке значение местонахождения при географических названиях может быть выражено несколькими способами, наиболее распространенные из которых следующие:

1) сочетание предлога *in* с существительным в аблативе (*in Italia* ‘в Италии’);

2) существительное без предлога в локативе (*Romae* ‘в Риме’) или аблативе, называемом *ablativus loci* (*Athenis* ‘в Афинах’).

Сочетания с предлогом употребляются в латинском языке для любых топонимов, в то время как беспредложный способ используется в основном для названий городов.

Как сочетания с предлогом *ἐν* в греческом языке, так и указанные выше способы выражения местного значения в латинском языке относятся к тем случаям, когда подразумевается указание на точное местонахождение. Для

указания на нахождение чего-либо вблизи географического объекта используются такие предлоги, как περί в греческом языке и apud, circa, iuxta в латинском.

Следовательно, в качестве перевода на латинский язык греческих сочетаний топонимов с предлогом ἐν мы можем ожидать, в зависимости от типа географического объекта, беспредложную форму локатива или аблатива с предлогом in.

Для проверки этого простого предположения были собраны места из «Истории животных» Аристотеля, содержащие сочетания предлога ἐν с топонимами, и сопоставлены с параллельными местами из латинских текстов. Несмотря на то, что это произведение Аристотеля цитировалось многими античными авторами (среди них можно назвать Цицерона и Варрона), латинские пересказы интересующих нас мест из Аристотеля в основном представляют собой отрывки из «Естественной истории» Плиния Старшего¹.

Плиний действительно не один раз использует с топонимами предлог in:

1) *sed ceteri pisces, quamvis pulmone et arteria careant, non in totum sine ullo sunt sono – stridorem eum dentibus fieri cavillantur –, et is, qui caper vocatur in Acheloo amne, grunnitum habet et alii, de quibus diximus.* (Plin. n. h. XI 267)

Οἱ δ' ἰχθύες ἄφωνοι μὲν εἰσιν (οὔτε γὰρ πλεῦμονα οὔτ' ἀρτηρίαν καὶ φάρυγγα ἔχουσι), ψόφους δὲ τινας ἀφιάσι καὶ τριγμοὺς οὓς λέγουσι φωνεῖν, οἷον λύρα καὶ χρομῖς (οὔτοι γὰρ ἀφιάσιν ὥσπερ γρυλισμόν) καὶ ὁ κάπρος ὃ ἐν τῷ Ἀχελῷ (Arist. Hist. anim. 535b)

2) *Piscium genus omne praecipua celeritate adolescit, maxime in Ponto.* (Plin. n. h. IX 49)

Σχεδὸν δὲ καὶ οἱ ἄλλοι πάντες ἰχθύες ταχεῖαν λαμβάνουσι τὴν αὔξησιν, πάντες δ' ἐν τῷ Πόντῳ θᾶπτον (Arist. Hist. anim. 571a)

Названия городов, в греческом тексте употребленные с предлогом ἐν, Плиний в соответствии с правилами латинского языка ставит без предлога:

1) *cicadae non nascuntur in raritate arborum – idcirco non sunt Cyrenis <nisi> circa oppidum – nec in campis nec in frigidis aut umbrosis nemoribus.* (Plin. n. h. XI 95)

¹ Исключением можно назвать лишь Cic. nat. deor. II 126 (Cfr. Ar. hist. anim. 612a).

διὸ καὶ ἐν Κυρήνῃ οὐ γίνονται ἐν τῷ πεδίῳ, περὶ δὲ τὴν πόλιν πολλοὶ, μάλιστα δ' οὗ ἔλαϊται (Arist. Hist. anim. 556a)

2) *scitum de quodam potore reperitur Syracusis tam diu potare solitum, donec cooperta terra fetum edere<nt> ova.* (Plin. n. h. X 153)

καὶ ἐν Συρακούσαις δὲ φιλοπότης τις ὑποτιθέμενος ὑπὸ τὴν ψίαθον εἰς τὴν γῆν τοσοῦτον ἔπινεν, ὥς φασί, χρόνον συνεχῶς, ἕως ἐκλέποι τὰ φά. (Arist. Hist. anim. 559b)

3) *Opunte et ad XL durasse tradunt adiutum modo in attollenda priore parte corporis.* (Plin. n. h. VIII 163)

Ἐν Ὀποῦντι δ' ἐν ἵπποφορβίῳ ἵππος ἐγένετο ὃς ὥχευεν ἐτῶν ὦν τετταράκοντα (Arist. Hist. anim. 576b, 25)

Выбор способа выражения местного значения в приведенных выше отрывках представляется понятным и последовательным. Однако есть несколько случаев, когда Плиний передает значение греческого предлога ἐν с помощью сочетания предлога circa с аккузативом. Таких случаев два:

1) *merulae circa Cyllenen Arcadiae, nec usquam aliubi, candidae nascuntur.* (Plin. n. h. X 87)

ὁ δ' ἕτερος (γένος τῶν κοττύφων) ἔκλευκος, τὸ δὲ μέγεθος ἴσος ἐκείνῳ ... ἔστι δ' οὗτος ἐν Κυλλήνῃ τῆς Ἀρκαδίας, ἄλλοθι δ' οὐδαμοῦ (Arist. Hist. anim. 617a)

2) *ibis circa Pelusium tantum nigra est, ceteris omnibus locis candida.* (Plin. n. h. X 87)

Ἐν μὲν οὖν τῇ ἄλλῃ Αἰγύπτῳ αἱ (sc. ἰβίδες) λευκαὶ εἰσι, πλὴν ἐν Πηλουσίῳ οὐ γίνονται· αἱ δὲ μέλαιναι ἐν τῇ ἄλλῃ Αἰγύπτῳ οὐκ εἰσίν, ἐν Πηλουσίῳ δ' εἰσίν. (Arist. Hist. anim. 617b)

Речь идет в первом случае о дроздах (merulae), обитающих, согласно Аристотелю, на горе Киллене, а согласно Плинию – вокруг этой горы. Во втором случае черные ибисы живут в египетском городе Пелузий или вокруг него.

Выбор предлога circa, как представляется, можно объяснить следующим образом².

Плиний мог уточнить то, что прочел у Аристотеля: в самом

² Филиппо Каппони, анализируя эти места из «Естественной истории» с точки зрения их пользы для изучения античной орнитологии, говорит о них как о небрежных и недостаточно полных переводах аристотелевского текста (Capponi 1985: 150–151). Мы принимаем мнение Каппони о том, что Плиний пользовался непосредственно текстом Аристотеля, а не какими-либо его пересказами.

деле, место обитания птиц, скорее всего, не ограничено одной горой или одним городом, и их названия даны как ориентиры для обозначения территории распространения этих птиц. Тогда предлог *circa* мы будем понимать в его обычном значении 'вокруг, в окрестностях'. В дополнение можно указать, что этот же предлог Плиний использует для передачи греческого περί, переводя (пересказывая) другое место из «Истории животных»:

in Ponto sunt quaedam albae, quae bis in mense mella faciunt, *circa Thermodontem* autem *fluvium* duo genera, aliarum quae in arboribus mellificant, aliarum quae sub terra, triplici cerarum ordine, uberrimi proventus. (Plin. n. h. XI 59)

Ἐν δὲ τῷ Πόντῳ εἰσὶ τινες μέλιτται λευκαὶ σφόδρα, αἱ τὸ μέλι ποιοῦσι δις τοῦ μηνός. Αἱ δ' ἐν Θεμισκύρῳ *περὶ τὸν Θερμώδοντα* ποταμὸν ἐν τῇ γῇ καὶ ἐν τοῖς σμήνεσι ποιοῦσι κηρία οὐκ ἔχοντα κηρὸν πολὺν ἀλλὰ πάνυ σμικρὸν, μέλι δὲ παχὺ (Arist. Hist. anim. 554b).

Литература

- Capponi 1985 – Capponi, Filippo. Le fonti del X libro della “Naturalis historia” di Plinio. Genova, 1985.
 Aristote. Histoire des animaux. Vol. 1–3 / Ed. P. Louis. Paris: Les Belles Lettres, 1964–1969.
 C. Plinius Secundus. Naturalis Historia (C. Plini Secundi Naturalis Historiae Libri XXXVII. Vol. 1–5 / ed. C. Mayhoff. 1892–1909).

N. S. Sorokina. The Greek preposition ἐν with place-names in Pliny's translation of Aristotle's *Historia Animalium*

In this paper a small aspect of Greek-to-Latin translation in the antiquity is discussed. The author analyses the way Pliny the Elder translates parts of Aristotle's *Historia Animalium* containing preposition ἐν with place-names. There are three ways of translating this preposition in the text by Pliny: 1) using Latin *in* with the ablative; 2) using *ablativus loci* without a preposition; and 3) using preposition *circa* with the accusative. The author suggests that Pliny's usage of *circa* is more than a translation, and that it has a meaning additional to the one already expressed in the Aristotle's text.

Keywords: Pliny the Elder, Aristotle, *Historia Animalium*, place-names, prepositions.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНА *INANE* 'ПУСТОТА' В ФИЛОСОФСКОМ СЛОВАРЕ ЛУКРЕЦИЯ

В статье рассматривается один из фундаментальных аспектов эпикурейской философии – понятие пустоты. При создании философской терминологии на латинском языке Лукреций руководствовался в первую очередь словоупотреблением Эпикура, поэтому введенный поэтом термин *inane* 'пустота' необходимо исследовать с оглядкой на греческие прототипы. В работе дается анализ словоупотребления и функционирования лексемы *inane*, а также проводятся параллели с текстами Эпикура. На примере существительного *inane* показан метод Лукреция по формированию латинской философской терминологии.

Ключевые слова: Лукреций, Эпикур, эпикуреизм, философия, терминология, пустота, вакуум, дидактический эпос.

Поэма Лукреция «О природе вещей» представляет собой богатый материал, иллюстрирующий становление философской терминологии на римской почве. Констатируя существование материи, Лукреций, вслед за Эпикуром, говорит о наличии в природе пустого пространства. После доказательства бытия атомов и рассмотрения сущности материи поэту неизбежно приходится уделить особое внимание ее противоположности – пустоте, так как, согласно эпикурейским представлениям, только допуская ее существование, можно говорить о движении. Поэтому доступно объяснить понятие пустоты-вакуума для Лукреция было тем важнее, что признание бытия пустоты в мироздании являлось одним из самых спорных аспектов эпикурейской физической концепции, вызывавших критику со стороны ее оппонентов.

Уже в начале поэмы Лукреций дает своеобразный ключ к пониманию своей терминологии и разъясняет схему своего лексического узуса. В восьми стихах (Lucr. I 54–61) содержатся наиболее частотные лексемы атомистической терминологии, даются определения того, что такое материя и атомы в природе:

*Nam tibi de summa caeli ratione deumque
disserere incipiam et rerum **primordia** pandam,*

*unde omnis natura creet res, auctet alatque,
quoue eadem rursum natura perempta resoluat,
quae nos **materiem et genitalia corpora** rebus
reddunda in ratione uocare et **semina rerum**
appellare suemus et haec eadem usurpare
corpora prima, quod ex illis sunt omnia **primis** (I 54–61)¹.*

В этом кратком перечне поэтом вводятся 5 базовых терминов для обозначения «атома» и один для передачи понятия «материя/вещество». Все остальные термины, имеющие значение «атом» в тексте поэмы, являются либо производными от базовых, либо их контекстуальными вариациями (*principia*, *exordia* вместо *primordia*). При этом, однако, в этой распространенной дефиниции, учитывающей целую группу синонимов со значением «атом», Лукреций не говорит о том, что в его восприятии предстает как противоположность материи: о пустоте².

Первое упоминание термина «пустота» в тексте поэмы появляется только после положения о сохранении материи (I 265–66) и доказательства существования атомов:

*Nec tamen undique corporea stipata tenentur
omnia natura; namque est in rebus inane.* (I 330–31)

Через несколько стихов, вслед за констатацией наличия пустоты в природе, следует дефиниция: *qua propter locus est intactus inane uacansque* (I 334). В ней Лукреций объясняет свое словоупотребление: пустота есть место/область, недоступная осязанию и незанятая материальным телом. Поэт довольно

¹ Здесь и далее поэма Лукреция цитируется по Bailey 1947.

² Трудно сказать, почему поэт не упоминает в кратком изложении содержания поэмы (I 54–61) ожидаемый рассказ о пустоте как отдельную главу в повествовании. Причины этого могут быть следующие: во-первых, введение понятия пустоты требует уже на этом этапе (начало поэмы) констатации данного явления, его объяснения и доказательства, для чего необходим довольно внушительный объем стихов. Во-вторых, если уже само понятие атома и бытие материи требуют подробной аргументации, то такая философская категория как пустота-вакуум, видимо, казалась Лукрецию далеко не простым феноменом, а его иррациональность – чуждой римскому мировосприятию. Поэтому не получилось бы сказать кратко в плане поэмы о такой трудной проблеме. В любом случае крайне маловероятно, что поэт вообще не планировал говорить подробно о пустоте, в то время как этот аспект, по мнению Лукреция, важная часть и новация эпикурейской философии.

близко³ следует сути сентенции Эпикура, но латинская версия не является дословной цитатой: εἰ <δέ> μὴ ἦν ὁ κενὸν καὶ χώραν καὶ ἀναφῇ φύσιν ὀνομάζομεν, οὐκ ἂν εἶχε τὰ σώματα ὅπου ἦν οὐδὲ δι' οὗ ἐκινεῖτο, καθάπερ φαίνεται κινούμενα (Epicur. Epist. ad Herod. 40)⁴.

В формулировке этого первого определения у Эпикура⁵ встречаются три неравносильных синонима для передачи понятия «пустота». Анализ наследия греческого философа показывает, что общая картина согласуется с этим программным тезисом. Термины с семантикой «пустота» фигурируют в Письмах к Геродоту и Пифоклу: τὸ κενόν (Epist. ad Herod. 40; 42; 46; 67 al.; Epist. ad Pyth. 89; 90) (ἡ τοῦ κενοῦ φύσις (Epist. ad Herod. 44)), ἡ ἀναφῆς φύσις (Epist. ad Herod. 40; Epist. ad Pyth. 86), ἡ χώρα (Epist. ad Herod. 40). Вопреки ожиданиям и предположениям некоторых издателей⁶, Эпикур в сохранившихся сочинениях нигде не использует для обозначения понятия «пустота» существительное ὁ τόπος. Лукреций также не позволяет себе обойтись простой постановкой слова *locus* в значении философского термина «пустота».

Прочитированный стих I 334 Лукреция является довольно трудным и спорным местом, порой даже вызывавшим сомнения в его подлинности⁷. В отношении понимания грамматической структуры стиха в ученом мире также нет единого мнения. Несмотря на глубокое понимание проблемы, от Боровского и Бейли ускользнуло то обстоятельство, что эта фраза имеет не двучленную (*inane uacansque est locus intactus*) и не трехчленную структуру (*locus intactus/inaneluacans*), но представляет собой две дефиниции к одной лексеме (*inane est locus intactus uacansque*). Такое толкование прекрасно вписывается в эпикурейскую двухчленную концепцию понимания «пустоты»: она есть место неосязаемое и незанятое материальным телом. Лукреций в этом стихе объясняет свой терминологический узус, довольно точно воспроизводя греческий первоисточник, так как

³ *Qua propter locus est intactus inane uacansque.
quod si non esset, nulla ratione moueri
res possent...* (I 334–336)

⁴ Греческий текст цитируется по Bailey 1926.

⁵ Лукреций в свою очередь ограничивается одним термином *inane* и его пояснениями.

⁶ См., например, конъектуру Узенера в Usener 1963: 6.

⁷ См. подробный разбор состояния вопроса в Боровский 2009: 173.

лексема *inane* передает греческие термины τὸ κενόν и ἡ ἀναφής φύσις.

Первое даваемое Лукрецием определение понятию пустоты (I 334) не стоит рассматривать изолированно само по себе. Так как Лукреций писал дидактическую поэму, к объяснению трудного понятия «пустота» он подходил неоднократно и с разных сторон. Описывая полярность атомов и пустого пространства, Лукреций старается дать четкие дефиниции обоих физических явлений. Он предлагает строгие критерии того, что есть пустота: это – незанятость определенным телом и возможность его вместить, а также ее неосязаемость в отличие от чувственно-воспринимаемых первоначал⁸. По мнению поэта, это объяснение наглядно и убедительно. Однако оно менее фундаментально по сравнению с трактовкой природы атомов, так как определение «пустоты» идет от противоположного, от более очевидного (ср. оппозицию бытие/небытие):

*Nam quod cumque erit, esse aliquid debebit id ipsum;
cui si tactus erit quamvis levis exiguusque,
augmine uel grandi uel paruo denique, dum sit,
corporis augebit numerum summamque sequetur;
sin intactile erit, nulla de parte quod ullam
rem prohibere queat per se transire meantem,
scilicet hoc id erit, uacuum quod inane uocamus* (I 433–439)⁹.

Этот пассаж далее подытоживается лаконичной сентенцией (I 454), где наблюдается все та же бинарная оппозиция *tactus/intactus*, в которой существительное *intactus* напоминает первую дефиницию понятия пустоты (I 334) и эпикуров термин ἀναφής φύσις.

Рассмотрим словоупотребление лексемы *inane* подробнее. В результате сравнения параллельных мест Лукреция и Эпикура становится очевидным, что термин *inane* возник как семантическая калька с греческого субстантивированного прилагательного τὸ κενόν ‘пустота’. Тенденция Лукреция подражать Эпикуру, в

⁸ Отсутствие веса – третье качество пустоты, которое, по-видимому, представляется Лукрецию производным и второстепенным и упоминается довольно редко:

*Corporis officiumst quoniam premere omnia deorsum,
contra autem natura manet sine pondere inanis* (I 362–63).

⁹ Ср. Epist. ad Herod. 67: τὸ δὲ κενὸν οὔτε ποιῆσαι οὔτε παθεῖν δύναται, ἀλλὰ κίνησιν μόνον δι' ἑαυτοῦ τοῖς σώμασι παρέχεται.

которой он сам признается¹⁰, проявляется не только в плане общего содержания поэмы, но и на глубинном, лексическом уровне: *inane* точно воспроизводит греческий термин и используется в схожих контекстах.

Существительное *inane* 'пустота, вакуум' встречается в тексте поэмы 70 раз. Один из случаев – *natura inanis* (I 363)¹¹ – представляет собой точный перевод эпикурейского термина ἡ τοῦ κενοῦ φύσις. Почти всегда лексема *inane* выступает как существительное *singulare tantum*¹², следуя в этом аспекте за греческим прототипом. Однако есть 2 исключения – не совсем ясное множественное число *inania* (I 223; I 356), использованное поэтом, видимо, из-за метрических соображений. В обоих случаях они, скорее всего, не являются терминами.

Единственный раз *inane* выступает в качестве прилагательного к существительному *spatium* (I 527)¹³. По одному разу употребляются производный глагол *inanire* 'опорожнять' (VI 1005) и образованная от него форма пассивного перфекта с причастием *inanitus* (VI 1025). В текстах Эпикура однокоренного глагола к термину τὸ κενόν не засвидетельствовано.

Существительное *inane* 'пустота' обладает богатой сочетаемостью с различными определениями: оно характеризуется как *uasum* (I 439; I 509; I 523; II 151; II 158; II 202; II 236; VI 838), *magnum* (I 1018; I 1103; II 65; II 105; II 109; II 122), *profundum* (I 1108; II 96; II 222), *rectum* (II 217; II 226), *intactum* (III 813; V 358), *purum* (I 658), *quietum* (II 238), *totum* (III 17). Как видно из приведенных примеров, подавляющее большинство определений концентрируется во II книге. В качестве наиболее характерных признаков часто упоминаются пространственная величина (*magnum*, *profundum*) и незаполненность материальным телом

¹⁰ *Te sequor, o Graiae gentis decus, inque tuis nunc
ficta pedum pono pressis uestigia signis,
non ita certandi cupidus quam propter amorem
quod te imitari aueo...* (III 3–6)

¹¹ Слово *inanis* скорее необходимо рассматривать как родительный падеж существительного, так как в таком случае сохраняется изящный хиазм со словосочетанием *corporis officium* в предшествующем стихе. В пользу родительного падежа в данном месте также высказывается Бейли (Bailey 1947: 657).

¹² В единственном числе существительное *inane* располагает полной парадигмой склонения в словаре Лукреция.

¹³ Бейли также придерживается мнения, что в этом контексте *inane* является прилагательным (Bailey 1947: 688).

(*uacuum*). Некоторые определения, очевидно, навеяны текстами Эпикура: *profundum* (ᾤπειρον), *intactum* (ἀναφής).

Вариативность указанных возможных определений в схожей синтаксической позиции (в зависимости от предложного сочетания *per inane*) доказывает, что слово *uacuum*, скорее всего, является прилагательным в следующих запутанных контекстах: II 151; II 158; II 202; VI 838. Предлог *per* здесь управляет лексемой *inane* и непосредственно маркирует ее как существительное, подчеркивая в отсутствии соединительных союзов зависимое положение прилагательного *uacuum*. В качестве доказательной базы можно привести такие наглядные случаи с предлогом *per*: I 1018; I 1103; II 65; II 83; II 96; II 105; II 109; II 116; II 217; II 222; II 226; II 238; III 17; III 27. В свою очередь, эти наблюдения¹⁴ делают наиболее вероятной трактовку лексемы *uacuum* как прилагательного также и в стихах I 439; I 509; I 523; I 838.

Подводя итоги проведенному анализу терминологии у Лукреция, остается констатировать, что основной лексемой, передающей понятие «пустота/вакуум» у поэта, без сомнения следует считать существительное *inane*. Важнейшими характеристиками пустоты для Лукреция является ее неосвязаемость и возможность пропускать через себя материальные тела (проницаемость).

В ситуации лексемы *inane* методом получения термина можно с уверенностью считать создание семантической кальки с греческого слова τὸ κενόν. При создании латинской философской терминологии Лукреций руководствовался в первую очередь словоупотреблением Эпикура, поэтому созданный поэтом термин *inane* 'пустота' необходимо исследовать с оглядкой на греческие прототипы.

Поэту удалось обогатить латинский язык новым философским термином, причем за счет собственно латинского материала: привычная лексика получает новые оттенки семантики и новые сферы употребления. Обогащаются ассоциативные связи в рамках латинского языка: например, в случае с *tactus/intactile* появляется отсылка к представлениям о материи и пространстве. Анализ лексемы *inane* подтверждает мысль о тенденции

¹⁴ Дополнительным подтверждением можно считать показательные примеры с формульной концовкой *quod inane uocamus/uocaret* в тех стихах, где прилагательное *uacuum* не фигурирует (I, 369, 507, 520, 1074).

Лукреция создавать термины путём терминологизации слов общего языка, а не заимствованием из греческого.

Литература

- Боровский 2009 – Боровский Я. М. Opera philologica. СПб., 2009.
Bailey 1926 – Epicurus. The extant remains / Ed. C. Bailey. Oxford, 1926.
Bailey 1947 – Titi Lucreti Cari De Rerum Natura Libri Sex / Ed. C. Bailey. Vol. I–III. Oxford, 1947.
T. Lucretius Carus. De Rerum Natura. De Rerum Natura Libri Sex / Ed. J. Martin, Leipzig, 1969.
Oxford Latin Dictionary / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1968–1982.
Usener 1963 – Epicurea / Ed. H. Usener. Edizione anastatica. Roma, 1963.

I. S. Timofeev. The term “void” in the Lucretius’ philosophical vocabulary

The paper is dedicated to the important fundamental aspect of the epicurean philosophy – the concept of void. While creating the Latin philosophical terminology Lucretius was guided by the word usage of Epicurus. That is why the term “void” in the poem *De Rerum Natura* should be analysed in comparison with the Greek archetypes. The article researches the usage of the term *inane* “void”. An analysis of Lucretius’ method of term-creating is made.

Keywords: Lucretius, Epicurus, epicurean philosophy, philosophical terminology, void, vacuum.

О МАНИФЕСТАЦИИ ВТОРОГО ЛИЦА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ «СТАРШЕЙ ЭДДЫ»

Основная задача заключается в выделении эддических контекстов, в которых репрезентировано местоимение *второго лица ед. ч.*, относящееся к базовым элементам словаря, образующим категориальный каркас языка, типологических и сравнительно-исторических комментариях и реконструкции источника (или языковой протоситуации) формирования данного явления. Итогом исследования можно считать заключение о том, что жанр – диалог на космологические темы – детерминирует специфику сферы «ты» в мифологических песнях «Старшей Эдды», в том числе – особенности дистрибуции местоимений *второго лица*, их функции и семантику, а также соотношение с хронотопом «я».

Ключевые слова: древнеисландский эпос, хронотоп, сравнительно-историческое языкознание, реконструкция, миф творения, протоситуация, диалог.

Объектом исследования в настоящей статье является сфера «ты» в мифологических песнях «Старшей Эдды», древнеисландского стихотворного эпоса, дошедшего до наших дней в составе рукописей конца XIII – начала XIV вв. Избрание в качестве предмета изучения именно *мифологического*, а не *героического* цикла вполне объяснимо, так как он образует древнейшее ядро интересующего нас памятника письменности, представляет собой исходный локус конституирования корпуса текстов. Анализу подвергаются не все мифологические песни, а лишь те, в центре внимания которых оказывается **миф творения**, являющийся основой любой архаичной мифопоэтической модели мира, то есть «Прорицание вёльвы», «Речи Высокого», «Речи Вафтруднира», «Речи Гримнира» и «Речи Альвиса».

Концепт «ты», кодируемый местоимением 2. Sg. Pron. Pers., невозможно рассматривать изолированно, так как он имплицитно включает наличие «я» (1. Sg. Pron. Pers.) и отсылает к акту коммуникации и его участникам – адресанту и адресату. Под таким углом зрения и будет осуществляться анализ хронотопа «ты», а наши задачи будут заключаться в выделении эддических контекстов, в которых репрезентировано местоимение *второго лица*

ед. ч., относящееся к базовым элементам словаря, образующим категориальный каркас языка, типологических и сравнительно-исторических комментариев и реконструкции источника (или языковой протоситуации) формирования данного явления.

После предварительных замечаний перейдём к непосредственному анализу языковых фактов и приведём контексты, в которых фигурирует местоимение второго лица в мифологических песнях «Старшей Эдды».

«Прорицание вёльвы»: Hljóðs bið ek allar helgar kindir, // meiri ok minni mögo Heimdallar; // Viltu at ek, Valföðr, vel fyrtelja // forn spjöll fira, þau er fremst um man (Vsp. 1) ‘Слушания прошу я все священные роды’¹, // великие с малыми Хеймдалля дети! // Один, *ты* хочешь, чтоб я рассказала // о прошлом всех сущих, о древнем, что помню; Allt veit ek, Óðinn, hvar þú auga falt: // í inom mæra Mímis brunní (Vsp. 28) ‘Знаю я, Один, где глаз *ты* спрятал: // скрыт он в источнике славном Мимира’; vitoð ér enn, eða hvat? (Vsp. 27–28; 33; 35; 39; 41; 48; 62–63) ‘знаете ли *вы* это или как?’*.

Местоимение *второго* лица встречается 11 раз, причём все случаи употребления маркированы: первая строфа, рефрен и ключевая сцена, в которой провидица намекает на самопожертвование Одина, отдавшего свой глаз великану Мимиру в обмен на высшую мудрость. В качестве адресата выступает, с одной стороны, Один – верховный бог скандинавского пантеона, к которому апеллирует вёльва в начале повествования и повинуюсь просьбе которого и начинается рассказ об устройстве вселенной и её судьбе, а, с другой, слушатели этой эддической песни («знаете ли вы?»). Таким образом, именно местоимение второго лица оказывается связующим звеном между содержанием песни, построенной как диалог «я» (вёльва) и «ты» (Один), и метаописанием, выходом вовне, за пределы текста, к ситуации исполнения поэтического произведения, к аудитории.

Местоимение *первого* лица засвидетельствовано 11 раз; оно может занимать первое место в строфе (ср. Vsp. 2; 31); оно сочетается с глаголами *видеть* (4 раза), *знать* (3 раза), *помнить* (дважды), таким образом, процесс **познания** высшей мудрости (сведений о возникновении и функционировании вселенной в мифе творения) складывается из способности помнить и предвидеть; зафиксированы примеры с глаголами говорения (bið

¹ Знак * обозначает дословный перевод.

ek ‘я прошу’ (Vsp. 1); **ek** ... fyrtefja (Vsp. 1) ‘я расскажу’), характеризующими ситуацию исполнения песни².

Несмотря на одинаковую частотность личных местоимений, местоимение первого лица доминирует; в этом не остаётся никаких сомнений, если учесть специфику жанра – монолог вёльвы, детерминируемый самим содержанием – видением, реализующимся от первого лица, хотя признаки диалога как с Одином, так и аудиторией присутствуют.

«Речи Высокого».

В мифологической части «Речей Высокого» появление местоимения второго лица или иных манифестаций сферы «ты» всегда маркировано. Интересующие нас грамматические формы встречаются в одном и том же максимально сакральном контексте, трактуемом как реликты культовой языческой поэзии, когда Один обращается к человеку, задающему вопрос о рунах. Ср.:

<i>Þat er þá reynt, er þú að rúnum spyr</i>	‘Вот что отвечу, когда ты
<i>inum reginkunnum,</i>	запрашаешь
<i>þeim er gerðu ginnregin</i>	о рунах божественных,
<i>ok fáði fimbulpulr;</i>	что создали сильные,
<i>þá hefir hann bzt, ef hann þegir (80)</i>	а вырезал Вещий: благо в молчанье’.
<i>Rúnar munt þú finna ok ráðna staf,</i>	‘Руны найдешь ты и постигнешь знаки,
<i>mjök stóra staf,</i>	сильнейшие знаки,
<i>mjök stinna staf,</i>	крепчайшие знаки,
<i>er fáði fimbulpulr</i>	Хрофт их окрасил,
<i>ok gerðu ginnregin</i>	а создали боги
<i>ok reist Hrofr rögn (142)</i>	и Один их вырезал’*;

² Hljóðs bið **ek** allar helgar kindir, // meiri ok minni mögo Heimdallar; // Viltu at **ek**, Valföðr, vel fyrtefja // forn spjöll fira, þau er fremst um man (Vsp. 1) ‘Слушания прошу я все священные роды’², // великие с малыми Хеймдалля дети! // Один, ты хочешь, чтоб я рассказала // о прошлом всех сущих, о древнем, что помню’; **Ek** man jötna ár um borna, þá er forðum mik fædda höfðo; // nío man **ek** heima (Vsp. 2) «‘Я помню великанов, рождённых от века, // породили меня они в давние годы; // девять помню я миров’; Ask veit **ek** standa, heitir Yggdrasil (Vsp. 19) ‘Ясень я знаю стоит, называется Иггдрасиль’*; Allt veit **ek**, Óðinn, hvar þú auga falt: // í inom mæra Mímis brunn (Vsp. 28) ‘Знаю я, Один, где глаз твой скрыт: // скрыт он в источнике славном Мимира’; **Ek** sá Baldri, blóðgom tívor (Vsp. 31) ‘Я видела Бальдра, кровавую жертву’*; fram sé **ek** lengra // um ragna rök, römm, sigtíva (Vsp. 44; 49; 58) ‘всё я увижу // судьбы могучих славных богов’; fjöld veit **ek** fræða (Vsp. 58) ‘много знаю я сведений’*.

<i>Veistu hvé rísta skal?</i>	‘Знаешь ли <i>ты</i> как резать?
<i>Veistu hvé ráða skal?</i>	Знаешь ли <i>ты</i> как разгадывать?
<i>Veistu hvé fáa skal?</i>	Знаешь ли <i>ты</i> как окрасить?
<i>Veistu hvé freista skal?</i>	Знаешь ли <i>ты</i> как спрашивать?
<i>Veistu hvé biðja skal?</i>	Знаешь ли <i>ты</i> как молиться и жертвы
<i>Veistu hvé blóta skal?</i>	готовить?
<i>Veistu hvé senda skal?</i>	Знаешь ли <i>ты</i> как раздать?
<i>Veistu hvé sóa skal?</i> (144)	Знаешь ли <i>ты</i> как заклать?’*

Как видим, все три фрагмента «Речей Высокого» отличаются единством стиля (они репрезентируют торжественную речь и относятся к самому высокому рангу) и описывают одинаковую ситуацию обучения жрецом – Одним неопита рунической магии. В дидактической части «Речей Высокого» сфера «ты»³ выполняет аналогичную функцию: Один поучает либо человека вообще, либо конкретное лицо, например, Лоддфафнира, правилам житейской мудрости. Ср.:

<i>ókynnis þess</i>	‘не будут <i>тебя</i> считать неучтивым,
<i>vár þík engi maðr at þú gangir snemma</i>	коль <i>ты</i> спать рано ляжешь’*;
<i>at sofa</i> (19)	
<i>Veistu, ef þú vin átt, þann er þú vel trúir,</i>	‘Знаешь <i>ты</i> , если <i>ты</i> дружбу
<i>ok vilt þú af hánnum gótt geta,</i>	ведешь и <i>ты</i> в друге уверен
<i>geði skaltu við þann blanda ok gjöfum</i>	и <i>ты</i> добра ждешь от друга, –
<i>skipta,</i>	открывая <i>ты</i> ему душу, дары
<i>fara at finna oft</i> (44)	приноси,
	навещай его часто’*;
<i>Ef þú átt annan, þanns þú illa trúir,</i>	‘Но если <i>ты</i> другому поверил
<i>vildu af hánnum þó gótt geta:</i>	оплошно,
<i>fagrt skaltu við þann mæla en flátt hyggja</i>	но хочешь <i>ты</i> добро получить:
<i>ok gjalda lausung við lygi</i> (45)	сладкою речью скрой злые мысли
	и воздай ложью за ложь’*;
<i>Það er enn of þann er þú illa trúir</i>	‘Так же и с теми, в ком <i>ты</i>
<i>ok þér er grunr at hans geði:</i>	усомнишься,
<i>hlæja skaltu við þeim ok um hug mæla</i>	в ком <i>тебе</i> видишь коварство, –
(46)	<i>ты</i> улыбайся в ответ,
	скрывай свои мысли’*;

³ Эту сферу реализует не только местоимение второго лица (ты), но и другие части речи. Ср. первую строфу, представляющую собой напутствие гостю, посещающему чужое жилище, с глаголами в форме второго лица («войдешь», «осмотри», «огляди»).

<i>Ráðumk þér, Loddfáfnir, en þú ráð nemir, - njóta mundu ef þú nemr, þér munu góð ef þú getr (112–113; 115–117; 119–122; 125–132; 134–137)</i>	‘Советы мои тебе, Лоддфафнир, слушай, на пользу ты их примешь, коль ты их поймешь’*.
<i>því at af illum manni fær þú aldregi gjöld ins góða hugar (117)</i>	‘ведь от дурного человека ты никогда не получишь воздаяние за добро’*.
<i>orðum skipta þú skalt aldregi við ósvinna apa (122) skósmiðr þú verir né skeftismiðr, nema þú sjálfum þér séir (126)</i>	‘с мужем неумным ты никогда словами не обменивайся’*; ‘обтесывай древки и обувь готовь ты лишь тебе самому’*.
<i>Ljóða þessa mun þú, Loddfáfnir, lengi vanr vera; þó sé þér góð, ef þú getr, nýt ef þú nemr, þörf ef þú þiggr (162)</i>	‘Те заклатья, Лоддфафнир, // ты будь навек лишён; // хотя хороши они, впрок бы принять их, // на пользу усвоить’*.

В отличие от Клауса фон Зее (See 1972), выдвинувшего гипотезу катенативного (цепочечного) присоединения строф при помощи лексических схождений, мы полагаем, что в композиции «Речей Высокого» принимают участие два постоянно чередующихся повествовательных плана – мифологический и дидактический, между которыми существуют коды переключения – эту функцию выполняют как грамматические (местоимения первого и третьего лица, обозначающие Одина, местоимение второго лица, возникающее в ситуации **обучения** Одином неофита либо рунической магии, либо правилам житейской мудрости, и различные варианты воплощения идеи взаимности), так и лексические средства⁴. Значительное преобладание местоимений *второго* лица по сравнению с *первым* диктуется особенностями жанра: дидактика предполагает обращение к слушателю, который должен усвоить адресованные ему наставления⁵. Таким образом, в диалоге, посвя-

⁴ Ср. понятия из сферы познания: ‘знать’ (др.-исл. *vita*, *kunna*, *nema*), ‘умный’ (*horskr*, *fróðr*) – ‘глупый’ (*heimscr*, *ósnotr*), ‘пиво’ (*öl*), ‘слово’ (*orð*), ‘слава’ (*orðztírr*).

⁵ Местоимение *первого* лица употребляется в сцене самопожертвования Одина. Ср.:

щённом познанию, который Один ведёт с учеником, акцент делается на адресате, а детальный анализ текста «Речей Высокого» приводит к заключению об изоморфизме между мифологическим и дидактическим планами повествования этой эддической песни, реализующемся, в частности, благодаря идее взаимности, обмена между «я» и «ты».

«Речи Вафтруднира»: Ráð þú, nú, Frigg, allz mic fara tíðir // at vitia Vafðrúðnis; // forvitni micla qveð ec mér á fornóm stöfum // við þann inn alsvinna iötun (Vm.1) 'Дай *ты*, Фригг, мне совет, в путь я собрался // к Вафтрудниру в гости! // В древних познаниях померяться силой // хочу я с мудрейшим'; Heill þú farir, heill þú aptr komir, // heill þú á sinnom sér! // æði þér dugi, hvars þú scalt, Aldaföðr, // orðom mæla iötun (Vm. 4) 'Здоровым *ты* поедешь, здоровым *ты* вернёшься, // здоровым *ты* в пути будешь! // Пусть мудрость *тебе* пригодится, чтобы *ты*, Отец людей, // словами заговорил великана'*; Heill þú nú, Vafðrúðnir! Nú em ec í höll kominn, // á þic siálfan siá; // hitt vil ec fyrst vita, ef þú fróðr sér // eða alsviðr, iötunn (Vm. 6) 'Будь *ты* здоровым, Вафтруднир! Вот я пришёл в чертог // поглядеть на *тебя* самого; // хочу я прежде всего узнать, мудрый ли *ты* // или всезнающий, великан'*; Ut þú né komir ... // nema þú inn snotrari sér (Vm. 7) 'Наружу *ты* не выйдешь ... // если *ты* не будешь умнее'*; Hví þú þá, Gagnráðr, mæliz af gólfi fyrir! // farðu í sess í sal! (Vm. 9) 'Что *ты*, Гагнрад, говоришь с порога! // Садись *ты* в чертоге!'; Segðu mér, Gagnráðr, allz þú á gólfi vill // þíns um freista frama (Vm. 11; 13; 15; 17) 'Скажи *ты* мне, Гагнрад, коль с порога *ты* хочешь // испытать *твое* счастье'*; Fróðr ertu, nú, gestr, far þú á becc iötuns (Vm. 19) 'Мудрый *ты*, гость, садись *ты* на скамью великана'*; Segðu þat ip eina, ef þitt æði dugir // oc þú, Vafðrúðnir, vitir (Vm. 20; 22; 24; 26; 28; 30; 32; 34; 36; 38; 40; 42⁶) 'Скажи *ты* первое,

<i>Veit ek, at ek hekk vindgameiði á</i>	'Знаю, висел я в ветвях на ветру
<i>nætr allar nú,</i>	девять долгих ночей,
<i>geiri undaðr ok gefinn Óðni,</i>	пронзенный копьем, посвященный Одину,
<i>sjalfur sjalfum mér (138)</i>	в жертву самому себе же'*;

<i>Þá nam ek frævask ok fróðr vera</i>	'Стал зреть (букв. зреться) я и знания
<i>ok vaxa ok vel hafask (141)</i>	множить,
	расти и цвести (букв. цвестись)*.

Исследование всех случаев употребления 1 лица см. Топорова 2001.

⁶ Начиная с двадцать второй строфы в данной формуле варьирует номер вопроса: «скажи второе», «скажи третье», ... «скажи двенадцатое».

если *твой* ум годится // и *ты*, Вафтруднир, знаешь’*; hvat **þú** fyrst mant eða fremst um veizt; // **þú** ert alsviðr, iðtunn (Vm. 34) ‘что *ты* самое раннее помнишь или прежде всего знаешь; // *ты* всезнающий, великан’; segir **þú** íþ sannasta, // inn alsvinni iðtunn (Vm. 42) ‘скажи *ты* наиправдивейше, // всезнающий великан’*; Ey manni þat veit, hvat **þú** í árdaga // sagðir í eyra syni; // ... **þú** ert æ vísastr vera (Vm. 55) ‘Никто не знает, что *ты* в древние времена // сказал на ухо сыну; // ... *ты* в мире мудрейший’*.

Местоимение *второго* лица употребляется в «Речах Вафтруднира» 60 раз: оно составляет каркас диалога⁷, выполняя ключевую роль в композиции песни, причём оно зафиксировано как в самом начале – первой строфе, так и в двух рефренах⁸, и в финале – последней строфе; скопление местоимений второго лица в коротких фрагментах текста, в частности, в пределах предложения кажется чрезмерным, однако гипертрофированное использование данных словоформ мотивируется законами жанра – диалога на космогонические темы между богом Одним и «сильным в запутывании»⁹ великаном, состязания в высших знаниях о происхождении вселенной, ставкой в котором является жизнь его участников. Агональный аспект, кодируемый «ты», естественно доминирует над «эго» – сферой¹⁰, подчиняясь интенциям коммуникации – прениям двух сторон.

«Речи Гримнира»: Heitr ertu, hripuðr, oc heldr til mikill, // göngomc firr, funi (Grm. 1) ‘Горячее ты, пламя, и слишком большое, // отойди от меня, огонь!’*; Heill scaltu, Agnarr, allz **þic** heilan biðr // Veratýr, vera; // eins drycciar **þú** scalt aldregi // betri

⁷ Точнее диалогов, так как их два: в зачине песни описывается разговор между Одним и Фригг, а в основной части – беседа между Одним и великаном Вафтрудниром.

⁸ Ср. Segðu mér, Gagnráðr, allz **þú** á gólfi vill // **þíns** um freista frama (Vm. 11; 13; 15; 17) ‘Скажи *ты* мне, Гагнрад, коль с порога *ты* хочешь // испытать *твоё* счастье’*; Segðu þat íþ eina, ef **þitt** æði dugir // oc **þú**, Vafðrúðnir, vitir (Vm. 20; 22; 24; 26; 28; 30; 32; 34; 36; 38; 40; 42) ‘Скажи *ты* первое, если *твой* ум годится // и *ты*, Вафтруднир, знаешь’*.

⁹ Именно так переводится имя великана – др.-исл. Vaf-ðrúðnir.

¹⁰ Хронотоп «я» фигурирует в рефрене fjöld ek fór, fjöld ek freistaðak, // fjöld ek reynda regin (44; 46; 48; 50; 52; 54) ‘Много я странствовал, много я испытывал, // много я выводил у богов’, характеризующем ритуальное испытание, устроенное Одним Вафтрудниру, посвященное добыванию сведений о происхождении и устройстве вселенной и завершающееся гибелью Вафтруднира, оказавшегося не в состоянии противостоять сакральным знаниям Одина.

giöld geta (Grm. 3) 'Здоров будь *ты*, Агнар, *тебе* здоровья желает // бог воинов; // за глоток воды *ты* // получишь лучшее воздаяние'*; Ölr ertu, Geirroðr, hefir þú ofdrucit; // miclo ertu hnugginn, er þú ert míno gengi (Grm. 51) 'Пьян *ты*, Гейррёд, пил *ты* не в меру; // многого *ты* лишён, // *ты* обойдён моей поддержкой'*; Fiöld ec þér sagða, enn þú fát um mant, // of þic véla vinir (Grm. 52) 'Много я *тебе* сказал, но *ты* мало помнишь, // друзья *тебя* предали'*; þitt veit ec líf um líðit; // ... nú knáttu Óðin síá, // nálgaztu mic, ef þú megir (Grm. 53) 'конец *твой*, я знаю, настал, // ... увидишь *ты* Одина, // приблизься *ты* ко мне, если *ты* посмеешь'.

Сфера «ты», реализуемая местоимениями – личными и притяжательными –, включает 15 примеров. Среди примечательных употреблений следует отметить первую и предпоследнюю строфы, образующие рамки повествования, которые создают обращения к Агнару и Гейррёду. Таким образом, с формальной точки зрения «Речи Гримнира» можно рассматривать как диалог между Одним и этими персонажами. Однако нельзя не признать, что обрамление является чисто техническим приёмом в композиции песни, представляющей собой монолог Одина, сообщаящего мифологические сведения¹¹ и сначала скрывающегося под видом Гримнира, букв. «имеющего маску», а затем открывающего свой истинный божественный облик. На этом фоне не вызывает ни малейшего удивления доминирование местоимения *первого* лица¹², обусловленное жанровыми особенностями текста.

¹¹ 'Здесь и перечень жилищ богов, и описание Вальхаллы и её обитателей, и перечень валькирий, и сведения о сотворении мира, и перечень имён Одина' (Стеблин-Каменский 1963: 223).

¹² Ср. 41 пример манифестации «эго»-сферы: göngomc firr, funi! // loði sviðnar, þótt ec á lopt berac, // brennomc feldr fyrir (Grm. 1) 'отойди от меня, огонь! // тлеет мех, хотя я на ветру держу я, // пылает у меня плащ'*; Átta nætr sat ec milli elda hér, // svá at mér mangi mat né bauð (Grm. 2) 'Восемь ночей сидел я между огней, // мне никто не предлагал пищи'*; Land er heilact, er ec liggja sé ... (Grm. 4) 'Священную землю вижу я лежащей ...'; á því landi, er ec liggja veit // fæsta feicnstafti (Grm. 12) 'на этой земле, которая, я знаю, располагается с самыми малыми бедами'; þomc ec of Hugin, ... // þó síámec meirr um Munin (Grm. 20) 'боюсь я за Хугина, ... // но больше приглядывается мне за Мунином'*; Fimm hundruð gólfa ... // svá hygg ec Bilscírni með bugom; // ranna þeira, er ec rept vita, // míns veit ec mest magar (Grm. 24) 'Пять сотен дверей ... // думаю я Бильскирнир вмещает // из тех чертогов, которые я знаю крытыми, // моего сына самый большой'*; svá hygg ec

«Речи Альвиса»: hví ertu svá fölr um nasar, // vartu í nótt með ná? // þúrsa líki þicci mér á þér vera, // ertattu til brúðar borinn (Alv. 2) 'почему ты так бледен носом, // ты был ночью с трупом? // у тебя, мне кажется, обличье великана, // ты не рождён для невесты'*; varsa ec heima, þá er þér heitið var (Alv. 4) 'не был я дома, когда у тебя была помолвка'*; fiarrafleina þic muno fáir kunna, // hverr hefir þic baugom borit? (Alv. 5) 'бродягу тебя мало кто знает, // кто тебя родил?'; at ósátt minni scaltu þat iþ unga man hafa (Alv. 6) 'против моей воли деву возьмёшь ты'*; Sáttir þínar er ec vil snemma hafa (Alv. 7) 'Согласие твоё я хочу быстро получить'; Meyiar ástom muna þér verða, // ... ef þú ór heimi kant hveriom at segia // alt, þat er ec vil vita (Alv. 8) 'Девы любовь будет тебе, // ... если ты сможешь о каждом мире рассказать // всё, что я хочу знать'*; Segðu mér þat, Alvíss – öll of röc fira // voromc, dvergr, at vitir (Alv. 9;11; 13; 15; 17;19; 21; 23; 25; 27; 29; 31; 33) 'Скажи ты мне, Альвис, – всё о судьбе людей, мне кажется, карлик, знаешь'*; miclom tálom ec qveð tældan þic: // uppi ertu, dvergr, um dagaðr (Alv. 35) 'большой хитростью я обманул тебя: // ты застигнут врасплох, светает'.

at Valhöllu vera (Grm. 23) 'думаю я в Вальхалле имеется'*; Ofnir oc Sváfnir hygg ec at æ scyli // meiðs qvisto má (Grm. 34) 'Офнир и Свафнир думаю я всегда будут // грызть ветки дерева'*; Hrist oc Mist vile ec at mér horn beri (Grm. 36) 'Христ и Мист хочу я, чтобы мне поднесли рог'*; biorg oc brim ec veit at brenna scolu (Grm. 38) 'горы и море я знаю будут гореть'; Svipom hefi ec nú ypt fyr sigtíva sonom (Grm. 45) 'Лик свой открыл я асов сынам'; Hétomc Grímr, hétomc Gangleri (Grm. 46) «звали меня Грим, звали меня Ганглери»*; eino nafni hétomc aldregi, // síz ec með fólcom fór (Grm. 48) 'одним менем меня никогда не звали, // пока я был среди людей'; Grímnir mic héto ... // enn þá Kíalar, er ec kíalca dró (Grm. 49) 'Гримниром меня звали ... // и Кьяларом, когда я сани таскал'*; ... ec hét at Söccmímis, // oc dulða ec þann inn aldna iðtun, // þá er ec Miðviðnis vare ins mæra burar // orðinn einn bani (Grm. 50) '... я звался у Сёккмимира, // и перехитрил я старого великана, // когда я стал я Мидвитнира сына убийцей'*; miclo ertu hnugginn, er þú ert míno gengi (Grm. 51) 'многого ты лишён, // ты обойдён моей поддержкой'*; Fiöld ec þér sagða ... // mæki liggia ec sé míns vinar ... (Grm. 52) 'Много я тебе сказал ... // вижу я меч моего друга ...'; þitt veit ec líf um líðit; // ... nálgastu mic (Grm. 53) 'конец твой, я знаю, настал, // ... приблизься ты ко мне'; Óðinn ec nú heiti, Yggr ec áðan hét, // hétomc þundr fyrir þat, // ... Ofnir oc Sváfnir, er ec hygg at orðnir sé // allir af einom mér (Grm. 54) 'Одином я теперь зовусь, Иггом я прежде звался, // звали меня до этого Тундом ... // Офнир и Свафнир, я думаю, все имена стали одного меня'*.

Местоимения *второго* лица (личные и притяжательные) засвидетельствованы в «Речах Альвиса» 26 раз, из них в половине случаев в рефрене; если сопоставить эти данные с дистрибуцией местоимения *первого* лица¹³ (43 примера), то по частотности они значительно уступают; такая ситуация объясняется рядом причин: необходимостью достаточно подробной самопрезентации персонажей (бога Тора и карлика Альвиса), осуществляющейся, естественно, от *первого* лица, и самоутверждением победителя, торжеством божественного «я»¹⁴.

На основании эддических данных можно сделать главный вывод о том, что мифологические песни «Старшей Эдды», кристаллизующиеся вокруг мифа творения, все без исключения построены как **диалог**, и поэтому сфера «ты» в них **не может не быть** представлена. Кроме того изучаемый материал позволяет обнаружить ряд интересных закономерностей:

а) можно установить **градацию** «диалогичности» этих песен в зависимости от количества употреблений местоимений *второго* лица, а именно: «Прорицание вёльвы» (11), «Речи Гримнира» (15), «Речи Альвиса» (26), «Речи Высокого» (54), «Речи Вафтруднира» (62) и классифицировать их как практически монолог («Прорицание вёльвы», где вёльва обращается к Одину только в начале и в середине песни), в значительной части

¹³ Ср.: Beccí breiða nú scal brúðr með **mér** (Alv. 1) 'скамьи расставить должна невеста со мной'; þursa líki þicci **mér** á þér vera (Alv. 2) 'у тебя, мне кажется, обличье великана'; Alvíss **ec** heiti, bý **ec** fyr iörð neðan, // á **ec** undir steini stað; // vagna verz **ec** em á vit kominn (Alv. 3) 'Альвис я зовусь, живу я под землёй, // имею я под камнем жилище, // к Возническому я пришёл'; **Ec** mun bregða, þvíat **ec** brúðar á // flest um ráð sem faðir; // varca **ec** heima (Alv. 4) 'Я должен нарушить помолвку, так как я невесте // должен больше всех советовать как отец; // я не был я дома'; Vingþórr **ec** heiti – **ec** hefi víða ratað – // ... at ósátt **minni** scaltu þat ip unga man hafa (Alv. 6) 'Винг-Тор зовусь я, много я странствовал ... // против моей воли деву возьмёшь ты'; Sáttir þínar er **ec** vil snemma hafa (Alv. 7) 'Согласие твоё я хочу быстро получить'; ef þú ór heimi kant hveriom at segia // alt, þat er **ec** vil vita (Alv. 8) 'если ты сможешь о каждом мире рассказать // всё, что я хочу знать'; Segðu **mér** þat, Alvíss – öll of röc fira // voromc, dvergr, at vitir (Alv. 9; 11; 13; 15; 17; 19; 21; 23; 25; 27; 29; 31; 33) 'Скажи ты мне, Альвис, – всё о судьбе людей, мне кажется, карлик, знаешь'; Í eino briósti **ec** sác aldregi // fleiri forna stafi; // miclom tálom **ec** qveð tældan þic (Alv. 35) 'В одной груди я не видел я никогда // больше древних сведений; // большой хитростью я обманул тебя'.

¹⁴ Ср. сочетание местоимения *первого* лица и соответствующей энклитики в Alv. 35: **ec** sác 'я видел я'.

монолог («Прорицание Гримнира»), диалог с акцентом на самопрезентацию персонажей («Речи Альвиса»), истинный диалог («Речи Вафтруднира»), диалог с дидактическим уклоном («Речи Высокого»);

б) можно конкретизировать **содержание** диалога: главная тема – космогония и космология, то есть сведения о происхождении и устройстве вселенной; цель – получение **знаний** или обучение (передача знаний);

в) можно определить **форму** и выделить структурные особенности этого диалога, в частности, нумерацию вопросов и ответов («дай *первый* ответ», «дай *второй* ответ» и т. д., как в «Речах Вафтруднира», или «даю *первый* совет», «даю *второй* совет», как в «Речах Высокого»), рефрен с местоимением *второго* лица (ср. «Прорицание вёльвы», «Речи Альвиса»);

г) можно реконструировать **протоситуацию**, в которой возникает диалог на космогонические темы: это ритуальное состязание в высшей мудрости, и платой за поражение может стать жизнь одного из участников, а победа приравнивается к повторной космизации вселенной, укреплению стабильности и гармонии (ср. «Речи Вафтруднира», «Речи Гримнира»¹⁵ или «Речи Альвиса»¹⁶);

д) можно детализировать природу денотата «ты», который, с одной стороны, служит для обозначения одной из сторон диалога, а, с другой, апеллирует к публике (ср. рефрен «Прорицания вёльвы»: *vitod þu enn, eða hvat?* (Vsp. 27–28; 33; 35; 39; 41; 48; 62–63) «знаете ли *вы* это или как?»*).

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что жанр (диалог) детерминирует специфику сферы «ты» в мифологических песнях «Старшей Эдды», в том числе особенности дистрибуции местоимений *второго* лица, их функции и семантику, а также соотношение с хронотопом «я».

Издания текстов

Тексты цитируются по следующим изданиям:

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

¹⁵ Погибает противник Одина конунг Гейррёд.

¹⁶ Погибает карлик Альвис, не способный противостоять богу Тору.

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А. И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.

Литература

- Стеблин-Каменский 1963 – Стеблин-Каменский М. И. «Старшая Эдда» // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.
- Топорова Т. В. 2001 – Топорова Т. В. О взаимодействии повествовательных планов в «Речах Высокого» // Скандинавские языки. Диакрония и синхрония. М.: изд. Центр РГГУ, 2001. С. 143–171.
- Klaus von See. 1972 – Klaus von See. Die Gestalt der Hávamál. Eine Studie zur eddischen Spruchdichtung. Frankfurt/M.: Athenäum Verlag, 1972.

Условные сокращения

Alv. – Alvíssmál «Речи Альвиса»
Grm. – Grímnismál «Речи Гримнира»
Háv. – Hávamál «Речи Высокого»
Vm. – Vafþrúðnismál «Речи Вафтруднира»
Vsp. – Völuspá «Прорицание вёльвы»

On the Manifestation of the Second Person in the Mythological Lays of the Elder Edda

The present article studies the domain of “you” (2nd Pers. Sg. Pron.) in the mythological lays of the *Elder Edda*. The concept of “you” (2 Pers. Sg. Pron.) cannot be regarded in isolation, as it implies the presence of “I” (1 Pers. Sg. Pron.) and refers to the act of communication and its participants (addresser and addressee). We shall analyze the chronotype “you” from this standpoint. Our goal is to identify the Eddic contexts in which the *second person singular pronoun* occurs, to make typological and comparative commentaries and to reconstruct the source (or linguistic protosituation) of the emergence of this phenomenon.

On the basis of Eddic material, one can make the principal conclusion that absolutely all the mythological lays of the *Elder Edda* crystallizing around the creation myth take the form of **dialogues** and so the domain of “you” **cannot be represented** in them. Moreover, the study of this material uncovers a number of interesting laws:

a) One can measure the “dialogicity” of these lays as a function of the number of occurrences of *second* person pronouns;

b) One can concretize the **content** of the dialogue: its main theme is cosmogony and cosmology, i.e., information about the origins and structure of the universe, while its goal is obtaining **knowledge** or teaching (transmitting knowledge);

c) One can reconstruct the **protosituation** in which the dialogue on cosmogonic themes arises: it is a ritual competition in supreme wisdom. The price to pay for defeat may be the life of one of the participants, while

victory is equated with the recosmization of the universe and the consolidation of stability and harmony;

d) One can describe the nature of the denotatum “you” that, on the one hand, serves to designate one of the participants of the dialogue and, on the other, appeals to the public.

Summing up, one can say that the dialogue genre determines the particularities of the domain of “you” in the mythological lays of the *Elder Edda*, including the distribution of *second* person pronouns, their functions, and their semantics, as well as their relation to the chronotype “I”.

Keywords: the *Elder Edda*, *second* person pronouns

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЧАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ С ДВУМЯ ГЛУХИМИ СМЫЧНЫМИ: ПРАЯЗЫКОВОЕ НАСЛЕДИЕ ИЛИ ДИАЛЕКТНАЯ ИННОВАЦИЯ?

На основании изучения данных индоевропейских языков в статье устанавливается, что начальные кластеры структуры *PP- (с двумя глухими смычными) могут быть надежно реконструированы только для определенного ареала индоевропейских языков, в который входили греческий, фригийский, армянский и индоиранские языки. В пользу того, что данное явление – не архаизм, а ареальная инновация, свидетельствуют два соображения:

- 1) Во всех остальных языках нет надежных когнатов;
- 2) Лексемы с рассматриваемыми кластерами выглядят как новообразования.

Ключевые слова: начальные кластеры, спиранты Бругманна, диалектный ареал, инновация, архаизм, изоглосса;

Начальные кластеры структуры *PP- (где P – любой глухой смычный, *p, *t, *k/ *k/ *k^u) уверенно реконструируются для индоевропейского праязыка в различных работах по индоевропеистике наряду с начальными кластерами структуры *V^hV^h- (где V^h – любой звонкий придыхательный, *d^h, *b^h, *g^h/ *g^h). Так, Э. Берд реконструирует в своей работе, посвященной индоевропейскому слогообразованию, следующие возможные кластеры: *pt-, *p^hk-, *tk-, *t^hk-, *d^hg^h-, *d^hg^{uh}-, а также трехсогласный кластер *g^hd^hj- (Byrd 2010: 164). Особенно распространены среди них начальные кластеры структуры *TK- (T – любой дентальный, K – любой гуттуральный).

Кластеры структуры *TK- младограмматиками, в частности, К. Бругманном реконструировались со спирантами *p, *p^h, *d и *d^h в виде *Kp- и *Kd- на основании соответствий вроде греч. χθών ~ др.-инд. *kṣam*- ‘земля’ (Brugmann 1897: 790–793), в связи с чем подобные сочетания согласных часто называют «спиранты Бругманна» или «thorn-clusters» в англоязычной традиции. Впервые предположение о том, что данные кластеры восходят к последовательности двух смычных, высказал П. Кречмер на основании сопоставления греч. χθών, др.-инд. *kṣam*- ‘земля’ с хетт. *tekan* и тох. А *tkaṃ* ‘то же’ (Kretschmer 1932). Подобная реконструкция была дополнительно обоснована в работах

(Schindler 1967; 1977; Gunnarsson 1971) и сегодня является общепринятой.

Нам бы хотелось обратить внимание на следующую ситуацию. Начальные ТК-кластеры со звонкими придыхательными бесспорно реконструируются для большинства групп индоевропейских языков:

*d^hġ^huH- ‘рыба’: греч. ἰχθῦς, арм. *jukn*, лит. *žuvìs* ‘рыба’;

*ġ^hd^hies- ‘вчера’ (вероятно, *ġ^h-d^hies- ‘в тот день’): др.-инд. *hyah*, авест. *zuō*, греч. χθές, алб. *dje*, лат. *heri* (< *ġes-), др.-ирл. *in-dé* ‘вчера’ (Schindler 1967: 198);

Локатив *d^hġ^hem-(i) ‘на земле’ > др.-инд. *kṣami*, лит. *žẽmė*, рус. *земля* (Steer 2013: 60).

Напротив, если рассмотреть корни, начинающиеся подобными кластерами с глухими смычными, складывается впечатление, что надежные когнаты ограничены определенными языками:

*tkeġ- ‘селиться, жить’¹: др.-инд. *kṣéti* ‘живет’, авест. *šaēti* ‘живет’, греч. κτίζω ‘населять’, арм. *šēn* ‘деревня’;

*tkeġ- (*tkeHġ-) ‘править’ – др.-инд. *kṣáyati*, авест. *xšayēti* ‘правит’², греч. κτάρω ион. κτέωμαι ‘приобретать, наживать; владеть’;

*tken- (или *tken-?) ‘губить, разрушать’: др.-инд. *kṣanóti* ‘вредит, губит’, авест. *axšata* ‘неуязвимый’, греч. κτείνω ‘убивать’;

*tġno- (*tġiH(i)no-) ‘хищная птица’: др.-инд. *śyena-*, авест. *saēna-* ‘орел, ястреб’ (< *tġeHino-); арм. *śin* (вероятно, ś < *ku- < tġi-), греч. ἰκτίς ‘коршун’³ (Schindler 1967: 198).

Как можно видеть, все надежные этимологии для немотивированных⁴ начальных кластеров вида *ТК- ограничены греко-армяно-индоиранскими соответствиями. Кроме того, исследования последних лет показывают, что начальные кластеры, восходящие к *tk- и *tġ-, с большой вероятностью существовали во фригийском. Форма глагола *ekteto* трактуется А. Лубоцким как 3 л. ед. ч прошедшего времени (скорее всего, аориста), реконструируется как *H₁e-ġtH₁-to-i и сравнивается с греч. ион. κτέωμαι

¹ Существует предположение, что данный корень образован от и.-е. *teġ- ‘зачинать, рождать’ (LIV 2001: 618).

² Альтернативная этимология – *H₃ks-ġje- от и.-е. *H₃ek- ‘видеть’ (LIV 2001: 619).

³ Нужно отметить, что данный корень признается важной греко-армяно-индоиранской лексической изоглоссой (Martirosyan 2013: 96).

⁴ Приведенные выше этимологии вроде *tkeġ- < *teġ- предположительны.

в значении ‘владеть’ (Lubotsky 1997: 125). Р. Вудхаусом фригийский титул *proitavos kcianaveyos* переводится как ‘предводитель поселенцев, предводитель поселения’, а форма *kcianaveyos* < **kcianēveyos* интерпретируется как прилагательное ‘относящийся к поселению’ и сравнивается с греч. κτίζω ‘населять’ (Woodhouse 2008).

Предлагались сближения с формами других индоевропейских языков, но их невозможно признать надежными. Так, Й. Гуннарссон предположил, что др.-исл. *hnøggva* ‘унижать; бить, ударять’, др.-в.-нем. *hniuwān* ‘бить, уничтожать’ стоит возводить к корню **tken-* (< **tĕn-eu-*) и отделять от греч. κνύω ‘скрести, царапать’ (Gunnarsson 1971: 49). Тем не менее, на наш взгляд, др.-исл. *hnøggva* и *hníta* ‘бить’ нельзя отделять от греч. κνύω ‘скрести, царапать’, лтш. *knūdēt* ‘зудеть’ и, соответственно, от греч. κνίζω ‘чесать, скоблить’ и лтш. *knidēt* ‘зудеть’ ввиду безупречного формального совпадения (Orel 2003: 180–181).

С корнем **tkei-* сравниваются лат. *sinō*, *-ere* ‘отпускать, позволять’ и *pōnō*, *-ere* (< **po-sinō*) ‘класть, размещать’ (de Vaan 2008: 566–567; LIV 2001: 643). Мы полагаем, подобное сближение формально сомнительно. Переход **tĕ-* > *s-* в *sinō*, **d^hg^{uh}-* > *s-* в *sitis* ‘жажда’ (< **d^hg^{uh}i-ti-*) понятен, если реконструировать спиранты Бругманна, и труднообъясним с точки зрения современных представлений. М. де Ван предлагает сценарий **d^hg^{uh}-* > **g^{uh}d^h-* > **k^p-* > *s* (de Vaan 2008: 568), но почему подобное развитие не произошло в словах *humus* ‘земля’ и *heri* ‘вчера’? Другие примеры перехода **TK* > *s* в латыни также не являются убедительными. Выведение лат. *ursus* ‘медведь’ непосредственно из **H₂rtĕo-* не является единственно возможным решением, возможно, *ursus* < диал. **H₂rtĕios* (Szemerényi 1962: 180–181; Sihler 199: 225) или даже латинское слово вообще стоит отделять от **H₂rtĕo-* и возводить к **urĝ^h-so* (ср. др.-инд. *varh-* ‘ранить’) (Kloekhorst, в печати: 6). Лат. *texō*, *-ere* ‘ткать, плести’ не относится к корню **te-tĕ-*, но восходит к **t_ck-s-* (LIV 2001: 619). Латинский переход *TK* > *s* также отвергается А. Клуехорстом на основании сходных аргументов (Kloekhorst, в печати: 5–6).

Соответственно, латинский переход **TK-* > *s-* не может считаться верным, и все случаи с начальными кластерами **tk-* и **tĕ-* обнаруживаются исключительно в армянском, фригийском, греческом и индоиранских языках.

В связи с этим интересно проверить, распространены ли и другие начальные кластеры структуры *PP- только в данном диалектном ареале или они встречаются и в других группах индоевропейских языков.

Начальный кластер *k^hk-:

Нулевая ступень корня *k^hek- ‘видеть, смотреть’ в авест. *xsaī* [xsaai] 1 л. ед. ч. конъюнктив аориста ‘я увижу’, с приставкой форма *ā-xso* 1 л. ед. ч. инъюнктива или 2 л. ед. ч. медиального императива аориста (IEW и 1959: 638–639; LIV 2001: 383–384).

Начальный кластер *k^ht-:

*tūrya- (< *k^htūrgja-) ‘четвертый’: др.-инд. *tūrya-*, авест. *tūrya-* ‘четвертый’ (MA 1997: 401).

На наш взгляд, это образование и некоторые другие в индоевропейских языках (лат. *quattor* ‘четыре’ < *k^htqog-; др.-чеш. *čtyři* < *k^htūr-; греч. *τρά-πεζα* ‘стол’, буквально ‘четырёхногий’, *тра-* < *k^ht(u)g-; греч. *τρυ-φάλεια* ‘шлем’, буквально ‘с четырьмя ободками’, *τρυ-* < *k^htru-) не являются регулярными, но связаны с ослаблением и усечением гласного в быстрой речи в распространенном слове, как в др.-в.-нем. *hiutu* ‘сегодня’ < *hiu-taγu. Подобные явления в различных языках исследованы В. Манчаком (Mańczak 1980; Mańczak 1987).

Начальный кластер *p^hk-:

1) *p^hku-, нулевая ступень от и.-е. *peku- ‘скот’: др.-инд. *kṣu-mān-*, *kṣu-mant-* ‘снабженный кормом (пищей)’, *puru-kṣú-* ‘богатый пищей, щедро одаряющий’, авест. *fšu-yant-* ‘скотовод’, *fšu-šan-* ‘приобретающий (имеющий) скот’ (др.-инд. *kṣu-*, авест. *fšu-* < *p^hku-), греч. *Κύ-κλωψ* ‘циклоп’ (?) < (*p^hku-klops ‘ворующий скот (овец)’) (IEW 1959: 797; ГИ 1984: 152–153).

Древнеиндийский переход *p^hs- > kṣ- обусловлен диссимиляцией (*p ~ p > p – k в *puru-kṣú-* и *p ~ m > k ~ m в *kṣu-mant-*) (EWaia I: 433). Этимология имени *Κύκλωψ* предложена в работе (Thieme 1951: 177–178) и обсуждается Р. Шмидтом, который приходит к выводу, что ее сложно признать убедительной из-за того, что само слово *peku- в греческом не представлено (Schmidt 1967: 168);

2) Греч. *κτεῖς*, род. п. *κτενός* ‘гребень’ (< *pkten-), пашто *žmanj*, фарси *šāna* ‘гребень’ (< *p^hk-en-) наряду с лат. *pecten* ‘гребень’ (IEW 1959: 797; ГИ 1984: 153; Beekes 2010: 790).

Начальный кластер $*pk^u$:-

$*rek^u$ - ‘доверять, нравиться’, полная ступень: др.-инд. *pāka* ‘добродушный’, греч. *πέπων* ‘мягкий, нежный, кроткий’, тох. В. *paktär* ‘доверяет’; нулевая ступень: *pkwäntär* 3 множ. ‘доверяют’ (< пратох. $*pək^u$ - или $*rekw$ -) (LIV 2001: 469; Kümmel: $*rek^u$ -2).

Тохарский начальный кластер является инновацией, потому что в пратохарском, как и в праславянском, образуются новые нулевые ступени путем вставления редуцированных гласных (ср. праслав. $*godь$ ‘год, время’ – $*žьdati$ ‘ждать’).

Начальный кластер $*pt$:

1) Формы, в которых засвидетельствована нулевая ступень корня $*pet$ -⁵ ‘летать; падать’:

Греч. *πτήσις* ‘полет’ (< $*pt-eH_2-ti$?);

Греч. *πτερόν*, *πτέρυξ* ‘крыло’, арм. *ḫir* ‘полет’ (< $*ptēr$ -) при хетт. *pattar* (< $*pot-g$ -), др.-инд. *pātra*- ‘крыло’, лат. *penna* ‘перо’ (< $*pet-n$ -) и др.-в.-нем. *fedara* ‘перо’;

Греч. *πτωτός* ‘падающий’ (< $*pt-oH-tó$ - ?), авест. *tāta*- (< $*ptāta$ -) ‘падающий (о дожде)’ (IEW 1959: 825–826; LIV 477–479).

Особо стоит отметить хеттскую форму *piddāi* ‘бежит, летит’, которую Д. Адамс возводит к $*ptóH_1e$ - (MA 1997: 191), а А. Клухорст читает как *pattāi* < $*pt(H)-o_i$ /i (Kloekhorst 2008: 655–657). Скорее всего, она соответствует греч. *πί-πτω* ‘падать’ (Kümmel: $*pet$ -), потому что обе предыдущие реконструкции не находят непосредственного соответствия в других языках.

2) $*pteH_2k$ - ‘робеть (?)’: греч. *πτήσσω* ‘припадать к земле; прятаться, бояться’, арм. *ḫakčim* ‘прятаться’, лат. *taceō*, *-ēre*, гот. *bahan* ‘молчать’ (Clackson 1994: 169–170; LIV 2001: 495).

Данное сравнение кажется семантически и формально привлекательным, но О. Хакштайн показал, что греч. *πτήσσω* необходимо сравнивать с тох. *pyāk*- ‘бить’ и возводить к $*r̥ieH_2-k$ - (Hackstein 1992; Kümmel: $*r̥ieH_2$ -). В таком случае, даже если латинские и германские формы связаны с армянской, отпадает потребность реконструировать начальный кластер $*pt$ -.

⁵ Когнаты, принадлежащие к данному корню, разделены «Словаре индоевропейских глаголов» на две словарных статьи: $*petH_1$ - (греч. *πί-πτω* ‘падать’) и $*petH_2$ - (греч. *πέτομαι*, аор. *ἔπτато* ‘летать’) (LIV 2001: 477–479). Тем не менее, в «Addenda und Corrigenda zu LIV» М. Кюммель переходит к реконструкции $*pet$ - (Kümmel: $*pet$ -).

3) В авестийском на синхронном уровне существуют начальные кластеры *pt-* и *fðr-* [fθr] (< *ptr-) в различных формах и.-е. рН₂ter ‘отец’. В Гатах засвидетельствованы формы им. п. *ptā* (один раз *tā*) и дат. п. *fəðrōi* /fθrai/ (Beekes 1988: 86), а также *tūrya-* ‘дядя по отцу’ (< *ptərya-, ср. др.-инд. *pitṛvya-* ‘то же’) (Hoffmann-Forssman 1996: 94).

4) Существует мнение, что начальные кластеры *pt- и *ptr- существовали и в праславянском, а затем перешли соответственно в *st- и *str-: праслав. *strъjъ ‘дядя по матери’ < *ptruvya-, ср. лат. *patruus*; *pa-storъkъ ‘приемный ребенок’ < *pō-p(ə)tor-; *jastreбъ ‘ястреб’ < *jasъ-strēbъ < *ōku-ptro- ‘быстро летящий’; др.-рус. *Стрибогъ* < *ptrei + *bogъ (Vey 1931; Vey 1953; Pohl 1980). Все предложенные этимологии не могут быть приняты. Как показал Ф. Кортландт, слово *strъjъ не может быть отделено от лит. *strūjus* ‘дядя’, др.-ирл. *sruith* ‘старый’, а *pastorъkъ – от лит. *pāstaras* ‘последний’, а *Стрибогъ* – образование, скорее всего, параллельное *Дажьдъбогъ* и восходящее к *Strъzi-bogъ ‘Сторожи-бог’ (Kortlandt 1982: 26). Праслав. *jastreбъ можно возводить также к *Hōk-ro- (le Feuvre 2011: 29). Соответственно, мнение о наличии славянского начального *pt > (*pst-) > *st- не подтверждается.

Начальный кластер *tp-:

1) *tpersneH₂ ‘пята’: др.-инд. *pārṣṇī*, авест. *pāšna-*, греч. πτέρνα, гот. *faīrznā* ‘пята’; лат. *perna* ‘верхняя часть бедра, окорок’, хетт. *parsna-* ‘верхняя часть бедра’, тох. В *porsnai-* ‘пята, лодыжка’ (MA 1997: 265).

Слово однозначно относится к праязыку. В статье, посвященной данной лексеме, А. Лубоцкий предложил реконструкцию *pdsper(H)-sn-eH₂-, где pd- – нулевая ступень корня *red- ‘нога’, а *(s)per(H)- – корень, от которого происходит ст.-слав. *перж*, *пърати* ‘топтать, давить’ (Lubotsky 2006: 1009). На наш взгляд, подобная реконструкция невероятна, потому что корень *red- встречается в нулевой ступени только в поздних греческих и индоиранских образованиях, и то не в начале слова (авест. *fra-bda-* ‘передняя нога’; греч. ἐπί-βδα ‘послепраздничный день’) (ГИ 1984: 155); также трудно представить четырехсложный кластер в праязыке. Можно предположить, что сложение выглядело как *red-per-sn-eH₂ и существовало только в греческом и,

вероятно, в индоиранском⁶ (при этом и.-е. *persneH₂ само по себе уже значило ‘пята’), и перешло в *tpeṇā из-за гаплогонии с последующей метатезой в греческом и отпадением начального *t- в индоиранской ветви. Также не исключено, что начальный кластер в греческом – инновация, возможно, под влиянием других слов (Furnée 1972: 314).

2) *tres- ‘очищать от шелухи, веять, молотить’: др.-инд. *pī-ná-ṣṭi* ‘молотит’, авест. *pišant-* ‘молотящий’, лат. *pīnsō, -ere* ‘толочь, молоть’, лит. *paĩsyti* ‘молотить; обдирать от шелухи’, ст.-слав. *пѣхаж, пѣхати* ‘бить, толкать’ (МА 1997: 581).

В данном случае греческий начальный кластер является инновацией и мог иметь экспрессивную окраску. Ведийская метрика указывает на то, что в слове *pīnáṣṭi* не было начального кластера (Gunnarsson 1971: 68).

Исследование показывает, что начальные кластеры структуры *PP- могут быть реконструированы исключительно на материале древнегреческого, армянского, фригийского и индоиранских языков. Данный факт ставит перед важным вопросом: являются ли данные кластеры в рассматриваемом диалектном ареале архаизмом или инновацией?

Возможными аргументами в пользу их архаической природы могли бы служить такие:

1) В рассматриваемых языках (кроме армянского) рефлексy кластеров структуры *B^hB^h- также отражаются в виде сочетаний согласных;

2) Кластеры структуры *TK- со звонкими придыхательными в рассматриваемых языках показывают параллельное развитие с кластерами *TK-, состоящими из глухих смычных, в древнеиндийском и греческом.

В пользу их инновативной природы, напротив, свидетельствуют следующие факты:

1) Надежные этимологические соответствия соответствия начальным кластерам *tk-, *tḱ-, *pt-, (*tp-) и *pḱ- в греко-армяно-индоиранском (и фригийском), не засвидетельствованы, в то время как они хорошо сохраняются в других индоевропейских языках в случае с кластерами структуры *B^hB^h-;

⁶ Й. Гуннарссон указывает одно место из Атхарваведы, где краткий слог, предшествующий слову *pārṣṇī*, должен читаться долго (Gunnarsson 1971: 68).

2) Лексемы с рассматриваемыми кластерами часто выглядят как новообразования. Мы уже отмечали, что (*t^hkiH(i)no- ‘хищная птица’) – ареальная изоглосса. Греч. πτερόν ‘крыло’ выглядит как производное от архаичного гетероклитического имени *pót-ŋ / pet-n- (хетт. *pattar*, лат. *penna*), деривация могла быть следующей:

*pót-ŋ / -n- > *pt-er-ó- (adj.) > *pt-er-ó-^m (subst.) (Николаев 2010: 39);

Нам представляется, что последние аргументы ощутимо сильнее. Соответственно, начальные кластеры *tk-, *t^hk-, *pt-, (*tp-) и *p^hk- не могут быть реконструированы на праязыковой уровень, как это делается во всех современных работах по индоевропеистике, в том числе (МА 1997; LIV 2001; Byrd 2010: 164), а должны считаться греко-фригийско-армяно-индоиранской инновацией. Интересно отметить, что именно в этом диалектном ареале употребляется аугмент, хотя невозможно с уверенностью утверждать, является ли он архаизмом или инновацией (Martirosyan 2013: 90), хотя второе кажется более логичным ввиду абсолютного отсутствия каких-либо следов этого явления в других индоевропейских языках.

Как же подобное заключение согласуется с параллельным существованием начальных кластеров типа *B^hB^h? Существует интересная закономерность: в ауслауте кластеры *B^hB^h- принципиально невозможны (как и одиночный звонкий придыхательный), при этом группы *pt- и *Kt- допускаются (Byrd 2010). Возможно, действовало и обратное правило: в абсолютном начале слова допускались кластеры структуры *B^hB^h- и запрещались кластеры структуры *PP-. Фонологические причины подобного распределения – проблема для последующего изучения.

Литература

ГИ 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I-II. Тбилиси, 1984.

Николаев 2010 – Николаев А. С. Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб., 2010.

Beekes 1988 – Beekes R. S. P. A grammar of Gatha-Avestan. Leiden; NY, 1988.

Beekes 2010 – Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. – Leiden – Boston: Brill, 2010.

Brugmann 1887 – Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen (Einleitung und Lautlehre). 2-e Bearbeitung. Strassburg, 1897.

Byrd 2010 – Byrd A. M. Reconstructing Indo-European Syllabification. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Indo-European Studies. Los-Angeles, 2010.

Clackson 1994 – Clackson J. The Linguistic Relationship Between Armenian and Greek (Publications of the Philological Society, 30). Oxford, UK & Cambridge, USA, 1994.

EWaia I – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I. Heidelberg, 1992.

Feuvre 2011 – le Feuvre C. Gr. τρυγών '1. Turtledove; 2. Stingray (fish)': one word or two words? // SEC. 2011. Vol. 16.

Furnée 1972 – Furnée E. J. Die wichtigste konsonantische Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague; Paris, 1972.

Gunnarsson 1971 – Gunnarsson J. On the Indo-European 'dental spirants' // NTS 1971, Bd. 24.

Hackstein 1992 – Hackstein O. Eine weitere griechisch-tocharische Gleitung: Griechisch πτήξαι und tocharisch B pyäkti // Glotta. 1992. Bd. 70.

Hoffmann-Forssman 1996 – Hoffmann K., Forssman B. Avestische Laut- und Flexionslehre. Innsbruck, 1996.

IEW 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München, 1959.

Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.

Kloekhorst, в печати – Kloekhorst A. Proto-Indo-European "thorn"-clusters, to appear in Historische Sprachforschung.

Kortlandt 1982 – Kortlandt F. IE *pt in Slavic // FLH. 1982. Vol. 3–1.

Kretschmer 1932 – Kretschmer P. χθών // Glotta. 1932. Bd. 20.

Kümmel – Kümmel M. Addenda und Corrigenda zu LIV². <http://www.indogermanistik.uni-jena.de/dokumente/PDF/liv2add.pdf>.

LIV 2001 – Lexikon der indogermanischen Verben. 2 Aufl. Unter Leitung von Helmut Rix. Wiesbaden, 2001.

Lubotsky 1997 – Lubotsky A. New Phrygian inscription No. 48: palaeographic and linguistic comments // Gusmani, R., Salvini, M., Vannicelli, P. (Eds.). Frigi e Frigio. Atti del 1 Simposio Internazionale. Roma, 1997.

Lubotsky 2006 – Lubotsky A. Indo-European 'heel' // Studi linguistic in onore di Roberto Gusmani, a cura di R. Bombi, G. Cifoletti, F. Fusco, L. Innocente, V. Orioles. Alessandria, 2006.

MA 1997 – Mallory J. P., Adams D. Q. (ed.) Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.

Mańczak 1980 – Mańczak W. Irregular sound change due to frequency in Latin. Language Sciences. 1980. Vol. 2–1.

Mańczak 1987 – Mańczak W. Frequenzbedingter unregelmässiger Lautwandel in den germanischen Sprachen. Wrocław, 1987.

Martirosyan 2013 – Martirosyan H. The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian // Вопросы языкового родства. 2013, т. 10.

Pohl 1980 – Pohl H. D. Slavisch st aus älterem pt? // Die Sprache. 1980. Bd. 26.

Sihler 1995 – Sihler A. L. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. NY; Oxford, 1995.

Schindler 1967 – Schindler J. Das idg. Wort für ‘Erde’ und die dentalen Spiranten // *Die Sprache*. 1967. Bd. 13.

Schindler 1977 – Schindler J. A thorny problem // *Die Sprache*. 1977. Bd. 23.

Schmitt 1967 – Schmitt R. *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden, 1967.

Steer 2013 – Steer T. Uridg. *dh(e)ǵʰōm ‘Erde’ und *ǵʰ(e)jōm ‘Winter’. Eine kurze Revision der Stammbildung // *IF* 2013, Bd. 118.

Szemerényi 1962 – Szemerényi O. Principles of etymological research in the Indo-European languages // II. Fachtagung für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 10–15. Oktober 1961. Innsbruck, 1962

Thieme 1951 – Thieme P. Etymologische Vexierbilder // *KZ*. 1951. Bd. 69.

Vaan 2008 – Vaan de M. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden; Boston, 2008.

Vey 1931 – Vey M. Slave st- provenant d’i.-e. *pt- // *BSL*. 1931. T. 32.

Vey 1953 – Vey M. Le nom de l’«autour» en slave // *BSL*. 1953. T. 49.

Woodhouse 2008 – Woodhouse R. Old Phrygian kcianaveyos. *SEC* 2008. Vol. 13.

A. A. Trofimov. Initial clusters consisting of two voiceless stops: PIE heritage or dialectal innovation?

In this paper we examine PIE initial clusters with structure *PP- (P – any voiceless stop, *p, *t, *k/ *kʰ/ *kʷ). First, our attention was drawn to the fact that all reliable cases of initial “thorn-clusters” are found only in Greek, Armenian, Indo-Iranian and perhaps Phrygian.

*tkej- ‘to settle, to live’: Old Indic *kṣéti* ‘lives’, Avestan *šaēti* ‘lives’, Greek κτίζω ‘to settle’, Armenian *šen* ‘village’, Phrygian kcianaveyos ‘of a settler, of settlers’;

*tkej- (*tkeH₁j-) ‘to rule; to possess’: Old Indic *kṣáyati*, Avestan *xšayeiti* ‘rules’, Greek κτάομαι, Ionic κτέομαι ‘to acquire; to possess’;

*tken- (or *tken-?) ‘to strike, to hurt, to destroy’: Old Indic *kṣanóti* ‘hurts, injures, wounds’, Avestan *axšata-* ‘invulnerable’, Greek κτείνω ‘to kill’;

*tkīno- (*tkiH(i)no-) ‘bird of prey’: Old Indic *śyena-*, Avestan *saēna-* ‘eagle, hawk’ (< *tkieHino-); Armenian *c’in* (probably, c’ < *ky- < tkj-), Greek ικτίς ‘kite’ (Schindler 1967: 198).

This observation inclined us to study all other possible PIE PP-clusters. We can conclude that there are the following reliable cases:

*kʷk-: The zero-grade * of *kʷek- ‘to see’ in Avestan *xsaī* [xsaai] 1 sg. subj. aor ‘I shall look’;

*pku-: The zero-grade of *péku ‘cattle’: Old Indic *kṣu-mān-*, *kṣu-mant-* ‘having food’, Avestan *fšu-yant-* ‘cattle-breeder’, maybe Greek Κύ-κλωψ ‘Cyclops’ < (*pku-klops ‘cattle-stealer’);

Greek κτεῖς, κτενός ‘comb’ (< *πκτεν-), Pashto *žmanj*, Modern Persian *šāna* ‘comb’ (< *pK-en-), but Latin *pecten* ‘comb’;

Zero-grades of the root *pet- 'to fall; to fly': Greek πτήσις 'flight' (< *pt-eH₂-ti?); Greek πτερόν, πτέρυξ 'wing', Armenian *fir* 'flight' (< *ptēr-); Greek πτωτός 'falling' (< *pt-oH-tó- ?), Avestan *tāta-* (< *ptāta-) 'falling (rain)'.

It is possible to conclude that initial clusters with structure *PP- represent an important Greek-Phrygian-Armenian-Aryan dialectal isogloss.

Some facts can serve as evidence in favor of an innovation:

- 1) There are no valid cognates in other languages;
- 2) Many words of the list look like new formations.

Keywords: initial clusters, thorn-clusters, dialectal area, innovation, archaism, isogloss.

М. С. Трофимук

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МИШАНИЧ И РАЗВИТИЕ НЕОЛАТИНИСТИКИ В УКРАИНЕ

В статье рассмотрена роль члена-корреспондента АН Украины, доктора филологических наук профессора Алексея Васильевича Мишанича в становлении неолатинистических исследований в Украине и реализация его идей в деятельности Львовского Института неолатинистики.

Ключевые слова: Алексей Мишанич, новолатинские исследования, отдел Древней украинской литературы Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, барокко, Институт неолатинистики, «Латинко-украинский словарь».

Алексей Васильевич Мишанич, член-корреспондент Академии наук Украины, доктор филологических наук, профессор, в течении 1985–2003 гг. был заведующим отделом Древней украинской литературы Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. В статье рассматривается вклад Алексея Мишанича в становление неолатинистики в Украине.

1 января 1979 г. было возобновлена деятельность отдела Древней украинской литературы Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины (тогда – АН УРСР) после закрытия в 1963 г. Одной из главных тем того времени стало обращение «ad fontes», в частности, новолатинистические исследования стали приоритетным направлением для ученых и переводчиков. Главным источником кадров был Львовский университет, где на факультете иностранных языков функционировала кафедра классической филологии. Ее выпускники после завершения университетского курса проходили обучение в аспирантуре по специальностям литературоведение, философия, история. Таким образом в Украине образовалась среда для полноценных исследований интердисциплинарного характера.

Руководитель отдела Алексей Мишанич не только настаивал на необходимости подготовки кадрового потенциала неолатинистов, давая возможность выпускникам классической филологии повысить и расширить свою квалификацию в аспирантуре при отделе Древней украинской литературы, но и сам активно участвовал в издательском процессе в качестве ответственного

редактора и рецензента изданий, а также вдохновлял научных сотрудников и переводчиков на поиск, перевод, комментирование и анализ латиноязычных произведений.

За время его руководства в Институте литературы успешно защитили диссертации аспиранты отдела: Мирослав Трофимук («Роль античной литературы в курсах словесности Киево-Могилянской академии», 1990), Ольга Савчук (Цыганок) («Творчество Павла Русына из Кросно и некоторые вопросы рецепции латинской традиции в украинской поэзии XVI–XVIII вв.», 1994) и Александра Трофимук («Литературное наследие Филиппа Орлика доэмиграционного периода (1672–1714)», 1996). Научным руководителем всех этих работ был Алексей Васильевич Мишанич.

Под руководством Алексея Мишанича отдел Древней украинской литературы Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины подготовил к изданию сборники научных работ: «Литературное наследие Киевской Руси и украинская литература XVI–XVIII вв.» (Мишанич 1981), «Украинская литература XVI–XVIII вв. и другие словянские литературы» (Мишанич 1984), «Украинское литературное барокко» (1987), «Письменность Киевской Руси и становление украинской литературы» (Крекотень 1988), «Европейское Возрождение и украинская литература XIV–XVIII в.» (Мишанич 1993), а также большой массив материалов для Украинской литературной энциклопедии. Ответственным редактором этих сборников был Алексей Васильевич Мишанич.

Как свидетельствует сам Алексей Мишанич в статье «Древняя украинская литература (XI–XVIII в.)», которая была написана с целью осмыслить деятельность украинских медиевистов в контексте 75-летней истории существования Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, «О серийности изданий вопрос не ставился... Инициаторы (А. Мишанич и В. Крекотень) решили выпускать тематические сборники. Так с 1981 по 1993 г. было опубликовано шесть сборников по 20–25 листов каждый...» (Мишанич 2003: 66.)

В этих изданиях помещены исследования по новолатинской литературе Украины, а также публикации переводов латиноязычных произведений. Так, в сборнике «Литературное наследие Киевской Руси и украинская литература XVI–XVIII вв.» Владимир Крекотень в соавторстве с латинистами Виталием Маслоком и Владимиром Литвиновым опубликовал текст

Киевской поэтики 1637 г. – первого известного на сегодня курса Киево-Могилянской академии (Крекотень 1981: 118–154). Дмитрий Наливайко в статье «Киевские поэтики XVII – начала XVIII вв. в контексте европейского литературного процесса» анализирует содержание и стилистические особенности курсов теории поэзии и обобщает их роль и значение для развития теории литературы в Украине (Наливайко 1981: 155–195). Другая статья того же автора «Станислав Ореховский – украинский латиноязычный писатель Возрождения», помещенная в сборнике «Украинская литература XVI–XVIII в. и другие славянские литературы», написана с привлечением богатого теоретического опыта немецких, польских и украинских исследователей XIX–XX вв. В статье рассмотрены главные тенденции развития латиноязычного литературного процесса в Украине в XVI в. на основании анализа творческого наследия Павла Русына из Кросно и Станислава Ореховского, а также сделана попытка проанализировать структуру жанровой системы латиноязычных прозаических произведений эпохи Ренессанса (Наливайко 1984).

В сборнике «Европейское возрождение и украинская литература XVI–XVIII вв.» (Мишанич 1993) помещена статья канадской исследовательницы Наталии Пылыпюк «Киевские поэтики и ренессансные теории искусства» и Ольги Савчук «Поэт-гуманист Павло Русын из Кросно», где автор делает попытку синтезировать опыт украинских и польских литературоведов.

Практика публикации тематических литературоведческих сборников нашла свое продолжение в совместном проекте Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины и Одесского университета, который инициировал Алексей Мишанич: «Медиевистика: сборник научных статей» (5 выпусков). Алексей Мишанич выполнял в этом проекте функции ответственного редактора. В первом выпуске этого сборника напечатаны статьи Ольги Цыганок «Музы-путешественницы, или путями Аполлона (из истории литературной топики)» и Мирослава Трофимука «Еще раз о неполноте украинской культуры: перспективы неолатинистики в Украине».

Члены отдела Древней украинской литературы Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины Василий Микитась и Владимир Крекотень под руководством заведующего отделом Алексея Мишанича образовали авторскую группу, ответственную за написание раздела об истории литературы XI–XVIII в. в «Истории украинской литературы» в двух томах,

которая была опубликована 1987 г. Здесь впервые собраны материалы о латиноязычной и польскоязычной ветвях литературы Украины первой пол. XVI – первой пол. XVIII в., приведен перечень латиноязычных авторов и проанализирована специфика стиля Барокко.

Кроме того, упомянутые авторы под руководством Алексея Мишанича подготовили три тома в рамках мегапроекта «Библиотека украинской литературы» (БУЛ). Это «Украинская литература XIV–XVI в.» (ответственный редактор и автор вступительной статьи В. Л. Микитась), «Украинская литература XVII в.» (ответственный редактор и автор вступительной статьи В. И. Кречотень) и «Украинская литература XVIII в.» (ответственный редактор и автор вступительной статьи А. В. Мишанич). Три тома этой научно-популярной серии, которая претендовала на канонотворческую роль, изданные тиражом около 150 тыс. экземпляров каждый, ввели в украинский культурный контекст около тридцати авторов латино- и польскоязычных произведений и высветили полувековой процесс переводов и исследования многоязычного литературного процесса литературы Украины XV–XVIII вв.

Вышеупомянутые исследования латиноязычного литературного наследия в XX в. (начиная с 1950 г. – времени первой послевоенной публикации перевода поэмы Себастьяна Фабиана Кленовича «Роксолания» Михаилом Билыком, доцентом Львовского университета) имели несколько аспектов. В первую очередь это касается тематических антологий, где публиковались переводы и соответствующий критический аппарат. Эти антологии побуждали переводчиков и литературоведов к поиску забытых произведений. Было несколько типов этих изданий; материал в них группировался по различным принципам: хронологическим или тематическим. В деле публикации антологий «Аполлонова лютня», «Марсово поле» (батальная лирика), «Песни Купидона» (любовная лирика), а также в двух книгах из серии «Библиотека поэта» – «Украинская поэзия XVI в.» и «Украинская поэзия XVII в.» А. Мишанич сыграл активную роль. Он был и рецензентом, и ответственным редактором, и автором предисловий. Материал, который публиковался в этих изданиях, вошел в состав первого тома Антологии украинской поэзии в 6 томах, который был опубликован 1984 г. Эта антология, предназначенная как для специалистов, так и для самого

широкого круга читателей, демонстрировала жанровое и стилистическое разнообразие многоязычной литературы барокко.

Так, на протяжении второй половины XX в. были найдены и переведены с латинского языка десятки неизвестных ранее произведений разных авторов, которые писали на латинском, украинском и польских языках. На основании этого материала значительно расширилась тематическая и жанровая палитра литературных произведений XVI–XVIII в., а перечень авторы значительно увеличился.

Непосредственным продолжением организаторской и научной деятельности Алексея Мишанича стала деятельность Института неолатинистики, основанного в 1995 г. во Львове. Филологи-классики Мирослав Трофимук и Александра Трофимук, ученики и воспитанники А. В. Мишанича, разработали концепцию развития дисциплины неолатинистики, которая включала лексикографический, переводческий и историко-литературный аспекты работы. К счастью, некоторое время удавалось находить финансирование из различных источников. Было начато организацию лексикографической информации в компьютерных базах данных; результатом этой работы стала публикация «Латинско-украинского словаря» (2001, 2012). Были также подготовлены издания литературного наследия Филиппа Орлика, в частности, его поэм, политических манифестов и писем. Также в рамках этого проекта было опубликовано около двух сотен статей, переводов поэтических и прозаических текстов. К сожалению, Институт неолатинистики прекратил свое существование почти одновременно с кончиной Алексея Васильевича Мишанича: выдающийся медиевист скончался 1 января 2003 г., а Институт неолатинистики был окончательно закрыт 2004 г.

Учитывая подготовку квалифицированных специалистов, которые составляют стержень новолатинских исследований, апробацию различных методик исследования, а также весь опубликованный материал, – трудно переоценить заслуги Алексея Мишанича в деле основания дисциплины неолатинистики в Украине.

Литература

Мишанич 1993 – Європейське Відродження та українська література XIV–XVIII ст. / відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1993.

Крекотень 1981 – Крекотень В. І. Київська поезія 1637 року // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. Київ, 1981. С. 118–154.

Мишанич 1981 – Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. / відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1981.

Мишанич 2003 – Мишанич О. В. Давня українська література (XI–XVIII ст.) // Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України (1926–2001): Сторінки історії / за ред. О. В. Мишанича, Київ 2003, с. 51.

Наливайко 1981 – Наливайко Д. С. Київські поетики XVII – початку XVIII ст. в контексті Європейського літературного процесу // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI – XVIII ст., відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1981. С. 155–195.

Наливайко 1984 – Наливайко Д. С. Станіслав Оріховський як український латиномовний письменник Відродження // Українська література XVI–XVIII ст. та інші слов'янські літератури / за ред. О. В. Мишанича. Київ 1984. С. 161–185.

Пилип'юк 1993 – Пилип'юк Н. Київські поетики і ренесансні теорії мистецтва // Європейське Відродження та українська література XIV–XVIII ст. / за ред. О. В. Мишанича, Київ 1993. С. 75–109.

Крекотень 1988 – Писемність Київської Русі і становлення української літератури / відп. ред. В. І. Крекотень. Київ, 1988.

Савчук 1993 – Савчук О. Поет-гуманіст Павло Русин з Кросна. // Європейське Відродження та українська література XIV–XVIII ст. / за ред. О. В. Мишанича, Київ, 1993. С. 126–150.

Савчук 1998 – Савчук О. Музи-мандрівниці, або шляхами Аполлона (з історії літературної топіки) // Медієвістика. Випуск І. Одеса: Астропринт, 1998.

Трофимук 1998 – Трофимук М. Ще раз про неповноту української культури або ж перспективи неолатиністики в Україні // Медієвістика. Випуск І. Одеса: Астропринт, 1998.

Трофимук 2012 – Трофимук М. С. Латинсько-український словник [Текст] / Трофимук М. С., Трофимук О. П., Трофимук М. М. Львів: СПОЛОМ, 2012.

Мишанич 1984 – Українська література XVI–XVIII ст. та інші слов'янські літератури / відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1984.

Українська Літературна Енциклопедія: В 5 т. / за ред. І. О. Дзеверіна. Т. 1–2. Київ, 1988–1990.

Українське літературне барокко / відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1984.

Українська поезія XVI століття. Київ 1987.

Українська поезія XVII століття (перша половина). Київ 1987.

M. S. Trofimuk. Oleksa Myshanych and Neo-Latin studies in Ukraine

The article presents bibliographic and historical information about the role Oleksa Myshanych played in creation of Neo-Latin studies in Ukraine and about the realization of his ideas at the Institute of Neo-Latin studies in Lviv at the end of the XX and at the beginning of the XXI centuries.

Keywords: Oleksa Myshanych, Neo-Latin studies, department of Old Ukrainian literature, Baroque, Institute of Neo-Latin studies, Latin-Ukrainian dictionary.

ГЕКСАМЕТР АСТРОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ МАНЕФОНА

Позднеантичная астрологическая поэма Манефона обладает рядом формальных особенностей, которые отличают ее от остальных греческих гексаметрических произведений, написанных в императорское время. Доля спондеев, средняя длина слова, частотность элизий, а также распределение срединных цезур в этом произведении таковы же, как в поэмах Гомера и Гесиода, вопреки тенденциям жанра и эпохи.

Ключевые слова: метрика, греческий гексаметр, Манефон, статистический анализ.

В рукописи XI в. Cod. Laug. XXVIII 27 сохранились позднеантичные астрологические сочинения: Περί καταρχῶν Максима и Αποτελέσματα Манефона¹. Оба этих произведения созданы не ранее II в. н. э., но и не позднее времени Нонна Панополитанского (Kroll 1928, Kroll 1930)²; эту эпоху можно назвать закатом греческого гексаметра или временем поиска оптимального соответствия между традиционной формой эпического стиха и меняющимся греческим языком. В итоге метрическая реформа Нонна завершила тенденции, начавшиеся еще в эллинистическую эпоху. В различных отношениях вариативность, гибкость нового гексаметра снижается, и стихи Нонна иногда называют «крайне монотонными» (Sicking 1993: 82). Не таков гексаметр поэмы Манефона.

¹ Данное научное исследование (№ проекта 14-01-0192) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

² Основная часть поэмы Манефона (книги II, III и VI) датируется интервалом от начала II до начала III в. н. э.; именно об этих трех книгах я и буду далее говорить как о произведении этого автора; текст Псевдо-Манефона рассматриваться не будет. Дж. Д. Рид, справедливо сомневаясь подлинности имени «Манефон» по отношению к кому-либо из авторов сборника, датирует его составление в дошедшем до нас виде примерно 400 г. (Reed 1997: 91). Т. Бартон вообще воздерживается от собственных суждений о датировке, хотя и цитирует (возможно, фиктивный) автогороскоп, согласно которому Манефон родился 27/28 мая 80 н. э. (Barton 1994: 58). Датировать текст Максима еще труднее.

Начну с методологического уточнения. Едва ли возможно обсуждать вопрос о том, какие метрические эксперименты были сознательными, а какие – неосознанными, но можно утверждать, что многие особенности поздних гекзаметрических поэм не случайны. Приведу в качестве примера снятие запрета на словораздел после четвертого трохея в поэме Κυνηγετικά Оппиана из Апамеи. Некоторые греческие авторы никогда не нарушают мост Германна, другие делают это редко, однако тенденция не допускать такого словораздела явно присутствует. Один только Оппиан из Апамеи не избегает границы слов между короткими слогами четвертого дактиля (Файер 2001: 138–140); объяснять это можно недостаточной связью Оппиана с греческой поэтической традицией или экспериментами с метрикой, но не случайностью. Данная особенность поэмы Κυνηγετικά должна рассматриваться в комплексе с другими, например, с тем фактом, что Оппиан из Апамеи трижды допускает стих с четырьмя спондеями. Запрет на такие стихи с одним дактилем наложил еще Каллимах, и эта закономерность в целом соблюдается в произведениях более поздних эпох, кроме орфических гимнов и упомянутой поэмы Ἀποτελέσματα.

В целом у Манефона больше спондеев, чем в любом из позднеантичных гекзаметрических произведений. Доля двусложных стоп у Гомера и Гесиода колеблется около 26% (однако в «Работах и днях» спондеев 29%), у Аполлония, Каллимаха и Никандра снижается до 22–23%, а у Нонна – до 15–16%. Процент спондеев у позднеантичных авторов различен: одни следуют Каллимаху, другие – Гомеру, а Квинт Смирнский пользуется дактилями почти так же часто как поэт из Панополя. Однако у Манефона двусложных стоп больше, чем у любого из рассмотренных мною авторов³: почти 32%. Эта уникальная для греческого гекzamетра спондеичность – весьма заметное явление, влиявшее на восприятие текста при рецитации.

Любопытно, что схемы dsdss, ssdss, ddsss, sdsss, dssss и sssss у Манефона не встречаются ни разу; доля спондеев в пятой стопе ниже 5%, то есть меньше, чем у большинства позднеантичных поэтов. Повышение спондеичности у Манефона достигается за счет большой частотности стихов с двусложными

³ Кроме упомянутых выше авторов я учитывал гомеровы гимны, гекзаметрические произведения Арата, Феокрита, Мосха, Дионисия Перигета, обоих Оппианов, Трифиодора, Квинта Смирнского, Коллуфа, а также орфические гимны, «Аргонавтику» и «Литику».

третьей и четвертой стопами. Эту особенность также можно причислить к заметным метрическим новшествам.

Таблица 1. Доля спондеев в гекзаметрах позднеантичных поэтов⁴.

	Всего	В 1 стопе	Во 2 стопе	В 3 стопе	В 4 стопе	В 5 стопе
Оппиан из Аназарба	25,2	38,0	48,0	9,9	22,1	7,9
Оппиан из Апамеи	23,2	31,7	36,9	13,8	22,2	11,1
Дионисий Перизетт	24,9	40,2	41,0	12,1	20,7	10,4
Манефон	31,6	41,4	44,9	27,8	39,5	4,2
Максим	26,4	34,9	45,5	11,9	27,9	11,9
Трифидор	20,6	27,6	40,1	3,5	26,8	5,1
Квинт Смирнский	16,9	27,2	30,7	5,5	14,1	6,8
Нонн (Дион.)	14,9	14,0	30,2	2,9	27,4	0,0

Другая особенность поэмы Манефона, которая также отсылает к первоначальному этапу греческого гекзаметра, – высокая частотность элизий. Манефон – единственный автор, кроме Гомера, у кого на 100 стихов встречается в среднем почти 70 элизий. У эллинистических поэтов это явление встречается в среднем однажды на два стиха, у более поздних становится еще более редким.

Таблица 2. Элизии у позднеантичных гекзаметрических поэтов⁵.

	Кол-во строк	Кол-во элизий	Элизий / строк
Оппиан из Аназарба	3506	1703	48,6
Оппиан из Апамеи	2144	912	42,5
Дионисий Перизетт	1186	495	41,7
Манефон	1682	1174	69,8
Максим	613	271	44,2
Трифидор	691	204	29,5
Квинт Смирнский	8770	5798	66,1
Нонн (Дион.)	21374	1973	9,2

⁴ Доля спондеев подсчитана в процентах от общего числа стоп. Полужирным выделены наибольшие и наименьшие значения.

⁵ В последнем столбце Таблицы 2 указано отношение количества элизий к количеству стихов в каждом из перечисленных произведений.

В ходе эволюции греческого гекзаметра происходило некоторое увеличение средней длины слова. Слов, которые не составляют слога (прежде всего это δ' и τ'), а также односложных в позднеантичном гекзаметре становится меньше, чем в гомеровском, а длинных форм, наоборот, больше. Однако и здесь Манефон демонстрирует несходство с тенденциями своей эпохи: доля коротких слов у него даже выше, чем у Гомера и Гесиода. Впрочем, в этом отношении поэму Манефона превосходит позднеантичная орфическая «Аргонавтика».

Таблица 3. Длинные и короткие слова в позднеантичном гекзаметре⁶.

Число слогов в слове	0	1	2	3	4 и более
Оппиан из Аназарба	4,1	22,1	29,1	22,9	21,7
Оппиан из Апамеи	4,0	18,6	29,6	24,4	23,4
Дионисий Перизет	3,6	21,6	31,4	21,2	22,2
Манефон	5,4	22,7	31,7	22,8	17,4
Максим	3,6	25,1	27,3	22,1	22,0
Трифидор	3,5	16,9	29,6	23,8	26,2
Квинт Смирнский	4,6	23,3	31,8	19,7	20,6
Нонн (Дион.)	1,0	15,2	30,7	25,6	27,6

Еще один важный метрический аспект гекзаметра – цезура. Тематика данной статьи не позволяет углубляться в проблематику цезуры, хотя, как мне представляется, здесь остается много неразрешенных и даже неразрешимых вопросов⁷. Ограничусь лишь первичными статистическими данными, которые нуждаются в дальнейшей интерпретации, но даже в таком виде достаточно красноречивы.

Общая тенденция такова: в истории греческого гекзаметра цезура после третьего трохея постепенно оттесняет пятиполовинный словораздел. Этот последний у Гомера и в гомеровых гимнах имеется в половине стихов⁸, а граница слова между

⁶ В Таблице 3 указана доля слов с данным количеством слогов в процентах от общего числа слов в произведении.

⁷ Упомяну лишь одну из проблем: какова была фонетическая реализация цезуры и можно ли считать ее паузой? Важное уточнение к этому вопросу дает А. Е. Кузнецов (Кузнецов 2006: 166).

⁸ Проблема членения на слова здесь также не будет обсуждаться. При подсчетах использовались данные современной графики.

краткими третьей стопы проходит в 60% строк⁹. Для эллинистической поэзии характерно соотношение примерно 40% и 70% для словоразделов после долгого и после краткого в третьей стопе соответственно. Позднеантичные тексты в этом отношении весьма разнообразны.

Таблица 4. Словоразделы в третьей стопе в позднеантичном гекзаметре.

	Пятиполо- винный	После третьего трохея
Оппиан из Аназарба	42,1%	76,2%
Оппиан из Апамен	48,3%	62,1%
Дионисий Перизет	46,8%	65,3%
Манефон	59,5%	49,1%
Максим	43,4%	68,4%
Трифидор	26,6%	78,0%
Квинт Смирнский	26,1%	82,3%
Нонн (Дион.)	20,2%	82,7%

Такое распределение частотности словоразделов третьей стопы, которое мы встречаем у Манефона, противоречит тенденциям эволюции гексаметра, но его не назовешь беспрецедентным. Аналогичное распределение встречаем в «Работах и днях» Гесиода (61% и 50%), сходное соотношение наблюдается в «Явлениях» Арата (57% и 55%).

Итак, мы рассмотрели четыре формальных параметра позднеантичного гексаметра, каждый из которых достаточно заметен и важен для звучания стиха: долю спондеев, частотность элизий, длину слова и срединную цезуру. Во всех этих четырех отношениях стих Манефона находится в разительном контрасте с тенденциями своей эпохи и напоминает древнейшие известные нам формы эпического стиха (особенно велико сходство с «Работами и днями»). Таким образом, мы имеем дело с тенденцией не менее радикальной, чем в произведениях Нонна Панополитанского, но только с противоположным знаком.

⁹ Здесь и далее (в т.ч. в Таблице 4) проценты считаются от числа строк, где этот словораздел в принципе возможен. Для пятиполовинной цезуры это все строки, для цезуры после третьего трохея — только стихи с дактилем в третьей стопе.

Случай Манефона показывает, что гекзаметр даже много веков спустя после Гомера и Гесиода может вернуться к исходному звучанию. При этом произведения, близкие и по теме, и по эпохе, и по рукописной традиции, каковыми являются поэмы Манефона и Максима, совершенно не обязательно схожи в формальном отношении: Περί καταρχῶν почти во всем представляет собой типичный пример позднеантичного гексаметра, каким он был до реформы Нонна.

В метрических особенностях поэмы можно усмотреть некоторые связи с содержательной стороной. Как пишет о Манефоне М. Ипсиланти, «его работа сравнима с произведением Арата в еще одном отношении: автор *Apotelesmatica* подражает поэту *Phaenomena* в том, что он критически относится к своему образцу, Арату, подобно тому, как сам Арат не во всем доверял в своем изложении Эвдоксу, но иногда отклонялся от его модели, следуя собственным наблюдениям и исследованиям» (Ypsilanti 2006: 98). Если сравнить Манефона с Аратом в метрическом аспекте, то окажется, что гекзаметр «Явлений» во многом близок к гомеровскому. Думаю, что оставаясь в рамках правдоподобного, мы можем сказать, что, взяв за содержательный образец Арата, Манефон (вольно или невольнo) подражал также и особенностям его стихосложения, в некоторых отношениях даже превзойдя эллинистическую поэму при архаизации.

Литература

- Кузнецов 2006 – Кузнецов А. Е. Латинская метрика. Тула, 2006.
Файер 2001 – Файер В. В. Запрещенные словоразделы в греческом гекзаметре: традиция и эволюция // Индоевропейское языкознание и классическая филология-V. СПб., 2001. С. 138–140.
Barton 1994 – Barton T. Ancient Astrology. London, 1994.
Kroll 1928 – Kroll W. Manetho (Astrologe) // RE XXVII. Stuttgart, 1928. S. 1102–1106.
Kroll 1930 – Kroll W. Maximos (44) // RE XXVIII. Stuttgart, 1930. S. 2573–2576.
Reed 1997 – Reed J. D. Pseudo-Manetho and the Influence of Bion of Smyrna // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge, Bd. 140. H. 1. 1997. P. 91–93.
Sicking 1993 – Sicking C. M. J. Griechische Verslehre. München, 1993.
Ypsilanti 2006 – Ypsilanti M. Apotelesmatica 2. (1) 14–140: Sources and Models // Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge, Bd. 149. H. 1. 2006. P. 65–98.

V. V. Fayer. Hexameter of the astrological poem by Manetho

Astrological text Ἀποτελέσματα by Manetho is in many respects untypical for hexametric poetry of the Imperial period. First, it has larger proportion of spondees (31%) than any extant extensive Greek text, although in this period hexametric poetry had strong tendency to use more dactyls. Second, the proportion of shorter and longer words in the poem is very close to that of Homer and in particular Hesiodus unlike Hellenistic and late epic texts. Furthermore, Manetho prefers penthemimeral caesura to word-break κατὰ τρίτον τροχαῖον and often uses elision (almost 70 per 100 verses). These peculiarities are important and evident enough to let us speak of special modeling of Greek hexameter by Manetho as opposed to Nonnian reformation of epic verse.

Keywords: metrics, Greek hexameter, Manetho, statistic analysis.

MISCELLANEA VENETICA¹

Памяти А. А. Королева (1944–1999)

В первой части статьи рассматривается венетская надпись из Словении, недавно изданная Х. Айхнером и Р. Недомой, и предлагаются новые варианты интерпретации слова *nekri.m.p³.l²aj*. Вторая часть исследования посвящена анализу возможных рефлексов и.-е. **meg-* в венетском. К ним, возможно, относятся венетск. *maisterator-* и *magrio.i*, но не *magetlon*. В следующей части исследуется венетск. *vinetikaris* и приводятся дополнительные аргументы в пользу парадигмы его анализа, предложенной А. Просдочими и А. А. Королевым. В заключении приводится ряд соображений по поводу нескольких венетских и псевдо-венетских личных имен.

Ключевые слова: венетский язык, эпиграфика, индоевропеистика, антропонимика.

I. К интерпретации венетской надписи из Града на Река

Несколько недавно найденных венетских надписей с территории современной Словении было опубликовано и проанализировано Х. Айхнером и Р. Недомой в 2009 г. В основном, они представляют собой весьма фрагментарные остатки текстов и практически не дают ничего нового для знания венетского языка, хотя, конечно, несколько увеличивают венетский корпус. Важным исключением в этой связи является надпись на ситутле, обнаруженной в 2001 г. в Граде на Река (близ Идрии). Согласно исследователям (Eichner, Nedoma 2009: 66–71), датируемый IV в. до н. э. текст следует читать как *L²okeno nekri.m.p³.l²aj* и интерпретировать его как сочетание двух антропонимов, первого в номинативе, второго – в дативе. Айхнер и Недома отмечают, что чтение *p* и *l* остается проблематичным; аналогичные случаи известны в венетском корпусе, ср., напр., *Peso vs Leso* в надписи из Эсте (Es 92). Таким образом, существует несколько интерпретаций этих антропонимов.

В первом имени австрийские исследователи видят *L²okeno* или *P²okeno*; при любом чтении этот антропоним обнаружи-

¹ Настоящее исследование выполнено в рамках проекта РГНФ 14-04-00351.

вается впервые в венетском корпусе, и, можно добавить, остается неизвестным в латинской эпиграфике. Айхнер и Недома разумно полагают, что антропоним не является составным, а представляет собой суффиксальное образование от **loko-* или **poko-*. Конечный элемент *-eno*, как отмечают издатели, обнаруживается в трех венетских именах: **Albareno* и **Bialleno* восстанавливаются из соответствующих патронимиков, в то время как женское имя *Vasseno* реально зафиксировано (ср. Es 93 tu.r.kna va.s.seno) и давно сопоставляется с антропонимом *Vasso* (Eichner, Nedoma 2009: 70). Таким образом, в нашем распоряжении, похоже, появляется еще одна венетская форма, относящаяся к *n*-основам, о которых см. MLV: 98-99 и ср. также рассуждения ниже по поводу венетск. *vhilone.i*. Однако в связи с неопределенностью в чтении инлаута этот антропоним остается проблематичным.

Еще большую сложность, Впрочем, представляет интерпретация *nekri.m.p⁷.l²aj*. Айхнер и Недома предлагают видеть в нем композит, первую часть которого они отождествляют с отриц. *ne-*, а вторую – *-krimpla-* – сопоставляют с германским сильным глаголом **hrīnan* ‘касаться’ и приводят в этой связи др.-в.-н. *umpihriran gl. intactus*. Таким образом, имя *Nekrimpla-* интерпретируется как ‘Нетронутая’ (‘Unberührte’ – Eichner, Nedoma 2009: 70). Это этимологическое решение вновь ставит вопрос о германо-венетских лексических параллелях, и в этой связи можно вспомнить венетск. *sselboisselboi* из надписи, обнаруженной в Беллуно (Bl 1), давно и с полным основанием уже сопоставленное с др.-в.-н. *der selselbo*, см. Pelligrini, Prosdocimi 1967: 167–168, ср. Untermann 1980: 287 и de Vaan 2008: 584. Однако, похоже, на этом сопоставлении германо-венетские исключительные изоглоссы и заканчиваются², а в предлагаемом построении может смущать следующий момент. Для того, чтобы объяснить достаточно неожиданное сочетание *-mp-* в этой форме, Айхнер и Недома ссылаются на сосуществование и.-е. корней **ten-* и **temp-* ‘spannen’. В этой связи можно отметить, что общегерманск. глагол **hrīnan* не имеет общепринятой этимологии (так ср. недавно Orel 2003: 187 и см. LIV: 368, где он возводится к и.-е. **kreiH-* и рассматривается как эксклюзивно

² Как отмечает Ю. К. Кузьменко (Кузьменко 2011: 109): «единственной эксклюзивной германо-венетской параллелью оказывается только сходный суффикс *-lb-* при образовании местоимения тождества от индоевропейского местоименной основы **s(v)e-*».

германский глагол), и в этой связи подобное построение может скорее поднимать, чем снимать дальнейшие вопросы касательно предыстории этой формы.

Оценивая остроумность и, в целом, удачность предложенной этимологии венетского имени, следует принять во внимание тот факт, что чтение второй части антропонима вызывает сомнения, и, представляется, что его анализ австрийскими исследователями нельзя рассматривать в качестве конечного. Понятно, что в связи со сложностями чтения текста любая интерпретация не может считаться окончательной, однако по понятным причинам их не следует игнорировать. Так, авторы полагают, что выделение корня **nek-* в этом имени нецелесообразно, однако с этим можно и не согласиться. Антропонимы, связанные с понятием 'смерть', представляют собой отдельную проблему, см. Falileyev 2013: 20-21, где приводится дальнейшая библиография, однако если и.-е. **nek'-* (ср. лат. *nex*) действительно представлен в венетском имени, существует несколько вариантов его анализа. С учетом того, что для венетского считается установленным тенденция к синкопе гласного во втором слоге (MLV: 126), оно может оказаться композитом, однако проблемы чтения финала слова не позволяют его идентификации с какой-либо степенью надежности. Те же проблемы возникают, впрочем, и при анализе антропонима как симплекса, производного от **nek'-r-* (ср. греч. νεκρός и анализ в Vine 2002: 339-340) – при этом следует учитывать и то, что теоретически *nekri.m.p'.l'aj.* может быть и не личным именем – однако, в целом, подобный морфологический анализ выглядит неправдоподобным. Особенно следует отметить в связи с этим группу *-kplo-* в надписи из Эсте (*avrenlexkplo*, Es 116), чтение которой не вызывает сложностей, однако интерпретация продолжает оставаться загадочной – как любезно подтвердила автору профессор А. Маринетти (май 2014 г.), к этому тексту исследователи не обращались с 1967 г. Очевидно, только находки новых надписей с этим кластером могут существенно поспособствовать верной интерпретации рассматриваемого антропонима.

II. О рефлексах и.-е. **meg'-* в венетском.

В недавнем великолепном этимологическом словаре итальянских языков в качестве родственных итал. **magnolā* 'great' < и.-е. **meg'-* (IEW: 708f., NIL: 468f.) приводятся венетские формы *magetlon* 'offering' (?) и *maisteratorbos* [dat.pl.] 'to the

**magisterātors*’ (см. de Vaan 2008: 359). Сопоставление венетск. слова *magetlon* с этим и.-е. корнем мы находим в фундаментальном исследовании М. Лежена (MLV: 169), где сказано: “c’est seulement en vénète (*magetlo.n.*, 245) et en latin (*mactus*) que la racine **m_eg-* ‘grand’ (Pokorny 708) fournit des termes au vocabulaire de l’offrende”, однако см. ниже. Следует отметить, что слово долгое время было известно по единственной надписи, (Gt 3) *ve.n.na tola/r. magetlo.n.*, т.е. *Venna tolar magetlon*. В *Venna* исследователи, вполне оправданно, видят личное имя, а форма *tolar* представляет собой уникальное на сегодняшний день написание известного по целому ряду надписей *toler*, которая рассматривается как глагол, см. IEW: 160, LIV: 622 и великолепный обзор ранней литературы в Pelligrini, Prosdocimi 1967: 175–181, ср. также Prosdocimi 1983: 166 и след. и недавнюю работу Prosdocimi 2011. В точности написания рассматриваемого венетского слова и отсутствие ошибок свидетельствует и граффити из Паннонии SL-05 *magetlon* (Lejeune 1990: 631 и 632), ср. также фрагментарные надписи, напр., SL-06 и SL-07 *ma(getlon)* или SL-09 и SL-10 *mag(etlon)*, Lejeune 1990: 648; амендация принята в Gérard 2001: 52–53.

Эти примеры, впрочем, не способствует установлению значения этого слова, перевод которого остается во многом условным. Как суммировал А. А. Королев (Королев 1977: 125), Лежен «рассматривает это слово не как название материального предмета, а средства, с помощью которого можно вызвать благоприятное вмешательство божества в пользу жертвователя», ср. традиционный в англоязычной литературе перевод ‘offering’. Впрочем, его морфологическая структура понятна – нет сомнения, что перед нами форма винительного падежа единственного числа существительного, образованного с помощью известного и.-е. суффикса **-tlo-*. К этому типу словообразования, хорошо исследованного в рамках индоевропейского языкознания, и прежде всего благодаря трудам Б. Олсен (ср. в этой связи Olsen 2004: 421–422 с дальнейшей библиографией), как отмечают исследователи, относится и венетск. *metlon* (вин. пад.) ‘commemoramentum’ (Es 120 *Alkomno metlon Šikos Enogenes Vilkenis horvionte donasan*, Prosdocimi 1988: 282–284), ср. сравнение с скрт. *māntra* в Lejeune 1972: 186. Эта этимология осторожно принята в de Vaan 2008: 371, однако ср. некоторый скептицизм, выраженный в Prosdocimi 1988: 284. Впрочем, имеется и иные варианты прочтения этого фрагмента: так, Ю. Унтерманн видит

в нем Alkomno Metlonšikos (Untermann 1980: 298–299), в связи с чем см. Prosdocimi 1983: 192 и ср. Marinetti 2009: 371–372. По понятным причинам, обнаруженный в Асоло фрагмент ?]tlo (Marinetti 2004: 404) не поддается однозначной интерпретации.

Судя по словообразованию, мы вправе видеть в *magetlo*-отглагольную форму см. в этой связи классическую работу М. Лежена (Lejeune 1972), в которой осторожно рассматриваются и венетские данные и ср. показательное отсутствие этой модели в обсуждении дериваций и.-е. **meg*'- в NIL: 468–481. Однако определить, от какого глагола венетск. *magetlo*- в действительности образовано, на данный момент нельзя сказать с какой-либо долей уверенности, и существует значительное количество разнообразных мнений в этой связи, см. удачный библиографический обзор ранней литературы в Pelligrini, Prosdocimi 1967: 136–137. Из более современных этимологических решений этой проблемы можно отметить следующие. Как мы видели, согласно М. Лежену, венетское слово восходит к глаголу **mag-ē-* 'augēre', к и.-е. **meg^h-* (с учетом лат. *tactus* 'прославленный'), и это свое мнение – с различной, впрочем, долей уверенности – исследователь выразил во многих публикациях, см., напр., Lejeune 1972: 186, MLV: 336 или Lejeune 1990: 648. Это этимологическое решение принято многими исследователями, ср. Королев 1977: 125 («буквально значит 'увеличение'»). В этой связи следует сразу же отметить, что лат. *tactus* рассматривается по-иному и, скорее всего, не восходит к указанному и.-е. корню, см. de Vaan 2008: 257. Иная этимологическая интерпретация венетского слова была предложена в 90-х годах прошлого века. Венетск. *magetlo*- было сопоставлено с греч. μάσσω и т.д. в работе García Jurado, Jiménez Zamudio 1991, то есть возведено к и.-е. **mag*'- 'streichen, schmieren' (LIV: 421).

По не вполне понятным причинам испанские исследователи не обратили внимание на этимологию этого венетского слова, предложенную А. Просдочими, согласно которому *magetlo*- следует сопоставить с санскр. *magha-* 'Gabe, Geschenk' (Prosdocimi 1988: 324). Представляется, что именно эта этимология может, по крайней мере, конкурировать с анализом, отстаиваемым М. Леженом, если не превосходить его. Индоевропейские же истоки этих слов несколько непонятны, и в этом отношении представляется весьма уместным сослаться на недавний анализ общеиранск. глагола **mag-* 'to offer, worship, glorify (vel sim.)', семантика которого поразительно уместна для анализа венетск.

magetlo-. Глагол представлен в иранском (авест. *mag-* ‘to offer, worship (vel sim.)’, ср. также возможно хотан. *māja-* ‘delightful’, *mājime* ‘payment (for service)’), и сюда же принадлежит санскритское слово, приведенное Просдочими. Эти формы, соответственно, восходят к и.-е. **mag^h-* ‘können’ (LIV: 422), см. Cheung 2007: 254. Таким образом, венетск. *magetlo*- может непротиворечиво возведено к *mag^h-e-tlo-* (о *-e-* см. Vine 1993: 122–125 и ср. Olsen 2004: 421), и, как представляется, отстаиваемое Леженом сопоставление данного слова с и.-е. **meg’-* кажется менее предпочтительным.

Второе из приведенных де Фааном слов, *maisteratorbos*, встречается в нескольких венетских надписях из Ауронцо-ди-Кадопе: *don]om Maisteratorbos Fouva toler, donom Maisteratorbos Ostiś tol[er (?)* и *Turijo Tritijonijos Maisteratorbos*, см. Marinetti 2004: 397–399. Нет сомнений в том, что слово действительно употреблено в форме дательного падежа множественного числа, ср. MLV: 91. К этим свидетельствам были добавлены и монетные легенды, ср., в частности, *MAISTORATOR(---)* и *MAIS/TER*, датируемые первой половиной I в. до н. э., см. Marinetti 2008: 162–163. В слове традиционно видят название божества, хотя имеются иные интерпретации, см. блестящий обзор проблемы в Marinetti 2008: 159–167 с дальнейшей библиографией. Что же касается этимологии этого слова, то согласно А. Маринетти, венетск. *maisterator*- следует анализировать как производное на *-tor-* от глагольной основы *maistera-*, которая, с ее точки зрения, находит точное совпадение в латинском глаголе *magisterare*. Для объяснения “падения” *-g-* в этой слове автор ссылается на написание *mei* вместо ожидаемого *meo* в одной из венетских надписей (Marinetti 2008: 164). Подобное явление мы находим sporadически в соседствующих с венетским кельтских идиомах, см., напр., Falileyev 2013: 54, однако в для венетского оно не описано в основных пособиях по этому языку. Действительно, А. Маринетти ссылается при этом на надпись из Вичентины (*iats venetkens osts ke enogenes laions me_u_fasto*), изданной этой видной исследовательницей в 1999 г. (Marinetti 1999: 401–412), см. также Marinetti 2009: 362–369. Следует, впрочем, отметить, что имеются и иные (хотя и менее привлекательные) возможности интерпретировать *me.u.vhasto* этой надписи, рассмотренные в Marinetti 1999: 403–404, и что «падение» *-g-* в венетском нельзя объяснить sporadически с учетом того, что оно отсутствует во всех (достаточно

многочисленных!) аттестациях слова *maisterator*-. С другой стороны, венетская форма не может не напомнить об умбр. *mestru* ‘больше’ < **ma(g)is-tero-* и других сходных формах в итальянских языках, см. de Vaan 2008: 259 с библиографией и ср. также Rocchetti 1997. В таком случае, могло бы показаться более целесообразным постулирование для прото-венетского такое же развитие кластера **-gy-* как и в итальянских языках (ср. Sihler 1995: 189), однако ср. венетск. *vhugia*, *vhugiia* (MLV: 131, об. этимологиях см. Pelligrini, Prosdocimi 1967: 92), которые, впрочем, можно было бы объяснить – как и в латинском (Sihler 1995: 175–176 и 189) – т. н. законом Зиверса. Как мы видим, таким образом, связь венетск. *maisterator*- с и.-е. **meg’-* несмотря на целый ряд сложностей (учитывая также и то, что его значение является во многом гадательным), остается достаточно привлекательной.

В связи с поиском и анализом возможных продолжений и.-е. **meg’-* в венетском следует обратить некоторое внимание на данные антропонимики. Венетская надпись SL-11³ из некрополя, обнаруженного в 20 км. от венгерского города Печ содержит *magrio.i* (Lejeune 1990: 635). Согласно Лежену, перед нами – оформленный по правилам венетского языка патронимик, и соответствующие личное имя можно сопоставить с лат. *magnus* и, таким образом, видеть в нем производное на *-ro-* от и.-е. **meg’-*. Таким образом, к производным от этого и.-е. корня в редуцированной форме (ср. **mg’-lo-* > ирл. *mál* ‘принц’, **mg’-no-* > лат. *magnus* и т.д., см. NIL: 469-470) Лежен добавляет еще одну, ранее не идентифицированную модель. Очевидно, впрочем, что данные ономастики в исследовании подобного рода можно использовать только весьма осторожно. Конечно, предложенная Леженом этимология выглядит достаточно правдоподобной, однако исследование Vine 2002 показало, что подобные формы могут быть образованы от корней с полной ступенью, что теоретически позволяет и иные подходы для интерпретации этого имени. Далее, номен *Magrius*, безусловно, известен в латинской эпиграфике Европы, ср. имя консула конца III в. *Marcus Magrius Bassus*. Примечательно, однако, что его аттестации в эпиграфике обнаруживаются вдали от венетских территорий. Так, *M(arcus) Magrius Hosidianus* и *M(arcus) Magrius Staphilus* известны по надписи из Хистониума (совр. Ватина в Италии, AE 1976, 189), а в Кампании обнаружена надпись -----] / [---]r Magrae | *M(arcus) Alfius M(arci) l(ibertus) Philemon* (AE

1975, 196). Казалось бы, мы находим сопоставимое *Magrinus* в надписи из *Iulia Concordia* (совр. Конкордия-Саджиттария в регионе Венето, АЕ 1977, 313), что находится на территории, полностью ассоциируемой с венетами. Однако новое чтение этой надписи предлагает Aufidio | magist(r)ato | III k(alendas) April(es) | Id(ibus) Iun(iis), см. Cresci Marrone, Pettendò 2009–2010: 79, и, таким образом, единственный случай аттестации имени в собственно венетских землях оказывается мифом. Более того, следует отметить еще раз, венетские данные из Паннонии не признаются целым рядом исследователей, и в частности – А. Просдочими, см. в этой связи Gérard, 2001: 39–41 и ср. Marinetti 1999: 398.

III. Вокруг венетск. *vinetikaris*.

Венетск. *vinetikaris* известно на сегодняшний день благодаря единственной надписи из Картуры, недалеко от Эсте (*Es 122), впервые изданной А. Просдочими (Prosdocimi 1972). Сама надпись, датируемая концом VI – началом V вв., непротиворечиво читается как ego Fontei Ersinioi *vinetikaris vivoi olialekve murtuvoi atisteit*. Первая часть надписи весьма традиционна для венетского корпуса, «я (есть памятник / камень) X_{dat}». Вторая содержит венетские прилагательные в форме дательного падежа, *vivoi* ‘живой’ и *murtuvoi* ‘мертвый’, оба с бесспорными и.-е. этимологиями. Прилагательные, вероятно, синтаксически соединены с помощью *olialekve*, где *-kve*, несомненно, соответствует лат. *-que*. *Oliale* традиционно сближают этимологически с лат. *olim* ‘тот’, и условный перевод фрагмента «живому или же мертвому» может основываться и на том, что захоронение является символическим (кенотаф), см. Prosdocimi 1972: 112–114, 131 и ср. Королев 1977: 124–125. Глагол *atisteit* означает ‘поставил, установил’ *vel sim.*; возможные интерпретации этой формы проанализированы в Untermann 1980: 301–302 и их оценка опубликована в Prosdocimi 1983: 167–168. Интерпретация же гапакса *vinetikaris*, который, впрочем, по-разному членился в академических публикациях, представляет собой существенную проблему.

Насколько мне известно, самый недавний анализ венетск. *vinetikaris* принадлежит А. Заварони. Итальянский исследователь сопоставил его с известным венетск. *equopetaris* и посчитал уместным увидеть в нем композит, см. Zavaroni 2007. Первая часть этого композита, как и в анализе Просдочими – Королева,

о котором см. ниже, возводится к и.-е. **uenH-*. Вторая же часть слова сопоставляется с корнем **tek-* ‘annehmen, erhalten’, который Заварони пытается увидеть в ретийск. **Θix-*. Соответственно, слово интерпретируется как ‘receptio familiae’ vel sim., и в связи с этим дается попытка полностью пересмотреть синтаксис всей надписи. Хотя формы с *-aris* действительно хорошо представлены в венецком (см. недавно, напр., Marinetti 2008: 155–157), предложенный анализ вызывает мало сочувствия. В этой связи следует обратить внимания на два уже ставших традиционными направления анализа этого слова. Так, согласно М. Лежену, в *vinetikaris* из надписи из Эсте следует видеть на самом деле два слова, и, соответственно, интерпретировать *vineti karis vivoi olii alekve murtuvoi atisteit* как «*Vineti amor (Fonti) uiuō mortuōque adstat*» (MLV: 224–225). *Karis* при этом подходе является субъектом глагола *atisteit* и переводится как ‘affection’, *caritās*. В связи с этим см. поддержку интерпретации Лежена в Untermann 1980: 287 и 301, de Vaan 2008: 95–96 и т. д., ср. также Pellegrini 1983: 48–49, где отмечается грамматическая корректность этого чтения и изложена критика предложенного В. Пизани сходного членения *vineti karis*, вторая часть которого интерпретируется как глагольная форма.

Вторая интерпретация *vinetikaris* была предложена издателем надписи А. Просдочими (Prosdocimi 1972: 114–124, ср. также Prosdocimi 1983: 189–192 и Prosdocimi 1988: 249–251). Согласно итальянскому исследователю, перед нами – композит, причем обе его части – *vineti-* & *-karis* имеют параллели как в венецком, так и в других и.-е. языках. Так, первый компонент возводят к и.-е. **uenH-* (IEW: 1146–7, LIV: 682–3), с которым исследователи связывают ирл. *fine* ‘род, большая семья’, др.-в.-н. *wini* ‘друг’, лат. *venia* ‘разрешение’, ср. Orel 2003: 455, de Vaan 2008: 661. Второй компонент ассоциируется в этом построении, как, впрочем, и в анализе Лежена, с лат. *carus* ‘дорогой’, др.-ирл. *carae* ‘друг’, к и.-е. **keh₂-* (IEW: 515, LIV: 343). И.-е. корень засвидетельствован в венецком, ср. *Karanmn-* (Es 24, Pa2, см. Pelligrini, Prosdocimi 1967: 112–113, MLV: 129). Просдочими отмечает теоретическую возможность видеть в *vinetikaris* личное имя, и приводит в этой связи германские параллели. Интерпретацию его как антропонима не исключает и Дж. Пеллегрини (Pellegrini 1983: 48–49), однако А. Просдочими полагает, что, скорее, мы имеем дело с апеллятивом, принадлежащим к социально-юридическому лексикону. Итальянский исследователь

напоминает в этой связи о пассаже из 'Географии' Страбона (V, 1, 9), упоминающем о некоем венете, любившем выступать в качестве поручителя. С точки зрения Просдочими, использованное Страбоном греч. φιλέγγυος 'любитель давать поручительство' может быть калькой венетск. *vinetikaris* 'охраняющий интересы рода', 'заботящийся о членах рода, поручитель' *vel sim.*

Этот анализ был полностью принят А. А. Королевым (1977: 126–129), который привел важные дополнительные свидетельства в пользу этой интерпретации. Хотя кельтские данные, несомненно, учитывались при традиционном анализе венетского слова (галльские личные имена *Veni-carus*, *Veno-carus*), Королев сопоставил с венетск. *vinetikaris* редкие раннеирландские апеллятивы *finechar*, *finichaire* (< **uenijo-kar*-). Тщательно изучив немногие юридические контексты, в которых эти слова встречаются, А. А. Королев (1977: 128) пришел к выводу, что «термином финехар обозначалось какое-то лицо, которое представляло интересы индивидуальных членов своего рода или большой семьи, имело высокий социальный статус и по отношению к своему "клиенту" занимало то же место, что и его домочадцы и друзья». Патриарх отечественной кельтологии особенно отметил в этой связи толкование *finechar* в т. н. «Словаре Кормака», где оно объясняется как 'друг в отсутствии', что «разительно напоминает интерпретацию, предложенную для венетского *vinetikaris*». В корректурном примечании к статье А. А. Королев (1977: 129) сослался на устное сообщение Дэвида Грина о неопубликованной работе Т. М. Чарльз-Эдвардса, где сказано, что «функция финехара состояла в защите интересов большой семьи-фине в делах о наследии земли и скота», что «весьма близко к интерпретации венетских и ирландских фактов, изложенных в данной статье». Спустя почти четыре десятка лет работа профессора Чарльз-Эдвардса так и не была опубликована; более того, как сообщил автору настоящей работы сам известнейший специалист по средневековой Ирландии в апреле 2014 г., на самом деле этот анализ не был им когда-либо предпринят. Таким образом, исследование А. А. Королева остается не только первым, но наиболее полным и исчерпывающим описанием ирландских терминов. К этому следует добавить, что раннее ирл. *fine* обнаруживается в целом ряде композитов используемых в юридическом языке средневековой Ирландии, и что ряд исследователей интерпретировал галльск. *Oueuikoicedou*, содержащее родственное галльс-

кое слово, как социальный термин, см. De Hoz 2007: 198. Более того, когнат др.-ирл. *carae* ‘друг’ и проч. в кельтиберском (*kar*) также используется в юридических контекстах (Hoz 2007: 200).

Представляется, что гипотеза Просдочими – Королева остается весьма привлекательной семантически, хотя и имеет формальные сложности. Основная претензия, предъявляемая построению Просдочими, заключается в том, что на месте ожидаемого *-e-* в первой части рассматриваемого им композита мы находим *-i-*, ср. MLV: 225, и объяснение итальянского венетолога было признано «цепью этимологических спекуляций» (Untermann 1980: 301). Примечательно, что такой внимательный к деталям реконструкции исследователь как А. А. Королев (1977: 126) не обращает внимания на эту проблему (реконструкция **wēneti(o)-kar-ios* необъяснима, если это не опечатка) и можно только предположить, что причиной тому послужило наличие в галльской *comparanda* дублетных написаний *Venicarus / Vinicarus*. Эти варианты, объясняются, между прочим, и ассимиляцией, и Королев уместно ссылается на соответствующие исследования. Не является это серьезным препятствием анализу и для Дж. Пеллегрини (Pellegrini 1983: 49). Следует отметить в этой связи, что несколько позже А. Просдочими вновь возвращается к этому «узкому месту», и полагает, что *vi-* вместо ожидаемого *ve-* оправдано, в том числе и ссылаясь на галльские формы. Впрочем, итальянский исследователь не приводит никаких венетских параллелей для иллюстрации этого развития, но остается уверенным в том, что *vineti-* в этом композите не соответствует этническому названию ‘венеты’ (Prosdocimi 1988: 250 и 326). Другой причиной принятия А. А. Королевым объяснения Просдочими, вероятно, послужили позиционно обусловленные переходы **e* в *i* в латинском (на что ссылается и итальянский исследователь) и в других итальянских языках (ср. в этой связи Sihler 1995: 39–40), а также в германском (см., напр. Кузьменко 2011: 81), или даже в этрусском, где они становятся общим местом.

Действительно, в ограниченном и сравнительно небольшом корпусе венетского языка известны случаи *e > i*, которые объясняются позицией гласного и его фонетическим окружением. Так, к примеру, считается, что этот переход осуществлялся перед сочетанием *г* с окклюзивным дорсальным (как в оскском и латинском), ср. *pe.g.ka-* и NIRCA (MLV: 106), однако имеется и иное объяснение этого явления (Vine 1993: 170–171). Было

также предположено, что использование *i* на месте этимологического *e* может предшествовать синкопе гласного, ср. *egitorio.i*, *egetor*- и *EGTOREI*, Lejeune 1990: 645, ср. Gérard 2001: 46. При этом не следует забывать, однако, что пример с *i* известен по надписи из Паннонии (SL-19) со всеми вытекающими последствиями. Менее правдоподобным является переход *e > i* перед сочетанием назального с дорсальным или лабиовелярным (как в латыни), так как единственная тому иллюстрация, антропоним *kvito*, вполне может быть на самом деле латинским заимствованием *Quintus* (MLV: 106). В любом случае, впрочем, эти объяснения неприменимы к анализу венетск. *vinetikaris* не сколько из-за того, что позиция изменения отлична, но в связи со стандартным написанием этимологически родственного этнонима. Как известно, он имеет эту же этимологию (обзор различных подходов к его предыстории см. в Кузьменко 2011: 162), и в этом случае необходимо искать причины дифференциации, приведшей к существованию этнонима *Veneto*- и апеллятива *vinet*- (**vinetio*-, Prosdocimi 1988: 251). Похоже, мы не имеем на сегодняшний день возможности говорить об изменении вокализма в первых частях венетских композитов: все известные составные слова в венетском корпусе не показывают, насколько мне известно, каких-либо сходных явлений. Более того, в нашем распоряжении имеется композит *Venetkens* < **Venet(i)ken(i)s* 'appartenente al Veneti(o)' (Marinetti 2009: 369), который, как кажется, опровергает возможность подобного объяснения, основанную на просодическом факторе. Теоретически, однако, примеры типа лат. *vetulus* 'пожилой' / *vitulus* 'теленка' (ср. умбрск. в формах вин. падежа *vitlu*, *vitlaf*, *uitla* 'id.'), все к и.-е. **vet*- 'год' (IEW: 1175), могут действительно оказаться полезными для обсуждения венетск. *vinetikaris* в рамках парадигмы анализа, предложенной Просдочими – Королевым. Как известно, в итальянских языках их объясняют, в том числе, и спорадической диссимилиацией в начальных слогах после лабиального (см. Vine 1993: 100 но ср. Sihler 1995: 39-40) и, хотя венетский язык может и не относиться к этой группе индоевропейских языков, подобный анализ можно было бы приложить (даже и опосредованно) и к венетским данным. Историческое же «расщепление» представляется отнюдь не невозможным – при этом следует учитывать, что при рассматриваемом подходе венетск.

vinetikaris принадлежит к юридическому слою лексики этого языка³.

При сопоставлении венетск. *vinetikaris* и ирл. *finechar*, как отмечает Королев (1997: 128), «разница в суффиксальном оформлении первого члена композита не представляется существенной, если принять во внимание наличие большого числа синонимичных основ в кельтских языках, одни из которых характеризуются наличием суффикса **-eto-*, а в других он отсутствует». Автор приводит в этой связи галльск. *cingo-* и *cingeto-*, и это положение нуждается в некоторой корректировке с учетом значительного прогресса в изучении как кельтской, так и собственно венетской морфологии за последние десятилетия. Во-первых, следует отметить, что галльскому сложному антропониму *Veni-carus* точно соответствует ранний ирл. *Finchar* и валл. *Guncar*; подобных же суффиксальных образований от этого корня в кельтских языках, похоже, не обнаружено. Что же касается последних, то в этом отношении необходимо обратить самое пристальное внимание на недавнее исследование Л. Репаншека, посвященное анализу производных на **-et-* в раннекельтском. Словенский индоевропеист в нем показывает, что эти образования представляют собой гетерогенную группу, и суффикс может быть, в том числе, агентивным, а в ономастике – притяжательным, см. Repanšek 2014. Производные на **-et-* обнаруживаются и в венетском, см. Lejeune 1973: 350 или MLV: 88. В связи с рассматриваемым вопросом следует учесть фундаментальную монографию Б. Вайна (Vine 1998) и последующие комментарии (напр. Olsen 2004: 420), отмечающие, между прочим, и герундивную функцию производных на **-etó-*. И.-е. глагольные имена на **-eti-* также изучены (Olsen 2004: 420 с библиографией), и, возможно, эти детали морфологического порядка могут оказаться весьма существенными при анализе венетск. *vinetikaris* в рамках гипотезы Просдочими – Королева.

IV. Краткие комментарии к нескольким венетским антропонимам

Недавно Ш. Шумахер опубликовал новую венетскую надпись, обнаруженную в деревне Ампац в Тироле на бронзовом вотивном объекте (Schumacher 2010). Текст легко читаем, и,

³ При анализе венетск. *vinetikaris* как личного имени также отмечается “поэтический” его аспект, см. Pellegrini 1983: 49.

согласно Шумахеру, его следует транслитерировать как *vhlone.i.* и интерпретировать как форму датива единственного числа от **filō-*. В этой связи следует, вероятно, вновь обратить внимание на латинскую надпись из Триеста: *Marcosena Filone / Septimia Cercola uxor / Ana v(iva) f(ecit)* (CIL V, 571), с учетом также того, что многие исследователи по разным причинам не считают антропоним *Marcosena* лингвистически кельтским. Венетский антропоним *Aimo-* мы находим в IEW: 10 в той же словарной статье, что и лат. *aemulus*. Данное сопоставление было в весьма осторожной форме поддержано А. Просдочими (Prosdocimi 1988: 280), но мы не находим упоминания об этом при обсуждении латинского слова в de Vaan 2008: 26. Следует в этой связи отметить, что в действительности эта надпись из Эсте (Es 45) содержит [A]imoi (i.mo.i.). Личное имя *ho.s.tihauo.s* давно и справедливо вызывает интерес исследователей, ср. Pelligrini, Prosdocimi 1967: 103–104 или Marinetti 2009: 369–370 и (по поводу интерпретации второго компонента) см. недавно Vine 2006: 234–235. Вполне ожидаемо, что с первой частью этого составного антропонима было сопоставлено граффито из Паннонии *hostei* (SL-11¹²), к и.-е. **g^host(h₂)i-* ‘Fremder’ (NIL: 173). М. Лежен полагал, что в данном случае мы имеем дело с текстом, *boijo.i magrio.i hostei upsed[os]*, который он интерпретирует как ‘U. для В. сына М., своего гостя’ (Lejeune 1990: 638 и 647). К сожалению, Лежен не привел никаких обоснований в пользу этой реконструкции, которая может показаться несколько выделяющейся из корпуса венетских надписей. Впрочем, в этой связи, вероятно, можно привести проанализированную А. А. Королевым (1977: 125, ср. Untermann 1980: 310) надпись II века до н. э. из Эсте (Es 113) *Gavis Raupatnis miles poltos ostinobos Frivi pater* ‘Гай Раупатний, воин, потрясенный, для костей Фривия /?/ отец [поставил урну]’ или (Es 28) *meo Lemetor frateri donasto Boios Voltiomnoi* ‘Леметор Бойос даровал меня (своему брату) Волтиомну’, см. Prosdocimi 1988: 275–276. Текстов подобного рода в венетском корпусе достаточно, но в них присутствуют преимущественно термины родства, однако см. также Lejeune 1973: 346–350. Так как в принципе реконструкция текста SL-11 остается проблематичной, вполне возможно интерпретировать *hostei* как форму дательного падежа антропонима, неотрывно связанного с известным *ho.s.tihauo.s*.

Предложенные выше краткие комментарии к ряду венетских антропонимов, естественно, нуждаются в расширении, однако это станет возможным исключительно благодаря новым находкам. С большей долей уверенности можно высказаться по поводу ряда антропонимов, зафиксированных в латинских надписях из Видина (Болгария) и рассматривавшихся в литературе в венетском контексте. Так, личное имя *Matora* действительно позволяет сопоставление с венетск. *Mato* и «венетск.-истрийским» *Mataro*, однако согласно новому чтению надписи Д. Даной в нем следует видеть *Muc[ian]o*. Антропоним *Tarius* рассматривался целым рядом исследователей (напр., Г. Алфёлди) как венетский, однако степень сохранности надписи из Видина, в которой его иногда находят, настолько плоха, что нет никакой уверенности в том, что оно в действительности в ней присутствует. См. (с дальнейшей библиографией) Falileyev 2013: 92 и 135.

Библиография

- Королёв 1977 – Королёв А. А. Новые данные о венетском языке // Славянское и балканское языкознание. Вып. 3. М., 1977. С. 118–129.
- Кузьменко 2011 – Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи. СПб., 2011.
- AE – L'Année épigraphique.
- Cheung 2007 – Cheung J. Etymological dictionary of the Iranian verb. Leiden; Boston, 2007.
- CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini, 1863-.
- Cresci Marrone, Pettenò 2009–2010 – Cresci Marrone G., Pettenò E. Supellex ex plumbo. Laminae Concordienses. Le laminette commerciali da Iulia Concordia // Atti dell'Istituto Veneto 2009–2010. T. 168. P. 43–110.
- De Hoz 2007 – De Hoz J. The institutional vocabulary of the Continental Celtic // Gaulois et Celtique Continental. Paris, 2007. P. 189–214.
- de Vaan 2008 – de Vaan M. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden, Boston, 2008.
- Eichner, Nedoma 2009 – Eichner H., Nedoma R. Neue vorrömische Inschriften aus Westslowenien: epigraphische und linguistische Evidenz // Keltske študije. II: Studies on Celtic Archaeology. 2009. P. 65–76 (= Protohistoire européenne 11, Montagnac).
- Falileyev 2013 – Falileyev A. The Celtic Balkans. Aberystwyth, 2013.
- García Jurado, Jiménez Zamudio 1991 – García Jurado F., Jiménez Zamudio R. Véneto Magetlon: nueva interpretación // Epos. 1991. T. 7. P. 577–582.
- Gérard 2001 – Gérard R. Observations sur les inscriptions vénètes de Pannonie // Revue belge de philologie et d'histoire. 2001. T. 79. P. 39–56.

- IEW – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Band I. Bern, 1959.
- Lejeune 1972 – Lejeune M. Les dérivés italiques en *-tlo-* // *Revue de philologie*. 1972. T. 46. P. 185–191.
- Lejeune 1973 – Lejeune M. The Venetic vocabulary of relations between persons // *The Journal of Indo-European Studies*. 1973. V. 1. P. 345–351.
- Lejeune 1990 – Lejeune M. Vénètes de Pannonie // *Comptes rendus de l'académie des inscriptions*. 1990. T. 134. P. 629–653.
- LIV – H. Rix et al. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 2001.
- Marinetti 1999 – Marinetti, A. *Venetico 1976–1996. Acquisizioni e prospettive* // *Protostoria e storia del "Venetorum angulus"*. Pisa; Roma, 1999. P. 391–436.
- Marinetti 2004 – Marinetti A. *Venetico: rassegna di nuove iscrizioni (Este, Altino, Auronzo, S. Vito, Asolo)* // *Studi Etruschi*. 2004. T. 70. P. 389–408.
- Marinetti 2008 – Marinetti A. *Aspetti della romanizzazione linguistica nella Cisalpina orientale* // *Unità politica e identità etniche nell'Italia antica*. Pisa, 2008. P. 147–169.
- Marinetti 2009 – Marinetti A. *Terminologia istituzionale e formula onomastica in venetico* // *L'onomastica dell'Italia antica*. Roma 2009. P. 357–374.
- MLV – M. Lejeune. *Manuel de la langue vénète*. Heidelberg, 1974.
- NIL – D. Wodtko, B. Irslinger, C. Schneider. *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg, 2008.
- Olsen 2004 – Olsen B. A Note on **s/t-*Stems and Secondary Derivation // *Per aspera ad asteriscos*. Innsbruck, 2004. P. 419–428.
- Orel 2003 – Orel V. *Handbook of Germanic Etymology*. Leiden, 2003.
- Pellegrini 1967 – Pellegrini G. B., Prosdocimi A. L. *La lingua venetica*. T. 2. Padua, 1967.
- Pellegrini 1983 – Pellegrini G. B. Osservazioni lessicali sulle lingue preromane dell'Italia Superiore // *Le lingue indeuropee di frammentaria attestazione*. Pisa, 1983. P. 29–64.
- Poccetti 1997 – Poccetti P. Note su gr. *Μαῖα / Μαίε / μαῖα*, *Maius* (mensis), osco (delle glosse) *maesius* // *Scribthair a ainm n-ogaim*. Pisa, 1997. P. 771–786.
- Prosdocimi 1972 – Prosdocimi A. L. *Venetico. Una nuova iscrizione da Cartura (Padova)* // *Archivio glottologico italiano*. 1972. T. 57. P. 97–134.
- Prosdocimi 1983 – Prosdocimi A. L. *Il venetico* // *Le lingue indeuropee di frammentaria attestazione*. Pisa, 1983. P. 153–209.
- Prosdocimi 1988 – Prosdocimi A. L. *La lingua* // *I Veneti antichi, lingua e cultura*. Padova, 1988. P. 225–420.
- Prosdocimi 2011 – Prosdocimi, A. L. *Venetico 3 sg. toler; 3 pl. teuters; a.irl. fitir* // *A Greek man in the Iberian Street*. Innsbruck, 2011. P. 399–412.
- Repanšek 2014 – Repanšek, L. Two notes on Old Celtic morphology // *Acta linguistica Petropolitana*. T. 10. 2014. P. 239–254.

- Schumacher 2009 – Schumacher S. Eine neue venetische Inschrift aus Ampass bei Hall in Tirol // *Die Sprache*. 2009 [2010]. Bd. 48. P. 201–208.
- Sihler 1995 – Sihler A. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford, 1995.
- Untermann 1980 – Untermann J. *Die venetische Sprache* // *Glotta*. 1980. Vol. 58. P. 281–317.
- Vine 1993 – Vine B. *Studies in Archaic Latin Inscriptions*. Innsbruck, 1993.
- Vine 1998 – Vine B. Aeolic ὀπτερον and Deverbative *-etó- in Greek and Indo-European. Innsbruck, 1998.
- Vine 2002 – Vine B. On Full-Grade *-ro- in Greek and Indo-European // *Indo-European Perspectives*. Washington, 2002. P. 329–350.
- Vine 2006 – Vine B. On ‘Thurneysen-Havet’s Law’ in Latin and Italic // *Historische Sprachforschung*. 2006. Bd. 119. P. 211–249.
- Zavaroni 2007 – Zavaroni A. Ipotesi etimologiche su venetico atraes, vinetikaris, ekvopetaris, vesoš, vesket- // *Folia onomastica Croatica*. 2007. T. 16. P. 331–342.

A. I. Falileyev. *Miscellanea Venetica*

The first part of the article deals with a Venetic inscription from Slovenia, which has been recently edited by H. Eichner and R. Nedoma. New variants of interpretation of nekri.m.p.l²aj are offered, and also in conjunction with avrenlexkplo (Es 116). The second part discusses possible reflexes of PIE *meg- in Venetic. These probably include maisterator- and possibly magrio.i, but not magetlon, for which a different etymology is maintained. The next section is dedicated to the analysis of Venetic vinetikaris, and further arguments in favour of the interpretation offered by A. Prosdocimi and A. A. Korolev are offered. The final part contains comments on several Venetic and pseudo-Venetic anthroponyms.

Keywords: Venetic, epigraphy, Indo-European studies, morphology, onomastics.

**INTERTEXTUALITY FOR THE INTELLIGENTSIA:
FURTHER PARALLELS BETWEEN ARISTOPHANES'
CLOUDS AND *BANQUETERS***

В статье рассматриваются параллели между двумя комедиями Аристофана «Облака» и «Пирующие» на примере диалога Стрепсиада и Фидиппида («Облака», ст. 820–865) и диалога отца и испорченного сына (фр. 205). Аллюзии на более раннюю комедию о софистах и проблемах поколений отцов-сыновей неслучайны в «Облаках». Как и отсылки к «Пирующим» в парабазе комедии, их можно считать частью поэтической техники Аристофана, адресованной аудитории афинских интеллектуалов.

Ключевые слова: Аристофан, древняя комедия, «Облака», софисты, интертекстуальность, «Пирующие», фрагменты.

1. *Clouds*, parabasis

The parabasis of the *Clouds* opens with Aristophanes' address to the audience in pursuit of their favour and goodwill, v. 520–537:

So may I be victorious, so may I be thought a true artist, I took you for an intelligent audience and this for the most intellectual of my comedies, and therefore saw fit to give you the first taste of it, a play that cost me a great deal of labour; and then I retired defeated undeservedly by vulgar men. For that I hold you intelligent people to blame, for whose sake I was taking all that trouble. But even so, I will never willingly desert the bright ones along you. For since the time when this place my virtuous boy and my buggered boy were extremely well spoken of by certain men whom it is a pleasure even to mention, and I (being still unmarried and not yet supposed to give birth) exposed the child, another girl picked it up, and you generously reared it and educated it – since that time I have held sworn pledges of your good opinion. So now, like Electra of old, this comedy has come seeking and hoping somewhere to find spectators as intelligent; for she will recognise, if she sees it, the lock of her brother's hair (tr. Sommerstein).

The phrase 'virtuous boy and buggered boy' is recognised by the scholiasts as a reference to Aristophanes' earlier comedy, the *Banqueters*. Apparently, the comedy featured two sons, as well as

their father who is not mentioned in the *Clouds*, but appears in other fragments and testimonies of the lost play. The *Banqueters*, produced in 427 BCE, was Aristophanes' debut on the Athenian stage and, as the poet himself claims, received high esteem from his patrons and the public¹.

The context of the allusion to the *Banqueters* is remarkable. The parabasis of the *Clouds* belongs to the new revised version of the play, that was written by Aristophanes after the failure of the first production in 423 BCE. The poet discusses his defeat, praises his comedy and expresses his hopes that the new version will be more successful. The pledge of its success is the intelligence of the audience. This is the central motif, around which the parabasis is structured. Aristophanes stresses that his play is designed for witty people, men of culture, the Athenian intellectuals, whom he calls δεξιοί and σοφοί.

The passage is charged with self-irony and puns on Aristophanes' own dramatic art. The playwright makes jokes about the new version of the play, the revised text of which is supposed to be completely new. His personified comedy is confident and trusts her own script, while the poet declares, that he will not try to pretend to be with hairs, being bold, or to cheat the audience by presenting the same things for the second and third time (vv. 544–548):

ἀλλ' ἀεὶ καινὰς ἰδέας εἰσφέρων σοφίζομαι,
οὐδὲν ἀλλήλαισιν ὁμοίας καὶ πάσας δεξιᾶς·
'rather I always apply my skills to introducing new forms of comedy,
quite different one from another and every one full of ingenuity'
(tr. Sommerstein)

I believe that this claim should not be taken at face value² but rather as Aristophanes' ironical consideration of his own poetic techniques, particularly, of the intertextual references and reworking of his own comedies³. The allusion to the *Banqueters* in this context is an immediate illustration of this technique.

¹ Aristophanes was a young man at that time and did not get a chorus in his own name, so the comedy was officially produced by Callistratus, see Halliwell (1980).

² As, for instance, Dover does in his commentary on the play, ad v. 547: 'Aristophanes was ready to adopt a conservative standpoint, for comic purposes, towards tragedy and philosophy, but in his own craft he prided himself on his innovations'.

³ Other claims that Aristophanes does in the parabasis likewise contradict the actual disposition of the play. For instance, the claim in v. 543 is untrue,

In fact, I suggest that the joke about the new ideas that the poet devises refers not only to his own work, but also to the thematic content of the *Clouds*, namely, the new ideas of the sophistic movement in Athens. This makes the *Banqueters* a very suitable reference, since the main themes of the play are the same as in the *Clouds*: the corruption of the youth, the conflict of the old and the new, the father and his sons, the new sophistic education and, perhaps, religious innovations⁴.

The parabasis of the *Clouds*, therefore, works on several levels. It flatters the audience by calling it wise and intelligent and secures the spectators' benevolence. It makes fun of the play's failure some years before and assures the audience of how different the new version is. It also implies that the wittiness of the play consists in the interplay of allusions to the previous versions and to earlier Aristophanes' comedies, among which the *Banqueters* is one of the closest parallels.

2. *Banqueters*, fr. 205 K-A. (= Cassio fr. 1)

Taking into consideration the special status of the *Banqueters* as the intended model for the *Clouds*, I shall demonstrate that there were other textual parallels between the two plays which the intelligent audience was supposed to spot. Unfortunately, those few fragments of the *Banqueters* that are available to us are very short and lack context and, therefore, all the hypotheses remain more or less speculative. Nevertheless, I believe that even small snatches of text such as fr. 227 and fr. 238 allow to assume the conscious use of the *Banqueters* in the text of the *Clouds*⁵. In fr. 227 someone

as in the end of the *Clouds* there is the cry *ioù ioù*. The claim about the absence of the old man hitting with the stick contradicts vv. 1297–1300 where this is exactly what happens.

⁴ The *Clouds* portrays Socrates' philosophical school as a private religious association, a sect, and their activities are parodied as religious worship. On Socrates' school as thiasos see (Jones, 1999, 39). The chorus of the *Banqueters* is also a private religious club, based in the temple of Herakles. Temples of Herakles in Attica were known to be centres of physical athletic training and intellectual instruction of the youth and many of them had gymnasia, adjacent to their territory. Major philosophical schools of the 4th century, such as Plato's academy, Lyceum and Cynics school chose temples of Herakles as their headquarters.

⁵ These parallels among other arguments led Segoloni (1994) to suggest that the *Banqueters* was another play about Socrates and featured him as a character.

mentions the observation of the atmospheric phenomena, τὰ μετέωρα which are an important feature of the Socrates' education in *Clouds*, v. 228. Fr. 238 contains the word παρανοία, madness, that is encountered in *Clouds*, v. 1476. Both words do not occur in any other texts of the comic corpus.

The longest fragment of the *Banqueters* consists of nine lines and comes from Galen's commentary on Hippocrates' vocabulary. Galen discusses various linguistic issues, such as invention of words by the ancient authors, and cites Aristophanes' *Banqueters* twice (fr. 205 and fr. 233). Parallels of the fr. 205 with the *Clouds* have not been studied before. It represents a conversation between the father and the buggered son⁶.

- ἀλλ' εἴ σορέλλη καὶ μύρον καὶ ταινία.
- ἰδοῦ, σορέλλη· τοῦτο παρὰ Λυσιστράτου
- ἡμῶν ἴσως σὺ καταπλάγῃσει τῷ χρόνῳ·
- τό καταπλάγῃσει τοῦτο παρὰ τῶν ῥητόρων.
- ἀποβήσεται σοὶ τὰντα ποῖ τὰ ῥήματα·
- παρ' Ἀλκιβιάδου τοῦτο τὰποβήσεται.
- τί ὑποτεκμαίρη καὶ κακῶς ἄνδρας λέγεις
- καλοκάγαθίαν ἀσκοῦντας; – οἴμ', ὦ Θρασύμαχε·
- τίς τοῦτο τῶν ξυνηγόρων γηρεῖται;

(A) But you are just a wee coffn, and unguent, and wreaths.

(B) Right, a wee coffin! You got this from Lysistratus.

(A) One day you will be impressed by us.

(B) This "impressed" you got from the orators.

(A) What are these words of yours getting at?

(B) This "getting at" from Alcibiades.

(A) Why do you insinuate against and slander gentlemen for cultivating fine-and-dandyhood?

(B) Well, my budding Thrasymachus, which of the lawyers talks utters this awful talk?⁷

This fragment has a number of similarities with a scene in the *Clouds*, vv. 814–865. The dialogue in the *Clouds* also represents an argument between the father and the son about the new rhetorical

⁶ It has been argued by Fritzsche (1831) that there are three characters in this scene, the father, the bad son and the good son, to whom the father addresses by name in the last two lines, see the discussion in Storey (1988).

⁷ I follow the text in Cassio (1977). The translation is by Henderson in the Loeb edition with changes according to the Cassio's text.

education which one of the characters has received. However, the later play represents the reversal of the situation in the *Banqueters*. It is not the son but the father who has gone through sophistic instruction and tries to persuade his son to go to Socrates' school. This reversal shapes the humour of this scene through the inappropriateness of the roles attributed to an old conservative farmer and a young aristocratic man⁸. On a more 'intellectual' level, the scene in the *Clouds* refers the spectator to the *Banqueters* and is likely to be a parody of the argument about sophistic education in fr. 205.

Other parallels include:

1. When Pheidippides expresses his contempt of Socrates' students, Strepsiades bids him to mind what he says about the intelligent (δεξιούς people (v. 834). In the *Banqueters* a reverse situation can be seen: the son protests against accusations of his friends-sophists who practice καλοκαγαθία.

2. In both conversations there are references to the death and burial of the old man. Strepsiades complains that his son wishes to wash his father's fortune and life away with frequent and luxurious baths (vv. 837–839). The old man is bathed as if he were dead, which alludes to a funeral practice of washing the dead body. In the first line of the fr. 205 the son insults his father calling him a coffin and reminds him of unguent and wreathes hinting at the burial of the old man. The word which is translated as coffin, σορέλλη, is an invented word composed of σορός, vessel, coffin, and τορέλλη, funerary lament. A few lines further in the scene in the *Clouds*, Pheidippides asks himself whether he should actually warn the coffin-makers σοροπηγοί that they might have a job soon (v. 846).

3. The linguistic matters are important for both scenes⁹. New language invented by the sophists is the main theme in the fr. 205: The son uses a new word or term in each line and the old father responds, making fun of them. In *Clouds*, on the contrary, Strepsiades, equipped with Socratic knowledge, instructs his son about the correct word which should be used for a female rooster (vv. 847–853).

4. When Pheidippides yields to Strepsiades' demands to go to Socrates' school, he warns his father that later he will regret this (v. 865). This phrase is reminiscent of the son's claim in fr. 205, 3, that his father will later yield to the new ideas.

⁸ A similar paradox can be spotted in *Wasps* where the chorus of old men show excessive affection to law-courts.

⁹ Discussion of linguistic issues is present also in the fr. 233 K-A.

To conclude, the parallels show that the scene in the *Clouds* refers to the transmitted passage of the *Banqueters* in a special way, reworking and reversing the ideas of the new and the old. In a certain sense, Aristophanes fulfils his literary programme, inventing new ideas, although at the same time he alludes to his own earlier comedy. Certainly, the Athenian intellectuals would appreciate such a sophisticated literary technique.

References

- Cassio 1977 – Cassio A. C. Aristofane Banchettanti (Daitalēs): i frammenti. Pisa: Giardini, 1977.
 Fritzsche 1831 – Fritzsche F. De Daetalensibus Aristophanis commentatio. Lipsiae, 1831.
 Halliwell 1980 – Halliwell S. Aristophanes' apprenticeship // *Classical Quarterly*. 1980. Vol. 30. P. 33–45.
 Jones 1999 – Jones N. F. The associations of classical Athens. The response to democracy. Oxford University Press, 1999.
 Segoloni 1994 – Segoloni L. Socrate a banchetto. Roma, 1994.
 Storey 1988 – Storey I. Thrasymachus at Athens: Aristophanes fr. 205 («Daitales»). *Phoenix*. 1988. Vol. 42. P. 212–218.

E. Yu. Chepel. Intertextuality for the intelligentsia: Further parallels between Aristophanes' *Clouds* and *Banqueters*

The paper examines intertextual parallels between Aristophanes' *Clouds* and his earlier fragmentary play, the *Banqueters*. It is stated explicitly in the scholia to the parabasis in the *Clouds* that Aristophanes refers to the *Banqueters*, apparently as to a model for the revised version of the *Clouds*. I consider some further parallels between the two plays and argue that the dialogue between Strepsiades and Pheidippides in vv. 820 – 865 draws upon the *Banqueters* as well. It explores the same themes of sophistic education and father-son relationship, but reworks them in an innovative way. This can be shown, in particular, by comparing the passage in the *Clouds* with fr. 205 K.-A. of the *Banqueters*. It is concluded, therefore, that Aristophanes expresses his literary programme in the parabasis, namely, to introduce new ideas and at the same time to refer to his own comedies through intertextuality. This sophisticated technique is intended for the audience of the Athenian intellectuals, the clever ones, whose intelligence secures the poet's success in the dramatic competition.

Keywords: Aristophanes, Old Comedy, *Clouds*, sophistic movement, intertextuality, *Banqueters*, fragmentary comedies.

А. Б. Черняк

М. БАРТОЛИ, В. МАЙЕР-ЛЮБКЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩЕРОМАНСКОГО СОСТОЯНИЯ*

В статье анализируется вклад в развитие романской филологии двух выдающихся языковедов конца XIX – первой половины XX вв. – Вильгельма Мейер-Любке (Wilhelm Meyer-Lübke, 1861–1936) и Маттео Дж. Бартоли (Matteo Bartoli, 1873–1946).

Ключевые слова: романские языки, романистика, общероманское состояние, В. Майер-Любке (Мейер-Любке), М. Бартоли.

Оригинальность многих положений Бартоли оспаривается¹ (он и сам всегда подчеркивал свою зависимость от Жильерона), но все же никак нельзя отрицать, что именно этому замечательному итальянскому романисту мы обязаны окончательной формулировкой и фактологическим обоснованием так называемых «ареальных норм» (*norme spaziali*). Кроме того, Бартоли был первым, кто применил эти нормы к истории романских языков, и данные им характеристики, напр. итальянского или румынского, несмотря на ограниченность материала, в целом удачны и убедительны.

К сожалению Бартоли не исчерпал всех возможностей пропагандируемого им ареального метода, да и не пытался это сделать. В его понимании ареальные нормы являются «средством установления хронологического соотношения двух или нескольких лингвистических фаз», это своеобразные телескопы, с помощью которых можно обнаружить уже исчезнувшие созвездия, т. е. очень отдаленные во времени предшествующие фазы – или, на худой конец, они просто помогают «читать» в лингвистических атласах (Bartoli 1945: VIII). Как нам кажется, сам автор, диалектолог по образованию и по призванию, решительно предпочитал вторую интерпретацию: он скептически относился к слишком блистательным индоевропейским реконструкциям Девото и Пизани. Сам он работал главным образом с романским материалом, преимущественно в области хорошо засвидетель-

* Работа была написана в конце 1970-х годов.

¹ См. Йордан 1971: 400–409 – довольно суровый и вряд ли удачный очерк.

ствованной в памятниках лексики (реже фонетики) и в своих немногочисленных статьях обращал особое внимание на документацию, что делает их очень нелегкими для чтения. В его работах поражает как отсутствие форм под звездочкой (в REW В. Майер-Любке их число составляет 10%), так и полное безразличие к проблеме реконструкции общероманского языка, хотя, казалось бы, именно там и следовало использовать все преимущества нового метода.

Такая несколько странная для романиста школы В. Майер-Любке (Бартоли учился в Вене) позиция объясняется веяниями времени. В период между двумя войнами романская компаративистика переживала настоящий кризис. Реконструкции Майер-Любке настолько не пользовались успехом, что он так и не решился переиздать давно уже устаревшую «Фонетику»² (первый том «Грамматики романских языков»). Полемика вокруг идеалистического направления, лингвистическая география и этимология становятся с тех пор предметом всеобщего внимания. Бартоли, таким образом, лишь следовал течению, без особого труда приспосабливаясь к доминирующим идеям. Но при этом он смотрел вперед и охотно допускал возможность и даже необходимость применения ареального метода к морфологическим и синтаксическим явлениям (Bartoli 1945: X–XI). Но среди романистов – разумеется, за пределами Италии – у Бартоли нашлось мало сторонников и реализация его завещания во многом остается дезидератом нашей науки.

Надо признать, что тому были весьма серьезные причины. Начнем хотя бы с путаницы в терминологии. Филологи XIX в. (Грёбер, Шухардт, филологи-классики школы Вёльфлина) возводят романские языки к разговорной латыни, называя последнюю «народным языком» (*Volkssprache*, *Volkslatein*) или «вульгарной» латынью (*Vulgärlatein*), не очень удачным термином, сконструированным из *sermo vulgaris* античных грамматиков. В первом издании *Grundriß*'а (1888) Майер-Любке принимает эту терминологию, но в своей *Einführung* (1901) и во втором издании *Grundriß*'а (1904–1906) он использует только термин «романский», причем он не противопоставляет его латыни как параллельный язык, понимая под ним совокупность романских

² Об этом сообщает в своих мемуарах Секстиль Пушکاریу (см.: S. Pușcariu. *Călare pe două veacuri. Amintiri din tinerețe 1895–1906*. București: Ed. p. lit., 1968. P. 326). Там же можно найти великолепный портрет М. Бартоли (с. 245–248).

языков или, скорее, весь романский материал, включая и реконструируемые формы (§§ 70–71 «Введения»). Его примеру, насколько нам известно, никто не последовал. Грэнджент в 1908 г. сохраняет старый узус, который затем продолжается и дальше, вплоть до наших дней, а А. Бюрже, один из немногих убежденных компаративистов, пытается ввести в употребление новый термин «общероманский» (Burger 1943). Результатом были бесконечные дискуссии и сумятица.

К этому все так привыкли, что когда в 1960 г. замечательный филолог-классик Ману Лейман дал, наконец, удовлетворительное определение, на него мало кто обратил внимание. А между тем он предложил простое и, пожалуй, самое очевидное решение. К вульгарной латыни обычно относят как вульгарные, т. е. нелитературные формы, встречающиеся в латинских текстах (Плавт, Петроний, грамматики, надписи, христианская латынь, поздние тексты и т. д.), так и формы под звездочкой, т. е. незафиксированные в памятниках, которые мы реконструируем исходя из романских языков, как это делал, скажем, еще Грёбер; оба эти компонента следует различать, потому что и вульгарная латынь латинистов, и «прароманский» (или протороманский) язык романистов как научные понятия при всех различиях между ними в равной степени имеют право на существование.

Некоторый сдвиг намечается только в шестидесятые годы, когда классическая филология в лице знаменитого Ману Леймана признает пра(прото-)романский как научное понятие (Leumann 1960). Тогда же берлинский профессор Г. Райхенкрон вводит его в заглавие своей фундаментальной «Historische latein-alt-romanische Grammatik» (Wiesbaden 1965), публикация которой, из-за смерти автора, остановилась на первом томе – Введении³. Но несмотря на этот прогресс, известное недоверие к реконструкциям – за пределами лексики и фонетики, где без них невозможно обойтись – продолжает существовать. Это, в некотором роде, фатум Майер-Любке (сюда можно отнести и смерть Райхенкрона, который должен был стать его преемником).

Ответственность за скомпрометированность его метода падает и на индоевропейскую компаративистику, в первую очередь на А. Мейе: знаменитый французский ученый в своих

³ Рупрехт Рор, ученик Райхенкрона, по слухам подготавливает издание остальных томов. Первые fasciculi должны появиться в 1971 г., см. обзор Й. Зофера в «Folia linguistica» (Т. IV, 1/2, 1970: 148–156).

работах очень часто прибегал к сравнениям из области романистики, в которой он был весьма осведомлен и порой переносил на сравнительную грамматику романских языков свой вполне оправданный индоевропейский пессимизм – я имею в виду часто цитируемую фразу из «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков»: «Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык: сравнение романских языков не может дать точного и полного представления о народной латыни IV в. н. э.» (Мейе 1935: 73–74). Эту мысль можно и сейчас нередко встретить у наших ведущих специалистов В. Вянянена и Й. Хермана, которые при каждом удобном случае подчеркивают, что народная латынь шире, чем реконструируемый общероманский, что в ней есть явления, не нашедшие отражения в романских языках. Но, спрашивается, как можно в этом случае установить их принадлежность разговорной речи, а не, скажем, языку письменности и, в последнем случае, насколько существенны для науки эти явления? Возвращаясь к Мейе, тоже нельзя не задать вопрос, почему мы должны восстанавливать из романских языков народную латынь, а не общероманский и почему именно IV-го века, а не первого? И зачем вообще реконструировать исчезнувшие языки любого периода и названия, если это заранее невозможно: не лучше ли в таком случае писать стихи или собирать марки? Ответом на этот вопрос будет всем известное соображение, что если не восстанавливать исчезнувших языков мы, пожалуй, мало что поймем в живых, которые их продолжают, так как нельзя будет отделить ни в романских, ни в индоевропейских языках унаследованное от нового и ход языковой эволюции останется недоступным наблюдению. Мы, таким образом, обречены реконструировать, если хотим что-то понять, и если при этом мы оперируем гипотезами, о чем сожалеют Мейе и Вянянен, то я, со своей стороны, искренне разделяю их чувства, но не вижу другого выхода. Лингвисты, впрочем, не одни в таком положении: история, наука гораздо более важная в социальном плане, уже давно работает с гипотезами и реконструкциями, – с хладнокровием, а порой и со смелостью и блеском, которым мы вполне могли бы поучиться. И при этом их задачи значительно труднее и менее надежны результаты: ведь исторический факт в гораздо большей степени представляет собой единичное явление и возможность типологического объяснения, напр., аналогиями в других языках, в истории более ограничена.

Итак, реконструировать надо. И тут мы оказываемся еще перед одной трудностью: а что, собственно, мы реконструируем? Следует ли рассматривать общероманский как самостоятельный язык, как язык иного типа, чем лежащая в его основе латынь или же это всего лишь ее вариант, скажем, разговорная или народная латынь Империи? Судя по тому, что латынь язык синтетический, а романские языки принадлежат аналитическому типу, можно было бы *a priori* предположить первое и противопоставлять аналитический общероманский синтетической латыни. Майер-Любке так и поступил в первом издании *Grundriß*'а, хотя надо отметить, что реконструировал он там преимущественно фонетику и морфологию: синтаксису в его очерке посвящено всего три странички из 32 (5 из 48 во 2-м издании). В дальнейшем, однако, отчасти под влиянием критики Зеельмана или, может быть, в процессе работы над «Грамматикой романских языков» он отказывается от своей концепции, убирает во 2-м издании свой лозунг: «Историю народной латыни следует реконструировать главным образом из живых языков» и не пользуется больше термином «вульгарная латынь», которую он ранее противопоставлял классической латыни как новый язык. Уже во «Введении» он говорит только о латыни и о развитии латыни (Meyer-Lübke 1901: § 70) и ставит перед романистами задачу «выявить ту форму латинского языка, из которой возникли романские языки» (§ 71). Это вовсе не означает, что Майер-Любке перестал заниматься реконструкциями – напротив, как раз тогда он работает над REW – но очевидно, что от идеи реконструкции системы в целом он уже отказывается и во 2-м издании *Grundriß*'а его новая позиция прослеживается весьма отчетливо⁴. Этот внезапный поворот имел очень важные последствия для развития романистики: в Европе интерес к романской компаративистике и к самому Майер-Любке постепенно исчезает – немногие исключения представляют А. Бюрже и его ученик Р. де Дардель и Б. Видос, а также, по-видимому, Г. Райхенкрон – и в дальнейшем проблемами реконструкции занимаются только в Америке, как Северной (Р. Холл Мл.), так и в Южной (Т. Маурер, Э. Косериу) – очевидно, потому, что за океаном европейская мода и европейские вердикты ощущались слабее. И

⁴ См. Meier 1940: 171–182. Число приведенных там расхождений между 1-м и 2-м изданиями можно увеличить (ср., например, § 63 (I) и § 75 (II), где *Vulgärlatein* заменяется расплывчатым *spätere Sprache*); выводам самого автора не следует придавать особого значения.

хотя в работах этих и других ученых содержится немало нового и интересного, приходится признать, что и сейчас мы стоим перед той же проблемой, которую не смог преодолеть В. Майер-Любке на рубеже XX в.

Но возможно ли вообще найти решение? Если и да, то, как нам кажется, не благодаря методу Бартоли, несмотря на всю его логичность и обоснованность: Майер-Любке тоже успел ознакомиться с ним и не выказал по этому поводу особого энтузиазма. И вряд ли следует рассчитывать на какие-либо новые материалы, как бы они ни были существенны: в фактах замечательный швейцарский романист не испытывал недостатка. Скорее в том, как он понимал сам термин «язык» – о чем Майер-Любке, насколько нам известно, никогда не высказывался, – нужно искать причину его неудачи. И отсюда же и придется начинать.

К сожалению, мы должны констатировать, что с понятием «язык», по крайней мере, в романистике, дело обстоит совсем не блестяще. Например. Э. Косериу в своем оригинальном и методологически очень важном спецкурсе по вульгарной латыни⁵ оперирует неолингвистической, т. е. идеалистической по духу формулировкой Пизани: «язык это система изоглосс» и при этом подчеркивает ее количественный аспект. Так у него получается, что до III в. н. э. число общих латино-романских изоглосс остается большим, нежели дифференцирующих; в III–IV вв. в результате непрерывной эволюции дифференцирующие изоглоссы уже преобладают над общими – мы можем говорить о двух языках! –, а в VI–VIII вв. в самой вульгарной латыни (= общероманском) берут верх дифференцирующие изоглоссы, в результате чего она распадается на отдельные романские языки⁶. Косериу не уточняет, какие именно изоглоссы он имеет в виду, не приводит цифр, не говоря уже о терминологии, которую он сам осуждает! ничего не сообщает о принципах датировки – и, тем не менее, мы не должны относиться слишком строго к его весьма приблизительной концепции: вспомним, что

⁵ См. Coseriu 1954. В одном из томов серии *Wege der Forschung* (Bd.62) предполагается перепечатать эту важную работу, существующую в скверном ротапринтном издании (в нашей стране оно имеется только в фундаментальной Библиотеке МГУ).

⁶ Coseriu 1954: 18–19, § 5. Здесь он далеко отходит от неолнгвистики, вообще не признававшей хронологического разрыва (chronological hiatus) между родственными языками, скажем, латынью и итальянским или древне- и новогреческим, см. Bonfante 1947: 348 (8).

Майер-Любке не обосновывал так своих позиций, ни когда отделял вульгарную латынь от классической, ни тем более, когда примкнул к точке зрения унитариев.

В общем и целом схема Косериу кажется мне вполне приемлемой – за неимением лучшего, во всяком случае – и остается только пожалеть, что отсутствие фактологического обоснования не позволяет рассматривать эту интересную концепции всемирно известного лингвиста как нечто более существенное, чем как простую схему. Имело бы смысл попытаться ее доказать, т. е. подобрать иллюстративный материал, но лично я предпочел бы ее слегка модернизировать: мне не нравится, что в определении Пизани «язык это система изоглосс» – справедливом, конечно, но уж очень общем – Косериу выделяет только количественную сторону: ведь очевидно, что для него язык – это не только система изоглосс, но и определенное количество особых, специфических изоглосс по отношению к языку-основе (системе-матери), так сказать, «контрольный пакет» изоглосс. Но изоглоссы, как известно, различаются и в качественном отношении: ареалы одних распространяются чуть ли не на всю страну, характеризуя диалект, группу диалектов или даже весь язык в целом; действие других ограничено говорами, соответственно можно выделить, по меньшей мере, три типа:

1. изоглосса на уровне языка (I);
2. изоглосса на уровне диалекта (II) и
3. изоглосса на уровне говора (III).

Отсюда следует, что каждый новый язык должен обязательно содержать изоглоссы первого типа, но что касается их числа и роли в системе, то это нужно пока оставить неопределенным и в дальнейшем проверить на более ясных случаях. Соответственно независимость общероманского по отношению к латыни можно считать доказанной – пускай предварительно – если в нем удастся обнаружить изоглоссы первого типа. Но как их выявить?

Как известно, говоры обычно различаются лексикой, реже и меньше фонетикой и еще меньше морфологией; диалекты характеризуются не только лексикой, но и фонетическими и морфологическими изоглоссами, а на уровне родственных языков мы обычно сталкиваемся и с синтаксическими различиями. При обратном ходе рассуждения, когда нам даны изоглоссы и надо определить их тип, т. е. принадлежат ли они языку или только диалекту, мы можем с относительной уверенностью полагаться

только на факты синтаксиса: факты фонетики и морфологии требуют типологической проверки. Возможны три варианта: данный факт выступает в других языках как 1) изоглосса типа I; 2) как изоглосса типа II и 3) и как типа I, и как типа II, что делает его непригодным для анализа, если при этом нет дополнительных данных.

Применим теперь наши чисто теоретические и нуждающиеся в основательной проверке рассуждения к романскому материалу. Он сводится к четырем общероманским фактам или группам фактов:

1. исчезновение количественных противопоставлений в вокализме;

2. редукция флексии в системе имени и глагола; аналитические конструкции;

3. изменение порядка слов, главным образом сдвиг сказуемого в середину, реже начало, предложения;

4. отсутствие абсолютных конструкций *abl. abs.*, *acc. cum inf.*

Все четыре признака являются общероманскими. Исчезновение количества наблюдается уже в помпейских надписях, а в конце III в. подтверждается окончательно (ILV §§ 44–45); по типу это явление относится, без всякого сомнения, к изоглоссам типа I. 2. смешение падежей зарегистрировано уже в Помпеях и у Петрония (ILV §§ 247–248); различные перифразы исчезнувшего будущего представлены у Тертуллиана и Августина (ILV § 303); конструкция *Part. Perf. Pass. + habeo* очень часта уже у Ливия, а у примыкавшего к нему во многих отношениях Тацита начисто отсутствует, как, впрочем и вообще в серебряной латыни, что вряд ли можно объяснить иначе, как сознательным противодействием грамматиков; система пассива расшатывается уже во времена Плавта (ILV § 298). Как известно, аналитические конструкции определили самый тип романских языков, так что и этот признак следует отнести к типу I. 3. (порядок слов) не засвидетельствован; реконструируется из романских языков; в качестве «минимальной пары» можно привести гагаузский и турецкий, дифференцирующиеся преимущественно по этому признаку; 4. *abl. abs.* отсутствует в «Афре» (ILV § 382); *quod* с индикативом вместо *acc. cum inf.* уже у Петрония (ILV § 374) можно отнести к изоглоссам I типа как синтаксический факт.

Как правило, общероманские инновации в фонетике и морфологии достаточно четко прослеживаются в императорской латыни, чего нельзя сказать о некоторых синтаксических

явлениях, например, передвижение сказуемого. Диц в таких случаях предпочитал говорить о тенденциях, реализуемых впоследствии уже в романских языках. Однако сам термин «тенденция» далеко не очевиден и требует специального исследования: на данный момент логичнее – проще – реконструировать. Это применимо и к языковым универсалиям: не случайно Майер-Любке относился к ним с подозрением.

В современной романистике реконструкции как таковые, разумеется, не отрицаются и об этом методе можно найти сведения почти во всех учебниках, см. «Введение» Монтеверди (Monteverdi 1952: 44–48) и еще более известное «Введение» К. Тальявини (Tagliavini 1964: § 46, 9), где между прочим, сообщается, что в REW Майер-Любке насчитывается до 10% слов под звездочкой. Из более новых работ можно отметить статьи Pulgram 1950; Leumann 1960; Hall 1969: 399–404 (вопросы терминологии); общие очерки в соответствующих главах книг В. Вянянена, Г. Райхенкрона, Е. А. Реферовской (Реферовская 1956, гл. 3 «О “вульгарной” латыни и времени возникновения романской речи», с. 129–147) и др. Дискуссия нередко сводится к спору о терминах. На наш взгляд, наиболее существенным является следующее:

а) романские языки возникли не из классической латыни, а из койне (Verkehrsprache по Райхенкрону) конца Республики и ранней Империи с постепенно изменявшейся фонетической системой, упрощенным склонением и несколько более консервативным спряжением, многочисленными аналитическими конструкциями и, главное, со сдвинутым в середину (или начало) предложения сказуемым. Это койне мы должны рассматривать как совершенно особый от латыни язык аналитического типа, *lingua romana* по преимуществу. Помимо вышеупомянутых работ интересно еще более решительное, в духе Г. Моля, утверждение Т. Маурера: «... a general idade das eliminações e inovações se tenha dado antes da latinização intensa das províncias» (Maurer 1959: 6)⁷.

б) это койне, развившееся на основе разговорного языка Рима, отражено в письменных памятниках, как и этот последний, очень плохо или даже еще хуже, так как литература Империи отличалась особенным пуризмом – и «Пир Тримальхиона»

⁷ Ср. поздний Майер-Любке: «... daß dem Romanischen ungefähr das Gemeinrömische zu Beginn unserer Zeitrechnung zu Grunde liegt, ja man darf wohl eher noch weiter heruntergehen» Meyer-Lubke 1901: 91, § 77).

вместе с помпейскими надписями неэквивалентны как источник, скажем, Плавту или письмам Цицерона; мы знаем его главным образом из сравнения его относительно поздних разветвлений, романских языков, однако в его существовании, как и в его весьма приблизительной унифицированности, нет никакого сомнения. Продолжая совершенно справедливое сравнение Лаусберга, что нынешние романские языки, вероятно, так и не возникли бы, если бы Западная Римская Империя не распалась, а устояла, как Византия (RS I, § 35) можно сказать, что в этом случае мы имели бы, как в средневековой Византии и нынешней Греции, столь же отличающиеся друг от друга письменный и разговорный языки, как греческие кафаревуса и димотика;

в) все романские языки восходят к койне и, если не считать отдельных позднее распавшихся групп, они соответственно стоят ближе к койне, чем друг к другу. Время их возникновения есть вопрос не сугубо лингвистический, а и исторический, так как он связан с возникновением романских народов, т. е. фактически с ассимиляцией германцев на Западе и в Центре и славян на Востоке, ср. заглавия работ: W. von Wartburg. *Die Entstehung der romanischen Völker*. Halle/Saale, 1951; H. Meier. *Die Entstehung der romanischen Sprachen und Nationen*. Frankfurt a. M., 1941 и удачное резюме проблемы акад. Й. Йорданом (Jordan, Manoliu 1965: 32–41), датирующего этот момент VIII–IX вв. В этом смысле следует интерпретировать и обе датировки Д. Норберга, как старую, «между 500 и 800» (Norberg 1943: 21, ср. Löfstedt 1959: 2–3) и более новую, после 700 г., о которой см. выше. В обоих случаях под выражением «романский язык» (продолжающим языковой узус того времени, ср. Страсбургские присяги или решения Турского собора в 813 г.) надо понимать просто «французский и провансальский», несмотря на то, что сами эти термины засвидетельствованы позже.

Отметим попутно, что старое название *romance*, *lenga romana* продолжает встречаться и в средневековых романских текстах, см. напр.: Jaufré Rudel: «Senes breu de pargamina /tramet lo vers, que chantam /en plana lenga romana /aí Hugon Brun per Filhol» («Quan lo rius de la fontana»), а румынский язык так в сущности и не имеет «своего» названия, так как одно время популярный термин «валахский» (ср.-лат. *valachicus*) в конце концов не прижился.

Литература

- Йордан 1971 – Йордан Й. Романское языкознание. М., 1971.
 Мейе 1935 – Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1935.
 Реферовская 1956 – Реферовская Е. А. Истоки аналитизма романских языков. М., «Наука», 1956.
 Bartoli 1945 – Bartoli M. Saggi di linguistica spaziale. Torino, 1945.
 Bonfante 1947 – Bonfante G. The neolinguistic position // *Language*. 1947. Vol. 23. P. 345–366.
 Burger 1945 – Burger A. Pour une théorie du roman commun // *Mémorial des études latines*. Paris, 1943. P. 162–169.
 Coseriu 1954 – Coseriu E. El llamado «latín vulgar» y las primeras diferenciaciones romances. Montevideo, 1954.
 Hall 1969 – Hall R. A. Jr. Coerenza e realismo nella ricostruzione del protoromanzo // *Lingua e stile*. 1969. Vol. IV/3. P. 399–404.
 ILV – Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. 3me éd. Paris, 1981.
 Iordan, Manoliu 1965 – Iordan I., Manoliu M. Introducere în lingvistică romanică. București, 1965.
 Leumann 1960 – Leumann M. «Urromanisch» und «Vulgärlateinisch» // *Lingua Posnaniensis*. 1960. T. VIII. P. 1–12.
 Löfstedt 1959 – Löfstedt E. Late Latin. Oslo, 1959.
 Maurer 1959 – Maurer Th. H. Gramática do latim vulgar. Rio de Janeiro.
 Meier 1940 – Meier H. Über das Verhältniss des Lateins zu den romanischen Sprachen // *Romanische Forschungen*. 1940. Vol. 54/2. S. 165–201 (особенно гл. II «Meier-Lübke und das Vulgärlatein», с.171–182).
 Meyer-Lübke 1901 – Meyer-Lübke W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1901.
 Monteverdi 1952 – Monteverdi A. Manuale di avviamento agli studi romanzi. Le lingue romanze. Milano, 1952.
 Norberg 1943 – Norberg D. Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins. Uppsala, 1943.
 Pulgram 1950 – Pulgram E. Spoken and written Latin // *Language*. 1950. Vol. 26. P. 458–466.
 Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. 2 ed. Firenze, 1964.

A. B. Chernyak. Matteo Bartoli, Wilhelm Meyer-Lübke and the reconstruction of the Proto-Romance stage of the Romance languages

The present paper deals with works and ideas in Romance philology of the two well-known European linguists – W. Meyer-Lübke (1861–1936) and M. Bartoli (1873–1946).

Keywords: the Romance languages, Romance philology, Proto-Romance stage, W. Meyer-Lübke, M. Bartoli.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. В. АНТОНЕЦ. «Ватиканский Вергилий»: миниатюра и текст (Verg. Aen. IV 60–61).....	3
Д. Е. АФИНОГЕНОВ. Новые следы патрикия Траяна?.....	13
А. Е. БЕЛИКОВ. Материалы для сравнительного исследования словарного запаса Вергилия и Силия Италика.....	22
Г. С. БЕЛИКОВ. К вопросу об источниках Plut. <i>De gen. Socr.</i> 20; 588C–589F.....	32
С. Г. БОЛОТОВ. Троякое отражение индоевропейских сокращённых долгих слоговых сонантов в латыни.....	40
Н. А. БОНДАРКО. Анонимная проповедь о воплощении Бога Слова в рукописи Cgm 176 из собрания Баварской государственной библиотеки.....	52
Н. В. БРАГИНСКАЯ, А. И. ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА. Мученик как аскет в Четвёртой Маккавейской книге.....	61
А. Ю. БРАТУХИН. Ἀπὸ τῆς ψυχῆς in Clem. Alex. Paed. I, 8, 74, 2.....	79
А. Ю. БРАТУХИН, Л. В. БРАТУХИНА. Конечная судьба грешников согласно Клименту Александрийскому.....	88
П. Е. БУХАРКИН. Риторика М. В. Ломоносова и классические традиции в русской литературе.....	98
А. С. ВАНЮКОВ. Ксанф и Эзоп, хозяин и работник (заметки на полях исследования В. Хансена).....	119
А. Ю. ВИНОГРАДОВ. Греческие тексты из Мощевой балки и поэтическая структура византийских аккламаций.....	133
D. S. WODTKO. Archaismen und Neuerungen im baltischen Lexikon.....	141
О. А. ВОЛОШИНА. «Мягкий» язык индийских текстов (особенности синонимии и полисемии в Ригведе).....	150
А. Н. ГАВРИЧЕНКОВ. О значении и.-е. *kred в др. инд. śrad-dhā-, лат. crēdō.....	158
А. Е. ГАВРЮШЕВА. К проблеме обозначения гласных в письменном языке Нюрнберга XV в.	166
NATALJA GANINA. <i>Dis buch gehort in daz closter zûn ruwerin in strossburg: die strassburger Sammelhandschrift</i> (Moskau, RSB, f. 68, № 446).....	175
E. V. GRIGORYEVA. <i>David der Unbesiegbare? Einige Überlegungen zum Gebrauch des Beinamens in der griechischen und der armenischen Traditionen</i>	186
А. В. ГРОШЕВА. «Податели сна» (ὕπνος и ἑρμῆς) у Гомера.....	198
С. И. ДМИТРИЕВА. Роль элемента -i- в образовании основ презенса с суффиксом -σκ- в древнегреческом языке.....	215
Л. П. ДРОНОВА. Латинское pŕivus: семантическая структура этимологического гнезда.....	222

A. EVDOKIMOVA. New Greek graffiti in St. Sophia of Constantinople in the archive of Robert van Nice. II part. Preliminary observation.....	228
С. К. ЕГОРОВА. Amici и pravi: Два разночтения в XIII эпode Горация	238
Ф. А. ЕЛОЕВА. Кафаревуса в современной новогреческой литературе – лингвистический эксперимент или отражение диахронии?.....	246
В. В. ЕМЕЛЬЯНОВ. К истории шумер. <i>anzil</i> : орфография, семантика, этимология.....	268
А. А. ЕСЕЛЕВА 'hi bereafiað hie selfe ðara goda...'. Пути развития трехместных конструкций в английском языке.....	276
А. В. ЖУГРА. К истории одного социального термина: алб. <i>kasnec</i> 'глашатай'.....	289
Я. Л. ЗАБУДСКАЯ. «Поэтика заглавий» и названия греческой драмы	295
В. В. ЗЕЛЬЧЕНКО. К значению ψῆφος в магических контекстах.....	306
S. V. IVANOV. The Legend of the twelve golden Fridays in the Western manuscripts. Part II: Vernacular – II.3 Dutch, Low German, High German.....	319
М. Н. КАЗАНСКАЯ. К вопросу об отношении выражений μοῦνος μοῦνόςθεν (Hdt. 1, 116) и οἰόθεν οἶος (Hom. II. 7, 39 и 226).....	332
V. P. KAZANSKIENE. A Tie between the Micro- and Macrococosmos: On the Etymology of Homeric βρότος.....	340
Н. Н. КАЗАНСКИЙ. Расширитель индоевропейского корня *-bh- и его отражение в древнегреческом языке (др.-греч. ἀλείφω и διδάω)	348
А. В. КАРГАЛЬЦЕВ. Старолатинские переводы Священного Писания в римской Северной Африке.....	359
Н. В. КАРЕВА, М. Л. СЕРГЕЕВ. Система артиклей в грамматике П. Ресто и проблемы ее перевода на русский язык.....	367
А. С. КАСЬЯН, М. А. ЖИВЛОВ, Г. С. СТАРОСТИН. Вероятностная оценка индоевропейско-уральского родства: формализованное сравнение реконструированной базисной лексики.....	382
М. С. КАСЬЯН. Какой венок увенчает поэта? (Horatii Od. I, 38).....	409
Т. КИШБАЛИ. Святилище в Лабрандах и династия Гекатомнидов.....	419
S. D. KLEINER. Guaranem and aeranem in Isid. Etym. 12.1.53.....	430
К. И. КОВАЛЕНКО. Греческие фитонимы в новгородском азбучнике 1596 г. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1642).....	433
И. М. КОВАЛЬЧУК. Семантические особенности лексем, номинирующих явления в сравнениях закрепок русских заговоров.....	444
A. CORSO. Retrieving the Aphrodite of Hermogenes of Cythera.....	452
А. О. КОРЧАГИН. Бытие 4: 3–5 (к вопросу об интерпретации).....	463
П. А. КОЧАРОВ. Конструкция [X <i>anin</i>] 'по имени X' в древнеармянском языке в свете индоевропейской реконструкции.....	473
Д. С. КРУГЛОВ. Метафорика восприятия в текстах гравированных портретов Германии XVII–XVIII вв. и ее средневековые источники.....	482
А. Е. КУЗНЕЦОВ. Метрическая эпитафия Луция Калидия Эротика.....	493

Е. А. КУЗЬМЕНКО. Монахи и конверсы в цистерцианских визионерских текстах конца XII – нач. XIII века: способы дифференциации.....	499
Ю. К. КУЗЬМЕНКО. К интерпретации надписи старшими рунами на пряжке из Вэрлесе.....	509
Л. И. КУЛИКОВ. Залоги и залоговые категории в индоарийском и праиндоевропейском: к диахроническо-типологическому портрету глагольной системы ведийского санскрита.....	527
С. В. КУЛЛАНДА. Переднеазиатский арийский. К проблеме генеалогической классификации.....	553
А. Д. КУРИЛОВА. Российские рукописные риторические руководства XVIII века на латинском языке о качествах красноречия.....	558
Р. В. ЛАПЫРЁНОК, А. М. Сморчков. Авгурский термин «lex vitiosa» в трактате Цицерона «Брут» (136).....	565
Ю. А. ЛОПАШОВ. О некоторых фонетических процессах в западно-македонских греческих говорах в балканистическом аспекте.....	573
Л. В. ЛУХОВИЦКИЙ. Скажи «арфа»: прп. Иоанникий Великий как логопед.....	581
А. И. ЛЮБЖИН. Древнеримская литература в библиотеке Т. Н. Грановского.....	591
А. М. МАЛОМУД. Формульные выражения в <i>Theriaca</i> Никандра Колофонского.....	604
Ю. Б. МАНТОВА. Путешествия в византийской агиографии VIII–XII вв.: особенности художественного воплощения.....	610
А. И. МАРКОВА. Латинские эпитафии в трудах русских ученых-медиков (Московская медико-хирургическая академия).....	627
Т. А. МИХАЙЛОВА. Ursula ~ Artula: о возможных прочтениях надписи CIL XIII # 3909.....	637
Т. А. МИХАЙЛОВА (Смирнова). «Exagoge» Иезекииля-трагика и Книга Исхода.....	646
М. А. МОЛИНА, А. В. СИДЕЛЬЦЕВ. Корпусное исследование информационной структуры и границы клаузы в хеттском языке (на материале среднехеттских писем).....	657
Г. А. МОЛЬКОВ. Употребление стяжённых и нестяжённых форм прилагательных, причастий и глаголов в Милятином евангелии.....	667
В. Т. МУСБАХОВА. Об одной боспорской реминисценции Гиппонакта.....	679
L. NAIDITCH. Quotative modality and its Occurrence in Early New High German. Evidence from texts of the 16 th century.....	694
A. NIKOLAEV. An etymological miscellany.....	708
Н. А. НИКОЛАЕВА. О хронологии древнейшего слоя в индоевропейской мифологии.....	717
Д. Д. НОВГОРОВОДА. Скрытый герой. Invisible heritage.....	730
Е. П. НОВИКОВА. Дева из Анагнии и некоторые детали к портрету герников.....	738

Н. Л. ОГУРЕЧНИКОВА. Падежная семантика в предикативных синтагмах с превербами (на материале древнеанглийского языка).....	749
А. Д. ПАНТЕЛЕЕВ. Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция?.....	762
Е. А. ПАРИНА. Семантический переход 'твердый' > 'сталь' в островных кельтских языках.....	771
А. В. ПОДОСИНОВ. Мог ли Геродот встретиться в Ольвии с Тимном, наместником скифского царя Ариапифа?.....	789
Н. В. ПОКАТИЛОВА. Античная реплика в генезисе якутской литературы.....	794
Е. Г. РАБИНОВИЧ. Несколько замечаний о слове <i>νηστεία</i>	804
L. REPANŠEK. <i>Fluvius Argao, quis in sinum Argo fluit?</i>	814
И. В. РЫБАКОВА. «Аргонавтика» Аполлония Родосского и эпос Гесиода.....	821
А. В. САФРОНОВ. «Народы моря» и Кипр: история и легендарная традиция.....	831
М. Г. СЕЛЕЗНЕВ, А. В. ШЕЛУШПАНОВ. К вопросу об эсхатологии в греческой псалтири: дискуссия о значении подзаголовка <i>εἰς τὸ τέλος</i>	842
А. В. СИДЕЛЫЦЕВ. Позиция преверба в хеттском предложении: исконное, заимствованное или различные (идио)лекты?.....	853
М. В. СКРЖИНСКАЯ. Досуг ольвиополитов.....	859
М. Н. СЛАВЯТИНСКАЯ. Текст и «затекст» (дискурсивные заметки о языке комедий Аристофана).....	868
А. И. СОЛОПОВ, Е. В. АНТОНЕЦ. К установлению текста Colum. X 1, 1, 300.....	881
Н. С. СОРОКИНА. Латинская передача греческого предлога <i>ἐν</i> с географическими названиями (на материале «Истории животных» Аристотеля).....	885
И. С. ТИМОФЕЕВ. Возникновение и употребление термина <i>inane</i> «пустота» в философском словаре Лукреция.....	889
Т. В. ТОПОРОВА. О манифестации второго лица в мифологических песнях «Старшей Эдды».....	896
А. А. ТРОФИМОВ. Праиндоевропейские начальные кластеры с двумя глухими смычными: праязыковое наследие или диалектная инновация?.....	909
М. С. ТРОФИМУК. Алексей Васильевич Мишанич и развитие неолатинистики в Украине.....	920
В. В. ФАЙЕР. Гекзаметр астрологической поэмы Манефона.....	926
А. И. ФАЛИЛЕЕВ. <i>Miscellanea Venetica</i>	933
Е. СЕРЕЛ. Intertextuality for the intelligentsia: Further parallels between Aristophanes' <i>Clouds</i> and <i>Banqueters</i>	950
А. Б. ЧЕРНЯК. М. Бартоли, В. Майер-Любке и реконструкция общероманского состояния.....	956

CONTENTS

E. V. ANTONETS. <i>Vergilius Vaticanus</i> : miniature and text (Verg. Aen. IV 60–61).....	3
D. E. AFINOGENOV. New traces of Trajan the Patrician?.....	13
A. E. BELIKOV. Materials for Virgil and Silius Italicus Comparative Vocabulary Research.....	22
G. S. BELIKOV. On the sources of Simmias' speech in Plutarch's dialog <i>On the Daimonion of Socrates</i>	32
S. G. BOLOTOV. The theefold reflexion of <i>shortened</i> Indo-European long syllabic resonants in Latin.....	40
N. A. BONDARKO. An Anonymous Sermon on the Incarnation on the Divine Word in the Cgm 176 (Munic, Bavarian State Library).....	52
N. V. BRAGINSKAYA, A. I. SHMAINA-VELIKANOVA. Martyr as ascetic: the novelty of the Fourth Book of Maccabees.....	61
A. JU. BRATUKHIN. Ἀπηλγηκυῖα ψυχή in Clem. Alex. Paed. I, 8, 74, 2....	79
A. JU. BRATUKHIN, L. V. BRATUKHINA. The final destiny of sinners according to Clement of Alexandria.....	88
P. E. BUKHARKIN. Lomonosov's Rhetoric and Classical Tradition in Russian Literature.....	98
A. S. VANYUKOV. Xanthos and Aesop, master and farmhand (notes on the margins of William Hansen's <i>Ariadne's Thread</i>).....	119
A. JU. VINOGRADOV. Greek texts from Moshchevaya Balka and the poetic structure of Byzantine acclamations.....	133
D. S. WODTKO. Archaisms and Innovations in Baltic Lexikon.....	141
O. A. VOLOSHINA. «Soft» language of Indian texts (characteristic features of Rigvedic synonymy and polysemy).....	150
A. N. GAVRICHENKOV. On the meaning of IE * <i>kred</i> in Skr <i>śrad-dhā-</i> and Lat. <i>crēdō</i>	158
A. E. GAVRYUSHEVA. Some features of vowel indication in the written language of Nuremberg in the XVth century.....	166
NATALIJA GANINA. <i>Dis büch gehort in daz closter zûn ruwerin in Strossburg</i> : die Straßburger Sammelhandschrift (Moskau, RSB, F. 68, № 446).....	175
E. V. GRIGORYEVA. David the Invincible? Some remarks on the use of epithets in the Greek and Armenian traditions.....	186
A. V. GROSHEVA. Homer's providers of sleep (Ἵπνος and Ἑρμῆς).....	198
S. I. DMITRIEVA. The role of the element -ι- in the formation of the Ancient Greek present stems in -σκ-.....	215
L. P. DRONOVA. Latin <i>prīvus</i> : semantic structure of etymological family	222
A. EVDOKIMOVA. New Greek graffiti in St. Sophia of Constantinople in the archive of Robert van Nice. II part. Preliminary observation.....	228
S. K. EGOROVA. <i>Amici</i> and <i>pravi</i> : two obscure passages of Horace's 13 th Epode.....	238

F. A. ELOEVA. Katharevousa in the modern Greek fiction – linguistic experiment or reflection of diachrony?.....	246
V. V. EMELIANOV. On the History of Sumerian <i>anzil</i> : Orthography, Semantics and Etymology of the Word.....	268
A. A. ESELEVA. ‘hi bereafiað hie selfe ðara goda...’ (On Historical Change of English Trivalent Constructions).....	276
A. V. ZHUGRA. The history of an Albanian social term: <i>kasnec</i> ‘harold’ ...	289
Ya. L. ZABUDSKAYA. «Poetics of titles» and the titles of Greek tragedies.....	295
V. V. ZELTCHENKO. On the Meaning of ψῆφος in Magical Contexts.....	306
S. V. IVANOV. The Legend of the twelve golden Fridays in the Western manuscripts. Part II: Vernacular – II.3 Dutch, Low German, High German.....	319
M. N. KAZANSKAYA. On the problem of the relationship between expressions μῦθος μουνόθεν (Hdt. 1, 116) and οἰόθεν οἶος (Hom. Il. 7, 39 и 226).....	332
V. P. KAZANSKIENE. A Tie between the Micro- and Macrococosmos: On the Etymology of Homeric βρότος.....	340
N. N. KAZANSKY. Indo-European Root Extender *-b ^h - as Rendered in Ancient Greek (Gk. ἀλείφω and διφάω).....	348
A. V. KARGALTSEV. Old Latin translations of the Holy Scripture in Roman North Africa.....	359
N. V. KAREVA, M. L. SERGEEV. The system of articles in P. Restaut’s “Grammar” and the problems of its translation into Russian.....	367
A. S. KASSIAN, M. A. ZHIVLOV, G. S. STAROSTIN. Towards a probabilistic evaluation of the Indo-Uralic connection: Applying automated comparison to reconstructed sets of basic lexicon.....	382
M. S. KASSIAN. What kind of wreath will crown the poet ? (Horatii Od. I, 38).....	409
TAMÁS KISBALI. The Sanctuary at Labraunda and the Hekatomnid dynasty.....	419
S. D. KLEINER. Guaranem and aeranem in Isid. Etym. 12.1.53.....	430
K. I. KOVALENKO. Plant names of Greek origin in the Novgorod azbukovnik of the 16th century.....	433
I. M. KOVALCHUK. Semantic features of the lexemes denoting natural phenomena in similes of Russian spells’ ratifications (zakrepka).....	444
A. CORSO. Retrieving the Aphrodite of Hermogenes of Cythera.....	452
A. O. KORCHAGIN. On the interpretation of Genesis 4: 3–5.....	463
P. A. KOCHAROV. The Classical Armenian construction [X <i>anun</i>] ‘X in name’ from the point of view of Indo-European reconstruction.....	473
D. S. KRUGLOV. Metaphors of Perception in the Texts of Engraved Portraits from Germany in the 17 th –18 th Centuries and their Medieval Sources.....	482
A. E. KUZNETSOV. A Metrical Epitaph of L. Calidius Eroticus.....	493

E. A. KUZMENKO. Monks and Lay Brothers in the Cistercian visionary texts of the late XII – beginning of the XIII century: the ways of differentiation.....	499
Yu. K. KUZMENKO. On the interpretation of the older runic inscription on the brooch from Værløsa (Denmark).....	509
L. I. KULIKOV. Voices and valency-changing categories in Indo-Aryan and Proto-Indo-European: A diachronic typological portrait of the Vedic verbal system.....	527
S. V. KULLANDA. Near Eastern Aryan among Aryan languages.....	553
A. D. KURILOVA. Manuscript rhetorical books on elocution composed in Russia of the 18 th century in Latin.....	558
R. V. LAPYRIONOK, A. M. SMORCHKOV. The augural term «lex vitiosa» in Cicero's «Brutus» (136).....	565
Yu. A. LOPASHOV. Phonetic developments in the West Macedonian Greek dialects from the point of view of the Balkan linguistics.....	573
L. V. LUKHOVITSKIY. Say 'arpha': St. Ioannikios the Great as a Speech Therapist.....	581
A. I. LYUBZHIN. Works of Roman authors in the personal library of Timofey Granovsky.....	591
A. M. MALOMUD. Formulaic expressions in <i>Theriaca</i> of Nicander of Colophon.....	604
Y. B. MANTOVA. Travel in the Mid-Byzantine hagiography: peculiarities of literary representation.....	610
A. I. MARKOVA. Latin epigraphs in the writings of Russian physicians (Moscow Medical-Surgical Academy, 1798–1845).....	627
T. A. MIKHAILOVA. URSULA ~ ARTULA: on the interpretation of the inscription CIL XIII 3909.....	637
T. A. MIKHAILOVA (SMIRNOVA). <i>Exagoge</i> by Ezekiel the Tragedian and the Book of Exodus.....	646
M. A. MOLINA, A. V. SIDELTSEV. Corpus Study of Information Structure and clause borders in Hittite (on the basis of the Middle Hittite letters).....	657
G. A. MOL'KOV. Contracted and uncontracted forms of adjectives, participles and verbs in the Milyatino Gospel.....	667
V. T. MUSBAKHOVA. On a Bosporan reminiscence of Hipponax.....	679
LARISSA NAIDITCH. Quotative modality and its Occurrence in Early New High German. Evidence from texts of the 16 th century.....	694
ALEXANDER NIKOLAEV. An etymological miscellany.....	708
N. A. NIKOLAEVA. On the chronological position of the most ancient stratum of Indo-European mythology.....	717
D. D. NOVGORODOVA. A concealed hero. Invisible heritage.....	730
E. P. NOVIKOVA. Maid from Anagnia and some details to the portrait of Hernici.....	738
N. L. OGURECHNIKOVA. Case semantics in predicative structures with phrasal particles.....	749

A. D. PANTELEEV. Speeches in “Martyrium Pionii”: authenticity or fiction?.....	762
E. A. PARINA. Semantic shift ‘hard’ > ‘steel’ in Insular Celtic languages	771
A. V. PODOSINOV. Could Herodotus meet in Olbia with Thymnes governor of the Scythian king Ariapeithes?.....	789
N. V. POKATILOVA. Reception of Ancient literature in the genesis of Yakut literature.....	794
E. G. RABINOVITCH. Some remarks on the word νηστεία.....	804
L. REPANŠEK. <i>Fluvius Argao, quis in sinum Argo fluit?</i>	814
I. V. RYBAKOVA. <i>Argonautica</i> of Apollonius Rhodius and Hesiodic epic	821
A. V. SAFRONOV. The Sea Peoples and Cyprus: history and legendary tradition.....	831
M. G. SELEZNEV, A. V. SHELUSHPANOV. On the eschatology of the Greek Psalter: debates on the meaning of the expression εἰς τὸ τέλος.....	842
A. V. SIDELTSEV. Preverb Position in the Hittite Clause: genuine Hittite – calqued – belonging to different (idio)lects?.....	853
M. V. SKRZHINSKAJA. The leisure of Olbian citizens.....	859
M. N. SLAVYATINSKAYA. Remarks on the language of Aristophanes’ comedies.....	868
A. I. SOLOPOV, E. V. ANTONETZ. Towards a text of Colum. X 1, 1, 300... ..	881
N. S. SOROKINA. The Greek preposition ἐν with place-names in Pliny's translation of Aristotle's <i>Historia Animalium</i>	885
I. S. TIMOFEEV. The term <i>void</i> in the Lucretius’ philosophical vocabulary	889
T. V. TOPOROVA. On the Manifestation of the Second Person in the Mythological Lays of the <i>Elder Edda</i>	896
A. A. TROFIMOV. Initial clusters consisting of two voiceless stops: PIE heritage or dialectal innovation?.....	909
M. S. TROFIMUK. Oleksa Myshanych and Neo-Latin studies in Ukraine	920
V. V. FAYER. Hexameter of the astrological poem by Manetho.....	926
A. I. FALILEYEV. <i>Miscellanea Venetica</i>	933
E. CHEPEL. Intertextuality for the intelligentsia: Further parallels between Aristophanes’ <i>Clouds</i> and <i>Banqueters</i>	950
A. B. CHERNYAK. Matteo Bartoli, Wilhelm Meyer-Lübke and the reconstruction of the Proto-Romance stage of the Romance languages.....	956

Авторы статей

- АНТОНЕЦ ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филол. наук, доцент кафедры классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова; evantonetz@yandex.ru.
- АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор Кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. logotheta@mail.ru
- БЕЛИКОВ АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – канд. филол. наук, ст. преп. кафедры классической филологии филологического факультета МГУ. belikov.smu@gmail.com
- БЕЛИКОВ ГРИГОРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ассистент кафедры древних языков исторического факультета МГУ. megarensis@mail.ru
- БОЛОТОВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ – Москва, baltaitis@yandex.ru
- БОНДАРКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН.
- БРАГИНСКАЯ НИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Ин-та высших гуманитарных исследований, профессор Ин-та восточных культур и античности РГГУ, 1satissuperque@gmail.com
- БРАТУХИН АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского гос. национального исследовательского института (ПГНИУ). Bratucho@yandex.ru.
- БРАТУХИНА ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского гос. национального исследовательского института (ПГНИУ). Bratucho@yandex.ru.
- БУХАРКИН ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ p_bukharkin@hotmail.com
- ВАНЮКОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – преподаватель кафедры древних языков Института лингвистики РГГУ. A_Van_97@mail.ru
- ВИНОГРАДОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. научно-учебной лаборатории медиевистических исследований, доцент кафедры социальной истории Факультета истории НИУ ВШЭ. ampelios@gmail.com
- ВОДТКО ДАГМАР С. (Wodtko Dagmar S.) – PD Dr., Albert-Ludwigs-Universität Freiburg im Breisgau. dagmar.s.wodtko@mail.uni-freiburg.de
- ВОЛОШИНА ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент кафедры теоретической лингвистики РГГУ. oханав2005@mail.ru
- ГАВРИЧЕНКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ – канд. пед. наук, учёный секретарь ГАОУ ДПО «Калужский государственный институт модернизации образования». pr_nz@mail.ru

- ГАВРЮШЕВА АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА – ЯрГУ им. П. Г. Демидова, ассистент кафедры общей и прикладной филологии, аспирант ИЛИ РАН. alexandra-gavr@mail.ru.
- ГАНИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова.
- ГРИГОРЬЕВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА – МА, докторант Humboldt-Universität zu Berlin, Theologische Fakultät. elena.grigoryeva.2@cms.hu-berlin.de
- ГРОШЕВА АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА – докт. филол. наук, вед. науч. сотр. ИЛИ РАН. erkryuchkova@mail.ru
- ДМИТРИЕВА СОФЬЯ ИГОРЕВНА – мл. научн. сотр. ИЛИ РАН. s.i.dmitrieva@gmail.com
- ДРОНОВА ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА – доктор филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. lpdronova@mail.ru
- ЕВДОКИМОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА – канд. филол. наук, науч. сотр. Институт языкознания РАН, arochka@gmail.com
- ЕГОРОВА СОФЬЯ КОНДРАТЬЕВНА – канд. филол. наук, ст. преп. кафедры классической филологии, Филологический фак., СПбГУ. sofia.egorova@gmail.com
- ЕЛОЕВА ФАТИМА АБИСАЛОВНА – доктор филол. наук, профессор кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ. fatimaeloeva@yandex.ru
- ЕМЕЛЬЯНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филос. наук, профессор кафедры семитологии и гебраистики Восточного факультета СПбГУ. banshur69@gmail.com
- ЕСЕЛОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – мл. научн. сотр. ИЛИ РАН. eselana@mail.ru
- ЖИВЛОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. преп. сектора компаративистики отдела научных исследований ИВКА РГГУ, науч. сотрудник ШГИ РАНХиГС, науч. сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва), zhivlov@gmail.com
- ЖУГРА АЛЬВИНА ВЕНЕДИКТОВНА – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. ajugra.rambler.ru
- ЗАБУДСКАЯ ЯНА ЛЕОНИДОВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. yanazabud@mail.ru
- ЗЕЛЬЧЕНКО ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии СПбГУ. vzelchenko@rambler.ru
- ИВАНОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. sergeOivanov@gmail.com
- КАЗАНСКАЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА – Docteur ès lettres (Sorbonne), канд. филол. наук, науч. сотр. ИЛИ РАН.
- КАЗАНСКЕНЕ ВАНДА ПЯТРОВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет. kazansky@nk1446.spb.edu
- КАЗАНСКИЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – академик РАН, доктор филол. наук, директор ИЛИ РАН. nkazansky@iling.spb.ru

- КАРГАЛЬЦЕВ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ – соискатель каф. истории Древней Греции и Рима Исторического ф-та СПбГУ. kargaltsev@gmail.com
- КАРЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – канд. филол. наук, науч. сотр. ИЛИ РАН.
- КАСЬЯН АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – канд. филол. наук, науч. сотрудник сектора анатолийских и кельтских языков Института языкознания РАН, науч. сотрудник ШГИ РАНХиГС, ст. преп. сектора компаративистики отдела научных исследований ИВКА РГГУ (Москва), a.kassian@gmail.com
- КАСЬЯН МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – ст. преп. кафедры классической филологии Института восточных культур и античности, РГГУ (Москва); mkass@mail.ru
- КИШБАЛИ ТАМАШ – аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова; исторический факультет, отделение истории и теории искусства, кафедра всеобщей истории искусства. kisbalim@gmail.com
- КЛЕЙНЕР СВЕТЛАНА ДМИТРИЕВНА – канд. филол. наук, науч. сотр. ИЛИ РАН, anthars@gmail.com
- КОВАЛЕНКО КИРА ИОСИФОВНА – мл. научн. сотр. ИЛИ РАН. kira.kovalenko@gmail.com
- КОВАЛЬЧУК ИННА МИХАЙЛОВНА – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры философии языка, сравнительного языкознания и перевода. Ин-т иностранной филологии, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова, Киев. iriniwka@meta.ua
- КОРСО АНТОНИО (Corso Antonio) – PhD, Lord Marks Charitable Trust, London. antoniocorso@hotmail.com
- КОРЧАГИН АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ – ассистент кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. megistos@mail.ru
- КОЧАРОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, peter.kocharov@gmail.com
- КРУГЛОВ ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ – аспирант филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова denis.kruglov@gmail.com
- КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор филол. наук, кафедра классической филологии филологического факультета МГУ. megasorcatos@yahoo.com
- КУЗЬМЕНКО ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА – аспирантка кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. elena_kuzm@yahoo.com
- КУЗЬМЕНКО ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – докт. филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. ИЛИ РАН. jurij.kusmenko@cms.hu-berlin.de
- КУЛИКОВ ЛЕОНИД ИГОРЕВИЧ – канд. филол. наук., PhD, Assistant Professor, Ghent University. Leonid.Kulikov@UGent.be
- КУЛЛАНДА СЕРГЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ – канд. исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва). kullanda@java.msk.ru
- КУРИЛОВА АННА ДМИТРИЕВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы Астраханского гос. университета. akurilova@mail.ru

- ЛАПЫРЁНОК РОМАН ВИКТОРОВИЧ – канд. истор. наук, доцент кафедры общетеоретических и правовых дисциплин Вологодского гос. педагогического университета. lapyrionok@mail.ru
- ЛОПАШОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН.
- ЛУХОВИЦКИЙ ЛЕВ ВСЕВОЛОДОВИЧ – канд. филол. наук, науч. сотр. Института славяноведения РАН. lukhovitskiy@gmail.com
- ЛЮБЖИН АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ – доктор филол. наук, Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. vultur@mail.ru
- МАЛОМУД АННА МИХАЙЛОВНА – студентка 5-го курса МГУ им. М. В. Ломоносова. annmood@gmail.com
- МАНТОВА ЮЛИЯ БОРИСОВНА – аспирантка Института Высших Гуманитарных Исследований РГГУ. july8@mail.ru.
- МАРКОВА АННА ИГОРЕВНА – главный библиотекарь Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. anna-markova@hotmail.com
- МИХАЙЛОВА (СМИРНОВА) ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – канд. филол. наук, РГГУ, Институт лингвистики, Кафедра древних языков, ст. преп. robinrobin@mail.ru
- МИХАЙЛОВА ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА – докт. филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
- МОЛИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант Центра компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ. maria.molina@me.com
- МОЛЬКОВ ГЕОРГИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – магистр лингвистики, аспирант филологического факультета СПбГУ. egormolkov@rambler.ru
- МУСБАХОВА ВИКТОРИЯ ТАЛГАТОВНА – канд. филол. наук, Салоники (Греция). mousbahova@mail.ru
- НАЙДИЧ ЛАРИСА ЭРИКОВНА – канд. филол. наук, Иерусалимский университет.
- НИКОЛАЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (Nikolaev Alexander) –канд. филол. наук, Ph.D., ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. Assistant Professor of Classical Studies, Department of Classical Studies, Boston University. nikol@bu.edu
- НИКОЛАЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА – канд. исторических наук, доцент кафедры археологии, древнего мира и средних веков Московского гос. областного университета. nikolaeva3145@yandex.ru
- НОВГОРОВОДА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА – Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана РАН (Москва). dnovgorodova@gmail.com
- НОВИКОВА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА – аспирантка МГУ им. М. В. Ломоносова. catharina.pauli.f@gmail.com
- ОГУРЕЧНИКОВА НАТАЛИЯ ЛЬВОВНА – докт. филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации в области зарубежного регионоведения. Московский гос. лингвистический университет. ogurechnikova.nataliya@gmail.com
- ПАНТЕЛЕЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима исторического факультета СПбГУ. a.panteleev@spbu.ru

- ПАРИНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА – канд. филол. наук, научный сотрудник сектора анатолийских и кельтских языков Института языкознания РАН, elena.parina@gmail.com
- ПОДОСИНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор ист. наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Центра антиковедения РГГУ, зав. кафедрой древних языков МГУ им. М. В. Ломоносова. podossinov@mail.ru
- ПОКАТИЛОВА НАДЕЖДА ВОЛОДАРОВНА – доктор филол. наук, вед. научн. сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск). pnv_y-su@mail.ru
- РАБИНОВИЧ ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА – доктор ист. наук; Русский Фонд содействия образованию и науке (Москва), н.с. egr@er1126.spb.edu
- REPANŠEK LUKA – Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Ljubljana. rluka@zrc-sazu.si
- РЫБАКОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА – доцент кафедры древних языков Института лингвистики РГГУ. rybakova_irina@mail.ru.
- САФРОНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры древнего Востока Института востоковедения РАН. safronov1477@yandex.ru
- СЕЛЕЗНЕВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ – канд. филол. наук, доцент Института Восточных Культур и Античности РГГУ, mseleznev@rambler.ru
- СЕРГЕЕВ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ – сотрудник Научной библиотеки СПбГУ. mslogos@yandex.ru
- СИДЕЛЫЦЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, зав. сектором анатолийских и кельтских языков Института языкознания РАН. acidelcev@gmail.com
- СКРЖИНСКАЯ МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – докт. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Украины. kij@bk.ru
- СЛАВЯТИНСКАЯ МАРИНА НИКОЛАЕВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ. classic@philol.msu.ru
- СМОРЧКОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – доктор истор. наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира Российского государственного гуманитарного университета. smorchkovtuber@yandex.ru
- СОЛОПОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ – доктор филол. наук, заведующий кафедрой классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. scatebr@mail.ru
- СОРОКИНА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет. nataliapica@yandex.ru
- СТАРОСТИН ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ – канд. филол. наук, зав. кафедрой истории и филологии дальнего востока ИВКА РГГУ, зав. Центром востоковедения и сравнительно-исторического языкознания ШГИ РАНХиГС (Москва), gstarst@rinet.ru
- ТИМОФЕЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова. firefly86@mail.ru
- ТОПОРОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – д. филол. н., ведущий научный сотрудник Ияз. РАН. t1960@list.ru.

- ТРОФИМОВ АРТЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. artemii.trofimov@gmail.com
- ТРОФИМУК МИРОСЛАВ СТЕПАНОВИЧ – канд. филол. наук, доцент Львовского национального университета имени Ивана Франко. m.trofymuk@gmail.com
- ШЕЛУШПАНОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – священник, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия. and.mod@mail.ru
- ШМАЙНА-ВЕЛИКАНОВА АННА ИЛЬИНИЧНА – доктор культурологии, проф. Центра изучения религий РГГУ. anna.shmaina@gmail.com
- ФАЙЕР ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, доцент факультета филологии НИУ ВШЭ, с. н. с. ИГИТИ им. А. В. Полежаева. librarius@narod.ru
- ФАЛИЛЕЕВ АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ – доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. ИЛИ РАН. axf@aber.ac.uk
- ЧЕПЕЛЬ ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – докторант Университета Рэдинга, Великобритания. e.chepel@pgr.reading.ac.uk; eupraksia@gmail.com
- ЧЕРНЯК АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, abchernyak@mail.ru

Научное издание

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-XVIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы
Международной конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. / Отв.
редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. – 980 с.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Материалы сборника доступны на сайте ИЛИ РАН
<http://iling.spb.ru>

Подписано к печати 3.06.2014

Формат 60х90 1/16

Тираж 500 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1.
main@nauka.nw.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21.

тел./факс: (812)6220123

menager_nestor@list.ru

ISSN 2306-9015

ISBN 978-502-038228-2